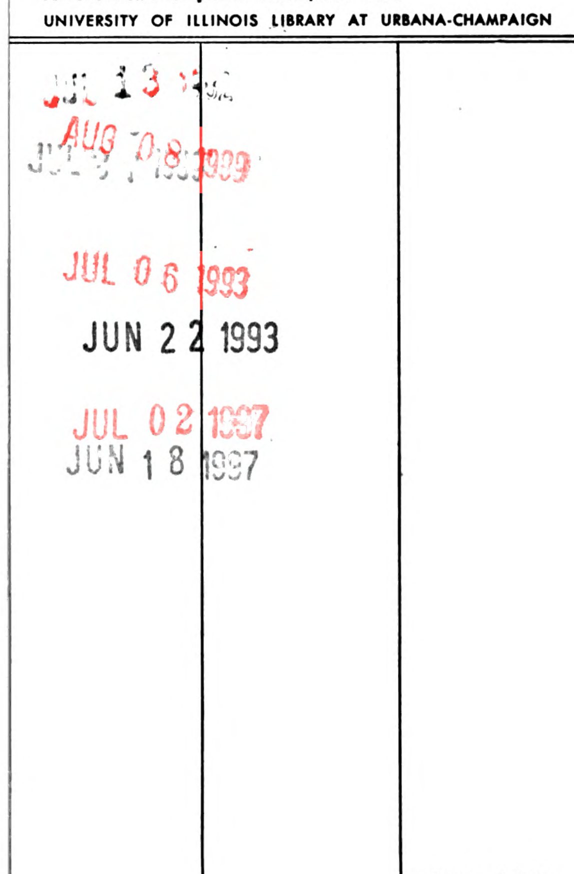

JUL 06 1993
JUN 22 1993
JUL 02 1997
JUN 18 1997

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

АПРѢЛЬ 1914

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 4.

СОДЕРЖАНІЕ:

О-де-Колонъ
и духи
РОЗЫ
(LES ROSES)
ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ
ФЛАКОНАХЪ-ВАЗАХЪ
А. СІУ и Ко.

А. БИТКОВЪ
МОСКВА,
Лубянка, 8-20.
ВСЕ ЛУЧШЕЕ
ВСѢ НОВОСТИ МІРА
для охоты, спорта
и путешествій.
КОЛОССАЛЬНЫЙ ВЫБОРЪ.
УМѢРЕННЫЯ ЦѢНЫ.
Требуйте разцѣнку.

АПРѢЛЬ. 1914.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія СПБ. Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, 21—23, соб. д.
1914.

СОДЕРЖАНІЕ:

Слѣпая душа.

I.

Хотя у Зины и были въ живыхъ и отецъ и мать, но все-таки она была сирота. Родивъ ее, мать сошла съ ума и жила въ лечебницѣ, а отецъ, когда ей было девять лѣтъ, перевелся на службу въ Сибирь. Не желая отрывать дѣвочку отъ привычныхъ условій, онъ оставилъ ее у роддывала ственниковъ въ Одессѣ.

Она прожила пять лѣтъ у бездѣтной тетки, жены одного архитектора; но тетка имѣла слишкомъ тяжелый характеръ: она во всемъ видѣла мрачныя стороны, вѣчно опасалась разныхъ ужасовъ и страшныхъ болѣзней, изводила Зину заботами о ея здоровьѣ и при малѣйшемъ пустякѣ укладывала ее въ постель и звала докторовъ.

Въ четырнадцать лѣтъ Зина не выдержала, написала отцу и перешла жить къ другому своему родственнику, двоюродному брату, молодому, веселому адвокату, имѣвшему жену и двухъ маленькихъ дѣтей. Отецъ аккуратно присылалъ за нее деньги.

Въ пятнадцать лѣтъ Зина была рослой, почти сформировавшейся дѣвушкой, если не красивой, то привлекательной своей свѣжестью, здоровымъ и нѣжнымъ, матовымъ цвѣтомъ лица. Она не была утонченна и хрупка. Ея плечи были широки, руки и ноги крупны. Она хорошо училась. Была очень разсудительна, аккуратна и держала въ большомъ порядкѣ свои вещи и книги.

Но иногда обращалъ на себя вниманіе взглядъ ея чрезвычайно свѣтлыхъ, близко поставленныхъ другъ къ другу глазъ подъ черными, двумя тонкими стрѣлками убѣгающими вверхъ бровями. Въ этомъ взглядѣ и тлѣло что-то, будто неразгорѣвшіяся золотыя искорки, и было тяжелое упорство, и чувствовалась почти звѣриная простота. Тому, кто долго смотрѣлъ въ глаза Зины, начинало казаться, что въ этой

дѣвочкѣ что-то есть. И неизвѣстно почему, въ сердцѣ поднималась смутная жалость, какую испытываешь, встрѣчая отмѣченное самой жизнью существо.

Зина совсѣмъ не думала о своей матери и не скучала объ отцѣ, хотя аккуратно писала ему письма. Два раза онъ пріѣзжалъ на короткое время, и въ послѣдній разъ Зина удивилась, что онъ такой веселый и молодой. Почему-то она рѣшила, что онъ долженъ быть старикомъ.

Она жила очень спокойно, ходила въ гимназію, учила уроки, навѣщала подругъ и обыкновенно чувствовала себя хорошо. Но иногда ей казалось, что все, что она дѣлаетъ, происходитъ во снѣ. Она испытывала тогда не тоску, а странную тяготу, точно она забыла что-то важное и дорогое и не можетъ вспомнить, а вспомнить обязательно надо. Она не находила себѣ мѣста, слонялась по комнатамъ, плакала неизвѣстно о чемъ въ темномъ залѣ, у рояля, иногда подходила къ адвокату и, облокотившись грудью о столъ, изъ нутра говорила:—Коля!..—но не договаривала, садилась гдѣ-нибудь и въ глазахъ у нея было тупое выраженіе страдающаго звѣря.

Адвокатъ былъ высокій, стройный и сильный человѣкъ, всегда веселый, беззаботный и чувствующій себя хорошо. Онъ ничѣмъ не стѣснялся. Возвращаясь ночью домой, хлопалъ дверьми и стучалъ сапогами такъ сильно, что жившій внизу нервный чиновникъ начиналъ бить въ потолокъ половой щеткой и каждую недѣлю жаловался хозяину. Онъ великолѣпно ѣздилъ на велосипедѣ и мастерски игралъ на билліардѣ. Дѣлъ у него было мало и часто не хватало денегъ, но онъ ловко умѣлъ ихъ занимать, твердо вѣря, что скоро будетъ зарабатывать много, и никогда не унывалъ.

Его длинная, худая и нелюдимая жена говорила тихимъ голосомъ, неслышно скользила по комнатамъ въ широкомъ капотѣ, ревновала его ко всему—къ велосипеду, къ билліарду, къ дѣламъ и къ знакомымъ женщинамъ, требовала, чтобы онъ постоянно былъ около нея и послѣ каждой ссоры съ растеряннымъ лицомъ убѣгала въ спальню. Адвокатъ силой раскрывалъ дверь, вырывалъ у нея изъ рукъ пузырекъ съ морфіемъ, въ который давно уже была имъ налита для спокойствія простая вода, успокаивалъ ее, и, вернувшись изъ спальни, шелъ въ комнату учившей уроки Зины, спрашивалъ, не надо-ли ей чего нибудь показать,—и, нагнувшись къ книгамъ, старался ее обнять.

Онъ былъ очень легкомысленъ и, когда Зина рѣзко вырывалась отъ него, беззаботно отходилъ.

Зина испытывала къ нему странныя чувства. Она была

къ нему привязана и ни съ кѣмъ ни была такъ близка, какъ съ нимъ, но смѣлыя прикосновенія волновали и возмущали ее. Иногда она рѣшительно становилась на сторону его жены, начинала считать ее страдалицей и, испытывая настоящее озлобленіе, говорила, упорно глядя ему въ глаза:

— Коля! Ты негодяй...

У адвоката былъ младшій братъ, приватъ-доцентъ. Въ двадцать восемь лѣтъ онъ имѣлъ лысую, какъ колѣно, голову, которой качалъ на ходу направо и налѣво, а его лицо съ зелеными глазами напоминало лицо сатира. Онъ занимался политикой, былъ поглощенъ таинственными дѣлами и носилъ въ карманахъ листки, которые вездѣ терялъ и забывалъ.

Зина влюбилась въ него и цѣлый годъ смотрѣла на него, какъ на божество. Она дрожала, когда онъ, заходя къ брату, мимоходомъ здоровался съ ней, замирала, слушая его голосъ, собирала его окурки, отрѣзала и носила на груди пуговицу отъ его пальто и одинъ разъ была невѣроятно счастлива, подобравъ, послѣ его ухода, на полу пачку листковъ. Она спрятала ихъ подъ подушку, цѣловала ихъ, засыпая и просыпаясь, и, когда онъ пришелъ опять, передала ихъ ему. Онъ разсѣянно сунулъ ихъ въ карманъ, а она едва рѣшилась проговорить:

— Степа, дай мнѣ это прочесть—и долго, какъ святыню, берегла неряшливо отгектографированный листокъ.

У Зины была единственная близкая подруга, Нина Чернова. Это была большая и толстая, какъ боченокъ, дѣвушка съ широкимъ, красивымъ лицомъ. Не смотря на свою гордость тѣмъ, что отецъ ея былъ капитаномъ самаго лучшаго на Черномъ морѣ парохода, она была очень добродушна, проста и болтлива. Она обожала маленькія, вкусныя пирожныя, называемыя пти-фурами, могла съѣдать ихъ до тридцати штукъ и, имѣя, благодаря своему общительному характеру, массу знакомыхъ гимназистовъ и помощниковъ капитановъ, ловко и хитро заставляла себя угощать.

Она стала повѣренной страсти Зины. Нина была тоже влюблена. Она любила высокаго, костляваго актера, который игралъ въ городѣ третій сезонъ. Она не была съ нимъ знакома, но при каждой возможности ходила въ театръ и послѣ спектакля поджидала его на улицѣ. Зина нѣсколько разъ была вмѣстѣ съ ней, и онъ показался ей напыщеннымъ и некрасивымъ. Нина же положительно сходила съ ума: не смотря на свою толщину, прыгала, какъ мячикъ,

пронзительно кричала его имя и бѣжала за нимъ до извозчика.

За то, вмѣстѣ съ Ниной, онѣ стали ходить послѣ гимназіи по той улицѣ, на которой жилъ Степа. Взявшись подъ руку, онѣ проходили нѣсколько разъ—Зина взволнованная, возбужденная, съ горящими глазами—и иногда встрѣчали его. Качая головой въ тактъ шаговъ, онъ проходилъ мимо, останавливался (онъ уже зналъ о любви къ нему Зины), снисходительно и небрежно бросалъ нѣсколько словъ—онъ не находилъ, о чемъ говорить съ этимъ пятнадцатилѣтнимъ подросткомъ—и прощался.

Зина, схвативъ Нину подъ руку, безумно счастливая, неслась съ ней домой и, замирая, вспоминала каждое его слово цѣлый день.

II.

На лѣто адвокатъ съ женой и дѣтьми и съ Зиной переѣзжалъ на дачу. Первые годы ѣздили на Лиманъ и жили у Зининой тетки. Ея мужъ, архитекторъ, имѣлъ тамъ свою дачу.

Но постепенно тамъ дѣлалось все тоскливѣе. Тетка изнуряла всѣхъ заботами о здоровьѣ, страхами болѣзней и вѣчными ужасами за Степу, котораго за его дѣятельность могли арестовать.

Тамъ были старыя, почтенныя приживалки, съ болѣзнями и горестями, о которыхъ всѣ должны были скорбѣть. Былъ отвратительный, жирный мопсъ, который тиранствовалъ надъ всѣмъ домомъ. Былъ попугай, котораго, когда онъ садился кому-нибудь на плечо, никто не смѣлъ снять, потому что онъ огорчался и заболѣвалъ. Скромнѣе и незамѣтнѣе всѣхъ былъ самъ архитекторъ, сутулый, съ большой бородой, совсѣмъ задерганный деспотическими заботами жены, не смѣвшій даже самъ размѣшать себѣ сахаръ въ стаканѣ чая, ложившійся, когда приходилось невмоготу, на кровать и съ убитымъ видомъ лежавшій, задравъ къ верху острыя колѣни.

Жена адвоката не захотѣла больше жить тамъ. Она теряла всякое значеніе и становилась на одну доску съ приживалками, попугаемъ и мопсомъ. Кромѣ того, тамъ было много красивыхъ женщинъ, къ которымъ она ревновала своего мужа. Ей по два раза въ недѣлю приходилось убѣгать въ спальню и травиться простой водой и она, наконецъ, заявила, что живетъ здѣсь въ послѣдній разъ.

На слѣдующее лѣто поѣхали въ противоположную сторону, къ морю, въ самое далекое изъ всѣхъ дачныхъ мѣстъ.

На самомъ краю крутого обрыва, падающаго на поросшій вѣтвистыми чумаками, терновникомъ, будякомъ, полынью и безсмертниками берегъ, стоялъ низенькій домикъ изъ пяти комнатъ. Обвитая дикимъ виноградомъ терраса выходила на дорогу, по которой и днемъ и ночью звѣрски избиваемыя кнутами измученныя лошади тащили возы гравія и песку. Домикъ заросъ густой порослью сирени, орѣшника и бузины, въ которой извилисто бѣжали тѣнистыя дорожки. Назадъ, къ большой дорогѣ, тянулся садъ, гдѣ въ зелени деревьевъ и кустовъ тонули другіе домики, а по краю обрыва, на знойномъ солнцепекѣ лежали виноградники, огороды съ тыквами, помидорами и баклажанами и участки съ высокой, растрепанной кукурузой.

Внизу, стоило только сбѣжать по крутой тропинкѣ къ берегу съ обрушенными красными камнями, глиняными осыпями, съ бѣлыми боками песчаника, разстилалось море, залитое солнцемъ, красное отъ взбитой прибоемъ глины у береговъ, зеленое дальше, темно-синее и нѣжно-бирюзовое, съ серебристыми дорогами теченій на горизонтѣ.

Зина въ первый разъ попала на такую дачу и море захватило ее. Блестя глазами, безотчетно радуясь, она цѣлыми днями сидѣла въ саду, подъ орѣшниками и каштанами, и три раза въ день ходила купаться. Жена адвоката, какъ всегда, въ широкомъ капотѣ, съ растеряннымъ лицомъ, бродила по домику, разыскивала дѣтей, съ которыми возилась въ саду кругленькая, сѣденькая няня, заглядывала въ кухню и выходила на большую дорогу къ конкѣ, поглядѣть, не ѣдетъ ли мужъ. А онъ все утро проводилъ въ городѣ, слушалъ въ судѣ анекдоты, болтался по билліарднымъ и подъ вечеръ стрѣлой мчался двѣнадцать верстъ на велосипедѣ, чувствуя, что не миновать ему ревнивой сцены и слезъ.

Кругомъ было много знакомыхъ. По ту сторону большой дороги, въ такомъ же густомъ саду, застроенномъ дачными домиками, жило семейство Монтиковъ, гдѣ былъ цѣлый выводокъ барышенъ, къ которымъ каждую субботу пріѣзжали изъ города подруги. Зина быстро подружилась съ гимназисткой Лелей, черноволосой дѣвушкой съ гибкой фигурой и широкими плечами, которая, какъ бѣлка, лазила по деревьямъ и заплывала въ море чуть не до самаго парохода, идущаго въ Аккерманъ.

Дальше по обрыву. въ красномъ домѣ, построенномъ среди хлѣбнаго поля, жилъ молодой нотаріусъ съ женой, которая была значительно старше его.

Его жена имѣла состояніе, у него были автомобиль, на которомъ онъ ѣздилъ въ городъ, моторная лодка и яхта.

Когда-то онъ былъ актеромъ и теперь, мало занимаясь своимъ дѣломъ, дружилъ съ артистами и художниками, игралъ на любительскихъ спектакляхъ, читалъ на концертахъ стихи и, главнымъ образомъ, покорялъ женскія сердца.

Онъ былъ хорошо знакомъ съ адвокатомъ и заходилъ почти каждый вечеръ. Небольшого роста, широкоплечій, ловкій и сильный, съ очень красивыми глазами, онъ говорилъ звучнымъ голосомъ, пышными фразами, дѣлая размашистые жесты и откидываясь назадъ, чтобы увеличить маленькій ростъ.

Пожилая жена не мѣшала ему и вокругъ него всегда было нѣсколько барышенъ, которыя были въ него влюблены. Зину потянуло къ нему любопытство, какъ къ опасному человѣку, о которомъ съ восхищеніемъ и тайнымъ страхомъ разсказывала ей Леля Монтикъ. Въ прошломъ году у нея была съ нотаріусомъ какая-то исторія, о которой она говорила неясными намеками.

Зинѣ уже исполнилось семнадцать лѣтъ. Ея формы развились, въ лицѣ появилось особенное выраженіе. Въ ней бродили непонятныя силы и она съ удовольствіемъ видѣла въ зеркалѣ, какъ влажно и таинственно мерцали ея очень свѣтлые, съ темными ободками, зрачки. Она получила значеніе въ глазахъ мужчинъ. Она чувствовала это по тому, какъ смотрѣлъ на нее иногда адвокатъ и какъ въ ея присутствіи нотаріусъ напрягался и начиналъ говорить красивѣе, звучнѣе и громче. Она замѣтила также, что онъ искалъ встрѣчъ съ ней и по вечерамъ его бѣлый пиджакъ и панама часто мелькали среди кукурузы, по тропинкѣ надъ обрывомъ.

Они встрѣчались иногда, когда вмѣстѣ съ Лелей и другими барышнями, съ полотенцами на плечахъ, свѣжія и оживленныя, онѣ шли съ купанья. Зина видѣла тогда, какъ при взглядѣ на нее у нотаріуса начинали блестѣть глаза и какъ самъ онъ почему-то дѣлался мужественнѣе и красивѣе. Онъ присоединялся къ нимъ, провожалъ ихъ, все время, не умолкая, говорилъ и при прощаньи особенно жалъ ей руку, въ упоръ глядя блестящими глазами.

Она сама сдѣлала первый шагъ. Вышла, увидѣвъ на обрывѣ его панаму, и улыбнувшись сама себѣ, пошла прямо на встрѣчу ему.

— Боже, какъ я радъ!—восклицалъ нотаріусъ.—Вы положительно не уловимы. Вы всегда съ подругами. А я такъ хотѣлъ васъ видѣть, съ вами поговорить!

Онъ говорилъ ей, что въ ней есть что-то особенное, ни на одну дѣвушку непохожее, пахучее и дикое, и что его съ перваго взгляда поразили ея глаза. Онъ уговаривалъ ее:

— Ну, покажите же мнѣ ихъ! Взгляните прямо на меня!

Когда, же потупившись и засмѣявшись, она поглядѣла, онъ восторженно продолжалъ:

— Какъ вы очаровательны! Сколько въ васъ настоящаго, степного! Я помню, я заснулъ въ полдень на курганѣ, въ степи. Я видѣлъ сонъ. Мнѣ кажется теперь, что это васъ я видѣлъ тогда во снѣ.

Онъ говорилъ какъ актеръ, декламирующій роль, а Зина слушала его со смѣшаннымъ чувствомъ. Она не вѣрила ни одному слову, точно угадывая какую-то ловушку, но въ то же время ей льстило и ее завораживало и убаюкивало, какъ на теплыхъ морскихъ волнахъ.

Нотаріусъ повелъ ее показывать свои любимыя мѣста, восторгался вечернимъ небомъ, моремъ, похожими на крѣпости и башни облаками и декламировалъ стихи. Зина молчала и слушала, улыбаясь не то насмѣшливо, не то удовлетворенно. Когда они разстались уже въ темнотѣ, нотаріусъ умоляюще восклицалъ:

— Но мы увидимся еще? Вы придете? Завтра? Да? Я буду такъ васъ ждать!

Зина осталась совершенно спокойной и нотаріусъ показался ей даже менѣе интереснымъ, чѣмъ прежде. Онъ утомлялъ ее своими восклицаніями, его паѳосъ казался немного смѣшнымъ и она про себя рѣшила, что онъ порядочный врунъ. Но ни слова не сказала объ этомъ своей новой подругѣ, Лелѣ Монтикъ, и на слѣдующій вечеръ встрѣтилась съ нимъ опять. Ей было любопытно посмотрѣть, что будетъ дальше.

Во второй разъ онъ очень интересно разсказывалъ ей о своемъ несчастномъ дѣтствѣ, а въ третій разъ о своей первой любви, которую испыталъ, когда ему было двѣнадцать лѣтъ. Онъ подолгу, съ непонятнымъ выраженіемъ смотрѣлъ на нее своими красивыми глазами, бралъ ея руку, которую она сначала отнимала, пожималъ ее и пытался поцѣловать.

Черезъ недѣлю, встрѣтившись снова, они вышли по морскому берегу къ степи и поднялись по хлѣбному полю. Зина сѣла на каменистомъ бугрѣ, нотаріусъ помѣстился у ея ногъ.

Позади заходило солнце. Стекла далекихъ домовъ горѣли, какъ красные костры, и лучи заката накидывали на поля малиновую кисею. Нотаріусъ, не отрываясь, глядѣлъ на Зину блестящими глазами и ей было пріятно слушать, какъ онъ повторялъ, что она прекрасна, что онъ любитъ ее, и благодарилъ, что она пришла. Онъ читалъ стихи, бралъ ея руку и цѣловалъ, впиваясь въ кожу, точно онъ ѣлъ ее. Зинѣ было щекотно, у нея замирало сердце и ей дѣлалось почему-то смѣшно.

— Зина!—говорилъ онъ растроганнымъ голосомъ.—Скажите, любили ли вы уже? Раскажите мнѣ, что вы чувствовали, кто былъ онъ?

Когда Зина отвѣтила, что она не любила еще никого, онъ снова посмотрѣлъ на нее горящими глазами, потомъ умоляюще зашепталъ:

— Полюбите меня! Я такъ одинокъ, у меня въ душѣ такая пустота! Мнѣ такъ нужна ваша любовь!..—И, неожиданно кинувшись, началъ ее цѣловать. Зина никакъ не смогла бы разсказать, что она испытала въ это короткое мгновеніе. Но, вырвавшись, она вскочила и быстро пошла. Нотаріусъ бѣжалъ за ней и твердилъ:

— Простите меня. Я забылся. Я такъ люблю васъ!.. Дайте мнѣ вашу руку...—Но она, не обращая на него вниманія, ускоряла шаги.

III.

Ея свиданія съ нотаріусомъ были замѣчены. Адвокатъ началъ высмѣивать его передъ Зиной. Онъ почувствовалъ легкую ревность, точно у него захотѣли отнять то, что ему принадлежитъ по праву, и, какъ это часто бываетъ, у него неожиданно раскрылись на Зину глаза.

Онъ началъ раньше пріѣзжать изъ города и, успокоивъ ревнивую жену, отправлялся искать Зину. Найдя ее, онъ, какъ большой лягавый песъ, упрямо и покорно, хотя и немного шутливо, ухаживалъ за ней. Расцвѣтающая съ каждымъ днемъ дѣвушка, жившая, дышавшая, спавшая рядомъ, появлявшаяся въ непринужденности домашней обстановки, все сильнѣе влекла его къ себѣ. Встрѣчаясь на узкихъ тропинкахъ среди сиреневой заросли, онъ бралъ ее за руку и не столько говорили его шутливыя слова, сколько взгляды и переливающій желанія трепетъ прикосновеній. Нѣсколько разъ, какъ бы нарочно, онъ входилъ въ ея комнату, когда она переодѣвалась, и потомъ дразнилъ ее тѣмъ, что видѣлъ.

Высокій, сильный, ловкій и смѣлый, онъ дѣйствовалъ на Зину еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Иногда, вырвавшись изъ его рукъ, послѣ чего онъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, шелъ своей эластичной поступью дальше, она убѣгала, садилась на любимой скамейкѣ, на боковой аллеѣ и дрожала отъ возбужденія, негодованія и стыда.

Въ концѣ іюня появился еще одинъ претендентъ—пріѣхавшій изъ Петербурга знакомый адвоката, писатель. Онъ поселился на сосѣдней дачѣ и заходилъ каждый день. Онъ былъ неуклюжъ, не смотря на молодость, толстъ, какъ чурбанъ, имѣлъ выразительное, но некрасивое и недоброе лицо, и время отъ времени исчезалъ съ дачи въ городъ, гдѣ

сильно пилъ по нѣсколько дней. Когда же, протрезвившись, возвращался домой, то былъ вкрадчиво и обаятельно вѣжливъ, быстро, какъ шаръ, катясь на своихъ короткихъ обрубкахъ-ногахъ.

Своими прищуренными, зоркими глазами онъ сразу замѣтилъ и выдѣлилъ Зину и „скромно“, какъ онъ выражался, присоединился къ ухаживаніямъ адвоката и нотаріуса.

Стояли знойные дни. Солнце заливало ослѣпительнымъ свѣтомъ дачи, и степь, и море. Хотѣлось цѣлый день не выходить изъ воды. Въ темные прохладные вечера небо мерцало и горѣло лучистыми звѣздами и море вспыхивало на прибоѣ синимъ блескомъ. Вокругъ плывущей лодки загорался отъ всплесковъ веселъ голубой пожаръ.

Въ жизни каждой дѣвушки бываетъ моментъ, вызывающій силы, которыя опредѣляютъ потомъ всю дальнѣйшую жизнь. Такимъ было это лѣто для Зины.

За ней ухаживали сразу три взрослыхъ человѣка и каждый изъ нихъ былъ для нея интересенъ. Всѣ три постоянно ее искали, желали, завидовали другъ другу и употребляли всѣ усилія, чтобы встрѣтиться наединѣ. Бывало такъ, что она выходила вечеромъ къ обрыву, видѣла вдали приближающагося нотаріуса, уходила отъ него и натыкалась на адвоката. Едва успѣвала уклониться отъ него, какъ откуда-нибудь, изъ-за кустовъ сирени, или бузины, появлялось хитрое лицо писателя. Иногда неожиданно они сходились всѣ вмѣстѣ. Тогда адвокатъ и писатель, заключивъ союзъ, начинали высмѣивать нотаріуса и Зина становилась центромъ стремленія силъ.

Эти силы дѣйствовали на нее. Онѣ вызывали въ ней глубокое безпокойство. Она не любила никого, ей даже почти не нравился ни одинъ изъ трехъ. Отдаленно и смутно она хранила въ сердцѣ одинъ только образъ Степы, но и тотъ сильно потускнѣлъ. Эти трое только волновали ее, она чувствовала свою ничѣмъ не заслуженнную власть и ей дѣлалось обидно за нихъ и за себя. Кромѣ того, жена адвоката стала ее сильно ревновать. Она почти перестала разговаривать съ ней, ходила по дому, какъ тѣнь, что-то бормотала безкровными губами и за обѣдомъ, когда адвокатъ говорилъ съ Зиной или даже смотрѣлъ на нее, блѣднѣла, откидывалась на стулъ и убѣгала въ спальню травиться.

Зина растерялась. Ей казалось иногда, что надъ ней совершаютъ большое преступленіе, что у нея ищутъ и требуютъ совсѣмъ не того, что она хотѣла бы и могла бы дать. Невысказанно и смутно она искала совсѣмъ другого—нѣжнаго участія, дружеской ласки, заботы, а главное,—указанія, для чего и какъ надо жить. Это все больше мучило ее.

Иногда ей хотѣлось о чемъ-то говорить, объ очень важномъ, чего она не могла выразить сама. И, какъ въ дѣтствѣ, ею снова овладѣла больная тоска.

Иногда неумѣло, запутанно она спрашивала своихъ поклонниковъ о томъ, какъ и для чего надо жить. Отъ всѣхъ трехъ она получала въ разныхъ словахъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что жить надо для наслажденія. А наслажденіе въ поцѣлуяхъ, въ объятіяхъ и въ любви. И каждый начиналъ цѣловать ея руки, отчего у нея замирало болѣзненно сердце.

Она говорила о томъ же съ Лелей Монтикъ. Для Лели Монтикъ цѣль жизни была, кончивъ гимназію, поступить въ медицинскій институтъ. У нея была старшая сестра — ея цѣлью жизни было поступить на сцену. Однѣ хотѣли выйти замужъ за богатаго, другія за любимаго, третьи хотѣли путешествовать, четвертыя учиться. Какъ-то пріѣхала въ гости на два дня толстая Нина, жившая со своими на дачѣ гдѣ-то очень далеко. Она громко хохотала, разсказывала объ актерѣ, въ котораго была по прежнему влюблена и который жилъ неподалеку отъ нихъ и не имѣла, да и не считала нужнымъ имѣть никакой цѣли жизни.

Тоска росла и заслоняла все. Зина не хотѣла никого видѣть, уныло сидѣла одна, потомъ, неожиданно рѣшившись, однажды утромъ поѣхала въ городъ.

Она захотѣла повидать свой первый идеалъ, свое божество, Степу. Онъ уѣзжалъ на цѣлый годъ въ Петербургъ и, по пріѣздѣ, рѣдко бывалъ у брата, такъ что Зина почти не встрѣчала его. Ей показалось теперь, что она сможетъ разсказать Степѣ все, что онъ все пойметъ и все ей объяснитъ. Онъ пришла къ нему на квартиру, оторвала его отъ работы и спросила:

— Степа, скажи мнѣ, для чего надо жить? Ты хорошій и умный. Ты знаешь все.

Степа, покачивая направо и налѣво головой, расхаживалъ по комнатѣ и говорилъ. Зина слышала много непонятныхъ и мудреныхъ словъ, случайно понимала что-то, иногда передъ ней неясно вставало что-то, но это было не то. Ей надо было простого, яснаго, такого, что сразу напоило бы ея душу, а Степа показался ей холоднымъ и чужимъ.

Она проговорила жалко:

— Степа, у меня тоска! Такая тоска...

Она чувствовала себя слѣпымъ щенкомъ, ползающимъ въ темнотѣ. Куда? Къ кому? Зачѣмъ? Она заплакала, потомъ стала рыдать, уронивъ голову на столъ.

Степа въ недоумѣніи ходилъ, принесъ ей воды и смѣшно

утѣшалъ. Ему было скучно. Зина поднялась, заторопилась и ушла.

Она ѣхала назадъ въ страшной тоскѣ и, пріѣхавъ, пошла прямо на обрывъ, сѣла на скамейкѣ и смотрѣла на море, катящее рядами волны прибоя, на нижній берегъ съ горбами, холмиками и лощинами, поросшій боярышникомъ и чумаками. Подойдя къ самому обрыву, она поглядѣла на десятисаженную глинистую стѣну, срывающуюся внизъ, и у нея тоскливо мелькнула мысль, что хорошо бы было кинуться внизъ.

Но вдали, на тропинкѣ между растрепанныхъ стеблей кукурузы мелькнули бѣлый пиджакъ и панама нотаріуса. Зина встала и пошла ему на встрѣчу. Они давно уже не видались наединѣ.

IV.

— Вы?—воскликнулъ нотаріусъ—какое счастье! Я ходилъ и мечталъ о васъ, глядя на море, и совсѣмъ не надѣялся увидѣть васъ. Зина, пойдемте со мной. Мнѣ такъ много надо вамъ сказать!..

Зинѣ было все равно. Сойдя съ обрыва, они пошли по низкому берегу и спустились къ самому морю. Нотаріусъ смотрѣлъ на нее горячими глазами и нѣжно спрашивалъ, почему она такъ печальна. У моря онъ взялъ ее выше локтя и, тихо прижимая, велъ впередъ по камнямъ.

— Пойдемте, я покажу вамъ одно чудесное мѣсто,— говорилъ онъ. Они подошли къ мыску, образованному большой, коричневой скалой, за которой раскрывалась маленькая бухта съ ровнымъ и желтымъ, какъ крупинки меду, пескомъ.

— Сядьте здѣсь!—взволнованно шепталъ нотаріусъ, усаживая Зину на плоскій камень.—Вы будете сидѣть здѣсь, какъ царица на тронѣ, а я лягу у вашихъ ногъ.

Зинѣ было все равно.—Такая тоска! Такая тоска!..—уныло повторяла она. Глаза нотаріуса блестѣли безпокойнымъ и острымъ огнемъ.

Солнце зашло, начала быстро спускаться ночь. Здѣсь, подъ высокимъ берегомъ, было почти совсѣмъ темно. Море легкими всплесками набѣгало на песокъ, разстилалось тонкой пеленой и, вспыхивая туманнымъ отблескомъ, съ тихимъ шорохомъ скатывалось назадъ. Надъ темной водой загорѣлся яркій Юпитеръ и отразился вдали такимъ же туманнымъ сіяніемъ. Зина чувствовала въ себѣ такую пустоту, точно провалился весь міръ.

Сидя у ея ногъ, прижимая свою голову къ ея колѣнямъ, нотаріусъ запрокидывалъ къ ней смутно бѣлѣвшее въ тем-

нотѣ лицо и страстнымъ шепотомъ говорилъ какіе-то стихи. Потомъ еще страстнѣе повторялъ:

— Зина! Я люблю васъ. Чудесная, ароматная дѣвушка, я люблю васъ!..

Онъ все сильнѣе прижимался къ ней головой и плечомъ, обнимая ея колѣни. Зинѣ было все равно. Ею владѣла безмѣрная, черная, какъ это море, тоска, и міръ былъ для нея такъ же непонятенъ и теменъ, какъ ночь.

Ей было все равно, когда онъ впивался въ ея губы, шепча неясныя слова. Ей было нужно совсѣмъ другое, но она равнодушно позволила сдѣлать надъ собой все, что онъ хотѣлъ, какъ бы смутно понимая, что, все равно, отъ этого ей уже не уйти.

Фальшиво и дѣланно нотаріусъ, стоя на колѣняхъ, повторялъ:

— Какое блаженство! Какое бездонное счастье! Моя душа сіяетъ отъ свѣта.—И она, вскочивъ, въ страшномъ смятеніи побѣжала домой.

Цѣлую недѣлю то, что случилось, представлялось Зинѣ чудовищнымъ. Она была отвратительна сама себѣ. Она избѣгала всѣхъ, сидѣла одна на затерянныхъ въ сирени лавочкахъ и ужасалась. Когда адвокатъ или писатель пытались подойти къ ней, она вставала и уходила. Еще рѣшительнѣе уходила она, когда видѣла вдали панаму нотаріуса. Къ нему она чувствовала ненависть. Когда, дня черезъ три, онъ незамѣтно подошелъ къ ней на морскомъ берегу и проговорилъ страстнымъ голосомъ: — Зина!.. — она отшатнулась и у ней вырвалось одно только рѣзкое:

— Уйдите!..

— Зина!.. — повторилъ онъ, догоняя и стараясь взять ее за руку.—Зина! Что вы имѣете противъ меня? Не уходите!..— но она, ускоряя шаги и не оборачиваясь, проговорила:

— Вы—негодяй!

Въ глубокой тоскѣ ей хотѣлось найти кого-нибудь, къ кому можно было бы придти и съ рыданьями все разсказать. Нѣсколько разъ она готова была написать все отцу, но не могла рѣшиться. Она разсказала бы все женѣ адвоката, но та, ревнуя ее къ мужу, была съ ней холодна и суха, какъ чужая. Больше не было никого. Зина была совсѣмъ одна. И она съ тоской бродила по дачѣ, по обрыву и по берегу, избѣгая мужчинъ и инстинктивно держась ближе къ женщинамъ. Но по ночамъ, оставаясь совсѣмъ наединѣ съ собой, она необыкновенно ясно понимала, что жить больше ей нельзя.

Черезъ пять дней, отправившись съ Лелей Монтикъ и другими барышнями купаться, она заплыла далеко въ море,

и у ней неожиданно мелькнула мысль, что такъ можетъ придти конецъ. Оглянувшись, она увидала далеко позади себя блестящія тѣла, похожій на стѣну обрывъ съ садами дачъ, высоко стоящее солнце и ясно запомнила, что впереди море было серебристое и свѣтлое, позади же темное, съ фіолетовымъ отливомъ волнъ. Радостно вздохнувъ, она поплыла впередъ и скоро стала уставать. Ей было нечѣмъ дышать, сердце съ болью колотилось въ груди, она съ ужасомъ почувствовала, что сейчасъ будетъ тонуть, и въ тотъ же моментъ съ головой ушла въ воду. Она увидала равнодушную темноту, снова свѣтъ и игру волнъ, радужнымъ колесомъ въ ней завертѣлись мысли и она стала биться и кричать. Но, уже хлебнувъ горькой воды, увидала быстро взмахивающую руками Лелю Монтикъ, которая крикнула: — Держись за меня!—и, подсунувъ подъ нее спину, приподняла ее надъ водой.

Зина долго отдыхала на берегу и, отвѣчая на разспросы, жалѣла, что не утонула. Идя домой, она съ унылой жалобой сказала Лелѣ:

— Зачѣмъ ты меня спасла?

Вечеромъ мысль о смерти окончательно овладѣла ею. Она цѣлую ночь думала о томъ, гдѣ бы достать ядъ или револьверъ. Но ни того, ни другого не было. На слѣдующій день, проходя надъ обрывомъ, она подумала, что можетъ убиться, кинувшись внизъ. Дождавшись темноты, она пошла мимо виноградника и кукурузы, вышла на край обрыва, гдѣ онъ былъ глубже и круче всего, и заглянула внизъ. У нея закружилась голова. Она долго колебалась, наконецъ, сѣла на край, свѣсивъ ноги внизъ. Ей сдѣлалось страшно, она хотѣла откинуться назадъ, но земля сорвалась и вмѣстѣ съ Зиной полетѣла внизъ.

Она даже не сломала себѣ ничего и только изорвала на спинѣ платье и сильно оцарапала бокъ. Она зацѣпилась за глиняный выступъ посрединѣ обрыва и вмѣстѣ съ нимъ покатилась дальше, ударившись внизу о мягкія вѣтки чумака.

Полежавъ съ полчаса, она встала и оглушенная, со звономъ въ головѣ, обошла дорогой, поднялась снова на обрывъ и, ничего не понимая, сѣла на скамейкѣ, пока ее не стали звать къ ужину.

Больше Зина не пробовала убивать себя. Ей сдѣлалось легче. Черезъ нѣсколько дней она разсказала своей спасительницѣ Лелѣ Монтикъ все, что съ ней случилось, и это окончательно успокоило ее.

V.

Послѣ этого въ Зинѣ произошелъ переломъ. Она какъ бы сразу возмужала и сдѣлалась взрослой. Въ ней исчезли порывы и исканія, бродившія прежде, и ей показалось, что она поняла самую суть жизни, заглянула въ ея самыя скрытыя глубины.

Она никогда не мечтала особенно о любви. Теперь же, ни разу не любивъ, какъ слѣдуетъ, она молча рѣшила, что настоящей, хорошей любви нѣтъ, что это все сказки и что есть одна физическая страсть. Въ ея душѣ образовался темный провалъ, на днѣ котораго притаилась тоска.

Она дожила это лѣто на дачѣ. За ней продолжали ухаживать адвокатъ и писатель. Съ нотаріусомъ она не хотѣла больше встрѣчаться и упорно его избѣгала, не смотря на всѣ старанія съ его стороны. Онъ сталъ ей противенъ. Почему, она не знала и сама.

Въ то же время она наслаждалась сознаніемъ своей женской власти надъ адвокатомъ и писателемъ, кокетничая и дразня ихъ, и они, какъ два оруженосца, одинъ—высокій и стройный, другой—короткій и толстый, всюду, соревнуя и шутливо ссорясь, слѣдовали за ней.

Ей нравился писатель своей льстивой покорностью, хитрой хищностью и осторожной выдержкой, съ которой онъ къ ней подходилъ. Кромѣ того онъ былъ, дѣйствительно интересный и яркій человѣкъ, запутанный, неожиданный и сложный, съ душой попавшаго въ культурный міръ дикаря. Къ концу лѣта, просто изъ любопытства, Зина близко сошлась съ нимъ. Адвокатъ догадывался объ этомъ и неотступно, не смотря на попытки на самоубійство своей жены, волнуясь и ревнуя, ходилъ за ней по пятамъ.

Зиму Зина жила у своей старой тетки, такъ какъ жена адвоката выжила ее, какъ слишкомъ опасную соперницу, изъ своего дома. Она была уже въ восьмомъ классѣ, ей оставалось проучиться только одну зиму. Дальше она была свободной дѣвушкой.

Отецъ писалъ ей длинныя письма, въ которыхъ жаловался на то, что онъ одинокъ, и повторялъ, какъ любитъ ее и какъ хочетъ повидать. Его дѣла шли хорошо и онъ присылалъ ей много денегъ, такъ что ея кошелекъ былъ всегда полонъ. У нея появилась любовь къ нарядамъ и большой вкусъ. Ею овладѣла вмѣстѣ съ тѣмъ настоящая страсть къ новымъ знакомствамъ. Пользуясь свободой частной гимназіи и держа въ вѣчномъ ужасѣ тетку, Зина, вмѣстѣ съ своей неизмѣнной подругой, толстой Ниной (онѣ такъ и были из-

вѣстны подъ одной кличкой Зина и Нина) встрѣчалась съ своими безчисленными знакомыми и поклонниками на скетингъ-рингѣ, на каткѣ, въ кинематографахъ и частныхъ домахъ. И Нина, до сихъ поръ вѣрно влюбленная въ высокаго, костляваго актера, который снова былъ приглашенъ на зимній сезонъ, съ удивленіемъ говорила своей подругѣ:

— Зина! Ты, право, сумасшедшая. Развѣ такъ можно? Ну, если бы одинъ, я понимаю. А то сразу съ десятью! Ты какая-то безумная!

Дѣйствительно, Зина была, какъ безумная. Она каждый день имѣла по нѣсколько свиданій и съ весело озабоченнымъ видомъ спѣшила съ одного на другое. Она увлекалась однимъ велосипедистомъ съ тупымъ, стриженнымъ затылкомъ, однимъ игрокомъ съ наглыми глазами, который считался шулеромъ, однимъ судейскимъ съ картавымъ говоромъ и съ моноклемъ въ глазу, однимъ грузиномъ-студентомъ, однимъ актеромъ изъ театра миніатюръ и многими другими. Со всѣми она самымъ точнымъ образомъ встрѣчалась, иногда, вмѣстѣ съ Ниной, тайкомъ кутила въ отдѣльныхъ кабинетахъ, вела сложную любовную игру, приближала и отталкивала, возбуждала надежды и ревность, часто танцуя по самому краю бездны, иногда сваливаясь въ нее и точно стараясь этой суетой и угаромъ заполнить разроставшуюся въ душѣ пустоту. И въ то же время на своихъ увлеченіяхъ внимательно и точно провѣряла правильность взгляда, что настоящей любви не бываетъ.

Иногда, послѣ долгихъ и усиленныхъ просьбъ адвоката, она встрѣчалась и съ нимъ и тогда на нее находило желаніе уныло жаловаться на свою судьбу.

— Знаешь, Коля,—говорила она.—Все-таки мнѣ кажется что я кончу тѣмъ, что убью себя. Мужчины всѣ гадки и подлы, а жизни я совсѣмъ не понимаю.

Адвокатъ, влюбленный и безпокойный, цѣловалъ у нея руки, потомъ пытался привлечь къ себѣ, но она отталкивала его и грозила:

— Коля! Я сейчасъ уйду...

Доступная иногда другимъ, она, по непонятной прихоти, можетъ быть, потому, что слишкомъ ужь хорошо его знала, оставалась всегда недоступной ему, а за это онъ любилъ ее все сильнѣе.

Она кончила гимназію и поѣхала къ отцу, котораго перевели въ губернскій городъ въ центрѣ Россіи. Онъ занималъ хорошее мѣсто. Зинѣ было жаль уѣзжать изъ города, гдѣ она провела дѣтство, ей было грустно разставаться съ Ниной, но ей такъ страстно хотѣлось повидать наконецъ отца, что она съ радостью сѣла въ вагонъ.

VI.

Она боялась встрѣчи съ отцомъ. Ей казалось, что онъ сразу же, по первому взгляду, узнаетъ все, что она пережила. И въ то же время ей такъ хотѣлось узнать и полюбить его, что у нея накипали въ груди слезы и становились влажными глаза. Вѣдь это былъ для нея самый близкій во всемъ свѣтѣ человѣкъ! До сихъ поръ она не любила никого и никого не считала себѣ близкимъ и роднымъ. А его она можетъ полюбить, потому что онъ самъ будетъ любить ее не потому, что она ему для чего-нибудь нужна, а просто потому, что она его дочь.

Отецъ не измѣнился и не постарѣлъ. Онъ былъ все такой же высокій, немного сутулый, бѣгающій мелкими шагами, съ рѣдкими волосами, съ крашенными усами и бородой. Онъ заплакалъ, встрѣтивъ ее на вокзалѣ, засуетился и, когда они ѣхали домой, цѣловалъ ей руки и повторялъ:

— Но какая ты красивая!.. Настоящая дама... И какъ ты похожа, какъ похожа!..

Отецъ не договаривалъ, на кого она похожа, но Зина понимала, что онъ говоритъ о матери, которая до сихъ поръ была въ лечебницѣ. Поддавшись настроенію, она растроганно сказала:

— Папа! Я хочу повидать маму. Съѣздимъ къ ней.

Но отецъ сейчасъ же перевелъ разговоръ на другое.

Онъ приготовилъ для Зины чудесную комнату въ своей большой квартирѣ, суетливо бѣгалъ, время отъ времени цѣлуя ея руки, и Зину удивлялъ его странный видъ. Когда они сидѣли за чаемъ, она не удержалась и спросила наконецъ:

— Папа! Отчего у тебя точно виноватое лицо?

Черезъ нѣсколько времени она открыла причину этого. Отецъ, стыдясь и скрываясь, много пилъ. Онъ пилъ дома, за обѣдомъ и ужиномъ, но вечеромъ уѣзжалъ въ клубъ и, возвращаясь, тщательно старался не встрѣчаться съ Зиной. А, кромѣ того, хозяйствомъ завѣдывала полная и красивая женщина, Елена Ивановна, съ которой отецъ давно уже жилъ.

Зинѣ было мучительно жаль милаго, добраго и слабаго отца. И ей было тяжело слушать, какъ иногда, когда онъ возвращался, тяжело ступая, изъ клуба, Елена Ивановна крикливо бранила его, а онъ только просилъ говорить тише, чтобы не слышала дочь. На слѣдующее утро у него былъ всегда еще болѣе, чѣмъ обыкновенно, виноватый видъ и

послѣ обѣда онъ возилъ Зину по магазинамъ и накупалъ ей кучу пустяковъ.

Ему сдѣлалось легче, когда однажды, послѣ обѣда, онъ сознался ей въ своей слабости и, жалуясь на свою одинокую жизнь, разсказалъ, какъ онъ любилъ Зинину мать и какъ только въ винѣ находилъ облегченіе, когда она заболѣла.

— Ты не должна меня осуждать, Зиночка! — говорилъ онъ, суетливо цѣлуя у нея руки. — Было такъ тяжело, что готовъ былъ схватиться за что угодно. Иначе пуля въ лобъ...

Онъ разсказалъ ей о матери, о томъ, какая она была красивая, нѣжная и хрупкая, какъ онъ молодымъ инженеромъ познакомился съ ней, какъ счастливо они жили два года и какъ неожиданно разразился ударъ.

— Она вѣдь изъ-за тебя заболѣла, — говорилъ отецъ, дрожащей рукой наливая въ стаканъ вина. — Родила тебя и сошла съ ума. Я долго потомъ ненавидѣлъ тебя. Бунтовалъ противъ Бога, противъ природы. Потому и отдалъ тебя. Не осуждай меня. Я виноватъ передъ тобой, но мнѣ самому было не легко...

— Папа,—снова говорила Зина, охваченная растроганнымъ желаніемъ,—съѣздимъ какъ-нибудь къ мамѣ. Мнѣ хочется ее повидать.

Она нѣсколько разъ говорила объ этомъ, но отецъ всегда спѣшилъ замять разговоръ: было видно, что ему это мучительно тяжело.

Зина нѣсколько мѣсяцевъ прожила у отца, ничего не дѣлая. Ей было скучно, потому что она никого въ городѣ не знала. Въ немъ была обсаженная тополями главная улица, по которой отъ четырехъ до семи гуляли гимназисты съ гимназистками и чиновники со своими барышнями. Была, теперь замерзшая, маленькая рѣчка, былъ театръ, въ которомъ играла хорошая труппа, циркъ и кинематографы. Иногда она ходила туда. У отца почти никто не бывалъ, а такъ какъ по дѣламъ къ нему приходило много подрядчиковъ и инженеровъ, то у Зины составилось странное представленіе что въ городѣ живутъ только подрядчики и инженеры.

Зинѣ захотѣлось что-нибудь дѣлать и она поступила на службу въ управленіе дороги, гдѣ былъ начальникомъ отецъ. Это наполняло ея день. Ей пріятно было въ красивомъ платьѣ, въ замысловатой прическѣ сидѣть въ большой комнатѣ, вмѣстѣ съ другими барышнями, стучать на машинѣ разные циркуляры и болтать съ молодыми инженерами и служащими, которые наперерывъ ухаживали за ней.

Ихъ было много и всѣ они держались почтительно и

чинно, считая за честь проводить ее домой. Но всѣ они думали и говорили только о службѣ, были чопорны и робки и казались Зинѣ сѣрыми, мѣшковатыми и вялыми.

Она стала скучать. Изъ ея надежды полюбить отца, замѣнить ему мать и жить съ нимъ вдвоемъ не вышло ничего. Отецъ былъ ей милъ, она любила его, но онъ жилъ установившейся, привычной жизнью, опьяняя себя каждый день. Зина смотрѣла на все безпощаднымъ взглядомъ, доходящимъ до самаго дна. Она видѣла, что отецъ любитъ ее, но видѣла также, что, давая ей полную свободу, онъ втайнѣ боится только одного, какъ бы она не захотѣла вмѣшаться въ его жизнь. И ее оскорбляла его связь съ женщиной, которую онъ, по ея мнѣнію, совершенно не могъ любить.

VII.

Она стала тогда знакомиться со всѣми, о комъ только слышала что-нибудь, — съ судейскими, съ чиновниками, со студентами, съ купцами. Встрѣчая новаго человѣка, она загоралась, подолгу говорила съ нимъ, оживленно блестя своими свѣтлыми глазами, потомъ потухала и отходила. Всѣ скоро переставали ее интересовать, ни въ комъ она не находила отвѣта на всегда безсознательно, но настойчиво задаваемый ею вопросъ, зачѣмъ онъ, собственно, живетъ?

Всегда изящно одѣтая, чего-то смутно ищущая, то спокойно-веселая, то неожиданно-унылая, со свойственной ей черточкой необыкновенной, звѣриной почти простоты, Зина производила большое впечатлѣніе на мужчинъ. Ее считали оригинальной, съ ней искали знакомства. Не стѣсняясь тѣмъ, что считалось приличнымъ или неприличнымъ, она говорила и дѣйствовала, какъ хотѣла, и жила въ чопорномъ обществѣ, какъ тоскующая, но сдержанная и разсудительная дикарка.

Съ ней познакомилась Ширская, тридцатипятилѣтняя красивая дама. Ея мужъ служилъ въ банкѣ, а сама она давно уже жила съ однимъ крупнымъ подрядчикомъ, который имѣлъ неподвижное, землистое лицо съ большими мѣшками подъ глазами и носилъ крупные брилліанты на пальцахъ. Она собирала вокругъ себя интересныхъ дамъ и дѣвицъ и въ ея домѣ бывало пестрое, но всегда веселое общество. Часто большой компаніей ѣздили въ театръ и въ циркъ, послѣ этого ужинали въ ресторанахъ. Иногда на тройкахъ ѣздили за городъ и устраивали пикники въ подгородномъ селѣ. Про Ширскую говорили въ городѣ дурно, но Зинѣ это было все равно. Тамъ было шумно и многолюдно это ей нравилось, и она стала бывать у Широкой.

Изъ многочисленныхъ посѣтителей Ширской быстро выдѣлились и стали постоянно мелькать передъ Зиной двѣ фигуры: проигравшійся помѣщикъ, бывшій гусаръ Гутковъ и молодой инженеръ Костевичъ.

Гутковъ былъ жгучій, слегка обсыпанный сѣдиной брюнетъ, съ тяжелыми глазами, высокій и сильный мужчина лѣтъ сорока пяти. Почти профессіональный игрокъ, онъ пользовался дурной славой, но его боялись за холодную жестокость и готовность на все. Онъ кого-то неправильно убилъ на дуэли и поэтому долженъ былъ уйти изъ полка. Онъ не часто бывалъ у Ширской, но всякій разъ, когда бывалъ, его нельзя было проглядѣть, такъ замѣтенъ былъ его ростъ, жесткій профиль и густой, безапелляціонный басъ.

Сразу обративъ вниманіе на Зину, онъ смѣло къ ней подошелъ и немедленно подходилъ всякій разъ, когда, гдѣ бы то ни было, ее встрѣчалъ. Когда онъ говорилъ съ ней, Зинѣ казалось, что свирѣпая хищная птица рветъ изъ нея клювомъ то, что ей нужно. Ее иногда завораживалъ дерзкій взглядъ его тяжелыхъ глазъ. Это была натура, идущая напроломъ. Съ женщинами онъ былъ безцеремоненъ и грубъ.

Черезъ нѣкоторое время онъ рѣзко ей говорилъ:

— Я не гимназистъ, чтобы пѣть вамъ сладкія слова. Тратить много времени я тоже не могу: мнѣ надо играть и спать. Но вы умны, и я вамъ прямо говорю: вы меня туманите. Я чувствую къ вамъ настоящую страсть.

Зинѣ нравилась его грубая откровенность. Она находила, что онъ честнѣе всѣхъ. И онъ ее тянулъ, какъ злой и сильный человѣкъ, живущій чѣмъ-то похожимъ на разбой. И въ немъ было нѣчто, колыхавшее ея глубины.

Однажды она сказала ему:

— А вы знаете? Вѣдь я уже испытала все.

Онъ грубо спросилъ:

— Ну, такъ что же?

Зина сама не знала, что. Она смотрѣла на него, задорно смѣясь, чувствуя, что ей пріятно дразнить его. У нея напрягались нервы, она снова чувствовала сладость ничѣмъ незаслуженной женской власти.

Время отъ времени онъ подходилъ къ ней и говорилъ:

— Ну что? Вы по-прежнему холодны?

Она отвѣчала, смѣясь:

— Да.

— И будете холодны всегда?

— Не знаю.

Одинъ разъ онъ сказалъ:

— Жаль. Родись я лѣтъ на триста пораньше, я бы васъ просто укралъ.

Эти разговоры происходили и у Ширской, и на пикникахъ, и въ театрѣ, и на балахъ. И всегда Зину сопровождалъ, слѣдилъ за ней упорно глазами, садясь гдѣ-нибудь въ углу, безнадежно влюбленный въ нее инженеръ Костевичъ.

У него была лысая голова при совсѣмъ молодомъ и свѣжемъ лицѣ. Этимъ онъ напоминалъ Зинѣ Степу. Онъ былъ полякъ, имѣлъ состояніе, всегда чрезвычайно тщательно одѣвался, былъ очень воспитанъ, корректенъ и пунктуаленъ. Онъ служилъ и считался человѣкомъ, который сдѣлаетъ хорошую карьеру. Ему было тридцать два года.

Товарищи по службѣ считали его чудакомъ. Дѣйствительно, онъ не пилъ, не курилъ и — надъ чѣмъ очень смѣялись — избѣгалъ женщинъ. Одна бойкая дама рѣшила сдѣлаться женой Пентефрія по отношенію къ нему, и онъ поступилъ такъ же, какъ прекрасный Іосифъ. Влюбившись, дама безнадежно томилась по немъ уже два года. Онъ же, встрѣчаясь съ ней, былъ обязательно вѣжливъ, но и только. Никто изъ его товарищей не могъ понять, для чего онъ себя бережетъ. Самъ же Костевичъ деликатно, но настойчиво уклонялся отъ всякихъ по этому поводу разговоровъ и его души не зналъ никто.

Онъ почувствовалъ къ Зинѣ глубокую любовь. Сначала онъ только смотрѣлъ на нее издали своими большими, сѣрыми глазами, потомъ рѣшился подходить. Онъ говорилъ о самыхъ безразличныхъ вещахъ—о погодѣ, о театрѣ, о мѣстныхъ новостяхъ, но самые незначительные разговоры пріобрѣтали особое значеніе, потому что за ними чувствовалось волненіе, отъ котораго у него блѣднѣло лицо и прерывался голосъ. Онъ внушалъ Зинѣ почти неодолимое отвращеніе, какъ это бываетъ, когда встрѣчаешь нежеланную любовь. Но она не могла не замѣтить его. Отталкивая, онъ какъ бы притягивалъ къ себѣ. Она точно предчувствовала ту роль, которую ему придется сыграть въ ея жизни,

Онъ два мѣсяца ходилъ слѣдомъ за ней, бывалъ вездѣ, гдѣ бывала она, привозилъ ей билеты въ театръ, которые она перестала принимать, присылалъ ей цвѣты, которые она отсылала обратно, и скоро началъ давить ее, какъ тяжесть, мѣшающая жить.

Она говорила Гуткову:

— Избавьте меня отъ этого человѣка.

— Прикажете убить?—шутливо спрашивалъ тотъ.—Я убью. А награда?

Весной Зина получила отъ Костевича письмо, въ которомъ онъ писалъ ей, что любитъ ее. что она первая и по-

слѣдняя, которая могла внушить ему такое губительное чувство, что бываютъ минуты, когда ему кажется, что онъ не въ состояніи больше выносить.

Онъ писалъ, что не можетъ сказать ей этого лично, потому что въ ея присутствіи дѣлается скованнымъ и нѣмымъ. Онъ просилъ дать ему возможность повидаться съ ней наединѣ, чтобы высказать все. Это для него необходимо, безъ этого ему не для чего больше жить.

Зина не знала, что отвѣтить. Ей было почти невыносимо остаться съ Костевичемъ наединѣ. Съ другой стороны ее тянуло выслушать то, что онъ скажетъ ей, и темной угрозой, вычитанной между строкъ, вставало сознаніе, что, если она не согласится, то что-то можетъ произойти.

Она кончила тѣмъ, что отвѣтила ему кратко:

„Многоуважаемый Эдмундъ Павловичъ! Я васъ не люблю и даже никогда объ этомъ не думала. Не знаю, зачѣмъ вамъ нужно видѣться со мною, но если это необходимо, то завтра въ часъ я буду дома. Уважающая васъ З. Бѣлявская“.

VIII.

На слѣдующій день съ утра она была сильно раздражена. Когда раздался звонокъ и она услышала приближающіеся шаги, раздраженіе ея превратилось въ глухой гнѣвъ.

Когда онъ сѣлъ, Зина почувствовала такую тяжесть, что не могла на него взглянуть. Блѣдный, онъ срывающимся голосомъ благодарилъ ее, повторяя, что она не догадывается, какъ много сдѣлала, согласившись на это свиданіе. Прервавъ его, она рѣзко спросила его:

— Еслибы я не согласилась, вы рѣшили убить себя?

У Костевича выступили на лбу капельки пота и онъ сдержанно, но дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Да.

— Это насиліе!—проговорила Зина.—Я васъ не люблю и не хочу васъ видѣть, но мнѣ вовсе неинтересно, чтобы изъ-за меня убивалъ себя человѣкъ. Ну, хорошо. Что же вамъ нужно отъ меня? Я написала все, что могла.

Костевичъ смотрѣлъ на нее, умоляюще сложивъ руки, и проговорилъ:

— Я хочу просить васъ только о томъ, чтобы вы не лишали меня окончательно надежды...

— Какой?

— Что вы согласитесь когда-нибудь... — съ трудомъ проговорилъ онъ—что вы согласитесь стать моей женой...

Зина смотрѣла на него, широко раскрывъ глаза.

— А если я лишу васъ этой надежды? — спросила она съ изумленіемъ.—Что же будетъ тогда?

Потупивъ голову, онъ молчалъ.

— Я не люблю васъ!—съ возмущеніемъ воскликнула она.—Вы не существуете для меня. Я не могу даже представить себѣ, чтобы я могла полюбить васъ. Что же будетъ, если я лишу васъ надежды?..

Поднявъ на нее сѣрые, теперь точно завѣшенные чѣмъ-то изнутри глаза, Костевичъ отвѣтилъ:

— Я не хочу вѣрить этому. И пока прошу только одного: оставьте мнѣ хоть какую-нибудь надежду.

Зина была поражена. Въ ней было чувство, какъ будто медленно, но упорно на нее надвигается гора, отъ которой никуда нельзя убѣжать. Странное сознаніе неизбѣжности мелькнуло въ ней на мигъ, и этотъ трудно дышащій человѣкъ, съ беззавѣтно обожающимъ лицомъ, оставаясь противнымъ и чужимъ, сталъ неожиданно такимъ близкимъ, какъ будто она знала его всю жизнь. Ничего подобнаго она не испытывала никогда и, неизвѣстно почему, она начала громко хохотать. Составивъ вмѣстѣ колѣни и понуривъ голову, Костевичъ покорно сидѣлъ.

— Вы очень сильно любите меня? — съ любопытствомъ спросила она.

Онъ поднялъ на нее свои, ставшіе необыкновенно глубокими глаза и тихо отвѣтилъ:

— Никто никогда не будетъ любить васъ такъ, какъ я.

— Но вѣдь вы совсѣмъ не знаете меня?—съ раздраженіемъ спрашивала Зина.—Вы не знаете, какая я. Вы, можетъ быть, думаете, что я чистая и невинная дѣвушка? Такъ вы ошибаетесь. Я давно не дѣвушка. Я много любила.

— Я это знаю,—тихо отвѣтилъ онъ.

— Откуда?—изумилась она.

— Я угадалъ,—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ кажется, что я знаю васъ всю. Я давно боролся съ собой. Но вы для меня божество и все, что исходитъ отъ васъ, свято для меня. Я не представляю себѣ больше жизни безъ васъ. Если я потеряю надежду, мнѣ не для чего будетъ жить.

— А мнѣ съ вами тяжело. Вы мнѣ даже противны,—снова съ раздраженіемъ говорила Зина. — И вы какой-то странный и непонятный для меня человѣкъ. И что вы нашли во мнѣ? Я испорченная и гадкая. Оставьте меня въ покоѣ и ступайте къ той дамѣ, которая въ васъ влюблена.

— Если вы прогоните меня, я убью себя, — тихо и покорно прошепталъ онъ.—Я прошу одного: не лишайте меня надежды. Я заслужу вашу любовь.

Онъ пошатывался и былъ похожъ на пьянаго, когда уходилъ. Съ этого времени Зина чувствовала себя не по себѣ. Она не могла жить такъ непринужденно, какъ прежде. Этотъ

чужой для нея человѣкъ началъ играть въ ея жизни какую-то роль.

Онъ слѣдовалъ за ней по пятамъ, бывалъ вездѣ, гдѣ бывала она, слѣдилъ за ней обожающимъ взглядомъ и теперь, когда она не прогнала его сразу отъ себя, появлялся всегда въ тотъ моментъ, когда могъ оказать ей услугу. Скоро само собой вышло такъ, что никто другой не могъ дѣлать для Зины ничего. Онъ приносилъ ей воду, отыскивалъ стулъ, подавалъ при выходѣ верхнее платье, сажалъ на извозчика,—это право было безмолвно и насмѣшливо признано за нимъ однимъ.

Онъ никогда больше не говорилъ о своей любви, но всегда былъ около, и постепенно Зина привыкала смотрѣть на него, какъ на своего раба, и не могла обходиться безъ его услугъ. И, какъ съ рабомъ, она была иногда съ нимъ поразительно, по-звѣриному, откровенна, иногда въ шутку говорила, что, еслибы вышла за него замужъ, то все время ставила бы ему рога, иногда, неожиданно возмущаясь, была нестерпимо груба.

Онъ молчаливо переносилъ все, но ему было тяжело. Никогда прежде не пившій, теперь онъ иногда неумѣло и смѣшно присоединялся къ компаніи и выпивалъ нѣсколько стакановъ вина. Всегда рано ложившійся, теперь иногда до поздней ночи просиживалъ около карточнаго стола и самъ принимался играть. У него сдѣлалось неподвижное, точно окаменѣвшее лицо. Онъ былъ также корректенъ, сдержанъ и воспитанъ, какъ прежде, онъ никогда никому не говорилъ о себѣ, но отъ этого казалось еще хуже. Онъ сгоралъ отъ безнадежной страсти. Зина испытывала иногда настоящій ужасъ, чувствуя его издалека устремленные на нее глаза, и съ капризнымъ отчаяніемъ говорила Гуткову:

— Избавьте меня отъ этого человѣка. Онъ мѣшаетъ мнѣ жить.

Хищно сверкнувъ глазами, Гутковъ, насколько могъ вкрадчиво, говорилъ ей:

— А награда? Я жду. Здѣсь, въ этомъ болотѣ, есть только два достойныхъ другъ друга человѣка—вы и я.

Зина смѣялась смѣхомъ, въ которомъ звенѣли слезы. Гутковъ искалъ отъ нея одного наслажденія. Но онъ ее тянулъ. Костевичъ беззавѣтно и безусловно отдавалъ свою жизнь. Но какое ей было до этого дѣло? Ей становилось все тяжелѣе. Снова со дна души поднялось сѣрое чудовище, тоска, заволокла все ѣдкимъ туманомъ, и изъ мутныхъ глубинъ кто-то тянулъ къ ней руки и безнадежно-уныло звалъ. Зина перестала выходить, не бывала даже на службѣ и цѣлыми днями, неодѣтая, сидѣла дома.

Нелѣпо и безсмысленно провела она все лѣто, и настойчиво, какъ навожденіе, въ ней вставала одна и та же мысль, что ей непремѣнно надо повидать свою мать.

Она не могла бы сказать, чего она ждала отъ этого свиданія, но она чувствовала, что должна ее повидать. Цѣлый мѣсяцъ Зина почти со слезами уговаривала отца съѣздить съ ней въ лечебницу, гдѣ была мать, и послѣ долгихъ отговорокъ—онъ уступилъ. Костевичъ проводилъ ихъ на вокзалъ.

Зина почти не спала всю ночь наканунѣ свиданія. Она сидѣла въ номерѣ у отца, безъ конца смотрѣла на карточку матери и болѣзненно говорила:

— Папа, разскажи еще что-нибудь про маму...

Отецъ пилъ стаканъ за стаканомъ портвейнъ и прерывающимся голосомъ говорилъ. Онъ бередилъ и разрывалъ затянувшіяся раны, ему было невыносимо тяжело, онъ кашлялъ, курилъ, жалко всхлипывалъ и хмелѣлъ отъ боли и вина.

Въ лечебницѣ Зина увидала свою мать. Въ маленькой комнаткѣ сидѣла на кровати толстая женщина, съ одутловатымъ лицомъ, безсмысленными глазами и короткими, сѣдыми волосами. Она медленно качалась, баюкая тряпичную куклу. Когда сидѣлка хотѣла ее у нея взять, она стала кричать рѣзкимъ, гусинымъ голосомъ. Она не обратила никакого вниманія ни на Зину, ни на ея отца. Но, взглянувъ на ея лицо, Зина узнала полустершіяся черты, которыми любовалась на портретѣ. Это была ея мать.

— Катя!—дрожащимъ голосомъ говорилъ, обращаясь къ ней, отецъ:—Это Зина, твоя дочь. Погляди на нее, узнай ее. Это твоя дочь...

IX.

Зина ѣхала назадъ въ тупой и черной, какъ ночь, тоскѣ. Ей казалось, что теперь кончено все, точно подведенъ послѣдній, самый важный итогъ. Больше не оставалось ничего. Въ жизни не было никакой справедливости, никакого смысла. Она была безобразна, какъ гніющій трупъ.

Въ маленькомъ однообразномъ городѣ передъ ней снова мелькали измученный Костевичъ, опьяняющій себя дома и въ клубѣ отецъ, служба въ управленіи, Ширская, хищный Гутковъ. Она ничего не любила, ни къ чему не стремилась, никуда не хотѣла уѣхать.

Самое лучшее было бы сразу покончить со всѣмъ и умереть. Зина не разъ думала объ этомъ. Но жизнь цѣпко держала ее и, ничего не суля, все же влекла къ себѣ. Ее нельзя было уничтожить, ее можно было только измѣнить.

И однажды, когда Костевичъ провожалъ ее изъ театра домой, она, какъ убитая, промолчавъ всю дорогу, у дверей своего дома остановилась и рѣзко спросила его:

— Вы по прежнему любите меня?

Когда же онъ поднялъ на нее свои глубоко запавшіе глаза, она также рѣзко продолжала:

— Ну, хорошо. Я выйду за васъ. Но я васъ не люблю и буду считать себя совершенно свободной. Вы согласны?

— Да,—тихо отвѣтилъ этотъ странный человѣкъ и припалъ къ ея рукѣ. Но она брезгливо отдернула ее и скрылась за дверью.

Зина стала невѣстой, но она оттягивала время свадьбы, откладывая ее съ мѣсяца на мѣсяцъ, и Гутковъ приводилъ ее иногда въ ярость, разсказывая, какъ въ городѣ смѣялись, что Костевичъ добился таки своего.

Настала весна. Былъ послѣдній вечеръ въ собраніи. Зина танцовала. Она была окружена, за ней ухаживали наперерывъ. Она была блѣдна, у нея было особенное лицо и особенное выраженіе въ ея чрезмѣрно свѣтлыхъ глазахъ. Она разговаривала, смѣялась и танцовала, но думала о женщинѣ съ одутловатымъ лицомъ и безсмысленными глазами, которая баюкала куклу и качалась взадъ и впередъ.

— Вы очаровательны сегодня, дорогая!—говорила ей Ширская, проходя мимо нея.

— Я отравленъ вами...—говорилъ, хищно глядя на нее, Гутковъ и, понизивъ голосъ, продолжалъ:—Вы не рѣшили еще?.. Но когда же? Я не отдамъ васъ такъ этому лысому поляку. Начинайте же новую полосу...

Положивъ ему на плечо руку и съ улыбкой глядя прямо въ глаза, Зина танцовала съ нимъ. У нея слегка замирало сердце. Дѣйствительно, кажется, поднималась новая волна. Зачѣмъ же иначе выходить за Костевича, который, стоя у дверей, слѣдилъ за ней завороженными глазами?.. Когда она отдыхала, онъ подошелъ. Въ его глазахъ была сдержанная мольба. Зина неохотно сдѣлала съ нимъ туръ и брезгливо чувствовала, какъ дрожала, обнимая ея талію, его рука. Она не могла рѣшиться поглядѣть ему въ лицо.

Въ игорной комнатѣ, за однимъ изъ зеленыхъ столовъ, сидѣлъ, внимательно глядя въ карты, отецъ. Сопровождаемая Гутковымъ (она сказала Костевичу, чтобы онъ оставилъ ее въ покоѣ), Зина медленно ходила по залитымъ свѣтомъ комнатамъ. Потомъ они спустились въ садъ.

— Такъ когда же вы рѣшите?—спрашивалъ ее Гутковъ въ бесѣдкѣ, обвитой плющемъ, и, наклоняясь, заглядывалъ ей въ глаза.

— Я рѣшила,—спокойно отвѣтила Зина.

Онъ принесъ ей накидку, они сѣли на извозчика. Сидя рядомъ съ нимъ, Зина думала:

„Все равно. Кромѣ этого, въ жизни нѣтъ ничего"...

Зина была у Гуткова, въ его неуютной холостой квартирѣ всего три раза. Больше она не захотѣла у него бывать. Она даже съ отвращеніемъ вспоминала о томъ, что произошло. Она порвала такъ же неожиданно, какъ сошлась, и Гутковъ не высказалъ претензіи на это. Его самолюбіе было задѣто, но онъ былъ гордъ.

Зина продолжала жить, какъ прежде, но черезъ мѣсяцъ оказалось, что это приключеніе не прошло даромъ. Она была смущена. Случись такая вещь въ большомъ городѣ, она не придала бы ей особаго значенія: подобныя непріятности улаживаются тамъ быстро и легко. Но здѣсь, гдѣ всѣ всѣхъ знали, это была не такая простая вещь.

Зина призвала Костевича и съ грубой откровенностью сказала ему:

— Я беременна.

Она испытала жестокое наслажденіе, увидѣвъ, какъ у него дернулась и задрожала нижняя челюсть. Она прибавила, насмѣшливо глядя на него:

— У васъ есть еще время порвать. Подумайте, интересно ли имѣть жену, которая будетъ ставить вамъ рога?

Костевичъ молча сидѣлъ, подавшись впередъ. Онъ былъ оглушенъ.

— Вы безжалостны...—прошепталъ онъ, когда къ нему вернулась способность говорить.

— Нисколько!—отвѣтила Зина.—Я не навязываюсь вамъ. Порвемъ.

— Позвольте мнѣ уйти,—тихо проговорилъ онъ.—И позвольте мнѣ завтра возобновить этотъ разговоръ.

Удовлетвореннымъ взоромъ Зина смотрѣла, какъ онъ уходилъ невѣрной походкой и какъ, одѣваясь, съ трудомъ попадалъ въ рукава пальто. Она слѣдила изъ окна, какъ онъ проѣхалъ на извозчикѣ, сидя подобно изваянію, съ глазами, неподвижно устремленными впередъ. Она была довольна и съ интересомъ ждала слѣдующаго дня.

Любовь побѣдила въ Костевичѣ все—и мучительную ревность, и мужскую гордость, и чувство достоинства, и сознаніе, что онъ губитъ себя. Близкій къ помѣшательству, онъ всю ночь колебался между двумя безднами, пока не свалился на постель. Послѣ короткаго сна, онъ понялъ, что выхода для него нѣтъ. Онъ долженъ былъ идти до конца.

Явившись на другой день къ Зинѣ, онъ беззвучнымъ голосомъ проговорилъ:

— Я обдумалъ все и пришелъ вамъ сказать, что, если вамъ угодно, мы можемъ ускорить свадьбу.

Но, рѣзко расхохотавшись, Зина воскликнула:

— Вы съ ума сошли? Ни за что! Мнѣ нужно совсѣмъ другое.

И когда она сказала, что, Костевичъ былъ такъ потрясенъ, что позабылъ все, что перечувствовалъ и пережилъ. Ему, чистому человѣку, однолюбу и семьянину по натурѣ, казалось чудовищнымъ то, что хотѣла сдѣлать Зина. Кромѣ того, страшной угрозой передъ нимъ вставали ужасы неизлечимыхъ болѣзней и даже смерти. Въ тоскѣ онъ молилъ Зину не подвергать себя опасности, пожалѣть себя, или, если не себя, то хоть его. Онъ клялся, что будетъ любить этого ребенка, какъ своего, и никогда не спроситъ, кто его отецъ. Онъ умолялъ ее цѣлую недѣлю, пріѣзжая для этого каждый день, но Зина безжалостно стояла на своемъ. Онъ умолялъ ее, наконецъ, уже только о томъ, чтобы она позволила ему сопровождать себя, но она не согласилась даже на это и, придумавъ для отца предлогъ, уѣхала одна въ Одессу.

Терзаясь отчаяніемъ, Костевичъ остался ждать ее, посылая телеграммы по два раза въ день и получая короткіе и ничего не значущіе отвѣты. Онъ телеграфировалъ адвокату и другому знакомому, адреса которыхъ указала ему Зина, и только черезъ двѣ недѣли получилъ отвѣтъ, что все благополучно, но что Зина еще слаба.

Взявъ отпускъ, онъ въ тотъ же день выѣхалъ въ Одессу. Онъ нашелъ Зину совсѣмъ здоровой, въ номерѣ гостинницы, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она собиралась уходить, чтобы встрѣтиться съ адвокатомъ. Онъ заплакалъ отъ счастья, она же рѣзко и недовольно спросила, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Тогда безпомощно и жалко онъ всталъ на колѣни, бормоталъ, что онъ не можетъ больше выносить, и молилъ, чтобы она не терзала его больше, выходила за него замужъ и дала ему право въ глазахъ всѣхъ жить только для нея.

Рѣзко повернувшись, Зина, ничего не отвѣтивъ, ушла и онъ, сидя въ номерѣ, напрасно прождалъ ее всю ночь. Она вернулась утромъ и, позвавъ его къ себѣ, сказала, что она согласна. Пусть только свадьба будетъ какъ можно скорѣе и какъ можно проще.

Свадьба состоялась черезъ четыре дня. Они вѣнчались въ загородной церкви у знакомаго адвокату веселаго священника, мастера по части разсказыванія анекдотовъ. Костевичъ, блѣдный и сосредоточенный, стоялъ навытяжку, держа на головѣ вѣнецъ. Зина смѣялась и шепотомъ пере-

говаривалась съ шаферами—адвокатомъ и банковскимъ чиновникомъ.

Послѣ вѣнчанія былъ устроенъ въ ресторанѣ обѣдъ, а послѣ обѣда, вечеромъ, Зина уѣхала съ адвокатомъ и чиновникомъ и снова не возвращалась до самаго утра. Вернувшись и увидѣвъ, что мужъ, не раздѣваясь, просидѣлъ цѣлую ночь у окна, она проговорила:

— Вы еще не ложились? Глупо—и, попросивъ его уйти, заперлась и спала до обѣда.

Они пробыли въ Одессѣ цѣлую недѣлю. Костевичъ игралъ самую странную и тяжелую роль. Сдѣлавшись офиціально мужемъ, онъ почти не видалъ своей жены: все время она проводила со старыми знакомыми и друзьями, а когда онъ бывалъ вмѣстѣ съ ними, то ему приходилось сидѣть и молча слушать, какъ Зина хохотала и разговаривала о совершенно неизвѣстныхъ ему событіяхъ и людяхъ. Его самолюбіе страдало, его грызла ревность, душило отчаяніе, но онъ переносилъ все и старался только объ одномъ,— скрыть все такъ, чтобы нельзя было ничего замѣтить со стороны.

Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда тронулся поѣздъ и они остались одни въ загроможденномъ цвѣтами и коробками конфектъ купэ. Но ему не сдѣлалось легче. Зина испытывала къ своему мужу рѣшительное отвращеніе и вражду. Ее возмущала его покорная и кроткая терпѣливость и всю дорогу она грубо отклоняла его робкія попытки услугъ.

X.

Они поселились въ заново отдѣланной и меблированной квартирѣ Костевича, и втеченіе цѣлаго года можно было думать, что Зина задалась цѣлью всѣми возможными способами сдѣлать существованіе своего мужа невыносимымъ. Она снова начала дразнить Гуткова, хотя онъ совершенно пересталъ ей нравиться. Она всюду появлялась въ сопровожденіи его, принимала его у себя, приглашала обѣдать и требовала, чтобы мужъ былъ съ нимъ привѣтливъ и любезенъ. Когда Гутковъ окончательно надоѣлъ ей, она замѣнила его глупо ржущимъ чиновникомъ особыхъ порученій съ лошадиной физіономіей, въ высокихъ воротничкахъ.

За этотъ годъ она два раза уѣзжала въ Одессу и, оставаясь тамъ по мѣсяцу, кутила съ адвокатомъ, который развелся, наконецъ, со своей женой. Она ѣздила одинъ разъ въ Петербургъ, разыскала писателя, съ которымъ познакомилась на дачѣ, когда была гимназисткой, и провела съ нимъ три недѣли въ нелѣпомъ автомобильно-кабацкомъ угарѣ

Когда она была дома, она жила съ Костевичемъ странной жизнью, встрѣчаясь только за обѣдомъ и изрѣдка за ужиномъ, такъ какъ по вечерамъ она всегда уѣзжала куда-нибудь. Ложась спать, она постоянно запирала свою спальню на ключъ.

Костевичъ безропотно переносилъ все. Его лицо исхудало и сдѣлалось строгимъ, какъ у людей, больныхъ неизлечимой болѣзнью. Его глаза запали еще глубже, въ нихъ мелькало иногда измученное и жалкое выраженіе. Онъ по прежнему ревностно несъ свою службу, по прежнему тщательно одѣвался, но иногда во время работы онъ погружался въ глубокую задумчивость, долго сидѣлъ въ оцѣпененіи и, когда его окликали, оглядывался съ растеряннымъ видомъ человѣка, разбуженнаго отъ сна.

Одинъ только разъ, въ самомъ началѣ, когда Зина въ первый разъ пригласила Гуткова, котораго онъ особенно не любилъ, онъ робко позволилъ себѣ сказать ей, что она слишкомъ жестока. Но Зина рѣзко отвѣтила ему:

— Вѣдь я же вамъ говорила?

Онъ тихо отвѣтилъ:

— Вы правы, — замолчалъ и ни разу не обмолвился больше ни однимъ словомъ.

Онъ перевелъ на Зину свое имѣніе, положилъ на ея имя свои наличныя деньги и весь остатокъ жалованья тратилъ на подарки для нея. Непонятнымъ чутьемъ глубоко любящаго человѣка угадывая ея желанія и вкусы, онъ окружалъ ее самой внимательной и чуткой нѣжностью и не требовалъ за это ничего.

Однажды, когда послѣ пикника, устроеннаго Ширской, Зина простудилась и слегла, онъ не спалъ цѣлую недѣлю, какъ самая лучшая сидѣлка, подавая ей лекарство и перемѣняя на головѣ пузырь со льдомъ.

Эта была непонятная, самоотверженная, измученная, каждый мигъ истекающая кровью любовь. Иногда Зина спрашивала себя, за что онъ любитъ ее и можно ли любить такъ, ни за что? Она, считавшая до сихъ поръ любовь физической страстью, становилась здѣсь въ тупикъ. И чѣмъ меньше она понимала Костевича, тѣмъ больше въ ней пробуждался протестъ противъ него и непонятное желаніе его за что-то унизить и оскорбить. Нѣсколько разъ одна ея пріятельница, часто бывавшая у нихъ, начинала бранить ее, называя безсердечной. Зина откровенно отвѣчала ей:

— Что же мнѣ дѣлать? Онъ мнѣ противенъ. Я его не выношу. А иногда ненавижу.

Но это было не такъ. Въ ея душѣ происходила странная

борьба. Иногда она какъ бы останавливалась неожиданно и спрашивала себя:

— Что же я дѣлаю?

На мигъ точно раскрывалась глубина и оттуда поднималось что-то неожиданное и очень большое. Такъ было два раза, когда, уѣхавъ въ Одессу, она веселилась тамъ съ адвокатомъ. Такъ было нѣсколько разъ въ Петербургѣ, когда она слушала остроумные и злые разговоры писателя. У Зины являлось тогда почти неодолимое желаніе бросить сейчасъ же нелѣпый водоворотъ, сѣсть въ поѣздъ и помчаться къ себѣ, въ губернскій городъ, чтобы взглянуть, что дѣлаетъ, какъ сидитъ съ выраженіемъ привычнаго страданія на лицѣ сдержанный и молчаливый человѣкъ, который ей такъ странно близокъ и въ то же время такъ непонятенъ и далекъ.

Она встряхивалась, начинала смѣяться надъ собой и странное настроеніе исчезало. Но оно возвращалось и становилось сильнѣе. Зина точно носила это чувство, какъ ребенка, подъ сердцемъ. Независимо отъ нея, оно развивалось и росло, и Зина ловила себя на темномъ и смутномъ желаніи. Настойчиво и тайно, не дѣлая сама ни малѣйшаго шага къ тому, она ждала все время, ждала, чтобы мужъ снова умоляюще и робко къ ней подошелъ.

Но, замкнувшись въ себѣ, онъ больше не подходилъ, и за это ею овладѣвало еще большее озлобленіе и ненависть къ нему.

Однажды—это было весной —черезъ годъ послѣ свадьбы— она осталась вечеромъ дома. Ей надоѣло все. Было противно ѣхать куда-нибудь, видѣть одни и тѣ же лица, слышать одни и тѣ же разговоры. Она вышла къ ужину изъ своей комнаты и, кончивъ ѣсть, не ушла, какъ дѣлала обыкновенно, снова къ себѣ, а осталась сидѣть за столомъ.

Она долго украдкой взглядывала на сдержанное лицо мужа, потомъ вызывающе и коротко сказала:

— Я хочу съ вами поговорить.

Слегка наклонивъ голову, онъ съ готовностью отвѣтилъ:

-- Пожалуйста, дорогая...

Охваченная необъяснимымъ желаніемъ унизить его какъ только можно, до послѣдней, до крайней степени, она начала:

— Я хочу вамъ сказать. Мы женаты уже цѣлый годъ и я получаю отъ васъ все. Вы же не имѣете отъ меня ничего.

Онъ внимательно слушалъ, стараясь понять.

— Это несправедливо,—рѣзко продолжала она — и это непріятно мнѣ. За ваши деньги вы должны имѣть то, что имѣютъ другіе.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ, — недоумѣвая, проговорилъ онъ.

— Тутъ нечего понимать. Я ваша жена, живу на вашъ счетъ и должна вамъ за это служить. Вѣдь вы женились для того, чтобы имѣть жену? Такъ вотъ. Я не хочу больше даромъ ѣсть вашъ хлѣбъ.

Онъ понялъ и покраснѣлъ, такъ испуганно взглянувъ на нее, что Зина была удовлетворена. Еще рѣзче и грубѣе, съ радостью чувствуя, что наноситъ ему нестерпимое оскорбленіе, она продолжала:

— Ну да. Вполнѣ естественно. Съ сегодняшняго дня я буду служить вамъ женой. У меня будетъ, по крайней мѣрѣ, спокойная совѣсть.

— Зачѣмъ вы такъ издѣваетесь надо мной?—тихо проговорилъ онъ.

— Нисколько. Это только справедливо. Надо было сдѣлать это давно.

— Я васъ такъ люблю, — сказалъ онъ, — что я прощу вамъ все. Я прощу и эту обиду. Вы это знаете. Но мнѣ очень тяжело.

Снова въ душѣ Зины что-то раскрылось и на мигъ въ ней поднялся горячій порывъ. Но сейчасъ же его залила и погасила злоба.

— Я только справедлива,—упрямо повторила она.—Вѣдь вы же женились для чего-нибудь? Навѣрное, вы имѣете другихъ? Съ сегодняшняго дня вы будете получать за ваши деньги все.

Онъ закрылъ отъ стыда лицо и въ отчаяніи говорилъ:

— За что вы такъ оскорбляете меня?

Поднявшись, онъ пошелъ въ свой кабинетъ. Зина пошла за нимъ. Не отдавая уже себѣ отчета, зачѣмъ она такъ поступаетъ, она повторяла:

— Но я такъ хочу! Я такъ хочу!

Онъ вывелъ ее изъ кабинета, заперъ дверь на ключъ и, взявшись рукой за голову, долго сидѣлъ у стола. Ему казалось, что онъ сидитъ на узкой площадкѣ на вершинѣ горы, окруженный со всѣхъ сторонъ пропастями, и что стоитъ ему сдѣлать одно движеніе, какъ онъ стремглавъ полетитъ внизъ.

Зину же точно подхватилъ злобный потокъ. Въ слѣдующіе дни она стала еще циничнѣе и грубѣе.

Она настойчиво звала его къ себѣ. Полуодѣтая приходила къ нему въ кабинетъ, когда онъ лежалъ уже въ постели и, какъ одержимая, требовала, чтобы онъ поступалъ съ ней, какъ съ продажной женщиной. Она сама запуталась до того, что не могла бы уже сказать, нужно ли было ей нанести ему

послѣднее, самое тяжелое оскорбленіе, или этимъ она дѣйствительно хотѣла начать новую жизнь.

— Я не желаю даромъ ѣсть вашъ хлѣбъ,—упрямо твердила она.—А если вы этого не хотите, такъ я отъ васъ уйду.

Второй разъ въ жизни играя роль прекраснаго Іосифа, Костевичъ умоляюще защищался отъ нея, чувствуя, что погибаетъ все. Въ немъ все было возмущено до самыхъ глубинъ. Неутоленная страсть поднималась иногда несмѣлой и темной волной, но оскорбленная любовь заливала ее отчаяніемъ и стыдомъ. Его надежды, крутясь, исчезали въ водоворотѣ и онъ быстро катился къ пропасти, готовой его принять. Нѣсколько разъ онъ ловилъ себя на страшныхъ мысляхъ: то онъ упорно думалъ о томъ, услышитъ ли онъ самъ звукъ выстрѣла, направленнаго въ себя, то, глядя на тополь, ростущій передъ окномъ, ясно видѣлъ себя качающимся среди зеленыхъ вѣтвей.

Его охватывалъ ужасъ, онъ чувствовалъ, что задыхается, что его душа распадается въ куски и что, вмѣстѣ съ нею, распадается и то, чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ—его любовь. Дальше такъ идти не могло и, неожиданно рѣшившись, онъ взялъ отпускъ и уѣхалъ, не сказавъ ничего Зинѣ и оставивъ только короткую записку:

— Я уѣзжаю на мѣсяцъ. Я слишкомъ измученъ. Когда я приду въ себя, я вамъ напишу.

XI.

Зина осталась одна. Ея состояніе было похоже на состояніе человѣка, разбѣжавшагося изо всѣхъ силъ и вдругъ увидѣвшаго, что передъ нимъ стѣна. По прежнему ей никуда не хотѣлось выходить и никого не хотѣлось видѣть. Неодѣтая, она бродила по пустымъ комнатамъ, и точно какія-то волны съ тихимъ плескомъ утекали изъ ея души, обнажая самое дно. Тогда она неожиданно видѣла то, что приводило ее въ смятеніе. Она чувствовала, что ей чего-то глубоко не достаетъ, что она о чемъ-то смутно тоскуетъ, и съ изумленіемъ замѣчала, что все чаще думаетъ о томъ, гдѣ теперь и что дѣлаетъ ея мужъ.

— Зачѣмъ ей это? Не все-ли ей это равно? Но ей почему-то хотѣлось сидѣть за обѣдомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ обыкновенно онъ. Она приходила иногда въ его кабинетъ, цѣлыми часами сидѣла на плетеномъ креслѣ предъ его столомъ, смотрѣла, какъ тихо покачивались зеленыя вѣтви тополя, и на душѣ у нея становилось такъ тихо и нѣжно, что на глазахъ навертывались слезы. Однажды вечеромъ, недѣли черезъ двѣ, она не пошла къ себѣ въ спальню, а

заснула на широкомъ, кожаномъ диванѣ, на которомъ онъ спалъ, и увидѣла непонятный, волнующій сонъ. Предъ ней стояло его измученное, строгое лицо, на нее съ укоромъ смотрѣли его глаза, въ ушахъ звучали умоляющія слова.

Она проснулась, вся залитая слезами, снова заснула, не раздѣваясь, до утра и цѣлый день ходила взволнованная, мягкая, сама съ удивленіемъ приглядываясь къ тому, что выростало у нея въ душѣ.

У нея дрожали и путались пальцы, когда, вскорѣ послѣ этого, ей подали письмо, на конвертѣ котораго она узнала его почеркъ. Письмо было очень коротко.

Костевичъ писалъ, что окончательно обманулся въ своихъ надеждахъ, что въ его душѣ столько горькихъ и тяжелыхъ чувствъ, что онъ боится, какъ бы его любовь не превратилась въ свою противоположность. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что они не могутъ жить вмѣстѣ, и поэтому, немедленно по возвращеніи, онъ начнетъ хлопотать о разводѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для удобства Зины, онъ постарается устроить себѣ переводъ въ другой городъ.

Прочитавъ это письмо, Зина, какъ оглушенная, просидѣла цѣлый часъ. Въ ней смутно поднялся порывъ сейчасъ же написать отвѣтъ, но, схвативъ перо, она увидѣла, что не знаетъ что сказать. Она ожидала всего, но только не этого, и у нея было такое чувство, какъ будто кто-то, безжалостно насмѣявшись, пришелъ и растопталъ ногами тѣ милые, нѣжные цвѣты, которыми она такъ любовалась въ своемъ сердцѣ.

Вся сжавшись, она сказала себѣ:

— Ну, хорошо...

Наканунѣ пріѣзда, Костевичъ прислалъ телеграмму, и Зина, сама не понимая, что дѣлается съ ней, почти два часа простояла у окна, выглядывая изъ-за занавѣски, не ѣдетъ ли онъ.

Когда же подъѣхалъ извозчикъ, она быстро кинулась въ спальню и сидѣла тамъ, слушая, какъ прислуга вносила вещи, какъ онъ ходилъ по комнатамъ, и съ замираніемъ ожидая, что онъ подойдетъ къ дверямъ и заговоритъ.

Онъ не подошелъ. Не выдержавъ, она вышла сама и съ надменнымъ видомъ поздоровалась съ нимъ. Онъ пріѣхалъ вечеромъ и въ этотъ вечеръ они не сказали другъ другу ни слова. Костевичъ быстро ушелъ къ себѣ и Зина, заперлась въ спальной, почувствовала себя такой одинокой и несчастной, какой не чувствовала еще никогда.

Только на слѣдующій день, за обѣдомъ, Костевичъ, поднявъ на нее глаза, сказалъ:

— Дорогая, вы, конечно, получили мое письмо? Намъ надо по этому поводу поговорить. — Я много думалъ за это время, — тихо продолжалъ онъ, — и понялъ, что не имѣлъ права поступать такъ, какъ поступилъ. Я наказанъ по дѣломъ.

Зина молчала, надменно потупивъ глаза.

— Я не долженъ былъ связывать вашей судьбы со своей,— снова началъ онъ.—Какое основаніе имѣлъ я надѣяться, что ваши чувства ко мнѣ измѣнятся? Они остались прежними и стали еще острѣй. Вы ненавидите меня и совершенно естественно, что стараетесь всѣми силами оскорбить. Не думайте, дорогая!—воскликнулъ онъ, замѣтивъ ея движеніе,— не думайте, что я хочу васъ въ чемъ-нибудь упрекнуть, или обвинить. Вы просто не можете иначе. Но и мнѣ тяжело. Я едва не сломился и больше я тоже не могу. И вотъ, просто напросто, я спросилъ себя: зачѣмъ напрасно мучить и себя, и васъ? Разстанемся. Вы имѣете право на счастье. Вы, конечно, найдете его. Съ моей стороны было бы преступленіемъ вамъ мѣшать.

Зина упорно молчала.

— Завтра я поговорю съ адвокатомъ—еще тише продолжалъ онъ—и мы начнемъ необходимыя формальности. Черезъ полгода вы будете свободны. Какъ только будутъ сдѣланы первые шаги, мы разъѣдемся. Во всемъ виноватъ исключительно я. Вы сразу же откровенно высказали все. Естественно поэтому, что вину въ глазахъ закона я беру на себя.

— Я не хочу этого,—съ ненавистью проговорила Зина.— Я не хочу!

— Чего вы не хотите, дорогая? — изумленно спрашивалъ онъ.

— Я не хочу! — неожиданно для себя самой крикнула Зина. — Мнѣ не нужно ни вашего великодушія, ничего! Я не хочу!

Внѣ себя, она вскочила и, опрокинувъ стулъ, убѣжала въ спальню. Тамъ, уткнувшись въ подушку, она зарыдала, чувствуя, что на свѣтѣ нѣтъ никого несчастнѣе ея.

Она не выходила изъ спальни весь вечеръ и весь слѣдующій день, все время почему-то прислушиваясь и нетерпѣливо чего-то ожидая. Она едва не упала въ обморокъ, когда къ вечеру въ дверь ея комнаты раздался легкій стукъ.

— Дорогая!—робко говорилъ Костевичъ.—Простите, что безпокою васъ. Но вы ушли вчера, не кончивъ разговора, и намъ надо еще о многомъ переговорить.

Пріоткрывъ дверь, Зина въ упоръ смотрѣла на него. Она чувствовала только одно: что она сейчасъ же, тутъ же

на мѣстѣ, умерла бы, еслибы онъ догадался о томъ, что происходитъ въ ней. И она чувствовала еще, что ненавидитъ его такъ, какъ не ненавидѣла никого никогда. Не глядя на него, она проговорила:

— Я не хочу развода.

— Дорогая,—не переступая порога, началъ онъ,—но это въ вашихъ же интересахъ. Вы будете свободны. Вы начнете такую жизнь, какая вамъ по душѣ.

— Я не хочу!—отчетливо и упрямо повторила она.

Слегка отвернувшись, онъ совсѣмъ тихо проговорилъ:

— Но пожалѣйте меня. Я не въ силахъ больше.

На мигъ ея душа вынесла вверхъ что-то, залившее ее всю горячей волной, но сейчасъ же снова осталась одна темная ненависть. Она крикнула:

— Я не игрушка, чтобы мной можно было поиграть и бросить, когда надоѣстъ!

И, въ ярости противъ самой себя, захлопнула дверь.

Она долго сидѣла, не двигаясь, на маленькомъ диванчикѣ у стѣны, и поразительно ясно предъ ней встала картина: вотъ тутъ же, передъ ней стоитъ на колѣняхъ онъ, съ тѣмъ же лицомъ, какое она видѣла во снѣ, умоляюще смотритъ на нее и она тихонько опускаетъ ему на плечи свои руки. Она застонала отъ остраго отчаянія и блаженства. У нея полились слезы изъ глазъ и, не удержавшись, она крикнула что-то, сама придя отъ этого въ ужасъ.

Продолжая сидѣть уже съ сухими и воспаленными глазами, также неожиданно и ясно она начала вспоминать Одессу, адвоката, Гуткова, писателя, свое поведеніе передъ отъѣздомъ мужа. Отчетливо и ярко она представила себѣ, ужасаясь, все, что онъ долженъ былъ перестрадать, и среди молній, прорѣзающихъ темноту души, припала къ спинкѣ дивана и стала мѣрно биться о нее головой.

Когда стало совсѣмъ темно, она поднялась и пришла въ столовую, подошла къ открытымъ дверямъ кабинета и увидѣла спину и голову Костевича, сидѣвшаго у стола. Въ томъ, какъ онъ устало сидѣлъ, было что-то такое, отъ чего она стала дрожать такъ, что едва могла держаться на ногахъ. Когда, обернувшись, онъ быстро всталъ, она, не входя въ комнату, крикнула ему:

— Слушайте! Я пришла сказать, что согласна на все!

Эту ночь она почти не спала. Открывъ глаза, она смотрѣла въ темноту, видѣла всю свою прошлую жизнь и ее иногда, подхвативъ, мчалъ вихрь короткаго ужаса. Она заснула только подъ утро и все время видѣла кого-то необыкновенно близкаго, безконечно ее любящаго, которому она съ

отчаяніемъ, съ рыданіями и криками жаловалась на то страшное, что сдѣлала съ ней жизнь.

Она проснулась рано утромъ съ такимъ чувствомъ, точно ее засунули въ крошечную, наглухо замурованную пещеру, откуда нельзя убѣжать. Задыхаясь, она испытала такой неописуемый ужасъ, что вскочила съ постели и только черезъ нѣсколько минутъ съ облегченіемъ поняла, что выходъ все-таки есть, такъ какъ можно умереть.

Нѣсколько дней Зина не выходила изъ спальни. Она не одѣвалась и не велѣла никого принимать. Пока Костевичъ былъ на службѣ, она ожидала его прихода. Когда онъ приходилъ, когда она слышала его звонокъ, его шаги и обращенныя къ прислугѣ слова, она начинала съ отчаяньемъ ждать того, чего, она знала, уже не могло больше быть. Какъ маленькая дѣвочка, она останавливалась у дверей и подслушивала, что дѣлаетъ онъ. Она дрожала и отскакивала, когда къ двери приближались шаги. Когда они проходили мимо, она въ смертельномъ отчаяніи опускалась на диванъ. Только черезъ пять дней снова раздался тихій стукъ.

— Я извиняюсь,—говорилъ Костевичъ — но эту бумагу вамъ надо подписать. Это для консисторіи.

Зина взяла бумагу, молча подписала ее и, протягивая обратно, спросила:

— Когда она пойдетъ?

— Завтра—отвѣтилъ онъ.—Сегодня уже поздно.

— И тогда начнется разводъ.

— Да.

Она въ упоръ смотрѣла на него и, отступивъ, Костевичъ съ болью прошепталъ:

— За что вы ненавидите меня такъ?..

Захлопнувъ дверь, Зина остановилась среди комнаты и почувствовала, что сейчасъ закричитъ. Она не понимала, что съ ней. Новое и чужое съ кровью и болью рождалось у нея въ душѣ.

Весь остатокъ вечера она то останавливалась, то металась по комнатѣ, кусая пальцы, чтобы удержать рвущійся крикъ. Часовъ въ одиннадцать, совсѣмъ отупѣвъ, она раздѣлась и легла, но вздрогнувъ, приподнялась и сѣла: она услышала крадущіеся шаги. Ея сердце тревожно билось и кровь, какъ колоколъ, звонила у нея въ головѣ. Но когда, задержавшись на мигъ, шаги снова прошли, она вскочила, открыла электричество, быстрымъ движеніемъ отрѣзала отъ занавѣски шнурокъ, затянула его на шеѣ и стала искать, куда его перекинуть.

Прыгнувъ на стулъ, она перебросила его черезъ вы-

ступъ на карнизѣ шкафа, но вмѣстѣ съ карнизомъ сорвалась внизъ. Бѣгая по комнатѣ, она искала еще чего-нибудь, нашла вѣшалку для полотенца, но опять вмѣстѣ съ нею упала на полъ. Тогда, ставъ среди комнаты и стиснувъ себѣ грудь, она начала кричать.

Когда вбѣжалъ перепуганный Костевичъ, она, прерывая себя криками, проговорила:

— Я васъ люблю! Да, да! Я васъ давно люблю! Я не хочу жить безъ васъ! И если вы меня не хотите, я умру.

Г. Яблочковъ.

Я сжегъ твое послѣднее письмо. Бумага,
Свиваясь, вспыхнула, и пламенный листокъ
Живыми отблесками огненнаго флага
Глубокую печаль въ душѣ моей зажегъ.

Но пепелъ дорогой хранилъ, не разсыпаясь,
На траурѣ своемъ узоръ знакомыхъ строкъ,
И такъ отчетливо, что я прочесть бы могъ
То, что писала ты, со мною разставаясь.

Но лишь движенiе, лишь вздохъ со стороны,
И онъ разсыпался, и съ нимъ исчезли сны
Души тоскующей. Остался только пепелъ.

Прощай. Не я виной, что пѣснь оборвана
И сказка кончена. Въ стаканѣ нѣтъ вина,
Оно расплескано, а я почти что не пилъ.

А. Федоровъ.

Новая экскурсія въ Головлево.

(Къ 25-й годовщинѣ смерти М. Е. Салтыкова).

I.

Въ своихъ сатирахъ Щедринъ много мѣста отводитъ тѣмъ преуспѣвающимъ представителямъ дворянства, которые чутко угадывали выгоды своего новаго пореформеннаго положенія и сумѣли такъ или иначе устроить свою судьбу на развалинахъ крѣпостного права. Но,—говоритъ сатирикъ—бываютъ семьи, надъ которыми тяготѣетъ какъ бы обязательное предопредѣленіе, которымъ домашніе пенаты не дарятъ ничего, кромѣ безвыходнаго злополучія. „Вдругъ, словно вша, нападаетъ на семью, не то невзгода, не то порокъ и начинаетъ со всѣхъ сторонъ ѣсть. Расползается по всему организму, прокрадывается въ самую сердцевину и точитъ поколѣніе за поколѣніемъ“.

Типичный образецъ такой безпомощной, изнутри разлагающейся дворянской семьи сатирикъ даетъ намъ въ своей классической хроникѣ „Господа Головлевы“.

Втеченіе нѣсколькихъ поколѣній злополучный фатумъ тяготѣлъ надъ головлевской семьей. Праздность, непригодность къ какому бы то ни было дѣлу и, какъ обязательный эпилогъ—запой,—вотъ характерныя черты, проходившія черезъ исторію этого семейства. Оно захудало бы окончательно, еслибы посреди этой пьяной неурядицы случайнымъ метеоромъ не блеснула Арина Петровна. Энергичная, властная женщина, вступившая въ семью со стороны, она снова по крохамъ собрала разрушающееся благосостояніе Головлевыхъ. Къ началу хроники мы застаемъ ее матерью послѣдняго поколѣнія этой обреченной семьи.

Неутомимая собирательница земли, она, скоро оріентировавшись на новомъ мѣстѣ, подчинила своей единой волѣ всѣхъ окружающихъ, и какъ помѣщица, и какъ жена, и какъ мать. Съ внѣшней стороны ея домостроительство даетъ какъ будто блестящіе результаты. Благосостояніе почти раззоренной семьи значительно поднялось; строгая дисциплина держитъ въ границахъ всѣхъ домашнихъ, начиная отъ озорного мужа, Владиміра Михай-

ловича Головлева, и кончая послѣдней горничной дѣвкой. Но червоточина продолжаетъ свою разрушительную работу надъ обреченной семьей, незамѣтно подбираясь и къ самой Аринѣ Петровнѣ. У нея была слишкомъ независимая, холостая натура, чтобы она могла видѣть въ дѣтяхъ что-нибудь, кромѣ лишней обузы. Съ годами она постепенно отстранила своего мужа отъ всякаго вмѣшательства въ домашнюю и семейную жизнь, такъ что тотъ, наконецъ, одичалъ и почти не выходилъ изъ своей комнаты. А дѣтей, которыхъ было четверо, она терпѣла постольку, поскольку они не мѣшали ея вѣчнымъ хозяйственнымъ хлопотамъ. О старшемъ сынѣ Степанѣ и о дочерѣ Аннѣ она даже и говорить не любила; къ младшему сыну была болѣе или менѣе равнодушна и только средняго Порфишу не то чтобы любила, а словно побаивалась.

Результаты деспотическаго воспитанія прежде всего сказались на старшемъ сынѣ, котораго мать называла не иначе, какъ Степка-балбесъ или Степка-озорникъ. Это былъ самый талантливый изъ дѣтей,—одна изъ тѣхъ „талантливыхъ", но лишенныхъ моральной выдержки, натуръ, на никчемность которыхъ сатирикъ печаловался еще въ „Губернскихъ Очеркахъ". Подъ домашнимъ гнетомъ изъ одареннаго отъ природы Степки выработался характеръ рабскій, повадливый до буфонства, не знающій чувства мѣры и лишенный всякой предусмотрительности. Самостоятельная жизнь, жизнь за предѣлами дома не удалась ему: разбитый и спившійся онъ долженъ былъ вернуться въ Головлево, чтобы здѣсь, презираемый матерью, провести свои послѣдніе догоравшіе дни.

Не болѣе удачливой оказалась и судьба Аннушки. На нее по окончаніи института Арина Петровна мѣтила, какъ на дарового бухгалтера и секретаря. Но Аннушкѣ не улыбалась такая перспектива, она ушла изъ дому, тайно обвѣнчавшись съ какимъ-то корнетомъ. Года черезъ два корнетъ сбѣжалъ неизвѣстно куда; вслѣдъ за этимъ умерла и Аннушка, оставивъ на попеченіе Арины Петровны двухъ своихъ дочерей-близнецовъ: Аннинньку и Любиньку.

Изъ младшаго отпрыска семьи Головлевыхъ, Павла, выработался апатичный, лишенный поступковъ человѣкъ. У него не было никакихъ склонностей, никакихъ привязанностей. Угрюмо и вяло прошелъ онъ нѣсколько ступеней назначенной ему военной карьеры; угрюмо и вяло разстался со службой, чтобы въ бездѣльномъ усадебномъ покоѣ продолжить свою одинокую и замкнутую жизнь.

Какъ-то мимо сознанія Арины Петровны прошла гибель двухъ ея старшихъ дѣтей. Равнодушной оставалась она и къ молчаливой мрачности своего послѣдыша. Порфирій одинъ иногда волновалъ ее своимъ непрошеннымъ заискиваніемъ, къ которому она

не могла не относиться съ боязливой подозрительностью. Съ младенческихъ лѣтъ онъ любилъ приласкаться къ „милому другу маменькѣ“, украдкой поцѣловать ее въ плечико, а иногда слегка и понаушничать. И когда онъ устремлялъ на нее свой, какъ будто очарованный взглядъ, Арина Петровна никакъ не могла опредѣлить себѣ, что именно онъ источаетъ изъ себя: ядъ или сыновнюю почтительность: „Взглянетъ—разсуждала она про себя:— ну, словно вотъ петлю закидываетъ. Такъ вотъ и поливаетъ ядомъ, такъ и подманиваетъ!“

Степка-балбесъ называлъ Порфирія въ дѣтствѣ откровеннымъ мальчикомъ, кровопивушкой, Іудушкой. Послѣднія названія какъ-то особенно пристали къ Порфирію и утвердились за нимъ. Іудушка-кровопивушка внушалъ всѣмъ окружающимъ чувство гадливой и вмѣстѣ съ тѣмъ опасливой тревоги, въ каждой ласкѣ его чувствовалось заранѣе подготовляемое предательство, но тѣ, кого онъ закидывалъ петлями своего ласкательства, были не въ силахъ противиться имъ. И сама Арина Петровна, подкупаемая ласками Іудушки, невольно отдавала ему предпочтеніе передъ мало общительнымъ, угрюмымъ Павломъ. Во всѣхъ отношеніяхъ посредственный, мало одаренный ребенокъ, Іудушка, имѣлъ, повидимому случай убѣдиться дома, что обнаруженное имъ дарованіе къ лицемѣрному заискиванію—является для него лучшимъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе. Онъ неизмѣнно культивируетъ эту единственную свою способность и, надо думать, что только благодаря ей этотъ ничтожный человѣкъ съ успѣхомъ продѣлалъ свою чиновничью карьеру, сравнительно быстро достигнувъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Само собой разумѣется, что въ началѣ своей служебной карьеры Іудушка не забывалъ любезнаго друга маменьку, высказывая ей свою сыновнюю почтительность то письменно, то, при случаѣ, устно, но каждый разъ въ подозрительно многословной и льстивой формѣ.

Арина Петровна мало довѣряла этимъ сыновнимъ изліяніямъ Іудушки, совсѣмъ не вѣрила Павлу и упорно продолжала дѣло, которому она посвятила всѣ свои помыслы, всю свою жизнь,—дѣло пріумноженія Головлевскихъ достатковъ.

Первый ударъ властности этой уравновѣшенной женщины былъ нанесенъ крестьянской эмансипаціей. Не столько, впрочемъ, самой реформой, сколько предшествовавшими ей слухами и приготовленіями. Арину Петровну пугала одна мысль о томъ, что вся эта масса „холоповъ“, безмолвныхъ исполнителей ея распоряженій вдругъ предъявитъ и свои права на человѣческое существованіе. Она не могла представить себѣ, что она безъ многочисленной дворни, „безъ поганокъ-то безъ своихъ“ дѣлать будетъ?

Вѣдь сущность крѣпостного права, какъ характеризовалъ его Щедринъ въ другихъ болѣе раннихъ сатирахъ, состояла въ крайнемъ, до послѣднихъ предѣловъ, упрощеніи формъ соціаль-

ныхъ отношеній. А теперь надвигалось нѣчто новое, невѣдомое, къ чему такъ или иначе надо будетъ приспособляться, ломать себя. Подъ тяжестью подобныхъ размышленій Арина Петровна какъ-то вдругъ выпустила изъ своихъ рукъ бразды правленія.

Іудушка изъ писемъ инстинктомъ понялъ новое ея настроеніе и, учуявъ добычу, поспѣшилъ пріѣхать въ Головлево. Здѣсь онъ сумѣлъ со всѣхъ сторонъ опутать мать петлями своего суесловія и въ результатѣ Арина Петровна приняла такое рѣшеніе: себѣ оставила капиталъ, а имѣніе раздѣлила между Порфиріемъ и Павломъ, причемъ лучшая часть—Головлево—досталась, конечно, Іудушкѣ. Павелъ немедленно же принялъ даръ въ свои руки и, бросивъ службу, поселился въ предоставленномъ ему имѣніи Дубровино. Напротивъ, Іудушка пролилъ слезы и упросилъ добраго друга маменьку управлять его имѣніемъ безотчетно, получать съ него доходы и употреблять по своему усмотрѣнію. Іудушка уѣхалъ заканчивать свою служебную карьеру. И тутъ-то на проницательную Арину Петровну нашло затменіе. Не смотря на раздѣлъ имѣнія и освобожденіе крестьянъ, она снова почувствовала себя властной и безотчетной распорядительницей Головлева. Какъ и въ давно минувшіе годы, она увлеклась ролью собирательницы земли и весь свой капиталъ быстро истратила на „округленіе“ имѣнія ласковаго сына.

Іудушка какъ будто ждалъ именно этого момента. При самомъ почтительномъ письмѣ онъ обязалъ мать сложной и мелочной отчетностью, которая должна была разъ навсегда уничтожить самостоятельное веденіе ею головлевскаго хозяйства. Послѣ продолжительной полемической переписки Арина Петровна, оскорбленная и негодующая, переѣхала въ Дубровино къ Павлу, а Порфирій Владиміровичъ вышелъ въ отставку и поселился въ Головлевѣ.

Здѣсь, въ роли полновластнаго хозяина-помѣщика, Іудушка впервые раскрываетъ пышный букетъ своихъ достоинствъ. Это былъ вполнѣ опустошенный, пустопорожній человѣкъ, унаслѣдовавшій отъ матери ея страсть къ наживѣ и ея скопидомство, но совершенно лишенный ея энергіи, ея ума и дѣловой предпріимчивости. Отсутствіе всѣхъ этихъ данныхъ, отсутствіе всѣхъ человѣческихъ чувствъ и абсолютную пустоту содержанія собственной жизни онъ старался замаскировать словами, которыя сочились изъ него въ изнурительномъ изобиліи. Словами онъ могъ смыть любой вопросъ, возникавшій на почвѣ его отношеній къ окружающимъ; въ словахъ онъ могъ потопить любую содѣянную имъ пакость, потопить до такой степени, что самая пакость забывалась безъ остатка и оставалось одно только чувство негодующаго изумленія передъ потокомъ праздныхъ ненужныхъ словъ. Позабытыя прописи, евангельскія реченія,—все пускалъ въ ходъ Іудушка своимъ ровнымъ ласкающимъ голосомъ. И только по временамъ масломъ подернутое слюнявое лицо его вдругъ освѣщалось какимъ-то вну-

треннимъ плотояднымъ сіяніемъ, явно выдававшимъ скрытыя намѣренія этого отвратительнаго хищника-лицемѣра. То же пустомысліе и пустословіе отличаютъ Іудушку въ его хозяйственныхъ отношеніяхъ. Отсутствіе иниціативы и распорядительности онъ замаскировалъ утомительной суетой, свою барскую неприспособленность къ практическому дѣлу онъ подмѣнилъ бумажной безтолочью, вынесенной имъ изъ петербургскихъ канцелярій. И если ко всему этому добавить непрестанное сутяжничество обиженнаго реформой дворянина, то приблизительно можно оцѣнить качество новой атмосферы, создавшейся въ Головлевѣ съ пріѣздомъ Іудушки.

Съ этого момента въ хроникѣ семьи Головлевыхъ начинается рѣшительный переломъ, который даетъ себя чувствовать не только въ содержаніи, но и въ формѣ самаго повѣствованія.

До момента водворенія Іудушки въ Головлевѣ сатирикъ въ Щедринѣ нерѣдко заслоняетъ собой художника. Онъ комментируетъ, обличаетъ, негодуетъ, ни мало не скрывая своего личнаго отношенія къ торжествующему хищничеству, которое, въ лицѣ Арины Петровны, съ какой-то слѣпой стихійной силой грубо ломаетъ на пути своемъ чужія индивидуальности и даже жизни. Пока Арина Петровна совершала свое побѣдное шествіе, не встрѣчая ни откуда, ни сопротивленія, ни отпора, сатирикъ не могъ время отъ времени не выступать со своимъ негодующимъ словомъ противъ возведеннаго въ принципъ насилія. Но съ пріѣздомъ Іудушки положеніе измѣнилось. Самовластная распорядительница чужихъ жизней становится теперь сама игрушкой въ рукахъ тѣхъ, которые должны были, казалось, согрѣть тепломъ сыновней ласки ея холодную старость. Теперь она жнетъ, что посѣяла. Молохъ накопленія, на алтарь котораго она безтрепетно принесла когда-то и семью, и свои собственныя думы и чувства, потребовалъ отъ нея новой жертвы. Она должна принести ее, и сатирикъ отступилъ, очистивъ мѣсто художнику-реалисту. Этотъ послѣдній, съ удивительной силой изобразительности, воспроизводитъ внутренній міръ Арины Петровны въ его послѣдовательной эволюціи, съ безсонными ночами и горькимъ сознаніемъ причиненныхъ ей обидъ.

Сначала приживалка у мрачнаго, подозрительнаго и грубо откровеннаго Павла, она могла, затаивъ обиды, хранить про себя гордое сознаніе добровольнаго выбора: она вѣдь пошла къ младшему сыну только потому, что не пожелала уступить старшему. Но, когда умеръ Павелъ, погасъ и этотъ жалкій остатокъ личнаго достоинства. Теперь она просто безпомощная брошенная старуха, судьба которой всецѣло зависитъ отъ милостей Іудушки-кровопивушки. Нѣтъ выбора, нѣтъ исхода.

Поставивъ Арину Петровну въ это новое для нея положеніе, художникъ не смягчаетъ въ сущности ни одной ея черты. И тѣмъ не менѣе, при всей нашей предубѣжденности противъ нея, эта

сраженная женщина не только завладѣваетъ нашимъ вниманіемъ, но вызываетъ даже сочувствіе къ себѣ.

Вотъ, готовясь къ смерти Павла, сидитъ она погруженная въ свои глубокія, безнадежныя думы. „Всю жизнь слово „семья" не сходила у нея съ языка: во имя семьи она однихъ казнила, другихъ награждала; во имя семьи она подвергала себя лишеніямъ, истязала себя, изуродовала всю свою жизнь—и вдругъ выходитъ, что семьи-то именно у нея нѣтъ"! Опершись головой на руку и обративъ омоченное слезами лицо на встрѣчу поднимающемуся солнцу, она какъ будто говорила ему: „видь"! Она не стонала и не кляла, а только потихоньку всхлипывала, словно захлебываясь слезами. И въ то же время на душѣ у нея такъ и горѣло:

— Нѣтъ никого, нѣтъ никого! Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!" [1]).

За простыми до ригоризма словами художника здѣсь чувствуется глубокій внутренній трагизмъ пробужденной къ казни личности. И одна эта сцена можетъ примирить читателя съ Ариной Петровной. А вѣдь здѣсь только предвкушеніе того, что готовитъ ей пребываніе у Іудушки.

Въ то время, какъ крестьянская реформа выбила изъ колеи Арину Петровну, Іудушка какъ будто самой природой былъ приспособленъ къ переходному пореформенному періоду, который, за упраздненіемъ „крѣпостной гармоніи", остался безъ всякой моральной опоры. Отношенія, которыя вчера еще были освѣщены высокой санкціей государства и церкви, сегодня предстали обнаженными отъ всякихъ идеологическихъ покрововъ. Но Іудушку это обстоятельство смутить не могло. Забронированный своимъ пустословіемъ, онъ былъ недоступенъ никакимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ. Что бы ни случилось, Іудушка ко всему готовъ заранѣе. Ничто не застанетъ его врасплохъ, ничто не заставитъ его сдѣлать какое-нибудь отступленіе отъ той сѣти пустыхъ и насквозь прогнившихъ афоризмовъ, въ которую онъ запутался съ головы до ногъ. Пустословіе выручало его на всѣхъ путяхъ его. Имъ онъ защищался, оно же служило для него орудіемъ нападенія. Варьируя на разные лады такія благонамѣренныя слова, какъ „Богъ", „законъ", „добродѣтель", „дьяволъ", „семья", онъ опутывалъ ими слушателя, то устрашая, то гипнотизируя его. И какъ часто люди, обезкураженные потокомъ безсвязныхъ Іудушкиныхъ афоризмовъ, готовы были пойти на какія угодно уступки, только бы Іудушка пересталъ „мучить" ихъ! Да, вѣдь отвлеченныя разсужденія Іудушки, не имѣющія никакого реальнаго отношенія къ дѣлу, вытекали совсѣмъ не изъ безкорыстной страсти къ умственнымъ упражненіямъ. Какъ отмѣтилъ Владиміръ Соловьевъ въ своей извѣстной статьѣ, гдѣ онъ сравнивалъ съ Іудушкой В. В. Роза-

---

[1]) Томъ 2, стр. 94.

нова [1]), отвлеченнымъ пустословіемъ Іудушка всегда прикрываетъ какую-нибудь совершенно конкретную пакость. И, когда напримѣръ, на вопросъ Арины Петровны, какъ ей быть со старшимъ, спившимся сыномъ, Іудушка затягивалъ въ отвѣтъ „милому другу маменькѣ" словесную канитель о сыновней обязанности чтить родителей, это, конечно, вело лишь къ тому, чтобы закрѣпить за собой маменькино имѣніе.

Вооруженный этимъ аппаратомъ суесловія, Іудушка могъ считать свое благополучіе прочно обезпеченнымъ. И, дѣйствительно въ Головлевѣ онъ ни откуда не встрѣчалъ не только прямого отпора, но даже малѣйшаго косвеннаго ограниченія, которое заставило бы его подумать: вотъ. дескать, и напакостилъ бы, да людей совѣстно. Ничье сужденіе не безпокоило, ничей нескромный взглядъ не тревожилъ, — слѣдовательно, не было повода и самого себя контролировать. Притомъ же всѣ конфликты Іудушки съ окружающей средой неизмѣнно оканчивались въ его пользу. Но ядъ источаемыхъ имъ словъ, нерѣдко дѣйствовавшій со смертоносной силой, изолировалъ Іудушку. Торжествуя надъ своими явными и мнимыми недругами, Іудушка съ каждой новой побѣдой все больше и больше разобщалъ себя съ окружающимъ міромъ. Одинъ за другимъ умираютъ сыновья Іудушки послѣ тщетныхъ попытокъ достучаться до его родительскаго сердца. Панихиды, да нѣсколько соотвѣтствующихъ случаю афоризмовъ („Богъ непокорныхъ дѣтей наказываетъ" и т. п.) достаточны были для того, чтобы ликвидировать и предать забвенію „несчастные случаи", но пустое мѣсто, созданное вокругъ Іудушки этими „умертвіями", осталось. Точно также мимо сознанія Іудушки прошла и смерть Арины Петровны. Онъ не понималъ, что эта могила уносила послѣднюю связь его съ живымъ міромъ, послѣднее живое существо, съ которымъ онъ могъ дѣлить прахъ, наполнявшій его. Онъ не понималъ, что отнынѣ этотъ прахъ, не находя исхода, будетъ накопляться въ немъ до тѣхъ поръ, пока окончательно не задушитъ его.

Послѣ смерти Арины Петровны возлѣ Іудушки оставалась только Евпраксеюшка,—экономка, которую онъ „приблизилъ" къ себѣ за ея непритязательность и за широкую, могучую спину. Но и эту безотвѣтную женщину Іудушка сумѣлъ обидѣть и вооружить противъ себя, отправивъ прижитаго отъ нея ребенка въ воспитательный домъ. Евпраксеюшка взбунтовалась, открыто завела шашни съ мужской прислугой и совершенно перестала обращать вниманіе на всѣ увѣщеванія словоточиваго барина. Въ собственномъ своемъ домѣ Іудушка почувствовалъ себя лишеннымъ покоя

[1]) См. „Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ". Собраніе соч. Вл. С. Соловьева, т. VI, стр. 426—441. Изд. т-ва „Просвѣщеніе".

и уюта. Онъ почти не выходилъ изъ кабинета, одичалъ, загрязнился.

Весьма, вѣроятно, что Іудушка такъ и умеръ бы въ этомъ одичаломъ состояніи, еслибы въ Головлево не пріѣхала его подкошенная жизнью племянница Аннинька. Вмѣстѣ съ сестрой своей Любинькой она когда-то, еще при жизни Арины Петровны, бѣжала изъ Головлева при первой возможности располагать собою. Сестрамъ казалось, что нѣтъ и не можетъ быть жизни хуже, постылѣе головлевской. Поступивъ въ актрисы, онѣ споткнулись и больно ушиблись о подмостки провинціальной сцены. Болѣе сильная и разсудительная Любинька во время остановилась и самостоятельно прекратила свою жизнь, не обѣщавшую впереди ничего, кромѣ позора и нищеты. Спокойно выпила она стаканъ отравы, а другой протянула сестрѣ:—„пей... подлая!“ Но Аннинька сробѣла передъ этимъ рѣшительнымъ шагомъ и предпочла ему медленную агонію въ Головлевѣ. Въ этомъ выморочномъ гнѣздѣ стараго барства сошлись, такимъ образомъ, передъ лицомъ смерти два послѣднихъ отпрыска отмирающей семьи.

Запой, который привезла съ собой Аннинька, соблазнилъ и Іудушку. И вотъ, по ночамъ, когда все въ домѣ затихало, племянница съ дядей устраивали пьяную оргію, которая неизмѣнно сопровождалась отравленными воспоминаніями изъ скорбной семейной хроники. Аннинька любила дразнить дядю подробностями семейнаго синодика, доказывая, что главная роль во всѣхъ увѣчьяхъ, наряду съ бабушкой, принадлежала ему. Въ концѣ концовъ эти постоянныя припоминанія должны были оказать свое дѣйствіе. Ужасная правда освѣтила сознаніе Іудушки, но освѣтила поздно и безплодно. Онъ понялъ, что, опустошая чужія жизни, онъ опустошилъ собственную. Но пробудившаяся совѣсть не могла дать примиренія человѣку, почти уже закончившему свой жизненный путь; тѣмъ менѣе могла она указать на возможность новой жизни. Запоздавшее просіяніе несло съ собою одно только безконечное и безплодное терзаніе, которое оказалось не по силамъ Іудушкѣ... Закоченѣвшій трупъ его найденъ крестьянами на дорогѣ къ кладбищу.

II.

Таковъ скелетъ этой замѣчательной хроники, каждая деталь которой глубокой бороздой врѣзывается въ сознаніе читателя.

Послѣдовательно проведенный черезъ всю хронику законъ наслѣдственности, неумолимо преслѣдующій выморочную семью Владиміра Михайловича, далъ поводъ многимъ критикамъ и рецензентамъ „Господъ Головлевыхъ“ сопоставить ихъ съ Ругонъ-Маккарами Эмиля Золя. Сопоставленіе напрашивалось само собой и, конечно, выводы складывались въ пользу нашего художника. Отъ „экспериментальнаго романа“ Золя интимный романъ Щедрина

отличается какъ разъ тѣми чертами, которыми самъ же сатирикъ впослѣдствіи отграничилъ французскій реализмъ отъ русскаго. Французскій художникъ сосредоточиваетъ свое вниманіе почти исключительно на внѣшнихъ сторонахъ изображаемаго явленія. Желая оставаться въ рамкахъ „научнаго" изслѣдованія, онъ регистрируетъ явленія, классифицируетъ ихъ и прилагаетъ какъ будто бы всѣ заботы къ тому, чтобы чистоту научнаго опыта не нарушить своимъ субъективнымъ вмѣшательствомъ, своей личной оцѣнкой. Отсутствіе идеологіи онъ оправдываетъ требованіями научнаго объективизма. Салтыкова, напротивъ, человѣкъ интересуетъ здѣсь не столько въ дѣйствіи, во внѣшнемъ проявленіи его природы, сколько въ сокровенной мотиваціи его поступковъ, въ его внутренней интимной жизни. И сама эта интимная область, въ которую вступилъ художникъ, налагаетъ на него опредѣленныя обязательства. Случайно встрѣтившемуся на улицѣ нищему можно подать грошъ и затѣмъ отойти отъ него не безъ сознанія исполненнаго долга. Но если тотъ же нищій успѣлъ заинтересовать васъ интимной стороной своего существованія, если даже случайный порывъ увлекъ ваше вниманіе въ сторону его внутреннихъ переживаній, тогда и болѣе крупная подачка не успокоитъ и не удовлетворитъ васъ. Случайный прохожій сталъ для васъ *человѣкомъ*. Коснувшись тонкихъ струнъ его человѣческой природы, заставивъ вибрировать эти струны, вы невольно будете искать созвучнаго отклика въ вашей душѣ,—искать въ себѣ человѣчнаго отношенія къ человѣку.

Вотъ это-то человѣчное отношеніе къ человѣку, такъ ярко выраженное авторомъ въ хроникѣ выморочной дворянской семьи, поднимаетъ „Господъ Головлевыхъ" на высоту міроваго литературнаго явленія. Художникъ настолько глубоко проникъ въ интимную жизнь своихъ героевъ, что вскрылъ передъ нами подпочвенный слой ихъ общечеловѣческаго существа. И это въ совершенствѣ удалось ему. Удалось, быть можетъ, потому, что въ роли натурщиковъ художнику позировали близкіе ему люди.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Аринѣ Петровнѣ Головлевой безъ труда узнается извѣстная уже намъ Анна Павловна Затрапезная изъ „Пошехонской Старины", т. е. лицо, наиболѣе типичными своими чертами напоминающее мать сатирика. А что касается Іудушки, то самъ Салтыковъ, — въ неопубликованной перепискѣ его съ А. М. Унковскимъ (письмо отъ 13 ноября 1875 г.),—указываетъ, какъ на оригиналъ для этой художественно поставленной фигуры, на своего родного брата Дмитрія.

Если, по выраженію Гончарова, сатирикъ заставилъ читателя „внезапно поблѣднѣть передъ образомъ Іудушки", то эффектъ этотъ достигнутъ художникомъ именно человѣчностью созданнаго имъ образа.

Углубляясь въ хронику головлевской семьи, читатель съ ужа-

сомъ замѣчаетъ, что даже въ опустошенной душѣ Іудушки есть элементы, присущіе его читательской душѣ. Пустяки, изъ которыхъ Іудушка, петля за петлей, сплетаетъ ткань своего оброшеннаго существованія, занимаютъ и въ нашей жизни слишкомъ большое мѣсто, чтобы мы могли оставаться равнодушными къ этой фигурѣ. Трагическія ноты, врывающіяся въ эпилогъ всей этой безотрадной эпопеи, гимномъ человѣчности завершаютъ начатое художникомъ дѣло. Сближая Іудушку съ человѣкомъ, онѣ до извѣстной степени примиряютъ съ нимъ читателя. Но вѣдь этимъ сближеніемъ еще болѣе укорачивается въ то же время разстояніе между Іудушкой и читателемъ. И вотъ почему не всякое произведеніе міровой литературы оставляетъ читателя въ такомъ безпокойномъ, тревожномъ настроеніи, въ какомъ разстается онъ съ хроникой мертваго головлевскаго дома.

Можно сказать, что „Господа Головлевы" пріобрѣли міровое общечеловѣческое значеніе совершенно независимо отъ воли и намѣренія автора. Съ своей стороны, художникъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы пріурочить созданные имъ типы къ опредѣленному историческому моменту и связать ихъ съ опредѣленной соціальной средой. И, дѣйствительно, всѣ выведенныя въ хроникѣ лица являются естественными продуктами цѣлой культурной полосы русской исторической жизни.

Крестьянская реформа какъ бы разсѣкаетъ хронику на двѣ части. Всѣ персонажи ея родились и воспитались на лонѣ „крѣпостной гармоніи", типичной предоставительницей которой и служитъ властная фигура Арины Петровны. Реформа испугала ее, но испугала исключительно неопредѣленностью своихъ еще не реализованныхъ возможностей. А, когда эмансипація стала фактомъ, Арина Петровна, какъ ни въ чемъ ни бывало, спокойно продолжала дѣло „округленія" Головлева, довольствуясь старой крѣпостнической правдой. И вовсе не новыя общественныя условія заставили капитулировать ее,—они ни въ чемъ не стѣсняли Арину Петровну. Къ капитуляціи она вынуждена была роднымъ сыномъ, который, даже при крайней скудости своего ума и воли, оказался лучше ея приспособленнымъ къ пореформенному режиму. Любопытно, что поставивъ передъ „поблѣднѣвшимъ" читателемъ эту во всѣхъ отношеніяхъ новую въ литературѣ фигуру Іудушки, художникъ не рѣшился предоставить самому читателю ея оцѣнку и истолкованіе. Онъ сдѣлалъ это самъ, сдѣлалъ умно и тонко.

„Не надо думать, — что Іудушка былъ лицемѣръ въ смыслѣ, напримѣръ, Тартюфа или любого современнаго французскаго буржуа, соловьемъ разсыпающагося по части общественныхъ основъ. Нѣтъ, ежели онъ и былъ лицемѣръ, то лицемѣръ чисто русскаго пошиба, т. е. просто человѣкъ, лишенный всякаго нравственнаго мѣрила и не знающій иной истины, кромѣ той, которая значится въ прописяхъ. Онъ былъ невѣжественепъ безъ границъ, сутяга,

лгунъ, пустословъ и, въ довершеніе всего, боялся чорта. Все это такія отрицательныя качества, которыя отнюдь не могутъ дать прочнаго матеріала для дѣйствительнаго лицемѣрія". Лицемѣріе почти всегда имѣетъ яркую политическую и соціальную окраску— и предполагаетъ, стало быть, какія-то основы, которыя лицемѣрамъ невыгодно подрывать открыто и явно. Мы же—утверждаетъ сатирикъ—„не имѣемъ надобности лицемѣрить ради какихъ нибудь общественныхъ основъ, ибо никакихъ такихъ основъ не знаемъ, и ни одна изъ нихъ не прикрываетъ насъ. Поэтому между нами очень мало лицемѣровъ и очень много лгуновъ, пустосвятовъ и пустослововъ" [1]). И Іудушку авторъ считаетъ не столько лицемѣромъ, сколько пакостникомъ, лгуномъ и пустословомъ.

Въ этомъ остроумномъ противопоставленіи Іудушки лицемѣрамъ буржуазнаго строя есть одна существенная ошибка. Отъ нея совершенно свободенъ Щедринъ-художникъ, но Щедринъ-публицистъ и Щедринъ-критикъ слишкомъ часто повторяютъ ее, такъ что оставить ее безъ вниманія не слѣдуетъ.

Вопреки толкованію Щедрина, пустословіе Іудушки столь же цѣлесообразно, какъ и лицемѣріе „любого современнаго французскаго буржуа": оба они одинаково стремятся къ тому, чтобы нормы ихъ личнаго поведенія не сдѣлались общедоступными; оба они, каждый на свой ладъ, защищаютъ выгодныя для нихъ общественныя основы. Разница лишь въ томъ, что европейскій лицемѣръ могъ точно и ясно формулировать основы своего буржуазнаго государства, тогда какъ Іудушка силою вещей осужденъ былъ на пустословіе. Ибо сущность нашего пореформеннаго строя заключалась не въ отсутствіи основъ, какъ думаетъ сатирикъ, а въ томъ, что это отсутствіе основъ и было его настоящею основой. Поэтому западно-европейскій буржуа могъ создавать въ защиту своихъ основъ болѣе или менѣе прочныя и стройныя идеологіи, а на практикѣ, опираясь на основы, „осуществлять свои законныя права", тогда какъ Іудушка никакъ не могъ выпутаться изъ сѣти безсвязныхъ афоризмовъ, а практика его была сплошь основана на насиліи и предательствѣ.

Типъ въ нашей литературѣ новый и даже, можно сказать, неожиданный, Іудушка властно привлекалъ къ себѣ вниманіе Щедрина еще задолго до своего послѣдняго и окончательнаго воплощенія въ законченную фигуру Порфирія Владиміровича Головлева. Отдѣльные намеки на этотъ типъ разбросаны во многихъ произведеніяхъ сатирика, но иногда онъ подходилъ къ Іудушкѣ совсѣмъ близко, видимо готовый зарисовать навязчивый образъ этого пустослова со всѣми его характерными признаками.

Вспомнимъ, напримѣръ, фигуру статскаго совѣтника Семена Семеновича Фурначева, выступающаго въ двухъ комедіяхъ Сал-

[1]) Ibid., стр. 142.

тыкова,—въ „Смерти Пазухина“ (1857 г.) и въ „Утрѣ у Хрептюгина“ (1858 г.). Жена Фурначева, Настасья Ивановна, лучше другихъ, разумѣется, раскусившая этого хищника-пустослова, упрашиваетъ мужа: „Хоть бы при мнѣ-то ты объ добродѣтели не говорилъ“. Но Фурначевъ не унимается и продолжаетъ:

— Добродѣтель, сударыня, украшаетъ жизнь человѣческую; человѣкъ, не имѣющій добродѣтеля, звѣрь, а не человѣкъ!“ и т. д.

На дальнѣйшія разглагольствованія Фурначева на тему о добродѣтели,—разглагольствованія, въ которыя, кстати сказать, эта милая супружеская пара облекаетъ свои мечты о скорѣйшей кончинѣ „почтеннѣйшаго папеньки“ Ивана Прокофьича Пазухина,—Настасья Ивановна замѣчаетъ:

— Что-то ты, душечка, какъ говоришь скучно! Даже спать хочется.

Вспомнимъ и Софрона Матвѣича Хмылова, любимаго дядю „палача“ изъ „Господъ Ташкентцевъ“ [1]). Такъ же, какъ и Порфирій Владиміровичъ, Софронъ Матвѣичъ Хмыловъ не могъ похвалиться никакими своими ни духовными, ни физическими преимуществами. О преуспѣяніяхъ онъ даже и не мечталъ, вполнѣ довольный своимъ не блестящимъ, но солиднымъ положеніемъ уѣзднаго стряпчаго. Неизмѣнно ласковый, даже приниженный, онъ говорилъ тихо, вкрадчиво, словно хныкалъ. „Позвольте мнѣ, добрый другъ папенька“, — начиналъ онъ свои разговоры съ отцомъ, и всякому было ясно, что „зуда когда-нибудь непремѣнно вызудитъ старика“. Съ просителями, даже съ мужиками, Софронъ Матвѣичъ былъ необыкновенно вѣжливъ: „Тебѣ чего, миленькій? Объ дѣльцѣ небось справиться пришелъ?“ Но при взглядѣ на его сомнительно-улыбающееся лицо, каждому невольно приходило на мысль: „вотъ человѣкъ, который навѣрное обдумываетъ какое-нибудь злодѣйство“.

Еще ближе къ Іудушкѣ стоитъ Сеничка Воловитиновъ изъ разсказа „Семейное счастье“ [2]). Этотъ разсказъ приходится разсматривать даже, какъ первоначальный эскизъ къ Головлевской хроникѣ,—до такой степени индивидуальныя характеристики Воловитиновыхъ, какъ и многія подробности ихъ жизни и отношеній, напоминаютъ такія же подробности изъ хроники семьи Головлевыхъ.

Какъ Іудушка, и Сеничка Воловитиновъ достигъ генеральскаго чина, но покорить материнское сердце онъ, какъ и Іудушка, не сумѣлъ. „Повидимому,—говоритъ художникъ о Сеничкѣ—онъ заключалъ всѣ данныя для увеселенія материнскаго сердца; повидимому, онъ былъ и благонравенъ, и почтителенъ, не пропускалъ ни одного праздника, чтобы не пожелать милой маменькѣ

[1]) „Параллель вторая“. Впервые напечатана въ „Отеч. Запискахъ“, 1871 г., № 11.

[2]) См. „Благонамѣренныя Рѣчи“, очеркъ X-й.

„встрѣтить его въ полномъ душевномъ спокойствіи и въ той сердечной тишинѣ, которыхъ вы, милая маменька, вполнѣ достойны“, однако материнское сердце оставалось холодно къ нему“. Будучи уже вице-директоромъ какого-то департамента, Сеничка однажды чуть на-смерть не перессорился съ милой маменькой Марьей Петровной изъ-за бани. Пріѣхавъ лѣтомъ въ отпускъ, выдумалъ онъ вымыться въ банькѣ и пришелъ доложить объ этомъ маменькѣ. Конечно, Марья Петровна ничего противъ баньки не имѣла. Но пустословіе, которымъ Сеничка перегрузилъ вступительную часть своего доклада, до того изнурило ее, что, не разобравъ даже, въ чѣмъ дѣло, Марья Петровна выскочила изъ комнаты, на ходу крикнувъ почтительному сыну:

— Долго ли ты меня притѣснять будешь? Долго ли тебѣ мной командовать?

Сатирикъ ставитъ въ разсказѣ вопросъ о причинахъ этой холодности Марьи Петровны къ сыну. Онъ приводитъ догадки, которыя высказывались по этому поводу окружающими, но, отвергая ихъ, предлагаетъ свое объясненіе. Между прочимъ, въ черновой рукописи „Семейнаго счастья“ приводится и еще одна догадка, которая не вошла въ печатный текстъ разсказа.

„Нѣкоторые—читаемъ мы въ рукописи — доходили въ своихъ догадкахъ даже до того, что утверждали, будто бы Сеничка, будучи еще груднымъ ребенкомъ, имѣлъ уже четыре зуба и однажды пребольно укусилъ ими мамашину грудь и что съ тѣхъ поръ Марья Петровна забрала себѣ въ голову, что сынъ этотъ будетъ ей злодѣемъ“. Сатирикъ удостовѣряетъ однакожъ, что „при врожденной почтительности, Сеничка никакъ не позволилъ бы себѣ укусить мамашину грудь даже въ такомъ случаѣ, еслибы челюсть его была полна зубовъ, какъ у щуки“...

Изъ собственныхъ объясненій сатирика явствуетъ, что Марья Петровна и Сеничка были люди разнаго психическаго склада, которые не понимаютъ другъ друга потому, что говорятъ на разныхъ языкахъ. Каждое сказанное ими слово, каждый ихъ поступокъ обличалъ въ нихъ людей, которые ни въ чемъ сойтись не могли. Даже за обѣденнымъ столомъ они едва переносили другъ друга. „Когда Марья Петровна ѣла, то совсѣмъ не жевала, а проглатывала пищу, какъ щука; напротивъ того Сеничка любилъ всякій кусокъ разсмотрѣть, разжевать, просмаковать, посыпать разговорцемъ, и къ довершенію всего разрѣзывалъ кушанье на маленькіе кусочки, а съ огурца непремѣнно срѣзывалъ кожу“.

Единственной чертой, сближавшей мать и сына, было хищничество, въ пріемахъ котораго они, впрочемъ, были такъ же мало похожи другъ на друга, какъ и за обѣденнымъ столомъ.

Что касается Арины Петровны Головлевой, почти повторяющей собою Марью Петровну Воловитинову, то типъ этотъ въ сатирахъ Щедрина,—и до, и послѣ „Господъ Головлевыхъ“, — встрѣчается

часто, съ нѣкоторыми, иногда очень незначительными варіаціями. Даже маленькая, худенькая, почти призрачная кузина Машенька изъ „Благонамѣренныхъ Рѣчей“, которая до крестьянской эмансипаціи увлекалась романтикой Шиллера и разрѣшала вопросъ о вѣчности, превращается послѣ реформы въ систематическую хищницу типа Арины Петровны, къ памяти которой она и относится съ благоговѣйнымъ уваженіемъ: „пріятельница мнѣ была, а во многихъ случаяхъ даже учительница“.

Когда Щедринъ началъ писать „Господъ Головлевыхъ“, онъ не собирался сдѣлать изъ этой хроники такой законченный романъ, какимъ онъ въ концѣ концовъ вышелъ у него. Первыя четыре главы этого произведенія вошли отдѣльными очерками въ составъ „Благонамѣренныхъ Рѣчей“, печатавшихся въ „Отечеств. Запискахъ“ съ 1872 по 1876 г. И только послѣднія три главы имѣютъ вполнѣ самостоятельный характеръ и обнаруживаютъ въ сатирикѣ желаніе превратить хронику семьи Головлевыхъ въ цѣльное художественное произведеніе. Однако и эти послѣднія главы показываютъ, что опредѣленнаго плана для этой вещи у автора такъ до конца и не сложилось. Объ этомъ можно судить по тому хотя бы, что 6-я глава „Головлевыхъ“, подъ названіемъ „Выморочный“, появилась въ „Отечеств. Запискахъ“ въ августѣ 1876 г., т. е. на четыре мѣсяца раньше пятой главы, напечатанной въ томъ же журналѣ въ декабрѣ 1876 г. И только здѣсь, въ декабрьской книгѣ „Отечеств. Записокъ“, Щедринъ, возвращаясь къ эпизоду романа, уже однажды имъ затронутому, впервые обѣщаетъ завершить „исторію Іудушки“ еще однимъ послѣднимъ разсказомъ. „Для тѣхъ, — говоритъ онъ здѣсь — которымъ исторія Іудушки успѣла уже прискучить, считаю не лишнимъ заявить, что еще одинъ разсказъ—и семейная хроника Головлевскаго дома будетъ окончательно заключена“. Однако этотъ обѣщанный разсказъ появляется въ печати лишъ 3½ года спустя. Озаглавленный въ журналѣ „Рѣшеніемъ“, онъ вошелъ въ собраніе сочиненій Щедрина подъ названіемъ „Разсчетъ“.

Какъ теперь оказывается, и этотъ заключающій семейную хронику разсказъ находился внѣ первоначально задуманнаго сатирикомъ плана. Въ рукописяхъ Салтыкова сохранился, въ двухъ варіантахъ (одинъ безъ начала), набросокъ другого разсказа, — „У пристани“, — которымъ онъ (въ періодъ 1877—1880 гг.) намѣревался, но раздумалъ окончить „Господъ Головлевыхъ“.

Повидимому, въ разсказѣ „У пристани“, къ сожалѣнію, не доведенномъ Щедринымъ до конца, писатель намѣревался показать Іудушку въ новой роли законнаго супруга Нисочки Галкиной, его юной сосѣдки и родственницы. Превращеніе m-lle Галкиной въ m-me Головлеву и составляетъ, очевидно, то задуманное „старой Галкой“ предпріятіе, къ которому и Нисочка, и ея братъ Ганичка

отнеслись не только съ сочувствіемъ, но и съ рѣшительнымъ энтузіазмомъ. Дипломатическая поѣздка, затѣянная съ этою цѣлью въ Головлево Ганичкой Галкинымъ, и составляетъ содержаніе предлагаемаго разсказа, который воспроизводится ниже по рукописи Щедрина изъ архива М. М. Стасюлевича.

Вл. Кранихфельдъ.

У пристани *).

(Разсказъ Н. Щедрина).

Прошло два-три года, и Головлевская усадьба все больше и больше погружалась въ оцѣпенѣніе. Вокругъ Іудушки установилось что-то въ родѣ своеобразнаго порядка, который машинально поддерживался домочадцами и не допускалъ дома до окончательнаго запустѣнія. Это былъ порядокъ молчаливаго, постылаго слонянія изъ угла въ уголъ. Евпраксеюшка, въ урочное время, слонялась, гремя ключами, изъ кладовой въ погребъ; Прохоръ—лакей слонялся по комнатамъ, метя полы и не столько вытирая, сколько размазывая пыль на мебели; конторщикъ Игнатъ, лѣниво передвигая ноги, слонялся днемъ по хозяйству, а вечеромъ приходилъ съ докладомъ къ барину, причемъ смотрѣлъ заспанно и сердито, и съ трудомъ выговаривалъ фразы, въ родѣ „коли ежели Богъ дастъ ведрышка". Всѣмъ надоѣло, опротивѣло, хотя отъ праздности всѣ сдѣлались поперекъ себя толще.

Впечатлѣніе, произведенное въ околоткѣ этимъ оцѣпенѣніемъ, было весьма разнообразно. Мужички продолжали снимать шапки, проходя мимо усадьбы, и въ то же время тревожно присматривались, словно выжидали, какая еще новая кляуза выйдетъ изъ этихъ молчаливыхъ хоромъ. Головлевскій батюшка, который нѣкогда называлъ Порфирія Владимірыча „сыномъ церкви прелюбезнѣйшимъ", теперь явно роопталъ, потому что Іудушка какъ-то разомъ прекратилъ всякіе молебны, всенощныя и поминовенія и даже почти пересталъ ходить въ церковь. Сосѣдніе культурные люди, большею частью мелкопомѣстные, которыхъ въ Голов-

---

*) Разсказъ этотъ служитъ окончаніемъ „Семейныхъ этюдовъ", печатавшихся въ разное время въ „Отечественныхъ Запискахъ". См. „Семейный Судъ", „По родственному" и т. д.

Примѣч. Н. Щедрина.

левѣ презрительно именовали „дворяшками“, сплетничали и галдѣли.

Этотъ людъ, которому не нашлось мѣста ни въ казенной, ни въ желѣзно-дорожной службѣ, ни въ земствѣ, ни въ судахъ, ни вообще въ цѣлой природѣ, во множествѣ ютился въ окрестностяхъ Головлева, въ придавленныхъ и полуразрушенныхъ усадьбахъ, при данной безконечной голодной праздности, и въ то же время сохраняя во всей неприкосновенности волчій аппетитъ. Онъ отъ души ненавидѣлъ Іудушку за его богатство, гордость и необщительность, и потому нѣтъ ничего мудренаго, что въ этой средѣ сложился про Головлевскаго владыку чуть не цѣлый циклъ легендъ. Въ основѣ этихъ сказаній, какъ и слѣдовало ожидать, лежали два фактора: нечистая сила и запой.

Мелкопомѣстные идеалисты, знавшіе слабость Порфирія Владиміровича къ нравственнымъ сентенціямъ, стояли по преимуществу на сторонѣ нечистой силы. Такъ какъ они и сами не могли хорошенько отличить область ангельскую отъ области аггельской и втеченіе всей жизни путались въ уясненіи себѣ вопроса, о чемъ приличествуетъ просить у Бога, а о чемъ—у чорта, то совершенно естественно было съ ихъ стороны придти къ заключенію, что человѣкъ, у котораго никогда не сходило съ языка божественное, до того запутался въ своихъ собственныхъ афоризмахъ, что, самъ того не замѣчая, очутился на днѣ чортовщины. Припоминалось по этому случаю множество праздныхъ словъ, въ разное время сказанныхъ Іудушкой просто сдуру, а теперь пріобрѣтшихъ силу чуть ли не безспорныхъ документовъ. Тогда-то онъ говорилъ о существованіи какого-то „средняго мѣста“, въ которомъ будто бы пребываютъ души умершихъ, впредь до распоряженія о расквартированіи по горнимъ селеніямъ. Тогда-то упоминалъ объ Эккартсгаузенѣ, хотя лично не читалъ его, а слышалъ отъ папеньки Владиміра Михайлыча, что дяденька Павелъ Михайлычъ, начитавшись „Ключа къ таинствамъ природы“, умеръ въ больницѣ умалишенныхъ. Вспоминалось также, что Іудушка стяжателенъ и что, слѣдовательно, онъ долженъ вѣровать въ ту или иную силу лишь постольку, поскольку та или другая являлась „скорой помощницей“. Сначала, разумѣется, онъ, по заведенному порядку, взывалъ къ Божеству: поспѣшай!—но, ежели Божество медлило, онъ не задумывался прибѣгнуть и къ другой таинственной силѣ, которая, по мнѣнію людей бывалыхъ, въ житейскихъ дѣлахъ иногда даже успѣшнѣе содѣйствуетъ.

Напротивъ того, мелкопомѣстные реалисты склонялись болѣе на сторону запоя и утверждали, что только запою

присвоена безапелляціонная власть доводить человѣка до состоянія одичалости. Указывали при этомъ и на семейные примѣры. И отецъ Іудушки, и оба его брата—всѣ погибли жертвами запоя, не говоря уже о множествѣ дальнихъ родственниковъ, для которыхъ бесѣда съ графинчикомъ составляла самое обычное препровожденіе времени. Слѣдовательно, и для Порфирія Владиміровича не представлялось резона составить исключеніе и избѣжать участи большинства человѣковъ...

И вотъ, въ то самое время, когда всѣмъ уже казалось, что Іудушкино „упраздненіе“ приближалось къ развязкѣ, что всякая лишняя минута въ мѣстѣ одичанія неминуемо приведетъ за собой катастрофу,—Головлево совершенно неожиданно оживилось.

Дѣло въ томъ, что неподалеку отъ Головлева жила личность, которая не только принимала живѣйшее участіе въ Порфиріѣ Владимірычѣ, но и зорко слѣдила за всѣми фазисами его постепеннаго одичанія. Особа эта была Любовь Ивановна Галкина, дочь той самой тетеньки Варвары Михайловны, Горюшкинской владѣтельницы, съ которою Головлевы были издавна въ ссорѣ за то, что она черезъ десять лѣтъ по выходѣ въ замужество, т. е. когда уже прочно установилось мнѣніе о ея безплодіи, вдругъ начала рожать дѣтей. И Порфирій Владимірычъ, и покойный отецъ его всегда указывали на Горюшкино и никакъ не могли позабыть, что оно окончательно утрачено для Головлевскаго рода [1]).

Не смотря на позднее начало, тетенька Варвара Михайловна народила (или какъ выражались Головлевцы на своемъ образномъ языкѣ—„натаскала“) цѣлую кучу дѣтей. Но однихъ изъ нихъ она „прокляла“, другихъ просто „раз-

---

[1]) О Горюшкинѣ и о тетенькѣ Варварѣ Михайловнѣ упоминается впервые въ „Господахъ Головлевыхъ“ въ главѣ „По родственному“. Здѣсь сынъ Іудушки Петинька разсказываетъ бабушкѣ Аринѣ Петровнѣ, что Іудушка, въ виду наступающей смерти брата, „цѣлый день все объ наслѣдствахъ говоритъ... Даже Горюшкино помнитъ. Вотъ, говоритъ, кабы у тетеньки Варвары Михайловны дѣтей не было,—намъ бы Горюшкино-то принадлежало! И дѣти-то, говоритъ, Богъ знаетъ отъ кого,—ну, да не намъ другихъ судить!“.

Въ „Разсчетѣ“, написанномъ сатирикомъ взамѣнъ возпроизводимаго здѣсь разсказа, опять упоминается о Горюшкинѣ и о бывшей владѣлицѣ этого имѣнія Варварѣ Михайловнѣ. Но настоящая владѣлица имѣнія Любовь Ивановна Галкина называется здѣсь уже Надькой Галкиной, причемъ Іудушка вспоминаетъ о какомъ-то неудавшемся визитѣ этой Надьки въ Головлево: „ужь однажды пыталась ворваться въ головлевское капище, да шишъ съѣла“!

Вл. Кр.

совала" и оставила при себѣ только младшую дочь, Любочку, за которой и закрѣпила Горюшкино, выдавъ ее предварительно за секретаря мѣстнаго уѣзднаго суда Галкина. Галкинъ былъ человѣкъ пьющій, но дѣловой, и потому частенько таки „потаскивалъ" изъ суда домой. Благодаря этому, чета при жизни его жила безбѣдно и молодая секретарша въ свой чередъ народила дѣтей. Но въ началѣ 60-хъ годовъ въ судьбѣ этого семейства произошелъ крупный переворотъ. Прошли первые слухи о судебной реформѣ и Галкинъ началъ задумываться. Сначала задумывался, потомъ „закурилъ", а наконецъ и умеръ. Любовь Ивановна, которой въ то время было ужь за тридцать (въ Головлевѣ ее презрительно называли „старой галкой") вынуждена была, съ цѣлой охапкой „галчатъ", ретироваться въ Горюшкино.

Галчатъ было семь штукъ: одинъ галченокъ, надежда семейства, и шесть галочекъ. За годами относительнаго довольства потянулись годы всяческихъ недостачъ и чуть не нищеты, втеченіе которыхъ старая галка неутомимо возилась со своими галчатами, съ трудомъ изворачиваясь, чтобы накормить, одѣть и обуть семью. Въ противоположность матери, которая называла своихъ дѣтей „щенятами", старая галка не могла насмотрѣться и надышаться на своихъ галчатъ, и при одномъ напоминаніи о нихъ приходила въ какой-то безумный экстазъ. Съ утра до вечера, не чувствуя подъ собой ногъ, мелькала она по полямъ и вокругъ дома, ссыпала, сливала, мѣрила, считала, роптала на дождь и на ведро, и на то, что у рабочихъ праздниковъ много—и съ помощью недосыпаній, недоѣданій и недошиваній достигла таки того, что галчата были накормлены, напоены, одѣты и обуты. Но этого мало: нужно было дать дѣтямъ воспитаніе, „пристроить" ихъ (старшему галченку при смерти отца было тринадцать, а старшей галочкѣ, Нисочкѣ, двѣнадцать лѣтъ)—старая галка и тутъ нашлась. Сколько ни приходилось слоняться ей по переднимъ, умолять, выслушивать суровые отказы и опять умолять („на колѣняхъ, батюшка, стаивала"!—разсказывала она въ минуты откровенности), она не отступила отъ своей цѣли и въ концѣ концовъ добилась ея осуществленія. Ганичка былъ принятъ въ кадетскій корпусъ, три старшія дочери размѣщены по институтамъ. Совершивъ этотъ подвигъ, старая галка на время успокоилась и еще пуще прежняго принялась недоѣдать и недосыпать въ своемъ родномъ Горюшкинѣ.

Но покой этотъ былъ непродолжителенъ. Сперва подросли остальныя три галочки, тоже потребовавшія размѣщенія по институтамъ, потомъ стали слетаться въ родное гнѣздо старшіе оперившіеся галчата. Старая галка билась, какъ

рыба объ ледъ, и взывала къ небу, чувствуя себя въ положеніи человѣка, для котораго малѣйшая оплошность можетъ сдѣлаться равносильной голодной смерти.

Старшія галочки были дѣвушки не очень видныя, но живыя, миловидныя и, главное, полненькія („кубышечки", какъ ихъ называли офицеры квартировавшаго въ К*** драгунскаго полка). Институтское воспитаніе, конечно, и на нихъ наложило свою руку, вслѣдствіе чего онѣ ходили съ прискочкой, картавили и щурили глазки, но даже и это не вредило имъ, а, напротивъ того, считалось несомнѣннымъ признакомъ невинности. Мысль, что Нисочкѣ уже двадцать лѣтъ, что за нею слѣдуютъ Фимочка, Катичка и проч. и что каждой изъ нихъ необходимо составить „приличную партію", денно и нощно терзала старую галку. Вся внутренность ея болѣзненно ныла, когда ей казалось, что Нисочка начинаетъ тосковать. Она металась и озиралась, какъ будто ища глазами въ пространствѣ, не идетъ ли кто къ ней на выручку. Прежде всего, разумѣется, она обратила вниманіе на квартировавшій въ уѣздѣ полкъ и, въ видахъ уловленія, даже вывозила дочерей раза три-четыре въ годъ въ уѣздный городъ, чтобы показать ихъ на танцовальныхъ вечерахъ въ мѣстномъ клубѣ (Богъ знаетъ, какихъ это стоило ей пожертвованій!). Онѣ являлись тамъ, одѣтыя просто, но съ такимъ разсчетомъ, что никакая физическая подробность, нравящаяся мужчинамъ, не была упущена изъ вида или оставлена въ тѣни. И старая галка не безъ гордости видѣла, что военные кавалеры такъ и вьются около нихъ. Покуда онѣ танцовали, она поочереди и молилась, и предавалась самому глубокому скверномыслію, на какое только способно любящее материнское сердце. Внутренне она допускала даже... „рискъ" (въ комнатѣ темно, слышится звукъ поцѣлуевъ, она входитъ со свѣчей... ахъ!). Но молодые драгуны охотно косили глазами на полуобнаженные бюсты „кубышекъ" и многозначительно шевелили усами, но „рисковать" не рѣшались и, повидимому, нимало не думали о брачныхъ узахъ. Старая галка заметалась, сдѣлалась назойливою, начала говорить прозрачными намеками и этимъ совсѣмъ уронила шансы неповинныхъ галочекъ, около которыхъ, мало-по-малу, уже начинало складываться цѣлое облако сплетенъ скабрезно-матримоніальнаго свойства.

Но скабрезная хроника не успѣла еще какъ слѣдуетъ пустить корни, какъ старой галкѣ блеснула новая надежда. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ К***, по примѣру прочихъ городовъ Россійской Имперіи, появились совершенно новыя личности: судебные слѣдователи, адвокаты, судебные пристава и т. п. Даже поселилась какая-то совсѣмъ загадочная

личность, которая не называла себя ни прокуроромъ (по недостатку тщеславія), ни товарищемъ прокурора (по недостатку скромности), а просто заявила: „обвиненіе“. Любовь Ивановна вспомнила, что и она была когда-то судебной дамой, и опять начала по очереди и Богу молиться, и скверномыслить. Но увы! и тутъ не поладилось бѣднымъ безприданницамъ. Одинъ судебный приставъ пріѣхалъ было въ Горюшкино, осмотрѣлъ усадьбу, скотный дворъ, похвалилъ порядокъ, отобѣдалъ, понюхалъ, обѣщалъ побывать въ другой разъ и исчезъ. Такъ что осталось неизвѣстнымъ, пріѣзжалъ ли онъ свататься или же хотѣлъ загодя познакомиться съ движимостью и недвижимостью, на случай описи и оцѣнки.

Старая галка совсѣмъ опустила руки. Она видѣла, какъ Нисочка ходитъ обнявшись съ Фимочкой, какъ онѣ о чемъ-то шепчутся другъ съ другомъ и по временамъ щеки ихъ вспыхиваютъ, — и надрывалось, ахъ, надрывалось ея материнское сердце!

Въ послѣднее время фортуна однакожъ улыбнулась старой галкѣ. Въ Горюшкино пріѣхалъ въ побывку Ганичка Галкинъ, дослужившійся уже до поручичьяго чина. Это былъ маленькій, плотненькій человѣчекъ, лѣтъ двадцати четырехъ, съ румянымъ личикомъ, облеченный въ коротенькую курточку, сплошь ушитую стрѣлами, и въ рейтузахъ, необыкновенно плотно охватывавшихъ нижнюю часть его тѣла. Воспользовавшись сербской войной, онъ взялъ изъ полка долговременный отпускъ, записался въ добровольцы и получилъ изъ комитета пособіе. Но, доѣхавши до Кишинева, не пожелалъ слѣдовать далѣе, такъ что и знаменитой ракіи не вкусилъ.

Ганичка былъ почтительный сынъ и добрый братъ. Пріѣхавши домой, онъ привезъ матери запасъ чаю и сахара (это было самое больное мѣсто старой галки), старшей сестрѣ подарилъ золотой лорнетъ и полусапожки съ каблучками, а прочимъ сестрамъ по платью. Уныніе, овладѣвшее было Горюшкинымъ, понемногу разсѣялось. Старая галка откармливала дорогого гостя молочными скопами, барышни—съ увлеченіемъ его ласкали и цѣловали. Цѣлый день въ домѣ шла возня. Ѣздили гурьбой въ саняхъ, затѣвали жмурки, фанты, устраивали танцы, пѣли и т. д.

И вотъ, среди этой родственной суматохи, зароились планы, въ которыхъ чаще и чаще упоминалось имя Іудушки. Старая галка по цѣлымъ часамъ шушукалась съ Ганичкой и съ Нисочкой и, повидимому, встрѣтила съ ихъ стороны не только сочувствіе своимъ планамъ, но и рѣшительный энтузіазмъ. Черезъ нѣсколько дней Ганичка до такой степени проникся увѣренностью въ успѣхѣ задуманнаго пред-

прiятiя, что началъ выступать по дому манерною походкою, и, встрѣчаясь съ Нисочкой, почтительно цѣловалъ ея руку и называлъ ее не иначе, какъ „madame“.

— Одно скверно—ракiи въ Кишиневѣ не захватилъ!—сѣтовалъ онъ передъ матерью. — Нѣтъ, вы представьте себѣ, маменька, какой бы это былъ эффектъ! Прiѣхалъ, отъявился—и сейчасъ ему въ руки сувениръ... съ полей битвы-съ!!—На что старая галка совершенно резонно замѣтила, что это дѣло поправимое. Стоитъ только взять въ кабакѣ хорошаго очищеннаго вина, перелить въ оставшуюся послѣ покойнаго папеньки бутылку изъ-подъ кипрскаго и сдѣлать по-французски надпись: Rakia. Тогда и самъ чортъ, конечно, не разберетъ.

На дворѣ декабрь въ половинѣ...

Далѣе въ рукописи идетъ мѣсто, соотвѣтствующее, съ небольшими варiантами, началу седьмой главы „Господъ Головлевыхъ“: „Разсчетъ“ (страницы 316—317-я II-го тома, изд. А. Ф. Маркса 1900 г.). Iудушка, одѣтый въ халатъ, стоитъ у окна и всматривается въ даль, по которой къ усадьбѣ направляется какая-то черная точка. По мѣрѣ приближенiя къ усадьбѣ, точка выростаетъ въ кибитку, въ которой, — по печатному тексту, — прiѣхала въ Головлево измученная жизнью погорѣловская барышня. По рукописному тексту нежданнымъ посѣтителемъ оказывается, конечно, другое лицо. *Вл. Кр.*

Между тѣмъ сани бойкой рысцой подъѣхали къ боковымъ воротамъ усадьбы и остановились. Ганичка (это былъ онъ) проворно выскочилъ изъ нихъ и побѣжалъ по дѣвичьему крыльцу, на которомъ уже стоялъ Прохоръ, до того пораженный неожиданностью, что, казалось, готовъ былъ грудью защищать входъ въ Головлевскую обитель.

— Доложи-ка, другъ, почтеннѣйшему дядюшкѣ, что Галкинъ... Гаврило... желаетъ засвидѣтельствовать свое уваженiе,—сказалъ прiѣзжiй:—да, кстати, пусти ужъ и въ комнаты, потому что, братъ, я закоченѣлъ.

Дѣйствительно, молодой человѣкъ былъ одѣтъ совсѣмъ не по сезону, такъ что отъ всей его фигуры вѣяло легкомыслiемъ. Не смотря на крутой морозъ, на немъ былъ надѣтъ коротенькiй полушубокъ, изъ-подъ котораго виднѣлись ничѣмъ не защищенные рейтузы съ ранжевой выпушкой. На головѣ красовалась холодная фуражка безъ наушниковъ, а на рукахъ были надѣты бѣлыя замшевыя перчатки. Поэтому неудивительно, что онъ торопливо устранилъ съ до-

роги замѣшкавшагося Прохора и въ одно мгновеніе взбѣжалъ на верхъ по лѣстницѣ. Затѣмъ, черезъ минуту, во всѣхъ концахъ Головлевскаго дома уже раздавалось хлопанье дверьми.

Покуда шли переговоры, Ганичка остановился на минуту въ дѣвичьей, взглянулъ на вбѣжавшую и растерявшуюся Евпраксеюшку, но не сказалъ ни слова, а только щелкнулъ языкомъ. Потомъ прошелъ коридоромъ въ залу, поставилъ на столъ бутылку съ надписью „Rakia", вынулъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ, свернулъ папиросу, наслюнявилъ и закурилъ. Наконецъ, въ ожиданіи отвѣта дяденьки, началъ прохаживаться взадъ и впередъ, потихоньку напѣвая: „изъ Ревеля баронъ, любитель псовъ, жилъ съ деревенской простотою", замѣтилъ Евпраксеюшку, снова выглянувшую въ дверь, и опять ничего не сказалъ, но подумалъ: вотъ кабы этакой кралѣ да задать промежъ крыльевъ раза! Вообще онъ не чувствовалъ, повидимому, ни малѣйшей робости и велъ себя, какъ малый совсѣмъ легкомысленный, который едва-ли отчетливо выясняетъ себѣ цѣль своего путешествія. Прослонявшись съ четверть часа по залѣ, онъ вознамѣрился было направиться на рекогносцировку дальше, какъ былъ остановленъ Прохоромъ.

— Это вы, сударь, не дѣло затѣяли,—сурово замѣтилъ ему Прохоръ—за табакъ-то васъ дяденька не похвалятъ!

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе, Ганичка уже совсѣмъ было сложилъ пальцы съ намѣреніемъ дать Прохору щелчокъ въ носъ, но, къ счастью, вспомнилъ, что пріѣхалъ совсѣмъ не за этимъ, и оставилъ свое намѣреніе безъ выполненія.

— Послѣ, мой другъ, объ этомъ послѣ!—зачастилъ онъ:—ну, что? Какъ почтеннѣйшій дядюшка? здоровъ?

— Велѣно узнать, не внучекъ ли вы тетеньки Варвары Михайловны?

— Внучекъ, братецъ. Тетеньки Варвары Михайловны—внучекъ, а сестрицы Любови Ивановны—сынокъ. Такъ и доложи почтеннѣйшему дядюшкѣ. А что, другъ,—прибавилъ онъ совсѣмъ неожиданно:—какъ у васъ тутъ по части винокуренія? Рюмка—двѣ рюмки—три рюмки... есть такое заведеніе?

Хотя Прохоръ и самъ не разъ роптал на отсутствіе такого „заведенія", но на этотъ разъ ему почему-то вздумалось поддержать достоинство Головлевскаго дома.

— У насъ этого и въ заводѣ нѣтъ,—отвѣтилъ онъ наставительно:—у насъ, сударь, здѣсь все одно, что монастырь: ни водки, ни табаку... ни Боже мой!

— Ну, а по части женской провизіи?—подмигнулъ Ганичка по направленію къ корридору, но опять спохватился,

что не за этимъ пріѣхалъ, и прибавилъ:—впрочемъ, это мы, братъ, впослѣдствіи разберемъ, а теперь ступай и доложи почтеннѣйшему дядюшкѣ: Галкинъ—Гаврило, тетеньки Варвары Михайловны внучекъ.

Прохоръ ушелъ, а Ганичка опять принялся слонять по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы и напѣвая: „Пришелъ баронъ пѣшкомъ съ мѣшкомъ". Но время шло назойливо долго, потому что Іудушка совершалъ обрядъ одѣванія со своею обычною томительной медлительностью. Чтобы развлечься какъ-нибудь, Ганичка вынулъ изъ кармана дорожный карандашъ и написалъ на стѣнѣ:

Все на свѣтѣ семъ пустое,
Богатство, слава и чины,
Было бы винцо простое
И кусочекъ ветчины...

(эти стихи онъ аккуратно писалъ на всѣхъ станціяхъ отъ Кишинева до Горюшкина). Выполнивши это, онъ на минуту задумался, что бы ему еще совершить, и вдругъ рѣшительнымъ шагомъ направился къ столу, на которомъ стояла завѣтная бутылка съ надписью „Rakia". Уже рука его простиралась съ явнымъ намѣреніемъ откупорить пробку и „дербануть", какъ въ эту самую минуту въ корридорѣ послышалось шарканье туфель. Въ одно мгновеніе ока все легкомысліе Ганички куда-то испарилось.

Въ дверяхъ показался Порфирій Владиміровичъ. Онъ былъ весь въ черномъ, худой, длинный, блѣдный. Увидѣвъ его, Ганичка такъ струсилъ, что нѣсколько мгновеній только метался, не зная, какъ поступить. Наконецъ, бросился къ Іудушкѣ, отыскалъ его руку и чмокнулъ ее.

— Галкинъ... Гаврило... то-бишь тетеньки Варвары Михайловны...—нескладно бормоталъ онъ, съ трудомъ справляясь съ охватившимъ его волненіемъ.

Іудушкѣ эта робость понравилась. Въ первыя минуты докладъ о пріѣздѣ забытаго родственника покоробилъ его, но теперь, при видѣ покорности племянника, какъ-то само собой выплыли старинныя преданія о престижѣ Головлевскаго имени, а вмѣстѣ съ ними выступилъ и излюбленный Головлевскій девизъ: „по-родственному".

— Племяшъ, стало быть? ну, познакомимся, другъ,—произнесъ онъ снисходительно:—въ побывку къ старухѣ-матери пріѣхалъ? Это, братъ, хорошо, что мать не забываешь! Чти отца и матерь—это, братъ, не я говорю, а Богъ сказалъ! Постой-ка, постой-ка, я на тебя погляжу!

Порфирій Владиміровичъ взялъ племянника за плечи, подвелъ къ свѣту, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и пошутилъ:

— Молодецъ, братъ! А много-ли супостатовъ поразилъ?

Ганичка слабо улыбнулся.

— Я, дяденька, къ вамъ-съ...—произнесъ онъ:—мамаша приказала... сестры тоже свидѣтельствуютъ...

Ганичка не докончилъ, подбѣжалъ къ столу и схватилъ бутылку.

— Позвольте, дяденька... Изъ Сербіи прямо-съ!

— Что-жь это такое? ба! да и надпись есть: Rakia? Что-жь это значитъ... Rakia?

— А это, дяденька, по-ихнему значитъ все равно, что стара вудка. Они, дяденька, не изъ хлѣба, а изъ рису ее дѣлаютъ.

— Мы здѣсь изъ рису кутью дѣлаемъ, а они ухитрились водку гнать... Да гдѣ это Сербія? далеко?

— Далеко, дяденька. Кишиневъ надо проѣхать, потомъ Бухарестъ будетъ, а тамъ ужь и Сербія... у самой Турціи.

— Вотъ она гдѣ! зачѣмъ же тебя-то туда понесло? съ полкомъ, что-ли?

— Нѣтъ, дяденька, я самъ по себѣ. Война у сербовъ съ турками,—ну, всѣ говорятъ: идемъ противъ общаго врага!—я и пошелъ-съ! Они, впрочемъ, дяденька, и молятся по нашему и даже митрополитъ у нихъ нашъ, русскій-съ!..

— Слышалъ, любезный другъ! Конторщикъ сказывалъ, что и отъ насъ господинъ Анпетовъ туда пошелъ... добровольцами, кажется, вы прозывались?

— Точно такъ, дяденька!

— Такъ вотъ ты откуда! Спасибо, братъ, спасибо, что стараго дядю вспомнилъ! Ну, пойдемъ въ гостиную! Сядемъ да поглядимъ другъ на друга, полюбуемся.

Пошли въ гостиную, Порфирій Владимірычъ сѣлъ на диванъ, а племянника посадилъ сбоку въ кресло.

— Ну что, какъ сестрица?—началъ Іудушка—тоже, чай, не молоденькая? чай, сгорбившись, да съ палочкой въ рукахъ, да кхи-кхи, да кашки манненькой...

Онъ любезно представилъ, какъ старыя старушки, сгорбившись, съ палочкой ходятъ да покашливаютъ, и даже что-то прошамкалъ на старушечій манеръ.

— Маменька приказала вамъ, дяденька, земный поклонъ передать,—отвѣтилъ восторженно Ганичка, и тутъ же поклонился, коснувшись рукой до земли.—Земный-съ!—прибавилъ онъ.

— Спасибо-спасибо сестрицѣ-голубушкѣ, что не забыла. Да, признаться, объ комъ намъ, старикамъ, и помнить, какъ не объ старикахъ же! Ахти-хти-хти!

Іудушка слегка затужился и сложилъ руки ладонями

внутрь, въ знакъ молитвеннаго умиленія, но вдругъ совершенно неожиданно присовокупилъ:

— Горюшкино-то прежде намъ, Головлевымъ, принадлежало, да тетенька Варвара Михайловна, царство ей небесное... Ну, да ужъ что объ этомъ вспоминать? Что съ возу упало, то пропало,—такъ ли я говорю?

Ганичка ничего на это не отвѣтилъ, а только слегка потупился, какъ будто и самъ хорошо понималъ, что онъ виноватъ.

— Такъ сестрица, значитъ, молодцомъ? продолжалъ Порфирій Владиміричъ.—Ну, дай Богъ! дай Богъ! А я, любезный племяшъ, какъ видишь! Старъ, другъ, становлюсь. Тапы-тапы по комнатѣ еще могу, ну, и въ церковь сходить тоже еще въ силахъ, а выѣзды, или гостей тамъ—ничего этого для меня не существуетъ. Да и куда ужъ намъ, старикамъ, объ развлеченіяхъ думать! Объ томъ, другъ, надо думать, какой тамъ придется отвѣтъ дать!

Іудушка всталъ и, обративъ глаза къ образу, пошепталъ губами. Ганичка тоже послѣдовалъ его примѣру: всталъ и перекрестился.

— Смолоду и я тоже развлеченія любилъ. И потанцовать, и въ театры сходить, и поѣсть сладенько, и „во саду ли въ огородѣ",—такъ, что ли, у васъ поется—всего было. А теперь, особливо съ тѣхъ поръ, какъ добрый другъ маменька скончалась,—все прекратилъ. Живу, какъ въ монастырѣ, да Богу молюсь. Сначала помолюсь, потомъ посижу... ну, поѣмъ чего-нибудь... супцу и жарковцу... а потомъ и опять... Вотъ, братъ, я какъ!

— Тсс...—вымолвилъ Ганичка, затрудняясь, какъ выразить ему свое почтеніе.

— Такъ ты говоришь, что съ турками сражался? Слышалъ, братъ, слышалъ! И отъ насъ господинъ Анпетовъ туда ушелъ. Гарибальди, говорятъ, русскій явился, пѣвчихъ чудовскихъ туда выписалъ. А, по-моему, такъ и турки... чѣмъ турки не народъ? Только вотъ свинины не ѣдятъ, такъ и это не наше дѣло!

— А сербы, дяденька, такъ тѣ, напротивъ, почти что одной свининой питаются.

— Ну, вотъ видишь. У всякаго, значитъ, свое: одинъ любитъ арбузъ, а другой свиной хрящикъ. И Христосъ съ ними.

— Это, дяденька, справедливо.

— И осуждать за это нельзя, да и вообще осуждать грѣхъ. Оттого я и не осуждаю.

— Тсс...—опять вымолвилъ Ганичка.

— Я и самъ свинины не ѣмъ, такъ неужто мнѣ за это

войну объявлять? Я, братъ, впрочемъ, это не на твой счетъ говорю. Ты свое дѣло сдѣлалъ, съѣздилъ, сражался, мнѣ вотъ бутылочку—какъ ее?—ракіи-какіи привезъ... Вотъ мы ее за обѣдомъ отвѣдаемъ; посмотримъ, что за какію сербы дѣлаютъ! Вмѣстѣ, что ли, обѣдать будемъ?

Іудушка благосклонно хлопнулъ по колѣнкѣ Ганичку, который, вмѣсто отвѣта, вскочилъ и поцѣловалъ дяденьку въ плечико.

— Ну-ну-ну, спасибо тебѣ! Я, братъ, по-родственному, по головлевски. Да бишь, чтобы не забыть, вѣдь у тебя и сестрицы есть?

— Шесть штукъ, дядинька.

— Да, благословилъ Богъ сестрицу, есть на кого порадоваться. Были и у меня два сына, и любилъ я ихъ, и радовался, и мечталъ... Анъ, Богъ-то взялъ, да мечтанія мои въ ничто обратилъ! Старшей-то племянницѣ много ли лѣтъ?

— Двадцатый годъ, дяденька.

— Двадцатый? значитъ, замужъ время выдавать... А звать?

— Нисочкой, дяденька.

— Анисья, значитъ... постой-ка, постой! Анисья Римляныня празднуется... или нѣтъ: это Меланія Римляныня 31-го декабря празднуется, а Анисья—та просто мученица и празднуется наканунѣ.

— Такъ точно, дяденька.

Въ такихъ разговорахъ прошло время до обѣда. За обѣдомъ Іудушка еще больше разговорился; отвѣдалъ ракіи и похвалилъ; потомъ завелъ рѣчь объ религіи, сказалъ, что вѣра бываетъ разная, а Богъ у всѣхъ—одинъ. И что часто изъ-за одного пустого слова возникаютъ религіозные раздоры и расколы, а всему причина—гордость человѣческая. Отъ гордости люди вздумали башню вавилонскую строить, а Богъ взялъ и смѣшалъ. Стали послѣ этого говорить,—и не понимаютъ другъ дружку. Отъ этого пошли иностранные языки. Прежде у всѣхъ былъ языкъ одинъ, а нынче и на службу безъ иностранныхъ языковъ не принимаютъ.

Съ своей стороны, Ганичка поразсказалъ кое-что о Сербіи. Что у сербовъ есть князь Миланъ, а у него супруга Наталія, изъ русскихъ; у черногорцевъ же князь Николай и у него жена Милена. Что они упоминаются въ церквахъ на эктеніяхъ и называются благовѣрными. Что и у молдаванъ есть князь и княгиня, и что тамъ въ церквахъ вмѣсто „Господи помилуй!“—поютъ: домине мирыастъ (?)! Что черногорцевъ турки боятся, потому что они рѣжутъ уши и носы, а сербовъ

не боятся, потому что сербы народъ мирный, гонятъ ракiю и пасутъ свиней.

Словомъ сказать, и дядя, и племянникъ остались довольны другъ другомъ, такъ что, когда Ганичка собрался домой, то Порфирiй Владимiрычъ не только приглашалъ его лично посѣщать Головлево, но наказалъ передать голубушкѣ-сестрицѣ, что онъ будетъ ее ожидать... и съ Нисочкой.

Вообще визитъ молодого Галкина подѣйствовалъ на Iудушку настолько животворно, что, по отъѣздѣ племянника, онъ не пошелъ прямо въ кабинетъ, а зашелъ предварительно къ Евпраксеюшкѣ и, въ знакъ забвенiя прошлаго, слегка погладилъ ее по спинѣ...

---

* * *

Проснулся бодрый юный день—
И просвѣтлѣлъ востокъ туманный.
Свѣтъ благодатный, свѣтъ желанный
Прогналъ съ земли ночную тѣнь!
Пѣвучей, радостной волной
Играетъ въ морѣ вѣтеръ южный.
Ушелъ, какъ призракъ, сонъ недужный—
И лучъ сверкаетъ огневой!

Н. Шрейтеръ.

ВРАЖДА.

Онъ вошелъ въ комнату и засмѣялся. Смѣхъ его показался мнѣ неумѣстнымъ и непріятнымъ. Наружность поразила меня. Онъ мнѣ показался очень некрасивымъ, особенно некрасивы были большія, толстыя, ярко-красныя губы. Онъ все время ихъ кусалъ, и онѣ оттого казались вспухшими, будто его укусила пчела. Усовъ не было и признака. Но я не могла не смотрѣть на него, что-то тянуло меня. Открытый красивый лобъ, обрамленный волнистыми, точно гофрированными волосами, умные лукавые глаза, быстрыя движенія, изящная походка. Все было бы хорошо, еслибы не этотъ ротъ и этотъ непріятный смѣхъ. Сердце у меня сжалось и замерло отъ какого-то страннаго предчувствія.

Звали его Николай Владиміровичъ Камневъ. Фамилія подходила къ нему. Что-то твердое, упрямое было въ этомъ выточенномъ лбѣ, въ небольшихъ черныхъ глазахъ, глядѣвшихъ изподлобья. Онъ пришелъ нанимать у насъ квартиру. Его привелъ отецъ. Отецъ въ этотъ годъ вышелъ въ отставку. На его мѣсто и былъ назначенъ въ военное управленіе Николай Владиміровичъ. Сдавая дѣла, отецъ предложилъ ему комнату. Николай Владиміровичъ поселился у насъ.

Странная жизнь началась для меня съ этой минуты. Николай Владиміровичъ былъ уменъ, остроуменъ, настойчивъ и упрямъ. Каждое свое мимолетное желаніе онъ стремился сейчасъ же привести въ исполненіе. Остроуміе его скоро обратилось и на меня, и на людей мнѣ близкихъ, его шутки больно задѣвали меня и царапали мое самолюбіе. За вечернимъ чаемъ онъ всегда шалилъ и дурачился, какъ школьникъ. Онъ все время слѣдилъ за мной лукавыми смѣющимися глазами, все время острилъ на мой счетъ. Я, по разсѣянности и отъ смущенія, клала сахаръ въ чайникъ и сыпала чай въ сахарницу: заваривая чай и засѣвавшись, не замѣчала, какъ вода льется черезъ край. Тогда онъ принимался мнѣ „помогать“, не смотря на мои энергичные протесты. Онъ бѣгалъ за мной то къ шкафу, то къ столу, хва-

тался за ту вещь, которую я собиралась взять, то давалъ мнѣ ее, то пряталъ.

Помню, разъ онъ такъ расшалился и былъ такъ неподражаемо милъ и забавенъ, что, когда я брала изъ буфета подносъ со стаканами, а онъ схватился за тотъ же подносъ, я взглянула въ его глаза — столько въ нихъ было жизни, столько задора, веселья и лукавства, что я смутилась, сердце у меня дрогнуло, я покраснѣла, не могла выдержать его взгляда и опустила глаза. Подносъ со стаканами задрожалъ у меня въ рукахъ и я чуть не выронила его. Онъ поддержалъ его и сказалъ: „Вотъ видите, а вы сердитесь, что я вамъ помогаю: еслибы не я, вы бы всю посуду перебили. Плохая вы хозяйка!“

— Ну, это не ваше дѣло!—разсердилась я, задѣтая послѣдними словами, а еще болѣе тѣхъ, что онъ замѣтилъ мое смущеніе.

II.

Разъ у насъ были гости. Николай Владиміровичъ по обыкновенію смѣшилъ и веселилъ всѣхъ, но въ этотъ день онъ, какъ мнѣ показалось, вышелъ изъ границъ.

— Катя, запарь чай, — сказала мать, какъ говорятъ всѣ южане.

— У васъ чай парятъ? — подхватилъ Николай Владиміровичъ — а я до сихъ поръ думалъ, что только вѣники въ банѣ парятъ. — Я сейчасъ же обидѣлась, насторожилась и рѣшила не спускать ему.

Разговоръ зашелъ о собакахъ.

— Жилъ у насъ какъ-то полковникъ,—говорилъ, не спѣша, отецъ—такъ вотъ, я вамъ доложу, собака...

— Это полковникъ-то „собака“,—шепнулъ мнѣ Николай Владимировичъ. Но я даже не взглянула на него.

— Просто замѣчательно, ей-богу! Бывало, онъ сидитъ въ саду и говоритъ ей: „принеси мнѣ портсигаръ“!

— Спички!

— Погоди, Маша, я и безъ тебя знаю. Такъ она бѣжитъ и приноситъ китель.

— Вотъ такъ умная собака! Ей говорятъ спички, а она китель приноситъ,—засмѣялся Николай Владиміровичъ.

— Вы никогда не даете кончить,—сказала я.— Въ томъ-то вся и соль, что китель.

— А чтожь оказывается, — продолжалъ отецъ.—Она по всему дому искала спички и не нашла, такъ она вспомнила, что спички-то онъ въ кителѣ носилъ.

— А китель висѣлъ на вѣшалкѣ.

— Погоди, Маша, не перебивай. Такъ она зубами стала дергать за китель...

— Вѣшалку оборвала и потащила его по пыли. Весь китель завозила.

— Въ чемъ же тутъ „соль“?—спросилъ Николай Владиміровичъ.

Но никто, кромѣ меня, не разслышалъ его замѣчанія.

Всѣ увлеклись воспоминаніями о собакахъ. Вспомнили всѣхъ замѣчательныхъ собакъ, какія были у насъ. Вспомнили гости и про своихъ собакъ.

— Какой у насъ сегодня „собачій разговоръ“,—сказалъ Николай Владиміровичъ послѣ одной фразы, сказанной матерью.

— Вы слишкомъ много себѣ позволяете!—вспыхнула я.—Вы забываете, что говорите со старшими.

— Это вы-то старшая?

— Вы не мнѣ это сказали, а моимъ родителямъ.

— Такъ вѣдь они же не обижаются.

— Если они не отвѣчаютъ вамъ, то это еще не значитъ, что не обижаются. Вы воображаете, что, если они люди простые, то имъ все можно говорить. Я, во всякомъ случаѣ, не позволю оскорблять моихъ родителей.

— Я пошутилъ.

— Странная шутка!

— Не дѣвочка, а порохъ!—сказала мать.—Онъ пошутилъ, а ты сейчасъ въ серьезъ.

— Марья Николаевна! Вы вѣдь на меня не разсердились? Ну, я прошу прощенія,—сказалъ Николай Владиміровичъ и, ставъ на одно колѣно, поцѣловалъ у мамы руку.

Всѣ засмѣялись—и мой гнѣвъ растаялъ.

— Ну, теперь вы прощаете меня? Не сердитесь, пойдемте въ садъ. Мнѣ, право, надоѣло говорить о собакахъ!—сказалъ онъ мнѣ вполголоса.

Нашъ старый домъ такъ построенъ, что весь состоитъ изъ лѣстницъ и ступенекъ, даже во дворѣ есть ступеньки. И на каждой ступенькѣ Николай Владиміровичъ поддерживалъ меня подъ локоть. Меня ужасно бѣсило это поддерживаніе и я говорила ему:

— Пожалуйста, не поддерживайте меня. Я не нуждаюсь въ опорѣ.

— Ну, безъ опоры не проживете.

— Надѣюсь, что проживу.

Но онъ не унимался, на слѣдующей ступенькѣ продѣлывалъ то же.

Я сердилась.

— Ужасно мнѣ нравится, когда вы сердитесь,—говорилъ онъ—глаза у васъ такъ и горятъ. Злючка!

— Опять? Не смѣйте меня поддерживать. Вы смѣетесь надо мной.

— Ну, я больше не буду.

Мы замолчали и нѣсколько минутъ молча шли по аллеѣ сада.

Сквозь сучья деревьевъ свѣтили огромныя лучистыя звѣзды. Мы ходили по дорожкѣ и наступали на лужицы, покрытыя тонкимъ льдомъ. Ледъ трещалъ, хрустѣлъ и проваливался, и это было ужасно пріятно. И разговоръ нашъ былъ подобенъ хожденію по тонкому льду — вотъ-вотъ провалишься. Было интересно, весело, но немного жутко. Онъ мнѣ говорилъ, что окончилъ военное училище, что пріѣхалъ сюда на время, что любимая его наука математика, что онъ думаетъ бросить службу и поступить въ университетъ. Я тоже подѣлилась съ нимъ своими планами и мечтами. Я говорила, что люблю звѣзды, поэзію, музыку, что собираюсь поступить на сцену. Онъ посмотрѣлъ на меня внимательно и сказалъ:

— Мнѣ кажется, что изъ васъ не выйдетъ артистки.

— Почему же вамъ такъ кажется? — сказала я дрогнувшимъ голосомъ (это было мое больное мѣсто).

— Этотъ путь слишкомъ тернистъ, а вы слишкомъ нѣжны для этого. Вы не вынесете такой жизни. Наконецъ, для этого нуженъ талантъ. А вы увѣрены, что у васъ есть талантъ?

— Развѣ можно задавать такой вопросъ? Развѣ я сама могу о себѣ говорить? Вотъ я буду участвовать въ спектаклѣ, тогда увидите. Или, если хотите, я прочту вамъ что-нибудь. Вотъ вы и будете судить сами,

— Я хочу слушать только ваше, а не чужое. Хочу слушать, какъ вы смѣетесь,—и какъ вы сердитесь, — говорилъ онъ, лукаво улыбаясь.

— Была бы честь предложена, отъ убытка Богъ избавилъ,—сказала я, обидѣвшись.

— Даже слезы на глазахъ! Нѣтъ, какъ это мнѣ нравится! Мнѣ ужасно нравится, когда вы сердитесь! Громъ и молнія!

-- Оставьте, Николай Владиміровичъ! Нельзя же вѣчно шутить. Вы меня еще такъ мало знаете...

— Ну, я не буду, не буду. Право, я съ удовольствіемъ буду слушать.

— Я не буду читать...

— Почему?

— Теперь ужъ мнѣ не хочется, настроеніе пропало.

— Нѣтъ, вы должны прочесть.

— Ну, хорошо. Только уйдите подальше и не смотрите на меня.

Я встала на скамейку и начала говорить стихотворенie Апухтина, которое тогда казалось мнѣ верхомъ совершенства:

Увидя почеркъ мой,

— „Вы вѣрно удивитесь"—докончилъ Николай Владимiровичъ съ комически грустнымъ паѳосомъ.

Я разсердилась, перестала читать, чуть не расплакалась.

Николай Владимiровичъ извинялся, просилъ меня не сердиться, говорилъ, что онъ пошутилъ. А я сидѣла, закрывъ лицо руками, и молчала. Онъ сталъ отрывать мои руки отъ лица. Тутъ ужъ я не на шутку обидѣлась и хотѣла встать и уйти, но Николай Владимiровичъ такъ искренно просилъ прощенiя, что я наконецъ сдалась и стала декламировать. Но вдохновенie, какъ вспугнутая птица, не возвращалось. Я читала такъ плохо, какъ никогда не читала ни раньше, ни послѣ. Я кончила...

Онъ молчалъ и я догадалась, что ему не понравилось мое чтенie. Я почувствовала, что въ эту минуту онъ составилъ обо мнѣ мнѣнie неблагопрiятное и несправедливое. Мнѣ было мучительно больно и стыдно. Онъ же, будто не замѣчая моего состоянiя, сказалъ:

— Я думаю, что вамъ надо избрать себѣ другую карьеру.

— Какую же?—спросила я едва слышно, вся внутренно сжимаясь.

— Мнѣ кажется, что вамъ надо выйти замужъ.

— Вотъ какъ!—холодно сказала я.—Очень вамъ благодарна за совѣтъ.

Онъ засмѣялся, а я, окинувъ его холоднымъ взглядомъ, встала и ушла въ комнаты. Самолюбie мое было страшно задѣто: я рѣшила никогда не говорить съ нимъ больше о своихъ планахъ и не дѣлиться своими мечтами.

III.

Прошелъ мѣсяцъ. Николай Владимiровичъ часто шутилъ со мной, очень много смѣялся и дразнилъ меня. Я постоянно была насторожѣ и всегда была готова къ отпору. Я помогала матери хозяйничать и мнѣ приходилось волей-неволей ухаживать за нимъ и оказывать ему вниманie. Жили мы просто, прислуги лишней у насъ не было и дѣла у меня всегда было достаточно. Николай Владимiровичъ поздно возвращался со службы. Обѣдъ ему оставляли и подавали

отдѣльно. Почти всегда это дѣлала я, потому что прислуга бывала занята другимъ дѣломъ.

Многія наши южныя кушанья были ему не по вкусу. Онъ безъ обиняковъ сейчасъ же это высказывалъ. Однажды у насъ былъ постный обѣдъ. На второе были мидіи (ракушки, похожія на устрицъ).

Николай Владиміровичъ потыкалъ вилкой въ раковины, перевернулъ ихъ и сказалъ:

— Это еще что за гадость такая?

— Это не гадость, а мидіи—все равно, что устрицы.

— Положимъ, не все равно. Устрицъ ѣдятъ живыми, а это что-то вареное или жареное. Ну, что жь! Попробуемъ.

Онъ открылъ раковину, набитую рисомъ, поковырялъ ее, еще понюхалъ и отодвинулъ тарелку.

— Нѣтъ, я не стану ѣсть этихъ червяковъ.

— Это не червяки! У насъ ихъ всѣ ѣдятъ.

— Мало ли что! У васъ, говорятъ, и улитокъ ѣдятъ.

— А у васъ въ Петербургѣ изъ собачьяго мяса колбасу дѣлаютъ! Такъ это ничего?

— Ай, ай, ай! Какъ вы сердитесь! Люблю на васъ смотрѣть, когда вы сердитесь.

— Я вовсе не сержусь, но мнѣ непріятно... Мы васъ еще никогда гадостью не кормили...

Разъ я сама стряпала обѣдъ. Купили хорошій ростбифъ который заказали еще наканунѣ. Я вздумала приготовить его по всѣмъ правиламъ поварского искусства. Выбрала я въ книгѣ „Подарокъ молодымъ хозяйкамъ" какое-то мудреное кушанье подъ названіемъ „гусарская печень". Я помню хорошо, что я именно потому это кушанье выбрала, что хотѣла ему угодить. Но „гусарская печень" у меня не удалась. Я, видно, перемудрила и изъ хорошаго филе сдѣлала плохое жаркое.

Неудача очень раздосадовала меня, — и я была не въ духѣ. Николай Владиміровичъ еще наканунѣ слышалъ, что я собираюсь стряпать это замысловатое блюдо. Обѣдалъ онъ, по обыковенію, одинъ и, когда мы остались вдвоемъ, съ глазу на глазъ, онъ началъ меня изводить.

— Какъ называется это кушанье?—спросилъ онъ самымъ невиннымъ тономъ.

— „Гусарская печень", — сказала я, не подозрѣвая коварства.

— Нѣтъ, вы, вѣрно, ошиблись. Это скорѣе гусарская подошва, — говорилъ онъ, разжевывая почти сгорѣвшее мясо.

— Можетъ быть, и подошва, — сказала я, стараясь казаться равнодушной.

— А чѣмъ это она набита? Что это за требуха такая? Опилки, что ли?

— Это не требуха, а сухари и тертый сыръ! Удивляюсь, право, Николай Владиміровичъ. Если вамъ такъ не нравятся наши обѣды, если мы васъ такъ плохо кормимъ, зачѣмъ вы у насъ живете, мы васъ не держимъ. Можете себѣ искать другую квартиру!

— Вы меня гоните?

— Никто васъ не гонитъ. Но надоѣло каждый день слушать одно и то же. У всякой хозяйки бываютъ неудачи.

— Ну, ну! Еще, еще разсердитесь, топните ножкой,—говорилъ Николай Владиміровичъ, смѣясь, а я ужъ не знала, что мнѣ дѣлать—плакать или смѣяться.

IV.

По вечерамъ Николай Владиміровичъ часто сидѣлъ съ нами, игралъ съ папой и Костей въ шашки, иногда мы вмѣстѣ читали газеты или книги. Онъ былъ уменъ, обо всемъ судилъ мѣтко и здраво. Онъ пріѣхалъ изъ столицы— и наша провинціальная мѣшковатость, наивность и отсталость казались ему смѣшными.

Мои родители, люди простые и мало образованные, но добрые и простодушные, благоговѣли передъ людьми столичными и учеными. Они очень мало читали, а то, что прочли когда-то въ молодости, наполовину перезабыли и смѣшивали съ дѣйствительностью. Больше всего любили они прочитанную ими очень давно книгу „Петербургскія трущобы“. Узнавъ, что Николай Владиміровичъ изъ Петербурга, отецъ и мать постоянно разсказывали ему о герояхъ этихъ „Петербургскихъ трущобъ“ и особенно объ одномъ изъ нихъ, Морденко, который варилъ картофель и продавалъ, а оставшуюся воду хлебалъ вмѣсто супа, при чемъ они смѣшивали его съ Плюшкинымъ. Николай Владиміровичъ шутилъ и говорилъ, что тоже зналъ этого Морденко, покупалъ у него картофель и даже самъ ѣлъ этотъ супъ. Я злилась и выходила изъ себя. Мнѣ было досадно, что мы всѣ оказываемся передъ нимъ такими невѣждами и дураками (мнѣ казалось, что онъ такъ думаетъ).

Я всегда старалась перемѣнить разговоръ, а если не удавалось это, то вставала горой за мать и отца, на каждую остроту отвѣчая ему десятью. Родители же мои, не понимая, въ чемъ дѣло и изъ-за чего мы споримъ, часто становились на его сторону, удивляясь тому, что я такъ сержусь и не даю „человѣку говорить“.

Вообще мы всегда о чемъ-нибудь спорили. Имъ не было конца, этимъ спорамъ. Я путалась въ противорѣчіяхъ жизни, онъ ловилъ меня на словѣ, но я не хотѣла сдаться даже тогда, когда чувствовала, что не права.

Впрочемъ, иногда мы и мирно бесѣдовали или ходили гулять.

Николай Владиміровичъ носилъ мои книги, покупки, бралъ меня подъ руку. На улицѣ онъ всегда шалилъ и велъ себя, какъ избалованный ребенокъ. Городокъ нашъ маленькій, захудалый. Его громкое поведеніе обращало на себя общее вниманіе. Всѣ оглядывались на насъ, перешептывались и скоро весь городъ ужь говорилъ о насъ.

Однажды я шла покупать себѣ шляпу. Какъ ни старалась я улизнуть отъ него, онъ все-таки нагналъ меня.

— Шляпа — это событіе въ жизни женщины, — сказалъ онъ, смѣясь и беря меня подъ руку,—и я хочу посмотрѣть, какъ вы будете выбирать.

— Никакого событія нѣтъ, — говорила я, сердясь и стараясь освободить свою руку.—И потомъ я не желаю, чтобы вы со мной шли.

— Развѣ я вамъ помѣшаю?

— Помѣшаете! Я терпѣть не могу ходить съ мужчинами въ магазины; они ничего не понимаютъ, а только...

— Какъ же не понимаемъ? А для кого жь вы одѣваетесь, вѣдь для насъ же!

— Я для себя одѣваюсь. Пустите, пожалуйста, мою руку.

— Что за предразсудокъ?! Въ Петербургѣ всѣ такъ ходятъ. Вы—ужасная провинціалка. Я знаю... вы боитесь, что про васъ скажутъ.

— Ничего я не боюсь. А просто не хочу,—вотъ и все.

— Ну, хорошо. Я только васъ провожу.

Разумѣется, онъ не сдержалъ слова. Онъ бѣгалъ за мной во всѣ магазины, трогалъ руками всѣ шляпы, надѣвалъ ихъ на меня, надѣвалъ на себя, смѣялся, шутилъ, совѣтовалъ, критиковалъ.

Шляпы я не выбрала и, разсерженная, злая, пошла домой. Николай Владиміровичъ просилъ прощенья, извинялся, шутилъ, но я молчала и шла, надувшись. Видя, что я не на шутку разгнѣвалась, онъ тоже, повидимому, огорчился и тоже замолчалъ.

За чаемъ, впрочемъ, мы помирились и забыли о шляпахъ.

— Куда это вы все ходите каждое воскресенье? — спрашивалъ онъ меня.

— Въ воскресную школу.

— Вотъ оно что! Желалъ бы я посмотрѣть на васъ, когда вы занимаетесь. Важная, серьезная! Съ очками на носу!

— Я очковъ не ношу и носить никогда не буду. А какъ я занимаюсь, вы, къ счастью, никогда не увидите.

— Почему же, „къ счастью", и почему я не могу этого увидѣть? Если я захочу, то тоже буду заниматься.

— Но васъ не примутъ,—это разъ, а, во-вторыхъ, вамъ и начальство ваше не разрѣшитъ.

— На счетъ начальства вы не безпокойтесь—это ужь мое дѣло, а почему меня не примутъ,—позвольте васъ спросить.

— Потому что вы человѣкъ совсѣмъ другихъ взглядовъ. И вообще у насъ нѣтъ ни одного офицера, и это даже какъ-то странно, чтобы офицеръ вдругъ преподавалъ въ воскресной школѣ.

— Ничего страннаго нѣтъ! Что,—у васъ развѣ каста жрецовъ? О взглядахъ моихъ вы тоже судите односторонне, потому что вы пристрастны ко всѣмъ военнымъ. Вы передайте предсѣдательницѣ, что я желаю преподавать математику.

Увѣренная въ томъ, что его, дѣйствительно, всѣ отвергнутъ, какъ человѣка другого образа мыслей и направленія, я согласилась передать его просьбу. Каково же было мое удивленіе, когда всѣ члены кружка ужасно обрадовались. Преподавателей въ школѣ было очень мало, особенно математика шла плохо. Кромѣ того, всѣ мы такъ другъ другу надоѣли, что невольно радовались каждому новому человѣку. Предсѣдательница просила меня, отъ лица всего кружка, передать Николаю Владиміровичу благодарность и сказать ему, что его ждутъ въ ближайшее воскресенье.

Вышло, что я сама шла противъ себя. Скрѣпя сердце, передала я ему приглашеніе, втайнѣ надѣясь, что ему не разрѣшитъ его начальство. Но и тутъ я ошиблась. Николай Владиміровичъ сумѣлъ и здѣсь добиться, чего хотѣлъ. Черезъ три дня онъ прилетѣлъ торжествующій, потрясая надъ головой какой-то бумагой. Это былъ рапортъ съ разрѣшеніемъ преподавать въ воскресной школѣ.

Наступило воскресенье. Николай Владиміровичъ любилъ долго поспать по праздникамъ. Я обыкновенно будила его, стуча ему въ дверь, но въ этотъ разъ я ходила мимо на цыпочкахъ, льстя себя надеждой, что онъ проспитъ и въ школу не пойдетъ. Я собрала книги и положила ихъ на столъ въ столовой, а сама пошла въ свою комнату одѣваться. Прихожу—и что же вижу: Николай Владиміровичъ сидитъ совершенно одѣтый, въ полномъ парадѣ. Сидитъ за

столомъ и наскоро, обжигаясь, пьетъ чай, а книги мои прикрылъ рукой и крѣпко ихъ держитъ.

— Позвольте мои книги.

— Я самъ ихъ понесу—отвѣчалъ онъ, лукаво смѣясь и еще крѣпче придерживая ихъ.

— Вы будете три часа пить чай, и мы опоздаемъ. Я не буду васъ ждать.

— Я уже готовъ,—сказалъ онъ, бросая недопитый стаканъ.

— Но вѣдь вы будете голодный.

— За то я пойду съ вами.

Я шла, надувшись, и молчала. Войти въ школу вмѣстѣ съ нимъ—это значитъ оскандалиться и осрамиться на всю воскресную школу, даже на весь городъ. На насъ и такъ всѣ пальцами показываютъ. Онъ будетъ гремѣть своей шашкой, будетъ громко смѣяться, вообще выкинетъ непремѣнно какую-нибудь штуку. Шелъ бы себѣ самъ, нѣтъ, понадобилось ему со мной. Мнѣ казалось, что воскресная школа—мѣсто для него совсѣмъ неподходящее и что онъ тамъ „не ко двору". Всю дорогу придумывала я, какъ бы отъ него избавиться, заходила и въ магазинъ и къ портнихѣ, но онъ понялъ всѣ мои хитрости и терпѣливо ждалъ меня. Волей-неволей пришлось войти вмѣстѣ.

Все случилось такъ, какъ я предполагала. Мы опоздали. Всѣ уже сидѣли на мѣстахъ. Его появленіе произвело сенсацію. Николай Владиміровичъ гремѣлъ шашкой, стучалъ каблуками, свалилъ всѣ шляпы съ нашей шаткой вѣшалки, разлилъ воду на окнѣ, смѣялся, громко говорилъ. Пришлось провести его по всѣмъ классамъ, потому что школа, гдѣ мы занимались, была такъ плохо устроена, что всѣ классы были проходные. Мы шли подъ огнемъ перекрестныхъ взглядовъ учениць и учительниць и вслѣдъ намъ раздавался громкій шопотъ.

— Интересный... Это ея женихъ?

— Не знаю.

Я готова была провалиться сквозь землю. Наконецъ, ему дали группу. Я пошла къ своимъ ученицамъ и занятія мало-по-малу опять наладились. Онъ оказался прекраснымъ преподавателемъ и всѣ не могли нахвалиться. Мнѣ это было очень пріятно. Но за то съ тѣхъ поръ мнѣ положительно не давали проходу! Всѣ считали его моимъ женихомъ, называли не иначе, какъ „вашъ Николай Владиміровичъ", „Гдѣ вашъ Николай Владиміровичъ?", „Что-жь это вашъ Николай Владиміровичъ опоздалъ сегодня?" и т. д. Одни спрашивали, скоро-ли наша свадьба, другіе просто поздравляли меня. Я смущалась, сердилась, краснѣла,—и

это еще больше убѣждало всѣхъ, что я его невѣста. Всѣ такъ ко мнѣ приставали и такъ надоѣли мнѣ, что я выходила изъ себя и, не умѣя быть равнодушной, срывала свой гнѣвъ на немъ, не говоря ему о причинѣ. Я считала его виновникомъ этихъ слуховъ: мнѣ казалось, что о насъ говорятъ такъ много потому, что онъ такъ себя со мной держитъ, но сказать ему прямо о томъ, что говорятъ о насъ, я бы не рѣшилась ни за что на свѣтѣ. Это былъ такой щекотливый вопросъ: онъ могъ меня совсѣмъ иначе понять. И я молчала, но стала избѣгать совмѣстныхъ прогулокъ.

V.

Въ одинъ непастный февральскій вечеръ, когда нельзя было разобрать, что идетъ: дождь или снѣгъ, мы, по обыкновенію, сидѣли въ столовой и пили чай. Ночь была черна, какъ чернила. Барабанило въ окна, гудѣло въ трубѣ. Но въ столовой было весело и уютно. Я сидѣла на низкомъ турецкомъ диванѣ, Николай Владиміровичъ напротивъ меня на скамеечкѣ и держалъ на рукахъ растянутый мотокъ шерсти. Я мотала шерсть, мы бесѣдовали мирно и дружелюбно, забывъ обычные споры и раздоры.

Вдругъ мы услышали, что нашъ Волчокъ какъ-то особенно близко и громко залаялъ. Мы догадались, что онъ отвязался. Отецъ надѣлъ калоши, фуражку и вышелъ въ садъ, посмотрѣть, на кого лаетъ Волчокъ и привязать его. Минуты черезъ три отецъ возвратился блѣдный, испуганный и сказалъ, что Волчокъ укусилъ его. Мы вскочили, я уронила клубокъ—и шерсть запуталась у насъ между ногами. Брюки у отца были разорваны и висѣли клочками. Мы бросились къ нему, усадили его, сняли сапогъ и чулокъ. Рана была очень глубока, кругомъ все посинѣло и вспухло и изъ прокушеннаго мѣста текла кровь. Впрочемъ, когда обмыли рану, она ужь не показалась намъ такой страшной.

— Какъ это тебя такъ угораздило! Вотъ еще человѣкъ! какъ ребенокъ маленькій,—сказала мать.

— Что вы, Марья Николаевна?—возразилъ Николай Владиміровичъ.—Собака, вѣрно, взбѣсилась.

— Съ чего бы это она взбѣсилась? Просто оторвалась, захотѣла погулять.

Костя высунулся въ форточку.

— Она бѣгаетъ по всему саду, я слышу, какъ цѣпь гремитъ.

— Ну, конечно, она бѣшеная,—продолжалъ Николай Владиміровичъ.—Теперь она всѣхъ перекусаетъ. Надо ее отравить.

— Да ну вас совсѣмъ,—проговорила мать.—Какая тамъ бѣшеная!? Просто Александръ Ильичъ всю жизнь собакъ боится. Собаки всегда тѣхъ кусаютъ, кто ихъ боится. Завтра я сама ее привяжу и она меня не тронетъ. Я знаю, какъ надо съ животнымъ обращаться.

— Завтра привяжете, а сегодня мы должны сидѣть, какъ заключенные.

— Удивляюсь, право, Николай Владиміровичъ, вы такой храбрый и вдругъ боитесь собаки!—сказала я насмѣшливо.

— Кто-жь это вамъ сказалъ, что я боюсь? Я вовсе не боюсь. Еслибъ это было днемъ, я бы ее сейчасъ же застрѣлилъ.

— Да зачѣмъ же стрѣлять? Просто пройдите мимо, она васъ не тронетъ. Да и вообще я не понимаю, куда это вамъ понадобилось идти въ такую погоду.

— Куда бы ни понадобилось, я вамъ отчета не буду отдавать, но очень непріятно просидѣть весь вечеръ изъ-за какой-то глупой собаки. Нѣтъ, ее непремѣнно надо отравить. У меня есть цѣлая банка синильной кислоты, отъ такой дозы—говорилъ онъ, показывая на кончикъ пальца,—лошадь умираетъ!

Ему, видимо, понравилась идея отравленія собаки. Костя поддерживалъ его, отецъ тоже не протестовалъ. Но я и мать рѣшительно возстали противъ этого.

— Вотъ глупости какія! Развѣ можно травить такую хорошую собаку, сторожа такого, — говорила мать. — Еще бы: она кость грызла, а онъ на цѣпь наступилъ и дернулъ. Никогда не слѣдуетъ собаку трогать, когда она ѣстъ.

— Что это за собака, которая своихъ кусаетъ? Разумѣется, она бѣшеная.

— Зимой собаки не бѣсятся, а если ужь вы такъ боитесь, то мы завтра позовемъ ветеринарнаго врача для вашего успокоенія,—сказала я, начиная ужъ сердиться.

— Пока вы позовете врача, она всѣхъ перекусаетъ и васъ первую.

— Я не боюсь.

— Не боитесь, такъ привяжите ее.

— Какъ же я поймаю ее въ такую темень? Завтра привяжу.

Но Николай Владиміровичъ, поглощенный осѣнившей его идеей, уже не слушалъ никого. Ему во что бы то ни стало захотѣлось осуществить свой капризъ. Онъ притащилъ изъ своей комнаты большую банку, наполненную до верху бѣлымъ порошкомъ, и все смѣялся и восхищался силой этого яда. Костя принесъ ему котлеты и хлѣбъ, а онъ, разрѣзавъ котлеты пополамъ вдоль, насыпалъ туда порошку и опять

сложилъ обѣ половины вмѣстѣ, такъ же поступилъ и съ хлѣбомъ.

— Вотъ такъ тартинки!—сказалъ Костя.

— Я не позволю травить собаку, не позволю!

— Стыдитесь, Екатерина Александровна! Неужели вамъ жизнь какой-то собаки дороже жизни вашего отца? Собаку вы жалѣете, а человѣка не жалѣете.

— Все равно, этимъ не поправите дѣла. И потомъ вы здѣсь не хозяинъ и не смѣете распоряжаться. Мама, зачѣмъ вы дали имъ котлеты?

— Что-жь я съ ними подѣлаю, когда они своевольничаютъ? Да ты не бойся, собака не будетъ ѣсть. Она умнѣе человѣка. Она понюхаетъ и броситъ.

Костя и Николай Владиміровичъ выбѣжали на крыльцо позвали собаку и бросили ей издали котлеты и хлѣбъ.

— Взяла?

— Взяла!—отвѣчалъ Костя.

— Готово!—весело сказалъ Николай Владиміровичъ, вбѣгая въ комнату и потирая руки.—Отъ одного грана лошадь умираетъ!

Я плохо спала въ эту ночь. Мнѣ все мерещилась отравленная, издыхающая собака и надъ ней наклонившееся веселое лицо Николая Владиміровича. Мнѣ казалось, что собака всю ночь выла, я просыпалась съ тоской и чувствовала, что начинаю ненавидѣть Николая Владиміровича.

Встала поздно, съ больной головой. На душѣ было скверно. Сошла внизъ и узнала самыя послѣднія новости: собака котлеты только понюхала, но не притронулась къ нимъ, а голуби и куры наклевались отравленнаго хлѣба и всѣ подохли.

Мама утромъ подошла къ собакѣ и та спокойно дала себя привязать. Былъ докторъ и сказалъ, что рана не опасна и что собака не бѣшеная, бояться нечего. Но Николай Владиміровичъ все-таки выстрѣлилъ въ собаку, однако промахнулся и только ранилъ ее. Я вышла въ садъ. На дорожкѣ лежали двѣ дохлыя курицы и голуби. Мама плакала надъ ними. Раненый Волчокъ жалобно визжалъ и вылъ, вся морда у него была въ крови.

— Ты ужь ему ничего не говори,—сказала мама, вытирая слезы.

— Кому не говорить?

— Николаю Владиміровичу. Онъ бѣдный и самъ чувствуетъ, что виноватъ. Еще бы! вѣдь жалко, Господи, какъ жалко! Любимая курочка Черночубка сдохла. Онъ ужь у

меня прощенія просилъ. Какъ онъ тебя боится: вы, говоритъ, только Екатеринѣ Александровнѣ ничего не говорите. Онъ думалъ, что безъ тебя собаку возьмутъ!

— Куда возьмутъ?

— Сосѣди обѣщали взять. Ну ее совсѣмъ? Сколько съ ней мороки (возни)!

Я не видѣла Николая Владиміровича цѣлый день. Онъ дома не обѣдалъ, пришелъ поздно вечеромъ и, видимо, избѣгалъ меня, моего взгляда. Но я не утерпѣла и таки всадила ему какую-то шпильку.

VI.

Послѣ случая съ этой злополучной собакой я рѣшила, что Николай Владиміровичъ злой и жестокій человѣкъ. Я стала относиться къ нему недовѣрчиво, подозрительно, всѣ его слова принимала за хвастовство и позу.

Не знаю, кто изъ насъ первый начиналъ пикировку, но никто никогда не хотѣлъ сдаться и уступить. Наши стычки, вначалѣ изящныя и граціозныя, съ каждымъ днемъ становились все ожесточеннѣе и острѣе. Оба упрямые, самолюбивые, гордые, мы безпрестанно кололи и язвили другъ друга, безъ всякой жалости и пощады.

Онъ все больше и больше отталкивалъ меня, а между тѣмъ, когда онъ уходилъ по вечерамъ въ клубъ или къ пріятелямъ, мнѣ было скучно безъ него, точно чего-то не хватало. Въ такіе вечера я сама приготовляла ему ужинъ и относила въ его комнату. И всегда мнѣ было пріятно это дѣлать. Я всегда старалась положить ему побольше и получше кусочекъ и только боялась одного, чтобы онъ этого не замѣтилъ и не подумалъ, что я за нимъ ухаживаю. А когда онъ спрашивалъ на другой день, кто ему ставилъ ужинъ,—я отрекалась и говорила, что не я. Почти всегда онъ съѣдалъ все, что я ему приносила (видно, у пріятелей не сытно кормили!) — и меня это радовало. Я иногда и днемъ заходила въ его комнату; и меня всегда охватывало какое-то особенное чувство. Мнѣ было жаль его, казалось, что вотъ онъ одинъ на чужой сторонѣ и некому о немъ позаботиться. Я часто сама прибирала ему комнату, старалась прибрать такъ, чтобы у него было чисто и уютно, даже сама мыла полы. Меня удивляло, что онъ выкуриваетъ такъ много папиросъ, и я качала головой, вытряхивая пепелъ и выбрасывая окурки. Я видѣла на столѣ раскрытыя тетради съ математическими формулами и геометрическими чертежами. Математика мнѣ всегда давалась съ трудомъ и люди, которые легко постигаютъ эту науку, казались мнѣ одарен-

ными свыше, и я невольно проникалась уваженіемъ къ нему и его тетрадкамъ. Я чувствовала къ нему приливъ нѣжности и симпатіи, но на другой день онъ самъ разрушалъ эти чувства. Иногда онъ возвращался очень поздно, на слѣдующій день вставалъ въ 12 час., опаздывалъ на службу или совсѣмъ не шелъ.

Лицо у него было помятое, глаза красные, губы еще болѣе вспухшія. Онъ смѣялся, говорилъ, что онъ покутилъ съ пріятелями.

Меня коробило отъ этихъ словъ, я вся сжималась, сухо отвѣчала ему, что меня это не интересуетъ, что онъ можетъ это оставить при себѣ. Но ему, видимо, нравилось мое смущеніе, онъ продолжалъ меня дразнить, разсказывая небрежнымъ тономъ о своихъ похожденіяхъ. Я и вѣрила, и не вѣрила ему, но мнѣ было ужасно непріятно.

— Если это правда, зачѣмъ онъ мнѣ объ этомъ говоритъ, а если не правда, то зачѣмъ хвастаетъ и лжетъ?

Скажу однако нѣсколько словъ о себѣ, что такое я была въ то время. Я только что окончила гимназію, но совсѣмъ не была похожа на взрослую дѣвицу. Я была такъ мала ростомъ и такъ тонка и легка, что служившая у насъ одно время здоровенная хохлушка Одарка подымала меня, какъ перышко, и при этомъ говорила:

— Ой, Боже-жь мій, яки воны манюсеньки, та тонюсеньки, якъ куколятки!

На видъ мнѣ нельзя было дать больше пятнадцати лѣтъ Не знаю ужь, была ли я хороша, или дурна собой, но странная моложавость дѣлала меня похожей на неоперившагося птенца.

Я была очень самолюбива и когда была ребенкомъ и позже въ гимназіи—всякое наказаніе и строгія мѣры производили на меня ужасное дѣйствіе, я становилась упряма, строптива и зла, лѣзла на стѣну и говорила дерзости учителямъ и воспитателямъ. Напротивъ, лаской изъ меня все можно было сдѣлать: я жизнь за ласку готова была отдать.

Я постоянно чѣмъ-нибудь увлекалась и переходила отъ одной крайности въ другую. Радость, горе, гнѣвъ, любовь, ненависть достигали у меня крайнихъ предѣловъ и переживались мною усиленно и повышенно. Я ни въ чемъ не знала середины. Мнѣ трудно было приняться за работу, но если я ужь бралась за дѣло, то доводила до конца и меня нельзя было оторвать отъ работы. Николай Владиміровичъ разъ мѣтко выразился обо мнѣ, сказавъ, что я трачу на все въ три раза больше энергіи, чѣмъ нужно. Эта неуравновѣ-

шенность была причиной многихъ моихъ несчастій и огорченій. Я часто сгоряча, въ пылу гнѣва, говорила или дѣлала что-нибудь такое, въ чемъ потомъ долго раскаивалась. Николай Владиміровичъ, подмѣтивъ во мнѣ эту черту, подливалъ масла въ огонь своими шутками и выходками. Однако, не смотря на постоянныя ссоры, мы все-таки не безъ удовольствія проводили вмѣстѣ время. Наконецъ, одинъ случай вполнѣ опредѣлилъ наши отношенія.

VII.

Однажды Николай Владиміровичъ вернулся домой очень поздно — какъ я узнала на другой день — въ пять часовъ утра. На службу онъ не пошелъ, проспалъ весь день до шести часовъ вечера. Онъ даже не вышелъ къ обѣду.

Стемнѣло. Подали самоваръ, а онъ все не выходилъ изъ своей комнаты. Я сидѣла въ столовой и читала книгу. Костя въ сосѣдней комнатѣ занимался съ репетиторомъ и я слышала, какъ репетиторъ ему говорилъ: — Костя, вы должны мнѣ выучить эти глаголы. Я въ третій разъ вамъ ихъ задаю, а вы ни въ зубъ толкнуть не знаете.

— Нѣтъ, Михалъ Михалычъ, я вамъ этихъ глаголовъ не выучу.

— Костя!—говорилъ репетиторъ (онъ былъ большой чудакъ и оригиналъ):—я упрямъ, какъ кавказскій оселъ, и до тѣхъ поръ не уйду изъ этой комнаты, пока вы мнѣ не дадите слова, что выучите эти глаголы.

— Михалъ Михалычъ, я тоже упрямъ, какъ двадцать кавказскихъословъ, и этихъ глаголовъ учить не буду. Николай Владиміровичъ говоритъ, что это совершенно лишнее и что никто ихъ никогда не спрашиваетъ.

— Вотъ,—думала я, вздыхая,—онъ и Костю уже испортилъ. Костя и такъ никого не слушается.

Наконецъ репетиторъ ушелъ, помирившись на половинѣ глаголовъ.

Кромѣ меня и Кости, никого не было дома. Костя, высокій и худенькій, какъ тростинка, двѣнадцатилѣтній мальчикъ былъ моей слабостью. Я его болѣзненно любила и всегда дрожала за его жизнь и здоровье.

Костя усѣлся за столъ и сталъ раскладывать и расправлять своихъ жучковъ и бабочекъ, которыхъ успѣлъ ужь гдѣ-то наловить. Я смотрѣла на него и не могла налюбоваться на его тонкое худенькое личико, на бѣлокурые пушистые, слегка вьющіеся волосы и на большіе сѣрые глаза, которые вечеромъ казались совсѣмъ синими.

Пробило семь часовъ, а Николай Владиміровичъ все не

шелъ. Наконецъ, я услышала на лѣстницѣ его твердые шаги.

Я вздрогнула, сердце у меня сжалось и упало. Николай Владиміровичъ вошелъ, небрежно поздоровался, сѣлъ за столъ и попробовалъ по обыкновенію засмѣяться. Онъ былъ блѣденъ, лицо у него было нехорошее, помятое, подъ глазами синіе круги, глаза мутные съ припухшими вѣками, губы стали еще краснѣе и какъ будто еще больше вспухли.

„Вампиръ"!—подумала я.

— Ахъ, чортъ возьми, голова трещитъ.

— Вамъ подать обѣдъ?

— Нѣтъ, какой тамъ чортъ обѣдъ?

— А чаю налить?

— Ничего не хочу! Покутили мы вчера здорово! Опохмелиться надо! Гдѣ Иванъ? Костя, позовите мнѣ его.

— Послушай, братецъ,—говорилъ Николай Владиміровичъ вытянувшемуся передъ нимъ въ струнку Ивану.—Ты знаешь магазинъ наслѣдниковъ Реслера?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, не могу знать.

— Ну, какъ же это ты, братецъ, не знаешь? На углу, противъ аптеки Бронштейна.

— Точно такъ, ваше благородіе, такъ что аптеку знаю.

— Такъ вотъ сходи, купи мнѣ двѣ бутылки вина бѣлаго, Рислингъ, запомнишь?

— Точно такъ, ваше благородіе, запомню. Только дозвольте доложить, ваше благородіе, такъ что лавки запрутъ скоро.

— Ничего, поспѣешь. Ты живо сбѣгай, форсированнымъ маршемъ.

Николай Владиміровичъ долго рылся у себя въ карманахъ, наконецъ вытащилъ, видимо послѣдній, рубль и со звономъ бросилъ его на столъ. Я застыла отъ изумленія и ждала, что будетъ дальше.

Солдатъ ушелъ.

Николай Владиміровичъ, насильственно улыбаясь, принялся разсказывать о томъ, какъ они покутили, какъ онъ проигрался въ пухъ и прахъ. Я молчала. Наконецъ, замолчалъ и Николай Владиміровичъ. Криво усмѣхаясь, сталъ разсматривать Костину коллекцію. Прошло четверть часа, но мнѣ показалось, что прошелъ цѣлый часъ. То же должно быть казалось и Николаю Владиміровичу. Онъ нервничалъ потиралъ руки и смѣялся. Онъ бросилъ мнѣ вызовъ и, видимо, ждалъ, чѣмъ я отвѣчу, но я не подала ни одной реплики.

Наконецъ, пришелъ деньщикъ, онъ запыхался, едва дышалъ.

— Что это ты, братецъ, такъ долго, тебя только за смертью посылать! Подай пробочникъ, живо! Э, какъ ты копаешься! Давай, я самъ!

Возмущенная, едва дыша отъ гнѣва, я слѣдила за каждымъ его движеніемъ, но не проронила ни слова.

Николай Владиміровичъ дрожащими руками открылъ бутылку, взялъ самый большой чайный стаканъ, налилъ его до краевъ, и вызывающе смотря на меня, выпилъ залпомъ, но подъ конецъ поперхнулся и закашлялся. Я встала. Николай Владиміровичъ, догадавшись, что я хочу уйти, налилъ себѣ второй стаканъ и выпилъ безъ передышки и потянулся налить третій. Костя, разинувъ ротъ, смотрѣлъ на эту нѣмую сцену. Ему, видно, все это очень понравилось—и онъ слѣдилъ за нами любопытными, задорными глазами продувного шалуна и забіяки, и симпатіи его были, очевидно, на сторонѣ Николая Владиміровича.

— Костя!—выговорила я съ трудомъ.—Скажешь мамѣ, когда вернется, что я ушла гулять.

Я вышла изъ комнаты, не сказавъ Николаю Владиміровичу ни слова, смотря мимо него въ стѣну.

Ночь была свѣтлая, лунная. Я пошла на бульваръ и цѣлый часъ шагала взадъ и впередъ по пустыннымъ аллеямъ и не могла успокоиться. Все во мнѣ кипѣло. Я понимала хорошо, что это не была случайность, что это было сдѣлано мнѣ на зло. Это была демонстрація!

— Какая наглость! Какой цинизмъ!—думала я, ступая по крупному песку.—И что это со мной сдѣлалось, что я молчала? Точно языкъ отнялся! Ничего не сказать на такую дерзость!

И забывая, что теперь ужь поздно, я начинала мысленно говорить ему то, чѣмъ должна была, какъ мнѣ казалось, отвѣтить на его поступокъ.

„Вы забываетесь, милостивый государь! Мнѣ нѣтъ дѣла до того, гдѣ вы бражничали и съ кѣмъ вы кутили. Я не вмѣшиваюсь въ ваши дѣла. Меня это нисколько не интересуетъ. Но гонять бѣднаго солдата до полусмерти, пить при ребенкѣ!—это верхъ низости. Если вамъ надо опохмеляться, то вы можете дѣлать это въ своей комнатѣ или въ ресторанѣ. У насъ не трактиръ и не кабакъ, и вы не имѣете права развращать мальчика“. И вдругъ я вспомнила, что оставила этого мальчика одного съ нимъ, и побѣжала домой, чтобы поскорѣй исправить свою ошибку.

Въ настоящее время всякая восемнадцатилѣтняя дѣвица посмѣялась бы надъ моей наивностью, но я жила въ царствѣ

грезъ и дѣйствительной жизни совсѣмъ не знала. Впослѣдствіи я поняла, что со стороны Николая Владиміровича это просто была шалость, бравада, но тогда мнѣ этотъ случай показался отвратительнымъ.

Я все въ десять разъ преувеличила и моя пылкая фантазія нарисовала мнѣ какую-то ужасную ночную оргію, а я желала инстинктивно, чтобы Николай Владиміровичъ былъ чистымъ, незапятнаннымъ, и послѣ этого случая я чувствовала себя такъ, будто онъ измѣнилъ мнѣ. Раньше я и вѣрила, и не вѣрила его разсказамъ объ его кутежахъ, теперь я убѣдилась въ этомъ безповоротно.

Въ душѣ у меня явилось такое сложное чувство къ нему, что я сама не могла въ немъ разобраться. Я точно мстила ему за что-то, упорно ненавидѣла его. Я стала относиться къ нему жестоко, холодно, свысока. Если обращалась, то говорила съ презрѣніемъ, небрежно роняя слова. Я заранѣе возставала противъ всего, что онъ говорилъ и дѣлалъ, высмѣивала его слова и проекты безъ всякаго сожалѣнія. Онъ не оставался у меня въ долгу, мѣтко отражая мои остроты. Иногда я бывала явно несправедлива и сама это чувствовала, но, какъ зарвавшійся игрокъ, не могла ужь остановиться.

VIII.

Приближалась Пасха. Къ Пасхѣ пріѣхала моя сестра-курсистка. Добрая, кроткая, ласковая—она старалась насъ примирить. Ей очень понравился Николай Владиміровичъ и она подолгу разговаривала съ нимъ. Онъ тоже говорилъ съ ней такъ мягко и задушевно, что приводилъ меня въ недоумѣніе. Я чувствовала, что я чего-то не понимаю, но не знала, что мнѣ дѣлать. Сестра же еще больше удивлялась и не могла понять, какъ это мы умудрились за такое короткое время такъ поссориться.

Уже побѣлили комнаты передъ праздникомъ, но вездѣ еще былъ предпраздничный безпорядокъ. Кухню перенесли въ лѣтнее помѣщеніе. Это было очень далеко отъ столовой и всякій разъ приходилось бѣгать звать прислугу.

— Почему бы вамъ не провести электрическіе звонки?—сказалъ однажды Николай Владиміровичъ.—Хотите, я вамъ проведу?

— А вы развѣ умѣете?—сказала я, язвительно улыбаясь.

— Разумѣется, умѣю, тутъ ничего мудренаго нѣтъ.

— Что-жь, проведите. Мы посмотримъ, какъ вы умѣете!

Этого было достаточно. Николай Владиміровичъ немедленно отправился въ магазинъ, накупилъ матеріаловъ и въ

тотъ же день принялся за дѣло. Три дня возился онъ съ этими звонками. Мать была недовольна, что онъ поковырялъ всѣ стѣны, что отрываетъ деньщика отъ дѣла, что вся штукатурка осыпалась.

Въ городѣ спеціальнаго магазина не было, и матеріалы которые онъ нашелъ въ какомъ-то магазинѣ, были очень плохіе. А я ходила мимо, насмѣхалась и каркала. Конечно, при такихъ условіяхъ работа не спорилась: все валилось у него изъ рукъ, но онъ не бросалъ работы. Наконецъ, проволоки были натянуты, баттарея поставлена — все было готово.

— Костя,—говорилъ онъ,—идите вы звоните, а я буду слушать.

Костя шелъ звонить, но звонки не звонили. Николай Владиміровичъ прибѣгалъ изъ кухни въ столовую и говорилъ:

— Вы не такъ звоните! Давайте, я буду звонить, а вы идите слушайте.

Костя стрѣлой летѣлъ въ кухню, но скоро возвращался и говорилъ, что ничего не слышно.

— Звоните вы. Сильнѣй кнопку нажимайте!

И бѣжалъ опять въ кухню,—но звонки не звонили. Тогда онъ опять начиналъ работать, нахмуривъ свой упрямый лобъ: чего-то досыпалъ, доливалъ, перекручивалъ, но все было тщетно—звонки такъ и не зазвонили. Я торжествовала. За обѣдомъ всѣ спрашивали о звонкахъ. Николай Владиміровичъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Я же была такъ жестока, что постаралась его добить.

— „Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
— А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ —
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами..."

продекламировала я. Тутъ я въ первый разъ услышала отъ Николая Владиміровича слова, которыхъ мнѣ не забыть никогда.

— Я видѣлъ много язвительныхъ барышень въ Петербургѣ, но такой, какъ вы, никогда не встрѣчалъ.

Онъ сказалъ это такимъ тономъ и посмотрѣлъ на меня съ такимъ упрекомъ, что кусокъ застрялъ у меня въ горлѣ. Послѣ этого я притихла и стала меньше его допекать. Къ тому же приближалась Пасха, а въ эти дни всегда дѣлаешься добрѣе и чище

IX.

Былъ первый день Пасхи. Цвѣли яблони. На голубомъ фонѣ неба выдѣлялись розовыя вѣтви безъ зелени. Все

было такъ чисто, тихо, прозрачно, воздушно, что, казалось, непремѣнно долженъ пролетѣть ангелъ. Я была въ бѣломъ платьѣ и осторожно ходила по дорожкѣ, боясь сѣсть и измять свой воздушный нарядъ.

— Ну, теперь мы должны съ вами похристосоваться,— сказалъ Николай Владиміровичъ, идя мнѣ на встрѣчу.

И не успѣла я отвѣтить, какъ онъ схватилъ меня за руки и крѣпко сжалъ.

Я пришла въ ужасъ, что онъ можетъ меня поцѣловать этими губами, этими ужасными губами, которыхъ я такъ боялась. Я оттолкнула его съ такой силой, что онъ чуть не упалъ. А я, вырываясь, зацѣпилась за колючій кустъ и разорвала рукавъ своего воздушнаго наряда.

Вышло грубо и нехорошо.

Раздосадованный моимъ упорствомъ, Николай Владиміровичъ въ этотъ день все дѣлалъ мнѣ на зло, видимо стараясь мнѣ насолить. Онъ нѣсколько разъ врывался ко мнѣ въ комнату безъ позволенія, потомъ вытащилъ изъ шкафа мои бѣлыя туфли, притащилъ ихъ въ гостиную и показывалъ гостямъ, говоря:

— Посмотрите, какая у Катеньки маленькая ножка.

Послѣ обѣда мы большой компаніей собрались гулять. Я забыла свою шляпу въ передней нижняго этажа. Отецъ и мать легли отдыхать и дверь изъ коридора заперли.

Я сказала, что останусь дома. Николай Владиміровичъ во что бы то ни стало захотѣлъ достать шляпу. Я протестовала, но онъ, не слушая меня, подергалъ дверь, потомъ навалился на нее всѣмъ тѣломъ. Дверь затрещала, подалась и сломалась. Замокъ со всѣмъ содержимымъ выскочилъ вонъ. Онъ разбудилъ всѣхъ и отъ всѣхъ ему попало, но онъ былъ очень доволенъ, что поставилъ на своемъ и показалъ свою силу.

На другой день онъ отлично исправилъ замокъ, какъ самый настоящій слесарь.

Послѣ Пасхи мы участвовали вмѣстѣ въ какомъ-то домашнемъ спектаклѣ. Это было поводомъ для новыхъ столкновеній. Я смѣялась надъ его игрой, онъ въ свою очередь отрицалъ мой талантъ.

— Два козлика на одной досточкѣ,—говорила про насъ сестра.

X.

Весна была въ полномъ цвѣту. Пышно распустилась сирень. Садъ нашъ утопалъ въ сирени. Ея было такъ много, что садъ казался большой лиловой корзиной цвѣтовъ. Красные фонарики тюльпановъ радовали глазъ, а въ травѣ и на до-

рожкахъ расцвѣтали непрошенные и незванные золотые одуванчики.

Въ концѣ апрѣля въ Н—скомъ монастырѣ въ четырехъ верстахъ отъ нашего города бываетъ храмовой праздникъ. На этотъ праздникъ съѣзжаются всѣ жители окрестныхъ деревень. Бываютъ тамъ въ этотъ день скачки, ярмарка, выставка коровъ и лошадей. Въ дѣтствѣ мы очень любили этотъ праздникъ, но когда выросли—все это потеряло для насъ интересъ и мы неохотно соглашались туда ѣхать. И въ этотъ разъ голоса раздѣлились. Сестра наотрѣзъ отказалась ѣхать, Костя пошелъ съ товарищами, мать и отецъ уговорились ѣхать съ знакомыми, съ ними же поѣхала моя двоюродная сестренка и ученица Нюрочка. Я съ Николаемъ Владиміровичемъ рѣшили идти пѣшкомъ.

Погода была чудесная. Мы шли полемъ, покрытымъ низенькой тоненькой травкой, между ней было много чебрецу. Чебрецъ — кудрявая, ползучая пахучая травка, которая ростетъ даже на камняхъ. Имъ посыпаютъ у насъ полы на Троицу. Чебрецъ растирался подъ ногами и запахъ его былъ такъ силенъ, что кружилась голова.

Все поле было покрыто народомъ. Шли и ѣхали въ экипажахъ, дрогахъ, линейкахъ, дилижансахъ. Но больше всего было пѣшихъ. Какъ муравьи, чернѣли мужчины, какъ божьи коровки, мелькали среди зелени красными, желтыми, розовыми платьями женщины и дѣвочки. Многіе шли босикомъ, а новые башмаки несли на палкахъ. Мнѣ тоже захотѣлось раздѣться и пойти босикомъ.

— Великое переселеніе народовъ, — сказалъ Николай Владиміровичъ.—Пойдемте по этой дорогѣ.

И мы дали крюку, но за то здѣсь мы были одни и попали въ царство цвѣтовъ. Николай Владиміровичъ взялъ меня подъ руку. Я не протестовала: во-первыхъ, это было за городомъ, во-вторыхъ, я нѣсколько разъ упала: когда идешь по молодой зеленой травкѣ, подошвы ботинокъ дѣлаются скользкими, будто натертые воскомъ.

Я была добра въ этотъ день, вольный воздухъ вливался въ грудь, въ лицо дулъ свѣжій вѣтерокъ, солнце не жгло, а ласкало. Я смѣялась, шутила и не сказала Николаю Владиміровичу ни одного злого слова. Я чувствовала себя передъ нимъ виноватой. Наканунѣ только сестра долго говорила со мной о томъ, что я не хорошо съ нимъ обращаюсь и что я неправа. Я въ первый разъ задумалась надъ этимъ и дала ей слово, что не буду больше обижать его.

И онъ тоже былъ необыкновенно мирно настроенъ. Мы шли и собирали цвѣты. Среди травы горѣли, какъ капли крови, маленькіе красные цвѣточки, которые называются у насъ „уголекъ въ огонькѣ“ или просто огонекъ. Миніатюр-

ные цвѣточки съ черной серединкой и узенькими, точно лакированными листочками-язычками. Были и другіе цвѣты, но больше всего было огоньковъ. Мы рвали душистый чебрецъ, нюхали его, растирали въ рукахъ, осыпали имъ другъ друга, набили полные карманы, я положила въ сумочку и жалѣла, что больше некуда положить. Потомъ мы набрели на остатки стараго сада.

— Знаете, что это такое? — говорила я, срывая вѣточку зеленаго куста, напоминавшаго кипарисъ.—Это—тисъ, растеніе библейское. Въ библіи говорится: „Аще тисомъ умоюся, паче снѣга убѣлюся".

И мы смѣясь рѣшили убѣлиться паче снѣга.

Въ монастырь мы пришли къ 11 часамъ. Въ церковь не попали, потому что нельзя было туда проникнуть. Мы пошли смотрѣть скалу, гдѣ, по преданію, остались слѣды отъ копытъ лошади Георгія Побѣдоносца и слѣдъ его ноги. Въ углубленіяхъ, дѣйствительно, чрезвычайно похожихъ на слѣдъ ноги и копыта, всегда была вода, считавшаяся цѣлебной и помогающей при болѣзни глазъ, и всѣ умывались ею. Николай Владиміровичъ началъ опять шалить и шутить, спрашивая монашекъ, кто наливаетъ туда воду. Я дергала его за рукавъ, но онъ продолжалъ шутить, я забыла свое обѣщаніе и разсердилась на него.

Обѣдня кончилась. Послѣ обѣдни были скачки, которыя привлекали всегда массу публики. Состязались обыкновенно татары, перевязанные цвѣтными шарфами. Все было, конечно, очень примитивно, лошади были плохія—и Николай Владиміровичъ не преминулъ раскритиковать наши скачки, и хотя мнѣ совсѣмъ не важны были эти скачки, но почему-то было обидно и хотѣлось спорить съ нимъ и возражать.

Скачки кончились, мы разыскали нашу компанію. Они уже нашли себѣ мѣстечко въ тѣни акаціи, разложили свои запасы на разостланной на травѣ скатерти и пили чай. Мы подсѣли къ нимъ и стали утолять свой голодъ. Николай Владиміровичъ выпилъ нѣсколько рюмокъ вина и коньяку.

Становилось жарко: тѣни было мало. Вездѣ, направо и налѣво отъ насъ, впереди и сзади, сидѣли группы пирующихъ. Всюду были разостланы бѣлыя, синія, красныя скатерти. Точно вся земля вокругъ монастыря превратилась въ одну сплошную скатерть-самобранку. Ржали лошади и возлѣ нихъ маленькіе жеребята, плакали маленькія дѣти. Скоро вся трава покрылась красными скорлупками отъ яицъ, масляными бумажками, пробками, апельсинными корками, осколками разбитыхъ бутылокъ. Поминутно под-

ходили нищіе съ красными пьяными рожами или такіе ужасные калѣки, какихъ никогда нигдѣ, кромѣ этого мѣста, мы не встрѣчали. Играли на гармоникахъ, внизу подъ горой вертѣлась карусель и оттуда раздавалась развеселая музыка и пьяныя пѣени. То и дѣло подходили къ намъ какіе-то старики и старухи, которыхъ я совсѣмъ не знала, они же меня знали, по ихъ словамъ, когда я еще подъ столомъ ходила. Они всѣ христосовались со мной, дыша мнѣ въ лицо виннымъ перегаромъ, говорили, что я выросла, жалѣли, что я такая худенькая, желали мнѣ хорошаго жениха и при этомъ многозначительно смотрѣли на Николая Владиміровича.

Я устала, мнѣ надоѣла эта сутолока, неизбѣжная при такомъ стеченіи народа. Жаль было помятой травы, жаль сорванныхъ и увядшихъ цвѣтовъ, непріятно было смотрѣть на разбросанные повсюду объѣдки. Я только хотѣла открыть ротъ и предложить Николаю Владиміровичу пойти гулять въ поле, какъ онъ вдругъ всталъ и сказалъ, что идетъ въ палатку. Въ палаткѣ былъ устроенъ временный буфетъ. Тамъ были столы, стулья, можно было ѣсть шашлыки, чебуреки и другія произведенія южной кухни. Тамъ собиралась вся знать и аристократія. Я была ужасно обижена, что Николай Владиміровичъ оставляетъ нашу компанію и покидаетъ насъ, но ничего не сказала ему. Я взяла Нюрочку и мы пошли съ ней далеко въ поле и на гору. Тамъ мы нашли скалы, похожія на грибы, нашли подъ ними сѣренькія ночныя фіалочки, которыя днемъ совсѣмъ не пахнутъ. Прошло часа два, солнце уже склонялось къ западу. Я вернулась къ нашимъ и просила маму ѣхать домой, но она и слушать не хотѣла: она любила, если ужъ ѣхать, то на цѣлый день.

Вдругъ мы увидѣли, что изъ палатки вышелъ Николай Владиміровичъ въ компаніи двухъ офицеровъ. Офицеры сѣли въ экипажъ и уѣхали, а Николай Владиміровичъ направился къ намъ. Походка у него была не твердая, видно было, что они тамъ хорошо провели время. Николай Владиміровичъ предложилъ Нюрочкѣ идти съ нимъ кататься на каруселяхъ. Нюрочка съ восторгомъ согласилась. Я переглянулась съ матерью, но ничего не сказала. Николай Владиміровичъ поймалъ этотъ взглядъ и, зло усмѣхаясь, сказалъ дѣвочкѣ:

— Спроси, Нюрочка, разрѣшенія у начальства.

Я опять обмѣнялась взглядомъ съ матерью, но мы обѣ промолчали.

— Молчаніе—знакъ согласія,—сказалъ Николай Влади-

міровичъ и, взявъ ее за руку, пошелъ, пошатываясь, п направленію къ каруселямъ.

Мы сидѣли и глядѣли имъ вслѣдъ, не зная, что предпринять. Наконецъ, когда они ужъ порядочно отошли, мать вдругъ спохватилась.

— Какъ это ты пустила ребенка одного съ нимъ? Посмотри, какой онъ! Едва на ногахъ держится. Не дай Богъ, что случится! Подъ лошадь попадетъ или съ качель свалится, искалѣчитъ дитя. Иди и ты съ ними.

Я колебалась.

— Да идите же скорѣй, Катенька,—сказала бывшая съ нами знакомая дама,—а то не догоните.

Я побѣжала, крича имъ вслѣдъ. Они услышали и остановились. Я подошла, запыхавшись.

— Я тоже съ вами пойду,—сказала я.

— Вотъ какъ? Значитъ, вы мнѣ не довѣряете?

— Вовсе не потому, а просто я тоже хочу пойти съ вами.

— Да, я знаю, зачѣмъ вы хотите идти. Это контроль. Вы думаете, что я такъ пьянъ, что со мной нельзя ее пустить.

— Я не говорю этого.

— Не говорите, такъ думаете. О! я отлично видѣлъ, какъ вы посмотрѣли на Марью Николаевну. Не опускайте глазки...

— Вамъ показалось такъ.

— Нѣтъ, не показалось. Я не настолько пьянъ, какъ вы думаете,—сказалъ онъ, возвышая голосъ.

— Я не понимаю, Николай Владиміровичъ, отчего вы волнуетесь. Вѣдь вамъ же трудно одному за ней усмотрѣть. Тамъ такая толпа!

— А, вотъ какъ! Вы воображаете, что вы только одна умѣете воспитывать дѣтей и наблюдать за ними. Вы ставите себя на пьедесталъ и смотрите на всѣхъ сверху внизъ. Вы только свой авторитетъ признаете. А я не признаю вашего авторитета, слышите, не признаю!

Николай Владиміровичъ все возвышалъ голосъ и все больше блѣднѣлъ. Я тоже поблѣднѣла и растерялась.

— Какое вы имѣете право на меня кричать!

— Имѣю право, потому что вы не смѣете меня контролировать. Я не желаю, чтобы вы съ нами шли!

Лицо его было искажено бѣшенствомъ, глаза сверкали голосъ срывался.

— А когда такъ, когда такъ... хорошо, я съ вами не пойду, но и она не пойдетъ,—сказала я въ пылу гнѣва, не помня себя.

Я схватила Нюрочку за руку и повернула назадъ, но Николай Владиміровичъ крѣпко держалъ ее за другую руку и тащилъ ее къ себѣ. Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, но Нюрочка испугалась, заплакала и стала вырывать отъ него свою ручонку.

Поступокъ мой привелъ его въ настоящую ярость; этимъ я только подлила масла въ огонь.

— Вы воображаете, что вы только одна свѣтило! Хотите, чтобы всѣ передъ вами преклонялись. Всѣхъ и все презираете! Ха, ха, ха! Какой жестъ—настоящая королева!

Я шла по ямамъ и косогорамъ, скользя по гладкимъ камнямъ, не видя и не разбирая дороги, спотыкаясь и почти падая. Онъ неотступно слѣдовалъ за мной и все громче кричалъ на меня. Но я уже не отвѣчала, потому что ничего не понимала и не слышала, что онъ говоритъ. Всѣ встрѣчные съ удивленіемъ на насъ оглядывались. Я почти бѣжала. Наконецъ, мы дошли до того мѣста, гдѣ сидѣли наши. Я пошатнулась и едва не упала. Ноги у меня дрожали, руки похолодѣли, сердце билось толчками Нюрочка плакала.

— Что съ вами? Что случилось?

— Вотъ ваша дочь! Вотъ она какая!—кричалъ Николай Владиміровичъ, бросая на меня взглядъ, полный ненависти.— Всѣхъ презираетъ, думаетъ, что она только одна замѣчательная женщина. Ей, видите-ли, кажется, что я пьянъ!

— Неправда, я ничего не говорила. Мама вѣдь вы сами... я только хотѣла вмѣстѣ... онъ не имѣетъ права, я не презираю... онъ самъ...

Я задыхалась. Еще минутка—и я бы расплакалась, но я собрала все свое мужество—и сдержалась. Заплакать при немъ—о! какимъ мнѣ это казалось позоромъ!

Вѣроятно, мы оба были очень страшны и невмѣняемы, потому что всѣ очень перепугались и не знали, кого успокаивать: меня, или его. Нигдѣ не было ни капли воды. Мнѣ дали выпить холоднаго чая, оставшагося въ чайникѣ, и зубы мои стучали о стаканъ. Сейчасъ же собрались и поѣхали поскорѣй домой. Мы ѣхали одни; не знаю, съ кѣмъ и какъ вернулся Николай Владиміровичъ.

Состояніе духа у меня было ужасное. Я чувствовала себя униженной, опозоренной, раздавленной. Несмываемое оскорбленіе, позоръ на всю жизнь! Оскорбить меня публично, всенародно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ весь городъ былъ и всѣ слышали и видѣли, смѣялись надо мной! Теперь эта сплетня облетитъ весь городъ съ разными прикрасами и прибавленіями. Дорогой я потребовала отъ матери, чтобы ему сей-

насъ же отказали отъ квартиры. Знакомая поддержала меня, сказавъ матери:

— Да, Марья Николаевна, я бы на вашемъ мѣстѣ не держала такого безпокойнаго квартиранта.

Желаніе мое было исполнено. На другой день Николай Владвміровичъ уѣхалъ отъ насъ такъ рано, что его никто не видѣлъ. Но это не принесло мнѣ облегченія. Въ душѣ у меня все что-то ныло и даже какъ будто протестовало противъ этого.

XI.

Онъ нанялъ себѣ комнату на самой душной и пыльной улицѣ. Костя, очень его полюбившій, не прерывалъ съ нимъ сношеній. Онъ постоянно бывалъ у него и приносилъ о немъ разныя извѣстія. Онъ говорилъ, что Николай Владиміровичъ совсѣмъ перемѣнился, никуда не ходитъ, по вечерамъ сидитъ дома и занимается, готовится къ конкурсному экзамену.

Я жадно слушала, но не разспрашивала. Меня поразила эта перемѣна. Я чувствовала, что она имѣла какое-то отношеніе къ тому, что произошло. Когда раньше Николай Владиміровичъ говорилъ, что онъ готовится къ экзамену и занимается, я плохо вѣрила этому, потому что онъ или сидѣлъ съ нами, или уходилъ къ пріятелямъ, или они къ нему приходили—и времени для занятій у него не оставалось.

Острое чувство обиды уже проходило. Я только ждала, что онъ придетъ и извинится предо мной. Но время шло, а онъ не приходилъ. Однажды я встрѣтилась съ нимъ на улицѣ: онъ не поклонился мнѣ, хотя смотрѣлъ на меня въ упоръ и улыбался. Я такъ и вскипѣла: мнѣ показалось, что онъ смѣется надо мной. Опять проснулось и громко заговорило оскорбленное самолюбіе.

Прошло почти четыре мѣсяца. Въ одинъ темный августовскій вечеръ мы сидѣли въ саду и читали. Было такъ тепло и тихо, что лампа горѣла, какъ въ комнатѣ. Я читала до тѣхъ поръ, пока не налетѣли жучки и бабочки. Боже мой, сколько ихъ налетѣло! Они не давали читать, лѣзли въ глаза, въ уши, въ носъ, запутывались въ волосахъ, падали и ползали по книгѣ, сжигались на огнѣ, разбивались о стекло, а все летѣли и летѣли. Лампа стала коптить и стекло почернѣло. Я оставила книгу и легла въ гамакъ, возлѣ цвѣтника. Сладко и удушливо пахли табаки, петуньи, левкой, ночныя фіалки. Въ темнотѣ всѣ цвѣты казались бѣлыми. Я подняла глаза и стала смотрѣть на звѣзды. Въ концѣ августа всегда бываетъ много падающихъ звѣздъ.

Звѣздный дождь! Интересно было слѣдить, какъ то здѣсь, то тамъ загоралась и вспыхивала звѣздочка жидкимъ зеленымъ или голубымъ цвѣтомъ, загоралась, пролетала и тухла, оставляя красный хвостъ за собой.

— Ахъ! ахъ! ахъ!—только могла закричать я, увидя чудный огромный метеоръ, который загорѣлся трехцвѣтнымъ блестящимъ шаромъ. Я хотѣла что-нибудь задумать, чтобы исполнилось мое желаніе, но, пока онъ летѣлъ, я все ахала и восхищалась—и не успѣла ничего задумать. Онъ пролетѣлъ черезъ все небо и не потухъ, а скрылся за горизонтомъ, закатился, какъ солнце, и долго еще свѣтился фосфорическій слѣдъ, напоминая о прекрасномъ явленіи.

— Бываютъ, вѣрно, такія яркія жизни, какъ этотъ метеоръ!—подумала я вслухъ, и мнѣ стало грустно и обидно, что я не живу, какъ мнѣ казалось, а прозябаю въ такой глуши.

Въ концѣ сада хлопнула калитка. Наши новыя собачки бросились на кого-то въ темнотѣ и залаяли. По аллеѣ кто-то шелъ. Аллея была длинная и слышно было издалека, что собаки лаютъ на чужого. Вдругъ изъ черной тьмы вынырнулъ Николай Владиміровичъ. Свѣтъ лампы упалъ на его лицо. Онъ былъ блѣденъ, но улыбался. Подошелъ къ намъ, поздоровался. Я подала ему холодную руку, хотѣла сказать: „Здравствуйте“, но губы мои не шевелились.

Онъ заговорилъ съ сестрой, а я сидѣла, какъ нѣмая, и боялась взглянуть на него. Сестра повела его въ бесѣдку на другой конецъ сада, а я осталась сидѣть съ двоюроднымъ братомъ. Сердце громко и явственно билось: „иди, иди!“ стучало оно, но ноги приросли и не двигались. Они долго сидѣли и разговаривали, и я слышала его смѣхъ и голосъ, и сердце еще настойчивѣй стучало и колотилось, но я сидѣла, какъ окаменѣлая.

Они возвратились къ столу. Николай Владиміровичъ подошелъ ко мнѣ и почти беззвучно сказалъ мнѣ только одно слово: „простите“. Я скорѣй догадалась, чѣмъ услышала это слово. Я собралась съ духомъ и тихо сказала: „До свиданія! Счастливой дороги!“ А онъ уже уходилъ...

Мнѣ сдѣлалось такъ жалко его, захотѣлось вернуть его, сказать ему доброе слово, но было уже поздно. На другой день онъ уѣхалъ совсѣмъ. Уѣхала вскорѣ и я.

Мѣсяца черезъ три я получила письмо отъ сестры. Вмѣстѣ съ ея письмомъ было вложено письмо Николая Владиміровича. Оно было адресовано ей, но я поняла, что оно было написано для меня. Письмо было хорошее, но меня, не помню ужь что-то, въ немъ задѣло и обидѣло. Кажется, мнѣ не понравилось, что оно не ко мнѣ лично адресовано. Я все ждала

еще пространнаго объясненія и извиненія и мнѣ показалось, что нетактично и невѣжливо обращаться къ посредникамъ. Я взяла перо и написала ему нѣсколько ледяныхъ, надменныхъ строкъ. Когда опустила письмо въ ящикъ, вдругъ почувствовала, что сдѣлала что-то ужасное, злое, непоправимое.

XII.

Прошло десять лѣтъ. Въ эти десять лѣтъ я выпила горькую чашу жизни. Вмѣсто блестящей карьеры — трудъ въ скучномъ захолустьѣ, вмѣсто богатства и славы—погоня за кускомъ хлѣба, заброшенность, непониманіе, вражда—и одиночество, одиночество безъ конца... Молодость и юность вспоминаются, какъ сожженная солнцемъ пустыня. И, какъ оазисъ въ пустынѣ, вспоминался иногда Николай Владиміровичъ и то время, когда онъ былъ съ нами. Все дурное было забыто, вспоминалось одно смѣшное и забавное. Я часто разсказывала эпизоды изъ нашей совмѣстной жизни, разсказывала въ юмористическомъ духѣ. Всѣ всегда весело смѣялись и говорили: — Вотъ оригиналъ какой вашъ знакомый! такихъ не часто встрѣтишь.—Смѣялась и я, а въ душѣ все что-то ныло. Чувствовала, что поступила дурно, жестоко, грубо, отвѣтивъ такъ сухо на его привѣтъ. Да и вообще: за что я такъ придиралась къ нему? Особенно послѣ случая съ этой бутылкой вина! Бутылка вина! Ахъ! эта глупая бутылка! Дѣтская шалость, дурачество! И какъ придиралась, какъ колола, всю силу ума своего тратила только на то, чтобы насолить.

Изрѣдка ко мнѣ доходили слухи о немъ. Я слышала, что онъ учится, много работаетъ, похудѣлъ и поблѣднѣлъ. Потомъ узнала, что сидѣлъ въ тюрьмѣ. Потомъ услыхала, что боленъ. И съ каждымъ извѣстіемъ все больше и больше щемило сердце.

Я отгоняла отъ себя воспоминанія о немъ, совѣсть мучила меня. Я могла бы узнать его адресъ, написать ему, но, не знаю почему, мнѣ это казалось невозможнымъ. Я рѣшительно не представляла себѣ, какъ и что я ему напишу, что скажу. Потомъ я совсѣмъ потеряла его изъ виду.

Два года тому назадъ я серьезно заболѣла, бросила мѣсто и пріѣхала домой. Прохворала всю зиму. Весной стала поправляться. Занялась огородомъ, цвѣтами, розами. Выписала розы изъ Франціи и сорта получились необыкновенные. Всѣ цвѣта и оттѣнки: крупныя, мелкія, темныя, свѣтлыя, то бархатныя, то атласныя, то точно восковыя.

Я ходила между цвѣтущими кустами, подрѣзывала, поливала и жалѣла, что некому любоваться.

Это случилось 8 іюня въ воскресенье.

Мнѣ приснился странный сонъ: снилось мнѣ, будто я иду возлѣ церкви съ какой-то процессіей. Вдругъ подходитъ священникъ и даетъ мнѣ огромный золотой крестъ и говоритъ: „Неси его!". Я взяла крестъ и долго несла его, согнулась подъ тяжестью. Потомъ я увидѣла какого-то молодого человѣка и сказала ему: „Возьмите отъ меня крестъ, я вѣдь не принадлежу къ служителямъ церкви" — но онъ не взялъ креста.

Проснулась рано. Странное предчувствіе явилось у меня: стало казаться, что въ этотъ день произойдетъ что-то особенное. Взглянула въ окно: дождь, дождь и дождь. Нельзя было пойти въ садъ полюбоваться на розы. Послѣ чаю пришелъ мальчикъ со счетомъ изъ лавки и, когда уходилъ, оборвалъ въ саду всѣ розы. Я пошла потомъ съ садовыми ножницами, но розъ почти не было. Я была ужасно огорчена. Черезъ часъ случилось еще одно непріятное происшествіе: я выставила на дождь комнатные цвѣты, пріѣхалъ водовозъ и его лошадь съѣла два огромныхъ листа филодендры.

Настроеніе мое окончательно испортилось. На меня напало состояніе безнадежной апатіи и хандры, которая часто находила на меня послѣ болѣзни. Я лежала, ходила изъ угла въ уголъ, не могла ни читать, ни писать, ни работать.

Къ вечернему чаю пришли гости, случайные и мало знакомые. Пришелъ одинъ молодой человѣкъ и одна древняя старушка, которая бывала у насъ очень рѣдко, и приходъ ея всегда совпадалъ съ чѣмъ-нибудь особеннымъ.

Мы пили чай въ большомъ стеклянномъ корридорѣ, который замѣнялъ намъ лѣтомъ столовую и изъ котораго лѣстница съ парадныкъ ходомъ вела прямо въ садъ.

Вдругъ раздался слабый звонокъ, кто-то, видно, нерѣшительно дернулъ за ручку. Я спустилась и открыла дверь. Передо мной стоялъ господинъ въ формѣ инженера, очень худой и блѣдный, но страшно, страшно знакомый. Я всматривалась, но не узнавала.

— Не узнаете?—сказалъ онъ и засмѣялся.

Меня точно что ударило въ сердце.

— Неужели, неужели Николай Владиміровичъ? Неужели вы... (чуть-чуть не сказала: „живы").

— Да, да, онъ самый,—засмѣялся онъ еще разъ.

— Пожалуйте, пожалуйте скорѣй, сыро на дворѣ.

Онъ поднялся по лѣстницѣ. Мать и сестра встрѣтили его удивленными восклицаніями. А я въ первую минуту даже не удивилась, не испугалась, а только страшно, страшно обрадовалась. Точно не десять лѣтъ прошло, а десять дней и точно вчера только мы разстались. И все сейчасъ стало

другое: и комната, и стѣны, и столъ, и самоваръ. Захотѣлось только, чтобы поскорѣй ушли гости. Я налила ему чаю.

Онъ сталъ разсказывать о себѣ: гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ и куда ѣдетъ. Кончилъ три года тому назадъ, изъѣздилъ всю Россію, былъ два раза въ Сибири, въ Монголіи, въ Туркестанѣ. Былъ за границей: въ Бельгіи, въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ. Сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ простымъ рабочимъ на заводѣ, не разъ голодалъ. Онъ до неузнаваемости похудѣлъ и поблѣднѣлъ, около глазъ было много мелкихъ морщинокъ, на вискахъ сѣдина, но все тотъ же прекрасный лобъ, а глаза сіяли и свѣтились добротой. Онъ сказалъ, что можетъ пробыть у насъ только три часа, пока стоитъ пароходъ, что онъ ѣдетъ на Кавказъ производить изысканія.

Какъ мнѣ хотѣлось эти часы провести съ нимъ въ задушевной бесѣдѣ, съ глазу на глазъ, высказать все, что за 10 лѣтъ накопилось въ душѣ. Мнѣ казалось, что и ему хочется того же.

Николай Владиміровичъ разспрашивалъ обо мнѣ. Я разсказывала, но не договаривала: онъ смотрѣлъ на меня и улыбался, онъ понималъ меня съ полуслова. Я сказала, что за десять лѣтъ надѣлала тысячи ошибокъ и что хотѣла бы вычеркнуть изъ жизни эти десять лѣтъ. Онъ засмѣялся и сказалъ, что онъ не хотѣлъ бы вычеркнуть изъ жизни десять лѣтъ труда.

Потомъ я вышла на минутку изъ комнаты. Когда я возвратилась, то застала споръ. Сестра и Николай Владиміровичъ держали какое-то пари. Николай Владиміровичъ спросилъ меня: поѣду ли я съ нимъ на Кавказъ. Я не разобрала, въ чемъ дѣло, и сказала, что нѣтъ. Тогда онъ засмѣялся и сказалъ сестрѣ:

— Вотъ видите, я угадалъ.

Тутъ только я поняла, въ чемъ дѣло. Оказывается, онъ утверждалъ, что „съ нимъ“ я не поѣду.

Мнѣ стало такъ больно и горько, что онъ думаетъ, что я до сихъ поръ его врагъ. Я хотѣла дать ему понять, что этого нѣтъ, но взглянула на гостей и замолчала. Онъ заговорилъ о другомъ и разговоръ все время перескакивалъ съ предмета на предметъ. Николай Владиміровичъ заговорилъ опять о Кавказѣ. Я спросила не на Теберду ли онъ ѣдетъ. Онъ сказалъ, что не на Теберду, а на Вагу и спросилъ меня, что я знаю о Тебердѣ. Я стала ему разсказывать о томъ, какъ хорошо на Тебердѣ, хотя я тамъ и не была, а только слышала о ней.

— Тамъ теплое озеро и холодная голубая рѣчка, про[illegible]ная, прозрачная. Она течетъ по долинѣ, которая вся

усѣяна цвѣтами. Она такъ и называется: Долина Цвѣтовъ. Говорятъ, нигдѣ въ мірѣ нѣтъ больше такихъ цвѣтовъ... Кругомъ озера возвышаются...

Я не кончила своего разсказа и остановилась пораженная: я замѣтила, что Николай Владиміровичъ пристально-пристально на меня смотритъ, и что-то было въ этомъ взглядѣ такое, что глубоко поразило мою душу, какъ огнемъ прожгло ее. Я прочла въ немъ такой упрекъ, такой горькій упрекъ, что я не могла кончить рѣчи. Я оборвала на полусловѣ и опустила глаза. И, вмѣсто радости, острая боль защемила сердце. Я поняла, что я сдѣлала ужасное зло, ужасную несправедливость, что все невозвратно и я не могу ужь ничего поправить, не могу стереть ни изъ своей, ни изъ его памяти ни одного язвительнаго слова, ни одного ядовитаго намека.

И мнѣ захотѣлось стать передъ нимъ на колѣни и цѣловать, цѣловать безъ конца эту худую руку. Но мы были не одни и разговоръ шелъ, цѣпляясь за случайныя темы. Наконецъ, гости ушли. Дождь пересталъ. Я пригласила Николая Владиміровича въ садъ. Онъ поспѣшно допилъ чай, какъ разъ, какъ тогда, когда спѣшилъ за мной въ воскресную школу. Но какъ только мы вышли въ садъ, я сейчасъ же раскаялась въ томъ, что потащила его, мнѣ стало казаться, что ему вредно сидѣть на сырости. Но я боялась показать ему, что боюсь за него, и ничего не сказала. Онъ самъ спросилъ, не холодно ли мнѣ и потомъ спросилъ, чѣмъ я была больна, не легкія ли у меня болѣли.

— Нѣтъ,—сказала я уклончиво.—Нервы были разстроены и вообще переутомилась.

Онъ посмотрѣлъ на меня внимательно и сказалъ:

— Вы со мной не откровенны.

— А почему я должна быть съ вами откровенна?—сорвалась у меня съ языка глупая фраза.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, — повторилъ онъ: — почему вы должны быть со мной откровенны?—и мнѣ опять послышался въ тонѣ его голоса упрекъ, отъ котораго больно сжалось сердце.

— А меня вотъ,—сказалъ онъ, немного помолчавъ,—два года тому назадъ доктора совсѣмъ приговорили къ смерти, а вотъ живу до сихъ поръ.

— Что же у васъ было? — спросила я и замерла отъ ожиданія: „легкія"—промелькнуло въ головѣ.

— Легкія,—сказалъ Николай Владиміровичъ и засмѣялся, а у меня захолонуло сердце.—Что-жь вы теперь дѣлаете?—спросилъ онъ.

— Сейчасъ сажаю цвѣты, ухаживаю за розами. Пока

ничего не подыскала. Выбита изъ колеи, трудно бороться. Пріѣхала отдохнуть. Устала скитаться по комнатамъ. Недоѣли хозяйки, одиночество.

Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— А я все живу въ комнатѣ, какъ студентъ, уже шесть лѣтъ.

— Ну, а мы женщины, какъ кошки, все жмемся въ печкѣ,- сказала я, а онъ засмѣялся.

Потомъ я стала ему разсказывать о томъ, какія перемѣны произошли у насъ за это время. Я разсказала, что отецъ умеръ, Костя въ университетѣ, старшій братъ женился.

— А вы не женаты?--спросила я.

— Нѣтъ, я не имѣю матримоніальныхъ наклонностей,— сказалъ онъ и опять засмѣялся.

— Ахъ, да... Вы уже говорили, что живете одинъ. — Я никакъ не могла понять его постояннаго смѣха — какъ и прежде, онъ меня удивлялъ—и я задумалась. Что скрывается подъ нимъ?

Онъ сталъ разспрашивать о всѣхъ знакомыхъ, которыхъ зналъ. Мнѣ стало досадно: я чувствовала, что онъ ими мало интересуется. Я отвѣчала нехотя, невпопадъ, все стараясь угадать, что кроется подъ этимъ смѣхомъ.

Онъ замѣтилъ мою разсѣянность и съ чуткостью сказалъ:

— Вы чѣмъ-то огорчились?

— Да, не стоитъ о нихъ говорить. Пойдемте, я покажу вамъ свои розы.—Мы оба вздохнули съ облегченіемъ.—Жаль только, что мнѣ нечего вамъ сегодня показать. Сегодня одинъ мальчишка все оборвалъ.

Мы пошли по дорожкѣ. Песокъ былъ мокрый. Я была въ калошахъ, а онъ безъ калошъ. Между кустами земля была совсѣмъ мокра и липла къ ногамъ. Рѣдкія розы, пощаженныя мальчикомъ, прибитыя дождемъ, опустили головки и были помяты и запачканы землей. Я долго искала и не могла найти хорошей. Мнѣ пришлось идти на плантажъ.

— Вотъ, наконецъ, нашла,—сказала я, наклоняясь надъ кустомъ, боясь потерять розу, потому что быстро темнѣло, какъ всегда на югѣ. — Только нечѣмъ срѣзать: нѣтъ ли у васъ ножичка?

Онъ досталъ изъ кармана перламутровый изящный ножичекъ, который былъ прикрѣпленъ цѣпочкой къ петлѣ.

— Вы снимите его мнѣ, я сама срѣжу. Ахъ! не ходите, не ходите сюда! Здѣсь грязно, а вы безъ калошъ!

— Пустяки, — сказалъ, онъ смѣло шагая по грязи и задѣвая кусты, съ которыхъ сыпался жемчужный дождь.

— Боже мой! Вы ноги промочите. Простудитесь! Дайте, я сама!

— Нѣтъ, я самъ,—упрямо сказалъ онъ и подошелъ ко мнѣ.

Спорить было уже поздно, онъ ужь былъ возлѣ меня. Я посмотрѣла на него, засмѣялась и сказала:

— Вы все тотъ же.

— И вы все та же,—сказалъ онъ и засмѣялся.

Въ эту минуту мы оба подумали одно и то же.

— Вы не сердитесь на меня за то, что я не хотѣла говорить „о нихъ". Ахъ! мнѣ такъ они надоѣли. И я не вѣрю, не вѣрю никому изъ нихъ. Всѣ только думаютъ о себѣ и о тепленькомъ мѣстечкѣ. Все это были слова, слова и слова! Убѣжденія такъ легко перемѣнили, какъ змѣя мѣняетъ кожу. И вообще я ненавижу всякихъ дипломированныхъ инженеровъ, докторовъ, адвокатовъ и т. д.

— Значитъ, и меня,—засмѣялся онъ.

— Вы другое дѣло. Я не выношу чванства. Какъ только выскочатъ, устроятся, сейчасъ же начинаютъ драть носъ и давить другихъ. Я люблю простыхъ людей: вотъ люблю нашего сосѣда-армянина, люблю почталіона, прачку.

— Однако у васъ чудесныя розы. Какой сильный запахъ! Я, думаю, и спать не буду, если поставлю въ каютѣ.

— Розы успокаиваютъ,—сказала я.—А вы развѣ плохо спите?

— Не плохо, а мало. Отвыкъ. Зимой сплю 3—4 часа.

— Почему такъ мало?

— Работаю.

— Зачѣмъ же такъ истощать себя?

— Деньги нужны.

— Можетъ быть, это нескромно... Сколько вы зарабатываете въ мѣсяцъ?

— Лѣтомъ я зарабатываю тысячу рублей въ мѣсяцъ.

— Столько, сколько я зарабатывала въ годъ. Зачѣмъ же вамъ такъ много денегъ? Такъ много нужно только тому, кто тратится на женщинъ.

— А почему же вы думаете, что я не трачусь на женщинъ?—спросилъ онъ и засмѣялся.

Я ничего не отвѣтила. Онъ опять повторилъ вопросъ. Въ темнотѣ лицо его казалось ужь не блѣднымъ, а зеленымъ. Я не могла ничего отвѣтить.

Опять сталъ накрапывать дождь. Мы пошли въ комнаты. Николай Владиміровичъ сталъ разговаривать съ мамой и съ сестрой, а я подала ему стаканъ молока и смотрѣла, какъ онъ пилъ. Мнѣ смѣшно было смотрѣть, какъ онъ мочитъ въ молокѣ свои усы, и я вспоминала, что тогда у

него усовъ совсѣмъ не было, что, кажется, его очень огорчало. Но пилъ онъ такъ же, какъ и раньше—и странно— его большія, красныя губы, которыя меня когда-то такъ пугали, показались мнѣ теперь красивыми. Этотъ стаканъ молока напомнилъ мнѣ многое.

Вспомнила я, какъ я каждый день ставила ему въ комнату ужинъ и неизмѣнный стаканъ молока или стучала ему въ дверь, если онъ былъ дома и сидѣлъ въ своей комнатѣ. Никогда не забывала я это сдѣлать, даже тогда, когда мы ссорились. И всегда испытывала къ нему въ эти минуты приливъ нѣжности и ласки. Я сидѣла, смотрѣла на него, слушала, какъ онъ говоритъ и все по-прежнему немного картавитъ, говоритъ: вуна, мовоко. Мнѣ это показалось странно и смѣшно, и я улыбалась.

Но понемногу меня охватило глубокое волненіе. Я чувствовала, что мнѣ надо ему многое сказать, а минуты летѣли быстро. И я думала: скоро онъ уйдетъ и я не успѣю ничего сказать. И я все старалась припомнить то важное, что я ему должна сказать, но отъ волненія мысли разбѣгались, я сидѣла и молчала и только смотрѣла, смотрѣла на него. Повидимому, мое волненіе передалось и ему: онъ нѣсколько разъ разсыпалъ спички и ронялъ портсигаръ и руки у него дрожали.

Часы пробили десять. Николай Владиміровичъ поднялся и сталъ прощаться. У меня сжалось сердце, даже духъ захватило при мысли, что вотъ онъ сейчасъ уйдетъ, скроется изъ глазъ и я его больше не увижу. Николай Владиміровичъ уронилъ розы, уронилъ портсигаръ, закуривая послѣднюю папиросу, опять просыпалъ спички и все что-то искалъ, что, ему казалось, онъ забылъ. Мы тоже поискали. но ничего не нашли.

— Вы розы забыли,—сказала сестра.

— Ахъ, да, розы!—сказалъ онъ и опять жалъ намъ всѣмъ руки, еще и еще.

Я пошла его провожать. Мы вышли на улицу и прошли нѣсколько кварталовъ. Все время моросилъ дождь, совсѣмъ какъ осенью. Вездѣ были грязь и лужи. На углу мы стали прощаться.

— Не сердитесь на меня!—сказалъ онъ и засмѣялся.

— Что вы, Богъ съ вами! Неужели вы думаете, что я могу десять лѣтъ сердиться? Все давно забыто—и все это было одно простое недоразумѣніе. Я была тогда такимъ ребенкомъ. Боже мой! Вы такъ спѣшите, я ничего не могу сказать. Дайте мнѣ вашъ адресъ...

— Къ сожалѣнію, у меня не будетъ никакого адреса. Я

буду жить въ горахъ, въ области вѣчныхъ тумановъ и больше двухъ дней оставаться на одномъ мѣстѣ не буду. Прощайте, Екатерина Александровна.

— Нѣтъ, не прощайте, а до свиданія. Вѣдь мы еще увидимся? Надѣюсь, что не черезъ десять лѣтъ. Напишите мнѣ. Я буду ждать. До свиданія.

Николай Владиміровичъ долго жалъ мнѣ руку, а мнѣ такъ захотѣлось обнять его и поцѣловать, и я бы навѣрное сдѣлала это, еслибы мы были не на улицѣ. Онъ подозвалъ извозчика и уѣхалъ.

Я вернулась домой. На окнѣ въ столовой я увидала зелененькую книгу: „Отчетъ о состояніи горной промышленности на Кавказѣ".

Вотъ что онъ забылъ.

— Забылъ, значитъ, вернется,—сказала сестра, точно угадывая мои мысли.

Я взяла книжечку, и такой она мнѣ показалась особенной, важной, дорогой и близкой, такой интересной и милой. Мнѣ захотѣлось быть одной. Я пошла въ свою комнату, тамъ не было огня. Тучи, наконецъ, разорвались и въ открытое окно свѣтила луна. Я сѣла въ кресло у окна, прижала къ губамъ книжечку и заплакала...

Е. Васильева.

Звонъ къ вечернѣ.

Церковный колоколъ къ вечернѣ на зарѣ
Звонитъ совсѣмъ не такъ, какъ днемъ.
Весь воздухъ позлащенъ и, точно въ янтарѣ,
Дрожанья переливнѣй въ немъ.

Церковный звонъ плыветъ, касаяся воды,
Медлительный и мѣрный звонъ.
Онъ самъ янтарно алъ, и алые слѣды
Сіяютъ на волнѣ, гдѣ онъ.

Далёко берега. Какъ вкованъ, мой челнокъ
Въ зеркальной глубинѣ волны.
Но звонъ манитъ туда, гдѣ звѣздный свой вѣнокъ
Землѣ готовитъ ночь весны.

А. Федоровъ.

Переселенческій поѣздъ.

Знойную тишину воздуха изрѣдка прорѣзываютъ свистки маневровыхъ паровозовъ, лѣниво погромыхивающихъ на заднихъ путяхъ.

На платформѣ безтолково топчется одинокая, разморенная жарой фигурка дежурнаго по станціи; даже красная фуражка на его головѣ, обычно имѣющая независимо задорный видъ, всѣмъ говорящій, что я, молъ, первая персона на станціи, и она какъ-то обвисла и печально прильнула къ темени хозяина.

Ни души—тишина полная... Все живое попряталось, кто куда могъ, отъ знойнаго солнца.

Нѣсколько вѣчно голодныхъ и искалѣченныхъ колесами вагоновъ станціонныхъ собакъ, шныряющихъ возлѣ пассажирскихъ поѣздовъ и жадно проглатывающихъ бросаемые изъ оконъ вагоновъ объѣдки, лѣниво обнюхавъ, чуть-ли не въ двадцатый ужъ разъ, хорошо знакомые имъ пути и платформу, разбрелись по тѣнистымъ закоулкамъ на отдыхъ.

На карнизахъ подъ крышей прикурнули голуби и нахохлившись дремали. Примолкли всегда оживленно-стрекочущіе воробьи.

Даже маневровые паровозы притихли, и ихъ сморила духота, и они, какъ будто какія-то огромныя вспотѣвшія животныя, тускло поблескивали замасленными частями и какъ-то разслабленно шипѣли, выпуская маленькія струйки сейчасъ же таявшаго въ знойномъ воздухѣ пара. Наступилъ моментъ затишья, такъ рѣдко бывающій на большихъ станціяхъ.

Солнце, взобравшись на самую высоту небесъ, палило отвѣсными лучами и какъ бы желало испепелить всѣ эти зданія, паровозы, вагоны, платформы и прочіе плоды ума и рукъ челов ескихъ, закрывающіе отъ его жаркихъ поцѣлуевъ изсушенную землю.

Вдавливая сапожищами размякшій отъ жары асфальтъ, проплелся къ звонку апатичный, вѣчно не досыпавшій сторожъ и, нехотя взявшись за веревку, прикрѣпленную къ языку колокола, лѣниво отзвонилъ никому не нужную повѣстку, извѣщавшую о выходѣ съ ближайшаго разъѣзда поѣзда № 94. Пустивъ въ пространство два послѣдніе удара, означавшіе приходъ четнаго номера по

ѣзда, сторожъ взялъ метлу, шаркнулъ ею лѣниво нѣсколько разъ по платформѣ, поднялъ пыль, медленно осѣдавшую въ тихомъ воздухѣ, и поплелся, почесываясь и позѣвывая, въ кондукторскую подремать немного.

Мѣдный крикъ колокола пробудилъ всю станцію. Заворковали и закопошились подъ крышей голуби; вспорхнули и разсыпались стайками воробьи; завздыхали очнувшіеся паровозы и, подбадривая себя свистомъ, забѣгали по стройно протянутымъ рельсамъ; застонали, заскрипѣли и залязгали цѣпями встревоженные вагоны; гулко застучали буфера; защелкали колеса по болтамъ; зажурчали свистки сцѣпщиковъ; заныли рожки стрѣлочниковъ и, покрывая всю эту гамму звуковъ, заревѣлъ въ октаву могучій гудокъ мастерскихъ, призывая послѣ обѣденнаго перерыва къ новой работѣ.

Сначала одиночками, а потомъгр уппами, со всѣхъ сторонъ поползли къ мастерскимъ засаленныя и закопченныя фигуры рабочихъ.

Звонокъ еще прозвучалъ—къ подходу поѣзда,'и платформаожи ла, какъ бы очнувшись отъ недолгаго сна. Въ окнѣ второго этажа безалаберно взметнулся бѣлый колпакъ на головѣ поваренка, разбуженнаго тумакомъ въ спину старшимъ поваромъ; заковыляли въ разные концы, ища болѣе покойнаго мѣста, поднятыя сторожемъ собаки; сторожъ вновь зашаркалъ метлой, и, дополняя картину, по офицерски небрежно козыряя встрѣчнымъ, позванивая шпорами и придерживая рукой путавшуюся въ ногахъ шашку, проплылъ жирный, распухшій отъ сна станціонный жандармъ. Напыливъ на платформѣ, сторожъ поставилъ метлу и отправился, по приказанію дежурнаго по станціи, на расположенный на задворкахъ станціи переселенческій пунктъ извѣстить о подходѣ поѣзда № 94.

Выплывая изъ общаго шума и какъ бы набираясь силъ, протяжно загудѣлъ паровозъ подходящаго поѣзда. Этотъ гудокъ ворвался въ гамму свистковъ и гудковъ шныряющихъ по станціоннымъ путямъ маневровыхъ паровозовъ, очищавшихъ путь для подходящаго поѣзда, какъ врывается голосъ серьезнаго дѣлового человѣка, пріѣхавшаго издалека, въ суетливую болтовню старенькихъ провинціальныхъ родственницъ, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ пріѣзжаго.

Вначалѣ гудокъ какъ бы нырялъ въ общемъ шумѣ, но по мѣрѣ приближенія къ станціи его могучій голосъ звучалъ все чаще и увѣреннѣе и наконецъ, какъ достигающій давно жданнаго берега пловецъ напрягаетъ остатки силъ и радостный дѣлаетъ послѣдніе взмахи, вынырнулъ гдѣ-то совсѣмъ близко, могуче заревѣлъ, покрывая собой посвистыванія старенькихъ, расхлябанныхъ паровозовъ. Заныли, постепенно приближаясь, сигнальные рожки стрѣлочниковъ и поѣздъ № 94 вошелъ на станцію и загрохоталъ гдѣ-то за товарными вагонами, возлѣ пакгаузовъ на четырнадцатомъ пути.

Громыхая пустыми чайниками, съ растерянно просительными лицами, безтолково метались по платформѣ прибывшіе поѣздомъ № 94 переселенцы.

— А гдѣ тутъ кипятку взять?—чуть не сшибая съ ногъ мѣрно шагавшихъ къ поѣзду фельдшера и санитара переселенческаго пункта, налетѣлъ здоровенный мужичинище, одѣтый, не смотря на жару, въ громадную папаху.

— Что ты, чортъ тебя подери, на людей налетаешь?! Что это тебѣ, степь?! Хохолъ поганый!

Мужикъ, конфузливо замявшись, быстро сдернулъ съ головы папаху и, переминаясь съ ноги на ногу, тоскливо кланялся грозному фельдшеру,

Отведя душу, фельдшеръ все еще сердитымъ голосомъ обратился къ переселенцу:

— Ты въ другой разъ смотри, куда прешь! Что, глазъ у тебя нѣтъ, что ли?.. Чего тебѣ? Кипятку, что ли?

— Эге ужъ, кипятку, кипятку,—обрадовался дѣтина и его глаза радостно замигали.

— Кишки прополоскать значитъ, хе-хе—искательно поддержалъ другой переселенецъ изъ бывалыхъ.

— Кипятокъ на пунктѣ... Тамъ,—неопредѣленно ткнулъ перстомъ фельдшеръ и двинулся къ поѣзду. Переселенецъ водрузилъ на голову папаху и понесся по платформѣ, тяжело шаркая кованными каблуками и увлекая за собой собравшуюся около него группу товарищей.

Вся орава, неистово гремя пустыми чайниками, роняя ихъ и перекликаясь, понеслась, подобно татарской ордѣ, на пунктъ.

Медицинскій осмотръ заключался въ медленномъ шествіи фельдшера и санитара мимо теплушекъ, набитыхъ, какъ бочки сельдями, переселенцами и ихъ дѣтишками, при чемъ идущій первымъ санитаръ, заглядывая въ теплушки, выкрикивалъ: нѣтъ ли больныхъ?

— Ні... нема... нѣту...—флегматично отвѣчалъ кто-нибудь изъ старшихъ, предварительно подумавъ и меланхолично глядя поверхъ спрашивающаго...

— Кого? больныхъ?--вырывался молодой любопытный голосъ.

— Ну да, больныхъ...—останавливался санитаръ.

— Нѣ..., больныхъ нема... А я думавъ, якихъ больныхъ...—разочарованно тянулъ спрашивавшій, будто бы онъ ожидалъ услышать что-нибудь болѣе интересное.

— Усі здорові, якъ быки...—слышался отвѣтъ въ другомъ вагонѣ.

Въ одной изъ теплушекъ баба заявила, что у нея болитъ нога.

— Что же у тебя съ ногой?—спросилъ санитаръ и, не ожидая отвѣта, обратился къ фельдшеру:

— Алексѣй Ивановичъ, больная, на ногу жалуется.

— Пусть идетъ въ аптеку, тамъ осмотримъ.

Фельдшеръ обратился къ лежащему на нарахъ старику:

— А у тебя, дѣдка, что? Здоровъ? А?

Старикъ зашевелился и повернулъ изможденное долгими страданіями землистаго цвѣта лицо.

— Здоровый!.. Ге!.. Я такый здоровый, что пора уже и помирать! Ге!.. Здоровый! Чтобъ ему, тому здоровью, до горы ракомъ встать, тогда, можетъ, и былъ бы здоровый! Ге!..

— Да что же у тебя?

— Ге!.. Не поможетъ мнѣ ужь ничего. Вотъ болитъ тутъ въ грудяхъ, что-то тянетъ, да и тянетъ!—Показалъ на желудокъ и безнадежно махнулъ рукой.

— Да тебѣ просто надо очистить желудокъ. Вѣрно, объѣлся саломъ, вотъ тебя и тянетъ. Приходи въ аптеку—получишь лекарство.

— Снова чистить?! Ге! нехай ему бісъ съ тѣмъ лекарствомъ! Меня всю дорогу чистятъ... Ге! Въ какую аптеку, или къ доктору придешь, вездѣ чистятъ. Наскрозь уже чисто! Буде съ меня! Начистился!—И дѣдъ снова улегся на нары, повернувшись къ фельдшеру спиной.

— Це у нихъ десятый годъ,—вмѣшалась дочь старика —воны уже и дома у земськiй лечились, и въ городъ ходили, такъ никто не помога... Кажуть, хатаря, чи що...

— Не десятый, а пятнадцатый, то вѣрнѣе будетъ!—отозвался, не поворачиваясь, старикъ.

— Такъ бы сразу и говорилъ, что катарръ, а то задерживаешь зря... Приходи въ аптеку, дамъ лекарство,—закончилъ фельдшеръ и пошелъ дальше.

Достаточно было одному, двумъ заявить о своихъ болѣзняхъ, чтобы сейчасъ же начали слышаться отовсюду жалобы на разныя недомоганія и отъ взрослыхъ, и отъ дѣтей.

Одни жаловались на ушибы, полученные отъ ужасныхъ толчковъ поѣзда при остановкѣ, когда съ полокъ летятъ не только вещи, но и дѣти, а взрослые ударяются о стѣнки вагона, какъ при землетрясеніи; другіе страдали катаррами, третьи застарѣлыми ревматизмами и т. п. Вообще въ каждомъ поѣздѣ при осмотрѣ и опросѣ переселенцевъ находили цѣлую коллекцію самыхъ разнообразныхъ болѣзней. Всѣмъ отдавалось распоряженіе идти въ аптеку на осмотръ и за лекарствомъ.

Въ пескѣ возлѣ вагоновъ копошились въ однихъ рубашонкахъ обрадовавшіеся возможности порѣзвиться ребятишки; ползали между колесами вагоновъ, путались подъ ногами взрослыхъ; постарше бѣгали другъ за другомъ, играли въ камешки, дрались между собой, падали, разбивая носы, и ревѣли благимъ матомъ; матери ихъ съ апатичными отъ долгаго пути въ душныхъ теплушкахъ и измятыми отъ постояннаго сна лицами, усѣвшись на ельсы въ тѣни вагоновъ, щелкали подсолнухи, лѣниво уступая

дорогу маневровымъ паровозамъ; мужики покуривали трубки и цыгарки, звонко сплевывая на бокъ; даже дивчата и парубки, отличающіеся свойственной молодости веселостью, и тѣ лѣниво перешучивались другъ съ другомъ, тяжело перебрасываясь словами.

Всѣхъ истомила не столько жара, сколько непрерывная тряска въ душныхъ теплушкахъ впродолженіе нѣсколькихъ дней.

Тутъ же шмыгали продавцы всевозможныхъ соблазнительныхъ для переселенца вещей—чая, селедокъ, воблы и т. п.; подходили сборщики на построеніе храмовъ, продавцы евангелій, мелькали черныя фигуры монашенокъ. Продавцы вмѣсто чая сбывали какую-то сушеную отечественную травку съ примѣсью высушеннаго, уже ранѣе спитого чая; мыло продавали такое, что кожа переселенца послѣ умыванія имъ покрывалась волдырями и прыщами; но, не смотря на все это, переселенцы, не знающіе, куда себя дѣвать во время безконечныхъ стоянокъ поѣзда, окружали торговцевъ, разсматривали товары, прицѣнивались и вступали въ безконечный торгъ.

А вотъ въ тѣни вагона скучилась группа мужчинъ, окруживъ присѣвшаго на корточки подозрительнаго субъекта, перебрасывавшаго на небольшой доскѣ три разбухшихъ отъ грязи карты—это шла игра въ „три листика“.

— Твое счастье. Бери,—сказалъ субъектъ, перебросивъ карты, и вручилъ парню пятакъ.

— Го-го-го! Здорово, Серега!—загоготали въ толпѣ. Выигравшій парень радостно запрятывалъ монету.

— Ну, что же, землячокъ, давай ишшо разъ метнемъ. Вишь тебѣ везетъ,—предлагалъ субъектъ, перемѣшивая карты.

— Э, нѣ, буде съ меня. Пятакъ выигралъ и годи!—и счастливецъ, самодовольно оправивъ шапку, началъ протискиваться къ своему вагону.

— Ну, землячокъ, это нечестно — обыгралъ и ушелъ... Ну, кто ишшо хочетъ разорить меня? Одинъ разъ помирать, такъ передъ смертью деньги хорошимъ людямъ отдать,—настойчиво предлагалъ шулеръ, шлепая по доскѣ картами.

— Нонѣ не везетъ мнѣ, пра—слово, все програю. Уже три съ полтиной отдалъ нонѣ...

— А ну я...—произнесъ одинъ изъ слушателей и полѣзъ въ голенище за деньгами.

— Давай. Сколько? Рупь-цѣлковенькій? А? — обрадовался субъектъ, весь насторожившись.

— Ну... рубъ...Гривенникъ...—произнесъ рискнувшій, вытягивая послѣ долгихъ усилій изъ голенища тряпицу съ деньгами.

— Ставь, ставь! А то жандаръ увидитъ, бѣда будетъ!... Всѣхъ арештуетъ!—торопилъ, озираясь, субъектъ и нетерпѣливо пошевеливалъ картами.

Черезъ нѣсколько минутъ оживленной игры субъектъ выигралъ

нѣсколько рублей и, завидя приближавшагося фельдшера, вскрикнулъ: „жандаръ“ и, шмыгнувъ подъ теплушку, скрылся съ глазъ одураченныхъ игроковъ. Придя въ себя, обыгранные подняли шумъ, крикъ.

— Держи его, мошенника! До жандара треба его!

Но найти шулера среди сотенъ вагоновъ, загромождавшихъ станцію, было невозможно.

Кинулись къ фельдшеру:—Вотъ разбойникъ! мошенникъ!

— Що жъ начальство смотритъ!—посыпались протесты.

— Да вы что, дѣти, что ли? Не видите, что это мазурикъ? Идите къ жандарму или къ чиновнику на пунктъ и жалуйтесь, я тутъ ни при чемъ.—Фельдшеръ пошелъ дальше, а переселенцы, возмущенно жестикулируя и браня обыгравшаго ихъ шулера, направились на пунктъ.

Немного дальше разыгрывалась настоящая драма. Молодой крестьянинъ, проѣхавъ большую половину пути, усумнился въ прелестяхъ сибирской жизни и, снѣдаемый все возрастающей, по мѣрѣ удаленія отъ родины, тоской по родной хатѣ, вишневому садку и по всей привычной съ дѣтства обстановкѣ жизни въ родной Ясиноваткѣ, ставшей особенно милой и близкой сердцу именно теперь, когда была разорвана съ ней связь, не выдержалъ и рѣшилъ ѣхать обратно.

У большинства переселенцевъ въ душѣ копошились сомнѣнія въ своей новой жизни, но высказывать ихъ вслухъ никто не рѣшался, если же и высказывалъ, то прикрывался фразой: „хочь гирше, та инше“.

И чѣмъ дальше на востокъ ѣдетъ переселенецъ, тѣмъ больше понижается его настроеніе. Суровѣе и непривѣтливѣе становятся природа и люди. Все больше утомляется и разслабляется тѣло отъ тряски въ теплушкѣ; все больше и больше накапливаются дорожныя непріятности и недоразумѣнія и люди все больше нервничаютъ и раздражаются; а тутъ еще встрѣчи съ „обратными“ переселенцами. Одинъ видъ этихъ, одѣтыхъ въ рубище, несчастныхъ, обнищавшихъ „на переселеніи“, голодныхъ людей, ѣдущихъ съ пустыми руками на покинутыя пепелища, возбуждалъ сомнѣнія и въ сильныхъ душахъ; а чѣмъ ближе къ завѣтной цѣли подвигаются переселенцы, тѣмъ чаще и чаще встрѣчаютъ они своихъ собратьевъ, разбитыхъ на голову суровой жизнью въ далекой Сибири, какой-нибудь годъ или два назадъ ѣхавшихъ съ такими же надеждами на новую жизнь, какъ и они.

Разговоры встрѣчныхъ были коротки, такъ какъ эти люди, загнанные судьбой въ жизненный тупикъ, неохотно разъясняли причины своихъ неудачъ; отвѣты были лаконичны: „заливаетъ участокъ водой“, „земля солончаковая и не родитъ“, „нѣтъ воды на участкѣ“ и т. под.

Всѣ эти встрѣчи и разговоры такъ разочаровали въ новой жизни

Панька Слыняваго, а больше его бойкую жену, чернявую Ганку,—у которой онъ былъ въ полномъ подчиненіи—что онъ, прозванный за свою безхарактерность Слынявымъ, вдругъ закобенился и рѣшительно объявилъ сосѣдямъ по вагону, что дальше не поѣдетъ и будетъ здѣсь выгружаться, чтобы повернуть домой.

— Что ты, съ ума сошелъ? Ѣхалъ, ѣхалъ, почти ужъ до мѣста добрался и вдругъ домой захотѣлъ?!—убѣждали Панька товарищи.

— За мамкою соскучился! Ха-ха! Сиськи захотѣлось!

— Да какъ тебѣ не соромъ бросать товарищей среди пути? Ты что жъ, не христіанинъ развѣ?!

Градъ упрековъ и насмѣшекъ посыпался на Панька и, только поддерживаемый энергичной Ганкой, онъ настаивалъ на своемъ рѣшеніи.

— Этъ! Что ты слушаешь? Что у тебя, своей головы нѣтъ!?—дергала за рукавъ мужа Ганка.

— А вы, дядько Павло, лучше помогите намъ выгрузить добро, а то пристали къ человѣку!

— Что? Ты, молодица, помолчи! Не до тебе пьютъ — не кажи здорово!

Отказъ Панька разрушалъ общую сплоченность ѣхавшихъ, что и вызвало общее недовольство; кромѣ того, его сосѣди по вагону не хотѣли разбирать сложенные въ теплушкѣ и въ товарномъ вагонѣ сундуки и разный домашній хламъ, чтобы изъ общей груды выдѣлить вещи Панька. Кое-гдѣ, сквозь шумъ ссоры, слышались недвусмысленные совѣты: „набить ему шею, чтобы не путалъ добрыхъ людей", и по адресу Панька неслись угрозы и улюлюканья.

— Братики, я заплачу, ей-богу, заплачу. Только помогите выгрузить!

— Нѣ! нѣ! Не поможемъ, да и тебѣ не позволимъ разбрасывать наше добро!

— Не хочешь ѣхать, такъ и возвращайся, въ чемъ есть!

Только вмѣшательство переселенческаго чиновника прекратило ссору, и Панько выгрузилъ свои вещи.

На пунктѣ кипѣла жизнь... Въ маленькомъ дворикѣ тянулись три очереди переселенцевъ—одна за борщомъ у дверей столовой, вторая у кипятильника и третья—хромые, подвязанные, мужики и бабы съ дѣтьми—у аптеки.

Изъ раскрытыхъ настежъ дверей и оконъ кухни валилъ густой паръ, насыщенный запахомъ распаренныхъ кислыхъ щей—единственнаго блюда, которое изготовляютъ на всемъ пути переселенческія кухни.

Понукая одинъ другого, переселенцы постепенно втискивались въ крошечную кухню (обычно именуемую столовой) и подъ нетерпѣливыми окриками хозяйки и кухонной прислуги торопились поскорѣе подставить подъ кухаркинъ черпакъ миски, чайники,

бутылки, ведра и другую посуду; тутъ же получали для дѣтей молоко и хлѣбъ. Дошла очередь и до здоровеннаго мужчины, направленнаго на пунктъ фельдшеромъ; войдя въ кухню, онъ, подобно другимъ, стянулъ лѣвой рукой съ головы папаху, а правой, прижимая къ себѣ чайникъ, началъ набожно креститься на висѣвшій въ углу образъ.

— Не задерживай! Будетъ тебѣ накрещиваться! Что, это тебѣ церковь, что ли?! Давай скорѣй посуду!—крикнула хозяйка, нетерпѣливо протягивая къ чайнику руку.

— Что же, развѣ тутъ не можно и перекреститься?—спросилъ мужчина, протягивая чайникъ.

— Тебѣ порцію?

— Ні, яку порцію? Мнѣ борщу дайте,—сказалъ переселенецъ.

— Да борща порцію или двѣ—на одного или больше? Хохолъ глупый,—пояснила хозяйка.

— Ага... на пять душъ, на пять. А я думалъ, что оно за порція така?—широко улыбаясь, произнесъ переселенецъ.

— Вишь какой большой дуракъ выросъ, слова *порція* не знаетъ, а сколько хохлятъ наплодилъ,—добавила хозяйка.

— Якъ бы вамъ такого здорового чоловіка, якъ я, такъ вы бъ и десять наплодили,—озлился переселенецъ. Въ кухнѣ загрохотали и ворчанье хозяйки потонуло въ общемъ хохотѣ.

Семейные переселенцы, получивъ борщъ, медленно и бережно несли его въ вагоны, гдѣ всей семьей принимались за обѣдъ; изъ завѣтныхъ мѣшочковъ доставали сало, соль, лукъ и другую, припасенную изъ дому снѣдь. Холостые усаживались тутъ же во дворѣ за разставленными подъ навѣсомъ столами; кому не хватало мѣста, усаживался просто на землѣ, установивъ на колѣни посуду съ ѣдой. И, снявъ шапки, крестились на востокъ и принимались обѣдать.

Переселенецъ, какъ и вообще крестьянинъ, относится къ процессу насыщенія очень серьезно и дѣловито: за ѣдой почти не разговариваетъ, только изрѣдка слышатся замѣчанія: „а... добрый борщъ“. И послѣ большой паузы отвѣтъ сосѣда: „еслибъ еще каша“. Ѣстъ переселенецъ медленно и истово, поднося полную ложку ко рту, поддерживаетъ ее кусочкомъ хлѣба, чтобы не проронить и капли, сначала подуетъ на ложку, а потомъ съ присвистомъ втягиваетъ въ себя жидкость, заѣдая тѣмъ же кусочкомъ хлѣба.

Въ кипятилкѣ набирали кипятокъ въ чайники, горшки, чугуны, ведра и даже иногда въ небольшіе боченки и ушаты для стирки бѣлья. Здѣсь же у насоса умывались холодной водой, довольно покрякивая и пофыркивая.

Въ аптекѣ больныхъ осматривалъ пришедшій отъ поѣзда фельдшеръ—быстро опредѣлялъ болѣзнь, совалъ въ руки пузырекъ съ какимъ-то растворомъ и давалъ наставленія:

— По 5 капель, три раза въ день.

А иногда для разнообразія: „два раза въ день, по чайной лож-

кѣ", при чемъ въ этомъ случаѣ иногда разъяснялъ, что чайная ложка равна 1/2 простой, деревянной ложки; изрѣдка выдавалъ мазь, порошки, а чаще всего нашатырный спиртъ, который переселенцы считаютъ универсальнымъ медикаментомъ и предпочитаютъ всѣмъ лекарствамъ.

Принявъ въ полчаса человѣкъ 50 больныхъ, фельдшеръ подвелъ въ журналѣ итогъ, накинулъ для круглаго счета трехъ человѣкъ, составилъ телеграмму на ближайшій пунктъ о слѣдованіи поѣздомъ № 94 въ такой-то теплушкѣ больныхъ тѣмъ-то и тѣмъ-то, заперъ шкапы, отложивъ предварительно для своей частной практики, что было необходимо, и отправился къ жандарму распивать чай.

Въ примитивной, сараеобразной канцеляріи давались переселенцамъ всевозможныя разъясненія и принимались жалобы самаго разнообразнаго свойства. Одинъ жаловался, что его грузъ отсталъ отъ поѣзда, другой —что у него украли вещи или документы; слышались жалобы на мошенничество мѣстныхъ торговцевъ, подсовывавшихъ боящимся опоздать на поѣздъ переселенцамъ негодныя вещи—большей частью, дырявые чайники.

Опрашивается группа переселенцевъ, получившихъ ушибы при остановкѣ поѣзда.

Здѣсь же группа отставшихъ отъ своего поѣзда получаетъ нагоночныя свидѣтельства, дающія право ѣхать пассажирскимъ поѣздомъ до нагона своего.

— Гдѣ же вы были? Вѣдь поѣздъ три съ половиной часа стоялъ!—восклицаетъ чиновникъ.

— На базарѣ были, ваше высокоблагородіе. Хлібъ купувалы.

— А это что? Тоже хлѣбъ?—спросилъ чиновникъ и указалъ на новую балалайку и торчащую изъ кармана шейку водочной бутылки.

— Э, ни, це балалайка, чтобы въ дорогѣ не такъ скучно,—сконфуженно отвѣтилъ парень, стараясь прикрыть балалайкой бутылку.

Слѣдующіе заявляютъ, что съ нихъ ночью на какой-то станціи—„отъ только не знаемъ, якъ вона прозывается"—потребовали три рубля подъ угрозой отцѣпки вагона съ ихъ грузомъ.

— Такъ вы, ваше благородіе, верните намъ три карбованця.

До самаго отхода поѣзда канцелярія пункта наполнена жалобщиками и просителями...

Постепенно на пунктѣ рѣдѣло. Обѣдавшіе во дворѣ, окончивъ свою трапезу, собирали въ ладонь крошки хлѣба и всыпали ихъ въ ротъ, а у кого оставалась краюха, тѣ прятали ее за пазуху и, вставъ изъ-за столовъ, истово крестились, натягивали на головы шапки, фуражки и брыли и по одному, по два разбредались въ разныя стороны,—кто къ поѣзду, кто шелъ бродить по пункту, а кто на станцію, нѣкоторые же отправлялись смотрѣть городъ.

На платформѣ царило оживленіе. Шмыгали въ бѣлыхъ передникахъ носильщики; торопливо пробѣгали франтоватые кондуктора; степенно шагалъ начальникъ, надвинувъ на глаза красную фуражку; втянувъ, насколько возможно, брюхо и стараясь принять молодцоватый видъ, подобострастно козырялъ проѣзжему генералу жирный жандармъ и изъ конца въ конецъ платформы возбужденно метался дежурный помощникъ Никифоровъ.

У платформы стоялъ нарядный сибирскій экспрессъ. Въ вагонъ-ресторанъ торопливо втаскивали синеватыя глыбы льда, несли провизію: накачивали въ умывальники вагоновъ свѣжую воду, протирали запыленныя, зеркальныя окна. Все это дѣлалось быстро и суетливо, надо вѣдь успѣть все продѣлать въ 12 минутъ стоянки и не задержать поѣздъ ни на полминуты, иначе могутъ выйти непріятности.

Возлѣ вагоновъ международнаго общества похаживаютъ проводники, одѣтые въ коричневыя австрійскія курточки и кепи съ галунами, присматриваютъ за уборкой и торопятъ.

Лѣниво разгуливаютъ русскіе пассажиры экспресса и сухимъ, четкимъ шагомъ отстукиваютъ иностранцы.

Здѣсь и бритыя физіономіи англичанъ, выступающихъ журавлиной походкой, и раскосыя, скуластыя физіономіи маленькихъ, юркихъ японцевъ, и дородные рыхлые нѣмцы, и оживленно жестикулирующіе, сухопарые французики. У всѣхъ на головахъ дорожныя каскетки и черезъ плечо сумка на ремнѣ.

Среди гулявшей на платформѣ расфранченной публики, состоявшей изъ семействъ станціонныхъ служащихъ и ихъ знакомыхъ, толкались группы переселенцевъ.

Переселенцы разглядывали нарядный поѣздъ и его пассажировъ и отпускали свои замѣчанія.

— Вотъ, братцы, насъ бы въ такомъ везли, живо бы до мѣста доѣхали...

— Якъ бы свиньѣ да рога...—оборвалъ кто-то мечтателя.

— О, дывы, дывысь—яки постолы натягъ!—показывалъ мальчикъ на гетры размѣренно шагавшаго британца.

— О! А це, хлопцы, гапонець! Ей-ей гапонець! Яке чорномазе!—безцеремонно кричалъ парень.

— Хи-хи, яке поганеньке, та мыршаве! Такъ бы пальцемъ и придавила — презрительно фыркнула на привѣтливо оскалившаго зубы японца молоденькая дивчинка.

— Эге, мале, мале, а за то прутке, якъ кішка. У его жила кріпка, ты его объ землю, а вінъ, якъ чортъ, такъ и вскоче на тебе!—вступился за японца бывшій на войнѣ запасной.

Прицѣпили, почти безъ толчковъ, новый паровозъ. Громадный, на саженныхъ колесахъ, могучій компаундъ, чистенькій и блестящій, какъ игрушка, прерывисто пыхтѣлъ, грозно бурлилъ и подрагивалъ, какъ добрый конь, рвущійся въ путь.

Раздался второй звонокъ, пассажиры, не торопясь, входили въ вагоны.

— Давай третій! — отрывисто приказалъ сторожу начальникъ, махнувъ рукой.

„Разъ! Два! Три“! звякнулъ сторожъ, трель обера, ревъ компаунда и экспрессъ, поблескивая въ лучахъ заходящаго солнца зеркальными стеклами, двинулся беззвучно и ровно.

— Фу, слава Богу, отправили,— отдувался начальникъ, разстегивая китель и сдвигая на затылокъ фуражку.

— А вы что здѣсь топчетесь? Только грязь разводите на платформѣ! — обратился онъ къ группѣ переселенцевъ. — Ступайте-ка лучше къ поѣзду, а то останетесь, а потомъ возись съ вами.

— Колы жъ нашъ поиздъ поиде?

— Ждалы, ждалы, та и жданкы поилы,—раздались голоса.

— Скоро. Когда будетъ время, тогда и поѣдетъ...

— Ваше благородіе, чиновникъ спрашиваетъ, скоро-ли отправите 94-й?—подошелъ къ начальнику сторожъ переселенческаго пункта.

— Скажи, что скоро.

— Они спрашиваютъ, въ какое время? Ему уже десять минутъ срокъ вышелъ,—продолжалъ сторожъ.

— Говорю: скоро! Что присталъ со своимъ чиновникомъ! Только и знаете надоѣдать со своими переселенцами. Чуть поѣздъ задержишь, такъ и телеграмму въ управленіе! Подумаешь, какія птицы важныя эти переселенцы! Подождутъ!.. — раздраженно произнесъ начальникъ.

— Такъ что не скоро?—не унимался сторожъ.

— Скажи, что сейчасъ отправимъ! Черезъ 10 минутъ. Надоѣлъ же мнѣ...—И онъ обратился къ переселенцамъ:—Идите къ поѣзду, черезъ 10 минутъ поѣдете. Вотъ гдѣ вы у меня, черти, сидите!—Начальникъ выразительно стукнулъ себя по затылку.

Переселенцы потянулись къ своему поѣзду.

— Слушайте, Семенъ Рафаиловичъ... Отправляйте вы 94-й. А то наберешься съ нимъ хлопотъ. Эти телеграммы по начальству... Ну ихъ къ чорту!—остановилъ начальникъ куда-то стремительно мчавшагося Никифорова.

— Да, съ этими переселенцами одна прокламація выходитъ. Отправлю, Иванъ Ивановичъ, не безпокойтесь... Сейчасъ же отправлю. Все уже готово! Моментально!—отвѣтилъ Никифоровъ.

Приближался вечеръ. Зной началъ спадать. Переселенцы понемногу оживлялись, становились бодрѣе и общительнѣе. Молодежь, увидавшая вблизи рѣку, успѣла выкупаться и, освѣжившись, весело перебрасывалась шутками.

Кое-гдѣ затягивали пѣсню, а позже запиликала скрипка, загудѣлъ бубенъ и возлѣ теплушки начались танцы. Тутъ же копошилась дѣтвора, влѣзавшая въ образовавшійся около танцоровъ кру-

жокъ и заводившая здѣсь свои игры, мѣшая старшимъ и получая за это шлепки.

Пожилые мужики, покуривая трубки, вели медлительные разговоры о новой жизни въ Сибири, а бабы вспоминали старое и выбрасывали цѣлые каскады словъ; особенно старалась одна молодица, трещавшая безъ умолка, какъ сорока. Даже ея флегматичный супругъ, вынувъ изо рта трубку, промолвилъ:

— Ты бъ, Явдохо, духъ перевела, а то захлебнешься...

— Этъ! отчепысь!—И вновь застрекотала. Похаживали подозрительныя личности, предлагая изъ подъ-полы за полцѣны „лучшій китайскій чай“ и „знаменитое казанское мыло“ и поглядывая, гдѣ бы можно что стянуть изъ опустѣвшихъ теплушекъ.

Но къ вечеру и переселенцы держались насторожѣ и спроваживали продавцовъ подальше отъ своихъ вагоновъ.

Къ поѣзду прицѣпили паровозъ и всѣ понемногу начали забираться въ вагоны. Съ рѣки потянуло прохладой, начинало смеркаться; на путяхъ загорались стрѣлки, а вдали замигалъ зеленый фонарь семафора.

Паровозъ, какъ бы набираясь силъ для предстоящей дороги, вздыхалъ все чаще и чаще. Озабоченно заходили кондуктора, протянули вдоль вагоновъ сигнальную веревку, зажгли въ вагонахъ свѣчи.

Съ платформы прозвучалъ звонокъ, зажурчалъ свистокъ обера, отозвался паровозъ, крякнулъ и рванулъ поѣздъ—вагоны дрогнули, переливчато загрохотали, ударяясь другъ о друга буферами, залязгали цѣпи, заскрипѣли колеса и длинная, красная вереница теплушекъ медленно поползла.

Постепенно удаляясь, уныло затрубили горны стрѣлочниковъ. Изъ вагоновъ слышалось пѣніе, звуки бубна и скрипки.

Паровозъ загудѣлъ долго и печально и ускорилъ ходъ — все быстрѣе и быстрѣе защелкали на скрѣпленіяхъ колеса и поѣздъ вытянулся на главный путь; загрохоталъ вскорѣ на мосту и, все ускоряя ходъ, началъ скрываться въ опускавшихся сумеркахъ.

За семафоромъ паровозъ загудѣлъ еще разъ протяжно и печально, какъ бы понимая, что не на веселье везетъ онъ этотъ скучившійся въ теплушкахъ народъ, а на тяжелую и трудную жизненную борьбу...

П. Тимко.

ЛЮБИМЫЙ БРОДЯГА.

Романъ Уильяма Дж. Локна.

Перев. съ англійскаго З. Н. Журавской.

XVIII.

— Ты видишь?—сказалъ Параго, снисходительно указывая рукой вслѣдъ Бланкеттѣ, уходившей въ кухню, чтобы приготовить намъ ужинъ,—ты видишь? Она совершенно счастлива. Ты былъ неправъ. Все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ.

Когда учитель мой становился на панглоссовскую точку зрѣнія, я обыкновенно не перечилъ ему, чтобы не омрачать его душевной ясности, И тутъ я поддакнулъ ему, но съ оговоркой про себя. Параго чинно возсѣдалъ на стулѣ съ прямой, высокой спинкой. Онъ отучилъ себя валяться по кроватямъ и диванамъ—вѣроятно, изъ боязни измять свое новое платье. Но, такъ какъ эта позиція не располагаетъ къ задушевнымъ бесѣдамъ, онъ взялъ книгу и углубился въ чтеніе, а я, отъ нечего дѣлать, началъ набрасывать его портретъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ произошла метаморфоза, онъ пересталъ быть занимательнымъ, интереснымъ собесѣдникомъ, какъ въ былые дни, до своего возрожденія. И, думается мнѣ, эта корректность угнетала его самого. Вѣчное чтеніе, которымъ онъ теперь заполнялъ свою жизнь, не вызывало въ немъ той жизнерадостности, въ которой онъ пребывалъ, валяясь растрепаннымъ, съ трубкой во рту и стаканомъ вина подъ рукою, на кровати или на софѣ. Вотъ и теперь, какъ я замѣтилъ, онъ то и дѣло зѣвалъ и ерзалъ на стулѣ, удѣляя книгѣ лишь то разсѣянное вниманіе, съ которымъ мы читаемъ старый номеръ какого-нибудь журнала въ пріемной дантиста, въ ожиданіи своей очереди. На моемъ рисункѣ, который я случайно сохранилъ, Параго смотритъ недовольнымъ и скучающимъ. Наконецъ, онъ положилъ

книгу, собралъ перчатки, шляпу, зонтикъ—всѣ драгоцѣнныя принадлежности своего новаго положенія, и объявилъ, что передъ ужиномъ пойдетъ пройтись. Я остался поболтать съ Бланкеттой, пока она будетъ стряпать. Я сильно сомнѣвался въ ея оптимизмѣ. И сомнѣнія мои подтвердились, лишь только выходная дверь захлопнулась за Параго, а дверь гостиной отворилась, чтобы пропустить Бланкетту.

Она шла ко мнѣ, явно взволнованная, и выраженіе ея лица отнюдь не свидѣтельствовало о полномъ душевномъ спокойствіи и счастьи.

— Dis donc, Asticot!—воскликнула она.—Что все это значитъ? Почему учитель не поѣхалъ въ отпускъ? Почему онъ не выписалъ меня? Почему онъ остригъ волосы и бороду и сталъ одѣваться, какъ monsieur? Я отлично знаю, что учитель всегда былъ джентльменомъ, но почему онъ теперь такъ измѣнился?

Я уклонился отъ прямого отвѣта.

— Дорогая моя, когда мы впервые познакомились съ тобой, я ходилъ въ синей рубашкѣ и въ сапогахъ съ деревянными подошвами. А въ послѣдній разъ, какъ ты имѣла счастье видѣть меня, я былъ одѣтъ, можно сказать, въ пурпуръ и багряницу—по крайней мѣрѣ, въ сюртукъ и тонкое бѣлье. Ты же не встревожилась, когда я одѣлся, какъ подобаетъ цивилизованному человѣку, — почему же теперь ты волнуешься, что учитель сдѣлалъ то же?

— Если и ты будешь говорить, какъ учитель, я возненавижу тебя! — воскликнула Бланкетта.—Ты что-то скрываешь отъ меня. Ah, mon petit frère—взмолилась она, обвивъ рукою мою шею:—скажи мнѣ, что случилось. Онъ женится на этой великолѣпной дамѣ—да?

Она заглядывала мнѣ въ глаза. Въ ея глубокихъ карихъ глазахъ свѣтилось такое страданіе. Я не умѣю врать. Она почти грубо вырвала свою руку.

— Понимаю. Такъ оно и есть. Онъ женится. Я больше не нужна ему. Все кончено. O mon Dieu, mon Dieu! Что со мною будетъ?!

Она плакала, кулаками утирая слезы. Я далъ ей свой носовой платокъ. Ей нечего бояться, — утѣшалъ я.—Пока живъ учитель, она обезпечена.

Бланкетта почти сердито повернулась ко мнѣ.

— Неужели же ты думаешь, что я ему позволю содержать меня, когда онъ женится на другой женщинѣ, а сама буду бить баклуши? Ну, нѣтъ! Это было бы malhonnête. Я на это неспособна.

Въ ея возмущенной гордости было благородство. Без-

честно брать, ничего не давая взамѣнъ. Этого она никогда не сдѣлаетъ.

— Но что же будетъ со тобою, милая Бланкетта?

— Слушай, Астико. Я отдала бы ему все, чего бы онъ ни захотѣлъ. Я—*вся* его и онъ можетъ дѣлать со мной, что хочетъ. Я вѣдь ужь говорила тебѣ. Я готова спать на полу у его двери, еслибъ такъ ему было угодно. Я многаго не требую. Но онъ долженъ быть одинъ въ своей спальнѣ, entends-tu? Если его будетъ ласкать другая женщина, для меня ужь нѣтъ мѣста возлѣ него. Я должна уйти. Какъ можно дальше. А какъ же я могу уйти отъ него? И куда? Что мнѣ начать? Tiens, какъ только онъ женится, je vais me fich'à l'eau.

Я даже не понялъ сразу. Она выразилась далеко не классически.

— Что такое ты сдѣлаешь?

Она повторила: „Утоплюсь". Я возмутился. Она доказывала, что, если ей нельзя дольше будетъ вести хозяйство у учителя и заботиться о немъ, жить ей больше незачѣмъ. Лучше умереть, чѣмъ всю жизнь мучиться и тосковать.

— Это даже грѣшно такъ говорить—строго сказалъ я—и я считаю долгомъ все это передать учителю.

Она въ послѣднiй разъ вытерла глаза моимъ платкомъ и вернула его мнѣ съ обиженнымъ видомъ.

— Если ты это сдѣлаешь, это будетъ гнусность съ твоей стороны и я никогда тебѣ этого не прощу.

Я сообразилъ, что, дѣйствительно, было бы далеко не рыцарствомъ съ моей стороны выдать тайну бѣдной Бланкетты. Однакожь, соблюдая свое достоинство, сказалъ:

— Ну, такъ и ты не смѣй мнѣ говорить, что ты утопишься.

— Объ этомъ мы вообще больше не будемъ говорить,—ледянымъ тономъ отвѣтила Бланкетта.—Мнѣ надо идти готовить ужинъ.

А такъ какъ чистенькая гостинная для ничѣмъ не занятаго юноши никакого интереса не представляла, я послѣдовалъ за Бланкеттой въ кухню и усѣлся тамъ, хоть и на неудобномъ табуретѣ, но вполнѣ довольный. Бланкетта какъ будто уже вернулась къ своей фаталистической покорности судьбѣ и перестала думать о зловѣщей перемѣнѣ. Готовя скромный ужинъ, она въ то же время разсказывала мнѣ о своей жизни на фермѣ въ Шартрѣ. Какъ тамъ хорошо! Столько коровъ, столько утокъ и куръ, и свиней! Она каждое утро вставала въ пять часовъ и сама доила коровъ. О, она еще крошкой умѣла доить коровъ и не разучилась съ тѣхъ поръ. Это трудно только для тѣхъ, кто не умѣетъ.

Tiens! Она двумя пальцами взяла листъ салата и показала мнѣ, какъ это дѣлается.

— Я не забуду этого,—сказалъ я.

— Всякое знаніе полезно,—наставительно замѣтила она.

— Еще бы! А то вдругъ корова придетъ сюда къ намъ въ улицу Саладье вся въ слезахъ, умоляя, чтобъ мы ее подоили,— а мы и не сумѣемъ.

— А что ты думаешь, — совершенно серьезно отвѣтила Бланкетта. — Мало ли какія странныя вещи бываютъ на свѣтѣ.

Бланкетта совершенно не понимала шутокъ.

Послѣ обѣда она продолжала увеселять учителя разсказами о своихъ приключеніяхъ. Старики Дюбоскъ уже не въ силахъ были хозяйничать на фермѣ и хотѣли бы продать ее, чтобы самимъ переѣхать въ Эврэ, гдѣ ихъ сынъ, выгодно женившійся, держитъ роскошную гостиницу.

— Знаете, что они говорятъ, учитель? „Почему бы мсье Параго—вѣдь онъ богатый,—не купить нашей фермы и не поселиться здѣсь, вмѣсто этого грязнаго Парижа?“ C'est drôle, hein?

— Почему они думаютъ, что я богатый?

— Я такъ и спросила ихъ. Потому говорятъ, что человѣкъ, который не работаетъ, это значитъ: или богатый, или жуликъ, а вы, mon maitre, не жуликъ—это видать сразу.

— Очень лестно для меня. А ты хотѣла бы жить въ деревнѣ, Бланкетта?

— О, да! Тамъ такъ хорошо. Il a des bètes. J'adore ça. И пахнетъ такъ чудесно!

— Это правда,—вздохнулъ учитель. — Давно уже я не слыхалъ деревенскихъ запаховъ. Какая прелесть! — носить съ собой въ ноздряхъ запахъ влажной земли, а въ ушахъ гудѣнье пчелъ. Ей-богу, готовъ снова пойти бродяжить. Будь я богатъ, моя Бланкетточка, я купилъ бы эту ферму, далъ бы ее тебѣ въ приданое, а самъ иногда пріѣзжалъ бы къ тебѣ въ гости.

— Но, такъ какъ я никогда не выйду замужъ, mon maitre, въ приданомъ нѣтъ надобности.

Она сказала это, улыбаясь, какъ будто знала заранѣе, что останется старой дѣвой, и привѣтствовала эту участь. На ея некрасивомъ, но пріятномъ лицѣ не было и слѣда давешней бури. Въ своемъ юношескомъ невѣдѣніи я не зналъ, оплакивать ли мнѣ лживость женщины или восхищаться ея выдержкой.

— Дитя мое, — возразилъ Параго—ни одинъ человѣкъ, если только онъ не нахалъ, не можетъ знать впередъ, что онъ сдѣлаетъ и чего не сдѣлаетъ. Въ особенности женщина.

Послѣ этого мудраго изреченія мой учитель отправился спать.

Втеченіе слѣдующихъ нѣсколькихъ недѣль Параго жилъ въ переходной стадіи существованія и очень страдалъ отъ этого. Не зная, чѣмъ наполнить вечеръ, онъ спозаранокъ ложился спать и поздно вставалъ, такъ какъ и днемъ ему было нечего дѣлать. Вмѣстѣ съ своими, какъ онъ выражался, „разгульными годами“, онъ отбросилъ отъ себя и всѣ прежнія привычки и знакомства. Такихъ друзей, которые бы гармонировали съ его зонтикомъ и перчатками, у него пока еще не было. Если онъ передъ обѣдомъ и позволялъ себѣ un apéritif, то это было на террасѣ какого-нибудь кафе бульвара Сенъ-Жерменъ, гдѣ онъ глоталъ газеты въ тоскливомъ одиночествѣ. Иногда онъ совершалъ чинную прогулку и бралъ съ собой Бланкетту, но уже не en cheveux, какъ прежде. Онъ самъ купилъ ей какой-то странный головной уборъ, состоявшій, насколько я могъ понять, изъ трехъ сливъ и пары перьевъ, и дѣвушка носила его съ видомъ мученицы, счастливой своимъ мученичествомъ. Во время прогулки онъ разговаривалъ съ ней о политикѣ и о погодѣ. Въ этотъ періодъ онъ началъ обнаруживать республиканскія симпатіи. До сихъ поръ онъ переходилъ, смотря по прихоти минуты, отъ непримиримаго націонализма къ самому фантастическому анархизму. Теперь же съ гордостью отожествлялъ себя съ нѣкогда презираемой буржуазіей. Теперь онъ прижалъ бы къ своей груди суконщика, отца Гедвиги въ Касселѣ.

Большую часть времени онъ проводилъ въ нашей студіи въ Менильмонтанѣ; здѣсь, по крайней мѣрѣ, онъ чувствовалъ себя свободно. Въ нашу компанію все-таки можно было показаться съ зонтикомъ, и, хотя онъ не одобрялъ вольности рѣчей Бренгара и Боннэ, вернувшихся въ Парижъ, и чудачествъ Казалэ, все же наше общество, повидимому, развлекало его. И, по крайней мѣрѣ, эти визиты заполняли его время. Кромѣ того, онъ позировалъ для фигуры Тьера въ исторической картинѣ, которую Бренгаръ намѣревался выставить слѣдующей весной въ Салонѣ.

— L'homme propose et Dieu expose,—усмѣхался Параго.

Къ сожалѣнію, картина принята не была

Наконецъ, настало время ѣхать въ Мельфордъ. Параго долго совѣщался съ Ивэнсомъ и со мною относительно своихъ костюмовъ и, хотя настоялъ на томъ, чтобъ взять съ собою сюртучную пару для офиціальныхъ визитовъ и пріемовъ, все же намъ удалось отправить его въ болѣе или менѣе подходящемъ видѣ для жизни въ англійской усадьбѣ. Онъ взялъ съ собою мой портретъ Джоанны, упакованный въ деревянный ящикъ съ надписью на французскомъ и англійскомъ языкахъ: „Цѣнное. „Произведеніе искусства

Обращаться съ осторожностью". Этой надписью я очень гордился.

Когда онъ уѣхалъ, я перебрался съ своего чердака въ улицу Саладье и отдалъ себя на попеченіе Бланкетты.

Но вскорѣ затѣмъ и я получилъ отъ моей красавицы приглашеніе пріѣхать погостить къ нимъ и написать портретъ ея матери, которая была въ восторгѣ отъ моего портрета Джоанны и находила его геніальнымъ. Мудрено ли, что у юнаго художника закружилась голова отъ удовольствія, что его называютъ геніемъ! Будь я постарше, мнѣ бы это не понравилось, такъ какъ съ годами начинаешь сознавать всѣ свои недочеты и до смерти боишься, какъ бы ихъ не замѣтили другіе. Но въ двадцать лѣтъ человѣкъ и самъ не знаетъ, геній онъ или не геній. Мнѣніе м-ссъ Решвортъ однако подкрѣплялось предложеніемъ получить за портретъ сто гиней. Сто гиней! Прочитавъ эти слова, я такъ дико заоралъ, что Бланкетта въ испугѣ выбѣжала изъ спальни. Джоанна выражала увѣренность, что я не откажусь отъ этой суммы — всѣ художники вѣдь берутъ деньги за портреты—и то время, которое мнѣ понадобится для написанія портрета, прогощу у нихъ—опять-таки, всѣ художники это дѣлаютъ.

— Я ѣду въ Англію писать другой портретъ. Бланкетта, какъ ты думаешь, сколько мнѣ заплатятъ за него?

— Много?

Я очертилъ рукою кучу золота. Бланкетта соображала:

— Пятьдесятъ франковъ?

— Двѣ тысячи шестьсотъ двадцать пять франковъ.

Бланкетта даже сѣла. Она не умѣла скоро считать на тысячи.

— Это на всю жизнь обогатитъ тебя.

— Это только начало,—самонадѣянно объявилъ я.

Бланкетта укоризненно покачала головой.

— Есть люди, которые ничѣмъ не бываютъ довольны.

XIX.

Когда я прибылъ въ Мельфордъ, голова моя была занята только живописью и моимъ успѣхомъ. Первая недѣля вся ушла у меня на изученіе моей модели, м-ссъ Решвортъ. Это была кроткая старушка лѣтъ шестидесяти, съ пушистыми сѣдыми волосами, нѣкогда золотыми, съ щеками, все еще круглыми, какъ наливное яблочко, но утратившими румянецъ и изрѣзанными множествомъ пересѣкавшихся тонкихъ морщинокъ. Свѣтлая лазурь ея очей померкла, яркая алость губъ поблекла; теперь онѣ были чуть розова-

тыя. Можно было прослѣдить, какъ, день за днемъ, время касалось ея легкой, но неумолимою рукой, дѣлая щеки восковыми, убавляя яркости, смягчая краски, пока, наконецъ, она не стала, чѣмъ была — все еще бѣло-розовой, но потускнѣвшей, какъ большая розовая жемчужина. Нѣжностью и отсутствіемъ выразительности она напоминала статуэтку саксонскаго фарфора. Она любила одѣваться въ лиловое съ старыми кружевами; такъ я и изобразилъ ее, какъ очаровательный мотивъ для декоративнаго панно въ духѣ Пювисъ де Шаванна.

Повторяю, голова моя была полна шедевромъ, который я собирался создать, и, хотя я радъ былъ снова свидѣться съ моей прелестной Джоанной и учителемъ, первое время я не приглядывался къ ихъ отношеніямъ. Мы встрѣчались за завтракомъ и за обѣдомъ, иногда послѣ обѣда, и всегда по вечерамъ, когда я добросовѣстно игралъ въ пикетъ съ м-ссъ Решвортъ, Джоанна играла на роялѣ, а Параго читалъ Дженъ Аустинъ въ креслѣ у камина. Для меня это мирное препровожденіе времени въ замкнутомъ англійскомъ home'ѣ имѣло неуловимую прелесть, какъ запахъ лаванды, который я люблю, какъ кошка. Не богема по натурѣ — рѣдкій художникъ въ Европѣ устраивается такъ комфортабельно, какъ я теперь,—я былъ совершенно счастливъ. И я не задумывался о томъ, какъ чувствуетъ себя Параго, который былъ именно богемой по натурѣ, и нравится ли ему тихое однообразіе этой жизни. По внѣшности онъ не выказывалъ ни нетерпѣнія, ни скуки. Въ смыслѣ декорума викарій могъ бы поучиться у него, а, когда послѣ завтрака онъ выѣзжалъ съ Джоанной прокатиться въ кабріолетѣ, ни одинъ епископъ, страдающій несвареніемъ желудка, не могъ бы напустить на себя болѣе свирѣпой учтивости. Но съ теченіемъ времени я сталъ замѣчать, что подъ этой замороженною внѣшностью въ немъ еще дремлетъ старый Параго, и по временамъ это прорывалось наружу.

М-ссъ Решвортъ достался по наслѣдству отъ отца старинный каменный домъ эпохи короля Георга, въ концѣ главной мельфордской улицы. Покойный былъ управляющимъ дѣлами герцога-Уильтширскаго и видной особой въ городѣ. М-ссъ Решвортъ также была „особа", а ея красавица-дочь, графиня и богачка, естественно, играла въ городѣ еще болѣе видную роль. По вторникамъ днемъ м-ссъ Решвортъ „принимала". На этихъ пріемахъ собиралось очень много народу: окрестныя помѣщицы, жены врачей, пасторовъ, вообще, много дамъ. И среди нихъ нѣсколько мужчинъ: охотникъ, случайно попавшій въ эти мѣста, два-три викарія и майоръ Кольтерсъ. Гости усаживались маленькими группами въ

гостиной, пили чай, вели между собой несложный разговоръ о пустякахъ и какъ будто побаивались Параго и меня, хотя Джоанна всегда представляла насъ очень мило. И предпочитали разговаривать между собой. Я находилъ это невѣжливымъ, и, несомнѣнно, оно такъ и было; но я не принималъ тогда въ разсчетъ, что Параго былъ необычнымъ гостемъ для англійской провинціальной „чашки чаю", а если англійскіе провинціалы чего терпѣть не могутъ, такъ это необычнаго. Я увѣренъ, что они и квадратную булку на столѣ сочли бы за неделикатность. Во время второго изъ этихъ вторничныхъ пріемовъ Джоанна представила меня двумъ молодымъ особамъ—какъ я понялъ, дочерямъ сосѣднихъ помѣщиковъ.

— Мсье Прадель—художникъ изъ Парижа. Онъ пишетъ портретъ мамы.—Я поклонился и заявилъ, что я очень радъ познакомиться. Барышни изумились. Теперь я знаю, что въ Мельфордѣ не принято такъ говорить. Одна изъ молодыхъ дѣвицъ, оправившись, сказала, что она хотѣла бы быть художницей. Другая освѣдомилась, академикъ ли я. Я сказалъ: нѣтъ.

— Вы живете въ Парижѣ? Значитъ вы выставляете въ Салонѣ?

— Ученики Жано — отвѣтилъ я съ заносчивостью юности—не выставляютъ въ Салонѣ.

— Почему? — разсѣянно спросила первая, глядя черезъ комнату, повидимому, на викарія.

— Изъ принципа. Во-первыхъ, это стоитъ денегъ, которыя можно потратить на пищу и одежду, во-вторыхъ, мы оберегаемъ наши идеалы отъ растлѣвающаго зрѣлища искусства, которое торгуетъ собой.

— Вы часто играете въ теннисъ? — освѣдомилась вторая дѣвица, не потому, чтобы она желала уязвить меня, какъ я того заслуживалъ, за самомнѣніе, но просто потому, что мои слова ее нимало не заинтересовали.

— Нѣтъ,—сказалъ я.

— Охотитесь?

— Нѣтъ; да на бульварѣ Сенъ-Мишель и негдѣ охотиться.

— Бульваръ Сенъ-Мишель? Гдѣ это?

— Въ Парижѣ.

— Ахъ, да! Вы живете въ Парижѣ. — Она взглянула на меня съ видомъ скучающаго любопытства, какъ дѣти-подростки на яка въ клѣткѣ Зоологическаго сада. Въ тѣ дни кругозоръ англійской барышни, выросшей въ деревнѣ, былъ до убогости ограниченъ. Теперь, я полагаю, онъ нѣсколько расширенъ,—вплодь до драмы ужасовъ, когда она бываетъ въ Лондонѣ—обязательно разъ въ году. Наступила пауза; за-

тѣмъ она освѣдомилась, люблю ли я удить. Такъ какъ мои свѣдѣнія объ уженьи рыбы ограничивались терпѣливыми удильщиками—блѣдными тѣнями Ахерона,—которые столѣтіями сидятъ на берегу Сены и до сихъ поръ ничего еще не поймали, я улыбнулся и покачалъ головой.

— А Броуны арендовали рыбныя ловли въ Шотландіи,— сообщила барышня № 1-й, отводя взоръ отъ викарія,—и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ я поѣду къ нимъ гостить.

— Я слышала, что Мира Броунъ выходитъ замужъ.

— Да. На Рождество.

— А за кого?

До тѣхъ поръ скучавшіе глазки молодыхъ дѣвицъ вдругъ оживились. Все ихъ вниманіе поглотила Мира Броунъ и ея помолвка, а я откинулся на спинку кресла, пренебреженный и забытый. Моя застѣнчивость причиняла мнѣ жестокія страданія. Мнѣ непріятны были эти глупыя дѣвчонки и я жаждалъ убѣжать отъ нихъ, но не могъ придумать, какъ уйти, не показавшись грубымъ. И озирался вокругъ, ища предлога. У чайнаго стола на дальнемъ концѣ комнаты стояли Джоанна и майоръ Уольтерсъ, высокій мужчина, съ солдатской выправкой, бѣлокурыми усами и свѣтлыми волосами, рѣдѣющими на макушкѣ. Такихъ въ британской арміи, навѣрное, тысячи двѣ, если не больше. Онъ, повидимому, въ чемъ-то горячо убѣждалъ Джоанну, но она смотрѣла не на него, а на кончикъ своей туфельки, который она слегка раскачивала изъ стороны въ сторону. Потомъ почти сердито вскинула на него глаза и по движенію губъ мнѣ показалось, что она сказала:

— Какое право вы имѣете такъ говорить?

Онъ по англійски неуклюже пожалъ плечами, бросилъ быстрый взглядъ на Параго и, снова повернувшись къ ней, что-то сказалъ. И тутъ, впервые со дня смерти графа де Вернейль, глаза у нея стали опять холодные, какъ ледники. Она коротко сказала что-то. Майоръ чопорно поклонился и отошелъ. Джоанна, надменно выпрямившись, перешла черезъ комнату съ чашкой чаю, направляясь къ новой гостьѣ.

Параго, долговязый и тощій въ своемъ знаменитомъ черномъ сюртукѣ, наглухо застегнутомъ — онъ таки напялилъ его на себя ради офиціальнаго пріема; только красный галстухъ съ желтыми горошинами (должно быть, по совѣту Джоанны), былъ замѣненъ другимъ,—Параго разговаривалъ съ пожилой, костлявой дамой съ длиннымъ клювомъ вмѣсто носа. Я подивился, какъ это въ порядочное общество пускаютъ такую непривлекательную особу, но потомъ узналъ, что это леди Мулинэ, важная птица въ графствѣ. Дама, повидимому, горячилась; Параго тоже. Она бросала на него

убійственные взгляды; онъ размахивалъ руками, она поднимала брови. А брови у нея и въ нормальномъ состояніи были на три вершка выше глазъ. Параго возвысилъ голосъ. Случилось такъ, что, по странному совпаденію, всѣ отдѣльные разговоры какъ разъ въ это время смолкли и среди гробового молчанія, воцарившагося въ гостиной, особенно рѣзко прозвучалъ голосъ Параго:

— Боже мой, сударыня, дѣти не выростаютъ изъ земли подъ капустнымъ листомъ и вы сами прекрасно это знаете. Въ томъ-то и преступленіе нашихъ англійскихъ беллетристовъ, что они вводятъ въ заблужденіе молодежь относительно самыхъ существенныхъ фактовъ жизни. Шарлотта Іонгъ несравненно безнравственнѣе Гюи де-Мопассана.

Тутъ Параго, замѣтивъ, что всѣ молчатъ, кромѣ него, всталъ, оглянулся на смущенныя лица женщинъ и викаріевъ и, смѣясь, повернулся къ м-ссъ Решвортъ.

— Я доказывалъ леди Мулинэ, что Зола—великій учитель этики, но она не хочетъ вѣрить мнѣ.

— У насъ въ Мельфордѣ этого автора мало читаютъ,— откликнулась кроткая старушка съ своего дивана, на которомъ она возсѣдала, обложенная подушками; двѣ дамы, съ которыми она бесѣдовала, неодобрительно поглядѣли на моего учителя.

— Напрасно; вашему городу было бы полезно ознакомиться съ его твореніями.

То было время, когда имя Зола было ненавистно англійскому пуританизму, когда его нельзя было произносить въ приличномъ обществѣ; понятное дѣло, спорить съ Параго никто не сталъ. Пухлыя, поблекшія губы м-ссъ Решвортъ безпомощно вздрагивали, и она съ признательностью схватилась за руку одной изъ дамъ, которая, вставъ, начала прощаться и такимъ образомъ спасла положеніе. Столбнякъ разсѣялся. Въ отдѣльныхъ группахъ снова возобновились таинственные переговоры; Параго отошелъ къ камину и стоялъ тамъ, одинъ, съ вызывающимъ видомъ. Я воспользовался предлогомъ ускользнуть отъ своихъ барышенъ. Когда я проходилъ мимо леди Мулинэ, она сказала своей сосѣдкѣ:

— Какой ужасный человѣкъ! Не понимаю, какъ это м-ссъ Решвортъ терпитъ у себя такихъ господъ.

Я готовъ былъ заплакать отъ бѣшенства. Эта уродина съ мозгомъ черепахи осмѣливалась такъ пренебрежительно отзываться о моемъ обожаемомъ учителѣ, который удостоилъ подѣлиться съ ней крупицей своей олимпійской мудрости— и Зевсъ не испепелилъ ея огненной стрѣлой! Она выразила свое неодобреніе властнымъ тономъ законодательницы и

другая дама утвердительно закивала головой. Я жаждалъ вступиться за учителя, но, вспомнивъ, какъ это неудачно вышло у меня въ клубѣ Лотоса, когда Параго обвинили въ томъ, что онъ водилъ медвѣдя по улицамъ Варшавы, благоразумно промолчалъ. Но все же я былъ очень сердитъ.

Я присоединился къ Параго. Тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ къ намъ подошла Джоанна и разсмѣялась своимъ серебристымъ смѣхомъ:

— Вы напугали ихъ, Гастонъ. Зачѣмъ такъ горячиться?

— Неинтеллигентная женщина не смѣетъ изрекать приговоры о вещахъ, которыя выше ея пониманія.

— Но, вѣдь, это же леди Мулинэ.

— Ну, такъ что же?

— Первая дама въ Мельфордѣ.

— Бѣдный Мельфордъ!

Въ этотъ вечеръ, послѣ обѣда, когда дамы покинули насъ, Параго налилъ себѣ рюмку портвейну и передвинулъ графинъ ко мнѣ, говоря:

— Сынъ мой, какъ философъ и гражданинъ вселенной, ты скоро убѣдишься, что Мельфордъ заслуживаетъ такого же внимательнаго изученія, какъ Шамбери, или Будапештъ, или Латинскій Кварталъ. Это садъ Лилипутовъ. Здѣсь ты можешь наблюдать жизнь со всѣмъ ея убожествомъ, культивированнымъ въ совершенствѣ. Прорвавшаяся наружу могучая страсть потрясла бы этотъ городъ, какъ землетрясеніе. И въ то же время, замѣть, какъ вѣрна себѣ человѣческая природа. Проявленія ея разнообразны, но сила чувствованій неизмѣнна. Въ условіяхъ большей свободы она проявляется страстью, въ болѣе узкой сферѣ—предразсудками. Всѣ эти бабы, которыя были тутъ сегодня, выражая свою непріязнь ко мнѣ, какъ къ человѣку, чуждому условностей, которыя имъ дороги, испытываютъ то же, что сициліанецъ, вонзающій кинжалъ въ грудь соперника. Когда я женюсь, мой сынъ, я не не стану жить въ Мельфордѣ.

— А гдѣ же вы думаете жить, учитель?

Онъ сдѣлалъ широкій жестъ и вздохнулъ полной грудью.

— На Европейскомъ континентѣ.—Онъ такъ сказалъ это, какъ будто ни одна изъ странъ Европы въ отдѣльности не въ состояніи была утолить его тоску по шири.— Мнѣ нуженъ просторъ, мой сынъ, для развитія моего духа. Я мечтаю о великомъ, а всякія безсмертныя видѣнія разсѣются подъ василисковымъ взоромъ леди Мулинэ.

— C'est une vieille pimbêche!—замѣтилъ я.

— Вотъ такія женщины—проклятіе Англіи,—отвѣтилъ онъ

Послѣ этой бесѣды я рѣшилъ внимательнѣе приглядѣться къ Мельфорду и его обитателямъ и, чѣмъ больше приглядывался, тѣмъ меньше находилъ его похожимъ на рай или хотя бы на бульваръ Сенъ-Мишель. По временамъ мнѣ становилось скучно. Перегнувшись черезъ перила моста на другомъ концѣ Хай-стритъ, я смотрѣлъ на шпицъ колокольни старой приходской церкви, высившейся надъ золотою съ краснымъ листвою вѣковыхъ вязовъ и жаждалъ очутиться на Новомъ Мосту и окунуться въ шумную и бурную жизнь Парижа. Здѣсь, въ Мельфордѣ, недоставало именно шума и жизни.

Тѣмъ временемъ Параго и Джоанна продолжали свой романъ съ того мѣста, на которомъ они остановились тринадцать лѣтъ тому назадъ. Ходили, обнявшись по саду, причемъ она склоняла головку на его плечо, а онъ обнималъ ее рукой за талію. Однажды, когда я, подходя, кашлянулъ, чтобы предупредить ихъ о моемъ присутствіи, Параго отдернулъ руку, но Джоанна, смѣясь, снова положила ее на мѣсто.

— Что за бѣда? Астико вѣдь знаетъ все. Вѣдь онъ же будетъ у насъ шаферомъ. Вы непремѣнно должны вызвать его къ свадьбѣ, Гастонъ.

— Вы непремѣнно хотите вѣнчаться здѣсь, въ Мельфордѣ?

— Разумѣется.

— Чтобъ насъ вѣнчалъ этотъ тощій старикъ съ сѣдыми баками, который обращается со мною такъ, какъ будто я мальчишка, котораго онъ готовитъ къ конфирмаціи? И чтобы всѣ эти ужасные люди глазѣли на насъ? Дорогая моя, неужели васъ не ужасаетъ эта мысль?

— Я думала, что для васъ важно—обвѣнчаться со мной, а „какъ"—не все-ли равно?

— Совершенно вѣрно. Но почему же *для васъ* такъ важно: „какъ"?

— Я—другое дѣло. Для меня самое правильное вѣнчаться здѣсь, въ Мельфордѣ.

— Ну что же, надо дѣлать то, что считаешь правильнымъ и нужнымъ, всегда и во что бы то ни стало,—ироническимъ тономъ сказалъ учитель и нотка ироніи не ускользнула отъ чуткаго слуха Джоанны. Она отодвинулась.

— Вы что же—предпочли бы, чтобъ мы повѣнчались гдѣ-нибудь подъ кустомъ, какъ нищіе?

— Боже мой, какъ бы я хотѣлъ этого! Вотъ это была бы настоящая свадьба! Я знаю въ Вогезахъ чудеснѣйшую деревушку, нависшую надъ пропастью; надъ головой только горы и небо; кругомъ на тридцать миль никакихъ старухъ, которыя бы предписывали намъ, какъ вести себя. Вотъ куда я бы умчалъ васъ. Monsieur le Maire, опоясавшись своимъ трехцвѣтнымъ шарфомъ, повѣнчалъ бы насъ, и мы ушли бы отъ него рука объ руку, и колокольчики коровъ привѣтствовали бы насъ серебристымъ звономъ, и во всей вселенной не было бы никого, кромѣ насъ двоихъ.

— А мы устроимъ компромиссъ,—улыбнулась Джоанна.— Повѣнчаемся въ Мельфордѣ, респектабельно, какъ подобаетъ людямъ хорошаго круга, а медовый мѣсяцъ проведемъ въ вашей вогезской деревушкѣ. Вы не находите, Астико, что это—самое благоразумное?

— Милая Джоанна,—возразилъ Параго — этотъ юноша такъ плѣненъ вами, что онъ во всемъ будетъ вамъ поддакивать. Разумѣется, онъ скажетъ, что достопочтенный м-ръ Гаукфильдъ лучше, чѣмъ живописный французскій меръ, и что свадебный пирогъ отъ Гунтера вкуснѣе тминнаго сыра изъ Вальдово. Онъ всю свою маленькую душонку распылитъ на атомы, если это окажется нужнымъ для васъ.

— Я думала, что не онъ одинъ,—нѣжно шепнула Джоанна.

Параго взглянулъ на ея перламутровое личико и сдался.

— Конечно. Ради васъ человѣкъ способенъ пойти и на муки ада, и въ англійскую церковь вѣнчаться.

Мы ходили всѣ трое по усыпанной гравіемъ дорожкѣ вокругъ площадки для тенниса. Въ эпоху, когда строился этотъ домъ, земля въ Мельфордѣ была дешева и люди не жалѣли ея на сады. Здѣсь если было что-нибудь большое и просторное, то только лишь сады. Наступило долгое молчаніе. Влюбленные какъ будто забыли о моемъ существованіи. Джоанна заговорила первая:

— Вы должны помнить, что я все еще—членъ англиканской церкви и отношусь съ полнымъ уваженіемъ къ религіозной сторонѣ брака. Было бы очень пріятно повѣнчаться въ меріи, но моя совѣсть не могла бы съ этимъ примириться. И вы не должны такъ легко говорить о вѣнчальномъ обрядѣ—это оскорбляетъ меня, Гастонъ.

— Простите, ma chérie... Я прожилъ жизнь счастливымъ язычникомъ и такъ давно не встрѣчалъ людей, принадлежащихъ къ англиканской церкви, что думалъ,—это учрежденіе давно погибло за ненадобностью.

— Но вѣдь вы же были со мной въ церкви прошлое воскресенье.

— Былъ, но я полагалъ, что это нужно было, какъ жертва великому британскому божеству — Респектабельности.

Джоанна вздохнула и перевела разговоръ на красоту осенняго пейзажа. Я замѣтилъ, что она снова обвила руку Параго вокругъ своей таліи, словно силясь сама себя въ чемъ-то убѣдить. Когда мы дошли до веранды, я вошел въ домъ, но остановился еще разъ, чтобы полюбовать ся моей красавицей, и увидѣлъ, какъ она подняла головку и подставила губы. Параго нагнулся и поцѣловалъ ее.

— Не считайте меня глупенькой, Гастонъ, но я такъ изголодалась по любви за эти тринадцать лѣтъ!—донеслись до меня ея слова.

По его жестамъ и выраженію его лица я видѣлъ, что онъ отвѣчаетъ ей въ томъ же духѣ.

Со стороны, для сантиментальнаго юноши, какъ я, это была безоблачная идиллія. Джоанна, хоть и утратила веселую безпечность и непосредственность, которыя такъ чаровали насъ въ Парижѣ, но все же улыбалась Параго и мнѣ не менѣе очаровательно. Своимъ знакомымъ она его представляла: „Мой кузенъ, мсье де-Неракъ“ съ какой-то особенной, вызывающею гордостью, которая была восхитительна. Приличія не дозволяли огласить ихъ помолвку такъ скоро послѣ смерти ея мужа, но всякій, сколько-нибудь догадливый человѣкъ сразу понялъ бы, что она представляетъ своего будущаго мужа. Немногія женщины умѣютъ скрыть это торжествующее сознаніе своего права собственности, своей власти надъ мужчиной, въ особенности, если имъ приходится заранѣе стать въ оборонительную позицію противъ нападокъ и негодованія разныхъ леди Мулинэ. Джоанна сразу встала на защиту Параго. Даже, когда онъ, забывшись, за обѣдомъ стучалъ кулакомъ по столу, такъ что звенѣли стаканы и восклицалъ: „nom de Dieu!“ она надменно обводила взглядомъ гостей, словно совѣтуя имъ не усматривать ничего необычайнаго въ поведеніи ея гостя. Но подъ конецъ моего пребыванія у нихъ, и Джоанна стала морщиться. А Параго, помимо случайныхъ вспышекъ, продолжалъ ухаживать за ней и покоряться общественной рутинѣ съ серьезнымъ, но довольнымъ лицомъ человѣка, который нашелъ, наконецъ, свое настоящее призваніе.

Только теперь, оглядываясь назадъ, на эти дни идилліи, я вижу, чего это ему стоило, какихъ усилій надъ собою. Изъ живого человѣка онъ превратился въ какую-то заводную куклу. Ежедневно, въ половинѣ девятаго, онъ входилъ въ

столовую, гдѣ накрытъ былъ столъ для завтрака. Въ половинѣ десятаго шелъ въ городъ бриться. Если наканунѣ, они условились куда-нибудь ѣхать или идти съ Джоанной, онъ не опаздывалъ ни на одну минуту. Одѣвался онъ, какъ ему казалось, безукоризненно. Даже брюки свои складывалъ особымъ манеромъ на ночь. Въ куреніи ограничилъ себя небольшимъ количествомъ папиросъ, которыя выкуривалъ въ опредѣленные часы. Можно было подумать, что онъ и не слыхивалъ никогда о не особенно душеспасительной привычкѣ пить въ промежуткахъ между ѣдой. Если онъ и ходилъ въ церковь только въ угоду богу Респектабельности, то все же велъ себя тамъ безупречно. Даже гробовщики на похоронахъ не бываютъ такъ торжественны, какъ Параго во время проповѣди. Поистинѣ, въ такія минуты, сидя, вытянувшись въ струнку на скамьѣ, безъ всякаго выраженія на морщинистомъ, смугломъ лицѣ, въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ, который морщилъ въ бокахъ, съ волосами, которые, не смотря на всѣ усилія цирюльника, топорщились во всѣ стороны и не хотѣли ложиться гладко на проборъ, онъ очень напоминалъ зажиточнаго гробовщика. Отъ веселаго бродяги-музыканта въ бархатной курткѣ съ перламутровыми пуговицами, играющаго на крестьянскихъ свадьбахъ,—отъ длинноволосаго, лохматаго диктатора Кафе Дельфинъ, громовымъ голосомъ изрекавшаго свои вдохновленныя абсентомъ сужденія объ искусствѣ и философіи, не осталось и слѣда. Когда пѣли псалмы, онъ подпѣвалъ. Жалко, что ему не предложили обойти вѣрующихъ съ тарелкой или кружкой. И однакоже по временамъ мятежный духъ все-таки прорывался въ немъ наружу. Однажды онъ, ворча, спросилъ меня: неужто онъ обреченъ, до конца дней своихъ ежедневно мѣнять воротничекъ? Въ другой разъ схватилъ меня подъ руку, когда мы стояли на крыльцѣ, и потащилъ гулять.

— Мой добрый Астико, если я не найду, съ кѣмъ отвести душу, я съ ума сойду. Я начну плясать вокругъ цвѣточныхъ клумбъ и визжать, какъ собака. Я жажду побесѣдовать съ хозяиномъ Чернаго Борова; этотъ толстякъ въ духѣ Раблэ пришелся мнѣ по вкусу. Притомъ же въ глоткѣ у меня такая засуха, что, еслибъ посадить туда Седраха, Мисаха и Авденаго, они бы взвыли похуже, чѣмъ въ огненной печи Навуходоносора.

— Въ самомъ дѣлѣ, почему бы намъ и не пойти къ Черному Борову?—сказалъ я.

Онъ потрепалъ меня по плечу, назвавъ дельфійскимъ оракуломъ, и увлекъ меня за собою черезъ садовую калитку съ стремительностью, напомнившей мнѣ прежняго Параго.

— Учитель,—сказалъ я,—если вамъ такъ скучно и хо-

чется съ кѣмъ-нибудь поговорить, отчего вы не поговорите съ майоромъ Уольтерсомъ?

Параго махнулъ рукой.

— Онъ храбръ и мужественъ; въ этомъ смыслѣ онъ настоящій мужчина, но на счетъ интеллекта—ноль. Это какая-то механическая пушка. Выбрасываетъ готовыя шаблоннѣйшія фразы, по одной въ минуту—отъ этого можно повѣситься со скуки. Къ тому же, малютка Астико, я не имѣю счастья пользоваться благоволеніемъ майора Уольтерса. Британскій офицеръ не терпитъ людей иного покроя, чѣмъ онъ самъ.

— Но вѣдь и мадамъ де-Вернейль скроена не по его образцу,—лукаво замѣтилъ я.

— Ага! И ты, дитя, замѣтилъ это? Но, сынъ мой, я—Гастонъ де-Нерακъ, гасконецъ родомъ, nom de Dieu! et il aura affaire à moi, ce pantin-là. Sacredieu! Ты знаешь, какой вопросъ осмѣлился мнѣ задать вчера этотъ нахалъ? Какую сумму я разсчитываю вложить въ банкъ на имя г-жи де-Вернейль въ видахъ ея обезпеченія. Какъ тебѣ это нравится? Это онъ, видите ли, долженъ знать, въ качествѣ ея опекуна, назначеннаго ея покойнымъ мужемъ. „Сэръ,—отвѣтилъ я—ея счастье и благоденствіе будутъ обезпечены моимъ геніемъ и моей любовью. Къ тому же мадамъ де-Вернейль имѣетъ свое собственное состояніе, котораго для ея нуждъ вполнѣ достаточно, и изъ котораго я не возьму ни гроша“.

Я улыбался, представляя себѣ, какъ Параго, заложивъ одну руку за бортъ сюртука, а другой величественно жестикулируя, даетъ этотъ отвѣтъ майору Уольтерсу.

— Я объяснилъ ему—продолжалъ онъ—въ выраженіяхъ, которыя, надѣюсь, будутъ понятны и его убогому уму, что мнѣ стоитъ только вернуться къ своей профессіи, и мое финансовое положеніе будетъ не хуже положенія мадамъ де-Вернейль. „А затѣмъ, милостивый государь, прошу прекратить этотъ разговоръ и впредь къ нему не возвращаться“. Мы раскланялись и разстались врагами. Майоръ Уольтерсъ превосходный человѣкъ но ты понимаешь, при такихъ обстоятельствахъ перспектива бесѣды съ нимъ мнѣ отнюдь не улыбается.

Въ то время я восхитился величавостью этого отвѣта. До извѣстной степени это такъ и было, ибо мой учитель, никогда въ жизни не совершившій безчестнаго поступка, искренно возмутился инсинуаціей, будто бы онъ намѣревается жить на деньги Джоанны. Онъ искренно считалъ себя способнымъ вновь завоевать славу и богатство. Ему не хотѣлось только думать о тѣхъ усиліяхъ, съ которыми это будетъ сопряжено. Онъ зналъ, что ему не легко будетъ отрѣ-

шиться отъ привычки къ праздности и лѣнтяйничанію, нажитой за тринадцать лѣтъ бездѣлья. Но вѣдь онъ мужчина, nom d'un chien! Чтобъ доказать это, онъ спросилъ кварту эля у прилавка Чернаго Борова, стараго трактира для извозчиковъ, расположеннаго поодаль отъ шоссе. Маленькіе глазки шарообразнаго хозяина, прохлаждавшагося безъ пиджака, заблестѣли при этомъ пантагрюэлевскомъ заказѣ и онъ подалъ намъ большой подносъ съ огромной кружкой для учителя, другою, поскромнѣе, для меня и стаканомъ рому для самого себя. Такому гостю стоило оказать вниманіе.

Отвѣчая на его тостъ, Параго буквально вылилъ себѣ въ горло всю кружку, до дна.

Хозяинъ замеръ отъ восторга.

— Однако, чортъ побери!

— Я бы еще выпилъ,—молвилъ Параго.

Хозяинъ принесъ другую кружку.

— Какъ вы это дѣлаете?

Параго объяснилъ, что этому искусству онъ научился въ Германіи. Открываешь ротъ и льешь доброе пиво прямо въ глотку, не двигая мускулами при глотаніи; оно себѣ льется и льется.

— Ахъ, чтобъ тебя волки ѣли, какъ занятно! — восклицалъ хозяинъ.

— Да неужто же у васъ здѣсь не умѣютъ пить? — удивлялся мой учитель, проглатывая вторую кварту.

— Нализываются многіе, если вы объ этомъ говорите.

Параго нетерпѣливо махнулъ рукой.—Нализываться пивомъ—это некрасиво. Но развѣ у васъ нѣтъ тутъ, по сосѣдству, знаменитыхъ питуховъ? Такихъ, которые бы, и выпивъ, умѣли оставаться джентльменами, у которыхъ душа расцвѣтаетъ по мѣрѣ того, какъ они наливаются алкоголемъ человѣческаго благоволенія. Если есть такіе, я хотѣлъ бы съ ними познакомиться.

— Такого, чтобъ могъ выпить однимъ духомъ кварту элю—нѣтъ ни одного.

— Вы всегда жили въ Мельфордѣ?

Хозяинъ слегка обидѣлся.

— О нѣтъ. Я родился и выросъ въ Дивайзѣ.

— Глушь, должно быть, порядочная, этотъ вашъ Дивайзъ?

— Ну, не такая ужь глушь...

Въ это время женскій голосъ изъ-за прилавка отозвалъ хозяина. Параго отодвинулъ отъ себя недопитую кружку, всталъ и грустно покачалъ головой.

— Я разочаровался въ этомъ человѣкѣ. Это просто бу-

колическій идіотъ! Я не желаю дольше тратить на него мои таланты, духовные и пьянственные. Мельфордская богема обманула насъ, мой милый Астико, а пиво здѣсь чертовски кислое. Хорошо, что мнѣ не пришлось бродяжить по англійскимъ дорогамъ.

— Почему хорошо?

— Потому что съ здѣшнимъ народомъ самому можно поглупѣть до идіотизма. Впрочемъ, мнѣ слѣдовало ожидать, что этотъ трактирщикъ окажется болваномъ. Въ этой странѣ всегда случается предвидѣнное—это парализуетъ мысль. Пойдемъ-ка домой, завтракать.

Онъ заплатилъ по счету; мы вышли—и за дверьми столкнулись съ Джоанной и майоромъ Ультерсомъ.

Послѣдній бросилъ намъ надменный взглядъ; Джоанна, поймавъ этотъ взглядъ, покраснѣла до корней волосъ. Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, она вызывающе взяла подъ руку Параго и увлекла его впередъ, предоставивъ мнѣ итти сзади съ майоромъ Ультерсомъ. А такъ какъ за всю дорогу онъ не сказалъ ни слова, я нашелъ его не очень-то веселымъ спутникомъ.

XX

Пока не стемнѣло, я работалъ надъ портретомъ, уже близившимся къ окончанію.

— Ну, на сегодня достаточно,—сказалъ я, кладя палитру и кисти и глядя на картину.

Джоанна встала съ кресла у огня и подошла ко мнѣ. Подъ мою студію отведена была свѣтлая большая комната, на сѣверо-востокъ, съ огромнымъ до полу окномъ, выходившимъ въ садъ, и здѣсь, въ пасмурные дни, Джоанна, предпочитавшая эту свѣтлую, обитую ситцемъ комнату мрачной гостиной, нерѣдко сидѣла со мной, пока я рисовалъ. М-ссъ Решвортъ, послѣ втораго завтрака, уснула наверху, а Параго ушелъ гулять. Мы были совсѣмъ одни.

Моей прекрасной дамѣ вздумалось польстить мнѣ:

— Это удивительно, какимъ образомъ такой мальчикъ, какъ вы, можетъ такъ рисовать! Потому что вы же вѣдь мальчикъ, Астико.

Она улыбнулась такъ славно, весело, по товарищески.

— Черезъ нѣсколько лѣтъ весь свѣтъ будетъ у вашихъ ногъ и всѣ женщины будутъ умолять васъ, чтобы вы написали ихъ. Вы сдержите обѣщаніе—да?

— Какое обѣщаніе?

— Обѣтованіе вашей жизни. Не со всѣми это бываетъ. Иные подаютъ надежды, которыя потомъ не осуществляются.

Но съ вами такъ не будетъ—нѣтъ? Вы не дадите внѣшнему отвлечь себя отъ вашей цѣли?

Она накинула себѣ на плечи орарь, который она вышивала для викарія, и, соединивъ оба конца, печально посмотрѣла на меня.

— Уже ради своего учителя я обязанъ работать, сколько хватитъ силы.

— Ахъ, еслибъ у *него* былъ такой учитель въ молодости! Онъ былъ бы теперь знаменитостью, окруженъ вниманіемъ, почетомъ, владѣлъ бы всѣмъ, что только могутъ дать жизнь и свѣтъ.

— Развѣ онъ *уже* не имѣетъ лучшаго, что можетъ дать ему жизнь, теперь, когда онъ встрѣтилъ васъ?—выговорилъ я застѣнчиво.

Джоанна засмѣялась.

— Вы иной разъ говорите, точно старый-престарый дѣдушка. Это, должно быть, оттого, что вы въ дѣтствѣ изучали философію. Да, учитель вашъ нашелъ меня; но, въ концѣ концовъ, что такое женщина? Пылинка на поверхности вселенной, не болѣе.

Она присѣла на мой табуретъ, спиной къ картинѣ.

— Скажите, Астико, счастливъ онъ, по крайней мѣрѣ?

— Неужели вы можете сомнѣваться въ этомъ? — горячо воскликнулъ я.

— Я такъ хочу, чтобъ онъ былъ счастливъ, Астико! Вѣдь это изъ-за меня онъ погубилъ свою карьеру и началъ вести такой странный образъ жизни, и я чувствую себя вдвойнѣ отвѣтственной за его будущее. Вы понимаете?

Голубые глаза ея были такъ по дѣтски серьезны.

При всей моей любви къ Параго, мнѣ вдругъ стало какъ-то жаль ея—ноша, которую она взяла на себя, была слишкомъ тяжела для ея нѣжныхъ плечъ. Въ первый разъ мнѣ пришло въ голову, что Джоанна и Параго, пожалуй, не очень-то подходятъ другъ къ другу. Чутье подсказало мнѣ отвѣтъ:

— Мой учитель счастливъ вполнѣ, но вы должны дать ему время пріучить себя къ новому порядку вещей.

— Въ томъ-то и дѣло.

Она помолчала.

— Вы—такое мудрое дитя, что, можетъ быть, поможете мнѣ немного. Сама я не могу этого сдѣлать — даже и съ вами мнѣ страшно непріятно говорить объ этомъ, но, можетъ быть, вы намекнете ему, что люди нашего круга не бываютъ въ Черномъ Боровѣ. Я лично ничего не имѣю противъ этого, но другіе — мой кузенъ, майоръ Ультерсъ

давеча замѣтилъ по этому поводу... — такія слова обидно слышать. Они не понимаютъ, что Гастонъ усвоилъ себѣ обычаи континента. Во Франціи для мужчины самая обыкновенная вещь — пойти въ кафе, но въ Англіи все по другому...

Я обѣщалъ внушить Параго, что ему не подобаетъ бывать въ Черномъ Боровѣ, и затѣмъ спросилъ, гдѣ ей лично больше нравится: въ Англіи, или во Франціи. Она вздрогнула и глаза ея словно подернулись налетомъ инея.

— У меня нѣтъ никакого желанія снова увидѣть Францію. Я была тамъ такъ несчастна! Я все стараюсь убѣдить мсье де-Нерака поселиться въ Лондонѣ. Своей профессіей онъ вѣдь можетъ заняться и тамъ, не правда ли?

— Разумѣется.

— И вы тоже переѣдете туда,—продолжала она, вдругъ повеселѣвъ.

Эти порывы дѣтскаго веселья были въ ней очаровательны.

— Наймете себѣ красивую студію возлѣ насъ, и мы всѣ заживемъ счастливо и дружно.

Она спрыгнула съ табурета и, попросивъ меня зажечь газъ, снова принялась за вышиванье.

— Красиво—правда? — спрашивала она, показывая мнѣ свою работу.

Я согласился, что красиво. У нея былъ настоящій талантъ къ рукодѣльямъ.

— А вотъ Гастону не нравится. Онъ терпѣть не можетъ священниковъ.

— Ему мало приходилось сталкиваться съ ними.

— Но придется. О, вы увидите. Еще немного, и я сдѣлаю изъ него образцоваго англичанина.

— Боюсь, что это будетъ вамъ не такъ легко.

— А развѣ что-нибудь легко? Развѣ вамъ легко изобразить на холстѣ вашу модель именно такъ, какъ вы хотите? Еслибъ можно было набросать портретъ въ двѣ минуты, не стоило бы и писать его. Вы же сами говорите, что надо дать Гастону время привыкнуть.

Я подсѣлъ къ ней и втеченіе нѣсколькихъ минутъ слѣдилъ, какъ умная иголка ткала золотой узоръ на бѣломъ шелку. Трудно было представить себѣ болѣе изящные пальчики и ручки.

— Изъ того, что я говорила о мсье де-Неракѣ, вы не должны заключать, что я недовольна. Я вовсе не хотѣла бы, чтобъ онъ перемѣнился внутренно — лучше его я не знаю человѣка. И я такъ счастлива, что романъ моей жизни привелъ къ такой удачной развязкѣ. Не удивительно ли это,

Астико? Не правда ли, о такихъ вещахъ читаешь только въ книгахъ? Встрѣтиться черезъ тринадцать лѣтъ и убѣдиться, что старая-старая...

— Любовь,—подсказалъ я.

— Осталась такой же сильной и горячей, какъ была. Вѣдь, въ сущности, важна только душа, Астико. Внѣшность ничего не значитъ. Оба мы за эти годы пережили страшныя испытанія, но они не омрачили нашихъ душъ.

— Ah, madame,—замѣтилъ я съ улыбкой,—только потомъ я почувствовалъ, что это была маленькая дерзость съ моей стороны, — я увѣренъ, что вы это говорите со словъ учителя.

— Да,—призналась она, поднимая на меня широко раскрытые наивные глаза.—Какъ вы догадались?

— А сколько разъ вы мнѣ говорили, что я—только эхо его мыслей?

Мы оба засмѣялись.

— Это-то насъ и сдружило, Астико. Вы прямо-таки боготворите его, и я полюбила васъ за это.

Она протянула мнѣ свободную лѣвую руку. Я прикоснулся къ ней губами.

— Это очаровательный французскій обычай, который, къ сожалѣнію, не привился у насъ въ Англіи. И вы сдѣлали это очень мило, Астико.

Я чуть не выругалъ лакея, который вошелъ въ эту минуту съ докладомъ, что въ гостиной поданъ чай.

Изъ всѣхъ пустыхъ словъ, когда-либо слышанныхъ мной изъ устъ людей, которыхъ я люблю и уважаю, эти слова Параго, повторенныя Джоанной, были самыя пустыя. Но оба они говорили искренно и вѣрили въ правдивость своихъ словъ. На этой вѣрѣ и было построено все зданіе ихъ любви.

Романтически настроенная Джоанна не считалась съ тѣмъ, что блестящій, пылкій молодой человѣкъ, тринадцать лѣтъ тому назадъ покорившій ея сердце (она показала мнѣ его фотографическую карточку, и я подумалъ: „Бѣдный Параго") теперь былъ только тѣнью самого себя, молчаливымъ мрачнымъ призракомъ, на лицѣ котораго бурно прожитая молодость оставила неизгладимые слѣды, — неуклюжимъ и, видимо, неловко себя чувствующимъ въ своемъ плохо сшитомъ платьѣ, — вмѣстѣ съ умѣньемъ причесываться утратившимъ въ европейскихъ кабакахъ и умѣнье вести легкій свѣтскій разговоръ. Она не хотѣла знать, что онъ уже не молодъ, навѣкъ покинутъ обманчивымъ, капризнымъ вдохновеніемъ, навѣкъ обреченъ (въ душѣ она вѣдь сознавала

это) на ограниченность въ художественномъ творчествѣ. Она не считалась съ тѣмъ, что ея боги вызывали въ немъ презрѣніе, а его боги въ ней — страхъ. Она не принимала въ разсчетъ того, что у нихъ почти не было общихъ вкусовъ или мнѣній, что даже я, полуобразованный, плохо воспитанный мальчишка, былъ душевно ближе ей, чѣмъ Параго.

Видите ли, не смотря на всѣ мертвящія испытыванія, на весь ужасъ ея замужней жизни, она осталась ребенкомъ. Когда де-Вернейль убѣдился, что жена никогда не проститъ ему ложнаго извѣстія о смерти Параго, онъ почти забросилъ ее и вернулся къ служенію инымъ богинямъ. Мѣсяцы и годы шли своей чередой, а она не развивалась. Родные графа, все люди стараго закала, набожные и націоналисты, справедливо видѣли въ немъ отступника, презрѣвшаго семейныя традиціи и, совсѣмъ несправедливо, винили во всемъ Джоанну, англичанку-еретичку, соблазнившую его, заставивъ уклониться отъ прямаго пути. Съ Джоанной они были холодны и сухи.

Съ другой стороны, кружокъ еврейскихъ финансистовъ, въ которомъ изъ дѣловыхъ соображеній бывалъ графъ и находилъ себѣ тамъ развлеченіе, претилъ изящной, тонко воспитанной англичанкѣ. И жизнь она вела очень замкнутую. „У меня такъ мало друзей въ Парижѣ“—были первыя ея слова, когда мы встрѣтились съ нею возлѣ отеля Бристоль. Губы ея улыбались принужденной улыбкой, глаза были холодны, какъ ледники, а сердце жаждало тихой и скромной жизни въ Англіи, съ строго установленными правилами поведенія и барьерами приличій, съ пріятной маленькой рутиной обязанностей и пріятнымъ общеніемъ спокойныхъ темпераментовъ, чуждыхъ сильныхъ эмоцій. Эти одиннадцать лѣтъ ея замужней жизни были для нея потерянные годы, о которыхъ она старалась забыть. Ея немногія эскапады въ необычное были дѣтскими шалостями. И романъ ея былъ дѣтскій. И ея безыскуственная грація, ея плѣнительная ласковость, очаровавшія меня и превратившія мою мальчишескую влюбленность въ нее въ страстное поклоненіе, сохранившееся и понынѣ, когда мы оба уже стары и при встрѣчѣ лишь пожимаемъ другъ другу руку съ чуть теплящейся старческой симпатіей,— все это было дѣтское. Какъ же могла она понять Параго, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, какимъ зналъ его я? Душа его и теперь сіяла тѣмъ же блескомъ, который въ юности, какъ солнце, ослѣпилъ ея глаза. Все остальное было для нея неважно. Ей казалось нетруднымъ измѣнить его съ внѣшней стороны, заставить соблюдать приличія, обуздывать языкъ и строго помнить, на какія темы запрещено говорить въ обще-

ствѣ; заставить привычнаго бродягу жить по часамъ и пантеиста-язычника ходить въ церковь и вѣровать, какъ учитъ англиканская церковь (надо замѣтить, что Параго отнюдь не былъ нерелигіознымъ человѣкомъ). Ей даже не приходило въ голову, что это — колоссальный трудъ, какъ не приходило въ голову велѣть ему сбросить съ себя свой погребальный нарядъ и напускную угрюмость и снова жить и дышать свободно. И въ этомъ опять-таки сказывалась ея дѣтская, не разсуждающая довѣрчивость. Еще на колѣняхъ у матери она заучила первую заповѣдь: „Да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ Мене", и Богъ ея дѣтски-наивной души разъ навсегда воплотился для нея во образѣ высокаго строгаго священника въ бѣломъ галстухѣ. Джоанна была убѣждена, что спастись можно, только повинуясь его указаніямъ, и ея вѣра въ это была непоколебима. А Параго—Параго, само собой, долженъ былъ идти по ея стопамъ и ни по какимъ инымъ.

Къ моему предупрежденію, что Джоанна запрещаетъ ему ходить къ „Черному Борову" Параго отнесся кротко.

— Мадамъ де-Вернейль всегда права. Я забылъ, что девизомъ моей жизни уже не является припѣвъ баллады безсмертнаго Вильона: „Tout au tavernes et aux filles". Какой бы девизъ избрать себѣ теперь? Ага! Знаю — онъ по старому сильно хлопнулъ меня по плечу. — Опять таки Вильонъ. Ну-ка, угадай. Вѣдь ты же заучилъ съ моихъ словъ всѣ баллады, когда мы бродили съ тобой по Савойѣ.

— Да, учитель, — сказалъ я, но не могъ вспомнить ни одной фразы изъ нихъ, кромѣ словъ, которыя мнѣ вспомнились при первой встрѣчѣ съ Джоанной: „Bien heureux qui rien n'y a—словъ, совсѣмъ не подходящихъ. Романтикъ и влюбленный не можетъ руководствоваться формулою: „счастливъ тотъ, кто не имѣетъ никакого дѣла съ женщинами".

— Не могу угадать, учитель.

— „En ceste foy je veuil vivre et mourir".

Я не понялъ:—Въ какой же вѣрѣ вы желали бы жить и умереть?

Онъ разочарованно махнулъ рукой. Во многихъ отношеніяхъ и онъ былъ ребенкомъ.

— Тебѣ надо ѣхать въ Парижъ, мой сынъ, провѣтрить свои мозги. Я думалъ, что обучилъ тебя искусству съ полуслова понимать намеки — одному изъ самыхъ трудныхъ, но и самыхъ нужныхъ въ жизни. Вѣдь я же началъ въ видѣ предисловія съ того, что г-жа де-Вернейль всегда права. И я вѣрю въ то, что ея устами глаголютъ ангелы. Вотъ моя вѣра, малютка Астико. En ceste foy je veuil vivre et mourir.

Мнѣ захотѣлось доказать, что и я не позабылъ своей учености.

— Но вѣдь это—возразилъ я—молитва Богородицѣ, сочиненная Вильономъ по просьбѣ его матери.

— Ты такъ же безнадеженъ, какъ хозяинъ „Чернаго Борова“,—вскричалъ учитель и, такъ какъ онъ уже сѣлъ на своего конька, то, воспользовавшись тѣмъ, что дамы покинули насъ за столомъ однихъ, еще съ полчаса доказывалъ мнѣ философскую цѣнность намековъ.

Въ гостиной я усѣлся играть въ пикетъ съ м-ссъ Решвортъ, а Параго съ Джоанной ушли въ дальній уголъ. Но я не могъ не обратить вниманія на то, какъ мало они говорили между собой. У Параго словно изсякъ потокъ рѣчей и отдѣльныя фразки капали капля за каплей. Почему онъ не говоритъ ей своего новаго девиза, заимствованнаго у Вильона? Почему не распространяется, со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ и цвѣтистостью, о своемъ фантастическомъ обожаніи? Почему, наконецъ, не продолжаетъ нашего разговора о философской цѣнности намековъ? Все лучше, думалъ я, объявляя пять и пятнадцать при четырнадцати короляхъ, чѣмъ этотъ отрывистый обмѣнъ банальностями, который, я увѣренъ, не радовалъ ни его, ни Джоанну. Я даже подмѣтилъ, что моя красавица украдкой зѣвнула.

И вдругъ доложили о майорѣ Уольтерсѣ. Извиняясь, что пришелъ такъ поздно, онъ объяснилъ, что пришелъ по дѣлу и что ему нужна подпись Джоанны на какомъ-то важномъ документѣ. Джоанна такъ мило обрадовалась ему, взяла его подъ руку, увлекла къ окну, у котораго стоялъ письменный столикъ, и, какъ дѣвочка, смѣялась, когда запачкала себѣ чернилами пальчики, и увѣряла, что не въ состояніи понять значенія бумаги, которую она подписываетъ. Параго, очень сухо поздоровавшись съ майоромъ, подсѣлъ къ намъ и сталъ слѣдить за игрой съ похороннымъ выраженіемъ лица, которое всегда являлось у него, когда онъ старался быть особенно корректнымъ. На разныя замѣчанія м-ссъ Решвортъ, обращенныя къ нему, онъ отвѣчалъ очень вѣжливо, но односложно. А бѣлый галстухъ его, котораго онъ никогда не умѣлъ прикрѣпить, какъ слѣдуетъ, тѣмъ временемъ съѣхалъ съ воротничка и лежалъ на его худой жилистой шеѣ, словно ленточка на шеѣ у котенка, что придавало ему не совсѣмъ геройскій видъ.

Бумага была подписана, но Джоанна и майоръ остались у письменнаго стола и весело болтали между собой. Насколько мнѣ было слышно—каюсь, я все время отвлекался отъ игры, прислушиваясь къ ихъ бесѣдѣ,—говорили они о тѣхъ же пустякахъ, какъ и гости вторничныхъ чаевъ—о зна-

комыхъ, о разныхъ мѣстныхъ событіяхъ и тому подобное. Она побѣжала за орарем, не вызвавшимъ особаго восторга въ Параго, и показала его Ультерсу; повидимому, онъ сказалъ именно то, чего жаждало его сердце, такъ какъ она радостно разсмѣялась своимъ звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ. А затѣмъ, очевидно, сообщилъ, что какое-то важное дѣло улажено, такъ какъ Джоанна съ своей порывистой ласковостью положила ему руку на рукавъ и глаза ея засіяли благодарностью.

— Не знаю, что бы я дѣлала безъ васъ, Деннисъ. Всѣ дѣла и хлопоты вы берете на себя. Какъ мнѣ отблагодарить васъ?

Онъ нагнулся и, понизивъ голосъ, сказалъ что-то такое, отъ чего она покраснѣла и укоризненно засмѣялась. Но, очевидно, нимало не обидѣлась. Ей было весело съ майоромъ. Онъ съ улыбкой выпрямился. И тутъ я замѣтилъ, какой онъ статный и стройный и какъ красиво сидитъ на немъ платье. Ужъ у него-то галстухъ не выѣдетъ изъ-за воротничка,—этого такъ же нельзя себѣ представить, какъ дырявые сапоги на немъ, изъ которыхъ вылѣзали бы наружу пальцы. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, который всю жизнь старался соблюдать чистоту, и физическую, и моральную. Я начиналъ восхищаться этимъ человѣкомъ. Онъ былъ воплощеніемъ того, что нерѣдко проглядывало и сквозь шутовской костюмъ или лохмотья Параго, но что, страннымъ образомъ, было совершенно скрыто его приличнымъ костюмомъ—врожденная и непередаваемая порядочность хорошо воспитаннаго джентльмена. Я думалъ о томъ, какъ хорошо было бы написать портретъ этого человѣка, подчеркнувъ именно это его основное качество, и дѣлалъ непростительные промахи въ игрѣ, такъ что моя партнерша скоро дала мнѣ капотъ и объявила игру оконченной.

На нѣсколько минутъ разговоръ сдѣлался общимъ. Затѣмъ майоръ Ультерсъ, отклонивъ предложеніе выпить виски съ содой, откланялся. Параго проводилъ его до выхода. Когда онъ вернулся, м-ссъ Решвортъ уже ушла къ себѣ, а Джоанна, вмѣсто того, чтобы посидѣть съ нами еще часокъ, какъ всегда, сослалась на усталось и пошла спать.

— Учитель,—воскликнулъ я, какъ мальчикъ, увлекаясь новымъ своимъ замысломъ, — какъ вы думаете, согласится майоръ Ультерсъ позировать мнѣ? Мнѣ хотѣлось бы написать его портретъ—не за плату, а такъ, для практики. Мнѣ хотѣлось бы написать его въ видѣ рыцаря, въ бронѣ и латахъ.

— Что за сумасшедшая фантазія?

Я объяснилъ. Нѣкоторое время онъ смотрѣлъ на меня

очень серьезно. Въ его усталыхъ голубыхъ глазахъ было выраженіе боли.

— Ты правъ, малютка Астико, а я неправъ. Должно быть, глаза мои стали плохо видѣть. Мнѣ онъ все время представлялся въ видѣ оловяннаго солдатика, выпавшаго изъ коробочки. Твой взоръ острѣе. Воспитаніе много значитъ, но для того, чтобъ оно дало все, что можетъ дать, и жизнь должна соотвѣтствовать воспитанію. И все же твоя идея— изобразить майора въ видѣ средневѣковаго рыцаря—сумасшедшая фантазія и, чѣмъ скорѣе ты кончишь портретъ м-ссъ Решвортъ и вернешься назадъ, къ Жано, тѣмъ лучше будетъ. Бланкетта, навѣрное, скучаетъ до смерти въ улицѣ Саладье безъ всякаго иного общества, кромѣ Нарцисса.

Онъ вложилъ въ ротъ папироску и, задумавшись, долго не зажигалъ ея, хотя спичка была у него въ рукѣ. И, наконецъ, сказалъ:

— Сынъ мой, я отдалъ бы свои глаза за то, чтобъ у меня сейчасъ была скрипка.

— Почему, учитель?

— Потому, что это—лучшій способъ разогнать горькія мысли.

XXI.

Опять Парижъ; опять Жано; организованная сумятица въ мастерской; шумные товарищи и сверстники; по понедѣльникамъ на лѣстницахъ толпа натурщицъ во всѣхъ стадіяхъ раздѣтости; шумное кафе напротивъ; ресторанъ Дидье, гдѣ тѣ изъ насъ, у кого былъ княжескій доходъ, обѣдали чудесно за полтора франка, включая и вино—что это было за вино! меня и теперь коробитъ, какъ я вспомню;—споры, новыя пѣсенки, новыя словечки на языкѣ у каждаго; студія въ Менильмонтанѣ, гдѣ четверо изъ насъ трудились, какъ невольники, надъ картинами, которымъ не суждено было быть проданными; снова милая, бьющая черезъ край, брызжущая весельемъ, вдохновляющая жизнь. Снова Парижъ— т. е. улица Саладье, Бланкетта и Нарциссъ, и прелесть возвращенія въ привычную, милую сердцу обстановку.

Не считайте меня неблагодарнымъ за то, что я былъ радъ вернуться. Вѣдь я былъ еще мальчикъ; мнѣ не было и двадцати лѣтъ. Когда я размѣнялъ въ банкѣ чекъ, данный мнѣ м-ссъ Решвортъ, мои карманы оттопыривались отъ банковыхъ билетовъ, а сердце прыгало отъ сознанія, что въ моей власти бездна развлеченій. Я подарилъ Бланкеттѣ черепаховый гребень, Нарциссу ошейникъ, а близкихъ друзей своихъ, менѣе удачливыхъ, чѣмъ я, угостилъ обѣдомъ на антресоляхъ у Дидье, въ такъ называемой „банкетной залѣ“. Пригласили

Фаншетту и еще двухъ-трехъ натурщицъ и вели себя не очень-то пристойно. Еслибъ насъ увидалъ Мельфордъ, онъ бы покраснѣлъ до верхушки шпица своей колокольни. Мы отставили столы и стали танцовать кадриль. Пѣли хоромъ уличныя пѣсни. Когда Казалэ вздумалъ пѣть соло, мы повалили его на полъ и забили ему ротъ его же собственной сандаліей. Мы флиртовали по угламъ. Добрую половину Росаріи, натурщицы испанки, родившейся и выросшей въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ, выкупали въ красномъ винѣ... Долго потомъ мы вспоминали этотъ вечеръ. На слѣдующій день Бланкетта съ интересомъ слушала разсказъ о нашихъ подвигахъ, значительно смягченный, и съ обычной своей добротой, чуждой юмора, лечила меня отъ головной боли. Но развѣ такой кутежъ не стоитъ головной боли, когда человѣкъ молодъ? Хоть я теперь и старъ ужь, я не каюсь. Не по душѣ мнѣ ваши старики, которые стыдятся признаваться въ безумствахъ юности. Все это одно вранье и лицемѣріе.

Хотя плѣнительный образъ Джоанны всегда жилъ въ глубинѣ моей души и любовь къ моему доброму учителю составляла неотъемлемую часть моего духовнаго багажа, однако же, долженъ сознаться, объ исходѣ ихъ романа я думалъ очень мало. Я вѣрилъ, что онъ кончится благополучно, какъ и многое принималъ на вѣру въ дни нераздумывающей юности. Водоворотъ парижской жизни закружилъ меня, не оставляя времени для раздумья и догадокъ. Раза два я писалъ Джоаннѣ, но письма мои были эгоистическою болтовней о собственныхъ переживаніяхъ, о миѳологической картинѣ, которую я писалъ тогда, и пр., и пр. Джоанна отвѣчала мнѣ, какъ всегда, мило и ласково, но о Параго писала мало. Да и трудно было ожидать отъ нея, какъ отъ влюбленной дѣвочки, романтическихъ изліяній закадычному другу. Самъ же Параго, ненавидѣвшій перья, чернила и бумагу, только передавалъ мнѣ иногда привѣты черезъ Джоанну. Онъ смотрѣлъ на письма, какъ дуэнья въ Рюи-Блазѣ, которая, по поводу лаконическаго письма короля къ королевѣ: „Madame, погода вѣтряная и я убилъ полдюжины волковъ. Карлосъ.“ спрашиваетъ удивленно: „Чего же вамъ еще?“ Такъ и Параго.

Въ разговорѣ съ Бланкеттой я по возможности избѣгалъ упоминать о предстоящей свадьбѣ. А она, съ тупой покорностью судьбѣ, фаталистически ждала дня, когда другая женщина отниметъ у нея ея господина и смыслъ жизни будетъ для нея утраченъ.

— Но, Бланкетта, вѣдь мы съ тобой будемъ жить всегда

вмѣстѣ, какъ и теперь!—воскликнулъ я въ порывѣ юношескаго великодушія.

— А когда и за тобою придетъ женщина и уведетъ тебя къ себѣ?

Я поклялся ей, что никогда не женюсь,—что, разумѣется, было нелѣпо; она, съ обычнымъ своимъ здравымъ смысломъ, высмѣяла меня, говоря, что мужчинамъ въ этомъ отношеніи нельзя вѣрить—они никогда не могутъ устоять передъ женщиной.

— При томъ же, мой маленькій Астико, я очень люблю тебя—ты отлично это знаешь, но, все же, ты вѣдь не учитель.

Однажды я намекнулъ ей на возможность, что и она выйдетъ замужъ. Веселый quincailler на углу нашей улицы здорово ухаживалъ за ней. Онъ, очевидно, былъ человѣкъ со средствами и культурный, такъ какъ на видномъ мѣстѣ среди его желѣзнаго товара красовалась цинковая ванна. Но Бланкетта только смѣялась надъ нимъ. Ей, жившей столько лѣтъ съ такими образованными людьми, какъ учитель и я (я отвѣсилъ ей поклонъ въ знакъ благодарности),— выйти замужъ за необразованнаго мужика! Ah mais non! Au grand nom! Merci! Она пришла въ такое негодованіе, что ни съ того, ни съ сего схватила букетъ розъ, поднесенный ей жестянникомъ, изъ кувшина на столѣ и швырнула его въ печку. Бѣдный quincailler! О, нѣтъ! замужъ она не пойдетъ. Ей ничего не остается теперь, кромѣ какъ броситься въ воду—se fich'à l'eau.

Такъ обыкновенно заканчивались наши разговоры на эту злополучную тему.

Такъ закончился нашъ разговоръ и въ одинъ ноябрьскій вечеръ, недѣли три спустя послѣ моего возвращенія въ Парижъ. Я пообѣдалъ дома, съ Бланкеттой, и углубился въ рисованіе карикатуръ, которыя, къ стыду своему, я дѣлалъ для юмористическаго журнала „Le Fou Rire", къ счастью давно ужь прекратившагося. (Къ счастью? Какой же я Тартюфъ! Сколько золотыхъ я получилъ изъ редакціи этого журнала и какъ они были кстати мнѣ въ тѣ дни!) Бланкетта, сидѣвшая за шитьемъ, подняла голову и спросила, когда возвращается учитель. Вопросъ потребовалъ отвѣта, отвѣтъ новой реплики; слово за слово, завязался снова разговоръ на ту же тему.

— Ничего другого не придумаешь, mon pauvre Asticot, je vais me fich'à l'eau, comme je l'ai dit.

Я швырнулъ перо и отодвинулъ отъ себя рисунокъ.

— Душа моя, если ты будешь все время терзать себя такими мыслями, ты умрешь раньше, чѣмъ придетъ пора тебѣ топиться. Вмѣсто того, чтобы горевать и плакать, отправимся-ка мы лучше поплясать на Bal Jasmin, veux tu?

— Сегодня?—удивилась она. Она никакъ не могла привыкнуть къ неожиданностямъ артистической натуры.

— Ну да, сегодня. Не стану же я тебя приглашать на танцы въ будущемъ мѣсяцѣ, чтобы вылечить тебя отъ сегодняшняго несваренія желудка.

— Но вѣдь у меня желудокъ въ порядкѣ, mon cher,— возразила Бланкетта, всегда все понимавшая буквально.

— Ну, такъ сердце не въ порядкѣ, а нѣсколько туровъ вальса со мною на Жасминовомъ Балу будутъ тебѣ очень и очень полезны.

— Тебѣ это доставило бы удовольствіе?

Это было сказано очаровательно. Для меня она готова была принести въ жертву свое настроеніе. Но тѣмъ не менѣе глаза ея повеселѣли и щеки слегка окрасились румянцемъ. Женщины иногда бываютъ ужасающими лицемѣрками.

Десять минутъ спустя, Бланкетта, облекшись въ свое парадное черное платье и голубой шарфъ, вышитый на концахъ курьезнѣйшими розовыми незабудками, свернувъ волосы узломъ на маковкѣ и заколовъ ихъ подареннымъ мной черепаховымъ гребнемъ, объявила, что она готова. И мы отправились. Въ тѣ дни я не ѣздилъ на балы въ шикарныхъ наемныхъ экипажахъ. Мы просто шли пѣшкомъ; не выпуская трубки изо рта, я велъ подъ руку Бланкетту. Разумѣется, всѣ видѣвшіе насъ, считали насъ влюбленною четой. Странно, какъ легко ввести въ заблужденіе людей.

Bal Jasmin помѣщался на улицѣ Муффетаръ. Онъ давно исчезъ съ лица земли, какъ и многіе другіе пріюты моихъ юношескихъ кутежей. Волна веселья и дурашливости передвинулась къ сѣверу и Монмартръ, для насъ игравшій роль только географическаго термина, теперь ослѣпляетъ міръ своимъ продажнымъ блескомъ. Но теперешнимъ Moulin de la Galette и Балъ Табаренъ недостаетъ веселья, царившаго на Bal Jasmin. Публика на немъ была не самая отборная; были въ томъ числѣ и люди съ весьма подмоченными репутаціями; еслибъ туда явился человѣкъ во фракѣ, все собраніе окаменѣло бы отъ изумленія и ужаса, словно увидѣвъ призракъ. А дамы столпились бы около фрачника и глазѣли бы на него, разинувъ ротъ. И потому ему пришлось бы на свой счетъ угостить всѣхъ прохладительными. Жасминовый Балъ не прибѣгалъ къ мишурнымъ орнаментамъ, чтобъ привлечь публику. Вокругъ всей залы, съ голыми стѣнами безъ всякихъ украшеній, тянулись, невысоко отъ полу, хоры съ ба-

люстрадой, такъ что танцующіе въ промежуткахъ отдыха могли болтать съ сидѣвшими за столиками. Посрединѣ высилась круглая эстрада, на которой засаленные музыканты пиликали на скрипкахъ, потѣя отъ усердія. Въ дверяхъ стоялъ добродушный sergent de ville, кивками головы привѣтствуя дамъ и кавалеровъ, лично знакомыхъ ему.

Приходили сюда только танцовать. Если попадалась случайная находка вродѣ часовъ студента, только что получившаго деньги изъ дому, ее добросовѣстно прикарманивали, но, во всякомъ случаѣ, шли не спеціально на поиски приключеній. Кадрили танцовали не за плату и не для забавы иностранцевъ, какъ въ Jardin de Paris, но для собственнаго удовольствія. Если танцорка сбивала съ васъ ногою шляпу, она дѣлала это просто изъ шалости и по добротѣ души, а, когда вы вальсировали съ ней, вся ея странная маленькая душа плясала вмѣстѣ съ ея ножками. Повторяю, на Жасминовомъ Балу можно было встрѣтить людей, о которыхъ не говорятъ въ приличномъ обществѣ, но у этихъ людей и безупречный джентльмэнъ могъ бы поучиться веселью.

Такъ какъ я пришелъ съ Бланкеттой и танцовалъ только съ нею, и съ нею же сидѣлъ за столикомъ на галлереѣ, къ намъ никто не подходилъ и насъ никто не безпокоилъ, повинуясь неписанному уставу бальной залы. Но веселились мы не меньше прочихъ. Танцовала Бланкетта превосходно. Старикъ Параго выучилъ ее довольно посредственно играть на цитрѣ, но за то плясать — божественно, а она, замѣчу въ скобкахъ, обучила этому искусству и меня. Глядя на ея грубо сколоченную, плотную фигуру и обвивая рукой ея довольно основательную талію въ ожиданіи начала танца, вы и представить себѣ не могли, съ какой воздушной легкостью можетъ двигаться эта солидная фигура въ тактъ музыкѣ. Еслибъ жизнь была нескончаемымъ вальсомъ, всякій, кому довелось бы быть ея кавалеромъ, если только онъ не бегемотъ, не могъ бы не влюбиться въ нее по уши. Но всѣ вальсы кончаются слишкомъ скоро, а, какъ только смолкала музыка, мой легкій сильфъ снова превращался въ простенькую милую, некрасивую Бланкетту, никому не внушающую романтическихъ настроеній, кромѣ жестянщика на нашей улицѣ, въ бронированной груди котораго жило нѣжное сердце.

Залъ былъ переполненъ. Долговязые, поджарые, плохо выбритые мужчины — каждый — карикатура на одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ — дурашливо прыгали и скакали съ дочерьми блудницы Раавъ въ дешевыхъ шляпкахъ съ перьями. Приказчики изъ магазиновъ и чистенькія, опрятныя работницы съ непокрытыми головами; живописные, лохматые студенты

въ обвислыхъ брюкахъ и галстукахъ и бѣдно одѣтыя натурщицы, цѣлая армія личностей безъ опредѣленныхъ занятій, Богъ вѣсть чѣмъ питавшихся и на какія средства жившихъ—вотъ кто были завсегдатаи Жасминоваго Бала. Все это плясало, пило, ѣло, курило, смѣялось, шутило, объяснялось въ любви самымъ первобытнымъ способомъ, двигалось, кричало, создавая какую-то фантасмагорію веселья, недоступнаго людямъ, ведущимъ приличный образъ жизни. Газовые рожки опоясывали залу двумя концентрическими огненными кругами, одинъ вдоль стѣнъ, другой вокругъ эстрады. Вентиляція отсутствовала; танцующіе варились въ собственномъ соку. Какіе-то гнусные субъекты хриплыми голосами навязывали танцорамъ грошевые бумажные вѣера, и въ воздухѣ точно рѣяли повсюду птичьи крылья.

Бланкетта, на время забывшая свою трагическую участь-сидѣла со мной за столикомъ у балюстрады и, попивая воду съ сиропомъ, съ большимъ интересомъ разглядывала публику внизу, по временамъ хватая меня за руку, чтобъ обратить мое вниманіе на какой-нибудь особенно поразившій ее типъ. Блескъ въ глазахъ и разрумянившіяся щеки дѣлали ее почти красивой. Счастливое выраженіе лица краситъ даже безобразное лицо. А Бланкетта была счастлива.

— Развѣ тебѣ не хочется потанцовать съ какой-нибудь другой petite femme?—великодушно предложила она.—Поди Я подожду тебя здѣсь.

Я не менѣе великодушно объявилъ, что не хочу оставлять ее одну.

— А вдругъ какой-нибудь нахалъ подойдетъ и пригласитъ тебя на вальсъ?

— Ну, обо мнѣ не безпокойся, mon petit Acticot,—засмѣялась она, вытягивая свои сильныя, мускулистыя руки. — Я сама за себя постою. А вдругъ мнѣ самой захотѣлось бы пойти съ нимъ? Эти типы бываютъ иной разъ забавны. Вонъ стоитъ одинъ.

Указанный ею „типъ“ былъ молодой человѣкъ съ лисьей мордочкой, немытый и безъ воротничка, въ маленькой каскеткѣ, какія носятъ парижскіе жулики. Онъ переходилъ черезъ залу въ сопровожденіи двухъ наглѣйшихъ потаскушекъ, когда-либо расцвѣтавшихъ подъ тѣнью городскихъ скоповъ. Проходя мимо полицейскаго, всѣ трое хвастливо задрали носы кверху.

— Меня даже въ дрожь бросило!—сказалъ я.

Бланкета пожала плечами.

— На свѣтѣ должны быть всякіе люди. И я сама только случайно не сдѣлалась такою же, какъ эти дѣвушки. Не всякому такъ везетъ.

— Ты научилась философствовать, chérie, и твоя кроткая терпимость даже къ гнусности дѣлаетъ тебѣ честь. Но только учитель съумѣлъ бы откопать въ нихъ что-нибудь не гнусное.

Музыка заиграла вальсъ. Бланкетта наскоро допила свой сиропъ и встала.

— Пойдемъ танцовать.

Мы спустились внизъ и скоро закружились въ вихрѣ среди разныхъ оборванцевъ, добросовѣстнѣйшимъ образомъ выдѣлывавшихъ всѣ па, какъ это принято въ Парижѣ. Лавировать въ такой толпѣ было не очень-то легко. Насъ притиснули къ стѣнѣ и, только мы выбрались изъ давки, какъ знакомый голосъ заставилъ насъ неожиданно для всѣхъ остановиться, вслѣдствіе чего мы очутились въ положеніи футбольныхъ шаровъ, которые перебрасываютъ изъ стороны въ сторону.

— Милѣйшій мой, господинъ Бюбю-Пистолетъ, вы оказываете мнѣ величайшую честь, но, пока я не проѣмъ всего, что принесло мнѣ послѣднее злодѣйство, я намѣренъ проводить жизнь въ изящной праздности.

Выбравшись изъ давки, мы снова остановились и съ недоумѣніемъ взглянули другъ на друга. Бланкетта первая увидѣла *его*. И схватила меня за руку, указывая въ ту сторону.

— Это *онъ*. Пресвятая Богородица! Это онъ!

Это былъ онъ. Онъ сидѣлъ за столикомъ неподалеку отъ насъ, въ обществѣ молодаго человѣка съ лисьей мордочкой и двухъ дѣвушекъ, по поводу которыхъ философствовала Бланкетта. На немъ былъ шелковый шапо-клякъ. Передъ нимъ на столѣ коньякъ. Съ своей компаніей онъ, повидимому, былъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Мы долго стояли, какъ прикованные, наблюдая за нимъ, не смѣя подойти и въ то же время не желая ускользнуть отъ него и съ бала незамѣченными. Грязенъ онъ былъ невѣроятно. Давно небритая борода придавала ему свирѣпый видъ. Шляпа его вся вываляласъ въ грязи и во всевозможныхъ гадостяхъ. Бѣлье было черное отъ грязи.

Неожиданно онъ замѣтилъ насъ. Чуточку поколебался; потомъ замахалъ намъ руками, дѣлая видъ, что онъ нимало не сконфузился. Мы ждали его на лѣсенкѣ, ведущей на хоры. Онъ вѣжливо простился съ своими спутниками и, покачиваясь на ходу, направился къ намъ. По походкѣ я видѣлъ, что въ этотъ день онъ проглотилъ изрядное количество коньяку и абсенту.

Но, во имя здраваго смысла, что онъ дѣлаетъ здѣсь?

— Mon Dieu, mon Dieu, qu'e ce qu'il fait ici?—сокрушалась Бланкетта.

Я покачалъ головой, самъ недоумѣвая.

— Eh bien, mes enfants, вы пришли сюда позабавиться, не правда ли? Я тоже, въ обществѣ моего великолѣпнѣйшаго друга, Бюбю-Пистолета, съ которымъ, какъ и съ его прелестными спутницами, не совѣтую вамъ заводить знакомства.

— Но, учитель,—ахнулъ я—что же такое случилось?

Онъ положилъ мнѣ руку на плечо.

— Скажу тебѣ объ этомъ, сынъ мой, на языкѣ ученыхъ, темномъ для непосвященныхъ: „Canis reversus ad suum vomitum et sus lota in volutabro luti" *).

— Oh, mon Dieu!—вздохнула Бланкетта.

— Но почему же, учитель?—допытывался я.

— Почему? А почему нѣтъ? Ну-съ, милая Бланкетта теперь мы всѣ пойдемъ домой, и ты свари мнѣ кофею покрѣпче. Или, можетъ быть, ты хочешь еще побыть здѣсь и повальсировать съ Астико?

— Ахъ, нѣтъ, лучше уйдемъ, учитель,—отвѣтила Бланкетта, бросивъ испуганный взглядъ на Бюбю, съ интересомъ слѣдившаго за нею.

— Allons!—коротко молвилъ Параго.

Музыка смолкла и танцующіе, мучимые жаждой, хлынули на галлерею. Мы проталкивались къ двери; я горѣлъ со стыда при мысли, что всѣ смотрятъ на перепачканный грязью шелковый цилиндръ моего учителя. И вздохнулъ съ облегченіемъ, очутившись, наконецъ, на улицѣ, тихой и прохладной, вдали отъ шума, давки, яркаго свѣта. Нѣкоторое время мы шли молча. Затѣмъ Параго взялъ подъ руки меня и Бланкетту и громко расхохотался.

— Дѣти мои, вы точно папаша съ мамашей, лѣтъ по пятидесяти каждый, поймавшіе своего маленькаго сына на какой-нибудь скверной проказѣ и ведущіе его домой. Вы въ самомъ дѣлѣ недовольны мной á ce point-là? Да улыбнись же, моя Бланкетточка? Развѣ ты не рада видѣть меня?

— Конечно, рада, учитель. Но я точно во снѣ.

— А ты, червячокъ моего сердца?

— Я тоже, какъ во снѣ. Я ничего не понимаю. Когда вы выѣхали изъ Мельфорда?

— Дней пять тому назадъ. Я бы сказалъ тебѣ, въ который день недѣли, но, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ привычки запоминать дни.

---

*) Песъ возвращается на свою блевотину и вымытая свинья валяется въ грязи. Посл. ап. Петра, гл. II, ст. 22.

— А мадамъ де-Вернейль?

— Благодарю, здорова.

Послѣ такой реплики вопросовъ больше я не задавалъ. И, чтобъ поддержать разговоръ, замѣтилъ, что на дворѣ все еще стоятъ холода. Параго снова засмѣялся.

— Какимъ онъ сталъ милымъ маленькимъ буржуемъ! Ты не находишь, Бланкетта? Научился вести свѣтскій разговоръ. Навѣрное, и опрятнымъ сталъ. Не доставляетъ тебѣ лишней работы, не плюетъ на полъ, не проливаетъ абсенту на стеганое одѣяло. А я неряха. Ah! Je suis un vieux salaud, hein? Не говори неправды. А Нарциссъ какъ поживаетъ?

— Вотъ онъ будетъ радъ васъ видѣть! — воскликнула Бланкетта.—Да и мы оба тоже. Ah oui, en effet, je suis contente!

Она вздохнула полной грудью, какъ бы стряхивая съ себя кошмаръ трупа утопленницы въ Моргѣ.

— Когда васъ нѣтъ дома, все совсѣмъ другое. Охъ, какъ же я рада, что вы вернулись, maître! Вы и представить себѣ не можете, какъ рада.

Въ ея голосѣ были рыдающія нотки, которыя Параго уловилъ и нагнулся къ ней, ослабивъ пожатіе моей руки и, надо полагать, крѣпче прижавъ къ себѣ ея руку.

— Ты такъ довольна, что я снова дома, моя Бланкетточка?—нѣжно переспросилъ онъ.

Она отвѣтила только своимъ обычнымъ: „Oui, maître", но я видѣлъ, какъ она улыбалась и какая преданность свѣтилась въ ея глазахъ.

— Значитъ, только одинъ Астико не радъ возвращенію своего блуднаго отца?

Я запротестовалъ. Онъ вышучивалъ мои протесты. Потомъ вдругъ остановился и глубоко втянулъ въ себя воздухъ, глядя на высокіе дома, очертанія которыхъ рѣзко вырисовывались на морозномъ небѣ.

— Ахъ! Какъ славно пахнетъ! Какъ хорошо опять очутиться въ Парижѣ!

Подъ самымъ носомъ у насъ распахнулась настежъ дверь виннаго погребка, пропустивъ подвыпившаго посѣтителя; изъ двери хлынулъ жаркій воздухъ, пропитанный винными парами.

— И даже запахъ алкоголя славный. Я готовъ расцѣловать этого честнаго гуляку, который чуть не кубаремъ выкатился сейчасъ на тротуаръ.

Онъ не выполнилъ своего неаппетитнаго желанія, но за то, когда мы пришли домой, расцѣловалъ Бланкетту въ обѣ щеки, повторяя: „Какъ хорошо снова вернуться въ Парижъ!" Нарциссъ, ошалѣвшій отъ восторга, прыгалъ около него и оглушительно лаялъ. Онъ нисколько не былъ

въ претензіи, что господинъ его сбился со стези благонравія.

Не снимая шляпы, Параго плюхнулся на стулъ. О, какъ онъ былъ грязенъ, небритъ и растерзанъ! Я былъ слишкомъ огорченъ, чтобы соперничать съ Нарциссомъ въ проявленіяхъ восторга. Въ комнатѣ было прохладно. Я отворилъ дверцу печки. Пахнуло тепломъ пылающихъ углей. Бланкетта пошла въ кухню варить кофе.

Неожиданно Параго вскочилъ на ноги, швырнулъ на полъ свой шелковый цилиндръ и принялся топтать его ногами. Затѣмъ бросилъ его въ печку и притворилъ дверцу.

— Voila!

Прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться, онъ сорвалъ съ себя сюртукъ и, держа въ рукахъ одну полу, а на другую наступивъ ногой, моментально разорвалъ его сверху донизу. И хотѣлъ швырнуть въ печку и его, но я вцѣпился въ его руки.

— Laisse-moi!—нетерпѣливо крикнулъ онъ.

— Подумайте, учитель, какая это будетъ ужасающая вонь.

Онъ со смѣхомъ швырнулъ остатки сюртука въ уголъ.

— Это правда.—Потянулся и широко развелъ руками.—Ну вотъ, теперь мнѣ легче. Теперь я снова Параго. Берцеліусъ Ниббидаръ Параго. Не признающій никакихъ условностей и символовъ. Такъ-то, сынокъ. Этотъ сюртукъ былъ для меня peine forte et dure, загонявшей въ печенки мою безсмертную душу.—Онъ сорвалъ съ себя черный галстухъ и также отшвырнулъ его.—Этотъ галстухъ давилъ во мнѣ каждый порывъ благороднаго вдохновенія. Въ узахъ приличій я чувствовалъ себя спеленатымъ, какъ мумія. Я былъ мертвъ—и ожилъ. Мои легкія дышатъ свободно. Душѣ моей снова открыты безпредѣльные горизонты. Мой разбухшій отъ жажды языкъ остылъ и, nom de Dieu de nom de Dieu! я снова могу говорить.

Онъ шагалъ изъ угла въ уголъ крохотной гостиной, провозглашая свою свободу и топча ногами остатки разорваннаго сюртука. Потомъ, какъ всегда неожиданный, вдругъ нагнулся, поднялъ его, распахнулъ окно и выбросилъ его на мостовую, пояснивъ:

— Самый видъ его оскорбляетъ меня.

— Учитель,—спросилъ я —а гдѣ же другія ваши вещи?

— Какія вещи?

— Вашъ багажъ—пальто—зонтикъ?

— Какъ: гдѣ? Въ Мельфордѣ,—какъ будто удивился онъ.—Гдѣ жь имъ еще больше быть?

Я думалъ, что Параго уже ничѣмъ не можетъ удивить меня. Я ошибался. Совершенно растерянный, я уставился на него.

— Обыкновенно люди путешествуютъ вмѣстѣ со своимъ багажемъ.

— Обыкновенные люди, сынъ мой,—да. Я не изъ ихъ числа. Дошло до того, что мнѣ надо было или подыхать, или уйти. А подыхать мнѣ не хотѣлось. Такія вещи дѣлаются по вдохновенію. Я гулялъ въ саду. Было воскресенье, подъ вечеръ—промозглый осенній день. Ты себѣ представляешь эту прелесть—пасмурный, туманный ноябрьскій день въ англійскомъ провинціальномъ городкѣ. Джоанна была въ церкви, на послѣобѣденной службѣ для дѣтей. Ah mon Dieu! Какая тоска у нихъ по воскресеньямъ! Какая непроходимая тоска! Я задыхался, я чувствовалъ, что погибаю. Садовая ограда смыкалась вкругъ меня; свинцовое небо нависло тяжкимъ гнетомъ. Я вышелъ за ограду. И вотъ, какъ видишь,—я въ Парижѣ.

— Такъ вдругъ?

— Такъ вдругъ. Ты, вѣроятно, уже замѣтилъ, сынъ мой, что я—человѣкъ крутыхъ рѣшеній и быстрыхъ дѣйствій. Я пошелъ прямо на вокзалъ. Случайно оказалось, что черезъ пять минутъ долженъ придти лондонскій поѣздъ. Я сѣлъ въ этотъ поѣздъ. И только. Voilá.

— И долго вы пробыли въ Лондонѣ?—спросилъ я, чтобъ сказать что-нибудь, такъ какъ онъ опять началъ бѣгать по комнатѣ.

— Ты еще спроси: видѣлъ ли я что-нибудь интересное въ театрахъ и благополучно ли я переправился черезъ Ламаншъ. Малютка Астико, я вижу, ты спеціализировался по части свѣтскихъ разговоровъ. Если у тебя не найдется ничего оригинальнѣе сказать, я лучше вернусь къ Бюбю Пистолету, общество котораго за послѣдніе три дня доставило мнѣ массу удовольствія. Хотя его міровоззрѣніе Мельфордъ назвалъ бы извращеннымъ, но, по крайней мѣрѣ, оно свое, изъ первыхъ рукъ. Онъ не тратитъ своего времени на безплодныя учтивости.—Онъ неожиданно умолкъ и принялся трясти меня за плечо, какъ часто дѣлалъ это прежде.—Да вылѣзь же ты изъ этой скорлупы приличій, ты, маленькій ракъ-отшельникъ, и скажи мнѣ: хотѣлось бы тебѣ остаться жить въ Мельфордѣ до конца дней своихъ?

— Совсѣмъ не хотѣлось бы!

— Такъ почему же ты думаешь, что мнѣ улыбалась такая перспектива?

Вошла Бланкетта съ большимъ бѣлымъ кофейникомъ и нѣсколькими толстыми чашками на подносѣ и поставила все это на покрытый клеенкой столъ. Увидя Параго безъ сюртука, въ замурзанной сорочкѣ, она, какъ всегда, хозяйственная, домовитая, оглядѣлась кругомъ—гдѣ же снятыя принадлежности его костюма.

— А гдѣ же..?

— Нѣту!—крикнулъ онъ, замахавъ руками.—Убѣжали, выбросились въ окно и развѣяны по вѣтру.

Онъ расхохотался и налилъ себѣ чашку кофе.

— Фарсъ оконченъ, милая Бланкетта,—пояснилъ онъ ласково.—Какъ видишь, я больше не Monsieur. Мы будемъ жить, какъ жили до отъѣзда твоего въ деревню, и жениться я больше не желаю, а буду жить, какъ прежде, съ моею маленькой Бланкетточкой всегда, всегда, in saecula saeculorum, amen.

Она побѣлѣла, какъ ея кофейникъ. Я думалъ, что она сейчасъ упадетъ въ обморокъ, и поспѣшилъ поддержать ее. Въ обморокъ она не упала, но спрятала голову на моемъ плечѣ и разрыдалась.

— Кой чортъ! Что это значитъ?—удивился Параго.— Такъ ты жалѣешь, что я не женюсь?

— Mais non, mais non!—все громче рыдала Бланкетта.

— Я думаю, это она отъ радости, учитель.

Онъ поставилъ чашку на столъ и положилъ руки ей на плечи, ласково пытаясь оторвать ея голову отъ моего плеча.

— Дорогое дитя мое...

Но она вырвалась.—Ah non! laissez moi!—и убѣжала къ себѣ.

Параго вопросительно смотрѣлъ на меня, пожимая плечами.

— Очевидно, это das ewig Weibliche. Бланкетта такая же, какъ и всѣ прочія.

— Странно, что вы не замѣтили этого раньше, учитель.

— Чего не замѣтилъ?

— Das ewig Weibliche въ Бланкеттѣ.

— Кой чортъ! Что это значитъ?

— Она даже *меня* ревновала къ моей дружбѣ съ мадамъ де-Вернейль,—дипломатически пояснилъ я, сообразивъ, что я чуть было не выдалъ тайны моей бѣдной пріятельницы.

— Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы она была ревнива,—возразилъ онъ просто.

Онъ усѣлся съ чашкой кофе на хромоногій диванъ и

вздохнулъ, какъ человѣкъ, который сильно усталъ. Я сѣлъ на стулъ у печки, и мы оба молча выпили душистый кофе. Никогда еще я не чувствовалъ себя такъ безнадежно несчастнымъ, какъ въ этотъ вечеръ. Я былъ теперь достаточно взрослымъ, или, вѣрнѣе, достаточно опытнымъ, чтобы непріятно изумиться возвращенію Параго „на свою блевотину". Въ какихъ грязныхъ притонахъ провелъ онъ эти три дня реакціи? Я вздрагивалъ отъ отвращенія при одной мысли объ этомъ, и, любя его, ненавидѣлъ себя за то, что вздрагивалъ. И въ то же время понималъ, *какъ* это могло произойти. Онъ всегда былъ человѣкомъ крайностей. Убѣжавъ отъ нестерпимой добродѣтели въ Мельфордѣ и стосковавшись по вольной бродячей жизни, не могъ онъ сразу вернуться въ улицу Саладье. Такъ и слѣдовало ожидать, что онъ окунется съ головой въ парижскій омутъ. Но Бюбю Пистолетъ! Латинскій кварталъ не могъ, конечно, равняться въ добродѣтели съ воскресной школой; весьма возможно, что онъ велъ и любовныя интрижки съ дамами Бюбю; но между Бюбю и собой онъ все же воздвигалъ непреоборимую преграду.

Итакъ, идиллія кончилась. Параго просто-напросто сбѣжалъ отъ моей Прекрасной Дамы. А такъ какъ моя судьба навѣки связана съ его судьбой, значитъ, я никогда больше не увижу ея обожаемаго личика. Все, что красило мою жизнь, какъ будто вдругъ исчезло изъ нея. Я представлялъ себѣ Джоанну покинутой, съ разбитымъ сердцемъ, вторично обманутой и горько оплакивающей эту новую измѣну, въ свою обиду на моего учителя включая и меня. Въ девятнадцать лѣтъ мы всѣ самонадѣянны и эгоисты: если къ моей скорби за Джоанну и досадѣ на учителя и примѣшивалась жалость къ самому себѣ, нельзя меня за это особенно порицать. Лучшія чувства и лучшихъ, чѣмъ я, людей, старше меня годами и умнѣе, также слагаются изъ самыхъ разныхъ элементовъ.

Романъ умеръ. Джоанны больше не было. Я сидѣлъ, убитый, и слезы падали въ мой кофе.

Параго храпѣлъ.

XXII.

Я спалъ эту ночь на диванѣ, такъ какъ единственная кровать въ этой квартирѣ принадлежала Параго. А на слѣдующій день снова переѣхалъ въ свою мансарду, которая, къ счастью, оказалась не снятою, предоставивъ квартиру въ улицѣ Саладье въ полное владѣніе учителя. Вечеромъ я заглянулъ туда, чтобы справиться объ его здоровьѣ, и

нашелъ его въ постели, еще болѣе свирѣпымъ и обросшимъ щетиной.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ—хлѣбъ свободы сладокъ, но, когда человѣкъ изголодался, не слѣдуетъ объѣдаться. Старый французскій писатель говоритъ:

„Après le plaisir vient la peine,
„Après la peine la vertu".

Огорченіе, которое смѣняетъ наслажденіе, я ужь испыталъ, но достигну ли добродѣтели—не знаю. Впрочемъ, въ данный моментъ, я противъ воли вынужденъ быть добродѣтельнымъ.

— Какъ такъ?

— У меня огромное желаніе встать и окунуться въ цѣлебную купель кафе Дельфинъ; но проказница судьба заставляетъ меня добродѣтельно сидѣть дома, такъ какъ у меня нѣтъ ни пиджака, ни шляпы. Даже и сорочки чистой нѣтъ, но это еще не такъ важно.

— Боюсь, что мои вещи не придутся на васъ, учитель,— сказалъ я, присаживаясь на край кровати.

— Единственный нарядъ, который добрая Бланкетта сберегла для меня,—это моя бархатная куртка съ перламутровыми пуговицами, въ которой я когда-то игралъ на свадьбахъ въ былые счастливые дни.

— Почему бы не поносить ее, пока вашъ чемоданъ пріѣдетъ изъ Мельфорда?

— Въ Аркадскихъ деревняхъ—отвѣтилъ онъ—она внушала уваженіе. Въ кафе Дельфинъ, боюсь, она вызоветъ только смѣхъ.

Сильный запахъ луку возвѣстилъ о близости обѣда; немного погодя, вошла Бланкетта сказать, что супъ ужь на столѣ. Параго всталъ, надѣлъ брюки и туфли и пошелъ въ гостиную обѣдать.

— Простота—одинъ изъ завѣтовъ высокаго искусства. Жизнь есть искусство, какъ я всегда училъ тебя. И потому въ жизни мы должны стремиться къ простотѣ. Осложнять жизнь до запутанности паровой машины бѣлыми галстухами и красными носками—это оскорбленіе искусства, котораго я никогда больше не допущу. И ѣсть супъ, положивъ локти на столъ, гораздо удобнѣе. N'est-ce pas, Blanquette?

— Bien sûr—отвѣтила она, наклоняясь надъ своей тарелкой,—а гдѣ же иначе держать ихъ?

Это понравилось Параго, впродолженіе всего обѣда онъ весело болталъ и потѣшалъ насъ своими шуточками. Затѣмъ набилъ себѣ новую фарфоровую трубку и курилъ съ довольнымъ видомъ, пока не настало время ложиться

спать. Бланкетта, какъ всегда, смирно сидѣла на стулѣ съ высокой прямой спинкой, сложивъ руки на колѣняхъ, слушая нашъ оживленный разговоръ и вставляя словечко, когда тема разговора была ей понятна. О чемъ бы мы ни говорили, хотя бы объ интегралахъ, Бланкетта слушала насъ со вниманіемъ и восхищеніемъ. Сегодня она даже не обижалась, что мы иногда говорили по-англійски: ей былъ сладокъ самый звукъ голоса учителя—слаще, чѣмъ когда-либо, теперь, когда онъ бросилъ *ту другую* (объ этомъ она думала съ пламенной радостью) и вернулся къ ней навсегда, in saecula saeculorum, amen. Подобно многимъ крестьянскимъ женщинамъ съ сильной душой, она была страшная собственница. Въ глубинѣ души она предпочла бы держать въ своихъ объятіяхъ Параго униженнымъ и опозореннымъ, чѣмъ видѣть его уважаемымъ и благоденствующимъ въ объятіяхъ другой. Будь она нервная и впечатлительная дама, въ улицѣ Саладье, чего добраго, разыгралась бы трагедія и парижскія газеты кричали бы о новомъ crime passionnel, помѣщая портреты Бланкетты на судѣ. Но, къ счастью, пора трагедій миновала. Параго жестоко громилъ неискренность въ искусствѣ (мы говорили о моей злополучной миѳологической картинѣ, все еще не дописанной) и сіяющая Бланкетта горячо поддакивала ему. Она находила, кромѣ того, что на моей картинѣ слишкомъ много неодѣтыхъ женщинъ. Это неприлично. И, вдобавокъ, лежа голой на травѣ, можно простудиться, схватить насморкъ.

— А между тѣмъ у нихъ нѣтъ даже носовыхъ платковъ, чтобъ высморкаться,—воскликнулъ Параго.

Бланкетта покатилась со смѣху. Разбуженный Нарциссъ залаялъ. Въ маленькой комнаткѣ царило такое счастье, что и я не могъ не раздѣлять его, хоть и осуждалъ учителя.

— Ахъ, какъ хорошо вернуться домой!—говорилъ Параго.

Я никогда еще не слыхалъ отъ него такихъ словъ.

— Вслѣдъ за наслажденіемъ идетъ скорбь, а за скорбью добродѣтель. А добродѣтель мститъ за себя, — ядовито напомнилъ я.

— Bien sûr,—по обыкновенію поддакнула Бланкетта.

Когда она подошла пожелать намъ доброй ночи, Параго привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ щеку, чего онъ также раньше никогда не дѣлалъ. Бланкетта вся зардѣлась и я увѣренъ, что ея глупенькое сердечко готово было выскочить изъ груди. Мое собственное сердце колотилось иной разъ, какъ безумное, изъ-за меньшаго, а я вѣдь не женщина; но я бывалъ влюбленъ и знаю.

— Это потому, что ты мнѣ родная, милая моя Бланкет-

точка. Оба вы мнѣ родные. Мы понимаемъ другъ друга—не правда ли?

Когда она ушла, онъ нѣкоторое время задумчиво курилъ.

— Я никогда раньше не думалъ о томъ, сколько устойчивости и комфорта мнѣ даетъ Бланкетта. Она всегда ровна, всегда одна и та же. Богъ одарилъ ее чутьемъ, которое помогаетъ ей угадывать сокровенное моей души, а внѣшность для нея ничего не значитъ. Она лучше знаетъ истиннаго Параго, чѣмъ даже ты, мой сынъ, хотя я и знаю, что ты любишь меня.

— Какой же настоящій Параго, учитель?

— Это знаютъ только двое—Бланкетта и le bon Dieu. Я самъ не знаю.

— А я знаю только, что я вамъ обязанъ жизнью и люблю васъ больше всѣхъ на свѣтѣ.

— Даже больше, чѣмъ мадамъ де-Вернейль?—усмѣхнулся онъ.

Я покраснѣлъ:—Это совсѣмъ другое.

— Совсѣмъ другое,—согласился онъ, послѣ долгой паузы.—Сынъ мой, было бы несправедливо, еслибы я не сказалъ тебѣ, почему *это* такъ кончилось. Обыкновенно о такимъ вещахъ ни съ кѣмъ не говорятъ, но я вижу, что ты осуждаешь меня и между нами можетъ вырости стѣна, о чемъ потомъ мы оба пожалѣемъ. Ты думаешь, что я очень жестоко поступилъ съ царицей твоихъ мыслей?

— Я вамъ не судья, учитель, — отвѣтилъ я, страшно смущенный.

— Но все-таки судишь—и осуждаешь.

Параго былъ настроенъ необычайно кротко. Онъ говорилъ ласково, безъ тѣни укора или ироніи. И ужь не шагалъ по комнатѣ, а лежалъ на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ. Онъ разсказалъ мнѣ все подробно. Надо ли повторять его разсказъ?

Оба они избѣжали пожизненной каторги, но за то утратили мечту, которую оба лелѣяли всю жизнь. Она, по прежнему, была въ его глазахъ воплощеніемъ всего, что обаятельно и прекрасно въ женщинѣ, но это была не та женщина, которую бы могъ любить Берцеліусъ Ниббидаръ Параго. Оба романтически настроенные, они блуждали въ долинѣ Иллюзіи, сознательно закрывая глаза на иронически усмѣхавшуюся дѣйствительность. За эти годы разлуки любовь давно погасла у обоихъ, и оба принимали за живую яркость лишь отблескъ заката. Для обоихъ въ концѣ концовъ выяснилась печальная истина. Каждый прочелъ ее во взорѣ другого. Джоанна, слишкомъ вѣрная своему слову, чтобы взять его назадъ, продолжала, какъ это умѣютъ женщины, надѣяться вопреки

надеждѣ и, конечно, вышла бы за него замужъ, еслибъ Параго, не выносившій никакого притворства, не сбѣжалъ отъ нея самъ.

Онъ могъ бы, разумѣется, обставить свой уходъ приличнѣе, объясниться съ Джоанной, какъ ни было бы тягостно и непріятно такое объясненіе, и на слѣдующее утро поѣхать на вокзалъ въ экипажѣ, захвативъ съ собой и вещи. Можетъ быть, еслибъ Джоаннѣ съ проповѣди вздумалось зайти въ городской садъ, это такъ и было бы. Но Джоанна не зашла. А люди съ такимъ темпераментомъ, какъ Параго, не очень считаются съ приличіями. Но все же, покидая Мельфордъ, Параго поступилъ, какъ честный человѣкъ, которымъ, я утверждаю это, онъ и былъ всегда.

Много ли людей съ незапятнанною репутаціей, извѣдавшихъ, что значитъ нищета, отказались бы жениться на такой очаровательной женщинѣ, какъ Джоанна, хотя бы ради богатства ея мужа? Ну-ка, отвѣтьте.

Я знаю, что Джоанна горько оплакивала такой финалъ своего романа. Но она сама призналась мнѣ, что записка, набросанная на клочкѣ бумаги и посланная ей Параго изъ Лондона, была трагически правдива:

„Дорогая. Любимъ не мы, а лишь тѣни насъ самихъ въ прошломъ. Мы же чужіе другъ другу. Продолжать притворяться влюбленными значитъ богохульствовать. Благослови Васъ Богъ. Гастонъ“.

— Если ты любишь женщину-Мечту, пусть она остается для тебя мечтой—говорилъ мнѣ Параго.—Попробуй оживить Мечту, облечь ее въ плоть и кровь, и ты увидишь, что любовь разсѣялась, какъ роса на зарѣ, а осталось только горе, такое тяжкое, что надъ нимъ нельзя даже плакать.

Небритый, немытый, въ грязной сорочкѣ и брюкахъ, Параго лежалъ на диванѣ и молча курилъ, устремляя мысленный взоръ въ будущее, гдѣ никогда-никогда больше не будетъ мѣста Женщинѣ-Мечтѣ съ „такими крохотными обожаемыми ножками“.

Промолчавъ такимъ манеромъ съ часъ, онъ, наконецъ, сказалъ:

— Будь у меня пиджакъ, я, кажется, пошелъ бы на Новый Мостъ побесѣдовать съ Генрихомъ IV.

„Le Fou Rire“ заказалъ мнѣ цвѣтную обложку, и на слѣдующій вечеръ я сидѣлъ на чердакѣ, углубившись въ работу, когда въ дверяхъ моей мансарды появился Параго. Онъ былъ въ жакеткѣ — вещи его пришли, наконецъ, изъ Мельфорда.

— Моя душа жаждетъ кафе „Дельфинъ“, а глотка моя алкоголя въ обществѣ друзей. Если ты можешь на часокъ-другой перестать проституировать свое искусство, я буду радъ взять тебя съ собой.

— Почему же проституировать? По-моему, это недурно,— возразилъ я, склонивъ голову на бокъ и разглядывая свой рисунокъ.—Тема не новая, но современная. Въ мастерской Жано сказали бы даже: модернистская.

— Это-то и худо.

Мы заспорили. Тогда какъ разъ начали воскрешать старыя темы и вѣчныя проблемы бытія, преподнося ихъ публикѣ въ „модернистской“ формѣ. Я краснорѣчиво доказывалъ, что библейскій блудный сынъ, полунагой, сидящій на гноищѣ, съ свиньями, всѣмъ опротивѣлъ. Не лучше ли изобразить блуднаго сына современнаго Парижа?

— Въ твоемъ модернизмѣ нѣтъ достоинства, мой сынъ,— возражалъ Параго.—Взять хотя бы Сусанну и стариковъ, подглядывающихъ за нею. Трактованная классически, эта тема можетъ дать превосходную картину. Но попробуй изобразить жену зеленщика и подглядывающихъ за нею двухъ церковныхъ старостъ—и ты не убережешься отъ грубѣйшей вульгарности.

Я про себя только вздыхалъ надъ узостью сужденій своего учителя. Онъ безнадежно отсталъ. Я бросилъ спорить и началъ разыскивать свою шапку.

Кафе Дельфинъ было биткомъ набито. Г-жа Буэнъ, за эти мѣсяцы еще больше разжирѣвшая, ахнула при видѣ Параго и протянула ему руку черезъ стойку.

— Да вы ли это, мсье Параго? Вы совсѣмъ забыли насъ. Недобрый! А? Вы уѣзжали? En voyage? Въ Англію? On dit que c'est beau là bas. Гдѣ же вы сядете? Ваше мѣсто занято. Тамъ ужь мѣсяцъ, какъ сидитъ мсье Папильяръ, поэтъ. Мы найдемъ для васъ другой столикъ. Вотъ свободный.

Она указывала на жалкій столъ у двери, весь на сквознякѣ. Параго изумленно посмотрѣлъ на него, потомъ на г-жу Буэнъ, потомъ на свой прежній столикъ, узурпированный поэтомъ и его друзьями, и выругался очень витіевато и запутанно. На его священномъ мѣстѣ у стѣны возсѣдало тщедушное, курносое существо съ крохотными свиными глазками и козлиной бородкой, плохо маскирующей убѣгающій назадъ подбородокъ. Его шляпа и пальто висѣли на колкѣ, гдѣ прежде вѣшалъ свое верхнее платье Параго. Онъ читалъ вслухъ поэму полдюжинѣ юнцовъ, которые всѣ пили кофе или мазагранъ въ длинныхъ бокалахъ, изображая на лицахъ своихъ высокую интеллигентность въ соединеніи съ лирическимъ энтузіазмомъ—сычата, позирующія

на жаворонковъ. Никого изъ прежнихъ знакомыхъ не было здѣсь; никто не встрѣтилъ его радостной улыбкой.

Мы стояли у прилавка и слушали чтеніе. Когда мсье Папильяръ кончилъ, юнцы принялись апплодировать:

— C'est superbe!

— Un chef d' oeuvre, cher maître!

Этого курносаго они называли „*дорогимъ учителемъ*!"

— Вотъ idioты!—бормоталъ изумленно Параго.

Въ это мгновеніе вошелъ Фелисьенъ Гарбюръ, пожилой человѣкъ, прежде всегда сидѣвшій за столикомъ Параго,— одинъ изъ тѣхъ паразитовъ, довольно часто встрѣчающихся въ кварталѣ, которые всегда въ кафе подсаживаются къ опредѣленному кружку и стараются какъ можно больше выпить на чужой счетъ. По уму и воспитанію онъ былъ ниже всякаго извозчика, но иронія судьбы надѣлила его такимъ благообразіемъ и мудрымъ выраженіемъ лица, что, когда онъ льстилъ, ему внимали съ благоговѣніемъ и гордостью, какъ похвалѣ строгаго, понимающаго критика.

Сикофантъ шумно привѣтствовалъ насъ. Куда же это мы пропали? Почему разсѣялся весь нашъ очаровательный кружокъ? Знакомы ли мы съ м-сье Папильяромъ, великимъ поэтомъ? Прежде, чѣмъ мы успѣли отвѣтить, онъ придвинулъ стулъ:

— Cher maître, позвольте мнѣ представить вамъ моихъ друзей—г. Берцеліуса Ниббидара Параго и м-сье Астико.

— Enchanté, monsieur,—вѣжливо сказалъ поэтъ.

Мы тоже выразили свой восторгъ, хотя Параго и ругался себѣ подъ носъ. Лакей—ужь не Эркюль—тотъ недавно былъ уволенъ за мелкія кражи—а новый лакей, не имѣвшій понятія о Параго, поставилъ для насъ стулья на концѣ стола, далеко отъ великаго поэта. Мы заказали напитки. Параго разсѣянно осушилъ первый стаканъ—онъ никакъ не могъ освоиться съ своимъ паденіемъ. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ царилъ здѣсь, какъ король. А теперь Фелисьенъ Гарбюръ изъ милости беретъ его подъ свое покровительство и представляетъ этому курносому поэту. *Его* другъ, Берцеліусъ Параго! Nom de Dieu! Его сажаютъ на послѣднемъ мѣстѣ, на концѣ стола! Поистинѣ, свѣтъ перевернулся вверхъ дномъ.

— Дайте мнѣ еще грогу—двойную порцію.

Поэтъ читалъ теперь другое стихотвореніе—что-то о топазахъ и змѣяхъ, о сумеркахъ и розовыхъ ладоняхъ негритянки. Больше я ничего не могъ запомнить. И опять приспѣшники восхищались геніальнымъ шедевромъ. Фелисьенъ Гарбюръ назвалъ это рекордомъ генія. Молодой человѣкъ,

сидѣвшій рядомъ съ Параго, восхищался чарующей музыкой стиха.

— Да вѣдь это безсмысленно,—вскричалъ учитель.—Вѣдь это абсолютный nonsens.

— Но вѣдь это же символизмъ, monsieur,—тономъ снисходительной жалости отвѣтилъ юноша.

— То есть? Что это значитъ?

Молодой человѣкъ – очевидно, добрякъ—улыбнулся и пожалъ плечами.

— Какъ передать обыкновенными словами смыслъ Баховской фуги или эффектовъ солнечнаго свѣта Клода Монэ? Не знаю. Они дѣйствуютъ прямо на душу. Такъ же точно и тонкая гармонія словъ, замѣняющихъ краски или ноты и аранжированныхъ рукою мастера. Все это трансцендентно.

— Saperlipopette! — воскликнулъ Параго. — Астико,—шепнулъ онъ мнѣ—да что же это? Неужто я вправду дошелъ до такого униженія, что сижу у ногъ псевдо-Гамаліила, который обучаетъ меня начаткамъ символической поэзіи?

— Но, учитель,—возразилъ я, заинтересованный словами юноши,—вѣдь, дѣйствительно же, звуки имѣютъ окраску. Помните, какъ вы восхищались названіемъ одного маленькаго городка, мимо котораго мы проходили по дорогѣ въ Орлеанъ– Роморантенъ? Вы все повторяли его, увѣряя, что оно словно окрашено пурпуромъ и напоминаетъ вамъ высокую ноту органа.

— Это только доказываетъ, сынъ мой, что жаргонъ символизма былъ знакомъ мнѣ, когда вся эта мелюзга еще подъ столъ пѣшкомъ ходила,—возразилъ онъ.

Онъ осушилъ свой стаканъ и расплатился.

— Пойдемъ на рынокъ, къ отцу Лувіо — тамъ, можетъ быть, мы встрѣтимъ настоящихъ мужчинъ и женщинъ.

Мы ушли, и Параго не видали больше въ стѣнахъ кафе Дельфинъ.

Послѣ этого онъ сталъ переходить изъ одного кафе въ другое, какъ мятежная душа, не находящая себѣ пристанища. Иногда натыкался на кого-нибудь изъ прежнихъ собутыльниковъ, тоже покинувшихъ кафе Дельфинъ съ тѣхъ поръ, какъ оно стало пріютомъ поэтовъ-символистовъ. Но напрасно пытался онъ вновь собрать воедино свой кружокъ въ новомъ помѣщеніи. Онъ распался безвозвратно. Странные эти кружки Латинскаго Квартала! Они, точно самозарождающіеся организмы, выростаютъ сами собой и нельзя искусственно создать ихъ, какъ нельзя ихъ возродить, когда они распались. Къ нашему столику нерѣдко подсаживались двa-три студента, ласково встрѣчавшихъ учителя и охотно слу-

шавшихъ его разглагольствованія, но былой авторитетъ его исчезъ. Я сталъ замѣчать, что и самъ онъ ужь не такъ, какъ прежде, яростенъ и безудерженъ въ рѣчахъ. И Казалэ замѣтилъ перемѣну.

— Что такое съ Параго? Онъ больше не говоритъ, а проповѣдуетъ. Ça ennuie à la fin.

Скучно съ Параго? Это что-то невообразимое.

Можетъ быть, это онъ расплачивался за попытку вернуться къ респектабельности? Можетъ быть, это Мельфордъ укротилъ его и заморозилъ живой родникъ его души? Едва ли. Но нерѣдко онъ сидѣлъ одинъ, за перепачканной разными напитками газетой — занятіе не очень-то веселое — или же игралъ въ домино съ Фелисьеномъ Гарбюръ, къ которому символисты охладѣли послѣ того, какъ онъ не заплатилъ по счету и пришлось имъ платить за него. Видался ли онъ иногда съ горя съ Бюбю Пистолетомъ и его дамами,—не знаю. Въ сущности, онъ не очень-то гордился своимъ знакомствомъ съ Бюбю. Однажды онъ шутя сказалъ, что онъ теперь нѣчто среднее между Гастономъ де-Неракъ и Берцеліусомъ Параго, иными словами: ни рыба, ни мясо—оттого онъ и не можетъ найти себѣ въ Парижѣ подходящей норы! Но съ теченіемъ времен и волосы его, борода и ногти снова пышно разрослись и онъ во всѣхъ отношеніяхъ сталъ прежнимъ Параго, а желанный рай все еще оставался необрѣтеннымъ. Кабачковъ въ Парижѣ безъ числа, напитковъ океаны, и на бульварахъ жизнь, какъ всегда, кипѣла ключемъ, но сердце Параго жаждало иного. Онъ вынулъ старую скрипку изъ запыленнаго футляра и часами пиликалъ на ней, по испытанному способу разгоняя мрачныя мысли. Иной разъ даже заставлялъ Бланкетту аккомпанировать себѣ на позабытой цитрѣ.

Однажды мы сидѣли съ нимъ въ кафе, напротивъ мастерской Жано. Вошли три студента и подсѣли къ нашему столу. Заспорили, какъ водится: на тему о новѣйшемъ импрессіонизмѣ.

— Чтобы понять это, надо быть dans le mouvement,—воскликнулъ Фужеръ, безъ всякаго желанія обидѣть.

Но Параго обидѣлся.

— Ахъ, вотъ что! Теперь я понимаю. Я отсталъ, я — не dans le mouvement. Вы, молодежь, опредѣлили меня. Я—обломокъ крушенія, выкинутый на берегъ. Вы спросите, почему я не ищу общества моихъ сверстниковъ? Но кто же изъ нихъ знаетъ меня, кромѣ такихъ отрепьевъ рода человѣческаго, какъ Фелисьенъ Гарбюръ? Конечно, сынъ мой. Я обанкротился. Отжилъ свое.

Послѣ этого онъ пересталъ говорить на такихъ собра-

ніяхъ молодежи и только слушалъ, истребляя алкоголь безъ всякой пользы для себя. Затѣмъ сталъ посѣщать низкопробные кафе на Рынкѣ. Отравившись скверным абсентомъ и пресытившись разговорами съ торговками рыбой, онъ, въ отчаяніи, прислалъ за мной.

Я засталъ его полуодѣтымъ. Онъ шагалъ изъ угла въ уголъ. Видъ у него былъ совсѣмъ больной.

— Я сегодня же уѣду изъ Парижа, — заговорилъ онъ, только я вошелъ.—Это какой-то мертвый городъ. Въ немъ нѣтъ мѣста для меня, кромѣ какъ въ водосточномъ жолобѣ. А жолобъ мнѣ не нравится. Я уѣзжаю. И никогда больше не вернусь въ Парижъ.

— Но куда же вы ѣдете, учитель?

Онъ самъ не зналъ. Онъ сложитъ свои вещи въ узелокъ и убѣжитъ, какъ христіанинъ изъ проклятаго города, обреченнаго на гибель. И пойдетъ скитаться пилигримомъ по свѣту. Въ поискахъ святости и чистоты. Старая жизнь кончена. Свиньѣ опротивѣло валяться въ грязи. Его положеніе безвыходное. Бродячая жизнь сдѣлала его непригоднымъ къ условностямъ цивизаціи. Соприкосновеніе съ цивилизаціей и англійской опрятностью во всемъ убило въ немъ пристрастіе къ старому порядку вещей, отъ котораго осталась одна грязь. Ему не остается ничего иного, кромѣ какъ уѣхать изъ Парижа.

Онъ изливалъ мнѣ свою душу въ потокѣ взволнованныхъ рѣчей, порой безсвязныхъ. Онъ возьмется за работу. Пойдетъ въ деревню. Будетъ работать въ полѣ. Онъ мечталъ покрыть Европу дворцами—эта задача уже не по немъ. Его талантъ угасъ.

— Я понялъ это слишкомъ поздно. Я убаюкивалъ себя фантазіями. Я сейчасъ неспособенъ начертить планъ и простого дома. Мнѣ пришлось бы жить *ея* щедротами. Благодареніе Господу, что Онъ избавилъ меня отъ этого униженія!

И т. д., и т. д., и опять объ отъѣздѣ изъ Парижа и о томъ, чтобъ я, пока, взялъ Бланкетту на свое попеченіе. А онъ ужь какъ-нибудь одинъ изживетъ свою бѣду.

— А между тѣмъ, сынокъ, я больше всего страшусь одиночества. Прежде у меня была мечта и я жилъ мечтой. Теперь душа моя пуста. Мужчинѣ нужна женщина, хотя бы женщина—мечта, иначе его жизнь не полна. Но для меня ni-ni c'est fini. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ женщины, которая бы теперь захотѣла взять меня.

— Учитель, — сказалъ я — если вы рѣшили поселиться въ деревнѣ, почему бы вамъ не жениться на Бланкеттѣ?

— Жениться на Бланкеттѣ?!. Жениться?!

Онъ былъ страшно удивленъ; до того, что не находилъ

словъ. Провелъ рукой по волосамъ и опустился на ближайшій стулъ.

— Nom de Dieu! Мнѣ это никогда и въ голову не приходило.

Затѣмъ вскочилъ и принялся трясти меня за плечи, какъ въ былые дни, и кричать по-французски, какъ всегда, въ моменты возбужденія.

— Но вѣдь это же блестящая мысль! Это все разрѣшаетъ. Какъ это мнѣ самому не пришло въ голову? Да вѣдь я люблю ее, нашу Бланкетточку. Я все время любилъ ее, самъ того не зная, какъ добрый мсье Журдэнъ не зналъ, что онъ говоритъ прозой. Sacré nom d'un petit bonhomme! Почему ты мнѣ раньше не сказалъ, скотина ты этакая!

Онъ со смѣхомъ швырнулъ меня на другой конецъ комнаты и, нелѣпо размахивая руками, продолжалъ восхвалять мою блестящую мысль. Я никогда не видѣлъ, чтобы за двѣ минуты человѣческое лицо могло такъ измѣниться. Онъ сразу помолодѣлъ на десять лѣтъ. Онъ былъ сейчасъ даже моложе, чѣмъ тогда, когда разбилъ свою скрипку объ голову м-ра Погсона и рѣшилъ пойти бродяжить. Голубые глаза его сіяли и искрились смѣхомъ.

— Да вѣдь это было предрѣшено заранѣе. Это было написано въ книгѣ судебъ. Она—единственная женщина, передъ которой мнѣ не надо притворяться инымъ, чѣмъ я есть. *Она* не мечта. Что-бы она ни говорила, что бы ни дѣлала, она всегда остается самой собой, и ея словъ и дѣлъ не постыдилась бы величайшая изъ королевъ христіанскаго міра. Но—подумалъ ли ты? Я вѣдь подхожу къ концу своего пути. Я вышелъ на поиски Правды, Истинной Сути вещей. Я нашелъ ее. Сынъ мой, я нашелъ ее. Это—женщина, сильная и стойкая, которая смотритъ вамъ въ глаза и можетъ помочь мужчинѣ выполнить его предназначеніе. А назначеніе мужчины—работать и рождать здоровыхъ дѣтей. И награда его въ томъ, что послѣ работы, переступая порогъ своего дома, онъ видитъ улыбку въ глазахъ своей жены и слышитъ голосъ своего ребенка. И это его очищаетъ. Но Бланкетта...—Онъ хлопнулъ себя по лбу и громко, взволнованно расхохотался. — Вотъ идіотская голова! Какъ она раньше не подумала объ этомъ!

И вдругъ пересталъ смѣяться и сразу постарѣлъ года на три.

— Но вѣдь, чтобъ пожениться, нужно, чтобъ оба этого хотѣли. Бланкетта молода. Я ужь не молодъ. Она, можетъ быть, представляла себѣ свое будущее совсѣмъ иначе. Хорошо тебѣ говорить: женитесь на Бланкеттѣ, но захочетъ ли Бланкетта выйти за меня?

— Учитель,—сказалъ я съ важностью, чувствуя себя человѣкомъ опытнымъ и пожилымъ. — Вѣдь Бланкетта изъ-за васъ отказала quincailler, у котораго желѣзная лавка на углу нашей улицы.

Наканунѣ она мнѣ сообщила, что торговецъ желѣзомъ сдѣлалъ таки ей формальное предложеніе руки и сердца.

— Можетъ быть, изъ чувства долга?

Я засмѣялся.

— Учитель, да неужели же вы не замѣчали, что она все время мучилась, въ ожиданіи вашей женитьбы?

Онъ сталъ передо мною.

— Астико, ты шутишь или говоришь серьезно — то, что знаешь?

— Истинную правду.

— Какъ же ты не сказалъ мнѣ? Ты зналъ, что меня любитъ настоящая, реальная женщина, и позволилъ мнѣ гоняться за какимъ-то эльфомъ въ перчаткахъ и подъ зонтикомъ?! Вотъ ужь подлинно: враги человѣку домашніе его.

— Но, учитель...

При видѣ моего вытянутаго лица онъ засмѣялся.

— Нѣтъ, сынокъ, ты честно поступилъ. Надо быть послѣднимъ негодяемъ, чтобы выдать тайну женщины, даже когда она призналась тебѣ, что отравила мужа или задушила своего ребенка.

Онъ досталъ свою фарфоровую трубку и набилъ ее табакомъ изъ бумажнаго пакетика, лежавшаго на покрытомъ клеенкой столѣ. Чиркнулъ спичкой и только хотѣлъ закурить, какъ вдругъ, осѣненный внезапной мыслью, задулъ спичку и положилъ трубку. Затѣмъ съ былымъ проворствомъ кинулся къ двери и распахнулъ ее настежъ.

— Бланкетта! Бланкетта!

— Oui, maitre, — откликнулась она изъ кухни и черезъ минуту появилась передъ нами.

Параго взялъ ее за руку и вывелъ на середину комнаты. Она смотрѣла на него, не понимая. Онъ сдвинулъ вмѣстѣ каблуки и съ церемоннымъ поклономъ произнесъ:

— Бланкетта, — пусть Астико будетъ свидѣтелемъ — я прошу тебя оказать мнѣ честь стать моей женой.

Это было великолѣпно; это было то, что Параго назвалъ бы vieille école, но это было не особенно тактично. Прошло съ полчаса, прежде чѣмъ Бланкетта вполнѣ уяснила себѣ значеніе случившагося.

XXIII.

Джоанна вышла замужъ за майора Уольтерса, тотчасъ по окончаніи срока траура.

И тогда только написала Параго:

„Я не сержусь на васъ, мой милый, дорогой Гастонъ, и увѣрена, что и вы не въ обидѣ на меня. Ваше бѣгство и разрывъ нашей помолвки были единственнымъ способомъ выйти изъ нелѣпѣйшаго положенія. Вы могли бы поступить менѣе круто, но вы всегда были человѣкомъ крутыхъ рѣшеній. Если вѣрить Астико, и ваша собственная женитьба была такою же скоропалительной. Теперь я могу смѣяться, какъ, вѣроятно, и жена ваша, но, вѣрьте мнѣ, женщины трудно осваиваются съ такими неожиданностями.

Пожелайте мнѣ счастья, какъ я желаю вамъ. Если когда-нибудь мы встрѣтимся, мы встрѣтимся, какъ добрые друзья".

Какая женщина сумѣла бы сказать милѣе?

„Милая Джоанна, — отвѣчалъ ей Параго — желаю вамъ всяческаго счастья. Вы заслуживаете его вполнѣ и, разумѣется, будете счастливы. У васъ настоящій мужъ, какимъ полагается быть мужу, а у меня настоящая жена. Поблагодаримъ Бога за то, что мы не заблудились въ лунныхъ туманахъ идеала. Посылаю вамъ настоящій свадебный подарокъ".

„Дорогой мой Астико,—писала мнѣ Джоанна изъ Флоренціи—какъ вы думаете, какой свадебный подарокъ прислалъ мнѣ нашъ милѣйшій и нелѣпѣйшій учитель? Онъ пришелъ сегодня утромъ и повергъ въ изумленіе весь отель. Корзина съ шестью живыми утками и этикеткой, сообщавшей, что это настоящія живыя утки, откормленныя имъ самимъ!

„Но что же мнѣ дѣлать съ шестью живыми утками во время свадебнаго путешествія? Продать ихъ не хочется. Съѣсть—ни за что, да вѣдь намъ вдвоемъ съ майоромъ и не съѣсть шести утокъ. Повязать имъ шеи голубыми ленточками и водить ихъ всюду за собою? Такъ и этого нельзя. За нами стаями бѣгали бы собаки. Вы себѣ представляете эту картину на Понте-Веккіо? И, притомъ, онѣ такъ прожорливы! За прокормъ ихъ возьмутъ столько же, сколько съ насъ самихъ. Голубчикъ, посовѣтуйте мнѣ, что мнѣ дѣлать съ этими ужасными птицами".

Я посовѣтовалъ ей подарить утокъ самой супружеской четѣ во Флоренціи, какъ въ Денмоу дарятъ окорокъ ветчины. Не знаю, послѣдовала ли Джоанна моему блестящему совѣту. Потомъ я справлялся о судьбѣ злополучныхъ утокъ, но Джоанна забыла, что съ ними сталось. Я сильно подозрѣваю, что она съ майоромъ сбѣжала сама отъ такого неудобнаго багажа.

Параго, дѣйствительно, самъ выкормилъ этихъ утокъ; когда онѣ не хотѣли ѣсть, онъ буквально набивалъ имъ рты собственной рук Это было замѣчательное зрѣлище, кото-

рое я лично наблюдалъ—не на улицѣ Саладье, разумѣется, а на его собственной фермѣ близъ Шартра, купленной у супруговъ Дюбоскъ. Онъ сѣлъ на поѣздъ на другой же день послѣ сдѣланнаго Бланкеттѣ предложенія и, помню, вернулся злой и недовольный, такъ какъ не успѣлъ выполнить всѣхъ формальностей.

— Любезный сэръ, — увѣщевалъ его адвокатъ, къ которому онъ обратился за совѣтомъ,—нельзя же купить землю въ двѣ минуты, какъ фунтъ сахару.

— Почему нельзя?

— Потому, что законы Франціи милостиво дозволяютъ людямъ нашей профессіи зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба.

— Я вижу, вы хорошій, настоящій адвокатъ,—воскликнулъ Параго, плѣнившись этимъ ироническимъ отвѣтомъ,—само Провидѣніе направило мои стопы именно къ вамъ.

Но Параго не только женился, но и сдалъ квартирку въ улицѣ Саладье и поселился на фермѣ задолго до того, какъ были выполнены всѣ формальности. У меня и сейчасъ захватываетъ духъ, когда я вспоминаю объ его стремительности. Въ четверть часа онъ рѣшалъ участь человѣка.

— Сынъ мой, — говорилъ онъ мнѣ — когда я уплачу за эту ферму, у меня останется очень немного отъ того капитала, на проценты съ котораго мы всѣ живемъ. Я теперь женатый человѣкъ и долженъ думать о женѣ и о будущей своей семьѣ. Въ „Ліонскомъ Кредитѣ“ лежитъ на твое имя 200 фунтовъ—это все твое состояніе. Если послѣ того, какъ ты проживешь эти деньги, твое искусство окажется неспособнымъ прокормить тебя, пріѣзжай на нашу ферму разводить свиней. Ты будешь богаче, если будешь писать портреты съ нихъ и, чѣмъ толще будутъ золотыя цѣпи отъ часовъ на ихъ толстыхъ брюхахъ, тѣмъ богаче ты будешь, но ты будешь счастливѣе, если просто будешь откармливать ихъ.

Ложась въ постель въ этотъ вечеръ, я поклялся себѣ, что никогда не буду ни откармливать свиней, ни писать съ нихъ портреты, но что тѣмъ не менѣе я окажусь достойнымъ щедрости моего учителя и благодѣтеля. Я чувствовалъ, что онъ очень щедръ и добръ ко мнѣ, но *какъ* добръ и щедръ — это я узналъ лишь много лѣтъ спустя, когда я ознакомился съ его денежными дѣлами. Немногіе отцы, отпуская въ самостоятельную жизнь своихъ сыновей, одаряютъ ихъ такъ щедро.

Счастье улыбнулось мнѣ—не знаю почему. Можетъ быть, потому, что я былъ малъ ростомъ, съ песочнаго цвѣта волосами, безобиденъ и не особенно докучалъ ему. Я продалъ

двѣ-три картины, получилъ постоянную работу въ иллюстрированномъ журналѣ и поднялъ цѣну за рисунки для Fou Rire. Прокормиться мнѣ, во всякомъ случаѣ, было чѣмъ. И не было въ цѣломъ мірѣ болѣе гордаго юноши, чѣмъ я, когда однажды, августовскимъ утромъ, я выѣхалъ изъ Парижа въ Шартръ съ пятьюдесятью лишними фунтами въ карманѣ, которые я намѣревался вернуть Параго.

На маленькой станціи меня встрѣтилъ прежній Параго, въ своемъ бродяжьемъ видѣ, загорѣлый и лохматый. Онъ чуть не задушилъ меня въ своихъ объятіяхъ, забывъ, что онъ—полубританецъ. Наконецъ-то я пріѣхалъ!—Я пріѣзжалъ ужь въ третій разъ—наконецъ-то вырвался изъ этого проклятаго Парижа со всей его искусственностью и условностью.

— Въ Парижѣ ничего нѣтъ настоящаго, все искусственное—отъ улыбки на накрашенныхъ женскихъ губахъ до мечты поэта. А здѣсь, у насъ, на лонѣ божьихъ полей—ни притворства, ни лжи, ни вашего треклятаго идеализма. Все надежно и все непритворно, mon gars. Надежно, вотъ какъ эта грудь!

Онъ ударилъ себя кулакомъ по груди.

— И Буцефалъ тоже?—засмѣялся я, указывая на древняго конягу, впряженнаго въ телѣжку безъ рессоръ.

— Онъ—живой примѣръ солидности rerum agrestium. Ты посмотри на него. Найди-ка мнѣ въ Парижѣ лошадь, которая бы въ его годы въ состояніи была свезти двухъ пассажировъ. Вотъ, возьми, mon petit,—подалъ онъ мѣдную монетку мальчишкѣ въ синей блузѣ, державшему въ поводу неукротимаго Буцефала.—Когда истратишь это, приходи ко мнѣ въ Ля-Гай, я дамъ тебѣ еще.

Онъ бросилъ въ телѣжку мой мѣшокъ, и мы усѣлись рядомъ на доскѣ, замѣнявшей сидѣнье.

— En route, Bucéphale!—крикнулъ Параго, подбирая вожжи.—Замѣть, какъ здѣсь всѣ вѣжливы. Еслибъ я крикнулъ, какъ парижскій извозчикъ: „Hue, cocotte“!—онъ бы обидѣлся.

Буцефалъ затрусилъ мелкой рысцой по прямой бѣлой дорогѣ, обсаженной тополями; солнце ярко свѣтило на насъ съ безоблачнаго синяго неба; Параго говорилъ безъ умолку. Вокругъ смѣялась, грѣясь на солнышкѣ, плодородная равнина—довольнымъ смѣхомъ великана, какъ и широколицыя, крутобокія дщери ея, съ которыми то и дѣло раскланивался Параго, пока мы плелись по проселочной дорогѣ со скоростью пяти миль въ часъ.—Видѣлъ ли я въ Парижѣ лошадь, которая бы везла такимъ шагомъ?—допытывался Параго, и я искренно отвѣчалъ: „Нѣтъ“.

Мы остановились посреди деревушки съ чистенькими

домами, у которыхъ у всѣхъ были бѣлыя стѣны и красныя крыши, передъ лавченкой, пышно украшенной золоченой бычьей головой. Жена мясника вышла встрѣтить насъ.

— Bonjour, monsieur Paragot!

— Bonjor, мадамъ Жоливэ. Найдется у васъ упитанный телецъ для юнаго блуднаго сына, вернувшагося изъ Парижа? Если нѣтъ, мы удовольствуемся четырьмя кило хорошей говядины.

Въ результатѣ десятиминутныхъ переговоровъ въ телѣжкѣ нашей очутился большой кусокъ сырого мяса, коекакъ завернутый въ газету. Не жалѣя моего парижскаго костюма, Параго положилъ мнѣ его на колѣни, а самъ снова взялъ возжи. Я бросилъ мясо подъ сидѣнье. Параго покачалъ головой.

— Завтра, сынъ мой, ты облечешься въ одежды смиренія и пойдешь чистить коровникъ.

— Я бы предпочелъ помогать вамъ въ уборкѣ хлѣба, какъ вы приглашали раньше.

Ибо Параго, помимо утокъ, коровъ, свиней, Буцефала, куръ и двухъ лужковъ, владѣлъ еще и участкомъ пахатной земли, чѣмъ немало гордился. Онъ собственноручно засѣялъ его весной, а теперь пришло время жатвы. Какъ только вдали показалась ферма, онъ указалъ мнѣ кнутомъ на поле.

— Это *мои* хлѣба, Астико. Чудесные, правда? Я былъ рожденъ для этого. У меня все въ рукахъ ростетъ, какъ тѣсто. Если я посажу твою палитру, изъ нея выростетъ цѣлый пейзажъ. Sacré mille cochons! Я сдѣлалъ больше. Я— отецъ живого существа, настоящаго маленькаго человѣчка, сынъ мой. Онъ, правда, еще маленькій, но живой; у него даже зубы есть. Это самое удивительное, что есть въ этомъ удивительномъ мірѣ.

Справа, за полемъ, на фонѣ построекъ обрисовывалась смутно фигура женщины съ ребенкомъ на рукахъ. Скоро я узналъ милую Бланкетту. Она вышла встрѣтить насъ; ея простоватое широкое лицо сіяло радостью; въ глазахъ свѣтился новый свѣтъ. По пятамъ за ней бѣжалъ Нарциссъ, за древностью лѣтъ слегка прихрамывая.

Мы выскочили изъ телѣжки. Буцефалъ, предоставленный самому себѣ, съ благосклонностью дѣдушки поглядывалъ на эту семейную сцену, пока откуда-то не вынырнулъ замурзанный мальчишка и не отвелъ его въ конюшню. Послѣ объятій и взаимныхъ привѣтствій мы направились къ дому; Параго впереди, приплясывая, съ восхищеннымъ младенцемъ на рукахъ; Бланкетта, съ материнской нѣжностью обвивая рукою мою шею. Нарциссъ уже не отбѣгалъ въ сторону, въ поискахъ приключеній, какъ бывало прежде, а

лишь пофыркивалъ, какъ подобаетъ почтенному пожилому псу.

— Ты помнишь, Астико?—говорила Бланкетта.—Въ Шамбери мы уѣзжали вчетверомъ. А теперь въ Ля-Гай насъ уже пятеро. C'est drôle, hein?

— Tu es contente?

Она крѣпче обняла меня и глаза ея стали влажными.

— Mais oui—тихонько выговорила она, глядя на Параго и на ребенка.

— Онъ—вылитый портретъ отца, — шепнула она почти благоговѣйно.

Я покатился со смѣху. Только материнскій взоръ могъ найти сходство въ пухленькомъ курносомъ полуторагодовомъ мальчуганѣ съ морщинистымъ лохматымъ Параго. Я увѣрялъ, что онъ гораздо больше похожъ на японскаго идольчика.

— Pauvre chéri!—вздохнула Бланкетта.

Домъ ихъ былъ не дворецъ. Низенькій, выбѣленный известкой, онъ былъ окруженъ мелкими покривившимися постройками; съ одной стороны къ нему примыкалъ коровникъ, съ другой сѣновалъ. Переступивъ порогъ, вы попадали прямо въ кухню. Дверь направо вела въ спальню. Лѣстница съ люкомъ наверху—въ комнату для гостей. И только. Да чего же еще нужно человѣку? —удивлялся Параго. Старая мебель, обитая репсомъ; покрытый клеенкой столъ, олеграфіи въ золоченыхъ рамкахъ (включая и портретъ Гарибальди), дешевенькія некрашенныя полки съ потрепанными классиками, неизмѣнными друзьями Параго — все это придавало комнатѣ уютный видъ. Новаго было только кирка, ружье и колыбель.

Какъ только мы вошли, ребенокъ заплакалъ. Можетъ быть, ему не нравилось ружье? Можетъ быть, когда-нибудь его владѣлецъ напугалъ малютку, крикнувъ при немъ: „У меня явилось вдохновеніе. Пойдемъ стрѣлять коровъ“. Параго объяснилъ это иначе.

— Жизнь этого ребенка — сплошной бунтъ противъ его имени. Я хотѣлъ назвать его Триптолемомъ. Очень красивое имя. Ты погляди на него—это имя точно создано для него. Бланкетта помѣшалась на Тома. Я разсердился, поклялся, что назову его Триптолемомъ-Онезимомъ. Бланкетта стала плакать. Я сдался. „Назовемъ его, по крайней мѣрѣ, Дидимомъ“—умолялъ я.—Дидимъ! Въ этомъ имени есть что-то ласкательное. Ну, скажи: „Дидимъ“. „Ни за что!“—Бланкетта такъ ревѣла, что всѣ утки прибѣжали посмотрѣть, не убиваю ли я ее.

— Да неправда же!—возмущалась Бланкетта. —Ну какъ

ты можешь выдумывать такіе пустяки? Ты же знаешь, что это неправда.

— Она была въ такомъ ужасномъ состояніи, что я принесъ ей въ жертву судьбу своего сына. Ты взгляни на Томаса. Я тоже вылъ бы съ горя, еслибъ у меня было такое имя.

— Онъ голоденъ, оттого и плачетъ, — возразила Бланкетта—а имя премиленькое. И ему нравится — n'est-ce pas mon petit Tho-Thom cheri? Ну вотъ, видите — онъ улыбается,

— Она искренне убѣждена, что онъ слышитъ и понимаетъ, когда она зоветъ его Тома! О женщины!—изумлялся Параго.

Поужинавъ капустнымъ супомъ и жаркимъ изъ мяса, которое я счелъ ниже своего достоинства держать у себя на колѣняхъ, и запивъ все это свѣтлымъ сидромъ, мы втроемъ усѣлись на скамеечкѣ передъ домомъ. Былъ тихій августовскій вечеръ; луна свѣтила такъ ласково. Уходя въ безконечную даль, тянулись плодородныя равнины Франціи, поля и луга, а возлѣ насъ уже наполовину убранная колосистая рожь на нивѣ Параго сулила обильную жатву. Тамъ и сямъ тянулись темныя полосы фруктовыхъ садовъ, окутанныхъ туманной дымкой. З аодной изъ такихъ полосъ смутно виднѣлась сосѣдняя ферма. Слѣва бѣлѣла блестящая лента дороги, съ сторожевыми тополями, силуэты которыхъ четко вырѣзывались на небѣ. Воздухъ былъ пропитанъ горячимъ, прянымъ запахомъ земли. Кажущаяся тишина была полна звуковъ: шелеста листьевъ, легкаго потрескиванія тяжелыхъ стеблей, гудѣнья насѣкомыхъ.

Бланкетта дремала, прислонясь головою къ плечу Параго, какъ въ тотъ далекій, памятный вечеръ, когда мы возвращались изъ Шамбери. Дымокъ изъ его фарфоровой трубки шелъ кольцами кверху. Я сидѣлъ по другую руку его такъ близко, что онъ могъ коснуться рукой моей руки.

— Сынъ мой,—шепнулъ онъ мнѣ по англійски,—я былъ правъ, когда говорилъ, что пришелъ къ концу своего пути. Теперь оказывается, что я и во всемъ былъ правъ. Я предсказывалъ, что изъ маленькаго Огостэса Смита я сдѣлаю ученаго и джентельмена. Te voilà! Я зналъ, что мое долгое паломничество приведетъ меня въ концѣ концовъ въ Скинію Завѣта. Развѣ все это—не выпуская трубки, онъ повелъ рукой, описавъ кругъ,—развѣ все это не Святая Святыхъ дѣйствительности? Развѣ въ этой несказанно поэтической ночи есть хоть примѣсь иллюзіи? Развѣ лживо обѣтованіе этой плодородной земли? Боже мой! Астико! Я счастливъ. Когда душа смѣется, слезы выступаютъ на глазахъ. У меня есть все, чего можетъ желать душа—любовь вотъ этой моей дорогой жены—ребенокъ, спящій тамъ, за дверью—міровая мудрость, собранная мною по клочкамъ, и въ книгахъ, и въ моихъ

несбыточныхъ, какъ я когда-то думалъ, поискахъ Истины— и гордость тобой, моимъ дорогимъ мальчикомъ, моимъ пріемнымъ сыномъ—и, наконецъ, непобѣдимѣйшій и самый сладкій сонъ, когда-либо смежавшій вѣжды смертнаго.

Онъ зѣвнулъ. Я возмутился. Было всего девять часовъ.

— Пора ложиться,—сказалъ Параго.—Мы встаемъ здѣсь въ пять.

— Боже мой, учитель, зачѣмъ же такъ безсовѣстно рано?

Онъ засмѣялся и процитировалъ Кандида:

— Il faut cultiver notre jardin.

— Нѣтъ,—сказала сонная Бланкетта, сообразившая, наконецъ, о чемъ идетъ рѣчь,—завтра надо убрать остальной хлѣбъ.

— Это одно и то же, моя дорогая,—нѣжно возразилъ Параго. — Мы говорили о философіи. Философія означаетъ просто напросто любовь къ мудрости. А все, что можетъ подсказать намъ (мудрость всѣхъ вѣковъ, суммировано въ послѣдней фразѣ одной изъ мудрѣйшихъ книгъ, которыя когда - либо были написаны: „мы должны воздѣлывать нашъ садъ“.

Но, если моему дорогому учителю удалось втеченіе долгихъ лѣтъ воздѣлывать свой садъ и поле и кормиться отъ своей фермы, и выростить моего крестника въ страхѣ Божіемъ и любви къ землѣ—это только доказываетъ, что покойный философъ Мэтью Арнольдъ былъ безнадежно неправъ, категорически заявляя, что на свѣтѣ не бываетъ чудесъ.

Я вѣрю, вѣрю,—пора придетъ,
Пути измѣрю, измѣрю силы...
На старой башнѣ мой часъ пробьетъ...
И день вчерашній, и ночь мнѣ милы,

И все, что было. Минувшихъ дней,
Надеждъ уснувшихъ люблю печали:
Какъ звонъ свободы, въ душѣ моей
Въ былые годы онѣ звучали.

Леонидъ Б.

Лебединая пѣснь Щедрина.

Помните ли вы портретъ Салтыкова, гравированный Матэ? Великій писатель склонилъ голову на руку и смотритъ на васъ упорнымъ взглядомъ, полнымъ безмѣрной тоски и нестерпимаго страданья. Именно только глубокая душевная тоска и безысходная мука отражаются въ его глазахъ,—въ нихъ нѣтъ уже ни прежней суровости, ни острой пронизывающей твердости, которыя такъ характерны для взгляда Щедрина на другихъ портретахъ. Здѣсь — только скорбь и страданіе, двойная мука сердца, истерзаннаго жизнью и недугомъ. Это — подлинный Щедринъ „Пошехонской Старины". Художнику удалось схватить и запечатлѣть во взглядѣ писателя то настроеніе, которое безраздѣльно владѣло имъ два, два съ половиною года его жизни, въ которомъ онъ началъ и, съ большими перерывами въ работѣ, довелъ до конца свое послѣднее произведеніе, свою по-истинѣ лебединую пѣснь о родномъ Пошехоньѣ, созданную на смертномъ одрѣ съ постоянною мыслью о смерти-избавительницѣ отъ тяжкихъ физическихъ страданій и отъ ужасовъ жизни, отъ „зіяющей пустоты" *сѣрой* русской общественности того времени.

„Сѣрое небо, сѣрая даль, наполненная скитающимися сѣрыми призраками. Въ сѣрѣющемъ окрестъ болотѣ,—читаемъ мы на послѣдней страничкѣ, написанной Салтыковымъ для печати и посвященной „Забытымъ словамъ",—кишатъ и клубятся сѣрые гады; въ сѣромъ воздухѣ беззвучно рѣютъ сѣрыя птицы; даже дорога сѣрымъ пепломъ усыпана. Сердце мучительно надрывается подъ гнетомъ загадочной, неизмѣримой тоски". Эта удручающая картина рисовалась писателю „не то во снѣ, не то на яву". А въ письмахъ къ своему лучшему другу, Н. А. Бѣлоголовому, Салтыковъ въ тѣхъ же сѣрыхъ тонахъ описываетъ окружающую его подлинную русскую дѣйствительность. Приведу здѣсь одно письмо (отъ 26 марта 1888 года), въ которомъ ярко отразилось настроеніе писателя. Салтыковъ писалъ:

„Многоуважаемый Николай Андреевичъ! Я думаю, не поздоровилось вамъ на этой недѣлѣ отъ петербургскихъ новостей. Во-первыхъ, Крамской умеръ; во-вторыхъ, паспортныя намѣренія Вышнеградскаго. Съ Крамскимъ вы, кажется, были близки, и его очень

жалъ, хотя лично я его почти не зналъ. Онъ двукратно снималъ съ меня портреты по заказамъ, но вообще даже во время моей болѣзни ни разу меня не посѣтилъ. Во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ съ талантомъ, имѣлъ вкусъ и чувство мѣры, а этимъ обладаютъ немногіе изъ нашихъ живописцевъ, вообще людей невѣжественныхъ и страдающихъ самомнѣніемъ. Умеръ онъ прекрасно, т. е. внезапно, какъ умеръ и другой талантливый человѣкъ, Бородинъ. Я всякій разъ завидую, но изъ меня, повидимому, болѣзнь возьметъ все, что можетъ взять, и доканаетъ только тогда, когда въ конецъ измучитъ.

„Что касается до паспортовъ, то когда я прочиталъ эту штуку въ газетахъ, моя первая мысль была объ васъ. Что вы будете дѣлать? Не придется ли разстаться съ дѣтьми?

„Вообще я нахожу, что наступило время, когда зло дѣйствуетъ самочинно и безпредметно. Зло для зла! Сколько людей мечтало отдохнуть и успокоиться отъ трудовой жизни или болѣзней—и вдругъ въ одинъ моментъ ихъ опутываетъ со всѣхъ сторонъ какая-то нелѣпая напасть, которая въ конецъ портитъ все существованіе, спутываетъ всѣ разсчеты, разстраиваетъ привязанности и т. д. Какая горькая безсмыслица!

„Поговариваютъ о многихъ другихъ мѣропріятіяхъ, столь же плодотворныхъ и не менѣе ядовитыхъ. Въ провинціи, напр., совсѣмъ жить будетъ нельзя. Какъ хотите, а все-таки хорошо старикамъ. Конецъ ближе. А вотъ каково будетъ молодому поколѣнію переживать эту сумятицу, которая каждогодно мѣняется и даже примѣниться къ себѣ не даетъ времени.

„О своемъ здоровьѣ я ничего вамъ не пишу. Новаго нѣтъ, да и надоѣло вамъ слушать. Поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ и шлю сердечный привѣтъ многоуважаемой Софьѣ Петровнѣ.

„Искренно вамъ преданный
М. Салтыковъ".

Дѣло однако было, на взглядъ Салтыкова, не въ одной правительственной реакціи, о которой онъ говорилъ въ этомъ письмѣ. Въ сѣрый цвѣтъ окрашивалось для него и общество конца 80-хъ годовъ. Другой разъ (2€ апрѣля 1888 года) онъ писалъ Бѣлоголовому: „Такое ужь, впрочемъ, время, что необыкновенно благопріятствуетъ благоразумію. Выходятъ люди на арену дѣятельности и говорятъ: это я не для карьеры, а для общей пользы, а потомъ потихоньку обдѣлываютъ свои дѣлишки, зная, что никто имъ даже не броситъ укора. X. много тутъ виноватъ съ своей пошлой теоріей хожденія объ руку съ начальствомъ. Однимъ словомъ, кругъ знакомствъ до того рѣдѣетъ, что становится жутко..."

Возвращаясь къ той же темѣ черезъ нѣсколько недѣль, Салтыковъ посылаетъ своему другу такое „отвлеченное" разсужденіе: „Ежели се

годня (9 мая) ваши именины, то поздравляю васъ; ежели нѣтъ, то все-таки не беру назадъ поздравленія, потому что поздравленіе, какъ и брань, на вороту не виснетъ. Прочитавши только что полученное ваше письмо, я былъ нѣсколько сконфуженъ вашимъ восклицаніемъ: „хорошаго же вы мнѣнія о вашихъ знакомыхъ!" На это я могу вамъ сказать по чести: да, хорошаго. Но я такъ измученъ и такъ всѣмъ надоѣлъ неизмѣняемостью своего положенія, что ничего не будетъ удивительнаго, если я буду осужденъ на полное одиночество. Сверхъ того, успѣхи въ жизни налагаютъ на людей многоразличныя обязанности и отнимаютъ у нихъ досугъ — это тоже, по моему мнѣнію, истина. Люди расходятся непредумышленно, а просто въ силу пословицы: tempora mutantur et nos mutamur in illis. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать въ прошломъ моемъ письмѣ по этому поводу. Съ успѣхами людей кругъ ихъ знакомыхъ расширяется и старые невольно отодвигаются на задній планъ. Я не думаю, чтобы въ этомъ чисто отвлеченномъ сужденіи было что-нибудь обидное. Это сила вещей..."

Но, признавая свое „отвлеченное сужденіе" безспорной „истиной", больной писатель съ горечью подчинялся этой „силѣ вещей". И онъ возвращался къ своимъ печальнымъ мыслямъ объ „заброшенности" иногда даже по такимъ незначительнымъ поводамъ, какъ отъѣздъ знакомой семьи Лихачевыхъ на короткое время за границу. „Признаюсь откровенно,—писалъ онъ 14 іюля 1888 г.—отъѣздъ ихъ очень тяжело на меня подѣйствовалъ. Это единственные знакомые, которые до сихъ поръ не бросили меня и относятся ко мнѣ сочувственно. Я не говорю объ васъ, потому что вы далеко и можете утѣшить только заочно. Скажу вамъ откровенно. Я глубоко несчастливъ. Не одна болѣзнь, но вся вообще обстановка до такой степени поддерживаетъ во мнѣ раздражительность, что я ни одной минуты льготной не знаю. Хотѣлось бы куда-нибудь скрыться, пропасть, погрузиться въ полное одиночество, но не знаю, какъ это сдѣлать. Самъ я ничѣмъ распорядиться не въ состояніи и въ то же время ни въ комъ не умѣлъ заслужить сочувствія. Что-то чудовищное представляется мнѣ, какъ будто весь міръ одеревенѣлъ. Ни откуда никакой помощи, ни малѣйшаго состраданія къ человѣку, который погибаетъ на службѣ обществу. Деревянныя времена, деревянные люди".

Въ такомъ настроеніи все чаще больной писатель говоритъ о смерти-избавительницѣ, все чаще въ немъ возбуждаютъ къ себѣ „зависть" всѣ, кто покончилъ счеты съ жизнью, даже „Катковъ, сей истинный generis humani hostis" (изъ письма отъ 12 іюля 1887 г.). „Вотъ и Катковъ умеръ,—сообщаетъ М. Е. своему другу 24 іюля того же года.—Теперь на вакансіи великаго патріота, властителя думъ и мужа совѣта—господинъ Суворинъ. Вотъ увидите, что будетъ такъ. Я, признаться, завидую Каткову: онъ сынъ своихъ дѣлъ. При жизни имѣлъ и почетъ, и богатство, и, наконецъ, не-

долго помаялся и умеръ. Даже французы оплакиваютъ его и шлютъ на могилу вѣнки. А скажетъ ли о немъ свое правдивое слово исторія, неизвѣстно. Потому что все такъ перепуталось, что и разобраться трудно. А вѣдь гаже человѣка нельзя себѣ вообразить".

Четырьмя днями позже, 28-го іюля, Салтыковъ продолжаетъ разсуждать на ту же тему о смерти. „Приходило ли вамъ когда-нибудь на мысль, что мы *никогда* не увидимся? Мнѣ на-дняхъ это вздумалось, и, признаюсь, ужасно горько сдѣлалось, что судьба такъ шутя раздѣляетъ людей, симпатизирующихъ другъ другу. Впрочемъ, я серьезно начинаю надѣяться на смерть: успокоила же она Каткова, ужели не придетъ на выручку и ко мнѣ, мучающемуся и страдающему безъ конца. Вы совершенно правы: оваціи французовъ по поводу смерти Каткова положительно отравляютъ жизнь. Впрочемъ, Франція, по моему мнѣнію, уже перестала быть свѣточемъ человѣчества. Отъ нея теперь смердитъ страхомъ передъ Германіей". И, какъ бы смягчая этотъ свой приговоръ надъ Франціей, въ одномъ изъ своихъ послѣдующихъ писемъ того же года (30-го ноября) писатель шутливо ставитъ французамъ въ примѣръ наше отечество: „Вотъ французы отлично вышли изъ затрудненій, худо только, что съ министерствомъ никакъ не могутъ сладить. А у насъ хорошо: Вышнеградскій, Манасеинъ, Островскій, Деляновъ—запасъ не оскудѣваетъ".

Можно сказать, что смерть почти каждаго извѣстнаго дѣятеля того времени вызывала въ Салтыковѣ мысль, когда же, наконецъ, наступитъ и его чередъ. „Завидую —пишетъ онъ 3 іюня 1888 г.— Фридриху III. Императоръ—а все-таки, кажется, удастся умереть. А я живу да живу!.." „Вотъ и Лорисъ-Меликова не стало. Меня это извѣстіе — пишетъ М. Е. 15 декабря того же года — очень взволновало, и я вчера цѣлый день былъ самъ не свой. Это былъ одинъ изъ немногихъ симпатичныхъ русскихъ правителей, и хотя пребываніе его у кормила было недолговременно, но, по крайней мѣрѣ, втеченіе этого пребыванія Россія избавлена была отъ тѣхъ несносныхъ загадочныхъ шопотовъ, которыми наполнили ее Муравьевы, Гурко, Маковы и проч. Въ одинъ день съ Лорисъ-Меликовымъ въ Петербургѣ умеръ отъ припадка грудной жабы другой отличнѣйшій человѣкъ, педагогъ Гердъ. Мрутъ хорошіе русскіе люди. Какъ порѣдѣлъ втеченіе какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ кругъ знакомыхъ—это подумать горько. Нынѣшній годъ особенно былъ лютъ. Хотя его осталось всего 15 дней, но я не безъ надежды, что будущаго года не увижу. Вдругъ какъ-то это нынче случается. Гердъ всего полтора часа мучился". „Дня три тому назадъ опасно заболѣлъ Гончаровъ, — читаемъ мы въ письмѣ отъ 18 января 1889 г. — Прежде сказали бы, что съ нимъ случился параличъ, а теперь говорятъ: *закупорка*. Все совершенствуется. Я, впрочемъ, вчера посылалъ справиться. Онъ, какъ вамъ извѣстно, совсѣмъ одинокъ, но какія-то двѣ дамы ухаживаютъ за нимъ и велѣли ска-

зать, что больному лучше. Во всякомъ случаѣ 78-лѣтній возрастъ даетъ плохую надежду. Съ Елисеевымъ творится что то неладное: открылось кровохарканіе. И его годы не молодые. Уходятъ... Старыхъ въ послѣднее время валомъ валитъ. Но какъ ни велики недуги, угнетающіе Гончарова и Елисеева, а мнѣ кажется, что недуги эти — ничто передъ моими съ точки зрѣнія мучительности. Неужто-жь я буду настолько несчастливъ, что меня одного смерть пощадитъ?..".

Смерть, которую писатель призывалъ, была уже близка... Она какъ будто только ждала, чтобы онъ закончилъ свою лебединую пѣснь. Въ томъ же письмѣ онъ сообщилъ своему другу, что только что дописалъ, наконецъ, „Пошехонскую старину", которой онъ отдалъ послѣдніе два года своей творческой жизни. А невдолгѣ затѣмъ его корреспондентъ получилъ извѣстіе, что закончилась и послѣдняя глава жизни великаго писателя.

Замыселъ „Пошехонской старины" возникъ у Салтыкова, какъ оказывается, значительно раньше, чѣмъ писатель приступилъ къ его выполненію. 24-го іюня 1887 года М. Е. написалъ Бѣлоголовому по этому поводу слѣдующее письмо:

„Многоуважаемый Николай Андреевичъ. Благодарю васъ за письмо и за память, а болѣе всего за пожеланіе, чтобы я работалъ. Къ сожалѣнію, я въ настоящее время не чувствую никакого влеченія къ работѣ и нахожусь въ какой-то глубокой прострацiи, отъ которой, Богъ вѣсть, когда избавлюсь. Весь я начинаю дрожать и боюсь, чтобы болѣзнь моя не разыгралась такъ же жестоко, какъ два года тому назадъ въ Висбаденѣ. Затѣмъ больше вамъ болѣзнью своею надоѣдать считаю неприличнымъ: что будетъ, то будетъ.

„Вы указываете мнѣ на автобіографическій трудъ, но онъ и прежде меня уже заманивалъ. У меня уже есть начатая работа, и я съ тѣмъ и уѣзжалъ на дачу, чтобы ее продолжать лѣтомъ, какъ меня охватило полное безсиліе.

„Но вы, кажется, ошибаетесь, находя эту работу легкой. По моему мнѣнію, изъ всѣхъ родовъ беллетристики это самый трудный. Во-первыхъ, автобіографическій матеріалъ очень скуденъ и неинтересенъ, такъ что необходимо большое участіе вооображенія, чтобы сообщить ему цѣнность. Во-вторыхъ, въ большинствѣ случаевъ не знаешь, какъ отнестись къ нему. Правду писать—неловко, а отступать отъ нея безнаказанно, въ литературномъ смыслѣ, нельзя: сейчасъ почувствуется фальшь. Но, повторяю, я не оставляю этой мысли и приступлю къ ней, какъ только возможно будетъ. Но врядъ-ли эта возможность скоро настанетъ. Уже по почерку этого письма вы видите, что я близокъ къ каракулямъ, а писать при такихъ условіяхъ даже малыми дозами трудно.

„Третьяго дня у насъ былъ В. И. Лихачевъ, который тоже боленъ и очень похудѣлъ. 8-го числа онъ собирается уѣхать изъ Петербурга прямо въ Вевэ.

„Прошу васъ передать мой сердечный привѣтъ многоуважаемой Софьѣ Петровнѣ. Затѣмъ жму крѣпко вашу руку и остаюсь

„Искренно преданный
М. Салтыковъ.

„Мой поклонъ Лорисъ-Меликову".

Приняться за работу Салтыкову, дѣйствительно, удалось не скоро. 12 іюля, почти черезъ три недѣли послѣ приведеннаго письма, онъ снова жалуется другу: „Увы! Я не только для автобіографической, но и вообще ни для какой литературной работы не пригоденъ. У меня есть готовыя три главы изъ давно начатой работы, и даже ихъ въ порядокъ не могу привести и переписать. Доктора мои здѣшніе положительно запрещаютъ мнѣ не только заниматься литературой, но избѣгать и переписки. Со мной что-то странное происходитъ. Не могу и десяти строкъ написать, какъ поднимается кашель, а за нимъ дерганье. Словомъ сказать, не жизнь, а мученье".

Въ концѣ лѣта болѣзнь однако дала писателю, если не роздыхъ, то хоть возможность держать въ рукѣ перо, и онъ принялся за давно облюбованный сюжетъ. 26 августа 1887 г. М. Е. извѣщалъ Бѣлоголоваго: „Нѣсколько замедлилъ писать вамъ, потому что болѣзнь идетъ все crescendo. Этому не мало способствовало то, что съ 20-го числа находится въ цензурѣ моя книга „Мелочи жизни", и я нахожусь въ неизвѣстности объ ея участи. И, вѣроятно, до самаго переѣзда въ Петербургъ ничего не буду знать. Сверхъ того, въ послѣднее время меня обуялъ демонъ писанія, и я кое-что накропалъ изъ стараго матеріала".

Это и были первыя главы „Пошехонской старины". Вскорѣ по возвращеніи съ дачи въ Петербургъ, 13-го сентября, Салтыковъ сообщилъ Бѣлоголовому и о томъ, что свой новый трудъ онъ начнетъ печатать въ „Вѣстникѣ Европы" съ октябрьской книжки. Авторъ въ то время, повидимому, сильно сомнѣвался въ успѣхѣ новаго произведенія и даже ставилъ вопросъ, стоитъ ли продолжать. Онъ писалъ: „На дняхъ я послалъ вамъ экземпляръ „Мелочей жизни", который вы, конечно, уже и получили. Вѣроятно, это послѣднее изданіе, которое я дѣлаю, и публика отъ меня болѣе ничего не дождется. Ибо хотя въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ „Вѣстника Европы" и появятся мои статьи, но я самъ знаю, что онѣ до крайности плохи, нескладны и безцѣльны. Въ этомъ же убѣдитесь и Вы, прочитавши ихъ, и, конечно, не посовѣтуете ихъ продолжать. Если же я рѣшаюсь все-таки печатать ихъ, то только потому, что деньги нужны. Онѣ могутъ быть нужны и послѣ, но я не теряю надежды умереть. Голова моя совсѣмъ перестала рабо-

тать и матеріала для наблюденій нѣтъ. Что же путнаго изъ этого можетъ выйти?"

Отзывъ друга о первыхъ главахъ „Пошехонской старины" рѣшительно разошелся съ самокритикой автора, но, кажется, мало поколебалъ его въ отношеніи къ собственному произведенію. 16-го ноября Салтыковъ пишетъ: „Благодарю васъ за письмо и за сочувственные отзывы о моихъ сочиненіяхъ. Теперь вы, вѣроятно, прочитали и вторую статью „Пошехонской старины" и, конечно, не откажетесь дать мнѣ свой отзывъ объ ней, равно какъ и о 3-ей статьѣ, которая появится въ декабрьской книжкѣ. По моему мнѣнію, она просто плоха.—Вотъ ужь цѣлый мѣсяцъ, какъ я не беру пера въ руки, чтобы сочинять, и потому въ январѣ моего ничего не появится. Не знаю, что будетъ дальше, но въ настоящее время чувствую себя крайне дурно, и голова рѣшительно отказывается работать".

На этотъ разъ перерывъ въ работѣ длился у Салтыкова около двухъ мѣсяцевъ. Въ письмахъ конца 1887 года онъ постоянно жалуется Бѣлоголовому на ухудшеніе здоровья. „До такой степени несносно, что по временамъ плачу" (30-го ноября). „Поздравляю васъ и добрѣйшую Софью Петровну съ наступающимъ праздникомъ и съ новымъ годомъ. Желаю вамъ встрѣтить его въ веселіи сердца и затѣмъ весь 1888 годъ провести въ полномъ благополучіи. Мои личные праздники будутъ, вѣроятно, самые жалкіе. Я и теперь пишу вамъ черезъ великую силу, и съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже. Безсонница преслѣдуетъ меня, такъ что я совсѣмъ ослабѣлъ. Да и одышка съ кашлемъ привязалась" (18-го декабря).

Но новый годъ принесъ и Салтыкову нѣкоторое облегченіе въ болѣзни, которымъ онъ, конечно, поспѣшилъ воспользоваться для возобновленія литературной дѣятельности. 1-го февраля 1888 г. онъ пишетъ Бѣлоголовому: „Я безъ числа виноватъ, что не писалъ къ вамъ такъ долго, и вы совершенно правы, ежели недоумѣваете по этому поводу. Дѣло вотъ въ чемъ. И ноябрь, и декабрь я ничего не писалъ. Съ наступленіемъ января нѣсколько просвѣтлѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробудились слегка и мои душевныя силы. Я поспѣшилъ воспользоваться этимъ и весь мѣсяцъ усиленно работалъ, даже къ ущербу для здоровья. Успѣлъ приготовить и на мартъ, и на апрѣль. Теперь намѣреваюсь отдохнуть и, ежели буду продолжать работу, то исподволь".

Ущербъ для здоровья отъ усиленной работы въ январѣ оказался настолько значительнымъ, что Салтыковъ вынужденъ былъ бросить перо снова на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ концѣ февраля, 21-го, онъ такъ описываетъ другу-врачу свое состояніе: „Къ сожалѣнію, хорошихъ вѣстей о себѣ не могу и теперь вамъ дать. Съ самаго начала февраля до того измученъ припадками *хореи*, что почти доведенъ до безсознательнаго положенія. Не только не

могу работать, но даже когда письмо начинаю писать, то меня бросаетъ въ потъ, и сердце стучитъ вотъ, какъ теперь. Хорошо, что мнѣ удалось въ январѣ наготовить и для мартовской, и для апрѣльской книжки, а то и въ средствахъ къ существованію былъ бы недостатокъ. Впрочемъ, не хвалюсь: „Пошехонская старина" выходитъ плохо—это, кажется, общее мнѣніе. Надо совсѣмъ перестать писать — вотъ это будетъ похвально, только не совсѣмъ удобоисполнимо".

Эта ссылка на общее мнѣніе о „Пошехонской старинѣ" была несправедлива: читающая публика того времени принимала новое произведеніе Щедрина съ большимъ сочувствіемъ и одобрительные отзывы читателей не могли не доходить до самого автора. „Здѣсь мнѣ сообщаютъ — писалъ М. Е., напр., 27-го октября 1887 г. — лестные отзывы, но, вѣроятно, не хотятъ огорчить хвораго человѣка. Мнѣ лично мой новый трудъ кажется не совсѣмъ складнымъ". Больной писатель только одинъ разъ, какъ мы увидимъ ниже, выразилъ удовлетвореніе своей работой, собственно, одной главой „Пошехонской старины". Обыкновенно же онъ скептически отзывался на изъявленія читательскаго одобренія, и, въ частности, въ отвѣтъ на похвалы друга писалъ ему: „Благодарю также и за отзывъ о моихъ послѣднихъ писаніяхъ. Впрочемъ, теперь, когда меня хвалятъ, мнѣ все кажется, что только утѣшить хотятъ. Къ дальнѣйшей работѣ еще не приступалъ. Скоро будетъ три мѣсяца, какъ голова у меня перестала работать" (26-го апрѣля).

Послѣ многомѣсячнаго перерыва работа однако снова наладилась. Среди лѣта, 14 іюля 1888 года, Салтыковъ увѣдомлялъ Бѣлоголоваго: „Въ послѣднее время я довольно-таки много работалъ, такъ что въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ вы рискуете со мною встрѣтиться въ „Вѣстникѣ Европы". Соколовъ, правда, убѣждалъ меня не работать, покуда я пью контрексевиль, но какая же возможность удержаться, когда порываетъ къ работѣ?" И онъ не удерживался, хотя физическія страданія его не прекращались и въ эти минуты возвращенія къ творческой дѣятельности. „Творится со мною — сообщаетъ онъ Бѣлоголовому въ письмѣ отъ 10 августа—что-то загадочное: пальцы на рукахъ воспалены, особенно на лѣвой рукѣ. И никто не помогаетъ. Все говорятъ: это само собой пройдетъ, а мнѣ все хуже и хуже дѣлается. Терпѣніе скоро лопнетъ. За всѣмъ тѣмъ я до сихъ поръ писалъ, но, кажется, и спасительный трудъ закроется для меня. И усталъ, да и дни все короче и короче дѣлаются. Вечеромъ, при свѣчахъ, я работать не могу, а втеченіе шестичасового зимняго дня немного наработаешь. Очень бы хотѣлось къ веснѣ будущаго года съ „Пошехонской стариной" покончить, но по плану остается еще около 6—7 листовъ написать. Сентябрь уже недалеко, и вы прочтете въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы". „Дѣдушкино семейство".

Глава эта понравилась и Лихачеву, и Стасюлевичу. Хотѣлось послать В. И. продолженіе, которое будетъ напечатано въ октябрьской книжкѣ, но Стасюлевичъ такой формалистъ, что въ корректурѣ отказалъ. А Вл. И., конечно, и вамъ далъ бы прочесть. По моему мнѣнію, и это продолженіе не менѣе удачно".

Съ наступленіемъ осени оборвался послѣдній періодъ оживленія литературной дѣятельности Щедрина. Уже въ самомъ началѣ осени, 16 сентября, онъ выражаетъ опасеніе, что ему скоро будетъ не до писательства. „Погода здѣсь на дню нѣсколько разъ мѣняется, то солнце выглянетъ, то проливной дождь, но перевѣсъ на сторонѣ дождя. Это тоже вліяетъ на меня несноснымъ образомъ. Наступаетъ мракъ и мнѣ, конечно, будетъ не до писанія. Хорошо, что я успѣлъ наработать столько, что и на февраль будущаго года приготовилъ, но надеждѣ моей покончить съ „Пош. стар." въ первые четыре мѣсяца 1889 года едва-ли суждено осуществиться. Настаетъ періодъ, когда строки изъ меня не выбьешь".

И, дѣйствительно, мѣсяцъ спустя, 10 октября, Салтыковъ сообщаетъ неутѣшительныя извѣстія о ходѣ своей болѣзни: „Вѣроятно, я очень надоѣдаю вамъ однообразіемъ моихъ писемъ, но примите въ соображеніе, что вся моя жизнь исчерпывается однимъ словомъ: боленъ — и извините. Боленъ до того, что люди, которые меня видятъ, ужъ и то находятъ достаточнымъ, что я живъ. А по моему мнѣнію, именно это ужъ совсѣмъ лишнее. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не прикасаюсь къ литературной работѣ: совсѣмъ не дѣйствуетъ мысль. И письмо это пишу черезъ силу, опасаясь, чтобъ не произошло перерыва въ общеніи съ человѣкомъ, котораго я люблю больше, нежели кого-либо изъ друзей. Ко мнѣ въ полной мѣрѣ воротилась хорея, какъ въ ту осень, когда я воротился изъ Висбадена. Мучительное дерганье, шмыганье носомъ, морганье и тоска, безмѣрная сердечная тоска".

Даже письма къ заграничному другу становятся при такомъ состояніи больного писателя все болѣе рѣдкими. Въ ноябрѣ, 8-го, онъ пишетъ только затѣмъ, чтобы увѣдомить, что „по истинѣ было не въ мочь писать. Да и теперь не въ мочь. Могу сказать прямо, что я уже не человѣкъ. Сижу цѣлый день, какъ идіотъ, ничего не дѣлаю и ни къ чему приступиться не могу. Малѣйшій стукъ пугаетъ, малѣйшее слово раздражаетъ". 1-го декабря Салтыковъ шлетъ Бѣлоголовому прочувствованное поздравительное письмо, въ которомъ однако въ нѣсколькихъ штрихахъ рисуетъ печальное состояніе своего здоровья.

„Многоуважаемый Николай Андреевичъ. Поздравляю васъ съ наступающими именинами и шлю вамъ отъ глубины души пожеланія всевозможныхъ благъ, впрочемъ, не по этому только случаю, но и всегда. Будьте благополучны, здоровы, счастливы. Вы заслуживаете этого болѣе, нежели всякій другой. Вѣрьте искренности

моихъ словъ. Вѣдь не случайно же, не смотря на долгую разлуку и раздѣляющее насъ пространство, я съ такимъ упорствомъ поддерживаю переписку съ вами. По истинѣ, я былъ бы неутѣшенъ еслибы она прекратилась.

„Благодарю за послѣднее письмо: ваше участіе ободряетъ меня, хотя въ то же время и подтверждаетъ, что изъ моего положенія нѣтъ выхода, кромѣ смерти или безсрочнаго страданія. Пишу къ вамъ въ тѣхъ же условіяхъ, т. е. задыхающійся, полуспящій. Мракъ кругомъ все тотъ же, съ тою только разницей, что на дворѣ уже три дня стоитъ морозъ въ 10 градусовъ. Еще 12 часовъ нѣтъ, а почти совсѣмъ не видать. Въ учебныхъ заведеніяхъ съ утра занимаются при огнѣ — вотъ какая задалась осень. Не знаю, отъ этого ли, или по другой причинѣ, но я по прежнему не могу приступить къ работѣ и по прежнему опасаюсь, что не кончу „Пошехонской старины“. Это ужь совсѣмъ досадно, потому что осталось очень немного и, не кончивши, нельзя отдѣльное изданіе сдѣлать и, слѣдовательно, нельзя разсчитывать на доходъ, а въ моемъ положеніи это худо...

„Новаго здѣсь ничего нѣтъ. Я ни съ кѣмъ не вижусь и ничего не знаю. Бываютъ разъ въ недѣлю Лихачевы; но и тутъ опасаюсь что вдругъ какъ-нибудь и эта послѣдняя связь съ живымъ міромъ оборвется.

„Прошу васъ передать мой сердечный привѣтъ многоуважаемой Софьѣ Петровнѣ и мое поздравленіе съ дорогимъ именинникомъ. Жена вамъ обоимъ шлетъ поклонъ и поздравленіе.

„Прощайте, будьте здоровы. Крѣпко жму вашу руку.

„Искренно вамъ преданный

М. Салтыковъ.“

Боязнь, что „Пошехонская старина“ останется неоконченной, побудила больного писателя рѣшиться на героическое средство: онъ окончилъ свое повѣствованіе, но не такъ, какъ хотѣлъ. 18 января 1889 года Салтыковъ увѣдомлялъ своего заграничнаго друга: „Я кое-какъ покончилъ съ „Пошехон. старин.“, т. е. по просту скомкалъ. Въ мартовской книжкѣ появится конецъ, за который никто меня не похвалитъ. Но я до такой степени усталъ и измученъ, что надо было во что бы то ни стало отдѣлаться“.

Здѣсь рѣчь идетъ о послѣдней главѣ записокъ Никанора Затрапезнаго, носящей названіе „Заключеніе“. Она рѣзко отличается отъ предшествующихъ главъ сжатостью и даже отрывочностью изложенія и представляетъ, дѣйствительно, скорѣе конспектъ задуманной работы, нежели законченный разсказъ. Въ другое время, возможно, Щедринъ использовалъ бы втиснутый въ „Заключеніе“ матеріалъ не въ одномъ, а въ рядѣ очерковъ. Но на этотъ разъ ему нужно было спѣшить: подъ словомъ: „Конецъ!..“, которое писатель „съ полнымъ и непритворнымъ удовольствіемъ“ поставилъ

въ заключеніе своего послѣдняго труда, значится еще дата: 28 января 1889 г. Ровно черезъ три мѣсяца,—28 апрѣля того же года,—Салтыкова не стало.

По окончаніи „Пошехонской старины" Салтыковъ успѣлъ написать только страничку „Забытыхъ словъ"—неоконченнаго или даже только начатаго очерка. Послѣдніе два года жизни литературная работа его была сосредоточена всецѣло на „Пошехонской старинѣ". И только два раза онъ отвлекся отъ этого труда для другихъ литературныхъ замысловъ.

Въ бумагахъ Салтыкова, по свидѣтельству К. К. Арсеньева, нашлось начало „оправдательной записки" слѣдующаго содержанія: „Я никогда не могъ похвалиться ни хорошимъ здоровьемъ, ни физической силой, но съ 1875 г. не проходило почти ни одного дня, въ который я могъ бы сказать, что чувствую себя изрядно. Постоянные болѣзненные припадки и мучительная воспріимчивость, съ которою я всегда относился къ современности, положили начало тому злому недугу, съ которымъ я сойду и въ могилу. Не могу также пройти молчаніемъ и непрерывнаго труда: могу сказать смѣло, что до послѣднихъ минутъ вся моя жизнь прошла въ трудѣ, и только когда мнѣ становилось ужь очень тяжко, я бросалъ перо и впадалъ въ мучительное забытье. Наконецъ, закрытіе „Отечественныхъ Записокъ" и болѣзнь сына окончательно сломили меня. Недугъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ и сдѣлался главнымъ факторомъ моей жизни"...

На этихъ словахъ, повидимому, обрывается „оправдательная записка" писателя. Онъ не довелъ ея до конца. По письмамъ къ Бѣлоголовому можно опредѣлить, когда и съ какою цѣлью была задумана Салтыковымъ эта „записка". 26 апрѣля 1888 года, т. е. ровно за годъ до смерти, М. Е. писалъ своему другу: „хотѣлось бы мнѣ настолько имѣть силъ, чтобы написать оправдательную записку съ изложеніемъ послѣднихъ лѣтъ моей горькой жизни, съ тѣмъ, чтобы напечатали ее послѣ моей смерти. Но и это врядъ ли удастся".

Этого важнаго автобіографическаго документа великій писатель намъ не оставилъ, хотя, какъ мы видѣли, и принялся было за него. Но другой свой замыселъ, явившійся позднѣе и представляющій въ нѣкоторомъ родѣ литературное завѣщаніе Щедрина, онъ выполнилъ.

Въ „Пошехонской старинѣ" есть одна глава (шестая—„Дѣти. По поводу предыдущаго"), которая не по формѣ, а по содержанію замѣтно отличается отъ всѣхъ остальныхъ очерковъ этой серіи. Въ нихъ рѣчь идетъ о прошломъ „Пошехонья", въ этой главѣ—о настоящемъ и будущемъ. Она была откликомъ на жгучую злобу

дня своего времени, въ ней умирающій великій писатель въ послѣдній разъ отдалъ дань своей „мучительной воспріимчивости“ къ „современности“, въ послѣдній разъ вводилъ читателей въ святая святыхъ своего писательскаго credo. Онъ говорилъ: „Формулированію этой истины была посвящена лучшая часть моей жизненной дѣятельности, всего моего существа.—Не погрязайте въ подробностяхъ настоящаго,—говорилъ и писалъ я—но воспитывайте въ себѣ идеалы будущаго: ибо это своего рода солнечные лучи, безъ оживотворяющаго дѣйствія которыхъ земной міръ обратился бы въ камень. Не давайте окаменѣть и сердцамъ вашимъ; вглядывайтесь часто и пристально въ свѣтящіяся точки, которыя мерцаютъ въ перспективахъ будущаго. Только недальнозоркимъ умамъ эти точки кажутся безпочвенными и оторванными отъ дѣйствительности, въ сущности же онѣ представляютъ собою не отрицаніе прошлаго и настоящаго, а результатъ всего лучшаго и человѣчнаго, завѣщаннаго первымъ и вырабатывающагося въ послѣднемъ. Разница заключается только въ томъ, что, создавая идеалы будущаго, просвѣтленная мысль отсѣкаетъ всѣ злыя и темныя стороны, подъ игомъ которыхъ изнывало и изнываетъ человѣчество“.

Свою проповѣдь во имя „идеаловъ будущаго“ на этотъ разъ Щедринъ связалъ съ самымъ больнымъ вопросомъ того времени—съ „дѣтскимъ вопросомъ“, какъ онъ выражался. Напомнимъ, что именно тогда только-что огласился знаменитый циркуляръ о „кухаркиныхъ дѣтяхъ“ и съ особенною откровенностью всякими способами приводилась въ дѣйствіе та „система“ воспитанія юношества, которая видитъ „общественное спасеніе“, если не въ „полномъ водвореніи невѣжества“, то „въ замѣнѣ дѣйствительнаго знанія массою безполезностей“. И Щедринъ, наблюдая эту печальную „современность“, не обинуясь, объявлялъ, „что, въ абсолютномъ смыслѣ, нѣтъ возраста болѣе злополучнаго, нежели дѣтскій, и что общепризнанное мнѣніе глубоко заблуждается, поддерживая противное“. Онъ призывалъ общество трезво взглянуть на „дѣтскій“ вопросъ: „воспитывать въ нарождающихся отпрыскахъ человѣчества идеалы будущаго, а не подчинять ихъ смутѣ настоящаго“. „Бываютъ эпохи,—заканчивалъ онъ свою статью — когда общество, гонимое паникой, отвращается отъ знанія и ищетъ спасенія въ невѣжествѣ. Ужели подобная задача, поставленная прямо или подъ какимъ бы то ни было прикрытіемъ, можетъ приличествовать педагогикѣ?“

По жалкимъ цензурнымъ условіямъ того времени требовалось очень большое „прикрытіе“, чтобы провести эту статью въ печати. Вотъ почему она, хоть и бѣлыми нитками, была пришита къ „Пошехонской старинѣ“, къ произведенію, посвященному не злобамъ дня, а воспоминаніямъ прошлаго, надъ которымъ офиціально поставленъ крестъ. Попытки напечатать очеркъ въ ка-

чествѣ отдѣльной статьи не удались. 27-го октября 1888 года Салтыковъ пишетъ Бѣлоголовому: „Въ началѣ этого мѣсяца я написалъ статейку „Дѣти“ и послалъ въ „Русскія Вѣдомости“. Оттуда мнѣ ее возвратили, такъ какъ они при первомъ случаѣ ожидаютъ, что ихъ совсѣмъ закроютъ“. Ожиданія эти, кстати сказать, были солидно обоснованы: только тяжкая болѣзнь и смерть гр. Д. А. Толстого спасла въ то время газету отъ катастрофы. „Я — продолжаетъ Салтыковъ—отдалъ статью въ „Недѣлю“, но Гайдебуровъ прибѣжалъ ко мнѣ въ такомъ трепетѣ, что я самъ уже взялъ ее назадъ“. Въ „Вѣстникѣ Европы“ статья прошла подъ видомъ главы изъ „Пошехонской старины“. Въ томъ же письмѣ Салтыковъ сообщалъ: „Вы прочтете „Дѣти“ въ декабрьской книжкѣ (я присоединилъ ихъ къ „Старинѣ“) и увидите, изъ-за чего сыръ-боръ загорѣлся. Да я у Стасюлевича разговоръ короткій. Ежели цензура пожелаетъ, онъ безъ малѣйшаго колебанія вырѣжетъ“...

Хронологически этотъ очеркъ, если не считать нѣсколькихъ главъ „Пошехонской старины“, значительно ранѣе задуманныхъ, и отрывка „Забытыя слова“, послѣднее произведеніе Щедрина. Волею судебъ оно стало частью „Пошехонской старины“, и если „Пошехонская старина“ была лебединою пѣснью великаго писателя, то ея послѣднимъ аккордомъ былъ призывъ: ad astra! къ идеаламъ будущаго!

Владиміръ Розенбергъ.

ИЗЪ АНГЛІИ.

Наканунѣ великихъ реформъ въ Англіи.

I.

Года три тому назадъ, въ самый разгаръ борьбы съ лордами, каррикатуристы консервативныхъ газетъ изображали Джона Булля не иначе, какъ полнымъ банкротомъ. Онъ сидѣлъ, пригорюнившись, на грудѣ развалинъ, на которыхъ значилось: „торговля уходитъ къ нѣмцамъ“, „вывозъ сокращается“, „капиталъ бѣжитъ за границу“, „безработица“. Рисунокъ долженъ былъ дать представленіе о томъ раззореніи, до котораго довело Англію радикальное министерство съ его вдохновителемъ. „проклятымъ маленькимъ валійцемъ“. Каррикатуры подобнаго рода исчезли теперь окончательно, потому что ужъ слишкомъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Классическому плотному джентльмэну, въ низенькой круглой шляпѣ, во фракѣ, въ лосинныхъ штанахъ и въ ботфортахъ съ отворотами, теперь нѣтъ основанія жаловаться на приближающееся банкротство. Давно уже Англія не переживала такихъ семи сытыхъ лѣтъ, какъ теперь. Я раскрываю синюю книгу, содержащую отчетъ о капиталахъ, подлежащихъ обложенію подоходнымъ налогомъ. Какъ извѣстно, въ Англіи лица, получающія менѣе 160 ф. ст. въ годъ, подоходнаго налога не платятъ. Лицъ, имѣющихъ болѣе 160 ф. ст. въ годъ, въ Англіи около 1.150.000. Годовой доходъ ихъ, подлежащій обложенію, составляетъ въ совокупности сумму въ 1.150.000.000 ф. ст. Эта сумма, какъ показываетъ слѣдующая табличка, возростаетъ съ каждымъ годомъ.

Въ 1904- 5	финансов.	году	она	равнялась	912.000.000	ф.	ст.
„ 1905- 6	„	„	„	„	925.000.000	„	„
„ 1906- 7	„	„	„	„	944.000.000	„	„
„ 1907- 8	„	„	„	„	980.000.000	„	„
„ 1908- 9	„	„	„	„	1.010.000.000	„	„
„ 1909-10	„	„	„	„	1.011.000.000	„	„
„ 1910-11	„	„	„	„	1.046.000.000	„	„
„ 1911-12	„	„	„	„	1.070.000.000	„	„
„ 1912-13	„	„	„	„	1.100.000.000	„	„
„ 1913-14	„	„	„	„	1.150.000.000	„	„

За послѣднія восемнадцать лѣтъ сумма, выражающая годовой доходъ, подлежащій обложенію, возросла на 472.000.000 ф. ст., а за послѣднія десять лѣтъ—на 247.000.000 ф. ст.[1]).

Обращаемся къ другому офиціальному источнику, къ отчету министерства торговли (Board of Trade Returns), показывающему размѣры вывоза изъ Англіи за послѣднія десять лѣтъ:

Въ 1904 г.	301.000.000	ф. ст.
„ 1905 „	330.000.000	„ „
„ 1906 „	376.000.000	„ „
„ 1907 „	426.000.000	„ „
„ 1908 „	377.000.000	„ „
„ 1909 „	378.000.000	„ „
„ 1910 „	430.000.000	„ „
„ 1911 „	454.000.000	„ „
„ 1912 „	487.000.000	„ „
„ 1913 „	525.000.000	„ „

Въ 1908 и въ 1909 гг. Англія переживала промышленный кризисъ. Бурныя рабочія манифестаціи того времени, явившіяся результатомъ кризиса, описаны мною въ „*Русскомъ Богатствѣ*“ осенью 1908 года въ очеркѣ „Безъ работы“. Но, не смотря на два голодныхъ года, англійскій вывозъ за послѣднія десять лѣтъ увеличился на 234 мил. ф. ст., а за послѣднія восемнадцать лѣтъ на 299 мил. ф. ст. Въ 1900 году, которымъ англійскіе фабриканты были довольны, вывезено товаровъ на 291 мил. ф. ст., но что въ сравненіи съ этой цифрой 525 мил. ф. ст., опредѣляющіе вывозъ 1913 года!

Обращаюсь еще къ одному документу: къ отчету банкировъ. Въ 1905 году въ Clearing-House поступило чековъ на колоссальную сумму 7.593.000.000 ф. ст.; въ 1903 году на 10.120.000.000 ф. ст., а въ 1913 году на 16.436.000.000 ф. ст.

Въ зависимости отъ промышленнаго расцвѣта находится также сравнительно ничтожный процентъ безработныхъ среди организованныхъ рабочихъ.

	% безработныхъ:
Въ 1904 г.	7,6
„ 1905 „	4,9
„ 1906 „	4,9
„ 1907 „	5,6
„ 1908 „	9,1
„ 1909 „	6,6
„ 1910 „	5,0
„ 1911 „	3,1
„ 1912 „	2,3
„ 1913 „	2,6 [2])

Цифры эти, конечно, свидѣтельствуютъ о томъ, что Англія богатѣетъ съ поразительною быстротою; но сколько-нибудь внима-

[1]) Blue book, Cd 6344, p. 101.
[2]) „Labour Gazette“, January 1914.

тельное изученіе фактовъ покажетъ намъ и другую картину. Со времени окончанія бурской войны намѣчается съ особенною живостью слѣдующее явленіе. Въ то время, какъ доля капитала въ національномъ доходѣ увеличивается, доля рабочихъ, въ особенности, если учесть вздорожаніе всѣхъ предметовъ первой необходимости, уменьшилась. Обращусь снова къ цитированной уже Синей книгѣ. Мы узнаемъ изъ нея, что за десять лѣтъ доходъ, получаемый землевладѣльцами и домовладѣльцами, увеличился на шестнадцать процентовъ (вмѣсто 238.232.000 ф. ст. — 275.823.000 ф. ст.). Доходъ, получаемый рантье, представителями разныхъ профессій и служащими, увеличился на двадцать процентовъ (487.731.000 ф. ст. въ 1901-1902 году и 583.312.000 ф. ст. въ 1911-12 году). Изъ этой суммы на долю акціонеровъ всякаго рода приходится 31.800.000 ф. ст. Въ 1911-12 году 2044 состоянія, перешедшія по наслѣдству, были оцѣнены въ сумму болѣе, чѣмъ въ 20 тысячъ ф. ст. каждое, а 315—больше, чѣмъ въ 100 тысячъ ф. ст. каждое. Другими словами, нигдѣ въ Европѣ милліонеръ не представляетъ такого обычнаго явленія, какъ въ Англіи. Валовая стоимость состояній, перешедшихъ по наслѣдству въ 1911-12 году, составляетъ 308.280.767 ф. ст. Въ томъ же отчетномъ году 3859 лицъ заявили годовой доходъ больше, чѣмъ въ 2000 ф. ст. (По всей вѣроятности, эта цифра должна быть больше. Точному опредѣленію поддаются только доходы фабрикантовъ, торговцевъ, служащихъ и рантье. Представители либеральныхъ профессій заявляютъ „по совѣсти", сколько они получаютъ. И такъ какъ въ зависимости отъ заработка возростаетъ и подоходный налогъ, то, при всей склонности къ правдивости, врачи, инженеры, адвокаты, художники, литераторы и т. д. нѣсколько уменьшаютъ свои доходы).

Всѣ эти цифры еще болѣе подтверждаютъ, что національное богатство Англіи стремительно возростаетъ. Съ каждымъ годомъ увеличивается также доходъ съ „эмигрировавшаго капитала", т. е. съ британскаго капитала, помѣщеннаго въ иностранныхъ предпріятіяхъ или же въ колоніяхъ [1]). Если мы обратимся теперь къ цифрамъ, показывающимъ ту долю національнаго богатства, которая достается рабочимъ, и если мы выразимъ эти цифры графически, то получимъ ломаную линію, восходящую въ 1906, 1907, 1910, 1911 и 1912 годахъ, но падающую въ 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1908 и 1909 годахъ. Въ сравненіи съ 1900 годомъ, англійскіе рабочіе получили въ 1911 году на 2.500.000 ф. ст. меньше [2]).

---

[1]) По вычисленіямъ Paish'a, доходъ съ „эмигрировавшаго капитала" равнялся въ 1910 году 300.000.000 ф. ст. (см. „Journal of the Statistical Society", january 1911, pp. 167—200.

[2]) См. Report on changes in rates of wages and hours of work. Въ Bluebook 6471, 1912 г.

„Три причины еще ухудшаютъ положеніе рабочихъ, — говоритъ Макдональдъ въ только что вышедшемъ изслѣдованіи: 1) распредѣленіе прироста заработной платы, 2) дѣйствительная заработная плата и 3) уменьшеніе покупательной силы денегъ. Офиціальный отчетъ показываетъ, что въ 1906 году заработная плата увеличилась; но всю прибавку, указанную въ отчетѣ, получили только углекопы. То же самое было и въ 1907 г. Въ 1911 г. заработная плата увеличилась, но 3/5 получили корабельные машинисты. Въ дѣйствительности, улучшилось положеніе не всѣхъ английскихъ рабочихъ, а только очень немногихъ изъ нихъ. Лишь спорадически, подъ вліяніемъ громадныхъ стачекъ, нѣсколько увеличивается заработная плата другихъ рабочихъ. Что же касается до многочисленныхъ рабочихъ, не принадлежащихъ къ профессіональнымъ союзамъ, то за послѣднія десять лѣтъ имъ совершенно не удалось добиться увеличенія заработной платы. По словамъ офиціальнаго отчета, изъ 916.366 рабочихъ, зарегистрированныхъ въ 1911 году въ Департаментѣ Торговли, 507.207 добились увеличенія заработной платы на 46.247 ф. ст. въ недѣлю; заработная плата 399.362 рабочихъ уменьшилась на 11.669 ф. ст. въ недѣлю. Что касается 9.797 рабочихъ, то, въ общемъ, ихъ заработокъ остался безъ измѣненія. Такимъ образомъ анализъ цифры, показывающей увеличеніе заработной платы, обнаруживаетъ, что далеко не всѣ рабочіе могутъ быть довольны результатомъ. Почти половина всѣхъ рабочихъ не только не получила никакой прибавки, но даже не удержала прежнэй заработной платы. Такимъ образомъ, не смотря на возростаніе богатствъ, положеніе этихъ рабочихъ ухудшилось“ [1]). Приведу изъ офиціальнаго отчета цифры, показывающія размѣры годичнаго заработка различныхъ рабочихъ:

Въ строительномъ дѣлѣ	68	ф. ст.	
„ лѣсопильномъ „	55	„ „	10 ш.
Плотники и столяры	62	„ „	
На газовыхъ заводахъ	78	„ „	
„ электрич. заводахъ	74	„ „	
Сельскіе работники въ Англіи . .	47	„ „	15 „
„ „ „ Шотландіи.	50	„ „	14 „
„ „ „ Ирландіи .	29	„ „	4 „
Металлисты	82	„ „	
Литейщики	79	„ „	
На ткацкихъ фабрикахъ	48	„ „ [2])	

Анализъ этихъ цифръ обнаруживаетъ, что въ каждой отрасли промышленности есть рабочія семьи, получающія ниже приведен-

[1]) J. Ramsay Macdonald, „The Social Unrest“, стр. 522—53.

[2]) Цифра показываетъ среднее ариѳметическое. На ткацкихъ фабрикахъ есть рабочія семьи, вырабатывающія до 10 ф. ст. въ недѣлю

ной суммы. Возьмемъ, напр., строительное дѣло. Изъ всѣхъ рабочихъ 52,8% получаютъ меньше 25 шиллинговъ въ недѣлю. Въ лѣсопильномъ 14,3% всѣхъ рабочихъ получаютъ меньше, чѣмъ 20 шиллинговъ въ недѣлю. Въ Ланкаширѣ 23,9% всѣхъ рабочихъ имѣютъ въ недѣлю меньше 15 шиллинговъ (дѣвушки и подростки). На суконныхъ фабрикахъ, въ среднемъ, заработокъ лишь 40 ф. ст. въ годъ, такъ какъ 66,3% всѣхъ рабочихъ не вырабатываютъ пятнадцати шиллинговъ въ недѣлю. 41% всѣхъ рабочихъ по металлу, машинистовъ и корабельныхъ плотниковъ получаетъ менѣе 30 шиллинговъ въ недѣлю. Многіе ткачи зарабатываютъ хорошо, но 40,4% всѣхъ взрослыхъ работниковъ все-таки получаютъ меньше 25 шиллинговъ въ недѣлю. Такимъ образомъ размѣръ дѣйствительной заработной платы означаетъ, что въ наиболѣе цвѣтущихъ отрасляхъ промышленности многіе рабочіе пребываютъ постоянно на „линіи бѣдности“ или даже ниже ея.

Перейдемъ теперь къ третьей причинѣ, ухудшающей положеніе рабочихъ, т. е. къ пониженію покупательной силы соверена, т. е. золотого. Въ послѣдніе годы цѣны на предметы первой необходимости и квартирная плата поднялись всюду (въ Англіи меньше, чѣмъ на континентѣ), тогда какъ заработная плата или осталась, какъ раньше, или чуть-чуть повысилась, или даже уменьшилась [1]). Въ своемъ отчетѣ, выпущенномъ въ 1911 году, министерство торговли констатируетъ, что въ 1910 году цѣны на всѣ предметы первой необходимости поднялись, сравнительно съ 1909 годомъ, на 4,6%. Въ сравненіи съ 1900 годомъ цѣны поднялись на 10%. Если принять цѣны 1900 года за норму и обозначить ихъ цифрой 100, то стоимость предметовъ первой необходимости выразится такъ:

Годы.	
1901	101,9
1902	101,6
1903	103,2
1904	104,3
1905	103,7
1906	103,2
1907	105,8
1908	108,4
1909	108,2
1910	109,9
1911	109,3
1912	114,9

Судя по отчетамъ оптового кооперативнаго общества (Cooperative Wholesale Society), за шесть лѣтъ, отъ 1906 г. до 1912 года,

---

[1]) Въ 1912 году вышла по этому поводу синяя книга, („Report of an Enquiry intwo orking-class rents and retail Prices, etc.“, Cd. 6955), о которой я писалъ въ свое время въ „Русскомъ Богатствѣ“.

цѣны на всѣ предметы первой необходимости повысились на 10,4%. Параллельно съ этимъ возростаетъ также квартирная плата въ Лондонѣ и во всѣхъ значительныхъ англійскихъ городахъ. Въ Лондонѣ и въ центральныхъ промышленныхъ графствахъ рента возросла за десять лѣтъ на 52,3%, а въ такихъ городахъ, какъ Ковентри, на 18% [1]). Въ Синей книгѣ Сд. 6955 мы находимъ таблицу, показывающую, что за десять лѣтъ платье тоже вздорожало на 8-9%. Причины всеобщаго вздорожанія лежатъ внѣ предѣловъ спора между фритредерами и протекціонистами, потому что въ странахъ, охраняемыхъ таможенными товарами, наблюдается не только такое же, но еще болѣе ярко выраженное повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости. Въ результатѣ покупательная сила соверена за десять лѣтъ уменьшилась на 10%. Жена рабочаго, являющаяся министромъ финансовъ маленькаго хозяйства, убѣждается теперь, что, съ одной стороны, мужъ ея получаетъ столько же, сколько и раньше, а съ другой,—что теперь за соверенъ (20 шил.) можно купить столько, сколько раньше за 18 шиллинговъ [2]). Эти основные факты, т. е. тѣ, что заработная плата стоитъ на точкѣ замерзанія; что стоимость предметовъ первой необходимости и квартирная плата повышается, а покупательная сила денегъ падаетъ,—широко усвоены теперь англійскими массами. Онѣ знаютъ также и тотъ фактъ, что изъ 45 мил. населенія пять милліоновъ распредѣляютъ между собою половину всего національнаго дохода.

II.

Какъ указано въ началѣ статьи, Англія переживаетъ теперь періодъ необыкновеннаго промышленнаго расцвѣта. Страна ввела государственную пенсію для престарѣлыхъ, затѣмъ государственное страхованіе на случай болѣзни и безработицы (въ нѣкоторыхъ областяхъ промышленности). И, тѣмъ не менѣе, пауперы не исчезли. Мы беремъ офиціальный отчетъ министерства земствъ и муниципалитетовъ (Local Government Board) за 1913 г. Изъ него мы узнаемъ, что общественной помощью, какъ пауперы, пользуются теперь въ Лондонѣ 102.887 человѣкъ. Изъ нихъ 72.894 находятся въ рабочихъ домахъ, а 29.993 получаютъ помощь на дому. Слѣдующая таблица, взятая изъ офиціальнаго отчета, показываетъ число пауперовъ въ Лондонѣ за послѣдніе годы:

---

1) Ib., стр. 32.

2) Упомянутое явленіе наблюдается во всѣхъ странахъ, какъ въ деспотическихъ, такъ и въ ультра-демократическихъ, какъ Новая Зеландія, Канада и Соединенные Штаты. Офиціальное „Labour Bureau“ въ Вашингтонѣ, напр., констатируетъ, что за послѣднія 10 лѣтъ цѣны на предметы первой необходимости поднялись въ Соединенныхъ Штатахъ на 50%.

Годы.	Призрѣваемые на дому.	Призрѣваемые въ рабочихъ домахъ.	Всего.	Сколько пауперовъ на 1000 насел.
1901	69.297	39.471	107.768	23,7
1902	71.108	42.244	113.352	24,8
1903	73.572	40.701	114.273	24.7
1904	77.021	50.602	127.623	27,4
1905	77.622	49.450	127.072	27,1
1906	78.603	44.532	123.135	26,2
1907	79.681	46.384	126.065	26,5
1908	81.506	49.037	130.543	27,2
1909	81.519	44.177	125.696	26,0
1910	81.296	42.587	123.883	25,4
1911	77.853	32.018	109.871	24,3
1912	77.061	33.231	110.292	24,4
1913	72.894	29.993	102.887	22,8

Анализируя эти цифры, мы убѣждаемся, что послѣ 1909 г., т. е. послѣ введенія государственной пенсіи для стариковъ, процентъ пауперовъ въ Лондонѣ падаетъ (26 на тысячу въ 1909 г. и 22,8 — въ 1913 г.); но рабочіе дома все еще не опустѣли. Содержаніе ихъ обходится муниципалитетамъ, изъ которыхъ состоитъ Лондонъ, въ 3.200.267 ф. ст. въ годъ. Соціальныя реформы послѣднихъ лѣтъ принесли плоды. Если отбросить тѣхъ пауперовъ, которые въ современномъ строѣ осуждены на нищету отъ рожденія (калѣки, слабоумные, хроническіе больные, словомъ, всѣ тѣ, которые въ Англіи вносятся статистиками въ особую рубрику unemployables), то до рабочаго дома приводитъ одна изъ слѣдующихъ причинъ: болѣзнь, старость или безработица. Что бы ни говорили критики послѣдняго закона объ обязательномъ страхованіи, какія бы несовершенства мы ни признавали въ немъ, но надо констатировать, что законъ этотъ имѣлъ громадный успѣхъ. Судя по оффиціальному отчету, выпущенному на-дняхъ, застрахованныхъ теперь:

Въ Англіи	10.846.700
„ Шотландіи	1.492.000
„ Уэльсѣ	720.000
„ Ирландіи	700.000
Всего застрахованныхъ	13.759.400

По отчету поступило въ національный страховой фондъ съ 31 декабря 1913 года:

Въ Англіи	26.661.000 ф. ст.
„ Шотландіи	3.688.000 „ „
„ Уэльсѣ	1.335.000 „ „
„ Ирландіи	1.740.000 „ „
Всего	33.424.000 ф. ст.

Въ отчетномъ году выдано страховыми комиссарами дружественнымъ обществамъ и трэдъ-юніонамъ для распредѣленія между больными сочленами:

Въ Англіи	10.350.400	ф. ст.
„ Шотландіи	1.411.300	„ „
„ Уэльсѣ	456.400	„ „
„ Ирландіи	708.000	„ „
Всего	12.926.100	ф. ст.

Въ отчетномъ году милліонъ матерей получили на роды по 30 шиллинговъ. До закона о страхованіи рожденіе каждаго ребенка вносило страшный дефицитъ въ бюджетъ рабочаго. Въ 1913 году тридцать тысячъ застрахованныхъ чахоточныхъ получили доступъ въ санаторіи.

Законъ объ обязательномъ страхованіи вызываетъ ропотъ среди массъ. Чернорабочіе совершенно справедливо жалуются на то, что имъ трудно вносить 4 пенса въ недѣлю. Положеніе этихъ чернорабочихъ, кромѣ того, настолько необезпечено, настолько случайно, что они могутъ думать только о сегодняшнемъ днѣ. Трэдъ-юніонисты вообще давно уже привыкли заботиться о будущемъ; они были бы довольны закономъ о страхованіи, если бы 4 пенса страховыхъ денегъ платило государство или предприниматель. Что касается хозяевъ, то, конечно, они не могутъ быть довольны закономъ, заставляющимъ ихъ платить еженедѣльно по три пенса за каждаго служащаго или рабочаго. Этимъ недовольствомъ усиленно пользуется оппозиція на дополнительныхъ выборахъ. На однихъ выборахъ вождь оппозиціи обѣщалъ радикально измѣнить законъ о страхованіи, когда консерваторы станутъ у власти. Измѣненіе будетъ заключаться въ уничтоженіи принципа *обязательности* страхованія. Такъ какъ это означало бы, что десятки тысячъ хозяевъ и предпринимателей перестали бы платить по три пенса, то вся система страхованія рухнула бы. Рабочимъ это совершенно не выгодно. Они знаютъ, что законъ о страхованіи приноситъ громадную пользу, поэтому будутъ стоять за него.

Законъ объ обязательномъ страхованіи, какъ показываютъ цифры, приноситъ пользу рабочимъ; но онъ, какъ мы видѣли, не можетъ смести рабочихъ домовъ. До рабочаго дома доходятъ также старики, не смотря на существованіе государственной пенсіи для престарѣлыхъ. Она выдается только семидесятилѣтнимъ, тогда какъ при нынѣшнемъ промышленномъ строѣ рабочіе дряхлѣютъ уже въ 55—60 лѣтъ.

Переходимъ къ третьей причинѣ, доводящей людей, выносящихъ на рынокъ труда только свои руки, до рабочаго дома, т. е. къ безработицѣ.

Въ Англіи недавно вышло очень интересное изслѣдованіе «Unemployment. A Social Study». Авторъ его—квакеръ-милліонеръ

Сибомъ Раунтри, издавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный трудъ «Poverty. A Study of Town Life», съ которымъ въ свое время я познакомилъ читателей „*Русскаго Богатства*". Какъ и прежній трудъ, новое изслѣдованіе о безработицѣ основано на переписи города Іорка, устроенной по иниціативѣ и на средства Раунтри. Авторъ взялъ типичный англійскій промышленный городъ. „Методъ изслѣдованія былъ такой. Седьмого, восьмого и девятаго іюня шестьдесятъ статистиковъ, избранныхъ авторомъ, обошли всѣ рабочіе дома въ Іоркѣ и опросили населеніе ихъ, имѣетъ ли оно работу, а если нѣтъ, то желаетъ ли оно найти таковую. Въ карточки внесенъ былъ полъ опрошенныхъ и то, какую работу они ищутъ... Безработнымъ мы признали лицо, ищущее за поденную или недѣльную плату работу, но не могущее найти ее по причинамъ, не зависящимъ отъ него" [1]). Въ городѣ съ населеніемъ въ 82.000 счетчики отмѣтили 1278 безработныхъ. Мужчинъ безработныхъ было 4,4% всего числа безработныхъ, а женщинъ — 1,5%. Больше всего безработныхъ среди чернорабочихъ (34,5%). Современный строй, не давая возможности многимъ мальчикамъ выучиться чему-нибудь, обрекаетъ ихъ на всю жизнь на случайное, полуголодное существованіе. „Большинство зарегистрированныхъ чернорабочихъ никогда не имѣетъ работу всѣ шесть дней. Немногіе изъ нихъ, вѣроятно, не стали бы работать всю недѣлю, даже еслибы занятіе нашлось (это или слабые, или тѣ, которыхъ Раунтри относитъ къ категоріи отлынивающихъ, work-shy). Большинство чернорабочихъ, впрочемъ, желаетъ работать, но не можетъ. Даже тогда, когда нѣтъ безработицы въ настоящемъ смыслѣ слова, эти люди хронически страдаютъ отъ частичной безработицы (under employment) [2]).

„Безработные и страдающіе отъ хронической частичной безработицы составляютъ 57,3% всѣхъ зарегистрированныхъ въ Іоркѣ. Половина этого числа—люди здоровые, честные, имѣющіе хорошіе аттестаты. Другая половина или — калѣки, или побывавшіе когда-нибудь въ тюрьмѣ, или пьяницы... Цифры, приведенныя нами, ясно показываютъ, что безработицу нельзя ставить въ прямую зависимость отъ характера и способностей рабочаго. Напротивъ, все приводитъ насъ къ заключенію, что хотя повышеніе моральнаго уровня массъ и распространеніе техническихъ знаній имѣетъ громадное значеніе, но они не разрѣшатъ вопроса о безработицѣ, если къ этимъ мѣрамъ не будутъ присоединены широкія промышленныя и экономическія реформы" [3]). Такъ пишетъ не соціалистъ.

Для предупрежденія нищеты, являющейся послѣдствіемъ безработицы, введенъ теперь въ Англіи законъ о страхованіи на

---

[1]) „Unemployment", стр. X-XIII.
[2]) Ib., стр. 301, 302.
[3]) „Unemployment", стр. 305.

случай лишенія работы. Въ свое время я писалъ о немъ. Читатели знаютъ вѣроятно, что касается онъ не всѣхъ рабочихъ, а только тѣхъ, которые заняты извѣстными отраслями труда. Застрахованные рабочіе вносятъ еженедѣльно $2^1/_2$ пенса, хозяева прибавляютъ столько же, а государство отъ себя прибавляетъ треть того, что вносятъ работникъ и предприниматель вмѣстѣ. Такимъ образомъ составляется Unemployment Fund, изъ котораго, въ случаѣ безработицы, застрахованный получаетъ по 7 шилл. въ недѣлю (но не больше, чѣмъ пятнадцать недѣль). Англія въ дѣлѣ обязательнаго страхованія отъ безработицы является піонеромъ. Другія страны, въ томъ числѣ и Германія, бродили вокругъ и около мѣры, не рѣшаясь приступить къ ней. Вообще предполагалось, что ввести въ широкихъ размѣрахъ обязательное страхованіе отъ безработицы очень трудно, а то даже невозможно. Англія сдѣлала первый опытъ и, въ общемъ, его надо признать удачнымъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ первый отчетъ о дѣятельности закона [1]).

„До нѣкоторой степени отчетъ имѣетъ характеръ только предварительнаго очерка, — говоритъ въ вступленіи къ Синей книгѣ сэръ Генри Альюллинъ Смитъ.—Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя цифры не могли быть еще анализированы вполнѣ. Кромѣ того, хотя законъ дѣйствуетъ уже годъ, но прошло только шесть мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ начались первые платежи безработнымъ. Но вся схема государственнаго страхованія отъ безработицы до такой степени нова и выясняетъ такъ много интересныхъ вопросовъ, что рѣшено было поспѣшить съ отчетомъ“. Изъ отчета мы узнаемъ, что застрахованы отъ безработицы $2^1/_2$ милл. рабочихъ. Только $^1/_5$ ихъ была раньше застрахована на тотъ же случай въ разныхъ дружественныхъ обществахъ. Страховыя деньги, вносимыя рабочими и предпринимателями, составляютъ 1.800.000 ф. ст. въ годъ; вмѣстѣ съ долею, вносимою государствомъ, сумма составляетъ 2.400.000 ф. ст. За шесть мѣсяцевъ поступило около 400.000 заявленій о выдачѣ страховой преміи по случаю безработицы. На дняхъ въ парламентѣ рабочій депутатъ Хендерсонъ сдѣлалъ запросъ по поводу дѣйствія закона. Дѣло шло о правѣ рабочихъ, разсчитанныхъ хозяевами во время локаута, на полученіе страховой преміи. „Было бы абсурдомъ требовать, чтобы стачечники получали страховую премію,—сказалъ Хендерсонъ—но совсѣмъ другое дѣло, если безработица обусловливается локаутомъ“. Ораторъ указалъ дальше, что рабочіе вообще довольны закономъ, но обратилъ вниманіе на то, что застрахованные составляютъ лишь $^1/_6$ всѣхъ получающихъ поденную плату въ Англіи [2]).

[1]) Blue - book. Cd. 6965.
[2]) Times, March 4, 1914.

III.

Мы видѣли, что за послѣднія десять лѣтъ національное богатство Англіи стремительно возросло; но доля, приходящаяся производителямъ цѣнностей, не увеличивается. Заработная плата за десять лѣтъ увеличилась очень мало, а то даже уменьшилась. И въ то же время, какъ результатъ процесса, наблюдаемаго во всѣхъ странахъ, стоимость предметовъ первой необходимости поднялась, а покупательная сила денегъ уменьшилась (въ Англіи на 10%). Мы видѣли, что болѣзнь, старость и безработица все еще гонятъ производителей цѣнностей въ ненавистные рабочіе дома. Соціальныя реформы послѣднихъ лѣтъ, какъ государственная пенсія для стариковъ, страхованіе на случай болѣзни и на случай безработицы, конечно, сдѣлали кое-что; но онѣ, не смотря на свою грандіозность, не могутъ устранить упомянутыхъ бѣдствій. Всѣ эти причины, въ соединеніи съ возростающимъ самосознаніемъ англійскихъ массъ, породили теперь въ Соединенномъ Королевствѣ сильное недовольство и броженіе среди рабочихъ, проявившееся въ рядѣ стачекъ, безпримѣрныхъ по размѣрамъ и по бурности. Это броженіе согласно констатируется теперь печатью, ораторами, проповѣдниками и государственными дѣятелями.

„Осенью 1910 г. началась серія стачекъ, носившихъ такой грандіозный характеръ и такъ глубоко взволновавшихъ массы, что всюду начали говорить объ общемъ броженіи. Несомнѣнный страхъ овладѣлъ средними классами и со всѣхъ сторонъ начали взывать къ военной силѣ. Съ особенной ясностью опредѣлилась пропасть раздѣляющая классы. Озлобленность богатыхъ классовъ отразилась въ главныхъ газетахъ, помѣщавшихъ невѣрныя свѣдѣнія относительно броженія и дававшихъ фактамъ совершенно ложное толкованіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а въ особенности во время желѣзнодорожной стачки 1911 г., мы чуть-чуть спаслись отъ гражданской войны. Обычная парламентская работа прерывалась постоянно вслѣдствіе необходимости обсудить промышленную борьбу, принявшую общій характеръ. Наспѣхъ были приняты законы, построенные на совершенно новыхъ принципахъ“ [1]).

Сигналъ къ выступленіямъ былъ поданъ въ сентябрѣ 1910 г., когда котельщики и корабельные плотники стали жертвою локаута, какъ слѣдствія частичныхъ стачекъ, возникшихъ по случаю споровъ изъ-за сдѣльной платы. Въ октябрѣ 1910 г. забастовали ткачи. Въ ноябрѣ того же года часть углекоповъ въ Южномъ Уэльсѣ, вопреки совѣтамъ секретарей, начала стачку, которая отразилась потомъ всюду въ Англіи. Въ рядѣ статей, посвященныхъ большимъ стачкамъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ, я указывалъ на характерное и новое

---

[1]) Ramsay Macdonald, „The Social Unrest“, стр. 3.

для Англіи явленіе, а именно на бунтъ рядовыхъ рабочихъ, всегда слушавшихся вождей, противъ нихъ. Рядовые рабочіе проявили себя всюду въ Англіи гораздо болѣе непримиримыми, чѣмъ ихъ вожди. Такимъ образомъ, увѣренія капиталистической прессы, что броженіе будто бы создано „агитаторами на жалованіи" (т. е. секретарями трэдъ-юніоновъ) совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Стачка углекоповъ передалась въ Нортемберлэндъ и въ Дерхэмъ. Здѣсь стачечники обличали предпринимателей, правительство и своихъ вождей. Затѣмъ наступилъ бурный 1911 г. Онъ начался стачкой печатниковъ въ Лондонѣ. Весною и лѣтомъ произошелъ рядъ стачекъ, на которыя публика не обратила вниманія, такъ какъ они стали обычнымъ явленіемъ. Въ іюлѣ началась стачка транспортныхъ рабочихъ и дѣла сразу приняли крайне грозный характеръ. Стачечное движеніе стало было распространяться и въ августѣ захватило желѣзныя дороги. Желѣзнодорожная забастовка продолжалась лишь не полные три дня, но сопровождалась безпримѣрными въ Англіи безпорядками.

„Нѣсколько недѣль подрядъ населеніе многихъ большихъ англійскихъ городовъ и промышленныхъ центровъ жило въ условіяхъ военнаго времени, — говоритъ журналъ того времени. — Люди жили въ такихъ условіяхъ, которыя будутъ въ Англіи тогда, когда ее окружитъ непріятельскій флотъ. Доки и рынки опустѣли, фабрики закрылись, а поѣзда остановились. Толпы голодныхъ и приведенныхъ въ отчаяніе мужчинъ и женщинъ вопили на улицахъ Ливерпуля и другихъ городовъ о пищѣ и готовы были грабить, жечь, убивать. Крейсеры и сторожевыя суда охраняли доки въ приморскихъ городахъ. Во многихъ мѣстахъ Соединеннаго Королевства наблюдались случаи поджога, мятежа и кровавыхъ столкновеній съ полиціей и войсками. Дороговизна съѣстныхъ продуктовъ, голодъ, мятежъ и гражданская война дали намъ представленіе о томъ, что будетъ въ Англіи, если ея флотъ потерпитъ пораженіе. На первый взглядъ, все случившееся кажется только тяжелымъ сномъ" [1]). Осень 1911 г. ознаменовалась рядомъ стачекъ и локаутовъ. Въ мартѣ 1912 г. началась стачка углекоповъ. „Еслибы нѣмцы внезапно объявили войну, перебросили на берега Англіи стотысячный корпусъ и еслибы получено было извѣстіе, что черезъ двадцать четыре часа непріятель будетъ въ Лондонѣ, то и тогда врядъ-ли царствовало бы здѣсь бо̀льшее смущеніе, какъ за день до начала стачки всѣхъ углекоповъ",—писалъ я тогда въ „*Русскомъ Богатствѣ*".

„Намъ грозитъ опасность, равной которой не было съ тѣхъ

[1]) „The Labour Revolt and its Meaning". Nineteenth Century, IX, 1911, стр. 441. См. Діонео, „Синдикализмъ въ Англіи", „Русское Богатство", X, 1911.

поръ, какъ погибла непобѣдимая армада",—читаемъ мы въ передовой статьѣ Times'a отъ 27 февраля 1912 г. Въ маѣ 1912 г. началась вторая стачка транспортныхъ рабочихъ въ Лондонѣ. Весь 1913 г. ознаменовался рядомъ стачекъ, между прочимъ бурнымъ движеніемъ въ Ирландіи, о которомъ я говорилъ недавно въ статьѣ о Ларкинѣ. Теперь, въ 1914 г., впереди возможность грандіозной желѣзнодорожной стачки, къ которой усиленно готовятся обѣ стороны. Интенсивное броженіе среди массъ, броженіе, обусловленное неправильнымъ распредѣленіемъ богатствъ, констатировалъ еще въ октябрѣ 1910 г. Ллойдъ-Джорджъ въ замѣчательной рѣчи, произнесенной въ City Temple. „Великое броженіе среди массъ во всѣхъ культурныхъ странахъ начинаетъ привлекать общее вниманіе, — сказалъ тогда канцлеръ казначейства.—Человѣчество похоже на море; оно тоже никогда не можетъ совершенно успокоиться. Но бываютъ періоды, когда по морю пробѣгаетъ лишь легкая рябь, смѣняемая бурями. Всѣ признаки показываютъ, что конусъ, обозначающій штурмъ, поднятъ теперь. Впереди насъ ждутъ шквалы"... Броженіе порождено „недовольствомъ рабочаго своею участью; задумываясь надъ нею, онъ видитъ страшную разницу между своимъ сѣрымъ, утомительнымъ, полуголоднымъ прозябаніемъ и красивой, благополучной жизнью другихъ. И рабочій тѣмъ болѣе чувствуетъ несправедливость этого положенія дѣла, что онъ отдаетъ обществу всю силу своихъ мышцъ... Увѣрены ли вы вполнѣ, что массы неправы, когда онѣ недовольны?.. Въ Англіи, представляющей собою самую богатую страну въ Европѣ, милліоны людей живутъ на рубежѣ бѣдности, имѣя удѣломъ только страданія и нищету" [1]).

Совершенно безпримѣрное броженіе среди англійскихъ массъ констатируетъ также консервативный обозрѣватель, помѣстившій статью „The Labour Unrest" въ приложеніи къ *Британской Энциклопедіи* за 1913 годъ. „Хотя въ промышленности нѣтъ застоя, а число безработныхъ уменьшается, требованія рабочихъ на бо́льшую долю въ благахъ жизни обозначились болѣе сильно, чѣмъ когда-либо раньше. Молодое поколѣніе трэдъ-юніонистовъ все сильнѣе увлекается соціалистическими, а въ особенности синдикалистскими теоріями. Трудящіяся массы склоняются къ заключенію, что парламентская рабочія партія безсильна и что либералы, какъ и тори, стоятъ всецѣло на сторонѣ капиталистовъ. Изъ этихъ предпосылокъ рабочіе выводятъ заключеніе, что необходимо „прямое воздѣйствіе", подъ которымъ подразумѣваютъ большія стачки, дабы добиться значительнаго улучшенія своего положенія. Недовольство порождено несомнѣннымъ фактомъ, что цѣны на предметы первой необходимости возростаютъ, тогда

---

[1]) H. du Parcq, „Life of David Lloyd George", vol. IV, стр. 766-769.

какъ заработная плата остается въ прожнемъ состояніи" [1]). Безпримѣрное броженіе среди массъ, носящее постоянный, а не случайный характеръ, констатируетъ также яростный противникъ трэдъ-юніонизма, какъ сэръ Артуръ Клэй. „Не подлежитъ сомнѣнію,—пишетъ онъ—что теперь отношенія между трудомъ и капиталомъ менѣе устойчивы, чѣмъ когда-либо раньше. Нынѣ существующія условія не могутъ болѣе продолжаться. И, если не найдены будутъ способы, при помощи которыхъ можно установить гармонію между предпринимателями и работниками, броженіе еще болѣе усилится и конфликтъ двухъ великихъ соціальныхъ силъ приметъ размѣры, угрожающіе самому существованію нашей цивилизаціи" [2]).

Объ измѣнившемся настроеніи англійскихъ массъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, совершенно новый тонъ рѣчей и воззваній, обращенныхъ къ рабочимъ. „Каждый бунтарь въ Лондонѣ,—будь то мужчина или женщина,—долженъ быть завтра въ Гайдъ-Паркѣ... Мы боремся теперь не только за то, чтобы девять нашихъ товарищей, высланныхъ правительствомъ генерала Боты административнымъ порядкомъ изъ Южной Африки, могли снова возвратиться туда. Дѣло идетъ объ основныхъ правахъ *англійской* демократіи... Мы снова повторяемъ: нужны теперь *дѣйствія*, а не слова. Сэръ Эдуардъ Керсонъ имѣетъ теперь возможность поставить правительству ультиматумъ, потому что сформировалъ въ Ольстерѣ стотысячную армію. Почему *вамъ* не сформировать армію, не вооружиться и не отправиться къ парламенту, чтобы потребовать утвержденія вашихъ неотъемлемыхъ правъ?" Это изъ воззванія, появившагося въ Daily Herald отъ 28 февраля. „Пусть транспортные рабочіе соединятся съ углекопами и пошлютъ ультиматумъ правительству его величества. Если требованіе не будетъ исполнено, должны послѣдовать *прямыя* дѣйствія". Это — изъ одной рѣчи, произнесенной перваго марта передъ стотысячной толпой.

— Я не стою за вооруженное возстаніе,—говоритъ одинъ изъ ораторовъ на томъ же митингѣ.

— Почему нѣтъ?—Раздаются безчисленные голоса.—Если лордамъ и капиталистамъ можно призывать къ оружію, то почему нельзя намъ?

IV.

Указанныя выше экономическія причины гонятъ ежегодно тысячи городскихъ и сельскихъ работниковъ изъ Англіи на окраины имперіи, т. е. въ самоуправляющіяся британскія колоніи, гдѣ заработная плата гораздо выше, чѣмъ въ метрополіи. Но не однимъ только разсчетомъ на полученіе большаго числа шиллинговъ въ

[1]) „The Britannic Year book", 1913, стр. 520-521.
[2]) Sir A. Clay, „Syndicalism and Labour", стр. 146.

недѣлю обусловливается переселеніе. Англійскій рабочій ищетъ въ новыхъ странахъ большаго простора, надеждъ на будущее, *неизвѣстнаго.* По общему представленію, рабочіе добились такихъ важныхъ побѣдъ въ британскихъ самоуправляющихся колоніяхъ, что Новая Зеландія у насъ и теперь съ легкой руки Ривса именуется „Счастливыми островами.“ Этимъ обстоятельствомъ обусловливается то, что переселенческая волна изъ Англіи въ Соединенные Штаты спадаетъ теперь (прежде англичане эмигрировали, по преимуществу, въ Заатлантическую республику), тогда какъ эмиграціонный потокъ, идущій въ Канаду, Австралію и Новую Зеландію, расширяется и углубляется. По офиціальнымъ отчетамъ, эмиграція изъ Соединеннаго Королевства въ Канаду увеличилась въ 1911 г. (въ сравненіи съ 1910 г.) на 18%, въ Австралію — на 91%, въ Новую Зеландію на 21%, въ Капскую колонію на 16%, тогда какъ переселеніе въ Соединенные Штаты *уменьшилось* на 8,4%. Всего изъ Соединеннаго Королевства эмигрировало въ 1910 г. 386,657 чел., а въ 1911 году—440.821 [1]).

Исходъ деревенскаго населенія изъ Англіи въ колоніи носитъ характеръ настоящаго бѣгства. „Наиболѣе характерной чертой нынѣшняго исхода изъ деревни является то, что сельскіе рабочіе направляются не въ промышленные города, какъ раньше, а въ британскія владѣнія, лежащія за морями“, читаемъ мы въ отчетѣ, выпущенномъ на дняхъ министерствомъ земледѣлія.—Явленіе это обусловливается нѣсколькими причинами. Наиболѣе важной является то, что эмиграціонные агенты (ими являются зачастую офиціальные представители колоніальныхъ правительствъ. *Діонео.*) усилили свою дѣятельность и всячески восхваляютъ прелести жизни за моремъ, просторъ ея и возможность, даваемую ею каждому энергичному человѣку, выдвинуться впередъ. Эмиграціонные агенты обращаются къ поколѣнію, привыкшему не считаться съ разстояніями. Для молодого деревенскаго населенія Канада такъ же близка, какъ Лондонъ—для ихъ отцовъ. Факторами, побуждающими деревенское населеніе эмигрировать, являются болѣе свободная жизнь, возможность стать земельнымъ собственникомъ, просторъ для энергичныхъ и предпріимчивыхъ людей и высокая заработная плата“ [2]).

Переселеніе городскихъ рабочихъ въ колоніи не такъ интенсивно, какъ эмиграція сельскихъ рабочихъ; но и это явленіе намѣчается съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе. Изъ городовъ въ самоуправляющіяся колоніи переселяются наиболѣе развитые квалифицированные рабочіе, знающіе ремесла, особенно выгодно оплачивающіяся за морями. Такіе рабочіе, попадая въ условія, гдѣ борьба между трудомъ и капиталомъ идетъ совершенно

---

1) „The Britannic Year-book“, 1913, стр. 557—558

2) „Report of the Land Inquiry Committee“.

обнаженно, какъ, напр., въ Южной Африкѣ, являются вождями движенія, принимающаго порой крайне бурный характеръ. Такъ было въ Іоганнесбургѣ въ іюнѣ 1913 г. Такъ было тамъ вновь недавно. Рабочіе объявили желѣзнодорожную забастовку. Правительство генерала Боты, относившееся прежде дружелюбно къ рабочимъ, сразу перемѣнило фронтъ. Оно объявило военное положеніе, вызвало фермеровъ-бургеровъ для защиты желѣзной дороги, запретило митинги и, въ довершеніе всего, арестовало девять рабочихъ вождей, усадило ихъ на пароходъ и отправило администативнымъ порядкомъ на родину, т. е. въ Англію. И не только англійскихъ рабочихъ, но и всю демократію вообще привело въ негодованіе не столько провозглашеніе закона военнаго времени по случаю промышленной войны, какъ арестъ и ссылка *безъ суда*. Для протеста противъ примѣненія административной ссылки, нарушающей одно изъ требованій Великой хартіи свободы (тотъ пунктъ, гдѣ говорится, что никто не можетъ быть сосланъ или лишенъ имущества безъ приговора суда равныхъ, т. е. присяжныхъ), собрался въ Гайдъ-Паркѣ тотъ колоссальный митингъ, о которомъ упомянуто выше. Надо помнить, что девять рабочихъ высланы не британскимъ правительствомъ, а *южно-африканскимъ*. Какъ извѣстно, Южно-Африканскій союзъ (Капская колонія, Наталь, Трансвааль и Государство Оранжевой рѣки) имѣетъ теперь свой независимый парламентъ.

Англійскіе рабочіе, переселяясь въ колоніи, находятъ условія, съ которыми охотно мирились бы ихъ отцы, но которыя раздражаютъ сознательныхъ людей, прибывшихъ въ повышенномъ настроеніи. И въ результатѣ то, что всюду на окраинахъ возникаетъ острый конфликтъ между трудомъ и капиталомъ. Я остановлюсь только на одномъ изъ такихъ столкновеній, такъ какъ оно очень типично. Произошло оно недавно на „Счастливыхъ островахъ", т. е. въ Новой Зеландіи, и кончилось полнымъ пораженіемъ рабочихъ. Новозеландскій корреспондентъ „Times'a", стоя всецѣло на сторонѣ капитала, излагаетъ дѣло въ такомъ видѣ. Рабочая федерація въ Веллингтонѣ воспользовалась первымъ ничтожнымъ поводомъ, а именно недовольствомъ союза корабельныхъ плотниковъ, чтобы помѣряться силами съ предпринимателями вообще. Она объявила портовую стачку, и, такимъ образомъ, всякая жизнь въ гавани замерла. Правительство, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшивъ наконецъ утвердить свою власть, вызвало изъ деревенскихъ округовъ конныхъ волонтеровъ. Тогда рабочая федерація объявила всеобщую забастовку. „Цѣль, къ которой стремилася эта федерація никогда не скрывалась,—пишетъ Times.—Первый пунктъ устава федераціи говоритъ о ниспроверженіи капиталистическаго строя и объ учрежденіи республики, основанной на справедливыхъ демократическихъ принципахъ производства". Не смотря на то, что стачку поддержали трэдъ-юніоны, не принадлежащіе къ федера-

ціи, забастовка кончилась полной неудачей. Черезъ десять дней стачечники уже работали.

Корреспондентъ „Times"'а съ похвалою отмѣчаетъ, что рѣшающее вліяніе на исходъ стачки имѣло вмѣшательство мелкихъ фермеровъ, поспѣшившихъ стать въ ряды волонтеровъ, вызванныхъ правительствомъ. Мелкій фермеръ—„всегда являлся политическимъ противникомъ организованнаго труда. Стачка же, не давая фермерамъ возможности отправлять въ городъ свои продукты, привела деревенское населеніе въ бѣшенство и побудила ихъ расправиться съ рабочими. И, когда правительство вызвало конныхъ волонтеровъ, оно получило болѣе быстрый отвѣтъ, чѣмъ ждало: въ первый же день явилась тысяча мелкихъ фермеровъ верхами" [1]). Явленіе, отмѣченное новозеландскимъ корреспондентомъ „Times"'а, обозначилось уже давно, еще въ тѣ годы, когда появлялись компилятивныя книжки о „Счастливыхъ островахъ". Я приведу выдержку изъ самой оригинальной и талантливой австралійской газеты за 1902 годъ. Газета говоритъ о насажденіи мелкаго фермерства въ Новой Зеландіи. Реформа была проведена Седдономъ и Баллансомъ. „Реформа въ цѣломъ равна была настоящей аграрной революціи. Крупные скуотеры, прежде являвшіеся хозяевами страны, послѣ революціи превратились въ безсильную кучку, которая въ парламентѣ вызывала только смѣхъ своими архаическими взглядами. Въ первое время новый землевладѣльческій элементъ, созданный Баллансомъ и Седдономъ, былъ демократиченъ,—говоритъ Sydney Bulletin.—У него не было ни фартинга за душой. Онъ былъ долженъ правительству за землю. Фермеры не закончили еще построекъ и не успѣли еще огородить полей. Собственность новаго землевладѣльца состояла только изъ плохого коня, да изъ двухъ коровъ. Онъ работалъ съ ранняго утра до поздняго вечера и радъ былъ въ свободное время наняться на работу при постройкѣ правительственной желѣзной дороги. Въ то время фермеръ смотрѣлъ на городского работника, какъ на равнаго и какъ на брата. И тогда демократическая партія въ городѣ и въ деревнѣ представляла одно цѣлое. То было самое блестящее время партіи Балланса и Седдона.

Но маленькій, жалкій *коки* (кличка австралійскихъ батраковъ), котораго правительство Балланса и Седдона превратило изъ крѣпостнаго у скоутера въ независимаго фермера, сталъ богатѣть и зазнаваться,—продолжаетъ Sydney Bulletin. — Выкупивъ свою закладную, онъ почувствовалъ себя тоже скуотеромъ, только поменьше. Съ каждымъ годомъ число фермеровъ, очистившихъ свои долги, увеличивается и соотвѣтственно съ этимъ растетъ въ Новой Зеландіи новый землевладѣльческій классъ. Онъ глядитъ сверху внизъ на городскихъ работниковъ, которыхъ прежде считалъ

---

[1]) „Times", 18 February 1914.

братьями и сотоварищами въ борьбѣ за демократическія реформы. Новый фермеръ желаетъ имѣть дешевыхъ работниковъ, хотя всего лишь пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ былъ батракомъ. Онъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, можно ли „низшему классу“ предоставить право участвовать въ выборахъ, и возстаетъ противъ „соціалистическаго законодательства“, которое дало тому же *коки* землю, кредитъ и всякое содѣйствіе со стороны государства. Безъ „соціалистическаго законодательства“, противъ котораго теперь фермеръ возстаетъ, онъ до сихъ поръ былъ бы безземельнымъ батракомъ, пасъ бы хозяйскихъ коровъ и получалъ бы по 15 шил. въ недѣлю и плохіе харчи. *Коки* теперь задумывается надъ вопросомъ о свободной торговлѣ, который понимаетъ прямолинейно и своеобразно. „Союзъ фермеровъ“ высказываетъ открыто, что протекціонизмъ въ Новой Зеландіи долженъ быть отмѣненъ. Тогда иностранные товары хлынутъ широкой волной на рынки; мѣстныя фабрики не выдержатъ конкуренціи и закроются; изъ городовъ въ деревни потянутся массы безработныхъ, которые готовы будутъ предложить свои услуги фермерамъ за какую угодно плату. За пятнадцать лѣтъ безземельные батраки, которыхъ реформы Балланса и Седдона превратили въ фермеровъ-собственниковъ, успѣли измѣнить свой взглядъ на рабочій вопросъ. Фермеры теперь „изумляются дерзости рабочаго класса“, добивающагося высокой заработной платы“ [1]).

Такъ обстояли дѣла въ Новой Зеланіи уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. И теперь, при первомъ удобномъ случаѣ, фермеръ, какъ это было въ Колорадо, въ Вакауверѣ, Дублинѣ и въ Іоганнесбургѣ, выступилъ противъ городского рабочаго. „Фермеры всегда были политическими противниками организованнаго труда въ Новой Зеландіи,—пишетъ корреспондентъ „Times“'а.—Фермеръ и городской рабочій расходятся по всѣмъ пунктамъ... Теперь, когда стачка причинила фермерамъ прямой убытокъ, они увидали поводъ активно проявить свое недовольство. Пятаго ноября 1913 г. конный отрядъ, состоящій изъ тысячи фермеровъ, въѣхалъ въ Веллингтонъ и открылъ для всѣхъ портъ, закрытый стачечниками съ 24 октября. Фермеры, вмѣстѣ съ констэблями-добровольцами, составили охрану и дали возможность нагружать и выгружать корабли“. „Центромъ безпорядковъ затѣмъ сдѣлался Ауклэндъ. Стачка здѣсь началась на тедѣлю позже, чѣмъ въ Веллингтонѣ. Рабочіе отказались нагружать уголь, назначенный для Веллингтона. Въ продолженіе десяти дней стачечный комитетъ держалъ гавани въ своихъ рукахъ, указывалъ, какіе товары могутъ быть нагружаемы и выгружаемы. Фактически комитетъ разрѣшалъ выгружать только пассажирскій багажъ, — продолжаетъ новозеланд-

[1]) Sydney Bulletin, 1902, № 1183 (см. Діонео, „Рефлексы дѣйствительности“. Москва, 1910, стр. 286).

скій корреспондентъ. И тогда — по выраженію корреспондента — власти сдѣлали удивительный ходъ, результатомъ котораго было то, что гавани безъ борьбы отняты были у стачечниковъ. Восьмого ноября, въ 5 часовъ утра, когда весь стачечный комитетъ спалъ, тысячный отрядъ, состоящій въ равныхъ частяхъ изъ фермеровъ и констэблей-добровольцевъ, въѣхалъ въАуклэндъ и занялъ гавань. Черезъ день сформировался изъ фермеровъ новый союзъ докеровъ, состоящій изъ семидесяти человѣкъ, который принялся нагружать скопившіеся сельскіе продукты. Стачечный комитетъ отвѣтилъ провозглашеніемъ всеобщей забастовки.

„То былъ наиболѣе смѣлый ходъ, сдѣланный когда-либо новозеландскими рабочими,—пишетъ корреспондентъ.—Замѣчательной чертой надо считать то, что, хотя всеобщую забастовку объявила революціонная рабочая федерація, къ стачкѣ присоединились союзы, не принадлежащіе къ этой организаціи. На призывъ стачечнаго комитета откликнулось до 5 тысячъ рабочихъ. Служащимъ на трамваяхъ не пришлось объявлять стачку, хотя они были за нее, такъ какъ недостатокъ въ углѣ еще раньше побудилъ компанію прекратить движеніе. Въ общемъ, такъ или иначе, стачка захватила 8.000 рабочихъ. Это—въ городѣ, въ которомъ всего населенія (считая и пригороды) 100.000. Такъ какъ фермеры, явившіеся въ городъ и занявшіе портъ, продолжали работать, то общая стачка кончилась неудачей. Черезъ недѣлю 1.000 забастовщиковъ принялись за работу. Къ 17 ноября, т. е. черезъ десять дней послѣ провозглашенія всеобщей забастовки, работали уже 2.000. Упорнѣе всѣхъ держались матросы; но тѣмъ не менѣе, при помощи новыхъ людей, весь большой каботажный флотъ былъ уже въ движеніи черезъ 10 дней. Двадцать четвертаго ноября стачечный комитетъ, убѣдившись, что потерпѣлъ полное пораженіе, объявилъ забастовку конченной [1]).

Такъ какъ новозеландская стачка крайне характерна для выясненія настроенія англійскихъ рабочихъ, отброшенныхъ отъ центра имперіи къ периферіямъ ея, то я приведу еще одинъ документъ, изображающій съ точки зрѣнія труда событія на „Счастливыхъ островахъ“. „Крайне важно, чтобы какъ англійскіе соціалисты, такъ и прогрессисты знали про дѣйствительныя причины гибельной стачки въ Новой Зеландіи,—пишетъ изъ Вашингтона корреспондентъ новаго еженедѣльнаго журнала, издаваемаго супругами Веббами и Бернардомъ Шоу.—И если сообщенія о стачкѣ, посланныя въ англійскія газеты, совпадаютъ съ извѣстіями о ней и освѣщеніемъ, появившимися въ новозеландской капиталистической печати, то дѣйствительное знаніе тѣмъ болѣе важно“. По словамъ корреспондента, уже въ серединѣ 1913 года, предприниматели постановили сдѣлать рѣшительный ходъ, чтобы до-

---

[1]) „Times“ February 18.

биться власти. Съ этою цѣлью федерація предпринимателей собрала боевой фондъ и вступила въ соглашеніе съ Союзомъ фермеровъ, Ассоціацией торговцевъ и „однородными консервативными организаціями".

„Эти объединившіеся союзы быстро убѣдились, что раньше всего имъ надлежитъ направить ударъ противъ объединенной рабочей федераціи и противъ соціалъ-демократической партіи. Первая является промышленнымъ, а вторая политическимъ крыломъ единственной боевой рабочей партіи въ Новой Зеландіи. Какъ рабочая федерація, такъ и соціалъ-демократическая партія имѣли такой громадный успѣхъ, для всѣхъ такъ было ясно, что онѣ вскорѣ станутъ хозяевами положенія въ промышленности и въ политикѣ, что организація предпринимателей, имѣя на своей сторонѣ сочувствующее торійское правительство, рѣшила нанести молодымъ союзамъ рѣшительный ударъ, покуда они не окрѣпли. Какъ выяснилось въ Америкѣ, стачки рабочихъ создаются, когда это выгодно предпринимателямъ, путемъ булавочныхъ уколовъ. Федерація рабочихъ. зная это, была противъ преждевременныхъ выступленій, Въ самомъ дѣлѣ, она воспользовалась своею властью для прекращенія двухъ стачекъ (въ угольныхъ шахтахъ въ Деннистонѣ и на цементномъ заводѣ въ Уоркуортѣ). Федерація приказала стачечникамъ возвратиться на работу. Мѣсяцъ спустя въ Хентли были уволены предпринимателями шестнадцать углекоповъ, въ томъ числѣ весь исполнительный комитетъ професcіональнаго союза. Большинство изъ уволенныхъ прослужили много лѣтъ въ шахтѣ Официальнымъ поводомъ выставлена была необходимость сокращенія штатовъ". Уволенные спросили, почему же, если дѣйствительно такое сокращеніе понадобилось, приняты вновь четырнадцать другихъ рабочихъ? Хозяева не сочли надобнымъ отвѣтить. „Если нѣтъ работы для всѣхъ,—сказали другіе углекопы—то мы согласны работать лишь пять дней, вмѣсто шести; но только не увольняйте никого". Предприниматели отвѣтили: „нѣтъ". Тогда углекопы попросили, чтобы имъ самимъ дано было выбрать 16 человѣкъ, подлежащихъ увольненію. И на это предприниматели отвѣтили отрицательно. Углекопамъ стало тогда ясно, что хозяева желаютъ расправиться съ трэдъ-юніономъ. Началась стачка.

Между тѣмъ въ Веллингтонѣ маленькій союзъ корабельныхъ плотниковъ, состоящій всего изъ сорока человѣкъ, потребовалъ повышенія заработной платы, указывая на то, что послѣдняя не увеличивается вотъ уже много лѣтъ. Въ отвѣтъ на требованіе союзъ кораблестроителей *сократилъ* заработную плату на пять шиллинговъ въ недѣлю. Корабельные плотники пожаловались Веллингтонской федераціи береговыхъ рабочихъ, къ которой принадлежалъ ихъ профессіональный союзъ. Федерація, насчитывающая до 1,600 сочленовъ, объявила немедленную стачку корабельныхъ плотниковъ и созвала потомъ митингъ для рѣшенія вопроса, про-

должать ли ее. Послѣ часоваго засѣданія митингъ высказался противъ стачки. На другой день плотники явились на работу, но убѣдились, что ихъ мѣста заняты. Тогда федерація вызвала всѣхъ своихъ сочленовъ и объявила стачку. „Теоретически, конечно, федерація была неправа, когда объявила немедленную стачку корабельныхъ работниковъ и послѣ только этого созвала митингъ,— пишетъ новозеландскій корреспондентъ New Statesman.—Но федерація указываетъ, что ночью невозможно было собрать сочленовъ, что корабельные плотники, работающіе сдѣльно и получающіе по часамъ, не могли разсчитывать на такое суровое наказаніе, какъ разсчетъ. Какъ бы тамъ ни было, оказалось, что рабочіе слѣпо пошли въ западню, разставленную имъ предпринимателями,— говоритъ корреспондентъ.--Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой западнѣ рабочіе очутились бы, такъ или иначе, рано или поздно“.

Федерація разставила всюду пикеты, и вся жизнь порта замерла. Такъ прошло два-три дня. Кое-гдѣ происходили драки при попыткахъ нагрузить или выгрузить какой-нибудь корабль. Полицію отозвали изъ порта, повидимому, спеціально для того, чтобы дать возможность наиболѣе бойкимъ стачечникамъ проявить себя,—говоритъ корреспондентъ. Черезъ три дня федерація береговыхъ рабочихъ обратилась къ соединенной рабочей федераціи, къ которой принадлежала, съ просьбой взять на себя руководство стачкой. Рабочая федерація очень неохотно согласилась на это. Взялась она за контроль только потому, что разсчитывала выговорить лучшія условія для стачечниковъ; но въ этомъ она ошиблась. Изо дня въ день происходили безрезультатныя совѣщанія между предпринимателями и представителями рабочей федераціи. Каждое новое совѣщаніе порождало разочарованіе и раздраженіе у рабочихъ, убѣдившихся, что предприниматели не дадутъ никакихъ уступокъ. Если рабочіе принимали предложеніе, сдѣланное хозяевами, то эти немедленно брали свои слова обратно. Наконецъ, хозяева поставили ультиматумъ, чтобы побережные рабочіе подчинились закону о принудительномъ третейскомъ судѣ. Надо знать, что федерація побережныхъ рабочихъ, убѣдившись въ абсолютной невыгодности и пристрастности этого закона, заявила раньше, что не желаетъ имѣть никакого дѣла съ третейскимъ судомъ. Такимъ образомъ ультиматумъ, поставленный хозяевами, показался рабочимъ вдвойнѣ обиднымъ,—говоритъ новозеландскій корреспондентъ New Statesman.

И мнѣ невольно вспоминаются восторженные отзывы о томъ же законѣ, данные въ 1900 г. Генри Димарестомъ Ллойдомъ въ его извѣстной и (и очень талантливой) книгѣ „Newest England“. Авторъ, американецъ по происхожденію, милліонеръ по состоянію и соціалистъ по убѣжденіямъ, объѣхалъ Австралію и Новую Зеландію съ цѣлью изучить, насколько англо-саксонцы поль

зуются старымъ опытомъ, чтобы на новыхъ мѣстахъ устроить себѣ разумную жизнь. „Новозеландскій законъ о предупрежденіи стачки путемъ третейскаго суда, рѣшеніе котораго обязательно, всеобъемлющъ и построенъ на прочномъ фундаментѣ,—говоритъ Ллойдъ.—Онъ касается не отдѣльныхъ случаевъ только, а вообще *всей* проблемы о гражданской войнѣ между трудомъ и капиталомъ. И хотя законъ не имѣлъ въ виду „системы выжиманія пота", но онъ значительно сократилъ ея существованіе. Новая Зеландія—единственная страна, гдѣ дѣйствуетъ законъ объ обязательномъ подчиненіи хозяевъ и рабочихъ рѣшенію третейскаго суда въ случаѣ недоразумѣній между ними. И Новая Зеландія также единственная страна, гдѣ втеченіе пяти лѣтъ не было ни одной стачки и ни одного локаута. Мы имѣемъ въ виду организованныхъ рабочихъ. Опытъ, продѣланный въ Новой Зеландіи, доказалъ уже, что тамъ найдено *вѣрное* средство для разрѣшенія промышленныхъ споровъ между трудомъ и капиталомъ. Законъ осуществилъ то, что обѣщалъ, т. е. миръ въ области промышленности. Въ философскомъ отношеніи новозеландскій опытъ является распространеніемъ на промышленный міръ, гдѣ дотолѣ господствовала анархія, стараго учрежденія, т. е. закона, при помощи котораго достигнуто успокоеніе другихъ сферъ, пребывавшихъ въ состояніи анархіи. Съ каждымъ днемъ новый законъ пускаетъ все глубже корни и приноситъ совершенно неожиданные плоды. Такъ, напр., законъ о третейскомъ судѣ уничтожилъ какъ безсмысленную, отчаянную конкуренцію между промышленными фирмами, такъ и торговую недобросовѣстность"...

Законъ не имѣетъ прецедента,—указываетъ дальше Ллойдъ.—Правда, въ Массачузетсѣ сдѣлано много для предупрежденія стачекъ; но тамъ законодатели дошли только до Рубикона, т. е. до рѣшенія, имѣющаго обязательный характеръ. Послѣднее явилось не результатомъ абстрактной теоріи—продолжаетъ Ллойдъ—и не осталось одною теоріей. Оно было найдено въ крайне серьезный моментъ, во время великой стачки 1890 г., когда Новая Зеландія и Австралія стояли у порога анархіи. А впереди тогда была еще возможность забастовки на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ. И вотъ, чтобы спасти Новую Зеландію отъ всѣхъ этихъ бѣдствій, болѣе разорительныхъ даже, чѣмъ война, тогдашній министръ труда (Вильямъ Пемберъ Ривсъ) ввелъ законъ о третейскомъ судѣ съ обязательнымъ рѣшеніемъ" [1]). Принципомъ закона является то, что управлять должно большинство,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Ллойдъ.—Въ каждомъ промышленномъ спорѣ заинтересованы три коллективныя лица: трудъ, капиталъ и государство. Послѣднее, какъ выразитель большинства, имѣетъ право рѣшать, на чьей сторонѣ право. Новозеландцы отнюдь не страшатся обязательныхъ

[1]) Henry Demarest Lloyd, „Newest England", New-York, 1900, стр. 258—259.

рѣшеній. Они—самый демократическій народъ въ мірѣ. Такъ какъ правительство у нихъ является вѣрнымъ выразителемъ желаній большинства, то новозеландцы не боятся довѣрить ему контроль надъ тѣмъ, чтобы рѣшающее вліяніе въ промышленныхъ спорахъ всегда принадлежало большинству. При такой широкой свободѣ, какая существуетъ въ Новой Зеландіи, обязательный характеръ рѣшенія третейскаго суда является вполнѣ естественнымъ,—полагаетъ населеніе.—Разъ налоги, образованіе и санитарныя требованія обязательны, но почему же рѣшенію суда въ промышленныхъ спорахъ не носить такого же характера? [1]).

Законъ о третейскомъ разбирательствѣ промышленныхъ споровъ въ первоначальной редакціи назывался такъ: „законъ, поощряющій формированіе профессіональныхъ союзовъ и ассоціацій, дабы облегчить путемъ третейскаго суда разрѣшеніе промышленныхъ споровъ“. Какъ предпринимателямъ, такъ и рабочимъ рекомендовалось вступать въ особые союзы и ассоціаціи. Законодатель находилъ, что какъ для тяжущихся сторонъ, такъ и для общества выгоднѣе, если трудъ и капиталъ будутъ представлять собою организованные союзы, а не безпорядочную толпу. Чтобы побудить предпринимателей и рабочихъ организоваться, законъ предоставилъ союзамъ особыя привилегіи. Наиболѣе крупной изъ нихъ было право призывать другую организацію къ третейскому суду. Только тѣ рабочіе подчинены третейскому суду, которые составили союзъ и зарегистрировали его на основаніи упомянутаго выше закона. Новая Зеландія была раздѣлена на шесть судебныхъ округовъ, въ каждомъ изъ которыхъ учреждена примирительная камера (Board of Conciliation). Эти камеры сперва разбираютъ недоразумѣніе, возникшее между предпринимателями и рабочими. Если соглашеніе не можетъ быть достигнуто, дѣло переносится въ третейскій судъ (Court of Arbitration), единый для всей колоніи.

Какъ въ примирительныхъ камерахъ, такъ и въ третейскомъ судѣ, предприниматели и рабочіе имѣютъ своихъ выборныхъ представителей. Предсѣдателемъ въ третейскомъ судѣ является коронный судья. Новозеландцамъ и англичанамъ слова *„коронный судья“* внушаютъ иное представленіе, чѣмъ населенію нѣкоторыхъ континентальныхъ странъ. По мнѣнію новозеландцевъ, присутствіе такого судьи гарантируетъ тяжущимся сторонамъ безпристрастность и нелицепріятіе. „Составъ примирительныхъ камеръ и третейскаго суда, кромѣ того, гарантируетъ обѣимъ сторонамъ всестороннее изслѣдованіе вопроса. Обѣ стороны могутъ вызвать экспертовъ, которые тогда дѣйствуютъ, какъ члены суда. Только съ согласія *обѣихъ* сторонъ одна изъ нихъ можетъ быть представлена въ судѣ адвокатами“ [2]). Этотъ пунктъ является отраженіемъ

[1]) Ib., стр. 261.
[2]) Ib., стр. 263.

глубокаго недовѣрія англійскихъ массъ къ законникамъ, защищающимъ всегда тѣхъ, кто можетъ больше заплатить, т. е. предпринимателей. „Приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать разборъ споровъ быстрымъ, дешевымъ и не техническимъ",—говоритъ Ллойдъ.

Мы видѣли, что федерація береговыхъ рабочихъ, возникшая на основаніи закона о третейскомъ судѣ, не только отвергла потомъ этотъ судъ, но сочла даже за оскорбленіе предложеніе предпринимателей обратиться къ нему.

„Поведеніе береговыхъ рабочихъ и другихъ свободныхъ союзовъ требуетъ нѣкоторыхъ объясненій, — пишетъ корреспондентъ „New Statesman".—Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда только былъ введенъ законъ о третейскомъ судѣ, онъ являлся необязательнымъ въ томъ отношеніи, что профессіональные союзы могли регистрироваться или оставаться внѣ дѣйствія Arbitration Act. Законъ запрещалъ стачку только въ томъ случаѣ, когда недоразумѣніе между предпринимателями и рабочими было sub judice. Но шли года, къ первоначальному закону сдѣланы были поправки, и тогда стачки снова начались. Чтобы предупредить ихъ возможность, въ законъ внесены были пункты, налагающіе суровыя наказанія за стачки. Тогда и многими зарегистрированными союзами овладѣла тревога, и въ результатѣ было то, что они провозгласили себя независимыми. Въ концѣ 1913 года въ парламентѣ прошла новая поправка, направленная какъ противъ стачечниковъ, такъ и противъ помогающихъ имъ. Еще большее безпокойство овладѣло тогда зарегистрированными и свободными союзами. Такъ какъ у власти стоитъ теперь въ Новой Зеландіи торійское министерство, симпатіи котораго всецѣло на сторонѣ предпринимателей, то у рабочихъ невольно рождается вопросъ: „какому измѣненію еще подвергнется законъ о стачкахъ?" И безъ того обязательный характеръ рѣшенія превратился для рабочихъ въ своего рода засасывающую трясину, которую государство дѣлаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе опасной. Покуда профессіональные союзы были вольны выдѣлиться, опасность не представлялась еще значительной. Но послѣ поправки 1913 г. наказаніе можетъ быть наложено какъ на зарегистрированные профессіональные союзы, такъ и на вольныя ассоціаціи, не пользующіяся привилегіями закона о третейскомъ судѣ. И именно боязнью новыхъ выступленій государства обусловливается поведеніе федераціи береговыхъ рабочихъ" [1]).

Мы видѣли, какъ сильно недовольство массъ въ Англіи, порождающее теперь одну громадную стачку за другой. Мы видѣли, что наиболѣе энергичные городскіе и сельскіе рабочіе, ища не только высокой заработной платой, но и широкихъ горизонтовъ, переселяются изъ центра къ периферіямъ имперіи (вмѣсто Соединенныхъ Штатовъ, какъ раньше), гдѣ, въ силу разныхъ причинъ,

[1]) „The New Statesnan", № 48. стр. 678—679.

не находятъ ожидаемаго. И въ результатѣ броженіе и на окраинахъ, которое иногда передается обратно, какъ это было въ Южной Африкѣ.

Англичане знаютъ только одинъ способъ, какимъ образомъ останавливать броженіе—*реформы*. Необходимость реформъ, притомъ такихъ широкихъ, какихъ раньше не было, сознается теперь какъ радикалами, такъ и консерваторами. Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ, что именно предлагаютъ теперь разныя политическія партіи.

Діонео.

Властители современной Германіи.

I

Это было лѣтъ пять тому назадъ. Я только что попалъ на территорію Германской имперіи и съ интересомъ приглядывался къ окружающей меня политической и общественной обстановкѣ. Мы—я и одинъ изъ видныхъ берлинскихъ соціалъ-демократовъ—сидѣли за столикомъ большого столичнаго кафе и я, тогда еще не вполнѣ твердо справляясь съ тайнами нѣмецкаго синтаксиса, засыпалъ моего собесѣдника рядомъ недоумѣнныхъ вопросовъ, невольно возникающихъ въ головѣ у каждаго русскаго, впервые знакомящагося съ современной имперіей Гогенцоллерновъ.

— Вы, нѣмцы, — говорилъ я, — являетесь въ настоящее время одной изъ наиболѣе передовыхъ и цивилизованныхъ націй міра. Ваша промышленность достигла исполинскаго развитія и успѣшно конкурируетъ съ англійской и американской. Ваша торговля захватила въ свой гигантскій оборотъ весь земной шаръ. Ваша наука, литература и искусство должны быть, несомнѣнно, причислены къ величайшимъ созданіямъ человѣческаго генія. Ваши города поражаютъ своей чистотой и благоустроенностью, а ваша деревня—необыкновенной высотой сельскохозяйственной культуры. Ваше рабочее движеніе—могущественно и на него съ завистью смотрятъ ваши товарищи во многихъ другихъ странахъ. И однако, не смотря на все это, въ политическомъ отношеніи вы еще—почти варвары. Вашъ рейхстагъ не пользуется особенно крупнымъ вліяніемъ. Вашъ прусскій ландтагъ — важный факторъ германской политики — по составу реакціоннѣе русской Государственной Думы.

— Парламентаризма, — продолжалъ я — у васъ нѣтъ и ваши государственные люди отплевываются и открещиваются отъ него, какъ отъ дьявольскаго навожденія. Вашъ императоръ во многихъ отношеніяхъ абсолютный владыка, а ваша бюрократія почти столь же могущественна, какъ россійская. Ваши гражданскія свободы

такъ узки, что культурный народъ въ нихъ только что не задохнется, а произволъ властей такъ великъ, что при чтеніи газетъ мнѣ часто вспоминается моя родина. Вотъ этотъ украшенный остроконечной каской шуцманъ, стоящій на углу улицы, является, пожалуй, наиболѣе яркимъ воплощеніемъ вашей государственности, придавившей своимъ тяжелымъ каблукомъ грудь націи. И, когда сводишь на очную ставку ваше культурное и ваше политическое лицо, то невольно останавливаешься въ изумленіи: какъ могутъ они существовать вмѣстѣ и одновременно? Какъ можетъ страна, смѣло бросающая вызовъ Великобританіи на міровомъ рынкѣ, мириться дома съ государственнымъ режимомъ, достойнымъ какой-нибудь Венгріи или Португаліи? Какъ можетъ народъ, высоко поднявшій надъ головой свѣтильникъ знанія и считающій въ своей средѣ 3 милліона соціалъ-демократовъ[1]), жить и развиваться въ политической обстановкѣ, обнаруживающей такое близкое сходство съ обстановкой по ту сторону Вержболова?

Мой собесѣдникъ терпѣливо выслушалъ мою тираду и, стряхнувъ пепелъ со своей сигары, спокойно отвѣчалъ:

— Всѣ иностранцы, а въ особенности вы, русскіе, дѣлаете одну и ту же ошибку при оцѣнкѣ внутреннихъ отношеній Германіи. Всѣ вы берете какой-нибудь одинъ особенно поразившій васъ фактъ и обобщаете его на *всю* нѣмецкую жизнь. Точно каждый національный организмъ долженъ непремѣнно представлять собой совершенно однородное, во всѣхъ своихъ частяхъ равно прогрессивное или равно реакціонное цѣлое. Въ дѣйствительности это далеко не такъ. Любая изъ современныхъ европейскихъ странъ — одна больше, другая меньше—является сложнымъ сплавомъ различныхъ историческихъ элементовъ: чугуна и желѣза прошлаго съ благородными металлами настоящаго и будущаго. Не составляетъ исключенія изъ общаго правила и Германія. Наша страна подобна двуликому Янусу: своей соціально-экономической и духовной культурой она смотритъ впередъ, туда, гдѣ смутно рисуются очертанія грядущаго соціалистическаго царства; своимъ же государственно-политическимъ режимомъ она смотритъ назадъ, въ сторону давно отжившихъ идеаловъ средневѣковья. Въ процессѣ историческаго развитія создалось извѣстное раздѣленіе труда между различными классами нашего общества: буржуазія монополизировала въ своихъ рукахъ дѣло экономическаго и умственнаго прогресса, крупное землевладѣніе—сферу государственнаго управленія. Въ области духовной культуры Германія выдвинула десятки славныхъ именъ — Шиллера и Гёте, Гумбольдта и Фихте, Либиха и Гельмгольца— все типичныхъ представителей „третьяго сословія“. А въ области государственнаго управленія у насъ есть только одна, дѣйствительно

[1]) Разговоръ происходилъ въ началѣ 1909 г., когда соціалъ-демократія насчитывала еще только 3.250 тыс. избирателей.

крупная фигура — Бисмаркъ, — который всегда былъ и до конца остался лишь великимъ юнкеромъ...

— Это раздѣленіе труда—говорилъ далѣе мой знакомый—сохраняется, къ большому несчастью нашей родины, вплоть до настоящаго времени. Нѣмецкая промышленность, нѣмецкая наука, нѣмецкая литература и искусство, — это все воплощеніе буржуазнаго и отчасти пролетарскаго начала нашего общественнаго бытія. Наоборотъ, германская политика и германскій государственный строй есть прежде всего выраженіе его юнкерскаго, крупно-землевладѣльческаго начала. А что такое юнкеръ? Современный прусскій юнкеръ по своей психологіи и по своимъ идеаламъ является типичнымъ представителемъ дворянской вольницы XVI и XVII ст. Не думайте, что я преувеличиваю. Вы, напр., вѣроятно, согласитесь со мной, что величайшимъ сокровищемъ нынѣшняго человѣчества должна быть признана его наука. А какъ относится юнкеръ къ наукѣ? Онъ презираетъ ее и называетъ забавой дураковъ, благо низкій уровень его собственнаго образованія лишаетъ его возможности судить о всей грандіозности современнаго знанія: вѣдь въ кавалерійскихъ училищахъ и разныхъ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя воспитываютъ нашихъ будущихъ дипломатовъ и министровъ, все, что выходитъ за предѣлы хорошихъ манеръ и изящной посадки на лошади, считается отъ лукаваго. И дальше. Образованіе для народа юнкеръ разсматриваетъ, какъ опасную роскошь, демократію ненавидитъ отъ всей души и до сихъ поръ убѣжденъ, что кровь, текущая въ его жилахъ, радикально отличается отъ крови, текущей въ жилахъ его работника. Единственной формой дѣятельности, соотвѣтствующей его положенію, юнкеръ признаетъ сельское хозяйство да государственную и военную службу, и единственнымъ „мирнымъ" занятіемъ, не роняющимъ его достоинства, считаетъ охоту и веселое бражничанье. Все, что хотя бы въ самой отдаленной степени напоминаетъ о прогрессѣ, ему органически ненавистно и все, что выходитъ за узкій кругъ его текущихъ дѣлъ и интересовъ, представляется ему опаснымъ новшествомъ. Хотя съ устъ юнкера не сходятъ слова о христіанствѣ и религіи, однако душа его откликается только на призывы самаго грубаго матеріализма. Отечество для него—лишь дойная корова, которая обязана въ ущербъ другимъ поддерживать его драгоцѣнное существованіе. Побывайте какъ-нибудь на ежегодномъ собраніи „Союза сельскихъ хозяевъ" въ циркѣ Бушъ, и вы получите достаточное представленіе о всей глубинѣ юнкерскаго нахальства и невѣжества и о всемъ блескѣ юнкерскаго краснорѣчія, такъ сильно отдающаго ароматомъ лошадинаго стойла... И вотъ эта-то злобно-реакціонная, пережившая себя соціальная группа, вся живущая въ воспоминаніяхъ и идеалахъ средневѣковья, держитъ въ своихъ рукахъ руль государственнаго корабля. Она-то и направляетъ всю внутреннюю и внѣшнюю политику Германіи.

— Да, но не странно ли—прервалъ я моего собесѣдника—что буржуазія, достигнувъ столь высокой ступени развитія въ областяхъ экономической и культурной, не сумѣла въ то же время захватить въ свои руки и политическую власть, какъ захватила ее буржуазія Англіи или Франціи? Не странно ли, что она примирилась съ продолженіемъ господства консервативнаго юнкерства?

— Конечно, странно,—отвѣчалъ, оживляясь, мой знакомый—но на то были особыя историческія причины. И главная изъ нихъ—это быстрота капиталистической эволюціи нашей страны втеченіе минувшихъ трехъ-четырехъ десятилѣтій и связанная съ ней быстрота роста соціалистическаго сознанія пролетаріата. Вѣдь если британская буржуазія остается въ извѣстной степени прогрессивной вплоть до настоящаго дня, то это объясняется прежде всего тѣмъ, что она опирается на широкія массы рабочихъ, еще не ставшихъ на путь принципіальной классовой борьбы. У насъ было иначе. Лассалю, Марксу, Бебелю и Либкнехту удалось вырвать пролетаріатъ изъ-подъ духовной опеки либерализма на зарѣ нашего политическаго развитія. Эпоха, послѣдовавшая за объединеніемъ Германіи, съ ея лихорадочнымъ темпомъ экономическаго развитія и колоссальнымъ обостреніемъ соціальныхъ противорѣчій, могла только утвердить рабочія массы въ правильности ученія, принесеннаго ему апостолами соціализма. Въ результатѣ сложилось мощное, классовое движеніе пролетаріата, которымъ мы по справедливости гордимся въ настоящее время. Но именно потому германскій либерализмъ оказался въ критическомъ положеніи: рабочія массы ушли отъ него; городская мелкая буржуазія подъ косой капитализма быстро таяла и сокращалась въ числѣ; демократическая кровь отливала отъ прогрессивной буржуазіи и это естественно дѣлало послѣднюю все менѣе способной къ борьбѣ за власть. Какая ужь тутъ борьба, когда буржуазія была поставлена между молотомъ юнкерства и наковальней пролетарскихъ массъ! Кончилось тѣмъ, что угрожаемый съ тыла рабочей демократіей, лишенный воли и энергіи германскій либерализмъ отказался отъ сколько-нибудь серьезныхъ попытокъ превратиться въ правящее сословіе. Власть осталась въ монопольномъ владѣніи юнкерства, нашедшаго въ дальнѣйшемъ могущественную поддержку въ лицѣ родственной ему во многихъ отношеніяхъ партіи католическаго центра, а буржуазія удовлетворилась чечевичной похлебкой экономическихъ выгодъ, принесенныхъ ей капиталистическимъ расцвѣтомъ послѣдняго 40-лѣтія.

— Ну, а пролетаріатъ? Вѣдь онъ же представляетъ все-таки очень крупную силу въ Германіи?

— Вотъ-вотъ, я такъ и ожидалъ этого вопроса съ вашей стороны,—съ улыбкой возразилъ мой собесѣдникъ.—Всѣ русскіе воображаютъ, что, если мы имѣемъ 3 милліона голосовъ, то, значитъ ,мы могли бы быть въ Германіи всемогущи. Большая ошибка. Вліяніе

каждой партіи измѣряется не только собственной ея силой, но и силой противодѣйствующихъ факторовъ. Въ этомъ отношеніи положеніе наше крайне неблагопріятно: намъ приходится вести борьбу съ могущественной, прекрасно организованной, ни предъ чѣмъ не останавливающейся юнкерской реакціей при полномъ почти отсутствіи настоящей буржуазной демократіи. Мы уже достаточно сильны для того, чтобы воспрепятствовать ухудшенію политическаго режима, о чемъ такъ страстно мечтаютъ реакціонеры всѣхъ оттѣнковъ, но мы пока еще лишены возможности превратить шуцмана изъ маленькаго царька въ покорнаго слугу общества. Погодите, дайте срокъ! А пока, не смотря на наши 3 милліона голосовъ и на 70 слишкомъ ежедневныхъ партійныхъ газетъ, мы—увы!—еще не въ состояніи сломить господствующаго въ имперіи порядка. Вы видите, такимъ образомъ, что сила консервативнаго юнкерства въ Германіи является не его дѣйствительной силой, а лишь результатомъ слабости либеральной буржуазіи и недостаточнаго еще могущества соціалистическаго пролетаріата.

Этотъ разговоръ мнѣ невольно припомнился, когда въ концѣ прошлаго года имперія Гогенцоллерновъ глубоко всколыхнулась подъ вліяніемъ ставшихъ уже знаменитыми цабернскихъ событій. Ибо въ этихъ событіяхъ, какъ солнце въ малой каплѣ водъ, отразился милитаристски-реакціонный духъ правящей касты Германіи. И, я думаю, русскій читатель на меня не посѣтуетъ, если я попытаюсь дать характеристику той „маленькой, но могущественной политической партіи“, которая держитъ въ своихъ рукахъ руль нѣмецкаго государственнаго корабля.

II.

Политическая біографія германскаго консерватизма поражаетъ крайней скудостью драматическихъ моментовъ. Его офиціальное выступленіе относится къ бурному 1848 г., когда германская демократія впервые бросилась на штурмъ стараго порядка [1]). Группа

[1]) Попытки созданія консервативныхъ организацій дѣлались и раньше. такъ, въ 1810 г., въ виду реформаторскихъ плановъ министерства Гарденберга, въ Берлинѣ возникло „Christlich-deutsche Tischgesellschaft“ съ Ахимомъ фонъ-Арнимомъ во главѣ, программа котораго сводилась къ слѣдующимъ принципамъ: христіанство, вѣрность королю, борьба противъ французскаго владычества и защита исторически пріобрѣтенныхъ правъ. Общество это издавало особый органъ „Berliner Abendblätter“, правда, очень скоро прекратившій свое существованіе. Вслѣдъ за органомъ распалось и самое „Tischgesellschaft“. Въ 30-хъ годахъ, когда, подъ вліяніемъ іюльской революціи во Франціи, нѣмецкое бюргерство начало обнаруживать признаки политическаго оживленія, фонъ-Радовицъ основалъ консервативный еженедѣльникъ „Berliner politisches Wochenblatt“, появлявшійся до 1841 г. Въ 1845 г. проф. Викторъ Эме, при дѣятельной поддержкѣ прусскаго правительства, началъ издавать реакціонный органъ „Janus“, не пользовавшійся, впрочемъ, никакимъ вліяніемъ. Однако, всѣ эти попытки не имѣли прочнаго успѣха и не оставили по себѣ сколько-нибудь серьезнаго слѣда въ исторіи.

видныхъ представителей дворянской аристократіи, среди которыхъ особенно крупную роль играли графъ Фоссъ и братья Людвигъ и Леопольдъ фонъ-Герлахъ, тотчасъ же послѣ штурма берлинскаго цейхгауза основала консервативный органъ „Neue Preussische Zeitung", получившій скоро широкую извѣстность подъ именемъ „Kreuz-Zeitung" („Крестовая Газета"). Редакторомъ органа былъ приглашенъ талантливый журналистъ и одинъ изъ лучшихъ теоретиковъ реакціи, Германъ Вагенеръ, его покровителемъ охотно согласилась быть такъ наз. придворная „камарилья". О духѣ, господствовавшемъ въ редакціи газеты, можно съ достаточной ясностью судить по слѣдующему небольшому отрывку изъ програмной статьи послѣдней:

„Мы будемъ отстаивать—писала „Kreuz-Zeitung"—право, дарованное свыше, противъ произвольнаго, возникшаго снизу права, власть Божьей милостью противъ самозванной власти, существующій правовой порядокъ и защищаемые имъ интересы противъ скрытаго или открытаго насилія, противъ натиска радикализма, не уничтожающаго неравенства, но лишь дающаго ему обратное направленіе" [1]).

„Kreuz-Zeitung" помогла кристаллизаціи всѣхъ консервативныхъ элементовъ, вспугнутыхъ революціонной бурей, и къ концу 1848 г. превратилась уже въ офиціальный органъ, если и недостаточно еще объединенной, то уже очень вліятельной реакціонной партіи. Торжество контръ-революціи въ Пруссіи вознесло консерваторовъ на самую вершину могущества: демократическій парламентъ былъ разогнанъ, избирательный законъ насильственно измѣненъ, къ власти призвано реакціонное министерство Мантейфеля-Бранденбурга, начавшее энергично „ликвидировать" всѣ завоеванія „безумнаго года". Правда, возстановить прежній абсолютизмъ въ полной мѣрѣ оказалось все-таки немыслимымъ и конституціонную форму пришлось оставить. Однако консерваторы сдѣлали все возможное для того, чтобы вынуть изъ этой формы всякое реальное содержаніе. Присяга арміи на вѣрность конституціи была уничтожена; бюджетное право палатъ крайне ограничено; выборная верхняя камера превращена (съ 1854 г.) въ назначаемую королемъ „палату господъ"; сравнительно демократически организованное мѣстное самоуправленіе „реформировано" въ желательномъ для юнкерства направленіи; право собраній фактически уничтожено; пресса отдана подъ строжайшій контроль администраціи. Усердіе послѣдней въ преслѣдованіи свободнаго слова заходило такъ далеко, что подчасъ сама „Kreuz-Zeitung" подвергалась набѣгамъ со стороны берлинскаго полицей-президента фонъ-Гинкельдея.

Въ 1856 г. уже упоминавшіеся выше Вагенеръ и Леопольдъ

[1]) O. Stillich, „Die politischen Parteien in Deutschland. Band I: Die Konservativen", 1908, Leipzig.

фонъ-Герлахъ рискнули даже поднять въ палатѣ депутатовъ, слывшей въ то время подъ именемъ „камеры ландратовъ“, вопросъ о формальной отмѣнѣ ст. 4 конституціи, гласившей, что всѣ пруссаки равны предъ закономъ. Предложеніе смѣлыхъ патріотовъ юнкерства, правда, не было принято. Однако практика жизни вполнѣ соотвѣтствовала выраженнымъ ими пожеланіямъ. Не даромъ же самъ духовный глава тогдашняго консерватизма, проф. Юліусъ Сталь, однажды въ палатѣ господъ откровенно заявилъ: „Существованіе нашей конституціи является возможнымъ главнымъ образомъ потому, что она перестала быть реальностью“.

Однако съ конца 50-хъ годовъ положеніе стало постепенно измѣняться. Страна начала оттаивать изъ-подъ льда реакціи. Смѣна монарха (въ 1858 г.), международныя отношенія, ростъ демократической энергіи въ рядахъ прогрессивнаго бюргерства, наконецъ, все острѣе ощущавшаяся потребность въ объединеніи Германіи—вызывали широкое политическое оживленіе. И для консерваторовъ снова наступили тяжелые дни. Совы реакціи хорошо чувствуютъ себя только темной ночью, — и первые же лучи восходящаго солнца всегда заставляютъ ихъ въ ужасѣ бросаться назадъ. Такъ случилось и теперь. Еще въ 1856 г. консерваторы, разбитые, правда, на нѣсколько различныхъ фракцій, но глубоко единые въ своей ненависти къ прогрессу и демократіи, располагали большинствомъ мѣстъ въ прусскомъ ландтагѣ: изъ 352 мандатовъ они имѣли въ своихъ рукахъ 181. На выборахъ 1859 г. число ихъ сразу сократилось до 47, и на выборахъ 1862 г., происходившихъ въ самый разгаръ „конституціоннаго конфликта“, даже всего лишь до 12. Въ соотвѣтствіи съ этимъ упало и ихъ политическое значеніе. Тактика консерваторовъ втеченіе всего періода 60-хъ гододъ сводилась къ энергичной поддержкѣ автократическихъ аллюровъ Бисмарка, да къ беззубой оппозиціи проектамъ объединенія Германіи. Консерваторы всегда были и вплоть до настоящаго дня остались типичными прусскими партикуляристами и образъ великой объединенной имперіи, поглощающей милую ихъ сердцу реакціонную Пруссію, способенъ былъ въ то время наводить на нихъ только паническій ужасъ. Впрочемъ, въ описываемую эпоху, какъ шиканье, такъ и аплодисменты небольшой юнкерской группы производили на страну одинаково ничтожное впечатлѣніе.

Послѣ трехъ побѣдоносныхъ военныхъ походовъ и десяти лѣтъ небывалаго общественнаго возбужденія имперія, наконецъ, была создана и консерваторамъ волей-неволей приходилось примириться съ фактомъ ея существованія. Но они не переставали стремиться къ максимальному суженію полномочій федеральныхъ учрежденій, чтобы такимъ путемъ хотя бы до извѣстной степени вознаградить потерю своей старо-прусской самостоятельности. Когда въ ноябрѣ 1871 г. вождь національ-либераловъ, Ласкеръ, внесъ въ рейхстагъ предложеніе объ установленіи общеимперскаго граждан-

скаго и уголовнаго права, консерваторы вмѣстѣ съ центромъ рѣшительно высказались противъ столь опаснаго новшества. И, когда въ 1913 г. правительство Бетманъ-Гольвега предложило рейхстагу общеимперскій налогъ на собственность для покрытія расходовъ по вооруженіямъ, тѣ же самые консерваторы подняли страшный шумъ объ узурпаціи федеральной власти правъ отдѣльныхъ федерированныхъ частей. За 42 года, раздѣляющихъ оба названные момента, въ психологіи прусскаго юнкерства не произошло никакой существенной перемѣны.

Защита старо-прусскаго партикуляризма естественно приводила консерваторовъ къ конфликту съ Бисмаркомъ. Но въ ту эпоху руководители новорожденной имперіи довольно далеко отклонились отъ прямого пути ортодоксальной реакціи и шли скорѣе въ ногу съ либеральнымъ бюргерствомъ. Бисмаркъ въ интересахъ объединенія Германіи не постѣснился прогнать съ престоловъ нѣсколько самыхъ подлинныхъ величествъ „божьей милостью". Онъ пошелъ войной на родственную Австрію. Онъ воздвигъ гоненія на католическую церковь. Онъ освободилъ прусскую школу отъ надзора духовенства и провелъ административную реформу, нѣсколько ослабляющую вліяніе юнкерства на мѣстахъ. Въ нижней палатѣ ландтага въ 70-хъ годахъ господствовали либералы, энергично поддерживавшіе политику „желѣзнаго канцлера". Но консервативная „палата господъ" постаралась оказывать сопротивленіе слишкомъ лѣвому курсу. Однако Бисмарка это нисколько не смутило: по его настоянію въ 1872 г. королемъ было назначено достаточное количество сочувствующихъ министерству новыхъ пэровъ, и оппозиція юнкерства была сломлена.

Судьбы консервативныхъ партій обычно бываютъ тѣсно связаны съ отношеніемъ къ нимъ господствующей власти: подъ солнцемъ правительственнаго благоволенія онѣ расцвѣтаютъ пышнымъ цвѣтомъ и сразу же блекнутъ, когда это солнце затягивается облаками. Борьба съ Бисмаркомъ въ началѣ 70-хъ годовъ нанесла реакціонному землевладѣнію тяжелыя раны и привела консервативную партію почти къ полному разложенію. Еще въ 1866 г. отъ нея откололась значительная часть сторонниковъ въ связи съ вопросомъ о такъ называемомъ „индемнитетѣ" [1]) и образовала въ ландтагѣ подъ руководствомъ принца Карла Гогенлоэ

[1]) Въ періодъ „конституціоннаго конфликта" 1862—66 г. бюджетъ не получалъ санкціи народнаго представительства. Послѣ кампаніи 1866 г. Бисмаркъ, имѣя въ виду предстоящую войну съ Франціей, рѣшилъ примириться съ общественнымъ мнѣніемъ и съ этой цѣлью обратился къ ландтагу съ просьбой заднимъ числомъ утвердить незаконныя смѣты годовъ конфликта. Большинство консерваторовъ высказывалось противъ цѣлесообразности подобной просьбы, усматривая въ ней излишнее расшаркиваніе передъ парламентаризмомъ. Однако отколовшееся меньшинство рѣшило поддержать Бисмарка.

особую „свободно-консервативную“ фракцію. Въ 1870 - 73 г. оставшіеся вѣрными старому знамени могикане снова раскололись на „старо-консерваторовъ“ и „ново-консерваторовъ“: первые отвергали борьбу Бисмарка съ католической церковью, вторые энергично поддерживали ее. Впрочемъ, и тѣ, и другіе въ палатѣ депутатовъ были осуждены на полное ничтожество: такъ, въ легислатуру 1873-76 г. „старо-консерваторовъ“ было всего 6, „ново-консерваторовъ“—24; въ легислатуру 1877-79 г. первыхъ насчитывалось 10, вторыхъ — 31. Точно также и въ рейхстагѣ въ 1874 г. имѣлось всего лишь 22 представителя консервативной партіи, и только въ 1877 г. число ихъ возросло до 40.

Съ конца 70-хъ годовъ счастье однако снова улыбнулось оттѣсненному на задній планъ юнкерству. Къ этому времени какъ разъ относится ссора Бисмарка съ либералами на почвѣ введенія табачной монополіи, а также растущихъ притязаній бюргерства на непосредственное участіе въ государственной власти. Потерявши своихъ либеральныхъ сторонниковъ, канцлеръ естественно сталъ искать себѣ какой-нибудь новой парламентской опоры и взоры его невольно обратились на консерваторовъ и центръ. Дальнѣйшее понятно: „Kulturkampf“ была постепенно прекращена; юнкерство привлечено въ составъ министерскаго большинства, и узами между обѣими частями вновь образованной правительственной коалиціи стала протекціонистская таможенная политика, о которой мнѣ еще придется говорить. Тѣмъ самымъ было положено начало тому консервативно-клерикальному курсу, подъ игомъ котораго страна находится вотъ уже почти 35 лѣтъ [1]).

Вмѣстѣ съ возвращеніемъ правительственнаго благоволенія начался быстрый подъемъ юнкерской партіи. Въ 1876 г. произошло возсозданіе ея программы и ея разсыпанной организаціи, а вслѣдъ затѣмъ наступила эра ея парламентскихъ и избирательныхъ успѣховъ. О размѣрахъ послѣднихъ на выборахъ въ рейхстагъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

Годъ	Консерваторы.		Свободные консерваторы.	
	Голосовъ.	Мандатовъ.	Голосовъ.	Мандатовъ.
1881	831 тыс.	50	379 тыс.	28
1884	861 „	78	384 „	28
1887	1.147 „	80	736 „	41
1890	895 „	73	482 „	20
1893	1.038 „	72	438 „	28
1898	859 „	51	343 „	20
1903	948 „	54	333 „	21
1907	1.060 „	60	472 „	24
1912	1.129 „	42	370 „	14

[1]) Маленькимъ перерывомъ въ этомъ курсѣ явился лишь кратковременный періодъ бюловскаго „консервативно-либеральнаго блока 1907—09 г.; названный блокъ оказался однако крайне нежизнеспособнымъ созданіемъ и распался два года спустя послѣ своего возникновенія, споткнувшись о „финансовую реформу“ 1909 г.

Важнѣе, чѣмъ этотъ (въ общемъ все-таки довольно скромный, а, главное, неровный) прогрессъ въ имперскомъ народномъ представительствѣ, былъ непрерывный ростъ вліянія юнкерства въ прусскомъ ландтагѣ и придворныхъ сферахъ. Мы видѣли, что еще въ 1878 г. въ нижней палатѣ ландтага засѣдалъ всего лишь 41 консерваторъ (число „свободныхъ консерваторовъ" опредѣлялось тогда въ 35). Въ 1879 г. количество первыхъ сразу прыгнуло до 110, а вторыхъ—до 51. Систематически увеличиваясь втеченіе последующихъ десятилѣтій, число консервативныхъ депутатовъ въ 1913 г. достигло 148, а число „свободно-консервативныхъ"—53. Обѣ партіи, вмѣстѣ взятыя, составляютъ такимъ образомъ въ настоящее время почти половину всей палаты изъ 443 депутатовъ и являются въ ней полновластными хозяевами. Въ еще большей мѣрѣ возросло за указанный періодъ могущество юнкерства въ придворныхъ сферахъ. Послѣ Бисмарка въ рядахъ государственной бюрократіи не оказалось ни одного человѣка, который былъ бы въ состояніи держать хоть до нѣкоторой степени въ уздѣ консервативную партію. Тѣмъ болѣе, что, съ вступленіемъ на престолъ нынѣшняго императора Вильгельма съ его средневѣково-романтическими вкусами и склонностями, предъ графами и баронами восточной Пруссіи открылись чрезвычайно широкія возможности реакціоннаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Въ то же время разложеніе либерализма, обусловленное стремительнымъ ростомъ рабочей демократіи, шло быстрыми шагами впередъ, и сила сопротивленія его юнкерскому натиску годъ отъ году становилась слабѣе. Результатомъ отмѣченной эволюціи явилась радикальная перемѣна въ положеніи консервативной партіи: изъ чахлаго растенія 70-хъ годовъ, протягивавшаго свои листья къ солнцу офиціальнаго благоволенія, она превратилась теперь въ политическую силу, держащую въ своихъ рукахъ весь государственный механизмъ имперіи, свергающую и назначающую по своему усмотрѣнію „отвѣтственныхъ только предъ короной" министровъ.

III.

Уже изъ предыдущаго достаточно ясно, что консервативная партія не является *народной* (хотя бы и реакціонной по характеру) партіей вродѣ, напр., католическаго центра. Сила центра заключается въ его колоссальномъ идейномъ вліяніи на массы, умѣло гипнотизируемыя іезуитскими „ловцами" душъ человѣческихъ. Массовая партія требуетъ и массовой организаціи, которая у нѣмецкихъ клерикаловъ, дѣйствительно, стоитъ на очень высокой ступени техническаго совершенства. Совсѣмъ иное дѣло консерваторы. Ихъ мощь покоится не на господствѣ надъ умами широкихъ слоевъ населенія, а на ихъ доминирующемъ положеніи въ

придворныхъ сферахъ и въ рядахъ государственной бюрократіи. Вѣдь всѣ министры, дипломаты, высшіе чиновники, генералы и т. д. вербуются исключительно изъ ихъ среды. Консерваторы— это партія аристократической олигархіи par excellence, для которой „народъ" не больше, какъ подъяремное быдло, подлежащее укрощенію при помощи „ежовыхъ рукавицъ". При такихъ условіяхъ нисколько неудивительно, что консерваторы не ощущаютъ особой потребности и, дѣйствительно, не имѣютъ большой *партійно-политической* организаціи. Къ чему она? „Воспитывать" массы имъ не приходится. А для цѣлей „давленія" на избирателей во время парламентскихъ выборовъ оказывается совершенно достаточной организація административно-полицейскаго аппарата восточной Пруссіи, находящагося цѣликомъ въ рукахъ представителей юнкерства.

Что беззастѣнчивое „терроризированіе" сельскаго населенія [1]) является основой всей избирательной политики консерваторовъ,— уже давно признано въ Германіи. Но, чтобы ярче иллюстрировать „остэльбскіе" методы воздѣйствія на „голосующую скотину", приведу здѣсь только одинъ характерный примѣръ. Нѣсколько недѣль тому назадъ въ коммиссіи рейхстага обсуждался національ-либеральный протестъ противъ выборовъ парламентскаго вождя юнкерской партіи фонъ-Гейдебранда, прошедшаго въ одномъ изъ округовъ Верхней Силезіи. Было установлено, что для доставленія побѣды своему кандидату консерваторы не останавливались рѣшительно ни предъ какими средствами: бойкотомъ сторонниковъ противныхъ партій, запрещеніемъ владѣльцамъ пивныхъ залъ сдавать помѣщенія подъ либеральныя или соціалистическія собранія, прямой покупкой голосовъ и беззастѣнчивымъ застращиваніемъ всѣхъ зависимыхъ и подначальныхъ. Банды подневольныхъ партизановъ, спеціально организованныя крупными помѣщиками изъ числа служащихъ и рабочихъ, разсылались по всему округу, врывались въ помѣщенія, гдѣ происходили „враждебные" митинги, разгоняли слушателей палочными ударами и забрасывали ораторовъ грязью и каменьями. Агенты Гейдебранда ходили по домамъ и отбирали у жителей избирательные бюллетени противныхъ партій, оставляя въ рукахъ у нихъ только консервативные. Полицейскіе служители разносили

---

[1]) Консерваторы являются типичной „деревенской" партіей. На выборахъ 1912 г. 75% всѣхъ собранныхъ ими голосовъ были получены ими въ селеніяхъ съ количествомъ жителей, не превышающимъ 2.000, и 86% всѣхъ голосовъ—въ селеніяхъ съ количествомъ жителей, не превышающихъ 10.000. Соотвѣтственныя цифры для „свободныхъ консерваторовъ" равняются 61% и 80%. Изъ общаго количества 56 мандатовъ, которыми обѣ консервативныя фракціи располагаютъ въ рейхстагѣ, нѣтъ ни одного крупно-городского. Почти всѣ завоеваны въ деревенскихъ округахъ, при томъ преимущественно въ деревенскихъ округахъ восточной Пруссіи (39 изъ 56),—этого царства помѣщичьихъ латифундій.

по квартирамъ юнкерскія воззванія и прокламаціи. Сельскіе рабочіе пригонялись толпами къ избирательнымъ бюро и тамъ подъ надзоромъ приказчиковъ и управляющихъ подавали свои бюллетени. Больше того. Кое-гдѣ были констатированы даже случаи, когда оффиціальныя лица, обязанныя наблюдать за правильностью выборной процедуры, сами вскрывали запечатанные конверты и замѣняли лежавшіе тамъ либеральные или соціалистическіе бюллетени бюллетенями консервативными [1]). Такъ проходилъ въ рейхстагъ политическій вождь современнаго юнкерства. И такъ проходятъ почти всѣ его, правда, довольно немногочисленные коллеги...

Впрочемъ, въ странѣ всеобщаго избирательнаго права совсѣмъ обойтись безъ организаціи, разсчитанной на широкія массы, даже и для консерваторовъ оказывается невозможнымъ. Цѣлямъ уловленія „народа“ въ юнкерскія сѣти служитъ основанный въ 1893 г. пресловутый „Bund der Landwirte“ („Союзъ сельскихъ хозяевъ“). Первоначально этотъ союзъ ставилъ себѣ чисто-экономическія задачи. Въ своемъ програмномъ заявленіи онъ говорилъ:

„Нѣмецкое сельское хозяйство является первой и важнѣйшей изъ отраслей нашей промышленности, надежнѣйшей опорой имперіи и отдѣльныхъ союзныхъ государствъ. Поэтому наша главная и основная задача состоитъ въ защитѣ интересовъ и укрѣпленіи сельскаго хозяйства, такъ какъ съ его процвѣтаніемъ тѣсно связано благополучіе всѣхъ остальныхъ отраслей труда“.

„Bund der Landwirte“ требовалъ повышенія хлѣбныхъ пошлинъ, различныхъ льготъ для сельскаго хозяйства въ налоговой области, введенія биметаллизма, органиаацiи с.-х. камеръ, реформы права собственности на землю, измѣненія законодательства о наймѣ рабочихъ и цѣлаго ряда другихъ преобразованій все того-же аграрно-протекціонистскаго характера. Для осуществленія поставленныхъ себѣ цѣлей Союзъ рѣшилъ принимать непосредственное участіе въ избирательныхъ кампаніяхъ и, разъ ставши на эту дорогу, естественно очень быстро попалъ въ политическое русло консервативной партіи: вѣдь его ядро составляли тѣ же самые представители правовѣрнаго юнкерства, да и всѣ его остальные, преимущественно крупно-крестьянскіе, элементы вербовались изъ среды консервативныхъ избирателей восточной Пруссіи. Въ настоящее время „Bund der Landwirte“ является главной опорой юнкерской реакціи въ народныхъ массахъ. Онъ созываетъ по деревнямъ митинги и собранія, издаетъ и распространяетъ кой-какую (въ общемъ не слишкомъ обширную) литературу, представляетъ интересы сельскаго хозяйства предъ различнаго рода оффиціальными органами и властями и собирается ежегодно (въ февралѣ мѣсяцѣ) на торжественный съѣздъ-парадъ въ циркѣ Бушъ въ Берлинѣ, гдѣ всѣ ве-

---

1) См. „Vorwärts“ № отъ 12 февраля 1914 г.

ликіе и малые вожди аграрно-консервативной реакціи даютъ полную волю своему юнкерско-фельдфебельскому краснорѣчію.

Объ истинныхъ размѣрахъ союза судить очень трудно, такъ какъ правленіе его въ послѣдніе годы публикуетъ лишь крайне неполные отчеты. Руководители утверждаютъ, ччо у нихъ имѣется 300 тыс. членовъ,—однако не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта цифра сильно преувеличена. Едва-ли въ рядахъ союза насчитывается больше 150-200 тыс. человѣкъ. Какъ бы то ни было, но нельзя отрицать, что „Союзъ сельскихъ хозяевъ" въ настоящее время на востокѣ Германіи играетъ крупную роль въ жизни земледѣльческаго населенія. Впрочемъ, его значеніе приходится объяснять не столько силой и авторитетомъ самой организаціи, какъ таковой, сколько непосредственнымъ участіемъ въ немъ всемогущихъ прусскихъ помѣщиковъ и всемѣрной поддержкой, оказываемой ему мѣстными и центральными органами государственной власти [1]).

IV.

Каждая большая политическая партія имѣетъ свою идеологію. И, хотя прусскіе консерваторы никогда не отличались большой охотой къ опаснымъ теоретическимъ умствованіямъ, они имѣютъ все-таки то, что можетъ быть названо ихъ общественно-политическимъ міросозерцаніемъ. Но странно это міросозерцаніе!

Какъ и всякое типичное реакціонное теченіе, консерваторы исходятъ въ своихъ построеніяхъ, конечно, изъ религіи. „Наше политическое ABC это соціальные и политическіе принципы христіанства" — писалъ еще въ 1857 г. „Wagenersche Lexikon", эта офиціозная библія юнкерской идеологіи. И точно также 35 лѣтъ спустя Tivoli - Programm консервативной партіи (принята въ 1892 г.), дѣйствующая еще понынѣ, заявляла: „мы стремимся къ сохраненію и укрѣпленію христіанскаго міросозерцанія въ на-

---

[1]) Кромѣ „Союза сельскихъ хозяевъ", консерваторами втеченіе минувшихъ десятилѣтій былъ созданъ еще цѣлый рядъ спеціальныхъ организацій, обслуживающихъ тѣ или иные пункты ихъ обще-реакціонной программы. Таково, напр., „Vereinigung der Steuer-und Wirtschaftsreformer" (основано въ 1876 г.), общество, преслѣдующее задачи ослабленія экономическаго вліянія движимаго капитала путемъ болѣе суроваго налоговаго обложенія послѣдняго; таковъ возникшій въ 1898 г. „Flottenverein", поставившій въ центрѣ своей дѣятельности агитацію за усиленіе морской мощи Германіи; таковъ же созданный въ 1904 г. знаменитый „Reichsverband zur Bekämpfung der Sozialdemokratie", объявившій, какъ показываетъ уже самое его названіе, смертельную войну соціалистическому движенію. Нѣсколько особое мѣсто занимаетъ небольшая партія антисемитовъ, отдѣлившаяся подъ предводительствомъ пастора Штёкера еще въ 1878 г.

роді и государстві и разсматриваемъ его практическое примѣненіе въ законодательствѣ, какъ незамѣнимую основу всякаго здороваго развитія". Изъ христіанства, окрашеннаго въ средневѣковые цвѣта, консерваторы выводятъ всю свою общественную философію и потому нисколько неудивительно, что послѣдняя въ обстановкѣ XX столѣтія выглядитъ приблизительно такъ, какъ выглядѣли бы развалины стариннаго феодальнаго замка среди шума и грохота современнаго капиталистическаго города.

Доминирующей идеей юнкерскаго міросозерцанія является, несомнѣнно, идея прирожденнаго, отъ вѣка установленнаго *соціальнаго неравенства*. „Люди—писала въ 1890 г. (№ 324) „Kreuz-Zeitung"—отъ природы неравны, неравны въ смыслѣ пола, таланта, характера и тѣлесной силы. Богъ восхотѣлъ неравенства людей, ибо онъ сотворилъ ихъ неравными; къ тому же природное равенство сдѣлало бы невозможнымъ никакой прогрессъ. Неравенство людей зависитъ не только отъ рожденія, но также и отъ ихъ развитія. Вотъ почему „великое" слово „égalité" является не больше, какъ вопіющей нелѣпостью (monströser Blödsinn)". Индивидуальное неравенство имѣетъ своимъ послѣдствіемъ и соціальное неравенство. Каждый народъ распадается въ горизонтальномъ отношеніи на двѣ неодинаковыхъ по численности части: благородное дворянство, олицетворяющее собой какъ бы мозгъ націи (консерваторы являются сторонниками органической теоріи общества и потому, очень любятъ сравнивать послѣднее съ человѣческимъ тѣломъ. В. М.) и призванное въ силу рожденія и воспитанія руководить и повелѣвать, и широкую массу всего остального населенія, имѣющаго только одну задачу—повиноваться. Кромѣ того, каждый народъ вертикально подраздѣляется на рядъ внутренно замкнутыхъ сословно-профессіональныхъ группъ, которыя подъ командой вождей націи (т. е. того же дворянства. В. М.) несутъ на себѣ всѣ тяготы по содержанію верховъ общественной пирамиды. Вертикальныя группы выполняютъ различныя, являющіяся необходимыми экономическія функціи, уподобляясь тѣмъ самымъ органамъ человѣческаго тѣла. Самой основной и почетной изъ отраслей хозяйственной дѣятельности признается земледѣліе, а потому его интересы всегда должны выдвигаться на первый планъ.

Уже отсюда совершенно ясно, что соціальная философія прусскаго юнкерства стоитъ въ коренномъ противорѣчіи съ тенденціями капиталистической эпохи. И, дѣйствительно, на протяженіи послѣдняго полустолѣтія мы можемъ неоднократно наблюдать случаи враждебнаго отношенія консерваторовъ къ экономической системѣ нашихъ дней. Такъ, въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка они очень недружелюбно встрѣтили попытки разведенія свекловицы въ Саксоніи, не безъ основанія усматривая въ этихъ попыткахъ проникновеніе капиталистическихъ началъ въ сельское хозяйство. Позднѣе консерваторы вели рѣшительную

борьбу съ быстрымъ распространеніемъ въ Германіи акціонерныхъ обществъ, банковъ и биржъ, — этихъ наиболѣе яркихъ носителей капиталистическихъ тенденцій эпохи. Вліянію юнкерской партіи приходится приписать изданіе въ 1896 г. особаго биржевого закона, нѣсколько ограничившаго дѣятельность современныхъ „Монтекарло безъ музыки", какъ окрестилъ ихъ теоретикъ прусскихъ аграріевъ, проф. Руландъ. И подъ тѣмъ же вліяніемъ были проведены законы о частичномъ возстановленіи цеховой организаціи ремесленниковъ (1881 и 1897 г.) и объ ограниченіи правъ мастеровъ на пріемъ къ себѣ учениковъ (1908 г.). Если къ сказанному прибавить, что консерваторы вплоть до настоящаго дня ведутъ ожесточенную аттаку противъ универсальныхъ магазиновъ, что они упорно отстаиваютъ сохраненіе дѣйствующаго въ Пруссіи еще нынѣ Gesindeordnung 1810 г., осуждающаго сельскихъ рабочихъ на полукрѣпостное состояніе, и не перестаютъ требовать ограниченія свободы передвиженія для сельскаго населенія,—то ихъ соціально-экономическая физіономія выяснится съ достаточной опредѣленностью [1].

Соціально-экономической физіономіи въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ и политическая. Государство консерваторовъ есть „христіанское государство". А это въ переводѣ на языкъ практики означаетъ, что оно представляетъ собой военно-аристократическую организацію, служащую интересамъ первенствующаго сословія. Во главѣ подобнаго государства стоитъ непремѣнно единоличный правитель, ибо, подобно человѣческому тѣлу, и политическое тѣло также нуждается въ головѣ. Правитель этотъ, разумѣется, не выборный или назначенный, а монархъ „Божьей милостью". Онъ правитъ страной вмѣстѣ съ народнымъ представительствомъ, организованнымъ по типу средневѣковыхъ сословныхъ „штатовъ", или „ландтаговъ". Парламентаризма, конечно, никакого нѣтъ, и король, по крылатому выраженію прусскаго друга Пуришкевича, знаменитаго Ольденбурга-Янушау, имѣетъ право въ каждый данный моментъ позвать „лейтенанта съ десятью солдатами" и приказать имъ разогнать надоѣвшую говорильню.

Но этого мало. Въ противоположность либеральному представленію о государствѣ, какъ объ организаціи порядка, консерваторы исповѣдуютъ принципъ, что государство, по самому существу своему, является организаціей господства, господства внутренняго и внѣшняго. А такъ какъ подобное господство можетъ покоиться лишь на физической силѣ, то консерваторы всегда были и остаются по-днесь восторженными поклонниками арміи и флота и ярыми партизанами милитаризма. Войско должно служить цѣлямъ охраны

[1]) На съѣздѣ „Bund der Landwirte" въ 1914 г. нѣкоторые ораторы договорились до того, что стали требовать введенія принудительныхъ работъ на поляхъ у аграріевъ для всѣхъ безработныхъ промышленныхъ пролетаріевъ.

существующихъ соціальныхъ отношеній и обезпеченія „національнаго престижа“ на аренѣ міровой политики и оно же должно открывать для юнкерскихъ сыновей возможность демонстрировать urbi et orbi прирожденные административные и боевые таланты первенствующаго сословія. Оттого консерваторы всегда такъ охотно поддерживали правительственныя предложенія объ увеличеніи арміи. Оттого же они неоднократно такъ торжественно заявляли, что въ области „національной обороны“ не должно и не можетъ быть никакой экономіи. Въ прямомъ соотвѣтствіи съ указанными взглядами находится и требованіе консерваторовъ о совершенно особомъ, исключительномъ правовомъ положеніи войска въ государствѣ. Еще Бисмаркъ въ свое время заявлялъ, что „армія должна быть не парламентской, а императорской“, и около того же времени (въ 1874 г.) „Kreuz-Zeitung“ писала: „Горе странѣ, въ которой армія превратилась въ парламентское войско, присягающее на вѣрность параграфамъ конституціи!“ [1]).

Неудивительно поэтому, что консерваторы всегда стремились къ возможному изъятію арміи и флота изъ сферы компетенціи народнаго представительства, что они энергично поддерживали въ качествѣ наименьшаго зла системы квинквената и септената (вотированія численности войска сразу на пять или на семь лѣтъ), и что они по-истинѣ геройски сопротивлялись всякимъ попыткамъ ослабить единоличную власть императора надъ арміей или хоть до нѣкоторой степени смягчить варварскія законоположенія военной юстиціи. Это отношеніе прусскаго юнкерства къ арміи, какъ какому-то священному „табу“, которому все позволено, но котораго никто не можетъ касаться, въ необыкновенно-яркой формѣ проявилось во время недавнихъ цаберискихъ событій. Не характерно ли, въ самомъ дѣлѣ, что послѣ опубликованія первыхъ извѣстій о безобразіяхъ, учиненныхъ въ эльзасскомъ городкѣ лейтенантомъ Форстнеромъ и К°, германскій кронпринцъ — по взглядамъ и понятіямъ типичный представитель крайняго юнкерства — телеграфировалъ виновникамъ беззаконнаго избіенія мирныхъ гражданъ краткое, но выразительное: „Браво!“? И не еще болѣе ли характерно, что послѣ оправданія полковника Рейтера судомъ офицерскаго трибунала герой процесса получилъ свыше 15.000 привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ отъ самыхъ разнообразныхъ представителей первенствующаго сословія?

Но армія и флотъ не являются самоцѣлью. Они—лишь средства къ опредѣленной цѣли, именуемой въ просторѣчіи открытой войной. И консерваторы вполнѣ послѣдовательно и логично выступаютъ страстными защитниками и проповѣдниками войны. По ихъ мнѣнію, мечъ является главнымъ носителемъ человѣческой

---

[1]) См. O. Stillich, „Die politischen Parteien“, стр. 61.

культуры, основнымъ двигателемъ и проводникомъ мірового прогресса. Такъ, напр., баронъ фонъ-Фризенъ, долголѣтній вождь саксонскаго юнкерства, въ своей монументальной работѣ объ основахъ консервативнаго міровоззрѣнія пишетъ: „Не смотря на всѣ возраженія, война остается все-таки *нравственнымъ* факторомъ въ жизни народовъ, отъ Бога *установленнымъ* явленіемъ въ культурной исторіи человѣческаго рода“ [1]. И тотъ же Фризенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ положительное значеніе тридцати-лѣтней войны, превратившей Германію въ одну груду дымящихся развалинъ: „Въ этой войнѣ нѣмецкій народъ снова научился молиться и работать, и подъ давленіемъ нужды въ немъ развились тѣ гражданскія добродѣтели и та способность къ спокойной творческой дѣятельности, которыя были необходимы для національнаго возрожденія Германіи“... Этого было однако не вполнѣ достаточно. „Однако сѣмя,—продолжаетъ авторъ—которое взошло изъ удобренной кровью нивы той войны, нуждалось еще въ силезскихъ войнахъ и наполеоновскихъ походахъ для того, чтобъ окончательно превратиться въ пышный плодъ, явившійся источникомъ благоденствія для послѣдующихъ поколѣній“ [2].

Такъ пишется юнкерская исторія. И не естественно ли, что, когда на консервативномъ съѣздѣ 1906 г. зашла рѣчь объ утвержденіяхъ графа Ревентлова, будто Вильгельмъ II не отличается достаточной аггрессивностью характера, проф. Зукландъ въ отчаяніи воскликнулъ: „Если нашъ императоръ лишенъ воинственности,— тогда отечество почти въ опасности!“?

И вотъ, когда знакомишься съ подобными фактами и воззрѣніями, начинаешь конкретно понимать, какъ много правды скрывается въ столь невѣроятномъ на первый взглядъ утвержденіи, что прусскіе консерваторы нашихъ дней духовно все еще живутъ во мракѣ XVI и XVII столѣтій.

V.

Если общественно-политическая идеологія юнкерства поражаетъ своей отсталостью и своимъ реакціоннымъ цинизмомъ, то едва-ли не въ еще большей степени тѣ же самыя качества бросаются въ глаза при знакомствѣ съ его общественно-политической практикой. Наиболѣе характерной чертой этой послѣдней является поистинѣ вопіющая, ни предъ чѣмъ рѣшительно не останавливающаяся беззастѣнчивость „первенствующаго сословія“ въ отстаиваніи своихъ матеріальныхъ выгодъ и правовыхъ привиллегій. Конечно, каждая политическая партія защищаетъ интересы ка-

---

[1] Freiherr v. Friesen, „Schwert und Pflug“, Berlin, 1907, стр. 225. Курсивъ мой.

[2] Friesen, стр. 220.

кой-либо опредѣленной соціальной группы: защищаютъ ихъ соціалъ-демократы, защищаютъ либералы, защищаетъ центръ. Но все-таки нѣтъ въ Германіи ни одной партіи, которая въ борьбѣ за интересы представляемаго ею общественнаго слоя обнаруживала бы такую жестокую послѣдовательность и такое вызывающе-циническое пренебреженіе ко всему рѣшительно на свѣтѣ, какія обнаруживаютъ нѣмецкіе консерваторы. И едва-ли не самымъ поразительнымъ образчикомъ этой истинно-юнкерской тактики является экономическая политика консервативной партіи, вращающаяся около всемѣрной защиты высокихъ пошлинъ на иностранный хлѣбъ.

Прусскіе аграріи не всегда были тѣми отчаянными протекціонистами, какими мы знаемъ ихъ въ настоящее время. Вплоть до середины 70-хъ годовъ консерваторы являлись горячими сторонниками свободной торговли, которую они, согласно своей обычной ханжеской привычкѣ, стремились вывести непремѣнно изъ откровенія Божія. Такъ, въ 1850 г. „Kreuz-Zeitung“ усердно доказывала, что свобода торговли не только „не противорѣчитъ христіанской религіи, но даже непосредственно изъ нея вытекаетъ“, ибо „свободный обмѣнъ товарами является какъ бы богослуженіемъ, въ которомъ люди радуются дарамъ, ниспосланнымъ имъ отъ Бога, и въ мудрой предусмотрительности дѣлятся между собой отпущенными имъ плодами и талантами“ [1]). Однако съ конца 70-хъ годовъ на міровомъ рынкѣ въ качествѣ экспортеровъ хлѣбныхъ злаковъ выступили страны сначала сѣверной, а потомъ и южной Америки. Подъ вліяніемъ ихъ уничтожающей конкурренціи европейское сельское хозяйство вступило въ полосу длительнаго кризиса. За „жирными годами“ матеріальнаго благополучія для прусскаго юнкерства пришли „тощіе годы“. Эта перемѣна въ экономической ситуаціи не замедлила отразиться и на воззрѣніяхъ аграріевъ: точно по мановенію волшебнаго жезла, изъ ярыхъ фритрэдеровъ они превратились въ такихъ же ярыхъ протекціонистовъ и при помощи того же самаго слова Божія стали доказывать необходимость высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ.

Вопли прусскаго юнкерства не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и въ 1879 г. Бисмаркъ провелъ первый таможенный тарифъ, устанавливавшій, впрочемъ, еще очень скромные размѣры пошлинъ (1 мк. съ двойного центнера=100 килогр. хлѣба). Данная мѣра не возымѣла однако желательнаго для аграріевъ дѣйствія, хлѣбныя цѣны продолжали стоять низко,—тогда, подъ давленіемъ консерваторовъ, пошлины были повышены въ 1885 г. до 3 мк. и въ 1887 г.—до 5 мк. Юнкерство нѣсколько вздохнуло, ибо подъ вліяніемъ законодательныхъ мѣропріятій правительства цѣны поднялись и сельское хозяйство начало приносить доходъ, но за то тѣмъ сильнѣе страдали отъ вздорожанія пищевыхъ продуктовъ рабочія

[1]) O. Stillich, стр. 132—133.

массы. Непосредственнымъ результатомъ этого вздорожанія явился рядъ бурныхъ стачекъ въ городахъ и промышленныхъ центрахъ (особенно крупное значеніе имѣла стачка 150 тыс. углекоповъ въ 1889 г.); затѣмъ наступили кризисъ и массовая безработица, которые еще болѣе обострили общее положеніе. Положеніе становилось часъ отъ часу серьезнѣе и правительство вынуждено было искать какихъ-либо способовъ къ смягченію господствующей нужды. Въ 1892 - 94 г. канцлеръ Каприви при заключеніи торговыхъ договоровъ съ Австріей и Россіей провелъ пониженіе хлѣбныхъ пошлинъ до 3½ мк. Это послужило подлиннымъ casus belli для аграріевъ.

Ихъ положеніе въ описываемый моментъ было отнюдь не плохое. Но тѣмъ не менѣе юнкерство подняло невѣроятный шумъ о предстоящей гибели всего сельскаго хозяйства Германіи и открыло ожесточенную кампанію противъ правительства и самого монарха. Въ 1893 г. возникъ упоминавшійся „Bund der Landwirte", который съ самаго начала сталъ грозить, въ случаѣ упорства Каприви въ принятомъ имъ направленіи политики, перейти на сторону соціалъ-демократіи. 24 ноября того же года „Kreuz-Zeitung" писала: „Мы должны во что бы то ни стало разорвать заключенные съ Австріей и Италіей (т. е. съ двумя союзными государствами! В. М.) договоры, хотя бы это пришлось сдѣлать съ оружіемъ въ рукахъ". Парламентскіе представители юнкерства нападали на канцлера въ такихъ выраженіяхъ, что послѣдній нѣсколько разъ долженъ былъ напоминать имъ объ ихъ монархическихъ принципахъ. О высшихъ представителяхъ государственной власти руководители консерваторовъ публично заявляли (на съѣздѣ „Bund der Landwirte" въ 1896 г.): „Что говоритъ министръ или чего онъ не говоритъ, на это намъ въ высокой степени наплевать". Даже императора не пощадили разъяренные аграріи. На собраніи „Союза сельскихъ хозяевъ" въ 1894 г. предсѣдатель послѣдняго при бурномъ одобреніи слушателей многозначительно замѣтилъ: „мы поддерживаемъ, конечно, авторитарную власть, но это должна быть истинная авторитарная власть". А нѣкоторые агитаторы Союза заходили такъ далеко, что грозили ни больше и ни меньше какъ сокрушеніемъ троновъ („die Tronen werden krachen").

Это юнкерское возстаніе не прошло безслѣдно. Каприви долженъ былъ уйти. Пониженіе хлѣбныхъ пошлинъ было вознаграждено аграріямъ рядомъ крупныхъ экономическихъ поблажекъ иного рода. А въ 1902 г., вопреки страстной обструкціи соціалъ-демократовъ и части либераловъ, княземъ Бюловымъ подъ диктовку консерваторовъ были проведены новые торговые договоры съ сосѣдними странами, взвинтившіе хлѣбныя пошлины до 5 мк. на рожь и овесъ и 5½ мк. на пшеницу. Непосредственнымъ результатомъ указанной мѣры явилось колоссальное вздорожаніе жизни въ Германіи и, разумѣется, небывалое процвѣтаніе остэльбскихъ властителей. По

вычисленіямъ проф. Л. Брентано, которыя тщетно пытались опровергнуть теоретики аграріевъ, производители хлѣба, т. е. въ подавляющей массѣ восточно-прусскіе помѣщики, благодаря наличности пошлинъ, имѣютъ ежегодный „экстра-профитъ" въ размѣрѣ не меньше 900 милл. мк. [1]). Сумма, какъ видимъ, весьма солидная, могущая удовлетворить даже очень прихотливые аппетиты.

И однако... довольно ли юнкерство своимъ настоящимъ положеніемъ? О, конечно, нѣтъ. „Святое безпокойство" за полноту своего кошелька не позволяетъ благороднымъ аграріямъ мирно почивать на лаврахъ. Близится время пересмотра торговыхъ договоровъ съ европейскими державами и юнкерство уже заранѣе начинаетъ готовиться къ новой атакѣ. Оно снова подымаетъ вопли о стѣсненномъ положеніи сельскаго хозяйства. Оно снова публикуетъ статьи и брошюры, обосновывающія требованіе особыхъ привилегій для „первенствующаго сословія". Оно снова посылаетъ въ высокія правительственныя учрежденія депутаціи, доказывающія необходимость дальнѣйшаго повышенія таможенныхъ пошлинъ, безъ котораго „лучшая и важнѣйшая отрасль народнаго хозяйства" вынуждена будетъ пасть подъ ударами иностранной конкуренціи. Пусть голодаютъ широкія рабочія массы, пусть отягчается положеніе нѣмецкой промышленности на міровомъ рынкѣ, пусть приходятъ въ разстройство государственные финансы, — это все неинтересно и неважно. Важно и интересно только одно, чтобы кошелекъ остэльбскаго юнкерства былъ плотно набитъ золотыми червонцами [2]).

Та же вопіющая безцеремонность юнкерства во всемъ, что касается его матеріальныхъ выгодъ, прекрасно иллюстрируется и цѣлымъ рядомъ другихъ любопытныхъ случаевъ и фактовъ. Остановимся здѣсь еще на исторіи пресловутаго средне-германскаго канала, разыгравшейся лѣтъ 15 тому назадъ. Въ видахъ усиленія стратегической позиціи имперіи, а также въ цѣляхъ облегченія транзита между западной и восточной частями государства прусское

---

[1]) L. Brentano, „Die deutschen Getreidezölle", 1911.

[2]) Насколько несправедливо и экономически нецѣлесообразно требованіе односторонняго покровительства сельскому хозяйству, явствуетъ изъ слѣдующихъ немногихъ цифръ. По переписи 1907 г., въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи занято было только 28,65% всего населенія, остальные 71,35% получали средства къ существованію отъ иныхъ промысловъ (въ томъ числѣ 56,16% отъ промышленности, транспорта и торговли). Точно также, по относящимся къ 1908 г. вычисленіямъ президента имперскаго статистическаго бюро Ванъдеръ-Боргта, цѣнность ежегоднаго с.-х. производства Германіи опредѣляется круглымъ счетомъ въ 15 милліардовъ марокъ, а цѣнность ежегоднаго промышленнаго производства — въ 36 милліардовъ. Для полноты картины слѣдуетъ еще прибавить, что даже и большинство сельскаго населенія вовсе не заинтересовано въ осуществленіи аграрныхъ пошлинъ. По разсчетамъ того же Брентано, непосредственную выгоду отъ пошлинъ получаютъ максимумъ 23—26% всѣхъ сельскихъ хозяевъ, для остальныхъ трехъ четвертей пошлины либо безразличны, либо прямо убыточны.

правительство внесло въ 1899 г. въ ландтагъ проектъ соединенія прямымъ воднымъ путемъ трехъ крупнѣйшихъ рѣкъ Германіи, Рейна, Эльбы и Везера. Экономическое и культурное значеніе даннаго начинанія было громадно. Его энергично отстаивали промышленные короли Рурской области. За него усиленно распинался военный министръ въ коммиссіи нижней палаты. Съ его осуществленіемъ связало свою судьбу прусское министерство. Въ его пользу рѣшительно высказался самъ императоръ, заявивъ въ торжественной рѣчи въ Дортмундѣ: „Я и мое правительство твердо и непоколебимо рѣшили довести постройку канала до конца". Но... прусскіе аграріи оказались иного мнѣнія: они боялись, что удешевленіе транспорта будетъ способствовать наводненію мѣстностей на востокъ отъ Эльбы дешевымъ хлѣбомъ и что поэтому ихъ баснословный „профитъ" будетъ нѣсколько пониженъ, — и они поклялись не допустить проектовъ канала до осуществленія. Не смотря на императора, правительство, Круппа и интересы „національной обороны", консерваторы рѣшительно голосовали противъ министерскаго законопроекта и тѣмъ самымъ поставили крестъ надъ многообѣщавшимъ предпріятіемъ. Ожидали, что министерство выйдетъ въ отставку. Однако и этого не случилось (въ Пруссіи, слава Богу, нѣтъ парламентаризма!) Лишь полторы дюжины ландратовъ, да двое крупныхъ бюрократовъ, принимавшихъ въ качествѣ членовъ нижней палаты дѣятельное участіе въ юнкерскомъ „возстаніи", были въ наказаніе за проявленную ими дерзость отчислены отъ двора и уволены въ отставку. Впрочемъ, и эта кара оказалась не слишкомъ суровой: нѣсколько лѣтъ спустя всѣ „пострадавшіе" были высочайше помилованы и снова приняты въ бюрократическое лоно, причемъ нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи дослужились даже до министерскихъ постовъ. Такъ, напр., нынѣшній прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Дальвицъ, принадлежалъ въ свое время къ числу наиболѣе активныхъ „Kanalrebellen" — „бунтовщиковъ изъ-за канала".

VI.

Послѣ всего, что было сказано выше, мнѣ едва-ли нужно особенно много доказывать, что консерваторы являются злѣйшими врагами современной демократіи, которая медленно, но неуклонно заполняетъ своими густыми рядами авансцену исторіи. Юнкерство продолжающее еще понынѣ жить мечтами и представленіями средневѣковья, органически не въ состояніи примириться съ величайшей идеей нашего времени—идеей политическаго и соціальнаго равенства всѣхъ человѣческихъ существъ, заключающей въ себѣ тѣмъ самымъ признаніе неоспоримаго права каждаго индивидуума на равное участіе во всѣхъ благахъ и радостяхъ земного существованія. Оно всѣмъ сердцемъ ненавидитъ эту идею, оно берется съ

ней аргументами религіи и давно переживших себя традицій, и оно стремится задержать ея неизбѣжное торжество мѣрами административной и законодательной репрессіи. И, такъ какъ въ Германіи идея демократіи ярче всего воплощается въ лицѣ соціалистическаго пролетаріата, то вполнѣ естественно, что тяжелыя орудія юнкерской реакціи обращены своими дулами всегда въ сторону трудящихся массъ.

Надо отдать справедливость консерваторамъ, они не дѣлаютъ тайны изъ своихъ чувствъ по отношенію къ рабочему движенію. Въ 1878 году они энергично поддерживали исключительный законъ противъ соціалистовъ и въ дальнѣйшемъ неизмѣнно вотировали за его продолженіе. Въ 1896 г. они же отстаивали направленную противъ соціалъ-демократіи такъ называемую Umsturzvorlage, а въ 1899 г. направленную къ ограниченію коалиціоннаго права Zuchthausvorlage. И въ 1912 г. все тѣ же консерваторы рискнули внести въ рейхстагъ предложеніе объ усиленіи наказаній за „терроризированіе" штрейкбрехеровъ,— предложеніе, конечно рѣшительно отвергнутое демократическимъ народнымъ представительствомъ. Но консерваторы не унываютъ: они ведутъ сейчасъ усиленную агитацію за подготовку новой Zuchthausvorlage и не перестаютъ неистово вопить объ опасной гипертрофіи соціальнаго законодательства. Извѣстно также глубокая ненависть юнкеровъ къ избирательному праву рейхстага и ихъ страстное стремленіе измѣнить данное право въ реакціонномъ духѣ. Все это факты достаточно яркіе и краснорѣчивые. Но, быть можетъ, еще ярче и краснорѣчивѣе нѣкоторыя поистинѣ классическія изреченія лидеровъ консервативной реакціи, касающіяся пролетаріата и рабочаго движенія. Такъ, бывшій президентъ прусскаго ландтага, фонъ-Крёхеръ, съ трибуны имперскаго парламента однажды заявилъ:

„Развѣ это не печальное недоразумѣніе, развѣ это не противорѣчитъ здравому человѣческому разсудку, что соціалъ-демократія можетъ быть представлена здѣсь, въ рейхстагѣ?.. Вѣдь совершенно ясно, что соціалъ-демократія по всему характеру исповѣдуемыхъ ею принциповъ пригодна быть не *субъектомъ, а лишь объектомъ законодательства*", (Засѣданіе 1 декабря 1902 г.).

Съ партіей пролетаріата — полагаютъ консерваторы—должна вестись борьба на жизнь и на смерть. Но борьба не духовнымъ оружіемъ, какъ о томъ мечтаютъ либералы, а мѣрами самой суровой, самой безпощадной репрессіи (юнкеръ всегда больше довѣряетъ палкѣ!). Двумя годами позже Крёхера ближайшій единомышленникъ послѣдняго, баронъ фонъ-Мантейфель, откровенно признался въ прусской палатѣ господъ, что „съ такъ называемымъ духовнымъ оружіемъ мы далеко впередъ не уйдемъ, а будемъ только пятиться назадъ", и для большей убѣдительности своей апологіи

кулака привелъ слѣдующее картинное сравненіе: „Когда хотятъ искоренить холерную бациллу, то не обращаютъ вниманіе на то, хорошо ли пахнутъ примѣняемыя дезинфекціонныя средства“ [1]). О томъ же, что въ послѣднемъ счетѣ подразумѣвалъ сіятельный ораторъ подъ не совсѣмъ хорошо пахнущими „дезинфекціонными средствами“, даетъ достаточно ясное представленіе слѣдующая выдержка изъ рѣчи консервативнаго депутата рейхстага Дирксена, произнесенной имъ на одномъ собраніи своихъ единомышленниковъ 30 января 1908 г.:

„Безусые молодцы и безработные манифестировали въ Берлинѣ и требовали демократическаго избирательнаго права для Пруссіи,—лучше бы они шли въ деревню и работали. Но для этого они слишкомъ лѣнивы. Безработные на большихъ собраніяхъ требовали, чтобы государство приступило къ постройкамъ и при томъ платило заработную плату по тарифамъ профессіональныхъ союзовъ. И такія требованія осмѣливается выставлять эта банда!.. *Слѣдовало бы встрѣтить ее боевыми патронами,—пусть даже прольется кровь!* По крайней мѣрѣ, мы имѣли бы на нѣкоторое время спокойствіе“ [1]).

Та же фанатическая ненависть юнкерства къ демократіи превращаетъ его въ пламеннаго врага всякаго образованія, науки и культуры. Сами представители „первенствующаго“ сословія не очень-то любятъ обременять свой умъ сокровищами человѣческаго знанія. Да и къ чему? Самое важное, по ихъ мнѣнію,—это „здоровый человѣческій разсудокъ“ и „религіозно-нравственное воспитаніе души“. Разъ это есть,—все остальное приложится. И потому нисколько не удивительно, что консерваторы крайне недовольны современной постановкой народнаго образованія. Прежде всего они недовольны тѣмъ, что данному вопросу посвящается слишкомъ много вниманія и законодательными учрежденіями, и обществомъ. Въ „Kreuz-Zeitung“ и другихъ реакціонныхъ изданіяхъ то и дѣло можно встрѣчать такія выраженія, какъ: „образовательное увлеченіе“, „образовательное безуміе“, „образовательный потопъ“ и т. д. И, поскольку это зависитъ отъ представителей юнкерства, они всегда усердно стараются отодвинуть на задній планъ столь легко воспламеняющую тему. Еще болѣе консерваторы недовольны тѣмъ, что въ современныхъ школахъ дѣтямъ даютъ слишкомъ хорошее образованіе. „Религія, чтеніе, письмо, ариѳметика, отечествовѣдѣніе, знакомящее съ основными чертами нашей исторіи и географіи, — вотъ все, что нужно ученику“ —писала въ 1886 г. „Kreuz-Zeitung“. Съ тѣхъ поръ объемъ преподаванія въ нѣмецкихъ народныхъ школахъ безконечно рас-

1) „Der Zukunftsstaat der Junker“, Berlin, 1914, изд. „Vorwärts“, стенографич. отчетъ о засѣданіяхъ палаты господъ 11 и 13 мая 1904 г.

1) „Leipziger Volkszeitung“, 1908, № отъ 6 февраля.

ширился и это приводитъ благородныхъ аграріевъ въ настоящую ярость. Они повсюду ведутъ упорную борьбу противъ всякаго увеличенія школьныхъ программъ и образованіе, даваемое нынѣшними школами, презрительно называютъ „полузнайствомъ".

Но юнкерство недовольно не только постановкой народнаго образованія,—оно чрезвычайно недовольно также и характеромъ современной прессы: послѣдняя занимается, видите-ли, черезчуръ много политикой, играетъ въ парламентаризмъ и только развращаетъ читателей. Идеальная газета должна быть, напротивъ, совсѣмъ иного рода. Она должна выбросить всю эту смѣхотворную политическую болтовню и освободившееся такимъ образомъ мѣсто использовать для печатанія „подробныхъ отчетовъ о дѣйствительно важныхъ и интересныхъ событіяхъ, вродѣ, напр., рожденій, свадебъ и погребеній среди лицъ княжескаго рода, о войнахъ, возстаніяхъ и т. п. Гдѣ бы на свѣтѣ—на Критѣ, въ Македоніи или въ какой-нибудь колоніи—ни происходило что-нибудь воинское или милитаристское—все это должно обстоятельно и въ увлекательной формѣ „индійскихъ разсказовъ" сообщаться читателю. Далѣе: полезны были бы интересныя и живыя путевыя письма, подчеркивающія въ особенности тѣневыя стороны односторонне-меркантильной, капиталистическо-демократической жизни, напр., общественную коррупцію во французской или американской республикахъ... Или еще подробные отчеты о маневрахъ, подробныя описанія военныхъ праздниковъ, парадовъ, полковыхъ юбилеевъ и т. д. Главное—это то, чтобы вмѣстѣ съ политикой изъ газеты ушло все абстрактное, касающееся борьбы понятій, принциповъ, параграфовъ и проч." [1]).

Наконецъ, своей максимальной степени недовольство консерваторовъ достигаетъ, когда рѣчь заходитъ объ университетской наукѣ. О либеральной профессурѣ они не могутъ говорить спокойно, а нѣкоторыхъ, особенно ненавистныхъ имъ именъ вродѣ именъ Брентано, Геккеля, Вирхова, Моммзена и др. они не могутъ произносить безъ скрежета зубовнаго. Каждый свободомыслящій ученый рисуется юнкерству въ видѣ кровожаднаго волка, одѣвшаго овечью шкуру, и каждое высшее учебное заведеніе—въ видѣ очага революціи. Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое представленіе о всей глубинѣ ненависти къ наукѣ, кипящей въ душѣ каждаго истиннаго консерватора, я приведу здѣсь одну поразительную выдержку изъ книги „Altkonservativ, Versuch einer Zusamenfassung und Begründung altkonservativer Anschauungen", появившейся въ 1890 г. въ Берлинѣ.

„Такъ какъ—пишетъ авторъ—9/10 человѣчества заняты тяжелой работой и не имѣютъ ни времени, ни охоты особенно раздумывать надъ требованіями ученыхъ,—то всѣ изслѣдованія послѣд-

[1]) „Deutsche Tagzeitung 1907, №593.

нихъ вообще лишены всякой цѣны". И для того, чтобы ученые это поняли, авторъ рекомендуетъ слѣдующую оригинальную мѣру: „Надо каждый день—говоритъ онъ—посылать отрядъ ученыхъ въ деревню и тамъ показывать имъ... навозъ. Пожалуйста, милостивые государи!—долженъ сказать имъ всякій добрый сельскій хозяинъ,—это навозъ, это—драгоцѣннѣйшій продуктъ, которымъ владѣетъ человѣчество. Вотъ видите, я беру его пальцами; подумайте, милостивые государи, я беру ваши отвратительные экскременты, я—капитанъ гвардіи, ухаживавшій за прелестнѣйшими дамами,—эти отвратительные экскременты, смѣшанные съ пометомъ моего скота, я беру ихъ въ мои высокоблагородныя руки, тщательно разминаю ихъ и бросаю въ землю. Навозъ, милостивые государи, да, навозъ, навозъ, навозъ! Сначала идетъ навозъ, потомъ еще навозъ, потомъ долго-долго ничего, потомъ снова навозъ, потомъ все важное и интересное въ жизни,—и потомъ уже подъ самый конецъ появляетесь и вы, милостивые государи!" [1]).

Какъ не вспомнить, при чтеніи этой по-истинѣ классической тирады, о госпожѣ Простаковой и ея братцѣ Скотининѣ! И вотъ эта-то жадная, невѣжественная и злобно-реакціонная клика 25.000 прусскихъ помѣщиковъ держитъ въ своихъ рукахъ политическія судьбы имперіи Гогенцолерновъ, поставляетъ ея министровъ и дипломатовъ, высшихъ представителей ея гражданской и военной бюрократіи и грубо издѣвается надъ культурой и соціальнымъ развитіемъ великой 65-милліонной націи!

В. Майскій.

Одна изъ парижанокъ.

Колетта Вилли.

Колетта Вилли—талантливая и очень красивая женщина, très parisienne, очень извѣстная писательница и прекрасная актриса; ея жанръ—мимодрама. Какъ писательница, она дебютировала серіей романовъ,—les Claudines,—написанныхъ „въ сотрудничествѣ" съ мужомъ. Какъ велика была ея доля въ общей работѣ? На этотъ счетъ долго обманывались, думая, что дѣйситвтельнымъ авторомъ былъ Вилли, и что „часть" Колетты была ничтожна. Но затѣмъ супруги разстались, и имя Вилли сошло со страницъ журналовъ и столбцовъ газетъ, имя же Колетты начало появляться все чаще, и въ настоящее время ей принадлежитъ десятокъ томиковъ. Два ея послѣднихъ романа,—„La Vagabonde" и „L'Entrave",—имѣли большой успѣхъ. Сравнивая

---

[1]) Томъ I, стр. 55 и слѣд.

писательскую манеру этихъ двухъ послѣднихъ произведеній, а также ихъ содержаніе, съ манерой и содержаніемъ „Клодинъ", нельзя не замѣтить проникающаго ихъ единства: тотъ же стиль, тотъ же языкъ, та же сфера интересовъ. И это обстоятельство позволило бы намъ считать Колетту дѣйствительнымъ авторомъ „Клодинъ" даже въ томъ случаѣ, еслибы въ позднѣйшихъ изданіяхъ ихъ не находилось заявленіе Вилли слѣдующаго содержанія: „Въ виду окончанія сотрудничества Вилли и Колетты Вилли стало необходимымъ установить часть, принадлежащую каждому изъ нихъ, и замѣнить авторскую подпись Вилли двойною подписью Вилли и Колетта Вилли. Мое имя помѣщено первымъ исключительно по соображеніямъ типографскаго характера; въ дѣйствительности первое мѣсто, по соображеніямъ литературнымъ и инымъ, должно было бы принадлежать Колеттѣ Вилли". Подписано Вилли.

Мы вправѣ поэтому пользоваться и „Клодинами" для характеристики нашей писательницы. Разставшись съ мужемъ, Колетта не бросила, какъ я сказалъ уже выше, пера, но одновременно она выступила и на сценѣ. Года два-три тому назадъ „весь Парижъ" ѣздилъ смотрѣть Колетту въ Music-Hall „Ba-ta-clan", гдѣ она участвовала въ мимодрамѣ „Власть тѣла". Ѣздили не для того, чтобы полюбоваться силой ея экспрессіи и пластикой ея движеній, а для того, чтобы поглядѣть на красоту нагого тѣла извѣстной и популярной писательницы. Содержаніе мимо-драмы таково: неаполитанскій рыбакъ, человѣкъ немолодой, суровый и дикій, имѣетъ женой молодую красавицу и любитъ ее страстно и ревниво. Ему надо отлучиться, и передъ отъѣздомъ онъ ее умоляетъ и грозитъ ей,— очевидно, онъ подозрѣваетъ ее и ревнуетъ. Молодая красавица лукаво успокаиваетъ мужа,—а у самой въ карманѣ лежитъ уже записочка отъ тайнаго обожателя. И вотъ, едва мужъ исчезаетъ со сцены, въ окно влѣзаетъ обожатель, тоже рыбакъ, но молодой. Радостная встрѣча, объятья, оживленная мимика любви и головокружительная пляска, изображающая ея восторги и экстазы. Вдругъ тихо отворяется дверь, и на порогѣ обманутый супругъ съ „безуміемъ во взорѣ" и ножомъ въ рукахъ. Молодой рыбокъ каменѣетъ на мѣстѣ, молодая красавица смотритъ испуганно и мрачно, а мужъ тихо, согнувшись, точно разъяренный тигръ, движется къ ней. Встрѣтились, впились другъ въ друга глазами, полными ненависти, и замерли. Потомъ, замахнувшись ножомъ, онъ хватаетъ ее рукой за платье у горла, и кажется, секунда—и умретъ измѣнница. Но платье ея устроено спеціальнымъ образомъ для нуждъ сцены, и отъ легкаго движенія женщины назадъ оно рвется сверху до низу, сползаетъ съ плечъ, и передъ разъяреннымъ мужемъ и передъ аплодирующей залой нагое, полное, прекрасное и подкрашенное розовой краской женское тѣло. Зрѣлища этой божественной красоты разъяренный супругъ вынести не можетъ; онъ не смѣетъ ударить ножемъ это дурманящее тѣло. Онъ дрожитъ, страстная

любовь и злая ненависть избираютъ его дикое сердце ареной своей битвы, онъ роняетъ ножъ и самъ падаетъ на колѣни передъ красавицей. Но та, почувствовавъ свою силу, презрительно и гнѣвно смѣется, отталкиваетъ протянутыя къ ней руки и, когда онъ въ порывѣ отчаянія и любви склоняетъ свою голову къ ея ногамъ, легкимъ движеніемъ ноги попираетъ эту голову,—потомъ спокойно и равнодушно поворачивается, чтобы уйти. Тогда, въ отчаяніи, полный ненависти и восторженной страсти къ „тѣлу"—поверженный мужъ хватаетъ свой оброненный ножъ и убиваетъ себя.

Играла Колетта Вилли эту мимо-мелодраму очень хорошо, и пьеса не сходила со сцены Ба-Та-Клана полгода, создавъ Колеттѣ такую же громкую сценическую репутацію, какъ какой-нибудь Отеро. Но у нея была также репутація прекрасной писательницы и очаровательной парижанки,—и въ результатѣ Колетта сдѣлала прекрасную партію. Она вышла замужъ за главнаго администратора газеты „Malin", monsieur Madeleine, милліонера, свѣтскаго человѣка и финансиста.

Такова внѣшняя карьера Колетты. Перейдемъ къ ея литературной физіономіи. Какъ писательница, она чужда и модернизму, и гримасамъ. Она реалистка, она описываетъ то, что видитъ, то, что ее окружаетъ или окружало, что ей знакомо изъ собственныхъ переживаній или наблюденій. Этотъ сводъ „опытомъ и наблюденій" изложенъ живо и ярко, съ множествомъ легкихъ и нѣжныхъ оттѣнковъ, съ игрой и остроуміемъ, съ множествомъ мѣткихъ словечекъ, языкомъ точнымъ, яснымъ и красивымъ. Читаешь книжку Колетты, и получаешь впечатлѣніе интимной бесѣды съ нею,—бесѣды блестящей и граціозной, напоминающей игру шампанскаго въ граненомъ бокалѣ. Имѣютъ ли объективную цѣнность опыты и наблюденія Колетты? Отвѣтить трудно. Несомнѣнно, что поле наблюденій ея было широко. Школа, замужество, литературный міръ Парижа, жизнь сцены и закулисный міръ, жизнь гостиныхъ и богемы—все это видѣла Колетта Вилли и не только видѣла, но сама прошла сквозь все это и въ этой средѣ выработала самое себя. Трактуя въ своихъ произведеніяхъ этотъ міръ, она имѣетъ обыкновеніе ставить себя въ его центрѣ. Очень часто она ведетъ разсказъ отъ перваго лица,—отъ перваго лица написаны „Клодины", „L'envers du Music-Hall", „La Vagabonde" и „L'Eutrave". Вся жизнь Колетты разсказана въ этихъ книгахъ, и если фактическія подробности не всегда имѣютъ автобіографическій характеръ, все-таки извѣстные этапы жизни Колетты до чрезвычайности совпадаютъ съ событіями, разсказанными въ ея книгахъ, — и это оставляетъ впечатлѣніе, будто въ нихъ нашли свое выраженіе подлинныя душевныя переживанія писательницы.

Прочтя книги Колетты, мы, можетъ быть, не составимъ себѣ объективно вѣрнаго представленія о французской школѣ. о французскомъ обществѣ, о французской семейной жизни, но мы за то,

глубоко познакомимся съ самой Колеттой,—съ одной изъ блестящихъ представительницъ французскаго общества. Когда писатель рисуетъ окружающую его жизнь и даетъ ея изображеніе, онъ по необходимости наноситъ на бумагу только то, что ему удалось самому увидѣть и уловить,—и по тому, *что* онъ уловилъ, мы судимъ о немъ самомъ. Такъ по отраженію предмета въ зеркалѣ мы судимъ о самомъ зеркалѣ. И потому, даже въ томъ случаѣ, если жизнь извѣстныхъ Колеттѣ круговъ отразилась въ ея книгахъ неполно или искаженно,—даже въ этомъ случаѣ одинъ уголокъ этой жизни будетъ выясненъ для насъ: сама Колетта, яркая представительница французскаго общества—одна изъ парижанокъ.

Начнемъ съ „Клодины въ школѣ". Это разсказъ дѣвочки-подростка о томъ, что она видитъ въ своей школѣ,—коммунальной школѣ глухого провинціальнаго городка,—и о томъ, чѣмъ она живетъ, чѣмъ занята, что волнуетъ ея умъ, ея чувства и ея молодое просыпающееся воображеніе. Передъ читателемъ проходитъ рядъ живыхъ сценъ и ярко встаетъ рядъ живыхъ образовъ,—учительницъ и учителей, „делегата кантональнаго совѣта", доктора Дютертра, надзирающаго за школой и пробирающагося къ депутатскому мѣсту, „академическаго инспектора", и рядомъ—образы подругъ Клодины, такихъ же, какъ она, подростковъ, подобно ей переживающихъ трудное время перехода отъ дѣтства къ юности и перваго пробужденія чувственныхъ инстинктовъ. Въ этомъ послѣднемъ—психологическій центръ разсказа. Въ какихъ условіяхъ совершается это пробужденіе, какими впечатлѣніями и примѣрами направляется оно?

Вотъ селадонъ Дютертръ, при всякомъ удобномъ случаѣ обнимающій дѣвочекъ, цѣлующій ихъ во время медицинскаго изслѣдованія, говорящій имъ легкія и веселыя сальности. Кто можетъ ему помѣшать развращать школу? Онъ „кантональный делегатъ", онъ будущій депутатъ, у него связи и, кромѣ того, начальница школы влюблена въ него и молится на него. Вотъ два учителя школы для мальчиковъ, молодые люди провинціальнаго пошиба, одинъ меланхолическій и мечтательный, другой — парикмахеръ, стремящійся стать свѣтскимъ львомъ. Весьма возможно, что они прекрасно справляются съ своимъ дѣломъ, но они—молодые люди и ихъ тянетъ къ дѣвушкамъ. У одного завязывается романъ съ учительницей m-lle Aimée, онъ дѣлаетъ ей предложеніе, получаетъ ея согласіе,—другой ухаживаетъ за подростками. Ихъ разговоры между собой—разговоры о дѣвушкахъ, о любви. Одинъ изъ такихъ разговоровъ Клодина подслушала.

Она гуляла съ своей молочной сестрой, Клеръ, тоже пятнадцатилѣтней дѣвушкой, и та разсказывала ей о своемъ дружкѣ, о своихъ маленькихъ „амуреткахъ", и о балѣ въ кафэ Трульяровъ, на которомъ произошло событіе.

„...Ты понимаешь, Клодина, какая вышла штука. Мы танцовали польку съ Монтеси и онъ меня очень крѣпко прижималъ къ себѣ. Вдругъ Эженъ, мой братъ, оставляя свою даму, подпрыгиваетъ, бьетъ стекло на лампѣ и тушитъ ее. Мы всѣ удивляемся—что онъ дѣлаетъ? А толстый Федо тушитъ въ это время другую,—и все во тмѣ. Трульяръ бѣжитъ за спичками, но пока она сбѣгаетъ! А тутъ кругомъ крики, смѣхъ, поцѣлуи... Мой братъ схватилъ Адель и она начала такъ тяжело, такъ тяжело дышать, и стонетъ: „Эженъ, перестань"! А толстый Федо съ своей дамой упали на полъ и такъ смѣются, что не могутъ подняться.

— А ты съ Монтеси?—спрашиваетъ Клодина.

— А мы... видишь, сначала онъ ничего, только держалъ меня за руку, а потомъ сказалъ: „не бойся ничего", и началъ тихонечко цѣловать мнѣ щеки, и такъ какъ было темно, то ошибся и даже поцѣловалъ въ губы. Это было очень пріятно, только взволновало меня и я чуть не упала. Тогда онъ крѣпко прижалъ меня къ себѣ. О, онъ миленькій и я люблю его"...

Во время этого интимнаго разговора дѣвочки увидѣли подходящихъ учителей и спрятались отъ нихъ въ кусты и изъ своей засады подслушали ихъ разговоръ. А говорили они о томъ, что, старшая учительница рыжая, а младшая пикантная штучка, а затѣмъ перешли къ ученицамъ, расцѣнили ихъ, какъ кобылъ на базарѣ, и съ особымъ вниманіемъ остановились на Клодинѣ, найдя, что есть наука, въ которой ея знанія сильнѣе, должно быть, ея знаній по географіи.

Вотъ одна сторона „школьной атмосферы". Другая, гораздо болѣе серьезная, нашла свое выраженіе въ сложномъ, путанномъ и гнусномъ романѣ, разыгрывающемся между взрослыми, подъ остро-наблюдательнымъ, шпіонящимъ окомъ малышей. Въ центрѣ этого „романа"—младшая учительница Aimée, хорошенькій, маленькій, предательскій, съ пеленокъ развращенный и по-французски практическій звѣрекъ. Она кокетничаетъ направо и налѣво и завязываетъ одновременно маленькую интимную дружбу съ Клодиной, маленькій романъ съ однимъ изъ учителей и большой романъ съ начальницей школы. Послѣднее васъ удивляетъ? Но надо впередъ оговориться—вся серія „Клодинъ" трактуетъ въ той или другой формѣ вопросъ однополой любви между женщинами. Ея этапами являются, во-первыхъ, экзальтированныя привязанности, существующія между подростками - дѣвочками осложненныя ревностью, капризами, исключительностью, ласками,—всѣми признаками чувственной любви; во-вторыхъ, уже совершенно и опредѣленно чувственныя привязанности взрослыхъ женщинъ другъ къ другу, носящіе названіе d'amour de deux colombes. Я совершенно не компетентенъ въ вопросѣ о томъ, насколько распространены во Франціи эти и подобныя извращенія сексуальнаго инстинкта. Быть можетъ, Мопассанъ и другіе писатели гово-

рившіе о нихъ, трактовали исключенія; быть можетъ, Колетта Вилли поддалась въ данномъ случаѣ вліянію своеобразной моды и смотрѣла на жизнь сквозь своеобразно окрашенные очки. Но, можетъ быть, передъ нами явленіе распространенное,—вѣдь исторія знаетъ цѣлыя эпохи такъ называемаго „паденія нравовъ" у различныхъ народовъ, когда сексуальныя извращенія превращались ни болѣе, ни менѣе, какъ въ правила „хорошаго вкуса": Содомъ и Лесбосъ, античный міръ въ стадіи перезрѣлости. А теперь и Франція.

Мы вернемся къ вопросу о причинахъ явленія, когда закончимъ обзоръ „Клодинъ",—теперь же остановимся на психологическихъ мотивахъ „голубиной любви" двухъ учительницъ глухой провинціальной школы, насколько они выясняются Колеттой Вилли. M-lle Sergent, начальница школы, немолодая и некрасивая женщина, прожила всю жизнь въ тяжелой, напряженной работѣ, сначала какъ учительница, потомъ какъ директриса. Замужъ она не вышла, семьей и дѣтьми не обзавелась, педагогическаго энтузіазма Богъ ей не далъ. Скучна и сѣра жизнь уѣзднаго городка, тяжела и однообразна школьная работа, скудно и плохо существованіе, лишенное увлеченія, любви, страсти, нѣжности. Говорятъ, у m-lle Sergent есть „привязанность", есть будто даже связь съ „кантональнымъ делегатомъ". Если это и правда, то со стола этого жуира ей падаютъ лишь рѣдкія крохи вниманія. Но, можетъ быть, это и простыя сплетни. Можетъ быть, m-lle Sergent не находитъ никого, кто пожелалъ бы скрасить ея личную жизнь нѣжностью и привязанностью; можетъ быть, она боится связей компрометирующаго свойства. И вотъ она сохнетъ въ отсутствіи *личной* привязанности и въ отсутствіи естественнаго выхода для чувственныхъ влеченій. Изъ этихъ-то двухъ различныхъ, но совмѣстно дѣйствующихъ импульсовъ слагается ея болѣзненное и изступленное чувство къ хорошенькой, бѣленькой и маленькой младшей учительницѣ.

Началось оно съ ревности. Младшая учительница давала частные уроки англійскаго языка Клодинѣ. Англійскимъ занимались мало, больше же интимностями, объяснялись во взаимной нѣжности и цѣловались. M-lle Sergent чутьемъ уловила истинный характеръ этихъ отношеній и омрачилась. Однажды, исправляя вечеромъ вмѣстѣ съ младшей учительницей тетради учениковъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ Aimée Клодинѣ,—она спросила въ упоръ: „Вы очень любите Клодину? И она васъ тоже?" Спросила и вдругъ разрыдалась. И, рыдая, хватая Эмэ за руки, безпорядочно и страстно заговорила:—„Маленькая моя, вы, значитъ, не видите, что вы разрываете мнѣ сердце! О, моя душечка, какъ могли вы, какъ могли вы не замѣтить, что я васъ люблю! Охъ, я ревную васъ къ этой Клодинѣ! Еслибы вы не отворачивались отъ меня,—я такъ одинока,—еслибы вы хоть немножко любили меня, я была бы вамъ такимъ нѣжнымъ другомъ... Я пылинкѣ не дала-бы на васъ упасть... Ахъ, я такъ одинока..." И, говоря это, смотрѣла

на хорошенькую Эмэ безумными глазами, гипнотизируя ее всей силой напряженной воли и дикаго желанія.

Когда читаешь эти изліянія, не знаешь, гдѣ видѣть психологическій центръ эмоцій,—въ этомъ ли чувствѣ одиночества и заброшенности, толкающемъ женщину къ какой бы то ни было привязанности и придающемъ ей характеръ болѣзненной страстности, или въ патологическомъ извращеніи сексуальныхъ инстинктовъ. Но, каково бы ни было начало,—теченіе „голубиной любви" принимаетъ опредѣленно чувственный, нимфоманическій характеръ.

Вы мнѣ позволите для экономіи мѣста опустить разсказъ о томъ, какъ скрестились три романа молодой учительницы и перекрылись грубой связью съ „кантональнымъ делегатомъ", завязавшейся съ вѣдома и подъ покровительствомъ m-lle Sergent. Мы оставимъ такимъ образомъ въ сторонѣ грязь глухой провинціальной жизни, ничѣмъ не освѣщенной и не согрѣтой, и вернемся къ Клодинѣ и ея товаркамъ,—любопытнымъ и возбужденнымъ наблюдательницамъ отношеній, не совсѣмъ понятныхъ, но завлекательныхъ, волнующихъ. Конечно, отъ нихъ ничто не укрылось. Все было въ концѣ концовъ понято ими,—тѣмъ болѣе, что передъ ними и не скрывались особенно,—и такимъ образомъ вся душевная жизнь дѣвушекъ переходнаго возраста, какъ плѣсенью, проросла нездоровыми интересами. Этому нимало не мѣшало то обстоятельство, что онѣ ненавидятъ Эмэ, эксплатирующую свое положеніе общей любовницы и превратившуюся въ настоящаго школьнаго тирана, что онѣ презираютъ свою влюбленную начальницу,—„Рыжую",—и опасливо сторонятся „кантональнаго делегата";—все равно ихъ окружаетъ специфическая атмосфера и создаетъ въ нихъ параллельныя настроенія. Не надо поэтому удивляться, что въ одинъ прекрасный день Клодина получаетъ отъ своей товарки, Люси, тихой, робкой и скромненькой дѣвочки пятнадцати лѣтъ, такого рода записку:

„Дорогая Клодина. Я ужасно тебя люблю, а ты на меня и не смотришь, и это меня такъ огорчаетъ. Иногда ты ласковая со мной, иногда злая; ты не относишься ко мнѣ серьезно, ты смотришь на меня, какъ на собачонку. Ты не можешь себѣ представить, какъ это мнѣ больно. А между тѣмъ можно было бы имѣть столько счастья. Посмотри на мою сестру Эмэ и на mademoiselle, они такъ счастливы и такъ довольны... Я тебя цѣлую и прошу—сожги это письмо. И не показывай его никому,—ты не захочешь вѣдь надѣлать мнѣ непріятностей. Цѣлую тебя еще и съ нетерпѣніемъ жду завтрашняго дня".

Цѣлое маленькое объясненіе въ лесбійской любви, внушенное примѣромъ старшихъ и свидѣтельствующее о глубокомъ извращеніи юношеской товарищеской привязанности.

Клодина, пылкая, своевольная, но здоровая дѣвушка, выросшая на полной свободѣ въ деревнѣ, въ лѣсахъ Юры, въ домѣ стараго

ученаго, занятаго книгами и коллекціями, устояла противъ соблазновъ экзальтированной чувствительности и чувственности. Но, конечно, жизнь въ подобной атмосферѣ не прошла для нея даромъ и результаты сказались по выходѣ изъ школы, когда она вошла въ жизнь.

Окончивъ школу, Клодина переѣхала съ отцомъ въ Парижъ и для нея началась пустая и ничѣмъ не занятая жизнь дѣвушки изъ буржуазнаго круга. Еслибы у нея была жива мать, еслибы она жила въ семейномъ домѣ, существованіе ея было бы съ внѣшней стороны строго нормировано, знакомства ограничены и городъ великаго соблазна оказалъ бы на нее лишь поверхностное вліяніе. Но, все равно, ее готовили-бы къ замужеству и на этомъ шагѣ были бы все равно сосредоточены всѣ ея ожиданія. Бракъ въ буржуазной средѣ—дѣловая сдѣлка. Когда среди родителей во Франціи поднимаются матримоніальные разговоры, то первый вопросъ, который ставится ребромъ, это—сколько? Въ отвѣтъ:—Пятнадцать. Двадцать. Пять—т. е. пятнадцать, или двадцать, или пять тысячъ годовой ренты. И, въ зависимости отъ того, считаютъ ли эту сумму достаточной или нѣтъ, матримоніальный разговоръ продолжается или прекращается. Но матеріальной сдѣлкой бракъ является только для родителей. Для дѣвушки онъ дверь, черезъ которую выходятъ на свободу, къ наслажденіямъ, къ самостоятельности. Бракъ, брачныя отношенія, брачныя перспективы—въ этомъ кругѣ замкнута мысль дѣвушки, не посѣщающей университета потому, что это въ хорошемъ обществѣ не принято, не занятой ни общественной борьбой, ни исканіями научной мысли, не имѣющей впереди себя общественной дѣятельности. Въ этихъ условіяхъ любовная тема занимаетъ несоразмѣрно большое мѣсто въ полѣ зрѣнія буржуазной дѣвушки вообще. Въ положеніи же Клодины, въ условіяхъ большой свободы, полной праздности и извѣстныхъ намъ предшествовавшихъ школьныхъ вліяній, она должна была разростись такъ пышно, какъ разростается лопухъ на мусорѣ. И потому тутъ, въ Парижѣ, дозрѣлъ начатый въ школѣ голубиный романъ съ Люси,—а параллельно шелъ и флиртъ съ мужчинами, среди которыхъ мы встрѣчаемъ и юношу Марселя, гомосексуалиста, и серьезная страсть, кончившаяся замужествомъ.

Въ девятнадцать лѣтъ Клодина вышла замужъ. Вышла замужъ по страсти, за человѣка много старше себя, красавца, писателя, съ блестящимъ положеніемъ въ обществѣ. Исторія ея жизни замужемъ составляетъ содержаніе третьяго томика изъ серіи „Клодинъ“,—„Claudine en ménage“. Любопытный и изумительный ménage. Настолько изумительный, что прежде, чѣмъ перейти къ его изложенію, я чувствую потребность попросить читателя отрѣшиться отъ того мѣрила жизни, которое ему свойственно, и принять во вниманіе, что передъ нимъ развернется страничка

жизни—подлинной или выдуманной, я точно не знаю—одного изъ парижскихъ общественныхъ слоевъ: страничка *чужой* жизни.

Итакъ, Клодина вышла по страсти за человѣка лучшаго парижскаго круга, очень красиваго, но пожилого. Эта разница лѣтъ опредѣлила отношенія мужа къ женѣ. Въ нихъ пылкая мужская любовь тѣсно переплелась съ любовью „отцовской",—такъ это называется въ романѣ,—выражающейся въ безконечномъ баловствѣ жены. Что привязываетъ Клодину къ мужу? Какого характера ихъ союзъ? Опредѣлить легко—это союзъ, построенный на голой чувственности, на физической любви. Алтаремъ этого брака является двуспальная постель, около которой и служится восторженная месса любви. Все остальное—театры, выѣзды, пріемы, прогулки—все это второстепенные аксессуары, отнимающіе, пожалуй, много времени, но идущіе поверхъ души. Страницу за страницей читаешь описаніе брачной жизни Клодины и видишь ясно, что въ ней нѣтъ ничего, кромѣ любовныхъ отношеній, ощущеній, огорченій, экстазовъ. Это единственное содержаніе этой удивительно опустошенной жизни. Естественно, не смотря на пылкую любовь къ мужу, Клодина чувствуетъ себя чужой ему, чужой въ его домѣ.

„...Ахъ, какъ мнѣ трудно писать объ этомъ... О чемъ? О пустякѣ. Ахъ, еслибы это оказалось пустяками. Но вотъ: квартира наша приведена наконецъ въ порядокъ. И Рено (мужъ) чувствуетъ себя превосходно и всѣмъ любуется. Онъ взялъ вчера меня подъ руку и пошелъ по комнатамъ; улыбнулся хорошенькимъ аккуратнымъ часикамъ на каминѣ, выправилъ покосившуюся картину на стѣнѣ и, послѣ очень удавшагося поцѣлуя, оставилъ меня въ салонѣ (конечно, для того, чтобы писать въ „Revue diplomatique" и чтобы устраивать судьбу Европы), сказавъ: „Мой маленькій деспотъ, ты вольна царствовать, какъ хочешь".

„И такъ какъ мнѣ нечего было дѣлать, я усѣлась и отдалась моимъ мечтамъ. Я не знаю, сколько прошло времени, пока я очнулась и очутилась передъ зеркаломъ съ шляпой въ рукахъ, чтобы одѣться и итти... *домой*.

„Вотъ и все. И это—крушеніе. Вы не понимаете? Тогда вы не догадливы.

„Чтобы идти домой! Но куда? Но, значитъ, я здѣсь не дома? Нѣтъ, нѣтъ—не дома, и въ этомъ все несчастье. Куда мнѣ идти домой? Къ папѣ? Но онъ всю мою постель завалилъ своими коллекціями и грязными своими бумагами. И не въ Монтиньи, гдѣ ничего не осталось. И не въ школу... Значитъ, у меня нѣтъ своего дома, своего жилища? Да, нѣтъ. Я живу тутъ, у одного господина, у одного господина, котораго я люблю, это правда,—но все-таки *я живу у одного господина*. Ахъ, бѣдная Клодина, деревцо, вырванное изъ земли! У тебя были, значитъ, такіе длинные корни? Что сказалъ бы Рено? Ничего. Онъ ничего не можетъ. Куда же мнѣ уйти? Въ себя. Вырыть въ моемъ горѣ, въ моемъ неразумномъ и

невыразимомъ словами горѣ, темную нору и улечься тамъ? И вотъ, съ шляпой на головѣ, съ крѣпко сжатыми руками, я вновь усаживаюсь въ этой гостиной и роюсь въ себѣ".

Праздно, тоскливо, пусто и страстно тянется супружеская жизнь Клодины и приводитъ ее къ одному знакомству. Это супруги Ламбруки, съ которыми она знакомится на одномъ изъ литературно-свѣтскихъ пріемовъ своего мужа.

Объ этомъ супружествѣ Рено говоритъ:

„— Эта пара—прелестная, но плохо подобранная. У жены я цѣню великолѣпныя плечи, чудесный бюстъ, который она на званыхъ обѣдахъ открываетъ настолько, насколько ей позволяютъ и красота ея, и забота о томъ, чтобы доставить удовольствіе сосѣдямъ. Любитъ кокетничать—больше тѣлодвиженіями, чѣмъ словами, и любитъ шампанское. Ну, а онъ,—онъ долго служилъ въ колоніяхъ, и полковникъ Ламбрукъ въ сущности тамъ и остался, сюда къ намъ вернулся одинъ только его остовъ. Совсѣмъ опустошенный человѣкъ. Спроси его что-нибудь про дорогую ему Индію, — и онъ немедленно замкнется въ суровое молчаніе и начнетъ внутренно волноваться. Никто не знаетъ, какая жестокая и мучительная приманка держитъ его тамъ. Но рѣдко можно встрѣтить такую замкнутую душу! Словомъ, это плохо подобранная пара. Она—красавица, жадная до наслажденій, нѣжная, изысканная и слабая. Онъ—настоящее дерево, опустошенный остовъ полковника, растратившаго свои жизненныя силы „въ колоніяхъ".

Между Рези, — такъ зовутъ ее, — и Клодиной завязывается дружба, кокетливая дружба двухъ свѣтскихъ, хорошенькихъ дамъ, получающая, впрочемъ, очень скоро специфическій оттѣнокъ: полковникъ Ламбрукъ ревнуетъ къ Клодинѣ свою жену. Онъ не любитъ, когда у его жены завязывается интимная близость съ женщинами: онъ всегда является нарушать ихъ tête-á-tête и вызываетъ у Рези жалобы и на мужа въ частности, и на мужчинъ вообще.

— Вы понимаете,—говоритъ она Клодинѣ—какъ тяжело быть женой такого человѣка!

— Ахъ, какъ мнѣ скучно у себя, — жалуется она ей другой разъ — такъ надоѣдаютъ мнѣ эти мужчины, которые къ намъ ходятъ. Одинъ флиртуетъ, другой флиртуетъ,—сегодня было цѣлыхъ три ухаживателя. Все одно и то же, все одно и то же. Третьяго я чуть сегодня не избила.

— Почему третьяго?

— Потому что онъ въ тѣхъ же самыхъ словахъ, черезъ полчаса послѣ второго, объяснился мнѣ въ любви. А второй повторялъ перваго. Несчастные! И всѣ они убійственно похожи одинъ на другого.

— Но тогда возьмите одного. Одинъ—это разнообразнѣе.

— Ну, и утомительнѣе.

— Да... а скажите, мужъ вашъ не ревнуетъ васъ?

— Нѣтъ. Почему вы хотите, чтобы онъ меня ревновалъ?

— Подождите, Рези, вы мнѣ сами говорили...

— А,—но вѣдь это совсѣмъ не одно и то же: эти мужчины и вы.

— Надѣюсь. Но я вамъ и нравлюсь иначе, чѣмъ они. Скажите, Рези, что влечетъ васъ ко мнѣ?

— Почему вы мнѣ нравитесь, Клодина? Я могла бы отвѣтить—потому что я нахожу васъ красивой. Но вамъ этого мало, я вижу... Почему я васъ люблю? Потому что ваши волосы и ваши глаза точно старая бронза... Можно думать, что была когда-то прелестная маленькая статуя, вся превратившаяся потомъ въ нѣжное тѣло, вся, кромѣ глазъ и волосъ. И еще вы нравитесь мнѣ потому, что у васъ нѣжный голосъ и сильный рѣзкій жестъ; потому что вы дикая, но что для меня вы смягчаетесь; потому что ваши мысли, понятныя и ускользающія, заставляютъ васъ стыдливо краснѣть; потому что..."

Вотъ она опять, знакомая намъ „голубиная любовь", выросшая изъ эстетики, изъ опустошенности мужа, грубости мужчинъ, изъ чувственности, не находящей красиваго выхода, изъ пылкаго воображенія, праздности и развращенности. Сложное чувство упадочной среды, упадочной жизни. Начало ея по преимуществу эстетическаго характера, продолженіе принимаетъ эмоціональную окраску, конецъ — явно эротическій. Колетта Вилли описываетъ подробно наростаніе и эволюцію голубиной любви,—но вы позволите мнѣ не останавливаться на этомъ. Любопытнѣе другая сторона. Хотя подготовленная школьными и послѣдующими впечатлѣніями къ такого рода отношеніямъ, Клодина, здоровая, сильная, дикая, сопротивляется сначала. Не ей принадлежитъ и иниціатива. У нея играютъ нервы, плѣнено воображеніе, это правда,—но это же и пугаетъ ее. И за помощью она обращается къ мужу. И вотъ у мужа-то она и не находитъ никакой поддержки. На этой сторонѣ дѣла стоитъ остановиться. Сначала, когда любовная игра съ Рези только еще затягивала Клодину, она не разъ въ темной, неясной формѣ, полунамеками высказывала мужу свою тревогу и поднимающіеся въ душѣ протесты и противъ себя самой, и противъ той, — но Рено отечески посмѣивался, шутилъ и весело спрашивалъ: „ухаживаетъ за тобой, значитъ? Смотри, пусть она ухаживаетъ, а не ты. А что, линія бедеръ у нея красивая?" и т. д. Но однажды Клодина спросила у него напрямки:

— Рено! Что, Рези—порочная женщина?

— Я тебѣ уже говорилъ, моя маленькая дурочка, что не слышалъ о любовникахъ m-me Ламбрукъ.

— Я не объ этомъ спрашиваю. Имѣть любовниковъ вовсе не значитъ быть порочнымъ.

— Не значитъ? Тогда о какомъ порокѣ говоришь ты? Объ однополой любви?

— И о ней, и не о ней. Все дѣло въ томъ, какъ ее проявлять. Но и не это порокъ.

— Ну, ну! Опредѣли тогда.

— Опредѣлить я не могу. Это чувствуешь. Возьмемъ примѣръ. Положимъ, я беру любовника...

— О-ля-ля.

— Это предположеніе. Положимъ, я беру любовника, безъ любви, просто потому, что я знаю, что это дурно: вотъ онъ, порокъ. Положимъ, я беру любовника...

— Ого! второго?

— ... Любовника, котораго я люблю, или котораго я просто хочу,—я слѣдую тогда простому естественному закону и считаю себя честнѣйшимъ изъ созданій. Вотъ видишь, значитъ, порокъ есть дурное, что дѣлаютъ безъ удовольствія...

— Поговоримъ, если хочешь, о чемъ-либо другомъ. Ты взяла себѣ столько любовниковъ, — какъ хочешь, я долженъ тебя очистить."

И супружески-любовная сцена смѣнила разговоръ.

Потомъ, когда характеръ, который приняли отношенія Рези и Клодины, принялъ совершенно субверсивный оттѣнокъ, а „ревность" полковника Ламбрука возросла, и всталъ вопросъ о томъ, гдѣ встрѣчаться двумъ „голубкамъ", Рези рѣшила, что есть одинъ выходъ: надо сказать Рено и попросить его помочь. Послѣ долгихъ отказовъ, волнуясь и стыдясь, Клодина сказала мужу, что ей неудобно встрѣчаться съ Рези у нея. И Рено сразу понялъ.

— „Тогда—сказалъ онъ—встрѣчайтесь у насъ. Если я мѣшаю, я буду уходить".

— „Но у насъ люди"—возразила Клодина. И Рено опять понялъ и догадался:

— „Подожди денекъ, — я все устрою". Пошелъ, насмотрѣлъ уютную и милую garçonière,—холостую квартиру, самъ проводилъ туда „голубокъ", принесъ туда вина, печеній, фруктовъ, посидѣлъ, посмѣялся и скромно удалился, оставивъ однако ключъ у себя. Рено сталъ такимъ образомъ покровителемъ этой экзотической любви своей собственной жены, находя въ этихъ новыхъ отношеніяхъ и въ своей экстравагантной роли особое удовольствіе.

— „Еслибы онъ отвѣтилъ мнѣ на мою просьбу грубымъ словомъ, еслибы онъ запретилъ мнѣ или даже побилъ меня! — пишетъ Клодина въ своемъ дневникѣ. — Но для него адюльтеръ — вопросъ пола; здѣсь онъ не видитъ адюльтера, онъ видитъ здѣсь маленькое развлеченіе для меня, — и радъ, что можетъ его мнѣ доставить. Ахъ, еслибы онъ меня обругалъ!"

Но Рено, напротивъ, находитъ все больше удовольствія въ своей роли сводни и дѣло доходитъ до того, что онъ начинаетъ стѣснять „голубокъ" и они рѣшаютъ поискать уже на свой страхъ другой пріютъ. Они находятъ его у Марселя,—того юноши, поклонника однополой любви, о которомъ упоминалось выше, — но

этотъ храмъ пріапизма оказывается неудобнымъ и Клодина на порогѣ новыхъ поисковъ. Ихъ обрываетъ однако ея болѣзнь. Голубиные восторги, душевное безпокойство, мучительная работа мысли не прошли для нея даромъ, — пришла болѣзнь и принесла съ собой неожиданный поворотъ. Конечно, Рено ухаживалъ нѣжно и усердно за больной женой, и, конечно, Рези помогала ему, какъ могла, навѣщая подругу каждый день. Наконецъ, пришло и выздоровленіе. Выходить Клодинѣ докторъ еще не позволялъ, но однажды, соскучившись, она рѣшилась въ отсутствіе Рено немножко прогуляться. Ноги сами понесли ее къ той маленькой квартиркѣ, въ которой она встрѣчалась съ Рези. Машинально поднялась она по лѣстницѣ, отворила, вошла—и видитъ: въ спальнѣ—Рено и Рези!

Такъ очень обычнымъ адюльтеромъ кончился необычный романъ голубокъ. Тѣмъ не менѣе конецъ этотъ глубоко смутилъ и потрясъ Клодину,—она бросила мужа, бросила „измѣнницу" Рези и спаслась къ отцу, на родину, въ глушь пріюрскихъ лѣсовъ. И прошло довольно много времени, пока она поняла, что роль истца и обвинителя не идетъ ей, члену удивительнаго тріо, разыгравшаго этотъ удивительный романъ. Она вернулась къ мужу, и четвертая книга изъ серіи „Клодинъ" разсказываетъ объ ея попыткѣ наладить свою семейную жизнь съ Рено,—попыткѣ, окончившейся неудачно, потому что какая же можетъ наладиться доброкачественная жизнь въ исковерканной семьѣ? Но мы не будемъ слѣдить подробно ни за этими попытками, ни за мотивами, вслѣдствіе которыхъ „Клодина ушла" (названіе четвертой книги), и перейдемъ къ послѣдней серіи романовъ, написанныхъ уже одной Колеттой Вилли, безъ сотрудничества съ ея первымъ мужемъ.

Въ этой серіи опять разсказана женская жизнь: замужество, разрывъ съ мужемъ, игра на сценѣ, новая любовь. Проблемы голубиной любви Колетта больше не касается. Ее занимаетъ теперь другой вопросъ—о возможности для женщины свободнаго, независимаго существованія. Проблему эту поставилъ передъ Рене, отъ имени которой ведется разсказъ, опытъ ея супружеской жизни. Она вышла замужъ за знаменитаго художника портретиста Таландье. Таландье удивительно умѣлъ придавать кожѣ женскаго тѣла живой бархатистый колоритъ, а волосамъ золотистый оттѣнокъ—и это создало ему его славу и приманило въ его ателье множество свѣтскихъ дамъ, кокотокъ и мужнихъ женъ. Таландье писалъ ихъ и держался при этомъ правила: „я хочу имѣть моделями только моихъ любовницъ и любовницами только мои модели". Отъ жены своей онъ требовалъ одного, чтобы она ухаживала за его заказчицами, т. е. за его моделями и любовницами.

— „Я встрѣтила его, я вышла за него замужъ,—пишетъ Рене— я жила съ нимъ больше восьми лѣтъ... Но что я знаю о немъ? Что онъ дѣлаетъ пастели и имѣетъ любовницъ... Я знаю про него еще, что онъ всѣхъ обманываетъ. Одни считаютъ его усерднымъ

работникомъ, другіе безсовѣстнымъ кутилой; есть женщины, которымъ онъ кажется нѣжнымъ любовникомъ, другія считаютъ его старѣющимъ артистомъ, жаждущимъ идиллій, чтобы скрасить надвигающуюся старость; съ третьими онъ грубъ, презрителенъ и безцеремоненъ, — настоящій „артистъ“ изъ свѣтскаго романа. И тотъ же самый Талландье, чтобы побѣдить сопротивленіе хорошенькой замужней дамочки, матери двухъ дѣтей, умѣетъ ломать свои кисти, рвать волосы и плакать горькими слезами, отъ которыхъ его поднятые кверху á la Вильгельмъ усы свисаютъ внизъ. Есть еще множество другихъ Талландье, которыхъ я никогда не узнаю, — не говоря уже о самомъ страшномъ, о Талландье дѣльцѣ, вымогателѣ денегъ, то циничномъ и грубомъ, то низкомъ, то лукавомъ—смотря по надобности. За всѣмъ этимъ маскарадомъ я не знаю, гдѣ настоящій, гдѣ истинный Талландье. Я даже не знаю, существуетъ ли вообще Талландье. Онъ долго былъ для меня чѣмъ-то вродѣ страшнаго Макіавелли. На самомъ дѣлѣ онъ былъ, вѣроятно, только Фреголи... Боже мой, какъ я была молода и какъ я любила когда-то этого человѣка! И какъ я страдала!.. Послѣ первыхъ измѣнъ, послѣ бунта и жалкихъ капитуляцій моей молодой любви, цѣплявшейся за жизнь и за надежды,—что оставалось мнѣ, кромѣ гордаго молчанія, упрямаго терпѣнія и литературы?“

Потому что, подобно самой Колеттѣ Вилли, героиня ея романовъ Ренэ занялась литературой, скрашивая творческой работой безотрадную пустыню супружеской жизни, и, подобно ей, романы Ренэ имѣли успѣхъ. Супружеская жизнь ея тѣмъ не менѣе продолжала быть невыносимой и кончилась разводомъ. Подобно Колеттѣ Вилли, Ренэ - писательница поступила въ Music-Hall, и „теперь я обмѣниваю на звонкое золото мои жесты, мои танцы, звукъ моего голоса. Я очень скоро привыкла къ этому занятію и даже полюбила его, благодаря присущей женщинѣ любви къ деньгамъ. И я сама зарабатываю средства для моего существованія— это фактъ. Въ минуты хорошаго настроенія я не устаю повторять себѣ съ гордостью: я зарабатываю свой хлѣбъ! Music-Hall, въ которомъ я работаю, какъ мимъ, какъ танцовщица, а иногда и какъ актриса, научилъ меня такъ же торговаться и стоять за себя горой и превратилъ меня въ несговорчивую, но добросовѣстную торговку. Это ремесло, которому женщина, даже менѣе всего одаренная, учится легко, разъ отъ него зависитъ ея свобода и ея жизнь“.

Счастье, словомъ, улыбнулось Ренэ. Она освободилась отъ дрянного мужа не слишкомъ поздно для себя, пріобрѣла литературное имя, независимое положеніе, постоянный и недурной заработокъ. Вся жизнь, весь міръ, со всѣмъ своимъ разнообразіемъ, открыты для нея,—что же сдѣлаетъ она изъ своей жизни, чему въ мірѣ

отдастъ свой интересъ, свою привязанность? Отвѣтъ коротокъ: мужчинѣ и любви.

Чтобы быть справедливымъ, должно сказать, что первое, и довольно долгое, время — втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ — Ренэ занята не мужчиной и любовью, а отсутствіемъ мужчины и любви,— на ея языкѣ: одиночествомъ.

„... Какъ всегда, входя къ себѣ домой, я закрываю за собою дверь съ глубокимъ вздохомъ. Вздохомъ усталости, успокоенія, облегченія? Или страха передъ одиночествомъ? Не будемъ, не будемъ въ этомъ разбираться!

„... Ахъ, какой безобразный декабрьскій вечеръ! Калориферъ пахнетъ іодоформомъ; Бландина забыла положить грѣлку въ мою постель; моя старая собачонка смотритъ на меня угрюмо и не хочетъ даже вылѣзти изъ своей корзинки. Ахъ, я не требую иллюминаціи и не гоняюсь за радужными огнями, но тѣмъ не менѣе, но тѣмъ не менѣе...

„... О, я могу искать повсюду, во всѣхъ углахъ, подъ кроватью,— здѣсь, кромѣ меня, нѣтъ никого. Никого. И большое зеркало въ моей спальнѣ не отразитъ даже опереточной цыганки, — я вѣдь смыла краски и сняла костюмъ.

„... Одна, да одна,--одна на всю жизнь, конечно. Уже одна! Такъ рано! Я перешла за третій десятокъ,—но лицо мое пострадало мало, потому что его всегда красило только его выраженіе, взглядъ глазъ и тонкая недовѣрчивая улыбка, лисья, какъ говоритъ Маринетти. Ахъ, бѣдная лисичка, съ которой и курица могла бы справиться... Но, между прочимъ, это правда — что я похожа на лисицу, но на хорошенькую, изящную лисичку. Это недурно,—неправда-ли? Вотъ и часъ ночи. Чего же я жду? Чтобы кто-нибудь добрымъ ударомъ хлыста прогналъ давящій меня кошмаръ? Но нѣтъ никого около меня, потому что я одна. Ахъ, я одна на эту ночь. Одна,—и я, кажется, жалуюсь. Но Брагэ мнѣ говоритъ, что это по моей винѣ. Да, по моей. Я хочу быть одной. Но только, только въ мои годы, одиночество иногда какъ вино, пьянящее чувствомъ свободы; за то бываютъ дни, когда оно какъ горькая микстура, и другіе дни, когда оно какъ ядъ. Разбила бы себѣ голову о стѣну".

И мотивъ этотъ на всѣ лады тянется черезъ два тома. Сердце Ренэ полно жалости къ своей красотѣ, къ своему прекрасному тѣлу, жаждущему ласкъ и не имѣющему ихъ. И вотъ она бродитъ изъ Music-Hall'я въ Music-Hall, изъ города въ городъ съ труппой актеровъ, сидитъ въ своей комнатѣ за работой надъ романомъ, смотритъ на жизнь, развертывающуюся предъ нею, съ ея тяжелыми трагедіями, гнусными фарсами и смѣшными водевилями,—мысли же ея полны печали о томъ, что руки ея могутъ обнимать лишь пустоту и что она одна – такъ рано!

На ея жизненномъ пути ей встрѣчаются два человѣка. Одинъ

богатый, серьезный, изъ лучшаго общества,—во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная партія. Онъ горячо влюбленъ, настойчивъ,—но онъ не нравится Ренэ. И полуроманъ ея съ этимъ почтительнымъ, но настойчивымъ вздыхателемъ не доходитъ до конца. Давъ слово выйти за него замужъ, она обрываетъ, она „спасаетъ свою свободу",—почему? Разгадка проста: претендентъ не вызываетъ въ ней физическаго экстаза.

Вторая встрѣча разрѣшается иначе. Къ этому времени Ренэ уже оставила Music-Hall, получила наслѣдство и прогуливаетъ свое одиночество по Ривьерѣ. Въ Ниццѣ она случайно знакомится съ журирующей парочкой, съ сыномъ банкира, Жаномъ, и съ его временной подругой, молоденькой и тривіальной Мэй, изъ парижскихъ d'emi-mondeнокъ. Связь непрочная, грубая: ей нуженъ содержатель, она ихъ и перемѣнила не мало; ему нужна женщина, и онъ ихъ тоже не мало имѣлъ. Время они проводятъ въ праздности, кутежахъ, прогулкахъ и дракахъ. Ренэ, живущая въ одномъ отелѣ съ ними, участвуетъ и въ прогулкахъ, а иногда въ кутежахъ, и наблюдаетъ этотъ ривьерный ménage. Очень скоро опредѣляется, что Жанъ ей физически пріятенъ, красивый, рѣшительный, смѣлый, грубоватый, сильный; и выясняется, что и Ренэ физически нравится ему больше, чѣмъ Мэй. Чтобы избавиться отъ соблазна и не вклиниваться въ этой малокрасивый ménage, Ренэ уѣзжаетъ. Жанъ догоняетъ ее въ Лозаннѣ, сопровождаетъ въ Парижъ и здѣсь въ вечеръ пріѣзда—того хотѣла судьба и тоскующая по мужчинѣ плоть Ренэ—они сходятся безъ долгихъ разговоровъ. Краткое, острое физическое счастье; безумье необузданныхъ ласкъ; восторгъ любви,—все это тянется два-три мѣсяца. Но въ одинъ прекрасный день Жанъ исчезаетъ. Ему нуженъ не равный партнеръ въ любовной игрѣ,—такой ему нуженъ не надолго,—для долгой связи онъ хочетъ женщину, отдающую ему душу и не требующую ничего взамѣнъ. И когда Ренэ, брошенная имъ, понимаетъ это, она идетъ къ нему, отдаетъ ему свою душу и не требуетъ ничего взамѣнъ, кромѣ спокойныхъ ласкъ, когда ему угодно, и счастья дышать однимъ воздухомъ съ *нимъ*. Кончены дни свободы; кончены дни равенства; вновь надѣты на Ренэ путы любви. Нѣтъ одиночества, есть l'entrave.

Такова въ двухъ словахъ фабула этихъ романовъ Колетты Вилли,—и интересна въ нихъ не пессимистическая мысль о неизбѣжности „путъ", а детали, уснащающія разсказъ. Онѣ насыщены описаніемъ ощущеній, страданій и восторговъ любви, поцѣлуевъ, объятій прелиминарныхъ и законченныхъ формъ обладанія, свидѣтельствующихъ о томъ, что любовь въ ея физическихъ проявленіяхъ, что тѣло, какъ ея объектъ и орудіе, окружены подлиннымъ культомъ, являются центромъ внимательной, любовной, утонченно-эстетической и экстазированной мысли.

Послѣ перваго поцѣлуя Ренэ въ мечтательной грезѣ обращается мысленно къ Жану:

„— Неизвѣстный мой! Слышишь ли ты меня? Я не бѣгу отъ тебя. Мое бѣгство ты счелъ бы своею побѣдой... Я иду медленно, чтобы чувствовать тебя за собой, не какъ браконьера, бросающагося за дичью, а какъ голодное животное, тихо плетущееся за своей пищей. А! ты не торопишься? Что-жь, я знаю эту стратагему кокетства.

„Ты прекрасенъ, но я не знаю, кто ты. Ты возникъ, повинуясь закону необходимости, чтобы ничего не недоставало этому знойному краю. Въ мечтахъ моихъ создала я пейзажъ и ты необходимъ ему, какъ тополь, стройно вѣнчающій дальній холмъ, какъ фіолетовая скала надъ зеленой волной, вспыхивающей бѣлой пѣной у ея подножья.

„Я не знаю, кто ты, и, между тѣмъ, я оскорбляю тебя, и я близка тебѣ. Иди рядомъ со мной, иди впереди меня, чтобъ мнѣ была видна твоя бѣлоснѣжная шея, твой крѣпкій стриженный затылокъ, голубѣющій отъ черныхъ волосъ, твои обнаженныя руки, сильныя, угрожающія. Иди со мной, но молчи. Ахъ зачѣмъ ты не нѣмъ!? Окружи меня, обволоки меня, и скорѣе—къ цѣли мечты моей. Но безъ словъ“.

Русскій читатель, пріученный нашими большими писателями къ сложнымъ моральнымъ переживаніямъ героевъ и героинь нашихъ романовъ и къ углубленной моральной и идейной трактовкѣ авторами поставленныхъ ими темъ, замѣтитъ особый поэтически-чувственный, опредѣленно сенсуалистическій характеръ этого лирическаго обращенія къ возлюбленному. И характеръ этотъ не случаенъ. Онъ не случаенъ для Колетты Вилли, романистки; не случаенъ для ея героевъ; не случаенъ для той среды, въ которой живетъ писатель, въ которую онъ помѣщаетъ своихъ персонажей, изъ которой почерпнулъ свою систему чувствованій, свои идеи, свои наблюденія, свой опытъ. И это потому, что сенсуализмомъ проникнута вся жизнь сытыхъ имущихъ классовъ современнаго западно-европейскаго вообще, французскаго въ частности, общества, и проникнута имъ по необходимости.

Въ чемъ состоитъ эта необходимость?

Современная буржуазія накопила во Франціи громадныя матеріальныя богатства, достигла высокой ступени культуры, сосредоточила въ своихъ рукахъ всю политическую власть. Она подлинный *хозяинъ жизни* здѣсь, ни съ кѣмъ не дѣлящій своего господства. Положенія этого она достигла цѣной величайшаго напряженія силъ, двумя вѣками героической борьбы. Два вѣка тому назадъ, когда она только намѣтила свою цѣль,—господство надъ жизнью,—она была угнетена, безправна, придавлена къ землѣ

королевской властью, родовой аристократіей, системой дѣйствовавшихъ учрежденій. Чтобы опрокинуть тронъ, восторжествовать надъ аристократіей, измѣнить систему учрежденій страны, ей мало было развернуть *свои* матеріальныя силы,—ей было необходимо идейно, морально завоевать народъ, всколыхнуть его, зажечь въ немъ пламя надеждъ, освободить его умъ, его подавленную волю отъ историческихъ путъ. Эту грандіозную духовную революцію буржуазія и совершила, и потому-то и носитъ великая французская революція названіе „великой", что ею были созданы не только новыя формы политическихъ учрежденій и соціальныхъ отношеній, но и новая идеологія и новая система чувствованій. Грандіозной революціи соотвѣтствовалъ и грандіозный подъемъ духовной жизни, и слѣдъ его лежитъ на всѣхъ дѣлахъ буржуазіи той, начальной, воинствующей эпохи ея жизни,—героической эпохи.

Но за борьбой послѣдовала побѣда, за побѣдой—эпоха упроченнаго положенія, поставившая свои задачи, сводившіяся къ спокойному пользованію плодами и борьбы, и побѣды. Такъ за посѣвомъ слѣдуетъ жатва и за жатвой—отдыхъ потребленія. Изъ революціонной силы, мятежной и недовольной, буржуазія превратилась въ довольную, удовлетворенную консервативную силу. И вмѣстѣ съ этимъ въ ней угасло пламя энтузіазма, мысль осѣла, стремленія понизились, успокоились чувства и началось то комфортабельное и низменное существованіе, цѣлью котораго является jouissance.

Открываемъ словарь Larousse'a и ищемъ значеніе слова jouissance. Находимъ: plaisir de l'âme ou des sens. Удовольствіе для духа или для чувствъ. Удовольствіе, какъ цѣль жизни! Недаромъ же доктрина утилитаризма является созданіемъ буржуазной эпохи и она же видѣла новый подъемъ героизма. Удовольствіе, наслажденіе, все то, что пріятно для души *или* для чувствъ. Въ этомъ *или* сказалась отсталость почтеннаго Larousse'a. Въ наши дни душа утратила свой спиритуалистическій характеръ и слилась съ „чувствами". Раздѣляющее „или" должно поэтому выбросить, и тогда мы получимъ точную формулу нашей эпохи, поскольку она опредѣляется психологіей господствующаго класса: эпоха погони за чувственными наслажденіями, эпоха сенсуализма.

Отъ героизма къ сенсуализму—такова эволюція, продѣланная побѣдоносной буржуазіей за два послѣднихъ вѣка, эволюція, повторяющая собою общій и неизбѣжный законъ развитія и упадка.

Если мы въ свѣтѣ этой истины взглянемъ теперь на нашу талантливую писательницу-парижанку, на ея героевъ и на ту общественную среду, въ которой сложилась и воспиталась Колетта Вилли, изъ которой она почерпнула свои художественные образы и которую она изобразила,—мы поймемъ, почему сосредоточила она свое вниманіе на любовныхъ отношеніяхъ и извращеніяхъ и почему изобразила знакомую ей жизнь подъ этимъ съуженнымъ угломъ.

Жизнь, конечно, шире утѣхъ чувственности. За предѣлами послѣдней трудъ, работа, иначе, тягость и тяжесть жизни. Правда, трудъ буржуазіи не очень изнурителенъ, но онъ не интересенъ и трудовое существованіе сѣро. Его расцвѣчиваютъ легкія удовольствія—театръ, природа, наряды, ѣда и т. д.,—но это наслажденія низшаго порядка, такъ какъ имъ не дано до дна потрясать человѣка и вызывать глубокія и длительныя эмоціи. Другое дѣло—любовь съ ея острыми ощущеніями и страстными переживаніями. Вотъ почему упадочные общественные слои и упадочныя эпохи отмѣчены чувственностью, то просто обостренной, то, вдобавокъ, извращенной. Дѣти этихъ общественныхъ слоевъ и этихъ эпохъ несутъ на себѣ ихъ печать. И мы узнаемъ ее на нашей писательницѣ-парижанкѣ, на ея творчествѣ, на ея умственномъ кругозорѣ. Она же точно огнемъ выжжена на томъ обществѣ, которое внушило Колеттѣ ея темы, дало матеріалъ для ея романовъ, а затѣмъ узнало себя въ изображеніи, одобрило искусное перо писательницы и отвело ей почетное мѣсто на своемъ Парнасѣ.

Бѣлоруссовъ.

На съѣздѣ криминалистовъ.

Факты и впечатлѣнія.

Февральскій съѣздъ русской группы международнаго союза криминалистовъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ юбилейнымъ—*десятымъ* съѣздомъ. Группа не предполагала отмѣчать въ общественномъ сознаніи эту для нея знаменательную дату. Но судьбѣ было угодно сдѣлать февральскій съѣздъ центромъ общественнаго вниманія. Въ ежедневной прессѣ и толстыхъ журналахъ, на лекціяхъ и модныхъ нынѣ диспутахъ неустанно и страстно дебатируются основныя рѣшенія происходившаго съѣзда. Гдѣ источникъ этого вниманія?

Можно указывать на общій потускнѣвшій фонъ русской жизни, на которомъ яркими пятнами выдѣляются періодическіе съѣзды автономныхъ организацій; можно подчеркивать особую остроту вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію съѣзда,—въ этихъ указаніяхъ лишь доля истины. Основная причина, сгруппировавшая вокругъ только что закончившагося съѣзда общественное вниманіе,—не внѣ съѣзда и не въ темахъ съѣзда, а въ немъ самомъ, въ особенностяхъ его работъ, въ опредѣленности его рѣшеній.

Наука, какъ повседневная политика, не терпитъ крутыхъ переломовъ. Въ естествознаніи открытіе новыхъ законовъ время отъ времени разрываетъ густую сѣть постепенныхъ переходовъ. Въ

обществовѣдѣніи — каждый осознанный шагъ впередъ, каждое рѣшительное устремленіе къ будущему родитъ сомнѣнія и тревоги, благородные страхи и низменное гоготаніе. Уголовная политика не можетъ претендовать на рѣшающую роль въ соціальномъ строительствѣ. Но въ той скромной работѣ, которая отведена на ея долю, отказъ отъ традицій для нея въ той же мѣрѣ чреватъ осложненіями, какъ смѣлое начинаніе соціальныхъ новаторовъ. Большинство съѣзда — основательно или нѣтъ — рѣшилось въ отчетливой формѣ порвать съ твердо установившейся уголовной традиціей. Въ этомъ разрывѣ главный источникъ поднятаго шума, источникъ дружественнаго сочувствія и ожесточенныхъ нападокъ. Какимъ образомъ совершился этотъ разрывъ, какъ внутренне складывались и наростали тѣ настроенія, которыя привели къ убѣжденному отрицанію репрессій?

I.

Когда кончился съѣздъ криминалистовъ,—кончился нѣсколько катастрофически, безъ обычнаго резюме, предсѣдателя, — въ общественномъ сознаніи съ особой четкостью запечатлѣлся послѣдній моментъ дѣятельности съѣзда: резолюція о ненаказуемости аборта. Это создавало иллюзію, что лишь по вопросу объ абортѣ мнѣніе съѣзда разошлось съ ранѣе господствовавшими воззрѣніями. Въ дѣйствительности необходимо учесть и другое: не только въ оцѣнкѣ аборта, но и по другому вопросу—о хулиганствѣ—сужденія съѣзда оказались въ значительномъ отдаленіи отъ того, что до послѣдняго времени считалось безспорнымъ и общепризнаннымъ.

До послѣдняго времени въ широкихъ общественныхъ слояхъ существовало опасеніе, что на Россію обрушилось новое и страшное бѣдствіе — хулиганство. Раздувая общественную встревоженность, оффиціальныя изданія рисовали страшныя картины.

„Кажется, никогда ни одно преступленіе—говорилъ на страницахъ „Журнала Министерства Юстиціи“ г. Громовъ—не рождалось въ такой массовой формѣ и такъ внезапно и не вызывало такого единодушнаго вопля о возмездіи, какъ новое, модное нынѣ, явленіе хулиганства: какъ нѣкое безобразное чудовище, оно вдругъ въ послѣдніе годы выплыло изъ глубины океана русской жизни и ростетъ не по днямъ, а по часамъ.

„Со всѣхъ концовъ Россіи, отъ Архангельска до Ялты, отъ Владивостока и до Петербурга, въ центры летятъ сообщенія объ ужасахъ новаго массоваго безмотивнаго преступленія, которое мѣшаетъ населенію мирно жить, развиваться, дышать. Деревни охвачены ужасомъ, города въ тревогѣ, а земства и городскія общественныя управленія, нервно реагируя на грядущую бѣду, ищутъ выхода и вырабатываютъ мѣры борьбы съ этимъ зломъ“.

Основаніемъ общественныхъ опасеній и офиціальнаго запугиванія служили многочисленныя сообщенія съ мѣстъ о выход-

кахъ доморощенныхъ хулигановъ. Откликаясь на модную тему, ежедневная пресса обильно и красочно писала о томъ, какъ въ разныхъ концахъ Россіи совершаются хулиганскіе проступки. Наиболѣе замѣчательныя по изобрѣтательности и озорству выходки аккуратно перекочевывали изъ газеты въ газету, искусственно увеличивая тревоги за разростающееся хулиганство. Въ погонѣ за злободневнымъ матеріаломъ газеты нерѣдко относили къ хулиганству и называли хулиганствомъ самыя обыкновенныя уголовныя преступленія, даже желѣзнодорожныя кражи. Эти ежедневныя сообщенія, это постоянное мельканіе „хулиганства“ противъ воли и помимо сознанія заставляли вѣрить, что, дѣйствительно, „нѣкое безобразное чудовище выплыло изъ глубины океана русской жизни и ростетъ не по днямъ, а по часамъ“.

На съѣздѣ въ Петербургѣ многіе уже находились подъ гипнозомъ газетныхъ сообщеній. Казалось поэтому, что работа съѣзда сведется главнымъ образомъ къ отысканію разумныхъ мѣръ борьбы съ хулиганствомъ. Однако въ первомъ же докладѣ (автора настоящихъ строкъ) съѣздъ столкнулся съ утвержденіемъ, что жалобы на ростъ хулиганства значительно преувеличены, а мѣстами совершенно не отвѣчаютъ дѣйствительности. Этотъ тезисъ не былъ навѣянъ апріорными сомнѣніями въ искренности и истинности жалобъ на хулиганство. Напротивъ, какъ многимъ другимъ, и мнѣ первоначально казалось, что хулиганство—зло повсемѣстное, зло грозное. Но по мѣрѣ того, какъ, углубляясь въ изученіе вопроса, я сталкивался съ новыми данными, точными и безспорными, у меня росло убѣжденіе, что въ оцѣнкѣ хулиганства допущена большая ошибка, значительное преувеличеніе. Различіе между предположеніями и дѣйствительностью обнаружилось тотчасъ же, какъ только отъ впечатлѣній единичныхъ фактовъ я перешелъ къ анализу массоваго статистическаго матеріала.

Для оцѣнки хулиганства, какъ массоваго явленія, поучительно прежде всего ознакомиться съ распространенностью хулиганства въ столицахъ — Москвѣ и Петербургѣ. Если воспользоваться данными о движеніи дѣлъ по статьямъ 38, 135, 142 и аналогичнымъ Устава о Наказаніяхъ (охватывающимъ и хулиганство), то оказывается, что въ Москвѣ и Петербургѣ хулиганство за послѣдніе годы не только не возросло, а, напротивъ, замѣтно упало. Дѣйствительно, отношеніе числа осужденныхъ по названнымъ статьямъ къ общему числу осужденныхъ составляло въ Москвѣ: въ 1902 г.— 64,0; 1903—52,3; 1904—50,5; 1905—49,2; 1906—47,3; 1907—42,1; 1908—37,9; 1909—40,3; 1910—42,1; 1911—45,8; 1912—42.6. Начиная съ 1906 г., ежегодное отношеніе значительно ниже средней за періодъ 1902-1908 нормы—48; равнымъ образомъ ниже средней за трехлѣтіе 1910—1911 (43,5) отношеніе осужденныхъ въ 1910 и 1912 г., притомъ отношеніе числа осужденныхъ въ послѣднемъ 1912 г., когда жалобы на ростъ хулиганства особенно

усилились, понижается особенно рѣзко. Въ аналогичныхъ чертахъ рисуется движеніе хулиганства въ Петербургѣ. Такимъ образомъ обѣ столицы не оправдываютъ жалобъ на ростъ хулиганства.

На съѣздѣ по поводу этихъ цифръ было указано, что онѣ мало доказательны, ибо дѣйствующій законъ хулиганства, какъ такового, не предусматриваетъ. Это справедливое указаніе устраняется однако другими данными: отзывами самихъ судей о распространенности хулиганства на основаніи непосредственныхъ жизненныхъ впечатлѣній. На запросъ столичнаго съѣзда о распространенности хулиганства въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ участковъ всѣ мировые судьи г. Москвы, за исключеніемъ лишь одного нашли, что „въ Москвѣ не наблюдается роста хулиганства". А нѣкоторые судьи, „не смотря на обиліе въ ихъ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, категорически удостовѣрили, что проступковъ съ хулиганскимъ характеромъ ими вовсе не наблюдается".

При всѣхъ этихъ оговоркахъ нельзя однако не признать, что цифры о движеніи хулиганства въ столицахъ имѣютъ относительную цѣнность, нельзя въ частности не учесть и того, что нѣкоторые хулиганскіе проступки не попадали въ статистическія таблицы просто потому, что запуганные хулиганами потерпѣвшіе не всегда рѣшались жаловаться. Но вотъ съ 1913 г. начинаетъ поступать иной матеріалъ. Онъ вышелъ изъ нѣдръ правительственной власти и, слѣдовательно, въ преуменьшеніи хулиганства за подозрѣнъ быть не можетъ. Эти данныя—результаты примѣненія *обязательныхъ противъ хулиганства постановленій*, изданныхъ на основаніи Положенія объ усиленной охранѣ и сыгравшихъ—вольно или невольно—роль анкеты по дѣламъ о хулиганствѣ [1]).

Идейно—административнымъ источникомъ обязательныхъ постановленій послужило петербургское совѣщаніе губернаторовъ въ февралѣ 1913 г., на которомъ было постановлено впредь до выработки особаго закона бороться съ хулиганствомъ при помощи положенія объ усиленной охранѣ. Настроенія и резолюціи петербургскаго совѣщанія создавались подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ докладовъ мѣстной администраціи. Теперь, получивъ возможность и поощреніе дѣйствовать самостоятельно, губернскія власти, хотя бы для того, чтобы не оказаться въ противорѣчіи со своими собственными донесеніями, должны были энергично отыскивать и дѣятельно карать хулигановъ. Здѣсь были и всѣ средства для энергичной борьбы: здѣсь, независимо отъ устава о наказаніяхъ и какъ бы конкурируя съ нимъ, пытались въ особыхъ формулахъ фиксировать дѣянія хулиганства, здѣсь кары налагались помимо воли потерпѣвшаго, здѣсь, наконецъ, сама власть, взывавшая къ энергичной борьбѣ, лицомъ къ лицу столкнулась съ

---

1) См. мои статьи въ „Правѣ" № 10 и 11 и „Русскихъ Вѣдомостяхъ" № 38, 1914 г.

новымъ зломъ. Каковы же результаты примѣненія обязательныхъ постановленій противъ хулиганства?..

Прежде всего останавливаетъ вниманіе на себѣ то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вопреки директивамъ петербургскаго совѣщанія вовсе не были изданы постановленія противъ хулиганства. Сюда относятся губерніи Псковская, Ярославская, Томская и даже фабричная Владимірская: въ офиціальныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ ярославскихъ, просмотрѣнныхъ нами до 4-го октября, владимірскихъ—до 27 сентября, томскихъ—до 4 сентября и псковскихъ — до 1 января 1914 г. не оказалось обязательныхъ постановленій противъ хулиганства. Если въ достаточной мѣрѣ учесть вліяніе петербургскаго совѣщанія, заготовившаго для всей Россіи единообразный текстъ постановленій, нельзя будетъ не признать, что не изданіе при такихъ условіяхъ обязательныхъ постановленій — фактъ, свидѣтельствующій о полномъ отсутствіи въ губерніяхъ Псковской, Ярославской, Томской и Владимірской тревогъ на счетъ хулиганства.

Другую, еще болѣе внушительную группу образуютъ губерніи, въ которыхъ были изданы постановленія противъ хулиганства, но въ которыхъ понесшихъ кару на основаніи этихъ постановленій не оказалось. Сюда относятся губерніи: Орловская, Вологодская, Виленская, Витебская, Минская, Новгородская, Иркутская, Лифляндская, Таврическая, Бессарабская и Вятская. Эти данныя особенно характерны. Очевидно, губернская власть въ Орлѣ и Вяткѣ, въ Минскѣ и Вологдѣ, Вильнѣ и Кишиневѣ, Иркутскѣ и Новгородѣ, Витебскѣ и Симферополѣ добросовѣстно слѣдовала указаніямъ петербургскаго совѣщанія. Вооружившись арестомъ до трехъ мѣсяцевъ и штрафомъ до 500 рублей, она была готова сразиться съ врагомъ, но врага не оказалось. И, быть можетъ, ни въ чемъ иномъ петербургское совѣщаніе не понесло столь серьезнаго морального пораженія, какъ въ этой бездѣятельности приготовившейся дѣйствовать губернской власти.

Но обратимся къ даннымъ иного рода,—къ свѣдѣніямъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ постановленія противъ хулиганства не оставались мертвой угрозой, гдѣ административныя взысканія настигали хулигановъ. Каковы результаты этой борьбы?

Среди мѣстъ, относящихся къ этой категоріи,—Москвы, Петербурга, Одессы, губерній Московской, Калужской, Астраханской,—первое мѣсто занимаетъ Москва. Въ одной Москвѣ понесшихъ административную кару за хулиганство оказывается почти вдвое больше, чѣмъ въ Петербургѣ, Одессѣ, губерніяхъ Московской, Астраханской и Калужской, вмѣстѣ взятыхъ.

За 10 мѣсяцевъ—съ 20 февраля 1913 г. по 1 января 1914 г.—дѣйствованія обязательныхъ постановленій противъ хулиганства было подвергнуто въ Москвѣ взысканіямъ за хулиганство 661 человѣкъ. По послѣднему подсчету число жителей въ Москвѣ въ

1913 г.—1.614.000. Такимъ образомъ, одинъ хулиганской проступокъ приходится приблизительно на каждыя 2½ тысячи жителей! Втеченіе мѣсяца лишь одинъ человѣкъ изъ каждыхъ 29-ти тысячъ человѣкъ совершаетъ въ Москвѣ хулиганскій проступокъ. Если же при этомъ исключить мартъ, первый медовый мѣсяцъ дѣйствованія обязательныхъ постановленій, когда они примѣнялись съ особымъ рвеніемъ, то окажется, что въ апрѣлѣ одинъ хулиганскій проступокъ приходится на 31 тысячу человѣкъ, въ іюлѣ—на 45 тысячъ, маѣ—на 70 тысячъ, декабрѣ—на 90 тысячъ. Вотъ оно—высшее напряженіе хулиганства.

Если такъ ничтожна распространенность хулиганства въ Москвѣ гдѣ число подвергшихся взысканіямъ за хулиганство особенно значительно, то передъ данными по Петербургу, Одессѣ, губерніямъ Московской, Астраханской и Калужской, вѣроятно, съ полнымъ недоумѣніемъ остановится сама администрація, авторъ легенды о хулиганствѣ.

Въ Петербургѣ за 10½ мѣсяцевъ, съ 17 февраля 1913 года по 1 января 1914 г., было подвергнуто административнымъ взысканіямъ за хулиганство 16 человѣкъ, въ Одессѣ (по 1 октября)—80, Московской губ.—67, Астраханской—50, Калужской—107. И это—въ результатѣ спеціальныхъ постановленій, изданныхъ въ повышенной атмосферѣ борьбы съ хулиганствомъ,—постановленій, каравшихъ съ быстротой полицейской расправы и независимо отъ воли потерпѣвшаго.

II.

При организаціи съѣзда комитетъ группы спеціально не заботился о томъ, чтобы въ докладахъ были представлены различныя точки зрѣнія. Но случилось такъ—и это углубляло работы съѣзда,—что докладчики по обоимъ вопросамъ—о хулиганствѣ и абортѣ—разошлись въ самомъ существенномъ.

Второй докладчикъ о хулиганствѣ, В. Я. Гуревичъ, представилъ съѣзду обильный и тщательно разработанный матеріалъ о сельскомъ хулиганствѣ. Все, о чемъ раньше приходилось читать случайно и мелькомъ, въ докладѣ В. Я. Гуревича было собрано и представлено, какъ нѣчто единое и однородное. Втеченіе двухъ часовъ передъ слушателями проходили безчисленные примѣры сельскаго озорства, взятые изъ гущи деревенской жизни и систематизированные по группамъ и рубрикамъ. Сконцентрированные факты оставляли, естественно, особенно внушительное впечатлѣніе.

Тѣмъ не менѣе ни съѣздъ, ни самъ докладчикъ не вынесли убѣжденія въ массовомъ распространеніи хулиганства. Собранные факты лишь ярко вскрывали соціальные и психологическіе корни хулиганства.

Третій докладчикъ, проф. Чубинскій, сосредоточилъ свое вниманіе на юридическомъ анализѣ хулиганства и роли новаго аграрнаго

законодательства въ настроеніяхъ сельской жизни. Естественно, факты и цифры, рисующіе движеніе хулиганства, заняли въ этомъ докладѣ второстепенное мѣсто. Однако—и это было весьма характерно—именно проф. Чубинскій, менѣе другихъ докладчиковъ опиравшійся на фактическій матеріалъ, явился особенно рѣшительнымъ сторонникомъ мнѣнія о массовой, эпидемической распространенности хулиганства.

Не было единодушія въ оцѣнкѣ хулиганства, какъ массоваго явленія, и среди членовъ съѣзда. Въ преніяхъ намѣчалось нѣсколько теченій, но, такъ какъ задача съѣзда заключалась не въ установленіи большей или меньшей распространенности хулиганства, а въ отысканіи мѣръ борьбы съ нимъ, то по общему вопросу о размѣрахъ хулиганства говорили лишь попутно въ связи съ критикой выдвигавшихся опредѣленій хулиганства и сравнительной оцѣнкой репрессивныхъ и превентивныхъ мѣръ.

Съ попыткой юридическаго опредѣленія хулиганства выступилъ проф. Чубинскій. Въ противовѣсъ министерскому проекту, усматривавшему существо хулиганства въ несоотвѣтствіи *мотива* и дѣйствія, г. Чубинскій выдвинулъ въ качествѣ характернаго признака хулиганства „несоразмѣрность *повода* съ учиненнымъ дѣяніемъ". Съ субъективной стороны г. Чубинскій отмѣчалъ въ хулиганствѣ проявленіе антисоціальнаго или антиморальнаго настроенія, выражающагося въ презрѣніи къ чужимъ правамъ и благамъ, приносимымъ въ жертву ради мелкаго интереса, каприза или фантазіи. Эта форма привлекла возможностью устранить изъ опредѣленія хулиганства психологически-сложное и юридически неясное понятіе мотива. Но она таила другую опасность—возрожденіе старыхъ споровъ о различіяхъ повода и причины. Дѣйствительно: если человѣкъ на незначительную обиду отвѣчаетъ убійствомъ обидчика, то чѣмъ, напримѣръ, считать эту обиду, поводомъ или причиной, если между сторонами существовала старая распря? Аналогичные случаи могутъ встрѣчаться часто и, не видя отчетливой границы между поводомъ и причиной, судьи будутъ въ недоумѣніи, совершенъ ли хулиганскій проступокъ или нѣтъ.

Поиски юридическаго опредѣленія хулиганства не только не склонили съѣздъ въ пользу той или иной предлагавшейся формулы, а, напротивъ, привели къ единодушному убѣжденію, что хулиганство, въ качествѣ ли самостоятельнаго деликта или квалифицирующаго обстоятельства, юридически неуловимо. Съѣздъ единогласно призналъ, что „введеніе въ законодательство понятія хулиганства, въ виду разнообразія его бытового содержанія, представляется невозможнымъ".

Съ того момента, какъ включеніе хулиганства въ уголовные кодексы было признано невозможнымъ, сдѣлалась особенно очевидной важность предупредительныхъ мѣръ, направленныхъ къ общему подъему культурнаго уровня населенія. Особое зна-

ченіе превенціи въ борьбѣ съ хулиганствомъ признавалось всѣми выступавшими на съѣздѣ, но признавалось не въ одинаковой мѣрѣ. Два первыхъ докладчика и рядъ ораторовъ отстаивали ту мысль, что *только* при помощи культурно-просвѣтительныхъ мѣропріятій возможна цѣлесообразная борьба съ хулиганствомъ. Докладчикъ В. Я. Гуревичъ ссылался на глубокіе соціальные корни сельскаго хулиганства. Переходъ Россіи къ денежному хозяйству, указывалось въ его докладѣ, связалъ живой связью деревню съ городомъ; въ деревню проникли городскіе вкусы, навыки и стремленія. На этой почвѣ появились первыя положительныя условія позднѣйшаго хулиганства: сознаніе своего „я", желаніе проявить свою личность. Позже эти настроенія осложнились критическимъ отношеніемъ къ традиціонному укладу русской жизни. Утратилъ свое былое единство „дворъ", распавшись на стариковъ и молодежь; палъ авторитетъ духовенства; пошатнулся весь патріархальный „чинъ" сельской жизни. Разрушеніе общины содѣйствовало повышенному росту индивидуальности, повышенной требовательности въ пониманіи личной независимости отъ міра. Деревня сдѣлалась ареной правовой разрухи и неизбѣжно связанной съ ней нравственной растерянности. Въ этихъ болѣзненныхъ условіяхъ русской дѣйствительности и давали дурные ростки тѣ тревоги и запросы личности, которые при нормальныхъ условіяхъ служили бы положительнымъ факторомъ народнаго прогресса.

Эти мысли неизбѣжно приводили къ заключенію, что необходимо прежде всего культурное оздоровленіе города и деревни при помощи сѣти культурно-просвѣтительныхъ учрежденій. На съѣздѣ указывалось, что такая мѣра, какъ закрытіе клубовъ и общедоступныхъ развлеченій, равносильна уничтоженію одного изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ борьбы съ хулиганствомъ. Значительное большинство съѣзда примыкало къ этимъ выводамъ, но были представлены и иныя теченія.

Третій докладчикъ по вопросу о хулиганствѣ, проф. Чубинскій, доказывалъ что одними превентивными мѣрами довольствоваться не слѣдуетъ, что необходимо усиленіе репрессій въ формѣ признанія хулиганства серьезнымъ повышающимъ наказуемость моментомъ, въ особенности при преступленіяхъ противъ личности. Однако въ этой формѣ предложеніе Чубинскаго, кажется, ни въ комъ не встрѣтило сочувствія: тѣ немногіе ораторы, которые предлагали повышеніе наказаній, имѣли въ виду бо́льшую охрану правъ личности, которыя въ дѣйствующемъ правѣ пользуются меньшей защитой по сравненію съ имущественными правами. Въ конечномъ счетѣ съѣздъ единогласно принялъ резолюцію, опредѣленно признавшую исключительную роль въ борьбѣ съ хулиганствомъ соціальной превенціи. Съѣздъ призналъ, что „борьба съ причинами, порождающими такъ называемое хулиганство, требуя цѣлаго ряда мѣръ культурно-просвѣтительнаго характера. должна прежде всего стремиться къ

поднятію въ населеніи чувства законности и уваженія къ правамъ личности. Достиженію этой цѣли безусловно препятствуетъ система административныхъ репрессій". Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ подчеркнулъ, что „не видитъ въ настоящее время необходимости въ особыхъ репрессивныхъ мѣрахъ противъ хулиганства".

Вынесенными постановленіями съѣздъ вполнѣ исчерпалъ вопросъ о хулиганствѣ. Послѣдній потерялъ *логическое* значеніе съ того момента, какъ была признана невозможность юридическаго опредѣленія хулиганства, уголовно-политическое послѣ того, какъ была отвергнута необходимость новыхъ репрессій и, наконецъ, отчасти фактическое послѣ того, какъ возникли сомнѣнія въ массовой распространенности хулиганства. Поэтому, когда М. М. Ковалевскій въ живыхъ образахъ разсказалъ съѣзду о томъ, какъ въ различныя историческія эпохи наблюдаются тенденціи соединять въ одно понятіе разнородныя общественныя явленія, подобно тому, какъ это нынѣ въ Россіи дѣлается по отношенію къ хулиганству, то, казалось, имъ начата послѣдняя работа надъ хулиганствомъ: пріобщеніе его къ исторіи. Конечно, время отъ времени будетъ вставать вопросъ о хулиганствѣ и въ жизни, и въ печати; неминуемо, вѣроятно, и законодательное обсужденіе министерскаго проекта. Но послѣ съѣзда осталось опредѣленное впечатлѣніе, что въ качествѣ уголовно-правовой проблемы хулиганство болѣе не существуетъ. Его не будетъ въ программахъ съѣздовъ, къ нему ослабнетъ общественное вниманіе. Совершенно иначе сложилась судьба другого подлежавшаго разсмотрѣнію съѣзда вопроса — вопроса о наказуемости аборта.

III.

Когда въ заключительномъ засѣданіи съѣзда мнѣнія рѣзко раскололись по двумъ резолюціямъ—„комитетской" и проф. Гернета, то осталось впечатлѣніе, что именно въ этихъ двухъ резолюціяхъ представлены противоположныя появившіяся на съѣздѣ теченія. Въ дѣйствительности было иное: противоположное отношеніе къ аборту намѣчалось между тезисами проф. Гернета и взглядами проф. Ширяева и князя Друцкого, „комитетская" же формула была скорѣе попыткой провести примирительную резолюцію.

Проф. М. Н. Гернетъ явился страстнымъ и убѣжденнымъ сторонникомъ ненаказуемости аборта. Отстаивая этотъ тезисъ, докладчикъ указывалъ на громадную распространенность истребленія плода. По даннымъ проф. Лакассаня, число преступныхъ выкидышей въ Парижѣ въ годъ—70.000, а во всей Франціи—500.000. Въ Нью-Іоркѣ число выкидышей опредѣляется въ 80.000 ежегодно. По вычисленіямъ предсѣдателя комиссіи Пироговскаго общества по изученію борьбы съ выкидышами, д-ра Г. Я. Грауермана, число ежегодныхъ выкидышей въ Москвѣ равняется 10.000. Съ этой массовой распространенностью аборта ни въ какомъ соотвѣтствіи не

находятся уголовныя репрессіи. То, что въ жизни совершается каждый день, для уголовнаго закона и на Западѣ, и въ Россіи почти не существуетъ. Во Франціи судебнымъ властямъ сдѣлались извѣстны въ 1900 г. — 600, а въ 1910 г. — 943 случая истребленій плода. Въ Россіи въ 1894 г. было 16 обвиняемыхъ женщинъ, а въ 1910 г.—83 женщины. Изъ 25 тысячъ дѣлъ, дошедшихъ во Франціи до суда за періодъ съ 1881 по 1910 г., 23 тысячи были производствомъ прекращены, а изъ разсматривавшихся не менѣе половины закончились оправданіемъ. „Итакъ громадная цифра въ полмилліона, эта лавина абортовъ, не докатывается до зданій суда. Она таетъ и таетъ въ своемъ движеніи. Таетъ въ камерахъ судебныхъ слѣдователей, таетъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, и со скамьи подсудимыхъ уходятъ въ тюрьму въ той же Франціи, напримѣръ, въ 1910 г. всего 34 осужденныхъ. Значительная же часть лавины обрушивается на больницы и покрываетъ кладбища преждевременными могилами дѣвушекъ и женщинъ, оперировавшихъ себя вязальными спицами, шляпными булавками, деревянными палочками“.

Эти факты давали докладчику основаніе утверждать, что начало безнаказанности аборта по существу не вноситъ ничего новаго, что оно лишь узаконяетъ порядокъ, фактически существующій въ настоящее время. Это узаконеніе необходимо, потому что уголовная санкція, даже и рѣдко примѣняемая, загоняетъ производство выкидышей въ подполье, заставляетъ обращаться къ помощи бабокъ, знахарей, уродующихъ, калѣчащихъ, подчасъ убивающихъ своихъ паціентокъ. По даннымъ д-ра Грауермана, въ Москвѣ въ больницѣ имени Тилистера для леченія послѣродовыхъ болѣзней число больныхъ послѣ выкидышей въ 1913 г. составляло 41,8%. Докладчикъ подчеркивалъ, что эта печальная подать уплачивается главнымъ образомъ женщинами неимущихъ классовъ. Для громадной массы женщинъ труженицъ, напримѣръ, для личной прислуги беременность и рожденіе ребенка означаютъ лишеніе возможности этого труда; для женщинъ опредѣленной профессіи, напримѣръ, для служащихъ на почтѣ и телеграфѣ, создаются прямыя ограниченія права вступать въ бракъ. Женщины богатаго класса имѣютъ возможность высокимъ гонораромъ оплачивать рискъ уголовнаго преслѣдованія и съ трудомъ, но находятъ врачей, производящихъ нужную операцію въ соотвѣтствующихъ условіяхъ. Для бѣдныхъ нормальная врачебная помощь почти недоступна; въ больницы онѣ попадаютъ чаще всего для излеченія послѣдствій неудачныхъ, неумѣлыми и грязными руками совершенныхъ операцій. Отмѣна наказанія за абортъ существенно улучшитъ ихъ положеніе. Конечно, отмѣна наказанія не должна смѣшиваться съ провозглашеніемъ нравственной или соціальной допустимости аборта, тѣмъ болѣе съ поощреніемъ аборта. Плохо понимаютъ и

мало цѣнятъ инстинктъ материнства тѣ, кто выражаетъ опасенія, что съ отказомъ отъ репрессій абортъ приметъ угрожающіе размѣры.

Точка зрѣнія, проводившаяся проф. Гернетомъ, встрѣтила наиболѣе рѣшительную и, думается, наиболѣе послѣдовательную оппозицію въ рѣчахъ проф. Ширяева и кн. Друцкого. Отстаивая наказуемость аборта и избѣгая уголовно-правовыхъ фикцій, послѣдніе допускали измѣненіе дѣйствующаго законодательства въ сторону лишь нѣкотораго его смягченія. Ихъ аргументація опиралась исключительно на моральныя соображенія, на нравственную недопустимость посягательства на человѣческую жизнь, даже въ ея зародышевомъ состояніи. Эта аргументація была довольно популярна на съѣздѣ, но въ нѣсколько иной постановкѣ. Большинство съѣзда не мирилось съ полнымъ подчиненіемъ уголовной политики требованіямъ нравственнаго чувства. Преобладало среднее теченіе: учетъ—наряду съ неприкосновенностью зародыша съ нравственной точки зрѣнія — того тяжелаго положенія, которое создается примѣненіемъ карающаго закона. Въ этой коллизіи нравственнаго постулата и практической необходимости и выросло теченіе, которое въ концѣ сформировалось въ „комитетскую" резолюцію. Основныя положенія этого теченія, ранѣе намѣченныя въ докладѣ проф. Чубинскаго и на IV съѣздѣ о-ва гинекологовъ и акушеровъ въ Петербургѣ были на съѣздѣ тщательно воспроизведены докладчикомъ по вопросу объ абортѣ Е. М. Кулишеромъ.

Е. М. Кулишеръ съ самаго начала призналъ несостоятельность аргументаціи прежнихъ защитниковъ наказуемости аборта. Прежнія схоластическія построенія—„охрана правъ зародыша", „охрана интересовъ матери", „охрана интересовъ государства" — должны быть оставлены, ибо вообще юридическое обоснованіе наказуемости трудно. Тѣмъ не менѣе принципъ наказуемости аборта долженъ быть сохраненъ; онъ черпаетъ свое основаніе не въ юридической, а въ моральной цѣнности: уваженіи къ человѣческой личности, предполагающемъ уваженіе и къ зародышу будущаго человѣка. Конечно, дѣйствующее законодательство нуждается въ коренной реформѣ; прислушиваясь къ голосу жизни, необходимо установить самыя широкія изъятія изъ начала наказуемости аборта, но начало это должно быть провозглашено. Иначе съѣздъ разойдется съ господствующими въ обществѣ нравственными воззрѣніями, съ народной совѣстью; иначе безнаказанность приведетъ къ покрытію страны сѣтью абортивныхъ учрежденій, рекламирующихъ и навязывающихъ производство выкидышей и тѣмъ самымъ систематически развращающихъ населеніе.

Докладчикъ представилъ черновой проектъ новыхъ статей объ абортѣ и изъ нихъ явственно выступило стремленіе докладчика сохранить принципъ наказуемости хотя бы при фактической безнаказанности аборта. Дѣйствительно, докладчикъ рекомендовалъ

установить слѣдующія „изъятія“ изъ общаго начала наказуемости:

1) Беременная въ правѣ произвести надъ собою абортъ: а) если, по медицинскимъ показаніямъ, роды съ вѣроятностью представляли вредъ для ея здоровья; б) если зачатіе произошло вслѣдствіе учиненнаго надъ нею преступленія; в) если отъ нея была сокрыта тяжкая, съ вѣроятностью переходящая на потомство, болѣзнь отца носимаго ею плода.

2) Беременная освобождается отъ отвѣтственности за абортъ, если таковой былъ ею произведенъ въ виду стеченія тяжелыхъ условій, изъ которыхъ она не могла найти иного выхода.

3) Абортъ, произведенный врачемъ, не почитается преступнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда беременная въ правѣ произвести надъ собою абортъ.

4) Врачъ освобождается объ отвѣтственности за абортъ, если онъ добросовѣстно считалъ производство его необходимымъ въ виду критическаго или душевнаго состоянія беременной.

Эта всеобъемлющая серія „изъятій“ отчетливо указываетъ, насколько точка зрѣнія Кулишера по своимъ практическимъ послѣдствіямъ совпадала съ выводами проф. Герпета. По существу, слѣдовательно, столкнулась не защита наказанія съ проповѣдью безнаказанности, а скорѣе фактическая безнаказанность съ безнаказанностью, прямо провозглашенной. Эта близость практическихъ послѣдствій не смягчала однако разногласій; напротивъ, она ихъ лишь обостряла, ибо изъ области конкретныхъ выводовъ споръ перешелъ на общую принципіальную почву.

IV.

Въ принципіальной постановкѣ споръ объ абортѣ двухъ главныхъ, образовавшихся на съѣздѣ теченій свелся къ двумъ вопросамъ: возможенъ ли уголовный законъ въ роли провозглашателя наказуемости, фактически неосуществимой, и, во-вторыхъ, если возможенъ, то устраняются ли имъ дефекты дѣйствующаго законодательства. Въ преніяхъ—продолжительныхъ и страстныхъ—оба вопроса нашли яркое освѣщеніе.

Сторонники сохраненія принципа наказуемости указывали, что только этотъ путь въ должной мѣрѣ обезпечиваетъ начало нравственной недопустимости аборта. Пусть уголовная кара постигаетъ лишь самое небольшое число абортирующихъ, пусть даже она никого не постигнетъ: одинъ фактъ существованія уголовнаго запрета явится живымъ свидѣтельствомъ антиэтичности аборта, его нежелательности и недопустимости. Напротивъ, — утверждали они — отмѣна наказанія неизбѣжно и независимо отъ воли сторонниковъ ненаказуемости (которыхъ никто ни на съѣздѣ, ни послѣ съѣзда,

кромѣ „Новаго Времени“, не упрекалъ въ проповѣди абортовъ) создастъ впечатлѣніе, что измѣнилась не только уголовно-правовая, но и соціальная, и нравственная оцѣнка аборта, что отнынѣ въ производствѣ выкидышей нѣтъ ничего предосудительнаго.

Учитывая серьезность этихъ соображеній, сторонники ненаказуемости аборта указывали однако, что, какъ бы ни была тѣсна связь уголовныхъ запретовъ съ нравственными требованіями, уголовный законъ не можетъ служить средствомъ провозглашенія моральныхъ истинъ. Уголовная норма можетъ преслѣдовать лишь одну цѣль—примѣненіе наказанія. Допускать заранѣе безнаказанность аборта и въ то же время настаивать на установленіи наказанія значитъ подчинить уголовный законъ посторонней, быть можетъ, весьма почтенной, но природѣ уголовнаго правосудія совершенно чуждой цѣли. Если необходимо разграничить въ общественномъ сознаніи безнаказанность аборта отъ его моральной допустимости, то этой цѣли должны служить иныя средства—популяризація идеи цѣнности человѣческаго зародыша, культивированіе уваженія къ матери и ея плоду и т. д.

Съ практической точки зрѣнія еще болѣе существенными представлялись указанія на то, что системой широкихъ „изъятій“ не устраняются дефекты дѣйствующаго законодательства. И въ настоящее время случаи примѣненія наказанія за абортъ весьма рѣдки. Если тѣмъ не менѣе уголовный запретъ приводитъ къ ряду тяжелыхъ послѣдствій, то потому, что источникъ ихъ *не въ дѣйствительномъ* примѣненіи наказанія, а въ *самой возможности* наказанія, въ угрозѣ слѣдствія и суда, ибо для тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ тайному аборту, опасность огласки и слѣдственной процедуры не менѣе страшна, чѣмъ угроза уголовнаго наказанія. Съ этой точки зрѣнія установленіе широкихъ изъятій сулитъ мало утѣшительнаго. Какъ широко ни конструировать случаи ненаказуемости аборта, каждый разъ, прежде чѣмъ освобождать отъ наказанія, придется устанавливать наличность тѣхъ основаній, о которыхъ говоритъ законъ. Каждый разъ, слѣдовательно, будетъ неизбѣжно производство слѣдствія и всѣхъ тѣхъ связанныхъ съ нимъ дѣйствій, боязнь которыхъ въ настоящее время и заставляетъ женщину искать помощи у подпольныхъ „акушеровъ“. При всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ и благихъ пожеланіяхъ, при всей готовности измѣнить существующее положеніе, останется, слѣдовательно, и при новомъ законѣ опасность невѣжественныхъ операцій, калѣчащихъ жизнь и здоровье женщины.

Въ эти дѣловыя практическія соображенія ворвалась и страстная проповѣдь вѣры въ „великій нравственный законъ материнства“. На съѣздѣ прозвучалъ торжественный и страстный гимнъ материнству. Онъ принадлежалъ не тѣмъ, кто, охраняя материнство, допускалъ лишь нѣкоторое смягченіе дѣйствующаго законодательства, и не тѣмъ, кто устанавливалъ широкія изъятія. Съ

прочувствованной рѣчью въ защиту материнства выступила женщина-врачъ А. М. Горовицъ-Власова, убѣжденная сторонница ненаказуемости аборта. „Научимся раньше—говорила она—уважать право на жизнь уже рожденныхъ, чтобы защита правъ на жизнь еще не родившихся не звучала лицемѣріемъ. Въ материнствѣ скрытъ великій нравственный законъ, оберегающій человѣчество отъ гипертрофіи эгоизма, но именно потому не уголовно-правовому принужденію насаждать его. Любовь матери питается не страхомъ наказанія. Создайте истинную охрану материнства и внѣбрачныхъ дѣтей и карайте презрѣніемъ не обманутую женщину, а обманувшаго мужчину, и женщина не станетъ избѣгать материнства".

Эта рѣчь подняла настроеніе съѣзда. Появились страстныя нотки и въ устахъ противниковъ. А. С. Зарудный горячо призывалъ сохранить принципъ наказуемости, г. Дубосарскій указывалъ на права мужа-отца. Вплелись въ юридическій анализъ сложныя нравственныя проблемы, осложняя работу съѣзда преобладаніемъ страстности надъ убѣдительностью.

Въ этотъ моментъ проф. Пустороелевымъ, Н. Н. Полянскимъ и авторомъ настоящихъ строкъ было выдвинуто предложеніе — отложить окончательное рѣшеніе. Казалось цѣлесообразнымъ дать новой идеѣ дозрѣть, акклиматизироваться въ окружающей средѣ, дабы побѣда ея явилась полной и безспорной. Большинство группы склонилось къ иному выходу. На голосованіе были поставлены двѣ резолюціи; одна, подписанная гг. Таганцевымъ, Набоковымъ, Чубинскимъ и др. гласила: „1) вопросъ объ изгнаніи плода и условіяхъ его наказуемости повелительно выдвигается на очередь современной жизнью. Онъ требуетъ полнаго пересмотра на началахъ широкой индивидуализаціи уголовно-правовыхъ нормъ, относящихся къ изгнанію плода; 2) эти начала требуютъ признанія безнаказанности тѣхъ видовъ изгнанія плода, которые вызываются какъ медицинскимъ показаніемъ, такъ и вниманіемъ къ особенно тяжкимъ соціальнымъ и личнымъ условіямъ, а также общимъ смягченіемъ наказанія въ прочихъ случаяхъ; 3) въ скорѣйшемъ проведеніи реформы наше законодательство должно идти рука объ руку съ планомѣрной системой мѣръ, имѣющихъ цѣлью охрану материнства и помощь ему". Другая резолюція, подписанная проф. М. Н. Гернетомъ и бывш. проф. Военно-Юридической Академіи В. Д. Плетневымъ гласила: „Признавая наказуемость плодоизгнанія противорѣчащей какъ юридическимъ основаніямъ наказанія, такъ и требованіямъ уголовной политики, X Общее Собраніе Русской Группы Криминалистовъ признаетъ необходимымъ высказаться за исключеніе изгнанія плода изъ числа преступныхъ дѣяній".

Результаты извѣстны: значительнымъ большинствомъ 39 противъ 19 была принята резолюція Гернета и Плетнева

Резолюція съѣзда породила разнорѣчивыя оцѣнки. Общественныя симпатіи раскололись и, сохраняя необходимое безпристрастіе, трудно въ эти первые послѣсъѣздовые дни опредѣлить, на чьей сторонѣ моральный перевѣсъ. Болѣе однородно сложились настроенія организаторовъ съѣзда. Съ ихъ стороны появились настойчивыя указанія на то, что работы съѣзда не носили серьезнаго характера, что это былъ „митингъ", а не научное собраніе. Эта оцѣнка, еслибы она была справедлива, дѣлаетъ прежде всего непонятнымъ поведеніе самихъ организаторовъ съѣзда: если они видѣли, что работы и настроенія съѣзда не отвѣчаютъ серьезности научнаго собранія, почему они настаивали на вынесеніи резолюцій? Надо полагать, митинговый характеръ съѣзда они замѣтили не только тогда, когда потерпѣла неудачу предложенная ими формула. Мы, напротивъ, полагаемъ, что участники съѣзда голосовали въ полномъ сознаніи серьезности и важности поставленнаго на разрѣшеніе вопроса. Если ихъ вотумъ вызываетъ сомнѣнія въ своей истинности и цѣлесообразности, задача безпристрастной критики вскрыть допущенные промахи. Въ наукѣ непреложное устанавливается не большинствомъ голосовъ и у меньшинства есть всѣ пути отстаивать справедливость своихъ положеній. Уваженіе къ принятому рѣшенію уваженіе къ голосовавшимъ за него участникамъ съѣзда лишь облегчитъ установленіе научно-вѣрнаго и соціально-правдиваго взгляда на абортъ. Мы вѣримъ, что сгладятся острыя впечатлѣнія принятой резолюціи и русская группа вернется къ согласованной и продуктивной работѣ.

А. Трайнинъ.

Самоистребленіе человѣчества.

По поводу съѣзда криминалистовъ въ Петербургѣ.

Думаю, я не ошибусь, сказавши, что принятая на послѣднемъ съѣздѣ криминалистовъ въ Петербургѣ резолюція о ненаказуемости аборта произвела жуткое впечатлѣніе на широкіе слои публики. И дозволительно думать, что эта резолюція въ дѣйствительности явится только вступленіемъ къ обсужденію вопроса объ абортѣ, будетъ все глубже и глубже захватывать общественное вниманіе, явится предисловіемъ къ той будущей резолюціи, которая будетъ вынесена и гражданами, и законодательствомъ.

А пока что, забудутся доводы той и другой стороны, мотивы голосованія и останется голый фактъ признанія аборта ненаказуемымъ, т. е. признаніе производства выкидышей допустимымъ,—легализированіе аборта, по крайней мѣрѣ, въ общественномъ мнѣніи. Иначе говоря, легализированіе убійства зародившагося человѣче-

скаго существа. Такъ, можно думать, отложится это въ сознаніи широкихъ слоевъ читающей публики...

На съѣздѣ не говорили такихъ страшныхъ словъ и, можетъ быть, для устраненія кричащихъ словъ и волнующихъ понятій, широко практиковалось спеціальное слово „эмбріонъ", какъ нѣкій флеръ, закутывающій слово „дитя", „ребенокъ". Приходило и аргументировалось мнѣніе или полумнѣніе, что, пока ребенокъ во чревѣ матери, онъ эмбріонъ, съ которымъ можно распоряжаться, какъ со всякимъ коровьимъ или инымъ другимъ эмбріономъ...

Широкимъ слоямъ общества чужды тонкія формулы, и подъ флеромъ для нихъ вскроется истинная сущность. И мудреное тонкое обоснованіе даже доклада въ пользу *наказуемости* истребленія плода: „... въ народномъ правосознаніи уваженіе къ жизни созрѣвшей бросаетъ свой отблескъ на жизнь еще не созрѣвшую"—въ читательской средѣ, думаю, отложится и формулируется проще. Не созрѣвшая жизнь все-таки есть жизнь и то, что заключается во чревѣ человѣческой матери, есть человѣческое существо, въ которомъ заложены всѣ будущія человѣческія возможности. Правда, на съѣздѣ говорилось о сознательности, какъ отличительномъ признакѣ эмбріона и ребенка, но это — именно то тонкое, что рвется при первомъ прикосновеніи. Тотъ, который во чревѣ матери,— вѣдь живой и чувствующій и проявляющій свою жизнь импульсивными движеніями, а, съ другой стороны, новорожденный ребенокъ въ первые дни является тоже своего рода эмбріономъ, при нѣкоторой широтѣ опредѣленія, — неосмысленнымъ кускомъ мяса, который только сосетъ и спитъ. Да, на съѣздѣ подъ понятіемъ выкидыша разумѣли выбрасываніе ребенка до 7 мѣсяцевъ, но извѣстны случаи преждевременныхъ родовъ, гдѣ появившійся на свѣтъ ранѣе 7 мѣсяцевъ ребенокъ выживалъ и прекрасно развивался въ полнаго человѣка, съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ и тотъ эмбріонъ, который въ свое время и, такъ сказать, офиціально становился ребенкомъ, человѣкомъ.

На съѣздѣ говорилось и, нужно думать, совершенно справедливо, что количество абортовъ обратно пропорціонально количеству дѣтоубійствъ и что абортъ является такимъ образомъ предупрежденіемъ дѣтоубійства; но выкидышъ все равно остается прекращеніемъ подлинной человѣческой жизни.

Есть, конечно, большая разница по существу между выкидышемъ и дѣтоубійствомъ. Пока ребенокъ во чревѣ матери, онъ часть тѣла ея, которой съ извѣстной точки зрѣнія, какъ и всѣмъ своимъ тѣломъ, какъ и всей собственной жизнью, женщина можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, а съ тѣхъ поръ, какъ отрѣзана пуповина, соединяющая ребенка съ матерью,—родившееся является уже отдѣльнымъ и отдѣленнымъ, самостоятельнымъ существомъ, вступающимъ въ человѣческое общежитіе и, какъ таковое, имѣю-

щимъ право на отдѣльное существованіе и на охрану государствомъ своей личности.

И потомъ мать, убивающая своего ребенка, сама остается цѣла и невредима, а мать, идущая на выкидышъ, при настоящихъ условіяхъ въ огромномъ количествѣ случаевъ, вмѣстѣ съ прекращеніемъ жизни ребенка дѣлаетъ, такъ сказать, покушеніе на самоубійство. На съѣздѣ было заявлено, что отъ абортовъ, производимыхъ не врачами, абортовъ, которыхъ, нужно думать, большинство, погибаетъ до 50% матерей, то есть не очень ужъ много меньше процента смертей отъ самоубійствъ, такъ какъ не всѣ покушавшіеся на самоубійство умираютъ. И въ этомъ смыслѣ, конечно, было справедливо старое законодательство, раздѣлявшее по наказуемости производство матерью выкидыша и дѣтоубійство.

Но съ общей точки зрѣнія насильственное прекращеніе человѣческой жизни есть все-таки убійство и таковымъ останется. И признаніе допустимости и, такъ сказать, законности выкидышей всегда будетъ рѣзко расходиться съ пониманіемъ теперешняго человѣчества, которое далеко ушло отъ стараго міропониманія, когда дѣти не только въ чревѣ матери, но и взрослыми людьми признавались не отдѣленными людьми, когда законъ предоставлялъ право отцу убивать своихъ дѣтей, закладывать, продавать ихъ въ рабство.

Кто же правъ и кто не правъ? Чья резолюція изъ предложенныхъ на съѣздѣ криминалистовъ болѣе пріемлема, болѣе справедлива—защитниковъ наказуемости или вотировавшихъ за ненаказуемость аборта?

Бываютъ случаи, когда обѣ стороны, пришедшія къ разнымъ рѣшеніямъ, въ извѣстной мѣрѣ правы и неправы... По газетамъ [1]) трудно судить о полной картинѣ преній и аргументовъ и приходится довольствоваться резолюціями и выдержками изъ докладовъ. Формула защитниковъ наказуемости является при такихъ условіяхъ слишкомъ обща и не деталирована. Кто наказуемъ? Ну, конечно, мать, лицо, производившее абортъ, лица, способствовавшія и укрывавшія. Ну, а другая сторона,—мужчины? Наказуемы они или ненаказуемы за самое зачатіе плода при условіяхъ, результатомъ которыхъ является производство матерью выкидыша?

Взять даже чистый случай и наиболѣе частый случай... Свободно сходятся по обоюдному согласію безъ всякаго насилія и принужденія. Ни онъ, ни она не обладаютъ ни средствами, ни желаніемъ имѣть результатомъ любви ребенка и нести за него отвѣтственность... Почему, ставши матерью, дѣвушка, которой грозитъ перспектива улицы или голодной смерти для себя и для ребенка,—почему только одна она несетъ отвѣтственность за производство выкидыша, какъ результата обоюднаго сожительства? Только по-

---

[1]) Я цитирую главнымъ образомъ по отчетамъ „Русскихъ Вѣдомостей“.

тому, что природа устроила отвѣтственной одну женщину, а мужчина можетъ всю жизнь неотвѣтственно удовлетворять свои половыя потребности, только потому? Я не говорю уже о случаяхъ, гдѣ мужчина требуетъ выкидыша отъ своей жены или сожительницы...

И если защитники наказуемости, обосновывая ее для матерей и для, такъ сказать, техниковъ аборта, не поставили прямо и опредѣленно вопроса объ измѣненіи законодательства въ указанномъ смыслѣ расширенія наказуемости—привлеченія и мужчинъ, — они неправы.

И вмѣстѣ съ тѣмъ правы. Правы въ признаніи человѣческаго „отблеска въ жизни еще не созрѣвшей", признаніи недопустимости, невозможности *оправданія* производства выкидышей. И при широкой формулѣ защитниковъ наказуемости, при указаніи учета вліянія соціальной среды и проч., ихъ формула явилась бы въ существѣ не формулой наказуемости, а именно признаніемъ невозможности оправданія аборта, разумѣя его, какъ нормальное явленіе жизни.

Легко понять позицію людей, высказавшихся за наказуемость, хотя бы смягченную, аборта, и гораздо труднѣе понять точку отправленія участниковъ съѣзда, вынесшихъ ту резолюцію, которая особенно взволновала читающую публику.

Самое удивительное, наиболѣе трудное для пониманія въ этой резолюціи было то, что, за исключеніемъ госпожи Зелигеръ, женщины-юристки и женщины-врачи, участвовавшія въ съѣздѣ, высказались за признаніе аборта допустимымъ, законнымъ, за легализацію аборта. Именно женщины-врачи также наиболѣе убѣжденно высказывались на послѣднемъ Пироговскомъ съѣздѣ за право матерей производить выкидыши и за ненаказуемость лицъ, производящихъ выкидыш.

А вѣдь и на Пироговскомъ съѣздѣ, и на съѣздѣ криминалистовъ участвовали женщины наиболѣе интеллигентныя, такъ сказать, отобранныя женщины и, нужно думать, не первой юности. И нѣтъ основанія думать, что то были какія-то изувѣрки, женщины съ извращенными чувствами,—то была, несомнѣнно, женская интеллигенція, до извѣстной степени защитница женскихъ интересовъ.

И аргументація ихъ была такая же страстная, столь же рѣзкая, какъ рѣзка и страстна была вынесенная съѣздомъ резолюція. Какъ на Пироговскомъ съѣздѣ одна изъ женщинъ-врачей выразилась приблизительно такъ: „женщина не желаетъ больше быть только машиной для дѣторожденія",—такъ на съѣздѣ криминалистовъ одна изъ женщинъ-врачей, если вѣрить газетной передачѣ, заявила, что „законодатель долженъ снять съ женщины бремя материнства".

А понять нужно. И пониманіе, думаю, заключается въ томъ, что одни—защитники наказуемости—исходили изъ общихъ положеній морали,—именно изъ того отблеска человѣческаго суще-

ства, падающаго на эмбріонъ, а другіе исходили изъ факта. Одни взывали къ общечеловѣческой нравственности и желали ввести новое соціальное явленіе въ рамки старыхъ чувствъ и пониманій, а другіе взывали къ соціальной справедливости, къ признанію самого факта и требовали прямыхъ логическихъ выводовъ изъ этого факта. И нельзя не признать, что оружіе у послѣднихъ было сильное и что они были правы, если ограничиваться только логическими выводами изъ существующаго факта.

Фактъ не вскрытъ и не можетъ быть вскрытъ всесторонне,— статистики аборта нѣтъ и не можетъ быть. Но есть нѣкоторыя указанія, которыя позволятъ намъ, если не опредѣлить размѣры аборта, то, по крайней мѣрѣ, подойти къ нимъ, почувствовать ихъ.

Годъ назадъ, на засѣданіяхъ сенатской коммиссіи въ Парижѣ по вопросу объ абортахъ и вообще уменьшеніи народонаселенія во Франціи, одинъ изъ профессоровъ-медиковъ заявилъ, что врачи, акушеры и акушерки во Франціи, главнымъ образомъ, занимаются не помощью для дѣторожденія, а участіемъ въ предупрежденіи дѣторожденія, абортами, и что такъ называемые родильные пріюты по существу есть пріюты для производства выкидышей. Извѣстно, что въ Парижѣ ежегодно въ сточныхъ трубахъ находятъ 100,000 выкидышей. Нужно думать, что не всѣ выкидыши устраняются только этимъ путемъ и что дѣйствительная цифра абортовъ значительно превышаетъ сто тысячъ. И, вѣроятно, не будетъ преувеличеніемъ считать для Франціи, гдѣ такъ много крупныхъ городовъ и гдѣ абортъ широко распространенъ и въ деревняхъ, количество абортовъ сотнями тысячъ, если не милліономъ и, во всякомъ случаѣ, милліонами для всей Европы и Америки.

Такимъ же показателемъ служитъ уменьшеніе рождаемости, уменьшеніе, наблюдаемое не только во Франціи, но сказавшееся уже въ Германіи за послѣднія десять лѣтъ.

Объ Россіи трудно говорить въ этомъ смыслѣ, но, несомнѣнно, производство абортовъ возростаетъ въ огромной прогрессіи и еще недавно преимущественно городское явленіе, и при томъ крупныхъ центровъ, широко распространяется и въ провинціи, и за предѣлами городовъ. Не числовымъ документомъ, но не менѣе характернымъ свидѣтельствомъ служитъ та, такъ сказать, легкость и не-стыдливость, съ которой говорятъ теперь объ этомъ женщины въ интимномъ кругу, такъ сказать, всеобщее знаніе даннаго круга, кто и сколько произвелъ выкидышей. И, конечно, высоко показательны и пренія на весеннемъ Пироговскомъ съѣздѣ, и резолюція, вынесенная съѣздомъ криминалистовъ.

Особенность аборта—всеобщность его распространенія. Въ кругъ его вовлечены богатые и бѣдные, города и деревни, произ-

водятъ себѣ выкидыши не только дѣвушки, но и мужнія жены— и даже трудно сказать, кто чаще производитъ выкидыши.

И не только бѣдныя жены, для которыхъ лишній ребенокъ является потрясеніемъ всего бюджета, но и богатыя дамы изъ культурныхъ слоевъ свободно обмѣниваются другъ съ другомъ наилучшими адресами.

Конечно, опасность отъ выкидышей прогрессивно уменьшается снизу вверхъ и нужно думать, что члены съѣзда въ своей резолюціи имѣли главнымъ образомъ, въ виду именно тѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя идутъ на выкидышъ съ рискомъ пятидесяти процентовъ смертности, которыя не могутъ пользоваться услугами хорошо напрактикованныхъ акушерокъ и вполнѣ освѣдомленныхъ врачей, мило, lege artis, за добрую цѣну дѣлающихъ маленькую непріятность своимъ богатымъ паціенткамъ.

Столь же разнообразны и широки причины и мотивы абортовъ. Тутъ и капиталистическій строй, упразднившій натуральное хозяйство и упраздняющій домашнее производство, строй, вліяніе котораго сказывается и на людяхъ, далеко отстоящихъ отъ машины. Тутъ и поднявшая голову индивидуальность,—не желающая жить только для семьи, для рода, для государства, а желающая жить для себя. Тутъ и нужда, и горе, и ужасъ улицы, голодъ для себя и ребенка, тутъ и повышенная острота жизни, жажда наслажденій. И сохраненіе своего тѣла, красоты, нежеланіе потерять формы, износить себя раньше времени. И просто удобства жизни, комфорта, легкая жизнь, съ которой плохо вяжется большое количество беременностей и дѣтей. И именно боязнь за дѣтей, несомнѣнно повысившаяся забота о дѣтяхъ, страхъ за ихъ будущее, невозможность дать имъ настоящее образованія, безъ котораго теперь— знаютъ и верхи, и низы—нельзя жить, безъ котораго ребенокъ обрекается на горькую жизнь. И многое, многое...

Это—фактъ, стоящій въ логической связи съ другими фактами жизни. Очевидно, произошло какое-то глубокое измѣненіе въ самой соціальной структурѣ, какой-то изломъ въ душахъ человѣческихъ, что потушило старую мораль, побѣдило чувство страха предъ наказуемостью и предъ опасностью для собственной жизни, что потушило, казалось бы, неистребимое чувство отцовства и материнства, что измѣнило понятія и традиціи общества. Уже нельзя говорить только и просто о злой волѣ, когда явленіе стало стихійнымъ, когда оно вошло въ нравы и уже не возбуждаетъ въ душахъ матерей—ни стараго сознанія грѣховности, ни ужаса, ни отвращенія, когда оно стало уже не грѣхомъ отдѣльнаго человѣка, а соціальнымъ бѣдствіемъ.

И вотъ абортъ, какъ общественный фактъ, какъ соціальное бѣдствіе,—является страшнымъ оружіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто

стоитъ за ненаказуемость аборта. Нельзя съ наказуемостью, хотя бы не пониженною, а повышенною, бороться противъ такого огромнаго общественнаго явленія.

И нельзя выступать противъ него, исходя только изъ прежнихъ понятій, изъ установленной морали, разъ и понятія, и мораль подверглись огромной ломкѣ и перестаютъ быть авторитетными и пріемлемыми. Вѣдь достаточно выявившійся общественный фактъ самъ становится источникомъ морали и законъ въ его исторіи весьма часто является только легализированнымъ фактомъ. И не вездѣ абортъ считается преступленіемъ, и вотъ мы видимъ, что и въ Западной Европѣ и у насъ поднимаются голоса людей, и ученыхъ, и общественныхъ дѣятелей, несомнѣнно много думавшихъ надъ вопросомъ, высказывающіеся за признаніе факта, за ненаказуемость аборта.

Значеніе вынесенной съѣздомъ криминалистовъ въ Петербургѣ резолюціи не въ томъ, что она требуетъ ненаказуемости аборта, а въ томъ, что она констатировала фактъ, какъ огромное соціальное бѣдствіе, вывела его изъ того тумана лицемѣрія и ложнаго стыда и просто равнодушія, которымъ окутанъ былъ этотъ вопросъ и поставила его предъ лицомъ общества страстно, голо и обнаженно. Въ этомъ заслуга съѣзда. И иначе должна быть понята резолюція о ненаказуемости. Въ особенности понятна точка зрѣнія врачей. Разъ абортъ сдѣлался стихійнымъ явленіемъ и вошелъ въ нравы, разъ ни карающій законъ, ни страхъ за свою собственную жизнь не останавливаетъ все ростущаго распространенія аборта и гибели зародившихся дѣтей, нужно, по крайней мѣрѣ, спасать жизнь матерей, предупреждать лишнія, никому не нужныя жертвы, которыя даетъ производящійся невѣжественными руками, крадучись, въ потемкахъ, абортъ.

Въ мою задачу не входитъ рѣшеніе вопроса о наказуемости и ненаказуемости аборта, но, читая многочисленные отклики въ прессѣ, приходишь къ заключенію, что публикой выносится средняя и съ перваго взгляда абсурдная резолюція. Нельзя не наказывать и нельзя карать женщину и нельзя не считать производство выкидышей *преступнымъ* дѣйствіемъ. И какъ она ни абсурдна съ перваго взгляда, она недалеко уходитъ отъ практики жизни. Въ рѣдкихъ случаяхъ привлеченія матерей за производство аборта присяжные засѣдатели часто оправдываютъ ихъ.

Повидимому, и законодательство стоитъ въ нѣкоторомъ раздумьи предъ фактомъ,—наказаніе за производство выкидышей постепенно понижается,—по крайней мѣрѣ, въ русскомъ законодательствѣ.

Вопросъ объ абортѣ не будетъ освѣщенъ въ должной мѣрѣ и не понято будетъ во всей глубинѣ значеніе его, какъ общественнаго явленія, если не связать его съ смежнымъ близкимъ фактомъ, съ „воздержаніемъ отъ зачатія“. Я говорю не о половомъ воздержаніи, не о такъ сказать свѣтскомъ монашествѣ, оно всегда было и есть, но и прежде, и теперь это удѣлъ единицъ, немногихъ людей, недоступный среднимъ людямъ,—я говорю объ искусственномъ предупрежденіи зачатія путемъ примѣненія различныхъ методовъ.

Этотъ фактъ безконечно шире, чѣмъ фактъ аборта. Имъ пользуются безконечно болѣе широкіе слои,—и люди, которые съ ужасомъ и отвращеніемъ относятся къ производству выкидышей. Объ немъ даже и не говорятъ, онъ подразумѣвается самъ собой. Воздержаніе отъ зачатія имѣетъ несомнѣнную тенденцію сдѣлаться порядкомъ жизни для одиночекъ и семейныхъ людей. И фактъ этотъ все шире и шире распространяется во всѣхъ слояхъ, и не только въ Западной Европѣ,—у меня имѣются свѣдѣнія, что провинціальные аптекарскіе магазины и аптеки все больше и больше торгуютъ предохранительными отъ зачатія средствами, на которыя предъявляютъ широкія требованія деревенскія крестьянскія дѣвушки и женщины.

Статистика здѣсь, конечно, еще менѣе возможна, чѣмъ относительно аборта, но уже фактъ рѣдкости въ настоящее время многодѣтныхъ семействъ въ культурномъ классѣ и большое количество бездѣтныхъ семействъ говорятъ убѣдительнѣе всякой статистики. И это явленіе имѣетъ уже за собой большую давность. Въ знаменитой формулѣ „Zwei-Kinder-system“ важно послѣднее слово „система“. Это уже не просто стихійное явленіе, не просто привычное явленіе, это—система и при томъ научно обоснованная неомальтузіанствомъ, сдѣлавшаяся догматомъ. Люди, сходясь и вступая въ бракъ, напередъ, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, устанавливаютъ, имѣть ли имъ двухъ дѣтей или одного, или вовсе не имѣть.

Я не хочу здѣсь касаться нравственной квалификаціи этого факта, какъ и не хочу поднимать вопроса о значеніи этой системы для моральнаго и физическаго здоровья брачущихся, и хочу указать только, что, какъ общественное явленіе, оно близко соприкасается съ производствомъ выкидышей. Какъ абортъ есть предупрежденіе дѣторожденій и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣтоубійства, такъ и предупрежденіе зачатія является предупрежденіемъ аборта, такъ сказать, выкидышемъ передъ выкидышемъ. Съ этой точки зрѣнія многіе семейные аборты являются просто исправленіемъ ошибки, исправленіемъ, учиняемымъ съ полнаго согласія мужа и жены.

Съ этой точки зрѣнія абортъ является только частью цѣлаго, только крайнимъ проявленіемъ охватившаго человѣчество ограниченія себя въ дѣторожденіи. Только проявленіемъ того самоистре-

бленія человѣчества, которымъ я озаглавилъ свою статью. Причины и мотивы одни и тѣ же, одни и тѣ же результаты, только въ болѣе широкомъ масштабѣ,—обѣдненіе міра людьми, самоистребленіе человѣчества.

И это искуственное воздержаніе отъ зачатія не только не наказуемо, но даже является въ сознаніи многихъ людей коррективомъ къ переполненію земли людьми, своего рода цѣлебнымъ средствомъ противъ соціальныхъ бѣдствій, вытекающихъ изъ перенаселенія земли. И для очень многихъ даже необходимымъ руководящимъ началомъ въ семейной жизни, необходимой принадлежностью приличной корректной культурной семьи, безъ чего трудно поддерживать приличіе, культурность, корректность. Вѣдь безудержно родятъ только низы общества, а въ особенности русскіе крестьяне.

Вѣрнѣе, рожали...

Изъ огромнаго перепутаннаго комплекса причинъ и мотивовъ производства аборта и воздержанія отъ зачатія нужно выдѣлить одинъ фактъ, думаю, главенствующій или, во всякомъ случаѣ, ярко окрашивающій весь этотъ вопросъ,—положеніе женщины въ современномъ обществѣ, то новое и въ соціальной структурѣ, и въ самой психикѣ женщины, что выросло на почвѣ измѣнившагося положенія женщины въ обществѣ и государствѣ.

Одинъ изъ знаменательнѣйшихъ фактовъ прошлаго столѣтія, а въ особенности послѣдняго пятидесятилѣтія—измѣненіе соціальнаго положенія женщины въ Европѣ и Америкѣ. Высвобожденіе ея изъ стараго семейнаго и общественнаго положенія, выходъ на самостоятельную трудовую дѣятельность. И добровольный выходъ, и выбрасываніе въ огромномъ количествѣ на рынокъ труда одиночекъ дѣвушекъ и женщинъ, безъ старой опоры на совершенно новую жизнь.

Мы всѣ помнимъ,—и многіе упорно не хотятъ забывать—время, недавнее еще, когда женщина была мыслима только въ семьѣ только при мужчинѣ,—отцовой дочерью, мужнею женой, свояченицей при зятѣ, вѣковушей при братѣ, когда самостоятельная жизнь женщины сводилась къ дѣятельности въ видѣ прислуги, бонны, няньки, гувернантки, сидѣлки или къ жизни въ монастырѣ, или къ отправленію въ нѣкоторомъ родѣ государственной службы—къ проституціи.

На нашихъ глазахъ, на нашей памяти за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ произошло нѣчто вродѣ революціи въ такъ называемомъ женскомъ движеніи. Нужно-ли перечислять отрасли труда, захваченныя женщинами, эти десятки, если не сотни тысячъ, въ одной Россіи учительницъ, врачей, фельдшерицъ, телефонистокъ и телеграфистокъ, служащихъ во всякихъ конторахъ и магазинахъ, въ

правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ,— дѣвушекъ и женщинъ, живущихъ самостоятельной жизнью, независимыхъ матеріально отъ мужчинъ? И волна женскаго движенія поднимается все выше и захлестываетъ раньше недоступные и даже немыслимые для женщины берега жизни. Уже одно перечисленіе новыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, открытыхъ у насъ въ Россіи для женщинъ, говоритъ о все наростающемъ движеніи, о новыхъ сферахъ примѣненія женскаго труда. Появились женщины-юристы, открылись женскіе сельско-хозяйственные курсы, инженерные, строительные... Я не говорю уже объ извлекаемыхъ изъ деревни и именно выбрасываемыхъ на рынокъ все большихъ десяткахъ и сотняхъ тысячъ дѣвушекъ и женщинъ въ связи съ ростомъ городовъ, съ развитіемъ капиталистической промышленности.

Онѣ разныя—эти дѣвушки и женщины, разной соціальной среды, разной культуры, разнаго воспитанія, но у всѣхъ ихъ есть нѣчто общее—самостоятельная жизнь, матеріальная независимость отъ мужчинъ. И необходимость полагаться только на свои силы, самимъ и по-своему устраивать свою жизнь,—по-новому, не надѣясь на старую опору, на семью, на мужчину.

„Женскій вопросъ" давно пересталъ быть вопросомъ и сталъ реальнымъ фактомъ жизни, но онъ остается вопросомъ въ общественномъ мнѣніи, въ отношеніяхъ къ нему мужчинъ и даже извѣстнаго круга женщинъ. Какъ нерѣдко бываетъ, фактъ опередилъ мнѣніе, нравы и привычки и всталъ неожиданно, независимо и даже вопреки привычкамъ, идеаламъ, унаслѣдованнымъ традиціямъ. Люди не приготовились къ факту и не приспособились къ новому явленію жизни,—ни общественное мнѣніе, ни учрежденія, пользующіяся женскимъ трудомъ, ни законодательство. И прежде всего общественное мнѣніе...

Фактически женщина давно равноправна, бокъ о бокъ работаетъ съ мужчиной, независимо отъ него, одинаково неся весь трудъ жизни, а общественное мнѣніе все продолжаетъ мыслить женщину только въ семьѣ, только при мужчинѣ и предъявлять къ ней старыя требованія особой женской морали. Половая чистота требуется только для женщины, но не для мужчины... И по сіе время дѣвушка, внѣбрачно сожительствующая съ мужчиной, является для многихъ „падшей" женщиной,—а юноша, сожительствующій съ ней, только „удовлетворяющимъ свои естественныя потребности". Средняя культурная мать придетъ въ ужасъ отъ мысли, что ея дочь сойдется съ мужчиной внѣ брака, и въ то же время можетъ съ спокойнымъ сердцемъ нанимать горничную, съ особымъ вниманіемъ къ ея здоровью и чистотѣ, чтобы предоставить своему сыну,—мы, врачи, знаемъ это—наиболѣе опрятно и гигіенично удовлетворять свои естественныя потребности. И во всякомъ случаѣ только улыбнется, узнавши о „похожденіяхъ" сына, если они

опрятны и гигіеничны и, главное, ни къ чему не обязываютъ... Извѣстно, что рѣдки случаи—были и есть, когда мужчина вступаетъ въ бракъ чистымъ, какъ рѣдки и случаи, по крайней мѣрѣ, въ культурныхъ семьяхъ, когда дѣвушка вступаетъ въ бракъ, познавши тайны любви, но дѣло даже не въ самомъ фактѣ, а въ томъ, что это считается вполнѣ нормальнымъ, правильнымъ фактомъ. Я не говорю уже о многомъ, многомъ другомъ...

Въ Россіи женскій вопросъ проходилъ наиболѣе легко и гладко. Только двѣ страны, Россія и Америка, можетъ быть, именно потому, что обѣ эти страны безъ крѣпкихъ и давнихъ традицій, безъ той закрѣпленности и отвердѣлости мнѣній и привычекъ, какая отличаетъ старую Европу, наиболѣе доброжелательно встрѣтили женщинъ, начавшихъ выходить на путь самостоятельной дѣятельности. Въ Россіи невозможенъ былъ съ самаго начала женскаго движенія, невозможенъ и сейчасъ вынесенный лѣтъ десять назадъ вотумъ германскихъ профессоровъ-медиковъ противъ полученія женщиной высшаго медицинскаго образованія. И давно въ Россіи разведенная жена, такъ сказать, допускается въ общество и во всякомъ случаѣ не отчуждена и не окружена такимъ бойкотомъ, какъ во многихъ культурныхъ слояхъ Франціи.

И тѣмъ не менѣе и въ Россіи—путь, пройденный женщиной, былъ медленный и трудный. Ее только терпѣли и даже благожелательные люди съ нѣкоторой ироніей относились къ каждому новому женскому выступленію. И всегда женскій трудъ оплачивался хуже и, неся обязанности, онѣ не имѣли правъ.

И прежде всего долго не учитывались тѣми, кто пользовался женскимъ трудомъ, тѣ особенности женской организаціи, которыя требуютъ особаго отношенія къ женскому труду. Мало этого. Вотъ только недавно отмѣнено запрещеніе почтово-телеграфнаго вѣдомства работающимъ въ немъ дѣвушкамъ выходить замужъ внѣ предѣловъ вѣдомства. Былъ фактъ еще болѣе показательный. Сравнительно недавно петербургское городское самоуправленіе, въ лицѣ своей школьной коммиссіи, во главѣ которой стоялъ просвѣщенный либеральный человѣкъ г. Стасюлевичъ, воспрещало петербургскимъ городскимъ учительницамъ выходить замужъ. Т. е. и вѣдомство, и городское самоуправленіе рекомендовали своимъ служащимъ воздерживаться отъ офиціальнаго брака и отъ всѣхъ послѣдствій брачныхъ союзовъ тѣми мѣрами, какія онѣ найдутъ болѣе подходящими.

И законодательство остается, такъ сказать, мужскимъ и во всякомъ случаѣ не учло новый фактъ государственной жизни, не приспособилось къ нему. Не смотря на то, что у насъ давно уже многія женщины фактически уравнялись по образованію съ мужчинами и есть женщины-врачи и прошедшія всякіе высшіе курсы—онѣ не были уравнены въ правахъ съ мужчинами. Только въ низшихъ классахъ гимназіи женщинамъ дозволялось преподаваніе

и только на-дняхъ поставленъ вопросъ о зачисленіи женщинъ на государственную службу—до извѣстной степени и объ уравненіи ихъ съ мужчинами въ вопросѣ о пенсіи.

И, можетъ быть, самое тонкое заключеніе по поводу абортовъ и наказуемости ихъ—слышанное мною мнѣніе женщины: „Надо, чтобы женщина могла, но не хотѣла“...

Никакіе съѣзды и резолюціи, никакая статистика, никакіе примѣры и доводы не заслонятъ отъ широкихъ слоевъ общества общечеловѣческой непререкаемой правды, никакими эмбріонами и отблесками нельзя заслонить страшнаго факта насильственнаго прекращенія человѣческой жизни, хотя бы и въ зачаточномъ періодѣ. И нельзя потушить въ людскихъ душахъ чувства ужаса передъ этимъ фактомъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ никакіе возгласы о безнравственности производства аборта, никакіе крики негодованія и требованія наказуемости и даже повышенія наказуемости за абортъ не заслонятъ и не потушатъ самаго факта этого страшнаго общественнаго бѣдствія, все наростающаго количества абортовъ, привыканія къ нему, вхожденія его въ будни, въ норму жизни.

И именно тѣ, кто возмущается и негодуетъ по поводу резолюціи о ненаказуемости и кто будетъ еще возмущаться и негодовать,—если они не лицемѣры и не желаютъ давать камень вмѣсто хлѣба,—именно они самымъ своимъ негодованіемъ призываются къ особой вдумчивости, къ особому активному участію въ устраненіи или, по крайней мѣрѣ, ослабленіи зла.

Мнѣ скажутъ, что это вопросъ преимущественно моральный, что это явленіе самоистребленія человѣчества есть результатъ пониженія идеализма въ обществѣ, ненасытной жажды наслажденій, разрушенія старыхъ вѣръ и старыхъ традицій безъ замѣны ихъ новыми вѣрами, новыми высокими устремленіями, и что бороться со зломъ нужно проповѣдью къ человѣчеству, призывомъ къ чистому и высокому... И все это будетъ правда,—и проповѣди, и высокіе зовы — великая вещь. Но тѣ, кто понимаетъ власть соціальной структуры надъ средними людьми и непреложность общихъ условій жизни, опредѣляющихъ среднихъ людей, поймутъ, какъ мало одной проповѣди, какъ важно активное участіе въ перестройкѣ общества, въ приспособленіи жизни къ новымъ условіямъ. И не воротить старыхъ вѣръ, и мечтать о возвратѣ къ старому укладу, хотя бы, напр., семьи, значитъ думать о прошлогоднемъ снѣгѣ. Онъ растаялъ...

Общество придетъ, должно будетъ придти прежде всего къ пересмотру такъ называемаго женскаго вопроса, переустройству общественной и государственной жизни, соотвѣтственно измѣнив-

шимся условіямъ положенія женщины, эволюціи семьи и брака,— къ измѣненію общихъ условій.

Мнѣ скажутъ, что говорить объ измѣненіи общихъ условій соціальной структуры есть желаніе отмахнуться, уйти отъ практическаго, жизненнаго рѣшенія вопроса. Мнѣ думается, наоборотъ,—оставаться въ рамкахъ стараго отношенія, возлагать надежду только на проповѣдь и моральное воздѣйствіе или ограничиваться вопросомъ о наказуемости или ненаказуемости—есть именно уходъ отъ вопроса. Вотъ былъ старый законъ, карающій, а абортъ сдѣлался массовымъ явленіемъ...

Да, можно усилить наказаніе,—такъ и высказалась сенаторская коммиссія въ Парижѣ. Именно усиленіемъ наказанія за производство выкидышей и матерей, и дѣлателей выкидыша, запрещеніемъ незавуалированныхъ вывѣсокъ, даже, кажется, проповѣди неомальтузіанства, и думаетъ правительственная Франція бороться съ такимъ, именно во Франціи, огромнымъ явленіемъ, какъ абортъ. Къ чести Россіи и русскаго съѣзда криминалистовъ на немъ отъ врачей, ни отъ юристовъ не раздалось ни одного голоса за увеличеніе наказанія за абортъ.

Никакой законодатель не можетъ снять съ женщинъ бремя материнства, но законодатель долженъ облегчить это бремя, сдѣлать его удобоносимымъ. Законодатель въ широкомъ, настоящемъ смыслѣ слова,—общество, государство. Общественное мнѣніе должно освободиться отъ старыхъ пережитковъ и, не отрекаясь отъ общей человѣческой вѣчной правды, глубоко вдуматься въ причины современнаго излома этой правды и не судить только вину нарушенія ея, а именно идти въ сторону расширенія, углубленія и воплощенія въ жизни большей правды. И общество, и государство должны учесть во всемъ объемѣ новую позицію женщины въ современной жизни и приспособиться къ ней, въ смыслѣ обереганія женщины, предоставленія ей возможности жить нормальной жизнью. И правительственныя и общественныя учрежденія, и все общество, и государство, пользующіяся женскимъ трудомъ, должны ввести, какъ одну изъ своихъ жизненныхъ задачъ, дѣйствительную охрану материнства. И не только беременности, дѣторожденія, но и дѣто-воспитанія. Вопросъ объ абортѣ не только женскій, но и мужской вопросъ, подавленіе не только материнскаго, но и отцовскаго чувства, возможности жить нормальной жизнью не только женщинѣ, но и мужчинѣ, но по существу онъ прежде всего дѣтскій вопросъ. Не только потому, что зародившееся дитя является объектомъ аборта, но и потому, что именно страхъ предъ будущей судьбой дѣтей, невозможность воспитанія ихъ является одной изъ главныхъ причинъ абортовъ, въ особенности, такъ сказать, семейныхъ абортовъ.

Мнѣ скажутъ, что есть безплатные родильные пріюты, что есть сиротскіе дома, что есть воспитательные дома-пріюты для подкидышей въ губернскихъ городахъ. Да, есть. Но я знаю губернскій земскій пріютъ, гдѣ подкидыши воспитывались въ богадѣльнѣ для престарѣлыхъ и гдѣ нѣсколько лѣтъ подрядъ по отчетамъ процентъ смертности выводился сто,—даже въ одномъ отчетѣ, очевидно, по бухгалтерской ошибкѣ, получилось сто пять. Воспитательные дома въ своей основной постановкѣ не очень измѣнились за сто лѣтъ. Извѣстенъ тамошній процентъ смертности, извѣстна судьба „шпитонцевъ"... Кто пойдетъ на это? Какую мать успокоитъ это будущее ея ребенка? Отдѣльныя правительственныя и частныя учрежденія выдѣляютъ особыя суммы на воспитаніе дѣтей, на стипендіи,—но вотъ, кажется, и все. Во всякомъ случаѣ, охрана материнства, охрана и воспитаніе дѣтей не входятъ сейчасъ въ обязанность правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

И по сіе время ясли и дѣтскіе сады—дѣло или благотворительныхъ учрежденій, или частныхъ лицъ, и нѣтъ, какъ обязательной нормы въ жизни, ихъ ни въ земскихъ, ни въ городскихъ учрежденіяхъ. И по сіе время не предоставляется дѣтямъ бѣдныхъ классовъ возможности полнаго обученія, и берется плата за ученіе

Это, несомнѣнно, насущная, очередная задача жизни, и кое-что въ смыслѣ облегченія зла можно сдѣлать и въ настоящее время, но я понимаю, что именно глубокое и всестороннее обсужденіе этого вопроса приведетъ общество къ неизбѣжному заключенію о необходимости перестройки всей структуры государства, къ пересмотру институтовъ брака и семьи, къ необходимости безплатнаго обученія дѣтей на всѣхъ ступеняхъ, къ новой организаціи труда, къ переустройству мѣстнаго самоуправленія и всего государства на основѣ не гражданъ для государства, а государства для гражданъ, къ перестройкѣ всей жизни, и это будетъ правильно, и это будетъ настоящая постановка вопроса...

Мнѣ могутъ сказать, что это трафаретъ, общее мѣсто, что такъ можно рѣшать всякіе вопросы упованіемъ на будущій строй, что это тоже манера отмахиваться отъ рѣшенія конкретнаго, практическаго вопроса...

Но вѣдь можно сказать, что ни на чемъ другомъ не чувствуется такъ ломка, изношенность стараго строя, какъ именно на смѣнѣ коренныхъ понятій, интимныхъ чувствованій и самыхъ интимныхъ сторонъ жизни.

Тамъ гдѣ-то бьются на новыхъ поляхъ, подъ новыми знаменами, но для средняго человѣка, не втянутаго непосредственно и остро въ самую эту битву, движеніе происходитъ гдѣ-то далеко, за занавѣсомъ, за кулисами. И только тогда, когда это новое подходитъ вплотную къ среднему человѣку и беретъ его за горло,

когда онъ чувствуетъ утѣсненіе въ наиболѣе дорогихъ, въ самыхъ интимныхъ переживаніяхъ, когда онъ видитъ, что ему нельзя жениться, потому что онъ не можетъ, не долженъ имѣть дѣтей, а сестрѣ, дочери его, нельзя жить законнымъ бракомъ и законно родить дѣтей, сколько ея материнское сердце пожелаетъ, когда бракъ, семья, дѣторожденіе становятся роскошью, не всѣмъ позволительной,—тогда онъ начинаетъ тревожиться и безпокоиться. Да, онъ временно приспособляется, утѣсняетъ себя, ограничиваетъ себя въ самыхъ дорогихъ чувствахъ, воздерживается отъ зачатія, производитъ выкидыши, но вѣдь никакія теоріи и никакая практика жизни не потушатъ въ людяхъ отцовскаго и материнскаго чувства, жажды дѣтей, потому что это вѣчное, потому что это неистребимое. И человѣкъ будетъ тревожиться все больше и больше, временное не станетъ постояннымъ и человѣкъ будетъ искать и найдетъ выходъ. Изъ тѣсной, нечистой и преступной жизни.

Это не значитъ, что нужно сложить оружіе и ждать общей перестройки жизни. Да, при современныхъ условіяхъ нельзя развернуть мѣропріятія по борьбѣ съ самоистребленіемъ человѣчества въ достаточно широкомъ масштабѣ, но и то немногое, что будетъ дѣлаться въ этомъ направленіи обществомъ, будетъ многимъ для будущаго. Уже одно сознаніе обществомъ своей обязанности передъ материнствомъ и дѣторожденіемъ и отвѣтственности за нихъ, уже одно признаніе этой обязанности насущной, очередной задачей общества, будетъ имѣть огромное значеніе для рѣшенія этого вопроса. Это медлительная, долгая и трудная работа общественнаго самосознанія, но революціи всегда предшествуетъ эволюція...

Къ работѣ общественнаго самосознанія, къ дѣйствованію и хотя бы временному приспособленію для уменьшенія зла зоветъ этотъ страстный по своимъ преніямъ съѣздъ криминалистовъ, являющійся по существу только громкимъ словомъ о томъ, что тихо говорилось, что въ тишинѣ дѣлалось въ Россіи.

Вопросъ о воздержаніи отъ зачатія и о выкидышахъ зачатаго является огромнымъ и страшнымъ вопросомъ для человѣчества. Онъ всталъ уже огромнымъ государственнымъ вопросомъ для Франціи, вопросомъ ея существованія, какъ великой державы, и, слѣдовательно, національнаго существованія. Уже въ прошломъ году, когда я слѣдилъ во Франціи за этимъ вопросомъ, французскіе публицисты вычисляли, что черезъ 18—20 лѣтъ Франція будетъ вычеркнута изъ состава самостоятельныхъ великихъ державъ, если ограниченіе дѣторожденія въ ней будетъ продолжаться тѣмъ же темпомъ. Они отмѣчали еще другое,—пониженіе процента смертности во Франціи и то, что уменьшеніе дѣторожденія не выку-

пается увеличеніемъ продолжительности жизни уже живущихъ людей.

Быть можетъ, наиболѣе косная въ своихъ нравахъ, привычкахъ и традиціяхъ, правящая французская буржуазія пока что не придумала другихъ средствъ для исправленія зла, кромѣ увеличенія наказанія за абортъ, налога на холостыхъ, освобожденія отъ налоговъ и уменьшенія ихъ для семействъ съ извѣстнымъ количествомъ дѣтей, и тому подобныхъ четверть-мѣръ. Но, если эти обходные пути, какъ можно думать, не скажутся въ ближайшемъ будущемъ никакими результатами,—передъ Франціей встанетъ вопросъ самаго ея существованія во всемъ его объемѣ и ужасѣ и потребуетъ отъ нея, если она не предпочитаетъ самоубійства, глубокаго переустройства всей жизни, иной организаціи труда и иной соціальной структуры. Ей придется сдѣлаться, какъ государству, родовспомогательнымъ и дѣто-воспитательнымъ учрежденіемъ. Такова логика жизни. Неуклонно уменьшается рождаемость въ Германіи и, повидимому, въ той или иной мѣрѣ опасность обезлюденія, самоистребленія угрожаетъ въ будущемъ и другимъ государствамъ, въ томъ числѣ и Россіи, гдѣ смертность не понижается, а рождаемость, судя по участи другихъ странъ, будетъ понижаться.

Мнѣ могутъ сказать, что это не такъ страшно. Разъ процессъ пониженія рождаемости охватитъ всѣ страны, онѣ сбалансируются и жизнь будетъ идти также, какъ она идетъ,—государства будутъ сжиматься, а взаимоотношенія будутъ продолжаться по-старому, пока человѣческая жизнь окончательно не сожмется и государства, такъ сказать, внутренно не самоистребятся...

Но гораздо страшнѣе встаетъ этотъ вопросъ не для государства, а для человѣка. Получается огромное и неустранимое противорѣчіе. Встаетъ человѣческая индивидуальность, высвобождается отъ старыхъ путъ, родовыхъ, государственныхъ, и должна начать новую жизнь, во имя которой она освобождалась, съ того, чтобы ограничивать себя въ своихъ самыхъ интимныхъ чувствованіяхъ. Люди не могутъ любить полной, чистой, беззавѣтной любовью, они должны заранѣе устраивать завѣты не имѣть дѣтей и ограничивать дѣторожденіе, ограничивать себя въ своихъ отцовскихъ и материнскихъ чувствахъ, любить не полной и не чистой любовью. И идти на всѣ опасности, вытекающія изъ самаго этого воздержанія отъ дѣторожденія, на болѣзни физическія и душевныя, являющіяся результатомъ ненормальной, неполной половой жизни.

Съ этимъ человѣкъ можетъ мириться, къ этому приспособляться только временно,—въ концѣ концовъ онъ потребуетъ и устроитъ себѣ полную, неограниченную жизнь. Вернется на путь общечеловѣческой неистребимой правды. Какіе бы изломы и уклоненія отъ этой правды ни переживало человѣчество въ прошломъ,

оно все-таки возвращалось къ этой правдѣ, никогда не умирающей въ человѣческой душѣ.

И, если помѣшаютъ этому общія условія, соціальная структура, оно отмѣнитъ эти условія, перестроитъ свою соціальную жизнь. Не изъ-за одной семейной жизни и дѣторожденія, но и изъ-за этого, и сдѣлаетъ государство или, вѣрнѣе, общежитіе именно родовспомогательнымъ и дѣто-воспитательнымъ учрежденіемъ.

Это вовсе не фантастично. Еслибы прекратились войны, то тѣхъ суммъ, которыя расходуются на вооруженіе, хватило бы и на подлинную охрану материнства и на дѣтовоспитаніе. А войны прекратятся. Воздѣйствіемъ ли идей и активнымъ дѣйствованіемъ трудовыхъ массъ или непереносностью налогового бремени на четырнадцатидюймовыя орудія и сверхъ-дредноуты, которые на другой день становятся глупыми и ненужными, за изобрѣтеніемъ осьмнадцатидюймовыхъ орудій и чрезъ-сверхъ-дредноутовъ, — но войны кончатся. Какъ кончится и теперешній изношенный, изжившій себя соціальный строй.

Скажутъ—это утопія,—одна изъ тѣхъ, которыя возникаютъ и потухаютъ... Но именно потому, что онѣ никогда не потухаютъ, нужно съ большимъ уваженіемъ относиться къ утопіи. Развѣ не утопія все то, что произошло на нашихъ глазахъ? Развѣ наши не прадѣды, а дѣды не засмѣялись бы, какъ мы улыбаемся при чтеніи утопій, еслибы имъ тогда развернули картину теперешней техники, телефоновъ, аэроплановъ, безпроволочнаго телеграфа и... теперешняго движенія?

Жизнь идетъ, жизнь чревата великимъ будущимъ, и теперь живущіе должны оберегать это новое зарождающееся и способствовать вхожденію въ жизнь этого новаго, чистаго, свѣтлаго и справедливаго.

С. Елпатьевскій.

Хроника внутренней жизни.

1. Финансовыя препоны.—2. О тактическомъ переломѣ во внутренней политикѣ.—3. Думская оппозиція. — 4. О Крестьянскомъ банкѣ. — 5. Особыя задачи государственнаго ипотечнаго кредита.—6. Крестьянскій банкъ на работѣ.

„На биржѣ депрессія"... Непрестанная депрессія.

Банки стараются сократить свои онкольныя операціи. Изъ провинціи приходятъ приказы распродать принадлежащія кліентамъ бумаги. Время отъ времени публику охватываетъ паника и депрессія обостряется до кризиса. Эти моменты проходятъ, но общій характеръ настроенія не измѣняется. Отъ близкаго будущаго никто ничего хорошаго не ждетъ („Русскія Вѣдомости", 12. III).

До послѣдняго времени паники возникали все-таки по какому-либо поводу, хотя бы и вздорному. 10—11 марта случилась паника

безъ всякихъ видимыхъ поводовъ. Заграничныя биржи вообще спокойны. Сенсаціонныхъ слуховъ о русскихъ дѣлахъ нѣтъ. Даже газетныхъ статеекъ, способныхъ привлечь усиленное вниманіе биржи, ни въ „Kölnische Zeitung“, ни въ иныхъ изданіяхъ не появилось. И тѣмъ не менѣе держатели именно русскихъ бумагъ вдругъ пришли въ паническое настроеніе, „русскіе курсы“ стремительно полетѣли подъ гору. Министру финансовъ пришлось устраивать экстренное совѣщаніе съ представителями банковъ, оживлять дѣятельность такъ называемаго „краснаго креста“, усиливать интервенціи.

Почему собственно на биржѣ паника, какіе для нея имѣются поводы,—„министръ финансовъ не знаетъ“. И „представители банковъ не знаютъ“... Довольно долго источникъ зла офиціальныя мѣста и учрежденія пытались видѣть въ игрѣ понижателей. Есть такіе злодѣи-понижатели. Ихъ нужно запугать репрессіями, лишать кредита, обуздывать всякими иными способами,—и все будетъ хорошо. Но мало-по-малу даже такіе органы, какъ „Новое Время“, отказались отъ столь упрощенной оцѣнки положенія и стали признавать существованіе „коренныхъ“ и „глубокихъ“ причинъ для угнетеннаго настроенія биржи.

Ихъ много — этихъ коренныхъ и глубокихъ причинъ. И одна изъ нихъ, видимо, получаетъ офиціальное признаніе. По крайней мѣрѣ, ее обсудилъ и признал комитетъ финансовъ 14 марта,— „въ первомъ же“, какъ подчеркнуло „Новое Время“, засѣданіи нынѣшняго 1914 г. На обсужденіе комитета былъ поставленъ вопросъ „о нѣкоторыхъ операціяхъ государственнаго банка“. Вопросъ подвергся предварительной разработкѣ въ особой „запискѣ“, составленной „однимъ изъ ученѣйшихъ спеціалистовъ“, по порученію, какъ говорятъ, предсѣдателя комитета гр. С. Ю. Витте. Общій выводъ „записки“ сводится къ тому, что государственный банкъ „нѣкоторыми операціями“ доведенъ до рискованнаго состоянія. „Ученый спеціалистъ“, доводы котораго поддерживаются и предсѣдателемъ комитета, сопоставляетъ четыре момента въ новѣйшей исторіи банка: 1 января 1904 г., 1 января 1906 г., 1 августа 1910 г. и 1 октября 1913 г. На 1 января 1904 г. государственный банкъ имѣлъ около 325 милл. свободнаго золотого резерва и въ полной исправности бумажный резервъ—„неприкосновенные“ 300 милл. руб. кредитными билетами. Затѣмъ война. И къ 1 января 1906 г. весь свободный золотой резервъ израсходованъ, израсходованъ почти весь 300-милліонный кредитный резервъ, эмиссіонное право на выпускъ кредитныхъ билетовъ исчерпано и почти равно нулю. Затѣмъ начинаются займы—большіе и малые, государственные и частные. И къ 1 августа 1910 г. банкъ достигъ максимальныхъ предѣловъ благополучія, напоминающихъ конецъ 1903 г.: сверхъ 300 милліоновъ руб. бумажнаго резерва, свободный золотой резервъ въ 301 милл. рублей; въ банкѣ на текущемъ счету государственное казначейство имѣетъ 210 милл. руб.; еслибы эта

сумма вдругъ понадобилась казначейству, то банкъ былъ бы „въ состояніи возвратить ее сразу всю золотомъ или выпущенными подъ золото кредитными билетами". Послѣ 1 августа 1910 г. никакой войны не было. Было лишь чрезмѣрное развитіе эмиссій акціонерныхъ предпріятій, чрезмѣрное переобремененіе рынка бумагами, чрезмѣрное расширеніе государственнымъ банкомъ кредита для банковъ частныхъ, предпринимателей и предпріятій. Въ результатѣ оказалось слѣдующее. Къ 1 октября 1913 г., т. е. къ моменту парижскихъ переговоровъ гр. Коковцова о новыхъ займахъ, свободный золотой резервъ государственнаго банка былъ израсходованъ и отъ кредитнаго 300-милліоннаго резерва осталось всего 251 милл. рублей, такъ какъ на рынокъ было выпущено банкомъ „49 милл. рублей, лишенныхъ всякаго золотого обезпеченія". Между тѣмъ къ тому же 1 октября 1913 года государственное казначейство имѣло въ государственномъ банкѣ на текущемъ счету свыше 545 милл. рублей. Если бы казнѣ вдругъ понадобились эти деньги, то государственный банкъ не могъ бы ихъ уплатить золотомъ, „такъ какъ уже не располагалъ никакимъ золотымъ резервомъ". Даже кредитными билетами онъ могъ бы уплатить лишь 251 милл. руб. и при этомъ остался бы безъ оборотныхъ средствъ, необходимыхъ, между прочимъ, „для возврата иныхъ казенныхъ и частныхъ вкладовъ и текущихъ счетовъ". Можно съ довѣріемъ отнестись къ газетнымъ извѣстіямъ, что г. Баркъ, принявшій отъ гр. Коковцова это наслѣдство, настаивалъ, чтобы комитетъ финансовъ обсудилъ положеніе. Преемнику, безъ сомнѣнія, важно установить, въ какой мѣрѣ устойчиво или призрачно „благополучіе", достигнутое предшественникомъ. Надо сказать, что между 1 октября 1913 г. (послѣдній моментъ, охарактеризованный ученымъ составителемъ „записки") и 14 марта 1914 г. (день засѣданія комитета финансовъ, на которомъ обсуждалась эта „записка") произошли нѣкоторыя измѣненія къ лучшему. Помогъ заключенный гр. Коковцовымъ частный желѣзнодорожный заемъ. Государственному банку онъ далъ новый притокъ золота. Съ другой стороны, какъ заемъ частный, онъ подкрѣпилъ кредитную наличность частныхъ банковъ. Послѣдніе, благодаря подкрѣпленію, погасили нѣкоторую часть своихъ онкольныхъ долговъ государственному банку. На 1 марта 1914 г. банкъ имѣлъ 300 милл. р. кредитнаго резерва и около 166 милл. р. золотого резерва. На уплату текущаго счета казначейства, еслибы это вдругъ понадобилось, не хватитъ. А все-таки улучшеніе. Но биржевыя паники въ мартѣ потребовали, какъ уже сказано, отъ министра финансовъ экстренныхъ мѣръ, представители частныхъ банковъ получили инструкцію „оживить дѣятельность краснаго креста", — т. е. усиленными покупками поддерживать курсъ падающихъ бумагъ. А это значитъ, что необходимо снова усилить ссуды частнымъ банкамъ, расширить онкольные счета. Сверхъ того,—нынѣшній текущій счетъ казначейства въ

государственномъ банкѣ скоро понадобится сократить на огромную сумму въ виду чрезвычайныхъ ассигнованій по оборонѣ. Конечно, суммы казначейства потребуются не вдругъ, не сразу, но потребуются въ размѣрѣ всей свободной наличности. Конца рискованному состоянію такимъ образомъ не видно.

Съ другой стороны, нельзя сказать, что гр. Витте и ученый составитель „записки“ обслѣдовали вопросъ глубоко, до корней. Они правильно указываютъ, что при гр. Коковцовѣ денежный рынокъ, въ частности иностранный, до опасныхъ крайностей переобремененъ русскими бумагами. Но вѣдь къ этому побуждалъ бывшаго министра финансовъ цѣлый рядъ важныхъ обстоятельствъ. Платить проценты по старымъ заграничнымъ займамъ и по огромнымъ новымъ, заключеннымъ послѣ 1 января 1906 г., надо. И уже одни эти платежи требуютъ ежегоднаго пополненія золотыхъ запасовъ на сумму около полумилліарда рублей. Главнымъ рессурсомъ для ежегоднаго добыванія золота въ столь колоссальныхъ размѣрахъ могъ бы служить торговый балансъ,—превышеніе нашего товарнаго вывоза надъ ввозомъ. Но торговый балансъ въ послѣдніе годы весьма капризенъ. Не далѣе, какъ весною прошлаго года онъ былъ даже пассивнымъ,—ввозъ преобладалъ надъ вывозомъ. Необходимость вынуждала искать золото посредствомъ чрезвычайнаго выбрасыванія бумагъ на рынокъ,—въ особенности иностранный. При этомъ бумаги надо было продавать по возможно болѣе высокимъ курсамъ, а этого нельзя достигнуть безъ биржевой игры на повышеніе, которую благозвучно называютъ „активной биржевой политикой“... Разъ игра на повышеніе нужна, то надо поддерживать тѣхъ, кто ведетъ эту игру, т. е. открыть для нихъ онкольные счета, расширить „учетно-ссудныя операціи“. А затѣмъ—бумаги, выброшенныя на иностранный рынокъ, требуютъ платежи процентовъ и дивидендовъ. Золота, стало быть, нужно еще больше. Какъ его добыть? Да тѣмъ же способомъ—выбросить на рынокъ новую порцію бумагъ. Система явныхъ и замаскированныхъ займовъ для уплаты процентовъ и дивидендовъ осложнилась съ конца 1912 г. европейскимъ денежнымъ кризисомъ. Курсы стали стремительно падать. Кредитная канцелярія призвала на помощь частные банки, а это связано съ расширеніемъ все тѣхъ же онкольныхъ счетовъ и учетно-ссудныхъ операцій... Помимо этихъ и разныхъ другихъ финансовыхъ обстоятельствъ, нужно учитывать и политическія условія: во-первыхъ, систему кормленія такъ называемой „третьеіюньской опоры“ концессіями, ссудами, льготами, субсидіями, во-вторыхъ, хаосъ случайныхъ вліяній, открывшій чрезвычайную возможность добиваться тѣхъ же концессій, ссудъ и субсидій при содѣйствіи „шептуновъ“, дамскихъ салоновъ, даже полоумныхъ старцевъ...

Не будемъ однако углубляться въ обслѣдованіе причинъ. Не станемъ также доказывать, что нервное настроеніе биржи зависитъ не только отъ разстройствъ въ государственной организаціи кре-

дита. Есть еще разстройство въ народно-хозяйственной жизни, разстройство въ торгово-промышленной сферѣ, неустойчивое политическое равновѣсіе внутри страны, тревожное ожиданіе международныхъ осложненій... Ограничимся констатированіемъ обстоятельствъ, получающихъ офиціальное признаніе и способныхъ удовлетворительно объяснить нѣкоторый тактическій переломъ во внутренней политикѣ. То говорилось: „валяй, Марковъ". А теперь говорятъ, что дѣйствія будутъ „опредѣленно неопредѣленными", какъ выразился нѣкій сановникъ въ бесѣдѣ съ Тайновѣдомъ „Гражданина".

Стара и фатальна зависимость между биржей и обычнымъ у насъ политическимъ курсомъ. Биржа хороша,—въ политикѣ боевыя ноты, громъ побѣды раздавайся. Биржа въ депрессіи,—и въ политикѣ депрессія. Конечно, нельзя быть увѣреннымъ, что отечественные гамзѣи въ полосу депрессіи не поступятъ согласно своему давнему желанію, напр., сжечь академію наукъ. Но при хорошей биржѣ, навѣрное, не затруднятся сжечь. А при плохой, можетъ быть, сожгутъ, а можетъ быть, и поопасаются. Это, безъ сомнѣнія, не Habeas Corpus Act. А все-таки нѣкоторый, хотя и весьма скверный, суррогатъ правовыхъ гарантій. Привычной стала и другая зависимость. Пока финансы считаются хорошими,—въ политикѣ сплошь идутъ морозы; Сипягины, Плеве, Столыпины, Макаровы, Маклаковы устанавливаютъ зимнюю погоду. Но, когда въ финансахъ усматривается неблагополучіе, — тѣмъ болѣе неблагополучіе прочное, требующее какихъ-то чрезвычайныхъ мѣръ, — тогда у насъ объявляютъ либо „весну", либо „новую эру", либо что-нибудь другое, подающее надежды на желательное странѣ — а главное, Европѣ—водвореніе законности и правового порядка.

II.

Очень стары эти источники тактическихъ переломовъ. Но самый переломъ происходитъ при условіяхъ, не совсѣмъ старыхъ. И текущая жизнь вскрываетъ не только финансовыя препоны, но и разныя осложняющія ихъ обстоятельства.

Начну съ очередного съѣзда объединенныхъ дворянъ. Ему предшествовали довольно огульные толки о „полѣвѣніи дворянства", раздраженнаго и выборами въ IV Думу, и давленіемъ администраціи на земство, и многими другими особенностями современнаго режима. Само по себѣ это „полѣвѣніе" для правительства не больно-то страшно. А въ данномъ случаѣ, по условіямъ момента, оно могло быть и прямо-таки выгодно: съ „полѣвѣвшимъ дворянствомъ" легче видоимѣнить тактику, перейти къ режиму, облегчающему накопленіе финансовыхъ рессурсовъ для дальнѣйшаго. А тамъ вѣдь можно и снова поправѣть.

Съѣздъ открылъ перспективы, болѣе сложныя. Говорятъ даже,

правящимъ верхамъ онъ причинилъ огорченіе. По крайней мѣрѣ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", напр., было напечатано такое сообщеніе:

Видное сановное лицо передаетъ, что дѣятельность съѣзда произвела отрицательное впечатлѣніе въ высшихъ сферахъ. Резолюціи съѣзда вызвали даже неодобреніе. По словамъ сановниковъ, въ правящихъ сферахъ отмѣчаютъ, что съѣздъ объединеннаго дворянства внесъ нѣкоторый диссонансъ въ налаживающіяся взаимоотношенія Думы и правительства.

И было чему произвести „отрицательное впечатлѣніе". Полушутя-полусерьезно, въ печати высказывалось, что на съѣздѣ только одинъ человѣкъ произнесъ благоразумное съ узко-сословной точки зрѣнія слово,—да и тотъ—священникъ, приглашенный отслужить молебенъ передъ началомъ засѣданій: гласомъ вопіющаго въ пустынѣ онъ убѣждалъ ревностно отозваться на царскій призывъ, оформленный въ рескриптѣ на имя управляющаго министерствомъ финансовъ Барка, и взять въ свои руки борьбу съ пьянствомъ.

„Взять въ свои руки"—реченіе фигуральное. Требовалось въ сущности не реальное нѣчто, а удобная и выгодная по условіямъ момента элоквенція. Батюшкѣ, служившему молебенъ, эти особыя условія были, видимо, понятны. Но, когда сами дворяне касались на съѣздѣ практическихъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ предначертаніямъ рескрипта на имя П. Л. Барка, то получались порою странныя рѣчи.

„Отечество является для меня—говорилъ, напр., псковскій дворянинъ Кушелевъ—мачехой. Винокурня даетъ убытокъ. Лѣсопильня тоже... Всюду получаешь убытокъ... Довольно болтать о меньшей братіи. Это хорошо въ романахъ. Меньшая братія—это хулиганы (Цит. по реферату „Кіевской Мысли", 4. III).

Выходитъ, такимъ образомъ, что весь народъ, за исключеніемъ дворянъ,—хулиганы, а отечество уже по одному тому мачеха, что винокурня даетъ убытокъ... Г. Кушелевъ принадлежитъ къ правому крылу съѣзда. На самомъ лѣвомъ флангѣ находится представитель казанскаго дворянства кн. Ухтомскій. До сихъ поръ считалось, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ среди объединеннаго дворянства, которымъ не чужда государственная точка зрѣнія. На послѣднемъ съѣздѣ и кн. Ухтомскій „отличился":

внесъ предложеніе о необходимости передать государственный дворянскій банкъ въ руки самихъ дворянъ. Съѣздъ наградилъ кн. Ухтомскаго апплодисментами; предложеніе передано въ совѣтъ объединеннаго дворянства для разработки.

„Центральный" дворянинъ Самаринъ, — одинъ изъ лидеровъ организаціи—предложилъ

объединенному дворянству дать торжественное обѣщаніе во имя интересовъ родины всегда поддерживать интересы авіатора Сикорскаго. Предложеніе покрыто шумными криками: ура!..

„Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму" на сей разъ скромно объявили себя „сѣятелями мыслей", которыя должны быть и законодательной, и исполнительной властью принимаемы къ руководству. „Мысли" же сводились вкратцѣ къ слѣдующему: нельзя ли упразднить губернское земство, ибо оно обременяетъ дворянъ налогами? нельзя ли за порчу, причиненную въ помѣщичьей экономіи кѣмъ-либо изъ крестьянъ, взыскивать убытки со всего села и нельзя ли при этомъ продавать или отчуждать въ пользу помѣщика надѣльныя земли? нельзя ли получить 130.000 помѣщикамъ еще болѣе дешевый кредитъ? не можетъ ли государство Россійское передать въ ихъ распоряженіе дворянскій банкъ? Пусть правительство позаботится, чтобы у помѣщика были еще болѣе дешевыя и безотвѣтныя рабочія руки... По примѣру прошлыхъ лѣтъ, важнѣйшимъ источникомъ государственныхъ „мыслей" оказался Пуришкевичъ. И опять вышло такъ, словно одна изъ главныхъ нуждъ, ради которой „представители губерній" безпокоятъ себя пріѣздомъ въ Петербургъ, состоитъ въ томъ, чтобы одобрить мысли Пуришкевича и формально превратить ихъ въ „голосъ всего первенствующаго сословія". Все это отнюдь не ново. Но гдѣ же „полѣвѣніе", способное облегчить правительству задачу даннаго момента? Пресса попыталась разобраться въ вопросѣ. Припомнили, что на мѣстахъ дворянство далеко не всѣ резолюціи съѣздовъ одобряетъ. Были даже попытки дворянскихъ обществъ отмежеваться отъ репутаціи объединеннаго дворянства. Однако попытки остаются безплодными. Почему? Обратили вниманіе на характерную двоерукость или даже троерукость избирательной тактики сословія. Въ былые годы такіе дворяне, какъ, скажемъ, М. В. Родзянко, избирались на мѣстахъ „безразлично": и въ Государственный Совѣтъ, и въ Думу, и на съѣздъ объединеннаго дворянства. Постепенно „безразличіе" смѣнилось „различіемъ": для Думы сами дворяне выдвигаютъ болѣе умѣренныхъ, вродѣ октябристовъ, хотя есть возможность при помощи духовенства провести крайнихъ правыхъ; для Государственнаго Совѣта даже въ сравнительно либеральныхъ земствахъ выдвигаются нерѣдко крайніе правые; а на съѣзды объединеннаго дворянства делегируются „самые что ни на есть настоящіе столпы". Жизнь не всегда и не вездѣ укладывается въ эту схему, но даже при отступленіяхъ отъ схемы представительство на дворянскихъ съѣздахъ имѣетъ, и въ самомъ дѣлѣ, довольно своеобразный характеръ. Укажу для примѣра хотя бы Орловскую губернію. Мѣстное дворянство по работѣ въ земскихъ учрежденіяхъ въ общемъ умѣренное, — по крайней мѣрѣ, не такое, какъ сосѣдніе куряне. На выборахъ въ IV Думу потребовались спеціальныя усилія, чтобы задавить дворянскіе голоса Стаховичей, Васичей, Тенишевыхъ и при помощи духовенства провести г. Хвостова, да и то лишь крайне незначительнымъ большинствомъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ М. А. Стаховичъ

(какъ бы выраженіе оппозиціи). А въ качествѣ делегата на послѣднемъ съѣздѣ объединеннаго дворянства г. Шеншинъ отъ имени мѣстныхъ дворянъ говорилъ:

— „Земство насъ раззоряетъ. Наибольшее зло — губернское земство“... Оно должно быть упразднено.

Несоотвѣтствіе странное... Припомнимъ и еще кое-что. Какъ возникла организація, называемая „объединеннымъ дворянствомъ“? 1905 годъ. „Революція“. „Народъ бунтуетъ“. Начальство растерянно и согласно на уступки. На мѣстахъ дворянство также готово уступить. Готово уступить даже землю, но только съ выкупомъ, а не безъ выкупа. Въ это время верхи сословія, „набольшіе“, вродѣ гр. Шереметева, кликнули кличъ, собрали „вокругъ себя родъ вѣча“. Сначала совѣщанія и собранія происходили въ строжайшей тайнѣ. Но, когда организація оформилась и въ нее вошли дворянства цѣлыхъ губерній, вполнѣ секретное существованіе стало физически невозможнымъ. Между тѣмъ для набольшихъ открытыя политическія выступленія сопряжены съ извѣстными неудобствами. Я назвалъ для примѣра гр. Шереметева. У него бывшій россійскій посланникъ въ Кореѣ состоитъ всего лишь управляющимъ однимъ подмосковнымъ имѣніемъ, бывшій предсѣдатель комитета министровъ, если не состоитъ, то состоялъ нѣкоторое время главноуправляющимъ. Отъ явнаго участія въ сословной политической организаціи персоны столь владѣтельнаго масштаба формально отстранились. Но духовное руководительство принадлежитъ имъ. Ихъ взгляды и мнѣнія продолжаютъ оставаться вѣскими, во многихъ отношеніяхъ рѣшающими. А такъ какъ сами набольшіе молчатъ, то нужны люди, которые умѣли бы ихъ мнѣніе высказать, мотивировать, аргументировать, а буде понадобится, то и защитить. И на сценѣ появляются, если не прямо довѣренные по политической части, то любимцы и фавориты. По существу они говорятъ угодное набольшимъ, но отъ своего имени. Въ этомъ и сила такихъ дѣятелей, какъ г. Пуришкевичъ. Самъ по себѣ онъ, съ точки зрѣнія Ухтомскихъ, Шеншиныхъ, Кушелевыхъ,—дворянинъ со вчерашняго дня, изъ духовнаго званія и притомъ молдаванскаго происхожденія. Но тамъ, у набольшихъ, у сословныхъ „богатырей“, владѣющихъ огромными наслѣдственными достояніями и вліяніями, онъ въ фаворѣ, тамъ его поддерживаютъ и освѣдомляютъ. Для сословной массы по всей Россіи авторитетъ „богатырей“ значитъ не меньше, чѣмъ, положимъ, для дворянъ Екатеринославской губерніи авторитетъ М. В. Родзянка или въ былые годы А. П. Струкова. „Богатыри“ импонируютъ не только своимъ богатствомъ. У нихъ достаточно силы и вліянія, чтобы за покорность наградить, а за строптивость наказать. Въ дворянскомъ быту есть такая же неформальная субординація, какъ и въ купеческомъ. Въ прежніе годы для огромнаго круга торгово-промышленныхъ людей много значило, что „сказалъ самъ Бугровъ“

въ Н.-Новгородѣ, или „самъ Лазарь Бродскій“ въ Кіевѣ. Если ужъ „самъ Лазарь Бродскій сказалъ“, то въ кіевскихъ мѣстахъ спорить нечего. Но если на сценѣ авторитетъ болѣе высокій, если что-либо сказалъ, напр., „самъ Поляковъ“, то тутъ умѣстно помолчать и „Лазарю Израилевичу“, потому что „Бродскій — только Бродскій, а Поляковъ — это уже Поляковъ“. Въ купеческой и вообще торговопромышленной средѣ авторитеты главнымъ образомъ благопріобрѣтенные и личные. Въ дворянскомъ быту они въ значительной степени наслѣдственные. Конечно, графъ имя-рекъ самъ по себѣ внушаетъ почтеніе. Но онъ и по наслѣдству владѣетъ пространствами, приблизительно равными германскому герцогству.

Во всякомъ случаѣ во главѣ стоятъ верхи сословія. Ихъ вліяніе, въ былые годы не формальное и не организованное, съ возникновеніемъ „объединеннаго дворянства“ оформилось и получило организацію. И образовалось государство въ государствѣ. Земство, Государственная Дума, Государственный Совѣтъ... Все это—учрежденія государственной власти. А „объединенное дворянство“ есть учрежденіе, руководимое, пожалуй, исторической, но не государственной, а сословно-бытовой властью персонъ, владѣющихъ латифундіями. То одинъ циклъ. А это другой. Съ момента заключенія въ началѣ 1906 г. $2^1/_2$-милліарнаго займа, предотвратившаго финансовый крахъ, обѣ власти шли рядомъ. Сословно-политическая организація дѣйствительно „сѣяла мысли“, намѣчала и предопредѣляла программу правительственныхъ дѣйствій. Гармонія тянулась 8 лѣтъ. При переломѣ тактики неизбѣжны тренія. И тѣмъ болѣе неизбѣжны, что цитадель сословной реакціи недаромъ выдвинула Пуришкевичей на первый планъ. Она сама интеллетуально и морально не выше ихъ. Она не настолько грамотна и умна, чтобъ взвѣсить сложность положенія. Ей слишкомъ присуща храбрость невѣдѣнія. Казалось бы, тренія возможны лишь на минуту. Государственная власть настолько мощная величина, а самодѣльные курфюрсты со всѣми ихъ клевретами до такой степени отъ нея зависятъ, что о серьезномъ противодѣйствіи и рѣчи быть не должно бы. Бѣда однако въ томъ, что верхи сословія не только бытовая сила. Они, сверхъ того, владѣютъ или овладѣваютъ интимнѣйшими пружинами государственнаго механизма, занимаютъ или захватываютъ въ системѣ государственнаго управленія важнѣйшія стратегическія позиціи. И характерно осложняется тактическій переломъ.

Въ совѣтѣ министровъ идутъ сужденія о болѣе гибкой политикѣ, о соглашеніи съ думскими фракціями до прогрессистовъ включительно, ведутся переговоры съ предсѣдателемъ Думы, печать освѣдомляется о всѣхъ этихъ движеніяхъ воды... „Новая эра“, словомъ. И какъ разъ въ это время курскій депутатъ и вмѣстѣ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Пуришкевичъ взялъ

вдругъ, да и разсказалъ публично, какъ министръ Маклаковъ принялъ депутацію союзниковъ изъ „палаты архангела Михаила“,—очень, дескать, радушно принялъ, высказалъ радость и при этомъ заявилъ: „членомъ вашего союза я былъ всегда, всегда буду“... Это произвело впечатлѣніе скандала. Печать заговорила: гдѣ же пресловутая безпартійность правительства? А главное, — въ чемъ можно быть увѣреннымъ, если, дѣйствительно, министръ внутреннихъ дѣлъ состоитъ членомъ боевой политической организаціи, которая, помимо всего прочаго, не скрываетъ своего отношенія къ вопросу о подготовкѣ погромовъ? Министра г. Пуришкевичъ объявляетъ членомъ „палаты“, кощунственно называющейся такимъ именемъ, которое уже потому не должно быть вносимо въ политическую борьбу партій, что это оскорбительно для извѣстныхъ религіозныхъ чувствъ. И почти одновременно другіе члены той же „палаты“, въ качествѣ „городскихъ заправилъ“ открыто грозятъ Одессѣ погромомъ, а пока разгромили редакцію одной изъ мѣстныхъ прогрессивныхъ газетъ. Близкая къ „палатѣ“ кіевская организація „двухглавцевъ“ по случаю шевченковскаго юбилея переходитъ отъ погромныхъ словъ къ дѣлу. Цѣлый рядъ союзническихъ организацій, называющихъ себя то „палатами“, то просто „монархистами“, развиваютъ предпасхальную погромную агитацію. И въ столь непозволительное дѣло публично вмѣшиваютъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Тѣмъ самымъ производится моральное давленіе на мѣстную полицію. И правительство ни звука. Офиціальное опроверженіе было бы необходимо. Но оно не послѣдовало. И невольно вспомнишь, что во главѣ пуришкевичевской палаты, какъ и въ другихъ родственныхъ ей организаціяхъ, стоятъ лица, близкія къ „объединенному дворянству“, выступающія на его съѣздахъ и сильныя поддержкою все тѣхъ же сословныхъ верховъ.

Предсѣдателемъ „палаты“ состоитъ Пуришкевичъ. Если министръ внутреннихъ дѣлъ—членъ этой организаціи, то онъ подчиненъ ея партійной дисциплинѣ и директивамъ. Отъ имени палаты тотъ же Пуришкевичъ пишетъ приказы губернаторамъ. Газетами въ началѣ марта былъ опубликованъ одинъ такой приказъ—видимо, циркулярный—олонецкому губернатору: въ виду приближающагося юбилея редактора-издателя газеты „Земщина“ „не запоздать съ привѣтственной телеграммой“... Идутъ приказы содѣйствовать распространенію такихъ-то и такихъ-то книгъ... Разсылаются предложенія вступать въ члены такихъ-то и такихъ-то старыхъ или вновь возникающихъ „патріотическихъ организацій“... И хотя администрація обязана подчиняться лишь требованіямъ закона и велѣніямъ начальства, но фактически бумаги за подписью Пуришкевича порою имѣютъ силу, равную указамъ правительствующаго сената. И какъ же иначе, если часть видныхъ административныхъ должностей заполнена клевретами самодѣльныхъ курфюрстовъ? Иной администраторъ и радъ бы не подчиниться,

но вѣдь это вовсе не такъ просто. Цѣлое уѣздное — аккерманское—земство не можетъ избавиться отъ портрета Пуришкевича, висящаго въ залѣ,— начальство не позволяетъ. Дворянство цѣлой Бессарабской губерніи не можетъ имѣть своимъ предводителемъ лицо, не одобряемое Пуришкевичемъ. На какую же судьбу обреченъ обыкновенный администраторъ, не одобряемый этимъ проворнымъ „сѣятелемъ мыслей" на съѣздахъ объединеннаго дворянства? Вѣдь сословно бытовая власть, пожалуй, сильнѣе законной власти начальства. И какъ разобрать умонаклоненіе прямого начальства? Сочинилъ Пуришкевичъ разсказанное имъ о министрѣ внутреннихъ дѣлъ или не сочинилъ?

Въ рескриптѣ 6 марта на имя предсѣдателя совѣта министровъ Горемыкина читаемъ:

„дальнѣйшее и неуклонное упроченіе въ странѣ государственнаго и общественнаго порядка должно быть положено въ основу работъ правительственной власти. Только порядокъ и уваженіе къ... закону можетъ создать тѣ условія, при которыхъ законодательная работа будетъ успѣшной и плодотворной. На томъ же уваженіи къ закону и на взаимномъ довѣріи должна быть основана работа... правительства и законодательныхъ учрежденій".

Таково „общее указаніе" государственной власти. Сословные верхи, а съ ихъ помощью ставленники всевозможныхъ партійныхъ „палатъ" и „союзовъ" проводятъ въ жизнь свои указанія, чаще всего противныя элементарнѣйшимъ началамъ закона, государственнаго и общественнаго порядка.

Только собравъ силы, правительство могло бы смягчить это двоевластіе. Но вотъ уже два мѣсяца остаются безплодными особыя заботы, направленныя къ тому, чтобы объединить хотя бы совѣтъ министровъ. Были многія совѣщанія и обсужденія. Въ февралѣ было чрезвычайное засѣданіе въ Зимнемъ дворцѣ. 6 марта Высочайшимъ рескриптомъ на имя Горемыкина преподаны общія указанія относительно дальнѣйшей работы, направленныя, въ частности, къ „истинному объединенію правительства" и къ согласію съ законодательными учрежденіями. Это нисколько не помѣшало двумъ представителямъ правительства по одному и тому же запросу—о ленскихъ разстрѣлахъ—и въ одинъ и тотъ же день дать Государственной Думѣ противорѣчивыя объясненія: министръ торговли и промышленности говорилъ одно, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ—другое. Разговоры о деклараціи обновленнаго совѣта министровъ, о программѣ, безъ которой невозможно объединеніе и согласіе, давно забыты. Намѣренія и взгляды правительства не получаютъ—да при отсутствіи единства и не могутъ получить—офиціальнаго выраженія. А такъ какъ жизнь то и дѣло требуетъ болѣе или менѣе опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о намѣреніяхъ правительства Россійской имперіи, то до рискованныхъ крайностей доведенъ методъ явно инспирированныхъ замѣтокъ

въ прессѣ. Одинъ сановникъ—видимо, военный—черезъ „Биржевыя Вѣдомости“ грозительно доводитъ до нѣмецкаго свѣдѣнія: „мы готовы“. Другой сановникъ инспирируетъ для успокоенія нѣмцевъ: заявленіе о нашей военной готовности исходитъ не отъ дипломатическаго вѣдомства. Третій сановникъ въ порядкѣ анонимной инспираціи подымаетъ вопросъ: не пора ли приступить къ раздѣлу Австро-Венгріи? Четвертый сановникъ спѣшитъ смягчить впечатлѣніе. Поневолѣ вмѣшиваются „союзники-французы“, — выступаютъ со своими инспираціями: разговоръ о раздѣлѣ Австро-Венгріи—дескать, одна изъ шутокъ германскаго императора; повидимому, на сей разъ шутку кто-то принялъ въ-серьезъ. Наконецъ, „Освѣдомительное бюро“ дѣлаетъ офиціальное заявленіе: одного анонимнаго инспиратора, отъ котораго исходятъ такія-то свѣдѣнія, надо считать неосвѣдомленнымъ, а другого анонимнаго инспиратора, отъ котораго исходятъ другія свѣдѣнія, надо считать освѣдомленнымъ... Помимо басенъ, относящихся къ внѣшней политикѣ, идутъ отъ анонимовъ басни о политикѣ внутренней. Анонимы, въ частности, то грозятъ Думѣ роспускомъ въ случаѣ несоотвѣтствія взглядамъ правительства, которые, впрочемъ, никому неизвѣстны, пока не доказано даже, что они вполнѣ извѣстны самому правительству; то, наоборотъ, Думу успокаиваютъ, совѣтъ министровъ все еще собирается де взять новый курсъ, при которомъ возможно „согласіе“, такіе ужь очень яркіе министры, какъ гг. Маклаковъ и Кассо, вотъ-вотъ получатъ отставку, и т. д.

Когда охватишь общія очертанія дѣйствительности, построенной на этихъ основаніяхъ, то получится приблизительно такая картина. Есть пункты, относительно которыхъ между государственной властью и сословными верхами сохраняется, видимо, единомысліе. Въ этой части замѣтно нѣкоторое „движеніе впередъ“. Важнѣйшее изъ новыхъ завоеваній г. Горемыкинъ закрѣпилъ письмомъ на имя предсѣдателя Государственной Думы: въ письмѣ „разъяснено“, что Дума не имѣетъ права предъявлять запросы предсѣдателю совѣта министровъ, такъ какъ совѣтъ министровъ не подчиненъ правительствующему сенату. И, такимъ образомъ, дѣятельность совѣта министровъ изъемлется изъ-подъ контроля законодательныхъ учрежденій. Контролю подлежитъ лишь дѣятельность отдѣльныхъ министерствъ.

Есть, далѣе, текущая работа вѣдомствъ. Тѣ министры, которые въ особенности сильны поддержкою сословныхъ верховъ, ведутъ политику, пріятную этимъ верхамъ. Въ частности,—г. Кассо поставилъ-таки въ Государственномъ Совѣтѣ вопросъ объ удаленіи проф. Гримма. На этомъ „сорвался“, „потерпѣлъ пораженіе“, не нашелъ поддержки ни со стороны совѣта министровъ, ни среди большинства назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Тутъ развернуться не дали. Но дѣйствовать надъ университетами, средними

и низшими школами г-ну Кассо ничто и никто не мѣшаетъ. И онъ дѣйствуетъ, вызывая все большій и большій восторгъ и Пуришкевича, и его именитыхъ покровителей. Свою политику ведетъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, возбуждая тѣ же восторги и у тѣхъ же лицъ. Такимъ образомъ, текущая административная дѣятельность, по крайней мѣрѣ, двухъ обширнѣйшихъ вѣдомствъ, направляется до нѣкоторой степени утѣшительно для сословныхъ верховъ.

Въ области вопросовъ, относящихся къ органическимъ статутамъ, самодѣльные курфюрсты торжествуютъ. Въ текущей административной практикѣ они также торжествуютъ. По серединѣ между учредительными вопросами и административной практикой лежитъ обширная область государственнаго вѣдѣнія; въ нее входитъ и обычная дѣятельность законодательныхъ учрежденій. Именно въ этой области и водворилась „опредѣленная неопредѣленность“, приводящая къ безтолковости и безтолочи.

III.

Есть и еще препона. Страна не безмолвствуетъ. Стихійно бродятъ силы. И опасно бродятъ. Въ частности, активное настроеніе рабочей массы, кажется, начинаетъ перерастать организаторскія способности и возможности рабочей интеллигенціи. Эту опасность, по крайней мѣрѣ, позволяютъ предполагать послѣднія непрерывныя втеченіе почти полумѣсяца забастовки въ петербургскомъ районѣ. И не только среди рабочихъ повышенная активность. Вообще въ наглухо-завинченномъ котлѣ, если умѣстна эта старая метафора, пары, видимо, достигли напряженія, достаточнаго, чтобъ внушать кочегарамъ страхъ за послѣдствія дальнѣйшей усиленной топки.

При нынѣшнихъ условіяхъ прогрессивная часть Государственной Думы имѣетъ нѣкоторую возможность стать болѣе значащей величиной. И вполнѣ своевременно „Русскія Вѣдомости“ подняли вопросъ „о тактикѣ оппозиціи“,—именно умѣренной „оппозиціи“, средніе люди, не очень лѣвые, но и не правые и не октябристы; должны что-то сдѣлать, быть можетъ, совершить ту или иную организаціонную работу. Надлежащей постановкѣ вопроса помѣшала прежде всего нѣкоторая спутанность терминологіи: говорилось объ оппозиціи, а разумѣлась лишь часть этого общаго понятія. Но и частный вопросъ, къ сожалѣнію, съ самаго начала былъ суженъ,—вышло такъ, что рѣчь идетъ собственно о тактикѣ въ Думѣ. Тотчасъ же выступила „отвѣтственная оппозиція“, „партія народной свободы“,—и вышло еще уже: тактика всего лишь к.-д. думской фракціи. Сужденія приняли характеръ внутрипартійной дискуссіи, спора кадетскихъ славянъ между собою. Это не значитъ, конечно, что общій вопросъ былъ забытъ. „Дума,—писалъ, напр., г. Шингаревъ— оппозиція, въ ней работающая, лишь одинъ изъ факторовъ... и вовсе не единственный рычагъ“:

Работа въ странѣ во много разъ тяжелѣе, чѣмъ въ Думѣ, но именно сюда начинаетъ переходить центръ тяжести политической борьбы... Именно тѣ, кто остался среди населенія, кто острѣе всего чувствуетъ тяжесть и опасность современнаго положенія, всѣ силы своего духа, свою энергію должны направить на организацію общественныхъ силъ, какъ бы она ни была трудна при современныхъ условіяхъ („Русскія Вѣдомости", 23. II).

И, разумѣется, не одни „тѣ, кто остался среди населенія", должны направить сюда свою энергію. Сюда же должна направить значительную часть энергіи и думская „оппозиція". Можно даже сказать, что это мнѣніе послѣ нѣкоторой взаимной полемики к.-д. публицистовъ оказалось замѣтно преобладающимъ. Не въ Думѣ центръ тяжести; необходимое странѣ законодательное творчество находится подъ „тремя замками" (законъ 3 іюня, безотвѣтственность министровъ, Государственный Совѣтъ); необходимо, работая въ Думѣ, памятовать объ организаціи силъ въ странѣ... На этомъ взглядѣ, повидимому, сошлись виднѣйшіе изъ руководителей к.-д. партіи, и первый изъ нихъ П. Н. Милюковъ. Не новый взглядъ. Это—давнее мнѣніе лѣвыхъ партій, противъ котораго лѣтъ 7 назадъ г. Милюковъ возражалъ и въ пылу возраженія договорился до „ословъ". Но кто старое помянетъ... Все-таки лучше поздно, чѣмъ никогда. Дѣло лишь въ томъ, что тактическіе вопросы теперь, какъ и прежде, рѣшаются не только логикой, но и психологіей.

Рѣшаюсь прибѣгнуть къ нѣкоторымъ сопоставленіямъ и сравненіямъ. Такъ ли, сякъ ли, въ общей прессѣ возникла внутрипартійная дискуссія по вопросу объ организаціи силъ. Попутно намѣчалось, и какихъ именно силъ. Упоминали, между прочимъ, о земской оппозиціи, которую можно бы сплотить. Говорили и о возможныхъ платформахъ для объединенія. И вотъ какъ разъ во время этихъ полемическихъ разговоровъ возникло какъ-бы эпидемическое массовое отравленіе рабочихъ. Съ 4 марта періодически происходятъ массовыя отравленія на одной изъ резиновыхъ фабрикъ возлѣ Риги, съ 12 марта то же самое возникаетъ въ Петербургѣ сначала на одной, потомъ на нѣсколькихъ резиновыхъ, табачныхъ и другихъ фабрикахъ. И лишь только это возникло, нѣкоторыя думскія фракціи проявили безпокойство; нѣкоторые депутаты сочли долгомъ лично являться на мѣста. И, конечно они это дѣлаютъ отнюдь не по тактическимъ или инымъ „головнымъ" соображеніямъ. Если за одинъ только день 13 марта на одной резиновой фабрикѣ Петербурга у 102 человѣкъ, по офиціальному подсчету, оказались рѣзкіе признаки отравленія ядовитыми газами, то прежде всего „кричитъ сердце"; непосредственное чувство напоминаетъ объ отвѣтственныхъ правахъ депутата. Чтобы лично явиться туда, гдѣ происходитъ что-то потрясающее, гдѣ съ одной стороны возбужденная толпа рабочихъ, съ другой—вооруженные отряды полиціи, право, не

нужно ни объединительныхъ платформъ, ни какихъ-либо особыхъ тактическихъ лозунговъ. Тутъ „душа рѣшаетъ". Но любопытно,— только соціалъ-демократическая и вообще лѣвая душа. Именно соціалъ-демократы и лѣвые отзываются непосредственно и лично на эти опасныя и тревожныя явленія жизни. Кадеты и прогрессисты такъ же гарантированы отъ немедленнаго ареста при появленіи въ гущѣ жизни. Они, полагаю, достаточно умны, чтобъ понимать, что дѣло тутъ отнюдь не партійное, а общее, хотя и не безразличное въ смыслѣ связей между Думой и населеніемъ. Но не отзывается видимымъ образомъ и непосредственно „душа" у рекомой „оппозиціи".

И не съ одними петербургскими тревогами такъ выходитъ. Напомню хотя бы расправы Крестьянскаго банка со своими кліентами. Трудовики отозвались, попытались собирать на мѣстахъ свѣдѣнія. Кадеты и прогрессисты могли бы, пожалуй, шире поставить освѣдомительную часть. Но почему-то не потянуло ихъ непосредственно вмѣшаться.

Въ III Думѣ были среди к.-д. отдѣльные депутаты, тяготѣвшіе къ непосредственному вмѣшательству. Напомню хотя бы г. Никольскаго. Но нельзя сказать, что ихъ отзывчивость была типична для „отвѣтственной оппозиціи" и что у нихъ въ IV Думѣ много наслѣдниковъ. Въ либеральной прессѣ высказывалось прежде какъ бы апологетическое мнѣніе; рабочіе, дескать, для „оппозиціи" вродѣ какъ чужое—соціалъ-демократическое—сословіе, крестьяне тоже чужое—трудовицкое—сословіе, а у „оппозиціи", стало быть, есть какое-то свое сословіе... Если слѣдовать этой очень умной теоріи, то и впрямь, пожалуй, остается вести организаціонную работу лишь въ земствахъ,—объединять земскую оппозицію. Но ядро послѣдней состоитъ изъ такихъ же по существу октябристовъ, какіе засѣдаютъ въ Думѣ. И если ужь организовывать эти силы на мѣстахъ, тогда не лишнее послѣдовать совѣтамъ В. А. Маклакова и заключить блокъ съ октябристами въ Таврическомъ дворцѣ, рискуя оказаться въ рѣзкомъ соціальномъ конфликтѣ со всѣми „чужими сословіями".

Не видно, чтобъ „оппозіонная" душа тяготѣла къ непосредственному вмѣшательству въ жестокія дѣла жизни. Но видно кое-что другое. Беру газетное извѣстіе, не нашедшее для себя мѣста въ изданіяхъ, близкихъ къ к.-д. партіи:

> При обсужденіи законопроекта о субсидіи оркестру балалаечниковъ депутатъ В. А. Маклаковъ ушелъ съ своего мѣста, сѣлъ въ центръ и голосовалъ съ октябристами. („Кіевская Мысль", 7, III).

Не на одну балалайку... Отозвалась было душа г. Маклакова и на крики австро-венгерской жизни. Онъ обѣщалъ націоналистамъ принять участіе въ ихъ „галицко-русскомъ митингѣ" въ качествѣ оратора. „Неожиданный отъѣздъ изъ Петербурга въ

Москву" помѣшалъ выполнить это обѣщаніе. Но нѣкоторые другіе депутаты оппозиціи почтили этотъ митингъ своимъ присутствіемъ [1])... Мало того,—кое-кто изъ к.-д. фракціи въ компаніи съ націоналистами совершилъ путешествіе въ Галицію.

Все это какъ разъ во время дискуссіи объ организаціи общественныхъ силъ. И какъ разъ въ то же время уже не отдѣльныя лица, а вся „оппозиція" послала своихъ представителей на „весьма секретное" совѣщаніе съ правительствомъ по вопросамъ объ ассигнованіи военныхъ кредитовъ. Ничего политически сомнительнаго въ этомъ не слѣдовало бы усматривать, еслибы кадеты и прогрессисты не знали заранѣе, что на совѣщаніе, въ которомъ они соглашаются участвовать, умышленно не будутъ приглашены представители трудовиковъ и соціалъ-демократовъ. Въ „Рѣчи" было напечатано, чѣмъ оправдывается это противорѣчащее основнымъ началамъ представительнаго строя дѣленіе депутатовъ на овецъ и козлищъ. Дѣло, видите ли, въ томъ, что

трудовики и соціалъ-демократы неоднократно заявляли съ думской трибуны, что они являются принципіальными антимилитаристами и голосуютъ всегда противъ всѣхъ военныхъ кредитовъ.

Можетъ быть, для И. Л. Горемыкина и М. В. Родзянка—это аргументъ. Но участвующіе въ совѣщаніи представители, напр., „фракціи народной свободы"—Милюковъ, Шингаревъ, Некрасовъ, Александровъ и др. — знаютъ, помимо всего прочаго, почему на судѣ, кромѣ прокуроровъ, нужны защитники и для какой надобности древнее и мудрое церковное правило требуетъ, чтобы при обсужденіи вопросовъ о канонизаціи обязательно участвовали противники, а если ихъ нѣтъ, то „адвокаты отъ дьявола". Съ своей точки зрѣнія, П. Н. Милюковъ былъ бы правъ, еслибы сказалъ: трудовики и соціалъ-демократы противъ,—значитъ, тѣмъ болѣе ихъ присутствіе необходимо. Было приведено въ „Рѣчи" и другое оправданіе: совѣщаніе носило чисто информаціонный характеръ... Но почему же прогрессистовъ и кадетъ информируютъ, а трудовики и соціалъ-демократы отъ информаціи устранены?

У И. Л. Горемыкина и М. В. Родзянка могъ бы возникнуть прямой политическій разсчетъ — углубить трещины въ лѣвомъ крылѣ Думы. Стоитъ лишь одну часть депутатовъ лишить ихъ законнаго права, а другой — это право великодушно предоставить. И если такой ничего не стоющій данайскій даръ будетъ принятъ, то рознь обострится сама собою. Тѣмъ не менѣе не только прогрессисты, но и кадеты согласились принять неравенство. И получили урокъ отъ петербургскихъ рабочихъ, отвѣтившихъ на устраненіе соціалъ-демократовъ и трудовиковъ забастовками протеста:

---

[1]) „Кіевская Мысль", 5, III.

Такъ и вышло великолѣпное практическое дополненіе къ начатымъ „Русскими Вѣдомостями“ теоретическимъ разговорамъ о необходимой организаціи силъ и въ странѣ, и въ Думѣ.

Въ правительствѣ развалъ, обостряемый финансовыми осложненіями. Въ странѣ стихійное наростаніе активности. Въ такой моментъ прогрессивная часть Думы могла бы сыграть, повторяю, болѣе крупную роль. Но есть доля правды въ упрекахъ нѣкоторыхъ газетъ: „оппозиція“ далеко не всегда ведетъ себя остроумнѣе и талантливѣе, чѣмъ русскіе генералы во время японской войны.

IV.

... „Какъ это случилось, крестьяне села Степановки, Бугурусланскаго уѣзда, и сами въ толкъ не возьмутъ, но въ одинъ скверный день имъ объявили“, что земля, которую они считали своею, купленною у банка, принадлежитъ не имъ, а Крестьянскому банку, и что „они уже не покупатели, а арендаторы“ [1])... Ниже мы поймемъ, какъ и почему крестьянинъ, считающій себя покупателемъ и собственникомъ, иногда вдругъ оказывается арендаторомъ... Для села Степановки это было, во всякомъ случаѣ, неожиданностью. За „сквернымъ днемъ“, принесшимъ скверную новость, послѣдовали довольно сложныя и сумбурныя мытарства и споры. Подъ конецъ часть крестьянъ примирилась и приняла условія банка. Другая часть не хотѣла примириться. Банкъ нѣкоторое время „терпѣлъ“ Затѣмъ рѣшено было снести постройки наиболѣе „упорствующихъ мужиковъ“. О дальнѣйшемъ оглашенный въ Государственной Думѣ вопросъ трудовиковъ повѣствуетъ такъ:

Въ ночь на 4 декабря въ Степановку пріѣхали: непремѣнный членъ самарскаго отдѣленія банка Рыжковъ, управляющій банковскимъ имѣніемъ Стакановъ, судебный приставъ, исправникъ, становой и десятка два нижнихъ чиновъ полиціи. Послѣ совершенія формальностей... было приступлено къ разгрому домовъ. Наняты были въ сосѣднихъ деревняхъ чуваши и татары, которые ломали избу за избой, разбирали крыши, потолки, разворачивали сѣни, вынимали оконныя рамы, выбивали, гдѣ удавалось, простѣнки между окнами. Населеніе каждой избы такимъ образомъ выбрасывалось въ зимнюю стужу прямо на снѣгъ, подъ открытое небо... Руководители разгрома... не позаботились подыскать хотя бы временное помѣщеніе для пріюта выселяемыхъ зимою съ малолѣтними дѣтьми. Но за то были приняты всѣ мѣры для того, чтобы выселяемые не могли укрыться отъ стужи, вернувшись въ свои раззоренныя избы. Оставленные стражники строго наблюдали за тѣмъ, чтобы даже скотина не могла вернуться на старыя мѣста.

Послѣ первыхъ извѣстій о столь блестящемъ торжествѣ законности и порядка, газеты, ссылаясь на слова управляющаго Дворянскимъ и Крестьянскимъ банками г. Хрипунова, сообщили, что Степановка — лишь начало и что въ ближайшемъ будущемъ такую же расправу предположено произвести въ какомъ-то селѣ Але-

1) „Рѣчь“, 28.XII, 1913.

коѣевкѣ, въ селѣ Кротковѣ, въ разныхъ другихъ селахъ и деревняхъ... Словомъ, если вѣрны не опровергнутыя ссылки на г. Хрипунова, былъ разработанъ цѣлый планъ обширной внутренней войны... Это и послужило ближайшимъ поводомъ для болѣе внимательнаго отношенія къ современной дѣятельности Крестьянскаго банка. Заговорила печать. Заговорила Дума. Заговорили нѣкоторыя земства. Заговорили кое-гдѣ даже чиновники землеустроительнаго вѣдомства. Въ Саратовѣ, напр., они выразили какъ бы „отчаяніе":

— „Позвольте, — мы создали хуторянъ, а Крестьянскій банкъ пускаетъ ихъ по міру" [1]).

Въ довольно единодушное осужденіе внесъ свою лепту даже „Вѣстникъ Полиціи",—органъ, издаваемый министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ также высказалъ, что банкъ дѣйствуетъ не хорошо,—не только по отношенію къ крестьянамъ, но и полицейскимъ наноситъ не малый вредъ. Чиновники банка „демонстрируютъ передъ крестьянами"

и пристава, а то и исправника,... какъ какое-то пугало, — „вотъ вамъ г. приставъ задастъ", „онъ вамъ покажетъ", и т. д. въ этомъ же родѣ, „Г. приставъ" клянетъ банкъ, ссуды, полицейскую службу и самого себя, не зная, что нужно „задать" и что „показать"... Однако губернаторскій циркуляръ, заключающій въ концѣ недвусмысленное „въ противномъ случаѣ и т. д."—не шутка и заставляетъ прибѣгать къ явно-противозаконнымъ мѣрамъ.

Но и „явно-противозаконныя мѣры" въ сущности оказываются недостаточными. По мнѣнію „Вѣстника Полиціи", для полнаго „достиженія желательной чинамъ Крестьянскаго банка цѣли становымъ приставамъ пришлось бы изобразить собою ханскихъ баскаковъ". Рѣшительныя слова органа министерства внутреннихъ дѣлъ требуютъ нѣкоторой перспективной поправки. Для нея, мнѣ кажется, достаточно привести хотя бы только слѣдующую телеграмму „Русскаго Слова" изъ Рязани отъ 3 января 1914 г.:

Въ селѣ Вышгородѣ, Рязанскаго уѣзда, въ постройкахъ трехъ крестьянъ были замѣчены нарушенія строительнаго устава. Судъ постановилъ постройки эти снести. Въ Вышгородъ прибылъ значительный отрядъ стражниковъ для сломки построекъ, не взирая на трескучій морозъ. Стражниками были снесены крыши съ избъ и подрублены столбы у заборовъ дворовъ. Дворы рухнули. Владѣльцы разрушенныхъ домовъ остались подъ открытымъ небомъ.

Эта экспедиція совершена, повидимому, безъ всякаго участія Крестьянскаго банка... „Чѣмъ кумушекъ считать трудиться"... Но это, повторяю,—только перспективная поправка. Вообще же, безъ сомнѣнія, характерно, что даже „Вѣстникъ Полиціи", касаясь „*цѣлей*, желательныхъ чинамъ Крестьянскаго банка", вспомнилъ о „ханскихъ баскакахъ".

Не все, конечно, прокуроры. Нашлись у Крестьянскаго банка и

---

[1]) „Саратовскій Вѣстникъ", 30 января.

защитники: въ нововременскомъ „парламентѣ мнѣній“, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Кіевлянинѣ“ и т. п. Но защитниковъ немного. И они не сумѣли предъявить иныхъ оправданій, кромѣ того, что „банкъ не богадѣльня“, „банкъ не благотворительное учрежденіе“. Нельзя же признать—писалъ напр., проф. С. Богдановъ въ „Кіевлянинѣ“,—

что заемщикамъ крестьянскаго банка можетъ быть подарена выданная ссуда... Управляющій Крестьянскимъ банкомъ не имѣетъ возможности дѣлать изъ государственныхъ средствъ подарки крестьянамъ...

Не будемъ говорить, насколько умѣстны подобные аргументы и въ какой мѣрѣ убѣдительны по существу. На этотъ разъ они были просто задавлены фактическимъ матеріаломъ. Помимо расправы въ с. Степановкѣ, стали всплывать разные другіе эпизоды, частью старые и полузабытые, частью новые, обслѣдованные спеціальными корреспондентами газетъ. Одновременно начались судебныя разбирательства по жалобамъ крестьянъ на раззорительныя и незаконныя дѣйствія банка, — и судъ призналъ претензіи жалобщиковъ основательными и заслуживающими удовлетворенія. О многомъ наиболѣе существенномъ у насъ рѣчь впереди. Пока же для отвѣта проф. Богданову и другимъ защитникамъ Крестьянскаго банка достаточно вспомнить, напр., такое сообщеніе изъ с. Дурасовки, Аткарскаго уѣзда, объ окрестныхъ крестьянахъ, „арендующихъ“ банковскія земли:

При арендѣ они заплатили банку по рублю за десятину, при посѣвѣ тоже по рублю. Когда сжали, поклали въ крестцы и собирались везти молотить, банкъ вдругъ заявилъ:

— Стопъ, давайте арендную плату... У насъ бумага отъ начальства— не давать урожая безъ уплаты...

Крестьяне, по ихъ словамъ, днями стояли безъ шапокъ. Молили: „Христа ради, дайте убрать урожай“, — не даютъ.—„Мышамъ пойдетъ“.—„Пусть мышамъ“ („Саратовскій Вѣстникъ“, 28. I).

Крестьянскій банкъ самовольно арестовалъ сжатый урожай, въ качествѣ залога, обезпечивающаго уплату аренды. И не позволилъ окончить уборку. По всей справедливости, онъ долженъ бы отвѣчать за сохранность арестованнаго имущества. Но вотъ уже два года на цѣлыя версты по пашнямъ тянется „хлѣбное кладбище“. „Словно трупы, неубранные послѣ сраженія“,—валяются гдѣ кучи снопов, гдѣ цѣлыя одонья. Возлѣ нихъ развелись миріады мышей — жирныхъ, толстыхъ. Арестованныя банкомъ сотни тысячъ пудовъ крестьянскаго хлѣба погнили, съѣдены мышами. Самъ банкъ призналъ это имущество погибшимъ. Но арендная плата, въ обезпеченіе которой оно арестовано, числится за крестьянами, какъ „недоимка“. И банкъ взыскиваетъ ее съ раззоренныхъ имъ арендаторовъ, понуждая полицію продавать послѣдніе остатки ихъ достоянія. А отвѣчать за погубленное, конечно, не намѣренъ,—„пользуется юри-

дической темнотой и безпомощностью крестьянъ". Крестьяне же не только темны, но и

озадачены, растеряны, ничего сообразить не могутъ...
— Что дѣлается?! Что дѣлается?! — недоумѣваютъ они. — Неужели надъ банкомъ никакого начальства нѣтъ? Почему же допущаютъ? (Тамже).

Въ виду такихъ фактическихъ обстоятельствъ разсуждать о томъ, что „банкъ не богадѣльня", стало ужъ слишкомъ неудобно. Защитники мало-по-малу примолкли. И осужденіе получилось почти единодушное, объединявшее и правыхъ, и умѣренныхъ, и лѣвыхъ. Надо однако сказать, что и осуждавшіе, повидимому, нѣсколько „озадачены", подобно крестьянамъ, и такъ же, какъ крестьяне, склонны повторять:

— Что дѣлается?! Что дѣлается?! Господи, что дѣлается?!

Дѣлается что-то „безсмысленное", какъ выразилась одна изъ саратовскихъ газетъ. И это слово: „безсмысленно" многократно повторялось въ печати. О „безсмысленности" говорили и въ Думѣ. Ужъ нѣсколько лѣтъ пользуется популярностью названіе: „крестьянскій Генрихъ Блокъ"... Примѣненіе методовъ Генри ха Блока въ государственномъ кредитномъ учрежденіи непозволительно, недопустимо, вредно, однако до извѣстной степени понятно. Но какъ понять „крестьянскаго Шейлока"? Шейлокъ ирраціоналенъ. Зачѣмъ ему не деньги, не проценты, а фунтъ мяса? И, естественно сталъ складываться выводъ:

— Безсмысленно, безцѣльно...

А думать о безсмыслицѣ, которая при томъ никѣмъ въ сущности не защищается, люди, вообще говоря, не больно склонны. Была опасность, что за побѣдой надъ строптивцами въ селѣ Степановкѣ послѣдуютъ дальнѣйшіе подвиги въ томъ же родѣ. Но о продолженіяхъ пока не слышно. Дума единогласно приняла въ началѣ февраля „вопросъ" о Крестьянскомъ банкѣ, правительство должно бы отвѣтить въ мѣсячный срокъ. Но кто будетъ отвѣчать? Министръ финансовъ, при которомъ банковская „безсмыслица" пышно расцвѣла, въ отставкѣ. Ближайше отвѣтственный за безсмыслицу управляющій государственнымъ Дворянскимъ земельнымъ и Крестьянскимъ поземельнымъ банками г. Хрипуновъ 10 марта назначенъ на постъ начальника главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Назначенъ новый управляющій. А при немъ, Богъ дастъ, и порядки пойдутъ новые... Вопросъ незамѣтно переходитъ въ разрядъ „взятыхъ изморомъ", заслоняется перемѣнами и перетасовками личнаго состава. Почти трехмѣсячные довольно напряженные разговоры о порядкахъ крестьянскаго банка, сами собою, безплодно стихаютъ. Интересъ, было обострившійся, видимо, опять притупился и падаетъ,—впредь до новой оказіи, конечно...

Такова ужъ, видно, судьба россійскихъ вопросовъ и разговоровъ. Но кое-какіе итоги подвести все-таки нужно.

V.

Случайно или обдуманно „Вѣстникъ Полиціи“ говорилъ о какихъ-то цѣляхъ и желаніяхъ, и при томъ такихъ, для которыхъ, по мнѣнію этого органа, нужны не современные полицейскіе чины, а „ханскіе баскаки“... Законная цѣль банка общеизвѣстна: содѣйствовать расширенію и укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія. Для этой цѣли „ханскіе баскаки“, не нужны. Есть другая цѣль, не предусмотрѣнная уставомъ, но принятая къ непремѣнному руководству. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ отчетѣ казанскаго отдѣленія Крестьянскаго банка она была опредѣлена такъ: „не допустить раззоренія землевладѣльческаго сословія, издавна служившаго устоемъ сельскохозяйственнаго промысла“. Въ 1910 г. болѣе конкрентно высказалось объ этой цѣли министерство финансовъ. И сдѣлало оно это въ объяснительной запискѣ къ представленному III Думѣ законопроекту о дальнѣйшемъ предоставленіи Крестьянскому банку права покупать землю за свой счетъ. Министерство указывало Думѣ, что самостоятельныя,—а не посредническія—операціи по покупкѣ помѣщичьихъ земель помогаютъ „облегчать положеніе продавцовъ, избавляя ихъ отъ гнета вынужденной случайной продажи“. По словамъ объяснительной записки, особенную пользу „частному землевладѣнію“ принесъ Крестьянскій банкъ въ 1905 и 1906 г.г., „поддерживая нормальныя цѣны“. Въ подтвержденіе записка приводила нѣкоторыя цифровыя справки. Передъ „смутнымъ временемъ“—въ періодъ 1893—1904 гг.—средняя покупная цѣна десятины была около 71 р.; затѣмъ началась массовая ликвидація и земельныя цѣны могли бы упасть; но банкъ принялъ мѣры, и за періодъ 1905—1909 гг. цѣны возросли въ среднемъ до 105 р., т. е. не только не упали, но и поднялись почти въ $1^1/_2$ раза... Такъ говорило министерство финансовъ въ 1910 г., обращаясь къ владѣльческому большинству III Думы. И говорило, конечно, правду. Но не всю.

Острый моментъ „ликвидаціи“, когда Крестьянскій банкъ производилъ „за свой счетъ“ массовыя покупки дворянскихъ земель, совпалъ именно со „смутнымъ временемъ“,—передъ I Думой, I Дума, первое междудумье, II Дума и, пожалуй, второе междудумье. Съ возникновеніемъ III Думы замѣчается довольно крутой переломъ. Покупка земель Крестьянскимъ банкомъ стихаетъ, почти сходитъ на нѣтъ, за то начинается энергическое расширеніе операцій Дворянскаго банка. Въ 1907 г. Дворянскій банкъ покрываетъ ссудами всего 230 имѣній; въ 1908 г.—уже 518; въ 1909—786... Въ 1912 г. Дворянскій банкъ выдаетъ 1486 ссудъ... Маленькая цифровая справка, способная освѣтить одну изъ важнѣйшихъ деталей: въ 1912 г. заемщики Дворянскаго банка просили—въ круглыхъ цифрахъ—119 мил. руб.; а получили 109 мил. р.,—т. е.

скидка съ цѣны, заявленной заемщиками, достигла не многимъ болѣе 8%... „Политика“—исключительно покровительственная. А ея результаты говорятъ сами за себя: въ 1907 г. средняя оцѣнка залоговой земли Дворянскимъ банкомъ держалась на уровнѣ—71 руб. за десятину; въ 1908 г. средняя оцѣнка сразу достигаетъ 102 р. за десятину; въ 1910 г.—уже 138 руб., въ 1912—159 руб... Другими словами,—за 5—6 лѣтъ оцѣнки Дворянскимъ банкомъ возросли почти въ 2¼ раза... Старымъ кліентамъ открылась широкая возможность перезалоговъ и дополнительныхъ ссудъ. Къ 1907 г. Дворянскій банкъ, придерживаясь 60%-ой нормы, выдавалъ заемщикамъ по 42 р. на десятину; въ 1908 г. заемщикъ, уже получившій ссуду въ этомъ размѣрѣ, могъ получить дополнительный кредитъ, такъ какъ банкъ сталъ выдавать ссуды въ размѣрѣ 60 руб. за десятину; въ 1911 г. ссуда выдавалась по разсчету—81 р. съ десятины, въ 1912 г.—92 р. Дворянину, получившему въ 1907 г. подъ залогъ имѣнія по 42 руб. съ десятины, можно было получить въ 1912 г. и еще по 50 руб. Этимъ достаточно солидно устранена необходимость обращаться къ погребальнымъ для дворянскаго землевладѣнія услугамъ Крестьянскаго банка.

Работаютъ, такимъ образомъ, оба ипотечныхъ государетвенныхъ учрежденій, „два брата“, — благо они административно объединены, находятся подъ общимъ управленіемъ. Конечно, братья не всесильны. Колебанія земельныхъ цѣнъ зависятъ отъ многихъ причинъ. Ипотечная политика можетъ лишь сдерживать повышательную (или понижательную) тенденцію, либо, наоборотъ, усиливать ее, обострять, даже до опасныхъ крайностей обострять. Для спасенія „землевладѣльческаго сословія, издавна служившаго устоемъ“, повышательную тенденцію, разумѣется, начальники считаютъ необходимымъ усиливать. И дѣлать это приходится при не совсѣмъ благопріятныхъ условіяхъ. Во-первыхъ, агрикультура, способная вынести высокія цѣны на землю, — пока музыка будущаго, а „цѣны“ нужны сейчасъ. Во-вторыхъ, часть „землевладѣльческаго сословія“ явно склонна „освободиться отъ земли“. Между прочимъ, къ любопытнымъ результатамъ приводитъ опытъ надѣленія дворянъ полноцензовыми участками изъ земель Крестьянскаго банка: нерѣдко дворянинъ, получившій земельку по исключительно дешевой цѣнѣ, торопится продать ее крестьянамъ, наживаетъ на этой операціи, примѣрно, 20-30 тысячъ рублей, и „вполнѣ доволенъ“. Въ-третьихъ, „нормальныя цѣны“ должны существовать при условіи особо льготнаго—хотя и незаконнаго—надѣленія привилегированныхъ лицъ участками изъ земель Крестьянскаго банка и по возможности безмезднаго надѣленія таковыхъ же лицъ крупными участками изъ казеннаго земельнаго фонда Сибири. Юридически вопросъ о сибирскихъ земляхъ пока лишь въ проектѣ. Но фактически за одинъ только 1913 г. въ Сибири роздано крупными участками „предпринимателямъ“ около 500.000 де-

сятинъ [1]). Другими словами, кто-то долженъ платить за землю „нормальныя цѣны“, хотя есть возможность получить крупныя пространства даромъ или почти даромъ.

Очень обострить повышательную тенденцію при этихъ условіяхъ было бы крайне трудно, еслибы не удачное распредѣленіе труда между двумя братьями, коими въ послѣдніе годы одновременно управлялъ камергеръ Хрипуновъ. Дворянскій банкъ „нормальными“ оцѣнками и щедрыми ссудами спасаетъ сословное землевладѣніе отъ распродажи. Вслѣдствіе этого Крестьянскій банкъ, имѣя въ своемъ распоряженіи свыше 6 милліоновъ десятинъ, оказался крупнѣйшимъ, а мѣстами почти монопольнымъ продавцомъ земли для крестьянства. И на младшаго брата естественно упала задача: устанавливать нормальныя цѣны для покупателей. Правда, сильный подрывъ все время дѣлала крестьянская надѣльная земля, которая по „укрѣпленіи въ единоличную собственность“ бойко пошла на рынкѣ и при томъ по цѣнамъ значительно ниже банковскихъ. Но это лишь значитъ, что задача все-таки трудна.

Не одни соціально-политическія соображенія диктуютъ Крестьянскому банку заботу о поддержкѣ „нормальныхъ цѣнъ“. Есть соображенія и ариѳметическія. Вѣдь, банкъ и скупаетъ землю по „нормальнымъ цѣнамъ“. А затѣмъ у него въ рукахъ она быстро обростаетъ многоразличными накладными расходами. „Банковская машина — пишетъ, напр. корреспондентъ „Русскаго Слова“—тяжела и безумно дорога“:

Приходится оплачивать роскошныя помѣщенія, прямо дворцы, отдѣленій банка. Въ одномъ приволжскомъ городѣ крестьянъ въ такой дворецъ пускаютъ только съ особаго чернаго хода. Приходится оплачивать „работу“ ликвидаторовъ-правовѣдовъ, присланныхъ изъ центральнаго отдѣленія для оцѣнки земель... путевые расходы непремѣнныхъ членовъ... ихъ огромныя наградныя, недешевый фаворитизмъ управляющихъ и т. п.

Административный механизмъ Крестьянскаго банка самъ по себѣ громоздокъ и дорогъ. Банкъ завелъ, кромѣ того, многоразличныя излишества. Порою до курьезовъ. Въ саратовскомъ, напр., отдѣленіи учреждено нѣчто вродѣ „освѣдомительнаго бюро“: здѣсь, по словамъ той же газеты,

пишутъ полемическія статьи въ защиту Крестьянскаго банка; онѣ печатаются въ текстѣ черносотенной газеты „Волга“ за особую плату, какъ объявленія...

Т. е. въ сущности банкъ платитъ субсидію дружественной ему печати. И все это, если не полностью, то въ значительной части ложится накладнымъ расходомъ на скупленную землю.

[1]) „Русскія Вѣдомости“, 11. III.

Далѣе, въ земельномъ фондѣ банка довольно скоро обнаружена „усушка“: „скупка помѣщичьихъ земель производилась хаотически; обмѣра подчасъ не было; вѣрили планамъ, а планы бывали со всячинкой“... „Въ результатѣ“ по одной только Саратовской губерніи, „когда подвели итогъ, не досчитались въ натурѣ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ земли“.[1] Усушку также пришлось отнести къ накладнымъ расходамъ.

Скупленную у помѣщиковъ землю не просто предполагалось продать крестьянамъ. Ее стали средствами банка размежевывать и разбивать на хутора. Разбивали сгоряча, на спѣхъ, не стѣсняясь въ расходахъ. Разбивали хаотически, не имѣя общаго плана и точныхъ инструкцій,—„кто какъ хотѣлъ и умѣлъ“. Временная инструкція появилась въ 1908 г.,—когда пятая, а мѣстами и четвертая часть земель была уже разбита на хутора. „Пришлось всю огромную и дорогую работу пустить на смарку и начать разбивку вновь „уже по инструкціи“. Траты опять-таки легли на землю банка накладнымъ расходомъ.

Наконецъ, не вся скупленная земля предназначена для законныхъ покупателей Крестьянскаго банка. Наиболѣе цѣнные—въ особенности усадебные и пріусадебные—участки вырѣзаны изъ общаго оборота. Одни изъ нихъ предназначены для привилегированныхъ лицъ, каковымъ и передаются на особо льготныхъ условіяхъ и по особо льготнымъ цѣнамъ. Другіе „культурные уголки“ отведены для цѣлей „показательнаго хозяйства“, которое сталъ вести также банкъ. Въ видѣ примѣра беру газетныя свѣдѣнія объ одномъ изъ такихъ „культурныхъ уголковъ“. Называется хуторъ Надеждино. Находится въ Бугурусланскомъ уѣздѣ. Раньше входилъ въ огромное имѣніе кн. Голицыной. Изъ этого имѣнія банкъ вырѣзалъ 400 десятинъ усадебной и пріусадебной земли.

Развелъ садъ, огородъ, парники. Устроилъ молочную ферму, маслобойный заводъ. Куплено 60 лошадей. Вырыты два пруда, одинъ изъ прудовъ засслен цѣнной рыбой.

Домъ-дворецъ прежняго владѣльца, многочисленные флигеля, мебель, дорогіе экипажи.... Оффиціально все это считается показательнымъ хозяйствомъ для окрестныхъ крестьянъ.

На самомъ же дѣлѣ устроено „Монрепо“ для чиновниковъ банка. Истекшимъ лѣтомъ въ этомъ „Монрепо“ жили: самъ управляющій банкомъ Верховскій, два непремѣнныхъ члена самарскаго отдѣленія, непремѣнный членъ саратовскаго отдѣленія. Всѣ съ семьями. Каждый въ отдѣльномъ флигелѣ съ мебелью. Всѣ пользовались банковскими лошадьми и пр. За пользованіе всѣмъ этимъ всѣ дачники уплатили въ доходъ банка... по 25 рублей каждый („Русское Слово“, 19. I. 1914).

---

[1] „Русское Слово“, 12. II. 1914.

Въ конечномъ итогѣ всѣ эти „культурные уголки" падаютъ также накладнымъ расходомъ на земли, предназначенныя для обыкновенныхъ „не культурныхъ" покупателей...

Удобная земля у банка, или неудобная, доходная или бездоходная, подвергается ли обработкѣ и меліораціи, или лежитъ впустѣ и дичаетъ,—но накладные расходы на нее изъ года въ годъ ростутъ. И цѣна растетъ какъ бы сама собою, механически На бумагѣ ростетъ, въ книгахъ банка, по подсчетамъ банковскихъ чиновниковъ. Бумажное повышеніе не такъ просто реализовать. Но это ужь вопросъ „практики". Къ ней и перейдемъ.

VI.

Начну съ простѣйшаго случая, описаннаго корреспондентомъ „Кіевской Мысли". Нѣкая деревня Дзигоры издавна „арендовала поля и выгоны у помѣщика". И безъ этой аренды обойтись не можетъ. Помѣщикъ продалъ землю банку... Банковскій чиновникъ пріѣхалъ въ Дзигоры и приказалъ созвать сходъ:

— Почемъ, говоритъ, даете за десятину?

Обсудили міромъ и предложили по сотнѣ рублей. Больше не стоитъ, потому что земля бугристая, овражистая, а мѣстами голый камень.

— Ахъ вы, говоритъ, такіе-сякіе... Да я, говоритъ, поѣду въ Топалово и ему продамъ землю. А вы останетесь только на своихъ усадьбахъ.

Поѣхалъ онъ въ Топалово. А тамъ предложили только по 50 рублей за десятину. Выругался—и опять пріѣхалъ въ Дзигоры.

— Ну, что, говоритъ, обдумали?

А мужики уже сообразили, что они теперь въ рукахъ банка. Захочетъ—помилуетъ, захочетъ—и въ арендѣ откажетъ. Поняли свое положеіне.

— Такъ ужь вы, ваше благородіе, сами оцѣните...

И купили они эту землю кругомъ по 240 р. за десятину, включая сюда и 70 десятинъ подъ камнемъ и овражками („Кіевская Мысль", 6. II. 1914).

Это—старый способъ, примѣнявшійся до окончательнаго торжества хуторомaніи. Тогда банкъ не столь рѣзко уклонялся отъ продажъ обществамъ и товариществамъ. Когда пошла хуторомaнія, способъ „поддерживать нормальныя цѣны", конечно, видоизмѣнился. Для примѣра беру свѣдѣнія о распродажѣ Крестьянскимъ банкомъ земель, перешедшихъ къ нему отъ удѣльнаго вѣдомства въ Гвардейскомъ хуторѣ Аткарскаго уѣзда. Земли тутъ около 12.000 десятинъ. Съ давнихъ поръ ее арендовали у вѣдомства удѣловъ крестьяне десятка мѣстныхъ селеній мелкими участками—по 2, 3, 5 десятинъ на семью. Арендовали и не могутъ обойтись безъ аренды. Но имѣніе перешло отъ удѣловъ къ банку. И банкъ не пожелалъ продать всю землю сразу обществамъ, не пожелалъ продать и мелкими участками. Имѣніе было разбито на болѣе крупные участки,—въ среднемъ по 15 десят. на каждый. Ихъ могутъ желающіе покупать, могутъ, пожалуй, и арендовать. Но не

группами, а единолично. На всѣхъ, конечно, при новой разверсткѣ не хватитъ. Только пятая часть мѣстныхъ хозяйствъ можетъ быть удовлетворена банковскими „отрубами". Всѣ прочія мѣстныя хозяйства—„тысячи крестьянъ"—

останутся безъ арендной земли, т. е. будутъ совершенно раззорены. Надѣлъ кормить ихъ не можетъ, а арендовать имъ негдѣ.

Такую же картину—пишетъ корреспондентъ „Русскаго Слова" (15. II. 1914)—мнѣ пришлось наблюдать въ Саратовскомъ уѣздѣ около села Усовки. Тамъ тоже Крестьянскій банкъ купилъ землю, изстари арендуемую крестьянами. И создалъ положеніе такое, что на тысячи семей приходится только 300—400 отрубовъ.

Тамъ, въ Дзигорахъ, банкъ придерживался „рутины". Здѣсь онъ дѣйствуетъ по-новому—насаждаетъ единоличное владѣніе. Споры о преимуществахъ и недостаткахъ единоличнаго владѣнія сложны. И намъ сейчасъ углубляться въ нихъ нѣтъ нужды. Но вотъ важная задача банка, которую министерство финансовъ опредѣляетъ словами: „поддерживать нормальныя цѣны". Съ этой точки зрѣнія и попытаемся взвѣсить оба способа продажи,—старый и новый.

Тамъ, въ Дзигорахъ, мужики „согласились" заплатить въ $2^1/_2$ раза дороже, чѣмъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало; согласились потому, что, во-первыхъ, податься некуда, а, во-вторыхъ, и угрозы подѣйствовали. Здѣсь, въ Гвардейскомъ хуторѣ, мужики „сами дадутъ", —потому что получился какъ бы аукціонъ на предметъ первѣйшей необходимости: участковъ мало, а хозяйствъ, которыя безъ арендной земли не могутъ прожить, много. Цѣна, значитъ, все равно получится „нормальная". Но нѣкоторыя побочныя обстоятельства существенно различны.

Въ Дзигорахъ удовлетворены—хотя и условно и лишь на первое время—всѣ мѣстныя крестьянскія хозяйства. Земельный голодъ даннаго маленькаго района, быть можетъ, не очень смягченъ, но онъ не обостренъ. Въ Гвардейскомъ хуторѣ землю можетъ получить лишь четвертая или даже пятая часть мѣстныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Всѣ остальныя теряютъ и то, что имѣли. Среди нихъ земельный голодъ рѣзко обостряется. А земельный голодъ крестьянства и есть вѣдь одна изъ главнѣйшихъ причинъ высокихъ цѣнъ на землю. Ихъ главнымъ образомъ потому вѣдь и удается „поддерживать", что мужику „до зарѣзу нужна" земля и онъ готовъ платить за нее „сумасшедшія деньги"... Конечно, мѣстныя условія крайне пестры. Если, напр., у банка земля овражистая, каменистая, годная лишь для выгона, да и то плохого, то на хутора ее при всемъ желаніи не разобьешь и надо продавать по старинѣ обществамъ. Но, говоря вообще, распродажа отрубами обладаетъ явными преимуществами.

„Нормальныя цѣны" поддерживаются. Но за ними идетъ расплата. Выше я привелъ разсказанное корреспондентомъ „Кіевской

Мысли", — какъ деревня Дзигоры согласилась заплатить за землю въ $2^1/_2$ раза дороже, чѣмъ слѣдовало бы. Погналъ въ кабалу страхъ немедленнаго раззоренія. Но, разумѣется, деревня не спаслась, а лишь добилась отсрочки и при томъ цѣною тяжкихъ жертвъ. Та же газета описываетъ, что было дальше. Деревня подписала обязательства на выданную банкомъ ссуду, заплатила банку „верхи" (разность между цѣной и ссудой). Затѣмъ начались обычные платежи по ссудѣ. Въ первый годъ заплатить трудно. Во второй еще труднѣе, въ третій еще и еще труднѣй... Земля не можетъ вынести платежей, исчисленныхъ съ превышеніемъ въ 2 - 3 раза противъ ея реальной въ данный моментъ стоимости. Деревня бьется. Не доходы получаетъ отъ земли, на которой трудится, а ищетъ всяческихъ постороннихъ подсобныхъ и подспорныхъ заработковъ, чтобъ внести въ банкъ платежи. И втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ деревня раззорилась до корня. Хозяйство, и прежде неважное, истощено донельзя, землю не нынче—завтра отберутъ, ибо платить банку нечѣмъ. Впереди—сума... Въ Саратовской губерніи газеты отмѣчаютъ общій вопль кліентовъ Крестьянскаго банка:

— Земля не поднимаетъ тѣхъ цѣнъ, какія заплачены за нее...

— Земля не покрываетъ тѣхъ платежей, какія на нее начислилъ банкъ.

И не только въ Саратовской губерніи жалуются. Повидимому, это—общее явленіе: кліенты Крестьянскаго банка прежнихъ, „дореволюціонныхъ", временъ живутъ всяко, — иные разоряются, другіе, наоборотъ, экономически крѣпчаютъ; о кліентахъ „пореволюціоннаго" времени, отягощенныхъ „нормальными цѣнами", свѣдѣнія почти сплошь неутѣшительныя, — платежи банку съѣдаютъ все, съѣдаютъ запасный капиталъ, съѣдаютъ инвентарь, необходимѣйшій въ хозяйствѣ скотъ... Мѣстами эти свѣдѣнія провѣрены земскими обслѣдованіями хуторянъ, поселившихся на земляхъ банка. Дѣйствительность оказывается воистину плачевной. Вотъ, напр., суммарные результаты обслѣдованія по Лукояновскому уѣзду: „у 30% хуторянъ нѣтъ лошадей, 25% совсѣмъ не имѣютъ рогатаго скота, у половины хуторянъ нѣтъ мелкаго скота" и т. д. Все идетъ къ „ликвидаціи", къ назначенію участковъ банкомъ въ продажу. А ликвидація вноситъ новыя осложненія.

Въ статьѣ „Крестьянскій Генрихъ Блокъ", напечатанной въ іюньской книжкѣ „Русскаго Богатства" за 1909 г., документально вскрыты оригинальныя особенности бухгалтеріи Крестьянскаго банка. Если кліентъ платитъ съ трудомъ, пропускаетъ сроки и подвергается начисленію пеней, то сумма долга банку не уменьшается, а увеличивается, не смотря на долголѣтніе, хотя и не вполнѣ аккуратные, платежи. Если кліентъ былъ втеченіе 4—5 лѣтъ вполнѣ аккуратенъ, но за послѣднія три полугодія уплатить не могъ и довелъ свое имѣніе до публикаціи къ продажѣ, то сумма долга опять-таки не уменьшается, а увеличивается... Въ

данное время условія таковы, что масса кліентовъ не можетъ быть вполнѣ исправными плательщиками. Значитъ, казалось бы, все идетъ къ лучшему въ нашемъ лучшемъ изъ міровъ: кліенты съ великимъ трудомъ, съ задержками, но платятъ и платятъ, а долгъ банку все ростетъ да ростетъ, и земля для тѣхъ, кто ею владѣетъ съ помощью Крестьянскаго банка, становится все дороже и дороже...

Но это лишь одна сторона. Есть и другая. Большое осложненіе вносятъ такъ называемые „верхи". Чтобъ пояснить, напомню изъ данныхъ, опубликованныхъ въ упомянутой статьѣ хотя бы такой примѣръ. Фезевское товарищество въ Дисненскомъ уѣздѣ. Въ апрѣлѣ 1901 г. оно купило у помѣщика землю за 28.000 р. Изъ нихъ 9.000 р. — „верхи" — уплатило продавцу наличными, а остальные 19.000 р. покрыты ссудой крестьянскаго банка. Съ трудомъ и неаккуратно Фезевское товарищество вносило платежи 8 лѣтъ, внесло около 3.800 р., а къ 25 марта 1909 г. было должно банку 22.103 р. 57 коп... Несмотря на платежи, долгъ выросъ на 3.103 р. 57 коп... Такова, повторяю, бухгалтерія банка. Великолѣпная бухгалтерія. Но, представьте, земля Фезевскаго товарищества поступила бы въ томъ же хотя 1909 г. на торги. Здѣсь ее кто-либо могъ бы купить, взявъ на себя долгъ банку, за 22—23 тыс. рублей, а, между тѣмъ, въ 1901 г. она стоила 28.000 р. „Верхи" пропали. И потому земля стала какъ будто дешевле... Такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянами-покупщиками произведена уплата „верховъ", создается довольно парадоксальное положеніе:

— Купить у банка землю дорого, но ту же или такую же землю, назначенную банкомъ на торги, можно пріобрѣсти дешевле, а порою и значительно дешевле. Массовая ликвидація представляетъ сама по себѣ, такъ сказать дипломатическое неудобство,—своего рода изобличеніе банковскихъ грѣховъ. Сверхъ того, она способна колебать земельныя цѣны. Тѣмъ легче повѣрить недавнему офиціальному заявленію Крестьянскаго банка, что онъ стремится возможно болѣе незначительную часть назначенныхъ къ продажѣ участковъ доводить до торговъ, примѣняетъ всѣ законные способы, чтобы дать недоимщикамъ отсрочку и льготу. Извѣстно, далѣе, что отдѣленіями банка принимаются мѣры,—главнымъ образомъ экзекуціонныя—чтобы возможно меньше имѣній назначалось къ продажѣ. Одно время удалось достигнуть значительнаго паденія числа назначеній къ продажѣ и распродажѣ. Но съ конца 1912 г., не смотря на всѣ усилія, ликвидаціонныя цифры снова ростутъ. На весенніе торги 1913 г. было назначено 16.000 имѣній (площадь 855 тыс. десятинъ). На осенніе торги того же года — 21.000 имѣній (площадь 1 милліонъ десятинъ). На весенніе торги нынѣшняго года, повидимому, больше; офиціальныхъ итоговъ еще нѣтъ; мой приблизительный подсчетъне полныхъ данныхъ далъ цифру: около 25.000 участковъ. Ростетъ и число имѣній, доведенныхъ до тор-

говъ: весною 1913 г. 10.000 десятинъ, осенью—30.000 десятинъ.

Десятки тысячъ десятинъ по русскимъ масштабамъ—„не Богъ вѣсть что". Но нѣкоторое понижательное давленіе на цѣны все таки получается. До послѣдняго времени эта опасность устранялась, между прочимъ, особымъ порядкомъ торговъ. Торги нерѣдко производились „въ-глухую". По небрежности ли, или по инымъ причинамъ, но провинціальныя отдѣленія банка не исполняли всего, что требуется для публикаціи о торгахъ. Объявленія разсылались скупо, не во всѣ мѣста, куда слѣдовало бы. И выходило такъ: торги назначены, но на нихъ никто не явился и земля осталась за банкомъ. И эта уже удешевленная погибшими мужицкими верхами земля въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашла себѣ другое, „болѣе благородное" употребленіе. Относительно, по крайней мѣрѣ, Саратовской губерніи имѣются такія газетныя свѣдѣнія: земля, оставшаяся за банкомъ на торгахъ, разбивается по-новому на участки и распродается, между прочимъ, помѣщикамъ, едва-ли согласно закону, но на льготныхъ условіяхъ [1]). Такимъ образомъ самъ банкъ изъемлетъ часть удешевленной верхами земли изъ фонда, предназначеннаго для обыкновенныхъ покупателей.

И все бы шло хорошо. Но явился конкурентъ. Пользоваться глухими торгами пожелали и разныя частныя лица. Мало того,—нѣкоторые сельскіе богатѣи придумали способъ, весьма тонкій. Въ свое время мнѣ приходилось отмѣчать возникновеніе въ поволжскихъ губерніяхъ своеобразныхъ шаекъ: міроѣды, соблазненные возможностью пріобрѣсти банковскіе „хуторки" на торгахъ со скидкою уже уплаченныхъ „верховъ", входятъ въ соглашеніе съ волостнымъ писаремъ, писарь „затериваетъ", задерживаетъ или „засылаетъ" бумаги, и кліенты банка до самаго послѣдняго момента остаются въ блаженномъ невѣдѣніи,—предупрежденій не получали, о торгахъ не слышали и вдругъ узнаютъ, что ихъ земелька уже продана... Явленіе было отмѣчено печатью. Главный совѣтъ Крестьянскаго банка съ своей стороны обратилъ вниманіе. И какъ разъ по Саратовской губерніи часть торговъ, на которыхъ землю купили частныя лица, была не утверждена, при чемъ въ офиціальныхъ мотивахъ главнымъ совѣтомъ указывалось, что торги произведены неправильно, объявленія не посланы, куда слѣдовало, и т. д. Узнавъ объ этомъ, крестьяне, участки которыхъ на тѣхъ же торгахъ и при тѣхъ же обстоятельствахъ остались за банкомъ, стали обращаться въ Петербургъ съ жалобами на допущенныя и уже признанныя офиціально неправильности. Главный совѣтъ сразу измѣнилъ свое мнѣніе,—неправильное стало вдругъ правильнымъ и торги, на которыхъ участки остались за банкомъ, не подлежащими отмѣнѣ. Тогда крестьяне обратились въ судъ. При

---

[1]) „Русское Слово", 11 февраля, 1914 г.

разсмотрѣніи первыхъ же дѣлъ этой серіи саратовскимъ окружнымъ судомъ

открылись поразительныя дѣйствія Крестьянскаго банка. Банкъ не только не разсылалъ объявленій о продажѣ имѣній съ торговъ по волостнымъ правленіямъ, но даже на запросы заинтересованныхъ сторонъ давалъ невѣрныя справки.

Судъ призналъ торги неправильными, постановилъ отобрать у Крестьянскаго банка оставшіяся за нимъ на торгахъ имѣнія, возвратить послѣднія истцамъ... („Русское Слово", 11. II).

На банкъ же судомъ возлагаются „судебныя издержки и за веденіе дѣла"... Конечно, это лишь судъ первой инстанціи. Но и послѣ него „глухіе торги" врядъ-ли удобно практиковать. Кліентовъ банка это отнюдь не устраняетъ. Но для иныхъ прочихъ возможность купить на торгахъ земельку по сравнительно дешевымъ цѣнамъ расширяется.

Надо однако сказать, что эта опасность грозитъ главнымъ образомъ со стороны земель, находящихся у старыхъ кліентовъ банка. Кліенты новые, которымъ земля продана въ самые послѣдніе годы, живутъ—по крайней мѣрѣ, мѣстами—на особомъ положеніи.

Мнѣ пришлось—разсказываетъ корреспондентъ „Русскаго Слова" (13. II)—посѣтить отрубные поселки въ Саратовской губерніи. Во всѣхъ этихъ поселкахъ меня встрѣчали мольбой:

— Дайте намъ данныя...

Крестьяне думали, что я—отъ Крестьянскаго банка... Оказывается, банкъ систематически задерживаетъ выдачу данныхъ (купчихъ крѣпостей)... На Гуляевскихъ отрубахъ (Аткарскаго уѣзда) говорили мнѣ:

— Черезъ данныя раззорились.

Имъ обѣщали выдать данныя сейчасъ же, какъ только они внесутъ „верхи". 67 семей ликвидировали свои дѣла „по старинѣ" и съ 1000 руб. на каждую семью пріѣхали на новыя мѣста. Внесли „верхи", но данныхъ не получили. . Подождите да подождите". *Держали ихъ арендаторами*, заставляя платить большую сумму и создавъ среди нихъ неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Въ концѣ концовъ раззорились...

Та же картина на Агафоновскихъ отрубахъ.

Это—„картина". А вотъ ея отдѣльный штрихъ:

Нѣкій Вознюкъ заплатилъ верхи, заплатилъ недоимки своего предшественника по владѣнію, сбѣжавшаго въ Сибирь, отдалъ срочный платежъ, но купчей не получилъ.

— Подожди, успѣешь, надоѣлъ, не приставай, — говорили ему „банкари"...

Наконецъ, въ декабрѣ 1913 г. банкари обрадовали Вознюка:

— Мы переоцѣнили твой отрубъ... Теперь онъ стоитъ не 1840 руб., за которые ты купилъ, а 2600... Доплати верхи...

Вознюкъ опѣшилъ:

— Пять лѣтъ была одна оцѣнка, а теперь другая. Я бы не сѣлъ на такую дорогую землю. Мнѣ не по силамъ.

— Ну, убирайся съ земли.

Погоревалъ Вознюкъ. Продалъ скотину и отдалъ дополнительные „верхи".

Дайте же данную.

— Подожди...

— Бросай все и тикай шукать земельки въ Сибирь, — говорилъ въ отчаяніи Вознюкъ („Русское Слово", 13. II).

Общія очертанія обрисовываются такъ. Покупатель купилъ. Уплатилъ разность между цѣной и ссудой, какъ назначено банкомъ. Но банкъ не признаетъ его собственникомъ. Будешь и собственникъ, но не раньше, чѣмъ получишь данную. „Подожди". А пока живи, если хочешь, на участкѣ, но не въ качествѣ собственника, а въ качествѣ арендатора. И вноси при этомъ арендную плату. Вообще она значительно выше, чѣмъ срочные платежи по ссудѣ. Сверхъ того, аренда изъ года въ годъ повышается банкомъ. Наконецъ, купившій попадаетъ подъ перекрестный огонь обязательствъ: срочные платежи по ссудѣ онъ долженъ вносить, и аренду тоже какъ будто обязанъ платить... И получается то, о чемъ крестьяне не безъ основанія говорятъ: „хуже крѣпостного права", „вся воля банкарей". Захотятъ,—будутъ взыскивать арендную плату, помимо срочныхъ платежей по ссудѣ. Смилуются—взыскивать аренду не станутъ. Разсердишь,—могутъ сразу взыскать. Если можно вдругъ назначить за давно проданный участокъ новую цѣну, значитъ,—сдѣлка даже въ книгахъ банка, вѣроятно, не оформлена. И, стало быть, неизвѣстно, на какомъ собственно основаніи и въ какомъ качествѣ числятся уплаченные банку „верхи"? Можно ихъ перечислить, напр., въ арендную плату или нельзя? Купившій землю возводитъ постройки. Но вѣдь у него нѣтъ данной. Онъ—арендаторъ. И въ качествѣ арендатора онъ на слѣдующій годъ можетъ быть выдворенъ съ земли. Какъ покупатель и собственникъ, онъ имѣетъ свои хозяйственные разсчеты. Какъ арендаторъ, онъ обязанъ вести хозяйство согласно инструкціямъ и требованіямъ банкарей. Завелъ бы, положимъ, особо цѣнныя культуры и многополье. А банкъ требуетъ зернового хозяйства. И до полученія „данной"—надо покоряться. Какъ покупатель и собственникъ, онъ можетъ оплачивать ссуду лишь урожаемъ. Но такъ какъ онъ считается пока арендаторомъ, то его урожай вдругъ можетъ быть арестованъ банкомъ. „Банкари" требуютъ платежей. Мужикъ платитъ. Но что именно платитъ? Недоимки по прежнимъ срочнымъ платежамъ? Очередные платежи по ссудѣ? Или аренду? Разумѣется, плательщикъ въ правѣ требовать точныхъ отвѣтовъ на эти вопросы. Но боязно спросить „банкарей", — а вдругъ разсердятся и придадутъ сердитый оборотъ слишкомъ неопредѣленнымъ и запутаннымъ отношеніямъ. Всегда есть опасность услышать—„въ одинъ скверный день"—

— Ты совсѣмъ не покупатель и не собственникъ. И не будетъ тебѣ никакихъ данныхъ и купчихъ.

Газеты—напр., „Русское Слово" (13. II)—говорятъ о тысячахъ покупателей, которыхъ банкъ, продержавъ нѣкоторое время въ

неопредѣленномъ положеніи „безъ данныхъ", лишаетъ правъ на купленную землю и окончательно переводитъ въ разрядъ арендаторовъ. Это—развязка по иниціативѣ банка. Есть многочисленныя извѣстія о развязкахъ по иниціативѣ самихъ покупателей: сообразивъ бѣдственность двусмысленнаго и неопредѣленнаго положенія, они бросаютъ землю, бросаютъ „верхи", уплаченные банку, бросаютъ уже произведенные срочные платежи по ссудѣ, бросаютъ „все", стараются спасти лишь остатки достоянія и бѣгутъ въ Сибирь, въ Среднюю Азію, куда угодно,—лишь бы подальше отъ „банкарей".

Мотивы и побужденія „банкарей", дѣйствующихъ столь странно, намъ неизвѣстны. Вѣроятно, во многихъ случаяхъ, у мелкихъ чиновъ нѣтъ сознательной цѣли, а есть простое чиновничье самодурство. Есть, быть можетъ, и злой психозъ нашего времени—народоненавистничество. Есть иное многое: небрежность, неряшливость и пр., и пр. Но „субъективные моменты" оставимъ въ сторонѣ. Объективное же значеніе данной системы поддается нѣкоторому суммарному учету. Свыше 6 милл. десятинъ числится у банка. Изъ нихъ нѣсколько больше половины считаются проданными; значительная часть остальныхъ 3 милліоновъ десятинъ „ходитъ въ арендѣ". Крестьянскій банкъ—крупнѣйшій продавецъ земли. Онъ и едва-ли не самый крупный арендодатель. Какъ продавецъ, онъ не только диктуетъ „нормальныя цѣны". Онъ устанавливаетъ такіе условія и порядки, которыя побуждаютъ покупателей, не предполагающихъ уйти въ Сибирь, всячески искать частновладѣльческой продажной земли. Для покупателя выгоднѣе переплатить частному владѣльцу—по сравненію съ банковской цѣной—даже большую сумму. Хоть и переплатишь, за то будетъ крѣпко. А у „банкарей" купишь—да не получишь. То же самое Крестьянскій банкъ дѣлаетъ и въ качествѣ крупнѣйшаго арендодателя. Не только поддерживаетъ высокія арендныя цѣны. Не только изъ года въ годъ повышаетъ ихъ. Онъ устанавливаетъ совершенно исключительныя условія аренды. И тѣмъ опять таки побуждаетъ всемѣрно искать арендной земли у частныхъ владѣльцевъ. Выгоднѣе платить значительно высшую цѣну за аренду частной земли, ибо меньше риска. Каковъ бы ни былъ помѣщикъ-арендодатель, хоть зубръ, хоть раззубръ, но если онъ не вовсе сумасшедшій человѣкъ, то, по крайней мѣрѣ, не арестуетъ въ разгаръ уборки весь урожай и не сгноитъ. А банкари, какъ мы видѣли, способны и на это. Пусть даже помѣщикъ, паче чаянія, арестуетъ. Пусть самовольно возьметъ, сколько находитъ нужнымъ, за аренду, пусть при этомъ лишнее возьметъ, но остальное все-таки отдастъ. Помѣщику просто невыгодно уродничать безъ толку и связываться тяжбами. А банкари, оказывается, способны все взять, все сгноить и потомъ еще арендную плату взыскивать.

А Петрищевъ.

Обозрѣніе иностранной жизни

1. Новый итальянскій кабинетъ. „Типы итальянскихъ политиковъ".—2. Кровь, грязь, золото на почвѣ Третьей республики.

I.

Еще въ ноябрѣ прошлаго года, говоря о результатахъ итальянскихъ выборовъ, кончившихся торжествомъ премьера Джолитти, я высказывалъ предположеніе, что, не смотря на значительное большинство своихъ сторонниковъ въ парламентѣ, министерство можетъ быть „взорвано извнутри". Этотъ взрывчатый матеріалъ я находилъ въ радикальныхъ членахъ кабинета. Достаточно будетъ — предполагалъ я — враждебнаго отношенія радикальной партіи къ кабинету, и онъ потеряетъ равновѣсіе. Такъ и случилось. Незначительная по числу (около 70 человѣкъ) и далеко не вся враждебно настроенная къ Джолитти, радикальная партія была тѣмъ не менѣе той парламентарной апельсинной коркой, на которой поскользнулся и упалъ ловкій премьеръ. Упалъ, сдѣлавъ, впрочемъ, видъ, что подаетъ въ отставку по доброй своей волѣ, а отнюдь не вынуждаемый какой-либо политической необходимостью.

Дѣло было такъ. Вскорѣ послѣ созыва новой палаты итальянскіе радикалы, на подобіе своихъ французскихъ собратій, ощутили потребность созвать партійный конгрессъ и попытаться на немъ яснѣе опредѣлить свою тактику. Я уже говорилъ раньше, что радикальная партія Италіи не отличается особою вѣрностью своимъ принципамъ. А подъ вліяніемъ африканской авантюры,—вскружившей, впрочемъ, голову почти всѣмъ итальянскимъ партіямъ,— она растеряла добрую половину своихъ политическихъ убѣжденій. Будируя на Джолитти за его, какъ ей казалось, мирволенье клерикализму, она въ лицѣ немалаго числа своихъ членовъ не шла прямо противъ премьера. Однако рѣзкій характеръ оппозиціи проявленной крайнею лѣвою, въ особенности же ортодоксальными соціалистами, внушилъ мысль наиболѣе чистымъ представителямъ радикализма отмежеваться отъ Джолитти и перестать служить поддержкою его ловкимъ комбинаціямъ. Конгрессомъ была принята резолюція, въ которой говорилось, что радикалы могли поддерживать Джолитти только въ цѣляхъ проведенія демократическихъ реформъ. Но это вовсе не значитъ, что они должны идти покорно въ рядахъ его большинства при всякихъ условіяхъ. У нихъ есть молъ, и своя программа, которою они отнюдь не желаютъ поступиться въ интересахъ главы кабинета.

Вскорѣ послѣ этого и дебаты въ палатѣ повернулись такимъ образомъ, что внушили радикаламъ мысль снятьсъ съ себя хотя нѣко-

торую долю отвѣтственности за политику премьера. Оппозиція радикаловъ была при этомъ очень поверхностной и не касалась самой сути джолиттіанской политики. Случилось обыкновенное несчастіе, которое постигаетъ слабыя партіи, какъ и слабыхъ людей, когда, снявъ съ себя голову, они начинаютъ плакать по волосамъ и, принявъ извѣстный принципъ, вдругъ въ страхѣ отскакиваютъ назадъ отъ его неизбѣжныхъ послѣдствій. Въ одной изъ предыдущихъ статей я попытался охарактеризовать своеобразное настроеніе избирателей на послѣднихъ выборахъ. Суть въ томъ, что и у вновь привлеченнаго къ политической жизни населенія не оказалось повсюду достаточно гражданскаго мужества, чтобы рѣшительно отвергнуть триполитанскую политику. Радикалы отражали на себѣ всю межеумочность этой позиціи. Не возставая въ принципѣ противъ похода въ Африку, они возражали лишь противъ частностей его и противъ чрезмѣрности связанныхъ съ нимъ издержекъ.

Вотъ почему, когда послѣ четырехнедѣльныхъ преній въ парламентѣ о ливійской экспедиціи дѣло дошло до голосованія, за Джолитти вотировало огромное большинство палаты, въ томъ числѣ и радикалы, хотя ловкій премьеръ со свойственнымъ ему умѣніемъ эксплуатировать до конца благопріятное положеніе, патетически отказался отъ всякаго вотума довѣрія въ его пользу по этому вопросу, бросивъ эффектную фразу на счетъ того, что завоеваніе Африки есть вопросъ не министерскій, а обще-національный и патріотическій. Съ другой стороны, тѣ самые радикалы, которые охотно сопровождали Джолитти въ его тріумфальномъ шествіи къ Капитолію, сочли тактичнымъ прицѣпиться къ критикѣ издержекъ на экспедицію, съ большой энергіей выдвинутой соціалистами. Дѣйствительно, даже по очень оптимистическимъ вычисленіямъ министра казначейства, Тедеско, „ливійскіе" расходы лишь по 1 января 1914 г. равнялись 1.150 милліоновъ лиръ. А оппозиціи было легко доказать, что въ настоящее время эта цифра доходитъ уже до полутора милліардовъ. По мѣрѣ того, какъ выяснялась непрочность финансоваго положенія Италіи, соціалисты въ цѣломъ рядѣ засѣданій успѣшно доказывали, что случилось именно то, отъ чего они и предупреждали страну. А именно, триполитанская война должна была фатально поглотить всѣ государственныя средства, нужныя для проведенія соціальныхъ реформъ. Этотъ-то моментъ и выбрали радикалы для выраженія своей независимости отъ премьера.

И вотъ не успѣлъ Джолитти выйти изъ послѣдняго вотума настоящимъ тріумфаторомъ, какъ радикальная партія, опираясь на рѣшенія своего недавняго конгресса, въ особомъ совѣщаніи, составившемся главнымъ образомъ изъ партійныхъ депутатовъ, и приняла резолюцію отдѣлить въ парламентѣ свою тактику отъ тактики премьера и предложить радикальнымъ членамъ кабинета по-

дать въ отставку. Эта резолюція, кстати сказать, была принята лишь при очень неполномъ составѣ совѣщанія: на засѣданіи присутствовало всего 33 изъ 70 членовъ группы. Но такъ какъ приглашеніе выйти въ отставку обращалось, по крайней мѣрѣ, къ пяти министрамъ кабинета, то ловкій диктаторъ, называемый и своими друзьями, и своими врагами „Джолитти Африканскимъ", предпочелъ уйти добровольно, не дожидаясь кризиса. Выходило, что онъ удаляется не потому, что африканская политика вступила въ прямое противорѣчіе съ демократическими обѣщаніями его программы, а потому, что онъ свершилъ, такъ сказать, все, требуемое даннымъ историческимъ моментомъ, и оставлялъ Италію на рѣдкость счастливою и довольною. Между тѣмъ на самомъ-то дѣлѣ онъ возлагалъ тяжелое бремя на своихъ преемниковъ, которымъ придется разрѣшать крайне важные вопросы, связанные съ пошатнувшимся финансовымъ положеніемъ Италіи. Впрочемъ, Джолитти уже не разъ прибѣгалъ къ этому пріему добровольнаго ухода со сцены, чтобы заставить другихъ выпутываться изъ созданныхъ имъ затрудненій, а у друзей оставить желаніе снова видѣть своего лидера во главѣ партіи.

Джованни Джолитти представляетъ собою такой чисто національный типъ итальянскаго политика, что мнѣ хотѣлось бы нѣсколькими штрихами обрисовать его карьеру и отмѣтить характерныя черты его физіономіи. Джолитти родомъ изъ Пьемонта. Но въ немъ итальянскій маккіавелизмъ дополняется такою ловкостью политической игры, такою живостью и добродушіемъ обращенія, что впору хоть бы самому записному южанину. Начавъ со службы въ министерствѣ финансовъ, онъ лишь на 40-мъ году жизни, въ 1882 г., сдѣлался депутатомъ и очень скоро выдвинулся среди парламентаріевъ своими спеціальными знаніями, краснорѣчіемъ—и безпринципностью! Отличенный беззастѣнчивымъ Криспи, этимъ крупнѣйшимъ ренегатомъ гарибальдійства, который зналъ толкъ въ людяхъ и любилъ окружать себя себѣ же подобными, онъ вступилъ министромъ финансовъ въ кабинетъ Криспи 1889 г. Но ловкими ходами низвергъ какъ этотъ кабинетъ, откуда онъ вышелъ въ концѣ 1890 г., такъ и слѣдовавшее за нимъ министерство Рудини и, при поддержкѣ придворной клики, самъ сдѣлался премьеромъ въ маѣ 1892 г. Къ этому времени относится его болѣе, чѣмъ сомнительное поведеніе въ дѣлѣ директора римскаго банка, авантюриста Танлонго. Его Джолитти во что бы то ни стало хотѣлъ возвести въ достоинство сенатора. Но за укрывательство его преступныхъ дѣйствій и за цѣлый рядъ нарушеній, допущенныхъ имъ при разслѣдованіи банковыхъ операцій, онъ самъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, скрывался за границей и нанѣсколько лѣтъ совершенно исчезъ съ политической сцены съ цѣлью выждать время, пока забудутъ о его подвигахъ.

Лишь мало-по-малу онъ возвратился къ политической дѣя-

тельности. Но на сей разъ, съ свойственнымъ ему цинизмомъ внезапныхъ превращеній, онъ принялся защищать какъ разъ тѣ идеи, противъ которыхъ раньше отчаянно боролся. Теперь онъ заявлялъ себя сторонникомъ широкой демократической политики и апостоломъ полнѣйшей терпимости по отношенію къ соціалистическому движенію, — въ противоположность свирѣпому генералу Пеллу. Болѣе либеральная политика, начавшаяся послѣ убійства короля Гумберта (29 іюля 1900 г.), со вступленіемъ на престолъ Виктора Эммануила III, выдвинула Джолитти въ первые ряды демократовъ-реформаторовъ. Въ февралѣ 1901 г. онъ вошелъ въ кабинетъ Цанарделли въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ и, дѣйствительно, во время сильныхъ стачекъ, отмѣтившихъ начало XX-го вѣка въ Италіи, старался держаться на нейтральной почвѣ, отказываясь отъ посылки войскъ въ мѣста столкновенія труда съ капиталомъ. Правда, деспотическая натура бюрократа часто прорывалась и теперь у Джолитти не смотря на его авансы крайнимъ элементамъ. Такъ, въ іюнѣ 1903 г. онъ подалъ въ отставку только потому, что соціалисты требовали въ палатѣ анкеты по дѣлу злоупотребленій на пушечномъ заводѣ въ Терни. Между тѣмъ, сдѣлавшись въ ноябрѣ того же года самъ премьеромъ, Джолитти допустилъ не только эту анкету, но и гораздо болѣе широкое разслѣдованіе порядковъ всего морского и даже военнаго вѣдомства.

Начиная съ 1904 г., Джолитти дѣлаетъ снова вольтфасъ направо. Пользуясь реакціоннымъ настроеніемъ буржуазіи, перепуганной сентябрьской всеобщей стачкой этого года, онъ дѣятельно вмѣшивается въ ноябрьскіе выборы, въ результатѣ которыхъ крайніе лѣвые терпятъ значительный ущербъ и въ парламентѣ начинаютъ играть преобладающую роль „конституціонныя партіи“, центръ и правая. Въ палатѣ 1904—8 г. Джолитти продолжаетъ размахивать передъ депутатами большинства краснымъ пугаломъ, а въ странѣ уже совсѣмъ откровенно прибѣгаетъ къ политикѣ насилія подавляя войсками аграрныя стачки въ Феррарѣ и Пармѣ. Вмѣстѣ съ политикою Джолитти безпринципность все болѣе проникала въ парламентъ. И вмѣсто идейныхъ различій партіи стали отличаться одна отъ другой лишь степенью своей близостью къ премьеру и охотно вступали на путь компромиссовъ, куда толкалъ ихъ руководитель. Втеченіе этого времени онъ два раза продѣлывалъ обычные пріемы ложнаго выхода съ тѣмъ, чтобы укрѣплять свое положеніе. Его послѣднее премьерство въ кабинетѣ 30 марта 1911 г. характеризовалось уклономъ влѣво. Низвергнувъ Луццатти, онъ образовалъ новое министерство изъ еще большаго числа радикальныхъ элементовъ и ввелъ на сей разъ въ свою программу значительное расширеніе права подачи голосовъ, пенсіи для рабочихъ и государственную монополію страхованія жизни. Наконецъ, чтобы довершить характеристику Джолитти, упомянемъ, что за какихъ-

нибудь два мѣсяца до похода въ Африку онъ нисколько еще не думалъ объ этомъ предпріятіи, но, какъ только въ странѣ подулъ вѣтеръ шовинизма, вдругъ превратился въ отчаяннаго „ливійца“ и сталъ доказывать историческую необходимость захвата Триполи Италіей. А на послѣднихъ выборахъ онъ не побрезговалъ,—правда, не прямо, а при помощи своихъ сторонниковъ,—вступить въ избирательный союзъ съ католиками, которые во многихъ мѣстахъ дѣятельно поддерживали Джолитти и его партію.

Мы уже сказали, что, слѣдуя своему обыкновенію, Джолитти вышелъ изъ министерства настоящимъ тріумфаторомъ, съ высоко поднятой головой, которую его усердные друзья увѣнчали африканскими лаврами. Министерство подало офиціально въ отставку 10 марта. Удаляясь съ поста премьера, Джолитти не могъ отказаться и на сей разъ отъ коварнаго политическаго хода, посовѣтовавъ королю обратиться за составленіемъ новаго кабинета къ принципіальному врагу Джолитти, барону Сиднею Соннино. Втеченіе двухъ-трехъ дней ось новой министерской комбинаціи проходила черезъ лидера такъ называемой конституціонной оппозиціи. Но эта комбинація быстро отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть, и дала лишь поводъ политическимъ дѣятелямъ и политической прессѣ Италіи обсуждать сравнительныя достоинства и недостатки Соннино.

Соннино—интересная индидуальность, но одаренная какъ разъ тѣми чертами, которыя дѣлаютъ изъ нея противоположность Джолитти, да, пожалуй, и большинству современныхъ итальянскихъ политиковъ. Вдумываясь въ отзывы, раздававшіеся въ коридорахъ палаты и печатавшіеся на столбцахъ газетъ, поневолѣ приходишь къ заключенію, что Соннино не можетъ придтись по вкусу политикамъ романскихъ странъ и, пожалуй, наиболѣе типичной изъ нихъ, Италіи. Соннино долженъ казаться итальянцамъ черезчуръ холоднымъ, разсудительнымъ, замкнутымъ въ себѣ и черезчуръ—ученымъ! Не смѣйтесь, читатель: въ бойкой передовицѣ одного изъ вліятельнѣйшихъ радикальныхъ органовъ я прочелъ, что для творческой политики дѣятелю надо обладать смѣлостью и... невѣжествомъ. Соннино же представляетъ собою не только превосходнаго финансиста, но и серьезнаго экономиста, работы котораго о тосканскихъ половникахъ, о Сициліи и, въ частности, о бытѣ сицилійскихъ крестьянъ, не смотря на то, что были напечатаны въ 70-хъ годахъ („La Sicilia nel 1876; Флоренція, 1877) считаются до сихъ поръ поистинѣ классическими.

Конечно, въ Италіи между политическими дѣятелями есть люди, серьезно занимавшіеся наукою. Но къ этой сторонѣ они прибавляютъ черезчуръ много практичности, и при томъ той практичности, съ которой мы познакомились на примѣрѣ Джолитти, т. е. отважно и граціозно ходящей на острой, какъ бритва, линіи, раздѣляющей дозволенныя въ буржуазномъ обществѣ дѣйствія отъ караемыхъ по закону. Соннино напоминаетъ отчасти и знамени-

таго французскаго Вальдэка-Руссо, но безъ желѣзной воли и широко-государственнаго чутья послѣдняго. У него хватало духу, подобно Вальдэку, устраивать министерскія комбинаціи изъ лѣвыхъ элементовъ, политически враждебныхъ его консервативному міровоззрѣнію. Но у него не хватало умѣнія одарить ихъ жизнеспособностью.

Участвуя въ реакціонныхъ кабинетахъ Криспи и Пеллу, онъ искренно боролся противъ радикальныхъ и демократическихъ идей, но въ то же время рядомъ умно задуманныхъ финансовыхъ мѣръ успѣлъ вывести Италію изъ того тупика, въ который она зашла подъ вліяніемъ огромныхъ издержекъ, вызванныхъ Криспи и его политикой націоналистической мегаломаніи. Когда болѣе 10 лѣтъ спустя, въ 1906 г., Соннино удалось впервые образовать свой кабинетъ, онъ совершенно искренно ввелъ туда радикаловъ и съ неменьшею искренностью рѣшилъ даже опираться на соціалистическіе элементы въ странѣ. Тутъ не было ни измѣны своимъ убѣжденіямъ, ни зигзагообразной личной политики Джолитти, такъ какъ у Соннино рядомъ съ политической умѣренностью всегда уживалась извѣстная широта соціальнаго реформаторства и, когда онъ убѣдился, что съ консерваторами и рутинными либералами ничего не подѣлаешь, онъ сталъ искать себѣ союзниковъ далеко налѣво. Но бѣда Соннино заключается въ томъ, что, при всѣхъ своихъ выдающихся способностяхъ, онъ не обладаетъ достаточнымъ умѣніемъ, а, можетъ быть, и желаніемъ бороться съ интригами своихъ враговъ. Его первое премьерство длилось сто дней (18 февраля —17 мая). И столько же дней жизни насчитывало его второе министерство, 1910 г. Двоекратно вотумъ палаты опрокидывалъ его въ сущности по второстепеннымъ, чисто техническимъ вопросамъ. И каждый разъ его паденіе не вызывало почти ни въ комъ особыхъ сожалѣній.

Надо сказать и то, что Соннино, лидеръ малочисленной „конституціонной оппозиціи", не пользуется популярностью въ парламентѣ даже въ силу тѣхъ особыхъ качествъ, которыя отсутствуютъ у большинства современныхъ политиковъ. Мало того, что онъ лично неподкупенъ,—но онъ никогда не захочетъ оказать какую-нибудь „услугу" своимъ друзьямъ и приверженцамъ. У него нѣтъ директоровъ банка во вкусѣ Танлонго, съ которыми бы онъ велъ не особенно чистоплотныя операціи. Нѣтъ заинтересованныхъ въ его карьерѣ друзей между газетчиками и парламентаріями. За свое кратковременное пребываніе у власти онъ жестоко разобидѣлъ эти двѣ вліятельныя корпораціи. Съ одной стороны, онъ наотрѣзъ отказался отъ всякихъ „воспособленій" дружественной печати и шипѣніе пресмыкающихся показало ему, какъ живо продажныя перья почувствовали этотъ ударъ. Съ другой, онъ не менѣе сильно раздражилъ и парламентаріевъ, отказавшись послѣ изверженія Этны въ 1906 г. допустить въ комитетъ помощи пострадавшимъ

депутатовъ этихъ мѣстностей,—на томъ основаніи, говорилъ онъ, что при распредѣленіи пособій они будутъ гораздо больше думать о томъ, чтобы подачками подкупить своихъ избирателей, чѣмъ облегчать дѣйствительную нищету и страданіе.

Даже въ самомъ обращеніи Соннино есть нѣчто холодное и мало гармонирующее съ обыкновенной живостью и вкрадчивымъ добродушіемъ итальянцевъ. Никогда, кажется, Соннино не обращался на публичномъ засѣданіи палаты даже къ своимъ близкимъ товарищамъ съ фамильярнымъ „ты", которое такъ уснащаетъ рѣчи итальянскихъ депутатовъ и производитъ такое странное впечатлѣніе со стороны. Это не то революціонное „ты", которымъ во Франціи обмѣнивались великіе люди Конвента, проникнутые идейнымъ энтузіазмомъ и любовью къ фразеологіи античнаго міра. Это—„ты" коварнаго и добродушнаго товарищества, которое скрываетъ въ себѣ готовность защищать друзей въ самыхъ неблаговидныхъ поступкахъ съ подразумѣвающимся требованіемъ отъ нихъ такой же защиты въ подобныхъ случаяхъ.

Какъ бы то ни было, два-три дня спустя послѣ отставки Джолитти о Соннино никто уже не говорилъ, и центромъ новой комбинаціи явился Саландра. И эта фигура не лишена интереса, особенно въ томъ новомъ воплощеніи, въ какомъ она явилась при образованіи настоящаго кабинета. Саландра—южанинъ. Но южанинъ скорѣе рѣзко властнаго и резонирующаго, чѣмъ добродушнаго типа, южанинъ-бюрократъ и формалистъ, еще болѣе развившій эти свойства, можетъ быть, подъ вліяніемъ долговременнаго занятія административной наукой: онъ—профессоръ полицейскаго права въ Неаполитанскомъ университетѣ. Съ жаромъ, съ апломбомъ и, признаться, малымъ пониманіемъ сложныхъ общественныхъ условій нашей эпохи, Саландра и въ министерствѣ, и въ оппозиціи проводилъ до сихъ поръ идеи консервативнаго либерализма, напоминающаго временами блаженное доктринерство Виктора Кузэна, и всегда являлся ожесточеннымъ адвокатомъ имущихъ классовъ. На второй же годъ своего пребыванія въ палатѣ депутатовъ, куда онъ былъ выбранъ впервые въ 1886 г., онъ пропагандировалъ съ трибуны парламента увеличеніе на три лиры таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ. И, когда десять лѣтъ спустя, во время голодныхъ бунтовъ февраля 1898 г., въ палатѣ зашла рѣчь о необходимости уменьшить этотъ налогъ, Саландра ожесточенно защищалъ его сохраненіе, доказывая, что въ немъ заключается принципъ здоровой протекціонистской политики.

Саландра — страстный противникъ соціализма. Его идеи и въ положительномъ, и въ отрицательномъ смыслѣ внушаются именно этою ненавистью къ міровоззрѣнію труда. Такъ, онъ является защитникомъ мелкой крестьянской собственности, но только потому, что она, по его мнѣнію, представляетъ собою наилучшее лекарство противъ всякихъ соціалистическихъ бредней объ обобществленіи орудій производства. Такъ,

принявши, скрѣпя сердце, принципъ пенсій и страхованія рабочихъ, онъ однако увѣщеваетъ все время правительство не особенно торопиться съ осуществленіемъ этой мѣры и паче всего не подчиняться въ этомъ вопросѣ требованіямъ организованныхъ рабочихъ. Это вполнѣ логично со стороны человѣка, который ожесточенно боролся противъ учрежденія палатъ труда и говорилъ при этомъ: „Эти палаты повсюду выказали себя центрами политической и соціальной пропаганды, центрами антиобщественной агитаціи. И я не думаю, чтобы было въ интересахъ государства, да и въ интересахъ самого рабочаго класса, поддерживать эту агитацію и создавать эти центры пропаганды". Другой разъ, когда въ парламентѣ поднимался вопросъ объ ограниченіи продолжительности рабочаго дня, Саландра патетически восклицалъ, что „въ Италіи дѣло идетъ не о томъ, чтобы урѣзывать трудъ того, у кого его слишкомъ много, а чтобы найти его тому, у кого его нѣтъ совсѣмъ", и надменно прибавлялъ, при знакахъ неодобренія наиболѣе дальновидныхъ консерваторовъ: „вотъ нашъ настоящій соціальный вопросъ".

Нечего и говорить, что Саландра всегда былъ страстнымъ противникомъ политическаго движенія рабочаго класса и заклятымъ врагомъ соціалистовъ, даже тогда, когда они принимали участіе въ общемъ демократическомъ движеніи страны, не ограничиваясь исключительно рабочей политикой. Когда соціалистическій депутатъ Андреа Коста, во время свалки полиціи со студентами на улицахъ Рима въ 1890 г., хотѣлъ успокоить молодежь, вступившую въ борьбу съ карабинерами, и прокурорскій надзоръ обратился къ палатѣ депутатовъ за разрѣшеніемъ преслѣдовать Косту, страстнымъ защитникомъ этой мѣры выступилъ какъ разъ Саландра. Онъ былъ докладчикомъ по этому вопросу и настоялъ на отмѣнѣ депутатской неприкосновенности соціалиста, такъ что Коста сейчасъ же послѣ засѣданія былъ арестованъ и отправленъ въ тюрьму.

Но Саландра — заядлый консерваторъ и въ идейной области. Онъ ненавидитъ свободную мысль въ такой степени, что подаетъ тутъ руку клерикаламъ. Когда поднимался въ палатѣ вопросъ о разводѣ, Саландра возсталъ противъ этого предложенія, какъ противъ „великой политической ошибки, дающей возможность врагамъ государства вести пропаганду, возмущающую тѣ религіозныя чувства, которыя для громаднаго большинства итальянцевъ являются чувствами христіанскими, а именно католическими". Точно также, когда умѣренный соціалистъ Биссолати предложилъ отмѣнить преподаваніе Закона Божія въ самой школѣ, Саландра при рукоплесканіяхъ католиковъ и клерикаловъ ополчился противъ этого требованія свѣтской мысли: „Итальянскія матери и жены—почти всѣ вѣрныя католички и раздаятельницы религіознаго воспитанія. Онѣ будутъ смотрѣть съ антипатіей и со страхомъ на школу, изъ которой будетъ изгнано вѣроученіе. Школы безъ религіи будутъ первымъ актомъ антиклерикальной политики... которая поведетъ за

собою изгнаніе католиковъ изъ итальянской политической жизни. А я считаю необходимымъ заявить, что вижу въ этомъ страшнѣйшій вредъ для нашей страны".

Приглашая итальянскихъ либераловъ отмежеваться отъ клерикаловъ, — мы видимъ, насколько искренно,—Саландра съ еще большимъ и уже на сей разъ идущимъ изъ самаго сердца пафосомъ приглашалъ ихъ отмежеваться и отъ соціалистовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ совершенно логично увѣщевалъ своихъ товарищей по либерально-консервативной партіи отказаться отъ какого бы то ни было союза съ радикалами. По его мнѣнію, радикализмъ можетъ имѣть политическое значеніе въ Италіи, только опираясь на умѣренныхъ соціалистовъ. А умѣренные соціалисты лишь медлительнѣе и коварнѣе занимаются тѣмъ же, что и революціонные соціалисты, а именно: разрушеніемъ современнаго политическаго и соціальнаго строя. За то, совершенно въ духѣ своихъ друзей, консерваторовъ и консервативныхъ либераловъ, онъ является страшнымъ націоналистомъ въ сферѣ внѣшней политики. Онъ—горячій защитникъ Ливіи. По его мнѣнію, Италія не можетъ ограничиваться Триполитаніей, но должна расширить, гдѣ возможно, свои владѣнія въ Африкѣ. Провиденціальная миссія Рима заключается, по его словамъ, въ распространеніи итальянской цивилизаціи и умноженіи итальянской расы при помощи морскихъ путей, такъ какъ горы на сѣверѣ Апеннинскаго полуострова выпираютъ Италію изъ Европы. Даже вопросы народнаго образованія Саландра разсматриваетъ въ тѣсной связи съ идеалами милитаризма: школа должна давать, по его мнѣнію, прежде всего грамотныхъ солдатъ. „Оружіе и азбука, азбука и оружіе"—вотъ лозунгъ Саландры въ сферѣ народнаго просвѣщенія.

Любопытно однако, что и этотъ твердокаменный доктринеръ консервативнаго либерализма, слѣдуя общему теченію итальянской политической жизни, пустилъ при составленіи своего министерства въ ходъ тактику, которую нельзя не считать оппортунизмомъ чистѣйшей воды. Правда, уже и раньше, со временъ послѣдняго кабинета Джолитти, онъ оставилъ ряды конституціонной оппозиціи, не удовлетворяясь дѣятельностью ея лидера, уже извѣстнаго намъ Соннино, и перешелъ къ джолиттіанцамъ. Нынѣ онъ дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ на этомъ пути. Въ то время, какъ его ближайшіе друзья надѣялись увидѣть его во главѣ консервативнаго, съ оттѣнкомъ клерикализма, кабинета, Саландра очень удивилъ и своихъ приверженцевъ, и своихъ враговъ тѣмъ, что сразу приступилъ къ очень широкой министерской комбинаціи. Оставляя въ сторонѣ лишь крайнюю лѣвую и самую реакціонную группу правой, онъ предполагаетъ опереться на всѣ другія партіи: и конституціонныхъ демократовъ, и джолиттіанцевъ, и лѣвый и правый центры, и націоналистовъ, и умѣренныхъ клерикаловъ. Въ самые первые дни хлопотъ по образованію министер-

ства Саландра умышленно пошелъ сначала на лѣво, убѣдивъ трехъ выдающихся членовъ демократической лѣвой, Мартини, Чуффелли и Луиджи Раву, войти въ его комбинацію. Лишь затѣмъ онъ сталъ передвигаться на право, перейдя къ джолиттіанцамъ, подобравъ себѣ изъ умѣренныхъ либераловъ тоже трехъ - четырехъ человѣкъ и, наконецъ, завершивъ свои труды умѣренными католиками и націоналистами, между которыми онъ, впрочемъ, распредѣлилъ лишь портфели подсекретарей, по нашему товарищей министра.

Этотъ ходъ Саландры вызвалъ рѣзкую критику со стороны радикаловъ. Они сочли нужнымъ удалиться нынѣ на Авентинскій холмъ оппозиціи и оттуда громко изъявляютъ свое неудовольствіе на то, что Саландра, обѣщавшій быть твердымъ выразителемъ идей консервативнаго либерализма, на самомъ-то дѣлѣ оказался очень оппортунистичнымъ политикомъ и открылъ, какъ выражаются его враги, эру „джолиттіанства безъ Джолитти". Отсюда, молъ, кромѣ еще большей путаницы, ничего не выйдетъ. Окончательно кабинетъ сорганизовался лишь въ послѣднихъ числахъ марта, съ назначеніемъ на постъ военнаго министра генерала Гранди. Послѣдній оказался болѣе уступчивымъ, чѣмъ его конкуренты по портфелю, поставившіе новому премьеру требованіе увеличенія арміи на 50.000 чел., увеличенія обыкновеннаго военнаго бюджета на 80 милліоновъ лиръ въ годъ и установленія новыхъ чрезвычайныхъ расходовъ въ размѣрѣ 600 милліоновъ, распредѣленныхъ на нѣсколько лѣтъ.

Какую роль будетъ играть новый премьеръ, и насколько онъ окажется устойчивымъ, предъ лицомъ шумной и разбитой на партіи палаты, сказать трудно. Правда, члены министерства, даже по отзывамъ противниковъ, народъ довольно способный. Между ними не мало профессоровъ и очень много литераторовъ, такъ что кабинетъ даже удостоился названія „министерства журналистовъ". Среди нихъ Фердинандо Мартини представляетъ очень крупную литературную звѣзду, блестящаго стилиста, поэта и сатирика, котораго называютъ „отцомъ и учителемъ" новаго поколѣнія итальянскихъ писателей, вродѣ Габріеля д'Аннунціо. Но злые языки утверждаютъ, что, не смотря на присутствіе способныхъ людей въ кабинетѣ, онъ врядъ-ли успѣетъ справиться съ тяжелыми задачами внѣшней и внутренней политики, передъ которыми теперь стоитъ Италія, а особенно съ тѣми затрудненіями, которыми грозитъ огромный бюджетъ активной ливійской политики. Еще менѣе можно ожидать, чтобы министерство стало вести даже и ту колеблющуюся линію демократическихъ реформъ, по которой порою шелъ кабинетъ Джолитти. Отмѣчаютъ то обстоятельство, что три члена,—или, какъ иронизируютъ надъ ними враги кабинета, три „заложника",—лѣвой какъ разъ размѣщены на тѣхъ постахъ, гдѣ они не могутъ придать рѣзко прогрессивнаго и анти-

клерикальнаго характера министерству. Конечно, Ватиканъ ненавидитъ въ одинаковой степени Мартини, Раву и Чуффелли. Но Мартини на посту министра колоній, Рава съ портфелемъ общественныхъ работъ и Чуффелли въ сферѣ финансовъ, несомнѣнно, не могутъ вести никакой борьбы съ клерикализмомъ. Самъ же Саландра считается католиками за человѣка съ религіозной закваской, которому доступно „пониманіе великой исторической роли папства“.

2 апрѣля н. ст. кабинетъ развилъ свою декларацію-программу передъ палатой, которая въ сущности собралась лишь на нѣсколько дней, чтобы высказать свое отношеніе къ общей политикѣ новаго министерства, а затѣмъ разойдется на пасхальныя вакаціи. Въ декларацiи прозвучалъ обычный куплетъ о томъ, что „армія готова“, но что тѣмъ не менѣе необходимы дальнѣйшія издержки на флотъ и войско. Кабинетъ требуетъ съ этой цѣлью чрезвычайныхъ кредитовъ въ размѣрѣ 200 милліоновъ, распредѣленныхъ на нѣсколько лѣтъ. И однако сама же декларація признаетъ существованіе дефицита въ 23 милліона, вызваннаго военными издержками въ Ливіи. Саландра обѣщаетъ „изучить вопросъ“ о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ, обѣщаетъ улучшить положеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ, но грозитъ энергичными мѣрами подавленія въ случаѣ безпорядковъ. Отношеніе къ церкви смазано въ оппортунистическомъ смыслѣ. Правая и центръ бурно аплодировало рѣчи, а въ странѣ быстро разростается стачка рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Забастовщики требуютъ установленія минимума платы въ три лиры (1 р. 10 к.) за рабочій день, который доходитъ временами до 16 (sic!) часовъ, еженедѣльнаго отдыха, лучшей оплаты ночной работы, и т. п. На это потребовалось бы въ годъ лишнихъ 30 милліоновъ рублей. И нѣтъ сомнѣнія, что правительство Саландры, не стѣсняющееся расходами на армію, откажется внести этотъ расходъ въ бюджетъ. Ливія все тяжелѣе и тяжелѣе давитъ на Италію труда и мысли.

II.

Франція въ послѣднее время снова привлекла къ себѣ вниманіе всего міра. И привлекла не только страстностью политической борьбы, идущей въ ней нынѣ между соціалистами и лѣвыми радикалами съ одной стороны и радикальствующими оппортунистами, консервативными республиканцами и реакціонерами съ другой, но и цѣлымъ рядомъ сенсаціонныхъ событій, входящихъ скорѣе уже не въ политическую лѣтопись, а въ хронику происшествій и скандаловъ. Особенность французской исторіи, дѣйствительно, заключается въ томъ, что никакая идейная и обще-политическая борьба не происходитъ въ ней долго помимо вмѣшательства чисто личнаго элемента. Въ узловой моментъ исторіи всегда выдвигаются здѣсь

конкретные вопросы и живыя личности, которые чрезвычайно сильно драматизируютъ положенія и придаютъ интересный, можно сказать, театральный характеръ политической жизни.

Я разумѣю прежде всего убійство издателя „Фигаро“, Кальметта, женою министра финансовъ Кайльо. Въ журнальной статьѣ, конечно, нечего гнаться за газетами и передавать всѣ тѣ новости, слухи, предположенія, которыми живетъ ежедневная печать въ данномъ дѣлѣ. Каждый день приноситъ что-нибудь новое. Одна гипотеза смѣняется другой. Новый слухъ опровергается новѣйшимъ. Въ неистовой борьбѣ партій, словно песчаный ураганъ, поднялся цѣлый хаосъ сталкивающихся разоблаченій, взаимной критики, озлобленныхъ выпадовъ и не менѣе яростныхъ отраженій. Въ то время, когда читатель будетъ пробѣгать эти строки, политическая лѣтопись и хроника происшествій принесутъ, можетъ быть, уже не мало новыхъ элементовъ, которые прикроютъ собою послѣднія впечатлѣнія того момента, когда пишется эта статья. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ, не забѣгая въ будущее и не предрѣшая исхода дѣла, указать читателю лишь общій смыслъ сенсаціонныхъ парижскихъ происшествій, наводняющихъ ежедневную печать не только Франціи, но всего культурнаго міра.

Голый остовъ дѣла, такъ интересующаго публику, можно передать въ двухъ словахъ. Жена Кайльо, возмущенная личною полемикою противъ ея мужа со стороны „Фигаро“, начавшаго печатать письма къ ней ея теперешняго мужа, когда она была еще чужой женой, явилась въ редакцію газеты и тяжело ранила изъ револьвера Кальметта, который на слѣдующій же день умеръ. Фактъ самъ по себѣ не Богъ знаетъ какъ необычайный въ импульсивной Франціи, гдѣ старая культура и хорошо отстоявшаяся форма общежитія нисколько не мѣшаютъ людямъ совершать сплошь и рядомъ такъ называемыя „преступленія подъ вліяніемъ эффекта“. Интересъ данное дѣло пріобрѣтаетъ лишь вслѣдствіе соціальнаго положенія участвующихъ въ немъ лицъ. Дѣйствительность въ данномъ случаѣ, какъ это часто бываетъ въ человѣческой жизни, превосходитъ вымыслы искуснаго драматурга. И я увѣренъ, что въ данный моментъ уже немало ловкихъ сочинителей пьесъ стараютъ утилизировать для своихъ будущихъ произведеній „ситуаціи“, созданныя дѣломъ Кальметта-Кайльо.

Главныя лица этой свѣтско-политической драмы, dramatis personae, заслуживаютъ вниманія, какъ выразители цѣлаго ряда общественныхъ группъ и носители ихъ интересовъ. Съ того самаго времени, какъ у власти сталъ радикально-соціалистическій кабинетъ Думерга, т. е. втеченіе четырехъ мѣсяцевъ, противъ фактическаго руководителя этого министерства, Кайльо, получившаго портфель министра финансовъ, вся буржуазная, какъ умѣренно республиканская, такъ и консервативная, клика въ парламентѣ,

печати и странѣ повела самую ожесточенную кампанію, настоящую войну на ножахъ. И всѣ средства хороши въ этой борьбѣ. Временами жестокость этихъ столкновеній переноситъ зрителей въ эпоху Панамы, буланжизма или дѣла Дрейфуса. Отчего же загорѣлся весь сыръ-боръ? Кайльо рѣшилъ, наконецъ, приблизить къ практическому осуществленію проектъ о налогѣ на капиталъ и доходъ, проектъ, который уже не первый десятокъ лѣтъ волнуетъ общественное мнѣніе и политическіе круги Франціи и до сихъ поръ является боевымъ лозунгомъ враждующихъ партій. Кайльо еще въ министерствѣ Клемансо былъ авторомъ перваго болѣе или менѣе практическаго законопроекта обложенія, который былъ проведенъ имъ черезъ палату и застрялъ въ реакціонныхъ ущельяхъ сената. Послѣ паденія министерства Клемансо эта реформа совсѣмъ затормазилась. И знаменательно, что немалою помѣхою въ этомъ дѣлѣ было поведеніе самого автора проекта. Когда 27 іюня 1911 г. премьеромъ сталъ Кайльо, онъ умышленно взялъ себѣ министерство внутреннихъ дѣлъ, а портфель министра финансовъ предложилъ оппортунистическому радикалу Клотцу, тому самому Клотцу, который всячески старался испортить законопроектъ Кайльо, завѣдуя финансами въ кабинетѣ Бріана.

Въ свое время я далъ въ „Русскомъ Богатствѣ" (см. іюльскую книжку 1911 г.) характеристику Кайльо, отчасти объяснявшую странность позиціи, занятой этимъ выдающимся финансистомъ третьей республики. Отъ этой характеристики мнѣ и теперь отказываться нечего.

Въ политическомъ отношеніи Кайльо былъ сначала „республиканцемъ безъ эпитетовъ", т. е. человѣкомъ, державшимся умѣренныхъ республиканскихъ взглядовъ, которые онъ развилъ еще въ 1898 г. передъ избирателями департамента Сарты. Съ тѣхъ поръ онъ двигался въ политическомъ отношеніи все лѣвѣе и лѣвѣе, пока, наконецъ, въ самое послѣднее время не сталъ наиболѣе вліятельнымъ вожакомъ чистыхъ радикаловъ, стоящимъ даже ближе къ лѣвому, чѣмъ къ правому крылу этой организаціи. Но представлять его страстнымъ демократомъ значило бы грѣшить противъ истины. Въ самой деклараціи своего кабинета 1911 г. Кайльо выражалъ желаніе во что бы то ни стало „возстановить въ странѣ порядокъ", нарушенный „демагогіей" Всеобщей конфедераціи труда, при помощи „твердой власти". А вскорѣ приступилъ и на практикѣ къ мѣрамъ, которыя должны были, по его мнѣнію, покончить „съ саботажемъ и оставленіемъ постовъ рабочими во время службы". Въ августѣ 1911 г. былъ принятъ цѣлый рядъ репрессій противъ синдикатовъ учителей, выразившихъ свою солидарность съ рабочими синдикатами. А въ Парижѣ, равно какъ въ департаментахъ Сѣверномъ, Па-де-Калэ и Энъ, населеніе, выступившее въ уличныхъ демонстраціяхъ противъ торговцевъ, которые, искусственно взвинчивали цѣны на предметы первой необходимости

было аттаковано полиціей и войсками съ жестокостью, заслужившею Кайльо въ устахъ народа названіе „кровавато Кайльо“ [1]).

Да и трудно было бы ждать иного, менѣе властнаго, отношенія къ трудящимся классамъ со стороны Кайльо, человѣка, который былъ сыномъ очень богатыхъ родителей, одновременно и служилъ въ администраціи финансоваго вѣдомства, и занимался крупными предпріятіями, а въ тотъ самый моментъ, когда сдѣлался премьеромъ, лишь формально перестaлъ быть директоромъ Аргентинскаго и Египетскаго банковъ съ годовымъ жалованьемъ за полмилліона франковъ. Среда дѣлала свое дѣло. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что у того же самаго Кайльо, не смотря на тѣсныя связи, соединяющія его съ крупнымъ капиталомъ, есть извѣстная склонность къ соціальнымъ реформамъ, замѣчаются симпатичныя стремленія подняться въ области общей политики надъ грубо эгоистическими интересами какъ себя самого, такъ и своего класса. И этого было довольно, чтобы сдѣлать его пугаломъ для вліятельной части французской буржуазіи. Поэтому, когда Кайльо, уже снова на посту министра финансовъ, сталъ проводить теперь черезъ палату подновленный законопроектъ подоходнаго налога, въ рядахъ имущихъ поднялась цѣлая буря возмущенія противъ смѣльчака, дерзнувшаго поднять руку на святая святыхъ буржуазіи, ея капиталъ.

Въ сущности проектъ обложенія Кайльо, по примѣру подобныхъ же финансовыхъ схемъ въ другихъ странахъ, очень умѣренный и носитъ характеръ не столько прогрессивнаго, сколько регрессивнаго налога. Имъ устанавливается извѣстный неподвижный предѣлъ капитала и дохода, за которымъ прекращается кверху ростъ прогрессіи. Внизу этой скалы намѣчается другой предѣлъ, ниже котораго доходъ остается свободнымъ отъ всякаго обложенія. И лишь между этими двумя границами идутъ ступени прогрессивнаго обложенія. Но что въ особенности вооружило противъ Кайльо имущіе классы,—это даже не сама прогрессія налога, падающаго на тѣ или иныя пріобрѣтенія, а установленіе особаго дополнительнаго сбора, который долженъ падать на общую сумму капиталовъ и доходовъ извѣстнаго лица, обязаннаго сообщать финансовой администраціи

---

[1]) Непереводимый каламбуръ: „Caillot de sang“ вмѣсто „Caillaux de sang“. Фамилія министра Caillaux и слово caillot, обозначающее „сгустокъ“ (крови) произносится по французски въ просторѣчіи совершенно одинаково „кайо“, не смотря на увѣщанія ученыхъ ортоэпистовъ еще со времени лексикографа Литтрэ не выговаривать ll (два l) такъ, какъ выговариваютъ обыкновенно парижане. Я сохраняю въ своихъ статьяхъ правописаніе Кайльо, приближающееся къ написанію и старомодному французскому произношенію, такъ какъ иначе много французскихъ словъ принимаетъ дикій видъ по-русски: напр. Вайянъ, вмѣсто Вальянъ, имя извѣстнаго маршала Франціи, и т. п.

цифру своего имущества, вмѣстѣ съ правомъ администраціи провѣрять показанія плательщиковъ [1]).

Вотъ эта-то часть законопроекта и служитъ мишенью особенно злобныхъ нападокъ французской буржуазіи, которая безчисленными голосами своихъ представителей въ парламентѣ, печати, торгово-коммерческихъ организаціяхъ и т. п. вопитъ о „фискальной инквизиціи“. Этотъ вопль заключаетъ въ себѣ, помимо прочаго, ноту несомнѣннаго комизма. Противники законопроекта все время кричатъ, что обязанность плательщика показывать общую сумму своего имущества, сопряженная съ административнымъ контролемъ этого заявленія, противорѣчитъ будто бы глубокимъ національнымъ чертамъ французской души, которая, видите ли, пропитана религіей индивидуализма и страстною любовью правды. Такимъ образомъ выходитъ, что эти похвальныя качества заставляютъ каждаго француза лгать въ дѣлѣ несенія государственныхъ тягостей и негодовать на тѣхъ, кто счелъ бы нужнымъ провѣрить эту ложь. А дѣло-то гораздо проще. Имущій классъ Франціи боится не того, что ему придется платить въ сущности очень легкій налогъ со своихъ доходовъ, а того, что примѣненіе закона на практикѣ можетъ обнаружить, какая масса капитала сосредочена въ его рукахъ, и какими колоссальными состояніями обладаютъ многіе изъ его членовъ. И глубоко погрязшей въ матеріальныхъ интересахъ французской буржуазіи уже чудится грозный призракъ будущей народной конфискаціи, которая отберетъ у привилегированныхъ классовъ колоссальныя имущества, накопленныя столѣтіемъ капиталистической эксплуатаціи и финансоваго ажіотажа.

Понятно, каково должно быть ожесточеніе этой на рѣдкость умной и энергичной буржуазіи, когда въ законопроектѣ прогрессивнаго налога она увидѣла первую ступень къ соціальной революціи. О, на войнѣ, какъ на войнѣ! И въ этомъ священномъ походѣ противъ Кайльо соединились всѣ элементы имущихъ и правящихъ слоевъ, забывая раздѣлявшіе ихъ оттѣнки политическихъ, религіозныхъ и философскихъ взглядовъ. Ненависть ихъ къ Кайльо пылаетъ тѣмъ жарче, что въ немъ они видятъ своего человѣка, стоящаго въ ихъ же соціальной позиціи, пользующагося ихъ же классовыми привилегіями, участвующаго въ процессѣ ихъ же эксплуатаціи народа. Кайльо является для нихъ не только соціальнымъ реформаторомъ, не только революціонеромъ, ниспровергающимъ священ-

[1]) Беру для примѣра схему „личнаго налога на капиталъ и приращеніе“, которую правительство успѣло при помощи большинства въ палатѣ внести въ бюджетъ на засѣданіи 2 апрѣля. Капиталъ, не превышающій 30.000 франковъ, не платитъ ничего. Капиталъ отъ 30.000 до 100.000 платитъ 5 сантимовъ съ каждыхъ 100 франковъ, т. е. одну двадцатую процента, и т. д. Капиталъ свыше 1 милліона, какъ бы великъ онъ ни былъ, платитъ все равно 25 сантимовъ со 100 фр., т. е. четверть процента! Вотъ вамъ и ужасы прогрессивнаго обложенія!

ныя основы современнаго строя, но измѣнникомъ класса, предателемъ, вводящимъ толпы грубыхъ дикарей въ завѣтную цитадель капиталистической собственности и капиталистическаго пользованія благами жизни. Вотъ почему тѣ самые люди, которые занимаются тѣмъ же, чѣмъ занимается и Кайльо, которые сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ безконечное число хорошо оплачиваемыхъ должностей въ различныхъ предпріятіяхъ,—гдѣ бывшіе и будущіе, если не настоящіе, министры являются гарантіей и рекламой выгодности спекуляцій,—вотъ почему эти люди проникнуты самой лютой злобой къ Кайльо.

Изо дня въ день со столбцовъ крупно-буржуазныхъ, бульварныхъ и желтыхъ органовъ на Кайльо изливаются ручьи грязныхъ клеветъ. „Республиканскіе" комитеты промышленниковъ и торговцевъ вотируютъ горячіе протесты противъ „подрѣзающей жизненный нервъ Франціи политики". Политическіе дѣятели въ парламентѣ и странѣ ведутъ самую безпощадную, самую ядовитую кампанію противъ автора законопроекта. Но главные удары наносятся ему все же печатью, этой седьмой великой державой, которая, на подобіе языка въ знаменитомъ эзоповскомъ анекдотѣ, представляетъ собою все, что есть самаго лучшаго и благороднаго, но и самаго подлаго и безстыднаго въ человѣчествѣ, и которая при современныхъ условіяхъ, къ сожалѣнію, отправляетъ часто крайне низменныя функціи

Въ „Фигаро" отъ 13 марта былъ напечатанъ, послѣ цѣлаго ряда „уличающихъ" Кайльо документовъ, еще одинъ документъ, изъ котораго слѣдовало, что 13 лѣтъ тому назадъ онъ держался иныхъ взглядовъ на подоходный налогъ и что именно онъ, на засѣданіи 5 іюля 1901 г., въ качествѣ министра финансовъ въ кабинетѣ Вальдэка-Руссо, „провалилъ" болѣе искусной, чѣмъ искренней рѣчью предложеніе упомянуть объ этомъ налогѣ въ самой бюджетной смѣтѣ на 1902 г. Однако, Кайльо сдѣлалъ этотъ парламентскій ходъ, заручившись предварительно согласіемъ радикальной бюджетной коммиссіи, чтобы парировать удары, направленные противъ финансовой политики кабинета нѣкоторыми правами и нѣкоторыми радикально-соціалистическими депутатами. Какъ бы то ни было, такое обличеніе перемѣны во взглядахъ не могло само по себѣ имѣть крупнаго политическаго значенія. Въ быстро живущей Франціи видишь и не такія превращенія. Для человѣка, принадлежащаго, какъ Кайльо, къ верхамъ современнаго общества, было скорѣе дѣломъ почтеннымъ пойти налѣво въ вопросѣ о реформѣ налоговой системы. Тысячу разъ позорнѣе такія идейныя ренегатства, какія мы видимъ на примѣрѣ Миллерана и въ особенности Бріана. Но на сей разъ газетчикъ отточилъ свой отравленный кинжалъ на оселкѣ не политическаго, а чисто личнаго обстоятельства. Документъ, о которомъ идетъ рѣчь, представлялъ собою письмо Кайльо къ своей теперешней женѣ, въ то время бывшей еще замужемъ за Лео Кларти, племянникомъ извѣстнаго, недавно умершаго Жюля

Кларти. А одна изъ подмоченныхъ „принцессъ“, которая вела отдѣлъ модной хроники, какъ въ „Фигаро“, такъ и въ нѣкоторыхъ американскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, сообщила по дружбѣ женѣ Кайльо, что въ скоромъ времени будутъ напечатаны еще два такихъ же письма, пріобрѣтенныя, какъ увѣряла эта подруга, газетою за 30.000 фр. у третьяго лица,—повидимому, у перехватившей эту переписку прежней жены Кайльо, нынѣ уже шестой годъ съ нимъ разведенной.

Разсчетъ у издателя „Фигаро“ Кальметта былъ простой. Если не удается свалить Кайльо на политической аренѣ, то попробуемъ затруднить ему пребываніе у власти по причинамъ соціальнымъ. Надо опозорить его въ глазахъ французскихъ и иностранныхъ высшихъ круговъ, членовъ дипломатическаго корпуса, настоящей и фальшивой аристократіи, правящей буржуазіи, которая тянется за аристократіей, словомъ сливокъ современнаго буржуазнаго общества. И Кальметтъ умѣло выбиралъ свое оружіе, считая достаточнымъ, прежде всего, дискредитировать Кайльо доказательствомъ того, что онъ женился на своей прежней любовницѣ, находившейся въ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ, когда она была еще замужемъ за другимъ человѣкомъ. Ибо къ числу чудовищныхъ предразсудковъ, царящихъ въ высшихъ слояхъ французскаго общества, принадлежитъ и взглядъ, что связать свою жизнь законнымъ образомъ съ женщиной, съ которой раньше жилъ незаконно, значитъ нанести страшный ударъ морали,—той, конечно, лицемѣрной морали, какая господствуетъ въ упомянутыхъ сферахъ. Дѣйствительно, если, съ одной стороны, по увѣреніямъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ романистовъ, между 5 и 8 часами вечера, между файфъ-о-клокомъ и обѣдомъ, „весь Парижъ“, т. е. праздная и пустая часть столицы, превращается въ одинъ громадный домъ свиданій и свѣтъ отнюдь не въ претензіи на адюльтеръ, разъ дѣло дѣлается шито-крыто, то, съ другой стороны, „нельзя грязнить воду, которую собираешься пить, а загрязнилъ, не пей“ (on ne salit pas l'eau qu'on va boire, et quand on l'a salie on ne la boit pas non plus). Эта фраза до сихъ поръ звучитъ у меня въ ушахъ, хотя въ первый разъ я услышалъ ее во Франціи очень давно. Ее торжественно произнесъ во время одного громкаго процесса предсѣдатель суда, дѣлая въ этой формѣ суровый репримандъ герою сенсаціонной житейской драмы, который противъ воли родителей хотѣлъ жениться на соблазненной имъ женщинѣ и кончилъ покушеніемъ на убійство кого-то изъ своей семьи.

А Кайльо, какъ явствовало изъ уже напечатаннаго письма къ прежней любовницѣ и какъ должно было еще болѣе явствовать изъ напечатанія двухъ другихъ писемъ,—появленія которыхъ вся стая враговъ министра ждала съ нетерпѣніемъ и превеликимъ злорадствомъ,—а Кайльо именно загрязнилъ ту воду, которую хотѣлъ пить, и еще того хуже: пилъ загрязненную. Жениться на разводкѣ-

любовницѣ—верхъ некомильфотности: on n'épouse pas sa maîtresse, monsieur! И вотъ обезумѣвшая женщина, раба предразсудковъ среды, узнавъ отъ своихъ друзей-юристовъ, что нѣтъ никакой возможности помѣшать оглашенію этой ужасной въ ея глазахъ переписки, явилась въ редакцію „Фигаро“ и здѣсь, не помня себя отъ гнѣва, выпустила всѣ шесть пуль карманнаго браунинга въ Кальметта, который черезъ пять часовъ послѣ этого и умеръ.

Любопытный типъ представляетъ и самъ этотъ Кальметтъ, котораго друзья и товарищи по бульварной прессѣ немедленно же провозгласили героемъ долга и профессіональнаго мужества. Для того, чтобы нарисовать настоящую фигуру Кальметта, вовсе однако не слѣдуетъ накладывать на палитру черезчуръ яркихъ яркихъ красокъ восхищенія. Кальметтъ умеръ. Но по отношенію къ покойникамъ и у древнихъ, рядомъ съ банальной фразой „о мертвомъ ничего, или хорошее“, сложилась другая болѣе серьезная и вѣрная поговорка: „о мертвомъ ничего, или правду“. И вотъ, если говорить правду о Кальметтѣ, то придется поставить передъ читателемъ во весь—очень небольшой въ нравственномъ смыслѣ—ростъ типичнаго французскаго журналиста-дѣльца, свободнаго отъ идей, но снабженнаго бойкимъ перомъ, пониманіемъ своихъ интересовъ и умѣньемъ служить ради этихъ интересовъ тѣмъ могущественнымъ силамъ власти и капитала, которыя задаютъ тонъ въ современномъ обществѣ.

Плохо образованный, но ловкій газетчикъ, Кальметтъ съ 25 лѣтъ по горло сидѣлъ въ ежедневной прессѣ. Сначала былъ шустрымъ репортеромъ, затѣмъ секретаремъ редакціи, затѣмъ, послѣ внутренняго кризиса, испытаннаго 12 лѣтъ тому назадъ бульварнымъ „Фигаро“, его издателемъ или, какъ называютъ во Франціи, директоромъ. Акціонеры спеціально поставили Кальметта во главѣ бульварнаго органа, когда приличная позиція, занятая „Фигаро“ по инидіативѣ прежнихъ руководителей во время дѣла Дрейфуса, разогнала аристократическихъ и клерикальныхъ читателей газеты. Вотъ, чтобы снова пріохотить къ ея чтенію прежнихъ кліентовъ, пайщики и выдвинули для реформы „Фигаро“ безпринципнаго Кальметта. Кальметтъ оправдалъ довѣріе и снова сдѣлалъ изъ „Фигаро“ органъ сплошного выраженія интересовъ, предразсудковъ, вкусовъ и безыдейности высшихъ слоевъ. Бонвиванъ, имѣвшій очень много друзей и подругъ и очаровывавшій ихъ своей щедростью, Кальметтъ вращался въ кругу такихъ же, какъ и самъ, крупныхъ издателей, биржевиковъ, спекуляторовъ, политическихъ дѣятелей, оппортунистскаго, консервативнаго и реакціоннаго пошиба. Онъ былъ не хуже, но и не лучше массы подобныхъ же рыцарей французской буржуазной прессы, которые, служа золотому тельцу, всегда успѣваютъ заполучить на свою долю изрядную толику драгоцѣннаго металла, изъ котораго слито ихъ божество. Бонапартистъ по убѣжденіямъ, или лучше сказать изъ-за угоды своимъ читателямъ и

изъ-за снобизма неопасной оппозиціи, онъ однако дружилъ съ картонными республиканцами. Въ частности, ведя по тайному соглашенію съ Барту, войну противъ Кайльо, Кальметтъ получалъ жирные куши отъ „республиканскихъ“ торгово-промышленныхъ обществъ, особенно горячо протестовавшихъ противъ подоходнаго налога. Депутатъ Талама, быть можетъ, прочиталъ и черезчуръ рѣзкую отходную надъ трупомъ Кальметта въ своемъ одобряющемъ убійство „бандита“ письмѣ, адресованномъ женѣ Кайльо. Но несомнѣнно, что Кальметтъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ громаднымъ большинствомъ руководителей французской бульварной прессы тѣ свойства, которыя дѣлаютъ эту категорію людей прямою противоположностью служителей долга и убѣжденій.

Не успѣлъ револьверъ г-жи Кайльо внести въ свирѣпую политическую борьбу элементъ сенсаціи, какъ въ палатѣ разыгрался рядъ сценъ, послужившихъ отправнымъ пунктомъ для новаго политическаго положенія. Дѣло въ томъ, что Кальметтъ приготовлялся наканунѣ своего убійства напечатать, повидимому, не тѣ два письма, о которыхъ шла рѣчь, а другой, дѣловой, документъ, представлявшій немалое общественное значеніе. Этотъ документъ заключался въ короткой запискѣ, которую составилъ для очистки своей совѣсти и въ видахъ возможнаго обѣленія себя передъ другими генеральный прокуроръ Фабръ, выступавшій въ дѣлѣ извѣстнаго финансоваго афериста Рошетта. О самомъ Рошеттѣ мы скажемъ нѣсколько далѣе. А пока, чтобы не прерывать нашего разсказа, упомянемъ лишь, что записка Фабра заключала въ себѣ указаніе на давленіе, которое въ 1911 г. министръ юстиціи Монисъ по просьбѣ министра финансовъ Кайльо оказалъ на генеральнаго прокурора съ цѣлью отложить разборъ дѣла Рошетта во второй инстанціи на нѣсколько мѣсяцевъ.

И вотъ, на другой же день послѣ убійства Кальметта, 18 марта, палата депутатовъ стала ареною одного изъ тѣхъ парламентскихъ большихъ „дней“, до которыхъ такъ лакома свѣтская публика Парижа. На трибуну всходитъ депутатъ правой Делаэ, тотъ самый Делаэ, который поднялъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ знаменитое дѣло Панамы. Патетически изобразивъ убійство доблестнаго рыцаря пера женою злокозненнаго министра, онъ бросаетъ въ лицо правительству требованіе немедленно же отвѣтить на вопросъ, было ли дѣйствительно произведено упомянутыми выше министрами давленіе на Фабра въ дѣлѣ Рошетта. Министры сначала запирались, то отвѣчали незнаніемъ, то укрывались за оттѣнками словъ. Правительственное большинство волновалось и обвиняло въ свою очередь обличителя въ томъ, что у него нѣтъ никакихъ основаній для такихъ инсинуацій и что документъ, на который ссылался Делаэ, видѣвшій его копіи, вовсе не существуетъ. Тогда на трибуну поднялся лютый противникъ Кайльо, сваленный имъ Барту, и съ ловкостью испытаннаго „пращника“—по выраженію восторжен-

наго хроникера „Temps“—пустилъ прямо въ лобъ кабинету убійственный камень въ видѣ уже упомянутой записки Фабра. Большинство дрогнуло и на первыхъ порахъ пришло въ смущеніе, между тѣмъ какъ негодованіе нашло отзвукъ не только въ рядахъ лицемѣрныхъ блюстителей нравственности на скамьяхъ центра и правой, но и среди соціалистовъ, отчасти поддерживающихъ новое министерство, но отнюдь не желающихъ быть солидарными съ нимъ во всѣхъ дѣяніяхъ его членовъ.

Однако слѣдующая рѣчь вѣрнаго друга Кайльо, радикальнаго депутата Секкальди, показала палатѣ и другую сторону дѣла и заставила въ свою очередь поблѣднѣть самого пращника. Любопытно, что рѣчь Секкальди, хлеснувшая, словно ударъ бича, по лицу играющаго въ ригоризмъ Барту, была умышленно искажена въ большинствѣ органовъ печати и въ сообщеніяхъ агентствъ. А между тѣмъ Секкальди нанесъ два рѣшительныхъ удара Барту. Я возьму одну-двѣ цитаты изъ стенографическаго отчета: „Еслибы мы занимались таскаціемъ по редакціямъ разныхъ бумаженокъ,—обратился къ Барту Секкальди—то у насъ была возможность, когда вы вели кампанію въ пользу закона о трехлѣтней службѣ, когда вы обличали антипатріотизмъ республиканцевъ, бросить въ дебаты аргументъ, который ударилъ бы васъ прямо въ сердце... Вы, въ качествѣ члена правительства жестоко наказывавшій взбунтовавшихся солдатъ, вы, когда одинъ изъ членовъ вашей семьи дезертировалъ отъ военной службы за границу, помогли ему потихоньку возвратиться во Францію. И когда въ этотъ моментъ вы, г. Барту, пришли ко мнѣ съ просьбой не нарушать разглашеніемъ факта вашъ семейный миръ, принять во вниманіе ваши родственныя обстоятельства и чувства, то знаете ли вы, что ходатаемъ, защищавшимъ ваше дѣло предо мною, былъ тотъ самый человѣкъ, котораго вы только что хотѣли убить ударомъ кинжала въ спину?“ Дѣло шло о братѣ Барту, который доказалъ искренность патріотизма высшихъ круговъ во Франціи тѣмъ, что преспокойно перешелъ границу отечества, чтобы не служить даже и двухъ лѣтъ.

Въ концѣ своей рѣчи Секкальди, упомянувъ о томъ фактѣ, что документъ Фабра, находившійся въ рукахъ Барту, былъ переданъ ему Бріаномъ—мы скажемъ ниже, при какихъ обстоятельствахъ,—и втеченіе цѣлаго года тщательно сохранялся имъ, чтобы быть пущеннымъ въ ходъ въ удобный моментъ, вторично протестовалъ противъ поведенія Барту: „Вы завладѣли этимъ документомъ, который принадлежалъ канцеляріи министерства юстиціи, и вы унесли его къ себѣ. Но во время прежнихъ преній заходила рѣчь какъ разъ объ этомъ документѣ. Когда г. Жорэсъ съ тѣмъ благородствомъ чувствъ, которое его всегда характеризуетъ, заклеймилъ постыдный характеръ похода противъ частныхъ лицъ и спросилъ, существуетъ ли, наконецъ, этотъ документъ, вашимъ долгомъ бы-

ло подняться и дать прямой отвѣтъ. И я обращаюсь ко всѣмъ своимъ товарищамъ по палатѣ,—ибо на всѣхъ скамьяхъ, я увѣренъ, найдется достаточно честныхъ людей, чтобы заклеймить подобные пріемы политической борьбы,—и я говорю имъ всѣмъ: запомните же разъ навсегда дѣяніе этого человѣка, который, похитивши офиціальный документъ, переданный ему предшественникомъ для того, чтобы вручить преемнику, воспользовался имъ такимъ образомъ, что въ данный моментъ совершилось непоправимое несчастье".

Среди хаоса сталкивающихся идей, въ атмосферѣ, насыщенной электричествомъ страстной политической борьбы, большинство скоро однако нашло выходъ изъ ужаснаго тупика подозрѣній, въ которомъ очутился парламентъ. Рѣшено было возобновить старую коммиссію по дѣлу Рошетта и оставить предсѣдательство въ ней по прежнему за Жорэсомъ, на котораго депутаты инстинктивно обращаютъ взоры въ моментъ взаимныхъ обвиненій, какъ на человѣка высокой честности. А пока Кайльо и Монисъ подали въ отставку, вызвавшую частную перетасовку кабинета, пожалуй, съ еще большимъ уклономъ влѣво. Мѣсто Кайльо занялъ Рену, бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, его мѣсто—очень лѣвый радикалъ, Мальви. Сенаторъ Готье получилъ портфель морского министра, находившійся въ рукахъ Мониса.

Передъ коммиссіей, получившей отчасти судебныя полномочія, втеченіе двухъ недѣль проходили всевозможныя лица,—интересные и чрезвычайно показательные типы современнаго общества въ его разныхъ слояхъ и корпораціяхъ. Тутъ и прокуроры, и судьи, и депутаты, и сенаторы, и вліятельные газетчики, и биржевики различнаго калибра и кредитоспособности. Впечатлѣніе получается ужасающее. Всѣ обвиняютъ другъ друга. Никто не хочетъ взять отвѣтственности на себя. Люди не останавливаются ни передъ чѣмъ. Въ особенности свирѣпа борьба между крупными дѣятелями республиканской партіи, расколовшейся на два лагеря. Когда я читалъ взаимныя обличенія и ядовитые выпады этихъ людей, мнѣ вспоминалась поразительная по своей экспрессіи группа Bältespännare, стоящая возлѣ національнаго музея въ Стокгольмѣ. Два смертельныхъ врага, по правиламъ стариннаго скандинавскаго поединка, связаны грудь съ грудью крѣпкимъ поясомъ, и каждый держитъ въ одной рукѣ острый ножъ, и каждый стремится отвести другою смертоносное лезвіе отъ своего сердца. Уйти некуда: тѣсный поясъ обрекаетъ одного, а порою и двухъ враговъ на неминуемую гибель. Такъ и эти дѣятели третьей республики стоятъ одинъ противъ другого въ позѣ непримиримой вражды, съ отравленнымъ оружіемъ обвиненія и клеветы, и ихъ тѣсно связываетъ другъ съ другомъ одинъ общій поясъ,—золотыя неразрывныя цѣпи капитала, цѣпи зависимости отъ власти денегъ. Заглохшее дѣло Рошетта, которое снова вспыхнуло, явилось только поводомъ къ этой смертельной дуэли.

Но кто же этотъ Рошеттъ, который играетъ такую роль въ борьбѣ партій? Рошеттъ, это—знаменитый французскій аферистъ, который съ 1905 г. поднялся яркимъ метеоромъ на небѣ спекуляціи и сразу занялъ выдающееся положеніе среди дѣльцовъ. Онъ избѣгалъ вступать въ какіе бы то ни было союзы съ другими банкирами и любилъ дѣйствовать на свой страхъ. Черезъ его руки прошла цѣлая уйма предпріятій, начиная отъ открытія имъ банка Горнаго кредита съ 65 отдѣленіями и кончая участіемъ въ размѣщеніи акцій русскаго нефтяного товарищества Ліанозовыхъ. Этотъ человѣкъ находилъ пособниковъ во всевозможныхъ слояхъ общества и, прежде всего, въ буржуазной прессѣ, той самой прессѣ, которая нынѣ негодующе воздѣваетъ руки къ небу и грозитъ разоблаченіями „правительственнымъ демагогамъ“. Довольно сказать, что Рошеттъ, по показаніямъ одного биржевого агента, въ самое короткое время истратилъ около 3 милліоновъ франковъ исключительно на прикормъ крупно-буржуазной и бульварной прессы, которая зачастую выпрашивала у него за рекламу до 10% всего подписного капитала пускаемыхъ имъ въ ходъ предпріятій.

Однако дѣйствія этого авантюриста зашли такъ далеко, что правительство вынуждено было возбудить противъ Рошетта судебное преслѣдованіе. Шесть лѣтъ тому назадъ, въ мартѣ 1908 г., онъ былъ арестованъ. Впрочемъ, неправильности, допущенныя при этомъ арестѣ, заставили многихъ благородныхъ людей, въ томъ числѣ Жорэса, считать Рошетта жертвою подвоховъ конкурирующихъ съ нимъ крупныхъ банкировъ. Въ 1910 г. была назначена особая парламентская комиссія подъ предсѣдательствомъ Жорэса. Коммиссіи пришлось столкнуться съ явнымъ нежеланіемъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ дойти до конца въ установленіи отвѣтственности. Какъ бы то ни было, лѣтомъ же 1910 г. исправительный судъ осудилъ Рошетта на 2 года тюрьмы и на 3.000 фр. штрафу. Рошеттъ подалъ на апелляцію и его дѣло должно было слушаться въ апрѣлѣ 1911 г. Вдругъ процессъ былъ отложенъ на 8 мѣсяцевъ, до самаго конца года. За это время произошелъ цѣлый рядъ министерскихъ кризисовъ. Клемансо уступилъ мѣсто Бріану, Бріанъ—Монису, Монисъ—Жозефу Кайльо, Жозефъ Кайльо—Рэмону Пуанкарэ, а тѣмъ временемъ Рошеттъ успѣлъ скрыться и продолжать изъ-за границы свои аферы. И снова Жоресъ въ 1912 г. настойчиво спрашивалъ, не было ли тутъ давленія правительства на судей, какъ о томъ ходили слухи, утверждавшіе, что слѣды этого давленія закрѣплены даже документально. Передъ прежнею коммиссіей и въ палатѣ на эти вопросы все время дѣлались отрицательные отвѣты. Заинтересованныя лица и, прежде всего, цѣлый рядъ членовъ смѣнявшихъ другъ друга кабинетовъ, а также выдающіеся представители судебнаго вѣдомства, увѣряли, что никакихъ документовъ нѣтъ и давленія не производилось.

Между тѣмъ въ настоящей коммиссіи выяснилось, что прокуроръ Фабръ, дѣйствительно, получилъ если не приказаніе, то увѣщаніе со стороны Мониса, инспирированнаго Кайльо, отложить дѣло Рошетта. Это имъ и было сдѣлано при помощи Бидо, предсѣдателя исправительнаго апелляціоннаго суда, давшаго отсрочку. Фабръ, по его собственнымъ словамъ, былъ однако будто бы очень смущенъ этимъ обстоятельствомъ, составилъ для себя и для защиты передъ другими краткій меморандумъ объ испытанномъ имъ давленіи, говорилъ о своихъ профессіональныхъ страданіяхъ товарищамъ, но лишь черезъ годъ послѣ написанія передалъ этотъ документъ Бріану, какъ министру юстиціи. А Бріанъ, переставъ быть министромъ, передалъ его вначалѣ 1913 г. Барту, какъ премьеру новаго кабинета. Остальное читатель уже знаетъ. Барту, теперь уже простой депутатъ, воспользовался въ политической борьбѣ документомъ, который долженъ былъ бы находиться въ архивахъ министерства юстиціи, но о которомъ уже много говорилось среди членовъ судебнаго вѣдомства и въ редакціяхъ газетъ. По рукамъ ходило, по крайней мѣрѣ, двѣ копіи фабровской записки.

Особый интересъ въ данномъ случаѣ возбудило то обстоятельство, что адвокатъ Рошетта упорно отказывался, подъ предлогомъ профессіональной тайны, открыть имя лица, которое своимъ вліяніемъ воздѣйствовало будто бы на министровъ, а черезъ министровъ и на прокурора, при отсрочкѣ дѣла. И вдругъ, на коммиссію свалился новый фактъ. 28 марта ея предсѣдатель, Жорэсъ, получилъ письмо отъ скрывающагося (въ Швейцаріи?) Рошетта, съ объясненіемъ, что этимъ могущественнымъ неизвѣстнымъ лицомъ былъ никто иной, какъ онъ самъ, Рошеттъ, и что Кайльо былъ встревоженъ его угрозою въ случаѣ отказа въ его просьбѣ отпечатать изготовленную имъ брошюру о финансовыхъ операціяхъ третьей республики. А изъ брошюры этой явствовало, что за послѣдніе годы французскіе держатели разныхъ бумагъ были обмануты банками и вообще финансистами своей страны по меньшей мѣрѣ на 10 милліардовъ, въ то время какъ англійскія и нѣмецкія предпріятія дали участвовавшимъ въ нихъ лицамъ не менѣе 17 милліардовъ барыша. Кайльо былъ встревоженъ такимъ разоблаченіемъ и счелъ нужнымъ въ интересахъ республики закрыть ротъ Рошетту.

Кстати о показаніяхъ Кайльо передъ коммиссіей. Нѣтъ сомнѣнія, что на человѣка, далекаго отъ плутократическихъ вожделѣній нашей эпохи, эти показанія производятъ довольно тягостное впечатлѣніе. Странно, напр., звучитъ для непривычныхъ ушей утвержденіе Кайльо, что если онъ и занимался финансовыми дѣлами, занимаясь въ то же время политикой, то въ этомъ онъ не видитъ ничего особенно плохого. Изъ 1.200.000 франковъ капитала, который оставили ему родители, и изъ 50.000 франковъ ежегодной ренты, которую онъ получалъ съ этого капитала, Кайльо дѣлалъ, по его словамъ, самое обычное въ современномъ обществѣ употребленіе

Онъ патетически завѣрялъ коммиссію, что даже нисколько не пріумножилъ ихъ. А что касается до мѣстъ директоровъ разныхъ правленій, то онъ занималъ ихъ въ трудныя минуты и лишь для того, чтобы пополнить серьезныя матеріальныя потери, которыя онъ порою несъ въ силу „личныхъ ошибокъ“ или необходимости отдавать немалую часть своего времени партійной политикѣ. Но, впрочемъ, онъ, молъ, уже расквитался съ этою ролью участника въ предпріятіяхъ и снова не думаетъ къ нимъ вернуться.

За то въ показаніяхъ Кайльо была, по крайней мѣрѣ, извѣстная искренность, которой отнюдь не обнаружили его враги. Онъ говорилъ, напр., вполнѣ правильно, что занятіе финансовыми предпріятіями является въ современномъ обществѣ дѣломъ вполнѣ законнымъ для человѣка, обладающаго капиталомъ. Почему же его враги нападаютъ на него какъ разъ за тѣ дѣйствія, которыя составляютъ обычную форму дѣятельности французской буржуазіи и ея политическихъ выразителей? Кайльо, кстати сказать, могъ бы тутъ прибавить, что всякій разъ, какъ крайними элементами во французскомъ парламентѣ вносились предложенія признать незаконными всякія административныя функціи въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ для депутатовъ и сенаторовъ, вожаки буржуазіи съ необыкновенной рѣзкостью возставали противъ этихъ, по ихъ мнѣнію, глубоко демагогическихъ предложеній. Они рѣшительно заявляли, что, наоборотъ, лучшимъ представителемъ народа всегда будетъ не какой-нибудь профессіональный политиканъ, живущій исключительно депутатскимъ жалованьемъ и разными сомнительными доходами, а человѣкъ, стоящій во главѣ серьезныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій и защищающій интересы наиболѣе энергичныхъ и цѣнныхъ слоевъ общества, т. е. капиталистовъ разныхъ родовъ.

Это лицемѣріе ярко сказалось, напр., на показаніяхъ директора газеты „Temps“, Адріена Эбрара. Эбраръ все время велъ полемику на столбцахъ своей газеты противъ „золотой шайки“, которая якобы состоитъ изъ лицъ, извѣстныхъ всѣмъ и каждому, и тѣсно соприкасается съ людьми правительства, которые мирволятъ разнымъ Рошеттамъ. Жоресъ остроумно отвѣтилъ на эти полемическіе пріемы, пригласивъ Эбрара для дачи показаній въ коммиссію (имѣя нѣкоторую долю судебныхъ полномочій, она можетъ требовать отъ свидѣтеля присяги) и попросивъ его точно указать, какія лица разумѣетъ онъ подъ этими прозрачными анонимами. А когда Эбраръ началъ отказываться, ссылаясь, что то были лишь „гипотезы и наведенія“ его сотрудниковъ, то Жорэсъ попросилъ Эбрара объяснить, между прочимъ, какъ онъ смотритъ на свои собственныя дѣйствія вродѣ хотя бы восьмикратныхъ попытокъ добиться то у того, то у другого министра отсрочки разныхъ дѣлъ по ликвидаціи имуществъ знаменитаго своимъ ликеромъ монастыря Шартрёзы. И Эбраръ въ превеликомъ смущеніи пустился оправдывать свои пріемы

указаніемъ на высоко благородный характеръ его кліентовъ. Не забудемъ, что этотъ Эбраръ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ и притомъ безнаказанно спекулировавшихъ панамистовъ. Подъ предлогомъ „объявленій“ (publicité) онъ стащилъ съ общества Лессепса далеко за милліонъ франковъ. Да и другіе господа издатели крупныхъ буржуазныхъ и бульварныхъ органовъ печати постоянно взимаютъ эту мзду съ разныхъ предпріятій. И они путемъ давленія на министровъ, имѣющаго несомнѣнный характеръ шантажа, успѣваютъ добиваться всевозможныхъ концессій и привилегій для своихъ кліентовъ-милліонеровъ.

Хороши также оказались и члены суда, и представители прокурорскаго надзора. Особенно хорошъ генеральный прокуроръ Фабръ, который, въ качествѣ одного изъ самыхъ реакціонныхъ обвинителей, безпощадно требуетъ самыхъ строгихъ наказаній для мелкихъ преступниковъ, но въ то же время считаетъ возможнымъ сдаваться на увѣщанія министровъ, когда дѣло идетъ о колоссальныхъ мошенничествахъ. Въ особенности характерно было то мѣсто въ его показаніяхъ, когда онъ жаловался, что, за время его службы, на посту министра юстиціи смѣнилась по крайней мѣрѣ дюжина политическихъ дѣятелей, свирѣпо боровшихся другъ съ другомъ. И бѣдняга Фабръ,—„вибрирующій“ Фабръ, какъ назвалъ его предсѣдатель суда, Бибо, тоже обнаружившій большуы готовность исполнить просьбу Фабра,—не зналъ, какъ только угодить этимъ тянущимъ въ разныя стороны братьямъ-врагамъ. Тщетно Бріанъ предъ лицомъ коммиссіи старался добиться отъ Фабра признанія, что, по крайней мѣрѣ, онъ-то, Бріанъ, въ такихъ дѣйствіяхъ неповиненъ...

Огромный докладъ коммиссіи, составленный Жорэсомъ и одобренный, послѣ всевозможныхъ треній, единогласно всѣми членами, за исключеніемъ двухъ вышедшихъ изъ ея состава депутатовъ правой, послужилъ предметомъ страстныхъ дебатовъ на послѣднихъ засѣданіяхъ (2—3 апрѣля) палаты. Значительнымъ большинствомъ палата отвергла передачу въ судъ дѣйствій всѣхъ этихъ братьевъ-враговъ и ихъ подчиненныхъ: Мониса, Кайльо, Бріана, Барту, Фабра, Бидо и др. Но она единогласно приняла формулу, на которой отразился благородный духъ Жорэса и его друзей, — формулу, бичующую „вмѣшательство финансовъ въ политику и политики въ правосудіе“, равно какъ требующую изданія закона, который воспретилъ бы совмѣщеніе парламентскихъ и спекулятивно-административныхъ функцій. Это была лебединая пѣснь палаты 1913—1914. Засѣданія ея кончены. Выборы новой назначены на 26 апрѣля, перебаллотировка — на 10 мая. Что дастъ открывающаяся избирательная кампанія, сказать трудно. Борьба противъ надвигающагося прогрессивнаго налога (не вотированнаго еще окончательно сенатомъ) со стороны типичной буржуазіи борьба противъ трехлѣтняго закона со стороны соціалистовъ и передовой

буржуазіи — вотъ, повидимому, главныя черты предстоящей кампаніи.

Не предрѣшая вопроса о томъ, какъ сложатся дальнѣйшія событія, придется признать, что изъ смутнаго положенія, въ которое вступила третья республика вслѣдствіе осложненій послѣднихъ дней, выходитъ незапятнанною только та часть парламента, которыя держалась далеко отъ всякихъ аферъ, т. е. люди, требующіе идейнаго характера политики и защищающіе интересы человѣческаго труда противъ эксплуатаціи и ажіотажа привилегированныхъ классовъ. Съ точки зрѣнія скорѣйшей осуществимости прогрессивнаго налога можно, пожалуй, прибавить къ этому сожалѣніе, что единственный разъ (если не считать проекта Думэра въ 1896 г.), когда среди французской крупной буржуазіи нашлись выдающіяся личности, вродѣ Кайльо, повидимому болѣе или менѣе искренно желавшія податной демократической реформы, на нихъ тяжело отозвалась ихъ роковая близость къ капиталу, крѣпко гнетущему на людей этого круга. И приходится лишь надѣяться, что современное тяжелое положеніе третьей республики вызоветъ въ странѣ новую спасительную встряску, которая разбудитъ спящія въ націи силы энтузіазма и заставитъ ее отдать дѣло демократическихъ реформъ въ чистыя руки.

Н. С. Русановъ.

На очередныя темы.

Демократизація кредита.

Гондольеръ молодой! не свезешь ли меня?
Я въ Ріальто спѣшу до заката...

I.

Въ рескриптѣ, данномъ на имя новаго министра финансовъ, г. Барка, упоминается между прочимъ о „народномъ трудѣ, лишенномъ въ тяжкую минуту нужды денежной поддержки путемъ правильно поставленнаго и доступнаго кредита“. Это дало поводъ націоналистической печати протрубить о предстоящей будто бы „націонализаціи“ кредита, въ смыслѣ „устраненія противоестественнаго посредничества еврейскихъ банковъ“. Оказалось однако,— по крайней мѣрѣ, такъ разъяснили освѣдомители „Новаго Времени“,—что предстоитъ не „націонализація“, осуществить которую не мыслимо, а „демократизація“ кредита, но въ какомъ видѣ и смыслѣ—не извѣстно.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что эта кредитная „демократизація“ окажется ничѣмъ инымъ, какъ... „баркаролой“. Такъ г. Хомяковъ назвалъ „коренныя преобразованія“, связываемыя съ именемъ г. Барка, и надо сказать что по отношенію къ другой за-

дачѣ, возложенной на новаго министра финансовъ, этотъ хомяковскій каламбуръ оказался очень удачнымъ. „Первый шагъ" на пути къ водворенію народной трезвости г. Баркъ „съ Божьею помощью" уже сдѣлалъ,—соотвѣтствующій циркуляръ имъ написанъ. И получилась какъ разъ „баркарола": пѣсенка съ любовнымъ и меланхолическимъ содержаніемъ,—вродѣ тѣхъ, какія поютъ венеціанскіе гондольеры. Теперь такую пѣсенку напѣваютъ русскіе администраторы разныхъ вѣдомствъ и ранговъ, воспроизводя мотивъ г. Барка въ своихъ циркулярахъ...

Возможно, что и по части кредита „коренныя преобразованія" сведутся къ такимъ же любовнымъ и меланхолическимъ циркулярамъ... Не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что въ этой сферѣ возможна и подлинная „демократизація". И додуматься до нея даже г. Барку будетъ, повидимому, не трудно.

Какъ разъ въ послѣднее время съ разныхъ сторонъ и притомъ довольно настойчиво сталъ выдвигаться вопросъ о кредитѣ подъ надѣльныя земли въ качествѣ очередной задачи аграрной и финансовой политики. Легко понять, какая широкая при этомъ можетъ получиться „демократизація": если „правильно" поставить такой кредитъ, то онъ сразу же окажется „доступнымъ" для сто-милліоннаго населенія. Только въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи насчитывается около 140 милл. десятинъ надѣльной земли: если подъ залогъ этой земли выдать въ среднемъ по 65 руб. на десятину,—а столько именно выдаетъ теперь Крестьянскій банкъ,—то это составитъ девять милліардовъ рублей. Вотъ какую „денежную поддержку" можно оказать народному труду, опираясь на надѣльную землю,—и при томъ оказать безъ особаго риска, такъ какъ обезпеченіе вѣрное.

Конечно, сразу выдать такую сумму трудно, но этого вѣдь и не потребуется. Въ данномъ году заложитъ свою землю Иванъ, въ слѣдующемъ Петръ, потомъ Карпъ,—такъ оно и пойдетъ: даже безъ перезалоговъ операція продлится цѣлый рядъ лѣтъ. Если ежегодно выдавать хотя бы по полмилліарда, то это вѣдь почти равносильно тому, какъ если бы каждый годъ былъ хорошій урожай и притомъ заранѣе обезпеченный. Пусть даже случится подлинный недородъ,—и то не бѣда: „въ тяжкую минуту нужды" мужики заложатъ побольше земли,—и все тутъ. Къ слову сказать, уже семь лѣтъ тому назадъ управлявшій тогда земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Пестржецкій, придумалъ именно такой планъ обезпеченія народнаго продовольствія на случай неурожаевъ.

Само собой понятно, что „денежная поддержка", оказываемая въ такимъ размѣрахъ земледѣльческому труду, скажется большимъ оживленіемъ и въ торгово-промышленной сферѣ. Полученныя изъ банка деньги мужикъ вѣдь не въ кубышку положитъ, а въ оборотъ пуститъ,—въ оборотѣ же и лежитъ залогъ капиталистическаго

преуспѣянія. Въ этомъ оборотѣ и казна свою долю получитъ, „благосостояніе“ ея, несомнѣнно, тоже увеличится. Словомъ, если заложить надѣльныя земли, то на всѣхъ хватитъ...

Новый министръ финансовъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ вращался въ кругѣ исключительно торгово-промышленныхъ кредитныхъ операцій и въ горизонты, открываемые ипотечнымъ кредитомъ, ему, повидимому, не приходилось еще всматриваться. Поэтому, нужно думать, онъ и не замѣчаетъ ипотечной „демократизаціи“, которая, можно сказать, прямо просится въ его гондолу. Но найдутся, конечно, добрые люди, которые его надоумятъ, обратятъ его вниманіе на эту красавицу. Это можетъ сдѣлать, напримѣръ, хотя бы г. Кривошеинъ, въ вѣдомствѣ котораго мысль о широкомъ развитіи залоговыхъ операцій съ надѣльными землями давно уже культивируется. При томъ же, по упорно циркулирующимъ слухамъ, именно г. Кривошеинъ составлялъ рескриптъ на имя г. Барка и, стало быть, истинный смыслъ „правильно поставленнаго и доступнаго кредита“ ему лучше, чѣмъ кому-либо другому, извѣстенъ.

Такъ или иначе, но нѣтъ ничего мудренаго, что именно надѣльныя земли явятся главнымъ объектомъ кредитной „демократизаціи“. И это уже не „баркарола“ будетъ, тутъ ужь музыка совсѣмъ иная пойдетъ, чѣмъ въ ухаживаніяхъ за трезвостью,—не меланхолическая...

Но и помимо этого,—независимо даже отъ того, какое мѣсто вопросъ о залогѣ надѣльныхъ земель займетъ въ программѣ новаго министра финансовъ,—на этомъ вопросѣ своевременно будетъ остановиться. Какъ я уже сказалъ, въ послѣднее время онъ съ разныхъ сторонъ выдвигается въ качествѣ очередной задачи экономической политики, и съ нѣкоторыми доводами на этотъ счетъ мы, въ сущности, обязаны посчитаться.

II.

Принципіально вопросъ о залогѣ надѣльныхъ земель былъ рѣшенъ однимъ изъ контръ-революціонныхъ указовъ и рѣшенъ, конечно, въ положительномъ смыслѣ. 15 ноября 1906 года Крестьянскому банку было предоставлено принимать въ залогъ надѣльныя земли и выдавать подъ нихъ ссуды, предназначенныя, какъ для расширенія землевладѣнія заемщиковъ, такъ и для перехода ихъ къ новымъ формамъ землепользованія. Третья Дума, на ряду съ другими контръ-революціонными актами, одобрила и этотъ указъ, развивъ и дополнивъ его. Такимъ образомъ 5 іюля 1912 года онъ получилъ силу нормальнаго, постоянно дѣйствующаго закона.

Прошелъ однако годъ, и вопросъ о залогѣ надѣльныхъ земель

вновь всплылъ на поверхность. Дѣло въ томъ, что Крестьянскій банкъ слишкомъ медленно развиваетъ эти свои операціи. Такъ, въ теченіе всего 1913 года, — а это былъ уже седьмой годъ дѣйствія указа 15 ноября,—имъ было принято въ залогъ всего лишь 28.420 дес. надѣльной земли и выдано въ ссуду 1.756.110 руб. Не трудно разсчитать, что если и дальше дѣло пойдетъ такимъ же темпомъ, то вся надѣльная земля воспользуется „благами" ипотечнаго кредита развѣ черезъ 5.000 лѣтъ.

Медленное развитіе операцій по залогу надѣльныхъ земель сторонники болѣе широкаго развитія ихъ объясняютъ, главнымъ образомъ, организаціей Крестьянскаго банка, совершенно не приспособленной къ сдѣлкамъ по залогу мелкихъ клочковъ земли. Крестьянскій банкъ—говорятъ намъ—неудобенъ и невыгоденъ для крестьянъ, такъ какъ его отдѣленія находятся въ большихъ городахъ, далеко отъ деревни, полученіе кредита обставлено массой дорого стоющихъ формальностей, дѣлающихъ мелкія сдѣлки прямо убыточными, ходатайства о кредитѣ ждутъ удовлетворенія годами и т. д. Въ результатѣ крестьянская нужда въ ипотечномъ кредитѣ остается въ громадной своей части вовсе неудовлетворенной. Необходимо поэтому иначе организовать все дѣло,—и вопросъ можетъ быть только въ томъ, къ чьему посредничеству въ этомъ случаѣ обратиться. За посредниками же дѣло не станетъ...

Прежде всего, частный капиталъ усиленно предлагаетъ свои услуги. Въ разсчетѣ на операціи съ надѣльными землями уже составляются проекты ипотечныхъ банковъ, ведутся переговоры о предоставленіи имъ концессіи на принятіе въ залогъ надѣльныхъ земель и т. д. И эти домогательства частныхъ капиталистовъ, повидимому, являются не совсѣмъ безнадежными: для одного изъ такихъ проектируемыхъ банковъ, по словамъ г. Вормса, набирался уже личный составъ,—дѣло, очевидно, налаживалось...

Но обращеніе къ услугамъ частнаго капитала, несомнѣнно, сопряжено все-таки съ значительными неудобствами. Категорическое воспрещеніе закладывать надѣльныя земли частнымъ лицамъ и въ частныя учрежденія, установленное еще въ 1893 году, остается до сихъ поръ непоколебленнымъ въ нашемъ законодательствѣ. Даже при составленіи контръ-революціоннаго указа 1906 года правительство не рѣшилось игнорировать соображенія, высказанныя на этотъ счетъ въ свое время Государственнымъ Совѣтомъ. И теперь, удовлетворяя разыгрывающіеся аппетиты частныхъ предпринимателей, съ этими соображеніями, несомнѣнно, пришлось бы посчитаться.

Имѣются однако и другіе пути, которые могутъ привести къ той же цѣли. Такъ, октябристами уже внесенъ въ Государственную Думу законопроектъ о предоставленіи земскимъ учрежденіямъ права открывать банки для выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимостей. Этотъ законопроектъ, нужно думать, разсчитанъ, главнымъ обра-

зомъ, на надѣльныя земли и еще, быть можетъ, на сельскія постройки, такъ какъ всѣ почти другія недвижимыя имущества уже заложены и перезаложены и притомъ въ значительной своей части— на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ какія въ состояніи будутъ предложить своимъ заемщикамъ земскіе банки.

Путь черезъ земство къ надѣльнымъ землямъ имѣетъ уже то преимущество, что онъ не идетъ въ разрѣзъ съ существующимъ о нихъ законодательствомъ и свободенъ отъ тѣхъ слишкомъ ужь очевидныхъ опасностей, какія имѣются на пути черезъ частные банки.

Возможенъ и еще путь,—черезъ кооперативы. Мысль воспользоваться этимъ путемъ, какъ оказывается, не чужда даже министерству финансовъ. Главнымъ управленіемъ по дѣламъ мелкаго кредита уже возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ дѣйствующихъ правилъ о кредитной коопераціи, — къ слову сказать, они могутъ быть измѣнены непосредственно министромъ финансовъ, — съ цѣлью предоставить кредитнымъ товариществамъ право выдавать ссуды подъ залогъ не только внѣнадѣльныхъ, но и надѣльныхъ земель. Одно это не можетъ, конечно, полностью рѣшить вопроса о кредитѣ подъ надѣльныя земли, такъ какъ гораздо большее значеніе можетъ имѣть не краткосрочный, а долгосрочный кредитъ, каковой не входитъ въ кругъ дѣйствій нынѣшнихъ товариществъ. Но ихъ можно, конечно, для этого приспособить или создать новые кооперативы, и мысль объ этомъ, какъ увидимъ дальше, очень популярна въ нѣкоторыхъ кругахъ.

Возможно, наконецъ, попытаться расчистить и выровнять тотъ путь къ надѣльнымъ землямъ, который былъ намѣченъ контръ-революціоннымъ законодательствомъ. Если Крестьянскій банкъ до сихъ поръ медленно развивалъ залоговыя операціи съ надѣльными землями, то это, конечно, еще не значитъ, что онъ вовсе не способенъ успѣшно вести ихъ. Просто ему не до того было. Сначала онъ всецѣло былъ озабоченъ „денежной поддержкой", какая въ небывалыхъ еще размѣрахъ потребовалась помѣщикамъ, а потомъ, наряду съ этой заботой, ему приходилось все время возиться съ распродажей по мелочамъ пріобрѣтенныхъ у нихъ имѣній. Какъ бы то ни было, за это время онъ доказалъ свою гибкость, умѣнье приспособляться къ разнымъ задачамъ и способность достаточно успѣшно вести даже мелкія операція. Теперь, когда онъ напрактиковался на собственныхъ хуторахъ и отрубахъ, онъ сумѣетъ повести дѣло и съ надѣльными клочками. Конечно, для этого нужно будетъ нѣсколько видоизмѣнить и расширить его организацію, но при тѣхъ размѣрахъ, какихъ она уже достигла, сдѣлать это будетъ не трудно. Во всякомъ случаѣ, не бюрократія усомнится въ своихъ способностяхъ. Поэтому вѣроятнѣе всего, что она предпочтетъ путь къ надѣльнымъ землямъ именно черезъ Крестьянскій банкъ, по своей, такъ сказать, территоріи,—если, конечно, по тѣмъ или инымъ

соображеніямъ ей не понадобится помощь или хотя бы видимость сотрудничества земствъ или кооперативовъ. Возможно, что она даже предпочтетъ въ этомъ случаѣ болѣе демократическія по своему составу учрежденія, кооперативы: послѣдніе скорѣе, чѣмъ земство, могутъ увлечь крестьянскую массу благами поземельнаго кредита.

Изъ сказаннаго ясно, въ чемъ заключается сущность вопроса о надѣльныхъ земляхъ, выдвигаемаго въ послѣднее время на очередь. Рѣчь идетъ о дальнѣйшемъ развитіи контръ-революціоннаго законодательства, о болѣе широкомъ практическомъ примѣненіи одного изъ заложенныхъ въ немъ принциповъ, о болѣе глубокомъ проникновеніи его въ народную жизнь... И эта задача, какъ я уже сказалъ, выдвигается теперь съ разныхъ сторонъ.

Впрочемъ, что касается крайнихъ правыхъ, то они этотъ вопросъ о надѣльныхъ земляхъ склонны ставить гораздо болѣе узко и несравненно болѣе откровенно. Между прочимъ, этотъ вопросъ былъ затронутъ на послѣднемъ съѣздѣ объединеннаго дворянства. Совѣтъ предложилъ съѣзду признать, что „при нарушеніи нормальныхъ условій жизни страны надѣльныя земли со всѣми принадлежностями къ нимъ не должны исключаться изъ числа предметовъ, на которые можетъ быть обращено принудительное взысканіе за убытки“ [1]). Въ этомъ смыслѣ и состоялось постановленіе съѣзда. Уполномоченный отъ херсонскихъ дворянъ, г. Мержановъ, настаивалъ, чтобы благородное дворянство твердо и неуклонно заявило о необходимости отмѣнить вообще неприкосновенность надѣльныхъ земель. Но съѣздъ такъ далеко не пожелалъ идти: помѣщикамъ на случай аграрныхъ безпорядковъ, конечно, должно быть предоставлено право накладывать свои руки на надѣльныя земли, но чтобы къ этимъ землямъ прикасались еще и другія какія-либо, въ частности, „еврейскія руки“—этого дворяне отнюдь не желаютъ и хлопотать объ этомъ не будутъ.

Конечно, дворяне, стоящіе непосредственно у кормила власти, могутъ, да и должны взглянуть на вопросъ шире. Оттуда видно, какое значеніе имѣетъ торгово-промышленный оборотъ въ обще экономической и, въ частности, финансовой жизни государства: волей-неволей съ нимъ приходится считаться и всячески ему помогать. И если для этого необходима „денежная поддержка“, которую можно оказать за счетъ надѣльныхъ земель, то съ „неприкосновенностью“ ихъ можно и не церемониться. Скрѣпя сердце, и съ „противоестественнымъ посредничествомъ еврейскихъ банковъ“ придется, быть можетъ, примириться...

Гораздо меньше треній вопросъ о залогѣ надѣльныхъ земель можетъ вызвать въ такъ называемомъ „центрѣ“, въ которомъ сосредоточено представительство торгово-промышленныхъ интересовъ,—главнымъ образомъ, интересовъ крупно-капиталистической буржуазіи. Здѣсь сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, склонность къ экономи-

---

[1]) „Рѣчь“, 3 марта.

ческому либерализму, и „неприкосновенностью“ надѣльныхъ земель здѣсь очень мало озабочены: въ нихъ видятъ просто-на-просто „товаръ“ и полагаютъ, что, какъ и все въ мірѣ, онѣ должны находиться въ оборотѣ. Напомню, что въ союзѣ именно съ „центромъ“, при самой дѣятельной поддержкѣ октябристовъ, Столыпинъ проводилъ свою земельную реформу, — тогда какъ крайніе правые относились къ ней довольно сдержанно, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ — даже подозрительно и недружелюбно. Вполнѣ естественно поэтому, что и теперь вопросъ о распространеніи на надѣльныя земли „благъ ипотечнаго кредита“ безъ всякихъ сомнѣній и колебаній разсматривается въ „центрѣ“ просто какъ „ближайшая задача“. Такъ назвалъ ее, напримѣръ, г. Еропкинъ въ своемъ докладѣ, прочитанномъ недавно въ клубѣ общественныхъ дѣятелей.

Болѣе удивительно, что та же задача стала выдвигаться въ послѣднее время и слѣва... Впервые, если не ошибаюсь, вопросъ о залогѣ надѣльныхъ земель всталъ передъ демократически настроенными кругами на второмъ кооперативномъ съѣздѣ, происходившемъ минувшимъ лѣтомъ въ Кіевѣ. Одна изъ секцій этого съѣзда — именно секція кредитныхъ товариществъ, къ слову сказать, состоявшая въ значительной части изъ крестьянъ, т. е. наиболѣе демократическая и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе сѣрая по своему составу,—высказалась за предоставленіе кредитнымъ кооперативамъ права принимать въ залогъ надѣльныя земли. Тогда другая секція,—секція сельскохозяйственныхъ обществъ, наиболѣе интеллигентная по своему составу, включавшая въ себя значительное число агрономовъ,—немедленно приняла прямо обратную резолюцію и рѣшительно высказалась противъ распространенія залоговыхъ операцій на надѣльныя земли. Въ виду такого рѣзкаго противорѣчія между постановленіями двухъ секцій съѣздъ оказался лишеннымъ возможности вынести какое-либо общее рѣшеніе. Онъ постановилъ обратиться къ Чупровскому обществу въ Москвѣ съ просьбой заняться разработкой этого вопроса.

Нѣсколько позднѣе вопросъ о залогѣ надѣльныхъ земель возникъ на сѣверномъ меліораціонномъ съѣздѣ, засѣдавшемъ въ концѣ октября въ Москвѣ. Не считая возможнымъ тутъ же войти въ обсужденіе этого вопроса, онъ поручилъ организаціонному комитету подготовить его къ слѣдующему съѣзду.

„Русскія Вѣдомости“ признали „очень важнымъ, что съѣздъ указалъ своимъ постановленіемъ на крупное значеніе вопросовъ о залогѣ и мобилизаціи надѣльной земли“. Въ рядѣ передовыхъ статей по аграрному вопросу, появившихся вслѣдъ затѣмъ въ газетѣ, она уже опредѣленно высказалась за свободу мобилизаціи надѣльныхъ земель и за болѣе широкое развитіе кредита подъ нихъ [1]). Въ предыдущей книжкѣ мы дали статью Н. П. Огановскаго, въ ко-

---

[1]) См. „Русскія Вѣдомости“ за 1, 7, 13, 26 ноября, 6 и 19 декабря.

торой онъ оспариваетъ нѣкоторыя изъ положеній, высказанныхъ „Русскими Вѣдомостями“. Но, расходясь съ послѣдними во взглядахъ на происхожденіе и значеніе „индивидуалистическаго начала“ въ землевладѣніи и отстаивая принципъ обобществленія земли, г. Огановскій въ то же время не возражаетъ противъ мобилизаціи и залога надѣльныхъ земель; напротивъ, въ другихъ своихъ статьяхъ онъ рѣшительно высказывается за развитіе этихъ операцій и приводитъ съ своей стороны рядъ соображеній и доводовъ въ пользу ихъ.

Въ настоящее время вопросъ о залогѣ надѣльныхъ земель оживленно обсуждается въ кооперативной прессѣ. Между прочимъ, въ вышедшей недавно „Библіотекѣ Кооперативной Жизни“ (первый сборникъ) мы находимъ по этому вопросу статьи гг. Огановскаго и Вормса, въ которыхъ они—одинъ съ экономической точки зрѣнія, другой съ юридической—доказываютъ возможность и необходимость широкаго развитія кредита подъ надѣльныя земли, настаивая вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы къ участію въ этомъ дѣлѣ были привлечены кооперативы.

Такимъ образомъ и въ лѣвыхъ, въ частности въ народническихъ, кругахъ имѣются достаточно видные и убѣжденные сторонники рѣшенія даннаго вопроса въ положительномъ смыслѣ. И это обстоятельство нельзя не считать симптоматичнымъ. Когда октябристы спѣшатъ пустить въ оборотъ надѣльныя земли, то въ этомъ, какъ я уже сказалъ, нѣтъ, въ сущности, ничего новаго: они лишь продолжаютъ линію, которую вели раньше. Совсѣмъ иное дѣло, когда о томъ же начинаютъ хлопотать люди, державшіеся до сихъ поръ совсѣмъ иныхъ взглядовъ на этотъ предметъ. Очевидно, въ народной жизни или въ нихъ самихъ произошло что-то такое, что заставило ихъ радикальнымъ образомъ измѣнить или существенно осложнить свое отношеніе къ аграрной проблемѣ. Во всякомъ случаѣ необходимо вникнуть въ ихъ доводы и соображенія, чтобы уяснить себѣ тѣ объективныя и субъективныя причины, которыя обусловили эту эволюцію или революцію въ ихъ взглядахъ.

III.

Что касается народной жизни, то въ ней, конечно, произошли крупныя перемѣны, и аграрный вопросъ приходится теперь рѣшать при существенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ то было раньше.

„Главная изъ этихъ перемѣнъ—говорятъ „Русскія Вѣдомости“— коснулась поземельной общины и выразилась въ томъ, что очень значительная часть нашего сельскаго населенія, пользовавшаяся раньше надѣльной землей на общинномъ правѣ, перешла къ личному землевладѣнію. Причины, вызвавшія этотъ переходъ, многообразны и сложны и оцѣнивать ихъ можно различно, но фактъ остается фактомъ и съ нимъ нельзя не считаться“. Контръ-рево-

люціонному законодательству въ ряду причинъ, обусловившихъ этотъ переходъ, газета придаетъ второстепенное значеніе. „Роль столыпинскаго законодательства въ этомъ процессѣ — говоритъ она—выразилась главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что оно внесло въ широкихъ предѣлахъ въ дѣло аграрной эволюціи элементъ насилія и произвола“. Основная же причина этого процесса, по мнѣнію „Русскихъ Вѣдомостей“, иная. „Какъ ни безобразны аграрные законы эпохи Столыпина,—читаемъ мы — тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что они открыли выходъ для индивидуалистическихъ стремленій, зародившихся въ крестьянской средѣ раньше и независимо отъ столыпинской политики подъ вліяніемъ общаго направленія экономической эволюціи Россіи въ сторону денежнаго хозяйства и широкаго мѣнового оборота“ (XI. 7).

Къ этимъ „индивидуалистическимъ стремленіямъ“ газета, въ сущности, и сводитъ весь вопросъ. Она „держится того убѣжденія, что индивидуалистическому началу теперь должно быть отведено въ русской экономической жизни и, въ частности, въ области аграрныхъ отношеній соотвѣтствующее мѣсто. Таково—по мнѣнію „Русскихъ Вѣдомостей“—велѣніе силъ, опредѣляющихъ въ конечномъ итогѣ направленіе экономической эволюціи и пробивающихъ себѣ пути вопреки насилію и доктринерству“ (XI, 1). Не передъ контръреволюціоннымъ законодательствомъ газета склоняетъ голову, а передъ стихійнымъ процессомъ эволюціи, передъ общимъ теченіемъ жизни. Отсюда и вытекаетъ ея главный тезисъ: „При нормальныхъ условіяхъ экономическаго и политическаго развитія страны свобода распоряженія земельною собственностью должна составлять по отношенію къ мелкому землевладѣнію общее правило, отступленія отъ котораго допускаются только какъ изъятія, вызываемыя особенными обстоятельствами“. Конечно, „Русскія Вѣдомости“ понимаютъ, что „условія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ очень далеки отъ нормальныхъ“, и потому онѣ готовы примириться съ ограниченіями, лежащими на надѣльныхъ земляхъ, но отнюдь не со всѣми, а лишь съ нѣкоторыми, „безусловно вызываемыми особенностями нашей дѣйствительности“ (XI. 26). Общимъ же правиломъ должна быть свобода,—свобода мобилизаціи и залога.

Въ пользу этой свободы „Русскія Вѣдомости“ приводятъ и еще нѣсколько соображеній, главнымъ образомъ практическаго свойства. Такъ, онѣ указываютъ, что „ограниченіе права залога сильно понижаетъ кредитоспособность крестьянскаго хозяйства и поэтому вызываетъ многочисленныя нареканія со стороны крестьянъ“; что „искусственное ограниченіе мобилизаціи не можетъ не приводить къ обходамъ закона, вносящимъ въ послѣдній нѣкоторыя поправки соотвѣтственно требованіямъ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ порождающимъ неизбѣжную въ такихъ случаяхъ неравномѣрность примѣненія законодательныхъ нормъ, а, слѣдовательно, и несправедливость“; что „послѣдствіемъ ограничительныхъ и притомъ практи-

чески очень неопредѣленныхъ условій, въ которыя поставлено крестьянское землевладѣніе, является значительное обезцѣненіе надѣльной земли по сравненію съ частно-владѣльческой" (XI.13)... Но эти соображенія въ разсужденіяхъ газеты играютъ, въ сущности, побочную роль,—поэтому, быть можетъ, она и не входитъ во сколько-нибудь серьезную оцѣнку прибылей и убытковъ, связанныхъ для трудового хозяйства со свободой мобилизаціи и залога. Основная линія ея разсужденій, какъ мы видѣли, такова: закономѣрный процессъ экономической эволюціи ведетъ къ усиленію индивидуалистическихъ стремленій въ землевладѣніи и потому „было бы величайшей ошибкой... снова пытаться перегнуть палку въ сторону общиннаго начала" (XI.7).

На иной точкѣ зрѣнія стоитъ г. Огановскій. По его мнѣнію,—какъ читатели знаютъ изъ его статьи, помѣщенной въ „Русскомъ Богатствѣ",—между развитіемъ мѣновыхъ отношеній и усиленіемъ индивидуалистическихъ стремленій въ землевладѣніи нѣтъ органической связи; больше того: роль индивидуалистическаго начала въ этой сферѣ, какъ полагаетъ г. Огановскій, всегда опредѣлялась не столько экономическими, сколько политическими факторами; и если въ настоящее время оно получило особую силу, то, главнымъ образомъ, благодаря контръ-революціонному законодательству. Поэтому г. Огановскій вовсе не видитъ надобности преклоняться передъ этимъ индивидуалистическимъ началомъ; напротивъ, онъ считаетъ нужнымъ и возможнымъ „снова перегнуть палку" и обезпечить не только преобладаніе, но и полное торжество коллективному началу въ землевладѣніи.

И тѣмъ не менѣе г. Огановскій, какъ сказано, считаетъ необходимымъ заложить надѣльныя земли... Онъ исходитъ въ этомъ случаѣ исключительно изъ условій и потребностей даннаго момента, при чемъ тоже ссылается на крупныя перемѣны, происходящія въ послѣдніе годы въ народной жизни.

„Наиболѣе существеннымъ проявленіемъ совершающагося у насъ аграрнаго переворота—онъ считаетъ—вступленіе сельскаго хозяйства въ интенсивный фазисъ эволюціи", а это сопряжено съ потребностью крестьянской массы въ значительныхъ денежныхъ средствахъ. Эти послѣднія нужны крестьянамъ и для улучшенія ихъ хозяйства, т. е. для покупки усовершенствованныхъ орудій, искусственныхъ удобреній, улучшенныхъ породъ скота и т. д., и для улучшенія самой земли, главнымъ образомъ—для организаціи осушительныхъ и оросительныхъ мѣропріятій, и, наконецъ, для расширенія землевладѣнія малоземельныхъ, безъ чего они не могутъ воспользоваться благами интенсивнаго хозяйства. Получить необходимыя для всего этого денежныя средства крестьянская масса можетъ лишь при помощи кредита, при чемъ послѣдній требуется ей въ трехъ его видахъ: и краткосрочный, и меліораціонный, и ипотечный.

И эта потребность въ кредитѣ, главнымъ образомъ въ ипотечномъ, еще больше обостряется другой особенностью совершающагося аграрнаго переворота, которая обусловлена „правительственной аграрной политикой, распространяющей по всѣмъ направленіямъ начала частной земельной собственности“. Община въ одной ея части разрушена, въ другой „приведена въ состояніе своеобразнаго анабіоза“ и не функціонируетъ, какъ таковая. Государственный земельный фондъ до извѣстной степени уже истощенъ, а поскольку не истощенъ, то въ наиболѣе доступныхъ своихъ частяхъ предназначенъ для распродажи. Такимъ образомъ безземельные и малоземельные въ значительной мѣрѣ уже лишены, а скоро и вовсе, пожалуй, лишатся возможности пріобрѣтать нужную имъ землю иначе, какъ покупкой. Покупка же земли для нихъ возможна не иначе, какъ при помощи ипотечнаго кредита, — тѣмъ болѣе, что цѣны на землю быстро ростутъ. Благодаря рѣзкому подъему цѣнъ на землю, и другой путь расширенія землепользованія — аренда — требуетъ все большихъ денежныхъ средствъ, а, стало быть, и кредита.

Съ истощеніемъ государственнаго земельнаго фонда и наблюдающимся въ послѣдніе годы уменьшеніемъ количества частновладѣльческихъ земель, переходящихъ къ крестьянамъ, все большую роль начинаетъ играть мобилизація надѣльныхъ земель, перешедшихъ въ личную собственность. Нерѣдко лишь изъ этого источника малоземельные и безземельные крестьяне могутъ пріобрѣсти нужную имъ землю. И въ этихъ случаяхъ нужда въ поземельномъ кредитѣ, быть можетъ, особенно ощутительна. „Продавцы надѣловъ—малоземельные крестьяне—промышленники или переселенцы, или обѣднѣвшіе, опустившіеся хозяева, или безхозяйственные бобыли — всѣ требуютъ наличныхъ денегъ... Для того, чтобы тѣ покупатели, которые наиболѣе нуждаются въ землѣ... получали возможность пріобрѣсти себѣ съ землей болѣе или менѣе сносное существованіе, чтобы тѣ продавцы, которые разстаются съ надѣлами въ силу безысходной нужды, могли сохранить ихъ за собой, требуется — говоритъ г. Огановскій — организація близкаго къ населенію поземельнаго кредита“ [1]). „Отсутствіе же близкаго къ крестьянскому населенію земельнаго кредита приводитъ къ тому, что перераспредѣленіе вошедшаго въ товарный оборотъ земельнаго фонда (продажнаго и арендцаго) не всегда идетъ въ томъ направленіи, какое требуется интересами народнаго хозяйства“. И именно отсутствіемъ такого кредита г. Огановскій склоненъ объяснить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Ставропольской губерніи, „на развалинахъ мірского землевладѣнія сразу выросли цѣлыя помѣстья новоявленныхъ господъ изъ разныхъ лавочниковъ, прасоловъ, деревенскихъ адвокатовъ въ 100, 200, 500 и 1.000 дес.“ (18).

---

[1]) Библіотека „Кооперативной Жизни“. Первый сборникъ статей. Стр. 16.

Потребность въ кредитѣ, обостряется, по мнѣнію г. Огановскаго, еще и землеустройствомъ. „Хуторъ и отрубъ—говоритъ онъ—могутъ переходить изъ рукъ въ руки только цѣликомъ, а не частями; ни прирастать, ни сокращаться по кусочкамъ, соотвѣтственно семейному составу, подобно черезполосному земельному надѣлу, они не способны. Поэтому—пройдетъ или не пройдетъ въ жизнь правительственный законопроектъ о предѣльной дробимости хуторовъ и отрубовъ,—несомнѣнно... что владѣльцы хуторовъ и отрубовъ изъ чувства самосохраненія зачастую сами не допустятъ раздѣла земли“ (11)... Отсюда новая потребность въ денежныхъ средствахъ,—при семейныхъ выдѣлахъ и раздѣлахъ.

Значительно усилившаяся и долженствующая въ ближайшемъ будущемъ еще больше усилиться нужда крестьянскаго населенія въ денежныхъ средствахъ и заставляетъ г. Огановскаго считать „не только неизбѣжной, но и желательной организацію доступнаго земледѣльческимъ массамъ, близкаго къ населенію и дешеваго поземельнаго кредита“, т. е., проще говоря, кредита подъ надѣльныя земли. Деньги нужны, а заложить, кромѣ этихъ послѣднихъ, нечего,—къ этому и сводится, въ сущности, вся аргументація г. Огановскаго. „Нужно же признать, наконецъ,—восклицаетъ онъ—что ипотечный кредитъ, въ настоящихъ условіяхъ, *стихійная неизбѣжность*“ (23)...

Г. Огановскій, конечно, понимаетъ, что этотъ кредитъ представляетъ своего рода петлю. Но онъ готовъ идти и на это. „Лучше, по моему мнѣнію,—говоритъ онъ—если крестьяне будутъ съ ипотечными долгами и съ землей, чѣмъ безъ земли и все-таки съ долгами, такъ какъ питаться, одѣться, обуться имъ все же необходимо и для удовлетворенія этихъ элементарнѣйшихъ потребностей многіе изъ нихъ продавали и закладывали свой единственный капиталъ — рабочія руки. Такъ, если земля будетъ въ кабалѣ, пусть хоть рабочія руки у нихъ останутся свободными“ (23). Со свободными же руками, хотя и съ петлей на шеѣ,—какъ разсчитываетъ г. Огановскій—можно еще будетъ большія дѣла сдѣлать. Пока же „широкое развитіе ипотечныхъ операцій представляетъ, по его убѣжденію, первоочередную задачу настоящаго момента“ (20)...

Мы познакомились такимъ образомъ съ двумя аргументаціями, изъ коихъ одна выдвигаетъ на первый планъ теоретическія соображенія объ общемъ ходѣ экономической эволюціи, другая—практическія задачи даннаго историческаго момента,—и обѣ онѣ стремятся привести общественную мысль къ положительному рѣшенію интересующаго насъ въ настоящій разъ вопроса, т. е. вопроса о демократизаціи кредита, объектомъ котораго должны стать надѣльныя земли. Попытаемся теперь нѣсколько разобраться въ этихъ аргументаціяхъ.

IV.

Съ „доктринерствомъ" воюютъ „Русскія Вѣдомости"... И не замѣчаютъ того, что сложные и трудные вопросы современной жизни—можетъ быть, наиболѣе сложные и трудные—онѣ сами пытаются втиснуть въ рамки до нельзя узкой, давно расшатанной и, казалось бы, окончательно скомпрометированной доктрины. Въ первоначальномъ своемъ видѣ эта послѣдняя называлась когда-то доктриной экономическаго либерализма; „Русскія Вѣдомости" пользуются ею въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, но и за всѣмъ тѣмъ, какъ я думаю, не трудно убѣдиться, что въ рамкахъ ея ни въ коемъ случаѣ нельзя удовлетворительно разрѣшить аграрный вопросъ.

Остановимся прежде всего на тезисѣ, изъ котораго газета исходитъ въ своихъ разсужденіяхъ. Зарожденіе и усиленіе индивидуалистическихъ стремленій она объясняетъ вступленіемъ Россіи на путь капиталистическаго развитія, широкимъ развитіемъ мѣновыхъ отношеній. Но съ неменьшимъ вѣдь основаніемъ можно выставить и отстаивать прямо противоположный тезисъ, а именно, что съ капитализмомъ связано зарожденіе и усиленіе коллективистическихъ теченій въ экономической жизни. Въ самомъ дѣлѣ, у всѣхъ вѣдь на глазахъ капитализмъ выводитъ изолированныхъ производителей на широко-общественную арену и сплачиваетъ ихъ въ такія большія и компактныя массы, что преобразованіе всей экономической жизни на тѣхъ или иныхъ коллективныхъ началахъ (хотя бы и не соціалистическихъ) всякому всматривающемуся въ нее представляется теперь уже до очевидности неизбѣжнымъ. По этому именно пункту марксизмъ нанесъ экономическому либерализму, который предрекалъ полное господство индивидуализма въ экономической сферѣ, наиболѣе тяжкій, быть можетъ, ударъ, отъ котораго тотъ уже не могъ оправиться. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, что доктрина самого марксизма оказалась безошибочной.

Въ дѣйствительности, ни индивидуализмъ, ни коллективизмъ нельзя считать дѣтищами капитализма. То и другое теченія во всякомъ случаѣ появились въ человѣческой жизни несравненно раньше капитализма и дальнѣйшая роль ихъ зависитъ отнюдь не отъ его успѣховъ только и не отъ развитія только мѣнового оборота. Передъ нами въ данномъ случаѣ вѣковѣчная проблема о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества,—проблема, которая прошла, можно сказать, черезъ всю исторію человѣчества, въ разрѣшеніи которой принимали и дальше, конечно, примутъ участіе самые разнообразные факторы: и экономическіе, и политическіе, и культурные,—какъ матеріальные, такъ и интеллектуальные. И эта задача, состоитъ, конечно, не въ томъ, чтобы совершенно по-

давить то или другое изъ враждующихъ началъ или дать рѣшительный перевѣсъ одному изъ нихъ, а въ томъ, чтобы примирить ихъ, найти такую грань въ жизни между ними, при которой личная свобода и общественная справедливость не входили бы въ конфликтъ между собою.

Поэтому ссылка на „широкое развитіе мѣнового оборота" или на „вступленіе Россіи на путь капиталистическаго развитія" сама по себѣ ни въ коемъ случаѣ не можетъ предрѣшить того или другого отношенія къ появленію и усиленію индивидуалистическаго начала въ данномъ пунктѣ. Для этого нужно знать, не перешло ли оно при этомъ только что указанную грань. И для того, чтобы положительно отнестись къ индивидуалистическому началу въ землевладѣніи, нужно предварительно убѣдиться, что личная собственность на землю не нарушаетъ общественной справедливости. И пока это не доказано, для нея нельзя просто-на-просто постулировать свободу. А „Русскія Вѣдомости" этого вѣдь не доказали... Да и возьмутся ли онѣ это доказывать?

Газета знаетъ, конечно, про брешь въ доктринѣ экономическаго либерализма и не говоритъ, что индивидуалистическое начало должно получить господство въ экономической жизни и, въ частности, въ сферѣ аграрныхъ отношеній. Напротивъ, она заявляетъ, что „общественно-коллективистическія стремленія, которыя всегда были сильны въ русскомъ народѣ и въ русской интеллигенціи, отнюдь не утратили своей силы и своего значенія", и она постулируетъ для нихъ „благожелательное отношеніе" и „энергичную поддержку" (XI.1). Газета настаиваетъ не на томъ, чтобы индивидуалистическому началу былъ предоставленъ полный просторъ въ сферѣ аграрныхъ отношеній, а лишь на томъ, чтобы ему было отведено здѣсь „соотвѣтствующее мѣсто". Какое же это мѣсто? Не пустое-ли это мѣсто въ разсужденіяхъ газеты?

На первый взглядъ, она даетъ какъ будто совершенно пріемлемую формулу. „Задача момента въ аграрной политикѣ—говоритъ она—состоитъ не въ подавленіи индивидуалистическихъ тенденцій русскаго крестьянства, а въ согласованіи ихъ съ интересами народнаго хозяйства и страны въ цѣломъ, въ направленіи этого теченія въ здоровое русло и въ огражденіи коллективистически-общественныхъ стремленій отъ подавленія ихъ индивидуализмомъ въ его крайнихъ и антиобщественныхъ проявленіяхъ" (XI. 1). Да, задача состоитъ не въ подавленіи индивидуалистическихъ тенденцій, а лишь въ томъ, чтобы они не переходили за предѣлы, не принимали антиобщественнаго характера. Но вѣдь эта грань, какъ сказано, не намѣчена газетой ни съ точки зрѣнія общественной справедливости, ни даже съ точки зрѣнія народно-хозяйственной цѣлесообразности. А поскольку границы индивидуализму ею намѣчены, постольку онѣ совпадаютъ, пожалуй, съ полнымъ про-

сторомъ: „здоровымъ русломъ“ для индивидуалистическаго начала въ аграрной сферѣ газета a priori считаетъ свободу'...

Поправка, которую она сдѣлала къ доктринѣ экономическаго либерализма, какъ и всякая заплата, сразу же бросается въ глаза, но измѣнить сущность этой доктрины она, конечно, не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ: если появленіе индивидуалистическихъ тенденцій было обусловлено развитіемъ мѣнового оборота, то не слѣдуетъ ли ожидать, что съ дальнѣйшимъ распространеніемъ послѣдняго эти тенденціи будутъ все усиливаться,—вплоть до полнаго господства индивидуалистическаго начала въ аграрныхъ отношеніяхъ? Не таково ли „велѣніе силъ, опредѣляющихъ въ конечномъ итогѣ направленіе экономической эволюціи“? Но какое же значеніе въ такомъ случаѣ могутъ имѣть общественно-коллективистическія стремленія русскаго народа и русской интиллегенціи, не извѣстно на чемъ основанныя? и стоитъ ли ихъ поддерживать? Если же велѣніе стихійныхъ силъ экономической эволюціи вовсе не такъ благопріятно индивидуалистическому началу, если ему можетъ и долженъ быть положенъ предѣлъ, если общественно-коллективистическія стремленія—съ точки ли зрѣнія справедливости или цѣлесообразности—дѣйствительно заслуживаютъ „благожелательнаго отношенія“ и „энергичной поддержки“, то почему же не попытаться... „снова перегнуть палку“?

Потому что это было бы насиліемъ, — отвѣчаютъ „Русскія Вѣдомости“, а онѣ вѣдь не только съ доктринерствомъ, но и съ насиліемъ ведутъ борьбу. Пусть такъ...

Но что такое насиліе? Не есть ли и это пустое мѣсто въ разсужденіяхъ газеты? Во всякомъ случаѣ—очень не ясное... Если подъ насиліемъ въ данномъ случаѣ разумѣется юридическое принужденіе, поддерживающее силу запрета, ограниченія и т. д. въ экономической сферѣ, то въ такомъ случаѣ передъ нами опять доктрина экономическаго либерализма,—доктрина, которую втеченіе многихъ лѣтъ оспаривали „Русскія Вѣдомости“ и которою онѣ, конечно, и теперь не станутъ пользоваться въ другихъ случаяхъ. Не станутъ же онѣ, въ самомъ дѣлѣ, спорить противъ законодательной нормировки рабочаго дня на фабрикахъ, противъ запрещенія труда малолѣтнихъ и т. д.

Противъ юридическаго принужденія въ наше время нельзя возражать принципіально. Все зависитъ отъ того. въ какую форму оно отливается и въ какихъ цѣляхъ имъ пользуются. Можно „гнуть палку“ по-столыпински и можно гнуть ее съ большою осторожностью. Можно воспользоваться закономъ, чтобы придавить личность, можно имъ воспользоваться и для того, чтобы помѣшать ей давить другихъ. Если юридическое принужденіе пускается въ ходъ для того, чтобы помочь сильному за счетъ слабаго, то это будетъ, конечно, насиліе; а если оно примѣняется съ обратной цѣлью, для того, чтобы помочь слабому въ его борьбѣ съ силь-

нымъ, то на нашемъ языкѣ для него имѣется другое названіе. соціальная справедливость. Не слѣдуетъ забывать, что у всякой юридической нормы имѣются два конца, и если къ однимъ она повертывается свободой, то къ другимъ — принужденіемъ. Можно сказать, что Столыпинъ, если не считать привходящихъ элементовъ его землеустроительной политики, далъ только свободу „сильнымъ", ну, а для крестьянской массы, какъ мы знаемъ, эта свобода обернулась произволомъ и насиліемъ.

„Русскія Вѣдомости" остаются демократической газетой и въ интересахъ крестьянской массы допускаютъ государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь и, въ частности, въ аграрныя отношенія. Допускаютъ онѣ въ этой области и юридическія ограниченія, но, какъ уже было сказано, лишь въ видѣ „изъятій, вызываемыхъ особенными обстоятельствами". Вообще же, по мнѣнію ихъ, мѣропріятія, направленныя къ поддержанію трудового хозяйства, поскольку таковыя необходимы, должны носить экономическій характеръ. Зная про дыры экономическаго либерализма, газета и въ этомъ случаѣ спѣшитъ пришить заплату къ его доктринѣ,—заплату, къ слову сказать, далеко не новую, но способную породить недоразумѣнія. Противъ такой заплаты и октябристы, пожалуй, возражать не станутъ, а съ другой стороны—и намъ какъ будто спорить не о чемъ.

Конечно, поощреніе лучше принужденія и экономическое содѣйствіе государства предпочтительнѣе его юридическаго запрета или ограниченія. Поскольку рѣчь идетъ только о предпочтеніи, возражать нечего. Совсѣмъ другое однако дѣло, если между тѣми и другими мѣрами проводится принципіальная грань, переступать которую допускается лишь въ видѣ „изъятій". Ну, а если экономическія мѣры въ данномъ случаѣ недостаточны, непосильны или непримѣнимы? Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, нормировать экономическими мѣрами трудъ рабочихъ на фабрикахъ... Легко понять, что выборъ тѣхъ или другихъ мѣръ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ быть вопросомъ практической цѣлесообразности, а не принципіальнаго предрѣшенія. Да и различіе между этими мѣрами, въ сущности, условное. Прежде всего, нерѣдко это — различіе только въ формѣ, а не по существу. Таможенное покровительство— экономическая мѣра, но кто же не знаетъ, что таможенныя пошлины легко пріобрѣтаютъ запретительный характеръ? Въ нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ экономическій и юридическій элементы такъ переплетаются, что трудно эти мѣропріятія даже классифицировать. Куда, напримѣръ, отнести обязательное страхованіе? Юридическая это мѣра или экономическая? Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что у каждаго почти экономическаго мѣропріятія имѣется свой юридическій конецъ, который иной разъ можетъ обернуться противъ тѣхъ, кому оказывается экономическое содѣйствіе, совсѣмъ недвусмысленнымъ насиліемъ. Открытіе кредита подъ надѣльныя

земли—экономическая мѣра; никакого юридическаго принужденія тутъ нѣтъ и весь юридическій элементъ какъ будто сводится къ отмѣнѣ лежащихъ на этой землѣ ограниченій, къ свободѣ. Ну, а если взявшій взаймы крестьянинъ не уплатитъ въ срокъ долга или процентовъ по нему? Экономическая мѣра немедленно обернется къ нему такимъ концомъ, отъ котораго не поздоровится...

Возможно, что „Русскія Вѣдомости“ возражаютъ противъ юридическихъ запретовъ и ограниченій лишь съ точки зрѣнія цѣлесообразности,—тѣмъ болѣе, что и возраженія свои онѣ предъявляютъ по частнымъ случаямъ, относительно отдѣльныхъ, лежащихъ на надѣльной землѣ или проектируемыхъ ограниченій. Однако и съ этой точки зрѣнія ихъ возраженія представляются не очень доказательными. Такъ, газета считаетъ нецѣлесообразной между прочимъ норму сосредоточенія надѣльной земли въ однихъ рукахъ, главнымъ образомъ, потому, что на практикѣ она подвергается обходу (XI.13). Однако, подумавъ, газета признала за лучшее сохранить эту норму, хотя бы въ качествѣ „временной мѣры“, хотя бы до тѣхъ поръ, пока мелкіе землевладѣльцы не получатъ „доступнаго имъ и дешеваго кредита“ (XII. 19).

Словъ нѣтъ, юридическіе запреты и ограниченія могутъ подвергаться обходу и даже вовсе оставаться мертвой буквой, но и экономическія мѣропріятія могутъ вѣдь не достигать цѣли и тоже оставаться мертвой буквой. Все зависитъ отъ того, какъ поставлена та или другая мѣра и имѣется ли для нея основаніе въ жизни. Если бы въ послѣдней не было уже „индивидуалистическихъ тенденцій“, то, конечно, даже Столыпинъ со своимъ законодательствомъ ничего бы не подѣлалъ. Точно также, если бы не было „общественно-коллективистическихъ стремленій“, всѣ усилія „снова перегнуть палку“ были бы напрасными. Но—въ дѣйствительности тѣ и другія теченія имѣются въ жизни и вопросъ идетъ о томъ, чтобы установить грань между ними.

Я понимаю, что можно съ этой точки зрѣнія отвергнуть всѣ лежащія на надѣльныхъ земляхъ запреты и ограниченія, какъ безцѣльныя или нецѣлесообразныя; можно выработать другую систему мѣръ, — допустимъ, исключительно экономическихъ, лучше ведущихъ къ цѣли, къ установленію равновѣсія между личною свободою и общественною справедливостью. Но „Русскія Вѣдомости“ даже не попытались этого сдѣлать. Не взвѣсивъ даже сколько-нибудь основательно всѣхъ прибылей и убытковъ, они постулировали свободу для надѣльныхъ земель, въ частности и свободу залога ихъ.

V.

Г. Огановскій, дѣйствительно, указываетъ рядъ очень серьезныхъ потребностей, которыя уже имѣются въ жизни или которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, могутъ возникнуть въ ближайшемъ буду-

щемъ, и онъ предлагаетъ опредѣленное средство для ихъ удовлетворенія, а именно „организацію доступнаго земледѣльческимъ массамъ, близкаго къ населенію и дешеваго поземельнаго кредита", т. е. „демократизацію" послѣдняго, каковая, можно сказать, виситъ въ воздухѣ и, того-гляди, свалится на русскую землю сверху.

Какъ мы видѣли, г. Огановскій понимаетъ, что средство это—очень сильное и можетъ привести къ закабаленію крестьянской земли, но онъ идетъ и на это. Онъ подвелъ балансъ и тщательно выписалъ всѣ активы проектируемаго имъ кредита. „Такой кредитъ—говоритъ онъ—а) предохранитъ отъ потери земли тѣхъ малоземельныхъ крестьянъ, которые, въ силу неустойчивости своего экономическаго положенія, подъ вліяніемъ временной нужды и бѣдствій, продаютъ свои надѣлы, б) сохранитъ надѣлы за переселенцами до тѣхъ поръ, пока они устроятся окончательно на новыхъ мѣстахъ, в) поможетъ малоземельнымъ расширить ихъ землевладѣніе, по крайней мѣрѣ, до потребительной нормы, что придастъ ихъ хозяйству устойчивость, необходимую для перехода къ интензивному земледѣлію и г) откроетъ выходъ на землю обезземеливаемымъ землеустройствомъ сонаслѣдникамъ хуторовъ и отрубовъ". (19—20).

Нѣтъ спора, все это—реальныя блага, обезпечить которыя было бы недурно. Присмотримся однако нѣсколько внимательнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ г. Огановскій, и къ страницѣ пассива. Кстати, съ ипотечнымъ кредитомъ подъ земли трудового пользованія, о каковомъ кредитѣ сейчасъ идетъ рѣчь, мы нѣсколько знакомы по довольно широкому опыту Крестьянскаго банка.

Однимъ изъ наиболѣе очевидныхъ результатовъ этого опыта было, какъ извѣстно, быстрое повышеніе цѣнъ на землю. Такъ, за землю, купленную при содѣйствіи Крестьянскаго банка въ 1883 г. (первый годъ его дѣйствія), крестьяне уплатили въ среднемъ по 25 руб. за десятину, а дальше платили:

Годы.	Руб.
1888	34
1893	44
1898	76
1903	109
1908	139
1913	151

Такимъ образомъ за послѣдніе 25 лѣтъ цѣны на землю возросли въ $4^1/_2$ раза. Еслибы во столько же разъ увеличилась и доходность сельскохозяйственнаго труда, то Россія была бы, пожалуй, теперь самой богатой страной въ мірѣ. Но быстрое повышеніе цѣнъ обусловлено было, несомнѣнно, другими причинами и прежде всего все усиливавшейся нуждой крестьянскаго населенія въ землѣ, съ одной стороны, и „благами ипотечнаго кредита", какой ему былъ открытъ,—съ другой

Что „блага ипотечнаго кредита“ далеко не безвинны въ быстромъ ростѣ цѣнъ на землю, этого никто не опровергаетъ, да и не пытаются опровергать. Не случайно, съ этой точки зрѣнія, даже паденіе цѣны на землю съ 52 руб. въ 1883 г. до 34 руб. въ 1888 г., на что, вѣроятно, уже обратили вниманіе читатели. Дѣло въ томъ, что открытый въ 1883 году Крестьянскій банкъ началъ сразу же довольно быстро развивать свои операціи и въ 1885 году достигъ перваго своего максимума. Въ этомъ году онъ выдалъ въ ссуду 13.762 т. р., причемъ средняя покупная цѣна за десятину была таже, что и въ 1883 году — около 52 р. за десятину. Но начиная съ этого года, подъ давленіемъ реакціонно настроенныхъ круговъ, которые испугались быстраго уменьшенія площади помѣщичьяго землевладѣнія, Крестьянскій банкъ сталъ неуклонно сокращать свои операціи и къ 1889 году постепенно свелъ ихъ до минимума: въ этомъ году онъ выдалъ въ ссуду лишь 3.692 т. р., но за то и покупная цѣна опустилась ниже 32 руб. за десятину,—была самой минимальной за все время дѣятельности Крестьянскаго банка. Съ 1890 г. операціи послѣдняго начали опять развиваться, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе; параллельно съ этимъ росли и цѣны на землю. Особенно большую роль въ томъ и другомъ отношеніяхъ съигралъ новый, болѣе льготный для крестьянъ, уставъ Крестьянскаго банка, введенный въ 1897 году: въ 1896 году ссудъ было выдано 7.254 т. р., а въ 1897 г.—уже 20.895 т. р.; за то и покупная цѣна за десятину скакнула: въ 1896 г. она была 49 руб. за десятину, а въ 1897 г.—уже 71 руб. Теперь Крестьянскій банкъ выдаетъ крестьянамъ ипотечныхъ ссудъ и переводитъ на нихъ ипотечныхъ долговъ около 100 и болѣе милл. руб. въ годъ (въ 1913 г.—91 милл. руб., но бывало и больше), и средняя цѣна дошла до 150 р. за десятину. Можно сказать, — и это не трудно прослѣдить,—что всѣ облегченія, какія предоставлялись крестьянамъ въ ипотечномъ кредитѣ — всѣ уменьшенія доплатъ и пониженія взимаемыхъ по ссудамъ процентовъ—неизмѣнно сопровождались рѣзкимъ подъемомъ цѣнъ на землю.

Нѣкоторые думаютъ, что Крестьянскій банкъ все время преднамѣренно, въ интересахъ помѣщиковъ, вздувалъ цѣны на землю. Но сознательно эту цѣль банкъ ставилъ себѣ лишь въ контръ-революціонное время. Заподозрѣвать въ томъ же прошлую его дѣятельность, по моему мнѣнію, нѣтъ достаточныхъ основаній. Дѣло, какъ я думаю, объясняется гораздо проще: банкъ дѣйствовалъ, какъ коммерческое учрежденіе, и сообразовался въ своихъ операціяхъ съ цѣнами продавцовъ и покупателей; можетъ быть, даже больше съ цѣнами покупателей: крестьяне даютъ, — стало быть, земля того стоитъ. Отношеніе при этомъ къ заемщикамъ могло быть самое благожелательное.

И виноваты въ быстромъ ростѣ цѣнъ на землю, конечно, заем-

щики,—правильнѣе сказать, ихъ неумѣнье съ достаточнымъ благоразуміемъ пользоваться ипотечнымъ кредитомъ. Извѣстно, какъ мужики „жадны“ до земли, и они, конечно, не упускали ея, разъ представлялся случай за нее ухватиться. Если они что и принимали при этомъ въ расчетъ, то только доплаты, да развѣ еще ежегодные платежи по ссудамъ. Если доплата была посильна и платежъ не выше обычной арендной платы, то землю и брали. А о томъ, что сами съ дѣтьми и, быть можетъ, даже внуками поступаютъ въ кабалу къ „Генриху Блоку“,—объ этомъ мало и думали. Конечно, виноваты крестьяне, но только вина-то ихъ не виноватая. Зная о такой винѣ можно вынести только одинъ приговоръ: ипотечный кредитъ, построенный на капиталистическихъ началахъ, для трудового землевладѣнія не годится.

Объ этой винѣ знаютъ и все-таки хотятъ организовать широкій кредитъ подъ надѣльныя земли. Не трудно, конечно, предвидѣть, что изъ этого получится: первымъ дѣломъ цѣны на эти земли начнутъ быстро рости...

Есть люди, которые въ повышеніи цѣнъ на землю видятъ несомнѣнное благо. На столбцахъ „Русскихъ Вѣдомостей“ я какъ-то воспроизвелъ восторги по этому поводу нѣсколькихъ лицъ,—между прочимъ нововременца-Столыпина. Пріѣхалъ онъ, видите ли, какъ-то въ свое имѣніе (это было уже послѣ того, какъ контръреволюція сдѣлала свое дѣло) и узналъ, что цѣна земли удвоилась: вотъ какъ богатѣетъ Россія! Но мы то знаемъ, что разбогатѣлъ только г. Столыпинъ и ему присные.

Можетъ быть, и крестьяне разбогатѣютъ, когда цѣны на надѣльныя земли подымутся? Соціалъ-демократы, повидимому, такъ и думаютъ. По крайней мѣрѣ, когда указъ 9 ноября обсуждался въ третьей Государственной Думѣ, то они вслухъ тамъ высказывали свою печаль по поводу того, что цѣны на надѣльную землю стоятъ низкія. Впрочемъ, соціалъ-демократы, быть можетъ, только о „пролетаріяхъ“ думали, которые въ ту пору, какъ извѣстно, усердно разыскивали по деревнямъ „свои надѣлы“ и спускали ихъ за дешевку. Но вотъ „Русскія Вѣдомости“, которыя о крестьянахъ не забываютъ,—и тѣ теперь, какъ мы видѣли, печалуются, что, благодаря всякимъ ограниченіямъ, лежащимъ на надѣльныхъ земляхъ, цѣны на нихъ стоятъ ниже, чѣмъ на частновладѣльческія. Возможно, что и многіе такъ думаютъ: помѣщики-де наживаются, а крестьянамъ не позволяютъ. Иные, быть можетъ, даже найдутъ, что повышеніе цѣнъ на землю нужно поставить не въ пассивъ, а въ активъ ипотечному кредиту. Не лишне поэтому будетъ на saldo этого счета нѣсколько задержаться: кто и сколько отъ повышенія цѣнъ на надѣльныя земли выиграетъ, кто и сколько—проиграетъ?

Легко понять, что крестьяне, которые не думаютъ ни продавать, ни закладывать своихъ надѣловъ, въ цѣнѣ ихъ нисколько не заинтересованы: имъ важно, какъ родитъ ихъ земля, а не сколько

она стоитъ. Пожалуй, они даже заинтересованы, чтобы она цѣнилась пониже,—налоговъ меньше возьмутъ. Выиграть могутъ только закладывающіе и продающіе. Оставимъ пока первыхъ — къ нимъ мы еще вернемся,—и остановимся на послѣднихъ.

Крестьянъ, которые продаютъ надѣлы, пока не очень много [1]); нужно думать, что и впредь по отношенію ко всей крестьянской массѣ они будутъ составлять совершенно незначительную величину. Продаютъ надѣлы: переселенцы, перешедшіе къ другимъ промысламъ, обѣднѣвшіе и опустившіеся домохозяева, а также безхозяйственные бобыли. Эти только отъ повышенія цѣнъ на землю и выиграютъ (да и то не всѣ: переселяющіеся на купленную землю при продажѣ выиграютъ, а при покупкѣ проиграютъ, — одно на одно выйдетъ). Всѣмъ имъ, конечно, деньги нужны, хотя и не всѣмъ на производительныя надобности. Если исключить пьяницъ, которымъ деньги нужны просто на „винополію", то за всѣхъ ихъ можно, пожалуй, порадоваться. Надо однако сказать, что при сколько-нибудь правильной постановкѣ государственнаго и общественнаго хозяйства громадному большинству продающихъ надѣльную землю, можно было бы помочь изъ другихъ источниковъ: сюда слѣдуетъ отнести не только переселенцевъ, которымъ и теперь оказываются кое-какія пособія, но также продающихъ надѣлы по старости, по болѣзни, по нуждѣ,—и даже значительную часть переходящихъ къ другимъ промысламъ. Несомнѣнно, что и цѣлесообразнѣе это было бы сдѣлать, чѣмъ повышать (для этого только!) цѣны на надѣльную землю: вѣдь, если продающіе отъ повышенія цѣнъ выиграютъ, то покупающіе у нихъ ровно столько же проиграютъ и, стало быть, прежде чѣмъ начать хозяйство на пріобрѣтенной землѣ, будутъ уже обезсилены. Во всякомъ случаѣ проигрывающихъ будетъ столько же, сколько и выигрывающихъ.

Между тѣмъ проиграютъ покупающіе не только надѣльную, но и частновладѣльческую землю, цѣны на которую въ первое время, быть можетъ, нѣсколько упадутъ, но за то потомъ будутъ наростать еще быстрѣе. Проиграютъ и арендующіе, такъ какъ съ повышеніемъ продажныхъ цѣнъ на землю, несомнѣнно, поднимутся и, быть можетъ, даже еще сильнѣе и арендныя цѣны. А крестьянъ, заинтересованныхъ въ арендѣ, насчитываются милліоны...

Г. Огановскій, который понимаетъ, что повышеніе цѣнъ на землю надо ставить въ пассивъ ипотечному кредиту, полагаетъ, что при проектируемой имъ организаціи послѣдняго, это зло будетъ меньше. Крестьянскій банкъ поднималъ цѣны, чтобы „поддержать

[1]) По офиціальнымъ даннымъ до 1913 года 581.000 домохозяевъ продали 2.153 т. дес. над. земли. По отношенію къ общей численности надѣльныхъ дворовъ это составитъ менѣе 5% за 6 лѣтъ. Естественный приростъ въ общемъ числѣ надѣльныхъ дворовъ за тоже время долженъ былъ быть значительно больше (8—9%).

помѣщиковъ-дворянъ", кооперативы же, конечно, не будутъ задаваться такою цѣлью и будутъ „лишь сглаживать всегда возможные въ данномъ случаѣ эксцессы". Я уже сказалъ, что нельзя заподозрѣвать всю дѣятельность Крестьянскаго банка и что цѣны на землю росли даже въ періоды наиболѣе благожелательнаго его отношенія къ своимъ заемщикамъ. Поэтому надежды, возлагаемые г. Огановскимъ на кооперативы, мнѣ представляются малообоснованными: главнаго они не исправятъ, — основныя начала кредита останутся тѣми же.

Г. Огановскій преподноситъ намъ и еще утѣшеніе. „Ростъ цѣнъ на землю—говоритъ онъ—явленіе міровое и неизбѣжное при частной собственности на землю" (22). Ничего, молъ, съ этимъ не подѣлаешь! Явленіе это, дѣйствительно, міровое. Какъ полагаютъ, оно далеко не безвинно въ рѣзкомъ вздорожаніи жизни, какое наблюдается въ послѣднее время,—и на Западѣ уже начали задумываться, какъ бы его прекратить, сдѣлать въ дальнѣйшемъ невозможнымъ. А единственное радикальное для этого средство — обобществленіе земли, и мысль о немъ, какъ о ближайшей задачѣ, все чаще и чаще начинаетъ приходить въ голову нашимъ заграничнымъ товарищамъ. Во всякомъ случаѣ эта азартная игра на повышеніе рано или поздно разразится жестокимъ кризисомъ, отъ котораго и мы не уйдемъ, конечно. И едва ли есть какой-либо расчетъ въ этой азартной игрѣ намъ увеличивать свою ставку...

Но „міровое явленіе" — хотя совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ намъ преподноситъ его г. Огановскій, — можетъ, пожалуй, явиться утѣшеніемъ для нѣкоторой части нашего крестьянства, а именно для той, которая ведетъ хозяйство на надѣльной или купленной по сравнительно низкимъ еще цѣнамъ землѣ и имѣетъ хотя какіе-нибудь въ своемъ хозяйствѣ избытки для продажи на рынкѣ. Вовсе не платящая ренты или платящая ее въ небольшихъ сравнительно размѣрахъ, эта часть крестьянства, пользуясь высокими цѣнами на продукты сельскаго хозяйства, имѣетъ возможность нѣсколько оправиться. Во всякомъ случаѣ мѣновой процесъ для нея теперь не такъ убыточенъ, какъ былъ раньше, когда она должна была сбывать продукты сельскаго хозяйства по сравнительно невысокимъ цѣнамъ міроваго рынка, а покупать нужныя ей изделія индустріи по цѣнамъ отечественнымъ, непомѣрно вздутымъ таможеннымъ покровительствомъ. Но если на надѣльную землю будутъ распространены „блага ипотечнаго кредита", то и это утѣшеніе (можетъ быть, совсѣмъ призрачное) у русскаго крестьянства исчезнетъ. Благопріятной для сельскаго хозяйства мѣновой конъюнктурой воспользуются въ такомъ случаѣ не столько крестьяне, сколько ихъ кредиторы.

Таково вѣдь другое неизбѣжное послѣдствіе ипотечнаго кредита: съ распространеніемъ его право на земельную ренту отъ землевладѣльцевъ все больше и больше переходитъ къ денежнымъ капита-

листамъ. Въ этомъ безъ труда убѣждаетъ достаточно продолжительный уже опытъ всякаго, въ томъ числѣ и нашего, ипотечнаго кредита. У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ руками данныхъ за послѣднее время, да по Крестьянскому банку ихъ и достать трудно, такъ какъ финансовые его отчеты за послѣдніе годы держатся въ секретѣ. Но въ данномъ случаѣ важна вѣдь тенденція ипотечнаго кредита, а она достаточно ясна и изъ слѣдующихъ данныхъ.

На 1 января:	Всѣ ипот. банки. 1896 г.	1906 г.	Въ т. ч. Крест. банкъ 1896 г.	1906 г.
Находилось въ залогѣ земли тыс. дес.	39.765	52.455	2.145	7.860
Оставалось на ней долга тыс. рублей.	1.114.359	2.008.544	60.909	447.443
На 1 дес. приходилось долга рублей.	28	38	29	57

Такимъ образомъ за одно только десятилѣтіе количество заложенной частновладѣльческой земли увеличилось на 32%, сумма ипотечнаго долга, падающаго на каждую десятину, на 36%, а общая сумма долга почти удвоилась. По отношенію къ землямъ, заложеннымъ въ Крестьянскомъ банкѣ, т. е. по отношенію къ землямъ, хотя и частнымъ, но трудового пользованія, ипотечная петля затягивается еще быстрѣе: сумма долга, падающаго на каждую десятину, для этихъ земель увеличилась за десять лѣтъ почти вдвое, а общая сумма долга — въ 7 — 8 разъ. Легко понять, кто присвоилъ себѣ все увеличеніе производительности земли, если даже таковое произошло за это десятилѣтіе въ дѣйствительности: не сельскіе хозяева имъ воспользовались, а ихъ кредиторы. И кто же не знаетъ, что наши помѣщики въ значительной ихъ части живутъ не столько регулярными доходами, какіе приносятъ имъ имѣнія, сколько тѣмъ, что перезакладываютъ ихъ и такимъ образомъ заранѣе учитываютъ въ свою пользу и тратятъ будущіе доходы сельскаго хозяйства?

Что землю, попавшую въ петлю ипотечнаго кредита, удается изъ нея высвободить развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, ясно изъ слѣдующихъ данныхъ. По землямъ, находившимся на 1 января 1906 г. въ залогѣ:

Въ тысячахъ рублей:	Во всѣхъ ипотечныхъ банкахъ.	Въ т. ч. въ Крестьянскомъ.
Было всего выдано ссудъ.	2.130.246	469.436
Оставалось долга	2.008.543	447.443
Разница. . .	121.703	21.993

Такимъ образомъ за все время заемщики успѣли погасить лишь около 6% выданныхъ имъ суммъ, а заемщики Крестьянскаго банка даже менѣе 5%. И, конечно, дополнительныхъ ссудъ они успѣли уже взять несравненно больше.

Легко поэтому себѣ представить, что получится, если будетъ „демократизированъ“ кредитъ подъ надѣльныя земли. Послѣднія очень быстро въ значительной своей части окажутся обремененными ипотечнымъ долгомъ и этотъ долгъ будетъ рости съ невѣ-

роятною быстротою. Земли будутъ закладываться и перезакладываться по ростущимъ на нихъ цѣнамъ, а эти послѣднія, какъ извѣстно, уже теперь далеко не оправдываются доходностью самыхъ земель. И взятыя ссуды, конечно, не подымутъ ее настолько, чтобы оправдать ипотечные платежи. Мы видѣли, для какихъ надобностей крестьяне будутъ главнымъ образомъ брать ссуды, если имъ будетъ предоставлена свобода залога: г. Огановскій, выписывая активъ, указалъ намъ наиболѣе важныя ихъ категоріи. Среди нихъ видное мѣсто займутъ: а) малоземельные крестьяне, для которыхъ „подъ вліяніемъ временной нужды и бѣдствій“ нѣтъ другого исхода, какъ продать или заложить свои надѣлы; б) обезземеливаемые сонаслѣдники хуторовъ, которые, чтобы не пропасть, готовы будутъ купить землю по какой угодной цѣнѣ и занять для этого деньги на какихъ угодно условіяхъ. Но и тѣ крестьяне, которые возьмутъ ссуды съ меліораціонными цѣлями, легко могутъ ошибиться въ своихъ расчетахъ...

Я сказалъ у крестьянъ нѣтъ умѣнья съ достаточнымъ благоразуміемъ пользоваться ипотечнымъ кредитомъ. И это, конечно, вполнѣ понятно,—не таковъ строй трудового хозяйства. Послѣднее расчитано вѣдь не на то, чтобы вырабатывать какой-то „процентъ“, а основано на томъ, чтобы давать своимъ членамъ работу и хлѣбъ. Излишки и недочеты въ немъ обусловлены главнымъ образомъ соотношеніемъ числа работниковъ и ѣдоковъ, а это соотношеніе можетъ измѣниться и потому, что кто-нибудь заболѣлъ или умеръ, и потому, что появился на свѣтъ новый ребенокъ. Такихъ „случайностей“ за 50 лѣтъ, на которые крестьянинъ свяжетъ себя ипотечными платежами, обязательствомъ давать опредѣленный, „процентъ“, много можетъ произойти,—и предусмотрѣть ихъ, конечно, немыслимо. А извѣстно, къ чему ведутъ всѣ такія непредусмотрѣнныя случайности. Скажемъ словами г. Огановскаго: „выбрасыванія на улицу середь зимы и публикаціи о продажѣ десятковъ тысячъ владѣній вновь испеченныхъ *сильныхъ* хуторянъ Крестьянскаго банка“—наглядно объ этомъ свидѣтельствуютъ.

Между тѣмъ кромѣ этихъ индивидуальныхъ и семейныхъ случайностей на пространствѣ 50 лѣтъ можетъ быть, да, вѣроятно, не мало и будетъ случайностей болѣе общихъ. Представьте себѣ хоть такую: крестьяне заложатъ свои надѣлы въ періодъ высокихъ цѣнъ на продукты и высоко поднявшихся хотя бы поэтому только цѣнъ на землю, а потомъ произойдетъ рѣзкое паденіе цѣнъ на продукты,—на міровомъ рынкѣ это уже бывало. Легко себѣ представить, что произойдетъ прямо катастрофа, отъ которой не уцѣлѣютъ даже наиболѣе сильные крестьяне,—тѣ, которые имѣли въ своемъ хозяйствѣ избытки и могли безъ особаго напряженія оправдывать ипотечные платежи.

Г. Огановскій знаетъ, что на почвѣ задолженности крестьянъ когда-то выросло крѣпостное право. И теперь онъ „кабалу“ пред-

видитъ. Но онъ все-таки утѣшеніе находитъ и съ этимъ утѣшеніемъ мы уже познакомились: „если земля будетъ въ кабалѣ, пусть хоть рабочія руки у крестьянъ останутся свободными". Какъ это можетъ быть—при всѣхъ усиліяхъ я не могу себѣ представить; развѣ только закабаленная земля сама себя обрабатывать будетъ,—вѣдь дань-то, которою ее обложатъ, надо все-таки выработать.

Передъ такимъ утѣшеніемъ, какъ мнѣ кажется, можно только развести руками.

VI.

Если бы „Русскія Вѣдомости" просто исходили изъ факта, не стараясь втиснуть его въ донельзя узкую и завѣдомо неправильную доктрину, то, можетъ быть, онѣ пошли бы въ своихъ разсужденіяхъ совсѣмъ по другой дорогѣ и пришли бы къ инымъ выводамъ.

Фактъ у нихъ передъ глазами былъ дѣйствительно крупный: „Россія, бывшая раньше страною преимущественно общиннаго землевладѣнія, сдѣлалась теперь страною преимущественно личнаго землевладѣнія" (XI. 7). Такъ формулируетъ этотъ фактъ газета. И, конечно, она права, утверждая, что такой эффектъ достигнутъ не столыпинскимъ только законодательствомъ. Если бы община не была уже подточена „индивидуалистическими тенденціями", то даже столыпинское насиліе не смогло бы произвести такое разрушеніе, какое оно произвело на нашихъ глазахъ. И если „Русскія Вѣдомости" считали своевременнымъ произвести пересмотръ своего программнаго багажа по аграрному вопросу, чтобы выкинуть кое-что изъ стараго, что является уже ненужнымъ балластомъ, и включить кое-что новое, что потребуется въ предстоящемъ пути, то, казалось бы, на вопросѣ объ общинѣ имъ и слѣдовало сосредоточиться.

Этотъ вопросъ въ исторіи народничества игралъ крупную роль, но въ народническихъ программахъ уже революціоннаго времени занималъ отнюдь не первенствующее и, главное, далеко не одинаковое мѣсто. Партія соціалистовъ-революціонеровъ, если употребить выраженіе наиболѣе виднаго ея теоретика, В. М. Чернова, считала еще возможнымъ сдѣлать общину „осью" всей аграрной реформы,—реформы самой радикальной. Но въ программѣ народно-соціалистической партіи объ общинѣ даже не упоминается,—и, очевидно, потому, что эта партія, задававшаяся тоже достаточно радикальной реформой, строить ее именно на общинѣ не считала уже возможнымъ и необходимымъ. „Русскія Вѣдомости" стояли въ этомъ вопросѣ, пожалуй, ближе къ с.-р., чѣмъ къ н.-с.; во всякомъ случаѣ, онѣ относились къ общинѣ далеко не такъ равнодушно, какъ другое, не-народническое, крыло к.-д. партіи, и если онѣ не задавались очень уже радикальной аграрной реформой, то все-таки готовы были, хотя бы въ лицѣ покойнаго В. Е. Якушкина, идти

по этому пути довольно далеко, чуть ли не до намѣченнаго народными соціалистами пункта.

Полемизируя въ свое время съ В. М. Черновымъ, я доказывалъ, что общину, современную общину, трудно сдѣлать „осью“ національзаціи или соціализаціи. Конечно, аграрно-правовыя воззрѣнія, которыя она поддерживала въ населеніи, и техническіе навыки, которыя она въ немъ выработала, могутъ сыграть крупную роль въ аграрной реформѣ и во всякомъ случаѣ послужить очень важными, благопріятствующими ей факторами. Но самая общинная форма—доказывалъ я—настолько уже попорчена всей предыдущей исторіей, что, если и можно ею воспользоваться, то только послѣ коренной передѣлки. И—кто знаетъ?—быть можетъ, легче создать новую коллективную форму, чѣмъ починить столь поврежденную. Теперь, послѣ того, какъ надъ общиной пронесся контръ-революціонный вихрь, высказанныя мною тогда мысли получаютъ еще большую силу. И правы, конечно, „Русскія Вѣдомости“, когда онѣ пишутъ, что „необходимо считаться съ фактомъ существованія и примѣненія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствующаго аграрнаго законодательства“ (XI. 7).

Правы были „Русскія Вѣдомости“ и тогда, когда въ первой же своей статьѣ онѣ заявили, что „устарѣлыя формы должны быть перестроены соотвѣтственно новымъ условіямъ русской дѣйствительности“ (XI. 7).

Газета имѣла при этомъ въ виду тѣ формы, въ которыхъ проявляли себя общественно-коллективистическія стремленія русскаго народа. Разъ одна изъ этихъ формъ и притомъ наиболѣе важная окончательно надломлена, а самыя стремленія сохранили свою „силу и значеніе“, то, конечно, первой задачей является созданіе новой общественной формы, въ которой эти стремленія могли бы проявить себя. На этомъ вопросѣ „Русскія Вѣдомости“, казалось бы, и должны были сосредоточить свое вниманіе.

Вѣроятно, такъ и было бы, если бы... если бы эта газета издавна уже не обладала склонностью задаваться лишь осуществимыми цѣлями,—осуществимыми не по условіямъ экономическаго процесса, который диктуетъ свои велѣнія съ непререкаемою силою, а по условіямъ даннаго политическаго момента и политическихъ перспективъ ближайшаго будущаго. Правда, когда офиціозная „Россія“ привѣтствовала вступленіе „Русскихъ Вѣдомостей“ на здравый путь, то онѣ съ сердцемъ отвѣтили, что предложатъ такой пересмотръ аграрнаго законодательства, который офиціозу и стоящимъ за ней, быть можетъ, не очень приглянется. Въ дѣйствительности однако никакой такой программы реформъ „Русскія Вѣдомости“ въ дальнѣйшихъ статьяхъ не развили. Они поставили передъ собою именно только „осуществимую“ задачу—найти соотвѣтствующее мѣсто индивидуалистическому началу въ аграрной сферѣ,—т. е. задачу, которой особенно озабочены

октябристы. И, со своей стороны, какъ разъ указали такое „соотвѣтствующее мѣсто", которое можно отвести „индивидуалистическому началу" въ союзѣ съ „центромъ".

Въ этомъ, какъ я думаю, и заключается главная причина неудачи, которая постигла пересмотръ аграрной программы, затѣянный „Русскими Вѣдомостями". Не въ объективныхъ условіяхъ дѣло, а въ субъективныхъ...

Тою же склонностью черезъ-чуръ ужь считаться съ „существующими" условіями, принимая ихъ за „стихійную неизбѣжность", несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ страдаетъ и г. Огановскій. Разница только та, что г. Огановскій не потерялъ еще изъ виду конечной точки, нѣкоторой отдаленной цѣли, которой никогда, можетъ быть, не было у „Русскихъ Вѣдомостей", всегда задававшихся, какъ я уже сказалъ, осуществимыми, а стало быть, и ближайшими цѣлями. Имѣя вдали нѣкую цѣль и считая существующія условія „стихійно неизбѣжными", г. Огановскій всецѣло озабоченъ только тѣмъ, какъ бы къ нимъ приспособиться. О другихъ возможностяхъ, о другихъ путяхъ, ведущихъ къ той же цѣли, онъ какъ будто даже не задумывается.

Въ самомъ дѣлѣ: онъ указалъ, какъ я уже призналъ, очень серьезныя потребности, имѣющіяся и назрѣвающія въ народной жизни; но подумалъ ли онъ о томъ, что, можетъ быть, ихъ возможно удовлетворить и не прибѣгая къ поземельному кредиту?

Возьмемъ хотя бы „сонаслѣдниковъ хуторовъ"... Возможно, конечно, предвидѣть, что независимо даже отъ какого-либо закона въ жизни начнетъ устанавливаться недробимость „землеустроенныхъ участковъ",—на основѣ, допустимъ, майората. Младшія дѣти вынуждены будутъ оставаться въ такомъ случаѣ безъ отцовской земли; расчитывать, что у нихъ будутъ имѣться достаточныя сбереженія, чтобы немедленно пріобрѣсти землю покупкою, трудно и даже и невозможно. Но развѣ имѣется только одинъ путь, чтобы снабдить ихъ необходимыми деньгами? Г. Огановскій знаетъ, что вмѣсто „сбереженій", которыя когда-то настойчиво, хотя и безплодно, правящими классами рекомендовались трудящимся массамъ, найдено уже другое, несравненно болѣе вѣрное средство, ведущее къ той же цѣли,—обязательное страхованіе? Почему же сразу не намѣтить этотъ путь для обезземеливаемыхъ, равно какъ и для малоземельныхъ, вмѣсто того, чтобы рекомендовать имъ ипотечную петлю? До сихъ поръ община играла между прочимъ роль именно страхового союза отъ малоземелья и безземелья; теперь община разрушена и во всякомъ случаѣ выполнять этихъ функцій не можетъ; стало быть, какая-нибудь другая коллективность должна взять въ свои руки это страхованіе, построивъ его, быть можетъ, на совсѣмъ иныхъ началахъ. Или нѣтъ такой коллективности? Въ такомъ случаѣ нужно создать ее... Вотъ вѣдь какимъ

путемъ можно было пойти. А г. Огановскій, прежде чѣмъ вступить на него, считаетъ нужнымъ заложить надѣльныя земли...

Возможенъ и другой путь, еще прямѣе ведущій къ цѣли, которую видитъ вдали г. Огановскій. Въ самомъ дѣлѣ: почему не имѣющій капитала человѣкъ долженъ пріобрѣтать землю на капиталистическихъ именно началахъ? Не проще ли и не естественнѣе ли было бы поставить дѣло такъ: разъ государство допускаетъ существованіе личной земельной собственности, то пусть оно и покупаетъ землю, когда одинъ хочетъ продать, а другой не имѣетъ средствъ купить, и потомъ предоставитъ ее этому послѣднему, желающему на ней трудиться, въ срочное или безсрочное пользованіе. Можетъ быть, вѣдь этотъ путь не такъ и труденъ, можетъ быть, для этого было бы достаточно на первыхъ порахъ предоставить той или иной самоуправляющейся коллективности право преимущественной покупки всѣхъ поступающихъ въ продажу участковъ. Или нѣтъ такой коллективности? Въ такомъ случаѣ нужно создать ее,—и только.

Я вовсе не намѣренъ въ настоящій разъ развертывать какую-либо программу аграрныхъ мѣропріятій. Я хочу лишь отмѣтить основную, какъ мнѣ кажется, ошибку г. Огановскаго. Въ ряду „существующихъ условій“ онъ не нашелъ той коллективности, съ которой можно было бы связать сколько-нибудь правильное рѣшеніе аграрнаго вопроса и даже просто сносное удовлетвореніе имѣющихся въ этой сферѣ жизненныхъ потребностей. И вотъ онъ сталъ приспособляться. Нѣтъ ли все-таки какой-нибудь, хоть мало-мальски подходящей, хоть сколько-нибудь демократической коллективности? А! кооперативы! кредитные кооперативы!.. Быстро они сейчасъ распространяются въ деревнѣ. Вотъ онъ и рѣшилъ за нихъ ухватиться.

Съ кооперативами г. Огановскій и связалъ всѣ свои надежды. Ими онъ и насъ теперь хочетъ соблазнить. „Какую огромную роль играютъ существующіе кооперативы въ экономической и культурной организаціи деревни—пишетъ онъ въ заключеніе своей статьи—общеизвѣстно. Если кооператизація коснется главнѣйшей основы крестьянскаго бытія—земли—организующее начало сможетъ проникнуть вглубь хозяйственнаго организма земледѣльческой массы... Всѣ, пока призрачныя у насъ въ Россіи, мечтанія идеологовъ обобществленія народнаго хозяйства могутъ облечься въ плоть и кровь, разъ только кооперативныя организаціи получатъ власть надъ такимъ могучимъ хозяйственнымъ факторомъ, какъ земля. Какъ миѳическому Антею, прикосновеніе къ землѣ удесятеритъ силу нашимъ кооперативамъ, раскроетъ такія перспективы, о какихъ мы сейчасъ и мечтать не можемъ и крѣпкимъ цементомъ насущнѣйшихъ взаимныхъ интересовъ спаяетъ разрозненныя крестьянскія массы“. Въ виду этихъ главнымъ образомъ перспективъ,

г. Огановскій и считаетъ не только необходимымъ, но и желательнымъ заложить надѣльныя земли...

Словъ нѣтъ, съ кооперативами—этимъ новымъ и виднымъ факторомъ русской народной жизни—возможно связывать многія надежды, но, конечно, не надежды, что они разрѣшатъ нашъ аграрный вопросъ. Для этого нужна совсѣмъ иная коллективность.

Вопросъ о землѣ у насъ неразрывно переплелся съ вопросомъ о волѣ. Мы имѣли уже случай убѣдиться, какъ неразрывно они связаны на верху, въ центрѣ русской государственной жизни. Теперь стало обозначаться и въ ближайшемъ будущемъ мы, вѣроятно, въ этомъ воочію убѣдимся, что и внизу, на мѣстахъ они связаны такъ же неразрывно. И „первоочередная задача настоящаго момента", какъ я думаю, заключается въ томъ, чтобы уяснить себѣ и другимъ, какъ сплетенъ и какъ можно развязать этотъ узелъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собирать силы, чтобы такъ или иначе, если не развязать, то разрубить его.

Для тѣхъ же, кто надѣется разрѣшить вопросъ о землѣ внѣ связи съ вопросомъ о волѣ, кто хочетъ начать это разрѣшеніе при „существующихъ условіяхъ", кто „въ Ріальто спѣшитъ до заката",—для тѣхъ, быть можетъ, дѣйствительно остается одно: сѣсть въ гондолу г. Барка и заняться „демократизаціей кредита".

А. Пѣшехоновъ.

Мастеровые или подвижники?

Народный учитель, народная учительница... Фигуры на аренѣ нашей общественности вполнѣ опредѣленныя, въ литературѣ—старые знакомцы, всегда окруженные неизмѣннымъ сочувствіемъ и признаніемъ, люди суроваго подвига и тяжкаго креста... Живая основа нашихъ лучшихъ упованій. Часть культурной русской арміи, которая всегда пользовалась неослабнымъ (но не всегда завиднымъ) вниманіемъ со стороны...

Имъ посвящена небольшая книжка П. Саломатина—„*Какъ живетъ и работаетъ народный учитель*" [1]). Книжка сѣренькая, интересная не по литературнымъ своимъ достоинствамъ,—написана она немножко неряшливо, мѣстами не вполнѣ грамотно, съ многословнымъ обличительнымъ паѳосомъ, производящимъ по большей части—увы!—комическое впечатлѣніе,—но какъ документъ цѣнная—и по собранному въ ней газетному матеріалу, и по личнымъ впечатлѣніямъ автора, бывшаго семь лѣтъ народнымъ учи-

---

[1]) П. Саломатинъ. Какъ живетъ и работаетъ народный учитель. (Личныя впечатлѣнія). Кн-во „Прометей". Спб. 1914. Ц. 75 к.

телемъ и изверженнаго изъ этого званія за обличительную корреспонденцію въ газету „Школа и Жизнь".

Авторъ поставилъ себѣ задачу—„разсѣять туманъ незнанія", которымъ, будто бы, окутана жизнь „народнаго учительства". Онъ считаетъ обычное представленіе о народномъ учителѣ,—какъ объ идейномъ труженикѣ и подвижникѣ,—погрѣшающимъ въ сторону чрезмѣрной идеализаціи, каковую поддерживаютъ какъ сами народные учителя,—такъ—еще болѣе—литература (изящная, главнымъ образомъ), создавая „обликъ народнаго учителя, опоэтизированный фантазіей". Возвышающій обманъ пора замѣнить трезвой правдой, которая, по упованію г. Саломатина, скорѣе и вѣрнѣе подвинетъ въ сторону улучшенія жизнь 150-тысячной арміи народныхъ учителей, „работающихъ въ отвратительныхъ условіяхъ, переутомленныхъ и больныхъ, давно разочаровавшихся въ своемъ служеніи народу, благодаря всѣмъ вынесеннымъ испытаніямъ и недѣлающимъ (—ихъ?) никакой созидательной работы, и тянущихъ давно опротивѣвшую лямку учебы"...

Правда о народномъ учителѣ, открываемая г. Саломатинымъ, ни мало не блещетъ новизной—старая, не разъ указанная правда, но она не лишена интереса, особенно въ связи съ тѣмъ оживленнымъ, хотя и кратковременнымъ вниманіемъ къ народному учителю, которое возбудили недавніе народно-учительскіе съѣзды въ Петербургѣ. Какъ извѣстно, одна часть общества получила отъ этихъ съѣздовъ впечатлѣніе особенно оптимистическое, другая—соотвѣтственно встревожилась, и охранные Трезорки поспѣшили завопить: caveant consules! грандіозный съѣздъ бунтарей! зловѣщее явленіе! мятежный митингъ!..

Когда заходитъ рѣчь о такихъ мятежникахъ, какъ народные учителя, трудно отрѣшиться отъ личныхъ впечатлѣній и воспоминаній. Невольно встаютъ въ памяти десятки смирныхъ, робкихъ знакомцевъ и пріятелей, а впереди другихъ—гимназическій мой товарищъ Пичугинъ, Никандръ Самойлычъ, человѣкъ тощій до чрезвычайности, богомольный, старательный, вѣрнопреданный исконнымъ началамъ, благонамѣренность котораго, за 22 года сельскаго учительства ни разу не дрогнувшая, должна—казалось бы—стоять внѣ малѣйшихъ подозрѣній. А между тѣмъ все существо его и по-днесь проникнуто непрестаннымъ трепетомъ...

Вспоминаю я этого мятежника, когда онъ бился съ своей школой, разучивая труднѣйшіе титулы многочисленныхъ россійскихъ властей,—необходимо было пройти всю эту длинную лѣстницу къ пріѣзду начальника края, войскового наказнаго атамана барона Таубе, которому предшествовали устрашающіе слухи.

— Вотъ подите, оболваньте ихъ!—горестнымъ тономъ, вытирая потъ, говорилъ мнѣ Пичугинъ:—третій день бьюсь! Человѣчкамъ пяти не велѣлъ уже и ходить,—провалятъ... Государя,

государыней, наслѣдника прошли. Теперь—военнаго министра и наказнаго... На наказномъ хоть лобъ разбей, а напорюсь... Ясно говоришь: кто твой наказный атаманъ?—Его вы-со-ко-превосходительство генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Фридрихъ Фридриховичъ фонъ-Таубе!—А они:—*баронъ Фридриховичъ Таубинъ*!.. Ну что ты тутъ съ нимъ, вотъ съ такимъ пузыремъ...—Моховъ! утри сопли!!—станешь дѣлать?... Или архіерея, напримѣръ... Извольте-ка не поскользнуться:—его высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, архіепископъ донской и новочеркасскій!.. Э?...

Однако не даромъ сказано: „терпѣніе и трудъ все перетрутъ". Наканунѣ рокового испытанія мой старый товарищъ блеснулъ на генеральной репетиціи самой безупречной боевой готовностью: ребята бойко чеканили всю іерархическую лѣстницу сверху внизъ и снизу вверхъ. Заканчивалась она, къ слову сказать, титуломъ станичнаго атамана: „его благородіе урядникъ Семенъ Панфиловъ Мишаткинъ".

Пріѣхалъ генералъ. Старикашка невзрачный, маленькій, но ѣдкій: все—наскокомъ и все грозитъ очами. Въ школѣ первымъ дѣломъ—за титулы. Нарвался: ребята рѣжутъ бойко, четко, звонко, безъ запинки... Учитель растетъ...

— А кто твой хуторской атаманъ?—задаетъ генералъ вопросъ одному мальчугану.

Хуторской атаманъ—это сельскій староста. Конечно, тоже—представитель власти, но столь малый, что никому и въ голову не приходило ввести его въ сонмъ необходимой іерархіи. И генеральскій вопросъ, какъ и всякій неожиданный вопросъ, немножко озадачилъ ученика. Но малецъ попался бойкій и, немножко помолчавъ, отвѣтилъ:

— Да кто,—Ермошка Топчигрязь!..

— Ка-акъ?

— Топчигрязь...

— Эт-то что такое?!

— Да такъ-то прозвали... Раскаряка! самъ по дорогѣ идетъ, а ж... цѣликомъ ѣдетъ...

Генералъ на одно мгновеніе онѣмѣлъ. Потомъ побагровѣлъ и крикнулъ:

— Это что та-ко-е?! Г. учитель!

Пичугинъ подвинулся впередъ,—руки и ноги отплясывали у него мелкую дробь.

— Что-о это такое, я васъ спрашиваю! Къ чему вы ихъ пріучаете? Что внушаете?!.. Ближайшаго своего начальника не умѣютъ какъ слѣдуетъ назвать!..

Учитель, видимо, усиливался что-то сказать, но нижняя челюсть его безсильно отвисла, и вмѣсто членораздѣльныхъ звуковъ послышалось что-то младенчески икающее...

Но генералъ, довольный произведеннымъ эффектомъ, круто повернулся и вышелъ изъ школы, сопровождаемый свитой.

А мятежникъ, оправившись дня черезъ три отъ страха, повторялъ покорнымъ тономъ:

— Я говорилъ: напорюсь,—такъ и вышло... Законъ природы! Обязанъ быть въ роли подрывателя власти и—будь!..

Это—до нѣкоторой степени—дополнительное званіе къ учительской профессіи, своего рода парадный мундиръ въ тужуркѣ цвѣта *хаки* въ формѣ военнаго обмундированія. И какъ ни будь лойяленъ Пичугинъ и десятки моихъ знакомцевъ, его товарищей,—(а они всѣ—самые мирные обыватели, отнюдь не пылающіе ни мятежнымъ задоромъ, ни дерзкой отвагой)—въ подозрѣніи состоять они обязаны. Это ужъ испоконъ вѣковъ положено, задолго до того „многодневнаго митинга"—иначе: учительскаго съѣзда,—который вынесъ ужасную резолюцію о „демократизаціи школы съ уничтоженіемъ всякой сословности" и поселилъ такую тревогу въ охранительномъ лагерѣ.

Состоять въ подозрѣніи и трепетать...

Книжка г. Саломатина даетъ достаточный бытовой матеріалъ для характеристики этихъ подрывателей и тѣхъ условій, при которыхъ имъ приходится нести на своихъ плечахъ — плечахъ не всегда твердыхъ и крѣпкихъ—бремя по-истинѣ тяжкое и неудобоносимое. „Сѣятелей знанія на ниву народную" рисуетъ она людьми ужасно маленькими, сдавленными тисками нужды, дозора, пренебреженія сверху и съ боковъ, а снизу—равнодушіемъ и—порой—недоброжелательствомъ.

„Никто не взглянетъ правдѣ прямо въ глаза",—говоритъ авторъ на стр. 19-й:—„чтобы увидать, что воспитанія юношества нѣтъ никакого, школа не пользуется симпатіями населенія, есть простое обученіе грамотѣ, которая черезъ пять-десять лѣтъ по окончаніи курса основательно, если не навсегда, забывается. Нѣтъ никакого подвига въ работѣ учителя, а есть жалкое прозябаніе, боязнь за кусокъ хлѣба, при неспособности добыть его другимъ ремесломъ, полная и отъ всѣхъ матеріальная и правовая зависимость голоднаго человѣка, иногда еще не одного, а цѣлой семьи"...

Краски, какъ видите, исключительно темныя. И въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ неоднократно повторяетъ и подчеркиваетъ, что народный учитель — вовсе не подвижникъ, не труженикъ, одушевленный высокой идеей, а маленькій-маленькій человѣкъ, случайно втиснутый судьбой въ гигантскую работу, жалкая козявка, не способная къ борьбѣ и стойкой оборонѣ, не пригодная ни къ какому иному ремеслу, кромѣ школьнаго учительства въ томъ видѣ, въ какомъ оно поставлено нынѣ,—т. е., во всякомъ случаѣ, далеко не въ удовлетворительномъ, — и инымъ при нынѣшнихъ условіяхъ быть онъ не можетъ.

А условія таковы.

Прежде всего—жилищная обстановка. Почти половина школъ ютятся въ наемныхъ помѣщеніяхъ — въ крестьянскихъ избахъ, тѣсныхъ, холодныхъ, грязныхъ, вонючихъ, особенно когда рядомъ—хозяйская половина, съ телятами и поросятами („почти около 50%"—по увѣренію г. Саломатина,—стр. 58). Комната учителя—„клѣтушокъ", часто безъ окна,—какъ, напримѣръ, въ с. Тумиловичи, борисовскаго у., гдѣ подъ помѣщеніе учителю отгорожено въ классной комнатѣ небольшое мѣсто досками отъ уничтоженнаго клозета („Шк. и Ж.", № 49-й 1911 г.). Какое же тутъ возможно „культурничество"?—спрашиваетъ авторъ.

Населеніе въ лучшихъ случаяхъ равнодушно къ школѣ, ребятъ въ свободную пору посылаетъ учиться, чтобы зря не болтались на деревенской улицѣ, въ рабочее время безъ всякихъ колебаній отрываетъ отъ книжки, и несложныя повинности, связанныя со школой, несетъ очень неохотно. Если учитель сумѣетъ установить добрососѣдскія отношенія съ мужичками,—живется сносно; порой возможна и популярность, если онъ *все* знаетъ, умѣетъ написать толковое прошеніе, разъяснить непонятное, подать юридическій совѣтъ. Но если онъ ограничивается кругомъ лишь своей непосредственной работы—школьной—и держится особнякомъ отъ деревенской повседневности, если столкнулся съ вліятельной кучкой или даже единичнымъ лицомъ, — противъ него начинается травля, въ которую постепенно втягиваются и подростки, и бородачи, и дѣти школьнаго возраста. И особенно безпощадна такая травля тамъ, гдѣ не ожидается никакого отпора,—противъ учительницъ...

Авторъ передаетъ нѣсколько случаевъ такой дикой травли, изъ своихъ наблюденій въ Епифанскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ самъ учительствовалъ. Двухъ барышень-учительницъ, его знакомыхъ, крестьяне не взлюбили лишь за то, что онѣ—малы ростомъ и не внушительны для озорныхъ ребятъ. „Крестьяне не давали имъ лошадей, въ дорогѣ грубили, даже просто ссаживали и предлагали добираться домой со всѣмъ имуществомъ пѣшкомъ. Сколько учительницы приняли огорченій, обидъ, сколько пролили слезъ, не зная за собой никакой вины, кромѣ физической слабости,—одному Богу извѣстно"...

— Какія онѣ ученицы (учительницы)?—говорили мужики:—ихъ тамъ за подолы дергаютъ, а онѣ молчатъ. Развѣ имъ съ нашими ребятами справиться? Тутъ мужчина долженъ быть, чтобы боялись, а то дѣвчонокъ прислали!..

Можетъ быть, это—рѣдкій, единичный случай? Нѣтъ. Личныя наблюденія г. Саломатина ограничены небольшимъ, сравнительно, райономъ — епифанскимъ уѣздомъ—и все-таки онъ приводитъ длинную цѣпь возмущающихъ душу фактовъ. Одной учительницѣ, дѣвушкѣ высокаго роста, въ деревнѣ кричали вслѣдъ, лишь только она выходила на прогулку: „цапля! рыжая!"—и къ обиднымъ прозвищамъ добавляли непечатную ругань. А ничего обид-

наго учительница населенію не причинила и служила-то всего первый годъ въ этой деревнѣ.

У другой пьяные мужики принялись ломать учительскую каморку: нашли излишнимъ такой апартаментъ для учительницы.

— И такъ проспишь! А ребятамъ будетъ просторнѣе!..

Въ третьемъ мѣстѣ зимой ломали въ школѣ оконныя рамы и бросали въ окна кирпичами. Въ четвертомъ—учительницу травили за то, что ѣздила на велосипедѣ. „Сначала осыпали въ догонку матерщиной, потомъ, въ отсутствіе хозяйки, выломали въ школѣ окно и украли велосипедъ".

И во всѣхъ подобныхъ случаяхъ авторъ затрудняется указать хоть какую-нибудь резонную причину этой слѣпой враждебности, дать хоть нѣкоторое объясненіе этому дикому озорству. „Ненависть деревни слѣпа, безпричинна", — говоритъ онъ, — „моментально вспыхиваетъ и распространяется, какъ степной пожаръ".

— Руки опускаются! — восклицаетъ въ отчаяніи товарищъ автора, учитель: — куда къ чорту тамъ говорить о культурной работѣ на пользу ближняго — эти ближніе въ гробъ вгонятъ! Я черносотенцемъ дѣлаюсь на этомъ мѣстѣ, мнѣ хочется требовать розогъ для мужиковъ и дѣтей, крѣпостного права! И что мы имъ сдѣлали? За что они насъ ненавидятъ? Несешь въ деревню лучшіе свои порывы, душу свою хочешь положить за нихъ, а они даже не подпускаютъ близко, плюютъ тебѣ въ лицо, кусаютъ протянутую имъ же руку помощи и дружбы!..

Но положимъ, что такое отношеніе деревенскаго міра къ сѣятелямъ знанія на нивѣ народной является исключеніемъ.

Такъ оно, вѣроятно, и есть. И какъ ни тяжела обида снизу, отъ той стороны, просвѣщенію которой отдаетъ свои силы и способности учитель,—къ деревенской темной душѣ рано или поздно онъ найдетъ дорогу, если обладаетъ хоть крохотнымъ чутьемъ и тактомъ, и рана, нанесенная озлобленной кучкой темныхъ людей, затянется. Но много ли скрасится учительская жизнь отъ этого? Увы! Въ удѣлъ ей посланъ еще милліонъ терзаній сверху и съ боковъ, со стороны вѣдомственнаго и внѣ-вѣдомственнаго начальства всякихъ ранговъ, со стороны офиціальныхъ и добровольныхъ дозорныхъ, начиная съ урядника и кончая Пуришкевичемъ. Не треплетъ учителя, не грозитъ ему лишь лѣнивый. Попечитель школы захочетъ отравить жизнь—отравитъ. Особенно—если онъ изъ мужичковъ-политиковъ, каковыхъ теперь развелось, какъ клоповъ,—по всѣмъ щелямъ русской жизни. Авторъ приводитъ изъ газетъ нѣсколько фактовъ очень характерныхъ. Напримѣръ, попечитель Петровской земской школы Шаповаловъ, союзникъ, подвергалъ совмѣстно съ старостой обыску школу и квартиры учителей, распоряжался въ школьномъ помѣщеніи, какъ дома. Жалобы учителей инспектору оставлялись безъ послѣдствій. Но сжалилась

надъ ними судьба: попечитель попался въ кражѣ и былъ заключенъ въ тюрьму.

Урядникъ надѣленъ, разумѣется, еще большими полномочіями, чѣмъ школьный попечитель. Тутъ ужъ волей-неволей для спокойствія приходится ставить угощеніе и время отъ времени открывать сердце... Г. Саломатинъ посвящаетъ отдѣльную главу дѣятельности урядниковъ въ области народнаго просвѣщенія, но мы пройдемъ ее мимо, какъ исторію старую и хорошо обслѣдованную.

Вотъ священникъ-законоучитель, казалось бы, и не начальство, а скорѣй—сослуживецъ и сотоварищъ. Однако надзоръ за „духомъ" школьнаго обученія и за поведеніемъ учителя предоставленъ и ему, и при желаніи напакостить учителю — нѣтъ ничего легче, какъ настрочить то, что, напр., настрочилъ о. И. Преображенскій, законоучитель Бѣловскаго 2-класснаго училища ишимскаго у.: „Какъ бороться, когда ни просьбы, ни увѣщеванія не дѣйствуютъ, съ непосѣщеніемъ учащими храма Божія, такъ губительно отражающемся на питомцахъ, какія мѣры предпринимать, кромѣ разъясненія ученикамъ, съ проводимыми раціоналистическими бреднями, подрывающими въ юномъ умѣ все святое?" Конечно, немедленно дознаніе. Правда, инспекторъ установилъ, что „ни одного воскресенья, ни одного праздника учащіе не пропускали безъ того, чтобы не побывать съ учениками въ церкви". Однако сѣмя-то подозрѣнія брошено насчетъ „бредней" и въ свое время дастъ плодъ...

Мирное сожительство учителя и законоучителя, по словамъ автора, возможно: это когда учитель несетъ на себѣ работу и свою и законоучительскую, а іерей получаетъ положенное содержаніе. Сельскіе батюшки, обремененные заботами по хозяйству и по приходу, не очень ревнуютъ о насажденіи въ юныхъ сердцахъ истинъ вѣроученія: некогда. Нѣкоторые и совсѣмъ не заглядываютъ въ школу. На съѣздѣ епифанскихъ учителей въ 1908 г. учительница Грибачева заявила предсѣдателю училищнаго совѣта, что законоучитель ея школы *седьмой* годъ не заглядываетъ въ школу, кромѣ какъ на экзаменъ. На напоминаніе отвѣчаетъ что-нибудь въ родѣ слѣдующаго:

— Когда тамъ! у меня хлѣбъ еще не обмолоченъ! Какъ-нибудь пріѣду...

Учителю волей-неволей приходится самому проходить съ учениками и Законъ Божій, чтобы не осрамиться съ ними на экзаменѣ. Но тутъ-то и подстерегаетъ обвиненіе въ раціоналистическихъ бредняхъ. Экзамены и понынѣ производятся такъ, какъ у у Гл. Успенскаго разсказываетъ одинъ сельскій учитель: „Посмотрите-ка, какъ наѣдутъ къ намъ изъ города надзиратели, да смотрители, да попечители, да какъ начнутъ загвазживать разные вопросы, одинъ хитрѣе другого, такъ тутъ только держись за грядки,

точно на перекладной мчатъ... — „Что такое Святой Духъ? — Почему заутреня раньше обѣдни?“ — то-есть не приведи Богъ! „Что такое Святой Духъ?“ Позвольте узнать—что такое? Скажи: третье лицо Святыя Троицы—это имъ мало!“..

Все это надо предусмотрѣть учителю, потому что онъ отвѣтственъ за подготовку своихъ учениковъ. А батюшка — „какъ у Христа за пазухой“,—въ концѣ учебнаго года поѣдетъ по дѣламъ въ городъ, завернетъ мимоходомъ въ управу, распишется и получитъ присвоенное ему по должности законоучителя содержаніе. Нѣкоторые іереи-дипломаты иногда уговариваются съ учителемъ—на совѣсть: учитель обязуется взять на себя бремя законоученія, а батюшка обязуется отдать ему половину законоучительскаго жалованья. Но въ большинствѣ случаевъ къ концу года іереи забываютъ о договорѣ и „надуваютъ“ довѣрчивыхъ сослуживцевъ. Жертвой подобнаго обмана сталъ и авторъ разбираемой нами книги—г. Саломатинъ: пріѣхалъ онъ въ городъ получить обѣщанную половину за законоучительство, а въ управѣ сказали, что батюшка получилъ уже все жалованье полностью. Обратился г. Саломатинъ съ жалобой въ училищный совѣтъ, но на себя же накликалъ бѣду: совѣтъ нашелъ, что онъ, не имѣя права на преподаваніе Закона Божія, совершилъ несомнѣнный служебный проступокъ, принявъ на себя уроки законоучителя. Огорченный педагогъ огласилъ этотъ случай въ печати и имѣлъ при этомъ неосторожность указать, что предсѣдатель училищнаго совѣта состоитъ въ кумовствѣ съ о. законоучителемъ. Разумѣется, кончилось тѣмъ, что г. Саломатина молніеноснымъ порядкомъ извергли изъ педагогическаго званія—„съ волчьимъ паспортомъ“...

Наиболѣе благоразумные учителя и учительницы поступаютъ такъ: задаютъ ребятамъ уроки по книжкѣ „Священная исторія“, а въ классномъ журналѣ оставляютъ потребное количество незаполненныхъ мѣстъ для батюшки — завернетъ при случаѣ въ школу и запишетъ сразу, что пройдено имъ съ учениками то-то и то-то Живется спокойнѣе, когда іерей нѣсколько связанъ предупредительностью учителя. А борьба съ нимъ—для учителя не подъ силу. Въ книгѣ г. Саломатина перепечатана подробная корреспонденція изъ журнала „Народный Учитель“ — о нѣкоемъ о. Зозулинскомъ, который довелъ до самоубійства своими доносами учителя и учительницу Ляшевецкой школы Могилевскаго у.

Если существованіемъ учителя можетъ безвозбранно играть даже сельскій духовный пастырь, то нужно-ли говорить объ инспекторѣ и прочемъ начальствѣ. объ ихъ устрашающей роли въ огоенной жизни „сѣятеля знанья на ниву народную“? Объ инспекторахъ, этихъ „бичахъ божьихъ“, г. Саломатинъ повѣствуетъ подробно, разсуждаетъ резонно (хотя и черезчуръ многословно), но мы пройдемъ мимо этихъ повѣствованій и разсужденій. Незащищенность, забитость, безправіе народнаго учителя оттѣняется рѣзче

снизу, чѣмъ сверху. Изъ богатой коллекціи иллюстрацій учительскаго правового уничиженія, приведенныхъ въ книгѣ, достаточно взять наудачу то, что покороче. Въ Кишиневѣ уволена учительница Думбравова за нежеланіе цѣловать руку инспектора Юркиса („Шк. и Ж“. 1911 г. № 28). Въ Балахнѣ уволены училищнымъ совѣтомъ три учительницы за игру на грамофонѣ въ училищѣ въ день чествованія памяти патріарха Гермогена. Въ курской губ. устранена учительница Рязанова, по доносу земскаго начальника Выходцева, обвинявшаго ее въ развратномъ поведеніи съ учениками. Суджанскій окружный судъ приговорилъ Выходцева къ 15 днямъ домашняго ареста за клевету. Губернскій училищный совѣтъ предписалъ вновь назначить Рязанову, но уѣздный совѣтъ все-таки уволилъ ее вторично—„за неповиновеніе“. („Шк. и Ж“. 1913 г. № 39).

Вотъ въ какихъ условіяхъ приходится жить и работать русскому народному учителю.

Кто же онъ? Герой? Подвижникъ? Мученикъ идеи? Или просто—смирный ремесленникъ педагогическаго цеха, маленькая козявка, робкая и трепещущая? Г. Саломатинъ, основываясь на своихъ наблюденіяхъ и опытѣ, приходитъ къ выводу, что народный учитель—въ массѣ—не герой и не подвижникъ, а плохенькій работникъ, уныло тянущій лямку постылаго труда, вялый, трусливый чуждый огня самопожертвованія, не способный къ объединенію и къ мужественной самооборонѣ.

„Учительскій трудъ—не подвигъ, а учителя—не мученики за идею. Учителя—это армія въ полтораста тысячъ человѣкъ, голодныхъ, больныхъ, съ истрепанными нервами и ослабленной до конца волей настолько, что они боятся перемѣнить свое занятіе, угрожающее здоровью, на какое-нибудь другое, болѣе спокойное, даже иногда болѣе доходное. Учительство все-таки и привычно и можно тянуть долго. Только смиряйся и терпи. А на другомъ мѣстѣ какъ-то еще выйдетъ. Иногда просто никуда, кромѣ учительства, не пригоденъ“ (стр. 198).

Какъ ни авторитетенъ голосъ, идущій какъ-никакъ изъ нѣдръ 150-тысячной арміи, голосъ маленькаго сельскаго учителя, дерзнувшаго единолично поднять знамя борьбы изъ-за 20 руб. сер. (половина законоучительскаго содержанія), за которыми стояла несомнѣнно попранная справедливость, и павшаго жертвой собственнаго обличительнаго пыла,—все-таки рѣшительное утвержденіе г. Саломатина нуждается въ существенныхъ поправкахъ. Конечно, армія въ полтораста тысячъ не состоитъ сплошь изъ героевъ и подвижниковъ,—большинство—заурядные работники, есть и слабые духомъ, есть, вѣроятно, и опустившіеся люди. Въ широко развернутомъ фронтѣ люди большого роста не такъ видны, какъ въ малыхъ взводахъ. и люди сильнаго духа на нивѣ народнаго просвѣ-

щенія прежде поднимавшіе на свои плечи все бремя высокаго подвига, нынѣ заслоняются *силой*, арміей. Въ ряды этой арміи ежегодно вливается широкій потокъ не однихъ избранныхъ тружениковъ, — разнаго роста и склада попадаютъ сюда молодые люди. Въ огромномъ большинствѣ теперь это—крестьянская молодежь, сыновья и дочери самого народа, съ огромнымъ трудомъ пробивающіеся изъ темныхъ низовъ на одну-двѣ ступени выше. Для нихъ, разумѣется, существенно важенъ вопросъ хоть жалкаго матеріальнаго обезпеченія, куска хлѣба, и они не могутъ не дорожить даже скудно оплачиваемой службой сельскаго учителя. Но какъ бы ни были заурядны эти люди, какъ бы ни мелко было ихъ плаваніе, — самый трудъ учительства, пусть даже случайно ими избранный, своимъ облагораживающимъ дѣйствіемъ непремѣнно одухотворяетъ ихъ, непремѣнно накладываетъ на ихъ обликъ черты идейнаго и подвижническаго служенія, подобно тому какъ работа надъ благовонными экстрактами сообщаетъ тонкій ароматъ даже убогому платью простого рабочаго.

Г. Саломатинъ въ примѣръ и укоръ учителямъ ставитъ фабрично-заводскій пролетаріатъ: вотъ, дескать, кто не робѣетъ и борется за улучшеніе своей участи, за свободу, за право, а русскій народный учитель — мелокъ, малодушенъ, не способенъ на такую борьбу, потому жалко и горько его бытіе. Строго, но не совсѣмъ справедливо. Не говоря уже о внѣшнемъ несходствѣ позицій, есть внутренняя, психологическая разница между рабочимъ и учителемъ, обусловленная именно исторически подвижническимъ служеніемъ послѣдняго.

Народный учитель задолго до появленія на общественной аренѣ рабочаго класса уже стоялъ въ боевыхъ рядахъ общественной арміи, боровшейся за свѣтъ, за свободу, за лучшую долю трудовыхъ массъ,—и притомъ въ рядахъ не послѣднихъ. И если не самые тяжкіе, то самые многочисленные удары пришлись именно на его долю. Мы и сейчасъ присутствуемъ при самомъ ожесточенномъ натискѣ реакціонныхъ силъ на народную школу и народнаго учителя. Но учительству приходится именно п р и н и м а т ь н а с е б я удары, а не самому наносить ихъ. Его задача—„сѣять разумное, доброе, вѣчное", будить слѣпую и стиснутую мысль прикосновеніемъ къ ученію — свѣту, поднимать въ забитой и уничиженной душѣ сознаніе и чувство человѣческаго достоинства,—задача, такъ сказать, инструкторская, подготовительная, не зря волнуетъ соратниковъ Пуришкевича. Посѣвъ этотъ неустанно, неуклонно и вѣрно готовитъ обездоленные низы къ заявленію своихъ правъ на справедливую долю участія въ жизни.

Но сами инструктора никогда, кажется, не выдвигали на первый планъ заботу о своемъ классовомъ, профессіональномъ сознаніи, о собственномъ и н т е р е с ѣ. Хотя попытки объединенія въ профессіональный союзъ и были но и до и послѣ нихъ впереди прочно

стояла идея служенія народу. И мы знаемъ, сколько эта сѣрая масса маленькихъ, скромныхъ, отовсюду стиснутыхъ людей выдвинула изъ себя въ недавніе годы самоотверженныхъ борцовъ и истинныхъ героевъ.

Но не этотъ бранный духъ—самая характерная черта въ обликѣ народнаго учителя. Онъ, сѣятель знанія, болѣе, чѣмъ какой-либо другой культурный работникъ, подвижнически растворялся въ народныхъ низахъ, дѣлилъ съ ними ношу ихъ крестную. И отсюда, можетъ быть, въ его образѣ скрытъ подъ пепломъ огонь святой ненависти къ угнетенію, а замѣтнѣе всего народная русская черта—мягкость, кротость, близкая къ всепрощенію, что, съ точки зрѣнія пылкой приверженности къ классовой идеологіи, можно принять за безсиліе и неспособность къ борьбѣ...

И мнѣ всегда какъ-то невольно, когда заходитъ рѣчь о народномъ учителѣ,—объ его-ли мятежномъ духѣ, или о его нищетѣ духовной,—вспоминается разсказъ знакомаго лектора и руководителя заграничныхъ образовательныхъ экскурсій.

Группа русскихъ учителей и учительницъ пріѣхала въ Римъ. Разумѣется, спѣшный осмотръ музеевъ и достопримѣчательностей. Къ концу дня очередь дошла до Колизея, гдѣ экскурсантовъ и застала ночь, теплая, тихая южная ночь съ бархатнымъ небомъ и крупными звѣздами. Усталые туристы сидѣли среди темныхъ, нѣмыхъ развалинъ, тихо, благоговѣйно, сосредоточенно прислушиваясь къ отдаленному рокоту „вѣчнаго города". Изрѣдка прозвучитъ короткій разговоръ въ какомъ-нибудь отдаленномъ углѣ, въ темнотѣ, и тотчасъ упадетъ...

Учительница изъ Вологодской губерніи тихо разсказывала лектору о далекой своей деревнѣ, о нуждѣ, сѣрости и грязи ея, объ учительскихъ горестяхъ и радостяхъ своихъ. И какъ разъ подъ это тихое, покорно-грустное повѣствованіе въ таинственной тишинѣ вѣковыхъ развалинъ тихо заструился знакомый мотивъ родного храма,—русскіе учителя и учительницы въ стѣнахъ Колизея запѣли:

Хвалите имя Господне...

Можетъ быть, случайно это вышло такъ, что среди темныхъ каменныхъ громадъ, орошенныхъ потоками мученической крови, оглашенныхъ стонами рабовъ и кликами продажной черни, видѣвшихъ кровавыя безумства властителей міра, простые, бѣдно одѣтые пришельцы изъ далекой страны, извѣдавшіе бремя тяжелаго креста, нашли для выраженія своихъ чувствъ, вызванныхъ нѣмымъ свидѣтелемъ человѣческой жестокости,—не гимнъ борьбы и мщенія, а трогательную пѣснь Богу любви и милости... Но мнѣ случайность эта невольно кажется характерной для русскаго народнаго учителя, для его увѣнчаннаго терпѣніемъ, свѣтлаго, незлобнояснаго подвижническаго облика.

И. Гордѣевъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Ис. Гольдбергъ. Тунгусскія разсказы. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1914 г. Стр. 157. Ц. 80 к.

Не совсѣмъ понятно, почему именно авторъ выдаетъ свои разсказы за т у н г у с с к і е, а не цыганскіе или патагонскіе. Конечно, тундра, шаманы, олени, чумы, тайга—все это въ достаточномъ количествѣ имѣется на лицо, но тѣмъ не менѣе сомнѣніе въ тунгусской подлинности изображаемыхъ лицъ и мѣстъ невольно возникаетъ съ первыхъ же страницъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпнетъ. Судите сами. „У низкой Эвгалакъ былъ крѣпкій и гибкій станъ, маленькія ручки, черные-черные глаза и двѣ черныхъ же змѣи косъ обвивали ея голову и шею. И еще былъ у нея полураскрытый ротикъ съ губами, рдѣвшими, какъ спѣлый шиповникъ, и заслонявшими маленькіе, какъ у бѣлки бѣлые зубы. Звонкій голосъ былъ Эвгалакъ, и пѣсни ея звенѣли среди пѣсенъ другихъ дѣвушекъ рода Лонтогирь серебряной тетивой. И звонкій смѣхъ ея журчалъ, какъ ручей по разноцвѣтнымъ круглымъ камешкамъ". Почему столь обольстительная красавица называется Эвгалакъ, а не Зара, или Джемма, или—наконецъ—Рахиль? Что въ ней тунгусскаго, кромѣ имени,—неизвѣстно. Страницы пестрятъ этими тунгусскими именами: Мультурца, Шебкауль, Миндыуль, Чемокъ, Танчеукъ, Овидирь, Ковдельги и т. п. Но самихъ тунгусовъ не видно. Вмѣсто первобытныхъ, бродячихъ дикарей—герои съ необычайно сложной, возвышенной психикой. Вотъ, напримѣръ, тунгусъ Митрофанъ Саладкинъ, терзаемый коллизіей страха передъ урядникомъ и вѣрности данному слову: „простить Степана Николаевича (русскаго купца, безсовѣстно обобравшаго тунгусовъ) да передъ большимъ начальникомъ неправду сказать — урядникъ накажетъ, Оксари (Богъ) накажетъ... Сказать правду про Степана Николаевича—совѣсть замучитъ: мужику слово далъ, что простилъ. И будетъ совѣсть въ тайгѣ ходить по слѣду, будетъ путать слѣдъ, будетъ заводить не туда, куда нужно, будетъ совѣсть пугать въ темной тайгѣ криками страшными, воемъ несказаннымъ, хохотомъ дикимъ". И кончаетъ Митрофанъ Саладкинъ жизнь свою горькую самоубійствомъ. Изобразительное перо автора и самый конецъ этотъ рисуетъ красками необычайными до невѣроятія. „Тихо качаясь на бичевѣ, весь вытянувшись, висѣлъ Митрофанъ. Было лицо у него спокойно и руки вытянуты вдоль тѣла. Былъ онъ празднич енъ, какъ женихъ... Тихо качался въ морозномъ воздухѣ". Видѣлъ ли когда-нибудь удавленниковъ г. Ис. Гольдбергъ?..

Приполярныя области Сибири и ихъ народцы въ русской литературѣ, по особымъ условіямъ русской жизни, имѣютъ цѣлый рядъ

превосходныхъ изобразителей. Авторъ „Тунгусскихъ разсказовъ“ едва ли найдетъ мѣсто въ этомъ почетномъ ряду. Недостаточно еще кредитора назвать должникомъ (стр. 25), набить всюду непонятныхъ словъ — илле, бое, унты, парна, иракса, нульга, ехондирить,—перенять манерный стиль у модныхъ писателей. Надо дать хоть малое зерно, но подлинной, художественно-убѣдительной, не изъ пальца высосанной правды. Конечно, „всѣ собаки имѣютъ право лаять—и большія и маленькія“,—какъ шутливо говаривалъ Чеховъ. Никому не причинятъ безпокойства и литературныя упражненія г. Гольдберга. Но почему все-таки это тунгусскіе разсказы,—право, не понятно.

Н. Бутовскій. Повѣсти изъ современной офицерской жизни. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1914. Стр. 177. Ц. 1 р.

Даже съ самой малой художественной мѣркой нельзя подойти къ этимъ повѣстямъ: лубокъ, и лубокъ третьесортный. „Ардатовъ прилегъ, не раздѣваясь. Въ комнатѣ было свѣтло. Стояла совершенно ясная южно-русская полнолунная ночь; небо ласкало землю своими чарами, такъ чудно издображенными въ разсказахъ Гоголя. Лежа противъ окна, Ардатовъ воспринималъ эти чары, и его влекло къ сліянію съ этимъ міромъ чудесъ и тайнъ. Область нирваны казалось ему самой сладкой въ эту минуту, ибо она избавляла и его и двухъ влюбленныхъ въ него чистыхъ дѣвушекъ отъ объекта недостижимаго счастья, заслоненнаго вопросами чести, отъ которыхъ онъ не могъ и не хотѣлъ избавиться... Это былъ человѣкъ, дышащій правдой, сотканный изъ порядочности“... Такъ живописуетъ авторъ послѣднія минуты офицера передъ самоубійствомъ. Мы опустимъ великолѣпныя, въ своемъ родѣ, страницы воспоминаній передъ нажатіемъ спуска, подойдемъ прямо къ финалу. „Басистые столовые часы пробили три раза. По какой-то странной случайности въ глубинѣ сада жалобно закричала сова...— Пора!—встрепенулся Ардатовъ, почуявъ упрекъ въ малодушіи, и рѣшительно взявъ револьверъ, приставилъ его къ виску, но вдругъ, подумавъ о томъ, что обезображенное лицо внесетъ лишнюю горечь въ чувства родныхъ, онъ сталъ торопливо искать сердце, которое намѣтилъ двумя пальцами лѣвой руки и между ними вставилъ дуло револьвера... Грянулъ выстрѣлъ, и красивое тѣло Ардатова, не падая со стула, медленно наклонилось къ окну; лицо легло на подоконникъ и по скользкой его поверхности подвинулось впередъ, къ саду; зефиръ заигралъ непричесанными бѣлокурыми волосами“... Но оставимъ въ сторонѣ художественную сторону твореній ген. Бутовскаго. Каковы бы они ни были, но разъ это—изображеніе *современной офицерской* жизни,—все равно, любопытно. Притомъ, писатель—самъ человѣкъ военный. Изъ-за титульнаго листа скромно выглядываетъ портретъ автора въ парад-

номъ генеральскомъ мундирѣ, а за портретомъ страничка—„Отрывки изъ рукописей Н. Бутовскаго"—факсимиле. Мысли заключенныя въ „отрывкахъ" — весьма средней глубины и средней грамотности. Надо думать все-таки, что приложеніе къ „Повѣстямъ изъ современной офицерской жизни" авторскаго портрета и факсимиле диктовалось не скудостью ума или недостаткомъ скромности автора (вѣдь, это не какой-нибудь Илья Молотовъ, авторъ лубочной повѣсти „Хулиганы", тоже украсившій свое сочиненіе собственнымъ портретомъ и факсимиле, а генералъ съ двумя звѣздами!),—но ясно сознанной потребностью дать читателямъ болѣе живое представленіе объ извѣстной — по „Развѣдчику"—литературной величинѣ,—о ген. Бутовскомъ. Нынѣ многіе военные генералы стали кормиться отъ пера. Назовемъ хоть Богдановича, Нечволодова и умолчимъ о менѣе извѣстныхъ. Въ сей „стаѣ славной" генералъ Бутовскій съ его разносторонними писаніями, по праву, долженъ занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Его изобразительное перо касалось всѣхъ сторонъ военнаго быта— отъ верховъ и до самаго низу: „отцы-командиры", просто-командиры, „нашъ офицерскій корпусъ", юнкера, „наши солдаты"—цѣлая галлерея „типовъ", портретовъ, моментовъ и проч. И въ современномъ запустѣніи литературы, доступной—съ разрѣшенія начальства—офицерскому пользованію, повѣсти и разсказы г. Бутовскаго служать неизбѣжной и почти единственной духовной пищей для читателя, облеченнаго въ военный мундиръ. Въ повѣстяхъ этихъ трактуются темы не только узко военныя, но порой не лишенныя и широкаго общественнаго значенія. Взять, напримѣръ, вопросъ о чести мундира, о кастовой военной чести. Нѣтъ надобности говорить, какъ иногда этотъ вопросъ въ переживаемой нами современности рѣзко и трагически врывается въ жизнь рядового обывателя штатскаго, и какъ рѣзко расходятся съ общественнымъ пониманіемъ чести и порядочности взгляды, культивируемые въ военной средѣ. Ген. Бутовскій въ повѣсти „Оскорбленный" трактуетъ этотъ вопросъ именно съ военной точки зрѣнія. Во всѣхъ отношеніяхъ блестящій поручикъ сверхъ-блестящаго гвардейскаго полка Ардатовъ подвергся случайному оскорбленію дѣйствіемъ. Пріятель Ардатова Жоржъ (штатскій, конечно) въ пьяномъ видѣ затѣялъ драку съ извозчикомъ, на которомъ они ѣхали вмѣстѣ съ блестящимъ поручикомъ, а извозчикъ, защищаясь, задѣлъ по лицу локтемъ и Ардатова. Ардатовъ выхватываетъ шашку, но во время останавливается: рубить безоружнаго извозчика, не подозрѣвающаго въ пылу боевого увлеченія, что онъ задѣлъ офицера,—не рыцарское дѣло. Однако, какъ рыцарь, Ардатовъ не считаетъ возможнымъ держать въ тайнѣ обстоятельство, хотя бы никѣмъ постороннимъ не замѣченное (не только Жоржъ, но и извозчикъ, по дальнѣйшимъ показаніямъ автора, были пьяны, какъ это и полагается подлому штатскому состоянію), но лично для него

стоящее мучительнымъ вопросомъ: оскорблена или нѣтъ честь мундира? На другой же день сообщаетъ онъ объ инцидентѣ предсѣдателю полкового суда чести. Судъ—правда, неоффиціально—высказывается въ томъ смыслѣ, что хотя поручикъ держалъ себя по-рыцарски, но честь блестящаго полка подвергается опасности нареканій и сплетенъ, могущихъ возникнуть въ томъ обществѣ, къ которому принадлежатъ офицеры полка. И Ардатовъ добровольно покидаетъ полкъ. Ну, конечно, тутъ же пришлось разстаться съ мыслью о женитьбѣ на любимой княжнѣ Лили (за которой—полмилліона) и уѣхать въ деревню. Тамъ, не смотря на тоску разлуки съ полкомъ и княжной, поручикъ истинно-кавалерійскимъ аллюромъ увлекается сосѣдкой по имѣнію, Наташей, пропагандисткой грядковой культуры Демчинскаго, и дѣлаетъ ей предложеніе. Но наканунѣ свадьбы письмо отъ Лили... нѣтъ, отъ ея maman:—пріѣзжайте! „Замурованное гордостью" чувство вспыхнуло вновь, но... какъ нарушить слово, данное пропагандисткѣ грядковой культуры? „О, должность! о любовь!.." Поручикъ разрѣшаетъ вопросъ выстрѣломъ... Прекрасный офицеръ палъ невинной жертвой „отъ укуса бѣшенаго животного, въ лицѣ извозчика" (стр. 17)... А вѣдь бываютъ и болѣе потрясающія трагедіи въ той же плоскости. Припоминается одинъ разсказецъ изъ „Сатирикона".—Нѣкій баронъ въ банѣ подвергся оскорбительному (на его взглядъ) шлепку банщика, который, заканчивая свою артистическую работу надъ тѣлесами барона, положилъ обычный заключительный штрихъ,—шлепнулъ барона пониже поясницы и сказалъ: — „на доброе здоровьице-съ!" Отсюда—трагедія баронскаго духа: оскорблена или нѣтъ чести мундира шлепкомъ банщика? Не помню ужь какъ она разрѣшилась. Кажется, тоже выстрѣломъ! И самъ ген. Бутовскій скорбитъ, но не видитъ избавленія отъ „Дамоклова меча, ежеминутно грозящаго"—офицеру!.. „Традиціи не трактуются, а только исполняются... это заколдованный кругъ". Разумѣется, было бы совершенно безполезно, при уклонѣ скорбной мысли автора въ такую сторону, рекомендовать его изобразительному перу болѣе типичныя жизненныя сцѣпленія. Еслибы вмѣсто блестящаго поручика Ардатова взять менѣе блестящихъ поручиковъ же—Кугатова, или Вачнадзе, или Доне—и поставить вопросъ тѣмъ же военнымъ стилемъ: гдѣ бѣшеная собака?—едва ли бы мы дождались отъ генерала прямого отвѣта...

Недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности коснуться двухъ остальныхъ повѣстей разбираемой книги, хотя вопросы, трактуемые въ нихъ, тоже весьма не маловажны. Напримѣръ, вопросъ о военной выправкѣ и подготовкѣ солдата. Съ трогательной серьезностью авторъ выдвигаетъ въ примѣръ „ученымъ" офицерамъ нѣкоего неученаго „мудреца, замурованнаго въ капитанскомъ чинѣ", умѣющаго добиться поразительныхъ результатовъ отъ своей роты:—„Прямо потѣха, ваше пр-ство: въ ретирадъ идетъ человѣкъ ночью—

приложится; возвращается—опять приложится"... Читаешь—просто духъ захватываетъ отъ восторга! Съ такимъ солдатомъ „прямо иди хоть на востокъ, хоть на западъ и приказывай: разумѣйте, языцы, и покоряйтеся"... (стр. 169).

Слово. Сборникъ второй. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1914. Стр. 291. Ц. 1 р. 50 к.

Новый сборникъ „Слово"—не столько беллетристическій, сколько историко-литературный—посвященный творчеству А. П. Чехова: ко дню десятилѣтія со дня его смерти, его сестра М. П. Чехова собрала въ этой книжкѣ разнообразные матеріалы, найденные въ литературномъ архивѣ писателя и служащіе къ уясненію его личности. Такимъ образомъ сюда вошли нѣкоторыя беллетристическія и драматическія мелочи — отрывки и законченныя произведенія, подготовительныя замѣтки Чехова изъ записной книжки, его публицистическія статьи, письма къ нему извѣстныхъ писателей.

Въ этомъ разнообразномъ матеріалѣ, наименѣе интереснымъ представляется, къ сожалѣнію то, что предисловіе называетъ „законченными произведеніями" писателя — и среди нихъ публицистика интереснѣе чистаго искусства. Статейка „Наше нищенство" прекрасно рисуетъ ненависть Чехова къ русскому разгильдяйству, къ хамской безпечности и мелкой нечестности „культурныхъ" людей; въ замѣткѣ „Люди подвига" нашло яркое выраженіе его патетическое преклоненіе передъ человѣческимъ подвигомъ. Чеховъ, несомнѣнно, вѣрно опредѣлилъ себя, когда писалъ Плещееву: „я не либералъ, не консерваторъ, не *индиферентистъ*", но правы были и тѣ, кому онъ—судя по „поэзіи и прозѣ" его тогдашней жизни, по его литературнымъ произведеніямъ и личнымъ связямъ—казался „индиферентистомъ"; достаточно напомнить, что и этотъ апоѳеозъ подвига появился на страницахъ „Новаго Времени"... О томъ, какъ тягостенъ былъ этотъ индиферентизмъ людямъ, любившимъ талантъ Чехова, съ захватывающей выразительностью говорятъ письма къ нему Н. К. Михайловскаго, опубликованные въ сборникѣ. Послѣ „Степи"—этого ожерелья фрагментовъ — Михайловскій (въ концѣ 1888 года) обращается къ Чехову просто съ мольбой беречь свой талантъ: „Читая, я точно видѣлъ силача, который идетъ по дорогѣ, самъ не зная куда и зачѣмъ, такъ, кости разминаетъ, и, не сознавая своей огромной силы, просто не думая объ ней, то росточекъ сорветъ, то дерево съ корнемъ вырветъ, все съ одинаковой легкостью, и даже разницы между этими дѣйствіями не чувствуетъ. Много вамъ отъ Бога дано, Антонъ Павловичъ, много и спросится... Я былъ сначала пораженъ вашей неиспорченностью, потому что не зналъ школы хуже той, которую вы проходили въ „Новомъ Времени", „Осколкахъ" и проч. Потомъ понялъ, что иначе и не могло быть,—эта грязь не могла къ вамъ пристать. Школа однако сдѣ-

лала, что могла, — пріучила васъ къ обрывочности и къ прогулкѣ по дорогѣ не знамо куда и не знамо зачѣмъ. Это пройдетъ, должно пройти, вы будете не только не служить злу, а прямо служить добру. Само собой это выйдетъ и тогда берусь вамъ предсказать блестящую будущность... Вы не должны, не смѣете быть дилетантомъ въ литературѣ, вы въ нее должны душу положить". Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, отвѣтнаго письма Чехова—возможно, что оно погибло еще при жизни Н. К. Михайловскаго вмѣстѣ съ частью его переписки—но новый отвѣтъ его даетъ представленіе о томъ, что писалъ Чеховъ. „Я ничего не могу возразить противъ отсутствія въ васъ опредѣленной вѣры,—на нѣтъ и суда нѣтъ. Не считаю себя, разумѣется, вправѣ касаться вашихъ личныхъ чувствъ къ Суворину, но позволю себѣ не согласиться съ однимъ вашимъ аргументомъ. Вы пишете, что лучше ужъ пусть читатели „Новаго Времени" получатъ вашъ индиферентный разсказъ, чѣмъ какой-нибудь „недостойный, ругательный фельетонъ". Безъ сомнѣнія, это было бы лучше, если бы вы въ самомъ дѣлѣ могли замѣнить собой что-нибудь дрянное. Но этого никогда не будетъ и быть не можетъ. Ради вашего разсказа не изгонится ни злобная клевета Буренина, ни каторжныя писанія „Жителя", ни „патріотическая" наука Эльпе... Вашъ разсказъ поступитъ въ общій котелъ, ничего собой не замѣнивъ и не измѣнивъ. Вы своимъ талантомъ можете только дать лишнихъ подписчиковъ и стало быть читателей Буренину, Жителю, Эльпе, которыхъ вы не замѣните... Колеблющіеся умы, частью благодаря вамъ, въѣдятся въ эту кашу и, привыкнувъ, найдутъ, что она не такъ дрянна,—а ужъ чего дряннѣе! Вы говорите объ аристократической брезгливости ясной силы, не дѣлающей чести ея сердцу. Здѣсь нѣтъ аристократизма, Антонъ Павловичъ, а сердце есть, сердце и участіе къ тѣмъ, кто по тяжелымъ обстоятельствамъ времени вынужденъ ежедневно питаться гнусностями. Не индиферентны ваши разсказы въ „Новомъ Времени"—они прямо служатъ злу". Прошло не много лѣтъ, и Чеховъ понялъ, какъ правъ Н. К. Михайловскій; понялъ и ушелъ изъ газеты, которую научился презирать.

Рядомъ съ письмами Михайловскаго кажутся менѣе выразительными интересныя письма къ Чехову цѣлаго ряда старыхъ писателей—Плещеева, Полонскаго, Григоровича:—но во всѣхъ видна также забота о дарованіи молодого автора. Играя, онъ разбрасывалъ блестки своего таланта; о томъ, какъ онъ неудачно тратилъ его иногда, лучше всего говорятъ драматическія произведенія, вошедшія въ сборникъ. Мелодраматическая пьеска „На большой дорогѣ" не затерялась бы въ цензурныхъ архивахъ, гдѣ она отыскана теперь—если бы самъ авторъ цѣнилъ ее. Долго еще будетъ, вѣрно, цитироваться лапидарная надпись на ней цензора Кейзеръ-фонъ-Кюгельгена: „Неудобно. Мрачная и грязная пьеса—не можетъ быть дозволена. Къ запрещенію", но ни пошлость цензурнаго курьеза,

ни нѣкоторая сценичность пьесы не скроютъ, того, что она относится къ той группѣ произведеній Чехова, которую безъ особенной необходимости воскресилъ для новаго читателя его издатель въ дополнительныхъ томахъ собранія сочиненій. Есть и еще мелочи, иногда милыя, иногда совершенно незначительныя, но всѣ эти листки изъ альбома и отрывки кажутся блѣдными и ничтожными предъ, такъ сказать, гвоздемъ сборника—замѣтками писателя изъ записной книжки. Содержаніе этихъ замѣтокъ чрезвычайно разнообразно: здѣсь и сюжеты будущихъ произведеній, и отдѣльные образы изъ нихъ: словечки, афоризмы, собственныя имена, типичныя мелочи, подмѣченныя въ дѣйствительности, а еще чаще творчески пересоздающія дѣйствительность. Это какая-то сокровищница художественныхъ настроеній и творческихъ намековъ, служащихъ живымъ стимуломъ къ самостоятельной работѣ воображенія въ читателѣ. И для характеристики творчества Чехова эти замѣтки также могутъ дать цѣнные матеріалы.

П. Е. Щеголевъ. Историческіе этюды. Изд. „Прометей". Спб. 1913. Стр. 441. Ц. 3 р.

Въ настоящей книгѣ г. Щеголевъ собралъ нѣсколько своихъ статей историческаго и историко-литературнаго содержанія, частью напечатанныхъ въ журналахъ, частью вышедшихъ отдѣльными изданіями, теперь уже разошедшимися. Въ первой изъ этихъ статей авторъ говоритъ о журнальной дѣятельности А. Н. Радищева, во второй—о дѣтствѣ Гоголя, въ третьей—о малорусскомъ крестьянинѣ Семенѣ Олейничукѣ, за мечты объ уничтоженіи крѣпостного права попавшемъ въ 1849 г. въ Шлиссельбургскую крѣпость и въ ней окончившемъ свою жизнь. Остальные пять этюдовъ, вошедшіе въ настоящую книгу, посвящены разнымъ личностямъ и эпизодамъ, связаннымъ съ движеніемъ декабристовъ. В. Ѳ. Раевскій, первый изъ пострадавшихъ за это движеніе, „первый декабристъ", какъ несовсѣмъ точно называетъ его г. Щеголевъ, отношенія къ декабристамъ Грибоѣдова, катехизисъ Сергѣя Муравьева-Апостола, его исторія и его литературные источники, декабристъ кн. Ѳ. И. Шаховской, наконецъ, жены декабристовъ — таковы темы этихъ этюдовъ. Не трудно видѣть, что при всемъ разнообразіи содержанія отдѣльныхъ статей, включенныхъ въ книгу г. Щегололева, ихъ въ сущности объединяетъ одна общая тема. Всѣ эти статьи представляютъ собою болѣе или менѣе значительные, болѣе или менѣе широко поставленные авторомъ этюды изъ исторіи русской общественности на первыхъ ступеняхъ ея развитія. И надо сказать, что во всѣхъ этихъ статьяхъ богатство фактическаго содержанія соединяется съ талантливой его обработкой и живой и увлекательной формой изложенія. При первомъ своемъ появленіи въ печати каждая изъ этихъ статей вносила немало новыхъ и цѣнныхъ деталей въ разработку исторіи русской общественности. Сейчасъ, въ

новомъ изданіи, статьи эти, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и дополненныя нѣсколько авторомъ, конечно, не имѣютъ уже значенія литературной новинки, но это нисколько не уменьшаетъ ихъ серьезной цѣнности для всякаго, кто интересуется исторіей русскаго общественнаго движенія въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Поэтому можно отъ души привѣтствовать появленіе настоящаго сборника статей г. Щеголева и въ интересахъ читателей остается только пожелать, чтобы за первымъ такимъ сборникомъ послѣдовали дальнѣйшіе, въ которые вошли бы другія историческія статьи этого талантливаго изслѣдователя нашего прошлаго, остающіяся пока разсѣянными по различнымъ періодическимъ изданіямъ.

Путешествіе въ Петербургъ аббата Жоржеля въ царствованіе императора Павла I. Переводъ Н. Соболевскаго. М. 1913. Стр. III + 230. Ц. 1 р. 20 к.

Аббатъ Жоржель пріѣзжалъ въ Россію и пробылъ около пяти мѣсяцевъ—съ середины декабря 1799 г. до конца мая 1800 г.—въ Петербургѣ въ качествѣ одного изъ представителей Мальтійскаго ордена, искавшаго и нашедшаго себѣ покровительство у императора Павла, котораго орденъ призналъ своимъ главою. Это обстоятельство наложило своеобразный отпечатокъ на воспоминанія аббата Жоржеля объ его поѣздкѣ въ Россію и оно же придаетъ имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ особую цѣну. „Мы имѣемъ передъ собой—говоритъ авторъ предисловія къ русскому переводу этихъ воспоминаній, г. Кизеветтеръ,—не памфлетъ озлобленнаго человѣка, лично задѣтаго суровостями или несправедливостями этого царствованія, а, наоборотъ, показаніе свидѣтеля, склоннаго скорѣе сказать что-либо въ пользу императора Павла, какъ покровителя своего ордена, и если картина, выходящая изъ-подъ пера такого свидѣтеля, все же отливаетъ мрачнымъ колоритомъ, то это обстоятельство не можетъ не получить особенной важности въ глазахъ историка“ (I—II). Но любопытными отзывами о личности императора Павла и о русскомъ правительствѣ его времени далеко не исчерпывается интересъ записокъ аббата Жоржеля. Наряду съ такими отзывами въ этихъ запискахъ имѣется и другой, не менѣе цѣнный матеріалъ, въ видѣ ряда любопытныхъ свѣдѣній о внѣшнемъ бытѣ Россіи на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій. Ѣдучи въ Россію и живя въ ней, аббатъ Жоржель, въ качествѣ любознательнаго и одареннаго наблюдательностью путешественника, интересовался всѣмъ, что могъ замѣтить въ жизни чуждой ему страны, и все замѣченное внесъ впослѣдствіи въ свои воспоминанія. Короткій срокъ его пребыванія въ Россіи не позволилъ ему, конечно, войти сколько-нибудь глубже въ современную ему русскую жизнь. Онъ наблюдалъ только ея поверхность, только внѣшнюю ея обстановку, но, поскольку дѣло касается послѣдней, онъ сохранилъ намъ въ своихъ воспомина-

ніяхъ рядъ живыхъ и яркихъ картинъ. Условія путешествія по русскимъ почтовымъ дорогамъ и жизни въ петербургскихъ гостиницахъ, видъ улицъ и площадей Петербурга, императорскія аудіенціи во дворцѣ, обѣды въ домахъ знатнаго дворянства, уличныя развлеченія петербургскаго населенія,—эти и подобныя имъ явленія русской жизни, доступныя наблюденію пріѣзжаго иностранца, занимаютъ видное мѣсто въ запискахъ аббата Жоржеля. И, взятыя въ цѣломъ, эти записки заключаютъ въ себѣ немало любопытнаго не только для спеціалиста-историка, но и для всякаго, кто интересуется жизнью прошлаго въ воспоминаніяхъ ея современниковъ. Можно думать, поэтому, что русскій переводъ записокъ аббата Жоржеля—переводъ, къ слову сказать, въ общемъ сдѣланный довольно удачно, хотя и не свободный отъ кое-какихъ мелкихъ погрѣшностей,—найдетъ для себя читателей.

Адольфъ Михаэлисъ. Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. проф. В. К. Мальберга. Изданіе Московскаго Археологическаго Института. М. 1913. Стр. 402. Ц. 3 р. 50 к.

Археологію, „науку о камняхъ“, у насъ въ Россіи не долюбливаютъ, а античное искусство знаютъ очень мало. Сносныхъ, удобочитаемыхъ и хорошо иллюстрированныхъ обзоровъ античнаго искусства на русскомъ языкѣ не имѣется и этимъ объясняется незначительный къ нему интересъ. А это жаль, такъ какъ при растущемъ въ нашемъ обществѣ увлеченіи искусствомъ, такъ желательно было бы привить ему любовь и знаніе великаго искусства древности! Въ частности, за послѣдніе годы именно Россія въ своихъ южныхъ областяхъ дѣлается центромъ вниманія изслѣдователей древняго міра, такъ какъ раскопки на мѣстахъ древне-греческихъ колоній и въ области древняго босфорскаго царства дали и обѣщаютъ еще дать необыкновенно цѣнный матеріалъ для углубленія знаній объ античномъ искусствѣ. Наши археологическіе институты и общества, а отчасти университетскія каѳедры по исторіи античности уже много лѣтъ работаютъ надъ этими вопросами, и отнюдь нельзя сказать, что эта работа представляетъ интересъ только для спеціалистовъ. Она пріобщаетъ насъ къ міру необыкновенной красоты, углубляетъ наше знаніе культуры древняго міра, прикрѣпляетъ насъ еще однимъ корнемъ къ той общей почвѣ европейской культурной традиціи и жизни, на которой мы только и можемъ жить.

Страсбургскій профессоръ Михаэлисъ попытался въ связномъ и интересномъ изложеніи изобразить развитіе и необыкновенное обогащеніе этой науки за послѣднее столѣтіе. Картина вышла внушительная. Отъ научнаго „открытія“ Египта знаменитой наполеоновской экспедиціей и скромныхъ попытокъ научнаго изслѣ-

донанія отрытыхъ изъ-подъ пепла Помпей до послѣдняго точнѣйшаго изученія Аѳинскаго акрополя и ведущихся по сейчасъ раскопокъ въ ассиро-вавилонскихъ земляхъ ведетъ авторъ свой разсказъ. Изъ него можно видѣть, какъ съ помощью археологической работы былъ освѣщенъ рядъ темныхъ полосъ и эпохъ въ исторіи искусствъ и тѣмъ самымъ и исторіи культуры вообще. Изученіе архитектуры и живописи гробницъ сосѣдняго съ Римомъ этрусскаго народа дало много матеріала для ранней исторіи римской культуры и для исторіи античной живописи. Раскопки въ Помпеяхъ, Пергамѣ, Магнесіи, Пріенѣ и другихъ западныхъ и восточныхъ городахъ ознакомили насъ съ строеніемъ и жизнью античнаго города. Систематическое собираніе и изученіе греческихъ вазъ дало неоцѣнимый матеріалъ для ознакомленія съ остатками античной живописи; только при помощи рисунковъ на вазахъ ученые могли придти къ неоспариваемому теперь выводу объ огромной роли живописи (къ сожалѣнію, теперь почти всецѣло погибшей) въ античности; кто зналъ до недавняго времени, что не скульптура шла впереди всего греческаго искусства, а именно живопись? Далѣе, раскопки древней Трои (знаменитаго Шлимана), Микенъ, Тиринѳа и на Критѣ ознакомили насъ съ искуссвомъ и культурой такой древней полосы греческой исторіи, по сравненію съ которой эпоха, когда слагались гомеровскія пѣсни, должна считаться молодой. Для науки открылся цѣлый новый міръ — микенской, критской или *эгейской* культуры, живо и ярко говорящій о томъ, что уже во второмъ тысячелѣтіи до Рождества Христова острова и побережье Греціи и Малой Азіи жили интересной и своеобразной культурной жизнью. И кромѣ всѣхъ этихъ открытій вширь, кромѣ расширенія географическихъ и хронологическихъ границъ изученія, археологія за послѣднее столѣтіе развилась и вглубь: она обрѣла точные научные методы изслѣдованія, и, главное, въ исторіи искусства древности она перешла отъ филологическаго и анекдотическаго метода къ точному *стилистическому* анализу произведеній. Для насъ открылось дѣленіе античнаго искусства на эпохи: кромѣ классическаго періода (въ Греціи V — IV в. до Р. Х.) мы научились цѣнить геніальную непосредственность архаическаго періода; далѣе намъ открылся богатый и разнообразный поздній, такъ называемый эллинистическій періодъ искусства (конецъ IV-го, III-й, II, I вѣка). И внутри отдѣльныхъ періодовъ археологія только недавно научилась точно различать стили и манеры отдѣльныхъ художественныхъ индивидуальностей. Какъ обогатилъ сокровищницу художественныхъ воспріятій тотъ фактъ, что мы теперь можемъ отличить въ шедеврахъ античной скульптуры поэтическую грацію Праксителя, нервный паѳосъ Скопаса, академическую безукоризненность Поликлета, могучее благородство Фидія, натуралистиечскую энергію Родосскихъ ху-

дожниковъ или чувственно-прекрасное направленіе іонійскихъ школъ!

Но, не смотря на интересъ книги Михаэлиса, надо предупредить читателя: она не даетъ систематическаго изложенія исторіи античнаго искусства, а наоборотъ, предполагаетъ знакомство съ нимъ; поэтому для читателя, не знающаго древняго искусства, она будетъ скучна и очень мало дастъ. Михаэлисъ даже не даетъ ни одной иллюстраціи къ упоминаемымъ имъ произведеніямъ и лишь всюду ссылается на имъ же составленную исторію античнаго искусства (она составляетъ I томъ нѣмецкой всеобщей исторіи искусствъ Шпрингера и по тексту и образцовымъ иллюстраціямъ является въ настоящее время лучшимъ общедоступнымъ руководствомъ по искусству античности). И русское изданіе переводчикъ, судя по предисловію, предназначаетъ для студентовъ-археологовъ и спеціалистовъ.

Книга имѣетъ и свои недостатки. Для книги объ исторіи науки въ ней слишкомъ мало говорится о ростѣ *сознательнаго* развитія точныхъ научныхъ методовъ и слишкомъ много мѣста удѣляется случайнымъ (хотя бы и важнымъ по результату) открытіямъ или находкамъ. Далѣе, почему-то въ общей исторіи археологической работы остаются въ тѣни первостепенной важности труды ученыхъ по изученію Рима; о самомъ Римѣ говорится мало, о Форумѣ, напримѣръ, ничего, а среди раскопанныхъ городовъ даже не упоминаются важнѣйшія раскопки римской гавани Остіи! Затѣмъ нельзя сильно не пожалѣть о томъ, что книга вышла *совершенно* безъ библіографическихъ примѣчаній. Правда, самъ Михаэлисъ изъ второго изданія своей книги выпустилъ почему-то списокъ источниковъ, которыми онъ пользовался для составленія ея; но въ Германіи, гдѣ не только спеціалистъ, но каждый начинающій студентъ легко можетъ пользоваться энциклопидическими словарями по античности (Pauly-Wyssowa, Daremberg-Saglio и др.), можно обойтись безъ библіографіи. А для русскаго читателя было бы крайне важно, еслибъ были прибавлены въ примѣчаніяхъ или въ концѣ текста указанія на всѣ изданія и публикаціи, гдѣ появлялись научные отчеты объ археологическихъ экспедиціяхъ, находкахъ, полемикѣ, изслѣдованіяхъ, о которыхъ въ книгѣ идетъ рѣчь. Далѣе, можно было бы ожидать отъ московскаго профессора-переводчика, чтобъ онъ далъ, въ видѣ прибавленія, болѣе полный, чѣмъ у Михаэлиса (три стр.), очеркъ важной археологической работы на нашемъ югѣ: для русскихъ студентовъ, учителей исторіи и любителей древности это было бы очень нужно!

Переводъ сдѣланъ хорошо. Изъ шероховатостей языка отмѣтимъ, что не говорятъ „музеоустройство“ (стр. 27), что „ареалъ“ (стр. 308) есть, конечно, площадь, Нильскій „катарактъ“ (стр. 17) только порогъ, а много разъ повторяющееся слово „блокъ“ вмѣсто „глыба“ (или большой камень) рѣжетъ глазъ. По невнимател-

ности храмъ въ Анкирѣ названъ храмомъ Августа и „Ромы" (стр. 111) вмѣсто Рима.

Н. Тарасовъ и С. Моравскій. Культурно-историческія картины изъ жизни западной Европы IV—XVIII вѣковъ. 3 изданіе—Съ 12 иллюстраціями. Москва 1914. Стр. 194. Цѣна 1 р. 40 коп.

Эта книга является отчасти переводомъ, отчасти переработкою книжки Геймана и Фебеля „Aus vergangenen Tagen", написанной для объясненія историко-бытовыхъ иллюстрацій Лемана. Эти „изображенія бытовой жизни среднихъ вѣковъ и новаго времени" являются однимъ изъ „наглядныхъ пособій" при изученіи исторіи, весьма принятыхъ въ Германіи. Гг. Тарасовъ и Моравскій, конечно сильно увлекаются, когда, указывая на недостаточность устнаго преподаванія („благодаря естественнымъ свойствамъ человѣческаго слова"), говорятъ: „для полной картинности нужно дать ученику настоящую, а не словесную только картину; дѣйствительно конкретнымъ, конкретнымъ до осязаемости явится самый предметъ или модель его"... Такъ и водите учениковъ по музеямъ древностей или показывайте имъ точные снимки съ *подлинныхъ* историческихъ и археологическихъ предметовъ, *подлинные* портреты или снимки съ нихъ, *современныя событіямъ* гравюры и репродукціи и т. п., но не приравнивайте сочиненныхъ композицій, сфабрикованныхъ для школьнаго обихода, къ „настоящей, а не словесной только картинѣ прошлаго". Ибо иначе вы должны будете примириться со всѣми наивностями конфессіональной иконографіи, которая тоже выдаетъ скомпанованное впослѣдствіи—за подлинные портреты. Преподаватель исторіи не долженъ добровольно надѣвать на себя путы, которыя тяготѣютъ на законоучителѣ; пользованіе иллюстраціями Лемана вполнѣ допустимо именно только тогда, когда ученики предувѣдомлены, что показываемыя картинки писались въ XIX вѣкѣ, а не въ IV и даже не въ XVIII. Боимся, что гг. Тарасовъ и Моравскій въ своемъ предисловіи объ этомъ забыли и могутъ повести неопытныхъ и ненаучно мыслящихъ преподавателей по совершенно ложному и вредному пути. Если преподаваніе исторіи не будетъ воспитывать въ ученикахъ реальныхъ навыковъ мысли, то что же отъ него останется?

Самый текстъ недуренъ. Большая часть его относится къ среднимъ вѣкамъ, особенно къ позднему средневѣковью („Въ усадьбѣ древняго германца", „Государевы посланцы въ области саксовъ", „За стѣнами монастыря", „Замокъ феодала", „На праздникѣ въ замкѣ XIII вѣка", „На турнирѣ", „Городъ въ осадѣ"). Лишь пять иллюстрацій и статей къ нимъ относятся къ новому времени („Нѣмецкій городъ XV вѣка", „День въ купеческой семьѣ XVI столѣтія", „Крестьяне и ландскнехты въ XVI столѣтіи", „Въ лагерѣ",

„Въ аристократическомъ домѣ“). Текстъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ недочетовъ. На стр. 11 читаемъ: „Въ началѣ христіанской эры населеніе Германіи было довольно рѣдко и земли было вволю“. Вотъ трафаретная фраза, которую давнымъ давно пора сдать также въ архивъ при школьномъ преподаваніи: именно всѣ явленія первоначальныхъ исторически - услѣдимыхъ шаговъ германцевъ свидѣтельствуютъ о томъ, что они *нуждались* въ пахотной и пастбищной землѣ и не находили ея въ нужныхъ имъ размѣрахъ у себя на родинѣ. На стр. 42 русскіе авторы сочли долгомъ сохранить курьезнѣйшую по своей выдуманности и слащавости картинку: „собираясь вокругъ домашняго очага, разсказываютъ туземные жители быль и небылицу про этого Карла, *лучшаго изъ всѣхъ королей...*“ и т. д. Это нѣмецкій авторъ „разсказываетъ небылицу“, а гг. Тарасовъ и Моравскій ее слушаютъ, забывая, что рѣчь идетъ о саксахъ, которые сорокъ четыре года, т. е. почти во все царствованіе Карла вели съ нимъ яростнѣйшую борьбу за свою независимость, а онъ ихъ варварски истреблялъ за это (даже избивая при случаѣ громадныя массы плѣнныхъ)! Правда, обо всемъ этомъ ни звука нѣтъ въ статьѣ, посвященной „государевымъ посланцамъ въ области саксовъ“, но вѣдь фактъ отъ этого не перестаетъ быть фактомъ. На стр. 56 зачѣмъ-то приводятся имена второстепенныхъ дѣятелей просвѣщенія въ средніе вѣка, но не упомянутъ ни Гильдесгеймскій монастырь, ни Гербертъ (папа Сильвестръ II), ни монахиня Росвита, ни другіе центры просвѣщенія и дѣятели монастырской науки и бытописанія, гораздо болѣе крупные, нежели упомянутые въ разбираемой книжкѣ. На стр. 142 дается невѣрное понятіе о купеческой гильдіи XVI вѣка: „Братство... преслѣдуетъ цѣли не столько торговыя, сколько религіозныя, благотворительныя и общественныя“. Торговые цехи въ XVI вѣкѣ преслѣдовали прежде всего и больше всего именно торговыя цѣли, имѣли въ виду профессіональные интересы, а ужь всѣ остальныя ихъ функціи были наростомъ, прибавкою, украшеніемъ.

Въ общемъ текстъ интересно составленъ и литературно изложенъ. Книгу можно порекомендовать желающимъ пополнить свои *первоначальныя* свѣдѣнія и представленія о бытѣ и нравахъ нѣмцевъ въ средніе вѣка и новое время. Остальные народы остались внѣ кругозора нѣмецкихъ авторовъ и русскихъ редакторовъ ихъ книги, названіе которой гораздо шире, нежели ея содержаніе.

В. А. Мелиховъ, преподаватель Харьковской I мужской гимназіи. **Изъ исторіи іудейско-римскихъ гоненій на христіанъ.** Харьковъ. (Епархіальная типографія). 1913 г. Стр. 33. Ц. 20 к.

Брошюрка на очень модную тему. Всего на 33 страничкахъ и всего за двугривенный почти какъ дважды два доказывается, что жиды уже въ древности умудрялись умучивать христіанъ, прики-

дываясь или прикрываясь римлянами, Нерономъ и т. п., чѣмъ только портили ни за что ни про что римскую репутацію. Доказательствъ— сколько угодно; въ нашъ вѣкъ паденія авторитетовъ даже отрадна такая, напр., аргументація: „если общественное мнѣніе Рима не было на сторонѣ христіанства, то это было потому, что римляне вѣрили клеветамъ о самыхъ гнусныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ христіанами, якобы подъ прикрытіемъ религіи. По мнѣнію П. Лашкарева эти клеветы распространялись по ненависти къ христіанству іудеями съ обычною ихъ ловкостью". *По мнѣнію* П. Лашкарева! А кто такой П. Лашкаревъ? Юдофобъ, писавшій въ 1876 г. году въ Кіевѣ и печатавшій свои упражненія въ „Трудахъ Кіевской духовной академіи". Почему бы г. Мелихову не сослаться лучше на себя самого: *по моему мнѣнію* и т. д. Развѣ Кіевъ и 1876 годъ ужь настолько ближе къ древнему Риму, нежели Харьковъ и 1913 годъ? Свидѣтельскія показанія гг. Лашкарева и Мелихова о нероновыхъ гоненіяхъ совершенно равноцѣнны предъ судомъ нелицепріятной критики. Но было бы придиркою съ нашей стороны останавливаться долго на этой ссылкѣ. У автора есть источники еще болѣе надежные: „Такимъ образомъ, въ лицѣ іудейства христіанство имѣло постояннаго врага, ничѣмъ не брезговавшаго для уничтоженія новаго ученія. По словамъ А. С. Шмакова, не только въ самой Іудеѣ, а и внѣ ея, въ Римѣ, Азіи, въ Греціи, въ Египтѣ, Македоніи, въ Понтѣ, въ Галатѣ, въ Каппадокіи, иначе говоря, всегда и повсюду, христіанскія церкви, съ какимъ бы благочестіемъ ни относились онѣ къ поученіямъ и легендамъ іудаизма, неизмѣнно встрѣчали въ синагогѣ жестокаго врага" и т. д. (стр. 10). И не только источники у автора обильны,— но и цитаты у него щепетильно-точны (что такъ важно, когда дѣло идетъ о сложномъ вопросѣ далекой древности); назвавши А. С. Шмакова, онъ тотчасъ же дѣлаетъ подстрочное примѣчаніе съ указаніемъ на произведеніе этого авторитета: „Международное тайное правительство. Дополненное и непереработанное (?) изслѣдованіе по схемѣ рѣчи, произнесенной на VII съѣздѣ объединенныхъ дворянскихъ обществъ", Москва 1912, стр. 72". Наука цеховыхъ ученыхъ, университетскихъ профессоровъ всеобщей исторіи—прозѣвала это „непереработанное изслѣдованіе по схемѣ рѣчи"; и нужно было появиться скромному добровольцу въ стѣнахъ „Харьковской I мужской гимназіи", чтобы указать ученому міру на новые пути, мужественно проложенные А. С. Шмаковымъ въ области древней исторіи.

Недавно въ газетахъ много писали о пустующихъ каѳедрахъ въ русскихъ университетахъ,—и, въ частности, о невозможности обезпечить каѳедру всеобщей исторіи за почти полнымъ отсутствіемъ докторовъ этой науки. Если отбросить пустыя формальности и посмотрѣть лишь на истинныя достоинства (а главное, на надежное умонастроеніе),—то г. Мелиховъ и безъ всякаго док-

торства можетъ обойтись, выступивши аспирантомъ на каѳедру. А то что же ему прятать отъ міра свои таланты и свое усердіе въ какой-то „мужской гимназіи“?

С. Ан-скій. Народъ и книга. Универс. книгоизд. Столяръ. СПБ. 1913. Стр. 266. Ц. 1 р. 60 коп.

Старымъ читателямъ „Русскаго Богатства“ отчасти знакомы статьи, собранныя въ этой книгѣ: въ первоначальномъ видѣ онѣ появились на страницахъ нашего журнала. Ихъ авторъ сумѣлъ близко подойти къ душѣ народнаго читателя: онъ нашелъ тотъ интимный подходъ къ народной жизни, тотъ интуитивный способъ изученія народа, который перестаетъ даже быть изученіемъ, а становится органическимъ проникновеніемъ, симпатическимъ сопереживаніемъ. Эта книга о народномъ читателѣ развертываетъ цѣлый рядъ увлекательныхъ, художественныхъ картинъ; передъ нами проходятъ живые, рельефные образы народныхъ читателей: живой, нервный Микифоръ, который „при чтеніи въ разсказѣ „Воръ“ о томъ, какъ староста и односельчане, жалѣя невинно осужденнаго человѣка, ничего не дѣлаютъ, чтобы выручить его, яростно накидывается на присутствовавшаго при чтеніи великоросса за то что его земляки „не могли выручить Алешу!“; больной, страдающій одышкою шахтеръ, который, лежа на нарахъ, съ тоскою мечтаетъ о томъ, что „кабы деньги, опубликовалъ бы себя въ газетахъ... всю жизнь, какъ есть описалъ бы... какъ думаешь, Семенъ, за трешницу опубликовали бы меня... всего?..“ Дѣдъ Семенъ, который отказывается слушать чтеніе, потому что „дѣтки мрутъ... скотина падаетъ... хлѣба нѣтъ... А ты читаешь должно про смѣшное, чтобы разсмѣшить. Кабы ты про Бога читалъ... Пусть молодые слухаютъ“... Передъ нами, какъ живая, проходитъ вся народная аудиторія, всѣ эти взволнованныя, напряженныя, оживленныя или озабоченныя, страдальческія лица.

Разумѣется, авторъ, сумѣвшій такъ глубоко проникнуть въ душу народнаго читателя, не могъ не понять безпочвенности и безжизненности всякаго культуртрегерства, всякаго механическаго, внѣшняго притягиванія народа къ культурѣ. На множествѣ остроумныхъ, убѣдительныхъ примѣровъ онъ показываетъ, какими безплодными и безсмысленными оказались всѣ попытки механически привить народу произведенія классической литературы, навязать ихъ ему, во что бы то ни стало, не считаясь ни съ его психологіей, ни съ внутренними запросами его жизни. Только народная литература, изображающая знакомую народу жизнь и отвѣчающая на запросы и требованія народной души, сумѣла привлечь къ себѣ серьезный интересъ народнаго читателя и пробудить въ немъ живую работу мысли и чувства.

С. А. Ан-скій справедливо указываетъ, что книга изъ народной жизни была не первою книгою, которая проникла въ народъ. И до

появленія ея онъ зналъ уже два рода литературы: религіозную и лубочную. Къ первой онъ относился съ благоговѣніемъ, какъ къ источнику глубокихъ и святыхъ переживаній, какъ къ средству нравственнаго усовершенствованія; на вторую смотрѣлъ, какъ на забаву, какъ на занятную сказку. Новая народная книга какъ бы переняла функцію и религіозной и лубочной литературы: она дала народному читателю и интересную, занятную фабулу и нравственную идею, внутреннее содержаніе. Къ сожалѣнію однако оказалось, что это объединеніе между фабулой и идеей снова какъ бы раздѣлилось во впечатлѣніяхъ различныхъ классовъ народныхъ читателей: крестьянъ заинтересовало прежде всего идейное содержаніе новой книги, рабочіе почти исключительно увлекались фабулой, разсказомъ.

„Крестьяне останавливались, главнымъ образомъ, на тенденціи, искали въ книжкѣ поученія, какъ жить, отвѣта на различные сложные вопросы моральнаго и соціальнаго характера... И, когда она удовлетворяетъ этому... запросу, когда она въ самомъ дѣлѣ затрагиваетъ коренные жизненные вопросы народной жизни, тогда и только тогда крестьянинъ не только съ интересомъ прочитываетъ ее, но продумываетъ каждое слово, зачитывается ею и иногда начинаетъ смотрѣть на нее, какъ на руководство къ жизни". Она вызываетъ въ немъ самыя „страстныя самобичеванія", страстное желаніе осуществить въ своей жизни идею, выраженную въ книгѣ. Рабочіе, напротивъ, „прежде всего искали фабулы, искали впечатлѣнія, которому они отдавались экспансивно и горячо... Они слушали чтеніе съ жадностью, съ упоеніемъ, съ какимъ-то болѣзненнымъ восторгомъ, совершенно забывая все окружающее, и бурно, съ увлеченіемъ выражали свои чувства... Рабочіе мало разсуждали, мало резонировали по поводу книжки, они сами переживали перипетіи описываемыхъ событій, волновались, дѣлали предположенія, „чѣмъ кончится", осыпали руганью и проклятіемъ злыхъ, хвалили и поощряли добрыхъ". Авторъ пробуетъ объяснить причину этой разницы въ отношеніи къ книгѣ рабочихъ и крестьянъ. Онъ указываетъ на то, что рабочій живетъ въ менѣе здоровой обстановкѣ, онъ больше живетъ нервами и потому больше нуждается въ развлеченіи, его личная жизнь менѣе заполнена и потому онъ сильнѣе чувствуетъ потребность обогатить ее впечатлѣніями другой жизни. Но С. А. Ан-скій не исчерпываетъ этого вопроса. Онъ недостаточно учитываетъ оторванность рабочаго отъ прежнихъ укладовъ жизни, разложеніе его прежнихъ идеаловъ. Отдѣльныя моральныя идеи и истины народной книжки, которыя должны произвести на крестьянина глубокое впечатлѣніе, потому что находятся въ связи со всѣмъ укладомъ его жизни, оставляютъ рабочаго совершенно равнодушнымъ и потому весь интересъ его сосредоточивается на фабулѣ, на разсказѣ. Идейно захватить рабочаго могла бы поэтому только такая литература, которая могла бы дать ему новое и

цѣльное міросозерцаніе, новый строй его душевной жизни. Пока не будетъ у рабочаго такой литературы, которая могла бы дать идейное содержаніе его жизни, мы никогда не въ состояніи будемъ серьезно бороться противъ вторженія лубочной, пинкертоновской литературы въ рабочую среду.

Авторъ призываетъ русскихъ писателей къ „святому и великому дѣлу“ созданія „истинно-народной“ книги. Едва-ли можно разсчитывать, что подобный призывъ можетъ опредѣлить направленіе развитія литературы. Тѣмъ не менѣе автору удается пробудить живой интересъ къ запросамъ народнаго читателя и заинтересовать грандіозностью и широтою задачи народной литературы.

Гербертъ Спенсеръ. Автобіографія. Пер. съ англ. подъ ред. и со вступительными статьями проф. Л. Е. Владимірова. Изд-ство „Просвѣщеніе“. Спб. 1914 г. Часть I (съ портретомъ автора). 355стр. Часть II. 266 стр. Ц. за оба тома 2 р. 50 к.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что автобіографія такого человѣка, какъ Гербертъ Спенсеръ, имѣетъ огромный интересъ. Творецъ десятитомной „Синтетической философіи“, мыслитель, опередившій Дарвина въ созданіи эволюціоннаго міровоззрѣнія, главный представитель англійской философіи XIX вѣка—такой человѣкъ, естественно, привлекаетъ вниманіе всего образованнаго міра, и желаніе заглянуть въ закулисную сторону жизни такого человѣка, желаніе узнать, какъ слагалось его міровоззрѣніе, слѣдуетъ считать вполнѣ законнымъ.

И знакомство съ автобіографіей Спенсера вполнѣ оправдываетъ интересъ къ его личности: мы видимъ здѣсь не только великій умъ, но и великій характеръ. Что авторъ „Синтетической философіи“ обладалъ очень крупнымъ творческимъ умомъ—это, конечно, было ясно для всѣхъ, безъ всякаго знакомства съ его біографіей; но знаніе того, какъ и при какихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ онъ свое великое дѣло, это знаніе можно было почерпнуть только изъ его біографіи.

Эта біографія знакомитъ насъ между прочимъ съ двумя интересными чертами жизни и характера Спенсера: во-первыхъ, съ тѣми исключительно неблагопріятными условіями, при которыхъ работалъ знаменитый философъ; во-вторыхъ, съ его независимымъ, самобытнымъ характеромъ.

Неблагопріятныя обстоятельства, при которыхъ работалъ Спенсеръ, не исчерпывались тѣмъ, что въ то время интересъ къ философіи въ Англіи былъ слабъ, книги Спенсера приносили одинъ убытокъ и нашъ философъ постоянно бѣдствовалъ и не разъ приходилъ къ убѣжденію, что ему придется прекратить печатаніе своего труда до его окончанія.

Нѣтъ, ко всему этому присоединялось еще и такое плохое

состояніе здоровья Спенсера, что онъ часто цѣлыми мѣсяцами не былъ въ состояніи заниматься умственнымъ трудомъ, да и въ другое время онъ вообще не могъ заниматься болѣе 2—3 часовъ въ сутки, а послѣдніе лѣтъ 20—25 своей жизни онъ могъ, напримѣръ, работать лишь такимъ образомъ, что въ саду диктовалъ своему секретарю минутъ десять, затѣмъ игралъ съ нимъ нѣкоторое время въ мячъ, потомъ опять диктовалъ минутъ десять и т. д., причемъ втеченіе сутокъ онъ могъ диктовать не болѣе 50 минутъ. Спенсеръ, къ сожалѣнію, не приводитъ точнаго діагноза лечившихъ его врачей, но судя по тому, что онъ все-таки прожилъ 83 года и что физическія упражненія были ему полезны, слѣдуетъ думать, что тѣлесная его организація была крѣпка и что причина его инвалидности лежала въ умственномъ перевозбужденіи.

Самою выдающеюся чертою характера Спенсера была его полная умственная самостоятельность: совершенное игнорированіе всякихъ авторитетовъ являлось основною чертою его характера съ самаго ранняго его дѣтства. Когда ему было 13 лѣтъ, его дядя, обучавшій его, началъ преподавать ему физику по учебнику Арно, но, когда дѣло дошло до изложенія ученія объ инерціи, до „vis inertiae“, мальчикъ началъ спорить и доказывать, что и авторъ учебника, и дядя, оба ошибаются. „Вполнѣ понятно, продолжаетъ Спенсеръ, что дядю раздражало то упрямство, съ которымъ я защищалъ свою мысль, да еще въ присутствіи его жены и другого ученика. Вѣдь рѣдко бываетъ, чтобы тринадцатилѣтній ребенокъ такъ упорно отстаивалъ свои взгляды. Это указывало не только на вполнѣ развитую критическую способность, но и на живое пониманіе физическихъ истинъ, такъ какъ, не смотря на всѣ авторитеты, съ которыми я имѣлъ дерзость не согласиться—правда все-таки была на моей сторонѣ“ (т. I, стр. 159).

Эта полная умственная самостоятельность является, конечно, драгоцѣннымъ качествомъ, характеризующимъ всякій дѣйствительно крупный умъ; однако у Спенсера она, къ сожалѣнію, соединилась еще и съ умственной нетерпимостью: если какое либо положеніе другого мыслителя казалось ему ошибочнымъ, онъ сразу отбрасывалъ его, не пытаясь выяснить себѣ того, путемъ какихъ соображеній и на основаніи какихъ данныхъ этотъ другой мыслитель пришелъ къ своему ошибочному, по его мнѣнію, выводу. Въ этомъ отношеніи характерна исторія чтенія Спенсеромъ „Критики чистаго разума“ Канта. Онъ говоритъ: „Я началъ читать эту книгу, но прочелъ немного. Я сразу же и навсегда отбросилъ ту теорію времени и пространства, которая считаетъ ихъ „только“ субъективными формами, принадлежащими исключительно нашему сознанію и не имѣющими внѣ его ничего, соотвѣтствующаго себѣ... Считая автора логичнымъ и послѣдовательнымъ, я думаю, что разъ его основные принципы ошибочны, то и все остальное не можетъ

быть чѣмъ-нибудь хорошимъ. Поэтому я и бросилъ читать эту книгу“ (т. I стр. 220—221).

Спенсеръ не только писалъ философскія книги, но былъ еще и изобрѣтателемъ, и инженеромъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, былъ и помощникомъ редактора одного журнала, и старшиной въ знаменитомъ Athenaeum Club'ѣ. Благодаря этому онъ встрѣчался съ разнообразными лицами и въ его автобіографіи дана нѣкоторая характеристика духовной жизни Англіи за время жизни автора (1820—1903 гг.); мы находимъ здѣсь также и изображенія многихъ выдающихся лицъ, съ которыми встрѣчался Спенсеръ. Дарвинъ, Милль, Бокль, Огюстъ Контъ, Викторъ Гюго, Карлейль, Гексли, Тиндаль, Льюисъ, Дж. Эліотъ и нѣкоторыя другія выдающіяся лица того времени болѣе или менѣе охарактеризованы Спенсеромъ въ его автобіографіи.

Въ подлинникѣ автобіографія Спенсера представляетъ собою два толстыхъ тома (т. I —556 стр.; т. II—512 стр., не считая 30 страницъ указателя). Она появилась въ 1904 г. Въ 1905 г. по-русски появилось „сокращенное изложеніе“ этой автобіографіи, книжка маленькаго формата въ 178 страницъ. (Она была реферирована нами въ № 6 „Русс. Бог.“ за 1905 г.).

Біографія такого крупнаго человѣка, какъ Гербергъ Спенсеръ, заслуживаетъ полнаго перевода. Но, къ сожалѣнію, и новый переводъ, сдѣланный подъ редакціей проф. Владимірова, также является сокращеннымъ: изложеніе подлинника весьма часто замѣняется здѣсь краткимъ пересказомъ „своими словами“. Эти сокращенія тѣмъ болѣе непонятны, что они не могутъ быть оправданы даже экономіей мѣста, ибо, сокративши Спенсера, проф. Владиміровъ счелъ нужнымъ прибавить свои размышленія, а именно: къ первому тому прибавлена статья проф. Владимірова: „Автобіографія, какъ предметъ изученія для самовоспитанія“, занимающая 121 стр., а ко второму тому прибавлена статья того же автора: „Значеніе автобіографіи Спенсера“, занимающая 30 стр. Обѣ эти статьи не имѣютъ никакого интереса.

Къ этому нужно добавить еще, что переводъ и пересказы далеко не безупречны. Въ пересказѣ встрѣчаются, напр., такія небрежности: „Отправившись съ отцомъ пѣшкомъ на островъ Уайтъ, Спенсеръ въ первый разъ въ жизни увидѣлъ море“ (т. I, стр. 193). Пѣшкомъ идти изъ Англіи на островъ Уайтъ Спенсеръ не могъ: онъ пріѣхалъ въ городъ Cowes на островѣ Уайтѣ, а оттуда сдѣлалъ путешествіе пѣшкомъ по острову. Въ другомъ мѣстѣ (т. I, стр. 355) проф. Владиміровъ, опять пересказывая своими словами Спенсера, пишетъ: „Спенсеръ написалъ Миллю письмо въ Индію съ просьбой подыскать ему какую-нибудь административную должность“. Опять примѣръ небрежнаго обращенія съ подлинникомъ, ибо Милль вовсе не жилъ въ Индіи, а жилъ въ Европѣ, и только служилъ въ „Индійской компаніи“, управлявшей Индіей изъ Лон-

дона, и Спенсеръ просилъ Милля найти ему мѣсто въ этой компаніи.

Что касается недостатковъ перевода, то отмѣтимъ, напримѣръ, слѣдующее: на одной 101 страницѣ второго тома, кромѣ нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ недочетовъ, можно указать такія ошибки. Въ переводѣ мы читаемъ: „Упомяну только о выставленномъ въ этой части парадоксальномъ утвержденіи, будто логика есть наука не о субъективныхъ явленіяхъ, какъ до сихъ поръ думали, но о явленіяхъ объективныхъ“. Всякій, прочитавшій эту фразу, конечно, пойметъ ее такъ, будто Спенсеръ считаетъ это „утвержденіе“ ошибочнымъ. Но подчеркнутое нами слово: „будто“ есть ошибка въ переводѣ — въ подлинникѣ стоитъ: „что“ (that) и Спенсеръ гордится этимъ своимъ „парадоксомъ“, какъ выражается иронически, намекая на то, что тогда всѣмъ это его мнѣніе казалось парадоксальнымъ. Далѣе, говоря о томъ, что критика обошла молчаніемъ эту его идею, Спенсеръ (въ русскомъ переводѣ) дѣлаетъ слѣдующее довольно странное заявленіе: „А между тѣмъ, какъ мнѣ кажется, ее (т. е. эту идею) можно только либо принять, либо отбросить“. Въ подлинникѣ говорится: „It should, I think, be either disproved or admitted“. Спенсеръ говоритъ, что эту идею слѣдовало бы либо принять, либо опровергнуть, другими словами, онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что значеніе этой его идеи таково, что мимо нея нельзя было пройти молча. На той же злополучной 101 страницѣ Спенсеръ, согласно русскому переводу, говоритъ, что исходной идеи Гегеля нельзя понять; въ подлинникѣ стоитъ „to conceive“ и всякій, знающій философію Спенсера, догадается, что слѣдовало здѣсь сказать не „нельзя понять“, а нельзя мыслить. Ибо Спенсеръ здѣсь не жалуется на то, что ему Гегель непонятенъ, а примѣняетъ свой знаменитый критерій истины, согласно которому все то, что не можетъ быть реализовано въ мысли, должно быть отвергнуто, какъ ошибочное.

Справедливость требуетъ сказать, что указанная нами 101 страница довольно исключительная по числу ошибокъ перевода. Но когда мы читаемъ напр. на стр. 72—73 второго тома разсужденія Спенсера по поводу картины Рафаэля „Превращенія“, то мы не можемъ не сообщить переводчику, что англійское слово „Transfiguration“ значитъ также и „Преображеніе“. Мы не станемъ указывать болѣе ошибокъ перевода, но замѣтимъ только, что этотъ переводъ, не будучи особенно плохимъ, все-таки не достоинъ профессора и еще менѣе достоинъ Спенсера.

А. С. Курская. **Производство часовъ въ Москвѣ и Московской губ.** Матеріалы по исторіи кустарной промышленности въ Россіи. Москва. 1914. Цѣна 1 руб. 25 к.

Книга г-жи Курской входитъ въ составъ серіи работъ, предпринятыхъ семинаріемъ по политической экономіи Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. „Главной цѣлью этой работы было детальное ознакомленіе съ развитіемъ часового промысла въ Москвѣ и Московской губерніи и изученіе той обстановки, въ которой протекаетъ жизнь этой своеобразной отрасли кустарной промышленности подъ вліяніемъ постепенно проникающаго и въ Россію крупнаго производства“. Матеріаломъ послужили данныя, полученныя авторомъ путемъ личнаго опроса владѣльцевъ часовыхъ мастерскихъ и ихъ рабочихъ. Всего была обслѣдована г-жей Курской въ Москвѣ 31 мастерская. Въ моментъ опроса здѣсь работало 368 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и подростковъ. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Шараповѣ и деревняхъ Ягунино, Луцыно, Ястребки и селѣ Никольскомъ обслѣдовано 17 мастерскихъ, въ которыхъ было занято въ моментъ опроса 198 человѣкъ.

Отсутствіе спеціальныхъ работъ о часовомъ производствѣ въ Россіи и скудость свѣдѣній объ этомъ производствѣ въ нашей общей литературѣ сильно затруднили работу автора. За то г-жа Курская имѣла возможность дать болѣе полную картину развитія производства, пользуясь изслѣдованіями о часовомъ производствѣ въ Западной Европѣ и Америкѣ—„въ Швейцаріи, классической странѣ производства, главнымъ образомъ, карманныхъ часовъ, въ Германіи, славящейся своими стѣнными часами, и, наконецъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ машинное производство часовъ достигло въ настоящее время высокаго уровня развитія, въ виду примѣненія многочисленныхъ новѣйшихъ усовершенствованій машинной техники“. Вслѣдствіе отсутствія работъ по вопросу о развитіи иностранной часовой промышленности на русскомъ языкѣ авторъ считалъ нелишнимъ восполнить хотя бы отчасти этотъ пробѣлъ.

Къ сожалѣнію, историческій обзоръ оказался ужъ черезчуръ краткимъ и малосодержательнымъ и едва ли можно согласиться съ г-жей Курской, когда она заявляетъ, что „въ предыдущемъ данъ очеркъ исторіи развитія часового механизма съ технической стороны“. А между тѣмъ матеріалы для такого очерка имѣются, напр., въ серіи Franklin'a (La vie privée d'autrefois), одного изъ томовъ La mesure du temps, въ различныхъ сочиненіяхъ Зомбарта (Luxus und Kapitalismus и др.).

Немногимъ болѣе мы узнаемъ отъ автора о формахъ производства, въ которыя воплощалось часовое производство до появленія фабричной промышленности. Въ частности, не смотря на существованіе монографій о швейцарской часовой промышленности XVIII ст. и о швейцарскомъ производствѣ часовъ (о послѣднемъ въ особенности въ цѣнномъ трудѣ Готейна), мы не получаемъ представленія

объ организаціи кустарной промышленности въ производствѣ часовъ въ XVIII вѣкѣ. Больше свѣдѣній г-жа Курская даетъ о развитіи часового производства въ Швейцаріи, Германіи (Шварцвальдѣ и Саксоніи) и Америкѣ за послѣдніе 50 лѣтъ.

Къ сожалѣнію, и по исторіи нашей кустарной промышленности авторъ даетъ весьма мало: историческихъ данныхъ о русскомъ часовомъ производствѣ мы въ книгѣ не найдемъ. Еще большимъ пробѣломъ является отсутствіе общаго обзора производства въ Россіи.

Картина, которую рисуетъ авторъ, далеко не отрадная. Если въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, установленъ опредѣленный рабочій день, который составляетъ отъ $8^1/_2$ часовъ въ наиболѣе крупныхъ мастерскихъ до 11 часовъ, то въ уѣздѣ хозяева затруднялись часто даже отвѣтить на вопросъ, какую продолжительность имѣетъ рабочій день въ мастерскихъ. При этомъ, въ виду сдѣльной платы, нерѣдко сами рабочіе стараются сократить обычный обѣденный перерывъ до минимума. Весьма неблагопріятны санитарно-гигіеническія условія работы часовщиковъ: изъ 48 мастерскихъ съ числомъ рабочихъ въ 566 человѣкъ, обслѣдованныхъ г-жей Курской, всего 3 проц. рабочихъ работало при сравнительно нормальныхъ гигіеническихъ условіяхъ, именно рабочіе самой крупной починочной мастерской.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ жилищными условіями. Въ селѣ Шараповѣ, напр., нерѣдко „не существуетъ не только кроватей или коекъ, но даже и простыхъ деревянныхъ наръ; груда грязныхъ, наполненныхъ безчисленными паразитами, подстилокъ на день выносится въ сѣни, гдѣ бродятъ куры и полъ покрытъ нечистотами; на эти подстилки и ложатся рабочіе, человѣкъ по 10 въ рядъ, послѣ утомительно-длиннаго рабочаго дня“, Въ Москвѣ для взрослыхъ рабочихъ въ послѣдніе годы уже устроены кровати, для учениковъ же оставлены по прежнему нары, причемъ нерѣдко въ такихъ хозяйскихъ квартирахъ имѣется менѣе 1 куб. сажени на человѣка, при отсутствіи всякой вентиляціи. Въ другихъ случаяхъ ученики просто спятъ на тѣхъ же верстакахъ, на которыхъ работаютъ, или возлѣ верстака, тутъ же въ мастерской. Видъ этихъ несчастныхъ мальчиковъ произвелъ на автора тяжелое впечатлѣніе.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Изд. Гл. Упр. Земл. и З. СПБ. 914.— Итоги работъ за послѣднее пятилѣтіе (1909—1913). — Матеріалы къ пересмотру торговаго договора съ Германіей. В. VI. Германія.—Доклады центральнаго О-ва сельск. хозяйства въ Царствѣ Польскомъ: 1) Вывозъ мяса. 2) Вывозъ свиней. 3) Вывозъ картофеля. 4) Къ вопросу объ отмѣнѣ вывозныхъ премій на спиртъ.—1913 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. В.в. IV и V.

Переселеніе изъ Черниговской губ. въ 1909--1911 гг. Черниговъ 1913 г.

Изд. М. Торг. и Пром. СПБ. 914.— Охрана жизни и здоровья рабочихъ въ промышленности. Ч. II. В. I. Ц. 2 р. 75 к.

Ал. Бенуа. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Изд-ство „Шиповникъ" В. 10. СПБ. 914.

Труды психіатрической клиники Москов. Университет. № 2-й. 1914. Ц. 4 р.

Антоніо Биццоцеро. Восемнадцать лѣтъ сельскохозяйственной операціи. Харьковъ. Ц. 30 к.

Ст. Конъ. Къ вопросу о финансовой организаціи страховаго товарищества. СПБ. 914. Ц. 75 к.

Всероссійская лига борьбы съ туберкулезомъ. 1912.

Справочникъ по Нижегородскому городскому общественному управленію на 1914 г. Н. Новгородъ.

Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго. М. 914. Ц. 5 р.

Внѣшкольное образованіе. В. I. Въ Лукояновскомъ уѣздѣ. В. II. Въ Макарьевскомъ уѣздѣ.—Обзоръ мѣропріятій Нижегородскаго Губ. Земст. по народному образованію въ 1912 и 1913 г.г.

Обзоръ главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли за 1912 г. Изд. М. Финансовъ СПБ. 913.

Матеріалы по киргизскому землепользованію Ферганской области. Ташкентъ. 1915.

Изд. Моск. Губ. З. Упр. М. 914.— **П. А. Вихляевъ.** Вліяніе травосѣянія на отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства. В. 7.—Итоги урожая зерновыхъ хлѣбовъ за 1912.

Изд. Псковской Губ. З. 1914 г.— Псковская губ. Т. VI. Островскій уѣздъ. В. II.—Т. IX. Погубернскій сводъ. В. II.

Изд. Полтавскаго Губ. З. 1913 г.— Стетистическій ежегодникъ Полтав. Губ. Земства на 1911 г.—Статистическій справочникъ Полт. губ. на 1914 г. —Казаки Полтавскаго полка по матеріаламъ Румянцевской описи. Ч. 1-я. Ц. 2 р.

Краткій обзоръ дѣятельности съѣзда Бакинскихъ нефтепромышленниковъ по народному образованію съ 1897 по 1912 г. Баку.

Дѣятельность земства въ Херсонскомъ уѣздѣ за 50 л. 1864—1914 г. Юбилейное изданіе.

Труды перваго всероссійскаго съѣзда по семейному воспитанію. Т. I. СПБ. 914. Ц. 3 р.

Обзоръ агрономическихъ мѣропріятій въ Костромской губ. за 1911—12 годъ.

Кн-во К. И. Тихомірова. М. 914.— **А. А. Красевъ.** Что ждетъ отъ школы наша страна для своего обновленія? Ц. 40 к. **Фр. Фребель.** Педагогическія сочиненія: т. I. Воспитаніе человѣка. т. II. Дѣтскій садъ. Ц. 5 р.— **Ад. Дистервегъ.** Руководство для нѣмецкихъ учителей. Ц. 1 р. 50 к.— **Фенелонъ.** О воспитаніи дѣвицъ. Ц. 90 к.

Кн-во „Альціона" М. 914.—**Анри Ренье.** Маркизъ Д'Амеркеръ. Пер. Макс. Волошина Ц. 1 р.—**Владисл. Ходасевичъ.** Счастливый домикъ. Вторая книга стиховъ. Ц. 1 р.— **Георгій Рыбинцевъ.** Осенняя просинь. Стихотв. Ц. 1 р.

Кн-во „Современныя Проблемы" М. 914.—**С. М. Меламедъ.** Психологія еврейскаго духа. Ц. 1 р. 25 к.— **Рабиндранатъ Тагоръ.** Жертвопѣсни. Пер. п. ред. Ю. Балтрушайтиса. Ц. 40 к. **Кнутъ Гамсунъ.** Дѣти времени. Ц. 1 р.—Д-ръ Е. В.

Бредтъ. Нравственность и безнравственность въ искусствѣ. Ц. 1 р. 50 к.— Д-ръ В. Гаузенштейнъ. Искусство рококо. Ц. 1 р. 50.

Московское кн-во. М. 914.—Дим. Крачковскій. Золотая карета. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.—У. Ф. Баррэтъ. Загадочныя явленія человѣческой психики. Пер. съ англ. Ц. 1 р. 25 к. — Ив. Рукавишниковъ. Аркадьевка. Ц. 1 р. 25 к.—Евг. Чириковъ. Житье-Бытье. Ц. 1 р. 25 к. Ал. Будищевъ. Изломы любви. Ц. 1 р. 25 к.—В. Брусянинъ Мужчина. Ц. 1 р. 25 к.—Р. Киплингъ. Избранные разсказы. Кн. 3. Пер. Н. Пушечникова. Ц. 1 р. 50 к.

Б. Тугановъ. Батаноко Темботъ. Повѣсть изъ временъ героической борьбы кавказскихъ горцевъ. М. 913. Ц. 75 к.

Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1914.—М. Гершензонъ. Грибоѣдовская Москва. Ц. 1 р.—Ш. Даль. Византійскіе портреты. В. I Пер. М. Безобразовой. Ц. 1 р, 25 к.—М. Гершензонъ. Декабристъ Кривцовъ и его братья. Ц. 2 р. — П. Гребнеръ. Географія растеній. Ц. 2 р. 50 к.

Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. 914 г.— Л. Н. Толстой. Собраніе сочиненій. Серія II. т. VI. Ц. 1 р.—А. В. Амфитеатровъ. Дрогнувшая ночь. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.—Эмиль Зола. Лурдъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к. В. В. Рахмановъ. Учебникъ школьной гигіены. Ц. 75 к.

Кн-во „Энергія" — Вас. Немировичъ-Данченко. Наши женщины. Разсказы. Книга третья. Ц. 1 р. 50 к.—Культурно-историческая библіотека п. ред. исторической комиссіи Учебн. отд. О-ва Р. Т. З: № 7. К. В. Сивковъ. Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII в. Ц. 85 к.— № 8. М. Н. Коваленскій. Московская политическая литература XVI в. Ц. 85 к.—№ 9. Л. С. Козловскій. Герценъ-публицистъ. Ц. 90 к.

Изд. „Шиповникъ" СПБ. 914.—Б. Верхоустинскій. Во лѣсяхъ. Разсказы. Поэмы. Апокрифъ. Ц. 1 р. 25 к.—К. Чуковскій. Лица и маски. Ц. 1 р. 50 к.—Переписка Микель-Анджело Буонарроти и жизнь мастера, написанная его ученикомъ Асканіо Кондиви. Пер. Марг. Павлиновой.

Кн-во М. А. Яснаго СПБ. 914.—С. Ареѳивъ. Первые шаги. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

Теофиль Готье. Эмали и камеи. Пер. Н. Гумилева. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Т-ва „Міръ". М. 914.—Проф. Эрнстъ Мейманъ. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ.

Изд. В. И. Яковенко. СПБ. 914.— Эмиль Фаге. Исторія философіи. Пер. П. Егунова. Ц. 50 к.—Его-же. Исторія всеобщей литературы. Пер. П. Егунова. Ц. 50 к.—Эмилій Пардо-Басанъ. Горнорабочій. Разсказъ. Перев. съ испанскаго. М. Ватсонъ. Ц. 3 к.—Его-же. Ресторанъ. Перев. М. Ватсонъ. Ц. 3 к.—Его-же. Дядя Терронесъ. Перев. М. Ватсонъ. Ц. 3 к.—Бласко Ибаньесъ. Въ морѣ. Перев. М. Ватсонъ. Ц. 5 к. Его-же. Проклятое поле. Перев. М. Ватсонъ. Ц. 25 к.—Уйда. Корзина со сливами. Перев. М. Ватсонъ. Ц. 8 к.—Жюль Клареси. Бумъ-бумъ. Перев. М. Ватсонъ.—Г. Гейерстамъ. Мирта Христины. Перев. К. Жихаревой. Ц. 8 к.—Его-же. Какъ Андерсъ Петтеръ продалъ лѣсъ. Перев. К. Жихаревой. Ц. 7 коп.

Кн-во писателей въ Москвѣ. 1914 г. —Слово. Сборникъ второй къ десятилѣтію смерти А. П. Чехова. Ц. 1 р. 50 к.—Н. Тимковскій. Кн. IX. Золотой боръ. Ц. 1 р. 50 к.—Архивъ В. А. Гольцева. Т. I. Ц. 1. р. 50 к.

Изд. Т-ва О. Н. Поповой. СПБ. 914.—М. Моравская. Цвѣты въ подвалѣ. Разсказъ для дѣтей. Ц. 1 р.— Ея-же. На пристани. Стихи. Ц. 1 р.

Изд. СПБ. О-ва Грамотности. СПБ. 914.—Н. В. Гоголь. Сорочнская ярмарка Ц. 7 к.—Его же. Майская Ночь. Ц. 7 к.

Кн-во „Наука". М. 914. — И. В Владиславлевъ. Жизнь замѣчательныхъ людей. („Что читать". В. III). Ц. 60 к.—Его-же. Что читать? В. I. Изд. 2-е перер. и доп. Ц. 35 к.— Н. А. Ульяновъ. Химія на службѣ человѣку. Ц. 65 к. — Проф. А. Н. Сѣверцовъ. Современныя задачи эволюціонной теоріи. Ц. 80 к.—Систематическій указатель литературы за 1913 г. П. ред. И. В. Владиславова. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 914. Ада Чумаченко. Люлли-Музыкантъ Ц. 70 к.—Н. Казминъ-Вьюговъ. Рожокъ пастуха. Ц. 1 р. Т. Г. Шевченко. Его думы и пѣсни. Ц. 25 к.—О. Бѣляевская. Золотой поясокъ. Стихи. Ц. 50 к.—П. Соловьева. Головоломка. Ц. 50 к.— П. Соловьева и Н. Манасеина. Родные завѣты. Ц. 1 р.—А. Горбуновъ. Основы гражданской свободы въ Англіи. Ц. 50 к. П. Рюльманъ.

Преподованіе гражданствовѣдѣнія во Франціи. Ц. 60 к.

Вячеславъ Егорьевъ и В. Марковъ. Свирѣль Китая. СПБ. 914. Ц. 1 р. 50 к. И. Гарбинъ. Чужой. Стихи. М. 914. Ц. 60 к.

В. Д. ф. Дитрихштейнъ. Блеклый вѣнецъ. Вторая кн. стиховъ. СПБ. Ц. 50 к.

Х. Зингеръ. Сборникъ стихотвореній. Изд. 2-е. Бердичевъ. 914. Ц. 75 к.

Ноэль. „На перепутьи". Стихотворенія. Владивостокъ. 914.

Геонъ. Между прочимъ. Сто стихотвореній. СПБ. 914.

Влад. Зыбинъ. Скалы. Стихи. 914. Ц. 50 к.

Влад. Горскій. Танго. Поэзы. 2-е изд. М. 914. Ц. 25 к.

Д. Юрскій. Ступени. Баку. 914.

Ник. Черкасовъ. Вряды. Поэма и поэзы. СПБ. 914. Ц. 50 к.

А. Бибикъ. Къ широкой дорогѣ. Романъ. СПБ. 914. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Освобожденіе" СПБ.—М. 914 г. — Скиталецъ. Метеоръ. Ц. 1 р. 25 к — Кнутъ Гамсунъ. Дѣти времени. Ц. 1 р.

А. Гурьевъ. Отъ скуки. Кн. пятая. СПБ. 914. Ц. 1 р. 25 к.

К. Ѳ. Жаковъ. Сквозь строй жизни. Ч. III. СПБ. 914. Ц. 60 к.

А. Туркинъ. Степное. Разсказы. СПБ. 914. Ц. 1 р. 25 к.

Поэты Франціи. 1870—1913. Пер. И. Эренбурга. Парижъ. 914. Ц. 1 р. 50 к.

Р. Шульце. Техника психологическаго и педагогическаго эксперимента. Пер. п. р. проф. А. Ф. Лазурскаго. СПБ. 1912. Ц. 3 р.

Л. И. Поставельскій. Богъ или природа? В. II. Ц. 20 к.

П. Сентивъ. Симуляція чудеснаго. Пер. Е. В. Святловскаго. СПБ. 914. Ц. 1 р. 50 к.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала «Русское Богатство».

ПОСТУПИЛО:

Съ благотворительной цѣлью: отъ „Якова Одинокаго изъ Мерана"—3 р.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: отъ Г. П.—10 р.

Въ пользу пострадавшихъ отъ урагана: отъ ветеринарныхъ врачей курсантовъ бактеріологич. лабораторіи М. В. Д.—37 р. 70 к.

Редакторъ А. Ѳ. Родіонова. Издатель В. Г. Короленко.

Типографія Спб. Акц. Общ. «СЛОВО». Ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

МАЙ. 1914

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 5.

СОДЕРЖАНІЕ:

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
КОМПАНІИ ЗИНГЕРЪ
ПРОДАЮТСЯ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ СОБСТВЕНН МАГАЗИНАХЪ КОМПАНІИ.
Разсрочка платежа
отъ 1 руб.
Ручныя машины
отъ 25 руб.
КОМПАНІЯ ЗИНГЕРЪ
МАГАЗИННАЯ ВЫВѢСКА.
Остерегайтесь подделокъ.
Магазины во всѣхъ городахъ Имперіи.

МАЙ. 1914.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія СПБ. Акц. Общ. „СЛОВО“, ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1914.

СОДЕРЖАНІЕ:

Въ пустынныхъ мѣстахъ [1]).

I.

Ветлуга.

1.

... Часовъ въ 6 утра пароходъ Зевеке причалилъ къ своей пристани въ Козьмодемьянскѣ.

Три свистка послѣдовали одинъ за другимъ почти безъ промежутковъ; нѣсколько человѣкъ сошли по трапу и «Амазонка» красиво отошла отъ пристани; оставивъ на рѣкѣ широкій кругъ, она опять побѣжала внизъ, унося спящихъ еще пассажировъ. А я, съ двумя молодыми людьми, спутниками предпринятаго мною путешествія, остался на пристани

Козьмодемянская лѣсная ярмарка кончалась вяло. Звенья плотовъ тянулись вдоль берега, у песковъ и подъ горами. И всюду стояла необычная тишина.

Небольшой пароходикъ, полубуксирнаго типа, слегка покачивался на чалкахъ у сосѣдней пристани. Это и былъ ветлужскій пароходъ «Любимчикъ» [2]), на которомъ намъ предстояло подняться кверху по Ветлугѣ, впадающей въ Волгу въ 7 верстахъ выше Козьмодемьянска

— Скоро отчалитъ?—спрашиваю я на пристани.

— Черезъ полчаса,—отвѣчаетъ матросъ, съ торопливой и подозрительной опредѣленностью.

— Часа черезъ четыре, дай Богъ, — переводитъ этотъ отвѣтъ какой-то субъектъ, безпечно сидящій на барьерѣ и сплевывающій въ воду подсолнечныя сѣмечки.

---

[1]) Въ первоначальномъ видѣ эти очерки были напечатаны въ газетахъ въ началѣ 1890-хъ годовъ; здѣсь они появляются въ значительно измѣненномъ видѣ. Выпущенъ очеркъ „Свѣтлояръ", напечатанный въ „Юбилейномъ Сборникѣ литературнаго фонда" въ 1910 г. Ред.

[2]) Собственныя имена въ этихъ очеркахъ по большей части вымышленныя. Авт.

— Па-а-судина—прибавляетъ онъ съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія...—Гдѣ васъ повезетъ, а то,—такъ и сами пассажиры лямкой потащутъ.

Посудина покачивается отъ легкой зыби, все еще не улегшейся послѣ грузнаго американскаго парохода. Что-то въ ней скрипитъ, визжитъ и какъ будто охаетъ. Я вхожу по трапу и сразу стукаюсь лбомъ въ желѣзный бимсъ, чѣмъ возбуждаю веселье въ кучкѣ матросовъ. Отъ нечего дѣлать, они сидятъ на тюкахъ товаровъ, болтаютъ ногами и внимательно слѣдятъ за тѣмъ, какъ каждый вновь приходящій неизмѣнно стукается головой о желѣзо.

— Гдѣ тутъ берутъ билеты?

— Ступай на ту сторону. Видишь, — стоитъ черненькій мужчина въ бѣломъ пинжакѣ, — самъ хозяинъ, Никандръ Иванычъ.

— Никандръ Иванычъ, скоро отвалите?

— Черезъ часикъ... Непремѣнно.

— Мнѣ бы вотъ въ городъ сходить, часика на полтора... Дѣло есть...

— На полтора?

Онъ задумчиво смотритъ на меня и потомъ говоритъ:

— Успѣете.

— Да вѣдь вы черезъ часъ уйдете?

— Идите съ Богомъ.

— Сколько стоютъ билеты 2-го класса до Воскресенскаго?

Онъ прищуривается и водитъ пальцемъ по расписанію на стѣнѣ маленькой каюты. Я вижу, что въ таблицѣ стоитъ цѣна 1 р. 30 к.; на пристани—печатная такса 1 р 50 к.

— Рубь двадцать,—говоритъ онъ мнѣ неожиданно.

— Вы не ошиблись? Вѣдь тутъ написано рубль тридцать.

— Для васъ уваженіе... По рублю двадцати съ троихъ.

— Поторговали бы,—негромко и отворачиваясь отъ меня, говоритъ грызущій сѣмечки пассажиръ —еще скостилъ бы копеекъ хоть тридцать.

— Когда же окончательно мы уйдемъ?

— Да они и сами не знаютъ.. Вишь, пары еще не разведёны... И не шурýютъ еще. Нагрудится народу болѣе, — станутъ пары разводить.

Надъ трубой «Любимчика» еще не вьется даже дымокъ. Въ машинномъ отдѣленіи пусто. Мы спокойно отправляемся въ городъ, раскинувшійся довольно широко, неоживленный и тихій. Лавки открыты, покупателей не видно. Проходятъ или сидятъ на улицахъ и на берегу партіи бурлаковъ. Кой-гдѣ происходитъ ряда, — подрядчики нанимаютъ народъ гнать плоты книзу.

— Семенъ Лексѣичъ, а Семенъ Лексѣичъ,—говоритъ здо-

ровенный парень въ красной запыленной рубахѣ, стоящій въ безпечной позѣ на мостикѣ.—Что жь ты меня обошелъ? Ряди, что-ли... Чѣмъ я тебѣ не работникъ?..

Семенъ Алексѣевичъ юркій, подвижной, еще не отъѣвшійся мелкій подрядчикъ, оборачивается на зовъ, но тотчасъ же сплевываетъ...

— Даромъ не надо,—говоритъ онъ угрюмо...—Видали ужъ... —Первый головорѣзъ по всему плесу,—говоритъ онъ, поворачиваясь довѣрчиво ко мнѣ.—Всю артель подлецъ взбулгачитъ...

Бурлакъ смѣется, скаля бѣлые зубы, сверкающіе на бронзовомъ, загорѣломъ лицѣ.

Знаешь?—говоритъ онъ насмѣшливо.—Мы тоже знаемъ вашего брата. На пятакъ рублей ищете...

Возвратясь къ берегу, мы застаемъ «Любимчика» отведеннымъ отъ пристани. Два дюжихъ матроса тянутъ его корму за канатъ, точно за хвостъ, возбуждая этимъ вялое остроуміе соскучившейся въ ожиданіи публики. У пристани же стоитъ кашинскій «Михаилъ», пыхтя отработаннымъ паромъ.

Черезъ часъ «Михаила» уже не видно за горами, а нашъ все также покачивается, скрипитъ и охаетъ.

— Скоро-ли?—спрашиваемъ мы.

— Теперь, должно быть, петерсоновскаго парохода съ Ветлуги дожидается.

— Это зачѣмъ?

— Конкуренцыя. Чтобы, значитъ, побольше народу обобрать, тому, петерсоновскому-то, поменьше останется.

— А тотъ тоже станетъ дожидаться, чтобъ этому было поменьше?

— Ну-ну. Извѣстное дѣло, конкуренцыя!

— Да вамъ,—подходитъ ко мнѣ, какъ-то бокомъ, все тотъ же грызущій сѣмячки пассажиръ —вамъ, ежели къ спѣху дѣло,—до завтра бы подождать.

— Это какъ-же?—къ-спѣху и вдругъ—подождать.

— Завтра петерсоновскій «Николай» пойдетъ... А-а-атличнѣйшій пароходъ...

— Да вѣдь завтра я буду уже въ Воскресенскомъ

— Не будете,—говоритъ онъ зловѣще.—«Николай» васъ на дорогѣ обгонитъ.

— Когда вы вы съ ума сойдете,—вотъ когда насъ «Николай» обгонитъ,—рѣзко обрываетъ его Никандръ Иванычъ, незамѣтно подошедшій сзади.—«Николай»-то теперь еще у Варнавина, а у насъ и свистокъ сейчасъ. Эй, подавай первый свистокъ... А вы—ежели ѣхать желаете, пожалуйте, берите билетъ... А то

тутъ вамъ тереться, народъ смущать нечего, шаромыжники вы вотъ что.

— Петерсоновскій это... Подосланный, — говорятъ между собой матросы...—Шею бы намять по настоящему... Не отбивай потому что...

— Теперь скоро?—спрашиваю я.

— Какъ же не скоро,—когда ужь и свистокъ дали.

— А на гору,—испытываю я опять,—сходить успѣю?

— На гору?.. На гору успѣете. У насъ, вѣдь, не какъ у другихъ, что дадутъ три свистка да и отчаливаютъ. Мы еще послѣ трехъ свистковъ тревожные подадимъ, чтобы наши пассажиры сходились.

И затѣмъ, помолчавъ, прибавляетъ:

— Конечно, господинъ, по такой рѣкѣ, такіе и пароходы. А что у нашего ходъ не хуже, чѣмъ у «Николая», это я вамъ могу вполнѣ утвердить...

Меня, впрочемъ, нисколько не пугаютъ инсинуаціи тайнаго агента сопернической компаніи. Я никуда не тороплюсь. Я люблю проселочныя дороги, тихо плетущуюся лошадку, наивный разговоръ ямщика подъ шумъ березокъ захолустныя, лѣсомъ поросшія рѣчки. Еще съ ранней юности остались у меня въ памяти обрывки стихотворенія какого-то неизвѣстнаго мнѣ автора, который жаловался, что уже исчезла поэтическая ѣзда на долгихъ... Теперь уже и по нашимъ дорогамъ:

..„Летитъ французскій дилижанецъ
По нѣмецкому шоссе.

Нынѣ пробилъ уже и часъ дилижанса... Всюду бьетъ въ уши свистокъ, грохочетъ машина,—и «нѣмецкій дилижанецъ» тоже теряется позади, на пройденномъ пути, затягиваясь романтическимъ туманомъ прошлаго... Всѣ мы немного романтики, мы, русскіе, не менѣе, а, быть можетъ, и болѣе другихъ. Говорятъ, у насъ нѣтъ прошлаго!.. Такъ что же! Того, что отъ насъ уходитъ, жаль еще болѣе:—туманъ, еще таинственнѣе и гуще...

Какъ бы то ни было, мнѣ, напримѣръ, нравятся изъ желѣзныхъ дорогъ—узкоколейныя, вродѣ Костромской, гдѣ кондуктора на полустанкахъ бѣгаютъ по лѣсу, собирая разбредшихся пассажировъ, а изъ судоходныхъ рѣкъ—такія, какъ Сухона, въ которой по-временамъ такъ и кажется, что пароходъ расплещетъ ее всю своими колесами, или милая красавица Ветлуга, съ ея кудрявыми берегами и пароходиками, вродѣ «Любимчика». На остановкахъ они тыкаются носомъ прямо въ берегъ, точно сонная рыба, а въ темныя туманныя ночи стоятъ и дремлютъ, зачалившись съ кормы и носа за береговыя вѣтви. Меня всегда тянетъ на уѣздные тракты и проселки, по кото-

рымъ такъ привольно, такъ мягко идти съ котомочкой, съ ихъ лѣсами и неожиданностями. Но теперь, кромѣ этой общей, безкорыстной симпатіи—передо мной рисовалась и нѣкоторая болѣе опредѣленная цѣль.

2.

Въ дремучихъ лѣсахъ Семеновскаго уѣзда, по Керженцу и по другимъ лѣснымъ рѣчкамъ тихо угасаетъ старый «расколъ» и доживаютъ послѣдніе дни пустѣющіе древле-православные скиты. Раззоренные умѣлой рукой литератора-чиновника П. И. Мельникова, который очень хорошо описывалъ ихъ, но разрушалъ еще лучше,—они не имѣли уже силы возродиться въ другихъ мѣстахъ и при другихъ обстоятельствахъ. Ударилъ послѣдній часъ скитской жизни. Бывали и прежде тяжелыя времена. Описывали тогда мало, но раззоряли гораздо основательнѣе: отъ скитовъ по-временамъ оставались однѣ головешки, и, долго спустя по уходѣ никоніанской силы и пробираясь по лѣснымъ тропкамъ, «вѣрные» творили надъ пепелищами надгробное рыданіе и отрывали подъ пепломъ обугленныя кости. И все-таки тѣ скиты не умирали, а возрождались вновь, унося въ глубь лѣсовъ, въ тихія пустыни новую страницу о благолѣпной смерти, еже за вѣру,—скитскихъ отцовъ и матерей. Кто-нибудь изъ уцѣлѣвшихъ сооружалъ дальнюю келейку, около безмолвнаго «езера», «гору тоцію сожительницу и ручей сосѣда избравшіе». Проходили годы—и пустынное «езеро» оглашалось унылыми и скорбными напѣвами, а гора покрывалась кельями новаго скита.

Не такова судьба семеновскихъ скитовъ послѣ мельниковскаго нашествія. Раззоренные, такъ сказать, на самой зарѣ русскаго обновленія, въ такое время, когда общее гоненіе «за вѣру» видимо должно было потерять свою силу, они не имѣли уже опоры въ общихъ условіяхъ Слабѣло гоненіе, слабѣла и ревность противленія. Скитскія зданія стоятъ и до сихъ поръ; но большинство скитницъ разбрелось, повышли замужъ, потонули «въ міру», и только немногія ветхія старицы доживаютъ послѣдніе дни среди запустѣнія.

— Да-что... ребятишковъ много подкидывали.— сказалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ сосѣдей бывшихъ скитовъ на вопросъ о томъ, жалѣютъ ли они о прошломъ .. — Извѣстно ужь, — въ монастыряхъ-те всего бываетъ. —И онъ равнодушно хлестнулъ свою лошаденку, которая также равнодушно потащила насъ по заростающей скитской дорожкѣ. Тѣмъ не менѣе, очень вѣроятно и даже навѣрное—есть немало людей, съ озлобленіемъ и горечью вспоминающихъ о «раззореніи» скитовъ. Сами ста-

рицы уже сложили пѣсни, въ которыхъ звучитъ трогательная тоска о невозвратимомъ прошломъ.

У насъ были здѣсь моленны, онѣ подобны были раю...
У насъ былъ звонъ удивленный, удивленный звонъ подобенъ
громy...
Въ рощахъ птицы распѣвали, соловьи насъ утѣшали...
О, прекрасный ты нашъ рай, прелюбезный драгой скитъ,
Намъ въ тебѣ ужь не живати, святыя службы не стояти,
Тихія радости не видати [1]).

Такъ вотъ мнѣ и захотѣлось посѣтить эти тихія лѣсныя пустыни, гдѣ надъ свѣтлымъ озеромъ дремлетъ мечта народа о взыскуемомъ невидимомъ градѣ, гдѣ вьется въ дремучихъ лѣсахъ темный Керженецъ, съ умершими и умирающими скитами...

3.

Наконецъ, часа въ два, въ самый жаръ, когда даже рѣка, казалось, изнемогла и томилась подъ палящими лучами іюльскаго солнца, нашъ «Любимчикъ» отчалилъ отъ пристани и тихо двинулся противъ теченія Волги.

Верстахъ въ семи, у Покровскаго, поворотъ въ устье Ветлуги. «Любимчикъ» долго шлепаетъ колесами и бьется на быстринѣ подъ яромъ и по временамъ кажется, что вотъ-вотъ быстрое теченіе унесетъ его обратно въ Волгу; но онъ все-таки справляется, выходитъ на ровный стрежень Ветлуги, и Козьмодемьянскъ, на Волжскихъ горахъ, выплываетъ изъ-за синеватаго тумана далеко справа, то скрываясь, то исчезая, по мѣрѣ того, какъ мы вьемся по «кривулямъ» Ветлуги.

Населеніе нашего пароходика демократично. Первый классъ почти совершенно пустъ. По временамъ только изъ него появляется какой-то господинъ въ синей сибиркѣ тонкаго сукна, въ шелковой косовороткѣ и лакированныхъ сапогахъ съ очками на носу. Въ каютѣ его угнетаетъ почетное одиночество, но на палубѣ онъ напряженно ищетъ подходящей компаніи. Во второмъ классѣ заняты всѣ мѣста: кромѣ меня и двухъ моихъ племянниковъ, здѣсь ѣдутъ все мелкіе лѣсные торговцы и разговоры идутъ о неудавшемся сплавѣ и плохой лѣсной ярмаркѣ:

— Ну, что, растоварились?

— Ничего!—Осталось еще тысячъ на пять. Такъ полагаю, что у меня разовьется. А у васъ?

— Плохо.

«Разовьется»—это картинное выраженіе означаетъ, что

---

[1]) Записано А. С. Гацискимъ со словъ одной старицы въ Семеновскомъ уѣздѣ.

плоты, стоящіе теперь на пескахъ у Козьмодемьянска, будутъ куплены и по сотнѣ, по двѣ бревенъ разойдутся по теченію рѣки.

Вся эта публика очень быстро знакомится другъ съ другомъ. Въ жителяхъ Приветлужья, вообще, очень много добродушія, и даже въ этихъ лѣсныхъ хищникахъ, не кладущихъ охулки на руку, я замѣчаю какую-то особенную специфическую складку въ лицѣ, какую-то вялую мягкость и добродушіе. Эту особенную складку и вижу и у старика-торговца, съ первыхъ же словъ предлагающаго мнѣ отвѣдать его рыбы, и у его сына, и у молодого дьякона, ѣдущаго съ женой въ одинъ изъ приходовъ по верхнему теченію Ветлуги, и у красавицы въ голубой косынкѣ и шитой узорами сорочкѣ. Она пьетъ чай въ компаніи съ однодеревенцами-бурлаками и съ добродушной улыбкой на красивыхъ, полныхъ губахъ отражаетъ ихъ простодушныя и не особенно тонкія любезности.

На верху, впереди расположилась партія бурлаковъ. Этимъ общимъ названіемъ обозначаютъ теперь плотовщиковъ, которые втеченіе всей навигаціи снуютъ взадъ и впередъ, какъ тучи насѣкомыхъ, вылетая на русло изъ боковыхъ рѣчекъ,—Унжи, Керженца, Ветлуги, Мологи,—на своихъ плотахъ и затѣмъ подымаясь кверху для новаго сплава. Нѣтъ на Волгѣ людей, которыхъ бы такъ много ругали и которые бы такъ много отругивались сами, какъ эти плотовщики. Ругаютъ ихъ капитаны въ рупоръ, когда они загораживаютъ плотами стержень. ругаютъ кассиры на обратной путинѣ, на пристаняхъ, гдѣ они торгуются самымъ невозможнымъ образомъ, съ божбой, съ моленіями, съ проклятіями за каждую копейку; ругаютъ на пароходахъ, куда ихъ принимаютъ, послѣ торга—чохомъ, артелями и тычутъ куда попало, между товаромъ. Вообще брулакъ—это наиболѣе многочисленное, болѣе всѣхъ отягченное трудомъ и наименѣе цѣнимое дѣтище, пасынокъ матушки-Волги.

Здѣсь, на родной Ветлугѣ, на своемъ собственномъ ветлужскомъ пароходѣ, они чувствуютъ себя хозяевами Къ «Любимчику» они относятся съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ и нерѣдко даютъ съ своего мѣста наставленія командѣ.

— Не туды держишь... Вороти къ яру.

— Эхма! За чужую заѣдешь ..

— Не ваше дѣло тамъ, молчать!—кричитъ капитанъ изъ отставныхъ солдатъ, а самъ тихо обращается къ лоцману:

— Въ самъ-дѣлѣ, вороти правѣй. Ай не видишь?

«Заѣхать за чужую»—это значитъ зайти въ рукавъ вмѣсто главнаго русла. Ничего не можетъ быть позорнѣе для команды! Съ нашимъ «Любимчикомъ»—увы!—это случалось раза два,—

и оба раза онъ конфузливо выбирался «изъ-за чужой» подъ градомъ остротъ своихъ пассажировъ и съ берега.

— Эй, капитанъ! — кричитъ широкоплечій бурлакъ-ветлугай,—у тебя, гли-ко-ся, тамъ скрипитъ что-то въ машинѣ. Ожалось чего-нибудь.

— Учи! Плоше тебя, что ли!

— Да вѣдь скрыпитъ, ровно не слажена соха.

Пароходъ, дѣйствительно, скрипитъ, какъ простуженный.

— Ты вонъ въ телѣгѣ ѣдешь, и то небось скрипитъ,—возражаетъ капитанъ.

— Въ телѣгѣ—хохочутъ бурлаки.—Да мы бы, твое степенство, въ телѣгѣ бы теперь гдѣ уже были...

Капитанъ все-таки посылаетъ въ машину, и черезъ нѣкоторое время «Любимчикъ» подходитъ къ яру, пассажиры выходятъ по доскамъ на берегъ, а команда облѣпляетъ со всѣхъ сторонъ бока, руль, крылья парохода, гдѣ-то стуча молотками. что-то прилаживая.

Трогаемся опять...

Солнце садится, рѣка начинаетъ темнѣть, и «кривули» плавно, одна за другой, убѣгаютъ назадъ. На нижней палубѣ спятъ, гдѣ кто сумѣлъ устроиться; у насъ во второмъ классѣ— невыносимая жара, такъ какъ къ намъ идетъ весь жаръ отъ машины. Женщинъ у насъ нѣтъ, и потому лѣсные торговцы тяжело дыша, съ раскрытыми ртами, спятъ почти безъ одежды. Я выхожу на верхнюю палубу.

Тихій вечеръ бѣжитъ надъ Ветлугой. Пріятно обдаетъ прохлада. Звѣзды мерцаютъ въ легкомъ туманѣ, луна чуть-чуть вырѣзывается тоненькимъ серпомъ надъ тучей, которая тяжело подымается изъ-за лѣсовъ. Каждый день гдѣ-нибудь служатъ молебны надъ изсыхающими отъ жары полями, и каждый вечеръ встаетъ на безлунномъ небѣ такая же туча и стоитъ на немъ обманчивымъ призракомъ; на утро она изчезаетъ, не оставляя даже росы на травѣ. Сегодня она тяжелѣе; легкій туманъ чувствуется въ воздухѣ; гдѣ-то горятъ лѣса и дымная пелена, весь день клубившаяся на горизонтѣ, стелется по небу, какъ бы отяжелѣвъ отъ сырости. Есть-что раздражающее въ этихъ намекахъ дождя среди томительнаго удушья.

На передней мачтѣ нашего парохода меланхолически вздрагиваетъ на ходу фонарикъ. Съ береговъ, сквозь пыхтѣніе машины, доносятся временами то шелестъ лѣса подъ внезапными порывами вѣтра, то плескъ осыпающагося яра, то ночные голоса птицъ.

Въ передней части подъ фонаремъ не спитъ артель бурлаковъ. По временамъ вспыхиваютъ «цыгарки», слышится какой то ровный голосъ, прерываемый замѣчаніями и смѣхомъ. Я подхожу туда.

— Можно ли къ вамъ присѣсть?

— Садись, твое степенство, садись съ бурлаками. Ничего. Не спится тебѣ?

— И вамъ вотъ тоже не спится.

— Наше дѣло такое. До Юркина намъ спать нельзя. Нанимать хочетъ капитанъ—дровишки погрузить. Вотъ мы тутъ и балакаемъ покамѣстъ...

— Сказки у насъ тутъ одинъ сказываетъ... Ну, и мастеръ.

— Начинай новую, Ефремъ. Да вишь купецъ послухатъ... Ты ужъ того... получше какую... Не смѣховую...

Ефремъ, немолодой мужикъ съ верховьевъ Ветлуги, съ выдавшимися скулами, вздернутымъ носомъ и смѣшно торчащей бородкой, задумывается и начинаетъ:

— Не въ которымъ царствѣ, не въ которымъ государствѣ, а именно въ томъ, въ которымъ мы живемъ... Охъ-хо-о... И дожились, грѣшные, до того, что нѣтъ у насъ ничего...

Раскатъ здороваго смѣха выносится на рѣку и отдается отъ дремлющей стѣны берегового лѣса... Среди этого хора особенно выдается здоровенный басъ какого-то оборваннаго человѣка, въ старомъ городскомъ картузѣ и полосатыхъ, слишкомъ узкихъ брюкахъ. На обоихъ колѣнахъ отъ безчисленнаго множества заплатъ, пришивавшихся неумѣлыми, заскорузлыми руками, образовалось какъ будто по букету, и они странно выступаютъ въ полутьмѣ.—Голосъ у него сиплый, но необыкновенно гулкій. Даже бурлаки выражаютъ удивленіе.

— Ну, и рявкнулъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ...—даже по лѣсу пошло.

— Волкъ и есть,—говоритъ другой.

Я съ любопытствомъ взглядываю на обладателя затѣйныхъ брюкъ и необыкновеннаго органа. Я слышалъ, что нижегородскіе статистики, работая въ Семеновскомъ уѣздѣ, гдѣ населеніе преимущественно кормится лѣсными промыслами, открыли особый родъ занятій, называемый «волчьимъ». «Волкъ»—это человѣкъ, не имѣющій ни хозяйства, ни постояннаго ремесла... Зимой онъ перебивается въ городѣ по ночлежнымъ домамъ... Съ весной, когда вскроются рѣки, солнце отогрѣетъ землю и лѣса одѣнутся листвой,—волка потянетъ за Волгу, въ лѣса. Здѣсь ему не съ чѣмъ взяться за настоящую самостоятельную работу, а изъ чужихъ рукъ мѣшаетъ и гордость, и привычка къ дикой независимости. И вотъ онъ путается по роднымъ лѣсамъ, охотится или ловитъ рыбу, или просто хищничаетъ по мелочи, гдѣ можетъ.

— Какой я вамъ волкъ,—сказалъ субъектъ съ букетами на колѣнкахъ. И, обратясь ко мнѣ довѣрчивымъ тономъ городского жителя къ сотоварищу,—пояснилъ:

— Я господинъ,—временно... Собственно для заработку... Въ артель вкупиться...

— Въ «золотую-те роту»,—насмѣшливо вставилъ одинъ изъ бурлаковъ...—Ну, Ефремъ, сказывай, а ты... Ничего тутъ.

— ...Значитъ... не въ которымъ царствѣ, — подхватилъ опять сказочникъ,—жилъ былъ старикъ со старухой... Да и тоже самое, какъ мы ветлугаи, дожились до того, что ни хлѣба, ни водочки, ни табаку... Потому, видишь-же, старикъ былъ охотничекъ, а у охотниковъ, дѣло извѣстное, что у киловязовъ да у коноваловъ, иной разъ и поисъ нечего.

— Вѣрно и это...

— Ну, хорошо... Говоритъ старику старуха. «Возьми, батъ ружьишко,—не устрѣлишь-ли чего. Хлѣба ни крохи, такъ хошь дичинкой полакомитьця... Взялъ старикъ ружьишко, пошелъ съ ружьишкомъ въ лѣсъ... Долго ли, коротко ли шелъ,—глядь, потка (птица) порхаетъ по кусту. Такъ потка небольшенькая, а перомъ необычная. Прицѣлился старичокъ, а она ему и говоритъ голосомъ: «Не убей ты меня, старичокъ, а лучше, говоритъ, возьми живую»... Послушался онъ. Ружьишко поставилъ къ стволу,—къ ней... А она отъ него... Онъ опять за ней, она отъ него... Ну, все таки—поймалъ... Принесъ старухѣ... Она имъ принесла яичко...

Съ появленіемъ на свѣтъ этого яичка, — сказка теряетъ всякую связь съ дѣйствительностью. Ефремъ оживляется... Онъ сидитъ на какой-то снасти, надъ лежащими кругомъ слушателями и какъ-то странно разводитъ руками, точно дѣлаетъ заклинанія. Лицо его разглядѣть трудно, — его закрываетъ тѣнь отъ шляпенки... Но голосъ у него глубокій, грудной и гибкій... Рѣчь льется плавно, готовыми складными оборотами... Онъ всецѣло владѣетъ вниманіемъ слушателей и развертываетъ передъ нами рядъ сказочно - утѣшительныхъ событій. Пароходъ идетъ мимо спящихъ лѣсовъ, и кажется, что это оттуда, отъ шепчущей желто-зеленой стѣны кто-то подсказываетъ Ефрему его фантазіи. Разумѣется,—старикъ уже превратился въ такого молодца, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать... Чудная птица надѣлила его цѣннымъ свойствомъ: «плюнетъ—серебро, харкнетъ—золото...». Баба какъ-то незамѣтно, за очевидной ненадобностью —выпадаетъ изъ разсказа... Вахлакъ женится на царской дочери но и съ ней тоже не очень церемонится. Собирается онъ навѣстить въ деревнѣ своего брата... Царь-тестюшка приказываетъ запречь золотую карету. — «Не надо, — говоритъ, — пѣшкомъ пойду! — Жена, проводи меня за околицу!» Царевна не смѣетъ ослушаться и покорно слѣдуетъ за мужемъ. Вышли за околицу. Вахлакъ хлопнулъ ее по бедру, сказалъ слово... И стала изъ царевны... кобыла.

Радостный смѣхъ опять отдается съ берега, покрывая лѣнивое шлепанье парохода... Ефремъ, очевидно, импровизируетъ и въ готовыя сказочныя формы вливаетъ индивидуальное содержаніе... Слушатели захвачены: царская дочь везетъ вахлака... И, можетъ быть, одинъ я думаю о судьбѣ царской дочери: бѣдная царевна, бѣдная суженая героя народной сказки... Не сладко, должно быть, утѣшать удачливаго вахлака Иванушку...

Сказка кончена, Иванушки падаютъ опять на землю. Опять болятъ намозоленныя руки, опять ноютъ намученныя спины... А пароходъ все пыхтитъ, изворачиваясь на «кривуляхъ» и будя странные отголоски по лѣсу... Лѣсъ подымается все выше, темнѣе, таинственнѣе... Артель смолкаетъ, лица бурлаковъ задумчиво поворачиваются къ берегамъ; темная струя, разбѣгаясь, уноситъ на своемъ гребнѣ отблески фонаря, привѣшеннаго надъ самой водой...

Вдругъ по лѣсу, заглушая шумъ пароходныхъ колесъ, разносится громкій плескъ и отдается въ далекихъ изгибахъ. Въ немъ замираетъ какой-то стонъ, отъ котораго невольно сжимается сердце. Звукъ повторяется еще гдѣ-то вдоль темныхъ береговъ съ неясными чащами...

— Что это?—спрашиваю я съ невольной тревогой...

— Обвалье [1]) съ яру свалилось,—говоритъ Ефремъ.

— А что стонетъ?..

— Нѣтъ... Какой стонъ?.. Чай, никого не было.

— Нѣтъ, вѣрно, — подхватываютъ другіе. — Вскричалъ кто-то.

— Кому быть... Чай, птиця... Можетъ, спужалась...

— Да, птица, какъ-же,—таинственно говоритъ субъектъ съ букетами на колѣнкахъ.

— Нѣтъ, вѣрно птиця, — испугало ее, — потверждаетъ Ефремъ.—Кому болѣ быть?

— Какъ кому?.. Самъ знашь, кто въ лѣсу бываетъ.

На минуту водворяется молчаніе.

— А видали вы когда-нибудь?—спрашиваю я.

— Нѣтъ, не видали, гдѣ его увидишь?—говорятъ бурлаки сдержанно.

— Я голосъ слышалъ,—говоритъ Семенъ, мужикъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, грустно сидящій на скамьѣ, свѣсивъ голову съ черными, какъ смоль, волосами. Онъ гонялъ въ Козьмодемьянскъ собственные плоты, которые рубилъ и сплачивалъ изъ половины съ лѣсоторговцемъ. Ему не повезло. Плотъ изъ 400 бревенъ онъ продалъ по рублю за бревно; изъ-за этихъ двухсотъ рублей онъ работалъ всю зиму, вчетверомъ, на трехъ

[1]) Обвалье—деревья на берегу, съ подмытыми водой корнями.

лошадяхъ; теперь, расплатившись съ рабочими сплавщиками и отдавъ хозяину задатокъ, да еще лишку («за то, что вода живая и дѣлянка недалече») — возвращался домой ни съ чѣмъ... А дома—неизвѣстно, что ждетъ его. Всходы были хороши, да дождей нѣтъ долго. Если хлѣбъ не уродится, «всѣ станутъ сбирать, да подавать-то будетъ некому». Поэтому онъ сидѣлъ все время задумчивый и грустный, плохо слушалъ сказки Ефрема и теперь въ первый разъ еще принялъ участіе въ общемъ разговорѣ.

— Да, слыхалъ голосъ... Въ молодыхъ моихъ лѣтахъ. Въ ту пору женился я какъ разъ, по двадпатому году, и поѣхали мы въ лѣсъ бревна рубить, жили въ лѣсу семь недѣль. И пала, братцы, на меня скука объ Марьѣ моей, большая скука на меня пала... даже, что-есть, ночи не спалъ. Вотъ разъ мечусь этакъ въ шалашикѣ и говорю себѣ: хоть бы лѣшій какой вѣсточку принесъ.

— Т-съ, ай-а-ай, — недобрительно отозвался Ефремъ.— Бѣдко это, что не въ часъ такое слово сказать.

— То-то бѣдко. Сказываютъ, въ шесть недѣль дадено *ему* двѣ минуты. Кто въ двѣ минуты зачѣмъ его позоветъ,—онъ тутъ какъ тутъ...

— Тутъ ужь его воля...

— Вѣрно. У насъ на деревнѣ мать дите прокляла,— сливки онъ у нея слизалъ. «Лѣшій, баетъ, тебя унеси». Ну, и сказала, видно, въ лихой часъ. Онъ его сейчасъ живымъ дѣломъ и цапнулъ, да въ рѣчушкѣ и утопилъ.

— То-то вотъ, видишь, како дѣло... Сказалъ я это слово и заснулъ. Много-ли спалъ,—не знаю, только прокинулся,— слышу, кличетъ кто-то по лѣсу. Кличетъ и кличетъ, и голосъ ровно бы Алексѣя-шабра... Пожня тутъ у него была недалече. Сейчасъ я на ноги поднялся, чижолко (зипунъ) накинулъ на плечи, айда въ лѣсъ, за нимъ. Отошелъ въ чащу гонъ [1]), отошелъ другой.—все кличетъ, да все дальше, а ближе нѣту. Какъ прислушаюсь я,—такъ у меня волосики дыбкомъ и стали. Гонóвъ съ пять уже отошелъ, а дѣло было экъ-же, какъ вотъ теперь, темно, да муглонно, да еще и дождикъ по листу шебаршитъ. И кличетъ звонко, а голосу настоящаго, словъ стало быть, и нѣту; только ау-у, ау-о, да го-го-го. Понялъ я тутъ, кого я накликалъ, да кто меня кличетъ, сѣлъ на землю, дрожу, зубъ на зубъ не попадаетъ... А онъ какъ пойдетъ кругъ меня— да выть, да закликать, да съ разныхъ тебѣ сторонъ, да на разны тебѣ голоса: то батько кличетъ, то старуха, то опять молодая моя, Марьюшка, разливается, зоветъ. А я сижу на землѣ, зубомъ стучу да молитву творю. Какъ только и живъ остался!

---

[1]) Гонъ—особая мѣра, равная, по объясненію бурлаковъ, 27 саженямъ.

— А я такъ и видалъ,—подымается съ мѣста какой-то бурлакъ, лицо котораго мнѣ не видно...—Осене-сь лѣсъ мы рубили да вывозили и стались одновáдни у шалаша съ Ефимкой—удалая головушка, парень бѣдовой. И взмыла тутъ, братцы, туча, пошелъ дождь, да и дождь слышь бойкой, да крупной, насъ, что-есть, въ шалашикѣ вымочило до ниточки. Прошла эта туча,—только послышимъ—идетъ кто-то по лѣсу, пѣсни играетъ... Да звонко! Издаля слышно. Что молъ такое за человѣкъ это?

И выходитъ къ намъ незнакомой молодецъ: одѣтъ чисто, рубаха бѣла, уздечка на-крестъ перепоясана. «Не видали, баетъ, ребята, воронова коня? Больно, баетъ, коня жалко, конь какъ огонь. Кто бы со мной пошелъ того коня розыскать».

Ефимко у меня прыткой живетъ... Вскочилъ было итти, да я его за руку цапъ... — «Нѣтъ, молъ, добрый молодецъ, не рука намъ съ тобой итти. Ступай себѣ». Ушелъ онъ, а я Ефимкѣ и баю: «Не видишь, съ кѣмъ итти было похотѣлъ? Погляди: на насъ рубахи-те мокрехоньки, даромъ что въ шалашикѣ сидѣли, а на немъ капельки не кануто, весь сухой. Это что значитъ?»

— Вѣрно!—говоритъ Ефимка,—а мнѣ и ни къ чему... Ахъ ты, нечистая сила!.. Дай-ко, говоритъ, я его между плечъ изъ оружья шарахну...

— Безстрашной...

— Только сталъ онъ оружье крестить, какъ тотъ парень изъ глазъ пропалъ... Пѣсни слышно,—самого не видать...

— Страсти какія...—Я бы, кажись, тутъ бы и померъ,—говоритъ изъ-за мачты молодой, почти ребячій голосъ.

— Да, лѣсное дѣло, извѣстно.. не на селѣ...

— Неужели,—спрашиваю я,—такъ вотъ Ефимко и выпалилъ бы, еслибы не замѣшкался...

— Ефимко-то?.. Выпалилъ бы...

— Да чего на него глядѣть?.. Дѣло видимое...

— Рубашка-то... она вѣдь указываетъ...

— Дѣло ясное...

Пароходъ приближается къ крутому яру и идетъ вдоль темнаго бора... Боръ стоитъ весь въ тѣни... Въ немъ ходятъ таинственные шорохи, и кажется, что гдѣ-то въ чащѣ идетъ другой пароходъ и также часто шлепаетъ колесами. И оба парохода—и нашъ, и чужой—молчатъ, точно притаились и чутко сторожатъ другъ друга.

4.

Свистокъ, за нимъ другой вспугиваютъ молчаніе ночи, и кажется, что отъ этого звука, такого зауряднаго на Волгѣ, здѣсь вздрагиваютъ даже берега.

Пароходъ дѣлаетъ легкій поворотъ, и на насъ надвигается крутой яръ лѣваго берега. Надъ обрѣзомъ этого яра виднѣется клокъ неба, еще не поглощенный разростающейся тучей. На проплывающемъ облачкѣ угасаютъ послѣдніе слабые отблески. Какія-то темныя фигуры фантастически рисуются въ вышинѣ надъ косогоромъ.

Это—черемисская деревня Юркино. Пароходъ будетъ грузить дрова, а фигуры на берегу—черемиски изъ деревни, пришедшія по свистку съ носилками для грузки. Такимъ образомъ услуги артели оказались излишними. На верхней и на нижней палубѣ слышно угрюмое ворчаніе бурлаковъ, которыхъ напрасно поманили заработкомъ.

Оказывается, еще не поздно. Въ деревнѣ огни, хотя на рѣкѣ казалось, что уже глубокая полночь. Небо все затянуло. Туча густѣетъ, вдали неясно гудитъ громъ, и надъ лѣсами слабо вспыхиваютъ блѣдныя молніи. Въ воздухѣ носится что-то раздражающее. Надъ обрывомъ курится огонекъ, и ѣдкій дымъ сползаетъ на рѣку.

Матросы нашего «Любимчика» большей частью пьяны... Нѣкоторые пассажиры второго класса тоже. Точно шмели, высыпавшіе изъ гнѣзда, они мгновенно окружаютъ черемисокъ, сидящихъ надъ обрывомъ плотною кучкой, очевидно, приготовившейся дружно встрѣтить всякій натискъ. При слабомъ освѣщеніи пароходныхъ огней—мелькаютъ молодыя миловидныя лица; голоса раздаются въ полутьмѣ мелодично и звонко. Одѣты онѣ въ расшитыя пестрыми узорами короткія рубахи и бѣлыя штаны. Нога выше колѣнъ обернута чернымъ сукномъ, перевязаннымъ бѣлыми оборками...

— Что мало васъ вышло, портошная команда?

— Эй, не видали ли собачку: сама бѣла, лапки черны?

— А, да вотъ она.—держи!

Визгъ, хохотъ, грубыя заигрыванія... Дѣвки крѣпко отругиваются. Порой шлепаютъ гулкіе удары. За ними взрывы хохота... На берегъ сходитъ тоже изрядно выпившій капитанъ, рядится съ черемисками, и онѣ принимаются таскать тяжелыя носилки по крутой песчаной тропинкѣ и узкимъ дрожащимъ мосткамъ надъ водой... Пьяные озорники, пользуясь тѣмъ, что руки у дѣвушекъ заняты, мѣшаютъ имъ... Одна носильщица дѣлаетъ невольное движеніе... Дрова съ грохотомъ валятся внизъ... Капитанъ появляется на кубрикѣ и обстрѣливаетъ весь берегъ такой отборной и громкой руганью, что матросы оставляютъ черемисокъ въ покоѣ... За то на берегу завязывается драка... Двое полупьяныхъ боролись на пескѣ...

— Не бери въ переломъ...—хрипитъ одинъ.—Въ переломъ не бери...

— А какъ тебя брать?..

— Бери за гашникъ...
— Я беру, какъ хочу... Ты бери, какъ знаешь...
— Бери за гашникъ, свол-лочь... А то живого не оставлю...
— Да я тебя самъ, какъ сухую воблу...

Взлетаетъ рука, и вдругъ уже не шуточный, а настоящій богатырскій ударъ пронизываетъ воздухъ... Два тѣла сплетаются, падаютъ на песокъ и начинаютъ кататься по землѣ... Къ нимъ наваливаются другіе... Клубокъ ростетъ... Гдѣ-то далеко за лѣсомъ, какъ сердитая собака, ворчитъ громъ... Есть что-то раздражающее въ этомъ чадящемъ надъ яромъ огнѣ, въ этихъ взвизгиваньяхъ обижаемыхъ дѣвушекъ, въ ворчаніи грома и въ зарницахъ, смутно освѣщающихъ даль лѣсныхъ вершинъ... Кромѣ того, и вообще въ эти знойные дни, среди напряженнаго ожиданія дождя—въ воздухѣ носится какое-то электричество... Бурлаки угрюмы и враждебно смотрятъ на безпечное и наглое озорство пьяной команды...

Вдругъ, точно искра отъ пожара, свалка вспыхиваетъ на пароходѣ... Молодой буфетный служащій заспорилъ съ пассажиромъ... Другъ у друга вырывали какіе-то узлы... Дѣло происходило подъ навѣсомъ на нижней палубѣ, гдѣ было темно и тѣсно. Оказалось на несчастіе, что какой-то бурлакъ улегся подъ лавкой, безпечно выставилъ изъ-подъ нея побѣдную головушку. Среди возни и спора кто-то наступилъ ему сапогомъ на физіономію... Бурлакъ поднялся, разъяренный, окровавленный, страшный, дико поводя глазами. Черезъ минуту изъ подъ тента, слабо освѣщеннаго огаркомъ,—несся какой-то спутанный, взволнованный гулъ...

— Человѣка испортили... Какое полное право! ..
— А онъ пошто лежитъ на дорогѣ!..
— Мѣсто давай!.. Гдѣ у васъ мѣста!.. Деньги плочены...
— Палубу всё загрузили!..
— Люди вамъ, какъ скотина...

Кто-то потушилъ фонарикъ подъ тентомъ. Стало совсѣмъ темно, только отблески чадящаго костра пробѣгали по спутанной массѣ взволнованныхъ пассажировъ...

— Въ воду побросаемъ,—гремѣлъ чей-то зычный голосъ...— Въ воду ихъ, ребята... Что на ихъ глядѣть, на пьяныхъ чертей...
— Капитана сюда... Капитанъ! Огонь зажигай!
— Чтобы сейчасъ... сей минутъ огонь былъ.—вырывается чей-то неистовый, визжащій голосъ... —Огонь... Огонь подавай... Ог-гонь...
— Капитана сюда!.. Огонь зажигай, капитанъ!
— Безъ огня не будемъ быть!..
— Не имѣмъ безъ огня сидѣть! Посудину вашу по щепамъ разнесемъ!

— Э-о-о-й... у-у-у!..

Подъ навѣсомъ разыгрывается настоящая буря: дикіе крики, ругательства, вой,—кажется, что все это закончится невозможной дикой свалкой...

Я, я капитанъ,—слышится торопливый голосъ.—Что такое?.. Почему бунтуете, господа пассажиры... Почтенные, не бунтуйте...

Капитанъ, повидимому, протрезвился и энергично врѣзывается въ толпу. Голосъ у него грубый, рѣшительный, замѣтный въ многоголосомъ смѣшанномъ ревѣ...

— Что такое?.. Огонь?.. Кто смѣетъ гасить огонь... Сейчасъ, господа... Сей секунтъ... Я самъ, самъ зажигаю огонь... Стой, разступись! Давай дорогу... Я сейчасъ.. Вотъ... Я самъ зажигаю...—заканчиваетъ онъ торжественно.

Вспыхиваетъ слабый огонекъ сѣрной спички, прикрываемой ладонью отъ вѣтра. Сѣра загорается, начинаетъ кипѣть и потрескивать, синеватое пламя колеблется, и общее участіе привлекаетъ на себя судьба этого огонька... разгорится онъ или погаснетъ? Огонекъ разгорается, освѣщая загорѣлое лицо священнодѣйствующаго капитана и лица ближайшихъ «бунтовщиковъ», еще такъ недавно искаженныя яростью и на которыхъ теперь видно лишь участливое любопытство. Еще нѣсколько секундъ—и все съ такой же торжественностью капитанъ зажигаетъ фонарь.

— Вотъ,—говоритъ онъ толпѣ.

— И ладно, молодчина капитанъ...

— То-то!.. А то бы мы...

Толпа смиряется такъ же быстро, какъ вспыхнула. Послѣдняя причина ея неудовольствія закрыла собой все остальное; причина эта устранена—и толпа довольна, какъ будто все дѣло было именно въ этомъ сальномъ огаркѣ. Только бурлакъ съ окровавленной и вспухшей губой долго еще суется въ тѣснотѣ съ печальнымъ недоумѣніемъ, спрашивая, кто же отвѣтитъ за это безобразіе и на какомъ основаніи онъ претерпѣлъ безвинно. Но теперь его несчастіе вызываетъ лишь болѣе или менѣе остроумныя замѣчанія.

Часа черезъ полтора свистокъ несется надъ рѣкой... Лежа у открытаго окна въ нашей каютѣ, я вижу какъ берегъ уплываетъ отъ насъ и скоро только длинныя струйки съ отблесками вьются и плещутся по бортамъ.

Туча раскинулась по всему небу, но дождя все нѣтъ. Въ каютѣ духота, бормотаніе и сопѣніе лѣсоторговцевъ...

А на утро, съ восходомъ солнца, бурлаки слѣдятъ съ палубы, съ разочарованными лицами, какъ туча разсѣивается по небу и исчезаетъ постепенно, какъ дымъ отъ погасшаго курева. Во всю ночь отъ нея не капнуло ни одной капли, и

день опять охватываетъ насъ, какъ жерло раскаляющейся печи Только дымъ на горизонтѣ не исчезъ, а сталъ еще тяжелѣе и явственнѣе. Видно, какъ ходятъ, свиваясь и развиваясь, тяжелые клубы.

Часовъ въ 9 мы проходимъ мимо Никольскаго; церковь въ купѣ зеленыхъ деревьевъ, да нѣсколько домовъ причта надъ высокимъ обрывомъ... Это называютъ «погостомъ». Въ церкви звонятъ,—должно быть, опять собираются молить о дождѣ... Съ берега что-то кричатъ, указывая впередъ, гдѣ виднѣется дымъ, но словъ разобрать невозможно.

Часовъ въ 11 бѣжитъ сверху «петерсоновскій Николай»: пассажировъ на немъ много, и они тоже кричатъ что-то. На нашемъ пароходѣ становится извѣстнымъ мѣсто пожара: горитъ вверху городъ Ветлуга...

Больше мы уже не пристанемъ нигдѣ до Воскресенскаго. Нѣсколько деревень,—Никольскій погостъ да два села, Успенское и Богородское, вотъ всѣ населенные пункты, которые попадаются намъ втеченіе 1½ сутокъ. Кой-гдѣ проплыветъ дровяной плотишко, кой-гдѣ запоздавшая и обмелѣвшая съ весны барка печально сидитъ на пескѣ, дожидаясь будущаго сплава... Въ одномъ мѣстѣ небольшая «кладушка» сидитъ на мели, и три человѣка, праздно ожидая помощи, развлекаются игрой на гармоніи. Тиха Ветлуга послѣ сплава, но въ особенности тиха она теперь, въ это знойное лѣто, когда жары выпиваютъ воду и даже на Волгѣ обнажились такіе камни и перекаты, которыхъ не видывали и опытные лоцмана

Къ вечеру «Любимчикъ» пристаетъ къ Воскресенскому,—большое село на горѣ праваго берега,—торговый центръ Приветлужья... Мы прощаемся съ «Любимчикомъ» и съ «Ветлугой»...

Ночлегъ на постояломъ дворѣ, на душистомъ сѣновалѣ... А на зарѣ слѣдующаго дня восходящее солнце, подымавшееся, точно по лѣстницѣ, по грядѣ румяныхъ перистыхъ облаковъ, застало насъ уже на дорогѣ изъ Воскресенскаго во Владимірское.

II.

Пріемышъ.

Раннимъ утромъ, почти на зарѣ, когда бѣлый туманъ покрывалъ еще Святое озеро сплошнымъ мягкимъ покровомъ, мы прошли мимо его береговъ, направляясь къ Керженцу.

Въ полдень мы были уже въ большомъ селѣ Быдреевкѣ и бродили по берегу Керженца, стараясь достать лодку, чтобы спуститься по теченію рѣки къ Волгѣ.

Дѣло оказалось нелегкое. Какой-то бѣлокурый мужикъ увѣрялъ меня, что у него есть чудесная лодка.

— Ужъ я, ваше степенство, знаю, что вамъ надо. Мой ботничекъ въ часъ до неба сомчитъ. Въ сутки—къ Макарью...

Но едва мы усѣлись въ него и отпихнулись отъ берега,— ботникъ заслезился изо всѣхъ щелей, закряхтѣлъ и тихонько опустился на дно. Къ счастью, катастрофа случилась недалеко отъ берега...

— Недорого и взялъ бы,—съ искрой исчезающей надежды сказалъ мужикъ.—Ботникъ легкой —сухо закончилъ онъ, пинкомъ ноги придавая ветерану прежнее положеніе на песчаной косѣ.—Лучше этого ботника нигдѣ не достанете.

Въ концѣ концовъ, мы все таки нашли то, что намъ надо, но для этого пришлось спуститься внизъ по рѣкѣ, откуда уже не было видно ни Быдреевки, ни большого тракта, по которому звенятъ колокольцы, ни длиннаго моста съ телеграфными столбами.

Времени прошло не мало, когда мы усѣлись въ нашъ корабль, спустившись съ берегового крутояра. Наша лодка тихо двинулась внизъ по теченію, и сразу Керженецъ охватилъ насъ своей тихой, задумчивой и сумрачной красотой.

Рѣка узка... Темная струя несетъ лодку межъ высокими берегами, точно въ глубокой щели. Лучи склоняющагося солнца золотятъ острыя верхушки елей на лѣвомъ берегу. На правомъ— ветлы мочатъ въ водѣ свои блѣдно-зеленыя вѣтви. Тихо качаются бѣлыя и желтыя кувшинки, и дальній лай собакъ или одинокій крикъ пѣтуха несется откуда-то изъ невидныхъ съ рѣки деревень...

Я бросилъ весла и только порой направляю лодку, когда она подплываетъ къ ветламъ и вѣтки бьютъ меня по лицу... Я знаю, что стоитъ мнѣ подняться на высокій берегъ и я, можетъ быть, опять увижу Быдреевку, и ея длинный мостъ, по которому тянутся обозы и летаютъ почтовыя тройки изъ Семенова на Вятку...

Но здѣсь не видно телеграфныхъ столбовъ, не слышно почтовыхъ колокольчиковъ... Налѣво—въ рѣку заглядываетъ съ яра дремучій лѣсъ, направо—шелестъ идетъ по травѣ, да матьмачеха хлопаетъ по вѣтру своими бѣло-зелеными листьями... Снизу они бѣлы, пушисты и мягки, какъ прикосновеніе материнской руки. Сверху зелены и холодны. Это—мачеха...

Солнце сильно склонилось и совсѣмъ исчезло съ рѣки, а лодка все плыла внизъ, не встрѣчая на берегу живого существа... Наконецъ—еще поворотъ и она вышла на широкое плесо. Песчаная коса сильно вдавалась въ теченіе рѣки. На косѣ виднѣлся рыбацкій челнокъ, а у челнока босая дѣвочка

лѣтъ восьми возилась съ тяжелымъ для нея весломъ и рыбацкими снарядами.

Я шевельнулъ весломъ и наша лодка уткнулась въ отмель съ другой стороны...

Дѣвочка повернулась. Ея синіе глаза стали круглѣе, губы опустились книзу, и весло выпало изъ рукъ.

— Не бойся, умница,—сказалъ я помягче.—Мы тебѣ дурного не сдѣлаемъ. Скажи, какъ поближе пройти въ вашу деревню...

— Э-эвона... деревня-то...

Дѣйствительно, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я увидѣлъ изъ за кустовъ избушки деревни, сверкавшей окнами на вечернемъ солнцѣ.

— А тебѣ кого?—спросила дѣвочка смѣлѣе и съ любопытствомъ.

— Да какъ бы вотъ чаю напиться да, можетъ, переночевать... Дѣло къ вечеру, а плыть намъ далеко.

— Переночевать?.. Ступай къ Дарьѣ Ивановнѣ.

— А гдѣ она?

— Дарья Ивановна-то? Да ты Дарью Ивановну развѣ не знаешь?

— Да я здѣсь не бывалъ никогда...

— Ну, не бывалъ, такъ гдѣ тебѣ и знат... Погоди, мужикъ ейный, Дарьи Ивановнинъ, тутъ недалече. Тятька, ау! Степанъ Ѳедора-а-ачъ!—крикнула она нараспѣвъ, повернувшись къ рѣкѣ.

— А-а-а-ау!—отозвался откуда-то издалека глухой мужичій голосъ.

— Подь, Степанъ Ѳедора-а-ачъ, сюда-у...

Черезъ минуту на берегу показалась фигура мужика безъ шапки, съ лохматыми волосами, босого и съ грудою сѣтей на спинѣ. Онъ шелъ, опустивъ голову, покачиваясь, будто сонный, и нѣсколько разъ споткнулся на ходу. Дѣвочка смотрѣла на него веселыми, смѣющимися глазами.

— Вишь, шатаетъ его. Ты, можетъ, подумаешь—пьяный онъ! Нѣтъ, не пьяный, а ночи не спитъ,—все на рѣкѣ, на сѣжѣ, сидитъ—рыбачитъ. Снялъ у мужиковъ воды въ картома, вотъ тутъ повыше омутовъ. Мамка, Дарья Ивановна, говоритъ: «не снимай», а онъ не послушался: «сниму»,—говоритъ. Пять рублей отдалъ. А рыба, слышь, и нейдетъ къ нему... Вотъ онъ и старается...

— Да онъ тебѣ тятька, что ли?—спросилъ я, удивляясь, что она зоветъ мужика то тятькой, то по имени и отчеству.

Дѣвочка не отвѣтила. Въ это время рыбакъ, немолодой, угрюмаго вида, подошелъ уже къ намъ; не скидая сѣтей, онъ

остановился, посмотрѣлъ на меня отяжелѣвшими отъ безсонницы глазами и спросилъ:

— Чьи будете?

— Нижегородскій,—отвѣтилъ я.—Мнѣ бы переночевать.

— Можно. Ступай, когда такъ, за мной.

И онъ пошелъ впередъ, все такъ же спотыкаясь на ходу, будто вотъ-вотъ свалится и заснетъ у тропинки.

— Опять ни одной рыбешки не поймалъ —сказала дѣвочка.—Мотри, свалишься еще...

Мужикъ промолчалъ. Мы вошли въ улицу небольшой деревнюшки. Окна ея смотрѣли на рѣку, а задворки подходили вплоть къ лѣсной опушкѣ.

«Глухой, медвѣжій уголъ», подумалъ я невольно, взглядывая на своего суроваго провожатагс.

Хозяйка Дарья Ивановна встрѣтила насъ, впрочемъ, очень привѣтливо и радушно.

Это была совсѣмъ еще молодая на видъ женщина, съ ласковыми, спокойными пріемами и добрыми красивыми глазами, въ которыхъ по временамъ, когда она взглядывала на дремотнаго мужика, искрилась лукавая усмѣшка, какъ и у дѣвочки. Степанъ Өедорычъ какъ-то уныло усѣлся на лавкѣ и клевалъ носомъ.

— Много ли наловилъ?—спросила хозяйка и переглянулась съ дѣвочкой; обѣ при этомъ улыбнулись.—Эхъ ты, горе рыбакъ! Слушался бы меня, лучше бы было.

— Говори!—отвѣтилъ Степанъ угрюмо.—Вотъ пойдетъ изъ омутовъ—поспѣвай только вынимать.

— Неужто опять сидѣть станешь всю ночь?

— Пойти, изготовить снасть.

Упрямый мужикъ поднялся и сонно поплелся изъ избы, а хозяйка стала хлопотать около самовара. Дѣвочка помогла матери.

— Дочка-то какъ на тебя похожа —сказалъ я, — только глаза да волосы посвѣтлѣе.

Женщина какъ-то странно улыбнулась и покраснѣла.

— А старикъ мужъ тебѣ?

Она покраснѣла еще больше, до самыхъ ушей, и даже закрыла лицо широкимъ узорно расшитымъ рукавомъ.

— Мужъ. Да онъ и не старъ еще годами-те противъ меня. Работа да горе!.. Да теперь вотъ суется еще, какъ сонная муха,—почитай, недѣлю не спитъ: съ рыбой связалси... Забота! А пуще всего кручина извела его, какъ сынокъ у насъ померъ. Двадцатый годъ пойдетъ съ Филипповокъ, какъ въ сыру землю Мишаньку уложили.

— Двадцатый годъ?—удивился я, глядя на зардѣвшееся румянцемъ моложавое лицо Дарьи Ивановны.

— Да! Мнѣ вѣдь уже сорокъ два года... Никто не вѣритъ... И то еще горе извело. Сколь много слезъ мы пролили... Дѣтей Господь Батюшка больше не далъ.

— А дѣвочка эта?

— То-то вотъ, говоришь ты: «похожа!» А она у меня богоданная, пріемышъ,—сказала Дарья Ивановна, ласково и какъ-то серьезно гладя рукой бѣлокурую головку прильнувшей къ ней дѣвочки.—Да все меня, дурушка, мамкой зоветъ, а у нея вѣдь и родная-то мать жива, такъ ту, слышь, долго все «чужой тетей» звала. Насилу я ее, дурочку, выучила. Грѣхъ вѣдь! Вотъ теперь двѣ мамки у нея. Да и у меня она тоже за двухъ: за дочку богоданную, да за родного сыночка, за Мишаньку...

Она вздохнула, и выраженіе глубокой грусти тихо легло на лицо, смѣняя стыдливый румянецъ. Тонкими пальцами загорѣлой руки она перебирала сборки на рукавѣ прижимавшейся къ ней дѣвочки. Дѣвочка затихла и смотрѣла ей въ лицо снизу вверхъ, какъ будто и ей интересно было слышать дальнѣйшій разсказъ про умершаго мальчика. Было что-то глубоко захватывающее въ молчаніи матери, посвященномъ любимой тѣни.

— Ужь и красавчикъ былъ, ужь и умной,—сказала она, разведя самоваръ и присаживаясь къ столу.—Не я одна скажу,—кто зналъ, всѣ дивились на него. Разговоръ имѣлъ пріятный да степенный, иному взрослому въ пору, да и то еще кто поумнѣе... Право. Бывало, сторонніе люди зайдутъ, послушаютъ, такъ только головами качали. Если, молъ, Богъ этому младенцу дозволитъ въ возрастъ взойти,—увидятъ отъ него родители себѣ утѣху. Да вишь, Господь-то Батюшка...

Она низко опустила голову и прижала дѣвочку къ груди, какъ будто въ томъ мѣстѣ у нея заболѣла старая рана.

— Ему, Батюшкѣ, сказываютъ, Самому этакіе нужны.. Какъ во гробикѣ-то лежалъ, ужь мы плакали, плакали... Потомъ въ пустой-те избѣ—тоже... Ровно свѣтъ изъ дому на вѣкъ ушелъ... Онъ (мужа она называла въ третьемъ лицѣ)—*онъ* у меня извелся съ той поры,—постарѣлъ, глазами ослабъ.. все отъ слезы-те. Днемъ-то, знаешь, стыдно, крѣпится передъ людьми, а ночью и не выдержитъ, и завоетъ... Я за нимъ... Такъ вотъ и ушло у насъ все,—плачемъ да тоскуемъ. Ужь люди и то говорили: «Спокою вы младенцу своему на томъ свѣту не даете; нешто можно этакъ?» Да что ты подѣлаешь,—нѣтъ сердцу укороту нисколько. Пять годовъ прошло, а легче нѣтъ... Только разъ ночью,—вздремнула я маленько,—слышу, кто-то по избѣ прошелъ... Дунуло на меня, повѣяло чѣмъ-то, стала я ни жива, ни мертва... «Миша, родной! Ты, что ли, это?..»

А сердце-те бьется, что пташка подстрѣлена,—вотъ умру, вотъ умру...

— Я, говоритъ, мамонька. Пришелъ къ тебѣ,—послушай ты меня, что я скажу: не избыть тебѣ грѣшной тоски, не укоротить сердца, не дашь ты и мнѣ спокою-радости, поколь на сердце кого-нибудь не положишь...

— Мишенька, голубчикъ мой, кого жь мнѣ на сердце положить,—нѣтъ тебя ненагляднаго соколика.. До конца вѣку не избыть мнѣ горюшка... Сама плачу, руками тянусь, а въ избѣ никогошенько не вижу. Услышалъ тутъ *онъ* у меня.

— Дарья, съ кѣмъ, молъ, баешь?—Разсказала я ему; «вотъ съ кѣмъ я баяла, Степанъ Ѳедорычъ».

— Молись, говоритъ, Богу... Видно, и впрямь грѣшно этакъ-то...

На утро стали мы вспоминать да умомъ раскидывать. Видно, молъ, надо пріемыша взять,—къ тому рѣчь была Мишанькина, ни къ чему болѣ. По первоначалу-то будто противно подумать, ровно чужому Мишанькино добро отдавать. Потомъ свыклись. Только все съ *нимъ* согласу не было. *Онъ* говоритъ: «мальчика взять», а я и думать не могу. Ему-те, вишь, лестно, что помощникъ будетъ, а мнѣ, какъ вспомнится Миша, такъ всѣ парни опротивѣютъ Гдѣ же этакому другому быть, какъ онъ былъ! Только сквернословіе да непочтеніе,—на это ихъ возьми. Такъ и шло у насъ все: все примѣриваемъ, да споримъ, да тоскуемъ.

Да вишь, привелъ Богъ, по-моему вышло. Видно, по Мишанькиному заступленію помиловалъ насъ Господь Батюшка.. Этто за рѣкой, въ деревнюшкѣ, принесла дѣвка младенца... Согрѣшила, бѣдная, да ужь и муки же приняла: въ семействѣ и прежде у нихъ неладно было,—мачеха лютая и то со свѣту сживала, а тутъ—и-и, Боже мой,—чего натерпѣлась дѣвонька моя. Извѣстно, мачехи-те рѣдко хорошія живутъ. По-настоящему-то разсудить, такъ, можетъ, и тотъ дѣвкинъ грѣхъ мачехѣ замаливать надо. Потому что—первое дѣло: ейное несмотрѣніе, второе дѣло: ина дѣвка отъ незгодья отъ одного, дома-то свѣту-радости не видя, на грѣхъ пойдетъ. Тоже вѣдь—живой человѣкъ, тоже ласки захочетъ. Ну, и повѣритъ наша сестра другому подлецу. А тамъ и плачь всю жизнь проклинай свою дѣвичью долю, непокрытую, а онъ, хахалишко, извѣстно, другую дуру обманываетъ...

Такъ вотъ и съ ней. Принесла ребеночка,—мачеха съ глазъ долой согнала. Въ чужихъ людяхъ жить, самъ знаешь, съ ребенкомъ-те маята, да еще всѣ смѣются, да ото всѣхъ безчестье да попреки... Бьется, бѣдная, бьется, до того, говоритъ, добилась, что взять младенца на руки да въ омутъ головой и съ ребенкомъ-те.

Только женщина попалась ей одна изъ нашего села и научила. «Вотъ что, говоритъ: Степанъ у насъ Ѳедоровъ съ Дарьей Ивановной больно объ сынѣ тоскуютъ. Попытай имъ отдать младенца. Ежели, говоритъ, судилъ ей Богъ судьбу, то не иначе, что у нихъ судьба эта находится...»

Ну, вотъ уѣхалъ мой Степанъ Ѳедоровъ въ лѣсъ, одна я ноченьку ночевала, одна-одинешенька съ тоской со своей. Лежу на палатяхъ, — спать не сплю, все думаю. Только слышу—мимо избы прошелъ кто-то. Слушаю-послушаю, нѣтъ будто никого. Да вдругъ кто-то въ оконце стукнулъ разъ и другой. Подошла я къ окну,—ночь лунная, ясная, на травѣ каждая тебѣ росинка видна, а подъ окномъ никого...

Упало у меня сердце, отошла я отъ окна—къ стѣнкѣ прислонилась. Вдругъ рука опять да по стеклу тихонечко стукъ-стукъ. Я къ окну—гляжу: у стѣнки кто-то жмется, хоронится. Присѣла я на лавку,—Господи, что такое? А сердце-то колотится... Ну вотъ, ровно въ ту ночь, когда Мишанька приходилъ. Встала я, перекрестилась и говорю:

— Кто тутъ хоронится? Выходите, коли добрые люди!

Выходитъ тутъ перво-на-перво наша деревенская старушка къ окну. «Не бойся, говоритъ, Дарья, не съ худымъ пришли». А та все жмется... И вижу я—у той полотенчикомъ на груди ребеночекъ подвязанъ... Господи Батюшка! Потемнѣло у меня въ глазахъ, ноженьки задрожали, руками за лавку держусь,— а то бы упала. Вспомнила свово Мишаньку. «Думаю: вотъ она, судьба ко мнѣ идетъ. Замужъ шла,—гдѣ тебѣ: далеко этакого страху не было.

Подошла наша женщина къ окну. «Пусти, говоритъ, Ивановна».

— Пошто, говорю, васъ ночь-полночь въ избу пускать?.. Ну, да сама все-таки дверь отворяю, огня не вздуваючи,— только мѣсяцъ полный въ окна свѣтитъ. Переступили онѣ порогъ, а я стою передъ ней, передъ дѣвкой-то, ни жива, ни мертва, ровно казнить-миловать она меня пришла И стыдно-то мнѣ, и страшно-то, и боюсь: ну, вдругъ возьметъ да уйдетъ она отъ меня? А младенецъ-то спитъ у ней въ полотенчикѣ— не слышитъ...

Ну, женщина наша и говоритъ ей· «Кланяйся, дѣвка, въ ноги!..» Поклонилась она мнѣ въ ноги да у ногъ ребеночка положила, припала къ нему, плачетъ. Подняла я ее, ребеночка принимаю; горитъ у меня въ рукахъ, не знаю—брать, не знаю— не брать... И она-то сама отдаетъ, сама держитъ... и обѣ мы плачемъ...

Охъ, и помню я добрые люди, ту ноченьку мѣсячную, не забыть мнѣ ея будетъ до конца моей жизни...

На зарѣ ушли онѣ; обмыла я дитю, обрядила. Свою рубаху

тотчасъ перешила, уложила ребенка въ корзиночку... Сижу, жду его, Степана-то моего Өедоровича. И опять мнѣ, молодой стыдъ, да боязнь, да заботушка. Ровно, вотъ безъ мужа ребенка принесла, право. Вижу: пріѣхалъ, идетъ по крыльцу,— я не встрѣчаю, не привѣчаю, — сижу на лавкѣ. Вошелъ онъ въ избу,—ребенокъ какъ разъ и скричи...

— Это, молъ, что такое?

— Это, мальчика, говорю Богъ тебѣ послалъ Степанъ Өедорычъ...

Поди вотъ! и зачѣмъ солгала передъ *нимъ*—не знаю, не вѣдаю. А ужъ гдѣ тутъ обмануть,—на минуту одну не обманешь: и рубашонка-то по-женски надвое сшита. Подошелъ онъ къ корзинѣ, поглядѣлъ...

— Какой это мальчикъ! Дѣвочку взяла...

Больше ничего не сказалъ...

Она опять замолчала, тихо улыбаясь при воспоминаніи о своемъ Степанѣ Өедоровичѣ, котораго она переупрямила и хотѣла еще обмануть. Мнѣ вспомнилось суровое лицо хозяина, и теперь оно показалось мнѣ гораздо пріятнѣе.

— Мамка,—тихо спросила дѣвочка, отводя лицо отъ ея груди.

— Что, Марьюшка?

— Что жъ ты не баешь. Это я была дѣвочка-то?

— Ты, ты и была, глупая. Ужь который разъ спрашиваетъ... Накакой ты ей сказки не сказывай, а все одно... Не переслушаетъ... А ужъ и горя-те, и маяты-те что я съ тобой приняла! Просто не приведи Создатель. Хворая была, да скверная, да вся въ струпьяхъ, да все крикомъ кричитъ, бывало, отъ зари до зари. Сердце все, что есть, изболѣло у меня съ нею. Ночь бьешься-бьешься, силушки нѣту. «Изведешься ты у меня, Дарья, говоритъ, бывало, Степанъ-то Өедорычъ. Не дозволяю тебѣ, говоритъ, этакъ-то изводиться. Завтра же неси ее къ матери». Ну, тутъ ужъ я молчу, не перечу. А день придетъ, я опять: «подождемъ еще, что будетъ, что Господь дастъ». Онъ у меня отходчивъ—Степанъ-отъ Өедорычъ—и махнетъ рукой...

Она помолчала, тихо улыбаясь.

— Сказывалъ мнѣ послѣ старичокъ одинъ — умный старикъ: «Это, говоритъ онъ, ты такъ понимай, что Господь Батюшка въ болѣзняхъ младенца милость къ тебѣ являлъ. Нешто чужая дѣвочка стала бы тебѣ за родного сына, котораго ты подъ сердцемъ носила, ежели бы не переболѣло у тебя изъ-за нея все сердечушко-то заново...»

Пожалуй, и правда это: я ее въ утробѣ не носила, грудью не кормила, такъ за то слезой изошла да сердцемъ переболѣла. Оттого иная и мать не любитъ такъ, что я ее, пріемыша свово

люблю. Этто хворь по дѣтямъ ходила, ударило и ее у меня этой хворью. Ужь и плакала-плакала... «Господи Батюшка!»— думаю себѣ,—и отколь у меня столь много слезъ за нее, откуда только льется ихъ такая сила...»

Она смолкла... Дѣвочка тянулась къ ней съ улыбкой баловницы-дочери. За окномъ чирикала какая-то вечерняя пташка, и, казалось, послѣднiй лучъ солнца медлитъ уходить изъ избы, золотя бѣлокурую голову ребенка, заливая яркимъ багрянцемъ раскраснѣвшееся лицо поздней красавицы, любовью и болью сердечной завоевавшей себѣ новое материнство.. . . . .

. . . .

Въ сѣняхъ послышались медлительные шаги Степана Өедоровича. Онъ вошелъ въ избу и остановился на порогѣ.

— Самоваръ-то, гляди, у тебя убѣжалъ. Эхъ вы,—хозяйки... Собирай, что-ли, на столъ...

Дарья вскочила и все еще взволнованная своимъ разсказомъ принялась накрывать на столъ...

III.

На сѣжѣ.

Когда мы кончили ужинать, уже стемнѣло. Степанъ сталъ собираться на рѣку.

— Не возьмешь-ли и меня съ собой —предложилъ я.

Степанъ остановился въ полъ-оборота и сказалъ:

— Скучишься, поди, надъ водой-то сидѣть... Тоже и сыро.. Ночи, пущай, теплыя живутъ...

— Сходи, милый, ничего,—сказала Дарья.—А холодно станетъ, ты скажи: онъ тебя на берегъ доставитъ.—Надо, видно. тебѣ и сѣжи наши поглядѣть... Я такъ вотъ и о сю пору не знаю, чего они тамъ дѣлаютъ... Погляжу съ берега: сидитъ на серединѣ рѣки, да носомъ клюетъ... А рыба по дну ходитъ себѣ...

Степанъ ничего не отвѣтилъ на новый уколъ, и мы вышли...

Черезъ нѣсколько минутъ ботникъ доставилъ насъ на середину рѣки, къ сѣжѣ.

Рѣка перегорожена отъ одного берега до другого. На серединѣ оставленъ единственный проходъ для рыбы и надъ нимъ устроена сѣжа. На четырехъ высокихъ жердяхъ устроенъ мостокъ и на немъ лавочка.

Мы взобрались на это сѣдалище и Степанъ тихо, чтобы не тревожить обитателей черной глубины, загораживаетъ ворота широкой пастью сѣти въ формѣ широкаго длиннаго

мѣшка. Края этой сѣти надѣты на четыре шеста: два вертикальныхъ закалываются по сторонамъ воротъ; изъ двухъ горизонтальныхъ одинъ опускается на дно, другой остается на поверхности.

— Тише теперя... Не шевелись,—шепчетъ мнѣ Степанъ.

Онъ собираетъ рукавъ сѣти, изловчается, взмахиваетъ рукой... Сѣть съ шипящимъ звукомъ падаетъ на темную рѣку. Сначала видно, какъ она, бѣлѣя ячейками, уплываетъ по теченію; потомъ будто чья-то невидимая рука схватываетъ ее и тянетъ въ глубину...

Послѣ этого Степанъ собралъ въ лѣвую руку множество нитей, идущихъ отъ нижняго шеста, лежащаго на днѣ рѣки. Эти нити тянутся со дна, загораживая все пространство воротъ, и напоминаютъ возжи, взнуздавшія черную глубину. Когда Степанъ черезъ нѣкоторое время передалъ ихъ мнѣ, тщательно разложивъ ихъ на кисти моей руки такимъ образомъ, что я чувствовалъ каждую нитку отдѣльно, то онѣ тихо заиграли у меня въ рукѣ, какъ струны... Сразу установилась какая-то связь съ глубиной. Нити трепетали, вздрагивали, подергивались, точно кто-то невидимый въ глубинѣ игралъ на нихъ, какъ на струнахъ... Нервы невольно напрягались... Хотѣлось не шевелиться, говорить какъ можно тише.

— Дергаетъ,—сказалъ я...—Много... точно идетъ стая.

— Нѣ,—спокойно отвѣтилъ Степанъ.—Это вода плыветъ, да еще саражникъ балуетъ... Мелкота. Крупная рыба та тебѣ баловать не станетъ. Вотъ, когда услышишь — потянетъ бокомъ легонько, ровно смычкомъ по струнѣ, ну тогда лещъ или щука прошла. Тогда тащимъ мы нижній шестъ кверху,— тутъ она... Лещъ—онъ простякъ: пойдетъ, такъ ужъ и идетъ А вотъ щука или наипаче жерехъ—съ тѣмъ мудрено: пойдетъ биться, пойдетъ путлять, сѣть что естъ изорветъ .. Эка громадина бултыхнулась, прости Господи... Дай-ко сюда!

За нами что-то грузно, даже какъ будто со вздохомъ, шлепнулось въ воду, и невидимые въ темнотѣ круги тихо закачали шесты съ мостками. Степанъ оглянулся и покачалъ головой.

— Сними-ко картузъ, Владиміръ: вишь, даже въ водѣ бѣлѣетъ, пожалуй забоится онъ... Не жерехъ-ли это, гляди, изъ омута пошелъ...

Я снимаю картузъ, который, дѣйствительно, мерцалъ слабымъ пятномъ въ таинственной обители простяковъ лещей и хитрыхъ жереховъ. Самъ Степанъ сидитъ нѣсколько минутъ темный, незамѣтный, и чутко дремлетъ, съ своими странными возжами въ рукѣ.

— Не даетъ-ли Господь дождика?—говоритъ онъ вдругъ радостно, подымая лицо на встрѣчу проснувшемуся свѣжему вѣтру.

Двѣ стѣны лѣса по обѣ стороны рѣки дѣйствительно зашептали о чемъ-то, осинки лопочутъ быстро и тревожно, между тѣмъ какъ ели только качаютъ острыми верхушками, но шума отъ нихъ еще не слышно. Степанъ наставилъ ухо, насторожился и смотритъ съ ожиданіемъ на темное небо, гдѣ звѣзды неясно мерцаютъ въ сыромъ воздухѣ.

Легкое, свѣтлое, даже какъ-то слишкомъ свѣтлое облачко остановилось въ зенитѣ, надъ самой рѣкой. Цѣлая рать такихъ же тучекъ толпится за гребнемъ, выглядывая изъ-за лѣса...

Этотъ вѣтеръ, заговорившій съ дремавшими осинами, будитъ надежду, что, наконецъ, моленія сельскихъ церквей по всему лицу этой умирающей отъ жажды страны, услышаны кѣмъ-то въ далекой вышинѣ, и свѣтлый рой облачковъ толпящихся за верхушками елей, кажется только авангардомъ, повинующимся таинственной командѣ.

И ночь оживаетъ, вся проникаясь смысломъ и волей отъ этого страстнаго человѣческаго ожиданія.

Но рѣка молчитъ... Жерехъ изъ омута не проявляетъ никакихъ опредѣленныхъ намѣреній.

— Послушай, Степанъ,—спрашиваю я, чтобы прогнать дремоту,—ты вотъ тутъ сидишь по ночамъ, надъ водой, близъ омута. Неужто не видалъ ничего этакого?

— Нежити? Нѣ... Богъ миловалъ, не видалъ никогда.—Степанъ слегка зѣваетъ.—Въ прежнія времена водилось ихъ тутъ много... всякихъ. А теперь видишь ты: жилья больше, церкви тоже понастроены,—въ лѣса *онъ* подальше ушелъ, такъ мы считаемъ...

Онъ тихо смѣется.

— Этто недѣли съ двѣ испужался я таки... дѣйствительно-что, порядкомъ, порядкомъ струсилъ, этакъ же вотъ на сѣжѣ сидѣлъ... На селѣ первые пѣтухи еще не скричали. Только слышу—по лѣсу на той сторонѣ шумъ и сучья трещатъ; да шумъ, скажу тебѣ, бойкой, такъ и ломитъ.. Что, думаю, за притча?.. Потомъ стихло. И вдругъ, гляжу: ходитъ черное, здоровенное по берегу, надъ омутомъ. Вижу—ходитъ, а что именно—не могу разглядѣть, потому темно подъ лѣсомъ-те. Вдругъ—бултыхъ въ воду, въ самую омутину. Глянулъ я на воду на свѣтлое-то мѣсто,—и обомлѣлъ: плыветъ тебѣ по рѣкѣ рогатой, да рога-те каки-то страшные! Съ нами крестная сила! Перекрестился, протеръ глаза-те. Что ты думаешь?.. Лось! Да еще не одинъ, а два. Другой на берегу остался, повернулся ко мнѣ, вытянулъ морду, да что-то скричалъ товарищу. Вотъ вѣдь скажу тебѣ, Владиміръ,—вовсе на рѣчь похоже. только словъ не поймешь. Ну, думаю, что будетъ... Такъ я понимаю, что обо мнѣ это они. Тотъ выплылъ на берегъ, на песокъ, подошелъ къ сѣжѣ къ самой, смотритъ съ берега на меня. Самецъ видно

посмѣлѣе, а она боится. Говорилъ онъ ей, говорилъ; дескать, ничего, не бойся ты этого мужика. Вишь онъ на сѣжѣ сидитъ. Потомъ ударилъ копытомъ—опять назадъ, къ товарищу. Значитъ, она дура, все боится. Извѣстно, баба. Заробѣла. Плыветъ онъ по рѣкѣ, а я думаю: ну-ко онъ подойдетъ подъ сѣжу-то, да ногами и толкнетъ. Жерди не больно чтобъ крѣпкія,—чебурахнусь я въ воду, стопчетъ онъ меня... Нѣтъ. Поговорили, посовѣтовались другъ съ дружкой... какъ ударятъ опять по лѣсу!.. Охо-хо... И ударили по лѣсу-те, братецъ мой, и пошли они...

Пока онъ засыпающимъ голосмъ продолжалъ разсказъ о своихъ ночныхъ посѣтителяхъ, дремота, качавшаяся на летучихъ крыльяхъ надъ моей головой, спускается ниже... На сѣжѣ, надъ рѣкой, водворяется сонъ. Степачъ смолкъ и слушаетъ только руками... До меня доносится таинственный шопотъ лѣса... Ему придаетъ особенную важность то, что онъ одинъ говоритъ среди общаго молчанія... Его шорохъ навѣваетъ какія-то сумрачно-странныя фантазіи. Кто-то будто тихо плываетъ въ глубинѣ, подкрадываясь къ намъ... Шипя, подымаются изъ воды чудовищныя лапы... Качаются мостки. Вода закипаетъ и вздымается кверху, доски подо мной качаются, опрокидываются, въ голову что-то стучитъ, сердце колотится въ груди,—и я лечу въ темную бездну...

— Держи, держи!.. Вишь, подлецъ, вишь, подлецъ, чего дѣлаетъ... Ахъ, ты Господи! Подержи шестъ, Владиміръ. Шестъ подержи!

Я открываю глаза. Вода дѣйствительно кипитъ подо мной, мостки дѣйствительно качаются. Степанъ торопливо передаетъ мнѣ шестъ и быстро спускается въ лодку. Сѣть шипитъ, вьется въ водѣ и кто-то усиленно дергаетъ шестъ изъ моихъ рукъ.

— Чего дѣлаетъ!.. Нѣтъ, чего дѣлаетъ, Господи Боже!—говоритъ Степанъ почти съ испугомъ.—Завьетъ сѣть за корягу, все-е изорветъ. Нѣ-ѣтъ, погоди, нѣ-ѣтъ, шалишь!..

Подо мной начинается суетливая возня. Степанъ уже въ лодкѣ и его ботничекъ, узкій и востроносый, извивается надъ водой, точно хвостъ водяного худовища. Самъ Степанъ говоритъ сдавленнымъ голосомъ, кому-то грозитъ и кого-то ловитъ, суясь чуть не по самыя плечи въ воду.

— Ту-у-утъ,—произноситъ онъ, наконецъ, окончательно умирающимъ голосомъ.—Волоки потихонечку сѣть-то къ себѣ, Владиміръ. Такъ... потише. Ну и боецъ, ну и боецъ!.. Настоящій Александра Маркидонъ, право Александра Маркидонъ!

Изъ воды, поблескивая въ темнотѣ извивающимся туловищемъ, появляется самъ Маркидонъ, огромный жерехъ, съ

выпученными глазами. Счастливый Степанъ продолжаетъ бесѣдовать съ нимъ, но уже самымъ дружескимъ тономъ.

— Ма-аладчина! Прямо тридцать фунтовъ считай... Маленько ты меня, братецъ, и самого-то въ воду не утянулъ... Да нѣтъ, ты боецъ, да и Степанъ молодецъ. Ну-ко, ну-ко въ мѣшокъ полѣзай...

Боецъ глупо взглядываетъ на свѣтъ Божій своими стоячими глазами, еще разъ взмахиваетъ хвостомъ и исчезаетъ въ мѣшкѣ.

Дремалъ я, должно быть, не долго: бѣлое облачко, глядѣвшее съ зенита, все еще заглядываетъ на насъ, зацѣпившись за черную зубчатую линію берегового лѣса, между тѣмъ какъ за нимъ, толпясь и погоняя переднихъ, ползутъ остальныя.

— Будетъ ли дождикъ, дастъ ли Господь?—говоритъ Степанъ—крестясь и опять усаживаясь на сѣжѣ... Эти слова остаются въ моей памяти, какъ послѣднее впечатлѣніе первой ночи, проведенной мною на Керженцѣ. Я укладываюсь коекакъ на неудобныхъ мосткахъ... Подо мною плещетъ глубина, таинственная, черная, бездонная... А, просыпаюсь отъ чуткой дремоты, я вижу надъ собой фигуру Степана. Она огромна, высится надъ лѣсами и головой уходитъ въ фосфорическія облака, которыя толпятся все гуще... Въ рукахъ у Степана возжи, на которыхъ онъ держитъ рѣку...

Потомъ все смѣшивается, и я ничего не вижу и не слышу.

. . . .

— Ну-ко, проснись, Владиміръ... Солнце, гляди-ко, здымается... Ну-ко-ся... А мнѣ Богъ счастья послалъ...

Я просыпаюсь... Слегка хмурое утро... Лѣсъ стоитъ весь черный, грузный... Степанъ въ ботникѣ тянется на цыпочки и дергаетъ меня за ногу... На берегу Дарья Ивановна съ дѣвочкой разъѣшиваютъ сѣть, и на отмели въ большомъ мѣшкѣ что-то трепыхается бойко и густо.

— Вставай, вставай, Владиміръ,—весело говоритъ Дарья Ивановна.—Ты вотъ спалъ на сѣжѣ, а Богъ на твое счастье вишь чего послалъ...

Степанъ вялой походкой идетъ къ дому, неся на плечѣ рыбу... Онъ великодушный и не выказываетъ торжества... Марьюшка бѣжитъ сзади, поддерживая конецъ мѣшка...

Только дождя ночью все-таки не было...

Вл. Короленко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОГНИ.

Моя старинная подруга,
Печаль—съ тобою мы вдвоемъ...
Мы тихо слушаемъ другъ друга
Передъ горящимъ камелькомъ.

Дрова недавно еле тлѣли,
И снова ярки огоньки,
А тѣ огни, что сердце грѣли,
Отъ насъ безмѣрно далеки.

Они погасли въ жизни бѣдной,
Они ушли куда-то прочь
И скрылись въ вѣчности побѣдной,
Непроницаемой, какъ ночь.

Лишь иногда въ часы страданья
Души касаются они,—
Залогомъ, можетъ быть, свиданья—
Неистребимые огни!

Тогда, какъ встарь, внимая другу,
Любовью прошлою согрѣтъ,
Гоню печальную подругу,
Которой въ сердцѣ мѣста нѣтъ.

Она-жь грозится издалека:
Они уйдутъ—твои огни,
И тамъ, гдѣ пусто, одиноко,—
Моими будутъ наши дни.

Вл. Ладыженскій.

Противорѣчія Прудона.

I.

Имя Прудона принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ именъ второй трети XIX вѣка. Благодаря разностороннему характеру своей литературной и политической дѣятельности, Прудонъ пользовался громкою извѣстностью въ разнообразныхъ кругахъ современнаго ему общества. Онъ имѣлъ и восторженныхъ почитателей, и непримиримыхъ противниковъ. Многіе его не любили, многіе его боялись, иные относились къ нему со смѣшаннымъ чувствомъ, но всѣ съ нимъ считались. Нѣкоторыя изреченія Прудона, ставшія притчею во языцѣхъ, благодаря видимой парадоксальности, приводили въ ужасъ филистеровъ и ханжей. Таковы его знаменитыя фортулы: „собственность, это—кража“; „Богъ, это—зло“; „лучшее правительство, это—анархія“.

Несомнѣнно, что вліяніе Прудона было весьма значительно и въ смыслѣ идейнаго творчества соціализма, и въ смыслѣ матеріальнаго характера движенія. Марксъ, впослѣдствіи ярый критикъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ антиподъ Прудона, вначалѣ былъ горячимъ почитателемъ его и никогда не могъ вполнѣ отдѣлаться отъ его вліянія: ученіе Маркса проникнуто элементами доктринъ Прудона. Что касается французскаго рабочаго движенія, то прудоновскія идеи завоевали себѣ популярность въ немъ, особенно послѣ крушенія иллюзій 1848 года. Первые конгрессы Интернаціонала—женевскій и лозаннскій - носили на себѣ печать прудонизма. Отраженіе нѣкоторыхъ идей Прудона мы находимъ и въ парижской Коммунѣ 1871 года, и въ формахъ рабочаго движенія и резолюціяхъ конгрессовъ во Франціи въ 70-хъ годахъ.

Съ конца 60-хъ, а въ особенности съ конца 70-хъ годовъ вліяніе Прудона слабѣетъ и быстро сводится на нѣтъ. Въ соціализмѣ и рабочемъ движеніи воцаряется марксизмъ. Прудона не читаютъ, Прудономъ не интересуются, Прудона знаютъ лишь по отзывамъ Маркса и его послѣдователей. Воззрѣнія Прудона считаются анахронизмомъ. Прудонъ, наконецъ, совершенно забытъ.

Но съ нѣкотораго момента наблюдается поворотъ въ отношеніи

къ Прудону. Идеи его возрождаются, онъ снова становится популяренъ, онъ пріобрѣтаетъ новыхъ почитателей. Нѣмецкіе соціалъ-демократы (какъ, напр., Бернштейнъ еще въ до-ревизіонистскій періодъ) начинаютъ судить о Прудонѣ болѣе объективно и оцѣнивать его болѣе благосклонно. Французскіе соціалисты открываютъ въ ученіи Прудона элементы, облегчающіе разрѣшеніе нѣкоторыхъ новыхъ трудныхъ проблемъ, выдвинутыхъ современнымъ соціализмомъ. Анархисты—какъ коммунисты, связывающіе свое міровоззрѣніе съ Прудономъ черезъ посредство Бакунина, такъ и въ особенности индивидуалисты (Маккей Тэкеръ)—ставятъ Прудона необыкновенно высоко. Теоретики революціоннаго синдикализма выдаютъ свою доктрину за синтезъ ученій Маркса и Прудона. Въ соціальной философіи Прудона ищутъ точекъ соприкосновенія съ своими взглядами представители политическихъ теченій и революціонныхъ, и консервативныхъ, и крайнихъ правыхъ. Прудона изучаютъ люди чистой теоріи, имъ заинтересовывается интеллигенція, независимо отъ партійныхъ воззрѣній. О Прудонѣ пишутъ книги, ему посвящаютъ докторскія диссертаціи, и литература о немъ ростетъ. Новые прудонисты говорятъ о „реваншѣ Прудона". И когда недавно, послѣ исполнившагося столѣтія со дня рожденія Прудона, ему былъ поставленъ памятникъ, въ торжествѣ открытія памятника участвовали и произносили хвалебныя рѣчи министры, офиціальные представители третьей республики.

Реваншъ Прудона! Но реваншъ какихъ именно идей Прудона? Существуетъ ли циклъ идей, связанныхъ въ чуждую противорѣчій, стройную систему, которымъ всегда оставался вѣренъ Прудонъ?

Напомнимъ, прежде всего, въ чемъ заключается сущность ученія Прудона.

Центральное мѣсто въ практической философіи Прудона занимаетъ идея с п р а в е д л и в о с т и: это—требованіе уваженія къ человѣческому достоинству, взаимно испытываемаго и взаимно гарантируемаго членами общества въ своихъ отношеніяхъ. Справедливость абсолютна, незыблема, неизмѣнна. Изъ опредѣленія ея сущности вытекаетъ опредѣленіе п р а в а и о б я з а н н о с т и. Въ соціальномъ міровоззрѣніи своемъ Прудонъ является, стало-быть, и д е а л и с т о м ъ.

Для Прудона религія представляетъ собою отрицаніе человѣческаго достоинства, основы справедливости. Теорія Прудона, это—своего рода вызовъ божеству. Прудонъ называлъ себя иногда не атеистомъ, а а н т и т е и с т о м ъ.

Идеалъ справедливости требуетъ осуществленія въ общественныхъ отношеніяхъ началъ с в о б о д ы и р а в е н с т в а. Прудонъ о т в е р г а е т ъ третій членъ революціонной троицы, б р а т с т в о, принципъ, по его мнѣнію, пригодный лишь для семейныхъ отношеній, но не для общества, въ которомъ онъ ведетъ къ господству и подчиненію.

Но установленіе справедливости, свободы и равенства невозможно въ общественномъ строѣ, въ основѣ котораго лежатъ современныя отношенія собственности.

Собственность не можетъ быть оправдана ни трудомъ, ни правомъ перваго захвата, ни общественною пользою, ни юридически, ни морально. „La propriété, c'est le vol", собственность, это — воровство!

Собственность ведетъ къ тиранніи, къ экономическому неравенству, къ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Она создаетъ привилегіи однихъ на счетъ другихъ, зависимость неимущихъ отъ имущихъ. Злоупотребленія собственности—вотъ источникъ нетрудовыхъ доходовъ—процента, прибыли, ренты, арендной платы.

Эмансипація народа можетъ быть достигнута лишь устраненіемъ злоупотребленій собственности.

Но какимъ образомъ долженъ быть преобразованъ экономическій строй, чтобы въ жизнь могли быть воплощены начала и свободы, и равенства? Слѣдуетъ ли обратиться къ принудительному дѣйствію государства или же къ свободной инициативѣ гражданъ и ихъ союзовъ?

Прудонъ прежде всего—рѣшительный противникъ метода совершенія экономической реформы, или, какъ Прудонъ выражается, Революціи, помощью государственной регламентаціи.

Прудонъ—врагъ всякаго развитія принципа государственности. Государство для него,—это прежде всего непроизводительный паразитъ, высасывающій жизненные соки страны. Государство, далѣе, порабощая своей тиранніи гражданъ, есть воплощенное отрицаніе свободы. Государство, наконецъ, своимъ принудительнымъ вмѣшательствомъ нарушаетъ игру свободнаго соперничества между производителями и тѣмъ подавляетъ ихъ самодѣятельность и инициативу.

Прудонъ отрицаетъ поэтому не ту или другую форму государственнаго устройства, а государство вообще. Такъ, демократія—предметъ самыхъ ожесточенныхъ нападокъ Прудона. Никто, можетъ быть, кромѣ теологовъ—традиціоналистовъ реакціонной школы (Сенъ-Мартенъ, Жозефъ-де-Местръ, Бональдъ, Галлеръ) и Огюста Конта, не послалъ по адресу демократіи столько и столь ярыхъ обвиненій, какъ Прудонъ. Прудонъ нападаетъ также на всеобщее избирательное право.

Если государство въ своей сущности враждебно Революціи, то оно должно исчезнуть. Дѣйствительно, политическій идеалъ Прудона, это—„анархія". Да, „анархія—самое лучшее изъ правительствъ". Практически, этотъ идеалъ осуществляется на основѣ федерализма—совершенно децентрализованной власти и системы автономныхъ общинъ, регулирующихъ взаимныя между собою отношенія помощью свободныхъ договоровъ.

Но, будучи принципіальнымъ противникомъ государства и госу-

дарственнаго вмѣшательства, Прудонъ является также рѣшительнымъ противникомъ коммунизма, который осуществляется свободнымъ соглашеніемъ между личностями, образующими нѣкоторую общину: подобная форма общежитія ведетъ къ подавленію индивидуальности, къ парализованію воли личности, къ эксплуатаціи сильнаго слабымъ, однимъ словомъ, къ отрицанію справедливости. И никто, быть можетъ, не написалъ столь жестокихъ діатрибъ противъ коммунизма, какъ опять-таки Прудонъ.

Согласно Прудону, экономическое преобразованіе не только не должно быть дѣломъ государственной власти, но, напротивъ того, оно само должно вести къ ея устраненію. Для этого необходимо, чтобы исчезли всѣ источники нетрудовыхъ доходовъ, чтобы исчезли паразитизмъ и праздность однихъ, нищета и порабощеніе другихъ, чтобы прекратилась эксплуатація человѣка человѣкомъ, пролетарія капиталистомъ, фермера и половника собственникомъ, крестьянина ростовщикомъ. Съ экономическою революціею неизбѣжно связана и политическая.

Какъ этого достигнуть? Нобходимо, чтобы производители, рабочіе и крестьяне, могли работать и производить, имѣя для того въ своемъ распоряженіи необходимыя средства и орудія производства, необходимый для того капиталъ. Необходимо, чтобы работники имѣли безпроцентный, **даровой кредитъ**. Необходимо, чтобы рынокъ былъ обезпеченъ работникамъ путемъ **непосредственнаго обмѣна** между ними создаваемыхъ ими продуктовъ. Въ подобной системѣ обращенія и производства, соединяющей безвозмездный кредитъ съ свободными соглашеніями на основѣ свободной конкуренціи, продукты будутъ обмѣниваться сообразно количеству потраченнаго на нихъ труда или сообразно ихъ **установленной стоимости**. Каждый работникъ получитъ эквивалентъ, соотвѣтствующій **полному продукту своего труда**. Прибыль, процентъ, средняя плата, рента исчезнутъ.

Въ этомъ именно заключается сущность **мутуализма** Прудона.

Но какимъ образомъ создать даровой кредитъ? Путемъ обмѣна продуктовъ **безъ посредства денегъ**.

Для этого необходимо учредить мѣновой банкъ, члены котораго могутъ получать безпроцентную ссуду, подъ обезпеченіе готовыхъ уже или будущихъ продуктовъ. Но ссуда эта выдается не деньгами, а банковыми билетами, играющими роль средства обращенія между всѣми производителями, кліентами банка. При помощи этихъ банковыхъ билетовъ можно пріобрѣтать всевозможные товары, производимые членами банка. Благодаря подобной организаціи банка, достигается не только главная цѣль его, а именно доставленіе участникамъ дарового кредита, но и другія существенныя цѣли: устраненіе надобности въ металлическихъ деньгахъ и совершеніе

прямого обмѣна между производителями, безъ посредства торговцевъ. Съ того момента, какъ къ банку, въ качествѣ кліентовъ, примыкаетъ все трудящееся населеніе страны, капиталъ теряетъ способность приносить нетрудовой доходъ, паразитизмъ, эксплуатація и порабощеніе исчезаютъ, вмѣстѣ съ ними исчезаетъ и созданный ради нихъ принудительный аппаратъ государства, и въ общественной жизни одновременно водворяются свобода и равенство.

Таковы основныя идеи Прудона. Но въ развитіи какъ этихъ основныхъ, такъ и другихъ идей Прутона, находящихся во взаимной связи и характеризующихъ его міросозерцаніе, мы находимъ многочисленныя противорѣчія. Мы имѣемъ дѣло какъ бы не съ однимъ Прудономъ, а съ нѣсколькими. Гдѣ же дѣйствительный, подлинный Прудонъ? Существуетъ ли вообще какое-нибудь цѣльное, всегда себѣ тожественное міросозерцаніе Прудона?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо разобраться въ противорѣчіяхъ нашего мыслителя

II.

Начнемъ прежде всего съ собственности, съ критикою которой Прудонъ выступилъ въ своемъ столь нашумѣвшемъ памфлетѣ „Qu'est ce que la Propriété“?

Уже основная формула, въ которую Прудонъ облекъ существенное содержаніе своего обвинительнаго акта противъ собственности, представляется противорѣчіемъ.

„Собственность есть воровство“. Но что такое воровство, какъ не беззаконное присвоеніе себѣ чужой собственности? Стало быть, само обвиненіе Прудона предполагаетъ существованіе законной собственности. На это противорѣчіе указалъ впервые Максъ Штирнеръ (Каспаръ Шмидтъ) въ своей книгѣ „Der Einzige und sein Eigenthum“. Это указаніе было впослѣдствіи повторено Карломъ Марксомъ.

Чтобы не быть противорѣчивою, критика Прудона должна быть направлена не противъ собственности вообще, а противъ нѣкоторыхъ категорій собственности, которыя Прудонъ осуждаетъ, исходя изъ опредѣленнаго критеріума собственности законной и допустимой. Въ чемъ же заключается этотъ критеріумъ?

Собственность, это—извѣстная форма присвоенія матеріальныхъ благъ, не ограниченная тѣми или другими условіями.

Собственность, это—такая форма присвоенія, которая, при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, можетъ вести къ паразитизму, эксплуатаціи и порабощенію.

Не трудно убѣдиться, что Прудонъ первоначально возставалъ какъ противъ безусловнаго характера присвоенія, такъ противъ тѣхъ формъ присвоенія, которыхъ неизбѣжно влекли за собою злоупотребленія собственности.

„Если неравенство условій—говоритъ Прудонъ—есть одинъ изъ аттрибутовъ собственности, то оно еще не вся собственность. Если что-нибудь дѣлаетъ собственность привлекательною,... такъ это способность располагать, по своему усмотрѣнію, не только стоимостью имущества, но и ея специфическою природою; распоряжаться имъ согласно своей доброй волѣ, огораживаться и замыкаться въ немъ...; однимъ словомъ, дѣлать изъ него всякое употребленіе, какое только можетъ порождать страсть, интересъ, даже капризъ“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ Прудонъ говоритъ о собственности, какъ объ „исключительномъ господствѣ индивидуума надъ орудіями производства“ [2]).

Чѣмъ же предлагаетъ Прудонъ замѣнить собственность? Владѣніемъ (possession). „Уничтожьте собственность и сохраните владѣніе“, говоритъ Прудонъ въ своемъ первомъ мемуарѣ о собственности [3]). Во второмъ мемуарѣ о томъ же предметѣ Прудонъ подтверждаетъ это положеніе: „Владѣніе есть благо, но собственность—воровство... Я искалъ того, что въ идеѣ собственности необходимо, незыблемо, абсолютно, и, послѣ тщательнаго изслѣдованія, я пришелъ къ тому заключенію, что эта идея сводится на требованіе индивидуальнаго владѣнія, съ правомъ передачи, но не отчужденія, а обмѣна, предполагающаго, какъ условіе свое, трудъ, а не фиктивный захватъ или праздную волю“ [4]).

Но владѣніе, это — форма присвоенія, отличающаяся отъ собственности тѣмъ, что въ институтѣ владѣнія пользованіе имуществомъ ограничено условіями, устанавливаемыми нѣкоторымъ лицомъ или коллективомъ, за которымъ признается право верховнаго господства въ распоряженіи имуществомъ. Въ такомъ случаѣ противорѣчіе въ формулѣ Прудона разрѣшается просто противоставленіемъ одной формы присвоенія другой формѣ присвоенія.

Легко однако убѣдиться въ томъ, что подобная попытка разрѣшенія противорѣчія Прудона приводитъ къ новымъ противорѣчіямъ, проистекающимъ, во-первыхъ, изъ сложнаго отношенія Прудона къ границамъ владѣнія и къ природѣ объектовъ владѣнія, во-вторыхъ, изъ особаго пониманія Прудономъ способовъ осуществленія владѣнія и, въ-третьихъ, изъ различія взглядовъ Прудона на самый принципъ владѣнія.

Прежде всего, если Прудонъ требуетъ уничтоженія собствен-

---

1) Proudhon, Qu'est-ce que la Propriété? Deuxième Mémoire, 2-e édit., Paris, 1848, стр. 113, ср. стр. 114.

2) Proudhon, Système des contradictions économiques, t. I (Oeuvres complètes, t. VI), Paris, 1862, стр. 41. Курсивъ нашъ.

3) Proudhon, Qu'est-ce que la Propriété? Premier Mémoire, Paris, 1841, стр. 311.

4) Proudhon, Q'est-ce que la Propriété? Deuxième Mémoire, 2-e édit, стр. 103 и 127, ср. стр. 114.

ности, какъ таковой, и замѣны ея владѣніемъ, то отсюда логически вытекаетъ, что требованіе это должно распространяться на всякую собственность, независимо отъ ея размѣровъ и ея особой природы.

Въ дѣйствительности же Прудонъ стремится не разрушить собственность тамъ, гдѣ она есть, но ввести ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ, и осуществить преобразованіе на основѣ уравнительнаго принципа. Въ своей рѣчи къ присяжнымъ, по поводу нападокъ на него за отрицаніе собственности, Прудонъ говоритъ: „Собственность, это—воровство. Но знаете ли вы, какое я отсюда вывелъ заключеніе? То, что для того, чтобы уничтожить этотъ родъ воровства, необходимо сдѣлать его всеобщимъ (l'universaliser). Какъ видите, гг. присяжные, я такой же консерваторъ, какъ и вы" [1]). Въ посмертномъ произведеніи Прудона, написанномъ болѣе чѣмъ 20 лѣтъ спустя, мы читаемъ: „Собственность, въ основѣ своей, есть принципъ самъ по себѣ порочный и противо-общественный, по долженствующій, въ силу именно своего распространенія и при содѣйствія другихъ учрежденій, стать осью и великою пружиною всей соціальной системы" [2]). Выступая не противъ самой собственности, а противъ ея неравномѣрнаго распредѣленія, требуя, однимъ словомъ, собственности для всѣхъ, хотя бы это была и собственность индивидуальная, Прудонъ этимъ утверждаетъ ту самую собственность, на мѣсто которой онъ хотѣлъ поставить владѣніе.

Съ другой стороны, если критика Прудона часто направлена противъ самаго принципа собственности, то чаще она направлена въ сущности только противъ собственности не-трудовой.

Уже въ первомъ мемуарѣ своемъ о собственности Прудонъ характеризуетъ собственность, какъ „сумму злоупотребленій собственности" [3]). Такое же опредѣленіе собственности онъ даетъ въ своемъ второмъ мемуарѣ (Lettre à M. Blanqui). Въ чемъ заключаются „злоупотребленія собственности"? Въ извлеченіи изъ нея доходовъ, не основанныхъ на трудѣ, но вытекающихъ изъ природы собственности, какъ монопольной власти надъ имуществомъ, надъ орудіями производства [4]). „Собственность, это — воровство! Это значитъ, мы повторяли это тысячу разъ, что аренда земли, аренда домовъ, пользованіе орудіями труда, денежный кре-

---

[1]) Proudhon, Oeuvres complètes, t. II, Paris, 1869, стр. 94. Ср. t. VI, стр. 260.

[2]) Proudhon, Théorie de la Propriété, Paris, 1871, стр. 208. Ср. стр. 65.

[3]) Proudhon, Q'est-ce que la Propriété? Premier Mémoire, стр. XIX.

[4]) Proudhon, Qu'est-ce que la Propriété? Deuxième Mémoire, стр. 103 и 106.

дитъ могутъ и должны быть безплатны“ [1]). Прудонъ не возстаетъ противъ собственности для тѣхъ, которые работаютъ; но, для него, это не есть собственность въ строгомъ смыслѣ слова. „Мы будемъ называть ее—говоритъ Прудонъ—все же ея старымъ именемъ собственности, столь привлекательнымъ для сердца человѣка, столь пріятнымъ слуху крестьянина“ [2]). Тогда отрицаніе Прудономъ собственности есть ни что иное, какъ отрицаніе дохода отъ капитала въ любой его формѣ—прибыли, процента, ренты, арендной платы [3]). Оно равносильно требованію, чтобы всякій доходъ былъ продуктомъ труда, и только труда: если собственникъ даже работаетъ, то онъ имѣетъ право лишь на продуктъ своего труда, но не на дополнительный продуктъ, присвоеніе котораго оправдывалось бы исключительно обладаніемъ собственностью [4]). Внося справедливость въ институтъ собственности, мы этимъ самымъ ее уничтожаемъ [5]).

Въ этой фазѣ критики Прудона послѣдняя является отрицаніемъ не принципа собственности, а собственности, какъ источника и продукта нетрудовыхъ доходовъ. Частная собственность трудовая Прудономъ санкціонируется [6]). Требованіе владѣнія теряетъ для нея силу. Тогда критика Прудона, чуждая оригинальности, сводится лишь на повтореніе того, что раньше его высказывалось нѣкоторыми коммунистами и сенъ-симонистами, не говоря уже объ отцахъ церкви. Какъ невинно самъ Прудонъ истолковывалъ иногда свою критику, видно изъ слѣдующаго мѣста одного избирательнаго письма, написаннаго имъ въ 1848 году: „Когда я говорю, что собственность, это—воровство, я понимаю, напримѣръ, это такимъ образомъ, что крестьяне вообще мало богаты, что они не ѣдятъ достаточно мяса, не пьютъ достаточно вина; что въ хлѣбѣ ихъ заключается черезчуръ много примѣсей въ видѣ ячменя, овса и другихъ злаковъ; что они платятъ слишкомъ дорого за соль; однимъ словомъ, что въ ихъ распоряженіи мало денегъ“ [7]).

Итакъ, Прудонъ—то противъ самаго принципа собственности, то противъ лишь нетрудовой собственности. Но этимъ не исчер-

---

[1]) Proudhon, Melanges, Oeuvres complétes, t. XVII, Paris, 1868, стр. 251.

[2]) Proudhon, Idée générale de la Révolution au XIX-e siécle (Oeuvres complétes, t. X), Paris, 1868, стр. 208 и 232. Ср. Système des contradictions économiques, t. II. (Oeuvres complètes, V), стр. 181.

[3]) Proudhon, Oeuvres complètes, t. VII, Paris, 1868, стр. 272.

[4]) Proudhon, Qu'est-ce que la Propriéte. 1-er Mémoire, стр. 226.—Correspondance de Proudhon, Paris, 1875, стр. 184.

[5]) Proudhon, Système des contradictions économiques, t. II. стр. 273.—Correspondance, t. VII, стр. 13.

[6]) Colins, L'Economie politique source des révolutions, t. III, Paris, 1857, стр. 178.—Benoit Malon. Histoire du Socialisme, Paris, 1882, t. II, стр. 395.

[7]) Correspondance de Proudhon, t. II, стр. 333.

пываются еще противорѣчія Прудона въ вопросѣ о собственности.

Какимъ образомъ можетъ и должно быть осуществлено владѣніе, которое явится на смѣну собственности? Очевидно, тѣмъ, что, въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, той собственности, которая не есть ни источникъ, ни продуктъ исключительно трудового дохода, верховное господство и право распоряженія будетъ признано за высшимъ общественнымъ коллективомъ, за самимъ обществомъ, организованнымъ въ государственный союзъ. Но Прудонъ — ярый противникъ усиленія прерогативъ государства и осуществленія экономической реформы сверху государственною властью. И тѣмъ не менѣе реформа, предлагаемая Прудономъ, сводится въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ соціализаціи собственности—по крайней мѣрѣ, крупныхъ капиталовъ и крупной земельной собственности — государствомъ или коммунами. „Необходимо постепенно понизить величину процента, организовать промышленность, ассоціировать работниковъ между собою и функціи во взаимной ихъ зависимости, произвести перепись крупной собственности, не для того, чтобы дать ей новыя привилегіи, а для того, чтобы выкупить ее, платя собственникамъ пожизненную ренту; необходимо примѣнить въ большомъ масштабѣ принципъ коллективнаго производства, предоставить государству верховное господство надъ всѣми капиталами, сдѣлать отвѣтственнымъ каждаго производителя, уничтожить таможню и преобразовать всѣ профессіи и ремесла въ публичныя функціи. Этимъ путемъ крупная собственность раздробится и исчезнетъ безъ конфискаціи и безъ насилія, индивидуальное владѣніе установится безъ коммунизма подъ контролемъ республики и равенство условій будетъ зависѣть лишь отъ воли гражданъ“ [1]). Въ „Idée générale de la Révolution“ реформа землевладѣнія совершается путемъ выкупа земель въ пользу общинъ республики и путемъ ряда соглашеній между коммунами касательно уравненія различій въ земельной рентѣ.

Не удивительно, если Консидеранъ утверждалъ, что, не смотря на видимый индивидуализмъ Прудона, собственная логика его ведетъ къ государственному коммунизму [2]). Не удивительно, что Коленсъ, сторонникъ аграрнаго коллективизма, доказывалъ, что Прудонъ, какъ и онъ, въ сущности высказывается за переходъ земли въ коллективную собственность [3]). Не удивительно также, что нѣкоторые бельгійскіе соціалисты считали себя одновременно учениками Коленса и Прудона и что нѣкоторые члены Интернаціонала въ Швейцаріи (какъ Локльская секція) признавали одновременно и Прудоновскій мутуализмъ, и принципъ коллективной собствен-

[1]) **Proudhon**, Qu'est-ce que la Propriété? 2-e Mémoire, стр. 39.— Ср. t. XIX, стр. 38—39.

[2]) V. **Considerant**, Le Socialisme devant le vieux monde, Paris, 1850, 4 e tirage, стр. 105—106.

[3]) **Colins**, L'Economie politique, t. III, стр. 177 и 187.

ности [1]). Въ самое послѣднее время одинъ изслѣдователь пытался установить существованіе аналогіи между воззрѣніями на аграрную реформу Прудона и аграрными проектами нѣмецкаго соціалъ-демократа ревизіониста Давида: соединеніе индивидуальной обработки земли съ собственностью на землю государства [2]). Прибавимъ, что идея соединенія обоихъ принциповъ — индивидуальной эксплуатаціи и коллективной собственности на землю — встрѣчается, какъ возможность или переходная мѣра, и у нѣкоторыхъ другихъ представителей соціалистическихъ теченій, какъ, напр., у Деллиньера и Тарбуріэша, или даже анархизма (Pataud de Pouget, Comment nous ferons la révolution).

Но если здѣсь въ ученіи Прудона противорѣчіе возникаетъ изъ совмѣщенія двухъ несовмѣстимыхъ требованій—замѣны собственности владѣніемъ и анти-государственнаго индивидуализма, — то другія противорѣчія рождаются отъ столкновенія принципа созданія новой собственности, свободной отъ злоупотребленій, съ отношеніемъ Прудона къ нѣкоторымъ частнымъ реформамъ.

Прудонъ стоитъ за неприкосновенность института наслѣдованія, какъ основы семьи и собственности. Но этого мало. Прудонъ рѣшительно возстаетъ противъ всякаго налога на наслѣдство, какъ противъ посягательства на собственность и незаконнаго вмѣшательства государства въ сферу семьи [3]). Но развѣ наслѣдованіе не является однимъ изъ источниковъ нетрудовой собственности? Развѣ неравенство въ наслѣдованіи не является одной изъ причинъ экономическаго неравенства, а, слѣдовательно, „возможности эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и всякихъ злоупотребленій собственности“? Тутъ Прудонъ дѣлаетъ большой шагъ назадъ по сравненію съ сенъ-симонистами, у которыхъ онъ многому научился.

Прудонъ—противъ прогрессивнаго налога, какъ мѣры, дезорганизующей общество и покушающейся на свободу торговли и промышленности! Онъ и противъ налога на ренту, ибо такой налогъ, по мнѣнію Прудона, былъ бы равносиленъ передачѣ государству собственности надъ землею и чистаго продукта почвы, служа вмѣстѣ съ тѣмъ предпосылкою для организаціи коммунизма [4]).

Вообще книга Прудона о „Теоріи налоговъ“, написанная въ 1860 году, представляется яркимъ отраженіемъ консервативныхъ воззрѣній Прудона въ этотъ періодъ его жизни какъ на собственность, такъ и на финансовую политику государства въ отношеніи

---

[1]) J. Guillaume, L'Internationale, t. I, Paris, 1905, стр. 85—86 и 87.

[2]) Aimé Berthod, P.-J. Proudhon et la Propriété. Paris, 1910, стр. 103—104.

[3]) Proudhon, Mélange, t. I, стр. 187—188.—Théorie de l'impôt (Oeuvres, t. XV), стр. 141—152.

[4]) Proudhon, Mélanges, t. I, стр. 187.—Théorie de l'impôt, стр. 182—185, 216—17.

налоговаго обложенія собственности и ренты. Книга Прудона была премирована совѣтомъ Лозанны. Въ перепискѣ съ друзьями Прудонъ торжествовалъ по тому поводу, что книга его была удостоена преміи именно за благомысліе и умѣренность [1]). Консервативный критикъ и біографъ Прудона Дежарденъ замѣтилъ по этому поводу, что члены лозанскаго жюри въ этомъ отношеніи не ошиблись [2]).

Въ послѣдніе годы своей жизни, Прудонъ, не переставая быть піоперомъ собственности мутуалистической, чистой отъ злоупотребленій и основанной на взаимности, все сильнѣе и сильнѣе подчеркивалъ свою приверженность къ самому принципу собственности. Въ „Majorats littéraires“ Прудонъ предвидитъ наступленіе момента, когда „критическій соціализмъ“ возьметъ въ свои руки защиту собственности. „И будьте спокойны: защищаемая, спасаемая соціалистическою критикою, собственность на этотъ разъ будетъ дѣйствительно спасена; она получитъ прочный фундаментъ и будетъ незыблема на вѣчныя времена. Вашей кассѣ это не будетъ стоить ни одного сантима, а намъ, жертвамъ проклятія, ни малѣйшей перемѣны во взглядахъ“ [3]).

Увы, Прудонъ самъ долженъ былъ признать перемѣну во взглядахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новое противорѣчіе, въ своемъ посмертномъ произведеніи „Théorie de la Propriété“. Убѣдившись въ томъ, что Гегелевскія противорѣчія не разрѣшаются, а лишь уравновѣшиваются, Прудонъ рѣшился принять с о б с т в е н н о с т ь, противорѣчивый характеръ которой онъ ранѣе осуждалъ, в с ю ц ѣ л и к о м ъ, съ ея противорѣчіями и съ ея противорѣчивыми оговорками. Здѣсь онъ защищаетъ принципъ с о б с т в е н н о с т и противъ принципа в л а д ѣ н і я: собственность,—это гарантія с в о б о д ы и независимости личности противъ посягательствъ государства, политическаго деспотизма, централизаціи; собственникъ—врагъ абсолютизма [4]). „Но какъ я сдѣлаю собственность справедливою, разъ она сама по себѣ не справедлива? Прежде всего, признавая за всѣми одинаковое право присвоенія и узурпаціи; а, во-вторыхъ, р е г у л и р у я у з у р п а ц і ю, какъ корсаръ, который д ѣ л и т ъ д о б ы ч у м е ж д у своими товарищами, такъ что она сама собою должна стремиться къ нивелировкѣ“ [5]). Итакъ, въ интересахъ с в о б о д ы, собственность въ концѣ концовъ Прудономъ п р и з н а е т с я, въ видѣ, правда, у з у р п а ц і и, но узурпаціи, надлежащимъ образомъ у р е г у л и р о в а н н о й. Но какъ

---

1) Correspondance de P r o u d h o n, t. XI, стр. 82, 84 и 87; ср. t. X, стр. 353—354 и t. XI, стр. 18, 27, 42, 73 и 75.

2) A r t h. D e s j a r d i n s, P.-J. Proudhon, Paris, 1896, t. II, стр. 23.

3) P r o u d h o n. Les Majorats littéraires. Oeuvres, t. XVI, стр. 124.

4) P r o u d h o n. Théorie de la Propriété, стр. 204 и 206, 134—138, 142, 144—149, 225—228, 239.

5) I b i d., стр. 65.

тогда разрѣшится задача объ урегулированіи собственности въ соотвѣтствіи съ требованіемъ равенства?

Отсюда видно, какъ ошибочно утвержденіе Берто, что, „не смотря на кажущіяся противорѣчія и несомнѣнную эволюцію", во взглядахъ Прудона на собственность существуетъ на самомъ дѣлѣ единство идей [1]). Еще въ концѣ 40-хъ годовъ Пеккеръ предложилъ Прудону стать окончательно на ту или другую позицію—защиты собственности или соціализма [2]). Противорѣчія существуютъ какъ въ каждой теоріи Прудона въ любой моментъ, такъ и между различными теоріями и взглядами на собственность, высказанными Прудономъ въ различные періоды его жизни.

III.

Не менѣе крупныя противорѣчія находимъ мы во взглядахъ Прудона, характеризующихъ его отношеніе къ государству.

И здѣсь самое изреченіе Прудона „наилучшее изъ правительствъ, это—анархія" представляется противорѣчивымъ. Анархія есть отрицаніе правительства вообще; она, стало быть, не можетъ быть его частнымъ случаемъ.

Прудонъ самъ сознавалъ видимую противорѣчивость своей терминологіи. Но дѣло въ томъ, что подъ анархіею онъ понималъ то абсолютный идеалъ полнаго упраздненія государственной власти и всякаго принужденія въ общественныхъ отношеніяхъ, то нѣкоторое практическое приближеніе къ этому идеалу. И критика политическихъ формъ общественной организаціи, логически безупречная съ точки зрѣнія требованій абсолютнаго идеала, становится у Прудона противорѣчивою, когда она примѣняется къ формамъ, на которыя онъ можетъ смотрѣть не иначе, какъ на этапы по пути, приближающему къ идеалу.

„Выраженіе: анархическое правительство заключаетъ въ себѣ нѣкоторое противорѣчіе, вещь эта можетъ показаться невозможною и идея абсурдною"—замѣчаетъ самъ Прудонъ, но для него это—противорѣчіе, лишь кажущееся. „Идея эта заключается въ томъ, чтобы, по сведеніи политическихъ функцій къ функціямъ промышленнымъ, общественный порядокъ вытекалъ изъ одного факта договоровъ и обмѣновъ. Всякій могъ бы тогда называть себя своимъ собственнымъ самодержцемъ—нѣчто діаметрально противоположное абсолютизму монархическому" [3]).

Но дѣйствительно-ли здѣсь нѣтъ противорѣчія? Дѣйствительно ли здѣсь гарантированы „абсолютная свобода" и полная автоно-

---

[1]) Aimé Berthod, l. cit., стр. 3.

[2]) Pecqueur, Première lettre au citoyen Proudhon, въ Le Salut du Peuple, № 1, 10 Décembre, 1849, стр. 34—35.

[3]) Proudhon. Du principe Fédératif, Paris, 1863, стр. 29.

мія личности? Дѣйствительно-ли уничтожены даже въ идеалѣ всякая власть, всякое принужденіе, всякое „управленіе человѣка человѣкомъ“—въ строѣ прудоновской „анархіи“? Дѣйствительно ли общество будетъ тогда обходиться „безъ правительства, безъ полиціи, безъ законовъ“, дѣйствительно ли „совершенная гармонія“ и „единство“ во всемірной промышленности будутъ соединены съ самодержавіемъ личности, „выполняющей всегда только свою волю“? [1]).

Нѣтъ, и тогда этотъ идеалъ не вполнѣ будетъ осуществленъ. Ибо въ противномъ случаѣ личность будетъ свободна вступать или не вступать вообще ни въ какіе договоры, исполнять или не исполнять заключенныхъ ею договоровъ. Но, для Прудона личность, отрицающая всякій общественный договоръ, этимъ самымъ выдѣляетъ себя изъ общества, становится подозрительной, теряетъ право на помощь и покровительство, а въ случаяхъ нарушенія договора заслуживаетъ репрессіи, которая можетъ дойти до отлученія и даже смерти [2]). Договоръ, стало быть, обязателенъ, принужденіе остается.

Съ другой стороны, Прудонъ часто понимаетъ подъ „анархіею“ не идеалъ абсолютнаго безначалія, а политическую систему, въ которой государственная регламентація, принужденіе сверху и централизація доведены до возможнаго минимума. Анархія тогда становится синонимомъ автономіи, самоуправленія, децентрализаціи [3]). Тогда анархія, конечно,—только нѣкоторая форма политической организаціи государства. Анархія же, какъ полное отрицаніе государства, представляется Прудону идеаломъ, въ реальной дѣйствительности недостижимымъ [4]).

Въ „Principe Fédératif“ Прудонъ прямо заявляетъ, что анархія въ своемъ чистомъ видѣ недостижима и что дѣйствительное рѣшеніе вопроса заключается въ федерализмѣ, какъ компромиссѣ между анархіею и демократіею [5]).

Не удивительно, что отношеніе Прудона къ анархизму вызываетъ споры. О Прудонѣ часто ставятъ вопросъ: былъ ли Прудонъ соціалистомъ? Съ такимъ же правомъ можно ставить вопросъ: былъ

---

1) **Proudhon.** Qu'est-ce que la Propriété? 1-er Mémoire, стр. 301 Confessions d'un Révolutionnaire. Paris, 1850, стр. 24—25 и 28. Banque d'échange. Oeuvres, t. VI, стр. 198.

2) **Proudhon.** Idée générale de la Révolution, Oeuvres, t. X, стр. 312.

3) **Proudhon.** Solution du problème social, Oeuvres, t. VI, стр. 130.—De la Justice dans la Révolution et dans l'Eglise, t. II, (Oeuvres, t. XXII), стр. 57.—Contradictions politiques, Paris, 1870, стр. 109, 131—132 и 147.—Correspondance, t. VIII, стр. 163; t. XIV, стр. 32.

4) **Proudhon.** La Revolution sociale, démontrée par le coup d'état, Paris, 1852, стр. 35.—Correspondance, t. III, стр. 96.

5) **Proudhon.** Du Principe fédératif, стр. 29 и 42.—Cp. Contradictions économiques, t. I, стр. 41—42.

ли Прудонъ анархистъ? Несомнѣнно, что Прудонъ—одинъ изъ родоначальниковъ теоріи анархизма. Тѣмъ не менѣе есть авторы, утверждающіе что Прудонъ не былъ анархистомъ [1]). Другіе, какъ Диль и Штаммлеръ, допускаютъ, что Прудонъ, бывъ первоначально анархистомъ, впослѣдствіи отказался отъ анархіи, замѣнивъ ее федерализмомъ [2]). Бенуа Малонъ полагаетъ, что Прудонъ былъ одновременно анархистомъ и государственникомъ.

За противорѣчіемъ въ основномъ принципѣ Прудона слѣдуютъ противорѣчія въ примѣненіяхъ.

Прудонъ видитъ въ анархіи не реальную программу, а лишь врядъ ли достижимый идеалъ. Но въ Учредительномъ Собраніи 1848 года онъ вотируетъ противъ конституціи не потому, что это—та или другая конституція, а потому, что это—конституція вообще.

Прудонъ горячо защищаетъ федеративный характеръ политической организаціи общества, т. е. союзъ провинцій и общинъ, пользующихся автономіею и связанныхъ между собою при помощи договоровъ въ нѣкоторое мутуалистическое цѣлое. Но онъ отказывается обобщить этотъ принципъ и распространить его на отношенія не только между маленькими государствами, но и на систему болѣе крупныхъ общественныхъ организмовъ [3]).

Ярый врагъ государства и централизаціи, Прудонъ вдругъ, въ той самой книгѣ, гдѣ развивается теорія анархіи, высказывается за полную централизацію—правда, снизу вверхъ—всѣхъ общественныхъ и государственныхъ функцій націи, съ централизованною исполнительною властью въ вершинѣ [4]).

Прудонъ—противъ совершенія Революціи, т. е. экономической реформы, сверху государствомъ, противъ хозяйственныхъ функцій государства, противъ соціальнаго законодательства и противъ вмѣшательства вообще государства въ экономическія отношенія между гражданами. Ибо всякое расширеніе функцій государства является для Прудона новымъ посягательствомъ на свободу гражданъ, на свободу конкурренціи, на независимость личности, оно порождаетъ инерцію и всеобщее обѣдненіе. Онъ требуетъ отмѣны изданныхъ временнымъ правительствомъ 1848 года декретовъ о сокращеніи рабочаго дня и о запрещеніи эксплуатаціи рабочихъ

---

[1]) Edm. Lagarde. La Revanche de Proudhon, Paris, 1905, стр. 55 и 65.—Ed. Berth. Les nouveaux aspects du Socialisme, Paris, 1908, стр. 43 и 64.

[2]) Karl Diehl, P.-J. Proudhon. Seine Lehre und sein Leben, 2-e Abtheil. Jena, 1880, стр. 845; 3-e Abtheil., Jena 1896, стр. 131 и 212.—Р. Штаммлеръ, Теорія анархизма, стр. 12—13 и 22.

[3]) Proudhon. La Guerre et la Paix, t. II (Oeuvres, t. XIV), стр. 313—314.

[4]) Proudhon. Confessions d'un Révolutionnaire, стр. 207 и 124—125.—Ср. Oeuvres complètes, t. VI, стр. 76, и t. XVII, стр. 71.

мастерами-посредниками [1]). И въ то же время онъ—ярый противникъ свободы стачекъ! И въ то же время онъ требуетъ изданія закона объ обязательномъ страхованіи не только противъ дѣйствія стихій, но и противъ неравенства ренты! [2]). Мы ужъ не говоримъ о томъ, что Прудонъ всегда стоялъ за постройку желѣзныхъ дорогъ и каналовъ государствомъ и за предоставленіе государствомъ же ихъ эксплуатаціи, равно какъ и эксплуатаціи рудниковъ, товариществамъ на опредѣленныхъ условіяхъ [3]).

Прудонъ рѣшительно возстаетъ противъ организаціи труда государствомъ, противъ авторитарнаго соціализма, стремящагося къ освобожденію массъ помощью государственныхъ декретовъ. Одинъ авторъ, врагъ соціализма, совѣтуетъ внимательно изучать произведенія Прудона, какъ сокровищницу аргументовъ „для лучшей защиты свободы и индивидуума противъ государственнаго соціализма и коллективизма“ [4]). Но въ знаменитой рѣчи, которую Прудонъ произнесъ въ Національномъ Собраніи 31 іюля 1848 года, онъ предложилъ совершить законодательнымъ путемъ цѣлую экономическую революцію, а именно удержаніе государствомъ одной трети чистаго дохода страны, какъ въ пользу должниковъ арендаторовъ и квартиронанимателей, такъ и для организаціи кредита и установленія стоимости. И Прудонъ не только не останавливался передъ вопіющимъ противорѣчіемъ между этимъ предложеніемъ и принципомъ государственнаго невмѣшательства, но и отказывался видѣть въ своемъ предложеніи противорѣчіе отрицанію имъ прогрессивнаго налога [5]).

Въ своихъ болѣе раннихъ произведеніяхъ Прудонъ выступалъ одновременно піонеромъ анархіи и проповѣдникомъ идеи государства, какъ верховнаго собственника земли и капиталовъ, эмансипаціи пролетаріата государствомъ и даже организаціи національныхъ мастерскихъ [6]).

Во второй половинѣ 40-хъ годовъ Прудонъ, полемизируя противъ Луи-Блана, доказываетъ, что въ идеѣ „Etat—serviteur“ (государства—слуги), защищаемой этимъ соціалистомъ, заключается

---

[1]) Proudhon. Organisation du crédit et de la circulation (Oeuvres, t. VI), стр. 94.

[2]) Proudhon. Mélanges, t. I (Oeuvres, t. XVII), стр. 70.

[3]) Proudhon. Manuel du Spéculateur à la Bourse (Oeuvres, t. XI), стр. 256.—Des Réformes á opérer dans l'exploitation des chemins de fer (Oeuvres, t. XII), стр. 236—237.—Théorie de l'impôt (Oeuvres, t. XII), стр. 256 и 233. Correspondance, t. VII, стр. 17—20. Ср. Mélanges, I (Oeuvres, t. XVII), стр. 189.

[4]) Henri Kuntz, P.-J. Proudhon, Besançon, 1897, стр. XVII.

[5]) Proudhon. Mélanges, t. I (Oeuvres, t. XVII), стр. 223.

[6]) Proudhon, Qu'est-ce que la Propriété? Deuxième Mémoire, стр. 39, 67—68 и 144.—Avertisement aux propriétaires, Paris, 1841, стр. 87.

противорѣчіе [1]). Между тѣмъ самъ Прудонъ неоднократно въ тотъ же періодъ требуетъ превращенія государства въ послушный и подчиненный органъ народа [2]). Мало того, онъ требуетъ, чтобы правительство республики приступило къ соціальной реформѣ.

Десять лѣтъ спустя Прудонъ становится принципіальнымъ защитникомъ государства. Онъ доказываетъ, что миссія государства заключается въ организаціи справедливости и равенства [3]). Онъ доказываетъ, что новое государство имѣетъ права, которыя „нельзя игнорировать безъ опасности для права, благосостоянія и свободы самихъ гражданъ"; ибо если до-революціонное государство противополагало себя и свои интересы народу, то нынѣ государство есть не что иное, какъ выраженіе силы коллективности и органъ, находящійся подъ надзоромъ гражданъ [4]). Въ концѣ концовъ Прудонъ доходитъ до полной реабилитаціи государства, которое онъ противипоставляетъ власти: „Утверждать государство, т. е. общественную силу, общественное дѣло, rem publicam, это значитъ, въ сущности, отрицать власть и обратно". При такомъ пониманіи государства Прудонъ вполнѣ соглашается съ тѣмъ, что „значеніе государства ростетъ съ обществомъ и что оно, государство, наиболѣе энергичный агентъ цивилизаціи" [5]).

Но года черезъ три послѣ того, Прудономъ были написаны „Capacité politique des classes ouvrières" и „Théorie de la Propriété",— два сочиненія, появившіяся послѣ его смерти. Въ первомъ онъ развиваетъ теорію безгосударственнаго и противогосударственнаго федерализма; во второмъ онъ отрекается отъ принципа владѣнія и становится адвокатомъ собственности, какъ института, обезпечивающаго свободу личности противъ государства.

Отсюда видно, какъ ошибочно мнѣніе Бугле, что „анархизмъ" Прудона росъ съ его возрастомъ,—мнѣніе, противоположное утвержденію другихъ критиковъ, что Прудонъ лишь короткое время держался воззрѣній анархизма [6]). Въ дѣйствительности, Прудонъ вѣчно колебался между принципомъ анархіи (или крайняго индивидуализма) во имя свободы, съ одной стороны, и принципомъ проявленія иниціативы государства для организаціи равенства и солидарности на основѣ справедливости, съ другой стороны. Въ этомъ именно главный источникъ относящихся сюда противорѣчій Прудона.

---

[1]) Proudhon. Mélanges, t. III (Oeuvres, t. XIX), стр. 21—43.

[2]) Proudhon. Systéme des contradictions economiques, t. I (Oeuvres, t. IV), стр. 267. — Confessions d'un Révolutionnaire, стр. 124—125.

[3]) Proudhon. De la justice, t. II (Oeuvres, t. XXII), стр. 64.— Théorie de l'impôt, стр. 238.

[4]) Proudhon. Théorie de l'impôt, стр. 65—68.

[5]) Proudhon. Justice, t. V (Oeuvres, t. XXV), стр. 183—184.

[6]) C. Bouglé. La Sociologie de Proudhon, Paris, 1911, стр. 320.— Ср. Aime Berthod. Proudhon et la Propriété, стр. 72.

IV.

Весьма поучительны противорѣчія Прудона въ вопросѣ о демократіи.

Противорѣчіями изобилуютъ его аргументы противъ демократіи. Но противорѣчіе заключается уже и въ томъ, что, подвергая жестокой критикѣ самый принципъ демократіи, Прудонъ самъ былъ и выступалъ демократомъ.

Что такое демократія, какъ не соединеніе политической свободы съ политическимъ равенствомъ, какъ не воплощенный въ жизнь суверенитетъ народа, при которомъ государство только и можетъ стать послушнымъ орудіемъ въ рукахъ массъ для освобожденія ихъ отъ порабощенія и эксплуатаціи, слѣдовательно, для совершенія „революціи" снизу вверхъ?

И если, съ другой стороны, анархія, система, отрицающая демократію, какъ нѣкоторую форму государственнаго устройства вообще, оказывается въ своей чистотѣ практически недостижимымъ идеаломъ устраненія антагонизма между личностью и обществомъ, то не есть ли федерализмъ, т. е. практически осуществимая анархія Прудона, именно децентрализованная демократія?

Для того, чтобы нападки Прудона на демократію не заключали въ себѣ внутренняго противорѣчія, слѣдовало идеалу демократіи противоставить другой практическій идеалъ, который лучше воплощалъ бы въ жизнь политическую свободу и политическое равенство и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы болѣе совершеннымъ орудіемъ для эмансипаціи массъ, чѣмъ демократія. Въ дѣйствительности же, тамъ, гдѣ Прудонъ демократическому идеалу не противопоставляетъ демократіи же, онъ ему или ничего не противопоставляетъ, или же противопоставляетъ реакціонный идеалъ ограниченія политической правоспособности народа.

Прудонъ обвиняетъ демократію въ томъ, что преобладаніе въ правительствѣ получаютъ при ней тѣ, которые имѣютъ преобладаніе въ отношеніи таланта и богатства; что она всегда требуетъ имущественнаго неравенства, делегированія власти суверена, правленія нотаблей; что она — лишь представительство народа, а не управленіе народа народомъ; что она — „тираннія большинства, наиболѣе отвратительная изъ всѣхъ тираннiй". Онъ заключаетъ, что реформа политическая должна быть результатомъ реформы соціальной [1]).

Демократія—тираннія большинства, и вмѣстѣ съ тѣмъ она — преобладаніе таланта и богатства. Вотъ ужь одно противорѣчіе.

---

[1]) Proudhon. Solution du probléme social (Oeuvres, t. VI), стр. 48, 49, 56 и 60.

Говорить, что въ демократіи преобладаніемъ пользуется богатство, или что демократія обусловливаетъ имущественное неравенство гражданъ, это значитъ признавать **классовый** характеръ демократіи и, въ частности, ея **анти-пролетарскій** характеръ. Аргументація Прудона въ этомъ отношеніи часто повторялась впослѣдствіи анархистами, революціонными синдикалистами и вообще анти-парламентаристами. Но самъ Прудонъ ко всѣмъ этимъ нападкамъ на демократію прибавлялъ еще обвиненіе въ томъ, что она порождаетъ **тираннію пролетаріата** и что „при демократическомъ правленіи, народъ эксплуатируется пролетаріатомъ“ [1]). Вотъ еще одно противорѣчіе.

„Демократія, это—топоръ, который дѣлитъ народъ“; иначе говоря, демократія способствуетъ развитію сознанія классоваго разслоенія народа [2]). Вотъ еще одно обвиненіе Прудона и вмѣстѣ съ тѣмъ еще одно противорѣчіе.

Демократія требуетъ имущественнаго неравенства. Но тотъ же Прудонъ утверждаетъ, что—„демократія имѣетъ сильную тенденцію къ коммунизму, экономической формулѣ единства: равенство она понимаетъ только подъ видомъ коммунизма“ [3]). Новое противорѣчіе!

Демократія ведетъ къ преобладанію талантовъ. Тотъ же Прудонъ обвинилъ коммунизмъ Бабефа въ подавленіи всякой выдающейся способности, какъ общественнаго бѣдствія, и въ пониженіи всѣхъ гражданъ до самаго низкаго уровня развитія [4]).

Демократія предполагаетъ делегированіе власти. Но развѣ „управленіе народа народомъ“, развѣ федерализмъ или децентрализованная демократія не предполагаетъ (помимо референдума) выборовъ, представительства, принципа большинства, делегаціи власти? „Свобода несовмѣстима съ демократіею“ (Solution du Problème social, стр. 66). Но въ такомъ случаѣ она несовмѣстима и съ федерализмомъ.

Далѣе, если Прудонъ—путаясь въ противорѣчіяхъ—возстаетъ противъ демократіи, какъ политической формы, искажающей суверенитетъ народа режимомъ представительства, то онъ, съ другой стороны, нерѣдко нападаетъ на самый принципъ суверенитета народа.

Народъ не непогрѣшимъ. Онъ сдался Цезарямъ, онъ предалъ Гракховъ, онъ стушевался 9 термидора и 18 брюмера. Въ силу своего невѣжества онъ всегда склоняется къ власти и жертвуетъ свободою. Какъ суверенъ, народъ—фикція, миѳъ; онъ вотируетъ то, что ему приказываютъ. Инвеститура народа хуже санкціи

---

1) Proudhon, ibid., стр. 60 и 61.

2) Proudhon, ibid., стр. 62.

3) Proudhon. Du Principe Fédératif (Oeuvres, t. VIII), стр. 99.

4) Proudhon. Qu'est-ce que la Propriété? Premier Mémoire, стр. 135.

религіи [1]). Характеризуя революцію 1848 года, Прудонъ говоритъ: „Провозглашая народъ сувереннымъ, совершали по отношенію къ нему двойную измѣну: во-первыхъ, потому, что онъ могъ при данныхъ условіяхъ пользоваться суверенитетомъ лишь фиктивнымъ, а, во-вторыхъ, потому, что при данныхъ условіяхъ пользоваться имъ народъ былъ недостоинъ. Одно только признаніе права голосованія за этимъ народомъ, явно невѣжественнымъ, способнымъ на самыя уродливыя уклоненія и на самыя непоправимыя безобразія, хотя бы голосованіе это имѣло мѣсто лишь одинъ разъ въ пять лѣтъ—одно это было преступленіемъ противъ прогресса и противъ рода человѣческаго“ [2]). Еще восемнадцать лѣтъ спустя, Прудонъ писалъ, что суверенитетъ принадлежитъ скорѣе меньшинству, чѣмъ массѣ [3]).

Не удивительно, что Прудонъ часто высказывалъ свое скептическое и даже отрицательное отношеніе ко всеобщему избирательному праву. Въ своемъ второмъ мемуарѣ о собственности, онъ весьма сурово отзывается объ агитаціи реформистовъ въ пользу всеобщаго избирательнаго права: „Въ своей неопредѣленной общности реформистская петиція—самая жалкая абстракція или величайшая политическая измѣна. И потому просвѣщенные патріоты ей не довѣряютъ и ее презираютъ“ [4]). Нѣсколько позже, въ началѣ 40-хъ годовъ, Прудонъ писалъ: „Еще недостаточно, чтобы избиратели голосовали; надо, чтобы они вотировали съ полнымъ разумѣніемъ... Мало разумно требовать въ настоящихъ условіяхъ всеобщаго избирательнаго права. О постоянномъ расширеніи избирательныхъ правъ должно заботиться правительство, консульская власть: на нашъ взглядъ, право это могло бы быть нынѣ расширено, безъ опасности для свободы, на милліонъ избирателей, и покамѣстъ... этой реформы было бы достаточно“ [5]). Въ 1848 году, когда обнаружились результаты выборовъ, состоявшихся послѣ февральской революціи, Прудонъ писалъ: „Всеобщее избирательное право, это—контръ-революція... Иначе быть не могло“ [6]) Свое скептическое отношеніе ко всеобщему избирательному праву Прудонъ выражалъ неоднократно и въ послѣдніе годы своей

---

[1]) Proudhon. Solution du problème social (Oeuvres. t. VI), стр. 46.—La Révolution sociale, стр. 23—26.—Justice, t. II (t. XXII Oeuvres), стр. 10.—Principe Fédératif, стр. 36—37 и 51.—Contradictions politiques, стр. 188—200.

[2]) Proudhon. La Révolution sociale, стр. 36.

[3]) Proudhon. Justice, t. VI (Oeuvres. t. XXVI, Bruxelles 1870), стр. 329.

[4]) Proudhon. Qu'est-ce que la Propriété? Deuxième Mémoire, стр. 108.

[5]) Proudhon. De la création de l'ordre dans l'humanité (Oeuvres, t. III) стр. 364.

[6]) Proudhon, Mélanges, t. I (Oeuvres, t. XVII), стр. 15, ср. стр. 19—20 и 153.

жизни [1]). Невѣжество народа, имущественное неравенство, разслоеніе общества на классы господствующіе и подчиненные—вотъ условія, при которыхъ, по мнѣнію Прудона, всеобщее избирательное право, вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ прогресса, служитъ скорѣе реакціи и контръ-революціи [2]). Отсюда, повидимому, снова вытекаетъ выводъ: сначала экономическая, а потомъ политическая реформа.

Но, во-первыхъ, какъ тогда произвести экономическую реформу—сверху или снизу? Если сверху, то какъ это согласить съ формулою Прудона: „все для народа, все—черезъ народъ, и только—черезъ народъ"? [3]). Мы снова возвращаемся къ противорѣчію Прудона, сначала отрицающаго государственную иниціативу, а потомъ требующаго ея для осуществленія соціальнаго преобразованія. Но здѣсь противорѣчіе Прудона осложняется новыми противорѣчіями. Прежде всего, согласно Прудону, политическій строй—лишь отраженіе существующихъ экономическихъ отношеній,—взглядъ, ставшій потомъ достояніемъ марксизма [4]). Революціонеръ Бланки тоже не ждалъ ничего хорошаго отъ немедленнаго введенія всеобщаго избирательнаго права; но онъ требовалъ временной революціонной диктатуры для проведенія неотложныхъ реформъ и для политическаго воспитанія народа. Бланки былъ послѣдователенъ. Другое дѣло — Прудонъ. Прудонъ, конечно, не допускалъ и въ мысли возможности совершенія соціальнаго переворота революціонною диктатурою. Кто же тогда, по мысли Прудона, возьметъ на себя иниціативу экономическаго преобразованія сверху, при отсутствіи всеобщаго избирательнаго права? Монархія, имѣющая свои собственные династически-кастовые интересы, или цензовое правительство, служащее интересамъ экономически господствующихъ классовъ? Какъ это ни можетъ показаться страннымъ, но Прудонъ, не смотря на свое отрицательное отношеніе къ наслѣдственной монархіи, готовъ былъ кокетничать съ Луи-Филиппомъ ради соціальной реформы. Тотъ же Прудонъ, ненавидѣвшій и презиравшій Луи-Наполеона Бонапарта, доказывалъ революціонную миссію этого узурпатора и льстилъ ему въ тотъ моментъ, когда, казалось, еще не остыла кровь жертвъ 2-го декабря. Какое противорѣчіе: Луи-Наполеонъ, въ глазахъ Прудона, въ роли мессіи соціальной революціи! Эта черта останется неизгладимымъ пятномъ въ жизни и дѣятельности Прудона.

---

[1]) Proudhon. Justice, t. V (Oeuvres, XXV), стр. 257. — Les démocrates assermentés (Oeuvres, t. XVI), стр. 266.

[2]) Proudhon. Confessions d'un Révolutionnaire, стр. 195—196.

[3]) Proudhon. Mélanges, vol. I, стр. 84.

[4]) Proudhon. Création de l'ordre dans l'humanité, стр. 324 (примѣчаніе).—Confessions d'un Révolutionnaire, стр. 24.—Manuel du Speculateur à la Bourse (Oeuvres, t. XI), стр. 25—26.—Des Réformes à opérer dans l'exploitation des chemins de fer (Oeuvres, t. XII), стр. 278 — 279. — Du Principe fédératif, Paris, 1863, стр. 47.—Théorie de la Propriété, стр. 131.

Если же экономическая реформа должна быть произведена снизу, то какъ объяснить то, что народъ, неспособный разумно пользоваться всеобщимъ избирательнымъ правомъ, т.-е. достаточно простымъ средствомъ, окажется вполнѣ зрѣлъ для достиженія собственными силами своего экономическаго освобожденія, т.-е. сложной цѣли?

Во-вторыхъ, отрицаніе всеобщаго избирательнаго права должно было фактически свестись для Прудона къ признанію монархіи или аристократіи. Но какъ ихъ примирить съ требованіями равенства и свободы въ сферѣ политическихъ отношеній? Тутъ начинаются новыя противорѣчія Прудона. Оказывается, прежде всего, что Прудонъ вовсе не за упраздненіе всеобщаго избирательнаго права, разъ оно завоевано. „Я самъ защищалъ всеобщее избирательное право, какъ конституціонное право и законъ государства; и такъ какъ оно существуетъ, то я вовсе не требую его упраздненія; но я желаю, чтобы оно пріобрѣтало сознаніе, чтобы оно организовалось и жило. Но да будетъ позволено философу, республиканцу, констатировать въ интересахъ пониманія исторіи и для руководства въ будущемъ, что для народа, воспитаніе котораго было въ такомъ пренебреженіи, какъ у насъ, всеобщее избирательное право..., вмѣсто того, чтобы быть органомъ прогресса, является скорѣе камнемъ преткновенія для свободы“ [1]).

Постепенно оказывается, что мы имѣемъ дѣло съ новымъ Прудономъ, горячимъ сторонникомъ всеобщаго избирательнаго права, суверенитета народа, республики и демократіи. Въ 1848 году онъ борется за республику и всеобщее избирательное право противъ монархическаго принципа: республика для него это—равенство функцій и личностей, отрицаніе кастъ, организація всеобщаго избирательнаго права, соединеніе нераздѣльной власти съ дѣленіемъ функцій, централизація кредита, режимъ отвѣтственности и права [2]). Онъ проповѣдуетъ потомъ объединеніе всѣхъ республиканцевъ, безъ различія оттѣнковъ, въ защиту республиканской конституціи и противъ происковъ Луи Банапарта. Онъ доказываетъ, что всеобщее избирательное право не можетъ вести ни къ самоотреченію, ни къ попятному движенію, ни къ монархіи. Онъ напоминаетъ, что только всеобщее избирательное право исключаетъ право и возможность заговоровъ и возстаній [3]). Республика, это — истинное воплощеніе суверенитета народа [4]). За оскорбительныя напа-

---

1) Proudhon. La Révolution sociale, dé montrée par le coup d'état du 2 Decembre, стр. 83.

2) Proudhon. Mélanges, vol. I (Oeuvres, t. XVII), стр. 140 — 141, 178 и 223.

3) Proudhon. Mélanges, vol. II (Oeuvres, t, XVIII), стр. 124—126.— Ср. Correspondance, t. III. стр. 75 и 123.

4) Proudhon, Solution du problème social (Oeuvres, t. VI), стр. 67.— Mélanges, vol. III (Oeuvres, t. XIX), стр. 12 и 74—76.

денія на Луи Бонапарта онъ попадаетъ на три года въ тюрьму. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ часто пишетъ панегирики всеобщему избирательному праву, оговариваясь лишь иногда, что оно должно быть соединено съ экономическою реформою. „Во всеобщемъ избирательномъ правѣ—пишетъ Прудонъ въ 1863 году—проявляются, какъ способности въ зародышѣ, всѣ свободы, всѣ права, всѣ гарантіи, всѣ формы прогресса, образующія аттрибуты свободнаго и цивилизованнаго общества. Всякое учрежденіе, всякое право, всякій организмъ заранѣе данъ въ этомъ основномъ институтѣ... Однимъ словомъ, во всеобщемъ избирательномъ правѣ мы имѣемъ, — но въ сокращенномъ масштабѣ, или, лучше сказать, въ эмбріональномъ состояніи—всю систему будущаго общества... Организація общества—какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ порядкѣ — дана вся во всеобщемъ избирательномъ правѣ... Оно—по существу демократическій принципъ" [1]). И въ посмертныхъ произведеніяхъ Прудона мы весьма часто встрѣчаемъ горячую защиту республиканизма и всеобщаго избирательнаго права [2]).

Прудонъ самъ себя характеризуетъ часто, какъ демократа и республиканца [3]). Онъ представляетъ свои идея мутуализма и федерализма, какъ истинное выраженіе демократіи и суверенитета народа [4]). Онъ говоритъ объ эгалитарной демократіи и всеобщемъ избирательномъ правѣ, какъ объ институтѣ, враждебномъ капитализму и подчиненію труда капиталу, а о парламентарной системѣ, какъ о необходимой политической формѣ, которая останется и послѣ экономической революціи [5]). Онъ ассоціируетъ соціализмъ съ демократіею и республикою, а свой собственный „демократическій соціализмъ" противопоставляетъ другимъ видамъ соціализма. „Соціализмъ, прежде всего требующій равенства, есть формула демократическая по преимуществу" [6]).

Изъ нашего анализа слѣдуетъ, что противорѣчія, свойственныя отношенію Прудона къ демократіи и всеобщему избирательному

---

[1]) Proudhon. Les démocrates assermentés (Oeuvres, t. XVI), стр. 315, 317 и 321.

[2]) Proudhon. De la capacité politique des classes ouvrières, стр. 270. — Théorie de la Propriété, стр. 241. — Contradictions politiques, стр. 253.—France et Rhin, Paris, 1868, стр. 199.

[3]) Proudhon. Mélanges, vol. III (Oeuvres, t. XIX), стр. 31 — 32. — La Féderation et l'Unité en Italie (Oeuvres, t. XVI), стр. 134—149.

[4]) Proudhon. Banque du Peuple (Oeuvres, t. VI), стр. 259. — Idée générale de la Révolution au XIX siecle (Oeuvres, t. X), стр. 292. — Capacité politique, стр. 206.

[5]) Proudhon, Confessions d'un Révolutionnaire, стр. 166 — 167. — Justice, t. II (Oeuvres, t. XXII), стр. 132.

[6]) Proudhon. Melanges, t. I (Oeuvres, t. XVII), стр. 182, 247, 277, 289; t. II (Oeuvres, t. XVIII), стр. 126, 132, 140, 253; t. III (Oeuvres, t. XIX), тр. 52—53.—Confessions d'un Révolutionnaire, стр, 164.

праву, характеризуетъ различныя фазы міровоззрѣнія Прудона, независимо отъ его возраста и жизненнаго опыта. Утвержденіе одного изслѣдователя (И. Чернова), что Прудонъ помирился со всеобщимъ избирательнымъ правомъ и съ демократіею послѣ декабрьскаго переворота, видя въ нихъ гарантію индивидуальныхъ правъ, ни на чемъ не основано [5]). Въ дѣйствительности, Прудонъ всегда былъ одновременно и другъ, и врагъ демократіи. Онъ былъ другъ демократіи, какъ наилучшей практически осуществимой формы государственной организаціи, удовлетворяющей требованіямъ равенства и свободы. Онъ былъ врагъ демократіи, какъ нѣкоторой частной формы государственнаго устройства, стало быть, организаціи принужденія и власти, которыя онъ отрицалъ въ идеалѣ, и какъ политической формы, разумное пользованіе которою предполагаетъ въ массахъ сознаніе и способности, которыя Прудонъ отрицалъ, согласно своему пессимистическому воззрѣнію на народъ. Такова главная причина противорѣчій Прудона въ вопросѣ о демократіи.

Ю. Делевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

5) I. Tchernoff. Le parti républicain au coup d'Etat et sous le second empire, Paris, 1906, стр. 183—184.—Ср. Karl Diehl. Proudhon, 4-e Abtheil, стр. 83.

Случай съ предсѣдателемъ.

Сессія кончилась.

Судебная палата нѣсколько сутокъ засѣдала въ маленькомъ городкѣ, отрѣзанномъ отъ остального міра громадными водными пространствами и пустынями лѣсовъ и болотъ. Остроконечныя гряды лѣсовъ словно колючимъ заборомъ отдѣляли городокъ отъ другихъ городовъ — шумныхъ и суетныхъ и переполненныхъ людьми и людскимъ мусоромъ. Сюда иногда ссылали преступниковъ —такихъ, для которыхъ считалась слишкомъ значительной ссылка въ Сибирь, но кто, тѣмъ не менѣе, признавался вреднымъ для гражданскаго общежитія въ столицахъ и большихъ городахъ. Не смотря на такой исправительно-карательный характеръ этого городка, здѣсь жили и чиновники, и судьи, ссылавшіе преступниковъ въ другія, еще болѣе глухія мѣста.

Какъ въ этотъ разъ, такъ и въ другіе пріѣзды судебной палаты, маленькій городъ жилъ особой, повышенной, почти праздничной жизнью, словно во время ярмарки, или престольнаго праздника. Появилось много извозчиковъ, которыхъ въ обыкновенное время здѣсь почти не бываетъ. Въ двухъ гостиницахъ стали готовить обильные обѣды съ мороженымъ. Изъ уѣзда пріѣхали помѣщики съ семьями — послушать судоговореніе и поглядѣть на новыхъ людей изъ большого города. Магазины и лавки не закрывались, по случаю сессіи, до поздней ночи...

По вечерамъ адвокаты и судейская молодежь катались на извозчикахъ по городу и за городомъ, затѣмъ пріѣзжали въ „Сѣверную гостиницу" и пили тамъ вино. И чувствовали себя словно на пикникѣ. У всѣхъ было радужное настроеніе, почти не портившееся отъ общенія съ подсудимыми и съ ихъ несчастіемъ...

Высшіе представители магистратуры вели себя солиднѣе. Но и они были довольны поѣздкой: отъ поѣздки на сессію у нихъ оставались кое-какія лишнія деньги изъ командировочныхъ, да и сама по себѣ эта поѣздка изъ пыльнаго и прокопченнаго большого города на свѣжій и

вольный просторъ водяного и лѣсного захолустья на большомъ пароходѣ и въ своей компаніи представляла много привлекательнаго.

Палатѣ на этотъ разъ пришлось разобрать довольно много дѣлъ. И странно было, что въ этомъ маленькомъ городкѣ, отдѣленномъ отъ шума и мути большихъ городовъ неоглядными болотами, озерами и лѣсами, гдѣ, казалось бы, совершенно нечего дѣлать преступленію, накопилось такъ много матеріала для суда и наказанія. И тѣмъ болѣе было это странно, что здѣсь и помимо пріѣхавшей палаты существовалъ судъ и судьи: окружный судъ, съѣздъ земскихъ начальниковъ, городской судья... Но всѣхъ этихъ судебныхъ учрежденій и лицъ оказалось недостаточно, потому что здѣсь нашлись подсудимые, подсудные лишь судебной палатѣ... И только для нихъ и пріѣхала сюда издалека судебная палата съ своей канцеляріей, пріѣхалъ товарищъ прокурора—тоже свой особый, палатскій, пріѣхала защита...

Въ большинствѣ случаевъ эти палатскія дѣла были однообразны и безцвѣтны. Всѣ эти мелкія служебныя преступленія, лихоимства, растраты, злоупотребленія по службѣ, были тусклы и блѣдны, какъ стертыя монеты. Ихъ уравнивало и обезличивало однообразіе уголовнаго закона и монотонность человѣческаго существованія, въ которомъ даже преступленія совершаются, въ большинствѣ случаевъ, по шаблону, и оригинальныя нарушенія закона такъ же рѣдки, какъ оригинальные и яркіе люди...

Но кромѣ этихъ однообразныхъ и безцвѣтныхъ дѣлъ въ производствѣ палаты нынче были и другія дѣла—не совсѣмъ обычныя: это были дѣла, порожденныя необычными порывами и стремленіями уже отошедшаго въ исторію революціоннаго года.

Даже здѣсь, въ сонномъ и тихомъ городкѣ, куда еще ни разу не залеталъ геній исторіи съ его громко звенящей трубою — даже здѣсь въ девятьсотъ пятомъ году происходило броженіе: люди собирались въ необычное общеніе, произносили рѣчи, въ которыхъ выражали пожеланія гражданскихъ свободъ, и иногда пѣли запрещенныя пѣсни. И вотъ уже второй годъ пріѣзжала сюда судить ихъ судебная палата. Однихъ она отсудила въ прошломъ году, другихъ отсудила нынче — и приговорила ихъ къ ссылкѣ, къ лишенію правъ, къ заключенію въ крѣпость, заодно съ заурядными нарушителями акцизнаго устава и чиновниками-лихоимцами...

Сессія кончилась.

Увели послѣднихъ подсудимыхъ. Защитники, освободясь немного ранѣе, поспѣли на двѣнадцатичасовой пароходъ и

уже уѣхали изъ города. Уѣхали съ ними и нѣкоторые изъ свидѣтелей, оправданный палатою уѣздный урядникъ, а также и пріѣзжавшіе сюда на сессіонный праздникъ помѣщики. Судьи и товарищъ прокурора запоздали къ пароходу и остались до другого дня.

Въ зданіи мѣстнаго окружнаго суда, гдѣ происходили сессіонныя засѣданія, было уже пусто. Только пьяный сторожъ (онъ тоже праздновалъ сессію) мелъ шваброй опустѣвшую залу засѣданій, поднимая тяжелую и мутную пыль. Да въ кухнѣ, гдѣ во время перерыва засѣданія жарились для судей и защитниковъ пирожки съ рыбой и лукомъ, судомойка спѣшно перемывала посуду предъ тѣмъ, какъ отправить ее въ „Сѣверную гостиницу“.

Кухонный чадъ еще ѣлъ глаза и смѣшивался въ залѣ съ пылью. Было жарко и томительно душно и какъ-то тревожно скучно, какъ всегда почему-то бываетъ въ лѣтній послѣполуденный жаръ въ маленькомъ городкѣ, гдѣ вянутъ отъ солнца и пыли широкіе лопухи по сторонамъ деревянныхъ тротуаровъ, и ослѣпительно блестятъ и дышутъ зноемъ накаленныя стѣны низенькихъ деревянныхъ домовъ. Чадъ проникалъ даже въ садикъ, куда вышли подышать свѣжимъ воздухомъ палатскіе судьи. Они не торопились: все равно приходилось такъ или иначе убивать время до завтра.

— Рано нынче покончили,—обратился къ товарищу прокурора предсѣдательствующій, худой и блѣдный старикъ, безусый, бритый, съ характернымъ тонкимъ лицомъ сановника эпохи Александра:—въ прошломъ году я сидѣлъ здѣсь ровно двѣ недѣли.

Товарищъ прокурора судебной палаты Новицкій былъ еще молодой господинъ съ длиннымъ лицомъ, тонкими губами и длинной шеей. Онъ носилъ высочайшій воротничокъ и употреблялъ бинтъ для усовъ, отчего усы и верхняя губа у него казались приплюснутыми. Подражая прокурору судебной палаты, онъ былъ очень элегантенъ, говорилъ томно и не глядѣлъ на того, съ кѣмъ говорилъ.

— Политическихъ меньше стало,—промолвилъ онъ.

— Да, поменьше,—согласился предсѣдательствующій— Какъ никакъ, девятьсотъ пятый годъ ликвидируется.

Вмѣстѣ съ ними въ садикъ вышли и двое членовъ палаты: Домашенко и фонъ-Радке. Домашенко былъ сѣдой старикъ, большеголовый, съ толстымъ краснымъ носомъ картофелиной и съ длинной бородой. Онъ былъ высокъ, толстъ, неуклюжъ и походилъ на нѣмецкаго лѣсничаго, какихъ изображаютъ въ юмористическихъ журналахъ. Домашенко любилъ выпить и палатскіе секретари, смѣясь, раз-

сказывали, что онъ всегда носилъ съ собой въ карманѣ полбутылки водки, и пилъ ее въ совѣщательной комнатѣ во время составленія резолюціи. А, выпивъ, вдохновлялся и диктовалъ всю резолюцію экспромптомъ, какъ „Отче нашъ“, приводя на память, безъ справокъ въ Уставѣ и Уложеніи, всѣ статьи, пункты и примѣчанія къ нимъ. Онъ не любилъ соблюдать форму и иногда приходилъ въ засѣданія въ рыжихъ неформенныхъ брюкахъ и даже въ валеныхъ сапогахъ. Это былъ добродушный, сентиментально-комическій человѣкъ, мечтательный и экспансивный.

Другой членъ палаты, Генрихъ Генриховичъ фонъ-Радке, былъ полной противоположностью ему — настолько яркой противоположностью, что невольно казалось, будто Домашенка и Радке нарочно назначаютъ въ одно и то же засѣданіе для взаимнаго уравновѣшенія. Остзейскій нѣмецъ, недавно изъ прокуроровъ, фонъ-Радке былъ большой законникъ и формалистъ и если допускалъ иногда компромиссы, то у него были выработаны для нихъ строгія ограничительныя правила и нормы. Холодный и строго послѣдовательный человѣкъ, онъ не выносилъ никакой расплывчатости и мечтательности и, отчасти благодаря этимъ качествамъ, сдѣлалъ себѣ хорошую карьеру. Въ то время, когда Домашенко добился члена палаты только на шестидесятомъ году отъ роду и уже ясно было, что никуда дальше онъ не двинется, не смотря на знанія и опытъ,—фонъ Радке занялъ ту же должность къ сорока пяти годамъ, и не было никакого сомнѣнія, что онъ не просидитъ въ палатѣ и трехъ лѣтъ и выйдетъ кудanибудь на хорошее и почетное мѣсто по администраціи или въ сенатъ. Онъ и съ внѣшней стороны былъ во всемъ противоположенъ Домашенку: былъ невысокъ, носилъ черные усы и брилъ бороду, а волосы расчесывалъ въ аккуратный проборъ сбоку. Одѣвался изящно и всегда по формѣ, имѣлъ громкій голосъ и начальственныя, повелительныя манеры.

— Что же мы будемъ однако здѣсь дѣлать? — спросилъ онъ, когда судьи выкурили по папироскѣ и, заложивъ руки въ карманы, подошли къ оградѣ палисадника полюбоваться на разстилавшееся внизу озеро.—Пароходъ придетъ только завтра.

— Да, еслибы доставили своевременно справку о Тихоновѣ, такъ успѣли бы на сегодняшній пароходъ. Досадно.

Предсѣдательствующій повернулъ къ бесѣдовавшимъ свое блѣдное лицо.

— А намъ съ Петромъ Васильевичемъ (онъ кивнулъ на Домашенка) нисколько не досадно. Мы не соскучимся.

-- Помилуйте. Отвратительный городишко... Вотъ, еслибы въ Ригѣ...

— А я, знаете, нарочно напросился на эту сессію,—продолжалъ предсѣдательствующій.—Я помѣнялся съ барономъ Розеномъ. Баронъ не выноситъ качки на озерѣ, а я люблю эту ѣзду и люблю поохотиться въ свободное время. Городъ здѣсь, дѣйствительно, отвратительный—я присоединяюсь къ этому мнѣнію,—но охота кругомъ дивная.

— И вы будете охотиться?—спросилъ товарищъ прокурора.

— Безусловно. Я бы даже непрочь нарочно остаться для этого на лишній день.

— А вы, Петръ Васильевичъ?

Толстый Домашенко величественно погладилъ бороду:

— А я захватилъ съ собой рыболовный снарядъ.

— Рыбачить будете?

— Именно. Половлю маленько рыбки. Не въ мутной водѣ, а въ свѣтлой озерной. Грѣха большого въ томъ нѣтъ, полагаю.

— Я, пожалуй, тоже не прочь отъ скуки порыбачить,—промолвилъ товарищъ прокурора:—Нельзя ли пристроиться къ вамъ?

Домашенко разсмѣялся густымъ басомъ:

— Ну, на здѣшнее озеро гроза пришла. Прокуроръ всѣхъ неблагонадежныхъ судаковъ выудитъ...

Поболтавъ и покуривъ, палатскіе вышли на улицу. Едва они показались тамъ, какъ ихъ окружили „сессіонные" извозчики, не давая сдѣлать шагу по улицѣ. И хотя судьямъ хотѣлось хоть немного пройтись пѣшкомъ, они и на этотъ разъ не устояли предъ мольбами извозчиковъ и поѣхали на ветхихъ, дребезжащихъ дрожкахъ въ гостиницу—за нѣсколько шаговъ отъ суда.

Въ гостиницѣ палатскіе пообѣдали. Въ послѣдній разъ въ гостиницѣ дѣлали большой и парадный обѣдъ съ паштетомъ изъ цыплятъ и мороженымъ. Завтра, послѣ того, какъ сессіонные гости уѣдутъ, здѣсь разсчитаютъ нанятаго только на это время повара и уложатъ въ шкафъ парадную сервировку. А внизу, въ общей столовой съ потемнѣвшими гравюрами на стѣнахъ и съ запыленными филодендронами по угламъ, будутъ по вечерамъ пить пиво только мѣстные чиновники и приказчики, для которыхъ за глаза достаточно простой кухарки.

Послѣ обѣда судьи разошлись по своимъ номерамъ въ верхнемъ этажѣ „Сѣверной гостиницы". Предсѣдательствующій сталъ собираться на охоту, Домашенко приготовлялъ рыболовныя принадлежности, фонъ Радке прилегъ

отдохнуть. Солнце склонялось все ниже и въ окна была видна широкая огненная полоса озера, вся охваченная пламенемъ жаркаго дня и все болѣе загоравшаяся по мѣрѣ того, какъ къ ней спускалось солнце.

И такъ тихо, сказочно тихо было кругомъ—и въ уснувшей среди бѣла дня гостиницѣ, и на пустынныхъ пыльныхъ улицахъ, и на отразившемъ дневной пожаръ озерѣ.

II.

Вдругъ что-то грохнуло.

Жуткій мгновенный звукъ, ворвавшійся въ тишину, ухнулъ и, казалось, продавилъ потолокъ и раздвинулъ стѣны. И остался стоять въ ушахъ у остолбенѣвшихъ людей. Первое мгновеніе никто въ гостиницѣ не пошевелился и не крикнулъ, словно ничего и не случилось, и все еще продолжала царить сонная тишина. Какъ будто такъ могущественна была эта тишина, что даже такой тяжкій неожиданный звукъ не могъ съ ней ничего подѣлать.

Въ слѣдующее же мгновеніе по всей гостиницѣ, сверху и донизу, прокатился ужасъ. Паническій могущественный ужасъ, отъ котораго люди теряютъ разумъ.

Въ корридоръ выскочилъ вырванный изъ глубокаго сна корридорный. Онъ постоялъ секунду на одномъ мѣстѣ съ выпученными глазами, а затѣмъ кинулся бѣжать въ одинъ конецъ корридора, потомъ въ другой, не понимая, зачѣмъ и куда онъ бѣжитъ, топоча босыми ногами по чисто вымытому крашеному полу.

На встрѣчу ему выскочилъ неодѣтый (онъ переодѣвался предъ тѣмъ, какъ ѣхать на озеро) членъ палаты, Домашенко, въ сарпинковой цвѣтной рубахѣ и высокихъ сапогахъ.

— Что это такое? — спросилъ онъ лакея, захвативъ отъ волненія всю бороду въ кулакъ и безсознательнымъ жестомъ закручивая ее.

— Не знаю-съ, — пролепеталъ блѣдный, какъ полотно, корридорный:—Не то громомъ ударило, не то не знаю, что.

Изъ другой двери выскочилъ товарищъ прокурора съ отстегнутымъ воротничкомъ. Онъ былъ тоже блѣденъ и съежился всѣмъ туловищемъ.

— Вѣдь это стрѣляютъ,—пролепеталъ онъ.

— Похоже...

— Но гдѣ?

— Не знаю... Кажется, въ номерѣ у Ивана Андреевича.

Внизу тоже зашумѣли и забѣгали люди, и послышались отрывистые испуганные голоса. Прибѣжалъ снизу хозяинъ гостиницы, толстый, трясущійся, какъ тѣсто, мѣщанинъ,

съ такимъ-же носомъ, какъ у Домашенка, и рыжей окладистой бородой, въ пиджакѣ поверхъ ситцевой рубахи на выпускъ съ тоненькимъ гаруснымъ пояскомъ. Прибѣжали какіе-то люди въ русскихъ рубашкахъ и туфляхъ на босу ногу, какія-то женщины, крестившіяся и всхлипывавшія...

Фонъ-Радке тоже появился въ корридорѣ. Онъ былъ уже въ форменной тужуркѣ, аккуратный и элегантный, точно только что изъ залы засѣданія. Онъ сохранялъ хладнокровіе и даже не измѣнилъ обычной интонаціи,—слегка иронической и надменной.

— Вотъ вамъ и тихій городокъ,—обратился онъ къ товарищу прокурора:—Опять порохомъ запахло... Даже здѣсь.

Товарищъ прокурора понялъ его намекъ. Ему самому уже приходило въ голову, что на предсѣдательствующаго кто-то покусился въ отместку за какое-нибудь изъ только что разобранныхъ политическихъ дѣлъ. Ему даже начинало уже мерещиться новое крупное дѣло—о покушеніи на предсѣдательствующаго, (а, можетъ быть, и объ убійствѣ)—дѣло, въ которомъ онъ, товарищъ прокурора судебной палаты Новицкій, несомнѣнно, будетъ играть видную роль.

Но въ корридорѣ въ самомъ дѣлѣ пахло порохомъ. Хозяинъ гостиницы испуганно воскликнулъ:

— Гляди-ко-сь, дымъ-то течетъ... Изъ-за двери-то...

Струйки бѣлаго порохового дыма текли, какъ дымящійся горячій ручеекъ, изъ дверныхъ щелей того номера, въ которомъ помѣщался предсѣдательствующій. Теперь уже не было никакихъ сомнѣній, что именно съ нимъ случилось какое-то несчастье.

Предъ дверью столпились всѣ обитатели гостинницы. Но никто не рѣшался туда войти.

— Надо за полиціей послать,—спокойно и повелительно сказалъ фонъ-Радке.—Да понятыхъ.

— Ужь побѣжали, ваше благородіе,—отвѣтилъ хозяинъ гостинницы.

Фонъ-Радке постучалъ въ дверь. Никто на стукъ не отозвался. Тогда онъ тронулъ дверь. Она послушно подалась подъ его рукой. И въ этотъ моментъ вся толпа шарахнулась назадъ, словно ожидая, что изъ страшной комнаты, въ которой случилось что-то таинственное, выскочитъ сама смерть. Фонъ-Радке тоже невольно попятился назадъ.

На полу, по серединѣ номера, неподвижно лежалъ предсѣдательствующій. Около него чернѣла лужа крови. Тутъ же валялось охотничье ружье съ еще дымившимся стволомъ.

— Батюшка, Иванъ Андреевичъ,—горестно воскликнулъ Домашенко.—Кто это васъ такъ шарахнулъ?

Предсѣдательствующій не отвѣтилъ. Онъ былъ въ обморокѣ. Его тонкое аристократическое лицо, и безъ того блѣдное, было бѣло, какъ бумага. Домашенко съ оханьемъ наклонился надъ нимъ, потрогалъ ему лобъ и съ удрученнымъ видомъ отошелъ въ сторону.

Номеръ быстро наполнился людьми. Стало такъ тѣсно, что трудно было повернуться, и такъ душно, что спиралось дыханіе. Раненаго кое-какъ подняли и положили на кровать. На минуту онъ очнулся и застоналъ, но потомъ опять впалъ въ обморочное состояніе. Кровь все еще сочилась и расползалась въ темно-багровое пятно на его бѣлоснѣжномъ кителѣ, край котораго на боку былъ обожженъ выстрѣломъ.

Въ дверяхъ уже толпились полицейскіе съ мѣстнымъ исправникомъ. Кто-то намочилъ водой изъ остывшаго самовара носовой платокъ и, самъ не зная, для чего, положилъ предсѣдательствующему на голову. Домашенко поднялъ съ пола ружье и поставилъ его, словно провинившагося школьника, въ уголъ.

Товарищъ прокурора уже успѣлъ побывать у себя въ номерѣ и прицѣпилъ воротничокъ, облегавшій его шею, какъ бѣлый хомутъ. И сталъ распоряжаться.

— Чего вы тутъ торчите!—крикнулъ онъ на людей въ рубахахъ и туфляхъ.—И безъ васъ тѣсно! Бѣгите за докторомъ! Сію же минуту за докторомъ!

Нѣсколько голосовъ виноватымъ тономъ отвѣтили:

— За докторомъ ужь побѣжали, ваше благородіе. Только врядъ ли и сыщешь теперь.

Постороннюю публику выпроводили изъ номера и около раненаго остались только представители власти. Но и среди нихъ царили растерянность и недоумѣніе. Въ этой маленькой и душной комнатѣ съ темными гравюрами по стѣнамъ, изображавшими походъ генерала Кауфмана въ Среднюю Азію, нѣсколько человѣкъ толклись, какъ кошки, на одномъ мѣстѣ не знали, что имъ дѣлать. Палатскіе чувствовали, что прежде всего надо оказать раненому первую помощь, но никто не умѣлъ сдѣлать простой перевязки. Полицейскіе по привычкѣ собирались писать протоколъ, но не знали, что писать и какъ писать, и что слѣдуетъ предпринять помимо того. Еще никогда не бывало здѣсь такого случая, чтобы пріѣхалъ важный чиновникъ, палатскій предсѣдательствующій, да вдругъ и нанесъ себѣ въ номерѣ гостиницы огнестрѣльную рану, словно какой-нибудь шальной подпоручикъ или покушавшійся на самоубійство студентъ... Да такую рану, что текла ручьемъ кровь, а самъ онъ лежалъ безъ памяти, какъ мертвый... Это было такъ необычно,

странно и даже нежизненно, что люди чувствовали себя словно во снѣ и терялись.

— Гдѣ же докторъ?—волновался товарищъ прокурора:— Неужели такъ трудно достать доктора?

Полицейскіе вышли обратно въ корридоръ. Исправникъ— худой и болѣзненный человѣкъ съ впалой грудью и прилипшими къ потному лбу прядями жидкихъ волосъ—обратился шопотомъ къ околоточному:

— По всему видать, что это они себя просто несчастнымъ случаемъ.

Мимо нихъ пробѣжалъ и юркнулъ въ номеръ человѣкъ въ бѣломъ халатѣ съ чемоданчикомъ въ рукахъ. Домашенко, Радке и товарищъ прокурора бросились къ нему на встрѣчу.

— Вы—докторъ?—спросилъ товарищъ прокурора.

— Нѣтъ-съ, я фельдшеръ городской больницы—отвѣтилъ тотъ, виновато моргнувъ круглыми, какъ у рыбы, глазами. Длинный, тонкій, веснушчатый, мокрый отъ пота, онъ и весь походилъ на рыбу, только что вытащенную изъ здѣшняго озера.

— А гдѣ же докторъ?—сердито накинулся на него товарищъ прокурора:—Намъ нужно доктора, а не фельдшера.

Фонъ-Радке вмѣшался:

— Позвольте, надо-же хоть перевязку пока сдѣлать. Перевязку сдѣлать и фельдшеръ сумѣетъ.

Волнуясь и отъ волненія роняя на полъ бинты и марлю, фельдшеръ сталъ перевязывать раненаго. Предсѣдательствующій застоналъ, забредилъ. Толстый Домашенко со слезами на глазахъ наклонялся, пыхтя, за бинтами и поднималъ ихъ. Товарищъ прокурора нервно дергалъ плечомъ: его коробило отъ запаха карболки, которой пахло отъ фельдшера.

Фельдшеръ кончилъ перевязку, выпрямился и, отирая мокрый лобъ, сказалъ:

— Дѣйствительно, надо доктора... У нихъ, должно быть, повреждены внутренніе органы. Придется операцію дѣлать...

— Такъ давайте же доктора! — воскликнулъ товарищъ прокурора.—Гдѣ же вашъ докторъ?

Фельдшеръ виноваго заморгалъ своими рыбьими глазами.

— Земскій врачъ, извините, уѣхалъ въ уѣздъ. Раньше, какъ завтра, пожалуй, не вернется.

— Ну, другого кого-нибудь... Неужели онъ одинъ на весь городъ?

— Никакъ нѣтъ... Есть еще городской врачъ.

— Такъ давайте же его сюда.

Фельдшеръ замялся:

— Онъ, извините, находится подъ стражей.

— Что за вздоръ? Подъ какой еще стражей?

— Онъ осужденъ по политическому дѣлу.

Наступило неловкое молчаніе.

Судьи вспомнили, что среди только что заслушанныхъ на этой сессіи было дѣло какого-то мѣстнаго врача, который обвинялся въ принадлежности къ незаконному сообществу и въ произнесеніи противоправительственной рѣчи.

— Это, кажется, Ветлугинъ, — пробормоталъ басомъ Домашенко, смотря въ сторону.

— Такъ точно,—подтвердилъ фельдшеръ.—Онъ изъ нашей больницы. Хирургъ.

— Неужели же здѣсь нѣтъ больше врачей? — строго и раздраженно обратился къ нему товарищъ прокурора.

— Сейчасъ никого нѣту.

— Какой паршивый городишко!

Фонъ-Радке пожалъ плечами. Домашенко пробасилъ:

— Надо добывать вашего Ветлугина.

Товарищъ прокурора сорвался съ мѣста и сталъ нервно шагать изъ угла въ уголъ.

— Это невозможно!—воскликнулъ онъ. — Этотъ докторъ уже осужденъ и притомъ осужденъ нами же... Въ какомъ же положеніи мы всѣ очутимся предъ нимъ!?

Домашенко указалъ на кровать, на которой тихо стоналъ раненый:

— А въ какомъ положеніи находится вотъ онъ? Погибать ему, что-ли, изъ-за нашихъ щекотливыхъ положеній?

— Позвольте, — вспомнилъ товарищъ прокурора. — А тюремный врачъ? Вѣдь долженъ же быть здѣсь тюремный врачъ?

Фельдшеръ робко улыбнулся:

— Помилуйте-съ... Развѣ здѣшній тюремный врачъ что можетъ? Его и въ городѣ-то ни къ кому не зовутъ... А здѣсь нуженъ хирургъ. Тутъ въ самый бы разъ нужно позвать доктора Ветлугина: онъ хирургъ настоящій...

— Господа, — прервалъ фонъ-Радке своимъ металлическимъ начальственнымъ голосомъ.—Мы только зря теряемъ время. Необходимо вызвать доктора Ветлугина... И всего удобнѣе это сдѣлать господину товарищу прокурора, который не только можетъ, но и долженъ посѣщать мѣста заключенія...

Товарищъ прокурора развелъ руками.

— Я совершенно теряюсь, какъ это осуществить... пробормоталъ онъ.—Ни уставъ судопроизводства, ни циркуляры по тюремной части не предвидѣли такого инцидента..

III.

Въ девятьсотъ пятомъ году, въ разгаръ освободительнаго движенія, докторъ Ветлугинъ участвовалъ однажды на митингѣ, устроенномъ мѣстными учащимися, и произнесъ рѣчь, какія произносились тогда десятками и сотнями повсюду, Въ другой разъ онъ секретарствовалъ въ партійномъ собраніи и писалъ протоколъ засѣданія.

Эти политическія выступленія были у него случайны и неожиданны для него самого. Потомъ онъ опять углубился въ свою медицинскую работу и пересталъ и думать о нихъ. Онъ велъ городскую больницу, производилъ операціи, зашивалъ раны, сращивалъ сломанныя кости, вырѣзывалъ опухоли. О своемъ политическомъ прошломъ онъ давно пересталъ бы и вспоминать, какъ о минувшемъ снѣ, еслибы тяготѣвшая надъ нимъ съ той поры судебная власть постоянно не напоминала ему объ этомъ. Его рѣчь и его секретарствованіе были запротоколены, увѣковѣчены въ документахъ дознанія, и теперь уже никакая сила не могла вычеркнуть ихъ изъ прошлаго.

Сила закона упорно двигала его дѣло, не считаясь ни съ временемъ, ни съ перемѣной въ его характерѣ, убѣжденіяхъ и дѣятельности. И въ то время, когда докторъ Ветлугинъ лечилъ своихъ паціентовъ и производилъ надъ ними операціи, надъ нимъ самимъ производилась тоже своего рода операція: его распластывали на ложѣ предварительнаго слѣдствія, подвергали мучительнымъ разспросамъ и допросамъ и заставляли терять время и оставлять больныхъ на произволъ судьбы. И, наконецъ, совсѣмъ оторвали его отъ привычной дѣятельности, заключивъ въ предварительное заточеніе. А нынче пріѣхала палата и присудила доктора къ продолжительному заключенію въ крѣпости уже какъ осужденнаго, какъ преступника.

Для него настало кошмарное существованіе, которому онъ не находилъ ничего подобнаго во всей своей прежней жизни. Онъ былъ здоровъ, силенъ, вооруженъ болѣе, чѣмъ когда-либо, врачебными знаніями и опытомъ, — и тѣмъ не менѣе, наперекоръ всему, былъ обреченъ на странное и тягостное ничего недѣланіе *здѣсь*, въ тюрьмѣ, въ то время, когда *тамъ*, въ брошенной больницѣ, его настоятельно и громко звало важное и нужное дѣло...

И вдругъ въ его кошмарной и мутной тюремной жизни произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное и необыкновенное, рѣзко позвавшее его къ прежней подлинной жизни... Врачебная дѣятельность, отъ которой докторъ Ветлугинъ былъ

насильственно оторванъ судебнымъ приговоромъ, оказалась настолько важной и нужной, что судьи сами попросили доктора временно продолжить ее...

Представитель обвиненія вошелъ въ камеру, немного согнулся, желая изобразить нѣчто вродѣ поклона и въ то же время считая поклонъ съ своей стороны здѣсь неумѣстнымъ, и промолвилъ:

— Вы докторъ Ветлугинъ?

— Да, я Ветлугинъ,—отвѣтилъ докторъ.

Онъ стоялъ у окна, почти заслоняя его своей темной на свѣтломъ фонѣ фигурой. Докторъ былъ уже немолодой человѣкъ, съ круглой бородкой, въ очкахъ, съ особымъ свойственнымъ врачамъ пытливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкимъ взглядомъ. На немъ былъ „вольный“ пиджакъ и онъ ничѣмъ не походилъ на арестанта. Казалось, что онъ случайно оказался здѣсь, въ промозглой, узкой и тѣсной камерѣ съ маленькимъ рѣшетчатымъ окномъ и неровнымъ каменнымъ поломъ, въ духотѣ, пропитанной запахомъ солдатской овчины и отхожаго мѣста. Онъ казался (да и былъ въ дѣйствительности) неизмѣримо болѣе чужимъ человѣкомъ здѣсь, чѣмъ товарищъ прокурора съ его форменными почти военными погонами и строгимъ начальственнымъ видомъ тюремщика.

— Вы меня узнаете, докторъ?—началъ товарищъ прокурора любезнымъ тономъ.

— Да, узнаю,—отвѣтилъ докторъ, недоумѣвая.

Представитель обвиненія продолжалъ:

— Намъ приходится встрѣтиться еще разъ при довольно неожиданныхъ условіяхъ. Нашъ предсѣдатель нечаянно ранилъ себя изъ ружья. И такъ какъ въ городѣ не оказалось никого изъ врачей, то понимаете... Мы усердно просимъ васъ забыть на время, что вы осужденный, а мы представители осудившаго васъ вѣдомства, и надѣемся, что вы не откажетесь помочь раненому...

Докторъ молчалъ, пораженный.

— И нельзя ли по возможности поскорѣе?—продолжалъ товарищъ прокурора.—Если можно, сейчасъ, сію минуту... Раненый очень плохъ...

— Но я не знаю, какъ это осуществить...—пробормоталъ докторъ:—У меня нѣтъ ни инструментовъ, ничего, и я, вообще...

— Мы все это устроимъ. Я распоряжусь, чтобы васъ пропустили, и самъ отвезу васъ въ гостиницу къ предсѣдателю... Но только, Бога ради, поскорѣе...

Ветлугина охватилъ вихрь неожиданныхъ думъ, сопоста вленій, выводовъ. У него потемнѣло въ глазахъ предъ ка кими-то неожиданными и еще неясными перспективами. Въ

рѣшетчатое окно вдругъ заглянуло милое лицо свободы. Заглянуло—и въ зловонной камерѣ стало свѣтлѣе и свѣжѣе... Онъ почувствовалъ себя опять человѣкомъ того стараго. милаго для него міра, гдѣ люди идутъ своей, избранной ими самими дорогой, дѣлая то, къ чему готовились въ жизни и что составляетъ въ нихъ цѣль и смыслъ ихъ жизни...

Но съ выработанной имъ привычкой быстро оріентироваться въ неожиданныхъ обстоятельствахъ, когда его, бывало, вызывали ночью къ больному, докторъ сразу взялъ себя въ руки, угомонилъ вздымавшуюся въ немъ бурю щекотливыхъ вопросовъ и выводовъ и уже спокойно-дѣловымъ тономъ сказалъ:

— Что-жь, я готовъ. Ѣдемъ.

Товарищъ прокурора обрадовался. Ему было пріятно, что докторъ такъ просто согласился и своимъ согласіемъ избавилъ его отъ необходимости усиленно просить, настаивать и вообще „унижаться". Товарищъ прокурора воображалъ, что докторъ начнетъ отказываться, изображать изъ себя несчастную жертву судебнаго произвола, говорить о вопіющей несправедливости или же язвительно величаться и упрекать, что вотъ, молъ, вы меня превратили въ преступника, когда я былъ не нуженъ вамъ, а когда я сталъ нуженъ, такъ пришли ко мнѣ за услугами!.. Товарищъ прокурора былъ убѣжденъ, что ему придется выслушивать все это или нѣчто подобное. И, когда онъ убѣдился, что докторъ спокойно соглашается ѣхать къ раненому Ивану Андреевичу и не говоритъ своему бывшему обвинителю никакихъ язвительныхъ и жалкихъ словъ, представителю обвиненія стало легко. Онъ почувствовалъ даже что-то вродѣ благодарности къ доктору. Первая часть взятой имъ на себя задачи такимъ образомъ ликвидировалась благополучно и безъ особаго ущерба прокурорскому самолюбію (самъ по себѣ ущербъ все-таки былъ!) Оставалось разрѣшить вторую часть — какъ обойтись съ докторомъ далѣе, и что еще страшнѣе—какъ отговориться предъ начальствомъ за несомнѣнное нарушеніе тюремныхъ правилъ и дисциплины? Но это было еще въ будущемъ... И товарищъ прокурора вышелъ почти весело изъ острога вмѣстѣ съ докторомъ и крикнулъ извозчика.

Представитель обвиненія и его жертва усѣлись рядкомъ по-дружески на старенькую дребезжащую пролетку и покатили по пыльнымъ и тихимъ — еще болѣе тихимъ, чѣмъ давеча,—улицамъ, съ которыхъ уже ушло дневное солнце. Докторъ задалъ своему попутчику кое-какіе необходимые вопросы о состояніи паціента и замолчалъ. Наступила томительная пауза. Докторъ думалъ о томъ, что ему предпри-

нять съ больнымъ, судя по тѣмъ даннымъ, которыя ему были сообщены. Но почти противъ воли въ его мысли вторгалась дума о томъ, какую странную пару представляетъ онъ сейчасъ съ своимъ неожиданнымъ спутникомъ. Ему съ трудомъ вѣрилось, что рядомъ съ нимъ сейчасъ трясется на плохомъ извозчикѣ тотъ самый прокуроръ, который тамъ на судѣ громилъ доктора Ветлугина за участіе въ незаконномъ сообществѣ, а потомъ, когда судьи уже осудили Ветлугина, подыскивалъ и примѣрялъ, какъ новое платье, на доктора Ветлугина ту мѣру наказанія, которая, по его мнѣнію, наиболѣе подходила къ нему...

Почти объ этомъ же думалъ и товарищъ прокурора, но лишь съ точки зрѣнія ложнаго стыда. Онъ боялся встрѣтиться „въ такомъ обществѣ“ съ кѣмъ-либо изъ здѣшнихъ судейскихъ, которые, быть можетъ, еще не были освѣдомлены объ инцидентѣ и могли подумать Богъ знаетъ что о товарищѣ прокурора судебной палаты... Но мѣстныхъ судейскихъ, къ счастью, не встрѣчалось, товарищъ прокурора успокоился и его стало тяготить молчаніе.

— Неправда-ли, какое странное положеніе вещей? – любезно обратился онъ къ доктору: — Кто бы могъ подумать объ этомъ еще сегодня утромъ?

Докторъ молчалъ, погруженный въ свои думы. Обвинитель продолжалъ:

— У васъ, конечно, связаны со всѣми нами и въ томъ числѣ и съ нашимъ предсѣдателемъ самыя непріятныя воспоминанія. Но что-же дѣлать? Человѣкъ почти умираетъ... У насъ не было никакого другого выхода, какъ только пригласить васъ, поступившись неизбѣжными неловкостями и для васъ, и для насъ...

— Вѣроятно, не обойтись безъ операціи...—пробормоталъ докторъ.

— Что?—спросилъ товарищъ прокурора.

— Такъ, ничего особеннаго.

Опять наступило молчаніе. Дрожки, поскрипывая, мягко плыли въ густой пыли. Товарищъ прокурора снова началъ:

— Я прекрасно понимаю, что это очень большое испытаніе для вашей щепетильности и профессіональной этики, тѣмъ болѣе, что, какъ врачъ, вы не имѣете права отказываться отъ подачи медицинской помощи. Я понимаю, до какой степени вамъ должно быть непріятно ѣхать къ представителю осудившей васъ власти... Но повѣрьте, что и намъ, и въ частности мнѣ, стоило большого труда рѣшиться поѣхать къ вамъ... И согласитесь, что бываютъ минуты, когда официальныя условныя отношенія должны уступить мѣсто отношеніямъ простымъ, человѣческимъ и

сердечнымъ... И я увѣряю васъ, что ваше состояніе осужденнаго...

Докторъ нервно повелъ плечомъ и съ нѣкоторой ноткой раздраженія возразилъ:

— Къ больному ѣхать мнѣ нисколько не противно, кто бы онъ ни былъ. Для меня онъ только больной. Но я не понимаю, что за охота вамъ говорить все время о человѣческихъ и сердечныхъ отношеніяхъ и въ то же время постоянно напоминать мнѣ о моемъ состояніи осужденнаго...

Товарищъ прокурора извинился и съ недовольнымъ видомъ замолчалъ. Замолчалъ и осужденный докторъ и такъ молча оба они подъѣхали къ „Сѣверной гостиницѣ“. Докторъ снова взялъ себя въ руки и заставилъ себя думать только о паціентѣ. Въ сопровожденіи палатскихъ онъ прошелъ во второй этажъ къ раненому Ивану Андреевичу и осмотрѣлъ его.

Раненый предсѣдательствующій былъ очень слабъ и постоянно терялъ сознаніе и бредилъ. Когда докторъ снялъ повязку и сталъ изслѣдовать рану, онъ опять пришелъ въ себя и болѣзненно застоналъ. И увидѣлъ надъ собою спокойное и немного строгое чужое лицо — и не узналъ его... Онъ, осудившій два дня тому назадъ это лицо, предлагавшій ему строгіе и обидные вопросы и настаивавшій на признаніи его преступникомъ, теперь и не думалъ, и не зналъ, что этотъ преступникъ всѣми мѣрами старается вернуть его, предсѣдательствующаго, къ здоровью и жизни и призываетъ для этой цѣли всю свою великую и благую науку, предъ которой ничто и тлѣнъ та ложная и условная наука, которую предсѣдательствующій когда-то изучалъ на юридическомъ факультетѣ... Осудившій не узналъ осужденнаго...

Дѣло доктора Ветлугина было, съ точки зрѣнія предсѣдательствующаго, довольно простое и шаблонное. Въ одну эту сессію было заслушано до десяти точно такихъ же дѣлъ о произнесеніи рѣчей противоправительственнаго содержанія и объ участіи въ противозаконномъ сообществѣ. Самъ докторъ Ветлугинъ держался на судѣ очень скромно и просто, имѣлъ незамѣтный скромный и заурядный „интеллигентскій“ видъ и ничего рѣзкаго, талантливаго или неприличнаго не говорилъ. И его обликъ не оставилъ никакого слѣда въ памяти предсѣдателя.

Къ тому же предсѣдатель, пожилой и черствый человѣкъ, неудачникъ въ семейной жизни и холерикъ по темпераменту, въ огромномъ большинствѣ подсудимыхъ видѣлъ только правонарушителей и враговъ порядка и въ глубинѣ души искренне презиралъ ихъ. Они представлялись ему всѣ на одно лицо, какъ какой-то человѣческій соръ, который выме-

тался метлою юрисдикціи, но постоянно снова накапливался. Антипатія къ подсудимымъ еще болѣе обезличивала ихъ для него и обезпечивала ихъ быструю исчезаемость изъ его памяти—тѣмъ болѣе, что предсѣдательствующій часто даже не глядѣлъ на подсудимаго.

Онъ не узналъ доктора... Но докторъ слишкомъ хорошо узналъ его.

Онъ слишкомъ хорошо помнилъ сановныя тонкія черты этого человѣка, который тамъ на судѣ надменно и важно предлагалъ ему вопросы: „Признаете-ли себя виновнымъ“? и язвительно замѣчалъ потомъ: — „Очевидно, ваша докторская профессія оставляла вамъ слишкомъ много свободнаго времени для того, чтобы заниматься общественнымъ краснорѣчіемъ“. И докторъ Ветлугинъ чувствовалъ, что не можетъ ничего возразить на это предсѣдательское краснорѣчіе, для котораго у предсѣдательствующаго, очевидно, было болѣе, чѣмъ достаточно времени. И какъ же онъ ненавидѣлъ тогда этого язвительнаго и надменнаго сановника, это всемогущее предсѣдательствующее превосходительство, царившее на судѣ надъ правыми и виноватыми. Уже за одно то ненавидѣлъ онъ его, что оно—это судейское божество, видѣло въ немъ, докторѣ Ветлугинѣ, не только преступника, но, что гораздо хуже — какое-то полное ничтожество, съ которымъ даже нельзя говорить, какъ съ человѣкомъ, и на котораго не стоитъ смотрѣть, когда задаешь ему офиціальные вопросы.

И вотъ этотъ такъ ненавидимый имъ тогда человѣкъ лежалъ сейчасъ передъ нимъ, какъ жалкое нѣчто, какъ слабое и блѣдное воспоминаніе о человѣкѣ—и нуждалось въ помощи и взывало къ милосердію самаритянина. Докторъ не могъ отогнать отъ себя мысли о своей нравственной побѣдѣ и не могъ также заставить себя думать, что предъ нимъ сейчасъ *просто больной*—все равно, кто бы онъ ни былъ — эллинъ или іудей. Ненависти къ нему онъ не чувствовалъ, потому что не могъ ненавидѣть больное и слабое, страдающее и стонущее. Но заодно съ сознаніемъ своей побѣды въ его душѣ росла какая-то горькая нотка.

Онъ снова наложилъ повязку, сдѣлалъ раненому подкожное вспрыскиваніе и вышелъ въ корридоръ, гдѣ его ждали судьи.

— Ну, что, докторъ?

Докторъ пожалъ плечами.

— Необходима операція.

— Но онъ останется живъ?—спросилъ Радке.

— Надѣюсь.

— А это опасная операція? — обратился къ Ветлу

гину мѣстный товарищъ предсѣдателя окружного суда, зашедшій сюда навѣстить раненаго.

Доктора всегда раздражали такіе вопросы.

— Всякая операція опасна, — мрачно промолвилъ онъ.— Но чѣмъ скорѣе сдѣлать ее въ данномъ случаѣ, тѣмъ меньше опасность.

— Скажите, докторъ,—вмѣшался товарищъ прокурора.— А вы гдѣ думаете произвести операцію?

Ветлугинъ смѣшался. Онъ уже думалъ объ этомъ. Ему не хотѣлось идти въ свою прежнюю больницу, отъ которой онъ былъ отлученъ судебнымъ приговоромъ. Онъ слишкомъ любилъ ее. Это было тяжело для него. Но тамъ было бы всего удобнѣе для раненаго, и слѣдовало имѣть въ виду только его интересы.

— Я думаю, что раненаго надо во всякомъ случаѣ отправить въ городскую больницу,—промолвилъ онъ.

— А здѣсь нельзя?—спросилъ товарищъ прокурора.

— Здѣсь нельзя,—отрѣзалъ докторъ:—Я не могу дѣлать операцію въ трактирѣ.

— Я могъ бы предложить комнату въ моей квартирѣ, — замѣтилъ мѣстный судейскій.

— Нѣтъ, господа, это вѣдь не зубы рвать!—мрачно возразилъ докторъ.—Я могу только въ больничной операціонной.

Товарищъ прокурора сдѣлалъ недовольное лицо. Ему не хотѣлось опять везти осужденнаго черезъ весь городъ. Но докторъ былъ теперь для всѣхъ палатскихъ слишкомъ авторитетнымъ лицомъ. Судьи чувствовали себя какъ бы въ присутствіи какого-то важнаго и властнаго человѣка—еще болѣе важнаго и властнаго, чѣмъ они сами... Особенно чувствовалъ это Домашенко, который почти съ благоговѣніемъ смотрѣлъ доктору въ глаза и ухаживалъ за нимъ. И товарищъ прокурора былъ принужденъ подчиниться докторскому „нельзя“.

Докторъ вызвалъ фельдшера, велѣлъ доставить больничныя носилки и отправить раненаго въ больницу. Фельдшеръ сіялъ всѣмъ своимъ естествомъ и даже подпрыгивалъ на ходу... Въ простотѣ души онъ былъ увѣренъ, что Ветлугина совсѣмъ выпустили на волю, и онъ, фельдшеръ, опять будетъ работать подъ начальствомъ у своего любимаго доктора...

IV.

Докторъ поѣхалъ въ больницу на извозчикѣ и опять-таки въ сопровожденіи товарища прокурора. Послѣдній никакъ не могъ рѣшиться оставить доктора безъ надзора, потому что считалъ себя отвѣтственнымъ за него. Онъ какъ бы взялъ доктора на поруки и обязался доставить его въ цѣлости и

сохранности обратно въ тюрьму—и поэтому считалъ необходимымъ лично слѣдить за нимъ, втайнѣ побаиваясь, что докторъ соблазнится открывшейся предъ нимъ нежданной свободой и попытается бѣжать... Тогда возникнутъ крупнѣйшія служебныя непріятности. Товарищъ прокурора вообще очень безпокоился, что скажетъ по поводу этой исторіи высшій прокурорскій надзоръ и сочтетъ ли допустимымъ такое вольничанье съ осужденнымъ по политическому дѣлу? Онъ втихомолку даже совѣтовался объ этомъ съ фонъ-Радке, какъ съ большимъ формалистомъ, чѣмъ Домашенко, и при томъ недавнимъ прокуроромъ. И тотъ успокаивалъ его:

— Это совершенно исключительный случай. Не могутъ же придраться къ несоблюденію установленнаго порядка въ такомъ особенномъ положеніи вещей.

— Но вѣдь подобное изъятіе осужденнаго изъ мѣста заключенія незаконно?—настаивалъ Новицкій.

Фонъ-Радке надменно улыбнулся сквозь свои черные усы.

— По нуждѣ и закону премѣна бываетъ. Я убѣжденъ, что и нашъ бѣдный Иванъ Андреевичъ ничего бы не имѣлъ противъ такого беззаконія, а ужъ онъ ли у насъ не законникъ.

Однако и самъ фонъ-Радке не могъ сказать товарищу прокурора ничего положительнаго на счетъ того, пройдетъ ему даромъ вся эта необыкновенная и тревожная исторія или не пройдетъ. Онъ не могъ припомнить ни одного хоть сколько-нибудь подходящаго циркуляра или разъясненія. И товарищъ прокурора утѣшался и успокаивалъ себя только тѣмъ, что старался не отпускать доктора ни на шагъ отъ себя. И чтобы смягчить непріятныя стороны этого надзора, занималъ доктора пріятными разговорами.

Занималъ онъ его и по пути въ больницу—за городъ, въ казенный лѣсъ, гдѣ была расположена недавно отстроенная чистенькая и свѣтлая больница, въ которой прежде хозяйничалъ докторъ Ветлугинъ и куда его везли сейчасъ въ качествѣ временно возстановленнаго въ своихъ правахъ „бывшаго человѣка". Докторъ внутренно весь съеживался отъ этого занимания, какъ отъ прикосновенія чего-то липкаго и неопрятнаго, но молчалъ. Горькая нотка все сильнѣе звучала въ его душѣ...

Вотъ и больница. Осѣненные деревьями желтые бараки были молчаливы и, казалось, спали въ ожиданіи настоящаго хозяина. Въ больницѣ было почти пусто. Дверь отворилъ сторожъ.

Онъ изумленно выпучилъ глаза, увидѣвъ доктора.

— Батюшки свѣты! Николай Николаевичъ!—возопилъ онъ, заметавшись.—Господи помилуй, вотъ радость-то намъ.

Какъ и фельдшеръ, онъ рѣшилъ, что доктора совсѣмъ выпустили на свободу... Ветлугинъ нахмурился. И, не поздоровавшись ни со сторожемъ, ни съ сидѣлками и какъ бы давая имъ этимъ понять, что его, доктора, въ сущности, сейчасъ здѣсь нѣтъ и что онъ не имѣетъ никакого права быть сейчасъ здѣсь и быть для нихъ докторомъ и Николаемъ Николаевичемъ, онъ торопливо прошелъ въ свой бывшій кабинетъ, чтобы переодѣться, вымыться и приготовить инструменты...

Имъ овладѣло горькое и странное чувство, усиливавшееся почти до степени бреда на яву: какъ будто онъ умеръ, безнадежно и безповоротно ушелъ изъ міра, и вдругъ случайно получилъ возможность опять на короткое время побывать въ этомъ дорогомъ и миломъ оставленномъ мірѣ, но уже не какъ живой человѣкъ, а какъ призракъ, не имѣющій ни права, ни возможности оставаться среди живыхъ людей.

Члены палаты пріѣхали въ больницу слѣдомъ за товарищемъ прокурора и докторомъ. Фонъ-Радке интересовался исходомъ операціи, а Домашенко чувствовалъ, что надо как-нибудь поправить безтактность товарища прокурора, „прицѣпившагося“ къ доктору: для этого онъ счелъ цѣлесообразнымъ составить доктору компанію, чтобы у доктора не было впечатлѣнія, будто товарищъ прокурора его караулитъ... Съ однимъ товарищемъ прокурора докторъ былъ-бы въ больницѣ какъ въ тюрьмѣ, а со всѣми палатскими онъ былъ тамъ уже „въ обществѣ“...

Они усѣлись въ пріемной. Къ нимъ вышелъ фельдшеръ, уже привезшій раненаго, и принесъ халаты.

— Я попрошу васъ, господа, надѣть халаты, — сказалъ онъ — у насъ безъ халатовъ не полагается, и Николай Николаевичъ строго за этимъ слѣдятъ. Они сказали, что вамъ можно посидѣть только въ пріемной, а дальше никуда нельзя. Вслѣдствіе стерильности.

Палатскіе послушно подчинились этимъ „можно“ и „нельзя“, исходившимъ отъ осужденнаго ими преступника. Они надѣли бѣлые просторные халаты и сами стали походить въ нихъ на докторовъ.

Домашенко пошутилъ:

— А вѣдь теперь по лѣтнему времени такое одѣяніе хоть куда. Вотъ порыбачить бы въ немъ... Душа радуется.

— Я нахожу наши судейскіе мундиры и цѣпи совсѣмъ не импозантными,—замѣтилъ фонъ-Радке: — судьямъ приличествуетъ длинное жреческое одѣяніе, вродѣ этого халата, но только не бѣлаго цвѣта.

Надѣлъ халатъ и товарищъ прокурора и сдѣлалъ надменное лицо, чтобы не казаться смѣшнымъ въ этой одеждѣ.

Онъ задумчиво ходилъ большими шагами по свѣтлой, ослѣпительно бѣлой пріемной, въ которой всѣ четыре угла были закруглены, карнизовъ не было, а мебель была бѣлая лакированная. Товарищъ прокурора не переставалъ безпокоиться насчетъ доктора.

— Какъ вы думаете?—обратился онъ къ Радке.—Не поставить ли на всякій случай стражу у воротъ больницы?

— Зачѣмъ?—возмутился Домашенко.—Къ чему это?

— Кто жь его знаетъ... Не вздумалъ-бы воспользоваться случаемъ...

— Ну, знаете, у васъ черезчуръ пылкая фантазія.

Товарищъ прокурора обидчиво передернулъ плечами.

— Очень вамъ благодаренъ... А если что случится, кто въ отвѣтѣ?

Фонъ-Радке поддержалъ его:

— Разумѣется, осторожность никогда не мѣшаетъ.

— Да куда-же онъ убѣжитъ?—возмущался Домашенко.— И зачѣмъ ему убѣгать? Надо же принять въ соображеніе, что у него навѣрное имѣется сознаніе профессіональнаго долга. Никуда и никогда онъ не убѣжитъ отъ операціи...

— Я тоже полагаю, что онъ не убѣжитъ,—спокойно произнесъ фонъ-Радке.

— Такъ зачѣмъ же стража? Зачѣмъ говорить объ осторожности?

— Я говорилъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Не мѣшаетъ создать такую обстановку, которая съ формальной стороны обезпечиваетъ насъ отъ обвиненій въ беззаконіи, небрежности, въ служебномъ упущеніи. Необходимо въ такихъ случаяхъ обезопасить фактъ. Намъ будутъ говорить: „Помилуйте, какъ же можно, вы даже не потрудились поставить стражу! Какая неосторожность"!.. Но если мы примемъ всѣ мѣры, хотя бы въ дѣйствительности и ненужныя, тогда другое дѣло... Вотъ это я и называю разумной осторожностью въ данномъ случаѣ...

— Именно, именно!..—горячо подхватилъ товарищъ прокурора.—Совершенно согласенъ съ вами.

— Мудрость змія...—усмѣхнулся Домашенко.

— А кромѣ того,—продолжалъ представитель прокурорскаго надзора,—я съ своей стороны совершенно не увѣренъ. что онъ устоитъ предъ соблазномъ... Конечно, онъ не успѣетъ осуществить свой побѣгъ, хотя у него могутъ быть дѣятельные сообщники—этотъ фельдшеръ очень подозрителенъ... И сторожъ тоже... Но даже и одно покушеніе на побѣгъ, даже и не удавшееся, грозитъ крайне непріятными служебными осложненіями... Сейчасъ же поставятъ на видъ то, о чемъ сейчасъ говорилъ Генрихъ Генриховичъ... И въ этихъ ви-

дахъ я считаю безусловно необходимымъ поставить стражу... Ну, хоть не у воротъ, чтобы не конфузить доктора, а гдѣ-нибудь подальше, въ засадѣ...

Домашенко вспыхнулъ и заговорилъ густымъ басомъ, комкая свою длинную бороду.

— У васъ, господинъ товарищъ прокурора, бредъ преслѣдованія.

Товарищъ прокурора тоже вспыхнулъ.

— Я васъ просилъ бы быть не столь остроумнымъ. Ничего смѣшного въ томъ нѣтъ, что я забочусь о болѣе правильномъ выполненіи моихъ служебныхъ обязанностей.

— Да нельзя же зря оскорблять человѣка!—кричалъ Домашенко —Неужели вы не понимаете, что вы вашей кустодіей только зря оскорбите доктора... Докторъ дѣлаетъ святое дѣло, а вы „господинъ городовой, пожалуйте сюда, встаньте на всякій случай около святого дѣла...“ Вотъ что-съ!

— Святое дѣло!—почти взвизгнулъ Новицкій—это еще неизвѣстно... Я лично совершенно еще не увѣренъ въ томъ, что осужденный не воспользуется такимъ блестящимъ случаемъ для сведенія счетовъ съ предсѣдателемъ, который руководилъ его осужденіемъ. Развѣ мало было случаевъ мести, нападеній на предсѣдателей?

Домашенко въ отвѣтъ только замычалъ. Фонъ-Радке вмѣшался своимъ надменнымъ тономъ:

— Господа, вы можете обезпокоить оперируемаго. Не слѣдуетъ такъ волноваться.

Въ этотъ моментъ на порогѣ появился докторъ. Увидя его и убѣдившись, что докторъ пока еще никуда не убѣжалъ, товарищъ прокурора временно успокоился. Докторъ былъ съ мокрыми красными руками и лицомъ: онъ только что принялъ ванну передъ операціей.

— Господа,—обратился онъ къ палатскимъ—я совѣтовалъ бы вамъ не безпокоиться и пойти къ себѣ, чѣмъ сидѣть здѣсь неопредѣленное время. Операція, по всей вѣроятности, затянется... О результатѣ же я сообщу вамъ немедленно лично.

Палатскіе переглянулись.

— Мы, знаете, ужъ очень безпокоимся объ Иванѣ Андреевичѣ,—промолвилъ Новицкій—ужъ лучше мы здѣсь посидимъ.

Докторъ вспыхнулъ яркимъ заревомъ до самыхъ ушей. Онъ сдѣлалъ свое предложеніе безъ всякой задней мысли, просто потому, что его всегда безпокоили и возбуждали люди, ожидавшіе здѣсь, у него подъ носомъ, исхода операціи. Но ему сейчасъ напомнили, что онъ преступникъ и

арестантъ и въ качествѣ таковаго подлежитъ надзору. Эти господа могли подумать (и, навѣрное, и подумали) что онъ уговариваетъ ихъ уйти для того, чтобы воспользоваться отсутствіемъ надзора и бѣжать. И мысль о томъ, что его могли заподозрить въ желаніи убѣжать, бросивъ больного на произволъ судьбы, была такъ возмутительна и тяжка для него, что докторъ, взрослый и уравновѣшенный человѣкъ, едва не разрыдался, какъ маленькій ребенокъ.

— Ну, какъ вамъ угодно—пробормоталъ онъ съ сжавшимся горломъ и скрылся въ корридорѣ.

Прошло полчаса. Прошелъ часъ. Наступилъ свѣтлый сѣверный вечеръ, незамѣтно подмѣнившій ослѣпительную яркость дня мягкими тонами бѣлесоватыхъ сумерекъ. Товарищъ прокурора все еще ходилъ, какъ привидѣніе, въ бѣломъ халатѣ изъ угла въ уголъ. Онъ опять безпокоился о докторѣ. Фонъ-Радке, не любившій сидѣть сложа руки и всегда имѣвшій про запасъ какую-нибудь портативную книжечку, сидѣлъ въ удобной позѣ на лакированномъ гнутомъ креслѣ и читалъ карманное англійское изданіе „Холоднаго Дома". Домашенко волновался и не могъ ни на чемъ сосредоточиться. Его безпокоило состояніе Ивана Андреевича и страшилъ исходъ операціи. А кромѣ того его волновали неожиданныя, необыкновенныя мысли касательно доктора и всей этой странной и еще небывалой исторіи. Онъ бродилъ разсѣянными глазами по комнатѣ и ему казалось, что всѣ они Радке, товарищъ прокурора, и самъ онъ, собрались здѣсь на какое-то странное засѣданіе, въ которомъ долженъ былъ разбираться вопросъ о чемъ-то важномъ и необычномъ, что имѣло жизненное значеніе и для доктора, и для нихъ самихъ. „Это все по поводу операціи"—мысленно говорилъ онъ самъ себѣ, вникая въ еще неясную для него мысль. „Мы судимъ. Но кого?" И вдругъ ему съ поразительной ясностью пришла другая мысль: „Не мы судимъ, а насъ судятъ".

Отъ волненія Домашенко даже всталъ съ кресла.

— Да,—началъ онъ, продолжая свою мысль:—во всякомъ случаѣ, кто кого, а докторъ судитъ Ивана Андреевича.

— Что?—спросилъ фонъ-Радке, отрываясь отъ Диккенса.

Домашенко уже совершенно опредѣленно понималъ и зналъ, что сейчасъ, гдѣ-то за дверями, совершался важный и таинственный судъ надъ здравіемъ и самою жизнью человѣка—судъ милостивый и внимательный, и справедливый, одинаковый и для богача, и для бѣдняка, для преступника и для праведника...

— Да, роль довольно неожиданная!—продолжалъ онъ:—нашъ Иванъ Андреевичъ играетъ сейчасъ, можно сказать,

роль подсудимаго... Для него это нѣкоторымъ образомъ capitis deminutio, тѣмъ болѣе, что судитъ-то никто иной, какъ его же собственный подсудимый. И еще какъ судитъ. Словно въ военномъ судѣ—быть или не быть.

Фонъ-Радке отложилъ книжку, потянулся и промолвилъ:

— Я гдѣ-то видѣлъ, кажется, въ Эрмитажѣ, картину, на которой изображенъ судъ животныхъ надъ людьми. Вы понимаете: полная перемѣна ролей, причемъ животныя являются хозяевами положенія. Они судятъ людей за жестокое обращеніе съ ними и выносятъ приговоръ: подвергать людей всему тому, чему люди подвергали животныхъ. Далѣе мы видимъ приведеніе приговора въ исполненіе: свинья жаритъ человѣческую ногу, лошадь погоняетъ кнутомъ человѣка и т. п. Довольно забавно.

Домашенко пробурчалъ:

— Нельзя же въ данномъ случаѣ говорить о животныхъ.

Фонъ Радке усмѣхнулся:

— Я принимаю вашу поправку:

Товарищъ прокурора не принималъ участія въ разговорѣ. Онъ, наконецъ, не выдержалъ одолѣвавшаго его безпокойства и вышелъ изъ пріемной въ корридоръ.

Откуда-то доносилось легкое и мягкое позвякиванье, какъ будто кто-то волочилъ тонкую металлическую цѣпочку и бросалъ ее на металлическое блюдо. Товарищъ прокурора прислушался и понялъ, что это странное звяканье раздавалось изъ-за сосѣдней двери. Это звякали пинцеты, бросаемые въ тазъ. Товарищъ прокурора подошелъ къ самой двери и началъ прислушиваться, тамъ ли докторъ?

Докторъ былъ тамъ. Временами до товарища прокурора доносился его тихій голосъ: докторъ отдавалъ приказаніе фельдшерамъ или сидѣлкѣ. Потомъ опять слышалось звяканье пинцетовъ, и никакого иного звука больше не доносилось изъ операціонной комнаты, какъ будто тамъ, кромѣ доктора и его молчаливыхъ помощниковъ, никого не было. Такъ странно и страшно было это молчаніе тамъ, гдѣ рѣзали по живому мѣсту живого человѣка. Товарищъ прокурора, конечно, зналъ, что Иванъ Андреевичъ былъ захлоформированъ, но тѣмъ не менѣе его молчаніе, его кажущееся отсутствіе производили на него странное и жуткое впечатлѣніе. Онъ невольно вспомнилъ слова Домашенка о судѣ надъ Иваномъ Андреевичемъ. Какъ разнился этотъ молчаливый судъ отъ *того* суда—многорѣчиваго и краснорѣчиваго, на которомъ тоже рѣзали живыхъ людей по живому мѣсту!

Въ просторномъ корридорѣ, выбѣленномъ и выкрашенномъ въ масляную краску, съ желтымъ блестящимъ поломъ,

было свѣтло, не смотря на наступившій вечеръ. Въ окнѣ въ концѣ корридора свѣтлѣла гладь озера—матово-бѣлая, походившая на небо, страннымъ образомъ опрокинувшееся внизъ.

Внезапно дверь операціонной комнаты отворилась и на порогѣ появился докторъ Ветлугинъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь? — спросилъ онъ представителя обвинительной власти и нахмурился.

Товарищъ прокурора немного смутился и постарался улыбнуться.

— Я, знаете, зашелъ полюбопытствовать.... — пробормоталъ онъ.—Здѣсь у васъ такая своеобразная обстановка и такая чистота. Вотъ, если бы у насъ въ судѣ...

— Я прошу васъ уйти!..—сердито сказалъ докторъ:— Вы недостаточно стерильны, чтобы находиться здѣсь, почти въ самой операціонной... Пожалуйста, потрудитесь пройти въ пріемную.

Товарищъ прокурора подчинился этому новому „нельзя", исходившему отъ осужденнаго, и отошелъ отъ двери...

Въ пріемной его встрѣтили вопросами:

— Ну, что тамъ дѣлается?

Товарищъ прокурора могъ бы сказать: „Тамъ дѣлаютъ выговоры товарищамъ прокурора"... Но онъ отвѣтилъ иное:

— Операція кончается.

Фонъ-Радке сказалъ:

— А что-же мы будемъ дѣлать съ докторомъ, когда онъ окончитъ операцію?

Товарищъ прокурора пожалъ плечами:

— Это и для меня самого больной вопросъ.

— Что-жь, въ острогъ его обратно, что-ли?—проворчалъ Домашенко:—Это послѣ святого-то дѣла?

— Что-жь дѣлать? Какъ же иначе?

— Ахъ, ты, Боже мой!—простоналъ старикъ, закручивая бороду.—Да что же это такое у насъ дѣлается? Вѣдь это же просто безобразіе!

Фонъ-Радке и Новицкій стали горячо совѣщаться, что предпринять съ докторомъ? Отправить ли его сейчасъ же въ острогъ или выждать, пока пріѣдетъ другой врачъ? Товарищъ прокурора боялся оставить доктора на ночь внѣ стѣнъ тюрьмы, а фонъ-Радке предлагалъ прежде всего считаться съ состояніемъ оперированнаго и ради него „протянуть компромиссъ до послѣдней возможности"... Въ принципѣ онъ ничего не имѣлъ и противъ стражи, но совѣтовалъ охранять доктора незамѣтно для него самого, ибо такъ было приличнѣе... Въ общемъ, оба они—и членъ палаты, и

представитель прокурорскаго надзора—стремились сочетать требованія формализма и законности съ требованіями общежитейскихъ приличій и удобствъ — и у нихъ ничего въ результатѣ не выходило...

Домашенко забиралъ всю бороду въ кулакъ, яростно жевалъ ее, грузно переворачивался всѣмъ туловищемъ съ одной стороны кресла на другую и, сморщившись, повторялъ:

— Все это не то, господа, все это не то!

— Ну, такъ что же?—раздраженно спросилъ его товарищъ прокурора.

— Эхъ, господа юристы, — продолжалъ безпокойный старикъ. — Вы лучше о томъ подумайте, нельзя ли какъ-нибудь доктора-то совсѣмъ не заточать въ тюрьму?

— А вы не юристъ?—спросилъ, усмѣхнувшись, Радке.

— Къ сожалѣнію, юристъ.

— Зачѣмъ-же вы ставите такой абсурдный вопросъ?

Домашенко поднялся во весь свой богатырскій ростъ.

— Да вѣдь тутъ въ самомъ существѣ дѣла абсурдъ!—воскликнулъ онъ.—Разрѣшите вы мнѣ его, Бога ради... Вѣдь докторъ-то исправитъ ошибку въ дѣлѣ самой природы, спасетъ человѣка отъ напрасной смерти, а мы не только ничего не исправимъ въ человѣческомъ дѣлѣ, не только не спасемъ доктора отъ тюрьмы, но постараемся поскорѣе упечь его обратно туда... Почему? Потому что законъ!.. Противъ закона ничего не подѣлаешь... Вотъ и выходитъ, что нашъ человѣческій законъ, несовершенный и придуманный, куда сильнѣе, чѣмъ законы природы... Природа присудила Ивана Андреевича къ смерти, а докторъ Ветлугинъ взялъ да и кассировалъ этотъ приговоръ, и Иванъ Андреевичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уѣдетъ отсюда домой. А вотъ мы присудили доктора Ветлугина къ тюрьмѣ, и ужъ никакія силы его отъ тюрьмы не спасутъ... Развѣ не абсурдъ это? Подумаешь, какая-то непреодолимая стихійная сила двигаетъ уголовный процессъ... Такъ вотъ, я вамъ опять и ставлю абсурдный вопросъ: неужели нельзя избавить доктора отъ тюрьмы?

— Нельзя быть такимъ экспансивнымъ, Петръ Васильевичъ,—улыбнулся фонъ-Радке.—Съ такой экспансивностью вамъ не пройти ни за что въ сенатъ. Тамъ требуется хладнокровіе небожителей...

— А на что мнѣ вашъ сенатъ?—вскипѣлъ старикъ.—Вы мнѣ скажите, какъ сдѣлать, чтобы докторъ Ветлугинъ и не нюхалъ этой подлой тюрьмы?

— Да зачѣмъ вамъ это?—подтрунивалъ Радке.

— Мутитъ меня все это!.. Что-же это такое?

Фонъ-Радке спокойно промолвилъ:

— Право и нравственность не всегда совпадаютъ, равно какъ законъ и справедливость. Это внушалось еще на первомъ курсѣ университета. И вы должны были усвоить это.

— А я вотъ и не усвоилъ.

Появленіе доктора прервало ихъ разговоръ.

— Ну, что, докторъ? — обратились къ Ветлугину всѣ трое.

— Ничего. Пока все благополучно,—отвѣтилъ докторъ.

— Можно къ нему?—спросилъ Домашенко.

— Нѣтъ, я не совѣтовалъ бы!—возразилъ Ветлугинъ:— Онъ еще очень слабъ послѣ наркоза. Лучше не безпокоить его.

Наступило неловкое молчаніе. Подходилъ моментъ, когда надлежало (по мнѣнію товарища прокурора) спросить доктора, нуждается-ли оперированный въ его услугахъ и далѣе или можно его оставить подъ присмотромъ низшаго персонала до пріѣзда другого врача? Но ни товарищъ прокурора, ни фонъ-Радке не рѣшались поднять этотъ вопросъ, не смотря на всю ихъ самоувѣренность. И всѣ трое испытывали крайнюю неловкость. Такую же неловкость испытывалъ и докторъ, не знавшій, что съ нимъ будетъ далѣе.

Товарищъ прокурора, наконецъ, рѣшился:

— Скажите, пожалуйста, докторъ,—началъ онъ—можно ли теперь оставить больного на фельдшера или же вы считаете это преждевременнымъ?

Докторъ съ удивленіемъ взглянулъ на него. И не успѣлъ ничего еще отвѣтить, какъ Домашенко вмѣшался въ разговоръ и, неловко подойдя къ доктору, загородилъ его своимъ массивнымъ тѣломъ отъ товарища прокурора и промолвилъ:

— А теперь позвольте, докторъ, просить васъ къ намъ въ гостиницу на чашку чаю. Отдохнуть и побесѣдовать.

Фонъ-Радке и Новицкій переглянулись. Приглашеніе Домашенка произвело на нихъ впечатлѣніе скандала. Но не поддержать Домашенка было неудобно...

Докторъ согласился.

Фонъ-Радке поѣхалъ въ гостиницу съ товарищемъ прокурора. Толстый Домашенко взялъ доктора за талію и не отпускалъ его отъ себя до самаго выхода на крыльцо, словно охраняя его отъ товарища прокурора. А на крыльцѣ онъ зычнымъ голосомъ крикнулъ извозчика, почти насильно посадилъ доктора на дрожки и усѣлся съ нимъ.

Онъ ѣхалъ съ докторомъ впереди. Ѣхавшій за ними вмѣстѣ съ Радке товарищъ прокурора не спускалъ съ нихъ глазъ и жаловался своему спутнику:

— Это такъ неудобно, такъ неприлично—это распиванiе чаю съ осужденнымъ... Нашъ Петръ Васильевичъ удивительно безтактенъ.

Радке величественно усмѣхнулся.

— Компромиссъ еще не исчерпанъ,—промолвилъ онъ.— Да и вообще я не вижу ничего злокачественнаго въ этомъ чаѣ. Весь этотъ случай такъ экзотиченъ, такъ выходитъ изъ обычныхъ отношенiй и рамокъ, что одинъ лишнiй чай съ осужденнымъ уже не дѣлаетъ музыки... Домашенко человѣкъ экспансивный и сентиментальный, но въ общемъ онъ правъ... А что будетъ дальше--посмотримъ...

V.

Было уже поздно.

Въ тѣсномъ номерѣ „Сѣверной гостиницы" докторъ и палатскiе пили чай и закусывали и бесѣдовали. Къ нимъ пристроился въ компанiю одинъ изъ мѣстныхъ судейскихъ, прiѣзжавшихъ въ гостиницу и больницу справляться о состоянiи раненаго предсѣдательствующаго палаты. Въ окнахъ бѣлѣла свѣтлая ночь, похожая на спящiй день, который сомкнулъ свои уставшiе отъ солнечнаго блеска глаза и отдыхалъ въ тихомъ и ровномъ свѣтѣ отъ жары и огня солнечныхъ лучей. Эта ночь безгранично охватила спящiй городъ и все, что было за городомъ—лѣса и болота, и озеро, и была отграничена на горизонтѣ только безпредѣльными колючими вершинами лѣсовъ и дымящимися болотами...

Въ номерѣ было свѣтло отъ низко опущенной пылавшей лампы, и было душно и накурено и шумно. Можно было подумать, что здѣсь пируетъ шумная студенческая компанiя—такъ громко звучали голоса, и такъ раскатисто раздавался разговоръ...

Докторъ совершенно неожиданно для себя разошелся и пересталъ хмуриться. Отчасти этому помогла удачно проведенная операцiя, отчасти выпитыя двѣ-три рюмки вина, а всего болѣе добродушное вниманiе, выказываемое къ нему толстымъ, шумливымъ и разговорчивымъ Домашенкомъ, который теперь не отпускалъ доктора ни на шагъ, словно боясь, что товарищъ прокурора какъ-нибудь подкрадется и отвезетъ доктора въ тюрьму... Онъ тоже занималъ доктора разговорами, но это заниманье было совсѣмъ иного сорта, чѣмъ прокурорское, и докторъ охотно отзывался на него.

Доктору казалось, что онъ видитъ сонъ, будто ничего кошмарнаго и противоестественнаго, ничего нелѣпаго-судебнаго въ его жизни нѣтъ и не бывало, и что никогда онъ не сиживалъ въ острогѣ и вовсе не будетъ сидѣть еще долгое время въ крѣпости, но находится на свободѣ среди

интеллигентныхъ людей, интересущихся запросами духа и общественными и научными вопросами. Странный сонъ длился вотъ уже нѣсколько часовъ, а докторъ все еще не просыпался, и у него росла нелѣпая, но все-таки живая надежда, что, можетъ быть, онъ и совсѣмъ не проснется въ живую дѣйствительность.

Его собесѣдники тоже разошлись, сбросили привычныя оковы судебнаго представительства и ощущеніе неловкости предъ осужденнымъ и чувствовали себя съ нимъ безъ стѣсненія. Докторъ въ концѣ концовъ былъ интересенъ, какъ человѣкъ: онъ хорошо и занимательно говорилъ, разсказывалъ много поучительнаго и интереснаго изъ своей практики и изъ жизни мѣстнаго края. Судьи охотно и много говорили съ нимъ и испытывали удовольствіе отъ бесѣды съ нимъ. Отъ малаго, но яркаго огня въ ночной темнотѣ зажигается большой и жаркій костеръ и горитъ, разсыпая искры и освѣщая ночную мглу... Такимъ огнемъ здѣсь былъ Домашенко: отъ него зажегся докторъ, потомъ членъ мѣстнаго суда. Затѣмъ зажегся корректный и надменный фонъ-Радке. Русскіе интеллигентные люди любятъ поговорить съ умнымъ человѣкомъ о разныхъ общихъ и принципіальныхъ вопросахъ, любятъ поспорить, послушать въ разговорѣ съ умнымъ человѣкомъ самихъ себя и, въ частности, любятъ поговорить съ докторомъ о болѣзняхъ. А Ветлугинъ былъ интеллигентнымъ человѣкомъ, дѣлалъ въ разговорѣ интересныя обобщенія и былъ врачъ.

Домашенко съ перваго же раза заговорилъ съ докторомъ по душѣ и уже не чинился съ нимъ. Фонъ-Радке первое время испытывалъ нѣкоторую неловкость при не оставлявшей еще его мысли, что предъ нимъ, какъ никакъ, осужденный... Но онъ былъ очень культурный и очень воспитанный нѣмецъ, привыкшій съ дѣтства къ положенію, что всякій гость есть гость и что поэтому съ нимъ надо быть внимательнымъ и любезнымъ... Онъ и у себя въ усадьбѣ, въ Лифляндіи, иной разъ принималъ не совсѣмъ удобныхъ гостей, которые шокировали его,—но онъ и съ ними всегда былъ безукоризненно любезенъ. То же самое было и здѣсь съ докторомъ. Но мало по малу разошелся и Радке и докторъ пересталъ шокировать его.

И вотъ, когда они бесѣдовали другъ съ другомъ за стаканомъ чая въ тѣсномъ общеніи, то со стороны должно было казаться, что это вовсе не членъ палаты такой-то и не осужденный по дѣлу такому-то такой-то, а просто Николай Николаевичъ, Петръ Васильевичъ, Генрихъ Генриховичъ, милые и хорошіе знакомые, университетскіе товарищи.

Тихая и таинственная бѣлая ночь, царившая надъ захо-

лустнымъ городомъ, точно околдовала ихъ и превратила совсѣмъ въ другихъ людей... Бѣлая ночь на краю свѣта, гдѣ народъ вѣрилъ въ оборотней, привидѣнія, въ колдовство и волшебство, совершила здѣсь въ тѣсномъ и душномъ номерѣ гостиницы одно изъ необыкновеннѣйшихъ чудесъ нашей современной жизни — мирную и дружную бесѣду за стаканами чая судей съ осужденнымъ ими подсудимымъ...

Они разговаривали о медицинѣ, о провинціальной жизни, о земствѣ, о современной литературѣ... Но не говорилось ни слова о той горькой и печальной обыденщинѣ, изъ-за которой всѣ они собрались здѣсь: о докторѣ, о его положеніи, о его судьбѣ... И Домашенко, и Радке сознавали невозможность и неловкость этой темы для разговора, равно какъ и вообще не рѣшались говорить о судѣ, о нынѣшней сессіи, о судебныхъ дѣлахъ...

Обыденную дѣйствительность не упускалъ изъ вида одинъ только товарищъ прокурора. Его все время грызла мысль: какъ быть съ докторомъ? Изъ больницы каждые полчаса сообщали о состояніи Ивана Андреевича: все шло хорошо и благополучно, температура не поднималась, пульсъ былъ хорошій. „Значитъ, — думалъ товарищъ прокурора— можно оставить Ивана Андреевича на фельдшера“... Самъ докторъ нѣсколько разъ порывался съѣздить въ больницу, взглянуть на оперированнаго, но Радке и товарищъ прокурора уговаривали его остаться и докторъ, памятуя о своемъ несвободномъ состояніи, подчинялся имъ. Но докторъ могъ воспротестовать и представить такіе аргументы о необходимости для него остаться на ночь у раненаго, что пришлось бы ради Ивана Андреевича согласиться на это. „И что тогда?“—съ тоской думалъ представитель прокурорскаго надзора.

Онъ не принималъ участія въ общемъ разговорѣ и съ надменнымъ и скучающимъ видомъ помѣшивалъ простывшій чай и смотрѣлъ въ пространство своими безцвѣтными и холодными глазами.

Наконецъ, судьба смилостивилась надъ нимъ.

Было уже около часа ночи, когда въ номеръ таинственно заглянулъ коррпдорный—тотъ самый, который сегодня днемъ метался по корридору въ паническомъ страхѣ послѣ выстрѣла.

— Ваше благородіе! — тихонько поманилъ онъ къ себѣ товарища прокурора.

— Что тебѣ?—спросилъ, подойдя къ нему, Новицкій.

— Докторъ-то пріѣхалъ.

— Какой докторъ?—не понялъ товарищъ прокурора.

— А земскій. Который уѣзжалъ.

— А-а,—догадался товарищъ прокурора и сразу почувствовалъ облегченіе. Теперь оставалось преодолѣть еще одну неловкость—пригласить доктора Ветлугина въ острогъ.

— Ну, ладно, ступай,—сказалъ онъ корридорному и вернулся къ разговаривающимъ.

Изъ приличія онъ подождалъ нѣсколько минутъ. Затѣмъ поднялся и съ усталымъ видомъ сказалъ:

— Однако поздновато.

Докторъ машинально спохватился:

— Въ самомъ дѣлѣ, уже часъ.

Но Домашенко взялъ его за пуговицу и съ жаромъ продолжалъ разговоръ. И докторъ опять увлекся. Товарищъ прокурора выждалъ еще нѣкоторое время и, поймавъ паузу въ ихъ разговорѣ, сказалъ:

— Сейчасъ я получилъ извѣстіе, что земскій врачъ вернулся въ городъ. Меня безпокоитъ состояніе Ивана Андреевича.

— А что?—спросилъ Домашенко, все еще не очнувшись отъ интересной бесѣды.

— Можно ли поручить Ивана Андреевича другому врачу?

— Ну, такъ что же?—снова спросилъ Домашенко, полуобернувшись и все-таки не вникая въ то, что ему говоритъ товарищъ прокурора.

Тогда послѣдній взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону, боясь, что старикъ опять прицѣпится къ пуговицѣ доктора и тогда его и водой не отольешь.

— Да что вамъ отъ меня надо? — не выдержалъ Домашенко.

Но товарищъ прокурора былъ уже около доктора и спрашивалъ его невиннымъ тономъ:

— Скажите, докторъ, можете вы поручить оперированнаго вниманію вашего коллеги, который уже вернулся въ городъ? Я думаю, что теперь уже нѣтъ ничего опаснаго въ состояніи Ивана Андреевича, а земскій врачъ, несомнѣнно, знаетъ, что надо дѣлать...

Докторъ вдругъ понялъ.

Сонъ кончился... Наступала та дѣйствительность, которой онъ такъ боялся.

Онъ вздрогнулъ. Его лицо сразу осунулось, глаза впали, точно послѣ безсонной ночи.

— Я думаю...—началъ онъ дрогнувшимъ голосомъ: — Я думаю, что нѣтъ никакихъ основаній бояться за раненаго... Все идетъ хорошо... Собственно говоря, мнѣ слѣдовало бы еще разъ взглянуть на него... Но что жъ? И земскій врачъ отлично знаетъ, что надо дѣлать...

Наступило тяжелое, проклятое молчаніе. Колдовство—ми-

лое поэтическое колдовство сѣверной загадочной свѣтлой ночи кончилось... Теперь колдовала скверная злая дѣйствительность, одинаковая и на сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и на западѣ.

— Мы вамъ чрезвычайно благодарны, докторъ,—началъ товарищъ прокурора.—Вы спасли нашего Ивана Андреевича... Страшно подумать, что съ нимъ сталось бы, еслибы вы такъ любезно, такъ самоотверженно не согласились прійти къ нему на помощь...

Докторъ растерянно промолвилъ:

— А я... Мнѣ надо уходить?..

Товарищъ прокурора любезно возразилъ:

— Я подвезу васъ, докторъ, на извозчикѣ.

И опять наступило молчаніе. Такое тяжкое, что всѣмъ хотѣлось какъ-нибудь проснуться отъ него... Сдѣлать неимовѣрное усиліе—и проснуться, и уже никогда болѣе не вспоминать и не думать и не знать о немъ.

Всѣ вышли въ корридоръ. Мечтательному Домашенку вспомнился „Послѣдній день осужденнаго“. Молча, неловко толкая другъ друга, палатскіе провожали доктора, какъ провожаютъ гостепріимные хозяева засидѣвшихся гостей... Такъ и казалось, что кто-нибудь скажетъ:

— Заходите къ намъ, милости просимъ. Не забывайте насъ.

И, когда докторъ съ товарищемъ прокурора уже спустились по лѣстницѣ къ выходной двери и палатскіе вернулись въ номеръ, Домашенко съ отчаяннымъ жестомъ поднялъ руки вверхъ и простоналъ:

— Суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано!

— Не впадайте въ паѳосъ!—остановилъ его фонъ-Радке.— Члену палаты не приличествуетъ такой тонъ.

Но Домашенко продолжалъ:

— Богъ ты мой милосердый, что это такое? Скажите мнѣ на милость, гдѣ мы? Въ какой странѣ? И что все это значитъ? И отчего не падаетъ на насъ небо?

И, помолчавъ, онъ повѣсилъ голову и прибавилъ:

— Это въ сущности, ничто иное, какъ символическая картина современной жизни: жили-были, пили-ѣли, разговоры разговаривали въ тихомъ дружескомъ кругу—и внезапно—пожалуйте въ тюрьму! Кто на очереди? Докторъ? Студентъ? Учитель? Рабочій?

Товарищъ прокурора снова усѣлся, какъ и утромъ, въ дребезжащіе дрожки вмѣстѣ съ докторомъ. Даже извозчикъ

былъ тотъ же самый. Онъ медленно повезъ ихъ по широкой пустынной улицѣ мимо безконечныхъ заборовъ, мимо покосившихся домиковъ съ слѣпыми сонными окнами. Потомъ выѣхали на площадь, изрытую колеями отъ субботнихъ базарныхъ возовъ, и проѣхали мимо убогаго „Иллюзіона" съ грубой малярной вывѣской и мимо покосившихся сѣрыхъ прилавковъ, на которыхъ по субботамъ торгуютъ калачами. Тишина была кругомъ такая, что казалось, остановилось само время и въ полуснѣ прислушивалось къ дребезжанью дрожекъ. И казалось, что дребезжанье дрожекъ такъ и останется въ этой тишинѣ навсегда и никуда не уйдетъ изъ неподвижнаго ночного воздуха...

Наконецъ, изъ-за угла выплыло бѣлое трехъэтажное зданіе острога, странно освѣщенное просыпавшейся зарею.

Товарищъ прокурора всю дорогу старался занимать доктора разговорами. Докторъ упорно молчалъ. Умершій и воскресшій, и побывавшій на родной землѣ, онъ снова умиралъ, и надъ нимъ была готова снова захлопнуться гробовая крышка—и уже окончательно... Не о чемъ было думать, не о чемъ заботиться. Даже состояніе оперированнаго не безпокоило доктора, какъ не безпокоило бы, еслибы онъ произвелъ операцію во снѣ, а теперь проснулся...

Подъѣхали.

Извозчикъ неодобрительно посматривалъ искоса на острогъ и на солдата у воротъ, и на своихъ пассажировъ, вылѣзавшихъ съ дрожекъ. Повидимому, онъ самъ немножко опасался, какъ бы и его не забрали ненарокомъ въ острогъ...

— Подожди, не уѣзжай!—строго сказалъ ему товарищъ прокурора.—Я поѣду обратно.

Дежурный солдатъ позвонилъ въ колоколъ у воротъ, чтобы отперли. Товарищъ прокурора, пользуясь временемъ, пока солдатъ отвернулся, протянулъ доктору руку.

— Прощайте, докторъ. Или, вѣрнѣе, до свиданія. Надѣюсь, что мы еще увидимся съ вами въ иныхъ, лучшихъ для васъ условіяхъ.

Но рука его осталась въ воздухѣ. Докторъ не пожалъ ея.

— Извините,—промолвилъ онъ странно-рѣзкимъ, звенящимъ голосомъ.

Б. Никоновъ.

Библіотека, музей и кинематографъ, какъ народно-образовательныя средства.

I.

Говоря о роли, какую могутъ играть народныя библіотеки въ дѣлѣ народнаго образованія, правильнѣе всего будетъ остановиться на публичныхъ библіотекахъ Америки, такъ какъ здѣсь онѣ зародились въ то время, когда въ Европѣ не было о нихъ и рѣчи, и здѣсь же онѣ достигли размѣровъ и организаціи, ставящихъ ихъ на первое мѣсто. Уже въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія Веньяминъ Франклинъ приступилъ къ устройству народныхъ библіотекъ, а во второй половинѣ этого столѣтія имѣлся цѣлый рядъ библіотекъ, принадлежавшихъ, правда, частнымъ обществамъ или „кружкамъ", но тѣмъ не менѣе вполнѣ доступныхъ каждому. Въ первой половинѣ XX столѣтія уже встрѣчаются вполнѣ организованныя общественныя библіотеки, и число ихъ къ концу 40-хъ годовъ настолько увеличилось, что понадобился спеціальный законъ, признающій ихъ коммунальными учрежденіями и дающій право общинамъ собирать налоги въ ихъ пользу. Первый подобный законъ былъ изданъ въ 1848 г. въ Новой Англіи. Къ началу XX столѣтія въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось свыше 7.000 народныхъ библіотекъ съ общимъ числомъ книгъ въ 35 милліоновъ. Часть этихъ библіотекъ находилась все еще въ рукахъ частныхъ обществъ, но въ значительной своей части онѣ принадлежали уже общинамъ. Такъ, въ 1908 году коммунальныхъ библіотекъ насчитывалось 5640.

Частная иниціатива во всякомъ случаѣ сыграла и продолжаетъ играть крупную роль въ развитіи библіотечнаго дѣла въ Америкѣ. Достаточно напомнить хотя бы пожертвованія американскихъ милліардеровъ. Такъ, Эндрью Карнеги до конца 1909 г. пожертвовалъ въ общемъ свыше 100 милл. рублей на библіотеки. Изъ 209 библіотекъ, воспользовавшихся этими пожертвованіями, 70 были устроены исключительно на его средства. Примѣру Карнеги слѣдовали Морганъ, Рокфеллеръ и др. Щедрость, съ какой американскіе меценаты, какъ бы конкурируя одинъ съ другимъ, жертвовали на библіотеки огромныя суммы, побуждала и коммунальныя управленія принимать на себя часть расходовъ по ихъ

содержанію, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ только подъ этимъ условіемъ и дѣлались пожертвованія. Жертвователи, конечно, желали такимъ путемъ привлечь и заинтересовать общину и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить дальнѣйшее развитіе библіотеки.

Съ внѣшней стороны американскія общественныя библіотеки,— по крайней мѣрѣ, наиболѣе крупныя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, бостонская, чикагская, нью-іоркская, вашингтонская,—поражаютъ прежде всего роскошью и богатствомъ своихъ зданій и ихъ отдѣлки. Монументальный порталъ въ стилѣ ренессансъ или въ античномъ стилѣ, зданіе изъ гранита или массивнаго мрамора, вестибюль съ великолѣпною лѣстницею, высокіе и широкіе корридоры, огромныя залы, мозаика и картины выдающихся художниковъ на стѣнахъ,—таковъ ихъ видъ. На первый взглядъ вся эта роскошь представляется излишней и неумѣстной. Скромная обстановка, казалось бы, больше соотвѣтствовала назначенію библіотеки. Чѣмъ ближе однако знакомишься съ условіями американской жизни, исторіей возникновенія этихъ грандіозныхъ народныхъ библіотекъ и значеніемъ ихъ въ общественной жизни Америки, тѣмъ понятнѣй становится эта, поражающая въ первый моментъ, роскошь.

Монументальныя американскія библіотеки возникли въ послѣднія 10—20 лѣтъ, когда американскіе города, не желая отставать отъ Европы, стали рядомъ со своими своеобразными „небоскребами“ создавать монументальныя общественныя зданія, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о поднятіи народнаго образованія выдвинулся на первый планъ. Мотивы, которыми руководятся американцы, создавая вечернія школы, народные университеты, музеи и библіотеки, помимо общихъ соображеній, обусловлены и нѣкоторыми спеціальными особенностями тамошней жизни. Съ одной стороны, крупные американскіе центры изъ года въ годъ наводняются массой пришлыхъ элементовъ, образовательный уровень которыхъ въ общемъ очень невысокъ; съ другой — нигдѣ, какъ здѣсь, борьба за существованіе не отрываетъ такъ рано отъ школы. Поэтому здѣсь особенно сильна потребность въ такихъ образовательныхъ учрежденіяхъ и, въ частности, въ библіотекахъ и музеяхъ. Монументальныя библіотеки должны были привлекать массы, дѣйствуя прежде всего своей внѣшностью, и эта роскошь, отданная какъ бы въ распоряженіе всего народа, служила до извѣстной степени оправданіемъ быстро богатѣющей буржуазіи.

Начало устройству такихъ библіотекъ было положено городомъ Чикаго, гдѣ въ 1893 г. сооружена „Newberry Library“, обошедшаяся свыше милліона рублей. Въ 1895 г. здѣсь же закончена была постройкой городская общественная библіотека, потребовавшая свыше 4 милліоновъ рублей. Въ томъ же году была открыта Вашингтонская государственная публичная библіотека „Congress Library“, постройка которой обошлась въ 12 милліоновъ рублей. Въ

1911 году была открыта народная библіотека Нью-Іорка стоимостью въ 18 милліоновъ рублей. Эти крупныя затраты на библіотеки обусловлены не только роскошью возведенныхъ для нихъ зданій, но и размѣрами этихъ послѣднихъ. Публичная библіотека Нью-Іорка, напримѣръ, занимаетъ пространство около десяти тысячъ кв. метровъ и въ состояніи вмѣстить свыше $2^1/_2$ милліоновъ томовъ. Библіотека Вашингтона располагаетъ магазинами, вмѣщающими $2^1/_2$ милліоновъ томовъ, причемъ предусмотрѣна возможность расширить ихъ до $4^1/_2$ милліоновъ вмѣстимости. Эти народныя библіотеки можно уже теперь поставить по числу книгъ рядомъ со старыми знаменитыми библіотеками Европы: съ Парижской національной библіотекой (3 милл. книгъ), съ библіотекой Британскаго музея (болѣе 2 милл.), съ С.-Петербургской Публичной библіотекой (1.750 т.), Берлинской (1.126 т.) и Мюнхенской (1.100 т.).

Но число томовъ само по себѣ не говоритъ еще ни о цѣнности библіотеки въ смыслѣ накопленныхъ ею богатствъ, ни о ея значеніи съ точки зрѣнія доступности ея населенію и вліянія на народное образованіе. Упомянутыя европейскія библіотеки, существующія многіе десятки и даже сотни лѣтъ и хранящія цѣнные манускрипты или первыя печатныя книги, стоимость которыхъ не поддается оцѣнкѣ, стоятъ въ чисто научномъ отношеніи гораздо выше молодыхъ американскихъ библіотекъ. Но если разсматривать библіотеки, не какъ хранилища историческихъ документовъ, а какъ орудія народнаго образованія, то предпочтеніе нужно отдать, несомнѣнно, американскимъ библіотекамъ.

Въ частности, что касается числа книгъ, то слѣдуетъ отмѣтить, что американскія библіотеки, если таковыхъ имѣется нѣсколько въ городѣ, стараются по возможности избѣгать пріобрѣтенія однѣхъ и тѣхъ же книгъ и сосредоточиваютъ въ такихъ случаяхъ все вниманіе и средства на опредѣленныхъ отдѣлахъ. Такъ, напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ, гдѣ, кромѣ городской библіотеки, „Public Library", имѣются очень богатая юридическая библіотека клуба юристовъ, богатая техническая библіотека, принадлежащая о-ву инженеровъ, и огромная библіотека (свыше $^1/_2$ милліона книгъ) „Columbia University", — между всѣми этими библіотеками состоялось соглашеніе, и онѣ пополняютъ другъ друга. То же самое наблюдается въ Вашингтонѣ, гдѣ государственная „Congress Library" находится въ опредѣленныхъ отношеніяхъ съ „Surgeon Generals office"; тоже—въ Чикаго, гдѣ библіотеки „John Crerar" и „Newberry" строго разграничили отдѣлы и обмѣниваются между собою книгами. Общая цифра томовъ той или другой библіотеки пріобрѣтаетъ поэтому совершенно иное значеніе, и простое сравненіе числа книгъ американскихъ библіотекъ съ числомъ книгъ въ европейскихъ могло бы повести къ ошибочному представленію о тѣхъ и другихъ.

Гораздо важнѣе однако, чѣмъ число книгъ, доступность библіотеки, какъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, такъ и въ смыслѣ

возможности легко оріентироваться въ ея книжныхъ богатствахъ. Въ томъ и другомъ отношеніяхъ американскія библіотеки, несомнѣнно, стоятъ впереди европейскихъ. Можно сказать, что всякій, начиная съ шестилѣтняго возраста, имѣетъ право пользоваться книгами въ самомъ зданіи или на дому, въ первомъ случаѣ безъ особаго контроля, во второмъ случаѣ—безъ всякаго залога. Достаточно, если квартира его занесена въ адресную книгу или за него поручается лицо, адресъ котораго извѣстенъ. Не смотря на отсутствіе какого-либо залога, число пропадающихъ книгъ въ американскихъ библіотекахъ настолько незначительно, что его легко объяснить случайными потерями, не заподозривая читателей въ умышленномъ присвоеніи ихъ. Что касается доступности въ другомъ смыслѣ, а именно возможности быстро найти и получить желаемое, то въ этомъ отношеніи американскія народныя библіотеки, считаясь съ посѣтителемъ „съ улицы", создали свою особую систему. Изъ общаго состава книгъ выдѣлены книги, которыми можно пользоваться исключительно въ зданіи библіотеки. Сюда относятся прежде всего всѣ справочники и указатели литературы, которые обыкновенно и стоятъ въ открытыхъ шкафахъ въ залѣ для выдачи книгъ и которыми посѣтитель можетъ пользоваться, не обращаясь къ содѣйствію служащихъ въ библіотекѣ. Затѣмъ выдѣлены періодическія изданія, помѣщающіяся въ отдѣльныхъ залахъ. Наконецъ, имѣется такъ называемая „подручная библіотека" въ числѣ отъ 10 до 30 тысячъ книгъ, установленая въ главномъ залѣ для чтенія и предоставленная цѣликомъ свободному пользованію посѣтителей.

Это право посѣтителя самолично снимать книги съ полки является типичною особенностью американскихъ народныхъ библіотекъ и постепенно находитъ все большее распространеніе и въ Германіи. Удобства подобнаго порядка для читателя очевидны: онъ, напримѣръ, можетъ нерѣдко по наружному виду только, т. е. по размѣрамъ книги, уже опредѣлить, стоитъ ли снимать ее съ полки; онъ можетъ также, быстро перелиставъ ее, сразу же рѣшить, найдетъ ли онъ въ ней то, что ищетъ, и т. д. Библіотека же, благодаря такому порядку, имѣетъ возможность значительно сократить персоналъ служащихъ, предназначенный для обслуживанія читальныхъ залъ, гдѣ иногда число читателей достигаетъ двухъ-трехъ тысячъ. При выборѣ книгъ для „подручной библіотеки" пользуются статистикой, отмѣчающей спросъ на книги того или другаго отдѣла, того или другого автора.

Къ заламъ, предназначеннымъ для періодическихъ изданій, примыкаютъ магазины для храненія газетъ и журналовъ за прежніе годы. Во многихъ библіотекахъ дѣленіе идетъ дальше и часто различные отдѣлы имѣютъ свои залы для чтенія и свои магазины, находящіеся въ завѣдываніи спеціальныхъ библіотекарей. Почти всѣ большія американскія библіотеки, кромѣ залъ для чтенія,

имѣютъ еще цѣлый рядъ спеціальныхъ помѣщеній, какъ, напримѣръ, дѣтскія библіотеки, библіотеки для слѣпыхъ, классныя комнаты для библіотекарскихъ курсовъ, помѣщенія для переписки, залы для рисованія. Кромѣ того, во всякой библіотекѣ имѣется свой музей рукописей и рѣдкихъ изданій.

Американская библіотека состоитъ такимъ образомъ изъ цѣлаго ряда болѣе или менѣе спеціальныхъ библіотекъ, соединенныхъ подъ одной крышей и находящихся въ завѣдываніи одного центральнаго управленія. Не смотря однако на грандіозные размѣры американской народной библіотеки, она едва-ли бы могла удовлетворить читающую публику многомилліоннаго города и его окрестностей, еслибы не работала, кромѣ того, своими „отдѣлами" и „передвижными библіотеками". Эти „отдѣлы" центральной библіотеки разбросаны по всему городу и по размѣрамъ зданія и числу книгъ превышаютъ часто хорошую провинціальную библіотеку. Весь книжный матеріалъ доставляетъ центральная библіотека, она же завѣдуетъ и финансовой частью. Нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ имени того или другого жертвователя имѣютъ свой опредѣленный бюджетъ. При этихъ отдѣлахъ рядомъ съ залами для чтенія имѣются свои дѣтскія библіотеки и помѣщенія для чтенія лекцій. Соотвѣтственно мѣстоположенію этихъ библіотекъ преобладаетъ литература на томъ или другомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, въ итальянскомъ и еврейскомъ кварталахъ имѣются книги на соотвѣтствующихъ языкахъ. При библіотекахъ этихъ кварталовъ встрѣчаются нерѣдко спеціальныя школы для обученія эмигрантовъ англійскому языку.

И здѣсь, какъ и въ центральной библіотекѣ, никакихъ ограниченій въ пользованіи книгами нѣтъ. Разрѣшается даже книги, взятыя въ одномъ отдѣленіи, возвращать въ другое или въ центральную библіотеку, причемъ пользованіе однимъ изъ отдѣловъ не исключаетъ права пользоваться всѣми другими. Число этихъ отдѣловъ-библіотекъ ростетъ изъ года въ годъ и, напримѣръ, публичная библіотека Нью-Іорка имѣла въ 1912 г. 42 отдѣла только въ чертѣ города.

Въ 1892 г. по иниціативѣ Мельвиля Дьюи, библіотекаря государственной библіотеки штата Нью-Іорка, были впервые организованы при большихъ городскихъ библіотекахъ такъ называемыя „передвижныя библіотеки" съ цѣлью снабжать отдаленныя окраины города, предмѣстья и ближайшія деревни книгами. Дьюи началъ съ того, что тщательно подобранныя коллекціи книгъ въ 100—200 штукъ посылалъ въ деревни на полгода, обмѣнивая затѣмъ эту коллекцію на другую. Уже первые годы показали, какое огромное значеніе могутъ пріобрѣсти подобныя библіотеки при правильной постановкѣ дѣла. Нѣсколько лѣтъ спустя библіотека города Олбэни высылала въ годъ уже около 600 передвижныхъ библіотекъ. Въ

настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ ихъ насчитывается нѣсколько тысячъ.

Эти передвижныя библіотеки, предназначенныя вначалѣ исключительно для окрестностей, скоро нашли примѣненіе и внутри города. По заявленіямъ крупныхъ фабрикъ и мастерскихъ, большихъ магазиновъ-базаровъ и городскихъ желѣзнодорожныхъ станцій, та или иная центральная библіотека отпускаетъ имъ коллекціи книгъ въ 100-200 штукъ на срокъ отъ 3 до 6 недѣль, обмѣнивая ихъ затѣмъ на новую коллекцію. Составъ книгъ измѣняется сообразно съ заявленіями соотвѣтствующихъ читателей и послѣдніе имѣютъ такимъ образомъ возможность пользоваться библіотекой не только на дому и въ свободные дни, но и въ промежуткахъ рабочаго дня, на мѣстѣ службы или работы. Нью-Іоркская городская библіотека имѣетъ въ своемъ распоряженіи 60 автомобилей исключительно для развоза этихъ „передвижныхъ библіотекъ“ внутри города.

Типичной для американскихъ народныхъ библіотекъ является полная нейтральность въ смыслѣ выбора литературы того или другого направленія. Библіотека стремится исключительно къ тому, чтобы удовлетворить спросъ. Считаясь съ послѣднимъ, она и запасается соотвѣтствующимъ количествомъ наиболѣе читаемыхъ книгъ. Нѣкоторыя книги имѣются иногда въ количествѣ 50-60 экземпляровъ. Нейтральность не мѣшаетъ однако библіотекамъ принимать разныя мѣры, чтобы съ технической стороны облегчить читателямъ выборъ нужныхъ имъ книгъ. Для этого при библіотекахъ имѣются руководители, обладающіе необходимыми знаніями и способные дать нужныя указанія. Нѣкоторыя библіотеки издаютъ небольшіе каталоги отъ 2 до 5 страницъ съ указаніемъ литературы по опредѣленному вопросу и разсылаютъ эти каталоги частнымъ лицамъ и обществамъ или раздаютъ ихъ посѣтителямъ музеевъ. Въ Филадельфіи, напримѣръ, всякій посѣтитель естественно-историческаго музея можетъ получить небольшой каталогъ книгъ по ботаникѣ, зоологіи, минералогіи и т. д.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ относительно средствъ, какими располагаютъ американскія библіотеки, и о распредѣленіи статей въ ихъ годовомъ бюджетѣ. Основной фондъ народной библіотеки составляетъ обыкновенно крупный единовременно пожертвованный капиталъ, проценты съ котораго покрываютъ расходы первой необходимости. Городъ въ большинствѣ случаевъ даетъ зданіе и несетъ расходы по содержанію и ремонту его, отопленію и освѣщенію. Основной капиталъ Нью-Іоркской библіотеки, напримѣръ, равняется 20 милліонамъ рублей, не считая спеціальнаго фонда въ $1^{1}/_{2}$ милліона рублей для передвижныхъ библіотекъ. При годовомъ бюджетѣ этой библіотеки около милліона рублей, содержаніе служащихъ обходится въ 400 тысячъ рублей, расходъ же на пріобрѣтеніе книгъ, газетъ и журналовъ составляетъ всего

33 тысячи рублей. Такимъ образомъ на жалованье служащимъ расходуется 40% всего бюджета, а на пріобрѣтеніе новыхъ книгъ всего 3,3%. Библіотека Бёффало при общемъ годовомъ бюджетѣ въ 117.000 долларовъ расходуетъ на жалованье служащимъ 52.000 дол. Остальныя суммы идутъ на публикаціи, веденіе курсовъ, организацію и оборудованіе новыхъ отдѣловъ и т. д.

Благодаря самымъ новѣйшимъ усовершенствованіямъ для перенесенія книгъ внутри библіотекъ, а также праву посѣтителей пользоваться книгами безъ прислуги, число послѣдней доведено до минимума. И если расходы на жалованье служащимъ все же составляютъ самую видную статью въ бюджетахъ библіотекъ, то объясняется это тѣмъ, что значительныя суммы тратятся ими на оплату не физическаго труда, а на жалованье работающимъ надъ составленіемъ каталоговъ, подборомъ книгъ, руководствомъ посѣтителей и т. д.

Вообще усилія американскихъ библіотекъ, какъ ясно изъ сказаннаго, сосредоточены не на томъ, чтобы собрать возможно больше книгъ на своихъ полкахъ, а на томъ, чтобы возможно шире распространить имѣющіяся книги среди желающихъ читать. Въ этомъ, несомнѣнно, и состоитъ главная задача *народныхъ* библіотекъ...

II.

Гораздо раньше, чѣмъ публичнымъ библіотекамъ, положено было начало первымъ музеямъ. Но они имѣли совсѣмъ иной видъ, чѣмъ какой стали пріобрѣтать въ послѣднее время. Прежде историческій музей, музей искусствъ или естественно-историческій кабинетъ, составляя гордость страны или города, привлекалъ главнымъ образомъ ученыхъ, художниковъ и туристовъ и, хотя офиціально былъ открытъ для всѣхъ, въ дѣйствительности оставался недоступнымъ широкой массѣ. Въ большинствѣ случаевъ эти музеи основывались любителями, гораздо рѣже знатоками или учеными, и носили въ общемъ довольно хаотическій характеръ. Подъ именемъ „кунсткамеръ“, „кабинетовъ рѣдкостей“ или „научныхъ кабинетовъ“ они являлись скорѣе атрибутами королевскаго двора или богатаго феодала, чѣмъ дѣйствительными хранилищами искусствъ или историческихъ документовъ. Рядомъ съ классическими произведеніями Греціи и Рима и картинами Рубенса, Тиціана и др. здѣсь можно было встрѣтить забавную диковину, не представлявшую ни художественнаго, ни историческаго интереса. Понадобилось нѣсколько столѣтій, чтобы изъ безсистемной „кунсткамеры“ создать современную картинную галлерею или строго научный естественно-историческій музей.

Но и въ этой новой формѣ музеи оставались, въ сущности, недоступными широкой массѣ,—недоступными, главнымъ образомъ,

благодаря установившимся въ нихъ порядкамъ. Картинныя галлереи до извѣстной степени еще выполняли свое назначеніе, хотя и здѣсь переполненіе залъ быстро утомляло посѣтителей, а отсутствіе какой-либо систематизаціи вело къ отрывочности художественныхъ впечатлѣній. Гораздо меньше давали естественно-историческіе музеи въ своей новой строго научной формѣ. Безконечныя залы и въ нихъ витрины, переполненныя строго зарегистрированными, обозначенными тройными латинскими надписями видами и разновидностями птицъ, рыбъ и насѣкомымъ, очень быстро утомляли посѣтителей. О томъ, чтобы послѣдніе вынесли изъ музея представленіе о жизни тѣхъ или иныхъ представителей животнаго царства, не могло быть и рѣчи.

Американцы прежде другихъ оцѣнили значеніе музея, какъ средства народнаго образованія, и, не связанные традиціями, смѣлѣе, чѣмъ ученая Европа, приступили къ устройству новаго типа музеевъ, вполнѣ доступныхъ народу и такихъ же грандіозныхъ, какъ ихъ народныя библіотеки. Главное вниманіе они направили при этомъ въ сторону естественныхъ наукъ, и, за небольшими исключеніями, ихъ народные музеи имѣютъ этнографическій и сетественно-историческій характеръ. Важнѣйшая заслуга американскихъ дѣятелей заключается въ томъ, что ими впервые сдѣлано было разграниченіе между музеемъ, хранящимъ въ строгой системѣ всѣ виды и разновидности животнаго царства,—музеемъ, предназначеннымъ главнымъ образомъ для учащихся и ученыхъ,— и музеемъ, приспособленнымъ для пониманія всякаго, пришедшаго съ улицы, т. е. музеемъ народнымъ. Находясь въ одномъ зданіи и подъ общимъ управленіемъ, первый музей является какъ бы магазиномъ или складомъ, второй—выставкой.

Понимая, насколько легче заинтересовать широкую массу насущнымъ, живымъ въ данный моментъ вопросомъ, такъ сказать, „злобою дня", американскій музей старается варьировать составъ выставляемыхъ имъ коллекцій соотвѣтственно съ временами года или совершающимися событіями. Такъ, напримѣръ, когда общественное вниманіе было привлечено къ вопросу о сѣверномъ полюсѣ, въ Нью-Іоркскомъ музеѣ выставлены были въ очень наглядной формѣ результаты всѣхъ предпринимавшихся для его открытія экспедицій, фауна полярныхъ странъ, народы отдаленнаго сѣвера, ихъ жилища, ихъ жизнь и т. д.

Въ залахъ, предназначенныхъ для зоологическаго отдѣла, коллекціи мѣняются обыкновенно по временамъ года, причемъ въ самомъ способѣ знакомить съ жизнью животныхъ, съ ихъ значеніемъ для человѣка или ихъ взаимною борьбой есть что-то новое, чего нельзя было встрѣтить въ прежнихъ музеяхъ. Животныя собраны въ такія группы и поставлены въ такую обстановку, въ какихъ они встрѣчаются въ дѣйствительности; тутъ

же даны примѣры приспособленія ихъ окраски къ окружающей средѣ, измѣненія цвѣта шерсти зимой и лѣтомъ и т. п. Это—не скучныя безконечныя витрины съ яйцами различныхъ птицъ или поставленными въ рядъ десятками разновидностей воробья, не прежнія, всегда въ одной заученной позѣ поставленныя чучела звѣрей и птицъ, а цѣлыя діорамы, дающія понятіе о звѣряхъ и ихъ жизни въ той обстановкѣ, въ какой ихъ можно встрѣтить въ природѣ. Все разсчитано на то, чтобы посѣтитель музея вынесъ нѣчто цѣльное, а не отрывочныя только впечатлѣнія.

Этажемъ или двумя выше находятся спеціальныя коллекціи для ученаго, хранящія тысячи разновидностей и дающія необходимый матеріалъ для серьезной научной работы. Здѣсь же—лабораторіи и залы для работъ и, почти при всякомъ музеѣ, своя спеціальная библіотека. Всякій музей имѣетъ свои аудиторіи для вечернихъ лекцій, доступныхъ каждому. Помимо этихъ спеціальныхъ аудиторій залы музея въ большинствѣ случаевъ приспособлены для краткихъ лекцій, читаемыхъ нерѣдко отдѣльнымъ группамъ посѣтителей или учащимся тѣхъ школъ, которыя включаютъ въ свою программу регулярное посѣщеніе музея.

Американскіе естественно-историческіе музеи быстро нашли подражателей въ Европѣ, и тамъ, гдѣ организовывались новые музеи, ихъ устраивали уже по плану американскихъ. Тотъ же методъ живой „группировки“ выставляемыхъ предметовъ взамѣнъ мертвой „систематизаціи“ нашелъ примѣненіе и въ картинныхъ галлереяхъ и въ историческихъ музеяхъ. Напримѣръ, картины той или другой эпохи выставляются въ соотвѣтствующей имъ обстановкѣ, т. е. съ сбоями и мебелью того времени; въ результатѣ получается нѣчто цѣльное, дѣйствующее, несомнѣнно, гораздо сильнѣе прежней картинной выставки, напоминавшей картинный магазинъ.

Оставалось сдѣлать послѣдній шагъ, т. е., открывъ двери музея широкой массѣ и научивъ ее понимать выставленные предметы, порвать съ традиціонными надписями „просятъ не трогать“ и, вынувъ предметы изъ стеклянныхъ витринъ, дать ихъ въ руки посѣтителю: такъ онъ, несомнѣнно, увидитъ больше, чѣмъ изъ-за стекла. Необходимость въ этомъ чувствовалась не столько въ естественно-историческихъ музеяхъ, сколько въ техническихъ и въ физико-математическихъ.

Первымъ порвалъ съ изжившей традиціей Германскій музей, „Deutsches Museum“ въ Мюнхенѣ, занимающій въ настоящее время, не смотря на свое сравнительно короткое существованіе, руководящее мѣсто среди народныхъ музеевъ. Первая мысль основанія „Германскаго музея выдающихся изобрѣтеній и открытій въ области техники и наукъ“—какъ гласитъ его офиціальное названіе „Deutsches Museum der Meisterwerke der Wissenschaft und Technik“,—была высказана Оскаромъ Ф. Миллеромъ въ 1903 г. на

годовомъ съѣздѣ общества нѣмецкихъ инженеровъ. Мысль эта вызвала однако сильную оппозицію какъ со стороны ученыхъ, такъ и со стороны педагоговъ и спеціалистовъ по музейному вопросу. Техническій музей казался слишкомъ спеціальнымъ и мало интереснымъ для широкаго контингента посѣтителей, популяризація же физико-математическихъ наукъ въ рамкахъ народнаго музея представлялась невозможной.

Вопросъ о музеѣ былъ тѣмъ не менѣе рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и послѣ того, какъ частными лицами были сдѣланы первыя крупныя пожертвованія, государство и коммунальныя управленія тоже приняли участіе въ дѣлѣ. Слѣдуетъ, между прочимъ, отмѣтить, что названіе „Deutsches Museum" было взято не потому, что по составу своихъ коллекцій онъ долженъ былъ имѣть національный характеръ, а потому, что въ созданіи его должна была принять участіе вся объединенная Германія. Въ первомъ воззваніи задачи и цѣль музея были охарактеризованы слѣдующимъ образомъ:

„Германскій музей посвящается развитію естественныхъ наукъ и успѣхамъ техники. Онъ долженъ стать живой исторіей открытій и изобрѣтеній всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ, показать вліяніе науки и техники на жизнь этихъ народовъ, записать имена людей, мыслямъ и работѣ которыхъ обязана наша культура, и стать архивомъ историческаго матеріала для ученаго, источникомъ плодотворныхъ идей для техника и примѣромъ неустанной работы человѣчества для всѣхъ".

Благодаря сочувствію общества и щедрымъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ и отдѣльныхъ институтовъ, всего черезъ три года удалось открыть первые залы музея во временно предоставленномъ зданіи, а два года спустя, въ виду быстраго развитія музея, уже 60 залъ были не въ состояніи вмѣстить всѣхъ предметовъ и понадобилось открыть второе отдѣленіе. Въ виду новизны этого типа музея интересно нѣсколько подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ характерныхъ особенностяхъ его. Основная задача состояла въ томъ, чтобы въ краткой и общепонятной формѣ, выбирая лишь самое существенное и характерное, показать послѣдовательное развитіе различныхъ областей техники и ихъ взаимное соотношеніе между собою. При этомъ, демонстрируя работу водяного колеса или работу паровой машины, дѣйствіе лучей Рёнтгена или движеніе планетъ, работу въ шахтахъ или подъ водою, приходилось считаться съ аудиторіей самой разнообразной и разнородной и по возрасту и по образованію. Дать всѣ нужныя объясненія въ сжатой формѣ представляетъ при такихъ условіяхъ, конечно, очень трудную работу.

Выполненіе ея было въ значительной мѣрѣ облегчено предоставленіемъ посѣтителямъ права не только брать предметы въ руки, но и производить въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужные опыты. Само собой понятно, что, какъ бы ясно ни было дано объясненіе, оно

никогда не запечатлѣется въ памяти такъ, какъ лично продѣланный опытъ. Для нѣкоторыхъ опытовъ дана при этомъ та историческая обстановка, въ какой было произведено въ свое время открытіе. Такъ, напримѣръ, при объясненіи закона Архимеда посѣтителю предоставляются резервуаръ съ водой и вѣсы, на которыхъ съ одной стороны виситъ корона, а съ другой—слитокъ золота. Посѣтитель имѣетъ такимъ образомъ возможность продѣлать тотъ именно опытъ, который привелъ Архимеда къ открытію его закона. Подобныя демонстраціи при исторической обстановкѣ можно встрѣтить во всѣхъ отдѣлахъ музея.

Знакомясь въ отдѣлѣ геологіи въ общихъ чертахъ со строеніемъ земли, ея измѣненіями и ея богатствами, посѣтитель, переходя рядъ залъ, имѣетъ возможность прослѣдить добычу и утилизацію металловъ и минераловъ, ихъ обработку и ихъ примѣненіе. Точно также отъ примитивной машины, приводимой въ движеніе мускульной силой человѣка и животнаго, и примитивнаго водяного колеса вплоть до сложной турбины, паровой машины, газоваго и электрическаго двигателя, онъ увидитъ успѣхъ техники за рядъ столѣтій. Отъ примитивныхъ саней и повозокъ до современнаго автомобиля, отъ каменнаго ножа до парового молота и сложнаго универсальнаго станка, музей развертываетъ картину борьбы и побѣды человѣчества надъ силами природы. Отъ пещеры троглодита, кибитокъ кочующихъ народовъ, домовъ Греціи и Рима вплоть до американскихъ небоскребовъ изложена исторія жилища человѣка.

Это не прежній мертвый музей машинъ и моделей, скучный и непонятный профану; всѣ машины въ движеніи или, по желанію посѣтителя, надавившаго кнопку, начинаютъ двигаться.

И отъ первыхъ представленій о небесныхъ тѣлахъ до новѣйшихъ фотографій Луны и Марса, отъ первыхъ опытовъ Гальвани до безпроволочнаго телеграфа посѣтитель знакомится съ астрономіей и физикой. Входя въ кабинетъ Рёнтгена, онъ разсматриваетъ кости своей руки, въ другомъ кабинетѣ производитъ опыты съ свѣтовыми и электрическими волнами, телеграфируетъ и телефонируетъ и т. д. Старыя надписи „просятъ не трогать“ замѣнены другими: „нажать кнопку“, „потянуть“, „вертѣть вправо“ и т. д. Боязнь, что „неучъ“ испортитъ аппараты, оказалась необоснованной. При правильной конструкціи аппаратовъ, предназначенныхъ для демонстрацій, процентъ порчи совершенно незначителенъ; между тѣмъ польза настолько велика, что даже гораздо высшій процентъ не долженъ былъ бы являться препятствіемъ для этой системы.

Въ большихъ музеяхъ приходится считаться еще съ однимъ очень важнымъ фактомъ — утомленіемъ посѣтителя, обходящаго десятки залъ: вниманіе постепенно притупляется и интересъ ослабѣваетъ. На помощь въ этомъ случаѣ являются уголки съ живописными діорамами вродѣ „транспорта въ пустынѣ“, „свайнаго

города", „водоснабженія Египта" и т. п., позволяющіе посѣтителю отдохнуть. Что музей въ этой новой формѣ привлекаетъ больше посѣтителей, чѣмъ строго научные кабинеты и музеи, о томъ наглядно свидѣтельствуютъ цифры. Число посѣтителей Мюнхенскаго музея за годъ превышаетъ 300.000 и въ отдѣльные дни доходитъ до 5000 человѣкъ. Это—при 600-тысячномъ населеніи города. Съ такими цифрами можно поставить рядомъ только цифры Нью-Іоркскаго музея.

Контингентъ посѣтителей—самый разнообразный, мѣняющійся соотвѣтственно временамъ года и даже часамъ дня. Въ послѣобѣденное время по средамъ и субботамъ, когда народныя школы свободны, преобладаютъ школьники, лѣтомъ — туристы, зимой — студенчество, осенью сотни крестьянъ окрестныхъ деревень. Помимо служащихъ, которые обязаны давать разъясненія и которые подобраны соотвѣтственно группамъ музея (такъ, напримѣръ, въ морскомъ отдѣлѣ—матросы, въ горномъ—шахтеры и т. д.), изъ среды постоянныхъ посѣтителей музея находятся „руководители-любители". Нерѣдко, напримѣръ, можно наблюдать группу крестьянъ, собравшуюся около гимназиста, объясняющаго тотъ или другой опытъ, ту или другую машину. Инженерами, завѣдующими различными отдѣлами, по вечерамъ читаются лекціи въ соотвѣтствующихъ залахъ музея, причемъ число слушателей ограничивается группою въ 25-30 человѣкъ. При музеѣ есть библіотека, доступная всѣмъ посѣтителямъ; здѣсь же—архивъ для храненія историческихъ документовъ, плановъ, фотографій, гравюръ, портретовъ и т. п. И опять-таки дѣло поставлено такъ, что посѣтитель можетъ легко и быстро оріентироваться и найти то, что его интересуетъ.

Остается сказать нѣсколько словъ относительно средствъ музея. Основанный по частной инициативѣ и субсидируемый городомъ, Баварскимъ королевствомъ и Германской имперіей, музей располагалъ въ первые годы сравнительно очень ограниченными средствами и развился, главнымъ образомъ, благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ и обществъ. Годовой бюджетъ его около 200.000 рублей, изъ коихъ 75 тысячъ составляютъ вышеуказанныя субсидіи, затѣмъ идутъ проценты съ капиталовъ музея, и около 30 тысячъ даетъ плата за входъ.

Германскій музей, въ противоположность другимъ народнымъ музеямъ, взимаетъ дѣйствительно плату за входъ, — правда, всего 10 коп., включая сюда и гардеробъ. Плата введена однако не столько изъ матеріальнаго разсчета, сколько считаясь съ психологіей нѣмецкаго посѣтителя, который, заплативъ 20 пф., не уйдетъ, не осмотрѣвъ всего музея. Для постоянныхъ посѣтителей имѣются годовые билеты въ 1½ рубля; школы, посѣщающія музей, платятъ около 3 коп. за школьника; обществамъ, пріѣзжающимъ изъ другихъ городовъ съ цѣлью осмотра музея, разрѣшается безплатный входъ; фабрики и заводы получаютъ также удешевленные би-

леты для раздачи рабочимъ. Научные конгрессы не пропускаютъ случая посѣтить музей, удѣляя въ своей программѣ часто день или два на его осмотръ; и, рядомъ съ этимъ, во время зимней безработицы или забастовокъ, рабочіе подъ руководствомъ опытныхъ руководителей проводятъ здѣсь цѣлые дни. Когда музей приступилъ къ сооруженію собственнаго зданія, то по смѣтѣ требовалось около 5 милліоновъ рублей, правительство же дало субсидію всего лишь въ 2 милліона. Недостающія средства были покрыты пожертвованіями частныхъ лицъ, а также крупныхъ фабрикъ и заводовъ.

Германскій музей нашелъ уже немало подражателей. Въ Вѣнѣ Промышленно-Техническій музей проводитъ тотъ же принципъ широкаго предоставленія аппаратовъ въ пользованіе посѣтителей. Парижская Conservatoire des Arts et Métiers собирается реформировать свои коллекціи въ духѣ Германскаго музея. Значительное число делегатовъ изъ разныхъ государствъ, посѣщающихъ музей, свидѣтельствуетъ, какъ силенъ интересъ къ нему. И это даетъ право думать, что успѣхъ музеевъ новаго типа до извѣстной степени обезпеченъ.

При всемъ значеніи музея, какъ средства народнаго образованія, сфера его дѣятельности остается однако очень ограниченной. Только крупные центры въ состояніи будутъ создать образцовые музеи и, стало быть, только городское населеніе будетъ находиться въ сферѣ ихъ постояннаго дѣйствія. Но это населеніе, превышающее, правда, иногда сотни тысячъ, составляетъ, тѣмъ не менѣе, слишкомъ незначительную часть той массы, которая больше всего нуждается въ образованіи. Вліяніе музеевъ отзовется, несомнѣнно, на школахъ, такъ какъ сотни учителей знакомятся здѣсь со способами демонстрацій и характеромъ популярныхъ объясненій; скажется оно и въ популярно-научной литературѣ, которая имѣетъ въ музеяхъ богатый и доступный матеріалъ для распространенія въ массахъ. Но все это далеко еще отъ того, чтобы сдѣлать музеи доступными всему народу.

Дѣлались и дѣлаются попытки создать своего рода „передвижные музеи". Такимъ путемъ желаютъ расширить сферу вліянія центральнаго музея. Но эти начинанія требуютъ большихъ средствъ и только въ томъ случаѣ достигаютъ извѣстнаго положительнаго результата, когда дѣло касается спеціальныхъ музеевъ, каковы, напримѣръ, сельско-хозяйственные музеи, демонстрирующіе новѣйшія машины и ихъ преимущества передъ устарѣлыми, или музеи народнаго здравія, борьбы съ алкоголизмомъ и т. п. Гораздо легче и гораздо больше можно достичь народной библіотекой, доступной всякому городу и всякой деревнѣ, если эта библіотека является правильно организованной „передвижной библіотекой", т. е. отдѣленіемъ центральной библіотеки, располагающей большими средствами. Но въ этомъ случаѣ однако приходится от-

казаться отъ способа нагляднаго обученія, производящаго вообще болѣе сильное впечатлѣніе, а главное примѣнимаго по отношенію къ малограмотнымъ и даже вовсе неграмотнымъ людямъ, больше всего нуждающимся въ образованіи.

III.

Кинематографъ, значеніе котораго въ дѣлѣ народнаго образованія еще трудно вполнѣ оцѣнить, даетъ намъ новый способъ нагляднаго обученія. Быстрое развитіе этого метода обученія больше всего было обусловлено, конечно, успѣхами, какіе сдѣлала репродукція за послѣднія десятилѣтія; въ кинематографѣ же она получила новый способъ „изображать", по своей силѣ и интенсивности оставляющій далеко позади все, что было сдѣлано въ этомъ направленіи до сихъ поръ. Благодаря кинематографу, въ комбинаціи съ рёнтгеновскими лучами или ультра-микроскопомъ, удалось прослѣдить цѣлый рядъ процессовъ, какъ, напримѣръ, процессъ работы желудка, процессъ кровообращенія, измѣненія кровяныхъ шариковъ и т. д., не поддававшихся до сихъ поръ изслѣдованію. Благодаря кинематографу, возможно, далѣе, цѣлый рядъ явленій, неуловимо быстрыхъ, какъ дѣйствіе взрывчатыхъ веществъ или полетъ снаряда, показать въ замедленномъ видѣ, и, наоборотъ, медленное произрастаніе зерна или развитіе личинки прослѣдить впродолженіе нѣсколькихъ минутъ.

Гораздо большую однако популярность и несравненно болѣе широкое распространеніе, чѣмъ научный кинематографъ, получилъ кино театръ, содержаніе и обслуживаніе котораго составляетъ въ настоящее время видную отрасль промышленности. Достаточно привести нѣсколько цифръ, чтобы составить понятіе о размѣрахъ и ростѣ кинематографической промышленности за послѣдніе годы. Напримѣръ, фирма Pathé Frères, начавъ въ 1897 г. съ капиталомъ въ 1 милліонъ франковъ, работаетъ въ настоящее время съ капиталомъ уже въ 30 милліоновъ. Въ 1907-1909 гг. дивиденды у этой фирмы достигали 90% и курсъ сто-франковыхъ акцій поднялся до 1.225 фр. По вычисленію Ганса Гослара, капиталъ, заинтересованный вообще въ кинематографической промышленности, давно превышаетъ милліардъ рублей. Въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ онъ достигаетъ 450 милліоновъ руб.

Крупные капиталы, какими работаютъ кинематографическія фирмы, обусловлены прежде всего самымъ характеромъ производства. Постановка большихъ пьесъ требуетъ цѣлаго штата опытнаго персонала: первоклассныхъ артистовъ, режиссеровъ и художниковъ. Въ одной Англіи кинофирмы располагаютъ въ настоящее время штатомъ свыше 120.000 постоянныхъ служащихъ, недѣльное жалованіе которыхъ составляетъ свыше $2^1/_2$ милліоновъ рублей. Въ Германіи, стоящей далеко позади американскихъ и фран-

цузскихъ фирмъ, постоянный штатъ служащихъ превышаетъ 30 тысячъ человѣкъ. При крупныхъ затратахъ на постановку большихъ кинопьесъ, — а эти затраты достигаютъ иногда до 200 и 300 тысячъ,—доходность предпріятія зависитъ исключительно отъ размѣровъ сбыта. Поэтому фабриканты пленокъ или кинофирмы должны организовать повсюду кинотеатры, чтобы снабжать ихъ тысячами метровъ фильма.

Еженедѣльное производство 40 всемірно извѣстныхъ фирмъ достигаетъ 2½ милліоновъ метровъ фильма, что соотвѣтствуетъ суммѣ въ 1½ милліона рублей. По разсчету на годъ это составитъ до 80 милліоновъ. Лэнфордъ Ридъ, знатокъ кинематографической промышленности, опредѣляетъ число существующихъ въ настоящее время кинотеатровъ въ 60 тысячъ, и если принять среднее число ежедневныхъ посѣтителей для одного кинотеатра въ 300 человѣкъ (цифра, несомнѣнно, ниже дѣйствительной), то оказывается, что ежедневно 18 милліоновъ человѣкъ получаютъ впечатлѣнія отъ этого зрѣлища. Францъ Фёрстеръ, въ своей замѣткѣ „Das Kinoproblem und die Arbeiter“ (кинопроблема и рабочіе), насчитываетъ въ одной Германіи 1½ мил. ежедневныхъ посѣтителей кинотеатра, или 10½ мил. въ недѣлю. При 65 милліонномъ населеніи Германіи оказывается такимъ образомъ, что каждый 6-й человѣкъ посѣщаетъ разъ въ недѣлю кинотеатръ. По статистикѣ вѣнскаго магистрата, 1-го апрѣля 1909 года въ столицѣ Австріи, при 2 милліонномъ населеніи, имѣлось 76 кинотеатровъ, не считая цѣлаго ряда ресторановъ, кафе, варьетэ и т. п. съ программой кинотеатра, при чемъ число посѣтителей за годъ составляло свыше 10 милліоновъ. Въ Нью-Іоркѣ имѣется 600 кинотеатровъ и ежедневное число посѣтителей превышаетъ 2 милліона. Между тѣмъ не только въ Европѣ и Америкѣ, но и въ Африкѣ и въ отдаленныхъ углахъ Азіи и Австраліи, въ столицахъ и въ провинціи, въ деревняхъ, на плантаціяхъ и копяхъ,—словомъ, повсюду можно встрѣтить теперь кинотеатры, начиная съ грандіознаго зданія парижскаго или берлинскаго кино-дворца и кончая странствующимъ кино-балаганомъ или кинематографомъ, дающимъ свои представленія подъ открытымъ небомъ. Начиная съ модной публики, спѣшащей на кино-премьеру и кончая африканскимъ дикаремъ,—всѣ чуть не съ одинаковымъ восторгомъ отдаются впечатлѣніямъ этого театра.

И вотъ кинотеатръ, дѣйствуя изо дня въ день на милліоны людей своими впечатлѣніями,—впечатлѣніями, по своей силѣ часто равными переживаемой дѣйствительности, — считается исключительно съ доходностью предпріятія. Соотвѣтственно этому, онъ принаравливается ко вкусу большинства публики, вѣрнѣе, считается со вкусомъ „улицы“, дающей самый разнообразный контингентъ людей и по возрасту, и по развитію. Пестрая программа является поэтому самой подходящей. Она каждому даетъ что-либо.

И рядомъ съ балаганнымъ юморомъ, въ программѣ можно встрѣтить классическую трагедію, рядомъ съ грошевымъ романомъ — современную драму первокласснаго писателя или фильмъ „научнаго“ характера. Уличная публика съ одинаковымъ интересомъ бѣжитъ смотрѣть пожаръ, свадьбу, драку, столкновеніе автомобилей и т. д.,— и въ этомъ отношеніи современный кинотеатръ имѣетъ много общаго съ настоящей улицей.

Уже въ первые годы появленія кинотеатровъ не было недостатка въ рѣзкихъ нападкахъ на эти „развращающія зрѣлища“, на полную безыдейность кинопьесы, безсистемность программы и т. д. Одни требовали контроля надъ кинотеатрами, другіе отрицали какое-либо значеніе за ними. Не смотря однако на спеціальный надзоръ и цензуру, кинотеатръ, какъ и должно было ожидать, измѣнилъ лишь свой внѣшній характеръ. Вмѣсто случайныхъ помѣщеній въ наскоро перестроенныхъ магазинахъ или балаганахъ, душныхъ и опасныхъ въ случаѣ пожара, появились спеціальныя зданія кинотеатровъ, вмѣщающія тысячи посѣтителей. Вмѣсто двухъ-трехъ кинотеатровъ въ городѣ, ихъ скоро стали считать сотнями. Тѣ, кто отрицалъ ихъ значеніе, долженъ былъ убѣдиться, что здѣсь приходится считаться съ новымъ важнымъ факторомъ современной культурной жизни. Желая придать кинотеатру болѣе художественный характеръ и какъ бы поднять уровень его, — вѣрнѣе, однако, чтобы привлечь болѣе состоятельную публику,— фабрика фильмъ замѣнила сюжетъ грошеваго романа другимъ, заимствованнымъ изъ произведеній классическихъ писателей и современныхъ беллетристовъ, воспользовавшись, впрочемъ, больше ихъ именемъ, чѣмъ ихъ произведеніями.

Часто трудно рѣшить, какая изъ двухъ крайностей, — дешевый романъ въ духѣ сыщика Лекока или повѣсти и драмы Гауптмана, Горькаго, Толстого, — болѣе у мѣста и противъ какой изъ этихъ крайностей слѣдуетъ сильнѣе протестовать. Дешевый, лишенный какой-либо идеи, но богатый дѣйствіемъ романъ, если и плохо написанъ авторомъ, въ рукахъ опытнаго режиссера, при умѣлой постановкѣ, можетъ стать очень интереснымъ: подходящій выборъ ландшафтовъ, развалинъ замковъ, трущобъ, искусная игра дѣйствующихъ лицъ и т. д. нерѣдко увлекаютъ зрителя и даютъ много сильныхъ, даже художественныхъ впечатлѣній. Наоборотъ, романъ глубоко идейный, съ мастерски обрисованными типами и безъ всякой сенсаціи, попавъ въ кинотеатръ, теряетъ самое существенное. Нѣсколькими отрывочными фразами объясняется аудиторіи идея автора, при будничной обстановкѣ движутся дѣйствующія лица,—и посѣтитель разочарованнымъ оставляетъ кинотеатръ, вспоминая эффектныя картины романа грошеваго сюжета.

По иниціативѣ частныхъ обществъ дѣлаются попытки реформировать кинотеатръ или, по крайней мѣрѣ, воспользоваться имъ

для цѣлей пропаганды. Такъ, „общество заботы о грудныхъ младенцахъ" рисуетъ помощью кинематографа въ яркихъ краскахъ послѣдствія небрежнаго обращенія съ рожкомъ, изъ котораго кормятъ ребенка. Въ страшномъ увеличеніи зрители видятъ, какъ муха, попавъ въ плевательницу и отсюда перелетѣвъ на соску, переноситъ съ собою цѣлый рядъ микробовъ, которые такимъ образомъ попадаютъ въ организмъ ребенка. Рядомъ съ отрицательными моментами указаны положительные, т. е. правильный уходъ за ребенкомъ, стерилизація молока, купанье ребенка, взвѣшиваніе его и т. д. Англійское общество борьбы съ алкоголизмомъ, рисуя бѣдствія алкоголика и его семьи, показываетъ возможность выхода изъ этого положенія при пользованіи услугами общества, его лечебницами, мастерскими и школами. Подобныя картины дѣйствуютъ, какъ можно думать, сильнѣе печатной пропаганды. Во всякомъ случаѣ число зрителей превышаетъ значительно число читающихъ подобныя брошюры. Одинъ кинематографическій снимокъ, напримѣръ, можетъ дать до 100 копій, каждая копія выдерживаетъ въ общемъ 30 недѣль; считая по 300 зрителей въ день, получимъ, что одинъ снимокъ можно демонстрировать передъ 6,3 милліонами зрителей.

Эти частныя начинанія пока еще теряются однако въ той массѣ драмъ, которыми кинотеатръ привлекаетъ публику. Въ среднемъ кинематографическія фирмы выпускаютъ въ недѣлю около 150 фильмовъ-новинокъ. Среди нихъ составляютъ:

Научные	2%
Снимки промышленныхъ производствъ	3%
Историческіе	3%
Снимки съ натуры	4%
Юмористическіе	20%
Драмы	68%

Если этотъ подсчетъ, сдѣланный на основаніи данныхъ за нѣсколько недѣль, и не даетъ точной цифры общаго производства, то онъ все-таки показываетъ значительное преобладаніе драмы въ репертуарѣ кинотеатра. Съ этимъ, вѣроятно, и впредь придется считаться. Но преобладаніе драмы не исключаетъ однако возможности увеличить процентъ научныхъ снимковъ или снимковъ съ натуры, сдѣлавъ ихъ болѣе интересными. Что касается спеціальныхъ снимковъ „промышленныхъ производствъ", издаваемыхъ обществами якобы съ цѣлью распространенія техническихъ знаній, то здѣсь въ большинствѣ случаевъ имѣется въ виду прежде всего коммерческая реклама. Простой подсчетъ показываетъ, что расходы на фильмъ, показанный $1^1/_2$ милліону людей, обходятся столько же, сколько пять тысячъ каталоговъ и проспектовъ фабрики. Изъ этого ясно, насколько выгодна подобная реклама.

Страннымъ, на первый взглядъ, можетъ показаться сравнительно низкій процентъ снимковъ съ натуры и историческихъ фильмовъ.

Это объясняется, можетъ быть, тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство кинодрамъ уже включаютъ, какъ самую существенную часть, снимки съ натуры, а историческіе эпизоды облечены чаще всего въ форму романа или драмы.

Пожалуй, главный недостатокъ современнаго кинотеатра заключается въ томъ, что, передѣлывая для него извѣстныя литературныя произведенія, фабриканты фильмъ стремятся главнымъ образомъ къ сенсаціи, для которой кинематографъ предоставляетъ широкія возможности, и меньше всего думаютъ объ идеѣ, вложенной въ то или другое произведеніе. Немалую роль играютъ въ этомъ отношеніи и самыя свойства кинематографа, вынужденнаго передавать мысль безъ словъ. Не зная почти никакихъ трудностей ни въ отношеніи времени или мѣста, ни въ отношеніи обстановки, реальной или самой фантастической, кинематографъ тѣмъ не менѣе лишенъ возможности вполнѣ передать характеръ словесныхъ произведеній. Для кинотеатра необходимо создать новый типъ драмы и повѣсти, воспользовавшись характерной особенностью кинематографа—жизненностью его картинъ и быстротой мѣняющихся впечатлѣній—и избѣгая пояснительнаго текста, нарушающаго иллюзію.

Всѣ попытки скомбинировать съ кинематографомъ граммофонъ и такимъ образомъ заставить картину не только двигаться, но и говорить, пока не оправдали ожиданій. Но если и удастся побѣдить чисто техническія трудности,—что отчасти достигнуто въ эдисоновскомъ кинетофонѣ,—то, пожалуй, только въ ущербъ кинотеатру. Кинопьесѣ придется въ такомъ случаѣ лишиться ея отличительнаго характера—быстроты, такъ какъ едва-ли возможно будетъ даже самыми короткими отрывочными фразами сопровождать быстрыя дѣйствія кинодрамы. Насколько однако слова не въ состояніи сопровождать игру кинотеатра, настолько это можетъ сдѣлать музыка, и кинопьеса явится такимъ образомъ своего рода мело-кинодрамой или мело-киноповѣстью. Въ этомъ видѣ кинопьеса явится дѣйствительно новымъ родомъ искусства и, какъ бы ни были слабы первыя начинанія, это новое искусство сумѣетъ развиться. Кинотеатръ долженъ дать своихъ классиковъ, долженъ дать своихъ великихъ актеровъ.

И вотъ въ этомъ новомъ видѣ кинотеатръ, говорящій безъ словъ, а потому понятный всѣмъ и каждому, рисующій картины живой дѣйствительности и самой смѣлой фантазіи, а потому способный передать самую реальную и самую отвлеченную идею, можетъ явиться однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ народнаго образованія.

А. Ширманъ.

СЕМЬЯ КОРИСТОНОВЪ.

Романъ Гемфри Уордъ.

Перев. съ англ. Е. Н. Нелидовой.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Лэди Користонъ.

I.

Стрѣлка на часахъ палаты общины приближалась къ шести. Давно ожидаемая вступительная рѣчь министра по поводу новаго земельнаго билля была уже выслушана, и лидеры оппозиціи начали возражать. Въ переполненной народомъ палатѣ царило возбужденіе. На министерскихъ скамьяхъ не было уже ни одного свободнаго мѣста, не меньше были переполнены и боковыя галлереи. У входныхъ дверей столпились члены, не успѣвшіе сѣсть на свое мѣсто въ залѣ. Бурные протесты или одобренія встрѣчали каждое заявленіе оратора. Со всѣхъ сторонъ мелькали лица, горящія страстью и возбужденіемъ. Борцы двухъ главныхъ партій злобно подстерегали другъ друга, сидя на краю своихъ мѣстъ, напряженно вытянувшись, подобно стрѣламъ на натянутой тетивѣ.

Не меньшее оживленіе, хотя и не такъ явно обнаруживаемое, замѣчалось среди привилегированной публики дамской галлереи. Тамъ на стульяхъ, близко придвинутыхъ къ барьеру, смутно виднѣлись снизу неясныя очертанія женскихъ фигуръ. Плотно прижавшись лицомъ къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей ихъ отъ залы, женщины старались не упустить ничего, доступнаго слуху и зрѣнію, храбро преодолѣвая препятствія, воздвигнутыя на ихъ пути нелюбезными общинами. За ними стояли другія, наклонившіяся впередъ, черезъ ихъ головы, и съ такимъ же лихорадочнымъ усиліемъ ловившія каждое слово ораторовъ. Въ маленькой комнатѣ было такъ темно, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть сидѣвшую рядомъ или наклонившуюся надъ головой. И все время слышался мягкій шелестъ шелка или атласа, при

каждомъ движеніи дамъ, уходившихъ, приходившихъ, занимавшихъ мѣста или наклонявшихся къ сосѣдкѣ, чтобы шепнуть что-нибудь. Все пространство позади казалось наполненнымъ легкими призраками въ большихъ шляпахъ съ колеблющимися перьями, среди которыхъ выдвигалось иногда блѣднымъ пятномъ лицо, случайно попавшее въ полосу свѣта, идущаго снизу.

Горячій воздухъ былъ насыщенъ ароматомъ фіалокъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла за стуломъ стройная дѣвушка, съ большимъ букетомъ, приколотымъ къ платью. Впереди дѣвушки сидѣла дама, всецѣло поглощенная происходившимъ внизу. Она почти не двигалась, развѣ изрѣдка бралась за лорнетъ, чтобы разсмотрѣть чье-нибудь лицо на парламентскихъ скамьяхъ. Время отъ времени дѣвушка клала руку на спинку ея стула и пыталась заговорить съ нею.

Вблизи этой пары, но въ углу галлереи, занимала, повидимому, привилегированное и обычное мѣсто крупная неуклюжая особа, въ странномъ головномъ уборѣ. Съ тѣхъ поръ какъ начали выступать лидеры оппозиціи, вниманіе ея отказывалось сосредоточиться. Она безпрестанно зѣвала и болтала съ сосѣдкой за стуломъ. Многія бросали на нее сердитые взгляды, но было слишкомъ темно, чтобы ихъ замѣтить, да и врядъ-ли она обратила бы на нихъ вниманіе, еслибы замѣтила.

— Лэди Користонъ, — сказалъ кто-то вполголоса. Дама, сидѣвшая впереди дѣвушки, обернулась и вопросительно посмотрѣла.

Дѣвушка подошла къ вошедшему служителю.

— Что тамъ такое, Марція?

— Записка отъ Артура, мама.

Она передала матери небольшой клочекъ бумаги, на которомъ та съ трудомъ разобрала въ полутьмѣ нѣсколько словъ.

— Онъ надѣется получить слово около семи, — шепнула она дочери.—Если же нѣтъ, то послѣ обѣда.

— Право, не знаю, буду ли я въ состояніи ждать такъ долго,—жалобно проговорила дѣвушка.—Я очень устала.

— Уѣзжай когда хочешь,—равнодушно отвѣтила мать.—Пришли только обратно карету.

Она снова превратилась вся въ слухъ какъ разъ въ то время, когда язвительная выходка оратора внизу вызвала цѣлую бурю восторговъ и порицаній.

— Можно же быть такимъ шутомъ!—проговорила нетерпѣливая дама въ углу, снова зѣвая. Она нисколько не постаралась понизить свой голосъ, такъ что ближайшая сосѣдка ясно слышала ея слова. Новый недовольный и на-

смѣшливый взглядъ также не произвелъ впечатлѣнія, какъ и всѣ предыдущія.

— Кто эта дама въ углу? Не можете ли вы сказать?

Вопросъ былъ робко предложенъ на ухо Марціи Кориcтонъ дамой подъ вуалью, недавно вставшей рядомъ съ ней.

— Миссисъ Придо,—коротко отвѣтила Марція.

— Жена премьера! — Въ голосѣ говорившей звучало волненіе.

„Провинціалка, должно быть",—подумала Марція, окидывая быстрымъ взглядомъ собесѣдницу, но вѣжливо прошептала:

— Да. Она всегда сидитъ въ этомъ углу. А вы не были здѣсь, когда онъ говорилъ?

— Нѣтъ, я только что пришла.

Разговоръ оборвался и обѣ стали прислушиваться къ заключительнымъ словамъ оратора.

Заключеніе было сдѣлано не безъ краснорѣчія. Ораторъ благополучно скользнулъ по цѣлому ряду вопросовъ, пока, наконецъ, не собралъ ихъ воедино и не отбросилъ заразъ громкой сентенціей:

— Разрушьте установившійся порядокъ въ англійскомъ землевладѣніи, и вы сметете результатъ работы вѣковъ, который не былъ бы таковымъ, еслибы не отвѣчалъ потребностямъ и характеру англійскаго народа. Реформируйте его, развейте, если хотите; разсмотрите при свѣтѣ новыхъ завоеваній науки; измѣните, расширьте, но не ломайте его! Взывайте къ значенію собственности, собственности, безобразно распространяющейся, помогайте крестьянину, но не убивайте землевладѣльца! Словомъ, не впутывайте сюда безразсудную, всюду сующую свой носъ, революцію, а опирайтесь на старые устои нашей страны, которые могутъ еще служить намъ и при современныхъ условіяхъ. Тогда вы будете имѣть *англійскую* національную политику. Это политика тори. Каждый принципъ ея насилуется чудовищнымъ законопроектомъ, только что внесеннымъ вами. И мы будемъ протестовать противъ него всѣми силами и всѣми средствами, какія будутъ въ нашей власти!

Ораторъ прошелъ на свое мѣсто, сопровождаемый апплодисментами единомышленниковъ. Трое либераловъ вскочили на ноги одновременно. Двое тотчасъ же опять сѣли, третій началъ говорить.

Замѣтно было движеніе въ сторону отъ рѣшетки на верхней галлереѣ. Нѣкоторыя дамы встали со своихъ мѣстъ. Дама въ углу обратилась еще съ нѣсколькими замѣчаніями по поводу только что конченной рѣчи, къ знакомой, которая подошла поздороваться съ ней.

— По-дѣтски! Ребяческая болтовня!

Лэди Користонъ слышала эти слова. Миссисъ Придо съ шумомъ поднялась и прошла въ отдѣльную комнату, чтобы выпить чаю. Ея сосѣдка изъ торійскихъ дамъ кивнула Марціи, предлагая занять освободившійся стулъ.

— Невыносимая женщина! — сказала она, вздыхая. — И вотъ всѣ онѣ такія! Богу одному извѣстно, до чего еще мы дойдемъ.

— Ужасно!—горячо подтвердила та. — Она всегда держитъ себя такимъ образомъ. И вѣдь, безъ сомнѣнія, она прекрасно знала, кто вы.

— Артуръ, вѣроятно, будетъ говорить послѣ этого господина,—прошептала лэди Користонъ, смотря на часы.

— Выпейте чашку чаю, мама, вы успѣете вернуться.

— Нѣтъ, я могу пропустить начало.

Ненадолго наступило молчаніе. Палата быстро пустѣла и большинство дамъ отдыхало за чаемъ въ буфетѣ, въ концѣ корридора. Марція могла теперь яснѣе видѣть лицо матери, которая сидѣла, погруженная въ задумчивость, и очевидно не слушала новаго оратора. Ея глаза все время были устремлены на пустѣющія скамьи внизу.

У нея было красивое, хотя уже поблекшее, лицо женщины за пятьдесятъ лѣтъ. Глаза, свѣтлые, съ властнымъ и твердымъ взглядомъ, глубоко сидѣли въ орбитахъ подъ прямыми бровями. Довольно крупный и длинный носъ заканчивался изящно очерченными ноздрями. Всѣ эти черты, вмѣстѣ съ длинной верхней губой, строгимъ разрѣзомъ рта, твердымъ подбородкомъ и слегка впалыми щеками, въ рамкѣ свѣтлыхъ, все еще пышныхъ волосъ, производили впечатлѣніе жестокости и красоты. Въ користонской галлереѣ висѣлъ портретъ Елизаветы Тюдоръ въ послѣдніе годы жизни; лэди Користонъ часто сравнивали съ этимъ портретомъ. И она сама, вообще не терпѣвшая какихъ-либо разговоровъ о себѣ, ничего не возражала, когда слышала это сравненіе. Сходство распространялось и на высокую, худощавую фигуру, величественную осанку и энергичную походку и такія же движенія рукъ съ длинными пальцами. Даже въ одеждѣ можно было провести ту же самую параллель между лэди Користонъ и королевой. Она рѣдко носила цвѣтныя платья, за то богатѣйшій черный шелкъ или атласъ и тончайшія кружева были на ней всегда. Она не придерживалась моды. И теперь, среди громадныхъ, украшенныхъ перьями шляпъ, только на ней было надѣто что-то вродѣ чепца изъ дорогихъ кружевъ, съ завязками, скрѣпленными брилліантомъ подъ подбородкомъ. Для деревни она изобрѣтала варіаціи лондонскихъ туалетовъ; они были, можетъ быть, болѣе свободны и покойны, но едва-ли менѣе строги. Во вся-

комъ случаѣ, что бы она ни надѣвала, все было неотъемлемой частью ея самой.

Въ глазахъ Марціи мать была существомъ удивительнымъ и непостижимымъ. Всѣ другія матери были, такъ сказать, матери для домашняго обихода. Онѣ имѣли свой уголъ у камина или на софѣ, сливались со своей обстановкой, не внося никакого безпокойства, и были нужны всѣмъ и во всякій моментъ жизни. Къ лэди Користонъ никогда никто не предъявлялъ никакихъ требованій. Наоборотъ, ея мужъ, пока былъ живъ, ея три сына и дочь — всѣ и всегда должны были служить только ея цѣлямъ, способствовать только ея дѣятельности. И цѣли эти и дѣятельность не были такія, какъ у другихъ женщинъ. Были ли онѣ важнѣе? Марція часто задавала себѣ этотъ вопросъ. Она видѣла только, что поступки матери причиняли не меньше треній и ссоръ, не меньше портили крови, чѣмъ и всякіе, можетъ быть, болѣе вздорные, поступки другихъ людей.

О томъ же думала Марція и теперь. Сидя здѣсь и молча смотря внизъ на плѣшивыя головы двоихъ министровъ на первой скамьѣ, она все время съ безпокойствомъ сознавала, что мать напрягла силы и готовится нанести ударъ. Въ самомъ дѣлѣ, именно сегодня утромъ семейныя пререканія дошли до такого обостренія, что непремѣнно долженъ былъ произойти взрывъ.

— Видишь мистера Лестера?—отрывисто спросила лэди Користонъ. — Вѣроятно, сейчасъ придетъ и Артуръ.

Мысли Марціи оборвались, она стала пристально вглядываться въ сидящихъ на скамьяхъ и скоро увидала темнорусую голову, склоненную на руку. Повидимому, этотъ человѣкъ внимательно вслушивался въ дебаты.

— Давно онъ пришелъ?

— Нѣсколько минутъ. Артуръ сказалъ ему, очевидно, что ожидаетъ своей очереди въ семь. Скорѣе бы кончалъ этотъ идіотъ! — прибавила лэди Користонъ съ раздраженіемъ.

Но пожилой ораторъ, къ которому она отнеслась съ такой строгостью, продолжалъ тянуть, запинаясь и не обращая вниманія на то, что слушатели возились и болтали или дремали, спустивъ шляпы на носъ и вытянувъ ноги до безконечности.

— А вотъ и Артуръ!—вскричала Марція, замѣтивъ брата среди тѣней подъ галлереей слѣва.

— Я не узнала его сначала. Видно, что онъ сильно волнуется.

Послѣ возбужденія, вызваннаго двумя вступительными

рѣчами, еще и теперь оживленно обсуждавшимися въ переполненныхъ корридорахъ, въ залѣ преобладало дремотное настроеніе. И среди многихъ, спокойно дремлющихъ людей выдѣлялась фигура молодого человѣка, съ красивыми волосами, на котораго смотрѣла Марція. Онъ сидѣлъ, выпрямившись на скамьѣ, держа въ рукахъ бумаги и не спуская взволнованнаго взгляда съ говорившаго. Все его положеніе явно указывало на готовность тотчасъ же вскочить на ноги.

Но Марція знала, что ему придется подождать еще довольно долго. Она не въ первый разъ слышала мямлющаго и запинающагося оратора. Это былъ одинъ изъ тѣхъ бичей парламентскихъ преній, которые весьма легко выступаютъ и очень неохотно кончаютъ. Она свободно можетъ успѣть выпить чашку чаю и вернуться. Шепнувъ это матери, Марція стала ощупью пробираться черезъ темный корридоръ въ буфетъ, но въ дверяхъ галлереи повернула назадъ. Тамъ, сквозь рѣшетку, отдѣлявшую дамскую галлерею, она увидала противоположный конецъ залы. Человѣкъ, который сидѣлъ, опустивъ голову на руку, когда она въ первый разъ замѣтила его присутствіе, теперь вдругъ выпрямился. И ей казалось, что онъ смотрѣлъ на нее въ упоръ, хотя она прекрасно знала, что съ того конца зала невозможно различить никого на дамской галлереѣ. И его лицо на такомъ разстояніи представлялось только темнымъ съ бѣлымъ пятномъ. Но она какъ будто видѣла передъ собой ясные, строгіе глаза, то сердитые, то улыбающіеся.

„Хотѣла бы я знать, что будетъ *онъ* думать о рѣчи Артура и видѣлъ ли онъ Користона. И знаетъ ли онъ, какія непріятности будутъ сегодня вечеромъ. Вѣдь Користонъ сумасшедшій“!

Лордъ Користонъ былъ ея старшій братъ и она очень любила его. „Но какъ же возможно такъ поступать! Его обращеніе съ матерью возмутительно и смѣшно! Чего могъ онъ ожидать?“ Марція, казалось, говорила на разстояніи съ тѣмъ человѣкомъ, защищая мать и себя, съ какимъ-то чувствомъ невольнаго почтенія.

„Но впрочемъ—какое же мнѣ дѣло до того, что онъ думаетъ?“

Она повернулась и продолжала пробираться въ буфетъ. Войдя туда, она увидала нѣсколькихъ знакомыхъ дамъ, которыя манили ее къ себѣ руками. Она поспѣшила пройти черезъ комнату, чувствуя на себѣ взгляды и желая поскорѣе проскользнуть среди безразлично болтающихъ людей.

На противоположномъ концѣ этой же комнаты сидѣли за чайнымъ столомъ еще три дамы. Двѣ изъ нихъ были жены ли-

беральныхъ министровъ, миссисъ Верити и миссисъ Франтъ. Третью хорошо знали въ лондонскомъ обществѣ, а также въ палатѣ общинъ, въ предѣлахъ дамской галлереи, террасы и столовой, хотя она и была еще молодой, двадцатидвухлѣтней дѣвушкой. Помимо своихъ личныхъ качествъ, Энидъ Гленуилльямъ возбуждала интересъ еще и тѣмъ, что была единственной дочерью человѣка, пользовавшагося въ данный моментъ наибольшей ненавистью однихъ и наибольшимъ поклоненіемъ другихъ. Это былъ руководитель Союза Рудокоповъ, а теперь министръ финансовъ Англіи.

— Обратили вы вниманіе на ту молодую дѣвушку?— спросила миссисъ Франтъ миссъ Гленуилльямъ.—Вѣдь вы, кажется, знаете ее.

— Марція Користонъ? Насъ недавно познакомили, но ей, очевидно, не позволяютъ знаться со мной. — Въ смѣхѣ, сопровождавшемъ эти слова, звучалъ дѣтскій задоръ.

Миссисъ Франтъ тоже засмѣялась.

— Дѣвушки должны быть послушны,—сказала она язвительно.—Но, если я не ошибаюсь, именно Артуръ прислалъ вамъ билетъ на сегодня, Энидъ?

— Да,—снова со смѣхомъ отвѣтила дѣвушка. — Но я убѣждена, что онъ не сказалъ объ этомъ матери. Мы, конечно, должны быть вѣжливы и вернуться, чтобы прослушать его рѣчь. Разумѣется, его мать будетъ считать ее великолѣпной. По всей вѣроятности, она сама и написала ее. Онъ милый юноша... Но!...

Она покачала головой, лукаво улыбаясь про себя.

Это улыбающееся лицо не могло быть названо вполнѣ красивымъ, но отдѣльныя черты его были прелестны и оно приковывало вниманіе своей выразительностью. Вообще все въ дѣвушкѣ—и ея манеры, и ея одежда—говорили о самомнѣніи и избалованности. Эгоизмъ и чарующая прелесть были ея оружіемъ.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, что думаетъ лэди Користонъ о выступленіяхъ ея старшаго сына, о которыхъ сообщается въ сегодняшнихъ газетахъ! — живо проговорила маленькая миссисъ Франтъ, поднимая кверху глаза и руки.

Миссисъ Верити, спокойная, увядающая женщина, сочувственно улыбнулась.

— У нихъ Богъ знаетъ, что дѣлается въ семьѣ. Вѣчно спорятъ, говорятъ всѣ заразъ, никогда другъ друга не слушаютъ.

— Ну, я побилась бы объ закладъ, что лэди Користонъ заставитъ лорда Користона выслушать нѣсколько замѣчаній по поводу его рѣчи, — насмѣшливо сказала Энидъ Гленуилльямъ. — Былъ ли тамъ хотя какой-нибудь намекъ на

matria potestas? Я забыла латынь, которой меня обучали въ Кэмбриджѣ, потому не знаю. Но если былъ, то это именно то, чего лэди Користонъ добивается. Какъ это великолѣпно—добиваться чего-нибудь—въ наше время!

Всѣ три продолжали оживленно обсуждать семейныя дѣла Користоновъ и разбирать ихъ личныя качества. Энидъ Гленуилльямъ не отставала отъ собесѣдницъ. По временамъ миссисъ Франтъ бросала на нее странный взглядъ, какъ бы желая сказать: „Такъ ли я тебя понимаю?“

Между тѣмъ старая лэди весьма внушительныхъ размѣровъ и однако не менѣе изящная, чѣмъ лэди Користонъ, подошла къ ней и заняла одинъ изъ пустыхъ стульевъ рядомъ.

— Дорогая, — произнесла она, нѣсколько задыхаясь и прикасаясь къ лэди Користонъ полной рукой съ сверкающими кольцами на пальцахъ.—Дорогая! Я пришла выразить вамъ мое сочувствіе.

Лэди Користонъ холодно посмотрѣла на нее.

— Вы говорите о Користонѣ?

— Разумѣется. Вѣдь единственнымъ логическимъ выходомъ изъ того, что происходило вчера, могла бы быть гильотина въ Гайдъ-Паркѣ. Користону нужны наши головы! Ничего иного нельзя тутъ сказать. Я лично вообще мало придаю значенія рѣчамъ молодыхъ людей, въ которыхъ еще не перебродило, но видѣла кругомъ себя большое неудовольствіе. *Вашъ сынъ!* Одинъ изъ *насъ*!

— Я нахожу, что рѣчь была красива и умна, — сказала лэди Користонъ.

— Меня, конечно, радуетъ ваше философское отношеніе къ этому, дорогая Эмилія. — Голосъ говорившей звучалъ уже нѣсколько сердито. — Признаюсь, я ожидала видѣть васъ болѣе огорченной.

— Что толку огорчаться? Взгляды Користона мнѣ давно уже извѣстны. Нужно когда-нибудь начать *дѣйствовать*.

— Дѣйствовать? Я васъ не понимаю.

Лэди Користонъ не стала разъяснять ей. Она, вѣроятно, даже и не слыхала ея послѣднихъ словъ. Снова сосредоточивъ все вниманіе, она наклонилась впередъ. Молодой человѣкъ, съ красивой шевелюрой, ждавшій такъ долго своей очереди, наконецъ, всталъ.

Это была скромная и недурная рѣчь. Въ ней было въ мѣру нервности и въ мѣру увѣренности, ничего лишняго. Двѣ-три скромныя шутки и общіе выводы, легко вытекающіе изъ содержанія и не затягивающіе рѣчи. Все было вполнѣ прилично, какъ и самый видъ и манеры молодого

человѣка. Гвардейскій офицеръ, не особенно красивый, но съ ловкой военной выправкой и стройной фигурой, выгодно подчеркнутой свѣтлымъ жилетомъ и хорошо сшитымъ фракомъ, онъ производилъ пріятное впечатлѣніе.

Зала была нѣсколько полнѣе, потому что многіе пришли его послушать. Его отецъ былъ въ продолженіе двадцати лѣтъ популярнымъ членомъ парламента. Старые товарищи отца съ интересомъ ожидали перваго выступленія сына. И добродушныя чувства, которыя всегда оживляютъ палату общинъ въ такихъ случаяхъ, выразились въ дружескихъ апплодисментахъ, раздавшихся на всѣхъ скамьяхъ.

„Похожъ на отца, но подражаетъ матери"! — сказалъ себѣ сѣдоволосый слушатель, когда молодой человѣкъ кончилъ. „Она его наставляетъ! Но во всякомъ случаѣ можно пойти и поздравить ее".

Онъ поднялся съ мѣста и началъ пробираться къ выходу. У входа въ галлерею онъ встрѣтился съ человѣкомъ, присутствіе котораго было замѣчено часъ назадъ лэди Користонъ и ея дочерью.

— Ну, каково ваше мнѣніе, Лестеръ?

Тотъ добродушно улыбнулся.

— Прекрасно! Труднѣе всего начало. Онъ благополучно прошелъ черезъ это.

— Хотя публика безобразная, — сказалъ мистеръ Уильфридъ Бери. — Объ этомъ лучше ужь не говорить. Я иду поздравить. Какъ ваша работа съ каталогомъ?

— Хорошо. Но я кончу не раньше лѣта. Тамъ еще есть надъ чѣмъ поработать. Встрѣчаются прямо драгоцѣнности,

— А какъ ладите съ лэди?—Старикъ лукаво улыбнулся и понизилъ голосъ. Молодой человѣкъ отвѣтилъ сдержанной улыбкой.

— Ничего. Я почти не вижу ея.

— Я думалъ, что она будетъ больше налегать на васъ съ работой. Помогали вы Артуру?

— Я просмотрѣлъ нѣсколько мѣстъ въ его рѣчи. Но вѣдь у него есть свой секретарь.

— Вы не будете слушать дальше?

— Нѣтъ, я тороплюсь домой. У меня еще пропасть работы.

— А хорошо ли вы устроились? Вѣдь это громадный домъ.

— Да. Въ моемъ распоряженіи спальная и гостиная.

— Та-та.—Сэръ Уильфридъ любезно кивнулъ головой и скрылся въ боковомъ проходѣ, ведущемъ въ дамскую галлерею. Молодой человѣкъ, Реджинальдъ Лестеръ, съ которымъ онъ разговаривалъ, былъ отчасти его ставленникомъ.

Сэръ Уильфридъ ввелъ его тотчасъ же послѣ того, какъ Лестеръ получилъ степень адъюнкта исторіи въ Оксфордѣ, библіотекаремъ къ лэди Користонъ. За очень высокую плату онъ долженъ былъ составить каталогъ богатѣйшей коллекціи рукописей, принадлежащей Користонамъ. Отецъ Лестера былъ сослуживцемъ сэра Уильфрида въ тѣ дни, когда семья Лестеровъ была еще очень богата, до раззоренія извѣстнаго банкирскаго дома, носившаго ихъ фирму.

Лэди Користонъ сидѣла успокоенная и удовлетворенная. Она смотрѣла сверху на сына, развалившагося въ позѣ отдыхающаго человѣка на полупустой скамьѣ и болтающаго съ сосѣдями. Его голосъ звучалъ еще въ ея ушахъ, сливаясь въ памяти съ голосами прошлаго, давно погребеннаго. Уже двадцать лѣтъ была она знакома съ этой политической ареной. Двадцать лѣтъ знала эти галлереи и скамьи, то наполненныя волнующимися людьми, то пустыя. Знала всѣ закоулки позади историческаго стола, старыя книги въ сафьяновыхъ переплетахъ, скудный свѣтъ, освѣщающій все это, душный воздухъ, мрачную рѣшетку! И все это оживало и дѣлалось яркимъ и привлекательнымъ во время страстной словесной борьбы людей за идеи. Тамъ, на второй скамьѣ, на сторонѣ тори, сидѣлъ ея мужъ, впродолженіе четырехъ лѣтъ, пока не сталъ спикеромъ. И отсюда, сверху, годъ за годомъ видѣла она его выходящимъ и уходящимъ, слышала его рѣчи, не громкія, но всегда честныя, достойныя уважаемаго человѣка, на котораго можно положиться. И болѣе всего могла положиться на него его жена, которой онъ такъ легко подчинялся. Когда она направляла его въ общественной дѣятельности, политическія мнѣнія, высказываемыя имъ въ парламентѣ, были чаще ея, чѣмъ его.

До тѣхъ поръ, пока... пока?

До тѣхъ поръ, пока въ недобрую минуту не всталъ между ними важный вопросъ, единственный политическій вопросъ, по которому онъ никакъ и никогда не могъ согласиться съ женой. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что именно по этому вопросу онъ долженъ говорить самостоятельно, долженъ стоять на собственныхъ ногахъ. Здѣсь, на этой самой галлереѣ, сидѣла она съ гнѣвомъ и отчаяніемъ въ сердцѣ, наблюдая за нимъ сверху, когда онъ проходилъ по направленію къ оппозиціонной партіи, мрачно опустивъ голову, какъ будто чувствуя на себѣ ея взглядъ и поступая, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ, какъ считалъ должнымъ. Только въ этомъ случаѣ онъ вотировалъ не съ ней, говорилъ противъ нея, открыто глумился надъ ней и отрекался отъ нея. И это испортило ихъ отношенія, отравило всю ихъ дальнѣйшую жизнь. „Женщины приро-

жденные тираны,—сказалъ онъ однажды съ горечью:—ни одинъ мужчина не мучилъ меня такъ, какъ ты". А затѣмъ пришла его смерть — его быстрая тяжелая болѣзнь... Эти утомленные глаза на нѣмомъ уже лицѣ, когда была потеряна уже способность и рѣчи, и движенія—эти глаза могли еще закрываться каждый разъ, когда она приближалась.

И, наконецъ, послѣ всего — завѣщаніе! Завѣщаніе, понятое всѣми его родственниками и друзьями, какъ результатъ слабости и безволія, съ которыми онъ прожилъ всю жизнь, и того подчиненнаго положенія, какое онъ занималъ въ своемъ домѣ. А *она*, его жена съ тайнымъ торжествомъ признала въ этомъ же завѣщаніи его послѣднее усиліе умилостивить ее, его послѣднее подчиненіе ей. Все было оставлено ей, и помѣстья, и все движимое имущество! Кромѣ тысячи фунтовъ въ годъ каждому изъ дѣтей и пятисотъ въ годъ Користону, наслѣднику его титула. Громадныя ирландскія и девоншайрскія помѣстья, сбереженія всей жизни—все ей, ей въ полное владѣніе. Завѣщаніе было написано давно, и она никогда не допускала, чтобы мужъ обновилъ его.

Молодой лордъ Користонъ пришелъ въ ярость, когда узналъ распоряженія отца. Она не могла вспомнить безъ содроганія о тѣхъ сценахъ, какія устраивалъ онъ ей еще давно, и о той, какую предстояло еще пережить. Борьба велась между ними уже не первый годъ и, побѣжденная сыномъ, она оставалась въ выгодѣ, сохраняя власть надъ его отцомъ. Послѣ смерти мужа она готова была идти на уступки сыну. Онъ долженъ былъ только сдерживать языкъ и держать про себя свои чудовищныя *санкюлотскія* убѣжденія, если ужь не хотѣлъ отказаться отъ нихъ. Она возстановила бы его въ правахъ наслѣдства, она подѣлилась бы съ нимъ не только справедливо, но благородно. Но онъ сдѣлалъ выборъ, выборъ обдуманный и хладнокровный. Хорошо, теперь очередь за ней, она будетъ отвѣчать, но — какъ она и сказала старой лэди Френчгамъ—не только словами.

Она вернулась мыслями къ Артуру, своему любимцу. Такъ мужественъ и такъ послушенъ, такъ охотно поддается руководительству! Гдѣ же онъ? Хочется похвалить его за рѣчь. Она повернулась къ двери и старалась разсмотрѣть въ темнотѣ входящихъ людей. Но увидала не Артура, а бѣлую голову и привѣтливое лицо стараго друга, сэра Уильфрида Бѣри, который кланялся ей. Поспѣшно сказавъ только что вернувшейся въ галлерею Марціи, чтобы она сберегла ея мѣсто, она пошла въ корридоръ поговорить съ нимъ.

— А что же, не дурно? Не правда ли? Юноша начинаетъ стяжать лавры. Я считаю рѣчь прекрасной. Но боюсь, что

вы уже готовы находить недостатки, строжайшая изъ женщинъ!

— Нѣтъ, нѣтъ. Все было хорошо,—сказала она горячо.— Онъ защитилъ позицію.

— Тѣмъ лучше.—Старые умные глаза заглядывали ей въ лицо, добродушно смѣясь. — Будьте довольны и не принимайте близко къ сердцу выходки Користона.

Она отступила назадъ и ея длинное лицо и надменный ротъ приняли давно знакомое ему выраженіе непреклонности.

— Придете вы ко мнѣ въ воскресенье? — спросила она спокойно. Онъ понялъ невысказанное замѣчаніе, но не обидѣлся.

— Вѣроятно, да. Вѣдь я не часто пропускаю, не правда ли? А я слышалъ, что Марція была красивѣе всѣхъ на послѣднемъ балу и что...

Онъ шепнулъ ей что-то на ухо, смѣясь. Лэди Користонъ посмотрѣла съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Вѣроятно. А если не онъ, такъ кто-нибудь другой. Она, конечно, выйдетъ замужъ. Я въ этомъ никогда не сомнѣвалась. Однако мнѣ пора идти. Видѣли вы Артура?

— Матушка! Здравствуйте, сэръ Уильфридъ.—Возлѣ нихъ стоялъ молодой ораторъ, сіяющій и веселый. Но мать едва успѣла сказать ему нѣсколько словъ, какъ наблюдающій за галлереей подошелъ къ нимъ и строго замѣтилъ:

— Здѣсь не дозволяется разговаривать, сэръ.

Даже лэди Користонъ должна была повиноваться и къ своимъ торопливымъ поздравленіямъ она успѣла только прибавить:

— Такъ ты придешь вечеромъ, Артуръ? Половина десятаго, помни.

— Да, я уже не вернусь въ залу. Приду. Но, ради Бога, что опять случилось, матушка?

Ея губы крѣпко сжались.

— Помни. Девять тридцать.—Она повернулась и исчезла въ темной галлереѣ.

Артуръ промедлилъ нѣсколько минутъ у выхода. Затѣмъ онъ повернулъ назадъ и прошелъ въ маленькую переднюю, противъ общей передней дамской галлереи. Здѣсь онъ нашелъ другого служителя.

— Миссъ Гленуилльямъ здѣсь?—спросилъ онъ небрежно.

— Да, сэръ, въ первомъ ряду, съ миссисъ Верити и и миссисъ Франтъ. Вы желаете говорить съ ней, сэръ? Галлерея почти пуста.

Артуръ вошелъ. Скамьи шли амфитеатромъ кверху, на

самой нижней, у рѣшетки, онъ увидалъ лэди, о которой справлялся, и тотчасъ же былъ около нея.

— Ну, — проговорилъ онъ, краснѣя, — вы, конечно, недовольны?

— Вовсе нѣтъ. Вы сказали все, что могли сказать. И сказали великолѣпно.

Ея веселые глаза насмѣшливо заглядывали въ его глаза. Онъ покраснѣлъ еще больше.

— Будете вы на вечерѣ Френчгамовъ?—спросилъ онъ.

— Мы не приглашены. Они слишкомъ злы на отца. Но завтра вечеромъ мы будемъ въ оперѣ.

Его лицо прояснилось. Къ сожалѣнію, пришлось прекратить разговоръ. Министръ всталъ, и галлерея понемногу снова наполнялась слушательницами.

II.

Лэди Користонъ съ дочерью молча и торопливо обѣдали. Марція замѣтила необыкновенную блѣдность матери и приписывала это отчасти усталости и дурному воздуху въ палатѣ общинъ, отчасти дѣйствіямъ старшаго брата. Зачѣмъ они должны всѣ—мать, три брата и она—сойтись здѣсь послѣ обѣда? Каждый изъ дѣтей получилъ формальное приглашеніе отъ матери. Ихъ мать „желала говорить съ ними о важныхъ дѣлахъ“. Артуръ, очевидно, былъ въ большомъ затрудненіи, но долженъ былъ раньше времени уйти изъ палаты, чтобы придти сюда ровно въ половинѣ десятаго. Джемсъ извѣстилъ, что будетъ, а Користонъ телеграфировалъ за часъ до обѣда: „Неудобно, но приду“.

Что все это значило? Все тѣ же дѣла, конечно. Марція прекрасно понимала, что семейныя обстоятельства ихъ ненормальны. Обыкновенно матери въ положеніи лэди Користонъ, послѣ кончины мужа, удалялись въ свой вдовій домъ и пользовались своей вдовьей частью капитала, отказываясь отъ прежняго положенія, семейнаго дома и семейнаго дохода. Онѣ сходили со своего пьедестала и скрывались въ тѣни. Сынъ дѣлался главой семьи и его жена царила на мѣстѣ его матери. Но никто, конечно, не могъ надѣяться, что лэди Користонъ отступится отъ чего-либо. Хотя она и сдѣлалась только скромной вдовой, но на ея права главы семьи, какъ и прежде, никто изъ дѣтей не заявлялъ серьезныхъ, посягательствъ, кромѣ Користона. Только Джемсъ, получившій наслѣдство отъ бабушки и потому пользовавшійся полной независимостью, давалъ иногда чувствовать матери жало ядовитой критики, когда другіе безпомощно отступали передъ ней. Что же касается Користона, прослывшаго соціалистомъ еще въ Кэмбриджѣ и са-

маго непримиримаго антагониста матери, то его долгое пребываніе за границей также нѣсколько сглаживало тренія между ними. Только по его возвращеніи изъ Японіи, когда поднялся вопросъ о завѣщаніи отца, отношенія его съ матерью стали открыто враждебными.

Кóристонъ отрицалъ всякую собственность, считалъ помѣстья и помѣщиковъ достояніемъ суда о расточительствѣ. Почему же, въ такомъ случаѣ, онъ относился съ такой горечью къ тому, что семейныя владѣнія принадлежали временно его матери, а не ему? Марція не находила логическаго отвѣта на этотъ вопросъ. Если помѣщичья система землевладѣнія—проклятіе Англіи, то зачѣмъ же сердиться, когда тебя самого не просятъ быть помѣщикомъ?

И какъ ужасно все его поведеніе за послѣднее время! Никогда не приходитъ повидаться съ матерью, пишетъ ей оскорбительныя вещи объ управленіи ея имѣніями, оскорбляетъ родственниковъ и преданныхъ друзей. Въ самомъ дѣлѣ, онъ невыносимъ!

Но лэди Кóристонъ ничего не объяснила дочери. Молча кончила она обѣдъ и также молча поднялась наверхъ впереди воздушной фигуры въ бѣломъ платьѣ. Марція неохотно шла по знакомой лѣстницѣ въ гостиную матери. Большой мрачный домъ всегда подавлялъ ее. Классическая лѣстница, съ расписными стѣнами и бронзовыми урнами въ нишахъ, съ дѣтства представлялась ей самымъ печальнымъ мѣстомъ. Особенно не любила она портретъ прадѣда, котораго художникъ первыхъ лѣтъ царствованія Викторіи изобразилъ верхомъ на конѣ. Пріученная съ дѣтства придавать большое значеніе происхожденію и семейнымъ чертамъ, она искала въ себѣ сходства съ этимъ портретомъ и не любила его за это еще больше. Портретъ висѣлъ на верхней площадкѣ лѣстницы, рядомъ съ большимъ стариннымъ зеркаломъ. Марція часто останавливалась на площадкѣ и разсматривала хилую фигуру, неуклюже сидящую на скачущемъ конѣ. Лицо съ двойнымъ подбородкомъ, круглымъ носомъ и скошеннымъ назадъ лбомъ, поражало безобразіемъ, котораго не могъ смягчить художникъ, даже при очевидномъ желаніи польстить оригиналу. Марція съ негодующимъ протестомъ переносила обыкновенно взоръ въ зеркало.

Такъ сдѣлала она и сегодня.

Отразившійся на стеклѣ образъ могъ вполнѣ успокоить и разубѣдить ее. Яркая брюнетка, съ темными глазами и волосами, граціозная, сильная и здоровая, она ничего не унаслѣдовала отъ своего предка. Лицо напоминало зрѣлый плодъ, такъ сочненъ былъ цвѣтъ изящныхъ щекъ, покрытыхъ легкимъ пушкомъ, такъ живъ былъ влажный блескъ

карихъ, опущенныхъ черными рѣсницами глазъ. Тяжеловатый и неопредѣленный штрихъ въ нижней части лица мѣшалъ, можетъ быть, назвать его вполнѣ прекраснымъ. Но всякій мужчина, влюбившійся въ нее, увидалъ бы въ этомъ недостаткѣ нерѣшительность молодости, съ ея пророчествомъ страсти и силъ, еще дремлющихъ, но могучихъ. Лицо и фигура были полны — совершенно безсознательно — обаяніемъ пола, присущимъ только меньшинству женщинъ, но на всѣхъ ступеняхъ общественнаго положенія. Марція Користонъ была увѣрена, что интересуется многими вещами— книгами, женскимъ вопросомъ, женскимъ обществомъ, въ которомъ была секретаремъ, политикой и новѣйшей поэзіей. На самомъ же дѣлѣ все ея существо висѣло, подобно прикованной Андромедѣ, надъ бездной житейскаго моря, въ ожиданіи Персея. Ея сердце прислушивалось безпрерывно *къ нему*—къ нему, неизвѣстному! Жаждало его призыва, его желанія...

Многіе мужчины, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ сэръ Уильфридъ Бёри ея матери, чувствовали въ ней силу этого особеннаго очарованія. Не дѣлая никакихъ сознательныхъ усилій, она съ перваго своего выѣзда заняла опредѣленное мѣсто въ кругу молодежи—мужской и женской. Ее всюду приглашали, всѣ знали, ей старались подражать и о ней вездѣ говорили. Откуда-то было даже извѣстно, что мать, по ея указанію, отказала уже одному или двоимъ изъ завидныхъ жениховъ. Марція менѣе, чѣмъ кто-либо, думала о своихъ успѣхахъ, и никто не могъ сказать, чтобы они вскружили ей голову; только близкіе люди знали о ея гордости, скрывавшейся подъ небрежнымъ спокойствіемъ и мечтательнымъ видомъ. Лишь иногда, случайно задѣвавшіе ея душу вопросы волновали эту спокойную поверхность, вызывая чувства страсти, презрѣнія или протеста. Привязанность ея къ матери была тоже ровная, но сильная. Она съ горячностью защищала всѣ ея мнѣнія и дѣйствія, одинаково въ семьѣ или внѣ семьи. Но были люди, которые подозрѣвали, что продолжительная подчиненность матери была уже въ тягость дѣвушкѣ, и удивлялись, что она медлила съ замужествомъ.

Что касается слуховъ, переданныхъ сэромъ Уильфридомъ Бёри лэди Кbadристонъ, то они относились къ одной изъ послѣднихъ побѣдъ Марціи. И теперь, когда она входила въ гостиную матери, мысли ея были заняты воспоминаніями о томъ, что происходило на балу въ Шрьюсбери. Гостиная показалась ей темной и душной. Изящество не было отличительной чертой Користонскаго дома. Стѣны продолговатой комнаты были увѣшаны большими картинами итальянскихъ

художниковъ, хорошими и посредственными, въ тяжелыхъ рамахъ и задрапированными темнымъ дамаскомъ. Слабое и фальшивое полотно Гвидо Рени „Жертвоприношеніе Авраама“ занимало середину стѣны. Знаменитый Тиціанъ висѣлъ здѣсь напротивъ Гвидо съ 1820 года. То, что было достаточно хорошо для Користоновъ того времени, вполнѣ удовлетворяло вкусъ ихъ потомковъ. Они не поняли, что ихъ предки были давно уже осмѣяны, какъ коллекціонеры. Такимъ же отсутствіемъ вкуса отличалась и коллекція разныхъ старинныхъ вещей, разставленныхъ по столамъ гостиной. Около столовъ и стѣнъ стояли золоченые стулья, диваны, кресла, обитые такимъ же тяжелымъ, темнымъ дамаскомъ. Даже цвѣты, роскошныя азаліи и розы, которыхъ было множество въ комнатѣ, едва-ли дѣлали ее красивой. Марція, осматривавшая все критическимъ взглядомъ, вспомнила вдругъ пустую комнату, которую видѣла въ одномъ изъ дворцовъ въ Римѣ, слегка поблекшіе обои и темную позолоту на стѣнахъ, полосы свѣта и тѣней на голомъ полу и большую, цвѣтущую вѣтвь Іудина дерева въ углу. Воспоминаніе вызывало въ ней трепетъ эстетической радости.

Между тѣмъ лэди Користонъ ходила взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину. Она казалась очень тонкой и ненормально высокой, и Марція смотрѣла на ея блѣдный профиль, рѣзко выдѣляющійся среди темныхъ стѣнъ. Волна смутнаго безпокойства прокатилась вдругъ по ея душѣ. Что готовится сказать или сдѣлать мать? До этой минуты Марція только лѣниво соображала, что собраніе устроено для рѣшенія какого-нибудь дѣла, касающагося семейной собственности — какой-нибудь покупки или продажи, которую мать, даже въ ненормально независимомъ положеніи лэди Користонъ, не могла совершить, не сообщивъ дѣтямъ. Такъ было и въ прошломъ году, когда были проданы помѣстья въ Дорсетшайрѣ. Користонъ, впрочемъ, тогда не пріѣхалъ. „Я не имѣю никакого отношенія къ помѣстьямъ,—написалъ онъ матери—дѣло касается васъ, а не меня“.

Но вѣдь, безъ сомнѣнія, Користонъ будетъ со временемъ наслѣдникомъ. Это было признаннымъ фактомъ. Чего же стоили бы торійскіе принципы, еслибы они не могли даже стать на защиту правъ старшаго сына, какъ безспорнаго наслѣдника? Корри и теперь былъ въ положеніи наслѣдника, хотя, при болѣе нормальныхъ условіяхъ, могъ быть уже и собственникомъ. Конечно, это было тяжело для него. Но исключительныя женщины создаютъ исключительныя положенія, а всѣ были согласны съ тѣмъ, что ихъ мать была исключительная женщина.

Хотя за послѣднее время въ семьѣ не произошло ничего

новаго, въ поведенiи матери замѣчалось что-то странное. Были какiя-то таинственныя свиданiя съ нотарiусами, юристами... Что все это значитъ?

Чтобы отвлечься отъ мыслей, Марцiя попыталась затѣять разговоръ.

— Видѣли вы Энидъ Гленуилльямъ, мама?

— Я едва замѣтила ее,—равнодушно отвѣтила лэди Користонъ.—Хотя и немудрено было замѣтить, она всегда такъ ужасно одѣта.

— О, матушка, она одѣвается очень хорошо! Хотя безъ сомнѣнiя, никто, кромѣ нея, не могъ бы носить подобныя вещи.

Лэди Користонъ подняла брови.

— Во всякомъ случаѣ совершенно непозволительно, чтобы молодая дѣвушка держала себя такъ вызывающе.

— Да, но это не мѣшаетъ ей имѣть оглушительный успѣхъ, — смѣясь, сказала Марцiя. — Люди нашего круга, люди, о которыхъ вы никогда бы не подумали, — ищутъ ея расположенiя. Говорятъ, она во многихъ мѣстахъ задаетъ тонъ, хотя мало заботится о томъ, что говоритъ.

— Этому я охотно вѣрю! И знаю также, что она была въ Шрьюсбери на обѣдѣ, когда тамъ присутствовали особы королевской фамилiи. Дочь *этого* человѣка!

Лэди Користонъ рѣзко оттолкнула ногой стоявшую на пути скамеечку, какъ будто это былъ Гленуилльямъ.

Марцiя смѣялась.

— И она очень привязана къ отцу. Она говорила, какъ мнѣ передавали, что не знаетъ человѣка, болѣе интереснаго, чѣмъ ея отецъ, потому вовсе не желаетъ выходить замужъ! Вѣроятно, вы не были бы довольны, еслибы я съ ней подружилась?—Дѣвушка говорила тономъ увѣренности.

— Дѣлай, что захочешь, когда я умру, дорогая, — спокойно сказала лэди Користонъ. Марцiя покраснѣла и хотѣла возражать, когда услышала звонокъ снизу. Лэди Користонъ тотчасъ же перестала ходить и сѣла за столъ, на которомъ Марцiя только теперь замѣтила какiе-то большiе листы бумаги. Дѣвушка опустилась на низкiй стулъ позади матери, все время чувствуя безпокойство и страхъ, причины которыхъ она не могла понять. За рѣшеткой камина было мало огня, хотя майскiй вечеръ былъ довольно прохладенъ. Одно изъ оконъ на противоположномъ концѣ комнаты было открыто и въ него заглядывали сумерки. На ясномъ небѣ, за черными сучьями чинаръ и крышами высокихъ домовъ, Марцiя увидала ярко блестѣвшую звѣзду. Неуютная гостиная, съ позолоченной мебелью и электрическимъ свѣтомъ, казалось, вдругъ исчезла. Клочокъ неба внушалъ странныя,

чуждыя, непостижимыя мысли. А между тѣмъ съ лѣстницы слышались все приближающіеся шаги.

Всѣ три брата вошли вмѣстѣ, смѣясь и разговаривая. Впереди шелъ Користонъ, за нимъ Джемсъ, затѣмъ Артуръ. Лэди Користонъ встала на встрѣчу къ нимъ и всѣ трое поцѣловались съ ней. Користонъ остановился передъ нею и смотрѣлъ ей въ лицо жесткими, смѣющимися глазами, какъ бы говоря: „Ну-съ, разыгрывайте ваши сцены. Посмотримъ!“ Онъ одинъ изъ троихъ былъ не въ вечернемъ костюмѣ. На немъ былъ старый, зеленовато-сѣрый пиджакъ и фланелевая рубашка. Марція отмѣтила это съ негодованіемъ. „Какъ это невѣжливо относительно матери“, подумала она съ сердцемъ: — „это все, можетъ быть, допустимо для соціалиста и представителя богемы. Но вѣдь нужно же думать и о приличіяхъ!“

Не смотря однако на поношенное платье и фланелевую рубашку, не смотря также и на то, что Користонъ былъ маленькаго роста и худощавъ, а его братья были болѣе шести футовъ и мощно сложенные люди, не было сомнѣнія, что онъ сдѣлался центромъ, какъ только вошелъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ людей, которые существуютъ для того, чтобы создавать вокругъ себя движеніе. Мнѣнія этихъ людей всегда господствуютъ, потому что безъ нихъ не существовало бы мнѣній другихъ людей. Ихъ назначеніе возбуждать или раздражать. И чуть не съ колыбели Користонъ выполнялъ это въ совершенствѣ.

Онъ самъ сказалъ бы, что былъ лишь простымъ отраженіемъ своей матери. И въ самомъ дѣлѣ, хотя съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ изъ пеленокъ, ихъ совмѣстная жизнь была непрерывной борьбой, оба неотразимо чувствовали, что между ними было столько же сходства, сколько и непримиримаго различія.

И теперь, когда, послѣ нѣсколькихъ насмѣшливыхъ замѣчаній, брошенныхъ матери и принятыхъ ею въ полномъ молчаніи, онъ помѣстился въ креслѣ противъ нея, чтобы слушать, что она будетъ говорить, посторонній наблюдатель легко замѣтилъ бы сходство — не смотря на разительный контрастъ—между матерью и сыномъ. Лэди Користонъ была большая, ширококостая, худая и внушительная— лэди Макбетъ въ гостиной. Користонъ былъ маленькій, тонкій, подвижный, съ красивыми, пышными волосами, поднимающимися надъ худымъ лицомъ съ острымъ насмѣшливымъ подбородкомъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, сущность обѣихъ физіономій, обѣихъ фигуръ, была одна и та же: *воля* — доведенная до крайности, поглощающая все и господствующая надъ всѣмъ остальнымъ въ личности. Лэди Користонъ пе-

редала сыну свой характеръ и теперь встрѣтила въ немъ врага.

Ея волненіе въ его присутствіи, не смотря на надменный видъ, было замѣтно, по крайней мѣрѣ, для Марціи. Марція читала ея душу, какъ книгу. Она привыкла съ дѣтства понимать значеніе каждаго движенія руки, глазъ, каждаго жеста въ разговорѣ матери. И теперь Мація видѣла по различнымъ признакамъ нервности, что лэди Користонъ ждала сцены.

Мать сама подготовляла путь къ ней. Она не обратила вниманія на слова Користона: „Ну-съ, матушка, въ чемъ дѣло? Кто-нибудь долженъ подвергнуться поученію и наказанію?“ Она только движеніемъ руки указала ему на обыкновенный стулъ, затѣмъ попросила сѣсть другихъ и сѣла сама у стола, на которомъ лежали сложенныя бумаги. Электрическій свѣтъ падалъ сверху на блѣдный овалъ ея лица, на кружевной уборъ и на блестящее черное платье. Только Марція замѣтила, что рука, лежавшая на бумагахъ, слегка дрожала. Это была старая рука, нѣжная и бѣлая, съ широкими суставами пальцевъ.

— Я не склонна шутить тѣмъ, о чемъ буду сейчасъ говорить,—сказала она, смотря на Користона.—Я должна говорить съ вами о дѣлахъ, можетъ быть, не особенно пріятныхъ, но необходимыхъ. Я увѣрена, что вы выслушаете меня и повѣрите, что я хотѣла сдѣлать наилучшее для всѣхъ насъ употребленіе изъ земель и помѣстій, оставленныхъ мнѣ вашимъ отцомъ. Наилучшее, конечно, съ моей точки зрѣнія.—При послѣднихъ, медленно произносимыхъ словахъ лэди Користонъ выпрямилась. Было ясно, что она хотѣла подчеркнуть свои права на собственность, кѣмъ-то оспариваемыя и требующія защиты.

Марція смотрѣла на братьевъ: Користонъ весь ушелъ въ громадное позолоченное кресло, заложилъ ногу на ногу и скрестилъ руки на груди. Джемсъ, съ его открытымъ лбомъ, короткимъ носомъ и прелестнымъ выраженіемъ лица, сидѣлъ спокойно. Артуръ ласкалъ болонку лэди Користонъ и тихонько тянулъ ее за уши. Марція видѣла, что онъ скучалъ и слушалъ только наполовину. А между тѣмъ она была вполнѣ убѣрена, что онъ былъ настолько же въ курсѣ того, что должно случиться, какъ и она.

— Я знаю,—продолжала лэди Користонъ, послѣ нѣкоторой паузы—что, оставляя всѣ свои помѣстья и все свое состояніе мнѣ, вашъ дорогой отецъ поступилъ необычно. Знаю и то, что многіе осуждаютъ его...

Скрещенныя ноги Користона слегка дрогнули и стукнули

объ полъ. Марція съ безпокойствомъ посмотрѣла на него. Но ничего больше не случилось и говорившая продолжала:

— Сдѣлалъ же онъ это, какъ я глубоко увѣрена, потому, что вѣрилъ мнѣ и желалъ, чтобы я посвятила остатокъ моей жизни на охраненіе его идей, которыя были и моими. Онъ желалъ, чтобы въ наши тяжелыя времена, когда все стало подъ вопросомъ и когда всѣ наши учрежденія, вмѣстѣ съ идеями, которыя они поддерживаютъ, находятся въ опасности, я стояла на стражѣ старыхъ традицій и обычаевъ въ помѣстьяхъ, которыя наслѣдовала.

Користонъ вдругъ выпрямился на мѣстѣ, нервно обдернулъ пиджакъ и, положивъ локти на колѣни, оперся на руки подбородкомъ, чтобы лучше наблюдать за лицомъ матери. Джемсъ перебиралъ пальцами часовую цѣпочку, съ опущенными глазами и съ тонкой улыбкой на красиво изогнутыхъ губахъ. Артуръ по прежнему забавлялся ушами болонки.

— Два года прошло уже—продолжала лэди Користонъ—послѣ смерти вашего отца. Я старалась не злоупотреблять его довѣріемъ, хотя видѣла, что не могу угодить *всѣмъ* моимъ дѣтямъ.—Она помолчала съ минуту.—Я не тратила денегъ вашего отца на свои личныя прихоти — этого никто изъ васъ сказать не можетъ. Я поддерживала только прежнюю обстановку и прежній образъ жизни — ничего больше. И я особенно *желала*—она сдѣлала удареніе на словахъ—дѣйствовать для блага васъ всѣхъ. У тебя, Джемсъ, есть собственное состояніе, но ты знаешь, что никогда не получилъ бы отказа, еслибы попросилъ у меня денегъ для разумнаго употребленія. Марція тоже имѣетъ деньги, но, когда она будетъ выходить замужъ, она получитъ полное приданое. Теперь, относительно Користона...

Она обернулась къ нему, смотря на него величественно, хотя не безъ трепета, въ чемъ была увѣрена Марція. Користонъ откинулъ назадъ голову со смѣхомъ.

— Наконецъ-то мы добрались до сути!—сказалъ онъ.— Здѣсь была зарыта собака.

— Користонъ—помолчи!—пробормоталъ Джемсъ. Марція покраснѣла отъ негодованія.

— Користонъ также прекрасно знаетъ, — холодно продолжала лэди Користонъ,—что все возможное, что онъ требовалъ по праву...

— За исключеніемъ помѣстій, на которыя я имѣю право,—спокойно и насмѣшливо улыбаясь, прибавилъ Користонъ.

Мать продолжала, не обращая вниманія на перерывъ.

— ...Исполнялось всегда и исполнялось бы больше, еслибы онъ согласился...

— Продать свою душу и удержать свой языкъ? Совершенно вѣрно!—сказалъ Користонъ.—Я помню ваши письма на эту тему, дорогая матушка.

Лэди Користонъ слегка возвысила голосъ и въ первый разъ хладнокровіе измѣнило ей.

— Еслибы онъ согласился изъ простого уваженія къ памяти отца и элементарнаго вниманія къ чувствамъ матери удержаться отъ нападеній на убѣжденія отца...

— Что? Что же, вы думаете, что онъ и тамъ, въ горнихъ селеніяхъ, все еще ихъ имѣетъ?

Користонъ поднялъ руку къ потолку. Лэди Користонъ поблѣднѣла. Марція гнѣвно посмотрѣла на брата, подошла къ матери и взяла ее за руку.

— Твои братья и сестра, Користонъ, не позволятъ, я думаю, оскорблять память отца.—Голосъ лэди Користонъ замѣтно дрожалъ.

Користонъ вскочилъ вдругъ съ мѣста и всталъ передъ матерью, опершись руками въ бока.

— Слушайте, матушка! Перейдемъ лучше къ дѣлу. Вы затѣваете что-то противъ меня и я хочу знать, что. Довольно водить меня за носъ. Хотите вы совсѣмъ отстранить меня отъ наслѣдства? Это ваши намѣренія? Такъ говорите прямо.

На лицѣ лэди Користонъ снова застыло выраженіе непоколебимаго упорства.

— Я предпочитаю, Користонъ, излагать дѣло моими словами и какъ сама найду нужнымъ.

— Слушаю-съ. Такъ, пожалуйста, излагайте! — сказалъ Користонъ язвительно.—Нехорошо тянуть жилы изъ насъ столько времени. Что у васъ вотъ въ этихъ бумагахъ, напримѣръ! Изложеніе вашей воли, должно быть, которое касается меня и всѣхъ прочихъ...—Онъ указалъ рукой на братьевъ и сестру.—Ради Бога, познакомьте насъ съ нимъ.

— Я прочту это, когда ты сядешь на мѣсто, Користонъ.

Капризно мотнувъ головой, Користонъ вернулся на свое кресло. Лэди Користонъ взяла сложенную бумагу.

— Предположеніе Користона совершенно вѣрно. Здѣсь изложена моя воля относительно помѣстій. Мнѣ хотѣлось прежде, чѣмъ прочесть эту бумагу, объяснить мои соображенія относительно старшаго сына,—она пристально посмотрѣла на Користона,—хотѣлось указать на причины, которыя заставили меня дѣйствовать подобнымъ образомъ. Но...

— Нѣтъ, нѣтъ! Прежде дѣло, а потомъ развлеченіе!—прервалъ старшій сынъ.—Лишите меня наслѣдства... а тогда

хоть деритесь со мной. Вы хотите поступить со мной недобросовѣстно и свалить вину на меня же.

— Я нахожу,—сказала Марція дрожащимъ отъ негодованія голосомъ—что поведеніе Кɔристона недостойно.

Но оба брата молчали, а Кɔристонъ посмотрѣлъ на нее, поднявъ брови.

— И находи, пожалуйста, Марція,—сострадательно проговорилъ онъ.

Лэди Кɔристонъ начала читать. Прежде, чѣмъ она дошла до конца перваго параграфа, Кɔристонъ заходилъ по комнатѣ, все время вытягивая и искривляя губы, что было у него обыкновенно признакомъ усиленной работы мозга. Но при началѣ второго параграфа Артуръ вскочилъ съ мѣста.

— Я хочу говорить, матушка!

— Дай мнѣ кончить,—твердо сказала лэди Кɔристонъ.

Она дочитала бумагу до конца, хотя на послѣднихъ словахъ Артуръ хотѣлъ снова прервать ее.

— Я не принимаю этого, матушка! Это несправедливо относительно Корри. Это вопіющая несправедливость!

Лэди Кɔристонъ ничего не отвѣтила. Она сидѣла совершенно спокойная, смотрѣла въ лицо Артуру и ея украшенные драгоцѣнными кольцами пальцы тихо перебирали листы бумаги. Лицо Джемса выражало страданіе. Марція казалась ошеломленной.

Джемсъ подошелъ къ матери.

— Я не думаю, матушка, что вы станете серьезно настаивать на этихъ мѣрахъ.

Она повернулась къ нему.

— Да, Джемсъ, я буду настаивать на нихъ.

Между тѣмъ Артуръ стоялъ тутъ же, красный, какъ кумачъ, и неистово теребилъ свои волосы.

— Я не приму этого, матушка! Предупреждаю васъ. Если права перейдутъ ко мнѣ, я возвращу ихъ Корри.

— Они и не перейдутъ къ тебѣ, ты будешь только пожизненно пользоваться процентами. Помѣстья будутъ только переданы во владѣніе.

Кɔристонъ вдругъ громко расхохотался и, остановившись на нѣкоторомъ разстояніи отъ матери, смотрѣлъ на нее.

— Сколько времени созрѣвалъ въ вашей головѣ этотъ планъ, матушка? Вѣроятно, мои послѣднія рѣчи ускорили этотъ процессъ?

— Эти рѣчи окончательно убѣдили меня въ томъ, что отецъ не довѣрилъ бы тебѣ своихъ помѣстій.

— Откуда вы это знаете? Вѣдь предполагалъ же онъ, что они будутъ принадлежать мнѣ, если я переживу васъ. Это ясно видно и изъ письма, которое онъ оставилъ мнѣ.

— Но онъ предоставилъ мнѣ полную свободу, — сказала лэди Користонъ твердо.

— Вы ею и воспользовались, — возразилъ Користонъ съ удареніемъ.—Теперь посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Онъ помолчалъ нѣкоторое время. Затѣмъ тонкій, нервный, какъ будто звенящій, подобно натянутой струнѣ, онъ заговорилъ опять, словно отсчитывая по пальцамъ.

— Вы лишаете меня наслѣдства изъ-за моихъ политическихъ убѣжденій. Помѣстья будутъ принадлежать Артуру. И вы предполагаете откупиться отъ меня подачкой въ семь тысячъ въ годъ, прибавленной къ тому, что я имѣю теперь. Доходъ со всѣхъ земель и съ рудниковъ больше этой суммы разъ въ десять, я думаю. И вы намѣрены продать нѣкоторыя отдаленныя земли, чтобы устроить это. Таковы ваши намѣренія. Хорошо-съ, теперь я скажу о своихъ. Я не беру вашихъ семи тысячъ въ годъ! Я хочу имѣть все—все, что могло бы принадлежать мнѣ по праву, или *ничего*!

Онъ пристально смотрѣлъ въ лицо матери блестящими глазами.

— Я хочу имѣть все—или ничего!—повторилъ онъ.— Безъ сомнѣнія, я не буду отрицать, что, какъ только помѣстья попадутъ въ мои руки, я пущусь въ самыя рискованныя предпріятія. Я раздѣлю ихъ на мелкія хозяйства, я снесу замокъ или сдѣлаю изъ него деревенскій госпиталь.

— Ты хочешь подъ видомъ дѣлового разговора, насмѣхаться надо мной, Користонъ.

— Нѣтъ, я только не хочу обманывать васъ. Я хочу только, чтобы вы знали, что я сдѣлалъ бы, еслибы помѣстья попали въ мои руки. И я *имѣлъ бы право* сдѣлать это.—Онъ страстно ударилъ рукой по сосѣднему стулу.—Отецъ шелъ своимъ путемъ. По справедливости, я—ближайшій его наслѣдникъ—долженъ идти своимъ. Эти земли не ваши. Вы никогда не имѣли нравственнаго права владѣть ими. Онѣ переходятъ ко мнѣ отъ моего отца, какъ перешли къ нему отъ его отца. Въ томъ и есть еще нѣкоторое оправданіе собственности, что каждое поколѣніе можетъ сдѣлать съ нею все, что захочетъ. Но, если собственность находится въ мертвыхъ рукахъ, такъ что живые не могутъ ею пользоваться, то это есть то, что французы называютъ воровствомъ или хуже еще... Но я щажу васъ, потому не продолжаю. Итакъ я отказываюсь отъ семи тысячъ въ годъ! А если я буду лишенъ собственности, то... я постараюсь овладѣть ею!

Лэди Користонъ вздрогнула.

— Корри!—съ страстной мольбой вскричала Марція.

— Я считаю себя отвѣтственнымъ за собственность отца,— тихо сказалъ Користонъ.—И теперь я буду жить въ по-

мѣстьяхъ отца и постараюсь внѣдрять нѣкоторыя понятія въ головы нашихъ фермеровъ и работниковъ. Благодаря моему безсмысленному титулу, я не могу войти въ нашу парламентскую группу, но я найду подходящаго человѣка и настрочу его. Боюсь, что вы будете считать меня преступникомъ, матушка. Но вѣдь вы не останавливаетесь ни передъ чѣмъ для проведенія вашихъ убѣжденій, не ссорьтесь же со мной за то, что я буду поступать такъ же. Знаю, что вамъ это очень непріятно. Вамъ хотѣлось бы держать меня въ рукахъ. Но я не склоненъ никому подчиняться и менѣе всего женщинѣ.

Лэди Користонъ встала.

— Джемсъ, Артуръ. — Ея голосу вернулась прежняя твердость.—Вы, конечно, видите, что будетъ лучше, если я уйду. Я не хочу, чтобы Користономъ или мною было сказано въ концѣ концовъ что-нибудь такое, что трудно будетъ простить. У меня былъ долгъ передъ обществомъ и я считаю, что исполнила его. Постарайтесь понять меня. Покойной ночи.

— Вы позволите придти къ вамъ завтра? — спросилъ Джемсъ съ безпокойствомъ. Она не отвѣтила. Тогда Джемсъ и Артуръ поцѣловали ее, а Марція обняла и пошла вмѣстѣ съ ней, смотря все время опечаленными и негодующими глазами на Користона.

Когда лэди Користонъ приблизилась къ выходу, старшій сынъ вдругъ подбѣжалъ и распахнулъ передъ ней дверь.

— Покойной ночи, матушка. Мы затѣяли съ вами большую игру, но будемъ играть честно.

Лэди Користонъ прошла мимо него, не говоря ни слова. Дверь захлопнулась за ней и за Марціей. Користонъ обернулся, смѣясь, къ Артуру и ткнулъ его въ бокъ кулакомъ.

— Артуръ, дружище, вѣдь ты наговорилъ кучу глупостей сегодня утромъ! Я нарочно пробрался на галлерею, чтобы послушать тебя.

Артуръ покраснѣлъ.

— Разумѣется, съ твоей точки зрѣнія, это были глупости.

— А что сказала тебѣ миссъ Гленуилльямъ?

— Ничего, интереснаго для тебя, Корри.

— Артуръ, сынъ мой, ты будешь все время волноваться, пока не узнаешь...

— Придержи языкъ, Корри.

— Зачѣмъ? Ты можешь на меня вполнѣ положиться. Но и самъ долженъ крѣпко держаться. Вѣдь мать не легко отдастъ тебя ей.

— Я такъ же, какъ и ты, не склоненъ подчиняться, если ужъ на то пойдетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но вѣдь на тебя теперь вся надежда. Только я не уступлю тебѣ помѣстій, Артуръ.

— Я не шевельнулъ ни однимъ пальцемъ, чтобы имѣть ихъ,—грустно сказалъ Артуръ.—И найду способъ отдѣлаться отъ нихъ, отъ большей части изъ нихъ, по крайней мѣрѣ. Но если я это сдѣлаю, Корри, ты долженъ будешь дать гарантіи.

— Не знаю, какихъ ты потребуешь. Однако — Користонъ разошелся и позволилъ себѣ большую вольность—нельзя ли выпить? Ты здѣсь хозяинъ, Артуръ. Распорядись-ка. Джемсъ, открылъ ли ты хоть одинъ разъ ротъ, когда была здѣсь матушка! Я не помню. Но никто не могъ бы имѣть такого мудраго вида, какъ ты. Но только, какъ бы ты ни желалъ оставаться философомъ и сохранять спокойствіе, тебѣ все-таки придется занять то или другое положеніе въ этомъ семейномъ спорѣ. А вотъ и виски! Дайте намъ еще сигаръ. А теперь я разсмотрю эти драгоцѣнныя бумаги!

Онъ взялъ свертокъ, оставленный матерью, и сталъ съ большимъ юморомъ пародировать документъ, который дѣлалъ его обладателемъ семи тысячъ въ годъ.

Черезъ нѣкоторое время братья разошлись. Користонъ и Джемсъ отправились на свои холостыя квартиры, Артуръ въ палату общинъ. Но двери ихъ дома еще не захлопнулись, когда легкая фигура въ бѣломъ проскользнула сверху. Это была Марція. Она заглянула сначала черезъ баллюстраду внизъ. Все было тихо и никого не было видно. Она замѣтила, что братья не пошли прямо домой изъ гостиной. Очевидно, они зашли въ библіотеку, огромное помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ. „Слѣдовательно, мистеру Лестеру все извѣстно“, подумала она съ неудовольствіемъ:—„это очень похоже на Користона“. И гордость ея возмутилась поступками братьевъ, обсуждавшихъ дѣйствія и рѣшенія матери съ чужимъ человѣкомъ. Конечно, мистеръ Лестеръ былъ друженъ съ Артуромъ и съ Користономъ еще въ Кэмбриджѣ, и Артуръ былъ особенно привязанъ къ нему. Но это вовсе не оправдывало ихъ нескромности, особенно въ такомъ исключительномъ случаѣ. Ничто не давало имъ права вводить посторонняго человѣка въ семейныя дѣла. Не пройти ли ей внизъ? Все равно ей необходимо взять книгу, потому что она долго не уснетъ послѣ такого возбужденія. Почему же нѣтъ? Вѣдь сейчасъ только одиннадцать часовъ. Еще нигдѣ не потушены огни. Но, можетъ быть, мистеръ Лестеръ уже ушелъ къ себѣ?

Она быстро пробѣжала черезъ проходъ, ведущій въ би-

бліотеку. Но едва она отворила дверь, какъ огонь вдругъ погасъ и она очутилась въ полной темнотѣ.

— Кто тамъ?—произнесъ чей-то голосъ.—Подождите минуту.

Черезъ нѣкоторое время сильный свѣтъ рабочей лампы, стоящей на столѣ, среди груды книгъ, освѣтилъ фигуру Марціи въ дверяхъ.

— Миссъ Користонъ! Простите. Я только что кончилъ работу. Чѣмъ могу служить?

Молодой библіотекарь подошелъ къ ней. Свѣтъ падалъ на его каштановые волосы, широкія брови и голубые глаза.

— Я пришла за книгой,—поспѣшила сказать Марція—я знаю, гдѣ найти ее. Пожалуйста, не безпокойтесь.—Она подошла къ полкѣ, достала книгу и направилась къ выходу. Но искушеніе было слишкомъ сильно.

— Вѣроятно, братья были здѣсь?

На лицѣ Лестера отразилось смущеніе.

— Они только что ушли, т. е. Артуръ и лордъ Користонъ. Джемсъ ушелъ раньше.

Марція откинула голову назадъ.

— И, конечно, Корри осуждалъ мать?

— Увѣряю васъ, онъ не дѣлалъ ничего подобнаго. Да я и не допустилъ бы этого,—сказалъ Лестеръ, улыбаясь.

— Но они разсказали вамъ, что случилось?

— Да,—отвѣтилъ онъ съ неохотой.—Я пробовалъ остановить ихъ.

— Развѣ можетъ кто-нибудь остановить Корри!—вскричала Марція. — Онъ всегда сдѣлаетъ то, чего не нужно дѣлать. А разсказалъ ли онъ вамъ о своемъ прекрасномъ планѣ—поселиться въ Користонѣ, подъ бокомъ у матери, чтобы отравлять ей жизнь?

— Дѣйствительно, фантастическій планъ!—сказалъ Лестеръ, снова улыбаясь.—Только я не вѣрю, что онъ приведетъ его въ исполненіе.

— О, конечно, онъ это сдѣлаетъ. Онъ всегда поступаетъ такъ, какъ требуютъ его убѣжденія, и называетъ это жить по совѣсти. Убѣжденія и совѣсть другихъ людей не имѣютъ для него никакого значенія.—Лестеръ слушалъ, молча, съ опущенными глазами.

— Вы находите, что съ нимъ дурно поступили?—спросила она вдругъ съ запальчивостью.

— Я не хотѣлъ бы высказывать своего мнѣнія. Я не имѣю права на это.

— Развѣ женщины не могутъ бороться за политическія убѣжденія такъ же, какъ мужчины?—горячилась дѣвушка, какъ бы оспаривая сама себя. — Мнѣ кажется, матушка хо-

рошо дѣлаетъ, что такъ отстаиваетъ свои убѣжденія! Корри долженъ былъ бы уважать ее за это.

Лестеръ сталъ собирать какія-то бумаги на столѣ, чтобы замаскировать неловкость своего молчанія. Марція наблюдала за нимъ съ горящими глазами.

— Но, разумѣется, вы не сочувствуете и не можете сочувствовать намъ, мистеръ Лестеръ. Вѣдь вы либералъ.

— Нѣтъ!—возразилъ онъ, поднимая съ удивленіемъ брови. — Я по существу не согласенъ съ Користономъ. И не имѣлъ намѣренія приклеивать себѣ какой-либо ярлыкъ. Но если это необходимо, то я скорѣе назвалъ бы себя консерваторомъ.

— Но вы признаете, что есть вещи, болѣе интересныя, чѣмъ политика?

— О, да, — сказалъ онъ, улыбаясь, — вотъ это правда. И въ особенности...

Онъ остановился.

— И въ особенности—для женщины?

Марція прибавила съ восхитительной улыбкой:

— Видите, я угадала, что вы хотѣли сказать. Какія же вещи? Я думаю, что и это знаю.

— Красота — поэзія — чувство. Развѣ вы не считали бы все это важнѣе политики?

Онъ произносилъ слова осторожно, не глядя на нее.

И было что-то въ его голосѣ, что звучало музыкой въ ушахъ дѣвушки. Она вздохнула глубоко и продолжительно. И, когда онъ внезапно взглянулъ на нее, она представилась ему бѣлымъ призракомъ на фонѣ полутемной комнаты, и молодыми изящными формами, мягкимъ очертаніемъ щекъ и блестящими глазами она напомнила ему старинныя картины Рембрандта.

Она протянула ему руку.

— Покойной ночи.

Затѣмъ поспѣшно направилась къ двери и исчезла.

III.

— Ея милость просила васъ, миссъ, зайти къ ней передъ отъѣздомъ,—сказала Марціи горничная лэди Користонъ. Она стояла въ дверяхъ комнаты, гдѣ Марція одѣвалась, чтобы ѣхать въ оперу, и машинально передавала порученіе, залюбовавшись стоявшей передъ ней дѣвушкой. Сьюэль была артисткой въ сферѣ своихъ обязанностей и втайнѣ завидовала горничной Марціи, которая имѣла столько простора для примѣненія своего искусства въ разнообразнѣйшихъ сочетаніяхъ красоты и молодости съ блестящими

туалетами. Конечно, это было не то, что одѣвать лэди Користонъ въ ея неизмѣнныя черныя платья, хотя всегда дорогія и украшенныя рѣдкими драгоцѣнностями. Когда она видѣла Марцію, одѣтую въ платье отъ Ворта или Пакэна, у нея всегда являлось соблазнительное желаніе оставить старую госпожу и искать мѣста у болѣе молодой.

Подите сюда, Сьюэль,—позвала Марція. Женщина охотно повиновалась. Маленькая служанка Марціи Беллоу благосклонно допустила ее, и оба эксперта истощили весь запасъ словъ, означающихъ восторгъ и восхищеніе, пока Марція, добродушно подчиняясь ихъ требованіямъ, поворачивалась во всѣ стороны, словно погруженная въ волны бѣлорозоваго свѣта.

Затѣмъ она пробѣжала черезъ корридоръ въ комнаты матери. Лэди Користонъ жаловалась на нездоровье и весь день не сходила внизъ. Но Марція по опыту знала, что мать въ болѣзненномъ состояніи проявляла обыкновенно бо́льшую активность, чѣмъ въ здоровомъ, и что уединеніе въ собственныхъ комнатахъ всегда способствовало накопленію ея энергіи.

Лэди Користонъ сидѣла съ папкой на колѣняхъ, возлѣ стола, заваленнаго корреспонденціей и освѣщеннаго рабочей лампой. Вблизи нея находился глубокій стѣнной шкафъ, въ которомъ помѣщались всѣ дѣловыя письма и документы, аккуратно разложенные по разнымъ отдѣленіямъ, снабженнымъ ярлыками. На вертящейся этажеркѣ, стоявшей тутъ же, находились всѣ отчетныя книги, а подъ ея локтемъ на столѣ лежала еще неразрѣзанная книжка журнала. Стѣны комнаты были заставлены шкафами съ книгами, преимущественно классическими произведеніями, историческими мемуарами и біографіями. Въ углу, всегда особо освѣщенномъ, стоялъ бюстъ покойнаго лорда Користона, сохранившій для потомковъ тотъ смущенный вопросительный взглядъ, который былъ присущъ оригиналу въ послѣдніе годы жизни. Его портретъ висѣлъ надъ каминомъ, окруженный акварельными изображеніями сыновей и дочери, въ дѣтскомъ возрастѣ.

Въ комнатѣ было всего одно удобное кресло, и лэди Користонъ никогда не сидѣла на немъ. Она не признавала и цвѣтовъ, находя, что они мѣшаютъ. Не было также никакихъ фотографій или красивыхъ бездѣлушекъ, такъ характерныхъ для комнаты женщины. Въ общемъ комната была некрасива, но носила отпечатокъ дѣловитости и сосредоточенной важности.

— Матушка, вы совсѣмъ не отдохнули,—вскричала Марція, смотря на темную фигуру матери и ея длинное блѣдное

лицо, на которомъ были замѣтны слѣды утомленія.—Вы весь день писали и вели дѣловые разговоры. Долго былъ у васъ Джемсъ?

— Около часу.

— А мистеръ Пэджъ?—Пэджъ былъ управляющій главнымъ помѣстьемъ Користоновъ.

— Не особенно долго. Нужно было о многомъ переговорить.

— Сказали вы ему...—Дѣвушка заволновалась.—Сказали вы ему о Користонѣ?

— Разумѣется. Онъ говоритъ, что по сосѣдству есть только одинъ домъ, въ которомъ онъ можетъ поселиться...

— Онъ уже нанялъ его.—Марція подала телеграмму, которая была у нея въ рукѣ.—Беллоу сейчасъ принесла мнѣ это.—Лэди Користонъ развернула и прочла: „Нанялъ Натчетъ на три года. Скажи матушкѣ".

Губы лэди Користонъ задрожали.

— Онъ не теряетъ времени. Мы должны быть готовы ко всякимъ непріятностямъ.

— Да, онъ можетъ испортить жизнь всякому, — вскричала Марція.—Джемсъ говорилъ съ нимъ?

— Надѣюсь,—отвѣтила лэди Користонъ и затѣмъ прибавила съ саркастической улыбкой: — Джемсъ всегда черезчуръ увѣренъ въ своей правотѣ.

Изъ этого Марція поняла, что Джемсъ не только говорилъ съ Користономъ, но пытался также обратиться съ увѣщаніями и къ матери, что ей, очевидно, не понравилось. Джемсъ имѣлъ на нее большее вліяніе, чѣмъ другіе, но все-таки не безусловное.

Марція стояла передъ матерью и смотрѣла на нее грустнымъ разсѣяннымъ взглядомъ. Неожиданно поднявъ глаза, лэди Користонъ взглянула на дочь и только теперь обратила на нее вниманіе.

— Ты очень интересна, Марція. Видѣла я когда-нибудь раньше это платье?

— Нѣтъ. Я получила его только на этой недѣлѣ. А вотъ и моторъ,—прибавила она, услышавъ звукъ рожка.—Постарайтесь успокоиться, матушка, и лечь пораньше въ постель.

Она наклонилась, чтобы поцѣловать ее.

— Кто ѣдетъ съ тобой?

— Уоггинъ и Джемсъ. Можетъ быть, потомъ пріѣдетъ Артуръ. Онъ надѣется, что засѣданіе въ палатѣ кончится рано. Я звала мистера Лестера, но онъ опоздаетъ и пріѣдетъ только къ концу.

Мать дотронулась до ея рукава и посмотрѣла на нее,

слегка улыбаясь, хотя улыбка не смягчила суроваго выраженія лица.

— Надѣешься видѣть Эдварда Ньюбёри?

— Да. Онъ говорилъ, что будетъ.

— Ну, иди и веселись. Передай мой привѣтъ миссъ Уогстафъ.

Уоггинъ ждала въ залѣ Марцію. Она была гувернанткой миссъ Користонъ съ пятилѣтняго возраста, а теперь жила отдѣльно на небольшія средства, увеличенныя пенсіей, выдаваемой ей лэди Користонъ. Она сопровождала Марцію всюду, гдѣ не бывала съ ней мать, и дѣлала это съ большимъ удовольствіемъ. Поѣздки въ оперу или на балъ вносили пріятное разнообразіе въ ея бѣдное впечатлѣніями существованіе. Это была маленькая, аккуратная женщина, съ стройной до сихъ поръ фигурой, сѣдыми волосами и спокойнымъ лицомъ. Платья она носила годами, но они имѣли всегда приличный видъ, такъ что Марція могла смѣло идти съ ней куда угодно. Безгранично привязанная къ своей бывшей воспитанницѣ и ко всѣмъ другимъ членамъ семьи, она всегда знала все, что касалось ихъ, и все переживала вмѣстѣ съ ними. Только лэди Користонъ звала ее „миссъ Уогстафъ", для дѣтей она оставалась до сихъ поръ подъ уменьшительнымъ именемъ „Уоггинъ".

И теперь она вся просіяла, когда увидала свою любимицу, сбѣгавшую съ лѣстницы внизъ.

— Милая, какое хорошенькое платье и какъ вы восхитительны!

— Не говорите глупостей, Уоггинъ! И приколите себѣ эту розу.

Уоггинъ съ покорностью отдала себя въ распоряженіе дѣвушки, пока та украшала ее и поправляла ей прическу.

— Вотъ такъ! Теперь вы моложе лѣтъ на десять,—сказала Марція, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ и смотря на нее издали.—Но гдѣ же Джемсъ?

— Мистеръ Джемсъ встрѣтитъ васъ въ оперѣ, — доложилъ дворецкій.

— Тѣмъ лучше,—прошептала Марція на ухо своей спутницѣ.—Мы можемъ поговорить.

И они разговаривали во все время продолжительнаго пути до Ковентъ-Гардена. Уоггинъ была посвящена во все, что случилось наканунѣ. Она давно уже ждала этого, замѣтивъ по многимъ признакамъ, что лэди Користонъ произвела бурю въ семьѣ. Но ея огорченіе было выше всякой мѣры, когда она узнала, что „Корри", ея дорогой Корри, который доставлялъ ей столько хлопотъ, когда ходилъ еще въ курточкѣ, лишенъ наслѣдства. Ея добрые глаза безпре-

станно наполнялись слезами. „Бѣдный Корри“ и „ваша бѣдная матушка“—преступникъ и судья—одинаково вызывали ея глубокое состраданіе.

Но Марція все еще негодовала:

— Чего же иного могъ онъ ожидать? Отецъ потому и оставилъ помѣстья матери, что зналъ взгляды Корри. Чтобы она могла сдерживать его.

— Но потомъ? Дорогая моя, вѣдь онъ еще такъ молодъ! А молодые люди мѣняются.

О смерти лэди Користонъ, конечно, никогда не упоминали и едва-ли даже думали, развѣ только съ такимъ благоговѣніемъ и съ такой неопредѣленностью, какъ это дѣлалось сейчасъ. Но и болѣе ярые революціонеры, чѣмъ Користонъ, превращались въ тори къ сорока годамъ. Уоггинъ больше разсчитывала на это.

Марція покачала головой.

— Онъ никогда не перемѣнится. Мама ужь и не проситъ его объ этомъ. Единственно, чего она требуетъ отъ него, это, чтобы онъ, хотя изъ уваженія къ памяти отца и къ ней, не высказывалъ своихъ убѣжденій.

Краска залила поблекшія щеки Уоггинъ.

— Запретить говорить *мужчинѣ*!—проговорила она съ величайшимъ изумленіемъ.—Взрослому мужчинѣ запретить говорить свободно! Да развѣ это возможно?

Марція съ безпокойствомъ посмотрѣла на спутницу. Рѣдко случалось ей быть свидѣтельницей такой горячности Уоггинъ.

— Знаю,—сказала дѣвушка мрачно: — „кошелекъ или жизнь“, похоже на это. Корри сказалъ бы, что его убѣжденія—это его жизнь. Но почему же „мужчинѣ“, Уоггинъ? Почему вы не говорите о женщинѣ? Или вы предполагаете, что женщина не можетъ имѣть убѣжденій?

Уоггинъ смотрѣла нѣсколько смущенно.

— Я вѣдь по старому... Мнѣ казалось... но...

Марція, засмѣялась, торжествуя.

— Почему Корри не долженъ уважать убѣжденій матери? Ей приходится доказывать, что, разъ женщина во что-нибудь вѣритъ, она должна бороться даже...

— Даже съ собственными сыновьями, — съ трепетомъ проговорила Уоггинъ. — Лэди Користонъ такая смѣлая!..

— Даже съ собственными сыновьями!—горячо воскликнула Марція. — А вы признаете допустимымъ, Уоггинъ, чтобы они презирали своихъ дочерей.

Уоггинъ протестовала и пожимала своей маленькой худенькой рукой руку Марціи. Взрывъ гнѣва дѣвушки испугалъ ее. Она попыталась даже перемѣнить предметъ разго-

вора и спросила, кто была высокая дѣвушка, съ которой она видѣла Артура недѣлю назадъ въ Національной галлереѣ.

— Я была тамъ съ моей маленькой племянницей и встрѣтила мистера Артура съ этой лэди. Замѣчательно интересная молодая особа! Не красавица, но невольно обращаетъ на себя вниманіе.

— Энидъ Гленуилльямъ, конечно!—дрогнувшимъ голосомъ сказала Марція.—Но вѣдь они не были одни, Уоггинъ?

— О, нѣтъ... вѣроятно, нѣтъ! Хотя... хотя въ залѣ никого больше не было. Они были такъ заняты разговоромъ, что мистеръ Артуръ не замѣтилъ меня. *Кто* она, вы говорите?—повторила Уоггинъ невольно. Марція повернулась къ ней.

— Дочь человѣка, котораго мать ненавидитъ больше всѣхъ на свѣтѣ! Это очень нехорошо со стороны Артура! Ужасно не хорошо! Это убьетъ маму, если она узнаетъ! Я уже слышала разговоры объ этомъ, но все не вѣрила. О, Уоггинъ! Вы никого не видали съ ними вмѣстѣ?

Голосъ ея измѣнился до того, что звучалъ воплемъ негодованія.—Безъ сомнѣнія, Энидъ Гленуилльямъ никогда не считается съ требованіями приличій. Она ни на что не обращаетъ вниманія и вовсе не нуждается въ томъ, чтобы ее сопровождалъ кто-нибудь, какъ это полагается для дѣвушекъ. Но *Артуръ*!

Марція откинулась въ уголъ кареты и, когда свѣтъ фонаря съ улицы упалъ на ея лицо, Уоггинъ замѣтила на немъ выраженіе неподдѣльнаго безпокойства.

— Дорогая моя, мнѣ такъ непріятно, что я разстроила васъ. И зачѣмъ я сказала вамъ! Но вѣдь я была увѣрена, что въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго.

— Я подозрѣвала это еще съ мѣсяцъ назадъ,—тихимъ, подавленнымъ голосомъ говорила Марція.—Мнѣ только не хотѣлось вѣрить этому. Я откровенно скажу Артуру, что думаю о немъ. Хотя, знаете,—я сама всегда любуюсь Энидъ Гленуилльямъ, но это совсѣмъ другое дѣло. Въ концѣ концовъ, мама ни въ комъ изъ насъ не видитъ отрады! Ничего, кромѣ непріятностей и раздраженія! И тутъ же за ея спиной.

— Милая моя! Право же, въ этомъ нѣтъ еще ничего особеннаго. Мало ли что дѣлаютъ дѣвушки въ нынѣшнее время и кто же обращаетъ на это вниманіе?—неискренно утѣшала Уоггинъ огорченную спутницу. — Что же касается вашей матушки, то я знаю, кто можетъ утѣшить и успокоить ее... и еще кое-кого...

— Кто можетъ успокоить маму... и еще кое-кого? —

переспросила Марція, повернувъ къ ней лицо.—Вы говорите объ Эдвардѣ Ньюбёри?

— О комъ же другомъ я могу говорить послѣ того, что вы сообщили мнѣ на прошлой недѣлѣ?

— Да, мнѣ нравится Эдвардъ Ньюбёри, — въ тонѣ дѣвушки невольно зазвучали ноты нѣжности—и я знаю, что я ему нравлюсь. Но еслибы онъ сейчасъ спросилъ у меня отвѣта, я отвѣтила бы нѣтъ, Уоггинъ, и тѣмъ дѣло кончилось бы.

— Марція, дорогая! Не будьте же такъ жестоки къ нему!

— Нѣтъ, но онъ не долженъ торопить меня. Я уже намекала ему, а онъ не понимаетъ. Я не могу рѣшиться, Уоггинъ. Не могу! Вѣдь не съ нимъ однимъ придется имѣть дѣло, а также и съ родственниками. Мнѣ разсказывали, какъ проводятъ жизнь у него въ семьѣ. Ежедневно общая молитва въ домовой церкви, и всѣ должны присутствовать. Никто не смѣетъ позавтракать въ постели, всѣ должны подчиняться заведенному порядку. Я не могу подумать объ этомъ безъ содроганія. Я совсѣмъ не такая, Уоггинъ, и никогда не буду такая.

И когда новый снопъ свѣта отъ фонарей и подъѣзда попалъ въ карету и освѣтилъ милое лицо, залитое краской смущенія, и темные глаза, горящіе страстнымъ чувствомъ, Уоггинъ совсѣмъ растерялась и отказывалась понять свою собесѣдницу.

— Да вѣдь онъ у вашихъ ногъ, дурочка, — прошептала маленькая сѣдоволосая женщина. — Предлагайте ему ваши условія.

— Нѣтъ, нѣтъ! Никогда. Съ Эдвардомъ Ньюбёри это невозможно! Онъ кажется такимъ мягкимъ, податливымъ, а на самомъ дѣлѣ *желѣзный*! Другія, можетъ быть, сумѣли бы, я не могу.

Молчаніе воцарилось въ каретѣ. Уоггинъ раздумывала о всемъ, что слышала. Она прекрасно знала, что ни одна партія не пришлась бы болѣе по душѣ лэди Користонъ, хотя она и не была особенно озабочена замужествомъ своей дочери. Ея голова была слишкомъ заполнена всякими другими вопросами. И все-таки въ этомъ бракѣ было все, чего только могла бы желать для своей дочери любая изъ смертныхъ матерей. Молодой человѣкъ старинной фамиліи, въ будущемъ маркизъ, богатый и прекрасной нравственности. И Марція была увлечена, Уоггинъ видѣла это. Волненіе, съ которымъ она говорила о немъ, выдавало ее головой. Но только, неужели мистеръ Ньюбёри предполагалъ, что ее легко взять въ руки? По мнѣнію Уоггинъ, эта работа была ему не по силамъ.

Ковентъ-Гарденъ былъ полонъ сверху до низу публикой,

собравшейся на первое представленіе. Во всемъ Лондонѣ не было зрѣлища, отвѣчавшаго въ такой степени современному вкусу и современнымъ требованіямъ высшаго свѣта. Женщины преобладали и царили здѣсь. Всѣ лучшія мѣста были заняты ими. Всюду были видны женскія лица, молодыя или старыя, обнаженныя плечи и розы, съ восхитительной небрежностью украшавшія молодость, сѣдыя головы и драгоцѣнности, смягчающія своимъ блескомъ слѣды неумолимой старости.

Користоны занимали одну изъ лучшихъ ложъ театра. Когда Марція входила въ нее, ее всегда охватывала волна трепетнаго возбужденія, происходившаго отъ инстинктивнаго, непреодолимаго и гордаго сознанія своей красоты. Это чувство свойственно молодости и внушаетъ отвращеніе, когда ее переживаетъ. Все говорило въ ней: „я молода, красива, весь міръ на моей сторонѣ, кто могъ бы отвергнуть меня?“ Слишкомъ богатая, чтобы относиться сознательно къ окружающему ее избытку и изобилію всего, Марція совершенно не понимала бѣдности и относилась къ ней скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ сочувствіемъ. Подобное чувство возбуждала въ ней, напримѣръ, бѣдность такого человѣка, какъ Лестеръ. Но это было не жестокосердіе, а только полное невѣдѣніе.

Зала погрузилась въ мракъ, и увертюра началась. Но публика все еще прибывала непрерывнымъ потокомъ со всѣхъ сторонъ, не смотря на негодующее шиканье тѣхъ, кто боялся пропустить каждую ноту новой и трудной музыки. Марція сидѣла впереди и смотрѣла въ бинокль на первые два ряда партера. Мистеръ Ньюбёри сказалъ ей, что онъ будетъ тамъ. Джемсъ, встрѣтившійся съ ними у входа въ театръ, внимательно слушалъ музыку, но время отъ времени поглядывалъ на нее.

— Марція, вандалка! Слушай же! - Сказалъ онъ, наконецъ, наклонившись къ ней.

Дѣвушка вздрогнула и покраснѣла.

— Я не понимаю этой музыки, Джемсъ, она какая-то странная и варварская.

— Конечно, это не Глюкъ,--сказалъ Джемсъ, улыбаясь.

Марція повернулась къ оркестру. Какъ разъ въ это время сквозь трескъ и грохотъ, прорвались звуки нѣжные и красивые, словно пѣснь жаворонка, пролетающаго подъ яснымъ небеснымъ сводомъ. Они поднимались и упадали, вѣтеръ гналъ ихъ, ревъ бури подавлялъ ихъ, крики демоновъ настигали ихъ и заглушали. Но затѣмъ они оживали, звучали въ торжественномъ маршѣ и постепенно затихали, таинственно и незамѣтно исчезая.

— Пѣсня Ифигеніи,—сказалъ Джемсъ. — А вотъ и Греція,--прибавилъ онъ, когда взвился занавѣсъ.

Молодой баварецъ, геніальный послѣдователь Штрауса, имѣвшій незадолго передъ тѣмъ большой успѣхъ въ Мюнхенѣ и Берлинѣ, взялъ сюжетомъ для своей оперы великое произведеніе Эврипида и, черезъ сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ Глюка, заговорилъ языкомъ музыки, доступнымъ для ушей современныхъ слушателей. Вся опера проходила безъ антрактовъ и плѣнительная фабула развертывалась въ музыкальныхъ звукахъ, одновременно чувственныхъ и героическихъ, съ стремительной страстностью, которая быстро охватила весь Ковентъ-Гарденъ.

Тысяча кораблей, съ союзными войсками, собравшимися для завоеванія Трои и возвращенія похищенной Елены, стоятъ безъ движенія. По приказанію Артемиды, храмъ которой украшаетъ берегъ, жестокій противный вѣтеръ держитъ ихъ въ плѣну въ гавани. Эллины не могутъ отмстить фригійскимъ варварамъ, похитившимъ свободную гречанку, Артемида не подпускаетъ охотниковъ къ добычѣ. Почему? Богиня земли, она требуетъ жертвы—человѣческой крови. Агамемнонъ, предводитель войска, подъ вліяніемъ страха возмущенія и распаденія войска, предлагаетъ Артемидѣ выбрать въ жертву самое дорогое изъ всего, что онъ имѣетъ. „Твою дочь! Ифигенію!“ — отвѣчаетъ богиня. Побуждаемый другими военачальниками и жрецами, убитый горемъ отецъ соглашается, наконецъ, послать письмо Клитемнестрѣ въ Аргосъ. Въ письмѣ онъ приказываетъ ей привезти молодую дочь въ лагерь, подъ предлогомъ выдать ее замужъ за героя Ахиллеса. Но его мучаютъ угрызенія совѣсти и онъ старается вернуть письмо. Напрасно. Мать пріѣзжаетъ съ дочерью и съ маленькимъ Орестомъ. Мать, упоенная радостью предстоящаго замужества дочери съ героемъ, дочь, думающая только объ отцѣ и съ любовью обнимающая его. Она беззаботно щебечетъ, подноситъ ему Ореста для поцѣлуя, говоритъ нѣжныя, трогательныя слова—какъ она скучала по немъ—какъ долго тянулось время...

Молодая пѣвица, американка, превосходно вела трогательную сцену, сливаясь голосомъ съ музыкой и изящно оттѣняя каждое движеніе души.

Марція сидѣла очарованная. Дверь ложи тихо отворилась. Молодой человѣкъ, улыбаясь, остановился у входа. Марція оглянулась и густо покраснѣла. Но въ темнотѣ это было замѣчено только Уоггинъ. Дѣвушка кивнула головой вошедшему. Онъ безшумно прошелъ впередъ, поздоровался съ Джемсомъ, церемонно раскланялся съ Уоггинъ, и сѣлъ возлѣ Марціи.

Затѣмъ онъ наклонился къ ней и шепнулъ:

— Я видѣлъ, что васъ немного въ ложѣ, и пришелъ, чтобы слушать вмѣстѣ съ вами.

— Она прелестна,—прошептала въ отвѣтъ Марція, указывая головой на Ифигенію.

— Да—но только, какъ часть цѣлой поэмы. Вдумайтесь въ *идею*. Это безсмертная красота, порождаемая скорбью. Обратите вниманіе на разницу между смертью, отъ которой она бѣжитъ, и смертью, которую она принимаетъ. Между ужасомъ и величіемъ! Слушайте! Вотъ уже начинается погребальная музыка.

Марція слушала—съ страннымъ біеніемъ сердца. Воспринимая звуки, ея душа скользила по событіямъ, пережитымъ въ послѣднее время и связаннымъ съ человѣкомъ, сидящимъ рядомъ. Давно ли она знакома съ нимъ? Только съ Рождества? Ньюбёри и Користоны были теперь сосѣдями по помѣстьямъ. Но это произошло совсѣмъ недавно, только съ тѣхъ поръ, какъ его отецъ наслѣдовалъ старый домъ въ Ходдонъ-Греѣ, а изъ послѣднихъ трехъ лѣтъ Эдвардъ Ньюбёри провелъ почти два года въ Индіи. Они встрѣтились въ первый разъ на одномъ обѣдѣ въ Лондонѣ и ихъ дружба, тогда начавшаяся, быстро окрѣпла. Но на балу въ Шрюсбери впервые закралась нота возбужденія и неопредѣленнаго тревожнаго ожиданія въ отношенія, до тѣхъ поръ только веселыя и товарищескія. Она танцовала съ нимъ весь вечеръ, не заботясь о томъ, что скажутъ. Но потомъ вдругъ стала избѣгать его. Сегодня же, слыша его тихій голосъ, говорившій о томъ, что происходитъ на сценѣ, она проникалась все большимъ и большимъ сознаніемъ, что онъ любитъ ее. И, чѣмъ больше онъ старался скрыть свои чувства и замаскировать ихъ настроеніемъ, возбуждаемымъ высокой поэзіей и страстностью пьесы, тѣмъ глубже проникали они въ ея сознаніе. Слѣдя, вмѣстѣ съ ней, за развитіемъ дѣйствія на сценѣ, Ньюбёри невольно разоблачалъ передъ ней свою душу и старался заглянуть въ ея чувства. Уоггинъ улыбалась втихомолку, сидя въ углу ложи. Она уже не разъ обмѣнялась взорами съ Джемсомъ. Обоимъ Марція представлялась чуднымъ видѣніемъ, когда они смотрѣли на нее, какъ она сидѣла у барьера ложи, съ свободно опущенными руками, и любовались красивой темной головкой, поворачивавшейся то къ сценѣ, то къ сидящему рядомъ Ньюбёри.

Жестокая истина разоблачена. Ифигенія, голосомъ, едва слышнымъ среди заглушающихъ криковъ разъяренныхъ воиновъ, требующихъ ея крови, на колѣняхъ молитъ отца о спасеніи.

„Слезы мои приношу я, отецъ, единственная моя защита! Обвиваюсь вокругъ твоихъ колѣнъ, отецъ, тѣломъ, которое мать родила для тебя. Не убивай меня, не лишай меня жизни раньше времени! Сладокъ, сладокъ свѣтъ! Не гони меня въ царство смерти. Въ первый разъ молю тебя, отецъ, я, твой первенецъ. Чѣмъ виновата я въ грѣхѣ Париса? О, отецъ! Почему, почему пришелъ онъ, чтобы быть моей смертью? Повернись ко мнѣ, взгляни на меня... поцѣлуй меня, чтобы я хотя умерла съ мыслью, что ты не оттолкнулъ мои мольбы“.

Она сжимаетъ маленькаго Ореста въ своихъ объятіяхъ.

„Братъ, ты—слабое, безпомощное существо, но иди, плачь вмѣстѣ со мной. Ты безсиленъ мнѣ помочь, но проси отца не убивать твою сестру! Смотри, отецъ, онъ безмолвно молитъ тебя! Сжалься! О, свѣтъ, свѣтъ, высшее благо для людей! Только безумцы могутъ желать смерти. Лучше позорная жизнь, чѣмъ благородная смерть!“

Звуки поднимаются и упадаютъ—подобно волнамъ, разбивающимся объ опасный берегъ, — проходя черезъ сцену, наиболѣе мучительную изъ всѣхъ, когда-либо изображенныхъ поэтомъ и выраженныхъ искусствомъ. Чудная тема! Потрясающее душу страданіе дѣвушки, почти ребенка, внезапно оторванной отъ любовныхъ грезъ и поставленной лицомъ къ лицу съ неумолимымъ рокомъ. Безпомощныя угрызенія совѣсти отца, горе матери, и, за всѣмъ этимъ, безжалостный рокъ—дикій фанатизмъ — кровожадность богини и безуміе войска, взывающаго къ ея милосердію.

Марція закрыла на минуту глаза.

— Ужасно!—прошептала она, содрогаясь, — слишкомъ ужасно!

Ньюбери покачалъ головой и улыбнулся.

— Нѣтъ! Вы увидите. Она держитъ въ своихъ рукахъ судьбу своего народа—эллиновъ, благороднѣйшаго народа, которому угрожаютъ варвары—низшая раса. Она умираетъ, чтобы жить. Это главный мотивъ всякаго великаго искусства—всякой религіи. А, вотъ Ахиллесъ!

Затѣмъ происходитъ поразительная по нѣжности и силѣ любовная сцена, Ахиллесъ, доведенный толпой до ярости, пользуется своимъ прославленнымъ именемъ, чтобы защитить дѣвушку, и называетъ своимъ безпомощно дрожащее созданіе. Она была призвана, чтобы быть его невѣстой, и она будетъ ею. И онъ будетъ бороться за нее и умереть за нее, если это понадобится. Такъ среди подавляющаго ужаса событій, выростаетъ вдругъ на минуту красный цвѣтокъ любви. Ифигенія стоитъ, ошеломленная, въ глубинѣ сцены, въ то время, какъ мать плачетъ, а богиней рожденный Ахил-

лесъ надѣваетъ оружіе и золотой шлемъ. Торжествующая, воинственная пѣснь слышится въ оркестрѣ. Появляется лучъ надежды. Дѣвушка смотритъ на своего защитника и любовь къ нему зарождается въ ней.

Музыка полна звуковъ нѣжныхъ и ласкающихъ, какъ журчаніе ручейка. И весь театръ поддается ея обаянію.

— Восхитительно!—проговорилъ Ньюбёри. Онъ обернулся къ своей сосѣдкѣ, и сила его чувства приковала къ нему взглядъ Марціи. Невольно она улыбнулась въ отвѣтъ.

Но золотые сны умерли—и не оживутъ. Крики, грохотъ, звуки разрушительныхъ силъ смели ихъ. Врываются вѣстники, наносящіе ударъ за ударомъ. Воины Ахиллеса возстали противъ него. Агамемнону угрожаютъ смертью. Яростные крики толпы звучатъ въ воздухѣ, какъ ревъ звѣря, вырвавшагося изъ клѣтки.

Ифигенія поднимаетъ голову. Волна звуковъ дикой, неумолимой силы надвигается на нее и поглощаетъ ее. И въ тотъ моментъ, когда Ахиллесъ готовъ оставить ее, чтобы броситься на копья воиновъ, оцѣпененіе уступаетъ мѣсто новому порыву.

„Мать! Мы не можемъ бороться съ богами. Я умираю! Я умираю! Но дай же мнѣ умереть славной смертью — безъ страха. Эллада призываетъ меня! Эллада, моя страна! Я одна могу дать ей то, о чемъ она проситъ,—безопасное путешествіе ея воиновъ и славную побѣду! Ты родила меня для блага Эллады, не только для твоей радости, мать! Мужчины должны идти на защиту родины, и развѣ можетъ одна жизнь, одна маленькая жизнь стать на ихъ пути? Нѣтъ! Я отдамъ себя Элладѣ! Убейте меня! Свергните стѣны Трои! Это будетъ моей славой! Обо мнѣ будутъ пѣть во всѣ времена! Эллада побѣдитъ черезъ меня. Эллины должны управлять варварами, а не варвары эллинами. Ибо они рабы, а мы свободны!“

Ахиллесъ кричитъ отъ любви и отчаянія. Теперь, когда онъ узналъ ее, „когда заглянулъ въ ея душу“, неужели возможно потерять ее? Неужели все миновало? И онъ снова хочетъ бороться и умереть за нее. Но она мягко отстраняетъ его.

— Не умирай за меня, добрый иностранецъ. Не убивай ни одного человѣка за меня! Оставь мнѣ счастье спасти Элладу, если я могу.

И, повинуясь ея серьезному и нѣжному приказанію, онъ уходитъ, говоря ей, что будетъ ждать ее у алтаря Артемиды, чтобы тамъ отдать за нее жизнь, если она призоветъ его—даже въ послѣднюю минуту.

Но она нѣжно обнимаетъ мать и маленькаго Ореста, запрещаетъ думать о мести, подавляетъ проявленія скорби — затѣмъ медленно удаляется съ громкой хвалебной пѣсней смерти. Гречанки съ пѣніемъ провожаютъ ее къ мѣсту жертвоприношенія.

„Слава Элладѣ, родной странѣ! Слава дню, дающему свѣтъ! Слава факелу Зевеса!

„На встрѣчу новой жизни, на встрѣчу неизвѣстному року я иду! Прощай, дорогой свѣтъ, прощай!“

— Вотъ,—сказалъ тихо Ньюбёри Марціи, — вотъ смерть, которую *она принимаетъ*!

Въ это время замерли послѣдніе звуки музыки. Слезы стояли въ глазахъ дѣвушки. Экзальтація великой страсти, великой поэзіи растрогала ее, странно смѣшиваясь съ протестующимъ очарованіемъ молодости и пола. Она видѣла передъ собой выразительное благородное лицо Ньюбёри, чувствовала возростающее вліяніе его сильной опредѣленной личности, ощущала борьбу своей слабой воли съ надвигающимся господствомъ, подчинялась обаянію и возмущалась.

Все это происходило въ ея душѣ, пока они оба сидѣли, молча, при громѣ аплодисментовъ, потрясавшихъ театръ, и ея глаза скользили еще по бѣлой фигуркѣ на сценѣ, съ букетами цвѣтовъ у ногъ...

Блестящіе глаза заглянули въ ея глаза, протянутая рука взяла ея руку и пожала. Она слегка отодвинулась и пришла въ себя. Въ это время Эдвардъ Ньюбёри всталъ и раскланивался съ вошедшимъ въ ложу Уильфридомъ Бёри.

Уступивъ мѣсто сэру Уильфриду, Ньюбёри отошелъ въ глубину ложи и сталъ разговаривать съ Уоггинъ. Но ей не пришлось бы похвастать его вниманіемъ къ ея словамъ. Марція не могла видѣть его, но онъ не спускалъ съ нея восхищенныхъ глазъ. Удивительно красивый молодой человѣкъ,—думала Уоггинъ:—профиль, брови, вся голова и глаза— чудные глаза, горящіе неугасимымъ огнемъ. Уоггинъ онъ очень нравился и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушалъ нѣчто вродѣ страха. Никогда ея собственныя слова не казались ей такими незначительными, какъ теперь, когда она разговаривала съ Эдвардомъ Ньюбёри. И никто изъ молодыхъ людей, окружавшихъ Марцію, не былъ никогда такъ любезенъ съ ея „компаньонкой“.

— О, да, прелестно! Прелестно! — говорилъ сэръ Уильфридъ. — Только мнѣ хотѣлось большей борьбы. Пусть бы Ахиллесъ сжегъ храмъ этой фуріи Артемиды! А знаете,— прибавилъ онъ на ухо Марціи, улыбаясь, — вашъ братецъ Артуръ въ плохой компаніи! Видите вы, гдѣ онъ? Посмотрите въ ложу напротивъ.

Марція взяла бинокль и увидала Энидъ Гленуилльямъ, сидящую въ ложѣ, на которую указывалъ сэръ Уильфридъ. Дочь канцлера откинулась на стулѣ и повернула прелестную бѣлую шею и голову къ собесѣднику, въ которомъ Марція сейчасъ же узнала Артура. Тамъ же, позади дѣвушки, стоялъ высокій дородный господинъ, заложивъ руки въ карманы и выпятивъ грудь въ блестящей бѣлизной сорочкѣ. Онъ окидывалъ оживленный зрительный залъ взглядомъ, наполовину презрительнымъ, наполовину соннымъ. Не смотря на безукоризненный костюмъ, эта фигура была въ полномъ несоотвѣтствіи съ великолѣпнымъ опернымъ театромъ и блестящей драгоцѣнностями толпой, наполнявшей его. Въ какой-нибудь символической группѣ новѣйшей скульптуры такая фигура могла бы служить олицетвореніемъ третьяго сословія—демократіи—труда. Но здѣсь это третье сословіе являлось въ его современномъ развитіи, вооруженное всѣмъ оружіемъ обоихъ другихъ.

— Самъ канцлеръ!—сказалъ Уильфридъ.

— Желалъ бы я знать, какъ онъ относится ко всей этой нарядной публикѣ!

Марція опустила бинокль и обратилась къ сэру Уильфриду. Онъ былъ ея крестный отецъ и остался ея другомъ еще съ тѣхъ поръ, когда водилъ ее на пантомиму или въ зоологическій садъ.

— Поговорите съ Артуромъ, — сказала она убѣдительно, но тихо, такъ что никто, кромѣ него, не могъ слышать.— Можетъ быть, онъ послушается васъ. Вѣдь начинаютъ ужь замѣчать и говорить объ этомъ. А это такъ ужасно. Вѣдь вы знаете, какъ тяжело будетъ матушкѣ!

— Знаю, — отвѣтилъ сэръ Уильфридъ серьезно. — Если только тутъ уже есть то, о чемъ вы думаете.—Его глаза остановились на минуту на красивой фигурѣ дочери канцлера.—Попробую поговорить съ нимъ. Но только она очень привлекательная дѣвушка, дорогая моя!

— Знаю,—безпомощно сказала Марція.—Знаю.

Наступило молчаніе, потомъ сэръ Уильфридъ спросилъ:

— Когда вы отправляетесь въ Користонъ?

— Къ Троицыну дню.

Онъ съ улыбкой оглянулся кругомъ, увидалъ сидящаго еще въ ложѣ Эдварда Ньюбёри и спросилъ лукаво:

— Ходдонъ Грей тоже, вѣроятно, не будетъ пустовать?

Марція сохранила равнодушное выраженіе лица.

— Можетъ быть. Вы пріѣдете? –Сэръ Уильфридъ утвердительно кивнулъ головой.—А слышали вы?..

Она прошептала ему что-то, закрывшись вѣеромъ. Сэръ

Уильфридъ зналъ всѣ ихъ домашнія событія и былъ близкимъ другомъ ея отца. Она вкратцѣ разсказала ему о лишеніи Користона наслѣдства. Насмѣшливые глаза старика сдѣлались серьезными. Онъ всталъ.

— Надо потолковать объ этомъ съ Користономъ. А, Ньюбёри, я занялъ ваше мѣсто, извиняюсь. Добрый вечеръ, Лестеръ. Однако уже занавѣсъ. До свиданія.

Онъ поспѣшно вышелъ. Ньюбёри подвинулся впередъ, смотря на Марцію. Но она повернулась, улыбаясь, къ молодому библіотекарю.

— Вы не видали этого балета, мистеръ Лестеръ? Карнавалъ Шумана. Идите сюда ближе. Мы можемъ подвинуться, не такъ ли?—спросила она Ньюбёри. И прежде, чѣмъ онъ могъ понять, что случилось, стулья были такъ подвинуты, что Лестеръ очутился между нимъ и Марціей, а Уоггинъ осталась въ глубинѣ ложи. Глаза старой гувернантки блеснули удовольствіемъ. Ей понравилось, что этому красивому молодому человѣку не легко доставалась побѣда. Марція нѣсколько потеряла голову на балу въ Шрьюсбери и теперь старалась исправить ошибку.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Для славныхъ битвъ я не рожденъ,
Но сердцемъ чуткимъ принимаю
Я подвигъ каждый, каждый стонъ
Врагу проклятьемъ возвращаю.

Не воинъ я, не ринусь въ бой,
Не назовутъ меня героемъ.
Нѣтъ, выпалъ жребій мнѣ иной:
Иду я съ пѣснями за строемъ.

И какъ я счастливъ, какъ я радъ,
Когда мнѣ дружескимъ привѣтомъ
Бойца отвѣтитъ гордый взглядъ,
А не насмѣшкой надъ поэтомъ,

Или когда удастся мнѣ,
Разсѣявъ мракъ сомнѣнья черный,
Хоть одного родной странѣ
Вернуть на новый трудъ упорный.

Леонидъ Б.

Изъ воспоминаній.

Отрывокъ.

Это—не литературное произведеніе. Мы печатаемъ этотъ отрывокъ, какъ своего рода документъ, который, быть можетъ, пригодится потомъ историку или психологу. И самое цѣнное, что мы въ немъ видимъ, это—несомнѣнная его подлинность...

Написанъ онъ, дѣйствительно, „непривычною рукою". Въ интересахъ большей удобочитаемости намъ пришлось даже сдѣлать въ немъ кое-какія стилистическія поправки. Но и за всѣмъ тѣмъ онъ можетъ, какъ мы думаемъ, напомнить о нѣкоторыхъ жуткихъ фактахъ русскаго тюремнаго быта и дать представленіе о томъ, что приходится переживать при этомъ людямъ... *Ред.*

Это было весною 1908 года. Я сидѣлъ въ екатеринодарской тюрьмѣ, „за корридоромъ". Такъ называлось мѣсто, гдѣ въ одиночкахъ содержались приговоренные къ смертной казни, а также лица, къ которымъ тюремная администрація питала почему-либо непріязнь. Насъ тутъ было восьмеро, въ томъ числѣ шестеро смертниковъ. Изъ нихъ Найденко (какъ онъ назвалъ себя) былъ приговоренъ за убійство агента Русскаго общества пароходства и торговли Шестерикова, Щербаковъ—за ограбленіе и Маслаковъ—за вооруженное сопротивленіе при арестѣ.

Мы лишены были возможности видѣть кого-либо изъ постороннихъ. Изъ одиночекъ видна была лишь стѣна да кусочекъ неба. Иногда и изъ „за корридора" водили на прогулку, но насъ не пускали. Что касается одиночекъ, то въ нихъ не было ничего примѣчательнаго,—развѣ только надписи на стѣнахъ, дверяхъ и окнахъ: такой-то приговоренъ къ смерти тогда-то, или такого-то взяли на казнь тогда-то...

6 апрѣля—какъ сейчасъ помню—на постъ вступилъ довольно хорошій надзиратель. Онъ открылъ одиночки, хотя этого и не полагалось по правиламъ. Было обѣденное время, и всѣ собрались обѣдать въ мою одиночку. На обѣдъ, кромѣ борща, дали бѣлую кашу, а это бывало не часто. Разговоръ вертѣлся все время около того, возможно ли надѣяться на замѣну казни или нѣтъ. Нѣкоторые потеряли уже всякую надежду и думали лишь о томъ, чтобы не даться живыми въ руки палача.

— Мы трое—сказалъ мнѣ Маслаковъ:—я, Щербаковъ и Най-

денко рѣшили въ эту же ночь покончить съ собой. Лучше умремъ отъ своихъ рукъ, а палачу не дадимся...

Я спросилъ: что же они могутъ сдѣлать? Маслаковъ показалъ мнѣ нѣсколько пилюль, завернутыхъ въ папиросную бумагу.

— Это стрихнинъ,—сказалъ онъ.

Что мнѣ было дѣлать? Отговаривать я не рѣшился,—это были бы пустыя фразы. И, кромѣ того, я сознавалъ, что это—одно изъ меньшихъ золъ. Вмѣсто того, чтобы умирать тамъ, на дворѣ, среди лицъ, враждебныхъ тебѣ, среди людей, которые будутъ лишь равнодушно смотрѣть на твои предсмертныя подергиванія, лучше ужь умереть среди угрюмыхъ стѣнъ, все же среди своихъ братьевъ по несчастью.

Обѣдъ кончился. Всѣмъ было тяжело, но каждый крѣпился, чтобы не отравить послѣднихъ часовъ другому. Пришло время разстаться. Уходя къ себѣ въ одиночку, Маслаковъ сказалъ мнѣ адресъ своей невѣсты и просилъ меня, когда представится удобный моментъ, написать ей письмо съ просьбой не забывать его и чаще молиться о немъ. Его порученіе я впослѣдствіи выполнилъ. Теперь же мы пожали другъ другу руки и всѣ разошлись по мѣстамъ. Надзиратель замкнулъ камеры и „за-корридоръ" принялъ обычный, могильный видъ.

Каждый остался со своими думами, со своей тоской и мукой. До самаго вечера стояла изумительная тишина. Пришла повѣрка: защелкали ключи, появилось начальство и съ нимъ цѣлый легіонъ надзирателей. Провѣрили, пошутили,—и опять защелкали ключи, загромыхали замки. Повѣрка ушла и вновь все стихло.

— Ну, товарищи, сейчасъ принимаемъ!—раздались голоса изъ второй одиночки, гдѣ помѣщались Маслаковъ и Найденко.

Мы затаили дыханіе. Было стыдно за себя и больно за нихъ,— рѣшившихся принять смерть... Вдругъ тишину нарушило стройное пѣніе двухъ молодыхъ голосовъ, доносившееся изъ второй одиночки. Они пѣли: „Вихри враждебные вѣютъ надъ нами"... Сначала тихое, пѣніе становилось все громче, голоса крѣпли и звучали отчетливѣе. Это пѣніе хватало прямо за душу: Боже! вѣдь это поютъ умирающіе...

„Варшавянка" кончилась, начали „Похоронный маршъ". Изъ другихъ одиночекъ стали подтягивать. Было похоже на отпѣваніе покойниковъ. Взяли громко: „Прощайте же, братья! Вы честно прошли"...—и пѣніе оборвалось. Чувствовалось приближеніе роковой минуты. Затѣмъ изъ двухъ сосѣднихъ одиночекъ раздалось: „Прощайте, товарищи! Приняли"...—и вновь настала мертвая тишина...

Вдругъ тишина нарушилась за душу хватающими стонами и лязгомъ цѣпей. То бьются въ конвульсіяхъ принявшіе ядъ... Хочется вскочить и бѣжать, куда глаза глядятъ. Но нѣтъ силъ подняться. Что-то властно приковываетъ къ мѣсту и слухъ невольно ловитъ стоны и вопли, которые становятся все громче...

Надзиратель догадывается, что дѣло неладно, и даетъ тревожный свистокъ. Проходятъ минуты, и слышно, какъ сбѣгаются люди. Тутъ начальникъ тюрьмы, помощникъ, фельдшеръ... Слышно, какъ они возятся надъ Маслаковымъ и Найденкомъ; потомъ идутъ въ другую одиночку, къ Щербакову. Тотъ крѣпко стиснулъ зубы и не даетъ ничего себѣ влить въ ротъ. Считая свое дѣло выполненнымъ, начальство уходитъ. По прежнему слышатся стоны, доносятся просьбы, чтобъ дали воды. Надзиратель сжалился и льетъ воду черезъ отверстія въ дверяхъ, а отравившіеся, лежа на полу, собираютъ ее ртомъ...

Маслаковъ и Найденко остались живы, а Щербаковъ къ утру скончался... На другой день меня изъ „за корридора" перевели въ такъ называемыя „нижнія одиночки". Прошло четыре дня,—и вотъ утромъ 11-го апрѣля, въ страстную пятницу, мы узнали, что въ послѣднюю ночь были повѣшены четверо и въ томъ числѣ Маслаковъ, котораго только что спасли отъ смерти. Эта казнь ошеломила всѣхъ заключенныхъ: никто не хотѣлъ вѣрить, что въ христіанскомъ государствѣ для казни выбрали тотъ самый день, въ который много вѣковъ тому назадъ былъ распятъ Христосъ. Но это было такъ...

Въ живыхъ остался только Найденко, который долженъ былъ по прежнему прислушиваться къ каждому шороху и въ каждомъ щелканьѣ ключа угадывать приближеніе смерти. Но его почему-то рѣшили оставить на Пасху.

Въ тотъ же день я и еще одинъ заключенный были опять водворены „за-корридоръ" и какъ разъ въ одну изъ тѣхъ одиночекъ, откуда минувшею ночью были взяты на казнь два человѣка. Сразу же при входѣ мнѣ бросилась въ глаза свѣжая надпись, сдѣланная на стѣнѣ кровью: „Чуйко повѣшенъ". На полу валялся разбитый кувшинъ и была разлита вода... Заглушивъ тоску и боль, я принялся за уборку одиночки.

Съ оставшимся въ живыхъ Найденкомъ произошла рѣзкая перемѣна. Онъ сталъ тихъ, кротокъ, часто молился и даже выпросился въ церковь, гдѣ прикладывался къ плащаницѣ. Съ нимъ вообще творилось что-то странное. Однажды онъ мнѣ сказалъ: хорошо, молъ, быть жандармомъ. Но на вопросъ: почему?—ничего не отвѣтилъ... Другой разъ онъ началъ говорить, какъ было бы хорошо уйти теперь въ пустыню и жить отшельникомъ, никого не видѣть, ничего не слышать, имѣть общеніе только съ Богомъ и природой. Случалось, что онъ впадалъ въ экстазъ и начиналъ благодарить Бога, что онъ сподобилъ его переносить такія страданія.

На Пасху Найденка перевели къ намъ въ одиночку, и мы жили вмѣстѣ до 29 апрѣля, когда во время вечерней повѣрки помощникъ приказалъ Найденку взять свою постель и перейти въ

другую одиночку. Для насъ было ясно, что въ эту ночь его казнятъ, и мы рѣшили не спать...

Близилась уже полночь, и изъ камеры, гдѣ сидѣлъ приговоренный, послышалось пѣніе. Ему, очевидно, было очень жутко и онъ хоть пѣніемъ желалъ поднять свой духъ. Но вдругъ пѣніе оборвалось и Найденко сталъ биться о рѣшетку окна. А затѣмъ схватилъ лампу, облилъ подоконникъ керосиномъ и поджогъ его. Самъ же упалъ на полъ и сталъ биться въ судорогахъ, какъ бьются отравленные... Прибѣжали начальникъ, фельдшеръ и начали возиться съ Найденкомъ, какъ съ отравившимся.

— „Жаль!—не удержался начальникъ,—что конвой запоздалъ. А то и травиться ужь было бы не надо"...

Утромъ пріѣхалъ докторъ, но Найденко заявилъ, что онъ здоровъ и что если его переведутъ къ намъ въ камеру, то онъ ничего съ собою не сдѣлаетъ. На томъ порѣшили,—и его дѣйствительно перевели къ намъ.

Мы были увѣрены, что въ ближайшую же ночь его непремѣнно казнятъ, и часовъ до 12-ти не спали. Найденко былъ совершенно спокоенъ и разсказалъ намъ кое-что изъ своей біографіи. Мы узнали, что настоящая его фамилія—Забираниковъ, что онъ служилъ солдатомъ въ какомъ-то резервномъ полку на Кавказѣ, откуда бѣжалъ, что у него на родинѣ осталась невѣста, съ которой онъ мечталъ соединиться... Дальше разговоръ какъ-то не клеился, и мы легли спать.

Спали, должно быть, часа два... Я проснулся отъ шума и увидѣлъ, что дверь открыта, въ корридорѣ—стоятъ солдаты и два офицера, а въ нашей камерѣ—надзиратели и три помощника начальника тюрьмы. Я хотѣлъ вскочить, но мнѣ приказали не двигаться. Одинъ изъ помощниковъ подошелъ къ койкѣ, на которой спалъ приговоренный, и сказалъ:

— Вставайте!.. Да надѣньте бушлатъ,—на дворѣ холодно...

Найденко сразу понялъ, въ чемъ дѣло, но не выказалъ ни малѣйшей тревоги. Онъ попросилъ только, чтобы ему не связывали рукъ. Затѣмъ подошелъ къ намъ, расцѣловался и скорымъ шагомъ вышелъ изъ одиночки. Дверь захлопнулась, замокъ щелкнулъ, конвой тронулся.

— Прощайте, товарищи!—крикнулъ еще разъ Найденко, и все смолкло...

Блѣдно и неясно все это я описалъ,—непривычная рука водитъ карандашомъ по бумагѣ. Но я разсказалъ то, что было. Прошло уже почти шесть лѣтъ послѣ того, но я и до сихъ поръ не могу безъ дрожи вспомнить тогдашніе мучительные дни съ ихъ неизвѣстными никому страданіями.

Н.

Семейный распадъ и женское движенiе.

I.

О женскомъ движенiи въ настоящее время написано такъ много, что посвященная ему литература,—не говоря даже о не поддающихся простому подсчету статьяхъ и замѣткахъ въ перiодической печати,—составляетъ обширную, многотомную библiотеку. Но этотъ расцвѣтъ литературы феминизма и о феминизмѣ, важный, какъ симптомъ все возростающаго интереса къ женскому движенiю, сопровождается появленiемъ въ ней такихъ особенностей и недочетовъ, которые не позволяютъ читателю составить себѣ правильное представленiе ни о роли феминизма въ процессѣ общественнаго развитiя, ни о степени исторической, объективной необходимости „женской эмансипацiи". Можно было бы сказать, что количественно огромная литература феминизма качественно ничтожна.

И не только въ силу того, что въ ней находятъ преимущественное отраженiе тѣ формы движенiя, которыя пользуются методами неумѣреннаго саморекламированiя и бьющими въ глаза мелодраматическими эффектами [1]). Въ этой литературѣ наблюдаются

---

[1]) Яркой иллюстрацiей этого нарушенiя вѣрной перспективы, этой оптической иллюзiи является отношенiе печати къ англiйскимъ суффражисткамъ-милитанткамъ. Едва-ли въ наше время найдется другое движенiе, которое пользовалось бы въ прессѣ такимъ „бумомъ", какъ „боевой" суффражизмъ. И, встрѣчая чуть ли не ежедневно на газетныхъ столбцахъ отчеты о подвигахъ суффражетокъ, читатель невольно составляетъ себѣ представленiе о нихъ, какъ о *типичныхъ* представительницахъ англiйскаго феминизма. Между тѣмъ „боевой" суффражизмъ, послѣ кратковременной популярности въ 1908—1910 гг., идетъ быстро на убыль, о чемъ свидѣтельствуетъ хотя бы сокращенiе тиража „The Suffragette", офицiальнаго органа главной милитантской организацiи, „Женскаго соцiально-политическаго союза". Расходившiйся года два-три тому назадъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и даже къ 1913 г. печатавшiйся еще въ 17 тысячахъ, этотъ органъ теперь находитъ едва 7 тысячъ читателей. „Нацiональный же союзъ женскихъ избирательныхъ обществъ"—главная организацiя „мирныхъ" суффражистокъ, поддерживающихъ своей агитацiей на выборахъ кандидатовъ рабочей партiи (въ отличiе отъ милитантокъ, идущихъ противъ всѣхъ, въ томъ числѣ и рабочей партiи) — нисколько не теряетъ своего авторитета среди англiйскихъ женщинъ. Число входящихъ въ его составъ организацiй, напротивъ, ростетъ чрезвычайно быстро и съ 70 въ январѣ 1909 г. поднялось до 402 (съ 50 тысячами членовъ) въ 1913 г., т. е. увеличилось за 4 года въ 6 разъ.

гораздо болѣе существенные дефекты, чѣмъ поддерживаемый ею оптическій обманъ. Мы говоримъ объ *отсутствіи въ ней обобщающей точки зрѣнія на женское движеніе*, объ отсутствіи, другими словами, стройнаго, продуманнаго міровоззрѣнія.

Собственно, эту бѣдность идейнаго содержанія феминистской литературы можно было бы предположить уже a priori. Вѣдь женское движеніе въ значительной мѣрѣ является безсознательнымъ, стихійнымъ продуктомъ общественнаго развитія. Оно начато женщиной противъ извѣстныхъ аномалій въ условіяхъ ея существованія. Его идеологія строится поэтому лишь постепенно, путемъ индукціи отъ частныхъ фактовъ, по мѣрѣ проявленія этихъ аномалій, по мѣрѣ ихъ осознанія. Въ силу этого и въ литературѣ движенія — служащей, такъ сказать, средствомъ сдѣлать членораздѣльнымъ ропотъ противъ конкретныхъ ненормальностей — пріобрѣтаетъ главенство не столько строгій анализъ роли женщины въ процессѣ общественнаго развитія, сколько защита опредѣленныхъ практическихъ мѣръ, выдвигаемыхъ противъ наиболѣе остро ощущаемаго зла. Съ женскимъ движеніемъ въ этомъ смыслѣ повторяется отчасти то же самое, что переживали, да и до сихъ поръ еще переживаютъ, кооперативное и профессіональное движенія. Фактъ организованнаго выступленія здѣсь предшествуетъ занятію вполнѣ укрѣпленныхъ теоретическихъ позицій. При такихъ условіяхъ литература феминизма необходимо должна была оказаться перегруженной не имѣющимъ большой идейной цѣнности балластомъ.

Достаточно бѣгло просмотрѣть очередные номера феминистскихъ еженедѣльниковъ и ежемѣсячниковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Стоитъ ли въ порядкѣ дня вопросъ объ уничтоженіи полицейской регламентаціи проституціи или рѣчь идетъ о политическомъ равноправіи женщинъ, — защита этихъ реформъ основывается не на положеніяхъ общаго міровоззрѣнія феминизма, даже не на взвѣшенныхъ выводахъ изъ анализа данной конкретной проблемы, а исключительно на первыхъ попавшихся подъ руку соображеніяхъ цѣлесообразности, желательности или логичности защищаемой мѣры. Въ публицистикѣ феминизма нерѣдко попадаются прямо таки дикіе аргументы, вродѣ, напр., объясненія оппозиціи политической эмансипаціи женщинъ желаніемъ мужчинъ держать женское населеніе въ подчиненномъ положеніи для свободнаго удовлетворенія разнузданныхъ страстей [1]).

---

[1]) См., напр., „The Suffragette", отъ 22 августа 1913 г., гдѣ Кристабелль Панкхёрстъ говоритъ буквально: „за всѣми возраженіями и аргументами противъ права женщинъ на подачу голосовъ скрывается сексуальный порокъ". Впрочемъ, противники феминизма отвѣчаютъ тѣмъ же. „Въ дѣйствительности" — говоритъ, напр., сэръ Райтъ — „истинной сердцевиной женскаго суффражистскаго движенія является элементъ аморальности". См. „The Unexpurgated Case against Woman Suffrage", by Sir Almroth E. Wright, Лондонъ, 1913, стр. 81.

И это утвержденіе объ идейной безсодержательности справедливо не только по отношенію къ преобладающему типу феминистской литературы — публицистической защитѣ очередныхъ лозунговъ женскаго движенія,—но и по отношенію къ попыткамъ подвести подъ движеніе солидный теоретическій фундаментъ. Такого рода попытки сводятся почти всегда либо къ критикѣ „мужчиной созданнаго міра",—какъ характерно и названа одна популярная въ англо-саксонскихъ странахъ книга [1]),—либо къ повторенію всѣхъ „за" и „противъ" давно уже оказавшагося въ безвыходномъ тупикѣ спора о сравнительныхъ—главнымъ образомъ, физіологическихъ и психологическихъ, а порой и общественныхъ—достоинствахъ и недостаткахъ половъ. Если вы берете книгу, написанную авторомъ феминистскаго склада мысли, вы неизбѣжно встрѣчаете тамъ утвержденіе, что „женщина является хранительницей расовой жизни и души" и что „это и есть основаніе для ея требованія свободы" [2]). Такая мысль, варьируемая въ безчисленныхъ формулахъ и снабженная, соотвѣтственно эрудиціи автора, орнаментами въ видѣ цитатъ изъ соціологическихъ, антропологическихъ, біологическихъ и даже теологическихъ работъ, красной нитью проходитъ черезъ всю почти феминистскую литературу. Типичнымъ образчикомъ этого рода попытокъ освѣтить женское движеніе служитъ, напр., разошедшаяся въ трехъ изданіяхъ въ Англіи и переведенная на нѣсколько языковъ книга г-жи Свини, „Пробужденіе женщинъ, или роль женщины въ эволюціи". Главнымъ „достоинствомъ" этой книги является то, что въ ней свалены безъ всякаго разбора въ одну кучу всѣ доказательства, какія только можно найти въ наукѣ, литературѣ и религіяхъ міра въ пользу ея тезиса о большей цѣнности женщинъ для сохраненія вида и вытекающей отсюда необходимости „передать" руководящую роль въ общественномъ развитіи именно женщинѣ [3]).

И лишь въ исключительныхъ случахъ теоретическая разработка проблемъ феминизма сходитъ съ этой проторенной тропы и направляется въ сторону разрѣшенія существенно важнаго вопроса о *соціальной роли, возлагаемой на женщину эволюціей общественныхъ формъ*. Мы говоримъ о такихъ работахъ, какъ „Женщина и экономика" Шарлоты Гильманъ и „Женщина и трудъ" О. Шрейнеръ. Хотя обѣ эти книги трактуютъ сравнительно узко поставленныя темы, — Гильманъ разбираетъ исключительно

[1]) „Man-Made World" by C. P. Gilman, Лондонъ, 1911.

[2]) C. G. Hartley, „The Truth about Woman", Лондонъ, 1913, стр. 375.

[3]) Frances Swiney, „The Awakening of Women", Лондонъ, 1908. Авторъ возмущается между прочимъ, что въ современной версіи Библіи слово Elohim, означающее „вѣчную мать", переводится, для „ублаготворенія мужского самолюбія", словомъ „онъ" (Богъ), и рекомендуетъ феминисткамъ добиваться „вѣрнаго перевода Библіи".

вопросъ объ экономическихъ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной, а О. Шрейнеръ посвятила свою работу почти всецѣло анализу того соціальнаго явленія, которое она называетъ „паразитизмомъ женщины“,—все же авторы ихъ пытаются на основаніи сдѣланныхъ выводовъ построить общее міровоззрѣніе феминизма.

Но, не смотря на то, что этого типа работы совершенно свободны отъ упрека въ примитивности аргументаціи,—по прочтеніи ихъ все-таки попрежнему остается въ силѣ утвержденіе, что литература феминизма лишена обобщающей точки зрѣнія. Нельзя, разумѣется, признать обобщающей ту точку зрѣнія, которая оставляетъ въ тѣни рядъ кардинальныхъ явленій современнаго женскаго движенія и основныя посылки которой находятся въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ фактическимъ положеніемъ вещей. А именно такого рода недоразумѣнія и противорѣчія характерны для вышеуказанныхъ работъ. Напримѣръ, О. Шрейнеръ опредѣляетъ сущность феминизма, какъ *стремленіе женщины къ труду*. „Перемѣны, — говоритъ она—которыя имѣли мѣсто втеченіе прошлаго столѣтія и которыя суммируются нами въ словахъ: современная цивилизація“, проявляли тенденцію лишить женщину, не только частью, но почти что цѣликомъ, ея доли участія въ производительномъ и общественномъ трудѣ. И въ тѣхъ случаяхъ, когда не было рѣшительнаго и сознательнаго сопротивленія съ ея стороны, нигдѣ эти перемѣны не открывали ей новыхъ и вознаграждающихъ за трудъ (compensatory) областей дѣятельности. Это тотъ фактъ, который составляетъ современную женскую рабочую проблему“ [1]).

Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ лишь о женщинахъ, для которыхъ не была достаточно императивной экономическая необходимость, погнавшая женъ и дочерей рабочихъ на рынокъ труда въ поискахъ *новыхъ* отраслей дѣятельности съ самаго перваго появленія *общественнаго*, т. е. организованнаго на фабрикѣ, а не подъ семейной кровлей, производства. Въ такой же мѣрѣ очевидно, что подъ новыми и вознаграждающими за трудъ областями дѣятельности авторъ понимаетъ не основанное на раздѣленіи труда и капитала производство, куда, за рѣдкими исключеніями (и то обязанными своимъ существованіемъ формальному запрету со стороны государства, какъ, напр., недоступная по этой причинѣ работа подъ землей въ каменноугольныхъ копяхъ), капиталистическая организація общества сама гнала и гонитъ женщину трудящихся слоевъ населенія, а лишь свободныя профессіи (адвокатуру, врачебное дѣло, литературу), за доступъ въ которыя женщинамъ пришлось и приходится еще вести борьбу. Аналогична позиція и г-жи Гильманъ. Въ недовольствѣ женщинъ своимъ паразитизмомъ, —

---

[1]) Olive Schreiner, „Woman and Labour“, Лондонъ, 1911, стр. 50; ср. также стр. 123—124.

тѣмъ, что „мы единственный видъ животныхъ, самка котораго зависитъ матеріально отъ самца, единственный видъ, у котораго половыя отношенія являются также и отношеніями экономическими" [1]),— она видитъ движущую силу феминизма. „Въ деревнѣ, среди крестьянъ,—говоритъ она—наблюдается гораздо меньше половыхъ различій (sexdifferences—повидимому, различій въ экономическомъ положеніи половъ), чѣмъ въ городѣ, гдѣ *богатство позволяетъ женщинамъ жить въ абсолютной лѣности*" [2]). Отсюда какъ будто слѣдуетъ, что импульсъ къ участію въ женскомъ движеніи долженъ быть слабѣе и даже совершенно отсутствовать у женщинъ производительныхъ классовъ, которыя имѣютъ основаніе жаловаться скорѣй не на достаточную затрату своей энергіи, а на отрицательныя условія ихъ труда.

Разумѣется, исторически вѣрно, что во всѣхъ странахъ женское движеніе возникло среди женщинъ верховъ и середины общественной пирамиды [3]), и что въ силу этого среди піонеровъ и теоретиковъ феминизма (точно такъ же, какъ нѣкогда, на первыхъ ступеняхъ развитія соціалистической идеологіи, и среди теоретиковъ соціализма) очень видное мѣсто принадлежало и принадлежитъ еще лицамъ образованнымъ и состоятельнымъ. Но и поверхностный взглядъ на статистику профессіональнаго и общественнаго состава женскихъ организацій показываетъ, что этотъ перевѣсъ женщинъ непроизводительныхъ классовъ наблюдается развѣ лишь среди идейныхъ руководительницъ женскаго движенія. Въ Англіи, напр., основной контингентъ феминистскаго движенія состоитъ изъ представительницъ физическаго и интеллектуальнаго труда, въ особенности изъ первыхъ. Здѣсь именно такія чисто-трудовыя организаціи, какъ „Національный союзъ женщинъ-работницъ" (National Union of Women-Workers, свыше 100 тысячъ членовъ), „Женская кооперативная гильдія" (Women's Cooperatiwe Guild, объединяющая болѣе 30 тысячъ замужнихъ женщинъ рабочаго класса), „Женская рабочая лига" (Women's Labour League), „Женская трэдъ-юніонистская лига" (Women's Trade-Union League) и различныя ассоціаціи учительницъ начальныхъ и высшихъ школъ, женщинъ-врачей и т. д.— неоднократнымъ подчеркиваніемъ своей полной солидарности съ очередными лозунгами феминизма превращаютъ женское движеніе въ движеніе массовое.

Затѣмъ демократичны, т. е. не только формально доступны, но и въ дѣйствительности состоятъ, главнымъ образомъ, изъ

---

[1]) Charlotte Perkins Gilman, „Women and Economice" Лондонъ, 1908, стр. 5.

[2]) Ibid., стр. 73; ср. также стр. 93—94 и 113.

[3]) Впрочемъ, первая книга о феминизмѣ („Vindication of the Right of Women", 1792) была написана бывшей гувернанткой и домашней учительницей, впослѣдствіи ставшей женой извѣстнаго англійскаго соціалиста Годвина, Мэри Уолстонкрафтъ, этой „гіеной въ юбкѣ", по любезному выраженію Гораса Уолполя

трудящихся женщинъ, и другія, тоже присоединившіяся къ очередному лозунгу политическаго равноправія половъ, организаціи, вродѣ англійской и шотландской женскихъ ассоціацій трезвости (Temperance Association, съ 190 тысячами членовъ). Исключенія составляютъ только „Женская либеральная федерація“ да консервативная „Лига подснѣжника“ (Primrose League), которая, впрочемъ, и не включаетъ въ число своихъ задачъ борьбу за политическое равноправіе женщинъ. И объясненіе этому подавляющему участію трудящихся женщинъ въ женскомъ движеніи мы, конечно, не въ состояніи получить изъ опредѣленія сущности феминизма, какъ стремленія женщины къ труду, какъ протеста съ ея стороны противъ паразитнаго характера ея существованія.

Такимъ образомъ и тѣ, заслуженно пользующіяся огромнымъ авторитетомъ работы, которыя не ограничиваются перечисленіемъ достоинствъ женскаго пола и недостатковъ пола мужского, а пытаются создать стройную идеологію феминизма, не въ состояніи освѣтить современное женское движеніе въ цѣломъ, выяснить его сущность и роль въ процессѣ общественнаго развитія.

Такая идеологическая несостоятельность текущей литературы феминизма дѣлаетъ весьма ненадежнымъ руководствомъ многое изъ того, что было до сихъ поръ написано о женскомъ движеніи. Полагаться на эту литературу—и только на нее одну—при выработкѣ своего отношенія къ такому важному явленію нашей общественной и политической жизни, какъ феминизмъ, безусловно невозможно.

Но если некритическое отношеніе къ литературѣ женскаго движенія и можетъ создать совершенно ложное представленіе о сущности и историческихъ задачахъ феминизма, то это вовсе не значитъ, что она совершенно безполезна. Въ медленномъ процессѣ своего развитія, сталкиваясь съ конкретными фактами жизни, женское движеніе почти безсознательно, почти помимо своей воли выковываетъ свое міровоззрѣніе. И въ той огромной, переполненной очевидными нелѣпостями и курьезными аберраціями мысли литературѣ, которая порождена этимъ движеніемъ, можно уже найти многіе, хотя и не сведенные еще въ стройную систему, не приведенные въ порядокъ, элементы идеологіи. Современные феминисты, пытаясь понять и оформить представляемые ими интересы и съ этой цѣлью оперируя фактами общественнаго развитія, подготовляютъ матеріалъ для болѣе тщательной разработки проблемъ феминизма.

Въ наши задачи не входитъ и не можетъ, конечно, входить сложная реконструкція, на основаніи этихъ хаотическихъ матеріаловъ, находящейся еще въ процессѣ броженія идеологіи феминизма. Но, пользуясь ими, мы попытаемся въ дальнѣйшемъ разобраться въ вопросахъ, отвѣтъ на которые необходимо дать для объективнаго отношенія къ женскому движенію.

Нашу задачу значительно облегчаетъ то обстоятельство, что въ феминистской литературѣ уже не разъ отмѣчалась—хотя не всегда въ удовлетворительной формулировкѣ и съ полнымъ пониманіемъ всего значенія этого факта—тѣсная причинная связь между женскимъ движеніемъ и перемѣнами, внесенными въ общественное и семейное положеніе женщины капиталистическимъ способомъ производства. „Женщины—говоритъ, напр., Сисели Гамильтонъ—начали учиться совмѣстнымъ выступленіямъ только тогда, когда семейное производство стало терять свое значеніе съ введеніемъ машинъ и послѣдовавшей за этимъ реорганизаціей и централизаціей средствъ производства, когда семья перестала быть самостоятельнымъ организмомъ и семейный очагъ превратился въ простой кровъ для живущихъ около него. Впервые женщины были прочно и солидарно собраны воедино въ большомъ числѣ—со связующимъ звеномъ общаго труда, съ одинаковыми интересами и тяготами, съ одинаковыми причинами недовольства—лишь тогда, когда тканье и пряденье, пивоваренье и соленье и полдюжины другихъ отраслей хозяйственной дѣятельности цѣликомъ перешли изъ кухни или комнаты на фабрику, увлекая за собой матеріально зависѣвшихъ отъ этихъ производствъ работниковъ“ [1]).

„Женщины среднихъ и высшихъ классовъ—читаемъ мы у другого автора—въ наше время лишены совершенно того труда, который нѣкогда императивно требовалъ все ихъ время и знаніе... Изготовленіе пищи, одежды, постельныхъ принадлежностей, лекарствъ и т. д... были задачей, объединявшей семью въ тѣсную, дружную ассоціацію... Какой контрастъ съ пустотой существованія многихъ изъ современныхъ женщинъ!—существованія, наполненнаго занятіями, предназначенными для убиванія времени и изнурительными часто въ обратной пропорціи къ ихъ роли въ дѣйствительно производительной жизни“ [2]). „Въ точно такой же мѣрѣ,—говоритъ, наконецъ, уже знакомый намъ идеологъ феминизма, г-жа Гильманъ,—какъ развитіе машиннаго производства понижаетъ значеніе грубой физической силы и поддерживаетъ роль интеллекта и знанія, такъ давленіе производственныхъ условій требуетъ все возростающей спеціализаціи и стремится р[азъ]рушить реликвію патріархальнаго періода—семью, какъ эконо[ми]ческую единицу“ [3]). Въ этихъ цитатахъ отмѣчено—правда, ли[шь] въ наиболѣе поверхностныхъ, бросающихся въ глаза проявленіяхъ—то, что слѣдуетъ считать твердо установленной соціологической аксіомой, а именно, что семья „съ самаго начала

1) Cicely Hamilton. „Women in Great State“, The Great State, edited by H. G. Wells, Лондонъ, 1912, стр. 243.

2) Ethel Colquhoun, „Modern Feminism“, Quarterly Review, іюль 1913, стр. 158.

3) „Women and Economics“, стр. 151. Ср. также цит. выше мѣсто изъ „Woman and labour“ О. Шрейнеръ.

является ассоціаціей, продиктованной экономическими потребностями" [1]), и что поэтому ея внутренній быть и, соотвѣтственно, положеніе ея членовъ (въ томъ числѣ, конечно, и женщинъ) по отношенію другъ къ другу и къ обществу опредѣляются, въ общемъ, формами производственной дѣятельности. При этомъ въ приведенныхъ цитатахъ дано отчасти и представленіе о двухъ, по крайней мѣрѣ, результатахъ вліянія на семейный быть капиталистическаго способа производства.

Мы, дѣйствительно, наблюдаемъ во всѣхъ индустріализированныхъ странахъ оба отмѣченные въ нихъ факта: вовлеченіе женщины въ организованное общественное производство, вовлеченіе, доходящее до того, что болѣе трети женскаго населенія европейскихъ странъ добываютъ себѣ средства къ существованію продажей физическаго и интеллектуальнаго труда, и обратное этому явленіе — превращеніе женщины непроизводительныхъ классовъ въ общественнаго паразита. И мы знаемъ, вмѣстѣ съ цитированными авторами, что такія перемѣны въ соціальномъ положеніи женщинъ — только продуктъ гораздо болѣе глубокихъ измѣненій въ семейномъ быту общества. Мы знаемъ, что экономическій raison d'être семьи былъ ею утерянъ, что она перестала быть цѣлостной экономической организаціей въ силу *превращенія капитализмомъ общественно-необходимыхъ производственныхъ функцій изъ чисто семейныхъ въ функціи, организованныя общественно,* на фабрикѣ, ничѣмъ не связанной съ семьею производителя. Одно это даетъ возможность и основаніе предположить, что *во вліяніи экономическаго распада семьи на внутрисемейное и общественное положеніе женщинъ* и кроется источникъ того недовольства, которое выражается въ общественно-политической жизни нашего времени массовымъ феминистскимъ движеніемъ. Къ анализу этого вліянія мы и приступимъ.

II.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ и чреватыхъ для женщины серьезными послѣдствіями измѣненій, внесенныхъ въ семейный бытъ капиталистическимъ способомъ производства, было исчезновеніе *института семейной собственности.* Такая перемѣна явилась прямымъ, логическимъ слѣдствіемъ того, что семья потеряла, въ силу капиталистической организаціи хозяйственной жизни, свой былой характеръ самостоятельной, т. е. удовлетворявшей собственными силами потребности всѣхъ своихъ членовъ, экономической единицы.

---

[1]) Lester Frank Ward. „Pure Sociology", Лондонъ, 1903, стр. 352. Ср. также E. Reclus. „L'Homme et la Terre", t. I, Парижъ, 1905, стр. 256—262 passim и мн. др.

При натуральномъ и даже при простомъ денежномъ хозяйствѣ семья, какъ извѣстно, обладала и не могла не обладать реальнымъ коллективнымъ правомъ на общесемейную собственность. Отъ этого права зависѣло всецѣло нормальное отправленіе ея общественно-важныхъ производственныхъ функцій, отправленіе, къ которому и сводилась вся экономическая жизнь общества. Предоставленіе одному члену семьи безконтрольнаго распоряженія семейными средствами производства внесло бы при такихъ условіяхъ въ жизнь не только отдѣльныхъ семей, но и всего общества, самоубійственный элементъ необезпеченности, огромной зависимости отъ прихоти и каприза этого члена. Но съ потерей семейными производственными функціями ихъ общественнаго значенія, съ перенесеніемъ центра тяжести экономической жизни изъ-подъ семейной кровли на фабрику отпадала и настоятельная необходимость въ поддержаніи института семейной собственности. Для нормальной хозяйственной жизни общества при капиталистической организаціи производства совершенно безразлично, кто именно является носителемъ правъ собственности—коллективъ или отдѣльное самостоятельное лицо. Болѣе того—соотвѣтствуетъ капиталистическому характеру общественно-экономическихъ отношеній скорѣй всего именно строго-личная собственность.

Идетъ ли рѣчь о владѣніи фабрикой, банками, акціями какого-либо предпріятія или же возникаетъ вопросъ о носителѣ правъ собственности на заработокъ—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ юридическія отношенія въ капиталистическомъ обществѣ складываются, какъ отношенія между личностями, а не естественно образовавшимися коллективами-семьями. Рабочій, продавая на рынкѣ свою силу, обязуется лично выполнить договоръ о наймѣ отъ своего имени и, при полученіи условленной платы въ конторѣ завода, вынужденъ лично же представить доказательства объ выполненіи имъ порученной согласно договору работы. Владѣлецъ акцій точно также находится въ чисто личныхъ отношеніяхъ къ предпріятію, и даже искуственно-организованные коллективы—акціонерныя компаніи, синдикаты, трёсты и т. д.—должны стать юридическимъ лицомъ, чтобы получить возможность оперировать на денежномъ, торговомъ или рабочемъ рынкѣ отъ своего коллективнаго имени (до сихъ поръ еще въ Англіи въ постановленіяхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ сохранилась формула: „такая-то компанія въ лицѣ имя рекъ", подчеркивающая этотъ личный характеръ отношеній). Само собой понятно, что при институтѣ личной собственности нормировка этихъ личныхъ отношеній упрощается. При этомъ отводятся въ сторону или оказываются задачей строго отграниченныхъ юридическихъ нормъ вопросы взаимоотношеній членовъ естественныхъ коллективовъ. Юридическое понятіе семейной собственности поэтому исчезло изъ государственныхъ актовъ вполнѣ индустріализи-

рованныхъ странъ, какъ не отвѣчающее болѣе реальному характеру имущественныхъ отношеній. Институтъ собственности въ этихъ странахъ превратился въ *институтъ собственности личной.*

Этотъ переходъ отъ семейной собственности къ собственности индивидуальной сыгралъ для женщины фатальную роль не самъ по себѣ, а благодаря тому, что онъ не сопровождался сознательной перестройкой внутрисемейныхъ отношеній соотвѣтственно новымъ общественнымъ формамъ, не сопровождался такимъ же формальнымъ уничтоженіемъ экономическаго единства семьи, какое фактически имѣло мѣсто вслѣдствіе этого перехода. Юридическое представленіе о семьѣ, какъ экономически однородной группѣ, сохранилось въ полной неприкосновенности. Если громоздкая патріархальная организація, являвшаяся сложнымъ семейно-производственнымъ аппаратомъ, на дѣлѣ и уступила мѣсто семьѣ индивидуальной, состоящей только изъ ближайшихъ членовъ родовой группы и связанной лишь задачами продолженія рода,—то эта индивидуальная семья все-таки по прежнему, для регламентаціи общественно-экономической и политической жизни, считается законодательствомъ цѣлостной группой, спаянной единствомъ экономическихъ интересовъ.

Государство, въ сущности, было *вынуждено* сохранить основной ячейкой общежитія эту семейную организацію, оно не могло послѣдовать логическому выводу изъ полной индивидуализаціи капитализмомъ общественно - экономическихъ отношеній и поставить въ основу общества личность: капитализмъ, лишивъ семью ея производственныхъ функцій и ея коллективной собственности, т. е. вызвавъ экономическій распадъ семьи, этимъ и ограничилъ свое прямое вліяніе на семейный бытъ. Онъ не сыгралъ для послѣдняго ровно никакой творческой роли. Обезпеченіе нормальнаго выполненія семьей сохранившихся за ней функцій — воспитаніе подростающаго поколѣнія, непосредственное удовлетвореніе личныхъ нуждъ ея членовъ и т. п., — достигавшееся ранѣе путемъ организаціи семьи въ самостоятельную производственную группу, не было капитализмомъ автоматически возложено на созданные для этого спеціально семейные или общественные органы, точно такъ же, какъ не были имъ созданы и эти органы. При такихъ условіяхъ формальное сохраненіе семейнаго единства было неизбѣжно.

Но сохраненіе фикціи семьи, какъ экономической основы общежитія, въ условіяхъ индивидуалистическаго строя не могло не породить остраго противорѣчія. Общественныя и экономическія отношенія были построены капитализмомъ на принципахъ послѣдовательнаго индивидуализма. Право собственности стало правомъ собственности личной. И въ то же время сохранено было коммунистическое по своей внутренней природѣ единство семьи. Это означало, что въ области общественно-экономическихъ отношеній

гдѣ царилъ индивидуализмъ, семейный коллективъ долженъ былъ быть представляемъ въ лицѣ одного изъ членовъ, и что только этотъ именно членъ поэтому и могъ являться носителемъ права собственности и всѣхъ связанныхъ съ нимъ правъ. Вотъ эта-то двойственность принциповъ, лежащихъ въ основѣ общества и семьи, и служитъ причиной, порождающей, въ конечномъ счетѣ, современный феминизмъ. Ибо формальный представитель семьи былъ избранъ въ лицѣ мужчины, женщина же осталась въ сторонѣ отъ общественно-экономическихъ и политическихъ отношеній.

Почему государство остановилось при выборѣ представителя семьи на лицахъ одного лишь мужского пола—понять не трудно, если даже и не принимать во вниманіе укоренившагося взгляда на мужчину, какъ на болѣе цѣнную общественно величину,—взгляда, который былъ названъ Лестеромъ Уордомъ „андроцентрической точкой зрѣнія на міръ“ и который является прямымъ наслѣдіемъ длительной патріархальной стадіи въ развитіи человѣчества. Мы найдемъ достаточное объясненіе этому и въ ходѣ эволюціи капиталистическаго вліянія на семейный бытъ. Въ самомъ дѣлѣ, экономическій распадъ семьи начался съ отходомъ отъ семейнаго очага, т. е. отъ семейно-экономическаго коллектива, прежде всего тѣхъ отраслей хозяйственной дѣятельности, которыя по внутрисемейному раздѣленію труда въ до-капиталистическій періодъ стали достояніемъ мужчинъ. Да это и понятно. Успѣшному захвату капиталомъ *всего* народнаго хозяйства необходимо должна была предшествовать капиталистическая организація тѣхъ отраслей его, которыя обслуживаютъ *производственное* потребленіе, т. е. отраслей, создающихъ орудія производства, добывающихъ топливо (каменный уголь) и т. п. Производство же орудій всегда составляло задачу болѣе сильнаго физически мужчины. Что же касается специфически женскихъ производствъ, служащихъ преимущественно потребленію *личному* (текстильная промышленность, производство одежды, пищи, прачешное дѣло и т. д.), то онѣ были вполнѣ индустріализированы только сравнительно недавно. Такимъ образомъ первымъ выступилъ на арену общественной дѣятельности именно мужчина, тогда какъ женщина, особенно замужняя, въ массѣ своей еще до сихъ поръ болѣе или менѣе привязана къ семейному очагу. Естественно, что государство признало формальнымъ представителемъ семьи его, а не ее.

Эта роль мужчины, какъ представителя семьи, лучше всего подчеркивается, конечно, тѣмъ, что только его государство, организованное демократически, избираетъ носителемъ активнаго и пассивнаго избирательнаго права [1]). За сравнительно рѣдкими

[1]) Но, разумѣется, она сказывается не только въ этомъ. Налогоплательщикомъ всюду является фактически и формально личность. Однако до сихъ поръ государство склонно разсматривать *общесемейный* доходъ, какъ еди-

исключеніями (Финляндія, Норвегія, Австралія и Новая Зеландія, тринадцать штатовъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, англійскій островъ Мэнъ, гдѣ избирательное право даровано женщинамъ еще въ 1880 г.), нигдѣ женщинѣ не открыта возможность активнаго участія въ политической жизни—ни въ формѣ простой подачи голоса, ни въ формѣ несенія депутатскихъ обязанностей. Мужчина такимъ образомъ представляетъ въ политической жизни и тѣмъ самымъ во всѣхъ областяхъ, на которыя распространено воздѣйствіе государства, не себя одного, но и тѣхъ, кто естественно—по совершенно чуждымъ экономикѣ и политикѣ основаніямъ—группируется вокругъ него, именно *семью*.

Въ результатѣ сохраненія въ обстановкѣ капиталистическаго строя старыхъ формъ семьи женщина была формально исключена изъ области общественно-экономическихъ и политическихъ отношеній путемъ признанія мужчины представителемъ семьи. Но это исключеніе ея обусловливало образованіе въ ея семейномъ и производственномъ положеніи ряда крайне тягостныхъ для нея аномалій, служащихъ непосредственнымъ возбудителемъ ея недовольства.

Одной изъ такихъ аномалій являются особенности прямого участія женщины въ производственной жизни. Женщина въ этомъ отношеніи оказывается, благодаря сохраненію семейнаго единства и признанію ея „второстепеннымъ“ членомъ семьи, передъ неразрѣшимой дилеммой. Экономическая необходимость, порожденная, какъ на это указывалось неоднократно и какъ это само собой разумѣется, потерей семьею ея хозяйственнаго значенія, заставляетъ женщину идти въ общественно-организованное производство. Но, съ другой стороны, сохраненіе за семьей ея формальной роли общественной основы требуетъ выполненія женщиной, помимо функціи материнства, такихъ функцій, которыя дѣлаютъ

ную, подлежащую обложенію, сумму. Подоходный налогъ, напр., взимается въ Англіи обычно съ индивидуальнаго дохода, но при этомъ, если жена располагаетъ независимымъ источникомъ дохода, то ея доходъ подлежитъ обложенію не отдѣльно, а въ суммѣ съ доходомъ мужа. И отвѣтственность за выплату налога каждымъ членомъ семьи въ конечномъ счетѣ лежитъ *на мужчинѣ*. Недавно на этой почвѣ произошелъ такой случай, послужившій поводомъ для интерпелляціи въ палатѣ общинъ. Женщина-врачъ, подчиняясь директивѣ суффражистской организаціи, членомъ которой она состоитъ, отказалась уплатить свою долю налога. Мужъ же не въ состояніи былъ, либо принципіально не хотѣлъ, взять на себя уплату недоимки. Послѣ долгой канцелярской канители за упорный отказъ подчиниться законному требованію была привлечена къ отвѣтственности не непосредственная виновница, а ея мужъ, который, въ незавидной на этотъ разъ роли формальнаго представителя семьи, и былъ приговоренъ къ тюрьмѣ. И характерно, что, отвѣчая на запросъ, Ллойдъ Джорджъ отказался дать обязательство, что такого рода инциденты не будутъ повторяться. Онъ только обѣщалъ обсудить вопросъ о возможности *законодательной реформы* существующаго положенія вещей.

необходимымъ ея постоянное присутствіе подъ семейной кровлей. При фабричной работѣ замужней женщины соблюденіе порядка въ томъ изолированномъ помѣщеніи, которое является всюду необходимымъ матеріальнымъ выраженіемъ единства семьи, совершенно невозможно. Либо оно становится, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., въ текстильныхъ округахъ Соединенныхъ Штатовъ, дѣломъ мужчины, а не женщины, а потому нѐсовмѣстимо съ общепринятымъ раздѣленіемъ труда половъ, при которомъ первому предоставляется, въ качествѣ формальнаго главы семьи, участіе въ общественно-экономической и политической жизни общества, а послѣдней отводится сфера узко-семейныхъ функцій. Въ силу этого женщина до сихъ поръ не нашла въ общественномъ производствѣ прочнаго мѣста и втянута въ него лишь въ качествѣ случайной перелетной птицы. Въ то время, какъ промысловая карьера мужчины, какъ бы она ни была разнообразна по *внѣшнимъ признакамъ*,—всегда по существу однородна и связь его съ производствомъ всегда непрерывна, для женщины не существуетъ такой непрерывности профессіональной дѣятельности [1]).

Женщина, затѣмъ, благодаря непрочности ея положенія въ производствѣ, выступаетъ на рынкѣ труда только въ качествѣ *добавочнаго* семейнаго работника, входящаго въ общественно-организованное производство либо до замужества, либо по смерти мужа или въ случаѣ его „экономической несостоятельности“ (недостаточный заработокъ, безработица, пьянство и т. д.), исключительно или главнымъ образомъ для пополненія общесемейнаго бюджета. И въ качествѣ такого добавочнаго работника она получаетъ, какъ правило, незначительную заработную плату, нерѣдко не хватающую для удовлетворенія насущныхъ потребностей даже одинокой женщины. Наконецъ, сохраненіемъ старой формы семейнаго союза поддерживается такъ называемая „работа на дому“ находящая свой рабочій контингентъ преимущественно среди замужнихъ женщинъ [2]). Эта работа, дающая послѣднимъ нѣкоторую

---

[1]) По даннымъ послѣдней профессіональной переписи въ Англіи, напр., въ 1907 г. изъ всего числа работницъ въ возрастѣ старше 18 лѣтъ, занятыхъ въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ и мастерскихъ, дѣвушекъ было 75,72%. По даннымъ всеобщей же переписи 1911 г., собраннымъ по всему населенію, а не только среди части рабочаго персонала страны, процентъ дѣвушекъ оказался еще выше, именно 77,4%. Замужнія же составляли только 14,0% и вдовы—8,6%. Это означаетъ, что около 82% всѣхъ дѣвушекъ въ возрастѣ между 18 и 25 годами занято въ общественномъ производствѣ, но изъ нихъ лишь незначительный процентъ остается здѣсь по выходѣ замужъ.

[2]) Въ центрѣ итальянскаго домашняго производства соломенныхъ издѣлій, напр., по даннымъ бельгійской анкеты, изъ всего числа занятыхъ въ этомъ производствѣ женщинъ, замужнихъ было 69,5% („Les Industries à domicile“, vol. II, стр. 33—34). Въ центрѣ бельгійскаго сапожнаго ремесла замужнихъ насчитывалось 56,5% (Ibid., vol. VI, стр. 253). Аналогично, въ англійскомъ печатномъ и бумажномъ производствѣ на все число работающихъ на дому женщинъ замужнихъ приходится 61,4% („Women in the Printing Trades“, Лондонъ, 1904, стр. 94). И такое преобладаніе семейныхъ женщинъ наблюдается во всѣхъ отросляхъ домашняго производства.

возможность совмѣщать функціи производителя и хранителя семейнаго очага, отличается, какъ извѣстно, всѣми отрицательными чертами и натуральнаго и капиталистическаго производства—прежде всего неразвитымъ характеромъ производственныхъ методовъ и безчеловѣчной эксплуатаціей труда капиталомъ—и ни одной изъ ихъ положительныхъ чертъ.

Ни съ чѣмъ несравнимое по своей тяжести, непрочности и матеріальной необезпеченности положеніе женщины-труженицы, попавшей подъ грузныя колеса капитализма въ качествѣ добавочнаго, т. е. уступчиваго, сговорчиваго работника, составляетъ только часть печальной картины. Сохраненіе фикціи экономической однородности семейной организаціи въ условіяхъ индивидуалистическаго режима, сдѣлавшее необходимымъ превращеніе женщины въ подчиненную величину внутри семьи, приводитъ къ ненормальностямъ и внутрисемейныхъ отношеній.

Какъ мы уже знаемъ, источники дохода при экономическомъ распадѣ семьи превратились въ источники личнаго дохода главы семьи и ея формальнаго представителя—мужчины. Женщина же, въ особенности замужняя, крайне рѣдко вступающая даже въ наше время въ общественно-экономическія отношенія, осталась въ сторонѣ отъ этой индивидуализаціи источниковъ дохода [1]). Она вынуждена всецѣло зависѣть отъ принадлежащаго уже только одному члену семьи дохода. И не слѣдуетъ думать, что эта зависимость болѣе всего свойственна женщинѣ состоятельныхъ классовъ, лишенной и той возможности производительной затраты энергіи внѣ семьи, какой располагаетъ женщина рабочаго класса. Если давящая на первую полная зависимость ея отъ мужчины и служитъ для лучшихъ представительницъ непроизводительныхъ слоевъ населенія мощнымъ импульсомъ для „стремленія къ труду“, то такой характеръ внутри семейныхъ отношеній не менѣе отрицательно от-

---

[1]) Долгое время даже личный заработокъ считался собственностью не ея лично, а семейной организаціи, хотя заработокъ или доходъ ея мужа давно уже превратился въ его индивидуальную собственность. Въ Англіи, напр., только въ 1870 г. мужчина-мужъ или отецъ потерялъ право получать заработокъ женщины у ея хозяина и безотчетно расходовать полученную сумму. Здѣсь же лишь съ 1882 г.—годъ изданія акта о собственности замужнихъ женщинъ (Married Women Property Act)—женщина не теряетъ съ выходомъ замужъ всѣхъ своихъ имущественныхъ правъ. И Англія въ этомъ отношеніи не является наиболѣе отсталой страной. Въ государствахъ романскихъ, въ частности во Франціи, еще до сихъ поръ выходъ замужъ связанъ для женщины съ потерей имущественныхъ правъ (исключая права на личный заработокъ, огражденное особымъ закономъ). Во Франціи же вплоть до конца прошлаго столѣтія лицо женскаго пола не могло быть даже свидѣтелемъ при заключеніи гражданскихъ актовъ („Le Vote des Femmes“, par F. Buisson, Парижъ, 1911, стр. 1). Женщина считалась въ этомъ отношеніи, какъ она считается во многихъ другихъ, *безотвѣтственнымъ* членомъ коллективной группы, дѣйствующей всегда и во всемъ черезъ своего офиціальнаго представителя-мужчину.

ражается на положеніи и женщины-труженицы, — притомъ даже тогда, когда послѣдняя не порываетъ по выходѣ замужъ своей связи съ производствомъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ея заработокъ считается ея личной, неотъемлемой собственностью. Ибо ни эта связь, ни наличность заработка не измѣняютъ того факта, что, благодаря *подсобному* значенію ея участія въ производствѣ и незначительности получаемой ею заработной платы, главнымъ рессурсомъ семьи и ея самой остается по прежнему доходъ мужа или отца. Эта матеріальная зависимость женщины отъ мужчины усугубляется еще тѣмъ, что для нея, вынужденной существовать на „общесемейный“ доходъ, не создано *право* на него. Она лишь можетъ *заслужить* это право у фактическаго владѣльца дохода—„главы семьи“,—что нерѣдко бываетъ связано съ новымъ отказомъ съ ея стороны отъ духовной -и физической самостоятельности.

Вотъ въ такого-то рода особенностяхъ общественнаго, производственнаго и внутрисемейнаго положенія женщинъ и кроется источникъ того недовольства своей женской долей, выразителемъ котораго въ наше время является феминистское движеніе.

Само собою понятно, что далеко не всюду такія особенности въ положеніи женщины проявились съ одинаковой силой и рѣзкостью. Само собой понятно также, что особенности въ общественномъ развитіи отдѣльныхъ странъ отражаются большимъ или меньшимъ разнообразіемъ формъ, нерѣдко чисто мѣстнаго характера, въ которыя выливаются въ конкретныхъ случаяхъ эти аномаліи женскаго положенія. Такъ, русская женщина избавлена отъ такихъ послѣдствій признанія въ индивидуалистическомъ обществѣ мужчины представителемъ семейной ячейки, сохранившей формально коммунистическій характеръ, какъ полное безправіе въ рѣшеніи судьбы своихъ дѣтей, что составляетъ характерную черту въ положеніи женщины англійской. Точно также отличается положеніе русской или германской женщины отъ положенія женщины англійской или французской и въ вопросѣ объ основаніяхъ къ разводу: въ то время, какъ первыя пользуются правомъ на разводъ на *одинаковыхъ* съ мужчиной основаніяхъ, въ Англіи и Франціи основанія эти установлены или толкуются *различно* для обоихъ половъ. Нельзя не увидѣть разницы и въ правахъ матери незаконнорожденнаго ребенка, съ одной стороны, въ Англіи, гдѣ законъ не только позволяетъ ей „искать“ отца ребенка, но и даетъ ей подъ судебной гарантіей (впрочемъ, недостаточной) опредѣленную часть дохода послѣдняго, и съ другой стороны—во Франціи, гдѣ ей строжайше воспрещены даже „поиски“ его. Но разница въ конкретныхъ проявленіяхъ женскаго безправія, играющая, несомнѣнно, важную роль въ формированіи женскаго движенія въ разныхъ странахъ, не можетъ все-таки затушевать основной фактъ наличности всюду наблюдающихся особенностей женской доли, особенностей, совершенно несоотвѣтствующихъ современнымъ потребностямъ и чув-

ству собственнаго достоинства развитой личности. И главныя требованія женскаго движенія всѣхъ странъ окажутся совершенно одинаковыми, если мы раскроемъ формулу „равноправія половъ". А именно:

„1) въ области воспитанія и обученія—равная доступность того и другого для мужчинъ и женщинъ;

„2) въ области труда—свободный выборъ занятій и одинаковая плата за равный трудъ;

„3) въ области гражданскаго права—признаніе жены полноправнымъ юридическимъ лицомъ и безусловная гражданская правомочность женщины; въ области уголовнаго права — уничтоженіе всякаго неравенства между мужчиной и женщиной и отвѣтственность мужчинъ за половыя преступленія; въ области права публичнаго—избирательное право женщинъ" [1]).

II.

Сущность причинъ, порождающихъ современный феминизмъ, и платформа, общая женскому движенію всего міра, даютъ лишь частичный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ о соціальной роли этого важнаго фактора современной жизни. Намъ необходимо еще взглянуть, хотя бы бѣгло, совпадаютъ ли задачи женскаго движенія съ тенденціями общественнаго развитія или нѣтъ.

Въ этомъ смыслѣ показательно, конечно, отношеніе государства къ разобраннымъ нами ненормальностямъ въ положеніи женщины. Правда, въ наше время государственный аппаратъ не является безукоризненнымъ барометромъ общественныхъ тенденцій. Его реакція на потребности общежитія находится въ каждый данный моментъ въ зависимости не только отъ реальнаго соотношенія общественныхъ силъ, но и отъ комплекса историческихъ традицій, въ которыя входятъ и давно потерявшіе всякую объективную цѣнность пережитки прошлаго. Въ данномъ случаѣ является такимъ пережиткомъ прошлаго взглядъ на женщину, какъ на потенціальную мать только, а не какъ на имѣющую моральное право на полное развитіе личность. Кромѣ того, даже наиболѣе демократически построенный государственный аппаратъ не вполнѣ точно регистрируетъ въ законодательныхъ актахъ общественныя теченія въ силу еще того, что отъ прямого вліянія на него искусственно отстранена въ этомъ случаѣ половина населенія — женщины. Недостаточная чуткость его къ реальнымъ потребностямъ женскаго населенія, какъ извѣстно, служитъ однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ и обычныхъ аргументовъ въ пользу политическаго равноправія половъ. Можно было бы поэтому ожидать, что отношеніе го-

[1]) D-r Käthe Schirmacher, „The Modern Woman's Right Movement", Нью-Іоркъ, 1912, стр. XII—XIV.

сударства, крайне односторонне трактующаго специфическіе „женскіе“ вопросы, едва-ли дастъ намъ необходимый отвѣтъ.

Но дѣло въ томъ, что породившая аномаліи въ положеніи женщины причина въ то же время внесла въ жизнь общества рядъ отрицательныхъ, съ точки зрѣнія элементарныхъ нуждъ общежитія, явленій и тѣмъ самымъ заставила и заставляетъ обратить на себя вниманіе и государства.

Такъ, пониженіе дѣторожденія, если и не доходящее еще во всѣхъ индустріализированныхъ странахъ до той ступени, при которой количественный ростъ населенія совершенно прекращается (какъ это наблюдается во Франціи), то все же настолько серьезное, что оно почти повсюду начинаетъ безпокоить государство—это пониженіе дѣторожденія стоитъ въ тѣсной связи съ появленіемъ въ семейной жизни тѣхъ самыхъ новыхъ условій, которыя такъ тяжело давятъ на женщину. Говорить, что нео-мальтузіанство, „стачка матерей“, появилось благодаря тягостности для современной семьи содержанія значительнаго числа дѣтей, значило бы повторять давно установленный фактъ. Но вѣдь стало тягостнымъ для семьи содержаніе подростающаго поколѣнія только въ силу того, что внутри нея перестала находить продуктивный выходъ энергія ея членовъ и что съ переходомъ отъ семейной къ общественной организаціи производства тѣсная связь между производствомъ и потребленіемъ порвалась. Вплоть до достиженія дѣтьми самостоятельнаго рабочаго возраста (въ наше время приблизительно къ 14 годамъ) на семью поэтому ложатся расходы, *совершенно непогашаемые впослѣдствіи*, такъ какъ съ самостоятельнымъ выступленіемъ подростка на рынкѣ онъ постепенно *отдѣляется* отъ общесемейнаго коллектива, вмѣсто того, чтобы, какъ раньше, *войти* въ него новымъ работникомъ. Иначе говоря, доходъ его теперь не покрываетъ затратъ на его выращиваніе, какъ это имѣло мѣсто при экономическомъ единствѣ семьи и еще имѣетъ мѣсто въ земледѣльческихъ семьяхъ странъ или мѣстностей, гдѣ женатые сыновья долго не „выдѣляются“. Соотвѣтственно съ этимъ и отношеніе къ дѣтямъ незамѣтно должно было измѣниться,—и измѣнилось.

Раньше, при семейно-экономическомъ единствѣ, *въ каждомъ ребенкѣ видѣли потенціальнаго общесемейнаго работника*, производственная затрата энергіи котораго повышала сумму утилизируемаго живого труда и такимъ образомъ обезпечивала прочнѣе матеріальное благосостояніе всей семьи. Теперь каждый ребенокъ означаетъ только лишній ротъ, на который „не напасешься“, либо лишняго сонаслѣдника, вынуждающаго дробленіе имущества. Естественно, что характерная для натуральнаго періода *психологія родового благополучія, родовой эгоизмъ*, приводившій къ многодѣтности, уступилъ въ наше время мѣсто *психологіи индивидуальнаго благополучія, эгоизму личному*, содѣйствующему зарожденію „двухдѣтныхъ“, „однодѣтныхъ“ и „бездѣтныхъ“ системъ.

Государственная добродѣтель многодѣтности не находитъ теперь покровительства даже со стороны представителей власти. О. Шрейнеръ, напр., разсказывая о почетѣ, которымъ окружили одну женщину изъ племени Банту ея братья за то, что та народила имъ незаконныхъ дѣтей и такимъ путемъ „компенсировала" позорную бездѣтность ихъ женъ, противопоставляетъ этому восклицанiе полицейскаго судьи —„да вы себя самой стыдиться должны!"—когда подсудимая заявила ему, что она мать двадцати дѣтей. „Женщина, способная на это, способна на все"—былъ комментарiй судьи, подошедшаго къ данному факту съ безсознательно усвоенной имъ точки зрѣнiя личнаго эгоизма [1]).

Другое изъ явленiй, обращающихъ вниманiе государства на причины недовольства женщинъ—ослабленiе роли санкцiонированнаго имъ брака—точно также связано, главнымъ образомъ, съ экономическимъ распадомъ семьи. Мы видѣли, что семейное положенiе женщины стало ей невмоготу, благодаря превращенiю узъ брака въ узы самой отрицательной оброчной зависимости женщины отъ мужчины. Это отражается, конечно, прежде всего сокращенiемъ браковъ. Съ одной стороны, мужчина, бывшiй при экономическомъ единствѣ семьи только однимъ изъ многочисленныхъ семейныхъ работниковъ и превратившiйся теперь въ главную, если не единственную, опору семейной группы, не рѣшается такъ легко взять на себя заботы по поддержанiю семьи, какъ раньше, когда бракъ вводилъ въ нее новаго цѣннаго работника. „Женщина стала, какъ справедливо говоритъ Гильманъ, только потребителемъ и потому мужчина долженъ ждать, покуда онъ не будетъ въ состоянiи жениться" [2]). Съ другой стороны, и женщина, которой при условiи ея безбрачiя, капиталистическое производство все-таки открываетъ возможность независимаго существованiя, колеблется вступить въ отношенiя, связанныя съ такой деградацiей ея свободы и личности, какiя неизбѣжны теперь въ отношенiяхъ семейныхъ [3]). Женщина научается цѣнить свое участiе въ производствѣ. Въ силу этого возрастъ вступленiя въ бракъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе повышается; въ Англiи, напр., для мужчинъ онъ равенъ въ среднемъ почти 29-ти годамъ, а для женщинъ—почти 27 гг. [4]).

Это повышенiе брачнаго возраста влечетъ за собой развитiе безпорядочныхъ половыхъ сношенiй въ формѣ преимущественно проституцiи, которая, не смотря на всевозможныя законодательныя ограниченiя, процвѣтаетъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, а также и въ формѣ случайнаго недолговременнаго сожительства.

Ослабленiе роли брака, санкцiонированнаго государствомъ,

---

[1]) См. O. Schreiner, l. c., стр. 63—64.

[2]) C. P. Gilman, l. c., стр. 94.

[3]) Ср., напр., C. G. Hartley, l. c., стр. 268—269; C. P. Gilman, l. c., стр. 91 и др.

[4]) „Report of the Registrar General of the Births, Deathes and Marriages for the year 1910", Cd 5988, 1912, стр. XIX.

сказывается однако не только повышеніемъ брачнаго возраста (что равносильно сокращенію браковъ) и идущими вслѣдъ за этимъ временно-полигамическими половыми отношеніями. Наблюдается и *прямое отклоненіе отъ государственной санкціи.* Еще Чарльзъ Бутсъ отмѣтилъ, что въ низшихъ, наименѣе культурныхъ и потому болѣе прямолинейно реагирующихъ на аномаліи своего положенія слояхъ рабочаго класса наблюдается замѣтное предпочтеніе незаконнаго брака—законному. И его книга не оставляетъ сомнѣній въ причинѣ этого. „Одинъ миссіонеръ указалъ—читаемъ мы здѣсь—на старую пару, реальный характеръ отношеній которой выяснился лишь тогда, когда мужчина заболѣлъ послѣ 40 лѣтъ внѣбрачной совмѣстной жизни. „Онъ бы женился на мнѣ, и еще какъ, сказала женщина, *да я не видѣла въ томъ никакого добра*" [1]). Въ настоящее время однако свободный бракъ сталъ обычнымъ явленіемъ и въ квалифицированныхъ слояхъ рабочаго класса. Женщина-врачъ Бентамъ, показывая передъ „королевской коммиссіей о разводѣ", сообщила, напр., что въ одномъ изъ промышленныхъ округовъ, центрѣ горшечнаго производства, существуетъ даже нѣчто вродѣ соотвѣтствующаго неписаннаго закона и что „вообще среди рабочихъ ростетъ тенденція оправдывать такого рода иррегулярные браки" [2]). Точно также врачебный инспекторъ Шеффильда, докторъ Скорфильдъ, привелъ коммиссіи рядъ краснорѣчивыхъ фактовъ изъ собственной практики (врачъ въ Англіи—довѣренное лицо), рисующихъ ту же тенденцію избѣгать санкціонированныхъ государствомъ браковъ [3]).

Съ другой стороны, уже заключенные браки, благодаря усиливающимся ненормальностямъ внутрисемейныхъ отношеній (въ формѣ которыхъ государство только и допускаетъ брачныя отношенія), начинаютъ тяготить стороны, въ особенности женщину, настолько, что статистика разводовъ ростетъ въ огромныхъ пропорціяхъ. Даже въ Англіи, гдѣ условія для развода крайне неблагопріятны—непомѣрная дороговизна бракоразводнаго процесса, поводы къ разводу сужены до одного адюльтера со стороны жены и адюльтера съ насиліемъ со стороны мужа и т. д.,—число разведенныхъ паръ быстро увеличивается [4]). О прогрессіи

---

[1]) C. Booth, „Life and Labour of the People in London", Final Volume, Лондонъ, 1903, стр. 42.

[2]) „Royal Commission on Divorce", Minutes of Evidence, vol. III, Qs. 34636, 34638 и 34696, стр. 31 и 35. Въ извѣстныхъ лично свидѣтельницѣ случаяхъ женщины отказывались вступить въ законный бракъ, чтобы имѣть возможность „избавиться отъ него, если онъ не будетъ вести себя, какъ слѣдуетъ".

[3]) Ibid., vol. Q. 22450, стр. 384; ср. также Qs. 21898—22185 passim, vol. III, Q. 37014 (показаніе Llevelyn Davis), стр. 168 и др.

[4]) За пятилѣтіе съ 1861 по 1865 г. ежегодно въ среднемъ разводилось судомъ всего 149 паръ, и съ этихъ поръ—число быстро растетъ, достигнувъ въ пятилѣтіе 1906—10 г. ежегодной средней въ 1247 паръ (почти *въ 9 разъ больше*). Ср. „Report of the Registrar General" за 1910 г., стр. XIV.

разводовъ въ другихъ странахъ, въ особенности въ Соединенныхъ Штатахъ или Норвегіи, гдѣ разводъ особенно легко получить, приходится сказать то же, что и о разводахъ въ Англіи. Англія—не исключеніе въ этомъ отношеніи, а скорѣй наиболѣе консервативный примѣръ *общей тенденціи.* Словомъ, въ наше время наблюдается такой упадокъ престижа брака, санкціонированнаго государствомъ, что послѣднему, чувствующему потребность регулировать брачныя отношенія въ собственныхъ интересахъ, трудно было бы остаться индифферентнымъ и къ этому явленію.

Менѣе повиненъ экономическій распадъ семьи въ пониженіи значенія ея воспитательныхъ функцій. Здѣсь оказался рѣшающимъ не столько самый фактъ распада, сколько тѣ измѣненія, которыя капитализмъ внесъ въ задачи подготовки подростающаго поколѣнія къ самостоятельной жизни. Потребность въ сложной технической спеціализаціи рабочаго и соотвѣтствующей общей подготовкѣ его—обусловленная капиталистической производственной техникой—не могла бы удовлетворяться и при сохраненіи экономическаго единства семьи, съ ея примитивными продуктивными функціями. Здѣсь скорѣй всего наблюдался параллелизмъ между развитіемъ задачъ воспитанія и упадкомъ семьи. Но разобщеніе семьи и производственной дѣятельности и тутъ оказалось для подавляющаго большинства населенія отнюдь не второстепеннымъ факторомъ. Одно ужъ то, что старшіе члены семьи заняты теперь цѣлый день *внѣ* семьи, свело на нѣтъ то вліяніе ихъ на подростающее поколѣніе, которое составляетъ формально и до сихъ поръ обязанность семейной организаціи. Съ превращеніемъ семьи изъ совершенно самостоятельной экономической единицы въ естественный союзъ нѣсколькихъ лицъ для продолженія рода семейный очагъ пересталъ быть центромъ семейной жизни и для младшихъ членовъ ея. Сначала школа (и улица), а затѣмъ производство, заняли мѣсто этого воспитателя. И при этомъ даже на мѣстѣ работы теперь „только крайне рѣдко отецъ и сынъ заняты однимъ и тѣмъ же дѣломъ“ [1]) и потому первый не можетъ и здѣсь оказывать, поскольку этому не мѣшалъ бы даже интенсивный характеръ его труда, извѣстное воспитательное вліяніе.

Можно было бы привести еще рядъ фактовъ, порожденныхъ экономическимъ распадомъ семьи и заставляющихъ государство обратить вниманіе на этотъ распадъ совершенно независимо даже отъ формулированныхъ требованій женскаго движенія. Мы могли бы указать на проблему труда замужнихъ женщинъ, которую слѣдовало бы, вѣрнѣе, назвать проблемой смертности среди дѣтей, матери которыхъ работаютъ на фабрикѣ, и рядъ другихъ, не менѣе важныхъ послѣдствій вовлеченія женщины въ производство, занимающихъ современнаго законодателя потому, что все

---

[1]) K. A. Bray, „The Apprenticeship Question“, Economic Journal, vol. XIX, стр. 411.

это идетъ въ разрѣзъ съ элементарными потребностями государства. Но и изъ того, что было нами сказано выше, достаточно, быть можетъ, опредѣленно вырисовывается необходимость для государственнаго аппарата реагировать на тѣ самыя причины, которыя дѣлаютъ невыносимымъ положеніе женщины.

И какъ же онъ реагируетъ на нихъ? Въ общемъ можно признать, что государство *сознало* наличность семейнаго распада въ основѣ всѣхъ только что перечисленныхъ аномалій общественной жизни. Оно еще не отказалось отъ фикціи семьи, какъ основной, совершенно однородной, общественной ячейки. Но мало-по-малу оно приходитъ къ такому отказу.

Вполнѣ естественно, что первымъ его шагомъ въ этомъ направленіи было усвоеніе имъ наиболѣе важныхъ изъ оставленныхъ семьѣ капитализмомъ функцій, а именно воспитанія и заботъ о физическомъ благополучіи подростающаго поколѣнія. Развитое законодательство, регламентирующее жизнь ребенка отъ перваго момента его появленія на свѣтъ и вплоть до окончанія имъ начальной школы (въ Германіи даже до окончанія дополнительнаго техническаго образованія), составляетъ особенность общественно-политической жизни культурныхъ странъ. Въ Англіи, напр., существуетъ спеціальный актъ, въ общежитіи называемый „дѣтской хартіей“ (Children's Chart), который предписываетъ всѣ мѣры, нужныя для огражденія физической и моральной безопасности дѣтей, начиная отъ запрещенія продажи имъ спиртныхъ напитковъ и табаку и вплоть до обязательнаго огражденія открытыхъ каминовъ особыми рѣшетками въ комнатахъ, гдѣ дѣти могутъ проводить извѣстное время безъ надлежащаго надзора. Былая власть родителей надъ ребенкомъ здѣсь до такой степени ограничена государствомъ, что послѣднее вполнѣ заслуживаетъ имени „универсальнаго родителя“. Недавній процессъ, возбужденный противъ отца, не пожелавшаго, чтобы его мальчику была произведена рекомендованная школьнымъ врачемъ операція, и закончившійся его осужденіемъ, показываетъ, какъ мало принимается во вниманіе голосъ родителей, когда рѣчь идетъ о благосостояніи ребенка.

Точно также взяло на себя государство и заботы о дальнѣйшей судьбѣ дѣтей, окончившихъ начальную школу. Подборъ занятій для нихъ уже является правомъ не однихъ только родителей. Въ Англіи, напр., актъ о бюро труда (Labour Exchanges Act, 1909) устанавливаетъ особые „дѣтскіе комитеты“ (Juvenile Committees) изъ представителей министерствъ торговли и просвѣщенія и делегатовъ отъ предпринимателей и рабочихъ организацій, на которые возлагается обязанность подыскивать подросткамъ занятіе, отвѣчающее ихъ склонностямъ и дающее имъ возможность занять прочное мѣсто въ производствѣ. Наконецъ, не ограничиваясь обязательностью начальнаго обученія для дѣтей въ

возрастѣ между 5 и 14 годами, государство въ Англіи дѣлаетъ попытки организовать сѣть „дѣтскихъ садовъ" и „яслей" при школахъ для дѣтей болѣе младшаго возраста, и въ програму ближайшихъ школьныхъ реформъ стоящей у власти либеральной партіи организація этихъ „садовъ" и „яслей" входитъ существеннымъ элементомъ. Иначе говоря, отъ грудного возраста и почти до совершеннолѣтія *подростающее поколѣніе* въ Англіи *находится подъ наблюденіемъ* уже не семьи, а, *главнымъ образомъ, государственныхъ органовъ,* на которые и ложится отвѣтственность за его благополучіе. Государство такимъ образомъ вполнѣ опредѣленно взяло на себя рядъ существеннѣйшихъ семейныхъ функцій, превративъ или превращая ихъ въ функціи общественныя и вмѣстѣ съ тѣмъ *освобождая отъ нихъ женщину для иной дѣятельности.*

Въ отношеніи къ дѣтямъ тенденція государства соціализировать семейныя функціи сказалась, быть можетъ, ярче, чѣмъ въ чемъ-либо иномъ. Соціализація *воспитательныхъ* функцій семьи, продиктованная наиболѣе понятными интересами общества, не связана къ тому же съ очевидной необходимостью перестроить самыя основы общежитія. Совсѣмъ иное приходится сказать о способахъ борьбы съ другими аномаліями общественной жизни, порожденными семейнымъ распадомъ и, въ конечномъ счетѣ, не менѣе отрицательными, чѣмъ крахъ воспитательнаго вліянія современной семьи. Борьба съ уменьшеніемъ дѣторожденій, напр., если исключить палліативы, вродѣ выдачи премій на каждаго ребенка свыше опредѣленной „нормы", совершенно немыслима внѣ радикальнаго измѣненія положенія личности въ обществѣ. Родовой эгоизмъ, содѣйствовавшій многодѣтности, уступилъ мѣсто эгоизму личному именно потому, что семейный распадъ сопровождался освобожденіемъ личности отъ всякаго чувства обязательства по отношенію къ коллективу, путемъ превращенія всѣхъ имущественныхъ отношеній въ отношенія строго личныя. Чтобы сдѣлать вновь не пустымъ словомъ государственную добродѣтель относительной многодѣтности, необходимо поэтому соотвѣтствующее подчиненіе интересовъ личности интересамъ коллектива—подчиненіе, разумѣется, органическое, не идущее въ разрѣзъ съ психологіей личности, т. е. основанное на опредѣленныхъ имущественныхъ, экономическихъ обязательствахъ между личностью и государствомъ.

Точно также коренное измѣненіе всей вообще соціальной обстановки необходимо и для дѣйственной борьбы съ причинами, дѣлающими освященный государствомъ бракъ нежелательнымъ и запоздалымъ. Государство пока идетъ въ этомъ отношеніи по линіи наименьшаго сопротивленія, формально ослабляя узы брака облегченіемъ развода. Но самъ по себѣ разводъ является лишь палліативомъ, своеобразнымъ предохранительнымъ клапаномъ для современной „несчастной" семьи. Да и то — палліативомъ неудовлетворительнымъ,

лишь при стеченіи счастливыхъ обстоятельствъ дѣйственнымъ. Среди факторовъ, нерѣдко мѣшающихъ сторонамъ воспользоваться даже формально доступнымъ и облегченнымъ разводомъ, напр., Ллевелинъ Дэвисъ отмѣтила въ своемъ показаніи передъ королевской коммиссіей „отсутствіе какихъ бы то ни было достаточныхъ, прочныхъ средствъ къ существованію у замужней женщины, что особенно остро ощущается тамъ, гдѣ на лицо имѣются дѣти" [1]). Стало быть, для превращенія брака изъ мало желательнаго института въ желательный и экономически-выгодный, необходима всесторонняя перестройка экономическихъ условій современнаго общества на основѣ экономической независимости женщинъ—не только независимости *отъ мужчины;* но и путемъ *организаціи женскаго труда* (а, слѣдовательно, и всякого иного) *на началахъ экономической его независимости.*

Само собой понятно, что сознательно предпринять такого рода перестройку капиталистическое государство не въ состояніи, не идя противъ самого себя. Но оно, подобно мольеровскому мѣщанину, нерѣдко говоритъ прозой, само того не подозрѣвая, въ силу простой для него необходимости. Отвѣчая законодательными актами на мелкія, но острыя нужды общежитія, оно тѣмъ самымъ вводитъ въ общественное и семейное положеніе женщины принципы, подготовляющіе почву для такой радикальной перестройки современнаго общества. Въ этомъ отношеніи, напр., симптоматична реформа, проведенная въ англійскомъ „Актѣ о національномъ страхованіи" (National Insurance Act 1911 и 1913 гг.). Мы говоримъ о такъ называемыхъ „пособіяхъ роженицамъ". Въ англійской схемѣ страхованія, въ отличіе отъ континентальныхъ, такія пособія выдаются каждой роженицѣ подлежащихъ страхованію слоевъ населенія *независимо отъ того, работаетъ ли она лично и застрахована ли въ соотвѣтствующей больничной кассѣ или нѣтъ.*

Правда, пособія эти пока являются незначительными, всего въ 30 ш. на каждаго ребенка (60 ш. для лично застрахованныхъ работницъ), и обезпечиваютъ роженицу и ребенка лишь въ періодъ, непосредственно слѣдующій за родами. Но самый принципъ ихъ такой же, какой намѣченъ феминистами и соціалистами [2]). А именно—*признаніе соціальнаго значенія материнства государствомъ и переложеніе частичной матеріальной отвѣтственности за выполненіе этого акта на государство.* И при этомъ обезпеченіе материнства проведено въ Англіи такъ, что

---

[1]) „Royal Commission on Divorce", vol. III, Q. 36989, стр. 151. Цѣлый рядъ примѣровъ этому приведенъ на стр. 152—168.

[2]) Ср. напр., „The Endowment of Motherhood" by, H. D. Harben, Fabian Society, Лондонъ, 1910, или Ethel Snowden, „The Feminist Movement", и др. произведенія феминистовъ.

подчеркивается его строго коллективистскій характеръ. Не смотря на то, что замужняя женщина, никогда не состоявшая лично членомъ какой-либо кассы, получаетъ эти пособія изъ *фонда своего мужа*, она, и *только она одна*, является носителемъ права собственности на нихъ. Обезпеченіе материнства проведено въ ея случаѣ совершенно независимо отъ мужчины, изъ средствъ, составленныхъ на пять девятыхъ изъ взносовъ государства и хозяевъ и на четыре девятыхъ—изъ взносовъ ея мужа.

Это, конечно, фактъ сравнительно мелкій, какъ мелки вообще тѣ факты, изъ которыхъ строится въ рамкахъ капиталистическаго общества фундаментъ экономической эмансипаціи женщинъ. Но онъ указываетъ на то, что отражающіяся въ законодательствѣ тенденціи общественнаго развитія *совпадаютъ* съ основными задачами феминизма — освобожденіемъ женщинъ отъ зависимости отъ мужчинъ и уничтоженіемъ аномаліи въ ея экономическомъ положеніи путемъ *соціальныхъ семейныхъ функцій*. Поскольку государство пыталось найти отвѣтъ на поставленные ему семейнымъ распадомъ вопросы, оно сознательно или безсознательно, но проводило въ жизнь принципы, лежащіе въ основѣ программы современнаго женскаго движенія. Иными словами, женскому движенію принадлежитъ въ современномъ обществѣ роль творческаго фактора, перестраивающаго общественныя и семейныя отношенія на соотвѣтствующихъ тенденціямъ общественнаго развитія началахъ.

А. Чекинъ.

Межъ сосенъ румяною дымкой
Къ зарѣ просквозила дорожка.
Но солнце еще невидимкой
Глядитъ въ голубое окошко...

Къ окну ставъ за занавѣсъ шаткій,
Въ садъ дѣвушка смотритъ, смѣется.
О, мигъ упоительный, сладкій!
Ждетъ милый ее, не дождется.

Но дѣвичье стерпитъ ли сердце!
Вотъ бѣлое что-то мелькнуло...
Оконная стукнула дверца
И солнце мнѣ въ очи блеснуло!

Леонидъ Б.

Крестьянскія организаціи въ Италіи.

(Письмо изъ Реджіо Эмиліи).

I.

Реджіо Эмилія, откуда я пишу, это—небольшая—въ 2.269 кв. килом.—провинція въ сѣверной Италіи. Главнымъ занятіемъ ея населенія является земледѣліе. Эта отрасль народнаго хозяйства поставлена здѣсь въ техническомъ отношеніи очень высоко. Трудно найти въ реджіанскихъ деревняхъ земельный участокъ безъ химическихъ и иныхъ удобреній. Всюду въ хозяйствахъ проведена плодосмѣнная система сѣвооборота съ травосѣяніемъ. Обработка земли производится лучшими плугами. Въ крупныхъ частныхъ хозяйствахъ и въ кооперативахъ не рѣдкость встрѣтить паровую и электрическую обработку почвы. Новѣйшія машины и сельско-хозяйственныя орудія вошли въ обиходъ мѣстнаго земледѣльца. Прекрасно поставленное молочное дѣло съ сыроваренным и маслодѣлательнымъ производствомъ лишь дополняютъ высокое состояніе мѣстнаго деревенскаго хозяйства.

Разъѣздные агрономы и инструкторы — кооперативные и земскіе—своими постоянными совѣтами и указаніями направляютъ реджіанское земледѣліе по пути наибольшей производительности...

И результаты такой культуры на лицо. Вся площадь реджіанской провинціи, за исключеніемъ ея южной горной части, представляетъ собою сплошной садъ. Здѣсь вы не встрѣтите того широкаго простора необозримыхъ полей, къ какимъ привыкъ нашъ глазъ въ россійскихъ деревняхъ. Здѣсь поля и луга, разбитые на небольшія квадратныя и продолговатыя полосы, густо обсажены по краямъ тутовыми, ивовыми, плодовыми деревьями, сплошь обвитыми виноградными лозами всевозможныхъ сортовъ. Ни одинъ клочокъ земли не остается здѣсь не использованнымъ. На лугахъ здѣсь берутъ до семи покосовъ, начиная съ апрѣля и кончая ноябремъ. Скотину не выпускаютъ на пастбище, а круглый годъ держатъ въ стойлѣ. Кромѣ маиса, производятъ здѣсь рисъ, пшеницу, ячмень, рожь, овесъ, помидоры и пр. И все это лучшаго качества.

Но главное богатство края — это, конечно, виноградарство. Семь желѣзнодорожныхъ вѣтокъ и густая сѣть телефонныхъ проводовъ пересѣкаютъ вдоль и поперекъ провинцію. Прекрасное состояніе шоссейныхъ дорогъ еще болѣе облегчаетъ взаимныя сообщенія различныхъ угловъ Реджіо Эмиліи. Нѣкоторое исключеніе составляетъ самая южная горная часть провинціи, — съ плохими дорогами и потому мало доступная для систематическаго культурнаго воздѣйствія. Но и она мало-по-малу пріобщается къ благамъ цивилизаціи.

Населеніе реджіанской провинціи отличается высокою общей культурностью и самодѣятельностью. Достаточно сказать, что изъ 160 тысячъ человѣкъ взрослаго рабочаго населенія (отъ 17 до 60 лѣтъ) около 100 тысячъ объединено во всевозможные кооперативныя и профессіональныя организаціи, руководимыя реджіанскою трудовою палатой... Неорганизованная часть жителей приходится главнымъ образомъ на горные поселки. Изъ пяти депутатовъ, посылаемыхъ реджіанцами въ итальянскій парламентъ, три принадлежатъ къ лучшимъ представителямъ соціалистической партіи. Власть въ провинціальной коммиссіи (наша губернская земская управа) тоже принадлежитъ соціалистической партіи: изъ 40 гласныхъ провинціальнаго совѣта—28 соціалистовъ. Въ самомъ городѣ Реджіо изъ 40 муниципальныхъ гласныхъ 32 — соціалисты. Въ 12 коммунальныхъ совѣтахъ власть тоже находится въ рукахъ соціалистической партіи.

Въ Реджіо — вотъ уже около 30 лѣтъ издается крестьянско-рабочая соціалистическая газета „Справедливость" („Guistizia") съ очень характернымъ эпиграфомъ, гласящимъ: „*Нищета родится не отъ злой воли капиталистовъ, а отъ плохой организаціи человѣческаго общества, — отъ частной собственности. Вотъ почему мы призываемъ не къ личной ненависти противъ богатыхъ, а къ безотлагательному соціальному переустройству, которое въ основу человѣческаго общежитія положитъ собственность коллективную*". Въ этой газеткѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся жизнь реджіанской провинціи и читающій ее изо дня въ день крестьянинъ или рабочій получаетъ ясное представленіе о мѣстныхъ дѣлахъ.

Вся сѣверная часть Реджіо Эмиліи изъ села въ село покрыта различными крестьянскими кооперативами и союзами. Во многихъ селахъ имѣются народные дома, гдѣ засѣдаютъ мѣстныя кооперативныя и профессіональныя учрежденія, происходятъ собранія, читаются рефераты, лекціи съ туманными картинами и кинематографомъ, даются любительскіе спектакли, устраиваются вечеринки съ танцами и т. п. Я изъѣздилъ на велосипедѣ всю реджіанскую провинцію и повсюду видѣлъ и чувствовалъ эту ключемъ бьющую жизнь проснувшагося къ сознательной дѣятельности, культурнаго и активнаго населенія. Куда бы я ни пріѣзжалъ, всюду я заставалъ вечерами или засѣданіе какого либо кооператива, союза, кружка, или

спектакль, танцовальную вечеринку и т. п. Широкая освѣдомленность—путемъ газетъ—о дѣлахъ не только своей родины, но и всего свѣта, встрѣчаемая даже въ самыхъ глухихъ деревушкахъ, прямо поражала меня. Я уже не говорю о болѣе или менѣе крупныхъ деревенскихъ центрахъ, гдѣ всюду можно видѣть газетныхъ торговцевъ на велосипедахъ (здѣсь почти всякій крестьянинъ имѣетъ собственный велосипедъ), развозящихъ свой ходкій товаръ по хуторамъ и деревнямъ.

Поразительное впечатлѣніе производитъ съѣздъ крестьянъ на своихъ желѣзныхъ лошадкахъ въ какой-либо деревенскій пунктъ, гдѣ предстоитъ вечернее собраніе съ виднымъ пріѣзжимъ ораторомъ. Словно муравьи, ползутъ они съ разныхъ сторонъ къ кооперативному народному дому и затѣмъ, передавъ свой велосипедъ на храненіе въ кооперативный сарай, шумно заполняютъ собою „залъ для засѣданій“. Поговорите съ любымъ изъ нихъ, и вы получите незабываемое нравственное удовольствіе отъ его высокой сознательности и культурности. Вы поймете тогда, какъ далеко ушелъ реджіанскій крестьянинъ отъ своего русскаго собрата. Вотъ гдѣ поучиться бы смѣлому массовому кооперативному творчеству нашимъ россійскимъ учителямъ и учительницамъ, экскурсирующимъ по заграницѣ...

Но присмотримся поподробнѣе къ хозяйственнымъ объединеніямъ реджіанскаго крестьянства, чтобы по нимъ, какъ наиболѣе образцовымъ, составить себѣ представленіе о крестьянскихъ организаціяхъ всей Италіи.

Нужно сказать, что, какъ и по всей Италіи, крестьянское населеніе Реджіо Эмиліи (въ составъ коего входитъ свыше 90 тысячъ человѣкъ, живущихъ, главнымъ образомъ, земледѣльческимъ трудомъ) по своему хозяйственному положенію распадается на три категоріи. Самая незначительная—это мелкіе собственники, живущіе обработкой собственныхъ земельныхъ участковъ (3.460 семей съ 13.840 челов.). Вторая по количеству—группа мелкихъ арендаторовъ и половниковъ, кормящихся хозяйствомъ на арендованныхъ и испольныхъ земляхъ (7.610 семей съ 30.440 чел.). И, наконецъ, самая многочисленная группа это—безземельные и малоземельные крестьяне-поденщики, живущіе поденной и сезонной работой въ мѣстныхъ помѣщичьихъ экономіяхъ и на сторонѣ (47.056 человѣкъ).

Каждая изъ этихъ категорій имѣетъ свои самостоятельныя хозяйственныя организаціи. Но въ то же время всѣ онѣ вмѣстѣ объединены въ „Провинціальную федерацію земледѣльческихъ тружениковъ“, а затѣмъ входятъ въ общеитальянскую „Національную крестьянскую федерацію“ (Federazione Nazionale dei lavoratori della terra). Кромѣ того, крестьяне всѣхъ трехъ категорій имѣютъ общія потребительныя, профессіональныя и политическія организаціи,

объединенныя съ организаціями и кооперативами городскихъ рабочихъ въ рядахъ Реджіанской палаты труда.

Въ свою очередь кооперативы всей Италіи, какъ рабочіе, такъ и крестьянскіе, слиты въ единую „Національную лигу кооперативовъ“, управляемую совѣтомъ и генеральнымъ секретаремъ и публикующую сообщенія о своей дѣятельности въ собственномъ органѣ „Итальянская Кооперація“.

Послѣ этого вступленія мы перейдемъ къ описанію различныхъ формъ организацій каждой изъ вышеуказанныхъ категорій трудового крестьянства... Начнемъ съ Крестьянскаго союза.

II.

Крестьянскій союзъ объединяетъ крестьянъ двухъ первыхъ категорій: мелкихъ собственниковъ, испольщиковъ и арендаторовъ. Они первые дали сигналъ земледѣльческому движенію въ реджіанской провинціи. Это было въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ то время дѣятели итальянской рабочей партіи вели успѣшную пропаганду въ сосѣдней Мантуанской провинціи, которая—какъ у насъ Саратовская губернія—является колыбелью крестьянскаго движенія въ Италіи. Мало-по-малу, переходя изъ села въ село, ихъ ученіе докатилось и до реджіанскихъ деревень. Возникли первыя крестьянскія братства въ селахъ Піэво-Мадолена, Монкозалэ, Сессо и др. Тѣмъ временемъ въ сосѣдней провинціи подъ вліяніемъ партійныхъ дѣятелей стали возникать первые „крестьянскіе союзы“ для „улучшенія моральныхъ и матеріальныхъ условій жизни крестьянъ“. Когда узнали объ этомъ реджіанскіе крестьяне, то они тоже рѣшили объединиться по примѣру своихъ мантуанскихъ товарищей. Начались собранія, обсужденія, агитація. И вотъ въ 1899 году образуются первыя четырнадцать отдѣленій „Реджіанскаго крестьянскаго союза“ въ вышеуказанныхъ селахъ, гдѣ предыдущей пропагандой была уже подготовлена почва для широкаго объединенія трудового крестьянства. Союзъ ставилъ своей задачей: во-первыхъ, добиваться пересмотра невыгодныхъ для крестьянъ договоровъ, которые арендаторы и испольщики заключали съ помѣщиками при съемкѣ у нихъ земли; во вторыхъ, совмѣстно закупать нужные для хозяйственнаго обихода товары: сѣмена для посѣвовъ, скотъ, земледѣльческія машины, удобренія и проч.

Дѣло пошло очень успѣшно. Въ 1900 году Реджіанскій крестьянскій союзъ насчитывалъ уже двадцать семь отдѣленій, а въ 1902 году—пятьдесятъ. Но тогдашніе руководители Крестьянскаго союза, его центральный комитетъ изъ выборныхъ крестьянъ слишкомъ увлекся своими коммерческими задачами и совсѣмъ забылъ про борьбу за улучшеніе договорныхъ условій и тѣмъ болѣе про культурную пропаганду. Все свое вниманіе онъ сосредоточилъ на

совмѣстныхъ закупкахъ и продажахъ, такъ какъ это давало наибольшія видимыя выгоды крестьянамъ и тѣмъ привлекало въ союзъ все новыхъ и новыхъ членовъ.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ партійной пропаганды и агитаціи, въ реджіанскихъ деревняхъ зашевелились и безземельные крестьяне-поденщики, работавшіе у помѣщиковъ. Они тоже стали объединяться въ „лиги", главной задачей которыхъ они ставили борьбу за уменьшеніе рабочаго дня и увеличеніе заработной платы. Борьба велась очень дружно. Скоро имъ удалось во многихъ мѣстахъ поднять поденную плату и уменьшить число рабочихъ часовъ.

А Крестьянскій союзъ, занятый своими коммерческими предпріятіями, не сдѣлалъ и шагу по пути удешевленія аренды и вообще улучшенія земельныхъ договоровъ съ владѣльцами, не говоря уже о томъ, что дѣло пропаганды было почти совсѣмъ оставлено. Это скоро замѣтили и сами члены союза. Начались протесты противъ однобокой дѣятельности союзныхъ руководителей. Поднялась агитація за перестройку всего союза. Долго шло обсужденіе этого сложнаго дѣла. Въ концѣ концовъ, чтобы не нанести ущерба хорошо поставленной кооперативно-коммерческой сторонѣ союзной работы, порѣшили вмѣсто прежняго Крестьянскаго союза образовать двѣ параллельныя крестьянскія организаціи. Одна изъ нихъ должна производить совмѣстныя закупки и продажи скота, сѣмянъ и проч. и создавать для этого склады и магазины. Другая организація будетъ заботиться путемъ бесѣдъ, анкетъ и собраній о духовномъ развитіи своихъ членовъ и объ измѣненіи къ лучшему жизненныхъ условій крестьянъ. Сюда относится какъ борьба за удешевленіе аренды и вообще за улучшеніе земельныхъ договоровъ, такъ и устная пропаганда и агитація, а также распространеніе народныхъ газетъ, брошюръ и т. п.

Первая организація конституировалась 20 апрѣля 1902 года подъ названіемъ „Крестьянскій кооперативъ" (Cooperativa dei Contadini). Вторая образовалась на собраніи 8 мая 1912 года и получила названіе „Федерація крестьянъ" („Крестьянскій союзъ"). Членами той и другой организаціи состоятъ почти одни и тѣ же крестьяне. И хотя органы управленія, правила пріема и дѣятельность каждой изъ нихъ совершенно различны, однако оба союза работаютъ рука объ руку и морально связаны тѣсно одинъ съ другимъ.

Въ Крестьянскій кооперативъ принимаются крестьяне (мелкіе собственники, арендаторы и испольщики), своимъ трудомъ обрабатывающіе землю. Принимаются также и тѣ, кто иногда на помощь себѣ принанимаетъ поденщиковъ или сезонныхъ работниковъ; но за то непремѣннымъ условіемъ считается, чтобы данный крестьянинъ самъ принималъ участіе въ земледѣльческихъ работахъ вмѣстѣ съ нанятыми имъ поденщиками. Каждый, вступившій въ союзъ, обязуется вложить въ кассу кооператива 25 рублей на наши деньги.

При этомъ малоимущіе могутъ покрывать эту сумму постепенными взносами, напримѣръ, въ размѣрѣ двадцати пяти копеекъ ежемѣсячно. Во главѣ кооператива стоитъ центральный комитетъ изъ пяти выборныхъ крестьянъ. Онъ руководитъ повседневными дѣлами. Но при рѣшеніи сложныхъ вопросовъ созываетъ совѣтъ представителей секцій кооператива. Для счетоводной работы приглашается особый секретарь, который однако не играетъ роли руководителя данной организаціи, какъ это мы увидимъ потомъ въ Федераціи крестьянъ и въ палатѣ труда.

Крестьянскій кооперативъ въ настоящее время насчитываетъ около 1500 семействъ, объединенныхъ въ 75 сельскихъ секцій. Въ 1908 г. кооперативъ пріобрѣлъ себѣ въ г. Реджіо Эмилія за 20 тысячъ рублей огромный домъ для своихъ хозяйственныхъ нуждъ, въ частности, для центральнаго склада удобрительныхъ веществъ, сѣмянъ, сельско-хозяйственныхъ машинъ и земледѣльческихъ орудій, которыя затѣмъ разсылаются отсюда по всѣмъ секціямъ кооператива. Въ настоящее время эта сумма уже выплачена сполна и купленный домъ подъ названіемъ „Крестьянскаго дворца“ (Palazzo dei Contadini) составляетъ товарищескую собственность Крестьянскаго кооператива.

Во время моего пребыванія въ Реджіо Эмили, я въ первую очередь посѣтилъ этотъ Крестьянскій дворецъ. Помню, день былъ будничный, и, быть можетъ, поэтому, я не видѣлъ никого изъ пріѣзжихъ ни около воротъ дворца, ни во дворѣ. Но это случается рѣдко. Позже мнѣ довелось побывать здѣсь въ базарный день, и я едва протискался къ секретаріату, такъ много было народу и во дворцѣ, и у воротъ. Все это были пріѣзжіе крестьяне, которымъ нужно навести тѣ или иныя справки въ кооперативѣ или просто повидаться съ встрѣчающимися во дворцѣ крестьянами изъ разныхъ мѣстъ провинціи. Въ секретаріатѣ меня представили дежурному члену центральнаго комитета. Онъ оказался очень любезнымъ, молодымъ — лѣтъ 30-ти — крестьяниномъ, умнымъ, развитымъ, хорошо освѣдомленнымъ въ дѣлахъ кооператива. Онъ пригласилъ меня изъ секретаріата въ сосѣднюю комнату, гдѣ обычно засѣдаютъ различныя коммиссіи и самъ комитетъ. Пока мы бесѣдовали, собрались на очередное засѣданіе другіе члены центральнаго комитета. Я поблагодарилъ моего собесѣдника за его сообщенія и хотѣлъ было уходить, но онъ предложилъ мнѣ побыть еще немного и познакомилъ меня со своими товарищами по комитету. Все это были настоящіе почтенные крестьяне. Прилично, по городскому одѣтые, сознающіе свое человѣческое достоинство и свое положеніе руководителей кооператива, развитые, умѣло разбирающіеся въ сложныхъ вопросахъ жизни, свободно и ясно излагающіе свои мысли, они произвели на меня сильное впечатлѣніе своею серьезною дѣловитостью и своими умными интеллигентными лицами.

Мы разговорились о будущихъ судьбахъ Крестьянскаго коопе-

ратива и союза и о томъ, какую огромную организацію и воспитательную роль предстоитъ выполнить имъ въ дѣлѣ подготовленія трудового крестьянства къ будущему коллективному сожительству. И, слушая ихъ интересныя разсужденія по этимъ вопросамъ, я никакъ не могъ повѣрить, что передо мною — простые пахари, быть можетъ, только что оставившіе свою работу на полѣ и на велосипедахъ прикатившіе со своихъ участковъ въ городъ на очередное засѣданіе.

Кромѣ дворца, Крестьянскому кооперативу принадлежитъ еще „Общественный погребъ" (Cantina Sociale). Это огромное подвальное помѣщеніе, сплошь заставленное гигантскими полуторасаженными (въ діаметрѣ) бочками. Сюда осенью свозятъ виноградъ многочисленные крестьянскіе кооперативы и секціи. Комитетъ скупаетъ его, затѣмъ за свой счетъ перерабатываетъ въ вино различныхъ достоинствъ и разсылаетъ его въ провинціальныя потребительныя товарищества. Годовой оборотъ коммерческой дѣятельности кооператива съ 30 тысячъ рублей въ первый годъ его существованія достигъ въ 1906-7 году — 300 тысячъ. Изъ получающейся прибыли 20% отчисляется въ коллективный капиталъ, 40% — на помощь отдѣльнымъ членамъ и 40% — дѣлится между всѣми участниками кооператива. Въ коммерческомъ мірѣ и въ банкахъ Крестьянскій кооперативъ пользуется большимъ довѣріемъ и широкимъ денежнымъ кредитомъ.

Иначе построена Федерація крестьянъ. Во главѣ ея на правахъ руководителя стоитъ выборный секретарь,—Артуро Беллели. Онъ завѣдуетъ дѣлами Федераціи, но сложные вопросы передаетъ на рѣшеніе распорядительной коммиссіи, которая въ свою очередь подчиняется постановленіямъ избравшаго ее федеральнаго совѣта, состоящаго изъ уполномоченныхъ сельскихъ „братствъ" („Fratellanze") федераціи. Въ Союзъ принимаются крестьяне, живущіе собственнымъ земледѣльческимъ трудомъ и вносящіе ежемѣсячно по 10 копеекъ въ общую кассу. Крестьянскій союзъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи особыхъ разъѣздныхъ пропагандистовъ, устраивающихъ бесѣды и собранія по деревнямъ. Но главная роль въ этой области принадлежитъ, конечно, энергичнѣйшему соціалисту, крестьянину Артуро Беллели, въ настоящее время выполняющему обязанности главнаго секретаря Реджіанской палаты труда.

III.

Помимо объединенія вмѣстѣ съ мелкими собственниками въ общихъ секціяхъ Крестьянскаго кооператива и Крестьянскаго союза", мелкіе испольщики и арендаторы имѣютъ еще и свои самостоятельныя организаціи. Я разумѣю товарищества для совмѣстной земельной испольщины и для совмѣстной земельной аренды,— или, какъ ихъ коротко называютъ въ Италіи, „коллективныя аренды"

(affittanze collettive). Разсмотримъ сначала „испольныя земельныя товарищества“.

Такія хозяйственныя объединенія возникаютъ особенно легко и часто, такъ какъ при испольной съемкѣ земли не требуется особыхъ денежныхъ капиталовъ для уплаты землевладѣльцу. Организовавшееся крестьянское товарищество, въ видѣ сельско-хозяйственнаго общества съ цѣлью совмѣстной испольной аренды, избираетъ распорядительный комитетъ и президента и при ихъ посредствѣ вступаетъ въ переговоры съ владѣльцемъ сдаваемыхъ исполу земельныхъ участковъ. Взятые участки дѣлятся на равныя доли по числу членовъ товарищества и распредѣляются между ними по жребію. Иногда, впрочемъ, снятая земля дѣлится на полосы сообразно своей плодородности и удобствамъ и затѣмъ изъ каждой полосы отмѣривается каждому члену въ испольное пользованіе равный участокъ. Кромѣ земли, владѣлецъ участка иногда выдаетъ товариществу и сѣмена для посѣва и удобренія, которыя распредѣляются затѣмъ между его членами.

Хозяйство обычно ведется каждымъ членомъ на своемъ участкѣ самостоятельно и за собственный счетъ. Послѣ уборки урожая половина собранныхъ продуктовъ (за вычетомъ сѣмянъ),—съ нѣкоторой прибавкой на покрытіе административныхъ расходовъ товарищества,—передается каждымъ членомъ въ складъ товарищества, которое общей массой отправляетъ эту половинную долю землевладѣльцу. Часть же продуктовъ, предназначенная на покрытіе расходовъ по управленію, продается президентомъ и вырученныя суммы расходуются на административныя нужды. Иногда, впрочемъ, комитетъ испольнаго товарищества, вмѣсто уплаты арендной суммы натурой, по соглашенію съ владѣльцемъ земли вноситъ ему опредѣленную сумму деньгами, для чего полученную имъ со своихъ членовъ „половину“ товарищество продаетъ черезъ своего президента на сторону. Часто вмѣстѣ съ продажей этой товарищеской доли президентъ продаетъ также и поручаемые ему для оптовой продажи продукты отдѣльныхъ членовъ.

Эта послѣдняя форма испольнаго товарищества представляетъ собою переходъ къ арендным товариществамъ, гдѣ мелкіе арендаторы соединяются въ сельско-хозяйственное общество и берутъ черезъ посредство избраннаго комитета и президента въ аренду земельные участки, а иногда и цѣлыя помѣщичьи имѣнія. Такъ какъ здѣсь уже требуются деньги для внесенія задатка землевладѣльцу, то товарищество предварительно добываетъ нужныя суммы или путемъ опредѣленныхъ членскихъ взносовъ, или путемъ займа въ какомъ-либо кредитномъ частномъ или кооперативномъ учрежденіи. Взятая въ аренду земля распредѣляется между членами тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ испольныхъ товариществахъ, при чемъ каждый участокъ оцѣнивается сообразно его плодородію и удобствамъ. Сверхъ установленной цѣны за каждый участокъ члены

приплачиваютъ еще нѣкоторую сумму на покрытіе административныхъ расходовъ и на составленіе коллективнаго фонда, предназначеннаго для расширенія и улучшенія товарищескаго хозяйства.

Обычно земельный участокъ оставляется въ пользованіи каждаго члена на все-то время, на которое взяло землю въ аренду товарищество. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ арендныхъ товариществахъ число членовъ превышаетъ количество земельныхъ участковъ, достаточныхъ по своимъ размѣрамъ для веденія хозяйства. Кромѣ того, существуютъ арендныя товарищества, которыя вообще не ограничиваютъ числа своихъ членовъ. Въ такихъ случаяхъ земельные участки распредѣляются между членами *по очереди*, а иногда даже и по степени нужды входящихъ въ товарищество членовъ. Производство на каждомъ участкѣ и здѣсь остается индивидуальнымъ.

Но вотъ передъ нами арендное товарищество, взявшее въ аренду цѣлое имѣніе съ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Для своего постояннаго обслуживанія товарищество нанимаетъ двѣ или три семьи изъ числа своихъ членовъ, которыя, кромѣ жеребьеваго участка, получаютъ еще и ежегодную плату и выполняютъ всѣ необходимыя въ хозяйствѣ работы: кормятъ скотъ, берегутъ и содержатъ въ исправности имущество и т. п. Въ такихъ случаяхъ, владѣя рабочимъ скотомъ и машинами, товарищество принимаетъ на себя также и выполненіе нѣкоторыхъ полевыхъ работъ, напр., вспашку полей, молотьбу хлѣбовъ и т. д.

Члены, пользующіеся инвентаремъ товарищества, оплачиваютъ эту работу по тарифу. Для хозяйственныхъ нуждъ товарищества въ его пользованіи оставляется небольшая часть заарендованной земли, которая потомъ обрабатывается наемнымъ трудомъ рабочихъ, приглашаемыхъ изъ числа членовъ товарищества, за что они получаютъ обычную въ данной мѣстности поденную плату.

Описанныя формы арендныхъ товариществъ, хотя производство въ нихъ и остается индивидуальнымъ, являются переходными къ такъ называемымъ арендныхъ кооперативамъ, гдѣ земля не только сообща арендуется, но сообща и обрабатывается съ помощью кооперативныхъ машинъ и рабочаго скота. Въ такихъ арендныхъ кооперативахъ члены, ихъ составляющіе, получаютъ за свой трудъ въ кооперативномъ хозяйствѣ опредѣленную поденную плату и участвуютъ въ дѣлежѣ прибыли по окончаніи хозяйственнаго года. Высшій типъ такихъ арендныхъ земельныхъ кооперативовъ представляютъ такъ называемыя Colonie agricole — крестьянскія земледѣльческія колоніи съ неограниченнымъ числомъ членовъ, но о нихъ я буду говорить подробно дальше.

А теперь, чтобы покончить съ организаціями мелкихъ собственниковъ, арендаторовъ и испольщиковъ, я скажу еще, что каждая изъ этихъ категорій трудового крестьянства объединяется по всей

Италіи путемъ національныхъ съѣздовъ, гдѣ обсуждаются вопросы, связанные съ улучшеніемъ и развитіемъ трудового крестьянскаго хозяйства (собственническаго, испольнаго и аренднаго). Во главѣ такихъ съѣздовъ обычно стоятъ наиболѣе видные дѣятели итальянской соціалистической партіи, которымъ такимъ образомъ принадлежитъ руководство крестьянскимъ движеніемъ всей Италіи.

Одинъ изъ такихъ съѣздовъ былъ созванъ по иниціативѣ Національной земледѣльческой федераціи въ январѣ 1913 г. Собрались со всѣхъ концовъ Италіи представители крестьянъ мелкихъ испольщиковъ, которые послѣ горячаго обсужденія между прочимъ постановили всячески стремиться къ объединенію путемъ организаціи кредитныхъ товариществъ, обществъ взаимнаго страхованія скота, хлѣба и винограда, товариществъ для совмѣстной закупки и продажи продуктовъ земледѣлія, скотоводства, птицеводства, общественныхъ молочныхъ, коллективныхъ арендъ и земледѣльческихъ кооперативовъ.

Конгрессы крестьянъ мелкихъ собственниковъ, бывшіе въ сентябрѣ 1912 г. и въ августѣ 1913 г., тоже призываютъ трудовое крестьянство къ объединенію „на почвѣ взаимопомощи для преслѣдованія цѣлей, общихъ со всѣмъ организованнымъ пролетаріатомъ города и деревни“.

IV.

Отъ организацій мелкихъ собственниковъ, испольщиковъ и арендаторовъ мы перейдемъ теперь къ организаціямъ третьей, наиболѣе многочисленной категоріи безземельныхъ крестьянъ,—поденщиковъ.

Организаціи ихъ носятъ характеръ, сходный съ профессіональными организаціями городскихъ рабочихъ, т. е. онѣ ставятъ своею задачей борьбу за увеличеніе поденной заработной платы, за уменьшеніе рабочаго дня и вообще улучшеніе условій труда на сторонѣ. Такими организаціями являются крестьянскія лиги борьбы (Leghe di Resistenza) или, какъ ихъ иначе называютъ, лиги улучшенія (Leghe id Miglioramento). Движеніе сельскихъ поденщиковъ возникло въ Италіи лѣтъ 25 тому назадъ. Въ реджіанскія деревни оно перешло изъ сосѣдней Мантуанской провинціи, какъ это было и съ движеніемъ мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ. Среди поденщиковъ Реджіо Эмиліи оно нашло плодородную и подготовленную почву, такъ какъ здѣсь уже началось широкое движеніе малоземельныхъ крестьянъ, объединившихся подъ знаменемъ извѣстнаго намъ Крестьянскаго союза. Пропаганда и агитація въ пользу объединенія не требовала здѣсь большихъ усилій, и тамъ, гдѣ она начиналась, она увлекала за собой почти все населеніе. Собранія поденщиковъ заканчивались обычно созданіемъ все новыхъ и новыхъ лигъ.

Первыя ядра образовались въ началѣ 1901 г., но уже къ концу іюня того же года успѣла создаться провинціальная Земледѣльческая федерація, въ которую вошло 43 лиги. Черезъ два года число этихъ лигъ достигло 127 съ общимъ количествомъ членовъ въ 9.307 чел., изъ которыхъ половина были женщины. Въ настоящее время крестьянскія лиги широко распространились по всей Италіи и, напр., на 1 января 1912 г. ихъ насчитывалось 2.626 съ 408.148 членами [1]). Посмотримъ теперь, какъ возникли и какъ построены эти профессіональныя организаціи сельскихъ поденщиковъ.

Нужно сказать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ дѣлѣ появленія и развитія лигъ борьбы извѣстную роль сыграли такъ называемыя справочно-посредническія конторы (Uffici di Collocamento). Эти конторы создавались въ итальянскихъ деревняхъ по взаимному соглашенію поденщиковъ-крестьянъ и помѣщичьихъ управителей. Задачей такихъ конторъ являлось содѣйствіе съ одной стороны, крестьянамъ въ пріисканіи поденной работы въ окрестныхъ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, а съ другой — помѣщикамъ въ наймѣ нужнаго имъ количества сельскихъ работниковъ по опредѣленной цѣнѣ и на опредѣленныхъ условіяхъ. Такія конторы вначалѣ образовывались при потребительныхъ и иныхъ сельскихъ кооперативахъ. А затѣмъ для этой цѣли стали нанимать за общій счетъ крестьянъ и помѣщиковъ особыхъ завѣдующихъ конторами, на обязанности которыхъ лежало собираніе свѣдѣній о наличныхъ рабочихъ силахъ въ окрестностяхъ и о количествѣ нужныхъ для мѣстныхъ экономій поденщиковъ и сезонныхъ работниковъ.

Для правильнаго функціонированія этихъ конторъ нужна была извѣстная профессіональная организованность сельскихъ поденщиковъ. Идя на встрѣчу этой жизненной потребности, реджіанскіе крестьяне-поденщики, призываемые къ тому же партійными агитаторами, и начали объединяться въ лиги борьбы. Организація ихъ такова. Членами лигъ принимаются какъ мужчины, такъ и женщины. На общемъ собраніи избирается особый распорядительный комитетъ и президентъ, которые и являются постоянными представителями лиги. Они ведутъ переговоры съ помѣщиками и вообще работодателями, вырабатываютъ условія найма и труда и всячески защищаютъ и отстаиваютъ интересы своихъ членовъ. Съ теченіемъ времени къ комитетамъ лиги постепенно перешли многія функціи справочныхъ конторъ и хозяевамъ пришлось имѣть дѣло со сплоченною массой организованныхъ поденщиковъ. Мало по-малу началась борьба за измѣненіе условій найма. Лигисты предъявили требованія объ увеличеніи поденной платы и уменьшеніи рабочихъ часовъ.

---

[1]) См. „La Confederasione del Lavoro“ (органъ „Конфедераціи палатъ труда“), 1913.

Первое время ихъ борьба шла успѣшно и они многаго добились. Но потомъ, въ 1902 г., во многихъ мѣстностяхъ отношенія между работодателями и поденщиками обострились. Не смотря на примирительную тактику лигъ, управители имѣній приняли явно враждебную позицію, объединились противъ ненавистныхъ имъ организацій и воспользовались отрядами „крумировъ" (штрейкбрехеровъ), сорганизованныхъ въ католическія лиги и охраняемыхъ жандармами. Вообще 1902 г. былъ тяжелымъ годомъ для сельскихъ организацій. Но подъ ударами этой жестокой конкуренціи лиги выказали удивительный практическій тактъ и осторожность. Организованные поденщики поняли, что такая борьба не можетъ длиться вѣчно, что это ненормальное положеніе вещей должно скоро прекратиться въ интересахъ самихъ землевладѣльцевъ, и сумѣли избѣжать компрометирующихъ актовъ. Дѣло въ томъ, что малочисленные „крумиры"—въ общемъ и старые, и немощные—представляли лишь несчастное и малопригодное орудіе труда. Крупное же помѣщичье хозяйство требовало молодыхъ, интеллигентныхъ и сильныхъ работниковъ. А такихъ можно было найти только въ лигахъ.

Рано или поздно,—разъ организаціи сумѣли пережить первыя испытанія,—сопротивленіе помѣщичьихъ агентовъ должно было быть сломлено. Такъ оно и случилось. 1903 г. во многомъ улучшилъ положеніе крестьянскихъ лигъ. Большей части организацій поденщиковъ удалось заключить выгодные контракты съ крупными и средними землевладѣльцами и—что гораздо важнѣе — добиться признанія со стороны большинства работодателей. И въ настоящее время мы видимъ, что тамъ, гдѣ раньше работали по 15-17 часовъ въ сутки, теперь рабочій день не превышаетъ 10—12 часовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и заработная плата почти удвоилась и во многихъ мѣстахъ стала доходить до 2 рублей въ день.

Но самое важное, это то, что теперь установилось, какъ правило: если помѣщику нужны работники, онъ обращается непосредственно въ комитетъ мѣстной лиги и на особомъ печатномъ бланкѣ съ печатью лиги указываетъ количество требуемыхъ поденщиковъ. А комитетъ самъ уже—по очереди или по степени нужды своихъ членовъ — вызываетъ ихъ на такую работу. При этомъ всѣ работаютъ на тѣхъ условіяхъ, которыя выработаны комитетомъ и утверждены общимъ собраніемъ лигистовъ. Ни одинъ изъ нихъ не станетъ работать болѣе положеннаго и за меньшую плату. Впрочемъ, послѣднее и не возможно, такъ какъ хозяева всѣ заработанныя деньги уплачиваютъ представителю комитета, а тотъ уже самъ распредѣляетъ ихъ между работавшими, вычитая небольшія суммы на покрытіе административныхъ расходовъ лиги.

V.

Однако, какъ ни хорошо были организованы крестьянскія лиги борьбы, и онѣ ничего не могли подѣлать съ недостаткомъ работы, чувствовавшимся въ то время во всѣхъ почти углахъ Италіи. Лицомъ къ лицу съ безработицей, подъ гнетомъ нужды уже не мѣсто говорить о борьбѣ. Долгое ожиданіе работы изнуряетъ и истощаетъ силы поденщиковъ и опустошаетъ лиги. Члены бѣгутъ, куда могутъ, туда, гдѣ находятъ хлѣбъ. Въ виду этой хронической болѣзни—безработицы — въ нѣкоторыхъ лигахъ возникла мысль испробовать лекарство противъ нея.

Было замѣчено, что владѣльцы земель, руководимые даже не собственными выгодами, а просто узкимъ упрямствомъ, избѣгали, насколько это было возможно, прибѣгать къ добавочнымъ работамъ, выполняемымъ обычно поденщиками, затягивали работы, требующія скораго выполненія, и вообще всячески старались сократить спросъ на трудъ. На участкѣ, который раньше обрабатывался трудомъ 100 человѣкъ, теперь ограничивались всего 20—30 рабочими. Значитъ, это былъ не недостатокъ работы.

„Безработица происходила, большею частью, отъ близорукаго сопротивленія земельныхъ собственниковъ, а также отъ излишка испольщиковъ и арендаторовъ, которымъ предпочитали передавать свои участки землевладѣльцы и которые въ маломъ количествѣ занимали мѣсто многихъ и по собственному желанію изнуряли себя, работая, какъ автоматы, и не соображаясь ни съ длиной, ни съ интенсивностью труда“ [1]). И вотъ этотъ-то разсчетъ,—что при болѣе разумной постановкѣ хозяйства тѣ же самые земельные участки могли бы дать заработокъ въ четыре-пять разъ большему числу лицъ,—и навелъ реджіанцевъ на мысль произвести соціальный опытъ въ этой области.

Начали съ того, что стали образовывать трудовыя артели съ выборнымъ комитетомъ и президентомъ во главѣ. Въ артели входили почти цѣликомъ члены мѣстныхъ лигъ борьбы. Президенты такихъ артелей, сносясь другъ съ другомъ и при содѣйствіи Палаты труда, отыскивали всяческія сдѣльныя работы и брали артельные подряды у мѣстныхъ учрежденій на постройку и починку шоссе, мостовъ, на очистку и прорытіе каналовъ, принимали подряды на различныя работы и у частныхъ лицъ, а иногда даже брали сдѣльно работы и въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Комитетъ вносилъ опредѣленный залогъ въ видѣ гарантіи, что взятая работа будетъ аккуратно выполнена, и приступалъ къ дѣлу.

Ежедневно изъ среды членовъ артели по очереди приглаша-

---

1) См. „Cenni storici e notizie sulla Cmeera del Lavoro“ Reggio Emilia, 1903.

лось опредѣленное количество работниковъ-поденщиковъ, которые подъ руководствомъ артельныхъ старостъ и распорядителей выполняли всѣ требуемыя работы и за это по окончаніи недѣли получали черезъ президента плату по таксѣ, установленной общимъ собраніемъ артели. Часто работы распредѣлялись между членами артелей не только по очереди, но и сообразуясь со степенью нужды каждаго изъ нихъ. Такъ, напр., отдавалось предпочтеніе многосемейнымъ передъ одинокими и т. п. Съ помощью такихъ именно трудовыхъ артелей (въ числѣ 40 объединенныхъ въ провинціальный Реджіанскій союзъ—Consorzio delle cooperative di Lavoro), была построена въ 1905-09 гг. такъ называемая Ferrovia rossa,—„красная" желѣзная дорога отъ г. Реджіо Эмилія до мѣстечка Чіано. А въ настоящее время строится силами Болоньскаго союза трудовыхъ кооперативовъ другая желѣзнодорожная вѣтка—отъ Болоньи до Флоренціи.

За послѣдніе годы количество такихъ Cooperative del Lavoro сильно разрослось и теперь ихъ насчитывается болѣе 1.200. Во многихъ провинціяхъ они объединены въ провинціальныя федераціи и союзы, изъ которыхъ особенно извѣстна своею организованностью и дисциплиной Равенская „Federazione delle cooperative del Lavoro"... Послѣдняя объединяетъ въ своихъ рядахъ 64 трудовыхъ кооператива съ 13.000 членовъ и имѣетъ въ своемъ распоряженіи хорошо оборудованную всевозможными машинами и орудіями труда техническую часть, а также опытныхъ и умѣлыхъ руководителей во главѣ съ выдающимся кооператоромъ-соціалистомъ Нулло Балдини (Nullo Baldini). За 20 лѣтъ своего существованія трудовые кооперативы Италіи выполнили болѣе, чѣмъ на 70 милліоновъ рублей государственныхъ и общественныхъ подрядовъ и, кромѣ того, огромныя работы по осушкѣ болотистыхъ земель въ южной Италіи и по обводненію большихъ пространствъ въ сѣверной части Италіи.

Въ настоящее время, напр., Равенская федерація имѣетъ многомилліонные подряды отъ государства въ Сициліи (Мессинѣ), Калабріи и на адріатическомъ побережьи въ Эмиліи. Приглашенные для выполненія подрядовъ въ южныя мѣстности, равенскіе кооператоры прежде всего занялись организаціей тамъ трудовыхъ артелей среди мѣстнаго, темнаго и разрозненнаго, крестьянства. Такимъ мѣстнымъ кооперативамъ отдавалось предпочтеніе при распредѣленіи общественныхъ работъ. Равенцы же шли лишь для пополненія недостающихъ рабочихъ силъ и для демонстраціи своей общеизвѣстной образцовой трудовой дисциплины, работоспособности и опытности. Интересно отмѣтить то активно-сочувственное отношеніе, которое проявляетъ къ трудовымъ кооперативамъ итальянское правительство. (Чѣмъ оно при этомъ руководится, это—другой вопросъ). Такъ, напр., совсѣмъ недавно оно обратилось къ наиболѣе сильнымъ и организованнымъ провин-

ціальнымъ федераціямъ трудовыхъ кооперативовъ съ предложеніемъ принять на себя подряды по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и зданій для различныхъ государственныхъ учрежденій въ Ливіи.

Какъ раньше уже было сказано, иногда такіе трудовые кооперативы брали работы и въ помѣщичьихъ экономіяхъ и выполняли ихъ безъ особаго вмѣшательства помѣщичьихъ управителей, а лишь руководствуясь указаніями своихъ старостъ и распорядителей. Впослѣдствіи отъ этого не трудно было перейти и къ мысли объ арендѣ земельныхъ участковъ съ цѣлью артельной кооперативной обработки земли. Скоро къ тому представился и очень удобный случай. У одного изъ реджіанскихъ землевладѣльцевъ возникла мысль,—„въ надеждѣ посѣять раздоръ среди лигистовъ",—предложить нѣкоторымъ изъ нихъ, наиболѣе покладистымъ, по его мнѣнію, образовать компанію и взять у него въ аренду участокъ земли. Вскорѣ, дѣйствительно, образовалось *закрытое* сельскохозяйственное общество изъ 30 поденщиковъ-членовъ мѣстной лиги, которое заключило договоръ объ арендѣ одного участка размѣромъ въ 35 десятинъ. Но хитрость была скоро открыта, и то же общество тридцати съ рѣдкимъ самоотверженіемъ дало свидѣтельство безкорыстной преданности братскому дѣлу, уступивъ заарендованную землю всей лигѣ, образовавшей для этой цѣли земельный кооперативъ изъ 500 своихъ членовъ. Финансовыя условія лиги позволили вскорѣ присоединить къ заарендованнымъ 35 дес. еще 30 дес. земли, взятыхъ также въ аренду у мѣстной коммуны, а затѣмъ еще и еще. И въ настоящее время у данной лиги-кооператива имѣется уже около 300 десятинъ.

Такъ постепенно создавались арендные земельные кооперативы и въ другихъ мѣстахъ реджіанской провинціи. Въ настоящее время они разрослись по всей Италіи [1]) и являются могучимъ двигателемъ въ дѣлѣ развитія и улучшенія трудового земледѣльческаго хозяйства.

Внутреннее строеніе кооперативовъ осталось тѣмъ же, какое мы видѣли въ трудовыхъ крестьянскихъ артеляхъ и въ лигахъ. Здѣсь также выбирается совѣтъ уполномоченныхъ, президентъ и старосты (capi del lavoro). Членами кооператива являются всѣ мѣстные лигисты, внесшіе опредѣленный взносъ и обязавшіеся по первому приглашенію являться на кооперативную работу. Впрочемъ, въ случаѣ нужды каждый членъ можетъ замѣнить себя товарищемъ. А при болѣзни членъ, представившій свидѣтельство врача, получаетъ отъ кооператива опредѣленное ежедневное пособіе. Хозяйство въ снятомъ имѣніи ведется, какъ въ частной благоустроенной экономіи, съ помощью новѣйшихъ машинъ и орудій, подъ ру-

[1]) Къ сожалѣнію, въ итальянской статистикѣ до сихъ поръ нѣтъ точныхъ данныхъ о количествѣ земледѣльческихъ кооперативовъ. По однимъ свѣдѣніямъ—ихъ насчитываютъ около 200; по другимъ—значительно больше

ководствомъ президента-распорядителя и совѣта, состоящаго изъ наиболѣе опытныхъ въ хозяйственномъ отношенiи членовъ. Обычно взятая земля дѣлится на участки въ 30—50 десятинъ. При каждомъ такомъ участкѣ постоянно живетъ съ семьей староста, получающiй опредѣленное жалованье. Онъ ставитъ членовъ на работы, слѣдитъ за ихъ добросовѣстнымъ выполненiемъ, но въ то же время работаетъ и самъ на ряду съ простыми поденщиками.

Еженедѣльно совѣтъ, вмѣстѣ съ президентомъ и старостами, обсуждаетъ планъ работъ на предстоящую недѣлю и намѣчаетъ количество требующихся ежедневно впродолженiе данной недѣли работниковъ, мужчинъ и женщинъ, которые затѣмъ и приглашаются старостами на всю недѣлю въ кооперативное хозяйство. Живутъ и содержатся они за свой счетъ дома. Въ кооперативъ же приходятъ лишь работать на 8—10 часовъ ежедневно. Старосты подъ присмотромъ президента ведутъ записи рабочихъ часовъ каждаго члена. Женщины получаютъ свою плату черезъ президента еженедѣльно. А мужчинамъ выдаются небольшiя суммы въ счетъ заработка. Окончательный же разсчетъ обычно производится въ концѣ финансоваго года, когда выяснится, въ прибыли или въ убыткѣ кооперативное хозяйство. Въ послѣднемъ случаѣ каждому члену часовая плата сокращается ниже установленной таксы. Въ случаѣ же прибыли часть ея отчисляется въ запасный фондъ, часть—въ коллективный капиталъ, затѣмъ—въ культурно-просвѣтительный фондъ, а остальное предназначается для раздѣла между членами. И обычно — послѣднiе передаютъ этотъ остатокъ на расширенiе дѣла.

Такъ какъ кооперативное хозяйство при своихъ небольшихъ размѣрахъ не въ состоянiи ежедневно давать работу всѣмъ своимъ членамъ, то тѣ, которые не попадаютъ въ данное время на кооперативную работу, по прежнему идутъ по указанiю комитета лиги (который часто въ то же время есть и совѣтъ кооператива) или къ помѣщику, или на работы по починкѣ дорогъ, или занимаются хозяйствомъ, если таковое имѣется. Тотъ же президентъ записываетъ число рабочихъ часовъ каждаго члена на сторонѣ и проставляетъ цѣны. А затѣмъ самъ получаетъ заработанныя деньги во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производились работы втеченiе недѣли, и вноситъ ихъ въ общую кассу, откуда уже по записямъ распредѣляетъ ихъ между работавшими. При этомъ иногда, въ случаѣ экстренной нужды кооператива, члены временно одолжаютъ эти заработанныя на сторонѣ суммы на кооперативныя надобности. Во всякомъ кооперативномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, кромѣ рабочаго скота, имѣется и молочный скотъ. А потому къ полевому обычно присоединяется и молочное хозяйство съ маслодѣльной и сыроварной отраслями, а также свиноводство. Впрочемъ, обычно по недостатку средствъ кооперативы не занимаются на свой счетъ переработкой молока, а передаютъ все молоко, получаемое въ хозяйствѣ, въ такъ называемыя общественныя молочныя („Latterie

sociale"), куда каждый кооперативъ входитъ на правахъ отдѣльнаго члена.

Всѣ члены земледѣльческихъ кооперативовъ, вмѣстѣ съ крестьянами, входящими въ секціи крестьянскаго кооператива, въ арендныя и испольныя товарищества и въ другія сельскія организаціи,— всѣ они въ предѣлахъ каждаго села объединены въ одномъ потребительномъ обществѣ, куда прежде всего и направляются продукты всѣхъ этихъ хозяйственныхъ организацій. Продажа всѣхъ остающихся послѣ этого продуктовъ на стороннемъ рынкѣ производится черезъ президента кооператива, который иногда въ цѣляхъ продажи оптомъ входитъ въ соглашеніе съ секціями кооператива крестьянъ и съ другими товариществами, какъ это дѣлается также и въ случаяхъ совмѣстной оптовой закупки удобреній, сѣмянъ, скота, сельско-хозяйственныхъ орудій и проч. Такъ постепенно на почвѣ общихъ хозяйственныхъ выступленій сближаются между собою всѣ три категоріи трудового крестьянства: кооперативныя секціи мелкихъ собственниковъ, товарищества испольщиковъ и арендаторовъ и земельные кооперативы поденщиковъ.

Благодаря постояннымъ сношеніямъ одной организаціи съ другой, на почвѣ взаимныхъ услугъ и одолженій [1]) создаются прочныя жизненныя связи и скрѣпы между ними. Видя передъ собою образцовое хозяйство мѣстнаго кооператива поденщиковъ, часто и члены мѣстнаго арендного товарищества, до тѣхъ поръ практиковавшіе индивидуальную обработку земли,—подъ вліяніемъ наглядно убѣдительнаго жизненнаго опыта, — рѣшаются также перейти къ производству коллективному, товарищескому.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что результаты появленія арендныхъ кооперативовъ и ихъ широкой дѣятельности очень скоро обнаружились именно въ томъ, чего отъ нихъ и ждали, т. е. безработица въ описываемыхъ мѣстахъ значительно ослабла, такъ какъ въ кооперативныхъ хозяйствахъ безъ ущерба для дѣла удалось сильно повысить запасъ работы (примѣрно съ бывшихъ 700 до 3000 рабочихъ дней). Вмѣстѣ съ тѣмъ и заработная плата въ этихъ мѣстахъ поднялась почти вдвое.

Всѣ земледѣльческіе кооперативы объединены въ предѣлахъ реджіанской провинціи въ „Провинціальную федерацію", во главѣ которой стоитъ приглашенный на жалованье директоръ-агрономъ, который, постоянно разъѣзжая по кооперативамъ, даетъ имъ нужные научно-хозяйственные указанія и совѣты. Кромѣ того, земледѣльческіе кооперативы всей Италіи объединяются путемъ на-

[1]) Иногда, напр., президентъ кооператива идетъ занимать нѣкоторую сумму для хозяйства у представителя крестьянской секціи или у президента арендного товарищества или, наконецъ, въ потребительномъ обществѣ, и наоборотъ.

ціональныхъ конгрессовъ, которыхъ было уже три. Интересны постановленія послѣдняго изъ нихъ, бывшаго въ сентябрѣ 1912 г. въ Римѣ.

Вотъ они:

1. Государство, которое до сихъ поръ отпускало огромныя суммы на земельныя улучшенія помѣщикамъ и частнымъ владѣльцамъ, отнынѣ должно измѣнить свою политику и посредствомъ соотвѣтственныхъ законодательныхъ мѣропріятій экспропріировать земли, подлежащія улучшенію, и обратить ихъ въ національную собственность.

2. Работы по улучшенію земель, а также веденіе хозяйства на этихъ улучшенныхъ земляхъ государство должно предоставить земледѣльческимъ кооперативамъ, которые—помимо внесенія въ казну опредѣленной денежной гарантіи —могутъ быть обложены особымъ налогомъ для погашенія затратъ, произведенныхъ государствомъ.

3. Кромѣ того, государство обязано,—какъ на этомъ особенно настаивалъ участникъ конгресса, бывшій премьеръ-министръ Луиджи Луццати,—выдавать такимъ земледѣльческимъ кооперативамъ заимообразно и въ видѣ пособій опредѣленныя суммы для лучшей постановки хозяйства на предоставленныхъ имъ государствомъ земельныхъ участкахъ. Государство обязано сдѣлать это тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ оно помогало такимъ путемъ лишь крупнымъ частнымъ владѣльцамъ.

4. Помимо государства, также провинціальныя и коммунальныя власти тамъ, гдѣ особенно чувствуется аграрная безработица, должны выдѣлить часть своихъ земель (а гдѣ ихъ нѣтъ, выкупить у частныхъ владѣльцевъ для общей пользы) съ цѣлью передать ихъ затѣмъ въ пользованіе крестьянскимъ кооперативамъ.

5. Постановленія эти въ видѣ опредѣленнаго законопроекта должны быть внесены на обсужденіе парламента, гдѣ представители трудового населенія обязаны всемѣрно ихъ отстаивать.

Если всѣ эти намѣченныя преобразованія будутъ проведены въ жизнь, они, несомнѣнно, откроютъ широкія перспективы для развитія крестьянскихъ кооперативовъ и быстро двинутъ впередъ дѣло экономическаго освобожденія трудовыхъ массъ въ Италіи.

VI.

Теперь мы перейдемъ къ центру всѣхъ хозяйственныхъ и иныхъ объединеній реджіанскихъ крестьянъ, къ ихъ „мозгу и сердцу“, къ Палатѣ труда (Camera del Lavoro). Она представляетъ собою союзъ всѣхъ товариществъ и кооперативовъ, всѣхъ рабочихъ и крестьянскихъ организацій, какія только имѣются въ провинціи, и объединяетъ подъ своимъ знаменемъ около 100 тысячъ трудящихся. Всѣ эти организаціи выбираютъ своихъ уполномочен-

ныхъ, которые вмѣстѣ образуютъ нѣчто вродѣ нашихъ бывшихъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ.

Такой совѣтъ трудовыхъ депутатовъ собирается разъ или два въ годъ. Здѣсь делегаты рѣшаютъ наиболѣе важные вопросы, касающіеся Палаты. Тогда же выбираютъ „исполнительную коммиссію", казначея и двухъ секретарей. Изъ нихъ одинъ—главный, который наблюдаетъ за общей дѣятельностью Палаты и руководитъ ею. Онъ же составляетъ отчеты для Національной конфедераціи и для высшаго совѣта труда (при министерствѣ земледѣлія и промышленности [1]). Главный секретарь (Secretario Generale) и его товарищи-помощники дежурятъ по очереди въ помѣщеніи Палаты. Къ нимъ и обращаются за всѣми справками. Если секретарь не можетъ единолично рѣшить тотъ или иной вопросъ, онъ созываетъ исполнительную коммиссію и передаетъ на ея обсужденіе данный вопросъ. Наиболѣе важныя дѣла рѣшаются общимъ собраніемъ совѣта трудовыхъ депутатовъ. Такія палаты труда и совѣты существуютъ во всѣхъ городахъ и наиболѣе крупныхъ мѣстечкахъ Италіи и объединены въ общій „Всеитальянскій союзъ палатъ"— (Confederazione Italiana delle Camere di Lavoro), секретаремъ котораго состоитъ выдающійся ветеранъ итальянской соціалистической партіи, сѣдой и слѣпой Ринальдо Риголя. Секретарь вмѣстѣ съ исполнительной коммиссіей совѣта конфедераціи заботится о томъ, чтобы создавались новыя палаты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ въ настоящее время, и чтобы всѣ итальянскія палаты дѣйствовали согласно и дружно.

Реджіанская палата труда имѣетъ два вспомогательныхъ отдѣленія („Ufficio succursale"): одно на сѣверѣ [2]), въ городкѣ Гуасталла, руководящее сѣверными кооперативами и союзами; другое на югѣ, въ мѣстечкѣ Кастельново-Монти, завѣдующее южными трудовыми организаціями. И въ Гуасталла, и въ Кастельново-Монти имѣются собственныя помѣщенія для засѣданій и собраній мѣстныхъ союзовъ и для счетоводства. А руководятъ дѣлами особые секретари, избранные тѣмъ же порядкомъ, какъ и главный секретарь. Въ своей дѣятельности они подчинены главной Реджіанской палатѣ. Безъ ея вѣдома не можетъ быть объявлена ни одна стачка. Черезъ Палату ведутся почти всѣ переговоры съ предпринимателями. Въ палатѣ

---

[1]) Consiglio Superiore del Lavoro—„Высшій совѣтъ труда"—одно изъ интереснѣйшихъ учрежденій Италіи. Это своеобразное „министерство труда", состоящее отчасти изъ выборныхъ представителей наиболѣе крупныхъ кооперативныхъ и профессіональныхъ организацій: отъ національной кооперативной лиги, отъ національной крестьянской федераціи, отъ палатъ труда и т. д.

[2]) Главный гор. Реджіо Эмилія расположенъ въ центрѣ провинціи. Желѣзная дорога Миланъ-Болонья, проходящая черезъ Реджіо съ запада на востокъ, дѣлитъ провинцію на двѣ части: сѣверную и южную.

всегда можно навести справки о предложенiи и спросѣ на трудъ. Всякiй потерявшiй работу прежде всего идетъ въ Палату и почти всегда устраивается при ея посредничествѣ. Сюда же идутъ и различные предприниматели, имѣющiе нужду въ рабочихъ той или другой профессiи. При палатѣ есть особое справочное эмиграцiонное бюро, которое путемъ анкетъ ведетъ систематическiе опросы всѣхъ реджiанцевъ, уходящихъ на стороннiе заработки въ другiя провинцiи Италiи или заграницу. Бюро составляетъ затѣмъ, на основанiи получаемыхъ имъ отвѣтовъ, особыя таблицы, которыя и разсылаются во всѣ углы провинцiи. Изъ этихъ таблицъ каждый можетъ узнать, куда именно и на какое время уѣзжаютъ на заработки реджiанцы, во что обходятся имъ эти поѣздки и какъ оплачивается та или иная работа въ различныхъ мѣстахъ.

Особенно цѣнную роль сыграли такiя анкеты въ выясненiи экономическаго положенiя полольщицъ риса, которыя каждое лѣто цѣлыми поѣздами выѣзжаютъ въ помѣщичьи имѣнiя сосѣднихъ провинцiй Павiи, Новары, Милана... Въ 1902 г. изъ 15.000 реджiанцевъ, уходившихъ на стороннiе заработки, было почти 4.000 полольщицъ риса, по преимуществу молодыхъ дѣвушекъ. То же анкетное бюро выполнило и другую чрезвычайно важную работу. Оно произвело опросъ всѣхъ крестьянъ провинцiи относительно формъ земельной собственности и размѣра ихъ владѣнiй, относительно условiй пользованiя земельными участками и о культурѣ хлѣбныхъ злаковъ и проч., и, наконецъ, о способѣ обработки предоставленныхъ имъ земельныхъ участковъ. Обработанные результаты этой анкеты помогли реджiанскимъ кооператорамъ поставить дѣло пропаганды среди крестьянъ на болѣе разумныхъ основанiяхъ.

Но анкетныя свѣдѣнiя были цѣнны и для самихъ крестьянъ (арендаторовъ и испольщиковъ), такъ какъ дали имъ богатый вспомогательный матерiалъ въ борьбѣ съ землевладѣльцами за улучшенiе земельныхъ договоровъ. Спецiально для этой цѣли анкетной коммиссiи пришлось произвести добавочный опросъ, чтобы всесторонне выяснить цѣнность или малопригодность каждаго земельнаго участка въ провинцiи.

Кромѣ анкетной коммиссiи при Палатѣ труда организовано еще бюро для юридическихъ справокъ и совѣтовъ. Пять лучшихъ реджiанскихъ адвокатовъ ведутъ дежурства въ опредѣленные часы и принимаютъ всѣхъ нуждающихся въ ихъ помощи. Особенно много приходится работать этимъ адвокатамъ надъ разборомъ всякихъ споровъ и несогласiй, возникающихъ между помѣщиками и крестьянскими лигами и секцiями. Въ случаѣ, если не удается уладить дѣло мирно и оно переходитъ въ коронный судъ, Палата труда сама заботится объ обезпеченiи защитой своихъ членовъ. Отдѣленiя юридическаго бюро имѣются и въ Гуасталла, и въ Кастельново-Монти.

Кромѣ того, при палатѣ существуетъ нѣсколько другихъ центральныхъ вспомогательныхъ коммиссій: счетоводная, инспекторская, статистическая. Съ помощью этихъ коммиссій палата труда слѣдитъ за дѣятельностью всѣхъ провинціальныхъ организацій, направляя такимъ образомъ ихъ работу по правильному пути и гармонически сочетая ихъ разнообразныя выступленія.

Объединяя всѣхъ тружениковъ провинціи, крестьянъ и рабочихъ въ одинъ братскій союзъ, Палата труда пріучаетъ ихъ къ дружной организованной работѣ въ борьбѣ за улучшеніе жизни. Она заставляетъ своихъ членовъ думать не только о личной выгодѣ, но объ интересахъ всѣхъ товарищей, входящихъ въ палату труда. Словомъ, она практически воспитываетъ въ нихъ духъ солидарности, братства и взаимной помощи.

VII.

Мои сообщенія о хозяйственныхъ объединеніяхъ итальянскаго трудового крестьянства были бы не полны, еслибы я не сказалъ нѣсколько словъ объ интереснѣйшемъ начинаніи послѣднихъ дней, предпринятомъ Національной лигой итальянскихъ кооперативовъ, по иниціативѣ ея энергичнаго секретаря-руководителя, Антоніо Верньянини, извѣстнаго „апостола соціализма".

Я разумѣю попытку лиги объединить въ національномъ масштабѣ коммерческую дѣятельность всѣхъ существующихъ въ Италіи крестьянскихъ кооперативовъ. Съ этою цѣлью при Національной лигѣ, въ Миланѣ, создано особое Ufficio Agrario „Сельско-хозяйственное бюро" съ участіемъ знатока сельско-хозяйственной коопераціи, соціалистическаго депутата (отъ провинціи Реджіо Эмилія), профессора Массимо Самоджіа. Это бюро организовало и организуетъ по странѣ рядъ собраній, рефератовъ и обсужденій, на которыхъ пока что лишь выясняются способы и мѣропріятія, необходимые для объединенія кооперативно-коммерческой дѣятельности и для организаціи какъ массовой, національно-оптовой закупки нужныхъ для кооперативнаго хозяйства предметовъ, такъ и оптового сбыта—продажи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ этомъ отношеніи сельско-хозяйственное бюро лиги идетъ рука объ руку съ національнымъ потребительнымъ консорціумомъ (Consorzio Nazionale delle Cooperative di Consumo)—въ Миланѣ, служащимъ объединительнымъ центромъ итальянскихъ потребительныхъ кооперативовъ, которыхъ по Италіи насчитывается болѣе 5000 (съ преобладаніемъ,—какъ и у насъ въ Россіи,—сельскихъ потребилокъ).

Сельско-хозяйственное бюро было создано въ противовѣсъ коммерческой сплоченности крупныхъ землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ, которые, какъ извѣстно, давно уже (съ 1892 г.) объединились въ рядахъ могущественной Итальянской федераціи

сельско-хозяйственныхъ обществъ („Federazione Italiana dei consorzii agrari“). Дѣло въ томъ, что въ Италіи существуетъ около 1000 такъ называемыхъ Consorzii agrari, сельско-хозяйственныхъ обществъ, въ которыя, наряду съ богатѣйшими помѣщиками и крупнымъ крестьянствомъ, входитъ много и среднихъ трудовыхъ крестьянъ. Цѣли такихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ—это распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній, пропаганда новѣйшихъ способовъ обработки и удобренія земли, а главное—совмѣстная закупка земледѣльческихъ орудій, машинъ, сѣмянъ и особенно удобреній. Еще въ 1892 г. сельско-хозяйственныя общества Италіи объединились въ Національную федерацію, которая въ настоящее время превратилась въ одну изъ наиболѣе сильныхъ итальянскихъ хозяйственныхъ организацій. Federazione Nazionale (съ главнымъ правленіемъ въ г. Піаченца и съ отдѣленіями въ Римѣ, Мессинѣ и Неаполѣ) въ данный моментъ насчитываетъ въ своихъ рядахъ около 700 сельско-хозяйственныхъ обществъ, ежегодный оборотъ которыхъ значительно превышаетъ 100 милліоновъ лиръ (болѣе 37 милл. руб.).

Главная часть оптовыхъ закупокъ падаетъ на долю удобрительныхъ веществъ. Вотъ почему нѣкоторыя наиболѣе богатыя сельско-хозяйственныя общества обзавелись собственными кооперативными фабриками — заводами для выдѣлки химическихъ удобреній. 14 такихъ заводовъ объединены внутри Федераціи около особаго центральнаго комитета, руководящаго ихъ хозяйственною дѣятельностью. Въ виду отсутствія иныхъ національныхъ кооперативно-коммерческихъ объединеній къ данной Федераціи за послѣдніе годы примкнуло много чисто трудовыхъ крестьянскихъ кооперативовъ. Таковы, напр., Реджіанскій крестьянскій кооперативъ, Реджіанская федерація арендныхъ земледѣльческихъ товариществъ и др. Но главная руководящая роль въ Federazione Italiana принадлежитъ, конечно, сильнѣйшимъ помѣщичьимъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ. И потому, не смотря на постоянно афишируемую Федераціей „безпартійность“ и ея будто бы „внѣклассовый“ характеръ, все же здѣсь обслуживаются, главнымъ образомъ, интересы крупнаго землевладѣнія.

Вотъ почему Національная кооперативная лига, стоящая прежде всего на стражѣ интересовъ *трудовой* коопераціи, сочла необходимымъ и своевременнымъ, въ противовѣсъ буржуазно-классовой національной хозяйственной организаціи, создать свою трудовую національную федерацію.

Подготовить почву и заложить фундаментъ для этой будущей Federazione Italiana delle cooperative agricole и является задачей Сельско-хозяйственнаго бюро.

Александръ Малышевъ.

О вздорожаніи жизни.

Пожалуй, ни одинъ вопросъ не привлекалъ къ себѣ въ послѣдніе годы такого общественнаго вниманія, какъ вопросъ о быстро ростущемъ вздорожаніи жизни. Это вздорожаніе вездѣ посѣяло сѣмена ненависти и возмущенія. Оно двинуло австрійскихъ рабочихъ на улицу съ громкимъ крикомъ: „Мяса и хлѣба!" Оно бросило британскій пролетаріатъ въ водоворотъ давно небывалаго лихорадочнаго кипѣнія, находящаго свое выраженіе въ исполинскихъ стачкахъ послѣднихъ 3—4 лѣтъ. Оно толкнуло скромныхъ и благонамѣренныхъ французскихъ хозяекъ на разгромы рынковъ и избіеніе ненавистныхъ лавочниковъ-ростовщиковъ. Оно заставило германскіе профессіональные союзы напрячь всѣ свои силы въ борьбѣ противъ пониженія жизненнаго уровня трудящихся массъ.

Но то же самое вздорожаніе тяжело отразилось и на среднихъ слояхъ общества: чиновникъ, ремесленникъ, мелкій фабрикантъ, интеллигентъ больно почувствовали на себѣ вліяніе дороговизны, На вздорожаніе стали жаловаться даже въ раззолоченныхъ дворцахъ монарховъ. Вѣдь требовалъ же года три назадъ, ссылаясь на это вздорожаніе, увеличенія своей „заработной платы" германскій императоръ Вильгельмъ и вѣдь удовлетворили же это требованіе законодательныя учрежденія, ассигновавъ ежегодную „прибавку" въ 3½ милл. марокъ къ цивильному листу.

Всѣ, рѣшительно всѣ,—отъ короля и до поденщика—въ большей или меньшей степени затронуты повышеніемъ цѣнъ на продукты массоваго потребленія. Вопросъ о вздорожаніи жизни становится въ центрѣ сложныхъ проблемъ культурнаго человѣчества: въ немъ скрещиваются основныя нити міровыхъ экономическихъ процесовъ нашихъ дней и съ необыкновенной яркостью обнаруживается органическая болѣзнь капиталистическаго хозяйства.

I.

О томъ, что жизнь годъ отъ году дорожаетъ, знаетъ каждый по собственному опыту. Хозяйка, регулярно отправляющаяся на базаръ, замѣчаетъ, какъ неуклонно повышаются цѣны на различные пищевые продукты. Рабочій или приказчикъ, подновляя износившіяся части своего туалета, констатируетъ, что покупаемая имъ пара башмаковъ стоитъ дороже, чѣмъ совершенно такая же пара, купленная всего годъ тому назадъ. Врачъ или инженеръ, мѣняя жилище, съ горечью убѣждается, что за квартиру въ 4 или 5 комнатъ онъ долженъ платить теперь на 10—12% дороже, чѣмъ онъ платилъ за подобную же квартиру нѣсколькими годами раньше.

Всѣ эти опыты и наблюденія, ежедневно дѣлаемыя милліонами людей, суммируются, въ концѣ концовъ, въ одинъ общій неоспоримый выводъ: жизнь дорожаетъ, удовлетвореніе привычныхъ потребностей поглощаетъ все большее количество средствъ, и потому борьба за существованіе становится все тяжелѣе.

Но если такимъ образомъ самый фактъ повышенія стоимости жизни признается всѣми и не требуетъ никакихъ спеціальныхъ доказательствъ, то совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ установленіемъ *размѣровъ высоты и темпа* наблюдаемаго повсюду вздорожанія. Субъективныя оцѣнки, свидѣтельства старожиловъ, отличающихся, какъ извѣстно, очень короткой памятью, тутъ, очевидно, совершенно не годятся: въ лучшемъ случаѣ онѣ могутъ носить лишь случайный и мѣстный характеръ. Но за послѣдніе годы опубликованъ цѣлый рядъ цѣнныхъ изслѣдованій, позволяющихъ судить о размѣрахъ повышенія цѣнъ на основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ. Лучшія изслѣдованія подобнаго рода относятся къ Англіи и Германіи. Поэтому для иллюстраціи темпа вздорожанія мы обратимся главнымъ образомъ къ цифрамъ, касающимся двухъ названныхъ странъ, тѣмъ болѣе, что какъ разъ обѣ онѣ въ силу коренного различія ихъ экономической политики (Англія—царство свободной торговли, Германія—твердыня протекціонизма) пригодятся намъ еще въ дальнѣйшемъ для нѣкоторыхъ сопоставленій и выводовъ.

Каково было возростаніе цѣнъ втеченіе послѣднихъ лѣтъ въ Германіи? По даннымъ недавно появившагося чрезвычайно интереснаго изслѣдованія доктора Карла фонъ Тышка [1]), картина получается слѣдующая. Если среднія цѣны нижепоименованныхъ продуктовъ въ Пруссіи за пятилѣтіе 1896—1900 гг. принять равными 100, то въ дальнѣйшемъ онѣ измѣнялись такимъ образомъ:

	Пшеница	Рожь	Говядина	Свинина	Масло
1896—1900	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1901—1905	101,5	102,7	106,7	109,9	106,6
1906—1910	124,7	124,3	122,4	121,7	117,0
Возростаніе	24,7%	24,3%	22,4%	21,7%	17,0%.

Какъ видимъ, за 10-лѣтній промежутокъ времени цѣны на хлѣбъ увеличились на 24—25%, цѣны на мясо приблизительно на 22% и масла—на 17%. Въ 1911 и 1912 г. вздорожаніе шло еще болѣе усиленнымъ темпомъ и достигло для пшеницы 26,7%, для ржи—28,1%, для свинины—22,5%, для масла—30,1% и для говядины даже—37,8%. Подъемъ цѣнъ поистинѣ колоссальный.

---

[1]) Dr. Carl von Tyszka, „Löhne und Lebenskosten in Westeuropa im 19 Jahrhundert“; München und Leipzig, 1914.

Та же повышательная тенденція ясно видна и въ колебаніяхъ цѣнъ различныхъ иныхъ продуктовъ. Такъ, напр., за періодъ 1900—1911 г. цѣна хлопчатой бумаги въ Гамбургѣ возросла на 30,6%, мытой шерсти (изъ Буэносъ-Айреса) въ Бременѣ—на 5,5%, цѣна нѣмецкой шерсти на берлинскомъ рынкѣ—на 17,5% [1]. И потому нисколько не удивительно, что опубликованное въ концѣ прошлаго года обширное изслѣдованіе англійскаго министерства торговли „Cost of living of the working classes" приходитъ, въ концѣ концовъ, къ тому выводу, что общее вздорожаніе цѣнъ важнѣйшихъ продуктовъ потребленія въ Германіи за 1900—1911 гг. достигаетъ въ среднемъ 28%.

А въ Англіи? Здѣсь вздорожаніе сказывалось не такъ рѣзко, какъ въ имперіи Гогенцоллерновъ (о причинахъ этой разницы ниже), но все-таки тоже сказывалось. Тотъ же докторъ Тышка сообщаетъ, что, принимая среднія розничныя цѣны хлѣба, мяса и масла въ 1896—1900 гг. за 100, мы получимъ въ дальнѣйшемъ слѣдующія колебанія [2]:

	Хлѣбъ.	Говядина. (англ.)	Свинина. (англ.)	Масло.
1896—1900	100,0	100,0	100,0	100,0
1901—1905	101,8	104,3	103,7	102,0
1906—1910	110,8	105,3	103,3	107,2
Возростаніе.	10,8%	5,3%	3,3%	7,2%

Въ 1911—12 гг. подъемъ цѣнъ продолжался и въ Англіи. Въ конечномъ счетѣ сильнѣе всего онъ сказался на ввозной говядинѣ (вздорожаніе за 1896-1900-1906-12 гг.—16,8%) и маслѣ (вздорожаніе—9,5%). Средняя цѣна 23 важнѣйшихъ пищевыхъ продуктовъ обнаружила увеличеніе на 11,9%. Цѣна хлопчатой бумаги за 1900—11 гг. выросла на 38,3%, иностранной шерсти — на 5,2% и англійской шерсти—на 69,4%. За то цѣна угля упала на 15,1%. Точно также цѣна квартиръ, благодаря сравнительно медленному развитію промышленности и сравнительно слабому росту городского населенія, осталась на прежнемъ уровнѣ. Въ окончательномъ итогѣ уже упоминавшееся изслѣдованіе англійскаго министерства торговли исчисляетъ общее вздорожаніе жизни для Великобританіи за 1900—1911 гг. въ 9%, а за 1900—1912 гг. въ 15%.

Я привелъ данныя, относящіяся только къ двумъ крупнымъ европейскимъ странамъ. Но было бы большой ошибкой полагать, что вздорожаніе ограничивается только ими. То же самое явленіе наблюдается и во всѣхъ остальныхъ частяхъ не только Европы, но и всего земного шара. О томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая интересная таблица [3]. Если цѣны важнѣйшихъ пищевыхъ про

---

1) См. „Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich" за 1901 и 1912 гг.

2) Tyszka, стр. 163.

3) „Cost of living of the working classes", 1913.

дуктовъ въ 1900 г. принять равными 100, то ихъ дальнѣйшія колебанія представятся въ такомъ видѣ:

СТРАНЫ.	1900 г.	1903 г.	1906 г.	1909 г.	1911 г.
Соед. Штаты . . .	100	111	117	133	139
Японія	100	108	127	132	138
Венгрія	100	103	118	131	137
Австрія	100	101	113	120	128
Германія	100	105	118	124	128
Россія	100	102	116	127	121
Италія	100	99	99	112	118
Франція	100	98	95	100	117
Англія	100	103	102	108	109
Австралія	100	105	101	104	103

Приведенныя данныя достаточно краснорѣчивы. Онѣ съ полной убѣдительностью доказываютъ, что вздорожаніе не является экономической болѣзнью какой-либо одной страны, вызываемою тѣми или иными мѣстными или случайными обстоятельствами, но болѣзнью интернаціональною. Потому послѣднихъ корней ея приходится, очевидно, искать не въ ошибкахъ парламентовъ и государственныхъ людей (эти ошибки, конечно, своимъ чередомъ), а въ самыхъ основахъ современнаго хозяйственнаго режима.

II.

Быть можетъ, ничто не является болѣе типичнымъ для нашей эпохи, чѣмъ міровой характеръ современнаго капиталистическаго обращенія. На смѣну замкнутому натуральному хозяйству средневѣковья, на смѣну національному хозяйству первой половины XIX в. съ конца прошлаго столѣтія пришло сложное міровое хозяйство, связавшее въ одно гигантское цѣлое все разнообразіе странъ и народовъ. Ни одно государство не можетъ считать себя совершенно независимымъ.

Взять, напр., такую страну, какъ Англія,—отъ кого она только не зависитъ и кто только не зависитъ отъ нея! Хлѣбъ она получаетъ изъ Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, мясо—изъ Аргентины и Австраліи, хлопокъ—изъ Америки и Индіи, чай—съ Цейлона и изъ Китая, кофе—изъ Бразиліи и т. д. Безъ „заграницы" Англія просто не можетъ существовать: еслибы въ одинъ прекрасный день британскіе острова оказались отдѣленными отъ остального міра, все ихъ населеніе черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерло бы отъ голодной смерти [1]). И, съ другой стороны, куда, въ какіе края земного шара не проникаютъ только англійскія ткани и ма-

[1]) За семилѣтіе 1906—13 гг. среднее годовое потребленіе пшеницы въ Англіи (а тутъ вѣдь ѣдятъ только пшеницу) составляло 33,8 милл. четв., изъ которыхъ свыше 80% ввозилось изъ-за границы.

шины, какую національную оболочку не принимаетъ англійскій капиталъ, расходящійся изъ Bank of England по всему міру!

Но Англія — не исключеніе. Она только наиболѣе яркій примѣръ. Въ подобномъ же положеніи находятся и остальныя культурныя страны, связанныя между собой въ одинъ гигантскій сложный организмъ. Современное міровое хозяйство — точно густая сѣтка изъ переплетающихся туго натянутыхъ струнъ: ударъ по одной изъ нихъ тотчасъ гулко отдается по всѣмъ остальнымъ.

Но у этого исполинскаго хозяйственнаго механизма съ его тонко проведеннымъ раздѣленіемъ труда между отдѣльными частями есть и своя Ахиллесова пята—это полная стихійность и неорганизованность протекающихъ въ немъ процессовъ, отсутствіе единой сознательной воли, которая вносила бы порядокъ и гармонію въ хаотическую борьбу безчисленныхъ частныхъ и мѣстныхъ интересовъ. Мы знаемъ одно изъ наиболѣе грозныхъ проявленій анархіи капиталистической системы—періодически повторяющіеся промышленные кризисы. Другимъ и, пожалуй, еще болѣе зловѣщимъ послѣдствіемъ ея является нынѣшнее вздорожаніе продуктовъ потребленія.

Да оно и понятно. Полстолѣтія тому назадъ чуть не все человѣчество занималось по преимуществу сельскимъ хозяйствомъ. Единственное исключеніе составляла Англія, которая играла роль міровой фабрики и питалась хлѣбомъ, ввозимымъ въ нее изъ другихъ странъ. Всѣ остальныя націи и государства удовлетворяли свои пищевыя потребности собственными силами и на излишки своего мяса и зерна покупали ткани и машины у Англіи. Съ годами однако положеніе стало измѣняться. Одна за другой индустріировались европейскія и внѣевропейскія страны, ихъ населеніе быстро росло, ихъ собственная потребность въ сельско-хозяйственныхъ продуктахъ систематически увеличивалась. Вывозъ хлѣба мало-по-малу прекращался, начинался систематически ростущій ввозъ хлѣба изъ-за границы, такъ какъ домашнихъ продуктовъ больше не хватало. Въ Германіи, напр., ввозъ пшеницы впервые превысилъ вывозъ ея въ 1876 г.; и съ этого момента имперія Гогенцоллерновъ вступила въ число странъ, импортирующихъ хлѣбъ. За Германіей постепенно послѣдовали Франція, Бельгія, Австрія, Италія, Швейцарія и цѣлый рядъ другихъ государствъ. Потребность въ продуктахъ сельскаго хозяйства втеченіе послѣднихъ 40 лѣтъ такимъ образомъ сильно возросла (достаточно сказать, что общій размѣръ хлѣбнаго ввоза за періодъ съ 1887 г. по 1907 г. увеличился съ 18,3 до 30,5 милліардовъ гектолитровъ). А съ удовлетвореніемъ ея произошла любопытная исторія, вскрывающая всю пагубность хозяйственнаго анархизма.

Какъ извѣстно, съ конца 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія Россія стала выбрасывать на міровой рынокъ громадныя количества хлѣба, служа одно время главнымъ поставщикомъ его для странъ

Западной Европы. Хлѣбный вывозъ Россіи въ среднемъ составлялъ въ годъ (въ милліонахъ метрическихъ центнеровъ):

1876—80	44,4
1881—90	56,8
1891—900	69,4
1901—05	93,9
1906—10	100,5 [1])

За 40 лѣтъ русскій экспортъ увеличился болѣе, чѣмъ въ два раза, и вплоть до настоящаго дня все еще продолжаетъ рости. Но съ середины 70-хъ годовъ у Россіи появился могущественный конкурентъ въ лицѣ Соединенныхъ Штатовъ. Великая заантлантическая республика, располагавшая громадными пространствами свободныхъ земель, большимъ запасомъ капиталовъ и обширнымъ, быстро ростущимъ населеніемъ [2]), съ лихорадочной энергіей принялась за созданіе собственнаго сельско-хозяйственнаго производства. Площадь культивированной земли въ Соединенныхъ Штатахъ равнялась:

Въ 1870 г.	188,9	милл. акр.
„ 1880 „	284,8	„ „
„ 1890 „	357,6	„ „
„ 1900 „	414,5	„ „
„ 1910 „	477,5	

Соотвѣтственно увеличивались и размѣры ея урожая и экспорта, какъ показываютъ нижеслѣдующія цифры:

	Средній годовой урожай (въ милл. бушелей).			Экспортъ (въ милл. метр. центн.).
	Пшеница.	Овесъ.	Маисъ.	
1870—79	312	314	1.184	36,5
1880—89	450	584	1.703	47,1
1890—99	503	726	1.835	76,8
1900—09	685	847	2.453	60,2

Выступленіе Соединенныхъ Штатовъ на міровой рынокъ въ качествѣ страны, вывозящей хлѣбъ, повлекло за собой крайне важныя послѣдствія. Имѣя къ своимъ услугамъ необозримыя количества никѣмъ не занятыхъ земель, американскіе сельскіе хозяева оказались въ привилегированномъ положеніи по отношенію къ

---

¹) „Handwörterbuch d. Staatswissenschaften", т. IV, стр. 785. Цифры 1906—10 гг. вычислены по даннымъ „The statesman's Year-Book".

²) Населеніе Соединенныхъ Штатовъ составляло: въ 1870 г.—38,6 милл., въ 1880 г.—50,2 милл., въ 1890 г.—62,9 милл., въ 1900 г.—76,0 милл. и въ 1910 г.—92 милл. человѣкъ.

сельскимъ хозяевамъ европейскихъ странъ: земельная рента въ Америкѣ была еще ничтожна; мелiорацiонныя затраты равны почти нулю (при обилiи плодородной почвы не было необходимости въ интенсивномъ хозяйствѣ), вслѣдствiе этого издержки производства были очень не высоки, а продажныя цѣны хлѣба низки. И, когда въ концѣ 70-хъ годовъ, благодаря огромному усовершенствованiю путей сообщенiя, издержки заокеанскаго транспорта сильно упали, потокъ дешеваго американскаго хлѣба хлынулъ на востокъ и въ нѣсколько лѣтъ затопилъ почти всѣ западно-европейскiе рынки. Его было такъ много и стоимость его была такъ низка, что въ Германiи, Австрiи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ наступилъ длительный кризисъ сельскаго хозяйства, для отраженiя ударовъ котораго землевладѣльческiе элементы этихъ странъ взялись за обоюдоострое оружiе аграрныхъ пошлинъ.

Но прошли годы и положенiе снова стало измѣняться. Соединенные Штаты стали на путь могущественнаго капиталистическаго развитiя. Заатлантическая республика быстро индустрiализировалась и этотъ фактъ имѣлъ свои обычныя послѣдствiя: стремительный ростъ городского населенiя, уходъ широкихъ массъ отъ сельскаго хозяйства, увеличенiе собственной потребности страны въ хлѣбѣ. Въ то же время постепенно истощался наличный запасъ свободныхъ земель и дѣлался все болѣе настоятельнымъ переходъ отъ экстенсивнаго хозяйства къ интенсивному, связанному, какъ извѣстно, съ значительнымъ приложенiемъ капитала. Въ результатѣ совмѣстнаго дѣйствiя обѣихъ указанныхъ причинъ цѣны американскаго хлѣба стали рости, а вывозъ его за-границу сокращаться. Среднiй годовой экспортъ хлѣба изъ Соединенныхъ Штатовъ за 9-лѣтiе 1900—08 гг. достигалъ всего лишь 60,2 милл. метр. центнеровъ противъ 76,8 милл. предшествовавшаго десятилѣтiя, т. е. упалъ почти на 22% (см. вышеприведенную таблицу).

Мiровое хозяйство пыталось приспособиться къ новой ситуацiи. На смѣну Соединеннымъ Штатамъ, все больше начавшимъ выходить изъ рядовъ экспортеровъ дешеваго хлѣба, пришли новыя страны, главнымъ образомъ, Аргентина, Канада и Румынiя. Ихъ годовой вывозъ составлялъ (въ миллiонахъ метр. центнеровъ):

	1888	1897	1907
Аргентина	3,0	5,0	42,0
Канада	5,0	7,0	14,0
Румынiя	17,0	18,0	32,0

Ростъ, какъ видимъ, громадный и притомъ продолжающiй идти быстрыми шагами впередъ. Однако на пути сельско-хозяйственнаго развитiя названныхъ странъ стоитъ немало крупныхъ препятствiй. Румынiя—государство маленькое и бѣдное капиталами, такъ что особаго прогресса ея въ сферѣ земледѣльческаго производства въ ближайшемъ будущемъ ожидать не приходится. Арген-

тина и Канада—области новыя и громадныя, располагающія необозримыми пространствами свободной земли [1]). Но за то населеніе ихъ еще совсѣмъ ничтожно (въ Аргентинѣ около 7,2 милл. и въ Канадѣ немного больше), денежные рессурсы—довольно ограничены. Конечно, обѣ страны быстро развиваются. Однако все-таки ихъ сельско-хозяйственному расцвѣту пока поставлены сравнительно узкіе предѣлы. Сыграть роль новыхъ Соединенныхъ Штатовъ имъ не подъ силу, тѣмъ болѣе, что и потребности культурнаго человѣчества въ хлѣбѣ теперь неизмѣримо больше, чѣмъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Нельзя отрицать, конечно, что оба главныхъ производителя хлѣба, Соединенные Штаты и наше отечество, были бы въ состояніи еще сильно повысить количество собираемыхъ ими сельскихъ продуктовъ и, благодаря этому, выбрасывать на міровой рынокъ значительно большія массы пшеницы (а вѣдь о ней главнымъ образомъ идетъ рѣчь), чѣмъ въ настоящее время. Стоитъ только нѣсколько улучшить сельскую технику, которая и въ Россіи и въ Америкѣ стоитъ пока на довольно низкой ступени развитія. Въ большей или меньшей мѣрѣ это и дѣлается. Однако интенсификація сельскаго хозяйства неизбѣжно повышаетъ издержки производства хлѣбныхъ злаковъ, а, значитъ, и уровень хлѣбныхъ цѣнъ. Такимъ образомъ увеличеніе русскаго и американскаго хлѣбнаго экспорта не могло бы имѣть въ настоящее время тѣхъ послѣдствій, которыя оно имѣло 40 лѣтъ назадъ.

Сельско-хозяйственный кризисъ, разразившійся надъ Европой въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, кончился и на смѣну ему пришла эпоха относительнаго недопроизводства хлѣбныхъ злаковъ, высокихъ и все ростущихъ хлѣбныхъ цѣнъ, повсемѣстнаго вздорожанія жизни. И, если мы зададимся вопросомъ, гдѣ же лежатъ послѣднія причины обоихъ этихъ явленій, мы должны будемъ неизбѣжно сказать: только въ неорганизованности мірового хозяйства. Существуй въ этомъ хозяйствѣ единая направляющая воля, совершайся необходимое раздѣленіе труда между его отдѣльными членами не путемъ стихійной борьбы частныхъ пріобрѣтательскихъ интересовъ, а путемъ планомѣрнаго воздѣйствія общественныхъ силъ въ цѣляхъ достиженія максимальнаго результата при минимальной затратѣ энергіи,—положеніе было бы совсѣмъ иное. Производство строго сообразовалось бы съ потребностями, не было бы заминокъ и острыхъ толчковъ въ экономической жизни, не было бы сельско-хозяйственнаго кризиса 70-хъ годовъ, не было бы и ростущаго повышенія цѣнъ на пищевые продукты въ настоящее время.

---

[1]) Въ Аргентинѣ, напр., считается около 60 милл. гект. годной для воздѣлыванія пшеницы почвы, изъ которыхъ въ настоящее время обрабатываются не больше 6 милл.

III.

Если процессы, описанные въ предыдущей главѣ, объясняютъ намъ причины вздорожанія хлѣба, мяса, масла и др. предметовъ массоваго питанія, то наличности ихъ все-таки еще далеко недостаточно для того, чтобы вскрыть корни вздорожанія продуктовъ промышленнаго производства: тканей, обуви, инструментовъ, машинъ и т. д. Конечно, повышеніе цѣнъ на пищу оказываетъ извѣстное вліяніе и на ростъ цѣнъ индустріальныхъ издѣлій: фабриканту приходится платить рабочему болѣе высокую заработную плату и онъ естественно стремится переложить свой новый расходъ на потребителя. Однако данное вліяніе носитъ лишь косвенный характеръ и само по себѣ не могло бы вызвать того огромнаго вздорожанія продуктовъ промышленности, какое мы наблюдаемъ въ послѣдніе годы. Гораздо правильнѣе поэтому искать основныхъ причинъ интересующаго насъ явленія въ могущественной организаціи индустріальнаго капитала—въ созданіи всѣхъ этихъ трестовъ, синдикатовъ и картелей, подъ знакомъ которыхъ прошло минувшее 20-лѣтіе почти во всѣхъ развитыхъ экономически странахъ.

Исторія возникновенія упомянутыхъ объединеній вездѣ и всюду приблизительно одинакова. Неорганизованность капиталистическаго хозяйства тяжело обрушивается не только на широкіе слои демократическаго населенія, но также въ извѣстномъ смыслѣ и на предпринимателей. Если въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ увеличиваются издержки производства, фабрикантъ стремится компенсировать свои экстренныя затраты повышеніемъ цѣнъ на изготовляемые имъ продукты. Но онъ не можетъ этого сдѣлать, если долженъ опасаться конкуренціи, если другіе предприниматели остаются при старыхъ цѣнахъ или ограничиваются лишь незначительнымъ ихъ увеличеніемъ. Отсюда естественное тяготѣніе предпринимателей къ взаимнымъ соглашеніямъ въ цѣляхъ регулированія высоты продажныхъ цѣнъ; отсюда повсемѣстное созданіе въ послѣдніе годы того, что принято называть синдикатами или картелями.

Сущность подобнаго рода объединеній очень проста. Предприниматели, изготовляющіе однородные товары, образуютъ особую организацію, преслѣдующую задачи регулированія производства въ данной отрасли промышленности и поддержанія цѣнъ ихъ продуктовъ на должной высотѣ. Подобная организація стремится стать монополистомъ на рынкѣ и, если осуществленіе этой цѣли ей удается, ея экономическое могущество необыкновенно возростаетъ. Тактика каждаго синдиката заключается въ томъ, чтобы предупреждать переполненіе рынка товаромъ и устранять конкуренцію между отдѣльными фирмами, входящими въ его составъ. Въ этихъ

видахъ синдикатъ опредѣляетъ количество продукта, долженствующаго быть выпущеннымъ съ фабрикъ, устанавливаетъ нормальный уровень цѣнъ, получаетъ и распредѣляетъ между объединенными предпріятіями заказы и, наконецъ, организуетъ самый сбытъ издѣлій своихъ членовъ. Индивидуальный заводовладѣлецъ лишается права самостоятельнаго заключенія сдѣлокъ съ потребителемъ,—между нимъ и послѣднимъ становится всемогущее центральное бюро синдиката, которое одно лишь располагаетъ достаточными полномочіями для совершенія подобнаго рода операцій. Для достиженія желательнаго ей эффекта организація капитала примѣняетъ обычно два главныхъ средства. Она наказываетъ тяжелыми денежными штрафами всякаго строптиваго предпринимателя, нарушающаго правила капиталистической солидарности и дисциплины. И она же отъ времени до времени въ цѣляхъ возстановленія „равновѣсія" на рынкѣ между спросомъ и предложеніемъ прибѣгаетъ къ сознательному ограниченію производства.

Такъ, напр., въ 1908—09 гг. австрійскій синдикатъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ и австрійскій же джутовый картель провели сокращеніе дѣятельности всѣхъ входящихъ въ ихъ составъ предпріятій на 16%, такъ что каждое работало 5 дней въ недѣлю. Точно также интернаціональный картель фабрикантовъ зеркальнаго стекла неоднократно закрывалъ принадлежащіе ему заводы на цѣлый мѣсяцъ для того, чтобы добиться такимъ путемъ повышенія рыночныхъ цѣнъ на свои товары. Еще характернѣе поведеніе общеевропейскаго синдиката бутылочныхъ фабрикъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ данной отрасли промышленности грозили тяжелыя потрясенія, благодаря изобрѣтенію новой, такъ называемой оуэновской машины, сильно упрощавшей производство изготовляемыхъ ею продуктовъ. Результатомъ примѣненія машины было бы, съ одной стороны, вытѣсненіе квалифицированныхъ рабочихъ неквалифицированными, а, съ другой, обезцѣненіе старыхъ, оборудованныхъ менѣе совершенными техническими приспособленіями фабрикъ, общее пониженіе цѣнъ на бутылки и, быть можетъ, даже распаденіе самаго синдиката. Для того, чтобы предупредить подобную перспективу, послѣдній купилъ за 12 милл. марокъ патентъ на оуэновскую машину и регулировалъ ея постепенное введеніе такимъ образомъ, чтобы бутылочное производство не испытало особыхъ потрясеній и чтобы цѣны на бутылки не обнаружили стремительнаго паденія [1]).

Не менѣе любопытны съ интересующей насъ точки зрѣнія событія, разыгравшіяся въ недавніе годы въ области производства кофе. Это прооизводство втеченіе двухъ минувшихъ десятилѣтій шло такимъ быстрымъ темпомъ, что предложеніе начало въ концѣ концовъ превышать спросъ, и въ результатѣ рыночныя

---

[1]) O. Bauer, „Die Teuerung", Wien, 1910, стр. 22—23.

цѣны на кофе упали. Этимъ обстоятельствомъ была особенно чувствительно задѣта Бразилія, которая поставляетъ на интернаціональный рынокъ около $^{3}/_{4}$ всего количества даннаго продукта, а въ самой Бразиліи, главнымъ образомъ, штатъ Саунъ-Пауло, доставляющій свыше $^{1}/_{2}$ мірового урожая кофе. Въ цѣляхъ предупрежденія дальнѣйшаго паденія цѣнъ самъ штатъ, владѣющій огромными кофейными плантаціями, принялъ на себя обязанности капиталистическаго картеля. Разведеніе новыхъ плантацій было обложено тяжелыми налогами, а вывозъ кофе заграницу—высокими пошлинами; самый размѣръ экспорта ограниченъ опредѣленными, очень узкими предѣлами (не свыше 10 милл. мѣшковъ), причемъ съ каждаго лишняго мѣшка сверхъ указанной нормы взималась еще 20% прибавка къ вывозной пошлинѣ. Такъ какъ однако всѣ поименованныя мѣры не имѣли желательнаго результата, то штатъ началъ самъ скупать на деньги, одолженныя ему англо-американско-нѣмецко-французскимъ консорціумомъ, огромныя массы кофе для того, чтобы такимъ путемъ „облегчить“ рынокъ и способствовать повышенію цѣнъ [1]).

Я могъ бы привести еще не мало примѣровъ подобнаго рода. Но думаю, что для иллюстраціи моей мысли и вышеупомянутыхъ совершенно достаточно. Изъ нихъ видно, какое вліяніе образованіе синдикатовъ оказываетъ на уровень рыночныхъ цѣнъ на индустріальные, а отчасти и сельскіе продукты. При этомъ особенно важно, что почти во всѣхъ странахъ лучше всего картеллированными оказываются двѣ важнѣйшія вѣтви промышленности, — угольная и желѣзодѣлательная, — занимающіяся производствомъ орудій и средствъ производства. Топливо и машины нужны рѣшительно всѣмъ отраслямъ индустріи и потому всякое повышеніе цѣнъ на уголь и желѣзо немедленно же отражается въ цѣнѣ ситца и обуви, чайной чашки и дивана. А между тѣмъ, благодаря неустаннымъ усиліямъ организацій капитала, оба названные продукта почти всюду систематически дорожаютъ. Такъ, напр., въ Германіи, начиная съ 1893 г.,—со времени образованія могущественнаго „Reinisch-Westfälischer Kohlensyndikat“, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ въ настоящее время свыше половины всего угольнаго производства имперіи и свыше 95% производства рурскаго района, — цѣны на черное топливо обнаружили вполнѣ опредѣленную повышательную тенденцію. Въ 1893 г. центнеръ угля въ Эссенѣ стоилъ 7,30 мк., въ 1896 г. цѣна на него поднялась до 8,30 мк., въ 1900—до 9,10 мк., въ 1905 г.—до 10,0 мк., въ 1907 г.—до 11-11,50 мк. и съ тѣхъ поръ она все время держится около 11 мк. За 20 лѣтъ, такимъ образомъ, произошло вздорожаніе на 50%, и это—не смотря на гигантскіе

1) Schmidt, „Die Kaffeevalorisation“; „Jahrbücher für Nationalokönomie und statistik“, III Folge, 38 Band.

успѣхи техники и на связанное съ ними паденіе издержекъ производства.

Аналогичную картину видимъ мы и въ желѣзодѣлательной промышленности Германіи, объединенной въ чрезвычайно вліятельный „Stahlwerkverband". Аналогичную картину находимъ мы въ двухъ указанныхъ отрасляхъ индустріи и въ Австріи, и въ Россіи [1]), и въ Соединенныхъ Штатахъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ странъ. Нѣсколько слабѣе развито картеллированіе промышленности вообще, а угольной и желѣзодѣлательной въ частности, лишь въ Англіи. И этотъ послѣдній фактъ естественно приводитъ насъ къ одной изъ важнѣйшихъ проблемъ современной экономической политики,— именно къ проблемѣ индустріальнаго протекціонизма.

Въ настоящее время можно считать уже вполнѣ установленнымъ, что пошлины и картели—два столь же родственныя между собою явленія, какъ зерно и колосъ или вода и паръ. И это вполнѣ понятно. Выше я указывалъ, что каждый синдикатъ стремится достигнуть монополіи на обслуживаемомъ имъ рынкѣ. Но стать господиномъ положенія на міровомъ рынкѣ не такъ-то просто: для этого необходимо охватить кольцомъ организаціи производителей опредѣленнаго продукта во всѣхъ странахъ, что, благодаря крайнему разнообразію мѣстныхъ и національныхъ условій, сопряжено съ очень крупными затрудненіями.

Много проще обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло съ рынкомъ національнымъ: здѣсь число предпріятій, подлежащихъ объединенію, не такъ велико; экономическія, соціальныя и всякія иныя условія болѣе однородны; здѣсь къ тому же къ услугамъ капитала имѣется государственная машина, которая путемъ введенія таможенныхъ пошлинъ можетъ воздвигнуть на границахъ искусственный барьеръ, о который будетъ разбиваться иностранная конкуренція. И развѣ практика минувшихъ 40 лѣтъ не доказала въ полной мѣрѣ глубокой внутренней зависимости между развитіемъ картелей и индустріальнымъ протекціонизмомъ?

Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія политики и экономисты континента исповѣдовали теорію Фридриха Листа и, вводя пошлины на продукты промышленности, толковали о „воспитательномъ" значеніи послѣднихъ. По ихъ словамъ выходило такъ, что лишь только континентальная индустрія станетъ на ноги и окажется въ состояніи конкурировать съ англійской, такъ пошлины сейчасъ же будутъ отмѣнены и царство свободной торговли снова будетъ возстановлено. Политики и экономисты разсуждали безъ хозяина: въ процессѣ „воспитанія" континентальные предприниматели успѣли сообразить, что пошлины могутъ пригодиться имъ не только

---

[1]) Любопытные образчики вліянія картелей на цѣны въ Россіи можно найти въ интересной книжкѣ Л. Б. Кафенгауза „Синдикаты въ русской желѣзной промышленности", Москва, 1910. См. особенно главу IV, посвященную организаціи и дѣятельности синдикатовъ.

въ дни юности, но и въ зрѣломъ возрастѣ, ибо онѣ чрезвычайно облегчаютъ монополизацію внутренняго рынка. Введенныя однажды индустріальныя пошлины больше уже не отмѣняются. Наоборотъ, онѣ становятся однимъ изъ краеугольныхъ камней хозяйственной политики всѣхъ крупныхъ европейскихъ странъ, за исключеніемъ Англіи. Тѣмъ самымъ, благодаря организованному воздѣйствію политической власти, поощряются объединительныя тенденціи въ средѣ промышленнаго капитала и подводится прочный „государственный" фундаментъ подъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ современнаго повышенія цѣнъ.

IV.

Третьей причиной, лежащей въ основѣ нынѣшняго вздорожанія, приходится, повидимому, считать извѣстное обезцѣненіе золота, вызванное въ послѣдніе годы усовершенствованіемъ техники его добыванія. Говорю „повидимому", потому что по данному вопросу въ лагерѣ экономистовъ господствуетъ большое разнорѣчіе, и одного общеустановленнаго взгляда пока еще не имѣется. Думается однако, что объявить благородный металлъ совершенно неповиннымъ въ повышеніи цѣнъ было бы все-таки едва-ли справедливо.

Если подъ вліяніемъ прогресса техники сокращаются издержки добыванія золота, должна понизиться и его цѣна. А если понижается цѣна золота, то, естественно, должны возрасти цѣны всѣхъ прочихъ товаровъ, такъ какъ теперь за нихъ, очевидно, приходится отдавать большее количество драгоцѣннаго металла.

Приведенное логическое построеніе съ экономической точки зрѣнія совершенно неоспоримо, если вѣрна основная посылка—о паденіи издержекъ добыванія золота. Но вѣрна ли она? Есть много основаній отвѣчать на поставленный вопросъ положительно. Въ настоящее время главнымъ поставщикомъ драгоцѣннаго металла является южная Африка, гдѣ въ 1886 г. были открыты богатѣйшія мѣсторожденія золота. Такъ, за періодъ 1901—10 гг. въ южной Африкѣ было добыто 1.681.000 килограммовъ послѣдняго, т. е. около 80% всей его міровой добычи. Процессы, совершающіеся въ золотоносныхъ районахъ Трансвааля, имѣютъ поэтому опредѣляющее значеніе для судебъ всей вообще золотой индустріи. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію (объ этомъ неоднократно сообщалъ, напр., лондонскій „Economist"), что за послѣднія 10—15 лѣтъ въ южно-африканской золотопромышленности произошли очень крупныя перемѣны. Были введены новыя машины и усовершенствованные способы эксплуатаціи, позволившіе съ прибылью обрабатывать даже наименѣе богатыя драгоцѣннымъ металломъ шахты. Благодаря примѣненію механической силы, удалось болѣе квалифицированный, а потому

болѣе дорогой трудъ бѣлыхъ замѣнить неквалифицированнымъ, а потому болѣе дешевымъ трудомъ китайскихъ кули и, позднѣе, чернокожихъ кафровъ (число послѣднихъ въ Родезіи опредѣляется въ настоящее время приблизительно въ 170.000 чел.).

Прямымъ послѣдствіемъ описанной эволюціи явился колоссальный ростъ выбрасываемаго на поверхность земли золота,—особенно опять-таки въ южной Африкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, средняя годовая добыча драгоцѣннаго металла составляла (въ тысячахъ килограммовъ) [1]):

	Всего.	Въ томъ числѣ въ южной Африкѣ.
1891 — 95	245,2	48,8
1896—900	387,3	74,6
1901—905	484,6	94,9
1906—910	652,2	240,8

Увеличеніе, какъ видимъ, за 20 лѣтъ болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза. Но быстрый ростъ золотого запаса, находящагося въ обращеніи, имѣетъ свойство вызывать въ хозяйственной жизни явленія, свойственныя періодамъ экономическаго оживленія. Усиленный притокъ всеобщаго эквивалента цѣнности рождаетъ усиленный спросъ на товары; усиленный спросъ на товары рождаетъ усиленное производство послѣднихъ; циркуляція капитала ускоряется, повышается доходъ предпринимателя. Но одновременно повышается и заработная плата рабочихъ. И такъ какъ приливъ драгоцѣннаго металла продолжается непрерывно, то производство оказывается не въ состояніи поспѣть за быстро ростущимъ спросомъ, послѣдствіемъ чего является общій подъемъ рыночныхъ цѣнъ. Къ паденію покупательной силы золота присоединяется еще вліяніе относительнаго недопроизводства, — и въ результатѣ вздорожаніе жизни принимаетъ еще болѣе острый и мучительный характеръ.

Что приведенныя соображенія не представляютъ собой безпочвенной фантазіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ любопытный историческій фактъ. Каутскій въ недавно появившейся работѣ о связи между вздорожаніемъ жизни и производствомъ золота [2]) приводитъ поучительную таблицу измѣненій лондонскихъ цѣнъ въ серединѣ XIX в., совпавшихъ съ открытіемъ золотыхъ розсыпей въ Калифорніи (въ 1848 г.) и Австраліи (1851 г.). Если цѣны 1891—1900 гг. принять за 100, то тогда окажется, что онѣ были равными:

въ 1848 г.	118	въ 1855 г.	152
„ 1849 „	112	„ 1856 „	152
„ 1850 „	116	„ 1857 „	158

---

[1]) „Statistisches Jahrbuch", 1912.

[2]) „Die Wandlungen der Goldproduktion und der wechselnde Charakter der Teuerung", „Neue Zeit", январь 1913 г., приложеніе.

въ 1851 г.	113	въ 1858 г.	137
„ 1852 „	113	„ 1859 „	142
„ 1858 „	143	„ 1860 „	149
„ 1854 „	154	„ 1861 „	168

Съ 1862 по 1873 г. цѣны колеблются между 145 и 168 и затѣмъ начинаютъ быстро опускаться, достигнувъ своего низшаго уровня (92) въ 1896 г. Съ этого момента кривая снова подымается вверхъ и доходитъ въ 1907 г. до 120. Для полноты впечатлѣнія слѣдуетъ еще добавить, что передъ 1848 г. втеченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ шло постепенное понижательное движеніе цѣнъ, начавшееся въ 1818 г. съ 214 и дошедшее въ 1843—46 гг. до 125-134. Становится такимъ образомъ совершенно несомнѣннымъ, что около середины прошлаго столѣтія лондонскія цѣны обнаружили быстрый скачокъ вверхъ, продержались приблизительно два десятилѣтія на высокомъ уровнѣ и затѣмъ началось длительное пониженіе. Въ чемъ причина даннаго явленія? Очевидно, въ открытіи золотыхъ розсыпей въ Америкѣ и Австраліи и связанныхъ съ даннымъ фактомъ экономическихъ послѣдствіяхъ, такъ какъ ни синдикатовъ, ни индустріализаціи Соединенныхъ Штатовъ тогда еще не было.

Аналогичное дѣйствіе должна оказывать на колебанія товарныхъ цѣнъ и разработка золотыхъ рудниковъ въ Трансваалѣ. Вліяніе ея на современное вздорожаніе намъ труднѣе прослѣдить, такъ какъ оно сталкивается и перекрещивается съ вліяніемъ другихъ, еще болѣе могущественныхъ факторовъ (о нихъ я говорилъ выше). Однако цѣлый рядъ признаковъ заставляетъ все-таки полагать, что въ нынѣшнемъ подъемѣ рыночныхъ цѣнъ кое-что приходится и на долю золота.

V.

На предыдущихъ страницахъ я пытался установить тѣ основныя и наиболѣе глубокія причины вздорожанія, которыя дѣйствуютъ приблизительно равномѣрно на всемъ протяженіи мірового хозяйства, придавая повышенію стоимости жизни характеръ интернаціональнаго явленія. Было бы однако ошибкой полагать, что данными причинами исчерпывается все. Какъ разъ наоборотъ. Если мы бросимъ взглядъ на приведенную выше таблицу англійскаго министерства торговли о размѣрахъ вздорожанія въ различныхъ странахъ, то сейчасъ же замѣтимъ, что эти размѣры далеко не вездѣ одинаковы. Чрезвычайно поучительно, напр., сопоставленіе Великобританіи и Германіи: въ то время, какъ въ первой цѣны пищевыхъ продуктовъ за періодъ 1900—911 гг. поднялись только на 9%, во второй онѣ вспрыгнули на цѣлыхъ 28%! И если мы захотимъ отвѣтить на вопросъ, чѣмъ объясняется эта столь огромная разница между двумя государствами, находящимися на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути другъ отъ друга и въ общемъ до-

вольно однородными по характеру своей соціальной структуры, то мы невольно должны будемъ обратить вниманіе на тѣ второстепенныя, такъ сказать, національныя причины вздорожанія, которыя дополняютъ и подчасъ чрезвычайно обостряютъ дѣйствіе факторовъ мірового порядка. Національныя причины, конечно, сильно варіируютъ по отдѣльнымъ странамъ, — оттого и уровень подъема цѣнъ оказывается не вездѣ одинаковымъ. Однако важнѣйшими изъ нихъ являются несомнѣнно двѣ: общій духъ экономической политики государства и строеніе его налогового законодательства.

Возьмемъ опять-таки Англію и Германію, — обѣ эти страны точно нарочно созданы для того, чтобы поражать наблюдателя рѣзкостью контрастовъ въ интересующихъ насъ сейчасъ областяхъ. Англія — царство свободной торговли, установленной здѣсь окончательно съ начала 60-хъ годовъ. Правда, и въ Англіи имѣются кой-какія пошлины (на чай, сахаръ, табакъ, вино, спиртъ, кофе, и какао), дающія казначейству крупную сумму въ 33½ милл. ф. ст. въ годъ (цифры 1911—12 гг.). Однако важнѣйшіе продукты массоваго потребленія — хлѣбъ и мясо — остаются совершенно необложенными. Не существуетъ въ Англіи также и индустріальныхъ пошлинъ: всѣ рѣшительно промышленныя издѣлія ввозятся сюда абсолютно безпрепятственно. Вмѣстѣ съ тѣмъ и налоговое законодательство построено въ ней на довольно демократическихъ основаніяхъ: главную массу доходовъ даетъ прямое обложеніе, на долю косвеннаго обложенія приходится лишь 38 милл. ф. ст. (1912 г.), причемъ и тутъ изъ продуктовъ массоваго потребленія оказываются серьезно затронутыми только спиртные напитки.

Наоборотъ, Германія можетъ служить классическимъ образчикомъ страны протекціонизма и косвенныхъ налоговъ. Здѣсь существуютъ прежде всего индустріальныя пошлины — на желѣзо, машины, ткани, продукты химическаго производства и т. д. Далѣе — и это особенно важно — здѣсь имѣются также аграрныя пошлины: пошлины на хлѣбъ, мясо, скотъ, оказывающія огромное вліяніе на уровень цѣнъ пищевыхъ продуктовъ. Для того, чтобы иллюстрировать послѣднее утвержденіе, достаточно сопоставить высоту хлѣбныхъ цѣнъ въ Лондонѣ и Берлинѣ, начиная съ 1906 г. (годъ вступленія въ силу новаго германскаго таможеннаго тарифа). Тонна пшеницы стоила:

Годы.	Въ Лондонѣ	Въ Берлинѣ	Въ Берлинѣ болѣе на
1906	133 мк.	180 мк.	+ 47 мк.
1907	144 „	206 „	+ 62 „
1908	150 „	211 „	+ 61 „
1909	174 „	234 „	+ 50 „
1910	149 „	212 „	+ 63 „

Если принять во вниманіе, что пошлина на тонну пшеницы

составляетъ 55 мк., придется придти къ выводу, что берлинскія цѣны стоятъ въ среднемъ выше лондонскихъ (т. е. міровыхъ) какъ разъ на величину таможенной ставки.

Въ сферѣ налоговой въ Германіи преобладаетъ косвенное обложеніе. Такъ, въ имперскомъ бюджетѣ 1913 г. прямыхъ налоговъ было всего только 62 милл. мк., косвенныхъ же — 875 милл. мк. Сборамъ подлежали табакъ, папиросы, сахаръ, соль, вино, уксусная кислота, пиво, спички, освѣтительные матеріалы, желѣзнодорожные билеты, чеки, векселя, разнаго рода свидѣтельства и документы и т. д. О вліяніи косвенныхъ налоговъ на уровень цѣнъ соотвѣтственныхъ продуктовъ, конечно, нечего особенно распространяться — это ясно само собой.

И конечный результатъ этихъ двухъ столь отличныхъ другъ отъ друга системъ экономической и финансовой политики чрезвычайно поучителенъ. Въ Англіи вздорожаніе жизни опредѣляется 9%, а въ Германіи — 28%. И это понятно: въ Англіи сказывается дѣйствіе лишь общихъ міровыхъ причинъ повышенія рыночныхъ цѣнъ, почти безъ всякой примѣси специфически-національныхъ. Къ тому же, благодаря отсутствію индустріальнаго протекціонизма, тамъ слабѣе ощущается и вліяніе одного изъ важнѣйшихъ факторовъ интернаціональнаго характера — именно картеллированія промышленныхъ предпріятій. Наоборотъ, въ Германіи мы встрѣчаемся съ комбинированнымъ дѣйствіемъ какъ міровыхъ, такъ и дополнительныхъ національныхъ причинъ, и въ итогѣ получаемъ гораздо болѣе рѣзкое вздорожаніе жизни.

Различіе экономической и финансовой политики играетъ такимъ образомъ очень крупную роль, и оно, какъ общее правило, становится тѣмъ менѣе благопріятнымъ для потребителя, чѣмъ усерднѣе данная страна практикуетъ политику протекціонизма и косвеннаго обложенія.

VI.

Что же дальше? Каковы ближайшія перспективы въ области колебанія рыночныхъ цѣнъ? Смѣнится ли нынѣшнее всеобщее вздорожаніе эпохой новаго паденія стоимости жизни, подобно тому, какъ это случилось въ Англіи въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, или же, наоборотъ, ростъ цѣнъ будетъ непрерывно идти дальше и дальше, принимая все болѣе острый характеръ?

Трудно въ наши дни быть экономическимъ пророкомъ. Но все-таки, поскольку позволяютъ судить имѣющіяся въ распоряженіи данныя, гораздо вѣроятнѣе послѣдняя перспектива. Изъ причинъ вздорожанія интернаціональнаго характера (а онѣ какъ разъ важнѣе всего) можетъ прекратить свое дѣйствіе въ ближайшемъ будущемъ только третья, связанная съ колебаніями въ области добыванія золота. Истощатся мало-по-малу рудники Трансвааля,— сократится количество драгоцѣннаго металла, регулярно выбрасы-

ваемаго нынѣ на поверхность земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ (впредь, по крайней мѣрѣ, до открытія какихъ-нибудь новыхъ розсыпей или мѣсторожденій) и всѣ экономическія послѣдствія переполненія рынка золотой наличностью. Иначе обстоитъ дѣло съ двумя другими причинами міроваго порядка.

Мы уже видѣли, что быстрое развитіе сельскаго хозяйства въ Аргентинѣ и Канадѣ — странахъ, пришедшихъ на смѣну Соединеннымъ Штатамъ,—натыкается на рядъ серьезныхъ препятствій, которыя для своего устраненія требуютъ десятковъ лѣтъ упорной и систематической работы. И такъ какъ индустріализація міра идетъ въ послѣдніе годы исполинскими шагами впередъ, а роль великой заатлантической республики, какъ поставщика дешеваго хлѣба заграницу, все больше сокращается, то едва-ли есть особыя основанія полагать, что странамъ новой земледѣльческой культуры въ Сѣверной и Южной Америкѣ удастся въ ближайшемъ будущемъ восполнить въ общей экономіи сельскаго производства тотъ пробѣлъ, который тамъ образовался, благодаря экономическому перерожденію Соединенныхъ Штатовъ.

Не болѣе отрадны перспективы и въ области синдицированія и картеллированія промышленнаго производства. Концентрація индустріальнаго капитала лежитъ на линіи общихъ тенденцій современнаго экономическаго развитія, и потому сколько-нибудь серьезная борьба съ ней, по крайней мѣрѣ, въ рамкахъ буржуазнаго общества, почти что невозможна. Двадцать лѣтъ назадъ синдикаты и картели представляли собой еще рѣдкое явленіе, въ настоящее же время они охватываютъ чуть не всѣ отрасли промышленности и съ каждымъ днемъ ихъ вліяніе растетъ и повышается. Можно ли при такихъ условіяхъ ожидать паденія цѣнъ на индустріальные продукты?

Мало надеждъ и на уничтоженіе или хотя бы ослабленіе важнѣйшихъ причинъ вздорожанія національнаго характера. Протекціонизмъ становится все болѣе доминирующимъ принципомъ экономической политики крупныхъ государствъ и число фритредеровъ въ станѣ властвующихъ и господствующихъ быстро таетъ на нашихъ глазахъ. Этотъ процессъ настолько повсемѣстенъ и могуществен, что является невольное сомнѣніе, долго ли еще сможетъ сопротивляться всесокрушающему „духу времени“ даже старинная твердыня свободы торговли—Великобританія. Точно также и система косвеннаго обложенія въ послѣднія десятилѣтія почти не обнаруживаетъ тенденціи къ постепенному вымиранію. Наоборотъ, чѣмъ больше ростутъ государственные расходы, чѣмъ безумнѣе становятся траты великихъ и малыхъ державъ на милитаризмъ, тѣмъ больше охоты обнаруживаютъ господствующіе классы къ сваливанію быстро тяжелѣющаго бремени налоговъ на плечи широкихъ народныхъ массъ. И еслибы даже организованной демократіи удалось современемъ парализовать дѣйствіе даннаго фактора повышенія цѣнъ,—много-

ли это могло бы помочь въ борьбѣ противъ повсемѣстнаго вздорожанія жизни?

Мы видимъ такимъ образомъ, что всѣ показанія—экономическія и политическія—не могутъ располагать насъ къ особому оптимизму. Наоборотъ, скорѣе всего они предвѣщаютъ дальнѣйшій неуклонный подъемъ рыночныхъ цѣнъ. Тѣмъ самымъ предъ сознательными элементами трудящихся классовъ все острѣе выдвигается великая историческая задача, задача борьбы съ вздорожаніемъ жизни. Эта борьба, какъ и всякая борьба рабочихъ массъ, должна по необходимости носить двоякій характеръ: она должна имѣть свою программу-минимумъ и свою программу-максимумъ. Ея минимальной программой являются: свобода торговли, демократическое налоговое законодательство, возможно болѣе могущественное развитіе профессіональной и кооперативной организаціи — всѣ мѣры, могущія хоть до нѣкоторой степени ослабить остроту повышенія цѣнъ и свести послѣднее до уровня, диктуемаго лишь вліяніемъ міровыхъ причинъ. Ея программой-максимумъ является созданіе организованнаго общечеловѣческаго хозяйства, строго регулирующаго размѣры производства и потребленія, т. е. иными словами, переходъ орудій производства и обмѣна въ руки общественнаго коллектива.

В. Майскій.

Англійское соціальное законодательство 1908-1913 гг.

I.

За послѣднія пять лѣтъ въ Англіи были приняты и проведены въ жизнь законы, обезпечивающіе рабочихъ на случай болѣзни, инвалидности, старости и безработицы и представляющіе съ соціальной точки зрѣнія крупный интересъ. Значеніе новыхъ законовъ, осуществленныхъ въ Англіи, этой классической странѣ фабричнаго законодательства, заключается не только въ томъ, что эволюція промышленности привела и въ этой странѣ къ введенію страхованія и обезпеченію рабочихъ отъ рисковъ, сопровождающихъ ихъ въ различные моменты ихъ трудовой жизни. Болѣе важное значеніе законовъ этого періода состоитъ въ томъ, что англійскій законодатель не пошелъ по старой, протоптанной Германіей дорогѣ и положилъ въ основу ихъ новые принципы.

До послѣдняго времени въ Англіи рабочіе должны были сами заботиться объ обезпеченіи себя на тотъ случай, когда безработица, болѣзнь, инвалидность или старость выведутъ ихъ изъ

строя пролетарской арміи, оставивъ безъ заработка и средствъ. Общества взаимопомощи и трэдъ-юніоны, возникшіе еще на зарѣ англійскаго капитализма и постепенно развившіеся и окрѣпшіе, были тѣми организаціями, при помощи которыхъ рабочіе старались за счетъ своихъ собственныхъ трудовыхъ грошей обезпечить себя на случай временной или постоянной потери способности къ труду или временной потери заработка. Вся финансовая тяжесть этой личной или коллективной предусмотрительности падала тогда на самихъ рабочихъ. Ни предприниматель, ни государство не принимали участія въ ихъ обезпеченіи.

Съ 1908 г. положеніе дѣлъ значительно измѣняется. Вводится страхованіе рабочихъ на случай старости, болѣзни, инвалидности, безработицы, причемъ финансовое бремя ложится на плечи не однихъ рабочихъ, но и промышленниковъ и государства. Производятся соціальные эксперименты, направленные къ возможно болѣе благопріятному разрѣшенію вопроса соціальнаго страхованія. Принимаются системы страхованія, въ основу которыхъ кладутся принципы, отличные отъ существовавшихъ до тѣхъ поръ.

Со времени изданія перваго закона, за которымъ послѣдовали и другіе, уже прошло болѣе пяти лѣтъ. Теперь имѣется уже возможность отмѣтить наиболѣе характерныя черты этого законодательства, прослѣдить примѣненіе его на практикѣ, дать оцѣнку его основамъ.

Ставши у власти, англійское либеральное правительство начало съ заботъ о рабочихъ, которые съ возрастомъ превратились въ инвалидовъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы обезпеченіе стариковъ практиковалось уже продолжительное время. И существовавшіе на этотъ счетъ законы могутъ быть классифицированы въ двѣ главныя группы. Въ однихъ странахъ, по примѣру Германіи (законъ 1889 г.), было введено страхованіе на случай старости, объединенное со страхованіемъ на случай инвалидности. Съ молодыхъ лѣтъ рабочій обязанъ дѣлать взносы для обезпеченія старости наряду со взносами предпринимателей и государства. За то при достиженіи извѣстнаго возраста (70 лѣтъ) онъ пользуется поддержкой для существованія. Основной принципъ этой системы заключается въ участіи рабочихъ и предпринимателей въ финансовыхъ расходахъ страхованія и въ полученіи рабочимъ *ренты*. Въ другихъ странахъ (Данія, Франція) была сдѣлана попытка примѣнить принципъ національной солидарности. Этой системѣ нерѣшительно положилъ начало датскій законъ 1891 г., по которому каждый датчанинъ, не запятнанный въ общественномъ отношеніи, можетъ получать, достигнувъ возраста 60 лѣтъ, матеріальную помощь. По этой системѣ ни рабочій, ни предприниматель не дѣлаютъ взносовъ, — выдача старикамъ *пенсій* разсматривается, какъ долгъ всего общества, и всѣ расходы

по обезпеченію стариковъ покрываются государственными средствами.

Вступая на путь обезпеченія рабочихъ, инвалидность которыхъ опредѣляется возрастомъ, англійское правительство прежде всего должно было разрѣшить вопросъ о томъ, выдавать ли ренты (old age annuities), для полученія которыхъ рабочіе дѣлаютъ взносы, или пенсіи (old age pensions), когда ни отъ рабочихъ, ни отъ предпринимателей взносовъ не требуется. Съ другой стороны, если принять принципъ національной солидарности, то надо было придать ему болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ то имѣло мѣсто въ странахъ, сдѣлавшихъ первый шагъ въ этомъ направленіи. Какъ показываетъ само названіе изданнаго въ 1908 г. закона (Old Age Pensions Act), англійскій законодатель призналъ систему пенсій, отдавъ предпочтеніе принципу національной солидарности, а не принципу предусмотрительности, каковой лежитъ въ основѣ законовъ германскаго типа съ ихъ взносами и рентами. Статья первая англійскаго закона устанавливаетъ: 1) что всякое лицо, находящееся въ условіяхъ, предвидѣнныхъ закономъ, можетъ получать пенсію до тѣхъ поръ, пока остается въ этихъ условіяхъ; 2) что всѣ расходы по выдачѣ пенсій будутъ покрыты суммами, вотированными парламентомъ, и 3) что выдача пенсій не будетъ разсматриваться, какъ благотворительность, и потому полученіе пенсій не лишитъ гражданъ никакихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Провозглашеніе этихъ трехъ положеній показываетъ, что, по мнѣнію англійскаго законодателя, всѣ граждане опредѣленнаго возраста имѣютъ *право* на пенсію и государство съ точки зрѣнія національной солидарности *обязано* выдавать пенсіи.

Имѣютъ право на пенсію старики, состоящіе въ англійскомъ подданствѣ, которые докажутъ: 1) что они старше 70 лѣтъ; 2) что они изъ послѣднихъ 20 лѣтъ прожили въ Соединенномъ Королевствѣ не менѣе 12; и 3) что располагаютъ ежегоднымъ доходомъ, не превышающимъ maximum'а въ 31 ф. ст. 10 ш., установленнаго закономъ. При опредѣленіи этого дохода принимается во вниманіе доходъ отъ всякой собственности, принадлежащей данному лицу, затѣмъ доходъ, который это лицо надѣется получить втеченіе года, и, наконецъ, доходъ отъ права владѣнія и пользованія. Съ другой стороны, доходомъ просителя опредѣляется и размѣръ пенсіи: пенсія обратно пропорціональна доходу, т. е. съ уменьшеніемъ дохода отъ maximum'а въ 31 ф. 10 шил. къ 21 ф. ст. и ниже повышается размѣръ пенсіи. При доходѣ ниже 21 ф. ст. проситель получаетъ пенсію въ 5 шил. въ недѣлю. Если доходъ его равенъ 21 - 23 ф. 12 ш. 6 п., пенсія составляетъ 4 шил. въ нед. Доходъ въ 23 ф. 12 ш. 6 п.—28 ф. 17 ш. 6 п. даетъ право на пенсію въ 2 шил. въ недѣлю. И, наконецъ, пенсія просителя, имѣющаго отъ 28 ф. 17 ш. 6 п. до 31 ф. 10 ш, равняется 1 шил. въ недѣлю.

Механизмъ выдачи пенсій очень простъ. Въ каждомъ городѣ и городскомъ округѣ съ населеніемъ, по меньшей мѣрѣ, въ 20.000 чел. для Англіи, въ 10.000 для Ирландіи и безъ обозначенія населенія для Шотландіи, существуетъ особый чиновникъ, Pension Officer, который принимаетъ заявленія о пенсіяхъ, наводитъ всѣ необходимыя справки, провѣряя указанія просителя, и передаетъ заявленіе въ пенсіонный комитетъ, Pension Committee. Это учрежденіе, состоящее не менѣе, чѣмъ изъ 7 членовъ, муниципальныхъ совѣтниковъ или совѣтниковъ графствъ,—опредѣляетъ размѣръ пенсіи, выслушавъ докладъ вышеупомянутаго чиновника. Неправильныя рѣшенія комитета могутъ быть обжалованы какъ этимъ чиновникомъ, такъ и заинтересованнымъ лицомъ въ Local government Board (главное управленіе по мѣстнымъ дѣламъ). Государственный казначей по своему усмотрѣнію опредѣляетъ число чиновниковъ и методы, по которымъ они должны выполнять свои функціи подъ контролемъ самого казначея. Подача заявленій и полученіе пенсій значительно облегчается, благодаря многочисленности учрежденій, принимающихъ заявленія и разсматривающихъ ихъ: въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи насчитывается 593 комитета и 593 Pension Officer.

Примѣненіе англійскаго закона о пенсіяхъ старикамъ принесло уже серьезные результаты. Значительное количество стариковъ въ возрастѣ отъ 70 лѣтъ уже пользуется правомъ на національную помощь, которая имъ предоставлена закономъ. Въ Соединенномъ Королевствѣ число лицъ старше 70 лѣтъ составляло 1.254.000; въ мартѣ 1912 г. почти 3/4 этого числа уже пользовались выгодами закона. Общее населеніе Англіи въ 1911 г. составляло 45.216.741 жителей, а число пенсіонеровъ въ 1912 г. равнялось 942.160; слѣдовательно, 2,01 % всего населенія получали поддержку.

По Bulletin de statistique et de législation comparée (1913, I), со времени введенія пенсій старикамъ число пенсіонеровъ и сумма, расходуемая на пенсіи, изъ года въ годъ возростаютъ. Къ 31 марта 1909 г. число пенсіонеровъ составляло 647.494, къ 31 марта 1910 г. оно поднялось до 699.352, а затѣмъ достигало къ 31 марта 1911 г.— 907.461 и къ 31 марта 1912 г. 942.160 (за 1909—1912 гг. приростъ равняется 294.666 стариковъ или 45% [1]).

---

[1]) Распредѣленіе числа пенсіонеровъ по отдѣльнымъ частямъ Соедин. Королевства таково:

	1908—09	1909—10	1910—11	1911—12
Англія	369.037	414.108	575.789	602.441
Уэльсъ	24.663	27.381	38.084	40.083
Шотландія	70.294	76.889	91.805	98.319
Ирландія	183.500	180.974	201.783	205.317
Соедин. Кор.	647.494	699.352	907.461	942.160

Расходы на пенсіи были весьма значительны: въ 1908-09 гг. выданная пенсіонерамъ сумма составляла 2.070.000 ф. ст., въ 1909 - 10 гг. она возросла уже до 8.496.394 ф. ст., а въ 1910 - 11 г.г. равнялась 9.797.678 ф. ст.; кредитъ на 1911 - 12 гг. былъ повышенъ до 11.415.000 ф. ст.

Какъ показываютъ эти данныя, въ 1912 г. было увеличеніе какъ числа пенсіонеровъ, такъ и истраченной на пенсіи суммы. Это увеличеніе было вызвано измѣненіями, внесенными дополнительнымъ закономъ 1911 г., по которому пенсій не лишались и старики, уже получавшіе общественную помощь, какъ это было опредѣлено въ законѣ 1908 г. Большинство стариковъ пользовалось пенсіей въ высшемъ размѣрѣ (5 шилл. въ недѣлю). Изъ 942.160, получавшихъ пенсіи въ 1912 г., 5 шилл. въ недѣлю получало 889.783 лица, или 94% всего числа. Пенсію въ низшемъ размѣрѣ (1 шил. въ нед.) получало только 4.354 человѣка [1]). Даже больше: статистика лицъ, пользовавшихся пенсіей, по годамъ показываетъ, что постепенно уменьшается число стариковъ, получающихъ пенсіи въ низшемъ размѣрѣ, при одновременномъ увеличеніи числа пенсіонеровъ, пользующихся полной пенсіей.

Вліяніе, оказанное закономъ 1908 г., и достигнутые имъ результаты весьма значительны. Прежде всего можно констатировать, что введеніе обезпеченія стариковъ привело къ уменьшенію числа бѣдныхъ въ Англіи. По даннымъ Bulletin des Assurances Sociales (1911, I), въ Англіи и Уэльсѣ число бѣдныхъ въ 1871 и 1908 гг. (до введенія и наканунѣ закона), въ 1909 г. (годъ примѣненія закона) и въ 1910-1911 гг., когда осуществленіе обезпеченія дало опредѣленные результаты, выражалось слѣдующими цифрами:

Годы.	Общее населеніе.	Число бѣдныхъ. Въ богадѣльняхъ.	На дому.	Всего.	На 1000 жителей. Въ богадѣльняхъ.	На дому.	Всего.
1871	22.501.316	165.419	900.686	1.066.105	7,4	40,0	47,4
1908	34.945.600	275.472	548.371	823.843	7,9	15,7	23,6
1909	35.348.780	288.831	561.629	850.460	8,2	15,9	24,1
1910	35.756.615	292.962	542.081	835.043	8,2	15,2	23,4
1911	36.169.150	286.092	403.193	689.2[illegible]5	7,9	11,2	19,1

[1]) Распредѣленіе по размѣру пенсій, выданныхъ въ послѣднюю пятницу марта каждаго года:

	5 шил.	4 шил.	3 шил.	2 шил.	1 шил.	Всего.
Англія	565.153	14.292	13.422	6.367	3.207	602.441
Уэльсъ . . .	37.915	828	767	371	202	40.083
Шотландія . .	90.358	2.454	1.459	657	391	94.319
Ирландія . . .	196.357	3.231	3.703	1.472	554	205.317
1912	889.783	19.805	19.351	8.867	4.354	942.160
1911	847.614	22.288	21.996	10.245	5.318	907.461
1910	638.147	22.870	22.239	10.536	5.560	699.352

Число бѣдныхъ (главнымъ образомъ за счетъ бѣдняковъ, не пользующихся общественнымъ призрѣніемъ) сократилось въ періодъ1909-1911 гг. почти на 20%: въ то время, какъ въ 1909 г. на 1000 жит. приходилось бѣдняковъ 24,1, въ 1911 г. это число понизилось до 19,1.

О сокращеніи пауперизма въ послѣдніе годы говорятъ данныя, публикуемыя въ „The Board of Trade Labour Gazette" (см. № за октябрь 1913). Въ сентябрѣ 1912 и 1913 гг. въ Англіи, Уэльсѣ, Шотландіи и Ирландіи было бѣдныхъ:

Годы.	Пользующихся обществ. призрѣніемъ.	Непризрѣваемыхъ.	Всего.	На 10.000 человѣкъ населенія.
1912	168.493	182.720	351.213	195
1913	160.395	171.475	331.870	183

Какъ видно отсюда, число призрѣваемыхъ сократилось на 8.098 человѣкъ (или 4,8%), число непризрѣваемыхъ — на 11.245 (или 6,2%), а пропорція бѣдняковъ упала съ 195 до 183 на 10.000 жит.

Другимъ показателемъ достигнутыхъ результатовъ является число пенсіонеровъ по закону 1908 г. и число бѣдняковъ, получающихъ благотворительную помощь. По переписи населенія 1911 г., число лицъ Англіи и Уэльса въ возрастѣ 70 лѣтъ и старше составляло 29,7 на 1000 человѣкъ населенія; а въ мартѣ 1912 г. пенсіями старости пользовались 17,8 на 1000 человѣкъ населенія, или 600 стариковъ изъ 1000 въ возрастѣ 70 лѣтъ и старше. Съ другой стороны, число бѣдныхъ, поддерживаемыхъ благотворительностью въ Англіи и Уэльсѣ, выражается слѣдующими цифрами:

Года.		Призрѣваемые.	Непризрѣваемые.	Всего.
31 Марта	1906	61.378	186.096	229.474
1 Января	1910	57.701	138.223	195.924
„ „	1911	55.261	93.177	148.438
„ „	1912	49.370	9.530	58.858
4 „	1913	49.207	8.563	57.770
Сокращеніе въ періодъ	1906—1913 .	19,8%	94,9%	74,8%

Итакъ, введеніе обезпеченія пенсіями привело къ сокращенію благотворительности на ¾, причемъ главнымъ образомъ уменьшилось число лицъ, не пользующихся общественнымъ призрѣніемъ.

Такого значительнаго сокращенія числа лицъ, поддерживаемыхъ благотворительностью, нельзя констатировать ни въ странахъ, признающихъ систему свободныхъ субсидій (какъ Бельгія), ни въ странахъ, гдѣ введено обязательное страхованіе со взносами рабо-

чихъ и гдѣ рента выдается въ весьма недостаточномъ размѣрѣ (какъ въ Германіи).

II.

Вторымъ звеномъ въ цѣпи англійскаго законодательства 1908—1913 гг. былъ законъ о биржахъ труда, принятый въ сентябрѣ 1909 г., и законъ о страхованіи на случай безработицы, изданный въ декабрѣ 1911 г.

Пріисканіе работы въ Англіи было долгое время сосредоточено исключительно въ рукахъ трэдъ-юніоновъ. Частныя посредническія бюро тогда даже не пытались конкурировать съ трэдъ-юніонами. Трэдъ-юніоны въ Англіи могли успѣшно развивать свою дѣятельность по урегулированію рынка труда и пріисканію работы, благодаря тремъ обстоятельствамъ: 1) высокій % организованныхъ позволялъ трэдъ-юніонамъ воспрещать невыгодный для рабочихъ личный обходъ и обязывать членовъ пріискивать работу черезъ бюро союза; 2) широкое вліяніе трэдъ-юніоновъ въ рабочей массѣ давало возможность быстро получать свѣдѣнія объ освобождавшихся мѣстахъ; 3) компромиссная политика трэдъ-юніоновъ втеченіе долгаго періода создала положеніе, при которомъ предприниматели часто обращались въ бюро рабочей организаціи.

Затѣмъ положеніе измѣнилось: развивающаяся промышленность и обостряющіяся классовыя отношенія между англійскимъ трудомъ и капиталомъ сдѣлали синдикальныя посредническія бюро недостаточными и не вполнѣ отвѣчающими основной задачѣ. Тогда англійское либеральное правительство выступило съ мыслью создать сѣть государственныхъ учрежденій, которыя имѣли бы спеціальной цѣлью „собирать и доставлять свѣдѣнія относительно хозяевъ, могущихъ дать работу, и рабочихъ, ищущихъ ея"; этимъ путемъ оно надѣялось регулировать спросъ и предложеніе труда и организовать пріисканіе труда.

Все королевство было раздѣлено на 8 (первоначально предполагалось 11) округовъ, причемъ въ каждомъ округѣ были основаны биржи труда. Такихъ биржъ предполагалось открыть до 250, но въ дѣйствительности ихъ гораздо больше. По имѣющимся свѣдѣніямъ, въ февралѣ 1910 г. функціонировала 61 биржа, а въ концѣ 1910 г. 146; въ 1911 г. это число повысилось до 261; въ 1912 г.—до 414 и въ 1913 г.—до 430. Каждая биржа принимаетъ запись безработныхъ. При записи безработный вносится въ индивидуальную карточку, которая содержитъ всѣ указанія, доставленныя самими рабочими, и одновременно получаетъ на руки спеціальную карточку. Съ этой карточкой онъ долженъ ежедневно являться въ биржу, а также предъявлять ее при посѣщеніи предпринимателей, къ которымъ, по указанію биржи, онъ обратится съ предложеніемъ труда. Если безработный находитъ работу, онъ долженъ передать немедленно карточку въ одну изъ ближайшихъ почтовыхъ конторъ.

Созданная въ Англіи система пріисканія работы имѣетъ слѣдующія наиболѣе характерныя черты. Биржи носятъ *національный* характеръ, распространяются на все королевство и управляются органомъ центральнаго правительства при помощи служащихъ, назначаемыхъ и оплачиваемыхъ государствомъ. Пріисканіе труда носитъ *промышленный характеръ* и не представляетъ собою благотворительности. Пріисканіе труда и рабочихъ рукъ при посредствѣ биржъ вполнѣ *добровольно*: ни рабочіе, ни предприниматели не могутъ быть принуждены обращаться къ биржѣ. Свѣдѣнія, получаемыя изъ биржи, совершенно *безплатны* какъ для рабочихъ, такъ и для предпринимателей. Биржи труда вполнѣ *нейтральны* въ случаяхъ, когда сталкиваются интересы двухъ заинтересованныхъ сторонъ. Напр., въ случаѣ стачки въ какомъ-либо предпріятіи, рабочіе увѣдомляютъ о томъ биржу съ изложеніемъ причинъ стачки. Если въ биржу обращается предприниматель бастующаго предпріятія, ему передаютъ свѣдѣнія рабочихъ или союза и предлагаютъ также дать объясненія по поводу стачки. Когда приходитъ безработный, ему вручаютъ заявленія обѣихъ сторонъ (рабочихъ и хозяина), и онъ самъ рѣшаетъ, пріемлемо ли для него предлагаемое мѣсто.

Чтобы дать картину дѣятельности англійскихъ биржъ труда, я приведу данныя за 1912 г.

По общему регистру, во всѣхъ биржахъ труда поступило въ этомъ году предложеній 2.423.213, а по спеціальному регистру временныхъ работъ 27.787 предложеній. По отношенію къ предыдущему году приростъ составляетъ 20,6%. Общее число обращеній къ биржѣ труда со спросомъ на трудъ достигло въ 1912 г. 1.649.812 при приростѣ въ 8%. Изъ всѣхъ поступившихъ предложеній въ 1912 г. было удовлетворено 567.790, причемъ замѣщено было въ общемъ итогѣ 785.239 мѣстъ. Всего къ посредничеству биржъ труда въ 1912 г. обратились 89.485 рабочихъ, въ томъ числѣ 61.480 мужчинъ, 17.558 женщинъ и 5.589 подростковъ мужского пола. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ биржи труда оказывали матеріальную поддержку при переѣздахъ съ одного мѣста на другое; такое пособіе для переѣздовъ въ 1912 г. получили приблизительно 9.700 человѣкъ, всего на 30.000 ф. ст.

Законъ 1909 г. долженъ былъ регулировать пріисканіе работы. Но этого было еще недостаточно,—надо было приступить къ разрѣшенію сложнаго и важнаго вопроса о безработицѣ и борьбѣ съ нею. Англійское правительство и въ этой области не пошло по дорогѣ, проложенной законодательствомъ другихъ европейскихъ странъ, а сдѣлало смѣлый и важный экспериментъ.

Еще въ 90-хъ годахъ, когда коммунальныя власти Швейцаріи приняли участіе въ той борьбѣ съ безработицей, которую въ то время вели швейцарскіе рабочіе, была сдѣлана попытка ввести обязательное страхованіе въ кассѣ, организованной городами. Эта

попытка оказалась неуспѣшной. Тогда возникло сомнѣніе въ возможности организаціи обязательнаго страхованія и вниманіе рабочаго класса и общественныхъ властей (коммунальной и государственной) было обращено на добровольное страхованіе. Бельгія сдѣлала соціальный опытъ, введя страхованіе, которое было основано: 1) на принципѣ добровольнаго страхованія и 2) на субсидированіи коммунальной и государственной властью профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, которые оказываютъ матеріальную помощь безработнымъ. Примѣру Бельгіи послѣдовали коммунальныя управленія нѣкоторыхъ странъ; ея опытомъ воспользовались законодатели при изученіи и изданіи законовъ о страхованіи на случай безработицы. Добровольное страхованіе на случай безработицы въ кассахъ рабочихъ союзовъ получило распространеніе. Но развитіе этого движенія оказалось все-таки недостаточнымъ: въ безработныя кассы при принципѣ добровольности страхованія вступали лишь тѣ рабочіе, для которыхъ рискъ безработицы былъ высокъ, а широкая масса оставалась въ сторонѣ. Въ Бельгіи, напримѣръ, не смотря на болѣе чѣмъ 12-лѣтнюю практику, въ кассахъ застрахована лишь $^1/_{12}$ бельгійскаго пролетаріата. Съ другой стороны, такъ какъ субсидированіе кассъ ни для коммунальной, ни для государственной власти не было обязательнымъ, то фактически главная тяжесть страхованія падала на самихъ рабочихъ, а субсидіи выдавались въ недостаточномъ размѣрѣ.

Въ общемъ практика добровольнаго страхованія показала, что предпочтеніе должно быть отдано принципу обязательности. Однако законодатель не рѣшался открыто порвать съ принципомъ добровольности. Робкій шагъ въ этомъ направленіи сдѣлали Данія и Норвегія: не рѣшаясь ввести обязательное страхованіе, онѣ ограничились тѣмъ, что комбинировали добровольное страхованіе съ обязательной субсидіей государства.

Англія первая изъ государствъ Западной Европы вступила на путь признанія обязательности страхованія, основаннаго на взносахъ рабочихъ, предпринимателей и государства. Правда, и Англія не ввела обязательнаго страхованія для всѣхъ рабочихъ. Но примѣненіе принципа обязательности къ семи отраслямъ и къ $2^1/_2$ милліонамъ рабочихъ имѣетъ важное принципіальное значеніе.

По закону 16 декабря 1911 г. (II часть) обязательное страхованіе относиттся къ рабочимъ старше 16 лѣтъ, занятымъ въ строительной и кораблестроительной промышленности, къ машинистамъ, механикамъ и литейщикамъ, къ оружейнымъ рабочимъ, рабочимъ экипажнаго производства и рабочимъ на лѣсопильняхъ. Какъ показываетъ статистика, обязательное страхованіе распространяется именно на тѣ отрасли, гдѣ безработица бываетъ болѣе часто, при-

нимаетъ болѣе широкіе размѣры и играетъ болѣе крупную роль [1]). Кромѣ того, рабочія организаціи, которыя принимаютъ страхованіе на случай безработицы отъ рабочихъ, не подлежащихъ обязательному страхованію, могутъ получать субсидіи государства при условіи, чтобы субсидія равнялась въ общемъ не болѣе $^1/_6$ израсходованной суммы и чтобы каждое отдѣльное пособіе не превышало 12 шил. въ недѣлю. Такимъ образомъ англійскій законъ систему ограниченнаго обязательнаго страхованія дополняетъ системой общаго добровольнаго страхованія. Такая комбинація принципа обязательности съ принципомъ добровольности является, конечно, временной мѣрой и служитъ переходной ступенью къ общему обязательному страхованію.

Другой отличительной чертой англійскаго страхованія является привлеченіе предпринимателей къ финансовымъ расходамъ и признаніе возвращаемости части взносовъ при соблюденіи извѣстныхъ условій. Если до начала XX вѣка тяжесть страхованія на случай безработицы падала почти исключительно на рабочихъ, которые стремились обезпечить себя на случай потери мѣста и заработка путемъ взносовъ въ свои рабочія организаціи, то въ XX вѣкѣ начало развиваться финансовое участіе коммунъ и государства въ страхованіи. Но и при субсидіяхъ коммунъ и государства во всѣхъ странахъ, гдѣ таковыя практикуются (Бельгія, Франція, Данія, Норвегія), большую часть расходовъ по страхованію продолжали нести рабочіе, хотя часть расходовъ и была перенесена на общественную власть. Предприниматели же до послѣднихъ лѣтъ оставались въ сторонѣ, не дѣлая никакихъ взносовъ и не принимая участія въ покрытіи затратъ па обезпеченіе при безработицѣ.

Англійскій законъ 1911 г. признаетъ, что финансовыя средства страхованія составляются изъ взносовъ рабочихъ, предпринимателей и государства. Взносы рабочихъ и предпринимателей *равны* и составляютъ $2^1/_2$ пенса въ недѣлю для тѣхъ и другихъ. Этотъ взносъ понижается, если рабочій занятъ въ предпріятіи менѣе одной недѣли. Государство вноситъ $^1/_3$ суммы, уплаченной рабочими и предпринимателями вмѣстѣ, т. е. доля государства равняется $1^2/_3$ пенса въ недѣлю съ рабочаго. Но фактически эти взносы могутъ быть понижены, такъ какъ законъ допускаетъ возвращеніе взносовъ полностью или частью.

Предпринимателю часть взноса возвращается въ двухъ случаяхъ: 1) Если предприниматель нанимаетъ рабочаго на опредѣленный срокъ и не менѣе, чѣмъ на 1 годъ, и сдѣлалъ за это время не менѣе 45 взносовъ, то онъ въ правѣ получить обратно $^1/_3$ уплачен-

[1]) За 20-лѣтній періодъ 1889 — 1908 гг. средній % безработныхъ въ трэдъ-юніонахъ строительной, кораблестроительной и машиностроительной промышленности составлялъ 5,875%, въ то время, какъ для другихъ отраслей онъ равнялся только 3,065% (см. мою статью въ журналѣ „Страхованіе Рабочихъ", № 8, стр. 16).

ной суммы. Этой мѣрой имѣлось въ виду заставить предпринимателя нанимать рабочихъ на болѣе продолжительный срокъ, благодаря чему уменьшатся кадры безработныхъ и сократятся расходы фонда. 2) Если предприниматель въ періодъ кризиса продолжаетъ систематически работы съ сокращеніемъ продолжительности труда не болѣе, чѣмъ на 1/6 въ недѣлю, и если онъ сдѣлалъ надлежащіе взносы, то фондъ возвращаетъ ему ихъ либо частью, либо полностью, по указанію министра. Рабочему часть взносовъ возвращается въ томъ случаѣ, если онъ уплатилъ не менѣе 500 недѣльныхъ взносовъ и находится въ возрастѣ 60 лѣтъ. Тогда онъ получаетъ обратно разницу между общей суммой взносовъ и полученныхъ пособій плюсъ извѣстную прибыль, составляющую 2½% этой разницы.

Что касается организаціи страхованія, англійское либеральное правительство учло и использовало положительныя стороны системъ, практиковавшихся въ различныхъ странахъ Западной Европы. Такими положительными чертами являлись: 1) организація страхованія на профессіональной основѣ и 2) важная роль рабочихъ союзовъ, какъ органовъ страхованія. Поэтому страхованіе вводится по профессіямъ. Съ другой стороны, органами страхованія признаются спеціальные фонды помощи безработнымъ, управляемые государствомъ, и рабочіе трэдъ-юніоны. Рабочій можетъ страховать себя либо въ фондѣ, либо въ рабочемъ союзѣ. Законъ предоставляетъ министерству труда право заключать соглашенія съ отдѣльными рабочими организаціями тѣхъ отраслей, на которыя распространяется обязательное страхованіе, о томъ, чтобы члены этихъ организацій получали пособія не изъ фонда, а непосредственно изъ той организаціи, къ которой они принадлежатъ и которая имѣетъ кассу помощи безработнымъ. Организаціямъ же періодически будутъ выдаваться субсидіи пропорціонально суммѣ затраченной организаціей на помощь своимъ безработнымъ членамъ, но субсидіи не могутъ превышать 2/3 средствъ, уплаченныхъ безработнымъ трэдъ-юніонами.

Порядокъ страхованія и полученія взносовъ установленъ регламентами отъ 6 мая 1912 г. и отъ 8 января 1913 г. (Unemployment Insurance Regulations). Каждый застрахованный получаетъ безплатно „безработную“ книжку, въ которой содержатся всѣ необходимыя свѣдѣнія и которая ежегодно обмѣнивается. Когда рабочій имѣетъ работу, книжка хранится у хозяина,—съ правомъ рабочаго одинъ разъ въ мѣсяцъ и въ часы, опредѣленные хозяиномъ, видѣть свою книжку. Въ случаѣ безработицы рабочій немедленно получаетъ книжку и представляетъ ее въ биржу труда, гдѣ она и остается все время, пока ея владѣлецъ не нашелъ себѣ снова работы. По этой книжкѣ биржа труда устанавливаетъ право рабочаго на пособіе, которое онъ и получаетъ по установленнымъ закономъ правиламъ.

Пособія, выдаваемыя застрахованнымъ, регулируются по закону 1911 г. слѣдующими правилами:

1. Пособіе выдается рабочему, если онъ работаетъ въ данной отрасли болѣе 26 недѣль (втеченіе 5 лѣтъ), и лишь съ 8-го дня безработицы.

2. Размѣръ пособія рабочему старше 18 лѣтъ составляетъ 7 шил. въ недѣлю, рабочему 17—18 лѣтъ пособіе сокращается на половину, а рабочіе моложе 17 лѣтъ никакого вознагражденія не получаютъ. Министру предоставлено право повышать или понижать размѣръ этихъ пособій для всѣхъ отраслей, для одной отрасли или даже для отдѣльной спеціальности, но пособіе во всякомъ случаѣ не можетъ быть ни ниже 6 шил., ни выше 8 шил. въ недѣлю.

3. Пособіе не можетъ выдаваться одному рабочему болѣе 15 недѣль въ году, причемъ министру предоставлено право понижать эту продолжительность.

4. Пособіе въ максимальномъ размѣрѣ не должно превышать пятикратнаго размѣра еженедѣльнаго взноса.

Таково въ основныхъ чертахъ содержаніе англійскаго закона о страховании на случай безработицы. Но если онъ является интересной соціальной попыткой введенія обязательнаго страхованія при участіи государства и предпринимателей, то у него есть и крупные недостатки. Пока законъ охватываетъ только нѣкоторыя отрасли съ наиболѣе высокимъ рискомъ безработицы; онъ долженъ быть распространенъ на всю англійскую промышленность. Создавая спеціальные фонды, управляемые государствомъ, законъ лишаетъ рабочихъ права участія въ управленіи дѣлами этихъ фондовъ; необходимо, чтобы бюрократическое управленіе было замѣнено демократическимъ, съ участіемъ представителей рабочихъ союзовъ. Наконецъ, привлекая къ высокимъ взносамъ рабочихъ и предпринимателей, законъ переноситъ на государство болѣе слабую тяжесть страхованія; въ интересахъ англійскаго пролетаріата должны быть уменьшены взносы рабочихъ при одновременномъ расширеніи финансоваго участія государства и повышеніи размѣра пособія.

Публикуемыя въ „The Board of Labour Gazette“ ежемѣсячныя данныя позволяютъ намъ составить представленіе о практикѣ страхованія. Вкратцѣ отмѣтимъ административную организацію, вызванную примѣненіемъ закона. Соединенное королевство раздѣлено на 8 округовъ, въ которыхъ существуютъ бюро различныхъ типовъ. Низшей ячейкой страхового организма являются мѣстныя бюро, которыхъ всего насчитывается 1496. Эти бюро могутъ быть разбиты на двѣ группы: 1) биржи труда (Labour Exchanges), и 2) мѣстныя агентства (Local Agencies). Въ 430 биржахъ труда, находящихся подъ прямымъ контролемъ министра торговли, занято до 2.500 служащихъ, не считая временныхъ статистиковъ. Мѣст-

ныхъ агентствъ, задача которыхъ—выдавать книжки, принимать заявленія о пособіяхъ, выдавать пособія, являться посредниками между рабочими и властью, выполнять анкеты и т. д., имѣется 1.066 съ 3.536 служащими, изъ которыхъ около 600 женщинъ. Далѣе, для руководства дѣломъ страхованія въ округѣ существуютъ окружныя бюро, управляемыя однимъ лицомъ и имѣющія по нѣсколько десятковъ служащихъ. Въ 8 окружныхъ бюро насчитывается всего 729 человѣкъ. Наконецъ, для объединенія дѣятельности всѣхъ окружныхъ и мѣстныхъ бюро въ Лондонѣ существуетъ центральное бюро съ 287 служащими. Такимъ образомъ въ общей сложности въ организаціонномъ аппаратѣ страхованія занято свыше 7.000 лицъ.

Законъ, принятый въ декабрѣ 1911 г., вступилъ въ силу съ 1 іюля 1912 г.; но выдача пособій, согласно закону, началась лишь съ января 1913 г. Прежде всего нельзя не отмѣтить благопріятной экономической конъюнктуры, при которой законъ проводился въ жизнь. Съ 1909 г. англійская промышленность вступила въ фазу промышленнаго расцвѣта, когда % безработныхъ опускается ниже средняго. Этотъ средній % безработныхъ въ трэдъ-юніонахъ за періодъ 1907 - 1912 гг. составлялъ по годамъ соотвѣтственно: 3,7%; 7,8; 7,7; 4,7; 3,2; 3%. Число рабочихъ, подлежащихъ обязательному страхованію въ семи отрасляхъ, опредѣленныхъ закономъ, повысилось съ 1.929.136 человѣкъ въ іюлѣ 1912 г. до 2.252.457 въ декабрѣ того же года, до 2.374.992 въ мартѣ, до 2.532.000 въ іюлѣ и до 2.650.000 въ октябрѣ 1913 г. Сфера примѣненія закона постепенно расширяется, хотя все-таки число застрахованныхъ отстаетъ отъ первоначальныхъ разсчетовъ правительства. По этимъ разсчетамъ въ маѣ 1913 г. должно было быть застраховано уже до 2.600.000 рабочихъ.

Среди застрахованныхъ было много рабочихъ строительной промышленности. Изъ 2.297.326 рабочихъ, застрахованныхъ въ январѣ 1913 г., 950.861, или 41,4%, принадлежали къ строительному дѣлу, 248.221, или 10,8%, были заняты въ кораблестроительной промышленности, 802,094 были машинистами, механиками и литейщиками (34,9%), 198,060 принадлежали къ экипажному производству (8,6%). Изъ 2.440.503 рабочихъ, застрахованныхъ къ 17 мая 1913 г., 1.321,000, или 54%, были рабочіе строительной промышленности. Органами страхованія являлись большею частію биржи труда. Такъ, напр., къ 12 іюля 1913 г. изъ общаго числа 2.508.939 книжекъ было выдано биржами труда 2.168.652 книжки и мѣстными агентствами—только 340.287 книжекъ. Процентъ безработныхъ рабочихъ среди застрахованныхъ колеблется по мѣсяцамъ и отраслямъ промышленности; на основаніи опубликованныхъ данныхъ можно составить слѣдующую таблицу этихъ колебаній:

% къ числу застрахованныхъ.

	Строит. пром.	Корабле-строит.	Механ., литейщ.	Экипаж-ники.	Пиль-щики.	Друг.	Всего.
Январь	8,8%	3,3%	2,1%	2,2%	1,9%	1,5%	5,0%
Февраль . . .	7,3	3,4	2,3	2,2	2,2	1,2	4,4
Мартъ	5,2	3,1	2,2	2,0	2,4	1,0	3,5
Апрѣль	3,8	3,0	2,0	1,8	2,5	1,0	2,8
Май	3,4	3,1	2,1	1,9	2,1	0,9	2,7
Іюнь	3,5	2,9	2,2	2,1	2,0	0,9	2,8
Іюль	4,0	3,4	2,3	2,6	2,2	0,9	3,1
Августъ	3,6	3,6	2,6	3,1	2,2	1,0	3,1
Сентябрь . . .	4,3	4,7	2,9	3,5	2,7	1,2	3,7

Отсюда можно сдѣлать два вывода: 1) въ строительной промышленности % безработныхъ выше и подвергается большимъ колебаніямъ, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ; 2) % безработныхъ среди застрахованныхъ болѣе высокъ въ зимніе мѣсяцы и понижается въ весеннее время,—что конечно, объясняется значительнымъ количествомъ строительныхъ рабочихъ среди застрахованныхъ.

Что касается до распредѣленія по округамъ, то больше всего безработныхъ оказывается въ Ирландіи (7,6%), Лондонѣ (5,8%) и на юго-западѣ Англіи.

Обратимся теперь къ просьбамъ о выдачѣ пособій. Прежде всего можно констатировать на основаніи цифръ, относящихся къ январю—іюлю 1913 г. [1]), что мѣстныя агентства играютъ незначительную роль и при просьбахъ о пособіяхъ, что 75% всѣхъ просьбъ о пособіяхъ поступили непосредственно и 25% — черезъ рабочія организаціи. Прибавимъ, кстати, что просьбы о пособіяхъ, колеблясь по днямъ недѣли, имѣли по всѣмъ округамъ одну общую тенденцію—сокращеніе числа просьбъ къ концу недѣли.

О числѣ лицъ, получавшихъ въ первой половинѣ 1913 г. пособія, и объ истраченныхъ на помощь безработнымъ средствахъ имѣются слѣдующія данныя:

	Число лицъ, получавш. пособіе.	Расходы на помощь въ ф. ст.
Февраль	185.222	59.239
Мартъ	111.161	35.556
Апрѣль	68.043	21.656
Май	63.639	19.678
Іюнь	47.423	14.609
Іюль	57.372	17.527

[1]) Просьбы о пособіяхъ поступили:

	Въ биржи труда.	Въ мѣстныя агентства.	Всего.
Непосредственно	380.041	35.747	415.788
Черезъ ассоціаціи	140.007	3.226	143.233
Всего . . .	520.048	38.973	559.021

Число лицъ, получавшихъ пособія, и истраченная сумма сокращались въ лѣтніе мѣсяцы въ соотвѣтствіи съ движеніемъ % безработныхъ.

Съ 104 трэдъ-юніонами, въ которыхъ насчитывалось 540.555 членовъ, были заключены соглашенія о выдачѣ пособій безработнымъ. Изъ этихъ тредъ-юніоновъ 30 организацій объединяли 154.091 строительныхъ рабочихъ; 55 союзовъ съ 234.687 рабочими принадлежали къ машиностроительной промышленности; 4 организаціи были союзами 84.000 кораблестроительныхъ рабочихъ и т. д. Изъ израсходованной на помощь безработнымъ съ 8 января по 11 іюля 1913 г. суммы въ 236.458 ф. ст., составившихъ 774.494 пособія, было выдано фондами 183.796 ф. ст. (575.641 пособія) и рабочими организаціями 52.662 ф. ст. (198.853 пособія). Субсидій въ размѣрѣ 1/6 израсходованной суммы просили къ 27 мая 336 организацій съ 1.215.000 членовъ. Однако субсидію получили только 271 организація, изъ которыхъ 102 съ 540.000 рабочихъ принадлежали къ отраслямъ, на кои распространяется обязательное страхованіе, а 169 ассоціацій съ 355.759 членами пользовались субсидіями на томъ основаніи, что ввели добровольное страхованіе.

III.

Третьимъ звеномъ въ общей цѣпи соціальнаго законодательства Англіи въ періодъ 1908-1913 гг. является страхованіе на случай болѣзни и инвалидности.

Изданный въ декабрѣ 1911 г. законъ порываетъ съ прежнимъ принципомъ добровольнаго страхованія и вводитъ три основныхъ принципа: 1) страхованіе *обязательно* для рабочихъ опредѣленныхъ категорій; 2) оно осуществляется путемъ *равныхъ взносовъ рабочихъ и предпринимателей* при участіи государства; 3) органами страхованія являются признанныя общества взаимопомощи, профессіональные союзы и др. организаціи, а также почтовыя отдѣленія (для лицъ, не страхующихъ себя въ какомъ-либо обществѣ).

Обязательное страхованіе распространяется на широкій кругъ лицъ и охватываетъ почти 1/3 населенія. Два признака опредѣляютъ, подлежитъ ли данное лицо обязательному страхованію: 1) заработокъ рабочаго не долженъ превышать 160 ф. ст. въ годъ, или 3 ф. 1 ш. 6 п. въ недѣлю; и 2) страхуемый не можетъ быть старше 65 лѣтъ. Исключеній сдѣлано немного — обязательному страхованію не подчинены женщины домашней промышленности, лица, получающія благотворительную помощь или пенсіи инвалидности, занятые случайной и непостоянной работой.

Необходимыя для страхованія средства составляются изъ взносовъ рабочаго, предпринимателя и государства. Рабочій платитъ взносъ, измѣняющійся съ поломъ, возрастомъ и размѣромъ полу-

чаемаго заработка. При нормальной платѣ, опредѣляемой закономъ въ 2 шил. 6 п. въ день, взносъ рабочаго составляетъ 4 пенса въ недѣлю для мужчины и 3 пенса для женщины. Съ пониженіемъ заработной платы рабочаго понижается и взносъ, который при заработкѣ ниже 1 ш. 6 п. въ день равняется нулю. Предприниматель платитъ взносъ, измѣняющійся въ зависимости отъ возраста рабочаго, размѣра заработной платы, а иногда и пола. При нормальномъ вознагражденіи (2 ш. 6 п. въ день) взносъ хозяина составляетъ 3 пенса въ недѣлю, какъ для мужчины, такъ и для женщины. Съ пониженіемъ заработной платы рабочаго и пониженіемъ взноса рабочаго *повышается* взносъ предпринимателя. При заработкѣ въ 1 ш. 6 п., когда рабочій не дѣлаетъ никакого взноса, его хозяинъ платитъ 6 пенс. въ недѣлю. Государство не дѣлаетъ взносовъ при страхованіи рабочихъ, которые зарабатываютъ болѣе 2 шил. въ недѣлю, и вноситъ по 1 пенсу въ недѣлю при страхованіи рабочихъ съ заработной платой ниже 2 шил. Кромѣ того, государство выдаетъ приплаты ко всѣмъ страхованіямъ независимо отъ размѣра получаемой рабочимъ платы, которыя составляютъ по 2 пенса въ недѣлю для рабочихъ обоихъ половъ. Въ общей сложности касса получаетъ при страхованіи по 9 пенсовъ въ недѣлю для мужчины и по 8 пенсовъ для женщины [1]).

Застрахованный на случай болѣзни и инвалидности получаетъ безплатную медицинскую и лекарственную помощь, денежное пособіе при болѣзни, ренту въ случаѣ инвалидности. Кромѣ того, женщинамъ выдается „помощь материнства", а туберкулезнымъ оказывается помощь въ санаторіяхъ. Медицинской помощью пользуются всѣ застрахованные и совершенно безплатно. Застрахо-

---

[1]) Недѣльный взносъ въ пенсахъ:

	Мужчины: Рабочаго.	Хозяина.	Государства.	Приплата государства.	Всего.	Женщины: Работницы.	Хозяина.	Государства.	Приплата государства.	Всего.
а) Моложе 21 года										
Независимо отъ платы .	4	3	0	2	9	3	3	0	2	8
в) Старше 21 года:										
Съ заработ. платой										
въ 2 ш. 6 п.	4	3	0	2	9	3	3	0	2	8
„ 2 „ 0 „ — 2 ш. 6 п.	3	4	0	2	9	3	3	0	2	8
„ 1 „ 6 „ — 2 „ . .	1	5	1	2	9	1	4	1	2	8
„ 1 „ 6 „ — и ниже .	0	6	1	2	9	0	5	1	2	8

Въ періодъ безработицы взносы не взимаются. Каждому застрахованному предоставлено право не вносить взноса втеченіе 3 недѣль въ году безъ ограниченія его законныхъ правъ. При неуплатѣ взносовъ втеченіе 13 недѣль рабочій лишается пособій и можетъ ихъ вновь получать лишь послѣ 26-недѣльнаго аккуратнаго взноса.

ванные сами выбираютъ себѣ врача и аптекаря по листу, составленному комитетомъ страхованія.

Денежное пособіе въ случаѣ болѣзни выдается въ томъ случаѣ, если больной застрахованъ не менѣе 26 недѣль и сдѣлалъ 26 взносовъ, и уплачивается лишь лицамъ въ возрастѣ до 65 лѣтъ. При этомъ размѣръ пособія зависитъ отъ возраста рабочаго, отъ пола и продолжительности страхованія и болѣзни, что видно изъ слѣдующей таблички:

	Мужчины. Пособіе при болѣзни: первыя 13 нед.	вторыя 13 нед.	Женщины. Пособіе при болѣзни: первыя 13 нед.	вторыя 13 нед.
Въ возрастѣ:				
16—21 гг. холостые	6 ш.	5 ш.	5 ш.	4 ш.
16—21 гг. женатые	10 „	10 „	7 „ 6 п.	7 „ 6 п.
21—50 лѣтъ	10 „	10 „	7 „ 6 „	7 „ 6 „
50—60 „				
а) если были уплачены 500 взносовъ	10 „	10 „	7 „ 6 „	7 „ 6 „
в) если уплачено менѣе 500 взносовъ	7 „	7 „	6 „	6 „
Старше 60 лѣтъ, если 500 взносовъ не уплачены	6 „	5 „	6 „	5 „

Можно сказать, что *нормальное* пособіе для лицъ старше 21 года составляетъ 10 шил. для мужчины и 7 ш. 6 п. для женщины втеченіе 26 недѣль; и что это пособіе сокращается для рабочихъ моложе 21 года (до 16 лѣтъ) и старше 50 лѣтъ, которые были застрахованы менѣе 10 лѣтъ. Женщина-работница въ случаѣ беременности получаетъ 30 шил., причемъ это пособіе выдается и женамъ застрахованныхъ, которыя лично не застрахованы. Работница, которая сама застрахована и мужъ которой также застрахованъ, получаетъ это пособіе при беременности въ двойномъ размѣрѣ (3 ф. ст.).

Характерная черта англійскаго закона 1911 г. заключается въ томъ, что страхованіе на случай болѣзни связано съ страхованіемъ отъ инвалидности: для обоихъ этихъ рисковъ существуетъ одна организація страхованія, одни взносы и т. д. До этого времени, по примѣру, данному Германіей, страхованіе на случай инвалидности всюду связывалось со страхованіемъ на случай старости и отдѣлялось отъ страхованія на случай болѣзни. Англійскій законодатель принялъ иное сочетаніе, создавъ одно страхованіе на случай инвалидности и на случай болѣзни. Но въ англійскомъ законѣ не только проведено иное сочетаніе видовъ страхованія,— онъ даетъ и новое опредѣленіе того, что такое инвалидность.

Въ германскомъ законодательствѣ дано *экономическое* опредѣленіе инвалидности: инвалидомъ въ Германіи считается тотъ рабочій, который потерялъ $^{2}/_{3}$ своей трудоспособности. Въ Англіи же инвалидность понимается, какъ *патологическое* явленіе: инвалид-

ная рента выдается лишь тому рабочему, который потерялъ *полную* и *постоянную* способность къ труду. Естественно, что само по себѣ англійское опредѣленіе инвалидности уже германскаго.

Но есть еще одно различіе въ германскомъ и англійскомъ опредѣленіи. Въ Германіи полученіе пособія при болѣзни еще не даетъ права на инвалидную пенсію; въ Англіи же всякій больной, использовавшій свое право на помощь при болѣзни и еще не выздоровѣвшій, имѣетъ право на инвалидную ренту до тѣхъ поръ, пока онъ окончательно не оправится и не возвратится къ работѣ. Здѣсь, слѣдовательно, инвалидность разсматривается, какъ продолжающаяся болѣзнь, сопровождаемая полной неспособностью къ труду. Если болѣзнь продолжается болѣе 26 недѣль, застрахованный получаетъ инвалидное пособіе до выздоровленія и достиженія 70 лѣтъ (послѣ этого пособіе замѣняется пенсіей старости по закону 1908 г.). Инвалидная рента выдается лишь въ томъ случаѣ, если рабочій былъ застрахованъ не менѣе 104 недѣль и уплатилъ слѣдуемые 104 взноса. Размѣръ этой ренты составляетъ 5 ш. въ недѣлю и равенъ для рабочихъ обоихъ половъ. Только для дѣвушекъ 16-21 лѣтъ рента понижена до 4 шил. въ недѣлю.

Перейдемъ теперь къ практикѣ страхованія на случай болѣзни и инвалидности. Очень интересныя данныя даетъ первый отчетъ Masterman'a, президента National Health Jnsurance Joint Committee, представленный 30 іюня 1913 г. англійскому парламенту подъ названіемъ Report for 1912 - 13 on the Administration of the National Insurance Act Part I (Health Insurance).

При выработкѣ законопроекта было вычислено, что обязательное страхованіе должно будетъ распространиться на 13.089.000 человѣкъ, что факультативному страхованію могутъ подлежать 829.000 человѣкъ, а всего дѣйствіе закона будетъ распространено на 14.000.000 рабочихъ. По докладу Masterman'a, къ 31 марта 1913 г. было всего застраховано на случай болѣзни и инвалидности 10.862.021 рабочихъ, причемъ 10.325.000 человѣкъ были застрахованы въ обществахъ различнаго рода (95,05%), а 395.021 человѣкъ дѣлали взносы въ почтовыхъ отдѣленіяхъ (3,64%). Англійское законодательство опирается на различныя организаціи. Болѣе детальныя свѣдѣнія [1]) показываютъ слѣдующее: почти одинаковое

[1]) Распредѣленіе застрахованныхъ:

	Въ обществахъ взаимопом. по отраслямъ.	Въ обществахъ взаимопомощи.	Въ проф. раб. союзахъ.	Въ хозяйск. кассахъ.	Въ частныхъ страховыхъ обществахъ.	Всего.
Мужчинъ. .	1.844.000	1.809.000	950.000	50.000	2.516.000	7.169.000
Женщинъ. .	460.000	505.000	240.000	12.000	1.939.000	3.156.000
Всего . . .	2.304.000	2.314.000	1.130.000	62.000	4.555 000	10.325.000
%	22,31	22,42	11,52	0,6	43,15	100

число застрахованныхъ находится въ различныхъ обществахъ взаимопомощи (44,73%) и въ частныхъ капиталистическихъ страховыхъ организаціяхъ (43,15%). При этомъ нельзя не отмѣтить, что въ числѣ застрахованныхъ въ частныхъ обществахъ находятся главнымъ образомъ женщины: изъ 3 мил. женщинъ, подлежащихъ страхованію, туда входятъ почти 2 милліона. Въ предпринимательскихъ кассахъ застраховано незначительное число рабочихъ (только 0,6%), въ то время, какъ трэдъ-юніоны страхуютъ 1.190.000 человѣкъ, или 11,52% общаго числа.

Среди застрахованныхъ 96,88% мужчинъ и 99,46% женщинъ составляли англичане въ возрастѣ до 65 лѣтъ въ моментъ страхованія. Иностранцевъ въ возрастѣ 17—65 лѣтъ было 0,44% среди мужчинъ и 0,24% среди женщинъ. Англичанъ и иностранцевъ въ возрастѣ старше 65 лѣтъ было 1,05% среди мужчинъ и 0,18% среди женщинъ. Финансовая дѣятельность характеризуется слѣдующими данными: изъ 15.771.628 ф. ст., поступившихъ до конца мая 1913 г., были получены въ почтовыхъ отдѣленіяхъ 11.689.000 ф. ст., черезъ биржи труда 75.144 ф. ст. и другія офиціальныя учрежденія 65.376 ф. ст. Отъ хозяевъ за марки поступило 1.101.212 ф. ст. Субсидіи казначейства составили 2.687.777 ф. ст. Какъ видно отсюда, государство несетъ небольшую долю расхода и даетъ только 18% дохода. Изъ всей поступившей суммы было истрачено по конецъ мая 1913 г. 5.341.740 ф. ст., а именно: признаннымъ обществамъ на административные расходы и для выдачи пособій больнымъ и матерямъ было выдано 3.934.042 ф. ст.; комитеты страхованія на административные расходы и для уплаты въ санаторіумы получили 1.371.175 ф. ст.; почтовыми отдѣленіями было выдано пособій больнымъ и матерямъ 4.128 ф. ст.; остальныя средства ушли на почтовые и административные расходы, на возвращеніе вкладовъ и взносовъ предпринимателямъ и т. д.

Даже бѣглое знакомство съ содержаніемъ англійскихъ законовъ, изданныхъ въ послѣднее пятилѣтіе, ихъ практикой и результатами показываетъ, какое важное значеніе имѣютъ предпринятые англійскимъ законодателемъ соціальные эксперименты. Но подробный анализъ этого значенія не входилъ въ задачу моей статьи. Я хотѣлъ лишь указать на сущность и практику англійскихъ законовъ: подводить итоги ихъ значенія, кажется мнѣ, еще слишкомъ рано.

А. Рабиновичъ.

ИЗЪ АНГЛІИ.

Наканунѣ великихъ реформъ въ Англіи.

V.

Я сказалъ въ прошлой статьѣ, что необходимость реформъ, при томъ такихъ широкихъ, какихъ раньше не было, сознается теперь какъ радикалами, такъ и консерваторами. Послѣдніе приходятъ къ подобному заключенію крайне неохотно. Въ консервативной печати, а еще больше въ частныхъ бесѣдахъ можно постоянно натолкнуться на мнѣніе, что и вся смута создана наемными агитаторами, безъ наличности которыхъ дѣла обстояли бы прекрасно. Необходимъ только „вольный трудъ", т. е. чтобы „рабочіе не были порабощены трэдъ-юніонами". Профессіональный союзъ, опредѣляющій продолжительность рабочаго дня, по увѣренію этихъ консерваторовъ, необходимъ только „лѣнтяю", не желающему улучшить свое матеріальное положеніе интенсивной работой. Тамъ, гдѣ есть вольный трудъ, между предпринимателемъ и рабочимъ устанавливаются отношенія отца къ дѣтямъ,—увѣряютъ старые тори.—Борьба классовъ и враждебное отношеніе труда къ капиталу порождены рабочимъ законодательствомъ, развратившимъ трудящіяся массы. Если ужь говорить о реформахъ, то развѣ только объ одной. „Лучшіе классы", the better one, т. е. состоятельные люди, должны наконецъ вспомнить о завѣтахъ своихъ, забытыхъ при попыткахъ уловленія массъ путемъ „взятокъ" (т. е. соціальныхъ реформъ). Въ чемъ состоятъ эти завѣты? „Отличительной чертой настоящаго консерватизма является его отношеніе къ собственности,—говоритъ лордъ Хью Сесиль въ своей книгѣ, любопытной въ психологическомъ отношеніи.—Съ тѣхъ поръ, какъ консерватизмъ народился въ 1789 году для защиты отъ надвигавшейся тогда революціонной волны, наиболѣе характерной особенностью его является оберегаціе *принциповъ собственности*. Предстоящій политическій конфликтъ возникнетъ между врагами собственности и защитниками ея" [1]). Автору было указано, что онъ имѣетъ нѣсколько своеобразное представленіе о священномъ принципѣ собственности, такъ какъ въ основѣ колоссальныхъ богатствъ лордовъ Сесилей лежитъ захватъ церковныхъ земель въ XVII вѣкѣ. Для защиты своихъ „завѣтовъ" консерваторы должны соединиться въ сильныя лиги,—говорятъ старые тори, причемъ съ особымъ вкусомъ разсказываютъ, какъ „лучшіе классы" бойко-

---

[1]) Lord Hugh Cecil, „Conservatism". London. 1912, стр. 118.

тируютъ радикаловъ. Въ провинціи кое-гдѣ доходитъ до того, что консерваторы отказываются играть въ „гольфъ“ съ радикалами. Хорошо было бы перетянуть на свою сторону армію,—мечтаютъ старые тори. Это тоже была бы хорошая реформа. Армія необходима, между прочимъ, чтобы охранять священный принципъ собственности во время народныхъ волненій. Убѣждать тогда солдатъ, чтобы они не стрѣляли въ стачечниковъ,—преступленіе,—говорятъ тори. Консерваторы съ негодованіемъ обличали правительство за „трусость“, выразившуюся въ томъ, что оно освободило Тома Мэна, осужденнаго за обращеніе къ солдатамъ во время большой стачки 1911 года. Но когда консерваторы собираются взяться за оружіе, чтобы помѣшать введенію радикальной реформы, то обращаться къ арміи съ убѣжденіемъ не слушаться правительства дѣло похвальное. Солдаты, отказывающіеся стрѣлять въ стачечниковъ, будутъ бунтовщиками, достойными самыхъ суровыхъ наказаній. Офицеры, отказывающіеся выступить противъ тори, взявшихся за оружіе, чтобы помѣшать введенію великой реформы, представляютъ собою національныхъ героевъ, достойныхъ похвалъ и денежныхъ наградъ. Такое отношеніе къ арміи консерваторы проявили недавно по поводу событій въ Ольстерѣ.

Такъ разсуждаютъ тори-мечтатели, поэты, не имѣющіе представленія о дѣйствительности или слишкомъ ужъ озлобленные необходимостью платить высокій подоходный налогъ. Всѣ благоразумные консерваторы сознаютъ, что на однихъ „завѣтахъ“ теперь нельзя далеко уѣхать на выборахъ. Эти общественные дѣятели признаютъ необходимость въ соціальныхъ реформахъ, хотя въ глубинѣ души симпатизируютъ теоріямъ вродѣ слѣдующей. „Особенностью человѣческаго ума является естественная склонность къ консерватизму и непріязненное отношеніе къ перемѣнамъ. Отчасти это естественное состояніе обусловливается опасеніемъ передъ всѣмъ неизвѣстнымъ и соотвѣтственнымъ довѣріемъ ко всему испытанному. Умъ больше довѣряетъ простому опыту, чѣмъ самымъ заманчивымъ отвлеченнымъ разсужденіямъ. Отчасти естественный консерватизмъ обусловливается способностью человѣческою приспособляться къ окружающимъ условіямъ. Такимъ образомъ человѣку пріятно все привычное. Недовѣріе ко всему неизвѣстному и предпочтеніе, отдаваемое опыту надъ заманчивыми теоріями, глубоко коренится у всѣхъ и выражается такими поговорками, какъ: „семь разъ примѣрь, а одинъ разъ отрѣжь“, „лучше синица въ руки, чѣмъ журавль въ небѣ“, „золотникъ фактовъ лучше фунта теорій“ и т. д. Всѣ онѣ выражаютъ широко распространенный консерватизмъ. Большинство людей относится крайне подозрительно ко всякому новшеству, какъ къ чему-то очень опасному. И это вполнѣ естественно. Новшества пугаютъ и раздражаютъ, утомляютъ и смущаютъ всѣхъ. Человѣческая натура невольно отступаетъ передъ ними. Мы сознаемъ, что окружены

тайнами и уподобляемся дѣтямъ въ темной комнатѣ. Намъ грозятъ опасности невидимаго духовнаго міра, опасности отъ безмѣрныхъ страстей другихъ людей, опасности отъ силъ природы. Все это подавляетъ нашъ умъ и побуждаетъ довѣряться лишь испытанному, извѣданному и безопасному. Перемѣна не только опасна, но она еще утомляетъ. Процессъ вырабатыванія новаго плана подрываетъ силы. Невольно возникаетъ вопросъ: „Зачѣмъ удаляться отъ извѣстнаго, спокойнаго и безопаснаго въ поискахъ за неизвѣстнымъ, которое можетъ быть опасно? Почему не оставить все въ томъ же положеніи, какъ теперь? Зачѣмъ идти на встрѣчу бурѣ, когда стоишь въ защищенномъ мѣстѣ“? [1]) Передъ нами философія умѣренности и осторожности, слѣдуя которой крыловскій водолазъ „жилъ, всечасно богатѣя“, тогда какъ смѣлый искатель глубинъ

„За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею“.

Лордъ Гью Сесиль и всѣ сочувствующіе ему постоянно забываютъ тотъ простой фактъ, что въ спокойномъ убѣжищѣ находятся *только* они сами. Хитроумные философы установленнаго порядка доказываютъ даже, что правительство, опирающееся на большинство, не всегда имѣетъ право принудить меньшинство подчиниться введеннымъ законамъ. Согласно этой теоріи, выставленной Бальфуромъ, правительство только тогда имѣетъ моральное право прибѣгать къ силѣ, когда требуетъ подчиненія *старымъ* законамъ, но не тогда, когда меньшинство отказывается подчиниться *вновь* введеннымъ законамъ. Такимъ образомъ, все населеніе обязано подчиняться правительству, когда дѣло идетъ о защитѣ собственности или свободы индивидуума. И если въ такомъ случаѣ являются ослушники, то правительство для поддержанія закона вправѣ прибѣгать къ силѣ. Но, если меньшинство во имя status quo отказывается подчиниться новому закону или даже возстаетъ противъ него съ оружіемъ въ рукахъ,—правительство не имѣетъ права вызывать армію.

И тѣмъ не менѣе даже эти философы признаютъ, что сохраненіе status quo, хотя это и желательно, не всегда возможно. Реформы необходимы. Какія? Такія, которыя могли бы удовлетворить „the great unwashed“ (великаго чумазаго,—такъ въ своемъ кругу консерваторы называютъ пролетаріатъ) и были бы полезны „лучшимъ классамъ“. Идеальной реформой будетъ та, которая наружно клонилась бы къ выгодѣ „the great unwashed“, а въ сущности сняла бы съ плечъ „лучшихъ классовъ“ тяготы подоходнаго налога. И консерваторамъ казалось, что искомое найдено, когда Чемберлэнъ въ 1903 году выставилъ протекціонизмъ подъ новымъ названіемъ „тарифная реформа“. Протекціонизмъ, имѣв-

---

[1]) Lord Hugh Cecil, „Conservatism“, стр. 10.

шій цѣлью избавить состоятельные классы отъ подоходнаго налога путемъ перенесенія тяжести фискальнаго обложенія на предметы первой необходимости, выставлялся, какъ великое благодѣяніе для массъ. На выборахъ 1895 г. консерваторы обѣщали рабочимъ государственную пенсію для стариковъ, но, какъ извѣстно, обѣщанія не выполнили. Въ 1903 г. Чэмберлэнъ заявилъ, что осуществленіе обѣщанія требуетъ громадныхъ денегъ, которыя могутъ явиться только въ томъ случаѣ, если „измѣненъ будетъ базисъ фискальнаго обложенія". „Что касается пенсіи для престарѣлыхъ, — писалъ Чэмберлэнъ въ 1903 г.—то о ней можно будетъ говорить только въ томъ случаѣ, когда радикальный пересмотръ таможенныхъ тарифовъ поведетъ къ притоку новыхъ поступленій въ казначейство". Черезъ десять лѣтъ лордъ Гью Сесиль писалъ: „Тарифная реформа должна урегулировать привозную торговлю страны для достиженія троякой цѣли. Во-первыхъ, имѣется въ виду выгода британскихъ колоній, которыя много выиграютъ отъ того, что ихъ фабрикаты получатъ преимущество передъ иностранными товарами па англійскомъ рынкѣ; во-вторыхъ, тарифная реформа дастъ возможность Англіи заключать наиболѣе выгодные для нея таможенные договоры съ другими странами; въ-третьихъ, наконецъ, тарифная реформа, охраняя англійскихъ фабрикантовъ отъ иностранныхъ конкурентовъ, сдѣлаетъ болѣе устойчивымъ внутренній рынокъ" [1]. Такъ писалъ наиболѣе умѣренный протекціонистъ. Другіе консерваторы восхваляли тарифную реформу, какъ величайшее благо для массъ. Налогъ на хлѣбъ и на предметы первой необходимости, по увѣренію этихъ реформаторовъ, въ силу какого-то изумительнаго и неизвѣстнаго экономическаго закона автоматически удвоитъ заработную плату и устранитъ безработицу. Тарифная реформа дастъ средства на осуществленіе еще болѣе смѣлыхъ соціальныхъ нововведеній. Затѣмъ она явится отличной дубиной, чтобы бить ею нѣмцевъ и заставить ихъ платить за содержаніе англійскаго флота. Теперь нѣмцы „безданно-безпошлинно" ввозятъ свои товары въ Англію, продаютъ ихъ по низкой цѣнѣ, раззоряютъ англійскихъ фабрикантовъ и такимъ образомъ создаютъ безработицу,—говорили протекціонисты. Но это еще не все. Такъ какъ нѣмцамъ необходимы колоніи, то Германія сооружаетъ теперь громадный флотъ съ цѣлью нанести рѣшительный ударъ величайшей колоніальной имперіи, т. е. Англіи. Великобританія въ виду этихъ угрозъ вынуждена стремительно увеличивать свой расходъ на флотъ, для чего должна вводить новые налоги. Такимъ образомъ „нѣмецъ" наноситъ Англіи двойной ущербъ. Все измѣнится при введеніи тарифной реформы,— продолжали протекціонисты. Нѣмецкіе фабрикаты, ввозимые въ

[1] „Conservatism", стр. 192.

Англію, обложены будутъ высокой пошлиной, что, съ одной стороны, охранитъ производителей, а, съ другой, дастъ большія средства на сооруженіе флота. Другими словами: англійскіе корабли будутъ строиться на нѣмецкія деньги. „Реформаторы“ не замѣтили поразительнаго противорѣчія въ собственныхъ словахъ: чтобы охранять англійскихъ фабрикантовъ, тарифы должны быть запретительными; но въ такомъ случаѣ привозъ товаровъ сократится и таможенные доходы упадутъ. Чѣмъ меньше будутъ эти доходы, тѣмъ лучше для англійскихъ фабрикантовъ. Они, значитъ, избавятся отъ конкурентовъ. Но, чтобы вводить „соціальныя реформы“ на счетъ таможенныхъ доходовъ, а тѣмъ болѣе, чтобы строить на нихъ новые дредноты, необходимо, чтобы иностранныхъ товаровъ вво- зилось возможно больше. Чѣмъ сильнѣе привозъ, тѣмъ больше будетъ поступленій въ казну; но тѣмъ хуже, значитъ, будетъ для англійскихъ фабрикантовъ и рабочихъ. Въ „*Русскомъ Богатствѣ*“ мнѣ не разъ приходилось говорить о борьбѣ за протекціонизмъ. „Три герцога, два маркиза и четыре графа вызвались помочь вамъ, рабочимъ, обложить налогомъ вашъ хлѣбъ,—сказалъ Ллойдъ-Джорджъ на большомъ митингѣ въ Ольдхэмѣ въ октябрѣ 1903 года. —Для герцоговъ, маркизовъ и графовъ хлѣбные налоги означаютъ повышеніе земельной ренты, т. е. новые доходы. Вотъ почему благородные лорды и сквайры ухватились такъ за предложеніе Чэмберлэна. Такъ на птичьемъ дворѣ куры съ радостнымъ клохтаніемъ устремляются впередъ, когда птичница броситъ нѣсколько пригоршней зеренъ“ [1]).

Англійскія массы оказались не въ такой степени наивными, какъ думали герцоги и маркизы. Читатели „*Русскаго Богатства*“ знаютъ, что на трехъ послѣдовательныхъ выборахъ протекціонисты потерпѣли пораженіе. Массы упорно отказываются вѣрить, что налоги на хлѣбъ и на предметы первой необходимости автоматически удваиваютъ заработную плату и уничтожаютъ безработицу. Пришлось придумывать какое-нибудь другое универсальное средство. Послѣднее нашлось въ видѣ участія рабочихъ во владѣніи промышленными предпріятіями или хоть въ прибыляхъ, приносимыхъ послѣдними. Co-partnership (соучастіе во владѣніи промышленными предпріятіями) и profit-sharing (участіе въ прибыляхъ) сильно интересуютъ теперь въ Англіи какъ консерваторовъ, такъ и либераловъ. Этотъ интересъ выразился въ появленіи не только цѣлаго ряда книгъ и брошюръ, посвященныхъ вопросу, но и спеціальнаго отчета, изданнаго министерствомъ торговли [2]).

VI.

Въ бурный 1848 годъ, когда англійскія массы переживали одинъ изъ самыхъ страшныхъ періодовъ, появились „Основы по-

---

[1]) H. du Parcq, „Life of David Lloyd George“, vol. III, стр. 432.

[2]) „Profit-Sharing and Labour Co-partnership in the United Kingdom“.

литической экономіи" Милля, вліяніе которыхъ сильно до сихъ поръ въ Англіи. Авторъ ихъ расходился съ Джемсомъ Миллемъ и съ Рикардо, стоявшими за абсолютное невмѣшательство государства. Джонъ Стюартъ Милль, какъ извѣстно, дѣлаетъ различіе между экономическими законами, обусловливающими производство и распредѣленіе. По мнѣнію автора, производство обусловливается причинами, лежащими внѣ контроля законодателя. Что же касается распредѣленія, то оно можетъ быть измѣнено организаціями и дѣйствіями правительства. Такимъ образомъ Милль подходитъ къ соціалистамъ, къ которымъ его предшественники относились съ ненавистью. Въ лицѣ Милля отвлеченная мысль англійскихъ среднихъ классовъ сдѣлала то, что шестьдесятъ лѣтъ спустя совершило и пытается совершить практическое законодательство тѣхъ же среднихъ классовъ. „Джонъ Стюартъ Милль думалъ сдѣлать въ XIX вѣкѣ для политической экономіи то же самое, что Адамъ Смитъ въ XVIII вѣкѣ,—говоритъ Гекторъ Макферсонъ.—Но вмѣсто того, чтобы поставить науку на незыблемый фундаментъ, Милль поднялъ такіе важные вопросы, что съ тѣхъ поръ политическая экономія пребываетъ въ хаотическомъ состояніи" [1]). Тотъ „хаосъ", о которомъ говоритъ Макферсонъ, дѣйствительно наблюдается въ писаніяхъ всѣхъ послѣдующихъ англійскихъ экономистовъ и обусловливается, мнѣ кажется, болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ, что старый порядокъ распредѣленія, послѣ удивительнаго анализа, сдѣланнаго Миллемъ, не можетъ быть теоретически оправданъ. Взгляды Милля на законы производства, какъ извѣстно, устарѣли. Я напомню его схему. По мнѣнію Милля, рабочая плата опредѣляется пропорціею между числомъ рабочаго населенія и капиталомъ, назначеннымъ для покупки труда. Если въ данное время или въ данномъ мѣстѣ рабочая плата выше, чѣмъ въ другое время или въ другомъ мѣстѣ, и классъ наемныхъ работниковъ пользуется лучшею пищею и бо́льшимъ благосостояніемъ, причина этому только то, что капиталъ находится въ большей пропорціи къ населенію. Для рабочаго класса важна не абсолютная величина накопленія или производства, даже не абсолютная величина суммъ, назначенныхъ къ распредѣленію между работниками, а пропорція между этими суммами и числомъ людей, по которому онѣ раздѣляются. Положеніе рабочаго класса можетъ улучшиться не иначе, какъ измѣненіемъ этой пропорціи въ его выгоду, и всякій планъ улучшенія, не основывающійся на этомъ, составляетъ обольщеніе, не могущее дать никакой прочной пользы. Ставя такой тезисъ, Милль приходитъ къ выводу, который до сихъ поръ кажется неопровержимымъ многимъ англійскимъ общественнымъ дѣятелямъ, безъ различія направленія. Эти выводы молча признаются судьями,

[1]) Hector Macpherson, „Study of Mill's Philosophy", стр. 112.

служителями церкви и законодателями. Каждый имѣетъ право жить,—разсуждаетъ Милль—но никто не имѣетъ права давать жизнь существамъ, которыхъ обязаны будутъ содержать другіе люди. Кто хочетъ настаивать на первомъ изъ этихъ правъ, долженъ отказаться отъ всякой претензіи на второе. Если человѣкъ не можетъ содержать даже самого себя безъ помощи другихъ, эти другіе имѣютъ право сказать, что не берутъ на себя обязанности содержать всѣхъ дѣтей, произвести которыхъ на свѣтъ имѣетъ онъ физическую способность. Милль упрекаетъ писателей и ораторовъ, считающихъ жестокосердіемъ мѣшать нищимъ рождать наслѣдственныхъ нищихъ въ самомъ рабочемъ домѣ. „Потомство нѣкогда съ изумленіемъ станетъ спрашивать, что это былъ за народъ, въ которомъ такіе проповѣдники могли находить прозелитовъ?“ Государство могло бы гарантировать работу съ хорошею платою всѣмъ уже родившимся на свѣтъ. Но если оно сдѣлаетъ это, оно изъ самосохраненія и по соображенію со всѣми цѣлями, для которыхъ существуетъ правительство, должно принять мѣры, чтобы не родился ни одинъ человѣкъ безъ его согласія... Подобно почти всѣмъ другимъ бѣдствіямъ,—говоритъ Милль—бѣдность существуетъ потому, что люди безъ должной разсудительности слѣдуютъ своимъ животнымъ инстинктамъ. Но общество именно потому и возможно, что человѣкъ можетъ не оставаться животнымъ. Цивилизація во всѣхъ своихъ сторонахъ — борьба противъ животныхъ инстинктовъ. Она доказала, что человѣкъ можетъ пріобрѣтать достаточную власть даже надъ такими инстинктами, которые принадлежатъ къ числу сильнѣйшихъ... Еслибы въ рабочемъ классѣ утвердилось мнѣніе, что для благосостоянія работниковъ нужно извѣстное ограниченіе числа ихъ дѣтей,—говоритъ Милль—то работники солиднаго и почтеннаго характера будутъ поступать сообразно этому требованію, а нарушать его станутъ лишь тѣ, которые вообще не уважаютъ общественныхъ обязанностей. Тогда очевиднымъ образомъ можно будетъ оправдать обращеніе въ законную обязанность нравственной обязанности не производить на свѣтъ дѣтей, которыя были бы обремененіемъ для общества [1]). Милль полагалъ, что воздержность работниковъ въ размноженіи должна повести къ распредѣленію фонда рабочей платы между меньшимъ числомъ „рукъ“, т. е. къ повышенію заработной платы. Воздержность же явится тогда, когда среди рабочихъ не будетъ ни невѣжества, ни нищеты. Для повышенія благосостоянія массъ экономистъ рекомендуетъ два средства: широкую колонизацію при содѣйствіи правительства и раздачу невоздѣланныхъ общинныхъ земель рабочимъ съ выдачею имъ изъ общественныхъ суммъ пособія на обзаведеніе хозяйствомъ. Черезъ 65 лѣтъ послѣ того, какъ были высказаны эти взгляды,

---

[1]) „Основанія политической экономіи Д. С. Милля“. Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, томъ VII, стр. 374—387.

политическія партіи обѣщаютъ, какъ увидимъ дальше, практическое осуществленіе совѣтовъ Милля.

Знаменитый экономистъ выяснилъ, что ненормальности, указанныя имъ, порождены системой заработной платы и будутъ существовать до тѣхъ поръ, покуда держится она. Милль предсказывалъ, что эта система неминуемо должна замѣниться другою, болѣе совершенною. Рабочіе станутъ собственными предпринимателями. Это произойдетъ тогда, когда рабочіе мало-по-малу начнутъ пріобрѣтать долю въ основномъ капиталѣ предпріятія. Пріобрѣтеніе капитала принесетъ рабамъ заработной платы освобожденіе. По мнѣнію Милля, процессъ этотъ можетъ замедлиться, но онъ неминуемъ. Въ силу этого знаменитый экономистъ привѣтствовалъ первые опыты сотрудничества капитала и труда. Впослѣдствіи внесена была значительная путаница въ опредѣленіе этого понятія. Англійскіе общественные дѣятели, говоря о „сотрудничествѣ труда и капитала“, постоянно смѣшивали участіе въ прибыляхъ (Profit Sharing) съ участіемъ рабочихъ во владѣніи (Labour Co-partnership). Параллельно съ этимъ мы наблюдаемъ попытки установить точную терминологію. „Соучастіе рабочихъ въ владѣніи промышленнымъ предпріятіемъ (Co-partnership) имѣется при наличности слѣдующихъ условій: 1) Всѣ рабочіе должны имѣть долю въ прибыляхъ, какъ получающіе заработную плату, внѣ зависимости отъ капитала, вложеннаго ими въ предпріятіе; 2) рабочіе должны имѣть право вкладывать капиталъ въ предпріятіе, т. е. становиться въ немъ акціонерами; 3) рабочіе должны принимать нѣкоторое участіе въ контролѣ надъ предпріятіемъ и такимъ образомъ нести извѣстную отвѣтственность“ [1]). Согласно офиціальному отчету министерства торговли, „участіе рабочихъ въ прибыляхъ (profit-sharing) является болѣе общей и менѣе выработанной системой, чѣмъ соучастіе ихъ въ владѣніи промышленнымъ предпріятіемъ (Co-partnership)“. Въ свою очередь послѣднее, предоставляющее рабочимъ только такое право контроля надъ предпріятіемъ, которымъ пользуются обыкновенные акціонеры, отличается отъ еще болѣе совершенной формы, подразумѣвающей участіе представителей отъ рабочихъ-акціонеровъ въ администраціи. „При системѣ участія въ прибыляхъ предприниматель условливается съ рабочими, что они будутъ получать, какъ часть вознагражденія за трудъ и какъ дополненіе къ заработной платѣ, долю прибылей, опредѣленную заранѣе“, — говоритъ офиціальный отчетъ. О такомъ участіи мы встрѣчаемъ теперь очень часто указанія въ англійской печати. Вотъ, напр., сообщеніе, помѣщенное въ „Westminster Gazette“ за 18 апрѣля. Дѣло идетъ объ опытѣ, произведенномъ заводомъ, изготовляющимъ въ Манчестерѣ автомобили (Ford Motor Company).

---

[1]) L. L. Price, „Co-operation and Co-partnership“. London, 1914. Стр. 220.

Глава фирмы Фордъ объявилъ, что вводитъ у себя съ перваго апрѣля 1914 г. ту же систему участія рабочихъ въ прибыляхъ, которая дѣйствуетъ уже на его заводахъ въ Америкѣ. „Ford Motor Company — читаемъ мы въ заявленіи фирмы — ввела сорокъ восемь рабочихъ часовъ въ недѣлю для всѣхъ служащихъ. Компанія платитъ теперь имъ за это столько же, сколько раньше за пятьдесятъ часовъ. Сегодня, семнадцатаго апрѣля, всѣмъ служащимъ объявлено слѣдующее. Въ текущемъ году компанія распредѣлитъ между рабочими и служащими, помимо заработной платы, пятьдесятъ тысячъ ф. ст. Это будетъ не увеличеніе заработной платы, а распредѣленіе части прибыли. Она будетъ прибавляться еженедѣльно къ заработной платѣ, получаемой каждымъ. Въ послѣдующіе годы сумма, подлежащая распредѣленію, можетъ быть, въ зависимости отъ прибыли, получаемой заводомъ, больше или меньше. Путемъ прибавленія доли прибыли къ заработной платѣ компанія гарантируетъ каждому рабочему minimum въ 1 ш. 3 пенса (60 коп.) за часъ труда. Въ настоящее время этотъ гарантированный minimum представляетъ собою десять пенсовъ въ часъ. Эту наименьшую заработную плату въ 1 ш. 3 пенса въ часъ будутъ получать съ перваго апрѣля подметальщики. Участвовать въ прибыляхъ будутъ всѣ рабочіе и служащіе старше 22 лѣтъ, всего 1.300 человѣкъ. Около 10% всѣхъ рабочихъ женщины и подростки. Такъ какъ они не содѣйствуютъ успѣху завода въ такой степени, какъ взрослые рабочіе, то получаютъ меньшую долю въ прибыляхъ. Но въ томъ случаѣ, когда подростки и женщины поддерживаютъ кого-нибудь своимъ трудомъ, они будутъ получать полную долю въ прибыляхъ. Рабочіе и служащіе будутъ увольняться только въ случаѣ доказанной недобросовѣстности и неспособности. Рабочему дана будетъ въ такомъ случаѣ возможность проявить себя во всѣхъ отдѣленіяхъ, покуда не установится его полная неспосособность. Компанія считаетъ свое заявленіе о принятіи рабочихъ въ долю не актомъ милости, а проявленіемъ соціальной справедливости. Стоимость автомобилей не повысится; такимъ образомъ сумма, распредѣляемая между рабочими, добыта будетъ не изъ кармановъ покупателей“ [1]). Манчестерская фирма повторяетъ только опытъ, продѣланный нѣкоторыми другими фирмами въ Англіи. „Система участія въ прибыляхъ обсуждается теперь многими промышленными предпріятіями, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что акціонеры все больше и больше становятся простыми получателями дивидендовъ и проявляютъ слишкомъ большую небрежность по отношенію къ интересамъ служащихъ и рабочихъ“, — пишетъ крайне умѣренный авторъ“ [2]). Въ послѣднемъ изданіи *Британ-*

[1]) „Westminster Gazette“, April 18, 1914.
[2]) „The Britannica Year Book“, 1913, стр. 330.

ской Энциклопедіи (vol. 22, стр. 424) отмѣчается однако, что ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ переоцѣнивать значенія участія рабочихъ въ прибыляхъ. Хотя теперь въ Англіи немало промышленныхъ предпріятій, гдѣ рабочіе получаютъ долю прибылей, но процентъ такихъ фабрикъ и заводовъ ничтоженъ сравнительно съ общимъ числомъ предпріятій. „Во многихъ случаяхъ система, послѣ того, какъ ее ввели, была оставлена по разнымъ причинамъ,—читаемъ мы въ той же статьѣ.—Во-первыхъ, не было прибылей, чтобы дѣлить. Ничтожная сумма, распредѣляемая между рабочими, не удовлетворяла ихъ. Надежды, возлагавшіяся предпринимателями на то, что система отвлечетъ рабочихъ отъ трэдъ-юніона и заставитъ ихъ довольствоваться болѣе низкой заработной платой, не оправдались. На каждый успѣшный опытъ приходился цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ. За то, если во главѣ фирмы стоялъ идейный человѣкъ, опытъ давалъ блестящіе результаты и участіе рабочихъ въ прибыляхъ постепенно превращалось въ соучастіе во владѣніи промышленнымъ предпріятіемъ" (Co-partnership). Переходимъ къ интереснымъ опытамъ этого рода.

VII.

Фабіанское общество предприняло годъ тому назадъ обширное изслѣдованіе о всѣхъ попыткахъ co-partnership. Первый отчетъ, содержащій, между прочимъ, исторію движенія въ Англіи, появился въ видѣ объемистаго приложенія къ журналу, издаваемому супругами Веббами [1]). Идея преобразованія промышленности путемъ введенія самостоятельныхъ производительныхъ коопераций была принесена въ Англію изъ Франціи въ концѣ сороковыхъ годовъ. До того времени въ Англіи, правда, дѣлались отдѣльныя попытки (напр., Робертомъ Оуэномъ), но онѣ стояли совершенно особнякомъ.

Конецъ сороковыхъ годовъ, the hungry forties, т. е. голодные годы, — какъ называютъ ихъ англійскіе рабочіе — представляли собою тревожный и мрачный періодъ. Въ Ирландіи былъ страшный голодъ, отъ котораго люди умирали на большихъ дорогахъ. Въ Англіи тоже былъ неурожай. Въ массахъ происходило бурное революціонное броженіе, обусловленное безпримѣрнымъ тяжелымъ экономическимъ положеніемъ. Гуманно настроенная молодежь изъ среднихъ и выше среднихъ классовъ ломала голову, стараясь придумать такое средство, которое сразу уничтожило бы человѣческія страданія и превратило бы Англію въ земной рай. Подобная мысль занимала, между прочимъ, нѣсколько выдающихся молодыхъ писателей и священниковъ, съ извѣстнымъ экономистомъ Чарльсомъ Кингсли во главѣ, составившихъ тогда общество христіанскихъ

---

1) „Co-operative Production and Profit-sharing", „The New Statesman". № 45.

соціалистовъ. (Тогда, въ особенности въ Англіи, это названіе не имѣло еще того специфическаго букета, который оно пріобрѣло впослѣдствіи на континентѣ). Молодые сочлены все еще обсуждали всякіе планы возрожденія общества, когда одинъ изъ нихъ, Людло, посѣтивъ лѣтомъ 1849 года Парижъ, увидѣлъ тамъ Associations Ouvrières. Возвратившись въ Лондонъ, Людло восторженно объявилъ христіанскимъ соціалистамъ, что радикальное средство для разрѣшенія рабочаго вопроса найдено [1]). Осенью того же 1849 года христіанскіе соціалисты основали общество поощренія рабочихъ ассоціацій и организовали болѣе десятка производительныхъ коопераціи: тутъ были портняжныя, сапожныя и слесарныя мастерскія, булочныя, печатня и фортепіанная фабрика. Всѣ эти производительныя коопераціи потерпѣли крушеніе. Отчетъ, выпущенный въ 1832 году Обществомъ поощренія рабочихъ ассоціацій, констатируетъ только рядъ неудачъ. „Въ первые девять мѣсяцевъ нашей дѣятельности мы основали три группы сапожныхъ мастерскихъ, — читаемъ мы въ отчетѣ. — Однимъ изъ нихъ мы дали деньги на полное обзаведеніе, а другимъ — только по 5 ф. ст. на пріобрѣтеніе инструментовъ. Людей мы не выбирали, а принимали каждаго желающаго. Мы дали мастерскимъ полное самоуправленіе, оставивъ за собой лишь извѣстное право вмѣшательства въ случаѣ могущихъ возникнуть споровъ или злоупотребленія капиталомъ. Втеченіе первыхъ же шести мѣсяцевъ въ каждой мастерской всѣ производители перессорились между собою и всюду старосты были свергнуты". Если какая-нибудь мастерская, въ видѣ исключенія, преуспѣвала, то это оказывалось „еще хуже, чѣмъ неуспѣхъ". Члены производительной коопераціи въ такомъ случаѣ немедленно замыкались и принимали только такихъ новыхъ товарищей, которые могли и готовы были заплатить. Коопераціи при этомъ отчаянно конкурировали другъ съ другомъ. „Сочлены проявляютъ самое безсовѣстное стремленіе утопить другія коопераціи", — скорбно свидѣтельствуетъ отчетъ. Не смотря на всѣ старанія Общества поощренія рабочихъ ассоціацій, производительныя коопераціи или погибли, или превратились въ торговыя предпріятія, принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ.

Я не собираюсь писать исторію производительныхъ обществъ въ Англіи, поэтому упомяну только, что за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ въ разныхъ графствахъ возникали ассоціаціи производителей. Всѣхъ опытовъ продѣлано было нѣсколько тысячъ. Они могутъ быть раздѣлены на пять категорій. Мы имѣемъ, прежде всего, независимыя самоуправляющіяся рабочія мастерскія, приближающіяся болѣе или менѣе къ типу, основанному христіанскими соціалистами въ 1849 году (по образцу Associations Ouv-

[1]) „The Co-operative Movement in Great Britain", by B. Potter стр. 119 (есть русскій переводъ).

rières). Онѣ возникли въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Изъ нихъ до настоящаго времени выжили только немногія мастерскія въ Лейстерѣ, одна въ Уоркширѣ и одна въ Ланкаширѣ. Всѣ остальныя производительныя коопераціи или погибли, или измѣнили свой первоначальный характеръ. Затѣмъ мы имѣемъ производительныя общества, основываемыя время отъ времени трэдъ-юніонами или съ помощью ихъ. Въ настоящее время въ Англіи мы имѣемъ три удачныхъ опыта подобнаго рода. Послѣ неудачной стачки и большого локаута 1851 г. Совѣтъ Союза машинистовъ (Amalgamated Society of Engineers) рѣшилъ, что рабочимъ слѣдуетъ стать самостоятельными хозяевами. Тогда основаны были два завода подъ Лондономъ и нѣсколько ткацкихъ фабрикъ, просуществовавшія 5-8 лѣтъ[1]). Въ 1875 г., послѣ неудачной стачки машинистовъ съ цѣлью добиться девяти-часового рабочаго дня трэдъ-юніонъ основалъ свой заводъ (Ouseburn Engine Works), закрывшійся въ 1876 г. Въ семидесятыхъ и въ восьмидесятыхъ годахъ профессіональные союзы Нортумберлэндскихъ, Дерхэмскихъ и Іоркширскихъ углекоповъ пытались завести кооперативныя шахты, собственниками которыхъ были бы рабочіе. Всѣ эти опыты кончились неудачей, причемъ трэдъ-юніоны понесли большіе матеріальные убытки. Въ 1899-1906 гг. разные трэдъ-юніоны опять пытаются основать рядъ производительныхъ коопераціи. Такіе опыты продѣланы были въ Гуллѣ, Галифаксѣ, Брэдфордѣ и Блэкпулѣ. Въ 1901 г. Общій Совѣтъ союза плотниковъ предложилъ рабочимъ собрать со всѣхъ сочленовъ по два шиллинга (всего 5806 ф. ст.) съ цѣлью взять мастерскія въ упомянутыхъ четырехъ городахъ и соединить ихъ въ одну организацію Рабочіе подавляющимъ большинствомъ голосовъ приняли предложеніе. Такъ какъ выяснилось, что трэдъ-юніонъ не можетъ отъ себя заниматься промышленными предпріятіями, то возникло съ этою цѣлью особое общество „The Amalgamated Builders“, почти всѣ акціи котораго взяты были профессіональнымъ союзомъ. Трэдъ-юніонъ рѣшилъ, чтобы все дѣло вели рабочіе. Въ комитетъ правленія могли быть избраны только лица, живущіе заработной платой, а директорами рабочіе, проработавшіе не менѣе пяти лѣтъ. Даже бухгалтерами назначили только рабочихъ. Чтобы слѣдить за работой въ мастерскихъ, трэдъ-юніонъ назначилъ особые комитеты (Local Works Committees), члены которыхъ намѣчались самими рабочими. Предпріятіе кончилось полной неудачей. „За четыре года мастерскія израсходовали не только первоначальный капиталъ въ 5806 ф. ст., но также еще тѣ добавочные 1.000 ф. ст., которые были ассигнованы трэдъ-юніонамъ. Мастерскія были ликвидированы, причемъ профессіональный союзъ выручилъ только 79 ф. ст. По

[1]) Подробности въ „The Story of C. W. S.“, by Percy Redfern

словамъ отчета, выпущеннаго тогда трэдъ-юніономъ, „все дѣло въ мастерскихъ велось въ высшей степени небрежно; брались подряды, причемъ организаторы не пытались даже составить смѣту. Двое завѣдующихъ брали заказы по цѣнамъ ниже того, во что работа обходилась мастерскимъ. Отчетная часть была въ высшей степени плоха. Въ одномъ случаѣ сданная заказчикамъ работа была такъ неудовлетворительна, что ее пришлось послѣ судебнаго процесса сдѣлать заново. Вслѣдствіе этого мы потеряли 250 ф. ст.“ Подробная исторія этого опыта, продѣланнаго профессіональнымъ союзомъ, изложена въ выпущенной имъ брошюрѣ [1]).

Третья група предпріятій — это заводы, фабрики и мастерскія, выпускающіе акціи по 1 ф. ст., чтобы рабочіе могли пріобрѣтать ихъ. Это—компаніи на акціяхъ (joint stock companies), начавшія возникать съ 1850 г. Вкладчиками являются рабочіе, которые часто заняты въ той же фабрикѣ. Не смотря на то, что эти предпріятія часто именуются „акціонерными компаніями рабочихъ, съ ограниченной отвѣтственностью“, они очень мало отличаются отъ другихъ фабрикъ, акціонерами которыхъ являются капиталисты. Очень многія ткацкія фабрики въ Ланкаширѣ имѣютъ теперь акціонерами также и рабочихъ. Прежде подобныя предпріятія именовались всегда производительными кооперацями. Четвертая группа—это всѣ тѣ производительныя общества, которыя были основаны и основываются потребительными кооперацями. Многія изъ этихъ предпріятій, работая на готовый рынокъ, достигли теперь значительнаго расцвѣта. Они многократно описывались и подробности о нихъ можно найти въ каждой книжкѣ, посвященной кооперацямъ. Наконецъ, мы имѣемъ ассоціаціи производителей, порожденныя филантропическимъ обществомъ (Labour Co-partnership Association), продолжающимъ или пытающимся продолжить работу, начатую когда-то христіанскими соціалистами. При содѣйствіи этого благотворительнаго общества возникали и возникаютъ производительныя общества такого же типа, какъ мастерскія конца сороковыхъ годовъ. Большинство этихъ мастерскихъ очень недолговѣчно.

Въ послѣднее время Labour Co-partnership Association усиленно проповѣдуетъ примиреніе труда съ капиталомъ при помощи участія рабочихъ въ прибыляхъ. „Когда мы отъ исторіи движенія переходимъ къ анализу и задаемся вопросомъ; что именно существуетъ теперь?—то убѣждаемся, что результаты шестидесятилѣтней дѣятельности очень скудны,—читаемъ мы въ отчетѣ, изданномъ Фабіанскимъ обществомъ.—Изслѣдователя затрудняетъ также и то, что онъ не можетъ точно опредѣлить, какой характеръ носитъ то или другое выжившее предпріятіе. Компаніи, выпускаю-

---

[1]) „Rules of the Amalgamated Builders“, Manchester. См. также Monthly Report of the Amalgamated Society of Carpenters for April, 1907.

щія фунтовыя акціи, пріобрѣтаемыя рабочими, желающими помѣстить свои сбереженія, не могутъ быть, конечно, названы производительными обществами. Опыты, произведенные трэдъ-юніонами, кончились неудачей. Офиціальный отчетъ, выпущенный министерствомъ торговли въ 1912 г., насчитываетъ *нѣсколько меньше ста* обществъ, могущихъ быть названными кооперативными ассоціаціями производителей. Всѣхъ рабочихъ въ этихъ предпріятіяхъ семь тысячъ, а капиталъ обществъ—700.000 ф. ст. Но какъ только мы внимательно изучимъ уставъ и дѣятельность даже этихъ немногихъ обществъ, то убѣдимся, что и ихъ право именоваться кооперативными ассоціаціями очень спорно" [1]).

Существующія въ настоящее время въ Англіи ассоціаціи производителей могутъ быть раздѣлены на три группы: на самоуправляющіяся, на частично самостоятельныя и на зависящія отъ потребительныхъ обществъ. Къ первой относятся маленькія общества въ Лейстерширѣ, Уорикширѣ и Нортхэмптонширѣ. Одни изъ нихъ представляютъ собою ткацкія фабрики, другія—сапожныя и слесарныя мастерскія и т. д. „Во всѣхъ этихъ ассоціаціяхъ наблюдательный комитетъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіи. Подавляющее большинство рабочихъ—акціонеры. Во всѣхъ этихъ ассоціаціяхъ около шести тысячъ членовъ". Во всей Англіи мы находимъ теперь только *одну* производительную ассоціацію, всѣ участники которой совершенно равны и дѣлятъ полученную прибыль только между собою. Эта единственная ассоціація — Nelson Self-Help Manufacturing Society. Передъ нами—маленькая ткацкая фабрика, существующая въ городѣ Нельсонѣ (въ Ланкаширѣ) съ 1888 года. Возникла она, какъ большинство рабочихъ предпріятій, послѣ неудачной стачки, продолжавшейся шесть мѣсяцевъ. Ткачи-стачечники рѣшили сами стать предпринимателями. Они пріобрѣли станки въ кредитъ, пригласили управляющаго и наняли помѣщеніе. Черезъ своего управляющаго они покупали прядево и продавали потомъ изготовленный миткаль на манчестерской биржѣ. Забота объ управленіи была доведена до minimum'а. Рабочіе приняли у себя тотъ же порядокъ, какъ на другихъ фабрикахъ, относительно продолжительности рабочаго дня и вознагражденія. Управляющій и секретарь его — бывшіе рабочіе на нельсоновской фабрикѣ. Кооперація существуетъ вотъ уже 25 лѣтъ. Всѣ рабочіе имѣютъ акцій не меньше, чѣмъ на 20 фунтовъ каждый, и никто посторонній этихъ акцій купить не можетъ. Акціонеровъ не-рабочихъ—нѣтъ. Маленькое общество располагаетъ въ настоящій моментъ капиталомъ въ 4.355 ф. ст. Оно продаетъ ежегодно своихъ фабрикатовъ на 28-38 тысячъ ф. ст. Въ финансовомъ отношеніи нельзя ска-

---

[1]) „The New Statesman. Special Supplement on Co-operative Production and Profit-sharing", стр. 15.

зать, чтобы это единственное общество имѣло громадный успѣхъ. Оно въ 25 лѣтъ накопило капиталъ только въ 4.355 ф. ст. и не имѣетъ запаснаго капитала. Сочленамъ-рабочимъ оно не можетъ гарантировать почти ничего, кромѣ нормальной заработной платы, какъ на другихъ фабрикахъ. Общество не имѣетъ ни собственнаго помѣщенія, ни своего источника энергіи. За то ассоціація выкупила уже всѣ станки и машины. Каждое улучшеніе производится на отчисленія изъ прибылей. Годовой оборотъ ассоціаціи фактически застылъ. Не смотря на то, что ассоціація употребляетъ лучшій матеріалъ, чѣмъ какая-либо другая фабрика въ Нельсонѣ, выпускаемая ею ткань не особенно высокаго качества. Рядомъ съ нельсоновской фабрикой надо поставить группу изъ тридцати сапожныхъ ассоціацій близъ Кеттеринга, располагающую капиталомъ въ 100.000 ф. ст. Собственниками капитала являются четыре тысячи сочленовъ, изъ которыхъ служащихъ и рабочихъ 1.150 человѣкъ. Въ общемъ 73% всѣхъ рабочихъ являются пайщиками. Группа ассоціацій продаетъ ежегодно башмаковъ на 350 тысячъ ф. ст. Характерной особенностью ассоціацій является то, что завѣдующій комитетъ въ каждой изъ нихъ состоитъ исключительно изъ рабочихъ. Такъ какъ управляющій отвѣтственъ передъ этимъ комитетомъ, то наблюдатель зависитъ вполнѣ отъ своихъ подчиненныхъ. Самой старой сапожной ассоціацией является Лейстерская (Leicester Co-operative Boot and Shoe Manufacturing Society), возникшая послѣ неудачной стачки въ 1887 г. Основателями ея были шесть рабочихъ, собравшихъ 200 ф. ст., для чего имъ понадобилось девять мѣсяцевъ. Изъ 240 служащихъ и рабочихъ— 192 состоятъ членами ассоціаціи; но изъ капитала въ 24.459 ф. ст. имъ принадлежитъ только 2.072 ф. ст. И доля членовъ ассоціаціи рабочихъ уменьшается съ каждымъ годомъ. Двѣ трети капитала принадлежатъ потребительному обществу, скупающему все то, что производительная кооперація изготовляетъ...

Я нѣсколько распространился о разныхъ попыткахъ „примиренія труда съ капиталомъ“. Мы видѣли, что произведенные опыты, вполнѣ похвальные въ отдѣльности, ничтожны въ общемъ. И особенно ничтожными представляются они рядомъ съ тѣмъ сильнымъ броженіемъ, которое описано въ прошлой статьѣ. Ни участіе въ прибыляхъ, ни пріобрѣтеніе рабочими нѣсколькихъ акцій въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ они получаютъ свою заработную плату (къ этому въ значительной степени сводятся co-partnership), ни отдѣльныя производительныя ассоціаціи не могутъ принести успокоенія массамъ и не въ силахъ улучшить въ сколько-нибудь значительной степени ихъ благосостояніе. Всѣ эти мѣры въ особенности совершенно безсильны, когда дѣло идетъ о милліонахъ чернорабочихъ, находящихся всю жизнь „на чертѣ“ или „ниже черты“ нищеты. Такимъ образомъ усиленная рекомендація консерваторами и либералами такой мѣры, какъ участіе въ прибыляхъ

и законодательство въ этой области (даже если допустить, что оно возможно), не можетъ помочь, скажемъ, доковымъ рабочимъ.

VIII.

Положеніе дѣлъ, изображенное въ предыдущей моей статьѣ, выдвинуло вопросъ, обсужденіе котораго десять лѣтъ тому назадъ политическіе дѣятели обѣихъ партій считали одною потерей времени. Вопросъ этотъ относился къ категоріи „утопій“, останавливаться надъ которыми могутъ только „теоретики“, совершенно оторванные отъ дѣйствительности. Я говорю объ установленіи законодательнымъ путемъ предѣльной нормы, ниже которой заработная плата не должна падать. Вопросъ этотъ впервые былъ поднятъ въ Англіи въ 1874 г. Ллойдомъ Джонесомъ въ трэдъ-юніонистскомъ журналѣ „The Buhive“. Ллойдъ Джонесъ обсуждалъ тогда вопросъ о заработной платѣ, періодически мѣняющейся въ зависимости отъ состоянія рынка (sliding scale, или подвижная скала). Авторъ, признавая эту систему гибельною для нортумберлэндскихъ углекоповъ, доказывалъ необходимость такого предѣла, ниже котораго заработная плата не могла бы падать. Изъ „серьезныхъ“ людей предложеніе Ллойда Джонеса было поддержано тогда только профессоромъ Бисли. Всѣ остальные отнеслись къ проекту, какъ къ чистой фантазіи. Вопросъ о minimum'ѣ заработной платы однако крѣпко засѣлъ въ умахъ англійскихъ рабочихъ и былъ формулированъ въ знаменитомъ четверостишіи, сложенномъ въ восьмидесятыхъ годахъ:

Eight hours to work,
Eight hours to play,
Eight hours to sleep
And eight bob a day".

(Восемь часовъ работы, восемь часовъ отдыха, восемь часовъ сна и восемь шиллинговъ въ день). Новая Зеландія первая приступила къ практическому разрѣшенію вопроса о минимальной заработной платѣ, которая установлена была въ двадцати четырехъ отрасляхъ промышленности. Критики этой мѣры, между прочимъ, предсказывали, что minimum заработной платы превратится скоро въ maximum ея. Изъ отчета, выпущеннаго главнымъ фабричнымъ инспекторомъ въ маѣ 1902 г., мы видимъ, что въ іюнѣ 1901 г. minimum заработной платы въ портняжномъ дѣлѣ равнялся 45 шиллингамъ въ недѣлю, а въ 1902 г.—53 шил. и шесть пенсовъ. Minimum заработной платы для женщины въ той же отрасли промышленности поднялся съ 20 шиллинговъ до 22 ш. и 3 п. Такое же явленіе инспекторъ констатируетъ въ другихъ отрасляхъ промышленности [1]).

---

[1]) The New Encyclopaedia of social Reform. New york. Стр. 769—770.

Въ двадцатомъ вѣкѣ какъ либералы, такъ и консерваторы, начинаютъ приходить къ заключенію, что въ установленіи законодательнымъ путемъ minimum'а заработной платы нѣтъ ничего утопическаго, когда дѣло идетъ не объ организованномъ трудѣ, а о такъ называемой, „системѣ выжиманія пота". „Вопросъ этотъ имѣетъ первостепенное значеніе для націи, такъ какъ рабочіе, страдающіе отъ системы выжиманія пота, насчитываются сотнями тысячъ и такъ какъ великая бѣдность ихъ имѣетъ гибельные результаты не только для нихъ, но и для всего общества,—сказалъ въ 1907 г. лордъ Мильнеръ, т. е. главное свѣтило консервативной партіи.—Что мы подразумѣваемъ подъ системой выжиманія пота?—продолжалъ ораторъ. Парламентскій комитетъ, назначенный для изученія вопроса, отвѣчаетъ на это: „Чрезмѣрно низкая заработная плата, очень длинный рабочій день и антисанитарное состояніе мѣста, гдѣ производится работа". Лордъ Мильнеръ указывалъ дальше, что система выжиманія пота, подтачивая жизненныя силы и уменьшая способность къ работѣ сотенъ тысячъ людей, ослабляетъ этимъ все общество. Слабые, изнуренные рабочіе могутъ производить только хилое потомство.

Промышленность, могущая держаться только при помощи дешеваго труда, свидѣтельствуетъ о своей нежизнеспособности. Израсходованный капиталъ долженъ быть пополненъ. А изъ всѣхъ видовъ капитала наиболѣе существеннымъ и необходимымъ является, по словамъ лорда Мильнера, человѣческая энергія, затрачиваемая при производствѣ цѣнностей. Та отрасль промышленности, которая держится на низкой заработной платѣ, не заботится о пополненіи такого рода капитала. Напротивъ, она безпутно расточаетъ человѣческія силы. Она расходуетъ больше человѣческой энергіи, чѣмъ необходимо, и даетъ вознагражденіе, слишкомъ ничтожное сравнительно съ затраченной живой силой. Рабочіе не могутъ жить на ту плату, которую получаютъ, поэтому прозябаютъ, слишкомъ рано старѣютъ и приводятъ на свѣтъ хилыхъ дѣтей, носящихъ на себѣ печать полнаго вырожденія. И такъ какъ заработной платы не хватаетъ на жизнь, то на помощь постоянно должно являться общество. Другими словами, путемъ призрѣнія бѣдныхъ оно постоянно вынуждено исправлять преступленія системы выжиманія пота. Существуй соотвѣтственная отчетность, общество быстро бы убѣдилось изъ нея въ слѣдующемъ: все то, что мы выигрываемъ на дешевомъ товарѣ, изготовленномъ рабочими, получающими низкую заработную плату, ничтожно въ сравненіи съ убытками, причиняемыми обществу системой выжиманія пота. Къ такому результату пришли бы мы, даже если не принять во вниманіе величайшей и незамѣнимой утраты: вырожденія рабочихъ.

Выяснивъ явленіе, лордъ Мильнеръ спрашивалъ: можно ли что-нибудь сдѣлать?

Первое, что можно и должно сдѣлать это—увеличеніе заработной платы законодательнымъ путемъ,—говорилъ онъ. Многіе считаютъ невозможнымъ „взвинтить“ (to screw up) парламентскимъ вмѣшательствомъ низкую заработную плату; они думаютъ, что законодатель не можетъ устанавливать minimum заработной платы. Лордъ Мильнеръ совершенно не согласенъ съ такимъ мнѣніемъ. „Величайшимъ хозяиномъ является государство, имѣющее больше служащихъ, чѣмъ какой-либо другой предприниматель. Но оно вѣдь не опредѣляетъ заработка даже наиболѣе скромныхъ служащихъ своихъ при помощи соперничества между ними. Напротивъ. Государство установило minimum заработной платы для всѣхъ служащихъ. То же самое сдѣлали и муниципалитеты. Ни государство, ни муниципалитеты не находятъ разумнымъ давать жалованье, котораго не хватало бы на жизнь“. Такимъ образомъ,—по словамъ лорда Мильнера,—въ предложеніи, чтобы государство вмѣшалось и опредѣлило законодательнымъ путемъ minimum заработной платы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, нѣтъ ничего исключительнаго или неосуществимаго. Государство обязано сдѣлать для слабыхъ и безпомощныхъ то, что сильныя рабочія организаціи отвоевали уже для себя. „Я не вижу ничего революціоннаго или сюбверсивнаго въ проектѣ установленія minimum'а заработной платы“,—закончилъ лордъ Мильнеръ [1]). Слова эти сказаны въ 1907 г.; но еще въ 1897 г. подобный планъ показался бы и революціоннымъ, и сюбверсивнымъ, не только консерваторамъ, но и многимъ крайнимъ радикаламъ. Послѣ угольной стачки 1912 года обѣ партіи говорятъ о minimum'ѣ заработной платы, какъ о чемъ-то совершенно естественномъ и простомъ. И либералы, и консерваторы выставили теперь требованіе minimum'а заработной платы для сельскихъ рабочихъ.

Поднятіе этого вопроса доказываетъ, между прочимъ, что много соціальныхъ проблемъ подобны горамъ; когда мы наблюдаемъ ихъ издалека, онѣ кажутся совершенно недоступными; но стоитъ приблизиться и внимательно присмотрѣться, чтобы найти довольно удобную дорогу для восхожденія. Конечно, порою оно довольно трудно; но каждый альпинистъ знаетъ, что абсолютно недоступныхъ горъ нѣтъ. Недоступными считались въ свое время и Монбланъ, и Маттергорнъ, и Юнгфрау, на которыя теперь дѣлаются восхожденіе каждое лѣто. Не существуетъ также неразрѣшимыхъ соціальныхъ вопросовъ. Передъ человѣчествомъ есть только одно неустранимое—смерть; все остальное—въ предѣлахъ не только дерзанія, но и достиженія.

Вопросъ о minimum'ѣ заработной платы былъ поднятъ во Франціи во время революціи 1848 г. Когда англійскіе радикалы услышали про него, они сказали, что вопросъ этотъ можетъ обсу-

---

[1]) „British Supplement to the New Encyclopedia of Social Reform“, London, 1908, стр. LXXIX.

ждаться только въ связи съ другимъ вопросомъ, тоже выдвинутымъ революціей 1848 г.: съ *правомъ на трудъ*.

Опредѣлять наименьшую величину рабочей платы будетъ безполезно, если не принять мѣръ, чтобы находилась работа или, по крайней мѣрѣ, рабочая плата для каждаго требующаго,—читаемъ мы въ „Основаніяхъ политической экономіи“ Джона Стюарта Милля.—Это составляетъ необходимую часть плана и принимается многими людьми, несогласными на юридическое или нравственное опредѣленіе наименьшей величины рабочей платы. Въ обществѣ распространено мнѣніе, что на богатыхъ людяхъ или на государствѣ лежитъ обязанность доставлять занятіе всѣмъ бѣднымъ. Если нравственное вліяніе общественнаго мнѣнія не заставляетъ богатыхъ ограничивать свое потребленіе настолько, чтобы дать всѣмъ бѣднымъ работу за „удовлетворительную плату“, то вмѣняется въ обязанность государству установлять для этой цѣли налоги по округамъ или по всему государству. Этимъ способомъ предполагаютъ измѣнить пропорцію между трудомъ и фондомъ рабочей платы въ выгоду работниковъ, не черезъ задержку размноженія, а черезъ увеличеніе капитала. Еслибы это требованіе отъ общества могло быть ограничено нынѣшнимъ поколѣніемъ, — продолжаетъ Милль—еслибы нужно было только обязательное накопленіе, достаточное на снабженіе существующаго числа людей постоянною работою за хорошую плату, то никто не былъ бы такимъ ревностнымъ поборникомъ этого предложенія, какъ я... Но совершенно иное дѣло, когда требуютъ, чтобы люди, которые произвели и накопили капиталъ, воздерживались отъ потребленія, пока снабдятъ пищею и одеждою не только всѣхъ существующихъ нынѣ людей, а также и всѣхъ, которымъ эти люди или ихъ потомки заблагоразсудятъ дать жизнь. Принятіе и исполненіе такого обязательства уничтожило бы всѣ положительныя и предупредительныя задержки размноженію; населеніе стало бы безпрепятственно размножаться со всею возможною быстротою; а естественное возростаніе капитала было бы никакъ не быстрѣе прежняго; поэтому для покрытія возростающаго дефицита налогъ сталъ бы возрастать въ той же гигантской пропорціи, какъ населеніе“. Такимъ образомъ противъ права на трудъ, выставленнаго параллельно съ minimum'омъ заработной платы, Милль имѣлъ въ концѣ сороковыхъ годовъ только одно возраженіе: опасность, что пролетаріатъ начнетъ слишкомъ сильно плодиться.

Прошло шестьдесятъ лѣтъ, покуда рабочіе депутаты въ англійскомъ парламентѣ выразили отвлеченное требованіе въ видѣ конкретнаго билля. Я говорю о „The Right to Work“ Bill, внесенномъ въ парламентъ 11 марта 1908 г. и отвергнутомъ 241 голосомъ противъ 95. Возражавшіе противъ билля не прибѣгали къ аргументу, выдвинутому когда-то Миллемъ. Они говорили только, что лекарство еще хуже той болѣзни, которую оно должно излечить. Сущность билля заклю-

чалась въ томъ, что каждый безработный имѣетъ право требовать, чтобы мѣстныя власти доставили ему или работу по цѣнамъ, опредѣленнымъ трэдъ-юніонами, или деньги, достаточныя для поддержанія рабочаго и его семьи. Законопроектъ вызвалъ страстные дебаты въ парламентѣ. Рамсей Макдональдъ, поддерживая билль, внесенный коммонеромъ Вильсономъ, сказалъ, что вопросъ о безработныхъ впервые разсмотрѣнъ всесторонне въ новомъ законопроектѣ. Подобно законопроекту о легализаціи „пикетированія" во время стачки (Trade Disputes Bill), ставшему закономъ въ 1907 г., билль о правѣ на трудъ поддерживается всѣми англійскими рабочими. Наиболѣе существеннымъ мѣстомъ законопроекта является, по словамъ Рамсея Макдональда, третій параграфъ, гдѣ говорится, что мѣстныя власти *обязаны* доставить безработному подходящее занятіе, оплачиваемое по нормѣ, установленной трэдъ-юніонами. Отъ обязательства поддерживать семью безработнаго мѣстныя власти освобождаются только тогда, когда работникъ откажется отъ предложенной ему работы.

Противъ билля отъ имени министерства выступилъ Джонъ Бернсъ, пытавшійся опровергнуть утвержденіе Макдональда, что законопроектъ вызвалъ глубокое сочувствіе въ странѣ. По словамъ министра, Титтенгэмскій городской совѣтъ, желая выяснить отношеніе населенія Англіи къ биллю, устроилъ своего рода плебисцитъ. И что же оказалось?—сказалъ министръ:—изъ 322 городскихъ совѣтовъ за билль высказались три, изъ 818 сельскихъ совѣтовъ за билль—16, а изъ 657 попечительныхъ комитетовъ (Board of Guardians) лишь одинъ одобрилъ законопроектъ. „Билль—невозможенъ, непрактиченъ, а, кромѣ того, представляетъ собою призракъ и обманъ", — такъ энергично выразился министръ, который, когда былъ рабочимъ, самъ отстаивалъ „The Right to Work", т. е. право каждаго на трудъ. „Вопросъ заключается вотъ въ чемъ,—сказалъ потомъ первый министръ:—собирается ли палата впервые въ исторіи парламента признать принципъ, что общество *обязано* доставить занятіе каждому, нуждающемуся въ немъ, или, если подходящая работа не можетъ быть найдена, поддерживать безработнаго? Если принципъ этотъ будетъ признанъ, онъ приведетъ насъ къ такимъ выводамъ, о которыхъ многіе даже не мечтаютъ". По мнѣнію перваго министра, билль, еслибы онъ осуществился, принесъ бы неисчислимый вредъ прежде всего самимъ рабочимъ. Законопроектъ, какъ я сказалъ, былъ отклоненъ 241 голосомъ противъ 95. Въ меньшинствѣ оказались всѣ рабочіе депутаты и нѣсколько десятковъ радикаловъ [1]).

И, не смотря на отклоненіе билля, врядъ-ли мы ошибемся, сдѣлавъ предсказаніе, что признаніе права на трудъ будетъ одною

---

[1]) См. подробности въ „British Supplement to the new Encyclopedia of Social Reform", стр. CI.

изъ великихъ реформъ недалекаго будущаго. Джонъ Бернсъ сказалъ, что „билль невозможенъ, непрактиченъ и призраченъ“; но сколько такихъ рѣзкихъ и рѣшительныхъ приговоровъ сдѣлано въ прошломъ о политическихъ и соціальныхъ билляхъ, которые уже давно стали законами! Лордъ Солсбри считалъ когда-то „прыжкомъ въ пропасть“ второй билль о реформахъ. Пророки предвѣщали неминуемую гибель Англіи послѣ каждой великой реформы. Десять лѣтъ тому назадъ государственная пенсія для стариковъ казалась неосуществимой мечтой. Теперь законъ этотъ вросъ въ англійскую жизнь и кажется даже страннымъ, что было время, когда старики и старухи не получали свои пять шиллинговъ въ недѣлю. Англія доказываетъ намъ, постороннимъ наблюдателямъ, что при добромъ желаніи и при стремленіи правительства руководствоваться государственными интересами, а не политическимъ озорствомъ, страна можетъ поднять на свои плечи ужасно много...

Вопросъ о введеніи законодательнымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня казался 15 лѣтъ тому назадъ почти такимъ же неосуществимымъ, какъ „Right to work“, т. е. какъ право на трудъ. Теперь къ нему безбоязненно подступаютъ и либералы, и консерваторы.

IX.

Самая крупная реформа, стоящая теперь на очереди, это — земельная. Я говорилъ уже въ *„Русскомъ Богатствѣ“* о томъ, что разрѣшеніе земельнаго вопроса занимаетъ не только радикаловъ. Не смотря на то, что главными столпами консервативной партіи являются помѣщики, не могущіе спокойно слышать даже слово „земельная реформа“,—тори *вынуждены* включить въ свою программу надѣленіе землей сельскихъ работниковъ. Въ ближайшемъ будущемъ я собираюсь познакомить читателей подробно съ эфиціальными отчетами, выпущенными министерствомъ земледѣлія, поэтому теперь ограничусь нѣсколькими словами. Въ своей рѣчи, произнесенной зимой этого года въ Pwllheli (въ Валисѣ), Ллойдъ-Джорджъ констатируетъ слѣдующіе факты. На каждые двадцать шиллинговъ, расходуемыхъ фермеромъ въ видѣ заработной платы, онъ даетъ 25 шиллинговъ помѣщику въ видѣ ренты. „Каждый здравомыслящій и правильно разсуждающій человѣкъ согласится, что на наибольшую долю отъ продуктовъ земли имѣетъ право производитель цѣнностей“,—сказалъ министръ финансовъ. „При самомъ справедливомъ отношеніи къ помѣщику—продолжалъ онъ — нельзя не признать, что въ земледѣліи лэндлордъ имѣетъ такое же значеніе, какъ цѣпочка при часахъ“. Въ томъ проектѣ, который выработанъ теперь министерствомъ, интересы паразитовъ отодвинуты на послѣдній планъ. Прежде всего правительство интересуется судьбой сельскихъ работниковъ, участь

которыхъ оно желаетъ измѣнить къ лучшему. Имѣется въ виду созданіе цѣлаго ряда мелкихъ фермерскихъ хозяйствъ, при чемъ правительство построитъ на усадебной землѣ коттеджи. Министръ финансовъ, опираясь на факты, собранные офиціальными отчетами, доказывалъ, что больше невозможно оставлять земельный вопросъ въ томъ положеніи, въ какомъ онъ пребываетъ теперь. Послѣдняя перепись доказываетъ, что населеніе въ Соединенномъ Королевствѣ увеличивается не въ такой значительной пропорціи, какъ констатируется прежними переписями. Приростъ населенія въ 21 промышленномъ графствѣ, напримѣръ, представляетъ 11,8%, тогда какъ по переписи 1901 года—13,4%. Но въ земледѣльческихъ графствахъ, помимо этого пониженія естественнаго прироста, наблюдается еще усиленное выселеніе. Сельскіе работники эмигрируютъ теперь не столько въ большіе города, какъ раньше, сколько за океанъ, въ Канаду, гдѣ ищутъ землю.

Консерваторы называютъ опасной „демагогіей" аграрныя рѣчи Ллойдъ-Джорджа, но сами тоже вынуждены обѣщать земельныя реформы. Въ настоящій моментъ лорды обсуждаютъ билль объ увеличеніи заработка сельскихъ рабочихъ. Законопроектъ этотъ внесенъ въ верхнюю палату лордомъ Солсбри. По увѣренію докладчика, вопросъ о заработной платѣ, какъ и другія подробности аграрнаго вопроса, могутъ быть обсуждаемы съ пользою только въ спокойной атмосферѣ верхней палаты. Кромѣ того, только здѣсь есть спеціалисты, изучившіе земельный вопросъ въ собственныхъ помѣстьяхъ. Лордъ Лильфордъ, говорившій вслѣдъ за лордомъ Солсбри, заявилъ: „Всѣ партіи согласны теперь съ тѣмъ, что большія аграрныя реформы необходимы". Старые тори, впрочемъ, не идутъ дальше попытки возрожденія класса крестьянъ-собственниковъ, причемъ необходимая земля должна быть выкуплена „по вольной цѣнѣ" у помѣщиковъ. Повидимому, немало помѣщиковъ, не знающихъ, что дѣлать теперь со своими торфяниками и верещаками, ждутъ не дождутся того времени, когда сбудутъ ихъ „по вольной цѣнѣ", т. е. по тройной стоимости, государству. Аграрные планы консерваторовъ изложены лучше всего у Джесса Коллингса [1]). Авторъ—удалившійся на покой коммонеръ, бывшій всегда вѣрнымъ товарищемъ Джозефа Чэмберлэна, приходитъ въ ужасъ отъ „соціалистическихъ замысловъ правительства" въ области земледѣлія. Разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса можетъ быть, по мнѣнію Джесса Коллингса, только появленіе класса крестьянъ - собственниковъ. Старый коммонеръ (ему теперь за восемьдесятъ) доказываетъ своимъ единомышленникамъ, что частичная реформа не принесетъ никакой пользы. Необходимы широко задуманные и смѣло выполнен-

---

[1]) The Colonization of Rural Britain: A Complete Scheme for Regeneration of British Rural Life. By the Right Hon. Jesse Collings. 2 т.т.

ные планы. Джессъ Коллингсъ скорбитъ о томъ, что сельское духовенство (надо помнить, что въ Англіи сельскіе священники, большею частью, младшіе сыновья, братья или племянники лордовъ и сквайровъ) враждебно отнеслось тридцать лѣтъ тому назадъ къ движенію среди сельскихъ рабочихъ, созданному Джозефомъ Арчемъ. Пойми оно важность движенія и используй его, духовенство явилось бы теперь политическимъ вождемъ англійской деревни. Въ дѣйствительности же англиканское духовенство не пользуется теперь никакимъ моральнымъ авторитетомъ у „ходжа“ (сельскихъ работниковъ).

Въ своей книгѣ «The Social Unrest», о которой я говорилъ въ прошлой статьѣ, Рамсей Макдональдъ указываетъ на конфликты экономическій и моральный (по терминологіи автора) въ современномъ обществѣ. Съ одной стороны, мы имѣемъ столкновеніе интересовъ капиталиста, рабочаго и потребителя, а съ другой—споръ о томъ, что болѣе важно для современнаго человѣка: экономическіе ли интересы или вопросы о душѣ. Покуда идетъ этотъ споръ, подъ ногами содрогается почва, такъ какъ все время въ глубинѣ дѣйствуютъ революціонныя силы, проявляющіяся теперь постоянно. Передъ нами острое столкновеніе сторонниковъ двухъ экономическихъ системъ. Передъ нами рядъ доказательствъ, что старая система требуетъ радикальнаго обновленія. „Лавы“ накопилось такъ много, что только почти идеальный политическій строй спасаетъ страну отъ страшнаго изверженія. Случись событія, всколыхнувшія англійское общество въ 1910-12 годахъ (т. е. рядъ грандіозныхъ стачекъ), въ любой другой странѣ, на улицахъ уже сражались бы. „Только тѣ, которые близко соприкасаются съ трэдъ-юніонами, знаютъ, какъ велика была опасность гражданской войны въ августѣ 1911 года. Революція неминуемо произошла бы, еслибы желѣзнодорожная стачка продолжалась еще недѣлю“. Такъ говоритъ Рамсей Макдональдъ. Но, такъ какъ во главѣ англійскаго правительства стоятъ государственные люди, а не политическіе озорники, соображающіеся только съ тѣмъ, чтобы возможно больше насолить своимъ противникамъ, то неминуемый взрывъ каждый разъ предупреждается смѣлой и грандіозной реформой.

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

1. Походъ на Думу.—2. Промышленники и министры о больничныхъ кассахъ. — 3. Мартовскія тревоги. — 4. Трезвенность сверху. — 5. Трезвенность внизу.—6. Нѣкоторыя особенности современнаго противоалкогольнаго движенія въ деревнѣ.

Приблизительно съ половины марта совершенъ цѣлый рядъ подвиговъ. Они слѣдовали одинъ за другимъ,—почти непрерывно. Сначала заявили, что Дума не имѣетъ права предъявлять запросы предсѣдателю совѣта министровъ. Затѣмъ оказалось, что она не имѣетъ права запрашивать и генералъ-прокурора. Потомъ въ Государственномъ Совѣтѣ объявили „опечаткой" заголовокъ разсмотрѣннаго Думой законопроекта, исправили „опечатку", и въ такомъ исправленномъ видѣ, безъ вѣдома Думы, законопроектъ получилъ дальнѣйшее движеніе и опубликованъ, какъ законъ. Затѣмъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія бар. Таубе объявилъ, что Дума не имѣетъ права разсматривать выработанные ею законопроекты, если правительство согласилось составить ихъ. Все это вызвало протесты и возраженія. „Походъ на Думу" вызвалъ осужденіе даже въ „Новомъ Времени". Націоналистическій „Кіевлянинъ" высказалъ осужденіе натиску на „права народнаго представительства". Въ цѣломъ рядѣ статей онъ, между прочимъ, убѣдительно доказывалъ, что аргументація бар. Таубе, направленная противъ законодательной иниціативы Государственной Думы, юридически безграмотна и политически недопустима. „Разъясненіе" барона Таубе въ общемъ засѣданіи Думы не нашло поддержки — по крайней мѣрѣ, явной—даже со стороны правыхъ. Словомъ,—казалось бы, правительство въ предпринятомъ „походѣ на Думу" одиноко, „приведено къ изоляціи".

Тѣмъ не менѣе походъ продолжается. Ко дню возобновленія сессіи послѣ пасхальныхъ вакацій получила огласку и еще одна новость: совѣтъ министровъ постановилъ привлечь къ отвѣтственности по 129 ст. уголовнаго уложенія депутата Чхеидзе за рѣчь, произнесенную въ общемъ засѣданіи Думы. Вообще совѣтъ министровъ рѣшилъ, что „разница между депутатами и обыкновенными россійскими подданными лишь въ порядкѣ уголовной отвѣтственности".

Внѣ Думы депутаты за свои выступленія отвѣтственны передъ обычными судебными установленіями, за рѣчи же, произнесенныя съ думской трибуны, они судятся верховнымъ уголовнымъ судомъ.

Такое рѣшеніе—писали „Русскія Вѣдомости" (16. IV)—есть

„антиконституціонный актъ совершенно исключительнаго значенія, съ которымъ можно поставить рядомъ по важности лишь актъ 3 іюня".

„Сравнительно не яркая, не бьющая въ глаза юридическая форма“, въ какую можетъ быть облеченъ этотъ шагъ, „не должна вводить въ заблужденіе относительно его истиннаго значенія. Всякія иллюзіи въ этомъ отношеніи были бы неумѣстны и пагубны. Безъ парламентской свободы рѣчи не можетъ быть парламента“.

Быть можетъ, эта оцѣнка, юридически правильная, требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ съ точки зрѣнія политической. 3 іюня рѣчь шла о замѣнѣ народнаго представительства, хотя и уродливо организованнаго, преобладающимъ представительствомъ имущественныхъ и узко-сословныхъ группъ. Теперь у псевдо-народнаго представительства, уже показавшаго свою неспособность къ государственному творчеству, отбираютъ важнѣйшее изъ парламентскихъ правъ. Такимъ образомъ объекты правительственнаго дѣйствія въ смыслѣ политическомъ существенно различны. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, свободу сужденій отбираютъ у Думы, какъ фактъ. Отъ свободы сужденій, какъ юридической нормы, еще большинство III Думы почти само отказалось во время привлеченія депутатовъ къ судебной отвѣтственности по частной жалобѣ члена той же Думы г. Гололобова: однѣ группы этого большинства не протестовали и не возражали противъ привлеченія, другія даже привѣтствовали, третьи, хотя и казались смущенными, но не пытались использовать возможныя средства защиты. Представительство 3 іюня жнетъ посѣянное имъ самимъ. Это—расплата. Но она, дѣйствительно, подобна политической смерти. И не мудрено, что почти всѣ думскія фракціи, за исключеніемъ тѣхъ, которыя сознательно стремятся къ „отмѣнѣ“ манифеста 17 октября въ порядкѣ государственнаго переворота, почувствовали тревогу. А нѣкоторые депутаты отправились, по своему обычаю, поговорить съ начальствомъ... Поговорили съ предсѣдателемъ совѣта министровъ. Г. Горемыкинъ высказался въ томъ смыслѣ, что противъ закона ничего не подѣлаешь:

Хотя онъ, г. Горемыкинъ, и самъ юристъ, но вопросъ о привлеченіи Чхеидзе былъ переданъ на разсмотрѣніе другихъ юристовъ, болѣе компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ. Совѣщаніе юристовъ и рѣшило...

Пошли къ министру внутреннихъ дѣлъ. Тотъ „прежде всего высказалъ удивленіе“. Онъ удивленъ „шумомъ, поднятымъ въ печати по дѣлу Чхеидзе и единодушіемъ всей Думы, о которомъ онъ узналъ изъ газетъ“. Удивленъ потому, что о привлеченіи хоть кого-либо изъ депутатовъ соціалъ-демократической фракціи его, г. Маклакова, просили сами же члены Думы. Просили правые, просили и „стоящіе ближе къ центру“. И не только просили,

неоднократно съ возмущеніемъ говорили:

— Почему министерство внутреннихъ дѣлъ не привлекаетъ депутатовъ крайней лѣвой къ отвѣтственности за произнесеніе ими возмутительныхъ рѣчей?

Нѣкоторымъ депутатамъ принадлежитъ мысль, что разъясненіе сената

по дѣлу Кузнецова (начатому по жалобѣ Гололобова) даетъ полную возможность привлечь соціалъ-демократовъ, когда они выступаютъ въ Думѣ съ революціонными рѣчами.

Министръ внутреннихъ дѣлъ въ силу извѣстнаго ему настроенія по этому поводу части Государственной Думы посовѣтовался съ министромъ юстиціи, который, съ своей стороны, призналъ, что, на основаніи закона, можно и должно привлечь Чхеидзе. Тогда оба министра и подняли въ совѣтѣ министровъ вопросъ... („Русское Слово", 17. IV).

Почему именно на соціалъ-демократахъ остановился выборъ? Не только потому, что они лѣвые. Сказались отчасти обстоятельства историческія. Въ мартѣ особенную остроту получилъ рабочій вопросъ, были разныя волненія... Выступленія депутатовъ соціалъ-демократической фракціи въ это время,

по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, предпринимались съ исключительной цѣлью поддержать охватившее Петербургъ забастовочное движеніе. Это было очевидно, по словамъ г. Маклакова, и для нѣкоторыхъ умѣренныхъ думскихъ группъ, которыя жаловались на то, что соціалъ-демократы открыто заявляютъ, что они говорятъ не для Думы, а черезъ голову Думы для рабочихъ.

Правительство услышало жалобы и отнеслось къ нимъ уважительно. И нѣтъ основанія волноваться по этому поводу.

Члены Думы правыхъ и умѣренныхъ фракцій хорошо знаютъ, что правительство никому не намѣрено зажимать ротъ и отнюдь не желаетъ посягать на свободу депутатскаго слова. Мѣра эта направлена исключительно противъ крайнихъ лѣвыхъ и впредь будетъ примѣняться лишь къ тѣмъ группамъ, которыя, по собственнымъ ихъ словамъ, пришли въ Государственную Думу съ цѣлью использовать думскую трибуну въ агитаціонномъ смыслѣ. (Тамже).

Просили, требовали у министровъ. А сверхъ того, вели соотвѣтствующую кампанію въ своей прессѣ. И не только въ такихъ органахъ, какъ „Земщина" и Голосъ Руси", велась кампанія. Беру, напр., „Кіевлянинъ", органъ члена Государственной Думы Шульгина,—того самаго, который по дѣлу Бейлиса и т. д. Эта газета, какъ мы знаемъ, „защищаетъ конституцію", возражаетъ противъ „похода на право народнаго представительства". Но вотъ № 19 марта. Передовая статья посвящена баснямъ о преступныхъ „элементахъ", отравляющихъ рабочихъ съ цѣлью вызвать волненія и забастовки. Передовикъ старается доказать достовѣрность этой нелѣпицы и пишетъ:

Въ такихъ элементахъ у насъ не было и нѣтъ недостатка съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ періодъ „обновленнаго строя" и имѣемъ въ лицѣ думскихъ соціалистовъ организованную группу агитаторовъ, такъ сказать, на казенный счетъ и подъ прикрытіемъ депутатской неприкосновенности.

Если и это неясно, то передовикъ „Кіевлянина" можетъ высказаться и еще яснѣе.

эсъ-деки и трудовики Государственной Думы—пишетъ онъ 21 марта—ведутъ широкую игру на пониженіе престижа правительства и на возможное поднятіе революціоннаго настроенія рабочихъ массъ.

Въ передовой отъ 24 марта читаемъ разсужденія о тѣхъ „безсовѣстныхъ людяхъ",

которые вотъ уже сколько времени подбиваютъ рабочихъ на забастовки, вызываютъ среди нихъ смуту всевозможными способами, вплоть до химическихъ обструкцій...

Наконецъ, въ передовой статьѣ 26 марта прямо говорится о „думскихъ соціалистахъ, какъ подстрекателяхъ рабочаго движенія"; „подъ вліяніемъ" ихъ „рѣчей и соотвѣтственныхъ дѣйствій, отчасти прикрываемыхъ депутатской неприкосновенностью, рабочіе... выступаютъ организованной массой и дружно объявляютъ забастовку"... И „власти теперь предстоитъ показать, находится ли она на высотѣ положенія"...

Власть не замедлила показать, что она находится на высотѣ положенія... И между заслугами право-октябристскаго большинства третьей и четвертой Думы устанавливается такимъ образомъ преемственность. Въ III Думѣ оно почти само отказалось отъ свободы сужденій, какъ отъ юридической нормы. Въ IV Думѣ значительная часть большинства сама требовала или помогала упразднить свободу сужденій, какъ фактъ. Причемъ помогали упразднять и такіе сторонники правового строя, какъ г. Шульгинъ.

Изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, при какихъ обстоятельствахъ сложилось столь, казалось бы, невѣроятное сочетаніе.

II.

Въ мартѣ правительство получило особенно много огорченій по рабочему вопросу. На сей разъ огорченіе причинили даже промышленники. Они „произвели выступленіе", аналогичное тому, какое сдѣлали рабочіе петербургскихъ фабрикъ и заводовъ въ прошломъ году, посылая особую депутацію къ министру торговли и промышленности. Напомню вкратцѣ, что эта рабочая депутація просила министра обратить вниманіе, при какихъ невозможныхъ условіяхъ проводятся въ жизнь новые страховые законы, и оказать возможное содѣйствіе. Сами по себѣ законы эти очень сложны и спеціальны. Между тѣмъ рабочіе очень часто лишены возможности обсудить ихъ или хотя бы выслушать компетентный юридическій докладъ—„полиція не позволяетъ". Во многихъ случаяхъ лишь на тайныхъ кружковыхъ совѣщаніяхъ можно намѣтить кандидатовъ для избранія въ правленія и присутствія, учреждаемыя по новому закону. Нерѣдко намѣченныя лица подвергаются аресту прежде, чѣмъ ихъ избраніе оформлено. И послѣ избранія обыски и аресты—обычное явленіе. Мѣстами избрать уполномочен-

наго въ больничную кассу или въ страховое присутствіе значитъ навѣрняка послать человѣка въ тюрьму, „на основаніи охраны", а, можетъ быть, въ административную высылку или даже ссылку... Между тѣмъ механически идутъ взносы и вычеты. По одному только страхованію накопляются въ общей сложности десятки милліоновъ рублей. Достояніе для рабочихъ огромное. Но установить планомѣрное и законное распоряженіе этимъ достояніемъ невозможно... Собственно говоря, такъ поступаютъ съ избранными не только во исполненіе страховыхъ законовъ. Судьба, напр., выборщиковъ по рабочей куріи въ Государственную Думу ничуть не лучше: съ иными расправляются еще до окончанія выборовъ, для другихъ возмездіе наступаетъ послѣ избранія депутата (недавно печать отмѣтила, что изъ выборщиковъ рабочей куріи по Московской губерніи уцѣлѣлъ только членъ Думы,—всѣ остальные устранены въ порядкѣ репрессій). Не лучше судьба многихъ рабочихъ, которые избираются на тѣ или иныя должности общими собраніями профессіональныхъ союзовъ. То же самое нерѣдко происходитъ и съ избранными по спеціальному предложенію властей,—напр., для переговоровъ съ работодателемъ объ условіяхъ ликвидаціи забастовки. Но это—общій вопросъ. А рабочіе обращались къ министру торговли и промышленности по спеціальному поводу: страховые законы проводятся въ жизнь подъ руководствомъ даннаго министерства, до извѣстной степени оно отвѣтственно за организацію страховыхъ и больничныхъ кассъ, а между тѣмъ дѣйствія полиціи вносятъ явную дезорганизацію... Г. Тимашевъ, по свѣдѣніямъ „Русскаго Слова", выслушалъ,

признал, что указанное рабочими, дѣйствительно, вредно отражается на организаціи страховыхъ кассъ, но заявилъ, что вмѣшиваться въ дѣйствія администраціи не можетъ. А присутствовавшій при пріемѣ управляющій отдѣломъ промышленности г. Литвиновъ-Фалинскій сообщилъ, что онъ уже обращался по этому поводу въ петербургское градоначальство отъ имени фабричной инспекціи, но тамъ отказались отъ всякихъ объясненій. Все-таки г. Тимашевъ обѣщалъ снестись съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Надо полагать, министръ торговли исполнилъ обѣщаніе,—„снесся". Но дѣйствія министерства внутреннихъ дѣлъ ни мало не измѣнились. Представители рабочихъ въ Думѣ испробовали другой путь.

Оппозиція—напоминаетъ, напр., „Русское Слово" (7. III)—не разъ пыталась обратить вниманіе Государственной Думы на опасность усвоенныхъ администраціей пріемовъ въ отношеніи рабочаго страхованія. Вносились запросы. Но думское большинство равнодушно отмахивалось отъ нихъ.

Не забудемъ, что страховые законы проведены черезъ III Думу. Октябристская печать неоднократно съ гордостью указывала на нихъ, какъ на „доказательство", что думскія работы не безплодны. Плодъ оказывается однако хуже, чѣмъ обѣщало самое содержаніе

законовъ. Одно вѣдомство формально вводитъ ихъ; другое такъ усердно охраняетъ порядокъ, что они фактически не могутъ дѣйствовать. Большинство въ законодательныхъ учрежденіяхъ по всему этому „равнодушно"?.. Что же дѣлать населенію?

Пошли забастовки протеста противъ дѣйствій полиціи по поводу введенія новаго закона и, въ частности, противъ систематическихъ арестовъ, которымъ подвергаются избранные рабочими уполномоченные. Отчасти волненія и побудили выступить—въ концѣ февраля и въ началѣ марта—самихъ промышленниковъ. Московское общество фабрикантовъ и заводчиковъ, а затѣмъ и совѣтъ съѣздовъ промышленности и торговли обратились уже прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ „съ ходатайствомъ о прекращеніи массовыхъ арестовъ членовъ больничныхъ кассъ". Промышленникамъ въ данномъ случаѣ не было надобности прикидываться „защитниками рабочаго класса". Въ кассахъ, учреждаемыхъ по новому закону, они участвуютъ крупными денежными суммами, несомнѣнно заинтересованы въ томъ, чтобы новыя учрежденія имѣли возможность дѣйствовать; сверхъ того, имъ желательно устранить одну изъ очень острыхъ причинъ, вызывающихъ волненія и забастовки... Министръ внутреннихъ дѣлъ принялъ делегацію промышленниковъ и, по словамъ газетъ, „внимательно отнесся" къ ея жалобамъ и ходатайствамъ. Затѣмъ въ мартѣ черезъ „Петербургскій Курьеръ" сообщалось,

что вопросъ о цѣлесообразности этихъ арестовъ вызываетъ разногласіе въ руководящихъ кругахъ министерства внутреннихъ дѣлъ и на ходатайство о прекращеніи послѣдуетъ отвѣтъ въ благопріятномъ смыслѣ.

Офиціальнаго отвѣта мы не знаемъ. А за офиціозный отвѣтъ, подкрѣпленный ссылками на правительственные источники, можетъ быть принято слѣдующее сообщеніе „Новаго Времени", напечатанное 21 марта.

По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ оказывается, что иногда забастовки вызываются искусственно работодателями. Напримѣръ, извѣстны случаи, когда поводы къ забастовкѣ создавались фабрикантами, желающими почему-либо сохранить размѣры своего производства или распустить прежнихъ рабочихъ и произвести наборъ новыхъ, на болѣе выгодныхъ для предпріятія условіяхъ. Равнымъ образомъ извѣстно, что недобросовѣстные предприниматели, предвидящіе невозможность для себя выполнить принятыя на себя срочныя обязательства, прибѣгали къ искусственному возбужденію забастовокъ, чтобы оправдать ими свою неисправность передъ заказчиками.

...Во всякомъ же случаѣ, нельзя также упустить изъ виду, что возбужденіе среди рабочаго населенія забастовокъ и стачекъ является очень часто дѣломъ подпольной агитаціи революціонныхъ партій... Нужно отмѣтить также агитацію лѣвыхъ органовъ печати...

За судьбу больничныхъ и страховыхъ кассъ министерство внутреннихъ дѣлъ не отвѣтственно, — это относится къ другому вѣдомству. Но предположеніе, будто дѣйствія полиціи волнуютъ ра-

бочихъ, совершенно неосновательно. Представьте, напр., что такая же тактика примѣнена къ акціонерамъ любого предпріятія или кредитнаго учрежденія. Акціонеры выберутъ правленіе, а полиція „въ интересахъ цѣлесообразности" всѣхъ выборныхъ арестуетъ; акціонеры выберутъ новое правленіе а полиція снова арестуетъ... Развѣ столь „цѣлесообразная" система способна хоть въ какой-либо мѣрѣ вредить акціонерамъ и волновать ихъ? Практическій же результатъ „ходатайствъ" таковъ: обыскивали и арестовывали избранныхъ рабочими уполномоченныхъ и продолжаютъ обыскивать и арестовывать, высылали и ссылали административнымъ порядкомъ и продолжаютъ высылать и ссылать. Промышленники утверждаютъ, что во многихъ случаяхъ этимъ репрессіямъ часто подвергаются уполномоченные безъ всякой вины,—ихъ караютъ „именно за то и только за то, что они облечены довѣріемъ избирателей". Это до „ходатайства". О порядкахъ послѣ ходатайства можно бы предъявить немалый фактическій матеріалъ. Но, мнѣ кажется, достаточно привести на справку хотя бы слѣдующую замѣтку „Русскихъ Вѣдомостей" (1. IV):

Въ административномъ порядкѣ изъ Петербурга высылаются члены правленія путиловской больничной кассы Кононовъ и Алексѣевъ и уполномоченные Афанасьевъ, Андреевъ, Аристовъ, Пушкарь и бывшій членъ первой Думы Субботинъ. У высылаемыхъ нѣсколько дней назадъ были произведены безрезультатные обыски. Въ постановленіи высылка мотивируется предосудительной политической дѣятельностью этихъ лицъ. Высылка участниковъ кассы вызвала большое волненіе среди рабочихъ Путиловскаго завода. На собраніяхъ по мастерскимъ они постановили обратиться къ администраціи завода съ заявленіемъ, чтобы та содѣйствовала отмѣнѣ высылки...

Доискиваться, какая можетъ быть вина у людей, высылаемыхъ на основаніи охраны послѣ безрезультатныхъ обысковъ, безполезно. Такія мѣры пресѣченія обычно примѣняются „за отсутствіемъ уликъ и доказательствъ", достаточныхъ хотя бы только для возбужденія дѣла объ административной ссылкѣ, а дѣла о ссылкахъ обычно возбуждаются, когда нѣтъ основаній, достаточныхъ для суда.

Единственная въ своемъ родѣ картина: организованные капиталисты просятъ министра, чтобы полиція не мѣшала дѣйствію законовъ и не волновала рабочихъ; министръ какъ будто обѣщаетъ содѣйствіе, а затѣмъ вступаетъ въ силу „макаровскій законъ": такъ было, такъ будетъ; и дѣло кончается еще однимъ нагляднымъ урокомъ. Даже для промышленниковъ встаетъ вопросъ: гдѣ же выходъ? Къ кому еще обратиться съ ходатайствомъ? Для рабочихъ этотъ новый урокъ особенно краснорѣчивъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не безъ основанія указываетъ, что иногда заводчики провоцируютъ рабочихъ, искусственно вызывая волненія и забастовки. Навѣрное, министерству извѣстны и другіе секреты

полишинеля. Нѣкоторые изъ нихъ напомнила, напр., „Кіевская Мысль“ (14.III), отзываясь на „ходатайство“ промышленниковъ.

Въ отвѣтъ на жалобы совѣта съѣздовъ—писала она—охранное вѣдомство можетъ указать на то, что достойнѣйшихъ изъ рабочей среды капиталисты сами выкидываютъ за ворота фабрики съ цинизмомъ, не прикрытымъ даже соображеніями объ общественномъ порядкѣ. А рабочіе могли бы сказать, что иммунитетъ для ихъ представителей въ страховыхъ учрежденіяхъ одинаково необходимъ для огражденія ихъ, какъ отъ произвола охраны, такъ и отъ произвола фабрикантовъ.

Инициатива выступленія исходитъ отъ московскаго общества фабрикантовъ и заводчиковъ. А это общество сумѣло придать больничнымъ кассамъ желательный фабрикантамъ видъ безъ всякихъ уступокъ рабочимъ. Больничныя кассы превращены въ учрежденія при фабричной конторѣ и за право снимать собственныя помѣщенія внѣ фабричнаго корпуса, какъ и за право самимъ нанимать служащихъ, московскимъ рабочимъ придется вести упорную борьбу. Можно навѣрное сказать, что такихъ успѣховъ фабриканты не могли бы достичь, еслибы охранный терроръ не подготовлялъ почву для организованнаго натиска на распыленныхъ рабочихъ.

Массовые аресты разрушаютъ то „компромиссное рѣшеніе“, котораго фабриканты и заводчики добились не безъ борьбы, но съ большой выгодой для себя. Быть можетъ, отчасти поэтому они и жалуются. Но какъ быть рабочимъ,—что дѣлать, если фабрикантъ „вышвыриваетъ за ворота“ ихъ уполномоченнаго, который пытается отстаивать интересы своихъ избирателей? Жаловаться фабричному инспектору? Допустимъ лучшій случай: фабричная инспекція защищаетъ интересы труда. Но вѣдь фабриканту стоитъ лишь сказать одно слово, и если не явная полиція, то любой охранникъ (много ихъ околачивается на заводахъ) дастъ, куда слѣдуетъ, какія угодно агентурныя свѣдѣнія. Строптивецъ все-таки будетъ „убранъ“, но уже мѣрами полиціи. И тогда не только фабричный инспекторъ,—самъ министръ торговли въ отвѣтъ на жалобы рабочихъ сможетъ лишь безпомощно развести руками. Организованная, такъ сказать, парламентарная борьба невозможна: во-первыхъ, организаціи не допускаются, уничтожаются даже тѣ изъ нихъ, какія были допущены въ прежніе годы; во-вторыхъ, рабочая масса лишена необходимѣйшаго органа коллективной мысли и парламентарной массовой борьбы, — нѣтъ своей печати, для общей прессы многіе насущные рабочіе вопросы и нужды слишкомъ спеціальны; а спеціальную рабочую прессу всѣ виды цензуры объявляютъ революціонной, а потому и подлежащей искорененію. Наконецъ, какой смыслъ бороться съ фабрикантомъ, если заранѣе предопредѣлена обычная участь избранныхъ рабочими уполномоченныхъ? Пусть даже фабрикантъ не тронетъ, — охрана все равно распорядится.

И характерно: Дума остается въ сторонѣ отъ движеній, обусловленныхъ этой злободневной и въ данное время острой частностью рабочаго и промышленнаго быта. Мало того, — право-

октябристское большинство помогаетъ заглушать сужденія объ этой частности, поддерживать „равнодушное“ къ ней отношеніе. А значительная часть большинства явно и организованно поддерживаетъ невѣжественную и вредную теорію, будто рабочія движенія и волненія происходятъ единственно отъ агитаторовъ. Съ думской трибуны и въ своей прессѣ различныя группы большинства стараются увѣрять, что у рабочихъ нѣтъ резонныхъ причинъ волноваться и быть недовольными. И опять—не одни правые этимъ занимаются. Въ томъ же конституціонно-націоналистическомъ „Кіевлянинѣ“ печатались въ минувшемъ мартѣ такія, напр., тирады:

> Положеніе рабочихъ по сравненію съ недавнимъ прошлымъ замѣтно улучшилось и продолжаетъ быстро прогрессировать въ положительную сторону. Возросъ заработокъ, измѣнились (къ лучшему) условія труда... Сами рабочіе сознаютъ, что дѣятельность фабричной инспекціи, ея надзоръ за внутренними заводскими распорядками выше всякой похвалы; несчастій съ рабочими въ петербургскомъ районѣ бываетъ меньше, чѣмъ въ Берлинѣ, Льежѣ... Врачебная помощь, страхованіе, обученіе дѣтей на фабрикахъ нисколько не ниже, чѣмъ заграницей, и правительство въ этомъ отношеніи всегда стояло и стоитъ на сторонѣ трудящихся...

Нуженъ особый талантъ, чтобы съ такимъ апломбомъ игнорировать даже тѣ жалобы, которыя поддерживаются московскимъ обществомъ фабрикантовъ и заводчиковъ и совѣтомъ съѣздовъ промышленности и торговли.

III.

Отъ жалобъ, принесенныхъ промышленниками, отдѣлались не безъ конфуза, но довольно просто. Съ мартовскими выступленіями рабочихъ, особенно настойчивыми въ петербургскомъ районѣ, вышло сложнѣе. Взволнованное настроеніе рабочихъ на сей разъ прорвалось наружу изъ-за бывшаго въ самомъ началѣ марта „частнаго“ совѣщанія министровъ съ представителями думскихъ фракцій по поводу военныхъ ассигнованій. На совѣщаніе, по соглашенію между правительствомъ и президіумомъ Думы, не были приглашены соціалъ-демократы и трудовики,—какъ разъ тѣ группы, которыя проявляютъ наибольшую отзывчивость къ нуждамъ рабочихъ. Это вызвало съ 4 марта въ цѣломъ рядѣ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ однодневныя забастовки протеста. Можно бы надѣяться, что предпраздничное время не дастъ развернуться движенію и оно ограничится кратковременной вспышкою. Но администрація сразу же приняла ужь очень энергическія мѣры пресѣченія. Побудительныя причины къ чрезвычайной энергіи стали извѣстны лишь впослѣдствіи. О нихъ въ „Рѣчи“ (16.IV) была напечатана такая фактическая справка. Департаментъ полиціи „еще въ прошломъ году“ пришелъ къ выводу, что

забастовки, хотя бы возникшія по экономическимъ причинамъ, ведутъ къ объединенію рабочихъ... На этомъ основаніи департаментъ нашелъ необходимымъ немедленно озаботиться принятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ. Въ первую голову былъ выдвинутъ вопросъ о репрессіяхъ за забастовки, независимо отъ причинъ возникновенія ихъ. Въ этомъ отношеніи было признано желательнымъ поставить на очередь вопросъ о возстановленіи отмѣненныхъ статей уложенія о наказаніяхъ, карающихъ за стачки и забастовки въ фабрично-заводскихъ и торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ. Далѣе, департаментомъ полиціи были составлены одинъ за другимъ, а затѣмъ и разосланы... два циркуляра, въ которыхъ было указано на необходимость послѣдовательной и самой энергичной борьбы... и предлагалось немедленно обсудить, а затѣмъ и провести на практикѣ соотвѣтствующія, найденныя необходимыми или удобными по мѣстнымъ условіямъ мѣропріятія. Объ этихъ циркулярахъ *ни одно изъ вѣдомствъ, а въ томъ числѣ и министерство торговли и промышленности, котораго они непосредственно касались, увѣдомлено департаментомъ полиціи не было* (курсивъ мой,—*А. П.*).

На основаніи циркуляровъ были совѣщанія, вырабатывались мѣры, намѣчались планы... По словамъ освѣдомителя „Рѣчи", лишь случайно объ этой работѣ узналъ одинъ изъ старшихъ фабричныхъ инспекторовъ (въ Херсонѣ). По долгу службы, онъ увѣдомилъ мѣстнаго губернатора, что мѣры, предпринимаемыя на основаніи циркуляровъ департамента полиціи, „противорѣчатъ дѣйствующему закону, соотвѣтствующимъ статьямъ устава промышленнаго и правиламъ фабричнаго надзора". Обо всемъ этомъ тотъ же херсонскій старшій фабричный инспекторъ рапортомъ довелъ до свѣдѣнія министра промышленности и торговли. Что за симъ послѣдовало,—неизвѣстно. Но поднятъ и, кажется, рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о созывѣ „особаго совѣщанія по борьбѣ съ забастовочнымъ движеніемъ среди рабочихъ"...

Все это, повторяю, раскрылось впослѣдствіи. А въ началѣ марта было видно лишь, что администрація дѣйствуетъ со всею непреклонностью, какую только способны подсказать незыблемыя представленія департамента полиціи о массовой психологіи и о спасительности репрессій. Къ этому присоединилась „эпидемія отравленій". Она началась еще въ ноябрѣ прошлаго года на рижской резиновой фабрикѣ „Проводникъ": тамъ стали вводить въ производство какую-то новую мазь и вслѣдъ затѣмъ произошло массовое отравленіе работницъ. Мазь убрали. Отравленія прекратились. Въ мартѣ н. г. ее снова ввели: 4 марта произошло, по офиціальнымъ даннымъ, 21 отравленіе, 5 марта,—16 отравленій. Въ виду этого соціалъ-демократы внесли въ Думу запросъ. А затѣмъ новая мазь вводится въ производство петербургской резиновой фабрики фирмы „Треугольникъ". 12 марта—опять-таки по офиціальнымъ даннымъ—и на этой фабрикѣ зарегистровывается 50 отравленій, 13 марта—102. 14 марта было опубликовано офиціальное сообщеніе; въ немъ объявлялось, что 12 марта

произошло массовое отравленіе работницъ парами бензина... По предположенію прибывшихъ на мѣсто врача и фабричнаго инспектора, заболѣванія эти отнесены къ дѣйствію употребляемой въ работѣ мази, каковая находится у каждой работницы въ небольшихъ открытыхъ сосудахъ (мѣдныхъ чашечкахъ). Для болѣе точнаго выясненія свойствъ упомянутой мази (раствора изъ разныхъ продуктовъ) часть ея взята для химическаго анализа.

Полиція дѣйствуетъ въ это время съ присущимъ ей въ Россіи тактомъ. Но правительство въ своемъ офиціальномъ сообщеніи держится, какъ видите, довольно твердой почвы. Хроническое отравленіе бензиномъ—одна изъ язвъ резиноваго производства. На всѣхъ резиновыхъ мануфактурахъ — не только въ Россіи — время отъ времени вспыхиваютъ острыя и массовыя отравленія. Одинъ упрекъ все-таки необходимъ: въ случаяхъ массовыхъ острыхъ отравленій изслѣдовать необходимо не одну „мазь", но и всѣ вообще условія производства,—систему вентиляціи, способъ сушки, кубическое содержаніе воздуха на каждаго работающаго и т. д. Иногда малѣйшій дефектъ или неисправность въ вентиляціи при неблагопріятномъ измѣненіи погоды ведетъ къ чрезвычайному переполненію мастерской парами бензина и къ массовымъ острымъ отравленіямъ. Позднѣйшія событія подтвердили, насколько важна детальнѣйшая оцѣнка именно всѣхъ условій производства. Эпидемія острыхъ отравленій съ резиновой мануфактуры перекинулась на табачныя фабрики, а затѣмъ на разныя другія производства. И держалась до тѣхъ поръ, пока фабричныя помѣщенія не были тщательно провѣтрены; установили болѣе тщательный надзоръ за вентиляціей, кое-гдѣ въ тревожное время назначили дежурства врачей,—и, по крайней мѣрѣ, массовыхъ острыхъ отравленій не стало наблюдаться... Во всякомъ случаѣ, офиціальное сообщеніе правительства, опубликованное 14 марта,—документъ серьезнаго характера и значенія.

Но на слѣдующій же день—15 марта—онъ былъ опровергнутъ посредствомъ бюллетеней правительственнаго же Петербургскаго телеграфнаго агентства. Въ бюллетеняхъ объявлялось:

Экспертиза министерства внутреннихъ дѣлъ выяснила, что никакихъ измѣненій въ составѣ калошной мази, отъ которой якобы произошло отравленіе на фабрикѣ „Треугольникъ", не оказалось. Составъ не содержитъ никакихъ вредныхъ для здоровья примѣсей... Полученныя данныя опредѣленно указываютъ, что отравленія отнюдь не вызваны условіями производства, а обусловлены совершенно посторонними причинами.

Въ 1910 г. министерство юстиціи объявило ядомъ общеизвѣстный тіоколъ. Нынѣ ученая экспертиза министерства внутреннихъ дѣлъ объявляетъ извѣстныя своею ядовитостью сѣрнистыя и бензойныя вещества, которыя употребляются въ резиновомъ производствѣ для вулканизаціи и раствора каучука, совершенно безвредными для здоровья. Логическимъ послѣдствіемъ этого откры-

тія—въ бюллетеняхъ Петербургскаго агентства оно подкрѣпляется ссылками на какихъ-то „спеціалистовъ-профессоровъ“ — явилось распоряженіе полиціи, упразднившее организованную было при техническомъ обществѣ коммиссію по изученію заболѣваній рабочихъ и массовыхъ отравленій на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ. Логическимъ выводомъ явилась мысль:

— Послѣ такой „экспертизы министерства внутреннихъ дѣлъ“ раскрытіе дѣйствительнаго положенія вещей не будетъ допущено.

Соціалъ-демократы попытались было возбудить вопросъ объ учрежденіи думской коммиссіи для разслѣдованія причины отравленій. Но этого не допустило уже думское большинство. По иниціативѣ министерства торговли и промышленности организована правительственная коммиссія. Въ ней оказалось, быть можетъ, излишнее обиліе психіатровъ. Сообразно своей спеціальности, они выдвинули на первый планъ предположенія объ истеріи, массовомъ психозѣ. Работы и въ этомъ, нѣсколько одностороннемъ, направленіи могла дать цѣнные результаты. Было бы важно установить связь между предрасположенностью къ истеріи, къ массовому психозу и условіями производства, хроническими отравленіями, жилищными и разными другими завѣдомо ненормальными особенностями нынѣшняго рабочаго быта, и т. д. Къ сожалѣнію, газеты сообщили, что дѣятельность правительственной коммиссіи также сочтена излишней. Открытіе министерства внутреннихъ дѣлъ требовало еще логическихъ дополненій. Надо было объяснить, отъ какихъ же „совершенно постороннихъ причинъ“ происходятъ массовыя отравленія. Въ изобрѣтеніи отвѣта на этотъ вопросъ приняли дѣятельное участіе думскіе правые, націоналисты и отчасти „центръ“: во всѣхъ своихъ органахъ отъ „Кіевлянина“ до „Русскаго Знамени“ и въ самой Думѣ они старались увѣрять, что по фабрикамъ злонамѣренные люди съ цѣлью вызвать волненія среди рабочихъ разбрасываютъ или разливаютъ отраву, и эти злонамѣренные люди либо близки къ лѣвымъ фракціямъ Думы, либо даже находятся подъ руководствомъ „думскихъ соціалистовъ“. Октябристы какъ бы „держали нейтралитетъ“. Характеръ нейтралитета хорошо опредѣлился позже, въ первое же засѣданіе послѣ пасхальныхъ вакацій. Думскій президіумъ счелъ возможнымъ использовать это засѣданіе—малолюдное, депутаты еще не съѣхались,—чтобы очистить портфель отъ серіи рабочихъ запросовъ, внесенныхъ во время мартовскихъ волненій: о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ полиціи города Риги по отношенію къ забастовавшимъ работницамъ резиновой фабрики „Проводникъ“, о примѣненіи огнестрѣльнаго оружія противъ рабочихъ въ Петербургѣ, о пріостановленіи дѣйствій профессіональнаго союза рабочихъ-металлистовъ Петербурга, о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ лифляндскаго губернатора и полиціи Риги по отношенію къ профессіональному обществу рабочихъ печатнаго про-

изводства, о массовыхъ отравленіяхъ на разныхъ фабрикахъ Петербурга, о преслѣдованіи рабочей газеты за напечатаніе рѣчи, произнесенной въ Думѣ, и пр. Часть октябристовъ воздерживалась отъ голосованія, остальные въ союзѣ съ правыми дѣйствовали съ непоколебимостью гильотины: спѣшность отложить, передать въ коммиссію, а въ коммиссія такіе по характеру своему срочные запросы лежатъ годами до потери всякаго значенія. И это еще милостивая расправа. Въ IV Думѣ порою примѣняются болѣе демонстративные способы очищать портфель отъ рабочихъ запросовъ: большинство голосуетъ за спѣшность, а затѣмъ самый запросъ отклоняется безъ разсужденій.

Къ сожалѣнію, прогрессисты и кадеты въ тревожные мартовскіе дни проявили изрядную вялость. И отвѣтственный долгъ депутатовъ активно считаться съ условіями жизни въ странѣ палъ фактически главнымъ образомъ на соціалъ-демократическую фракцію. Она не богата парламентскими талантами. И ей пришлось дѣйствовать при сложныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ.

Массовыя отравленія сами по себѣ приняли характеръ бѣдствія. Градъ репрессій и усмирительныхъ эксцессовъ. Басни объ отравителяхъ, неизвѣстно, для чего фабрикуемыя, но достаточно возмутительныя. Все это свалилось на среду, и безъ того настроенную крайне нервно. Движеніе, прорвавшись 4 марта, приняло нѣсколько стихійный характеръ. Забастовки протеста шли ежедневно, безъ перерыва. Рабочая интеллигенція, по словамъ газетъ, напрягала усилія, чтобъ ввести стихію въ русло, дать планомѣрный выходъ настроенію. Съ этой цѣлью предлагалось не бастовать зря, пріурочить выступленія къ одному какому-либо дню и затѣмъ ужь сдерживаться. На депутатовъ падаетъ обязанность внести въ треволненія жизни тѣ регулятивы, какими располагаетъ законодательное собраніе. Но попытки въ этомъ направленіи приводили лишь къ болѣе отчетливому выясненію „психологіи третьеіюнцевъ". Характерно въ этомъ смыслѣ, напр., засѣданіе 15 марта,—т. е. въ первый же день, когда массовыя острыя заболѣванія при производствахъ стали перекидываться съ резиновыхъ фабрикъ на разныя другія фабрики и заводы. Въ общемъ засѣданіи съ каѳедры одинъ изъ депутатовъ с.-д. фракціи сталъ передавать, какая паника возникаетъ въ мастерскихъ, когда люди, на глазахъ товарищей, падаютъ одинъ за другимъ и бьются въ конвульсіяхъ; въ первое время рабочіе предполагали появленіе чумы, и т. д. Правымъ эта жуткая картина, видимо, показалась столь забавной, что среди нихъ раздался смѣхъ... Тутъ они были хоть непосредственны. Обыкновенно же они проявляли озлобленность, простое сообщеніе фактическихъ обстоятельствъ объявляли стремленіемъ разжигать страсти, кричали объ отравителяхъ.

Рабочей интеллигенціи удалось все-таки до нѣкоторой степени ввести движеніе въ русло. Планъ однодневнаго единовременнаго

выступленія былъ проведенъ и выполненъ 19 марта. Но антагонисты провели свой планъ. И 20 марта былъ объявленъ локаутъ, причемъ, помимо разныхъ частныхъ заводовъ, „по распоряженію министра закрытъ былъ на неопредѣленное время казенный Балтійскій судостроительный заводъ",—рѣдкій примѣръ открытаго участія государственныхъ предпріятій въ запрещаемой формально законами нѣкоторыхъ культурныхъ странъ стачкѣ капиталистовъ противъ трудящихся. Къ счастью, рабочіе воздержались отъ немедленнаго отвѣта. А организаторамъ стачки капиталистовъ пришлось столкнуться съ противодѣйствіемъ, уже не пролетарскимъ. Противъ локаута оказалась значительная часть предпріятій петербургскаго района. Лишь только локаутъ былъ объявленъ,—выступила петербургская городская дума съ постановленіемъ о помощи рабочимъ, которымъ предстоитъ пострадать, причемъ формальная иниціатива по этому вопросу была предоставлена А. И. Гучкову. Выступило техническое общество... Правда, организаторы стачки получили моральную поддержку. Между прочимъ, тотъ же „Кіевлянинъ" (28. III) убѣждалъ ихъ не стѣсняться:

> фразы о жалости, снисхожденіи, мягкости отдаютъ привкусомъ сантиментальности и потворства преступленію; если приходится рубить гордіевы узлы, то ужь лучше рубить сразу, затягивать мучительныя операціи и не этично, и вредно для государства.

Но частныхъ участниковъ стачки такіе аргументы едва-ли могли очень убѣдить. А казенный заводъ, хоть и проявилъ упорство, но одинъ въ полѣ не воинъ. Локаутъ держался не долго. А тамъ подошла Пасха. И мартовскія треволненія могли бы отойти въ прошлое. Но правительство, быть можетъ, непреднамѣренно и всетаки довольно удачно воспользовалось моментомъ, когда поведеніе право-октябристскаго большинства Думы вызывало особенное раздраженіе у наиболѣе активной части трудового населенія и особенное недовольство широкихъ общественныхъ круговъ: право запросовъ разъяснили, право законодательной инициативы разъяснили, „просьбу" привлечь крайнихъ лѣвыхъ исполнили...

IV.

Министерство финансовъ при исполненіи противоалкогольныхъ предуказаній рескрипта на имя Барка „должно обратить вниманіе на тѣ потрясенія народнаго хозяйства и на тѣ печальныя послѣдствія для русской сельскохозяйственной винокуренной промышленности, которыя произойдутъ при сокращеніи спроса на питьевой спиртъ"...

Такъ заявила П. Л. Барку депутація отъ общества винокуренныхъ заводчиковъ, состоявшая изъ предсѣдателя общества кн. Голицына, члена Государственнаго Совѣта Скирмунта и члена пр-

вленія общества Мужейка. Винокуры — вообще патріоты. А сіятельные винокуры одержимы патріотизмомъ по преимуществу. Не могутъ они допустить тѣхъ потрясеній, какимъ должно подвергнуться народное хозяйство въ случаѣ сокращенія пьянства, а потому и требуютъ отъ министра финансовъ „обратить вниманіе“ и, конечно, „принять мѣры“. Не желаютъ допустить потрясеній не одни всероссійскіе сіятельные винокуры. Не желаетъ допустить гибельнаго уменьшенія спроса на питьевой спиртъ и благородное остзейское дворянство. Въ самой Ригѣ рѣшительно пресѣчена робкая попытка городской думы нѣсколько сократить хотя бы только пивную торговлю. Думѣ отъ имени губернскаго присутствія было объявлено, что она не имѣетъ права „нарушать частные интересы“, — т. е., повидимому, интересы пивныхъ торговцевъ и пивоваровъ.

Провозглашенный въ Ригѣ новый принципъ: государственныя учрежденія не имѣютъ права нарушать частные интересы, довольно-таки смѣлъ. Но такъ какъ исполненіе предуказаній рескрипта затрагиваетъ не какіе-либо обыкновенные, а винокуренные, и при томъ благородные интересы, мощно вооруженные для защиты и нападенія, то правительству приходится „очень и очень подумать“.

Надо подумать и о казнѣ. Винокуровъ, въ случаѣ сокращенія пьянства, можно спасти отъ „потрясеній народнаго хозяйства“. Можно дополнительно „поощрить“ вывозъ, можно избытки питьевого спирта переводить на денатуратъ. Съ казной дѣло хуже: по монопольке недовыручка—въ бюджетѣ прорѣха. Съ одной стороны, предуказанное рескриптомъ, разумѣется, надо выполнить. Съ другой,—по свѣдѣніямъ, напр., „Русскихъ Вѣдомостей“ (18. III), „почти всѣ вѣдомства озабочены изыскапіемъ новыхъ источниковъ“, способныхъ покрыть казенный ущербъ, могущій произойти отъ уменьшенія пьянства.

На этой почвѣ выдвигается прожектерство разныхъ лицъ. Изобрѣтаются монополіи въ подкрѣпленіе водочной — табачная, нефтяная и т. п. Главное управленіе землеустройства и земледѣлія обратилось къ подвѣдомственнымъ чинамъ съ циркулярнымъ предложеніемъ усилить доходность казенныхъ земель и лѣсовъ путемъ планомѣрной и настойчивой борьбы съ земствами за пониженіе земскаго обложенія казенныхъ имуществъ.

Это ужъ, видно, съ горя изобрѣтено. Стащить у земства еще нѣсколько сотъ тысячъ рублей—хитрость не велика. Но что значатъ сотни тысячъ, пусть даже 2-3 милліона для казны съ ея 3½-милліарднымъ бюджетомъ? Земскимъ шиломъ казеннаго моря не нагрѣешь. Болѣе серьезный проектъ удалось изобрѣсти нѣкоему доктору Коппе, представившему о своемъ изобрѣтеніи особый докладъ, между прочимъ, центральному комитету союза 17 октября. Г. Коппе предлагаетъ „постепенно понижать крѣпость водки, но

оставлять неизмѣнною продажную ея цѣну" [1]). Торгуя разбавленной водкой, казна легко возмѣстить ущербъ отъ уменьшенія пьянства. А такъ какъ г. Коппе считаетъ возможнымъ „постепенно" дойти до продажи воды съ небольшой — въ 6 - 8% — подмѣсью спирта по цѣнѣ 40-градусной водки, то казна не только ничего не потеряетъ отъ сокращенія пьянства, но, пожалуй, и въ прибыляхъ окажется. Мысль, видимо, понравилась. И уже выработанъ законопроектъ объ уменьшеніи крѣпости водки пока на 3 градуса безъ пониженія цѣны. Если продавать изъ казенныхъ лавокъ воду совсѣмъ безъ спирта, а, напр.,настоенную на дурманѣ или сдобренную мухоморнымъ отваромъ, то казна окажется, вѣроятно, въ большихъ барышахъ. Одно нехорошо, что скажутъ винокуры? Вѣдь получается все-таки „сокращеніе потребленія питьевого спирта", а, стало быть, и „потрясеніе народнаго хозяйства"... Сложные и трудные вопросы приходится рѣшать правительству.

И не одни финансовые вопросы трудны... Надо искоренять пьянство. А какъ его искоренять? Правительство, говорятъ, обязано въ развитіе общихъ указаній рескрипта выработать опредѣленную дѣловую программу антиалкогольной политики. А какъ ее выработать? Съ программами у насъ вообще не ладится. Между тѣмъ вопросъ-то, по русскимъ условіямъ, щекотливый, неудобный, да и самъ по себѣ онъ весьма сложенъ, связанъ со многими соціальными и политическими особенностями государственнаго быта. По свѣдѣніямъ „Русскихъ Вѣдомостей", явилась было „въ бюрократическихъ кругахъ" мысль

> образовать для изысканія мѣръ борьбы съ пьянствомъ особые мѣстные комитеты на подобіе организованныхъ по плану гр. Витте въ 1903 г. сельскохозяйственныхъ комитетовъ.

Но противъ этого предположенія рѣшительно высказался г. Горемыкинъ. Съ виттевскими комитетами 1903 г. у бюрократовъ невеселыя воспоминанія связаны. Продѣлывать заново старую исторію не охота. Однако нельзя же и оставить рескриптъ безъ всякаго, хотя бы только формальнаго, исполненія. Въ такой крайности правительство, какъ нѣчто цѣлое, „объединенное", попросту молчитъ. Предполагается и даже обѣщается, что оно что-то скажетъ, выработаетъ какой-то планъ, предложитъ какую-то программу. Но это въ будущемъ. А пока „исполнять" рескриптъ — мѣсяца черезъ полтора послѣ его опубликованія — принялись отдѣльныя вѣдомства посредствомъ разсылки циркуляровъ, въ которыхъ также, разумѣется, нѣтъ общаго плана, а есть лишь частныя предложенія, сообразныя компетенціи каждаго отдѣльнаго вѣдомства.

Министръ юстиціи, напр., счелъ долгомъ, ссылаясь на высо-

---

[1]) „Голосъ Москвы", 11. IV.

чайшій рескриптъ, „просить гг. предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ мѣстъ принять на будущее время всѣ зависящія мѣры къ скорѣйшему разслѣдованію и беззамедлительному разсмотрѣнію дѣлъ о незаконной продажѣ питей и о тайномъ винокуреніи“... Конечно, производство всѣхъ вообще слѣдственныхъ и судебныхъ дѣлъ,—а не только питейныхъ — должно быть „беззамедлительнымъ“. Призывать прокуроровъ и судей къ исполненію этой обязанности и при томъ призывать исключительными средствами, торжественнымъ циркуляромъ со ссылками на высочайшій рескриптъ, — значитъ давать основаніе для несовсѣмъ удобныхъ министерству юстиціи выводовъ. Можно вѣдь подумать, что призывъ вызванъ необходимостью, что прокуроры и предсѣдатели судовъ не выполняютъ своей обязанности, тормозятъ дѣла о незаконной продажѣ питей и о тайномъ винокуреніи. Возможны и практическія неудобства. Иной, напр., услужливый прокуроръ станетъ, пожалуй, основываясь на циркулярѣ, примѣнять къ питейнымъ дѣламъ скорострѣльный порядокъ, а всѣ другія дѣла, хотя бы и болѣе важныя, отодвигать на задній планъ, на вторую и третью очередь... Но это уже выводы и послѣдствія. А пока г. Щегловитовъ „исполнилъ“ предуказанное рескриптомъ.

„Исполнилъ“ г. Маклаковъ. Въ его циркулярѣ предлагается чинамъ полиціи содѣйствовать мѣропріятіямъ, направленнымъ къ борьбѣ съ пьянствомъ, и изыскивать мѣры къ сокращенію злоупотребленія спиртными напитками... Не министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣляетъ, какія именно могутъ быть мѣры. Полиція сама должна „изыскивать“ способы къ выполненію обязанностей, возлагаемыхъ на нее издавна и предусмотрѣнныхъ даже уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи. Министръ народнаго просвѣщенія— „по слухамъ“—находитъ необходимымъ внушать юношеству въ школахъ, что пьянство вредно. Святѣйшій синодъ возлагаетъ на епархіальные училищные совѣты заботу о томъ, чтобы учителя (церковныхъ школъ) старались проводить „идею трезвости“ и „сами служили примѣромъ“,—т. е., повидимому, не пьянствовали... Хорошее мнѣніе можно составить о служилыхъ людяхъ въ Россіи, если признать, что подобные торжественные призывы вызваны необходимостью.

„Наиболѣе солидный“ — по довольно единодушному отзыву прессы—циркуляръ послѣдовалъ отъ министра финансовъ управляющимъ акцизными сборами. Онъ предлагаетъ, между прочимъ, „относиться съ полною благожелательностью къ ходатайствамъ сельскихъ обществъ о закрытіи или недопущеніи торговли крѣпкими напитками“, а „при открытіи новыхъ мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ“ „запрашивать заключенія уѣздныхъ земскихъ собраній и городскихъ управъ и относиться къ нимъ съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ“. Это—важнѣйшее предложеніе цирку-

ляра. Именно оно вызвало въ либеральной прессѣ, хотя и сдержанные, скептическіе, но довольно сочувственные отзывы. И нельзя сказать, что оно практически незначительно. Но до сихъ поръ мы полагали, что и по закону, и по здравому смыслу не одни акцизные чиновники, а всѣ представители государственной власти обязаны относиться къ ходатайствамъ населенія, не только сельскаго, „съ полной благожелательностью". Никакое другое отношеніе, намъ казалось, не должно быть терпимо. Равнымъ образомъ чины администраціи вообще обязаны относиться къ заключеніямъ земскихъ и городскихъ общественныхъ управленій „съ серьезнымъ вниманіемъ". Между тѣмъ по циркуляру министра финансовъ выходитъ такъ, словно непремѣннѣйшая общая обязанность власти не существуетъ, и лишь по питейнымъ дѣламъ, какъ бы въ видѣ изъятія изъ общаго правила, чиновникамъ акцизнаго вѣдомства предлагается проявлять полную благожелательность и серьезное вниманіе. Положимъ, въ исторіи бываютъ примѣры систематически неблагожелательнаго, даже озлобленнаго отношенія власти къ населенію. Но министерскіе циркуляры все-таки должны брать за норму не патологическій фактъ... Словомъ, г. Баркъ впалъ въ нѣкоторыя редакціонныя неудобства. И въ то же время преподалъ указанія до того общія и элементарныя, что они были бы болѣе удобны въ прописи. Акцизныя управленія, получивъ этотъ циркуляръ, видимо, почувствовали необходимость найти хоть какую-либо опору, и стали созывать совѣщанія, приглашая чиновниковъ другихъ вѣдомствъ.

Если говорить о чисто внѣшнемъ сходствѣ, то въ исторіи совѣта министровъ былъ уже такой прецедентъ,—съ вопросомъ о военномъ строѣ въ школахъ. Вначалѣ были преподаны указанія свыше. Министры подумали и ограничились отпиской. И не выходило военнаго строя, пока не явился въ Бахмутѣ энергичный г. Луцкевичъ,—сталъ потѣшнымъ генераломъ и сдвинулъ съ мертвой точки потѣшное дѣло; оно вдругъ съ необыкновенной пышностью расцвѣло, а нынѣ исподволь забывается и увядаетъ... Сходство, повторяю, лишь чисто внѣшнее. Объединенное правительство по вопросу о трезвости думаетъ, отдѣльныя вѣдомства не идутъ дальше очень общихъ соображеній... Очевидно, иниціатива должна перейти къ кому-то. Настоящаго, общепризнаннаго „трезвеннаго генерала" пока нѣтъ. Но среди возможныхъ кандидатовъ на это званіе за послѣднее время особенно выдвинулся нѣкто г. Б. Гладковъ—„учредитель всероссійскаго трудового союза христіанъ-трезвенниковъ, дѣйствительный членъ его". Учрежденный г. Гладковымъ союзъ ставитъ своею цѣлью дѣйствовать не только среди взрослыхъ; онъ стремится организовывать „кружки христіанской трудовой молодежи" въ школахъ—между прочимъ, среднихъ и даже низшихъ. При этомъ, въ силу особо утвержденныхъ, по ходатайству г. Гладкова, „правилъ" руководителями такихъ „круж-

ковъ при среднихъ и низшихъ школахъ должны быть лица педагогическаго персонала тѣхъ же школъ; руководители эти зачисляются дѣйствительными членами всероссійскаго трудового союза христіанъ-трезвенниковъ (безъ уплаты членскаго взноса) и имѣютъ право носить высочайше утвержденный „нагрудный знакъ". Учреждать же такіе кружки, особенно при низшихъ школахъ, не очень трудно—стоитъ лишь разослать циркуляры за подписью хотя бы только директоровъ народныхъ училищъ и отцовъ наблюдателей за церковными школами.

И вотъ пока правительство и министры думали, г. Гладковъ дѣйствовалъ. Въ цѣломъ рядѣ губерній началось возникновеніе „кружковъ христіанской трезвой молодежи". Быстро былъ двинутъ вопросъ объ устройствѣ на Пасхѣ „всероссійскаго праздника трезвости". Гвоздемъ „праздника", по мысли иниціаторовъ, должно было явиться демонстративное шествіе по улицамъ селъ и городовъ организованной въ школахъ „христіанской трезвой молодежи"; школьники при этомъ несутъ флаги и плакаты съ надписями: „трезвость—счастье народа", „пора опомниться—пора отрезвиться" и т. д. Ходить по улицамъ было кому—„кружки" по школамъ организованы. Оставались аксессуары. Во-первыхъ, необходимо, чтобъ министерство внутреннихъ дѣлъ не учинило препятствій, во-вторыхъ, желательно, чтобы святѣйшій синодъ распорядился о произнесеніи священниками соотвѣтственныхъ „празднику трезвости" проповѣдей и поученій, а министерство финансовъ приказало закрыть на время „праздника" казенныя винныя лавки. Святѣйшій синодъ и министерство финансовъ согласились; г. Маклаковъ препятствій чинить не сталъ. Чины же полиціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по собственному усердію рѣшили во время „праздника трезвости" энергически уловлять пьяныхъ и заключать въ кордегардіи до вытрезвленія.

Такъ и вышелъ „всероссійскій праздникъ": священники говорили проповѣди, дѣтишки 3 дня подрядъ ходили по улицамъ (въ немощенной провинціи онѣ еще весьма не обсохли и крайне неудобны для шествій), а полиція ловила пьяныхъ. Она ли проявила чрезвычайное усердіе, или обыватель выпивалъ лишнее отъ огорченія, что бѣднымъ дѣтишкамъ и въ праздники не даютъ покоя, но пьяныхъ въ „трезвенные дни" наловили великое множество.

Сходство съ военнымъ строемъ въ школахъ, повторяю, лишь внѣшнее. Но, какъ видите, оно идетъ довольно далеко,—вплоть до появленія потѣшныхъ трезвенниковъ, какъ бы на смѣну отходящимъ потѣшнымъ солдатикамъ. И въ другихъ отношеніяхъ есть сходство. Провинціальное начальство вообще пока держится выжидательно,—не чинитъ препятствій трезвенности, но и не ставитъ ее во главу угла административной дѣятельности и карьеры. По губерніямъ, а мѣстами и по уѣздамъ администраторы совѣщаются, особенной иниціативы не проявляютъ,—ждутъ болѣе опре-

дѣленныхъ указаній изъ центра. Но это вообще. А въ отдѣльныхъ мѣстахъ уже начали проявлять и особенную энергію.

Нѣкоторые администраторы приказали, чтобы городовые и околоточные всѣхъ тѣхъ, кто, по ихъ экспертизѣ, пьянъ, а между тѣмъ появился въ публичномъ мѣстѣ, направляли въ участокъ для составленія протокола и привлеченія къ судебной отвѣтственности. И провинціальная печать съ ужасомъ замѣчаетъ, что при нашихъ административныхъ нравахъ такая мѣра борьбы съ пьянствомъ опаснѣе самого пьянства.

Въ севастопольскомъ градоначальствѣ рѣшено, что нормальные законы для насажденія трезвости не достаточны,—нужно военное положеніе. Обязательными постановленіями объявлено объ изъятіи дѣлъ о незаконной торговлѣ спиртными напитками изъ общей подсудности: „виновные“ подвергаются въ порядкѣ административномъ штрафу до 3000 р. или аресту до 3 мѣсяцевъ, а неоднократно замѣченные въ шинкарствѣ подлежатъ высылкѣ изъ предѣловъ севастопольскаго градоначальства...

Нѣкоторые администраторы расширяютъ спеціальный трезвенный вопросъ до безпредѣльности. Саратовскій, напр., губернаторъ кн. Ширинскій-Шихматовъ, ссылаясь на рескриптъ 30 января, пишетъ въ своемъ циркулярѣ подвѣдомственнымъ чинамъ:

> Вамъ, гг. земскіе начальники и начальники полиціи..: извѣстно, что наше въ подавляющемъ числѣ земледѣльческое населеніе въ долгіе зимніе мѣсяцы предается вину за отсутствіемъ разумнаго дѣла.

Все земледѣльческое населеніе втеченіе долгой зимы предается праздности и пьянству... Положимъ, въ рескриптѣ ничего подобнаго не говорится. Но вѣдь такъ пишутъ „Земщина“ и „Русское Знамя“. И не даромъ пишутъ: большіе выводы отсюда можно сдѣлать. Кое-какіе выводы дѣлаетъ и саратовскій губернаторъ. Въ своемъ циркулярѣ онъ возлагаетъ на „гг. земскихъ начальниковъ и начальниковъ полиціи“, между прочимъ, такія задачи:

> Неустаннымъ своимъ вліяніемъ перерождать взглядъ крестьянина на необходимость сопровождать почти каждый его шагъ потребленіемъ вина, заполнить трудовой годъ земледѣльца; наконецъ, привычка къ накопленію денежныхъ сбереженій должна быть привита и къ русскому человѣку...

Одно утѣшеніе: исправники и земскіе начальники имѣютъ полную возможность, ничаго не дѣлая, убѣдительно доказать начальству въ ближайшихъ же отчетахъ, что, благодаря принятымъ мѣрамъ и неусыпной энергіи, привычка накоплять денежныя сбереженія русскому человѣку уже привита (въ подтвержденіе можно привести справки объ операціяхъ сберегательныхъ кассъ), „трудовой годъ земледѣльца заполненъ“, каждый шагъ крестьянина не сопровождается потребленіемъ вина... Но если исправники и земскіе начальники пожелаютъ исполнять циркуляръ по-настоящему и на основаніи его внѣдрять надзоръ за хозяйственнымъ и семей-

нымъ бытомъ, то можетъ получиться „трезвость", отъ которой населеніе волкомъ взвоетъ.

Рязанскій губернаторъ беретъ быка за рога и предлагаетъ въ своемъ циркулярѣ земскимъ начальникамъ

всѣми мѣрами стремиться къ тому, чтобы сельскія общества возбуждали ходатайства о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ, пивныхъ и трактировъ...

Правильно... Но это рязанское объявленіе войны министерству финансовъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ практически не опасно: навѣрное, не замедлятъ вмѣшаться благородные винокуры и водворятъ миръ.

Въ конечномъ итогѣ, сверхъ написанія циркуляровъ, довольно таки безплодныхъ, сдѣлано слѣдующее. „Дѣйствительный членъ" собственнаго союза „христіанъ-трезвенниковъ" г. Гладковъ привлекъ къ дѣлу школьниковъ и помогъ устроить праздникъ трезвости, полиція составила нѣсколько тысячъ протоколовъ на предметъ привлеченія къ судебной отвѣтственности „за появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ нетрезвомъ видѣ" Произведено нѣсколько тысячъ обысковъ, съ цѣлью изобличить шинкарство. Появились нѣкоторые признаки жизни у тѣхъ попечительствъ о народной трезвости, которыя за послѣдніе годы даже для приличія не считали нужнымъ что-либо дѣлать. А сидѣльцы казенныхъ лавокъ приглашаются давать начальству свѣдѣнія объ извѣстныхъ имъ шинкаряхъ и шинкаркахъ,—за это обѣщаются награды,—быть можетъ, взамѣнъ преміи за усиленную продажу водки, хотя объ отмѣнѣ этихъ премій пока не слышно.

Шинкарей подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ новыхъ вѣяній ловятъ довольно усердно. Когда первое впечатлѣніе сгладится, энергія, вѣроятно, ослабѣетъ; у полиціи дѣла много, однихъ политическихъ обысковъ сколько приходится дѣлать,—когда тутъ шинкарей ловить. И пьяные протоколы писать надоѣстъ,—занятіе мелкое, кляузное; карьеры на немъ не сдѣлаешь, а на большія непріятности налетѣть очень возможно,—приведутъ съ улицы пьянаго, а онъ вдругъ окажется родственникомъ важной персоны или хотя бы только кумомъ племянницы вліятельнаго союзника, членомъ „палаты архангела Михаила"; отъ попечительствъ трезвости, если они и совсѣмъ оживутъ, никакой непріятности благородные винокуры не получатъ.

Больше обѣщаетъ сдѣлать Государственный Совѣтъ,—въ немъ спѣшно обсуждаются законопроекты „противъ пьянства". Но въ самомъ же Совѣтѣ раскрыто, что подъ видомъ реформы учрежденій по народной трезвости правые везутъ контрабанду,—стремятся еще болѣе расширить власть администраціи надъ городскими и земскими управленіями и еще сильнѣе стѣснить общественную иниціативу. Это—частность. А вообще въ Государственномъ Совѣ-

тѣ интересы сельскохозяйственной винокуренной промышленности представлены такъ солидно, что какого-либо „потрясенія народнаго хозяйства“ ожидать не приходится.

И все могло бы ограничиться поверхностной рябью... Вдругъ налетѣлъ трезвенный вѣтерокъ. Поднялъ легкую волну. Поговорятъ, посуетятся и забудутъ. Тѣмъ бы, повторяю, вѣроятно, и кончилось, еслибы, кромѣ поверхностной ряби, не было движенія воды въ глубинѣ.

V.

„Дружный трезвенный подъемъ свѣтлой волной прокатился по деревенскимъ захолустьямъ Курской губерніи и захватилъ сотни крестьянскихъ обществъ. Особенно отрадно то, что вслѣдъ за крестьянскими обществами, составляющими запретительные приговоры о закрытіи существующихъ казенныхъ лавокъ и питейныхъ заведеній, въ этомъ же направленіи выступили и крестьянскія ссудосберегательныя кассы и разныя кооперативныя товарищества“... Такъ пишетъ курскій корреспондентъ „Новаго Времени“ (№ 11 апрѣля). „Сотни крестьянскихъ обществъ“ въ одной губерніи—счетъ, быть можетъ, чрезмѣрный; или, по крайней мѣрѣ, это—счетъ не опредѣленными единицами. По Курской губерніи у меня нѣтъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя приводитъ „Новое Время“. Но вотъ, напр., данныя по Ряжскому уѣзду Рязанской губерніи: за время съ 15 февраля по конецъ марта н. г. состоялись запретительные приговоры (о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ) волостныхъ сходовъ четырехъ волостей: Смоліевской, Коноплинской, Космадаміанской, Ногайской. Если считать крестьянскимъ обществомъ каждую отдѣльную деревню, то, пожалуй, четыре волостныхъ приговора можно раздробить на мелкія единицы, и окажется, что по одному только Ряжскому уѣзду за полтора мѣсяца состоялись многіе десятки трезвенныхъ приговоровъ... Счетъ, во всякомъ случаѣ, дѣло сложное и спорное. Несомнѣнно лишь, что въ напряженномъ за послѣдніе годы противоалкогольномъ крестьянскомъ движеніи послѣ рескрипта 30 января на имя г. Барка произошелъ довольно рѣзкій подъемъ.

Я собралъ газетныя свѣдѣнія о трезвенническихъ приговорахъ и постановленіяхъ за февраль и мартъ. Они не даютъ основанія говорить, что подъемъ совершился повсемѣстно. За Ураломъ, напр., онъ наиболѣе замѣтенъ въ Енисейской губерніи; остальныя пространства Сибири остаются почти „недвижимыми“. Недвижимы и такія своеобразныя окраины, какъ Закавказье и Средняя Азія. Въ Царствѣ Польскомъ подъемъ трезвенническаго движенія газетные корреспонденты отмѣчаютъ лишь мѣстами, напр., въ Сувалкской и Люблинской губерніяхъ. Нѣтъ извѣстій о подъемѣ на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи (Архангельская губернія) и въ губерніяхъ, наиболѣе близкихъ къ Петербургу—Олонецкой, Новго-

родской, Псковской... На остальномъ пространствѣ Россіи противоалкогольное движеніе рѣзко поднялось... О сотняхъ обществъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ говорить неосторожно. Но по всей Россіи за первые два мѣсяца послѣ рескрипта 30 января—т. е. за время, когда циркуляры еще не дошли до низшихъ инстанцій—приговоры о закрытіи „казенокъ", а мѣстами не только казенокъ, но и пивныхъ лавокъ, состоялись въ нѣсколькихъ стахъ волостей. Любопытно при томъ, что движеніе охватило между прочимъ, казачьи области—Кубанскую, Терскую, Донскую, до послѣдняго времени довольно равнодушныя къ трезвеннической пропагандѣ. Характерна и другая черта: еще недавно противоалкогольное крестьянское движеніе всего замѣтнѣе было въ передовыхъ по деревенскимъ настроеніямъ губерніяхъ: Саратовской, Вятской, Екатеринославской, Кіевской и т. д. На сей разъ трезвенничество сдѣлало быстрые и крупные успѣхи даже въ такихъ отсталыхъ губерніяхъ, какъ Бессарабская.

Было бы грубой ошибкой объяснять подъемъ только новыми вѣяніями на верхахъ. Достаточно сослаться на примѣръ хотя бы Кубанской области. Она до сихъ поръ „славится усиленнымъ потребленіемъ крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ". Трезвенническаго движенія почти не было замѣтно:

за все время существованія казенной винной монополіи—пишетъ корреспондентъ „Дня"—вплоть до 1914 г. въ области были вынесены запретительные приговоры о продажѣ крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ всего лишь въ 15 селеніяхъ съ общимъ количествомъ жителей около 59 тыс. человѣкъ.

Трезвеннической агитаціи не наблюдалось. И вдругъ, неожиданно

съ января нынѣшняго года хлынулъ потокъ запретительныхъ приговоровъ. И уже къ 15 января были вынесены запретительные приговоры общественныхъ сборовъ въ рядѣ станицъ и селеній, имѣющихъ въ общей сложности свыше 200 тысячъ населенія. При этомъ въ пяти станицахъ (съ населеніемъ около 49 тысячъ жителей) закрыты рѣшительно всѣ мѣста продажи крѣпкихъ спиртныхъ капиталовъ, вплоть до пивныхъ и буфетовъ при станичныхъ клубахъ. Сборъ станицы Успенской ($16^1/_2$ тыс. жителей) закрывшій у себя всѣ питейныя заведенія, возбудилъ еще ходатайство передъ областнымъ начальствомъ, чтобы оно дало сбору право своимъ судомъ выселять изъ станицы всѣхъ лицъ, замѣченныхъ въ шинкарствѣ.

Замѣтьте,—все это произошло до рескрипта на имя г. Барка и, какъ отмѣчаютъ газетные корреспонденты, въ условіяхъ сдержаннаго или даже неодобрительнаго отношенія со стороны мѣстной администраціи.

Аналогичное наблюдается въ Бессарабской губерніи. Здѣсь съ января—опять-таки началось до рескрипта — по селамъ происходятъ противоалкогольныя собранія крестьянъ при участіи мѣстнаго духовенства и народныхъ учителей. Такія же собранія происходятъ и по мѣстечкамъ, — на нихъ изъ окрестныхъ селъ и деревень

присылаются уполномоченные отъ крестьянскихъ обществъ. Собранія обсуждаютъ и предварительно рѣшаютъ вопросы о закрытіи казенокъ, о борьбѣ съ шинкарствомъ, о способахъ поддерживать и укрѣплять трезвость. Надо сказать при этомъ, что мѣстное духовенство далеко не вполнѣ соотвѣтствуетъ видамъ Пуришкевичей. И движенію нельзя приписывать черносотенно-партійный характеръ. Нельзя и объяснять его лозунгами и вѣяніями, идущими сверху.

Но, конечно, и вѣянія на верхахъ не остаются безслѣдными. Беру одно изъ газетныхъ извѣстій:

Рязань, 27 марта. Въ с. Григорьевскомъ, Зарайскаго уѣзда, крестьяне рѣшили ходатайствовать о закрытіи казенной винной лавки. Они обратились съ письменнымъ заявленіемъ къ старшинѣ, чтобы онъ созвалъ волостной сходъ для обсужденія даннаго вопроса. Старшина отказался принять это заявленіе.

Черезъ нѣсколько дней положеніе измѣнилось: въ началѣ апрѣля послѣдовалъ отмѣченный выше циркуляръ рязанскаго губернатора о всемѣрномъ содѣйствіи трезвеннымъ приговорамъ. Послѣ губернаторскихъ предписаній, подкрѣпляемыхъ ссылками на высочайшій рескриптъ, земскіе начальники и старшины очень прекословить остерегутся. Но мѣстными циркулярами начинается собственно „новый порядокъ". А до нихъ оставался въ силѣ „старый порядокъ", солидно вооружавшій естественныхъ враговъ противоалкогольнаго движенія. Естественные враги есть внутри самого крестьянства. Это прежде всего деревенскіе богатѣи: одни изъ нихъ владѣютъ домами, въ которыхъ помѣщаются казенныя лавки, другіе занимаются извозомъ и получаютъ доходъ отъ транспортировки „казеннаго вина"; третьи являются хозяевами пивныхъ и квасныхъ лавокъ, постоялыхъ дворовъ и подъ этимъ флагомъ промышляютъ шинкарствомъ,—а приговоры о закрытіи казенокъ неизбѣжно сопровождаются рѣшеніями преслѣдовать тайное шинкарство... Такъ какъ богатѣи—наиболѣе консервативный, „патріотическій" слой деревни, то ихъ поддерживаетъ администрація. А такъ какъ нерѣдко волостные старшины являются ставленниками тѣхъ же богатѣевъ, то въ ихъ рукахъ и сословная власть деревни. Далѣе,—если не прямо идетъ во главѣ противоалкогольнаго движенія, то занимаетъ въ немъ очень видное мѣсто „молодая деревня", подозрѣваемая въ политической неблагонадежности. И уже одного этого было достаточно для несочувственнаго отношенія со стороны земскихъ начальниковъ, становыхъ приставовъ и урядниковъ. Въ результатѣ,—добиться даже простого обсужденія вопроса о закрытіи казенныхъ кабаковъ и частновладѣльческихъ пивныхъ лавокъ можно было лишь при особо счастливыхъ условіяхъ: если старшина позволитъ, если земскій начальникъ не пресѣкаетъ, если урядники не преслѣдуютъ трезвенническую пропаганду, какъ особый видъ крамолы. Если даже удавалось оформить приговоръ и онъ благо-

получно проходилъ черезъ утверждающія инстанціи, то наступали долгія мытарства. Акцизное вѣдомство крайне неохотно удовлетворяло ходатайства о закрытіи казенки; самыя резонныя изъ нихъ всячески тормозились. Населенію приходилось порою годами ждать отвѣта на свою просьбу. А отвѣты получились иногда такіе, что походили на насмѣшку:

Акцизное вѣдомство, — читаемъ, напр., въ одномъ изъ недавнихъ сообщеній „Русскаго Слова" (5.IV) — закрывъ по ходатайству крестьянъ казенную винную лавку въ селѣ Канадея, Сызранскаго у., открыло питейныя заведенія въ Гаровскомъ поселкѣ, расположенномъ рядомъ съ селомъ.

Позиція была занята врагами прочно. Рескриптъ 30 января для должностныхъ лицъ, конечно, не былъ равносиленъ приказу очистить ее. Такой приказъ получился отъ „непосредственнаго начальства", повторяю, лишь къ апрѣлю или въ апрѣлѣ, да и то не вездѣ. Но послѣ рескрипта стало неудобно преслѣдовать трезвенническую пропаганду, пресѣкать или не допускать противоалкогольные приговоры. Въ виду рескрипта и акцизному вѣдомству стало не очень-то удобно имѣть въ производствѣ заторможенные приговоры о закрытіи казенокъ. Старыя ходатайства сельскихъ обществъ были какъ бы вынуты изъ-подъ спуда и во многихъ случаяхъ получили удовлетвореніе. Облегчилась такимъ образомъ возможность не только составить запретительный приговоръ, но и добиться положительныхъ результатовъ. Правда, попытки пресѣкать и не допускать были и послѣ рескрипта. Одну изъ нихъ, по корреспонденціи изъ Зарайскаго уѣзда, я отмѣтилъ выше. Беру аналогичное сообщеніе изъ Харьковской губерніи отъ 31 марта.

Въ с. Дергачи на сельскій сходъ, на которомъ рѣшено было обсудить вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ, собрались, кромѣ крестьянъ, женщины и молодежь; прибылъ и священникъ. Однако ни старшина, ни сельскій староста вопроса не подняли. Какъ потомъ выяснилось, имъ запрещено было это земскимъ начальникомъ. Тогда выступилъ священникъ. Сходъ единогласно постановилъ ходатайствовать о закрытіи питейныхъ заведеній. Энтузіазмъ участниковъ схода достигъ высшихъ предѣловъ. Изъ толпы неслась благодарность священнику. („Русское Слово", 1.IV).

При прежнихъ условіяхъ иной сельскій батюшка поопасался бы вооружать противъ себя администрацію. Но послѣ высочайшаго рескрипта не такъ оно страшно. То же произошло и въ отмѣченномъ выше случаѣ изъ практики Зарайскаго уѣзда: старшина не допускалъ созвать сходъ для обсужденія вопроса о закрытіи казенки, но крестьяне проявили настойчивость, ихъ поддержалъ священникъ, и сходъ состоялся... Говоря вообще,—крестьянское противоалкогольное движеніе получило въ рескриптѣ легальную опору и не упустило случая использовать ее. И, конечно, не только „рядовое крестьянство" не упустило случая. Нѣтъ недостатка въ такихъ, напр., фактическихъ сообщеніяхъ:

Царицынъ, 22.III. Въ с. Орловкѣ крестьяне по иниціативѣ мѣстной интеллигенціи въ цѣляхъ борьбы съ пьянствомъ открыли при обществѣ трезвости аудиторію для чтеній и спектаклей.

Николаевскъ, Самар. губ., 18,III. Въ с. Тонкотуровкѣ, Новоузенскаго у., въ цѣляхъ отвлеченія населенія отъ трактира группа мѣстной интеллигенціи рѣшила открыть кинематографъ.

Витебскъ, 18.III. На съѣздѣ народныхъ учителей Рѣжицкаго уѣзда обсуждался вопросъ о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ. Рѣшено развить усиленную пропаганду противъ пьянства,

Пензенскій съѣздъ сельскохозяйственныхъ обществъ—въ концѣ марта—„единогласно принялъ пожеланіе, чтобы общества стали во главѣ организованной борьбы съ пьянствомъ въ деревняхъ"; въ Юрьевѣ „эстонское общество трезвости рѣшило разослать въ разныя мѣстности 100 студентовъ" для чтенія лекцій о вредѣ пьянства и т. д. Сельское духовенство, народные учителя, кредитныя и кооперативныя организаціи занимаютъ чрезвычайно видное мѣсто въ нынѣшнемъ подъемѣ противоалкогольнаго движенія. Тамъ, гдѣ крестьянство и рабочіе непосредственно соприкасаются, они идутъ какъ бы рядомъ. Корреспонденціи „Русскаго Слова" изъ района Мальцевскихъ заводовъ, напр., отмѣчаютъ такое явленіе: крестьянскій сходъ дѣлаетъ запретительный приговоръ, а затѣмъ о закрытіи тѣхъ же казенокъ просятъ рабочіе. И характерная черта: сельскіе черносотенцы и, въ частности, „черносотенные попы" чаще всего относятся къ движенію холодно или даже враждебно и, какъ увидимъ ниже, для этого имѣются большіе резоны; сочувствуетъ, а во многихъ случаяхъ руководитъ прогрессивная или, по крайней мѣрѣ, благожелательная къ народу часть духовенства. Участвуетъ, а въ иныхъ случаяхъ и руководитъ, и наиболѣе прогрессивная часть сельской администраціи.

VI.

Надо сказать, что новыя вѣянія на верхахъ дали внизу выходъ изъ положеній, довольно-таки безвыходныхъ.

Начать хотя бы съ народныхъ учителей... По нынѣшнимъ временамъ, они должны быть совершенно лишены инстинктовъ общественности и пребывать на положеніи пустынножителей,—„сидѣть дома" и ни во что мірское не вмѣшиваться. Самомалѣйшія попытки сблизиться съ населеніемъ на почвѣ его общественныхъ нуждъ и невзгодъ взяты подъ подозрѣніе, преслѣдуются, пресѣкаются. Конечно, нельзя „заградить ротъ молотящему волу". Фактически учителя все-таки вмѣшиваются въ мірскія дѣла, работаютъ между прочимъ, въ кооперaціяхъ, участвуютъ во всякихъ другихъ общественныхъ сельскихъ дѣлахъ. Но чаще всего тайкомъ, какъ бы нелегально,—подвергаясь обычнымъ послѣдствіямъ. Такое состояніе вообще невыносимо. Особенно же невыносимо въ моменты подъема общественныхъ настроеній. И вдругъ противоалкогольныя рѣшенія

на верхахъ, рескриптъ, торжественные циркуляры... Въ сплошныхъ загражденіяхъ явилась брешь. Въ нее и устремились жаждущіе общественной работы. Народные учителя участвуютъ въ противоалкогольныхъ сельскихъ собраніяхъ и совѣщаніяхъ. Народные учители составляютъ и направляютъ уставы обществъ трезвости, — а такія общества за послѣдніе мѣсяцы во многихъ губерніяхъ возникаютъ десятками. Обыкновенно,—если хочешь учредить общество,—пошли уставъ и жди, пока начальство разрѣшитъ. Но для противоалкогольныхъ организацій при теперешней конъюнктурѣ дѣло упрощается:

Дмитровскъ, Орл. губ., 29.III. Въ с. Бобровѣ образованъ союзъ трезвенниковъ. Уставъ союза посланъ на утвержденіе. Не смотря на то, что уставъ еще не утвержденъ, трезвенники уже ведутъ бесѣды. Бесѣды охотно посѣщаются мѣстными крестьянами. Во главѣ противоалкогольной организаціи стоитъ свящ. Богдановъ и мѣстная учительница.

Попробуйте вести культурную работу въ деревнѣ, хотя бы и очень скромную,—сыскъ и доносительство поставлено нынѣ великолѣпно, безъ промедленія посыплются предупрежденія и пресѣченія. Но подъ флагомъ трезвости въ данное время можно собраться, вести бесѣды, чтенія. Даже учителямъ можно. Можно, не смотря на то, что имъ новѣйшій циркуляръ министра народнаго просвѣщенія окончательно „воспрещаетъ участіе въ общественныхъ союзахъ и организаціяхъ, кромѣ обществъ взаимопомощи и педагогическихъ"... Трезвенническая брешь, повторяю, въ особенности спасительна для народныхъ учителей. Но, разумѣется, она далеко не безразлична и для многихъ другихъ людей умственнаго труда, живущихъ въ селахъ.

Важна она и для кооперативовъ. Деревенскихъ дѣятелей по кооперапіи нерѣдко интересуетъ не столько узко-кооперативная, такъ сказать, хозяйственная дѣятельность, сколько культурная работа въ широкомъ смыслѣ. Она и налаживалась. Кооперативы сами собою становились центрами, гдѣ можно, если не получить, то прочесть газету или журналъ, добыть книжку, время отъ времени получить разумное развлеченіе. Администрація замѣтила и начала пресѣкать, — настойчиво требовать, чтобы кредитныя товарищества занимались только кредитомъ, потребительскія общества—только куплей-продажей и т. д... Беру нѣкоторыя газетныя сообщенія послѣдняго времени.

Въ Симбирскомъ уѣздѣ Тетюшское кредитное общество въ цѣляхъ борьбы съ пьянствомъ ассигновало 200 р. изъ прибылей на устройство кинематографа; при посредствѣ кинематографа предполагается распространять также сельскохозяйственныя свѣдѣнія.

Въ томъ же уѣздѣ Шумовское кредитное товарищество въ цѣляхъ борьбы съ пьянствомъ постановило открыть въ с. Шумовскомъ кинематографъ; онъ будетъ обслуживать и другія села въ районѣ товарищества.

Желѣзнинское кредитное товарищество, Екатеринославской губ., постано-

вило отчислить—послѣ закрытія казенной винной лавки—изъ своихъ прибылей 2000 р. на учрежденіе народнаго дома съ театромъ.

Бузовское кредитное товарищество, Екатеринославской губ., обратилось къ сельскому сходу съ просьбою поднять вопросъ о закрытіи въ селѣ казенной винной лавки; одновременно товариществомъ возбуждено ходатайство передъ земствомъ о субсидіи на постройку народнаго дома.

Зубцовское кредитное товарищество, Орловской губ., съ цѣлью отвлеченія крестьянъ отъ пьянства, постановило ходатайствовать передъ земствомъ объ открытіи при обществѣ народной библіотеки-читальни. Товарищество даетъ для библіотеки-читальни помѣщеніе и, кромѣ того, отъ себя ассигнуетъ нужныя средства на пріобрѣтеніе книгъ.

Уже эти немногія фактическія свѣдѣнія, которыя я рѣшаюсь привести, позволяютъ видѣть, что сельскія организаціи стремятся не только пополнять арсеналъ своихъ культурныхъ средствъ. Онѣ ведутъ также трезвенническую пропаганду, втягиваютъ въ нее земство, добиваются приговоровъ о закрытіи казенокъ, даютъ условныя обязательства: если винная лавка будетъ закрыта, то ассигновать такую-то сумму на постройку народнаго дома, и т. д.

Политика крестьянскихъ сходовъ также довольно сложна. Во многихъ случаяхъ сходъ, не дѣлая запретительныхъ приговоровъ, возбуждаетъ ходатайства объ открытіи тѣхъ или иныхъ культурныхъ учрежденій, имѣющихъ значеніе въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Въ одну только Николаевскую уѣздную земскую управу (Самарской губ.) поступилъ за послѣднее время цѣлый рядъ крестьянскихъ приговоровъ съ просьбами открыть въ селахъ библіотеки-читальни; просьбы мотивированы желаніемъ бороться противъ пьянства, отучать молодежь отъ кабаковъ и пивныхъ. Мѣстное земство слыветъ правымъ. Но мотивированныя такимъ образомъ просьбы оно, быть можетъ, не оставитъ безъ уваженія.

Во многихъ селахъ и волостяхъ, гдѣ не складывается большинства, необходимаго для запретительнаго приговора, отдѣльныя группы крестьянъ учреждаютъ общества и кружки трезвости Мѣстами цѣлью этихъ организацій является, такъ сказать, чистая трезвость,—воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ и ничего больше. Объ одной изъ нихъ читаемъ:

Въ с. Бусаевѣ, Рязанской губ., гдѣ недавно стало функціонировать общество трезвости, крестьяне-трезвенники выступили съ протестомъ противъ руководителей:

— Водку отняли, а взамѣнъ ничего не даете.

Въ виду этого руководители стали хлопотать объ устройствѣ разумныхъ развлеченій.

Довольно многочисленны свѣдѣнія о трезвенныхъ организаціяхъ болѣе широкаго и жизнеспособнаго типа:

Крестьяне с. Крещенки, Уфимской губ., по собственной иниціативѣ образовали общество трезвости... Рѣшили выписывать газеты и журналы.

Въ поселкѣ Ртищевѣ, Саратовской губ., только что открытый антиалко-

гольный союзъ намѣтилъ себѣ программой пропаганду трезвости, борьбу съ шинкарствомъ, устройство лекцій, концертовъ.

Въ Кременчугскомъ уѣздѣ организовалось нѣсколько кружковъ трезвости; въ программу своей дѣятельности они ставятъ повышеніе культурнаго уровня деревни путемъ устройства спектаклей, бесѣдъ и курсовъ для взрослыхъ.

Обильны и такія свѣдѣнія:

Сходъ с. Лоцманской Каменки, Екатеринославской губ., постановилъ ходатайствовать о закрытіи казенной винной лавки и объ открытіи, вмѣсто нея, библіотеки и читальни.

Межирѣчевскій сельскій сходъ, Гродненской губ., составилъ приговоръ о закрытіи казенной винной лавки и объ организаціи народныхъ чтеній.

Крестьяне села Сухой Печовки, Пензенской губ., постановили на сходѣ просить о закрытіи винной лавки и объ открытіи вмѣсто нея, школы.

Сходъ с. Кубенскаго, Вологодской губ., единогласно постановилъ просить о закрытіи имѣющихся въ селѣ казенныхъ винныхъ и пивныхъ лавокъ; въ связи съ этимъ приговоромъ крестьянинъ Прибытковъ жертвуетъ на постройку народнаго дома 500 р.

Во многихъ случаяхъ крестьяне, составивъ запретительный приговоръ, тутъ же на сходѣ организуютъ и учреждаютъ общество трезвости,—на послѣднее какъ бы падаетъ исполненіе культурныхъ мѣропріятій и предположеній. Теперь, при министрахъ Кассо и Маклаковѣ, когда даже Томску не разрѣшаютъ открыть народный университетъ, стремленіе заводить по селамъ народные дома, аудиторіи, курсы, лекціи, представляется довольно безплоднымъ. „Безнадежная затѣя“. Сомнительно даже, чтобы помогло трезвенничество. Но все-таки думается: а вдругъ поможетъ? И, во всякомъ случаѣ, при помощи трезвенничества можно хоть заявить во всеуслышаніе и офиціальнымъ порядкомъ о культурныхъ нуждахъ. При обыкновенныхъ условіяхъ поднять въ россійскомъ селѣ агитацію въ пользу открытія, положимъ, народной аудиторіи и добиться положительнаго рѣшенія на сходѣ, — значитъ забыть о существованіи урядниковъ, пресѣкающихъ агитацію, и земскихъ начальниковъ, утверждающихъ приговоры и правомочныхъ карать должностныхъ лицъ за допущеніе нежелательныхъ вопросовъ. Но если тѣ же самые вопросы мотивировать трезвенническими соображеніями, то и урядники не пресѣкутъ, и земскіе не запретятъ, и приговоръ, по крайней мѣрѣ, дойдетъ до высшей инстанціи. Эту неожиданную и, быть можетъ, кратковременную возможность деревня, видимо, и старается использовать.

Отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что движеніе лишь формально носитъ трезвенническій характеръ. Во многихъ отношеніяхъ оно трезвенническое и по существу. Достаточно напомнить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходы пытаются приговорами регламентировать потребленіе водки на праздникахъ и во время семейныхъ событій: опредѣляютъ, напр., что на крестинахъ и похоронахъ водки быть не должно, на свадьбахъ разрѣшается, но не болѣе

$^{3}/_{4}$ ведра, на Пасху не пить, въ храмовые праздники можно, но если допьяна, то штрафъ въ нѣсколько рублей... Въ нашихъ деревняхъ систематически, изо дня въ день пьетъ лишь относительно ничтожная часть населенія. Въ будни деревня трезва. И лишь въ праздники и во время семейныхъ событій обычай изстари требуетъ обильныхъ угощеній и возліяній. Водка наиболѣе болѣзненно отравляетъ именно праздничный бытъ крестьянства. Не секретъ, что старшее поколѣніе вообще хранитъ варварскую традицію устраивать по праздникамъ „разливанное море"; грамотное младшее поколѣніе давно уже тяготится ею. Если не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ нынѣ удалось съ общаго согласія объявить ее вредной, непозволительной, а, стало быть, и необязательной. Далѣе,—цѣлый рядъ приговоровъ категорически изгоняетъ водку съ сельскихъ сходовъ, запрещаетъ „могарычи" и т. д. Все это — явное доказательство, что крестьянство стремится облагообразить свой бытъ, очистить его отъ пьяныхъ привѣсковъ. Трезвенническій характеръ движенія, повторяю, выраженъ ясно. Но ясно выражено также и то, что движеніе это не только трезвенническое, но и культурное въ широкомъ смыслѣ.

И не только культурное. Кружки трезвости, кооперативы, сельскіе и волостные сходы, станичные сборы въ казачьихъ областяхъ проявляютъ особенную непримиримость къ шинкарству. Шинкарей рѣшаютъ безпощадно и неослабно преслѣдовать, разоблачать, подвергать карамъ. Въ нѣкоторыхъ прогрессивныхъ газетахъ по этому поводу высказывалось нареканіе сходамъ и кооперативамъ: разоблаченіе и уловленіе шинкарства можно бы, дескать, предоставить полиціи. Но крестьянскіе сходы, наоборотъ, проявляютъ тенденцію обходиться въ этомъ случаѣ именно безъ полиціи. Разоблаченіе шинкарства возлагается на старостъ или на особо избранныхъ самими же крестьянами лицъ. Нерѣдко обнаруживается стремленіе и наказывать шинкарей помимо полиціи и общихъ судовъ. Во многихъ случаяхъ сходы вырабатываютъ даже своеобразныя карательныя нормы, довольно суровыя, но не поддающіяся законному оформленію: кто собственно будетъ налагать взысканіе, по какому праву, и почему шинкарь обязанъ подчиняться? Юридически эта позиція очень слаба. Слаба она и съ болѣе общихъ точекъ зрѣнія: все-таки не дѣло общественныхъ организацій заниматься сыскомъ, хотя бы и съ трезвенническими цѣлями. Но есть въ ней житейская неизбѣжность, да, пожалуй, и политическій смыслъ.

Шинкарство давно уже стало офиціально непризнаннымъ, нелегальнымъ, но терпимымъ и весьма откровеннымъ придаткомъ къ казенной монополіи. Это главнѣйшій агентъ казны, приближающій водку къ населенію и приспособляющій продажу къ привычкамъ и покупнымъ средствамъ потребителя. До казенки далеко. Шинкарь во всякомъ мѣстѣ. Онъ торгуетъ во всякое время дня и

ночи. Въ казенкѣ отпускаютъ сотками, полсотками въ запечатанной посудѣ. Шинкарь нальетъ и рюмочку. Казенка отпускаетъ за наличныя. Шинкарь открываетъ кредитъ, принимаетъ залоги, не откажется при случаѣ отпустить шкаликъ за пятокъ или десятокъ яицъ, за охапку льна или пеньки. Казенка торгуетъ на выносъ—сухо и непривлекательно. У шинкарей и шинкарокъ нерѣдко торгъ распивочно, съ закусочкой и со многими удобствами,—и картишки, и женскій полъ... Тайный шинокъ — порой низкопробный игорный притонъ и вмѣстѣ домъ непотребства. И это полбѣды, если явный домъ непотребства. Гораздо опаснѣе учрежденія промежуточныя, завуалированныя даже для населенія. Въ провинціи имѣются шинки, спеціально разсчитанные на подростковъ. Антрепризу держитъ какая-либо многоопытная старуха, вдова или мужняя жена. При ней на положеніи племянницъ или иныхъ родственницъ 2-3 смазливыхъ дѣвицы. Не то, что гулящія. Наоборотъ, дѣвицы соблюдаютъ себя. Онѣ лишь „веселы", привлекательны, кружатъ голову подросткамъ. И живущіе при родителяхъ тащатъ тетенькѣ отцовское добро, а начавшіе работать оставляютъ у тетеньки цѣлыя „получки", весь свой полумѣсячный или мѣсячный заработокъ. Есть шинки, спеціально разсчитанные на завлеченіе рабочихъ. Въ бойкихъ прифабричныхъ или трактовыхъ селахъ, гдѣ много чужихъ или пріѣзжающихъ людей, шинкарствуетъ порою добрая треть или даже половина взрослаго женскаго населенія. „Чуть не въ каждомъ домѣ шинокъ". Между шинкарками идетъ конкуренція. Одна старается быть привлекательнѣе другой. И у дочекъ передъ родителями, а у женъ передъ мужьями есть оправданіе,—„заработокъ"... „Баба шутя на корову заработала", „дѣвка сама себѣ приданое сладила",—лестно... А сколько прибыли получаетъ казна, какіе доходы извлекаются полицейскими мздоимцами и лихоимцами,—не сосчитаешь. Доходы казны, вѣроятно, надо считать многими десятками милліоновъ. Въ селахъ, гдѣ это привилось, въ нынѣшнее противоалкогольное движеніе мужчинамъ приходится принимать особыя мѣры относительно бабъ. Бабы энергически агитируютъ противъ трезвенности, каждый въ отдѣльности взятый мужикъ слабъ, не можетъ устоять,—и мужики держатся скопомъ, рѣшительно удаляютъ женщинъ съ совѣщаній и сходовъ, стараясь сохранить втайнѣ сужденія и голосованія: узнаютъ бабы, кто какъ говорилъ и голосовалъ,—загрызутъ [1]).

Въ циркулярѣ министра финансовъ высказывается мнѣніе, что сидѣльцамъ казенныхъ лавокъ шинкари и шинкарки довольно извѣстны... Еще бы: то и дѣло „забираютъ" водку корзинами, ящи-

[1]) Судя по газетнымъ корреспонденціямъ, такія мѣры примѣнялись, напр., въ тѣхъ селахъ Орловской и Курской губерніи, въ которыхъ очень значительная или даже большая часть взрослаго женскаго населенія промышляетъ шинкарствомъ.

ками, пріѣзжаютъ на подводахъ. Какъ не знать благодѣтелей и благодѣтельницъ, которые помогали сидѣльцамъ получать преміи и награды за усиленную продажу водки. Извѣстны они и полиціи,— по крайней мѣрѣ, урядникамъ и стражникамъ. Шинкарство—одна изъ доходнѣйшихъ статей, — вродѣ черты осѣдлости. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ шинкарствуютъ весьма близкія къ стражникамъ и въ особенности къ сыщикамъ лица: братья, жены, свояченицы, любовницы. Мало того,—особо зловредные шинки иногда оказываются опорными пунктами полицейскаго сыска. Тутъ спаиваютъ, тутъ развращаютъ, тутъ скупаютъ краденное, и тутъ же притонъ „извѣстныхъ полиціи воровъ“, которые сами не разберутъ, кто изъ нихъ просто воръ, а кто, сверхъ того, и „агентъ“. Именно поэтому зловреднѣйшіе виды шинкарства неуязвимы, борьба противъ нихъ даже опасна, и лишь въ данное время рескриптомъ и циркулярами открываются нѣкоторыя новыя возможности. Мудрено ли, что населеніе не обращается къ содѣйствію полиціи и обнаруживаетъ склонность своими средствами сосчитаться съ однимъ изъ ядовитѣйшихъ—особенно наглядныхъ въ деревенскомъ быту—послѣдствій системы и административныхъ нравовъ, воспитанныхъ безотвѣтственностью.

И надо понять особенныя условія момента. Недовольство повсемѣстное, общее и напряженное. Настроеніе приподымающееся. Жажда дѣйствія пока безысходна. Часто неизвѣстно даже, куда ее направить. И силы естественно пошли по линіи наименьшаго сопротивленія. Нападенію подверглось то, что начальству и его приспѣшникамъ трудно защищать логически и юридически. Трудно защищать ужь самый кабакъ, хотя онъ и казенный. Еще труднѣе защищать шинкарство, хотя оно является органическимъ придаткомъ къ винно-монопольной и общеадминистративной системѣ. Къ этому нападенію на слабѣйшіе пункты присоединилась жажда расширить культурныя пріобрѣтенія. Попутно молодая новая деревня старается уничтожить спаиваніе цѣлыхъ сходовъ водкой, вывести отравленіе и обезображеніе праздничнаго и семейственнаго быта пьянствомъ. Можно подмѣтить въ нынѣшнемъ противоалкогольномъ движеніи и разныя другія струи. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ оно, напр., явственно направлено противъ духовенства, противъ освященнаго обычаями обрядового пьянства. Но это—черта мѣстная и частная. Я старался отмѣтить лишь тѣ особенности движенія, которыя мнѣ представляются болѣе общими и важными.

По капризу судебъ народное движеніе совпало со сложными колебаніями на бюрократическихъ верхахъ. Нападать на зеленаго змія и змѣенышей его стало не только сравнительно легко, но и прямо разрѣшено. Въ отдѣльныхъ губерніяхъ даже рекомендуется учинять нападеніе. Народъ—положимъ, въ Рязанской губ.— за короткое время постановляетъ закрыть десятки казенокъ. А затѣмъ и губернаторъ циркулярно предписываетъ земскимъ началь-

никамъ всемѣрно пещись о закрытіи. Въ концѣ концовъ офиціозное телеграфное агентство стало даже отмѣчать въ своихъ бюллетеняхъ крестьянскіе запретительные приговоры. И понятно: вѣдь теперь это приговоры уже не проявленіе оппозиціонности; теперь ихъ надо толковать, какъ откликъ народа на призывъ власти, какъ единеніе власти съ народомъ...

Трудно надѣяться, чтобы офиціознаго благожелательства хватило надолго. Его не хватаетъ даже на первые дни. Акцизное вѣдомство соглашается закрывать казенныя винныя лавки, но вслѣдъ затѣмъ тутъ же или въ ближайшемъ сосѣдствѣ разрѣшаетъ частнымъ лицамъ открывать ренсковые погреба [1]). Запретительные приговоры не пресѣкаются, позволяется и преслѣдовать шинкарей, но первыя же попытки устраивать хотя бы только трезвенныя лекціи частенько оканчиваются весьма плачевно. Препоны будутъ. А затѣмъ—движеніе въ самомъ себѣ таитъ сѣмена невзгодъ. Помимо всего прочаго, въ немъ слишкомъ много прямолинейности, максимализма невѣдѣнія: всякую торговлю спиртными напитками прекратить, даже со станціонныхъ буфетовъ спиртуозное изгнать, всякую тайную торговлю водкой извести... Къ сожалѣнію, вопросъ объ алкоголизмѣ рѣшается отнюдь не просто. За чрезмѣрною упрощенностью неизбѣжны огорченія и разочарованія. Но это впослѣдствіи. А пока благороднымъ винокурамъ безпокойство. И не только потому, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ,—напр., въ Кіевской—цифровые мѣсячные подсчеты обнаруживаютъ за послѣднее время замѣтный упадокъ „потребленія питьевого спирта“.

А. Петрищевъ.

P. S. Въ засѣданіи Государственной Думы 22 апрѣля, назначенномъ для начала общихъ сужденій по бюджету, состоялось, наконецъ, выступленіе „обновленнаго“ совѣта министровъ во главѣ съ предсѣдателемъ. И. Л. Горемыкинъ обратился къ Думѣ не съ декларацiей, какъ предполагалось и какъ слѣдовало бы, а всего лишь съ краткимъ „привѣтственнымъ словомъ“. Попытка сказать это „слово“ встрѣтила со стороны соціалъ-демократовъ и трудовиковъ пріемъ, аналогичный тому, какому подвергся въ I Думѣ военный прокуроръ Павловъ. Но большинство I Думы отнеслось къ Павлову гораздо рѣзче (кричали: „вонъ, палачъ“, и т. д.). На сей разъ соціалъ-демократы и трудовики въ знакъ протеста противъ послѣднихъ дѣйствій совѣта министровъ и въ особенности противъ рѣшенія привлекать депутатовъ къ суду за рѣчи въ Думѣ, лишь

[1]) Одна изъ такихъ операцій продѣлана недавно, напр., подъ Москвой,—въ с. Давыдковѣ („Русское Слово“, 12. IV).

стучали пюпитрами и заглушали слова г. Горемыкина. Въ виду этого предсѣдатель Думы счелъ возможнымъ и необходимымъ трижды извиниться передъ представителемъ правительства; по предложенію г. Родзянка думскимъ большинствомъ всѣ наличные члены обѣихъ протестовавшихъ фракцій — 21 депутатъ — подвергнуты исключенію на 15 засѣданій каждый; а такъ какъ нѣкоторые исключенные отказались подчиниться этому постановленію, то, по распоряженію г-на Родзянка, въ залъ засѣданій троекратно вводили отрядъ военной охраны для примѣненія силы. По совершеніи всего этого, И. Л. Горемыкинъ сказалъ свое „краткое привѣтственное слово“.

Протестовали въ данной формѣ и подверглись исключенію только трудовики и соціалъ-демократы. Кадеты въ этомъ протестѣ не участвовали и воздерживались отъ подачи голоса по вопросу объ исключеніи каждаго протестующаго на 15 засѣданій. А часть прогрессистовъ даже голосовала за исключеніе.

По краткости срока, какой остается до выпуска очередного номера журнала, оцѣнку происшедшаго приходится отложить до слѣдующей книжки.

А. П.

Обозрѣніе иностранной жизни.

1. Вопросы войны и мира.—2. Эльзасъ-Лотарингія и франко-германскія отношенія.—3. Французская избирательная кампанія.—4. Выборы въ Швеціи.

I.

Мнѣ уже неоднократно, то по одному, то по другому поводу, то съ той, то съ иной стороны, приходилось касаться вопроса объ обостреніи шовинизма и воинственнаго настроенія, полосу котораго переживаетъ культурный міръ. Эта международная вражда приняла теперь такія формы, вызываетъ такіе громадные расходы, отрываетъ такую часть цвѣта населенія на дѣла войны, что сами участники въ этой отчаянной гоньбѣ по пути вооруженій неоднократно задаются вопросомъ: да когда же все это кончится? И что дѣлать, чтобы облегчить хоть до нѣкоторой степени бремя матеріальныхъ и духовныхъ жертвъ, лежащее болѣе, чѣмъ когда-либо, на плечахъ человѣчества? Вся Европа превратилась въ одинъ огромный военный лагерь. Вся ощетинилась самыми смертельными орудіями разрушенія. Составились союзы и соглашенія, поражающіе своею парадоксальностью и глубокимъ противорѣчіемъ въ по-

литическихъ учрежденіяхъ и культурныхъ задачахъ союзниковъ [1]). Не мудрено, что повсюду дѣлаются попытки какъ-нибудь измѣнить это положеніе. Повсюду выдвигаются планы приведенія современной, вооруженной съ головы до ногъ, Европы въ болѣе нормальный видъ.

Передо мною, напр., лежитъ книга, написанная въ сотрудничествѣ тремя французами и дающая съ извѣстной точки зрѣнія рѣшеніе этой грозной задачи современности. Къ этой книгѣ, озаглавленной „Вооруженный міръ и проблема Эльзаса во мнѣніи молодыхъ французскихъ поколѣній“ [2]), мы еще вернемся. Пока достаточно сказать, что наши авторы видятъ источникъ зла, обрушившагося на культурный міръ, въ насильственномъ присоединеніи къ Германской имперіи французскихъ провинцій Эльзаса и Лотарингіи. Они предлагаютъ для выхода изъ создавшагося положенія вещей извѣстное соглашеніе между обѣими странами по поводу областей, служащихъ предметомъ раздора. Но намъ хотѣлось бы высказать прежде всего нѣсколько соображеній относительно общихъ причинъ милитаризма въ наши дни.

Конечно, вопросъ Эльзаса и Лотарингіи имѣетъ серьезное значеніе. Нѣкоторые дальновидные политики въ свое время предостерегали Бисмарка отъ захвата чужихъ территорій. Они предвидѣли, что на этой почвѣ между двумя наиболѣе культурными странами европейскаго континента ляжетъ глубокая пропасть вражды. Они напоминали „желѣзному канцлеру“, что, не смотря на побѣды надъ Австріей, самъ же онъ отнесся отрицательно къ домогательствамъ прусской военной партіи и рѣшительно отказался отъ какихъ бы то ни было территоріальныхъ пріобрѣтеній въ имперіи Габсбурговъ, положивъ, благодаря этому, начало прочному мирному сожительству между двумя странами. И они рѣзко упрекали Бисмарка въ томъ, что онъ не сталъ на такую же точку зрѣнія при заключеніи договора съ побѣжденной Франціей.

Было бы однако не совсѣмъ вѣрно искать причинъ современной военщины исключительно въ эльзасскомъ вопросѣ. Послѣдній можетъ считаться, если хотите, однимъ изъ главныхъ очаговъ милитаристской гангрены. Но нельзя закрывать глаза и на другіе факторы, влекущіе пока культурный міръ въ направленіи ко всей большей и большей милитаризаціи государствъ. Эти факторы должны,

---

[1]) См., напр., критику тройственнаго союза анонимнымъ нѣмецкимъ бюрократомъ: Regierungsrath G., „Der Starke ist am mächtigsten allein“; Берлинъ, 1914,—критику, грѣшащую, правда, тѣмъ, что авторъ на все смотритъ съ дипломатической точки зрѣнія и понятія не имѣетъ о живыхъ историческихъ силахъ. Еще болѣе рѣзкую и основательную критику можно было бы направить противъ тройственнаго соглашенія, которое связываетъ двѣ свободнѣйшія страны Западной Европы съ оффиціальной, до сихъ поръ глубоко бюрократической Россіей.

[2]) Laurent, Norard et Mercereau, „La paix armée et le problème d'Alsace dans l'opinion des nouvelles générations françaises“; Парижъ, 1914.

несомнѣнно, носить гораздо болѣе общій характеръ. Демонъ военщины царитъ и въ далекихъ отъ Европы странахъ, въ Японіи, въ великой заантлантической республикѣ, и въ южно-американскихъ государствахъ. Съ другой стороны, если система вооруженнаго мира, дурно или хорошо, но все же предотвращаетъ столкновенія между крупными государствами въ самой Европѣ, то вся ихъ внѣшняя политика по отношенію къ экзотическимъ странамъ выражается въ завоевательныхъ планахъ и въ безпрестанномъ напряженномъ отстаиваніи своихъ такъ называемыхъ колоніальныхъ интересовъ.

Въ частности, нѣкоторые, современные экономисты полагаютъ даже, что имперіализмъ нашихъ дней является однимъ изъ неизбѣжныхъ пріемовъ современнаго капиталистическаго хозяйства разрѣшить задачу „накопленія капитала и воспроизводства его въ расширенномъ масштабѣ“ (терминологія Маркса) при условіяхъ, ставящихъ препятствія этому процессу вслѣдствіе недостаточнаго сбыта продуктовъ и неодинаковой быстроты обращенія различныхъ частей капитала. Борьба за внѣшній рынокъ при хроническомъ внутреннемъ перепроизводствѣ и разстройствѣ обращенія является главнѣйшимъ стимуломъ колоніальнаго милитаризма (между тѣмъ, какъ внутри каждой страны милитаризмъ усердно поддерживается требованіями военныхъ круговъ, банкировъ и заводчиковъ). И въ этомъ отношеніи не безъ основанія указываютъ, напр., на все ростущую вражду между Англіей и Германіей, которыя видятъ въ безпрерывномъ увеличеніи флота одну изъ могущественнѣйшихъ опоръ для распространенія своихъ торговыхъ сношеній. Такимъ образомъ точки враждебнаго соперничества крупныхъ культурныхъ странъ въ колоніяхъ все увеличиваются въ то самое время, какъ у себя, въ Европѣ, эти страны стараются по возможности уберечься отъ войны со столь же культурными сосѣдями путемъ своеобразной политической страховки и перестраховки опасностей при помощи союзовъ.

Но и этого экономическаго или, говоря вообще, матеріальнаго фактора не достаточно для объясненія напряженности того воинственнаго и шовинистскаго настроенія, которое бросается въ глаза современному политическому наблюдателю. Тутъ играетъ большую роль еще идейный, культурный факторъ, который является однимъ изъ симптомовъ общаго роста цивилизаціи, но, къ сожалѣнію, при данныхъ условіяхъ превращается въ реакціонную силу. Мы говоримъ о безпрестанномъ увеличеніи политическаго значенія широкихъ, но еще мало образованныхъ и полусознательныхъ слоевъ, представляющихъ подходящій матеріалъ и орудіе для эгоистической шовинистской политики привилегированныхъ классовъ. Какъ всегда бываетъ при развитіи живого организма, наступаетъ такой моментъ, когда онъ начинаетъ не мало страдать въ силу того, что учится выполненію извѣстнаго ряда дѣйствій, необходимыхъ ему для дальнѣйшаго существованія, но совершаемыхъ имъ въ

первое время очень неуклюже и даже могущихъ ставить его въ критическое положеніе. Ходьба, бѣганіе, плаваніе, различныя игры ребенка, несомнѣнно, заключаютъ въ себѣ извѣстный моментъ опасности, пока эти различнаго рода дѣйствія не превратятся въ обычныя.

Въ силу извѣстнаго историческаго парадокса прошлый XIX вѣкъ, который былъ періодомъ выработки гуманнаго соціалистическаго міровоззрѣнія, соединяющаго всѣ народы въ одномъ общемъ идеалѣ мира, труда и свободы, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкомъ національныхъ движеній, путемъ которыхъ націи искали объединенія на почвѣ одинаковаго языка, близкаго расоваго происхожденія, сходства культуры. Именно поэтому и соціалистическія движенія приняли форму интернаціональную, а не космополитическую, которая характеризовала общественную жизнь XVIII вѣка, вѣка просвѣщенія. Тогдашній космополитизмъ былъ общностью идейныхъ и гражданскихъ интересовъ привилегированныхъ классовъ, представители которыхъ охотно считали себя гражданами всего культурнаго міра, имѣли даже одинъ общій языкъ для обмѣна мыслей, а именно французскій, и если не всегда съ презрѣніемъ, то всегда съ большимъ отчужденіемъ относились къ своимъ соотечественникамъ низшихъ классовъ.

Съ великой французской революціи выступаютъ на арену политической дѣятельности все болѣе и болѣе широкіе круги населенія, начиная отъ свободомыслящей буржуазіи и переходя къ самымъ низамъ трудового человѣчества. Европа должна была фатально пройти черезъ тотъ періодъ, когда эти широкіе слои, предводимые передовой буржуазіей, старались создать себѣ „естественныя“ политическія границы, въ которыхъ они могли бы безпрепятственно сложиться въ національные организмы, управляемые національными же правительствами. Послѣ войнъ Наполеона и послѣдовавшихъ кромсаній живыхъ національностей произвольными границами на основаніи капризовъ реакціонной дипломатіи и разныхъ „священныхъ союзовъ“, боровшихся противъ пріобрѣтеній великой революціи, крупными европейскими войнами, войнами между культурными странами, были какъ разъ войны за національное самоопредѣленіе. Франко-итало-австрійская война 59 г., шлезвигъ-голштинская кампанія 1864 г., австро-прусская война 66 г., франко-германская война 70 - 71 г., а въ извѣстной степени и русско-турецкая война 77 - 78 г. и двѣ послѣднія балканскія войны 1912-13 г. являются столкновеніями народовъ изъ-за національныхъ въ широкомъ смыслѣ этого слова интересовъ,—изъ-за возможности для той или другой національности, расы, народа, говорить на своемъ языкѣ, ходить въ свою церковь, учиться въ своей школѣ, управляться своими правительствами.

Это—процессъ совершенно естественный. Мало того, неизбѣжный на извѣстной ступени развитія. Та или другая нація объе-

диняется въ одинъ организмъ и отмежевывается отъ другихъ организмовъ подобно тому, какъ извѣстное живое существо, развиваясь, и дифференцируетъ свои органы, и интегрируетъ ихъ вмѣстѣ въ одну цѣльную особь. Но у этого положительнаго процесса, какъ почти всегда было до сихъ поръ въ человѣческой исторіи, есть и отрицательная сторона. Великіе процессы національнаго самоопредѣленія не могли быть совершены иначе, какъ опираясь на широкія массы. А послѣднія, рядомъ съ здоровыми инстинктами миролюбія и труда, хранили въ своей душѣ атавистическіе инстинкты вражды къ иноплеменнику, къ чужеродцу, къ человѣку, говорящему инымъ языкомъ и держащемуся иныхъ обычаевъ Именно потому, что эти широкія массы являлись и субъектомъ, и объектомъ, и цѣлью, и рычагомъ совершавшихся международныхъ столкновеній, онѣ зачастую превращались въ орудіе господства, instrumentum regni, привилегированныхъ демагоговъ среди имущихъ и правящихъ классовъ, которые въ наиболѣе передовыхъ политическихъ странахъ европейскаго континента, вродѣ Франціи, Италіи, Бельгіи, были представлены преимущественно буржуазіей, а въ странахъ болѣе отсталыхъ—буржуазіей съ примѣсью феодализма и придворной аристократіи.

Эти элементы и занялись демагогическою дѣятельностью среди начавшихъ пріобщаться къ сознательной политической жизни широкихъ слоевъ, какъ только прогрессъ демократическихъ и соціалистическихъ идей въ ихъ средѣ сдѣлалъ для привилегированныхъ классовъ опаснымъ дальнѣйшее развитіе трудового народа. Не забудемъ, что съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ XIX вѣка не только большинство государствъ демократизировалось, принуждено было допустить все большее и большее участіе въ управленіи народныхъ массъ, но среди послѣднихъ распространилось соціалистическое ученіе. И притомъ распространилось какъ въ формѣ первоначальныхъ, выработанныхъ благороднѣйшими выходцами изъ буржуазіи идеальныхъ системъ общежитія, такъ и въ видѣ послѣдующихъ практическихъ требованій, клонящихся къ коренному измѣненію всего современнаго строя. Однимъ изъ любимѣйшихъ и наиболѣе цѣлесообразныхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ привилегированные демагоги, чтобы отвести отъ себя опасность этого переворота, и является неустанная пропаганда шовинизма, вражды къ сосѣду, обожествленія арміи, подчиненія свободныхъ гражданъ военной дисциплинѣ. И какъ руководители второй французской имперіи бросились въ кровавую войну съ Германіей ради диверсіи, ради отвлеченія націи отъ демократическихъ идей, отъ энергичной республиканской оппозиціи, такъ и современные властители Германіи, Франціи, Италіи усердно вызываютъ если не самой войной, то вѣчной угрозой войны, отвлеченіе населенія отъ великаго соціальнаго вопроса. Умѣлая пропаганда верхами шовинистскихъ идей, крикливаго патріотизма,

воинственнаго настроенія среди широкихъ массъ, — и особенно среди полусознательной „улицы", легче всего подчиняющейся милитаристской агитаціи,—играетъ роль могущественнаго предохранительнаго клапана, который даетъ исходъ накопляющемуся въ народѣ оппозиціонному настроенію противъ внутреннихъ порядковъ и заставляетъ массы переводить свой гнѣвъ съ людей капитала и владѣнія въ своемъ отечествѣ уже на всѣхъ безъ различія сосѣдей, помѣщающихся за пограничнымъ столбомъ.

Надо признать, что привилегированные классы, и въ особенности буржуазія, оказались гораздо менѣе изжившими свой вѣкъ, гораздо болѣе энергичными и умными группами, чѣмъ это представлялось четверть вѣка тому назадъ, на рубежѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ, когда міровоззрѣніе труда, подвергшееся гоненію послѣ подавленія Коммуны, снова сдѣлало огромный скачокъ впередъ и самые безпристрастные наблюдатели увидѣли въ этомъ воскрешеніи соціализма чрезвычайно крупное явленіе эпохи. То было время, когда въ Англіи въ старые мѣхи трэдъ-юніонизма стало вливаться все болѣе и болѣе могучими волнами ученіе континентальнаго соціализма, благодаря проповѣди Гайндмэна, Уильяма Морриса, теперешняго министра, а тогда рабочаго агитатора Бёрнса. То было время, когда зазвучавшая во французскомъ парламентѣ послѣ скандаловъ Панамы рѣчь Жорэса и его товарищей заставила самыхъ заядлыхъ буржуазныхъ публицистовъ говорить о возрожденіи великаго соціальнаго настроенія 1848 г. То было, наконецъ, время, когда ростъ соціализма въ Германіи разломалъ плотину исключительнаго закона и германскій императоръ выбросилъ за бортъ государственнаго корабля знаменитаго лоцмана Бисмарка, съ которымъ онъ кореннымъ образомъ разошелся тогда въ оцѣнкѣ значенія соціалистической партіи.

Съ тѣхъ поръ соціализмъ повсюду распространился количественно, завоевалъ новыя области, проникъ въ самыя отдаленныя страны свѣта, сталъ неистребимымъ элементомъ политической и соціальной жизни, обсуждается въ парламентѣ, печати, на засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, но въ общемъ потерялъ въ извѣстной степени свое обаяніе и ослабилъ силу верженія своей апостольской пропаганды. Армія соціалистовъ, несомнѣнно, увеличилась, но пылъ ея, опять-таки говоря въ общемъ, какъ будто ослабъ. И на это явленіе нечего закрывать глаза прежде всего самимъ же сторонникамъ соціализма. Конечно, ростъ міровоззрѣнія труда заставилъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ и нѣкоторыя правительства пойти по пути соціальныхъ реформъ: примѣромъ тому служитъ Англія. Но въ самое ученіе соціализма проникло много элементовъ скептицизма, много поправокъ, ограниченій, которыя какъ бы свидѣтельствуютъ, что героическая эпоха распространенія системы, по крайней мѣрѣ, временно, прошла. Иные сторонники доктрины прямо указываютъ на то, что коли-

чественный прогрессъ соціализма вызвалъ качественное пониженіе его идеаловъ, и приписываютъ это черезчуръ быстрому привлеченію въ ряды соціалистовъ все новыхъ и новыхъ слоевъ, лишь приблизительно знакомыхъ съ принципами ученія.

Это, конечно, имѣетъ значеніе. Но тутъ, повидимому, играетъ роль и то сопротивленіе, какое оказали распространенію доктрины привилегированные классы, а, въ особенности, выдающіеся представители европейской буржуазіи. Соціалисты два десятка лѣтъ тому назадъ слишкомъ преувеличили процессъ ея внутренняго разложенія. Имъ казалось, что функція соціальнаго паразита, въ котораго ходъ эволюціи обратилъ буржуазію, уже подорвала окончательно жизненныя силы дѣятелей капитализма и его сознательныхъ выразителей. Теперь придется, пожалуй, признать, что по мѣрѣ того, какъ для третьяго сословія наростала опасность подвергнуться той самой участи, на которую оно обрекло нѣкогда своихъ предшественниковъ, въ немъ обнаружился запасъ пониманія и энергіи, какой бросается въ глаза и самымъ неумолимымъ его противникамъ.

И когда, напр., читаешь рядъ передовыхъ статей въ такомъ органѣ крупной европейской буржуазіи, какъ французское „Le Temps", то не можешь отдѣлаться отъ впечатлѣнія ловкости, натойчивости и незауряднаго маккіавелизма, съ которымъ встревоженный капиталъ защищаетъ свои интересы и свое существованіе, ведя неустанную шовинистскую агитацію. А рядомъ съ этимъ выразителемъ крупной буржуазіи, задающимъ тонъ въ полемикѣ для наиболѣе сознательныхъ сторонниковъ третьяго сословія, сколько существуетъ еще бульварныхъ и желтыхъ органовъ буржуазной печати, разсчитанныхъ на агитацію среди мало сознательныхъ слоевъ населенія и, въ частности, полуобразованной „улицы", которая поставляетъ столько защитниковъ милитаризма и вліяетъ своею импульсивностью на широкіе слои трудящихся! Припомнимъ, напр., что четыре самыя распространенныя французскія газеты, насчитывающія каждая милліоны читателей, „Le Petit Journal", „Le Petit Parisien", „Le Matin" и „Le Journal", всѣ находятся въ рукахъ одного колоссальнаго финансоваго синдиката, всѣ на предметъ выборовъ обзавелись даже общимъ политическимъ руководителемъ, Бріаномъ, и всѣ бьютъ въ одну точку, чрезвычайно искусно возбуждая шовинизмъ толпы сенсаціонными извѣстіями, алармистскими слухами и патріотической словесностью. Всякій разъ, когда идейная демократическая и соціалистическая пресса пыталась бороться съ этими гигантскими органами буржуазной печати, она въ лучшемъ случаѣ могла дѣйствовать до сихъ поръ только на кадры наиболѣе развитыхъ рабочихъ. Но масса грамотныхъ читателей среди трудящихся набирается и понынѣ свѣдѣній и заражается общимъ духомъ отъ органовъ бульварной и желтой печати, которая какъ разъ находится въ рукахъ

жесточайшихъ враговъ народа и съ которой не можетъ конкурировать неизмѣримо болѣе бѣдная рабочая печать.

II.

Указавъ на нѣкоторыя общія условія развитія шовинизма въ наше время, мы возвратимся къ частному вопросу, котораго коснулись въ началѣ статьи. Полосою проявленія наиболѣе сильныхъ шовинистскихъ грозъ въ Европѣ являются Франція и Германія, раздѣленныя вопросомъ Эльзаса-Лотарингіи, и ему-то и посвящена упомянутая книжка Лорана, Норара и Мерсеро. Ея авторы не принадлежатъ къ категоріи первостепенныхъ писателей. Но тѣмъ интереснѣе взгляды этихъ людей, являющихся хорошими средними выразителями мыслящей части французскаго общества. Именно потому, что общія причины милитаризма обостряются спеціально во Франціи и Германіи результатами Франкфуртскаго договора 1871 г., граждане обѣихъ сосѣднихъ странъ особенно живо чувствуютъ необходимость такъ или иначе рѣшить этотъ спорный вопросъ. Прежде всего вражда изъ-за Эльзаса-Лотарингіи обходится дѣйствительно очень дорого обоимъ враждующимъ государствамъ. Вслѣдствіе вотума (1 іюля 1913 г.) послѣдняго военнаго закона въ Германіи, увеличившаго мирный контингентъ имперской арміи до 872.000 человѣкъ, бюджетъ арміи и флота превзойдетъ, начиная съ 1914 г., 2750 милліоновъ франковъ. Нѣмцамъ уже пришлось пустить въ ходъ для пополненія недостающихъ суммъ единовременный военный взносъ въ видѣ налога на капиталъ, всего въ размѣрѣ 1250 милліоновъ франковъ, которые требуются на чрезвычайныя военныя издержки, а, сверхъ того, поднять пропорцію налога на наслѣдство для покрытія новыхъ 300 милліоновъ обыкновенныхъ расходовъ и т. д. Съ другой стороны, во Франціи возвращеніе къ трехлѣтней службѣ временно довело мирный контингентъ французской республики до 660.000 человѣкъ,— что сказалось на увеличеніи военныхъ расходовъ, включая сюда статьи, замаскированныя подъ разными названіями въ другихъ частяхъ бюджета, до 2 милліардовъ франковъ въ годъ, и въ государственномъ хозяйствѣ образовался ежегодный дефицитъ не менѣе 800 милліоновъ франковъ. Сопоставимъ, кстати, съ этими цифрами издержки Англіи, преимущественно (почти въ размѣрѣ $^2/_3$) на флотъ подъ вліяніемъ соперничества съ нѣмецкимъ флотомъ: онѣ достигли въ 1914 г. 2250 милліоновъ франковъ.

Опираясь на интересныя вычисленія профессора Шарля Жида, наши авторы приходятъ къ заключенію, что три наиболѣе культурныя страны Европы приносятъ Молоху войны настоящую десятину, или, точнѣе говоря, $^1/_{12}$ всего годового дохода, какъ явствуетъ изъ нижеслѣдующей таблицы [1]:

---

[1]) l. c., стр. 27.

Страны.	Общее богатство страны въ милліардахъ франк.	Общій доходъ	Издержки на армію и флотъ.	Отношеніе военныхъ издержекъ къ общему доходу.	
		каждой страны въ милліонахъ фр. въ годъ.		Точныя цифры.	Цифра приблизительная.
Франція. .	280	25.200	2.000	$\frac{1}{12,6}$	$\frac{1}{12}$
Англія. . .	320	28.000	2.250	$\frac{1}{12,8}$	
Германія. .	380	34.500	2.750	$\frac{1}{12,5}$	

А если прибавить къ этому 2 милліарда фр. русскаго военнаго бюджета, 1 милліардъ австрійскаго, 900 милліоновъ итальянскаго, то мы получимъ около 11 милліардовъ франковъ лишь для однихъ великихъ европейскихъ державъ. Присоединяя же къ этому итогу $1^1/_2$ милліарда военныхъ издержекъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ странъ Европы, мы достигаемъ общей суммы въ $12^1/_2$ милліардовъ въ годъ. Авторы не предвидятъ конца этой гонки націй на поприщѣ вооруженій, если только онѣ не рѣшатся, наконецъ, отказаться отъ дальнѣйшаго запугиванія своихъ воображаемыхъ враговъ и отъ собственнаго гипноза страха, отъ самовнушенія, заставляющаго каждую страну среди глубокаго мира все время думать о дѣлахъ войны.

У авторовъ невольно вырывается горячая отповѣдь милитаристамъ: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что чѣмъ большую важность пріобрѣтаетъ военный элементъ въ странѣ, тѣмъ болѣе увеличиваются и шансы войны. Нѣтъ болѣе жалкаго софизма, какъ ходячее выраженіе, утверждающее, будто для обезпеченія мира нужно самымъ дѣятельнымъ образомъ готовиться къ войнѣ... Духъ милитаризма развивается въ народѣ по мѣрѣ того, какъ военный классъ получаетъ все болѣе и болѣе значенія. И, наконецъ, наступаетъ день, когда этотъ духъ пріобрѣтаетъ преобладающее вліяніе и вызываетъ войну. За отсутствіемъ всякаго международнаго соглашенія взаимодѣйствіе между странами въ смыслѣ усиленія ихъ вооруженій почти фатально. Оправдывайте его, говоря, что оно неизбѣжно, если страна не беретъ на себя иниціативы въ этомъ дѣлѣ, а ограничивается тѣмъ, что слѣдуетъ за другими націями. Но не говорите же народу, что увеличеніе военныхъ издержекъ упрочиваетъ миръ. Справедливо какъ разъ противоположное. Усиленіе вооруженій несетъ съ собою войну,

а не миръ“ [1]). И, замѣтьте, составители книги отнюдь не являются принципіальными антимилитаристами. Они даже прямо говорятъ, что не принадлежатъ, напр., ни къ какой соціалистической партіи, а предпочитаютъ опираться въ своей критикѣ на общія соображенія и аппеллировать къ здравому смыслу націй.

Отъ этой критики современнаго положенія наши авторы переходятъ къ выясненію его причинъ. Они находятъ ихъ въ политикѣ Франціи и Германіи по отношенію къ Эльзасу-Лотарингіи. Раньше мы видѣли, что однимъ этимъ вопросомъ нельзя еще объяснить громаднаго роста милитаризма на земномъ шарѣ и даже отя бы только въ Европѣ. Но изслѣдованія составителей книги мѣютъ то значеніе, что, ограничивая задачу опредѣленнымъ случаемъ, они даютъ возможность читателю лучше вдуматься въ тѣ фатальныя недоразумѣнія, которыя раздѣляютъ одинъ народъ отъ другого.

Любопытно, что „имперская земля“, называемая нынѣ Эльзасомъ-Лотарингіей и составлявшая, во время второй французской имперіи, два департамента Верхняго и Нижняго Рейна и болѣе или менѣе значительныя части трехъ другихъ, Мозеля, Мёрты и Вогезовъ, была въ сущности, не смотря на свою принадлежность къ Франціи, двойственной по культурѣ страной, хотя и съ преобладаніемъ германскаго элемента. Еще въ 1857 г. Ренанъ писалъ: „Мы обладаемъ нѣмецкой колоніей, которая, находясь въ широкомъ общеніи съ центромъ французскихъ идей, еще болѣе непосредственно питается грудью тѣсно связанной съ ней Германіи. То—Страсбургскій университетъ. Эта скромная и ученая школа, индивидуальность которой была пощажена центральной администраціей, является среди насъ лучшимъ остаткомъ провинціальныхъ учрежденій, оказывавшихъ такое хорошее воздѣйствіе на развитіе человѣческой личности“. Чуть не шестьдесятъ лѣтъ спустя, англичанинъ Уильямсъ, который весной 1913 г. производилъ анкету для газеты „Daily Mail“ относительно духа Эльзаса-Лотарингіи, говоритъ въ свою очередь: „Эльзасъ-Лотарингія не представляетъ собою ни цѣликомъ французской, ни совершенно нѣмецкой земли. Она—смѣсь двухъ. Она говоритъ двумя языками и характеръ ея цивилизаціи двойной. Втеченіе вѣковъ она служила связью между культурами латинской и германской. Правда, въ ней до сихъ поръ преобладаетъ французская цивилизація и она питаетъ сыновнюю любовь къ Франціи за тѣ благодѣянія, которыя получила отъ французской культуры. Но это лишь прикрываетъ, а не скрываетъ ея прочной германской основы“. Прибавлю къ этому уже отъ себя, что это тяготѣніе Эльзаса-Лотарингіи къ Франціи обнаруживалось и обнаруживается до сихъ поръ, не смотря на то, что значительное большинство здѣшняго

[1]) l. c., стр. 29-30.

населенія говоритъ по-нѣмецки (въ 1910 г. для 872 жит. изъ 1000 роднымъ языкомъ былъ нѣмецкій, для 109 — французскій): такъ общечеловѣческія стороны французской цивилизаціи привлекаютъ германскій элементъ.

Но, съ другой стороны, эта своеобразная область сохранила и много самостоятельныхъ чертъ. И заслугою нашихъ авторовъ-французовъ является мужество, съ какимъ они утверждаютъ, что если Эльзасъ-Лотарингія не желаетъ слиться съ Германіей, то она не обнаруживаетъ и того якобы страстнаго желанія возвратиться къ Франціи, о которомъ кричатъ вотъ уже сколько лѣтъ французскіе шовинисты. Несомнѣнно, что сначала пресловутый режимъ диктатуры, а затѣмъ и приниженное политическое положеніе, занимаемое Эльзасомъ-Лотарингіей среди другихъ составныхъ частей Германской имперіи, поддерживаютъ въ ней рѣшительную антипатію къ нѣмецкому завоевателю. Но, съ другой стороны, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ все менѣе и менѣе Эльзасъ-Лотарингія обнаруживаетъ стремленіе войти въ политическій организмъ Франціи и тѣмъ живѣе ощущается въ ней тяга къ автономіи. За 43 года успѣло народиться и дойти до зрѣлаго возраста новое поколѣніе, которое прежде всего желаетъ удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей самостоятельнаго общежитія и отнюдь не считаетъ Францію своимъ прямымъ отечествомъ. Во всякомъ случаѣ, какъ справедливо полагаютъ авторы, „громадное большенство эльзасцевъ-лотарингцевъ потеряло всякую надежду на возвращеніе двухъ провинцій Франціи".

Въ самый разгаръ обостренія отношеній между Франціей и Германіей, весной прошлаго года, изъ среды самихъ жителей присоединенныхъ провинцій раздавались голоса, рѣзко протестовавшіе противъ всякой войны между двумя великими народами, хотя бы въ результатѣ этого кроваваго столкновенія Эльзасъ-Лотарингія и перешла снова къ Франціи. Единодушно, въ маѣ 1913 г., вторая палата Эльзаса-Лотарингіи, которую можно считать дѣйствительнымъ органомъ выраженія общественнаго мнѣнія страны, такъ какъ она избирается всеобщею подачею голосовъ, вотируетъ слѣдующее предложеніе: „Пусть палата обратится съ приглашеніемъ къ намѣстнику дать представителямъ Эльзаса-Лотарингіи въ союзномъ совѣтѣ инструкціи рѣшительно воспротивиться всякой идеѣ о войнѣ между Германіей и Франціей и обязать совѣтъ изучить пути и средства, которые могли бы вызвать сближеніе между ними, ибо это сближеніе является лекарствомъ, позволяющимъ положить конецъ состязанію въ вооруженіяхъ между цивилизованными націями Европы".

Мысль объ Эльзасѣ-Лотарингіи, остающейся въ составѣ Германской имперіи, но становящейся полноправнымъ членомъ этого политическаго союза и получающей полную областную автономію, все болѣе и болѣе тревожитъ сознаніе вдумчивыхъ пред-

ставителей населенія. И одинъ изъ мѣстныхъ политическихъ дѣятелей, демократъ Друммъ, весною прошлаго года выражалъ пожеланіе своихъ соотечественниковъ въ слѣдующей формѣ: „Надъ нами еще тяготѣетъ исключительное положеніе. Мы до сихъ поръ еще имперская страна, общая собственность союзныхъ государствъ. Два года тому назадъ намъ дали парламентъ, но лишь вторая палата избирается всеобщей подачей голосовъ. Первая же на половину назначается императоромъ. И намѣстникъ, который опять-таки назначается императоромъ, отвѣтственъ лишь передъ нимъ однимъ. И вотъ мы желаемъ, чтобы уничтожили первую палату и чтобы намъ дали министерство, отвѣтственное передъ нашимъ парламентомъ, вмѣстѣ съ главою государства, избраннымъ нами самими. Какъ? Эльзасъ-Лотарингская республика? Да, республика! Вѣдь въ Германіи уже имѣются республики: Гамбургъ, Бременъ. Почему же и намъ не быть подчиненными тому же режиму“?

Не говоря о либералахъ, о католикахъ, о соціалистахъ, даже члены самой непримиримой оппозиціи противъ насильственной германизаціи Эльзаса-Лотарингіи, вродѣ аббата Веттерлэ, на вопросъ соціалистическаго журналиста Франціи: „думаете ли вы, что среди васъ остались еще такіе люди, которые желали бы снова сдѣлаться французами цѣною войны?“ отвѣчаютъ: „я не думаю, чтобы хоть кто-нибудь въ Эльзасѣ взялъ на себя отвѣтственность за такое заявленіе. Будь Франція и Германія примирены, онѣ бы стали владычицами міра. Геній и богатство одной, духъ предпріимчивости и методическій характеръ другой гармонично пополняли бы себя. Обѣ страны раздѣляетъ тяжелое воспоминаніе, которое и только не стараются ослабить, но безпрестанно и чрезвычайно неловко бередятъ... А между тѣмъ Эльзасъ при режимѣ свободы могъ бы стать связью между двумя великими народами, почвою, на которой бы встрѣтились и соединились въ одно двѣ соперничествующія цивилизаціи. А нынѣ, увы, по волѣ пангерманизма Эльзасъ сдѣлался полемъ битвы, гдѣ символы прошлаго и настоящаго ожесточенно борятся между собой“.

Но среди эльзасцевъ же зрѣетъ все болѣе и болѣе мысль, что не одни нѣмецкіе пангерманисты, но и французскіе шовинисты, которые кричатъ все время противъ Германіи и бурно исповѣдуютъ свою любовь къ „потеряннымъ братьямъ“ передъ статуей Страсбурга въ Парижѣ, являются виновниками вражды между двумя сосѣдями. Одинъ изъ демократическихъ депутатовъ выражался по этому поводу такъ: „Мы — люди, желающіе мира, какъ у себя, такъ и внѣ. Мы лойяльно принимаемъ совершившіеся факты. Пусть же и Германія выкажетъ себя лойяльною по отношенію къ намъ. Вся бѣда идетъ отъ нашихъ пангерманистовъ и отъ вашихъ шовинистовъ, соперничающихъ другъ съ другомъ въ глупости. Это ихъ споры и ихъ агитація мѣшаютъ Франціи и Германіи начать переговоры между собою и сдѣлаться друзьями

Они должны были бы сдѣлать это для нашего блага, для ихъ собственнаго блага и для блага всей Европы. Право, я не знаю, точно ли ваши націоналисты любятъ насъ такъ, какъ они о томъ говорятъ. Но если они, дѣйствительно, любятъ насъ хоть маломальски, то они не знаютъ всего зла, которое причиняютъ намъ".

Въ этомъ духѣ сближенія между двумя странами и обличенія взаимныхъ науськиваній шовинистовъ по обѣимъ сторонамъ Вогезовъ сошлись и представители двухъ націй на франко-германской конференціи, засѣдавшей въ Бернѣ 10-11 мая 1913 г. и провозгласившей, что „она беретъ на себя обязательство неустанно работать надъ разсѣяніемъ недоразумѣній, надъ предупрежденіемъ столкновеній и привѣтствуетъ отъ всего сердца представителей Эльзаса-Лотарингіи за то, что они своимъ благороднымъ вотированнымъ единогласно заявленіемъ (читатель знаетъ уже о немъ. *Н. Р.*), облегчили сближеніе между двумя странами для общей задачи цивилизаціи".

III.

Участіе въ Бернской конференціи значительнаго числа французскихъ радикаловъ заставляло думать, что среди этой партіи, за которой какъ-никакъ идетъ большинство избирателей, рѣшительно восторжествуютъ голоса, признающіе всю необходимость примиренія между двумя культурнѣйшими странами европейскаго континента. Послѣдующій ходъ событій во Франціи, о которомъ мнѣ неоднократно приходилось говорить читателю, показалъ однако, что, къ сожалѣнію, радикальная партія страдаетъ половинчатостью взглядовъ и нерѣшительностью, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы бороться съ предразсудками улицы.

На происшедшихъ 26 апрѣля выборахъ въ палату (10 мая предстоятъ еще перебаллотировки) это проявилось очень рѣзко. Уже при составленіи министерства Думерга и изъ самой декларацiи кабинета можно было видѣть, что радикалы не осмѣливаются опредѣленно высказаться противъ закона о трехлѣтней службѣ. Правительство заявляло, что, конечно, оно не видитъ въ этой мѣрѣ окончательнаго принципа военной организаціи Франціи, но что пока оно намѣрено примѣнять его вполнѣ лойяльно. И хотя министерству Думерга, не смотря на прискорбныя приключенія съ Кайльо и Монисомъ, пришлось дожить до выборовъ, и министромъ внутреннихъ дѣлъ состоитъ въ настоящее время ставленникъ Клемансо, чистокровный радикалъ Мальви, однако во время избирательной кампаніи даже радикалы, составившіе на конгрессѣ въ По партію „объединенныхъ", прятали нерѣдко тѣ самые принципы, которые были положены ими во главу угла выработанной на упомянутомъ съѣздѣ программы. Одно время могло казаться, что, въ виду концентраціи консервативныхъ и реакціонныхъ силъ во-

кругъ Бріановской федераціи лѣвыхъ, члены радикальной партіи намѣрены выдвинуть основные пункты этой программы, отдѣляющіе настоящихъ радикаловъ отъ фальшивыхъ. Такихъ пунктовъ было въ особенности два: борьба съ трехлѣтнимъ закономъ и прогрессивный налогъ на доходъ и капиталъ съ обязательнымъ для плательщика заявленіемъ о суммѣ имущества, контролируемымъ администраціей. Когда открылась избирательная кампанія, наиболѣе принципіальная часть радикаловъ дѣйствительно выставила эти параграфы. Но, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе страхъ передъ избирателемъ, котораго обрабатывала въ „патріотическомъ" смыслѣ могущественная буржуазная и бульварно-желтая печать, сталъ проникать въ сердце объединенныхъ радикаловъ, и съ каждымъ днемъ ихъ лозунги звучали все слабѣе и слабѣе и сопровождались значительными оговорками.

Главный органъ крупной буржуазіи, „Le Temps", могъ по праву злорадствовать, отмѣчая тотъ фактъ, что принципіальная борьба радикаловъ за свою программу съ каждымъ часомъ оттѣснялась самой чистѣйшей оппортунистической тактикой. Въ одной изъ передовицъ, вышедшей почти наканунѣ выборовъ и озаглавленной „Нѣтъ больше радикализма", упомянутая газета такъ пишетъ по поводу жалобъ Камилла Пелльтана на то, что многіе изъ его товарищей по партіи колеблются развернуть свое знамя: „Съ тѣхъ поръ, какъ открылся избирательный періодъ, каждый день приноситъ новыя доказательства того факта, что радикальный ярлыкъ прикрываетъ самыя разнообразныя мнѣнія о существенныхъ задачахъ политики и не имѣетъ болѣе ни смысла, ни значенія. Боясь пораженія въ томъ случаѣ, если они будутъ упорно идти противъ національнаго чувства, большинство радикаловъ, носящихъ офиціальный штемпель улицы Валуа, совершенно сознательно пускаетъ по боку догмы, провозглашенныя на ихъ же соборѣ (sic.! Н. Р.) въ По" [1]). На слѣдующій день газета возвращается къ вопросу и продолжаетъ жестоко издѣваться надъ оробѣвшими радикалами. Въ статьѣ, носящей заглавіе „Радикальныя обращенія", мы читаемъ: „Дѣло становится ясно. Ѳпитетъ радикала не означаетъ больше ничего. До открытія избирательнаго періода радикалъ это былъ человѣкъ, который примыкалъ къ программѣ конгресса въ По, а въ настоящее время, если кандидаты партіи и сохраняютъ еще свой титулъ, то они съ ужасомъ отбрасываютъ самую программу. И каждый день приноситъ намъ новости о самыхъ формальныхъ ренегатствахъ" [2]).

Эта тактика объединенныхъ радикаловъ дѣйствительно бросается въ глаза,—особенно если сравнить ее съ поведеніемъ партій, стоящихъ или направо, или налѣво отъ радикаловъ. Возь-

---

1) „Il n'y a plus de radicalisme", въ № отъ 22 апрѣля.
2) „Les conversions radicales", въ № отъ 23 апрѣля.

мемъ, напр., избирательный манифестъ объединенныхъ соціалистовъ. Онъ совершенно ясенъ. Помимо общихъ соціалистическихъ требованій,—замѣны частной собственности общественной и т. п.,—соціалисты выдвигаютъ непосредственное требованіе слѣдующихъ реформъ: возвращенія къ двухлѣтнему сроку службы съ постепенной замѣной постоянной арміи милиціей; миролюбивой внѣшней политики, включающей дружескія отношенія къ Германіи; прогрессивнаго налога на доходъ, капиталъ и приростъ; пропорціональнаго представительства; пересмотра конституціи (уничтоженія сената и т. п.); улучшеннаго и расширеннаго страхованія трудящихся и т. п. Въ частности, вотъ, напр., какъ выражается въ своей избирательной программѣ одинъ изъ главнѣйшихъ лидеровъ французскаго соціализма, Жорэсъ: „Изо всѣхъ силъ моихъ, съ самаго же начала новой легислатуры, я снова примусь за борьбу съ закономъ о трехлѣтней службѣ. Эта мѣра такъ нелѣпа, такъ противоположна истиннымъ интересамъ національной обороны, такъ тяжела для крестьянъ, у которыхъ и безъ того еле хватаетъ рукъ для обработки земли, что она недолго будетъ сопротивляться нашему могучему напору... Безумная политика, практиковавшаяся въ послѣдніе годы, марокккская экспедиція и вообще милитаристская реакція вырыли въ бюджетѣ самую глубокую дефицитную пропасть, какую страна только имѣла со времени страшнаго года. Бюджету не хватаетъ цѣлаго милліарда... Мы будемъ бороться ради того, чтобы освободить народъ отъ этой тягости. И если, наконецъ, Франціи придется оплачивать безуміе правящихъ, злоупотребившихъ косностью народа, то... путемъ общаго и прогрессивнаго налога на доходъ, на капиталъ и на приращеніе крупныхъ капиталовъ мы возложимъ на богатые классы то бремя, отъ котораго хочетъ во что бы то ни стало отдѣлаться ихъ эгоизмъ“.

Перейдемъ теперь къ партіямъ, стоящимъ правѣе чистыхъ радикаловъ. Вотъ вамъ воззваніе республиканской демократической партіи. О трехлѣтнемъ законѣ партія прямо говоритъ, что „пока внѣшнія условія не измѣнятся, онъ останется незамѣнимымъ орудіемъ защиты страны и необходимымъ условіемъ ея безопасности“. А по отношенію къ контролируемому администраціей заявленію плательщика о суммѣ своего дохода манифестъ этой партіи пускаетъ въ ходъ самую рѣзкую критику, называя его „покушеніемъ на личную свободу“, „орудіемъ инквизиціи и конфискаціи“, и увѣряетъ, что этотъ проектъ „заставилъ бы подняться противъ республики всю страну“. Перейдемъ къ манифесту Бріановской федераціи лѣвыхъ... Что онъ говоритъ о законѣ трехлѣтней службы? „Этотъ законъ признанъ необходимымъ всѣми тремя слѣдовавшими одинъ за другимъ кабинетами, включая и настоящее правительство... Для нашей страны это вопросъ жизни или смерти“. А что говоритъ федерація лѣвыхъ о налогѣ? За-

являя себя въ теоріи сторонницей подоходнаго налога, она добавляетъ къ этому слѣдующую оговорку, сводящую всю реформу на нѣтъ: „Мы хотимъ, чтобы этотъ налогъ былъ осуществленъ безъ инквизиціи, чтобы была сохранена тайна операцій плательщика и чтобы государство выполняло свои обязательства“.

Вы можете перейти къ избирательнымъ воззваніямъ выдающихся дѣятелей лѣваго и праваго центра, и фальшивыхъ радикаловъ, и традиціонныхъ оппортунистовъ, и сокровенныхъ, и открытыхъ реакціонеровъ, и вы увидите повсюду то же самое. Черезъ всѣ эти воззванія проходитъ лозунгъ: „Не касайтесь трехлѣтняго закона, ибо въ немъ наше спасеніе; не трогайте существующей системы налоговъ, ибо мы рѣшительно противъ того, чтобы государство знало сумму капитала и дохода буржуазіи“. Эти заявленія встрѣчаются почти во всѣхъ избирательныхъ программахъ кандидатовъ упомянутыхъ партій и лишь варьируютъ въ выраженіяхъ. Такъ, Жозефъ Ренакъ стоитъ за законъ о трехлѣтней службѣ потому, что онъ, Ренакъ, видите-ли, „патріотъ“. Делькассе рекомендуетъ его потому, что онъ пришелся по сердцу „союзной странѣ“. И то же вы найдете и у Миллърана, и у Барту, у Клотца, у милитариста Монтебелло, у бонапартиста Лази и др. Повсюду эти требованія высказываются совершенно опредѣленно и, если что смазывается, то только пунктъ о характерѣ реформы налоговъ: типичные представители буржуазіи не желаютъ прямо признаться, что они противъ какого бы то ни было подоходнаго налога, а потому выставляютъ все время требованіе отнять у него инквизиціонный, т. е., въ сущности, всякій серьезный характеръ.

Но перейдемъ теперь къ объединеннымъ радикаламъ, т. е. къ той партіи, которая сошлась на извѣстной опредѣленной программѣ и поставила своимъ членамъ требованіе идти на выборы съ этою программою. Вотъ вамъ манифестъ радикальной и радикально-соціалистической партіи. Въ немъ очень много говорится о необходимости защищать свѣтское государство противъ нападеній клерикаловъ, о необходимости бороться съ католической школой, подрывающей школу нейтральную. Но что говоритъ о двухъ главнѣйшихъ реформахъ этотъ манифестъ? „Личный и прогрессивный налогъ на доходъ является въ настоящее время національной необходимостью. Пора разбить послѣднее сопротивленіе эгоизма и страха. Съ другой стороны, страстно привязанная къ идеѣ отечества, радикальная и радикально-соціалистическая партія рѣшается нести всевозможныя жертвы для охраненія цѣлости страны, независимости и достоинства Франціи. Но если мы даемъ отъ добраго сердца то, что необходимо, то мы рѣшительно противъ всякаго расточенія людей и денегъ. Чего мы хотимъ, такъ это серьезнаго осуществленія плана методически вооруженной націи и приложенія существенныхъ реформъ, которыя однѣ позволятъ постепенно

уменьшить срокъ военной службы. Но мы хотимъ быть сильными, чтобы насъ уважали“. Вотъ максимумъ требованій объединенныхъ радикаловъ.

А что касается до заявленій отдѣльныхъ членовъ партій на выборахъ, то тутъ умолчаній или даже прямыхъ капитуляцій передъ шовинистской пропагандой еще больше. Такъ, Боннэ, президентъ радикально-соціалистической федераціи Сенскаго департамента, завернулъ свое отрицаніе трехлѣтняго закона въ такую массу ограниченій, что вызвалъ даже рѣзкую критику Пелльтана въ умышленномъ запутываніи дѣла. Министръ финансовъ Рену, изъ радикаловъ радикалъ, констатируетъ однако, что „необходимая жертва (трехлѣтняя служба. *Н. Р.*) была принята страною съ патріотическимъ самоотверженіемъ“, и лишь въ рядѣ высокопарныхъ и очень неясныхъ фразъ развертываетъ передъ избирателями „возможность въ будущемъ менѣе тяжелаго бремени для страны“. Самъ глава кабинета по отношенію къ закону о трехлѣтней службѣ въ своей рѣчи въ Суйльякѣ заявилъ, что правительство приняло на себя обязательство „лойяльно примѣнять недавно вотированную мѣру и что никто не можетъ упрекнуть насъ въ томъ, что мы не исполнили нашего обѣщанія“. Робкій же намекъ на то, что, можетъ быть, слѣдовало бы уменьшить срокъ службы, приходится видѣть развѣ въ слѣдующей извилистой фразѣ, въ которой не знаешь, чему болѣе удивляться, неясности ли мысли, или отсутствію мужества въ ораторѣ: „Самъ докладчикъ военнаго закона заявлялъ, что этотъ законъ является убѣжищемъ,—онъ даже прибавлялъ: временнымъ убѣжищемъ,—является щитомъ, за которымъ можно и должно работать надъ созданіемъ лучшей военной организаціи, щадящей, насколько возможно, и другіе великіе интересы страны“. Кайльо поступилъ еще проще. Онъ свелъ весь вопросъ на выборахъ къ чисто личнымъ объясненіямъ со своими избирателями, которые давно, молъ, знаютъ его, и на его имени объединятъ свои голоса, чтобы „отомстить жалкимъ клеветникамъ“. А о программныхъ требованіяхъ онъ, который, въ сущности-то, и являлся душою кабинета, не сказалъ ни слова.

Болѣе опредѣленно выступила партія республиканскихъ соціалистовъ какъ противъ военнаго закона, такъ и въ защиту контролируемаго заявленія. Но и въ этой партіи мало было такихъ членовъ, которые подобно бывшему мадагаскарскому генералъ-губернатору, Оганьёру, въ 1910 г. выбранному депутатомъ отъ Ліона, такъ бы рѣзко и опредѣленно высказали свою точку зрѣнія: „Рѣшительный противникъ закона о трехлѣтней службѣ, я сначала въ военной коммиссіи, а затѣмъ и на трибунѣ защищалъ двухлѣтнюю службу. Мы не успокоимся до тѣхъ поръ, пока продолжительность службы не будетъ сведена снова къ двумъ годамъ и пока не будетъ реформированъ законъ 1913 г., столь гибельный для соціальныхъ, экономическихъ и финансовыхъ интересовъ

страпы и въ то же время столь безрезультатный съ военной точки зрѣнія".

Какъ бы то ни было, первый актъ избирательной борьбы, которая велась съ большою энергіею на двухъ крыльяхъ, особенно среди соціалистовъ, и при значительномъ стираніи угловъ со стороны находящейся въ серединѣ радикальной партіи, сыгранъ 26 апрѣля. Состоялись выборы, характеризующіеся прежде всего значительной неопредѣленностью результатовъ этой первой схватки, такъ какъ изъ 602 полагающихся нынѣ депутатовъ выбранными оказалось, за исключеніемъ 8 неизвѣстныхъ случаевъ, 344, и на 10 мая предстоитъ еще 250 перебаллотировокъ, т. е. почти 43% всего числа депутатовъ. (Замѣтимъ, что на предпослѣднихъ выборахъ перебаллотировки составляли лишь 10%). Между тѣмъ 26 апрѣля число воздержавшихся составляло лишь 1/4 всѣхъ избирателей, тогда какъ обыкновенно во Франціи людей, не исполняющихъ гражданскаго долга, насчитывается около 1/3. Такимъ образомъ, на сей разъ средній избиратель проявилъ больше участія къ выборной кампаніи. Повидимому, это касается преимущественно консервативнаго избирателя, котораго бульварной и желтой прессѣ удалось привести въ „патріотическое" настроеніе. Въ соціалистическихъ округахъ избиратели почти всегда идутъ къ урнамъ съ большою охотою. Неопредѣленность избирательной борьбы указываетъ поэтому на неопредѣленность позиціи, занятой господствующею партіею.

Эта неопредѣленность избирательной борьбы сказывается, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вполнѣ ясныхъ позицій, и въ томъ, что всѣ соперники одинаково приписываютъ себѣ побѣду. Предварительные результаты, сообщенные, съ одной стороны, правительствомъ, съ другой—федераціей лѣвыхъ, съ третьей—оппозиціонной прессой, начиная съ „Le Temps" и кончая бульварными націоналистическими органами, отличаются въ значительной степени между собою. Можно поэтому говорить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ о характерѣ выборовъ. Пока обнаружилось нѣкоторое увеличеніе силъ на правомъ крылѣ и довольно значительное увеличеніе на лѣвомъ,— соціалистическомъ. Что касается до центральной арміи, радикаловъ, являющихся въ послѣдніе годы господствующей партіей Франціи, то они, повидимому, испытали легкое пораженіе. Но въ общемъ французскій избиратель, не смотря на то, что на сей разъ дѣло шло о нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ въ политикѣ, оказался изрядно инертнымъ.

Дѣйствительно, наблюдатели французской общественной жизни неоднократно выражали недоумѣніе по поводу того, что на почвѣ третьей республики нѣтъ сравнительно немногихъ, но опредѣленныхъ партій и что во время выборовъ здѣсь больше сталкиваются между собой соперничающія личности, чѣмъ противоположныя, ясно отграниченныя одна отъ другой программы. Но вотъ на послѣднихъ

французскихъ выборахъ если и боролось цѣлыхъ десять парламентскихъ партій, даже не считая нѣсколькихъ внѣ-парламентскихъ сочетаній изъ нихъ, то въ избирательную борьбу были брошены три основные вопроса, выдвинуты три главные пункта враждебныхъ программъ: законъ о трехлѣтней службѣ, подоходный налогъ съ контролируемымъ заявленіемъ и пропорціональное представительство. И что же? Даже при такой сравнительно очищенной отъ всякихъ побочныхъ вопросовъ аренѣ борьбы, взаимная сила партій осталась, — кромѣ замѣтнаго увеличенія крайней лѣвой, — почти безъ измѣненія. Не было даже ни эффектныхъ побѣдъ, ни эффектныхъ пораженій выдающихся представителей различныхъ партій. Кайльо, Жорэсъ, Бріанъ, Милльранъ, Гэдъ, Барту и т. д., и т. д. оказались выбранными сразу же, одни съ уменьшеніемъ, другіе съ увеличеніемъ голосовъ по сравненію съ послѣдними выборами. Впервые прошелъ въ палату усердно поддерживаемый Милльраномъ пресловутый передовикъ „Le Temps“, Андрэ Тардьё, который по горло сидитъ въ операціяхъ международнаго капитала и даже временно уѣзжалъ изъ Франціи, чтобъ заставить публику забыть о своихъ подвигахъ въ колоніальныхъ, особенно марокkскихъ, спекуляціяхъ, гдѣ онъ дружно выступалъ, не смотря на свой отмѣнный „патріотизмъ“, съ нѣмецкими биржевиками и заводчиками.

На одной чертѣ выборовъ можно, впрочемъ, остановиться, и не дожидаясь перебаллотировокъ. Соціалистическая партія собрала во всей странѣ 1.400.000 голосовъ, т. е. на 280.000 больше, чѣмъ на предыдущихъ выборахъ. Она уже провела 40 своихъ членовъ тамъ, гдѣ раньше ихъ было 36. Даже въ самомъ Парижѣ, который остается въ значительной части центральныхъ кварталовъ націоналистическимъ и реакціоннымъ, соціалистамъ удалось побѣдить стараго буланжиста Эрнеста Роша. Совершайся выборы на основѣ пропорціональнаго представительства, соціалисты были бы представлены гораздо большимъ числомъ депутатовъ. Въ одномъ Парижѣ они собрали около 244.000 голосовъ, тогда какъ лѣвые республиканцы только 110.000, а консерваторы 105.000 и т. п., и, значитъ, уже теперь ихъ было бы выбрано отъ столицы не 9, а цѣлыхъ 20. Что касается до всей Франціи, то пропорціональная система сдѣлала бы ихъ одной изъ сильнѣйшихъ партій въ парламентѣ. Впрочемъ, и теперь можно предположить, что на перебаллотировкахъ они получатъ еще мѣстъ 50, а, пожалуй, и болѣе, такъ что въ общемъ имъ будетъ принадлежать около сотни депутатскихъ мѣстъ. Этотъ ростъ партіи объясняется не только большею ясностью ея программы, но и поистинѣ лихорадочной дѣятельностью, которую она развила во время выборовъ. Мы уже не говоримъ о многочисленныхъ митингахъ, въ устройствѣ которыхъ соціалисты давно привыкли идти впереди другихъ партій. Но они сдѣлали и очень энергичное усиліе въ области печатнаго слова. Чувствуя, что они не могутъ бороться въ ежедневной прессѣ съ

богатѣйшими газетами буржуазіи, они наводнили Францію партійными брошюрами и воззваніями, которыхъ разошлось до 7 милліоновъ экземпляровъ.

Не лишено интереса то обстоятельство, что усиленіе соціалистовъ на текущихъ выборахъ пріобрѣтено, главнымъ образомъ, на счетъ радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ. Видимо, избиратель въ томъ случаѣ, если вообще былъ противъ милитаризма и реакціи, предпочиталъ отдавать свой голосъ самой яркой оппозиціи. Объединеннымъ радикаламъ помѣшала въ избирательной борьбѣ именно ихъ межеумочность [1]). Однако между соціалистической и радикальной партіей намѣчается уже нѣкоторое соглашеніе для перебаллотировокъ. Консервативныя газеты сопровождаютъ, напр., злобными комментаріями тотъ фактъ, что въ Сенскомъ департаментѣ принципіальный радикалъ Фердинандъ Бюиссонъ уже отказывается отъ борьбы на перебаллотировкѣ въ пользу соціалиста, и такой же тактикѣ слѣдуетъ радикальный генералъ Персэнъ. Въ другихъ случаяхъ въ пользу радикаловъ отказываются отъ перебаллотировокъ соціалисты. Въ Сѣверномъ департаментѣ намѣчается уже цѣлая система тринадцати соглашеній между буржуазной и соціалистической крайней лѣвой. И въ результатѣ демократическіе элементы могутъ еще разсчитывать на дальнѣйшее усиленіе. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить и того факта, что опасный походъ противъ республики, предпринятый Бріановской федераціей лѣвыхъ, которая вся разсчитана на колоссальное недоразумѣніе избирателей, въ общемъ не удался.

Во всякомъ случаѣ характеръ будущей палаты врядъ-ли будетъ рѣзко отличаться отъ настоящей. Если вѣрить подсчетамъ „Le Temps“, — а эта газета при внѣшней корректности формы умѣетъ искажать факты, — то рѣшительно за трехлѣтнюю службу высказалось 4.644.286 избирателей, за тотъ же законъ, но съ видоизмѣненіями—612.767, всего, значитъ, 63%; а противъ—только 2.936.041. Точно также, по вычисленіямъ комитета избирательной реформы, за пропорціональное представительство высказалось 5.429.237 голосовъ; за эту же реформу, но съ измѣненіями—244.257, всего 68%; а противъ лишь—2.088.756. Наконецъ, за подоходный налогъ съ контролируемымъ заявленіемъ высказалось всего будто бы лишь 46% избирателей, т. е. во всякомъ случаѣ менѣе половины вотирующихъ. Но это, пожалуй, самый слабый пунктъ подсчетовъ въ виду неопредѣленности, какъ мы видѣли, радикальныхъ professions de foi.

---

[1]) Идейный радикалъ Камиллъ Пелльтанъ привѣтствуетъ, напр., соціалистическую партію за то, что она смѣло выдвинула въ числѣ непосредственныхъ требованій, какъ разъ тѣ реформы,—двухлѣтнюю службу и контролируемое заявленіе, — которыя большинство радикаловъ выбросило изъ своей программы во время избирательной кампаніи.

Пока можно предположить, что новая палата врядъ-ли выскажется за возвратъ къ двухлѣтней службѣ, вѣроятно, займетъ сочувственную, но не особенно рѣшительную позицію въ вопросѣ о радикальной перемѣнѣ налоговой системы и поддержитъ, опять-таки въ общемъ, начало пропорціональнаго представительства. Но такъ какъ до сихъ поръ французскій сенатъ стоитъ на стражѣ соціальной реакціи, то можно предположить далѣе, что одна изъ самыхъ существенныхъ реформъ въ соціальной области, реформа налоговъ, которая столько уже лѣтъ выдвигается передовыми элементами французской демократіи, будетъ, если и принята парламентомъ, то въ значительно искаженномъ видѣ. Не особенно блестящіе результаты получатся, вѣроятно, и по отношенію къ пропорціональному представительству. Несомнѣннымъ остается лишь продолженіе шовинистской политики,—пожалуй, въ смягченномъ видѣ, подъ вліяніемъ роста соціалистической оппозиціи. Конечно, до сихъ поръ мы находимся въ области предположеній, такъ какъ результаты выборовъ для остающихся еще двухъ пятыхъ всего числа депутатовъ могутъ внести извѣстную поправку въ наши гипотезы.

IV.

Исходъ шведскихъ выборовъ въ значительной степени развертываетъ передъ нами ту же самую картину, съ какой мы познакомились во Франціи. И на шведскихъ выборахъ выиграли два крыла, тогда какъ центръ пострадалъ, — и пострадалъ подъ напоромъ шовинистской политики, притомъ въ значительно большей степени, чѣмъ во французской республикѣ. Мы уже говорили прошлый разъ, что платформою шведскихъ выборовъ долженъ стать, главнымъ образомъ, вопросъ о національной оборонѣ и, въ извѣстной связи съ нимъ, вопросъ о конституціонности дѣйствій короля, который, не справившись съ либеральнымъ кабинетомъ, принялъ участіе въ шовинистской агитаціи. Новое, въ общемъ консервативное, министерство Гаммаршёльда, распустившее 5 марта нижнюю палату, выиграло игру, хотя и не въ такой степени, какъ разсчитывали шведскіе „патріоты“. Какъ извѣстно, въ старой палатѣ 101 мѣсто принадлежало либераламъ (вмѣстѣ съ радикальнымъ крыломъ), которые были сильнѣйшей партіей, 64—консерваторамъ, 63—соціалистамъ, 2—независимымъ либераламъ. Въ результатѣ новыхъ выборовъ (цифры которыхъ были подсчитаны только въ 20-хъ числахъ апрѣля, такъ какъ въ Швеціи господствуетъ система пропорціональнаго представительства, вынуждающая довольно продолжительныя манипуляціи съ данными) консерваторы получили 286.000 голосовъ противъ прежнихъ 189.000, либералы—245.000 противъ прежнихъ 239.000, соціалъ-демократы—229.000 противъ прежнихъ 171.000. Вслѣдствіе этого либералы потеряли 30 мѣстъ и располагаютъ теперь только 71 депутатскимъ полномочіемъ. Изъ

потерянныхъ либералами мѣстъ консерваторы выиграли 21 и представлены нынѣ 86 депутатами, а соціалъ-демократы выиграли 9 мѣстъ и составляютъ въ новой палатѣ группу въ 73 человѣка.

Если мы припомнимъ, что либеральное министерство Стааффа не сопротивлялось принципіально увеличенію срока службы и военныхъ издержекъ, но лишь препиралось съ консерваторами относительно размѣровъ этого увеличенія; и если, съ другой стороны, мы обратимъ вниманіе на то, что рѣзкую оппозицію шведскому милитаризму противоставили лишь соціалисты, то мы придемъ къ заключенію, что причиною пораженія либераловъ является ихъ желаніе сидѣть между двухъ стульевъ. Избирателямъ была понятна шовинистская политика во главѣ съ королемъ,—и крестьянскіе округа, повидимому, поддержали эту политику. Точно также избиратели могли понять и принципіальную борьбу противъ военщины, предпринятую соціалистами, — и рабочіе центры и, вообще говоря, наиболѣе передовые элементы націи пошли за этой боевой программой. Но чего населеніе не могло путемъ понять, такъ это двойственной, межеумочной тактики либераловъ, которые не рѣшались стать совершенно опредѣленно либо на ту, либо на другую позицію, и въ результатѣ жестоко пострадали.

Однако, если мы присмотримся къ распредѣленію партій въ парламентѣ, мы не можемъ не придти къ заключенію, что шовинистская реакція все же не одержала рѣшительной побѣды. Предположите, что либералы и соціалисты заключатъ между собою парламентскую коалицію, — и успѣхъ ихъ политики обезпеченъ, такъ какъ они могутъ располагать вмѣстѣ громаднымъ большинствомъ, превышающимъ въ два раза число консервативныхъ голосовъ. Вопросъ заключается лишь въ томъ, возможенъ ли этотъ союзъ. Лидеръ шведскихъ соціалистовъ, Брантингъ, именно и приглашаетъ либераловъ занять рѣшительную позицію вмѣстѣ съ соціалистами противъ консерваторовъ, если только буржуазной демократіи дѣйствительно дороги интересы народа, защитницей котораго она себя выставляетъ. Но пойдутъ ли на это предложеніе либералы, и не образуется ли между ними въ этомъ вопросѣ раскола, сказать не такъ-то легко.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что довольно значительная пропорція либераловъ, а именно ихъ умѣренное крыло, пойдетъ скорѣе въ сторону консерваторовъ, чѣмъ соединится съ соціалистами. Даже во время избирательной кампаніи часть умѣренныхъ либераловъ шла въ союзѣ съ консерваторами противъ болѣе радикальныхъ элементовъ своей партіи. Если судить по взглядамъ, высказывающимся въ буржуазной печати, то и часть либераловъ, и часть консерваторовъ стремятся къ сотрудничеству. Нѣкоторые либеральные органы прямо говорятъ о томъ, что союзъ съ консерваторами можетъ только пойти на пользу шведскому народу. Ибо, разъ оборона потребуетъ извѣстныхъ жертвъ со стороны населенія, то сотруд-

ничество либеральной партіи съ консервативнымъ правительствомъ сыграетъ тутъ лишь полезную умѣряющую роль. Съ своей стороны и консервативная печать увѣряетъ, что сами защитники обороны отнюдь не желаютъ требовать отъ гражданъ излишнихъ жертвъ. Довольно показательно въ этомъ отношеніи сенсаціонное извѣстіе о томъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валленбергъ, нисколько не усумнился въ разговорѣ съ однимъ интервьюеромъ представить знаменитаго руссофоба Свена Гедина, столь пламенно агитировавшаго въ пользу консерваторовъ, за человѣка черезчуръ импульсивнаго и не совсѣмъ нормальнаго. Очевидно, по мнѣнію консервативнаго министра, Свенъ Гединъ, вродѣ извѣстнаго мавра, сдѣлалъ свое дѣло,—Свенъ Гединъ можетъ уйти. Министръ счелъ нужнымъ подчеркнуть свое миролюбивое отношеніе къ Россіи, съ которой Швеція живетъ, молъ, безъ ссоры уже болѣе ста лѣтъ и не желаетъ измѣнять этой позиціи, а если и принимается за вооруженіе, то именно въ интересахъ сохраненія за собою роли нейтральной державы.

Очевидно, русское пугало пускалось въ ходъ только до тѣхъ поръ, пока шведскимъ милитаристамъ надо было проводить избирательную кампанію. Теперь дѣло кончено и страшный призракъ будетъ сданъ въ чуланъ,—разумѣется, если консервативное правительство придетъ къ заключенію, что оно и безъ этого кунштюка можетъ навязать націи программу усиленныхъ вооруженій. Стокгольмскій соціалистическій органъ „Набатъ“ (Stormklockan) забавно изобразилъ современный моментъ въ каррикатурѣ, представляющей вожака правой, Линдмана, нарядившимся въ страшную шкуру русскаго медвѣдя, каковая, согласно подписи, будетъ снята за ненадобностью для осеннихъ выборовъ. Дѣло въ томъ, что, согласно шведской конституціи, выборы въ нижнюю палату производятся аккуратно каждые три года. И поэтому, если въ промежуткѣ палата будетъ распущена, то новая палата избирается лишь до срока ближайшихъ правильныхъ выборовъ, т. е. въ данномъ случаѣ до сентября этого года, такъ какъ послѣдній разъ выборы имѣли мѣсто въ сентябрѣ 1911 г. Отъ настоящей палаты правительство потребуетъ втеченіе ея короткаго существованія лишь вотума военнаго закона и усиленія бюджета. Демонъ милитаризма справляетъ свои оргіи, какъ видитъ читатель, и на крайнемъ сѣверѣ Европы.

Любопытно, кстати сказать, отношеніе нѣмецкой печати къ вопросу о шведскихъ вооруженіяхъ. Даже прогрессивные органы, которые еще недавно здраво обсуждали положеніе дѣлъ въ Швеціи и слегка иронизировали надъ Свеномъ Гединомъ за его руссофобство, теперь не нахвалятся имъ и въ тотъ самый моментъ, когда даже консервативное шведское министерство считаетъ тактичнымъ отдѣлаться отъ компрометирующаго союзника, посвящаютъ ему слѣдующія строки: „Свенъ Гединъ, который бросилъ первый пре-

достерегающій зовъ, конечно, отнюдь не шовинистъ. Никто не имѣетъ меньше его повода ни съ того, ни съ сего питать враждебныя чувства по отношенію къ Россіи, которая оказала ему такую широкую помощь въ его научныхъ путешествіяхъ. Но если уже такой человѣкъ, снискавшій себѣ своими великими научными заслугами уваженіе всего свѣта, зоветъ свой народъ на защиту противъ русскихъ нападеній, то онъ можетъ притязать на то, чтобы его принимали въ серьезъ. Въ Германіи поняли и съ интересомъ слѣдятъ за борьбой его самого и его приверженцевъ во имя лучшаго вооруженія доблестнаго въ военномъ дѣлѣ шведскаго народа" [1]).

Эти поистинѣ курьезныя разсужденія красуются на видномъ мѣстѣ въ одномъ изъ самыхъ передовыхъ органовъ бюргерской демократіи.

Какія усилія приходится еще дѣлать убѣжденнымъ защитникамъ мира и общечеловѣческихъ идеаловъ для того, чтобы побороть тотъ самогипнозъ страха, о которомъ такъ краснорѣчиво говорили намъ французскіе авторы!

Н. С. Русановъ.

На очередныя темы.

Община, кооперація, земство.

I.

Распаденіе общины, съ одной стороны, и развитіе кооперація, съ другой,—таковы наиболѣе выпуклыя явленія въ жизни русской деревни за послѣдніе годы. Съ извѣстной точки зрѣнія, это—процессы одного и того же порядка, но только идутъ они въ прямо противоположныхъ направленіяхъ: одинъ дезорганизуетъ крестьянство, внося вражду и рознь въ его среду и стремясь превратить его въ людскую пыль; другой—объединяетъ и сплачиваетъ его въ болѣе или менѣе компактныя и значительныя группы.

И оба эти процесса протекаютъ очень быстро, можно сказать—бурно. Если судить по численности населенія, захваченнаго уже тѣмъ и другимъ, то второй процессъ идетъ даже быстрѣе перваго. Точныхъ и тѣмъ болѣе вполнѣ однородныхъ цифръ у насъ нѣтъ, но приблизительное представленіе о сравнительныхъ размѣрахъ того и другого процесса можно составить хотя бы по слѣдующимъ даннымъ. Въ срединѣ минувшаго года домохозяевъ, окончательно перешедшихъ отъ общиннаго землевладѣнія къ личному, было

---

[1]) „Der Ausfall der schwedischen Wahlen"; въ № отъ 24 апрѣля 1914 „Berliner Tageblatt".

не больше $2^1/_2$ милліоновъ [1]). Въ это же время (на 1 іюля 1913 года) только въ кредитныхъ кооперативахъ, каковыхъ насчитывалось 12.261, было 7.648 тысячъ членовъ. Всего же кооперативовъ (считая потребительныя общества, сельскохозяйственныя общества и товарищества, маслодѣльныя артели и т. д.), по разсчетамъ г. Меркулова, на 1 января нынѣшняго года было свыше 30 тысячъ, а членовъ въ нихъ больше 10 милліоновъ. За одинъ послѣдній только годъ вновь возникло отъ $4^1/_2$ до 5 тысячъ кооперативныхъ учрежденій, а общее число членовъ въ кооперативахъ возросло болѣе, чѣмъ на $1^1/_2$ милліона. „Нигдѣ, ни въ одной странѣ — говоритъ по этому поводу г. Меркуловъ—никогда не было ничего подобнаго этой стихійной волнѣ“ [2]). Остается прибавить, что сельскіе кооперативы, несомнѣнно, составляютъ теперь громадное большинство въ общемъ ихъ числѣ: въ деревнѣ именно кооперація и развивается особенно быстро въ послѣдніе годы.

Между разрушеніемъ общины и распространеніемъ кооперативныхъ учрежденій въ деревнѣ, нельзя, конечно, найти никакой непосредственной связи. Но такъ какъ эти процессы идутъ одновременно, въ одной и той же средѣ и до извѣстной степени параллельно другъ другу, то мысль невольно связываетъ ихъ между собою. Получается вѣдь такое представленіе, что одна общественная форма какъ бы смѣняетъ другую.

Умы, склонные къ діалектическому методу, легко находятъ даже законосообразность въ такой смѣнѣ, видятъ въ ней естественный и неизбѣжный процессъ общественнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, при желаніи не трудно вѣдь въ данной комбинаціи фактовъ найти полностью всю „тріаду“: и тезисъ, и антитезисъ, и синтезисъ. Сначала—община, связывающая личность; затѣмъ—личность, разрушающая (при помощи столыпинскаго законодательства) общину; наконецъ—кооперативъ, совмѣщающій блага коллективности со свободой личнаго самоопредѣленія. Можно сказать, что весь циклъ развитія тутъ,—и русская деревня втеченіе немногихъ лѣтъ цѣликомъ проходитъ его.

Другіе, не вдаваясь въ особенно глубокія теоретическія изысканія, спѣшатъ на совпаденіи тѣхъ же двухъ процессовъ обосновать практическую программу, полагая, что быстро развивающаяся кооперація можетъ съ успѣхомъ замѣнить разрушаемую общину даже въ сферѣ землевладѣнія. Въ прошлый разъ мы видѣли, на-

---

[1]) Укрѣпившихъ надѣльную землю въ личную собственность было около 1.800 тыс. и получившихъ удостовѣрительные акты на нее (на основаніи 1—7 ст. закона 14 іюня 1910 г.) около 300 тыс.; допускаю, что путемъ разверстанія цѣлыхъ общинъ безъ предварительной выборки укрѣпительныхъ или удостовѣрительныхъ актовъ перешло къ личному землевладѣнію до 400 тыс. общинниковъ (въ дѣйствительности, несомнѣнно, гораздо меньше).

[2]) „Вѣстникъ Коопераціи“, 1914 г. № 1, стр. 95.

примѣръ, какія радужныя перспективы въ связи съ успѣхами деревенской коопераціи рисуетъ на этотъ счетъ г. Огановскій.

Вообще преуспѣвающіе кооперативы въ наши дни то и дѣло противопоставляются разрушающейся общинѣ. Не всегда даже прямо дѣлается это противопоставленіе, иной разъ оно только подразумѣвается, но и за всѣмъ тѣмъ въ теоретическихъ и практическихъ построеніяхъ играетъ свою роль. „Не будетъ общины, за то будетъ кооперація“—эта нота все чаще и чаще слышится въ разсужденіяхъ о деревнѣ.

Но кооперацію противопоставляютъ не только общинѣ; ее противопоставляютъ и земству. Мнѣ пришлось уже какъ-то отмѣтить отходную, какую написалъ послѣднему Н. В. Чайковскій. Апатичному, дремлющему, не развивающему, а сокращающему свою дѣятельность,—словомъ, умирающему въ его изображеніи,—земству онъ противопоставилъ именно кооперацію, въ высшей степени жизнеспособную и жизнедѣятельную. „Здѣсь (въ коопераціи)—писалъ онъ—не только не спятъ, а буквально не досыпаютъ, работая не за страхъ, а за совѣсть... Самъ губернаторъ на упрекъ по адресу земства, что оно бездѣйствуетъ, отвѣтилъ: за то у меня есть очень дѣятельное общество сельскаго хозяйства“... И тутъ, стало быть, слышится та же нота: нѣтъ земства настоящаго, за то есть кооперація...

Послѣдняя, по мнѣнію г. Чайковскаго, можетъ съ успѣхомъ замѣнить земство. Въ дѣйствительности, по его изображенію, этотъ процессъ уже и происходитъ. „Въ то время, какъ земство закрываетъ свой складъ машинъ и орудій, союзъ (кооперативовъ) быстро развиваетъ свой и приглашаетъ для завѣдыванія имъ спеціалиста съ агрономическимъ образованіемъ; земство закрываетъ свой книжный складъ, а союзъ и сельскохозяйственное общество его развиваютъ, имѣя свой живой органъ, извѣстный не только всей губерніи, но и далеко за ея предѣлами; земство закрыло свою агрономическую станцію, а союзъ съ обществомъ устраиваетъ ее... Не ясно ли,—говоритъ Н. В. Чайковскій—что жизнь мѣняетъ свой центръ тяжести?“ [1]).

Вотъ и другой общественный дѣятель, кн. Д. И. Шаховской, извѣстный, между прочимъ, дѣятельностью въ земствѣ, разочаровался въ послѣднемъ и „обручился съ коопераціей“. Онъ тоже противопоставляетъ послѣднюю первому. Между прочимъ, кооперація была противопоставлена земству и на кіевскомъ сельскохозяйственномъ съѣздѣ. Труды послѣдняго еще не вышли и, какъ тамъ стоялъ вопросъ,—въ подробностяхъ мы не знаемъ. Но изъ полемики, возникшей потомъ по этому вопросу на страницахъ „Вѣстника Сельскаго Хозяйства“ между двумя участниками съѣзда,

---

1) Н. В. Чайковскій, „По Новгородской пятинѣ“; „Рѣчь“, 28 декабря 1913 года.

А. П. Левицкимъ и В. Э. Брунстомъ, видно, что тамъ шла рѣчь о нѣкоей „ампутаціи“,—о томъ, что земство должно, такъ сказать, уступить часть занимаемой имъ территоріи въ исключительное обладаніе кооперативовъ, должно отказаться отъ тѣхъ отраслей своей дѣятельности, въ которыхъ уже стала развиваться кооперація. Не только въ печати и на съѣздахъ, но и въ жизни кооперативы кое-гдѣ уже стали противопоставлять себя земству. Въ частности, въ „Новгородской пятинѣ“, какъ ее назвалъ г. Чайковскій, а по просту—въ Вологодской губерніи, между полнымъ жизни кооперативнымъ союзомъ и худосочнымъ земствомъ установились, какъ слышно, прямо враждебныя отношенія. Оттуда, надо сказать г. Чайковскій и привезъ свой лозунгъ по адресу земства: „хоть, бы его и не было совсѣмъ“...

Увлеченіе коопераціей, въ особенности среди ея дѣятелей, конечно, вполнѣ понятно. Успѣхъ ея такъ великъ, можно сказать—головокружителенъ, что стоящимъ около нея людямъ естественно начинаетъ казаться, будто она „все можетъ“. Пусть даже земство закроетъ всѣ свои учрежденія, пусть закроетъ и школы, и больницы,—кооперативы быстро возродятъ все это и еще такъ разовьютъ, какъ земству и не снилось. Когда слышишь это, то невольно является мысль: ужь не новое ли теченіе захватываетъ русскую интеллигенцію? Получается вѣдь что-то вродѣ кооперативнаго синдикализма,—своеобразнаго синдикализма, вовсе почти лишеннаго боевого характера. Ужь не новая ли волна аполитизма накатывается на насъ?

До этого, нужно думать, не дойдетъ, а еслибы такая волна и прошла, то она, конечно, будетъ очень кратковременной,—болѣе кратковременной, чѣмъ даже былъ когда-то марксистскій „экономизмъ“. Политика слишкомъ выпираетъ въ русской жизни, трудно и даже невозможно ее игнорировать,—и кооперація, хотя ее терпятъ и даже поощряютъ, тѣмъ не менѣе достаточно остро чувствуетъ неудобства даннаго политическаго порядка и волей-неволей должна будетъ вступить въ борьбу съ нимъ. Но и за всѣмъ тѣмъ чрезмѣрное увлеченіе коопераціей, главное же, противопоставленіе ея другимъ формамъ общественной организаціи заключаетъ въ себѣ нѣкоторую опасность. Съ одной стороны, такое противопоставленіе можетъ сразу же поставить кооперативы въ совершенно ложныя отношенія къ другимъ общественнымъ учрежденіямъ и эти отношенія не легко будетъ потомъ исправить; съ другой стороны, это можетъ побудить кооперативы взяться за рѣшеніе такихъ задачъ, которыя имъ несвойственны и непосильны или которыя гораздо легче и лучше могутъ быть выполнены другими общественными организаціями. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрное увлеченіе коопераціей и преувеличенныя надежды на нее могутъ отвлечь общественное вниманіе отъ нѣкоторыхъ основныхъ и наиболѣе важныхъ проблемъ русской жизни или направить обществен-

ную мысль въ поискахъ за ихъ рѣшеніемъ не по надлежащему пути.

Вотъ почему я считаю не лишнимъ остановиться на соотношеніи разнаго рода общественныхъ союзовъ въ мѣстной жизни. Попытаюсь устранить хотя бы несомнѣнныя недоразумѣнія на этотъ счетъ.

II.

На быстро распространяющуюся кооперацію у насъ многіе смотрятъ, какъ на что-то совершенно новое въ русской и особенно въ деревенской жизни. Отсюда, можетъ быть, и проистекаетъ склонность думать, что она призвана смѣнить или способна замѣнить, съ одной стороны, общину, съ другой — земство. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, въ коопераціи нова лишь конструкція, иногда нова лишь оболочка, порой даже ново только названіе; въ основныхъ же принципахъ этой формы общественной организаціи нѣтъ ничего новаго: они давно извѣстны русской народной жизни.

Только что отмѣченное недоразумѣніе порою доходитъ прямо до курьеза. Напримѣръ, въ послѣднее время въ газетахъ нѣтъ-нѣтъ, да и встрѣтишь извѣстіе, оповѣщающее объ образованіи въ той или иной деревнѣ „арендного кооператива". Эти „арендные кооперативы" трактуются, какъ явленіе, доселѣ совершенно неизвѣстное русской жизни, встрѣчавшееся чуть ли не только въ Италіи. Между тѣмъ стоитъ раскрыть любой земско-статистическій сборникъ, хотя бы изданный 20-25 лѣтъ тому назадъ,—и сразу же можно убѣдиться, что коллективныя аренды, въ частности товарищескія, уже тогда имѣли у насъ широкое распространеніе. Во многихъ мѣстностяхъ эта форма арендныхъ отношеній преобладала, въ другихъ — даже господствовала, и единоличная аренда являлась въ нихъ, можно сказать, исключеніемъ. Широкое распространеніе кооперативная форма давно уже получила и въ сферѣ землевладѣнія. Достаточно въ этомъ случаѣ напомнить товарищества, въ составѣ каковыхъ, задолго до учрежденія Крестьянскаго банка, а кое-гдѣ задолго даже до реформы 1861 г. крестьяне начали покупать частновладѣльческія земли. До самаго послѣдняго времени эта форма, какъ извѣстно, оставалась преобладающей и Крестьянскій банкъ долженъ былъ примѣнить исключительныя мѣры, чтобы подавить у крестьянъ склонность къ ней и заставить ихъ перейти къ единоличнымъ покупкамъ. Вообще артели и товарищества въ крестьянской жизни, въ самыхъ различныхъ ея областяхъ, издавна имѣли очень широкое распространеніе, такъ что кооперація, повторяю, не внесла въ эту жизнь ничего принціально-новаго.

Конечно, современный кооперативъ отличается отъ исконной артели,—отличается, какъ болѣе совершенная и прочная форма, гораздо болѣе развитая, несравненно лучше приспособленная къ

современнымъ экономическимъ и правовымъ условіямъ. Но это—разница техническая, а не принципіальная. Можно думать, что при другихъ условіяхъ русскія народныя артели сами собой, въ силу естественнаго развитія, въ одной ихъ части давно уже превратились бы въ кооперативы, въ другой — въ профессіональные союзы. Иначе говоря, отъ одного и того же артельнаго ствола, съ усложненіемъ жизни, разрослись бы двѣ широкихъ вѣтви трудовыхъ организацій.

Но артельная форма, такъ же, какъ и общинная, была задержана въ своемъ развитіи,—задержана, главнымъ образомъ, тѣмъ, что крестьянская масса была лишена возможности пользоваться пріобрѣтеніями общечеловѣческой мысли и общечеловѣческаго опыта, а сама по себѣ была недостаточно культурна, чтобы успѣшно развивать и умѣло приспособлять свои организаціи къ быстро измѣнявшимся и усложнявшимся условіямъ жизни. Въ результатѣ, въ однихъ областяхъ народнаго труда и хозяйства артели выродились и зачахли, въ другихъ — хотя и продолжали возникать и функціонировать, но лишь въ крайне несовершенной и непрочной формѣ. Вполнѣ естественно, что теперь, когда болѣе совершенныя формы организаціи сдѣлались хотя отчасти народу извѣстны и доступны, кооперативы сразу же получили широкое распространеніе. Не можетъ быть сомнѣнія, что еслибы полицейскія условія не были такъ тяжелы, то столь же и даже еще болѣе быстрое распространеніе получила бы и другая вѣтвь трудовыхъ организацій, основанныхъ на „артельномъ началѣ“,—профессіональные союзы. Въ этомъ направленіи тоже прокатилась бы стихійная волна, какой нигдѣ и никогда еще не видѣли.

Можно, конечно, думать, что еслибы кооперативы и профессіональные союзы органически выросли изъ артелей, имѣвшихся въ народной жизни, то они обладали бы гораздо большею устойчивостью, чѣмъ нынѣшніе, и не вызывали бы тѣхъ сомнѣній и опасеній за свою судьбу, какія вызываетъ, напримѣръ, кредитная кооперація, насаждаемая не только по заграничнымъ образцамъ, но и при правительственномъ содѣйствіи. Не будемъ однако гадать, что могло бы быть, еслибы исторія сложилась иначе. Допустимъ даже, что мутаціонные періоды въ народномъ развитіи неизбѣжны, что новыя, болѣе совершенныя формы народной организаціи и не могли возникнуть путемъ эволюціи, въ результатѣ естественнаго развитія уже имѣвшихся зачаточныхъ формъ, а могли и должны были явиться независимо отъ послѣднихъ, въ революціонномъ, такъ сказать, порядкѣ. Но и за всѣмъ тѣмъ, какъ я думаю, не можетъ быть сомнѣнія, что если кооперація пришла на смѣну чему-то, то, конечно, не общинѣ, а артели. И замѣнить она можетъ не первую, а только послѣднюю. Какъ раньше въ народной жизни были организаціи двоякаго рода, основанныя, съ одной стороны, на артельномъ, а съ другой—на общинномъ началѣ, такъ и въ даль-

нѣйшемъ, наряду съ частно-хозяйственными объединеніями, кооперативами, должны быть публично-правовые союзы. Смѣнить и замѣнить общину можетъ только такой же публично-правовой институтъ, какимъ являлась и она сама.

III.

Въ противопоставленіи коопераціи общинѣ видную роль играетъ, какъ мы видѣли, то обстоятельство, что новая организація распространяется въ той же средѣ, въ какой разрушается старая, и что оба эти процесса идутъ одновременно. Отсюда, какъ я сказалъ, и проистекаетъ склонность думать, что одна организація призвана смѣнить или способна замѣнить другую. Земству же кооперація противопоставляется, какъ разъ наоборотъ, потому, что она распространяется въ совершенно другой средѣ, организуетъ совершенно другія общественныя силы.

Такъ Н. В. Чайковскій, какъ видно изъ цитированной статьи и, главное, изъ позднѣйшихъ его выступленій, когда онъ яснѣе изложилъ свою мысль, противопоставляетъ кооперацію не вообще земству, не принципіально, такъ сказать, а лишь данному, существующему въ настоящее время земству. Самая форма общественной организаціи, — будетъ ли она та или другая, — ему представляется, повидимому, не важной; важно то, кто входитъ въ составъ данной организаціи, кто является въ ней хозяиномъ. Можетъ быть, онъ удовлетворился бы и демократическимъ земствомъ, но его нѣтъ, а есть кооперація, гораздо болѣе демократическая по своему составу, — стало быть, она и должна замѣнить его. Въ коопераціи Н. В. Чайковскаго увлекаетъ больше всего то, что „мужикъ самъ беретъ свое хозяйственное дѣло въ свои руки ... и дѣлаетъ его пока-что совсѣмъ недурно“. Этимъ же, несомнѣнно, былъ увлеченъ и кн. Д. И. Шаховской,—именно крестьянскою самодѣятельностью, которая такъ бросается въ глаза въ кооперативахъ и которая такъ слабо проявлялась до сихъ поръ на земской аренѣ. Въ качествѣ демократической, даже „мужицкой“ организаціи кооперація чаще всего и противопоставляется земству, какъ организаціи дворянско-чиновничьей, въ лучшихъ частяхъ — интеллигентской, въ цѣломъ же—„господской“.

Противопоставленіе въ общемъ вѣрное,—и поскольку оно сводится къ констатированію факта, спорить противъ него незачѣмъ. Но это противопоставленіе, какъ мы видѣли, отливается въ программу, заявляющую по адресу земства: „хоть бы его и не было“, или, по меньшей мѣрѣ, задающуюся цѣлью урѣзать, оттѣснить послѣднее. Тутъ уже цѣлое недоразумѣніе: личный составъ имѣющихся общественныхъ организацій заставляетъ забыть про ихъ формы, функціи и задачи. Противопоставляются другъ другу опять-

таки институты разнаго рода: частно-хозяйственныя объединенія— публично-правовымъ союзамъ, какъ будто одни могутъ безъ труда становиться на мѣсто другихъ, какъ будто тѣ и другіе находятся въ одной и той же плоскости.

По этому случаю не лишне будетъ напомнить, что земскимъ учрежденіямъ у насъ уже пытались придать „характеръ акціонерныхъ компаній и частныхъ учрежденій". Создавались даже особыя теоріи, стремившіяся обосновать этотъ „странный характеръ" русскаго самоуправленія, какой одно время пыталось придать ему правительство. Но земство въ своемъ развитіи, вопреки этимъ теоріямъ и наперекоръ правительственнымъ усиліямъ, пошло по совершенно иному пути, — и теперь государственный характеръ земскихъ учрежденій ни въ комъ уже не вызываетъ сомнѣній. Очевидно, такова была логика жизни, требовавшая, чтобы на этомъ мѣстѣ былъ публично-правовой союзъ, — и странно было бы ожидать, что возникающія теперь „частныя компаніи", хотя бы и мужицкаго состава, могутъ оттѣснить и замѣнить его. „Господское" земство, несомнѣнно, должно уступить мѣсто демократической организаціи, но такой организаціей можетъ быть только публично-правовая.

Когда-то подобная организація, несомнѣнно, и начинала уже складываться въ народной жизни въ формѣ союзовъ, обладавшихъ опредѣленною территоріею и объединявшихъ все проживавшее на этой территоріи населеніе, т. е. союзовъ, можетъ быть, очень слабо развитыхъ, несовершенныхъ и неустойчивыхъ, но съ ясно выраженнымъ государственнымъ характеромъ. Развитіе этихъ союзовъ было однако задержано исторіей и государственная организація отлилась въ дворянско-бюрократическую форму въ которой совсѣмъ не было мѣста для народной самодѣятельности. Начавшая складываться государственно-народная организація уцѣлѣла лишь въ видѣ остатковъ и зачатковъ,—въ видѣ мелкихъ союзовъ, ограниченныхъ въ своей территоріи и въ своемъ составѣ, урѣзанныхъ въ своихъ правахъ и функціяхъ, словомъ, въ видѣ тѣхъ земельныхъ общинъ, которыя дожили до самаго послѣдняго времени.

Можно думать, что еще въ „эпоху реформъ" общину въ значительной части Россіи можно было бы безъ особыхъ затрудненій положить въ основу мѣстнаго самоуправленія. Она удержала въ извѣстной мѣрѣ право на землю и включала въ себя почти все тогдашнее сельское населеніе. Даже духовенство—эта единственная сколько-нибудь значительная, послѣ крестьянства, группа сельскаго населенія,—не стояло совершенно внѣ ея. Не говоря о другихъ хозяйственныхъ и бытовыхъ связяхъ съ крестьянствомъ, духовенство переплеталось съ нимъ и въ своихъ земельныхъ отношеніяхъ. „Церковники" въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имѣли, въ сущности, такой же „надѣлъ", иногда даже черезполосный, какъ и крестьяне, отличавшійся лишь тѣмъ, что размѣры его были норми-

рованы извнѣ, синодальною властью. Случалось, что „церковники" участвовали даже въ общихъ жеребьевкахъ и переверсткахъ. Во всякомъ случаѣ была еще жива память, что власть общины распространялась когда-то и на „церковныя земли"... Единственно, кого трудно было включить въ общину, это—„барина", успѣвшаго при освобожденіи удержать значительную часть территоріи въ своемъ исключительномъ обладаніи. Онъ-то и явился главнымъ факторомъ, опредѣлившимъ собою всю пореформенную организацію мѣстной жизни.

„Реформы" обошли общину, т. е., проще сказать, реформаторы, реорганизуя мѣстную жизнь, постарались обойтись безъ нея. Въ качествѣ административной единицы и основной ячейки крестьянскаго самоуправленія было создано отдѣльное отъ земельной общины „сельское общество". Мнѣ нечего напоминать о путаницѣ, какую это породило во многихъ случаяхъ, и о томъ, какъ трудно было крестьянамъ пріурочить свои нужды, не только хозяйственныя, но и правовыя, къ этой совершенно искусственной единицѣ. Тамъ, гдѣ сельское и земельное общество не совпадали, для того и другого нерѣдко выбирались отдѣльные старосты, имѣлись отдѣльные десятскіе и т. д.—и живымъ организмомъ являлась въ такихъ случаяхъ земельная община, которой вовсе не зналъ законъ въ качествѣ самоуправляющейся единицы, а созданное имъ сельское общество оставалось не больше, какъ пустою формою, служившею только для административныхъ надобностей. Волость, какъ самоуправляющаяся организація, сразу же была поставлена вдали отъ всѣхъ земельныхъ дѣлъ и только волостной судъ имѣлъ къ нимъ непосредственное отношеніе. Въ результатѣ и вся почти хозяйственная жизнь крестьянскаго населенія оказалась внѣ волостной организаціи, въ которой административныя функціи получили рѣшительное преобладаніе надъ экономическими и всѣми другими.

Реорганизуя мѣстную жизнь, реформаторы сочли за лучшее обойти не только землю, но и барина. Крестьянскому самоуправленію, чтобы не захватить послѣдняго, былъ приданъ строгосословный характеръ, благодаря чему крестьянскія организаціи съ самаго начала оказались замкнутыми, лишенными притока свѣжихъ элементовъ, изолированными отъ болѣе культурной и интеллигентной части сельскаго населенія. Между тѣмъ это, не охватываемое крестьянскими организаціями, населеніе становилось все многочисленнѣе и разнообразнѣе. Такъ какъ оно не имѣло своихъ органовъ, то крестьянскія учрежденія волей-неволей должны были выполнять по отношенію къ нему цѣлый рядъ функцій, главнымъ образомъ, административнаго характера и очень скоро превратились такимъ образомъ въ органы общаго управленія. Впослѣдствіи нѣкоторыя группы сельскаго населенія

(напримѣръ, мѣщане, живущіе въ предѣлахъ волости) и формально были подчинены органамъ крестьянскаго управленія,—но именно подчинены, безъ права участія въ ихъ выборѣ. Впрочемъ, само крестьянское самоуправленіе успѣло уже превратиться въ фикцію, такъ какъ органы его, въ особенности волостные, дальше стоявшіе отъ земли и хозяйственной жизни населенія, были къ этому времени уже бюрократизированы.

Въ эпоху реформъ была создана и другая, болѣе широкая форма самоуправленія,—самоуправленія всесословнаго, земскаго,—но оно, какъ извѣстно, не было доведено до низу, не было доведено не только до общины, но и до волости. Земскія учрежденія и по сей день продолжаютъ какъ бы висѣть въ воздухѣ. Благодаря этому, уже въ силу бытовыхъ условій, земство съ самаго начала получило характеръ „господской“ организаціи, а потомъ этотъ характеръ былъ и формально закрѣпленъ закономъ, предоставившимъ рѣшительное преобладаніе въ земскихъ собраніяхъ представителямъ дворянства и администраціи.

Община продолжала существовать—правильнѣе сказать, влачить существованіе—въ низахъ народной жизни. Не введенная въ систему государственныхъ установленій и какъ бы игнорируемая закономъ, она продолжала однако сохранять принудительный характеръ, оставаться публичнымъ союзомъ. Ограниченная въ своей компетенціи исключительно надѣльнымъ землепользованіемъ, она вынуждена была однако выполнять цѣлый рядъ и другихъ функцій, свойственныхъ самоуправленію. Поставленная въ невозможно фальшивыя условія, она тѣмъ не менѣе проявила удивительную живучесть и даже обнаружила признаки развитія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Однако и за всѣмъ тѣмъ она не могла, конечно, сохранить свой первоначальный характеръ—характеръ цѣлостнаго и способнаго къ всестороннему развитію общественнаго организма.

Въ настоящее время было бы, конечно, напрасно и пытаться ввести общину въ систему государственныхъ установленій въ качествѣ основной ячейки народнаго самоуправленія. Во-первыхъ, благодаря процессу общественной дифференціаціи, успѣвшему продвинуться достаточно далеко, теперь уже значительная часть сельскаго населенія стоитъ внѣ общины, почему превратить ее въ территоріальный союзъ, который охватывалъ бы все населеніе, въ высшей степени трудно и даже невозможно; во-вторыхъ, право на землю,—принадлежавшее общинѣ и имѣвшее когда-то публичный характеръ, успѣло существенно видоизмѣниться и во многихъ случаяхъ уже превратилось въ частное право отдѣльныхъ группъ и даже отдѣльныхъ домохозяевъ. Въ-третьихъ, благодаря столыпинскому законодательству, общинная форма даже въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ она сохранялась, теперь въ однихъ мѣстахъ уже разрушена, въ другихъ дезорганизована, и уже поэтому только опереться на нее въ дѣлѣ реорганизаціи мѣстной жизни не мыслимо

Такимъ образомъ въ настоящее время у насъ нѣтъ организаціи демократическаго состава и публично-правового характера, которая могла бы быть противопоставлена „господскому“ земству и которая, постепенно развиваясь, была бы въ состояніи дѣйствительно вытѣснить и замѣнить его. Между тѣмъ потребность въ такой организаціи, давно уже ощущаемая, въ послѣднее время обострилась до чрезвычайности. Разрушеніе общины лишило мѣстную жизнь и той, хотя бы очень несовершенной, зачаточной и примитивной организаціи, какую она до сихъ поръ имѣла. Съ разрушеніемъ общины многія общественныя потребности, какъ-никакъ, хотя бы и очень плохо, удовлетворявшіяся до сихъ поръ, предоставляются, можно сказать, произволу судьбы. Въ частности, въ сферѣ земельныхъ отношеній теперь вовсе не остается общественной организаціи, которая, хотя бы въ извѣстныхъ предѣлахъ, хотя бы до извѣстной степени, регулировала эти отношенія. Между тѣмъ въ этой именно области жизнью выдвинутъ на очередь цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ и неотложныхъ задачъ, удовлетворительно разрѣшить которыя можетъ только демократически организованное самоуправленіе. Достаточно напомнить хотя бы землеустройство, земельное страхованіе, меліоративное дѣло, регулированіе арендныхъ отношеній и т. д. Я не говорю уже о коренной реорганизаціи аграрныхъ отношеній, необходимость въ каковой, можетъ быть, и отсрочена,—правильнѣе сказать, заслонена той суматохой, какую контръ-революціи удалось вызвать въ этой сферѣ,—но отсрочена, конечно, ненадолго: несомнѣнно, въ ближайшее же время она вновь предстанетъ передъ нами въ качествѣ стихійной неизбѣжности.

Между тѣмъ земскія учрежденія, которыя, быстро развивая и расширяя свою дѣятельность, могли бы, казалось, до извѣстной степени восполнить отсутствіе самоуправленія въ самыхъ низахъ народной жизни, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, не пригодны для этой цѣли. Благодаря, съ одной стороны, дворянско-бюрократической структурѣ, а съ другой—рѣзко усилившимся классовымъ тенденціямъ, „господскій“ характеръ нынѣшняго земства обозначился съ небывалою еще выпуклостью. Нельзя поэтому и надѣяться, чтобы оно могло достаточно правильно и справедливо повести, напримѣръ, землеустройство или меліоративное дѣло, еслибы даже эти отрасли и были переданы въ его вѣдѣніе. Я не говорю уже о такихъ функціяхъ, какъ регулированіе арендныхъ отношеній или участіе въ земельной мобилизаціи, т. е. о такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ классовые интересы помѣщиковъ и крестьянъ прямо и непосредственно противопоставлены другъ другу.

Нельзя, наконецъ, упускать изъ виду и того, что классовое самосознаніе крестьянства и его активность въ результатѣ всѣхъ пережитыхъ событій сильно возросли. При томъ культурномъ уровнѣ, какой имъ уже достигнутъ, оно въ состояніи теперь вы-

дѣлить и значительныя силы, способныя принять дѣятельное участіе въ веденіи общественнаго хозяйства. Эти силы, можно сказать, рвутся къ общественному дѣлу, чтобы повести его сообразно съ крестьянскими нуждами и интересами, — и тѣмъ нужнѣе, конечно, надлежащая общественная организація, въ которой эти силы могли бы проявить себя наиболѣе цѣлесообразно и плодотворно.

Можно думать, что неимовѣрно быстрые успѣхи коопераціи въ значительной мѣрѣ объясняются именно тѣмъ, съ одной стороны, что въ мѣстной жизни до чрезвычайности обострилась потребность въ демократическомъ самоуправленіи, а, съ другой стороны, тѣмъ, что въ ней имѣются уже и достаточныя силы для такого именно самоуправленія. Еслибы имѣлась мелкая земская единица, достаточно правильно организованная, эти силы, въ значительной ихъ части, вѣроятно, хлынули бы въ нее и сразу же дали бы широкій размахъ ея хозяйству. Теперь же волей-неволей чуть не всѣ имѣющіяся общественныя силы вынуждены сгрудиться около кооперативовъ.

Вполнѣ естественно, конечно, что мѣстные дѣятели хватаются за единственно доступную сейчасъ имъ форму общественной организаціи и стараются собрать въ ней всѣ имѣющіяся на мѣстахъ силы. Можно понять и ихъ увлеченіе,—мечты разрѣшить при помощи коопераціи чуть не всѣ общественныя задачи. Можно даже находить хорошую сторону въ этомъ увлеченіи, — благодаря ему, въ кооперативы, быть можетъ, сразу же будетъ привнесенъ такой запасъ идеализма, какой сами по себѣ они были бы въ состояніи выработать очень не скоро.

Но со стороны теоретиковъ утверждать мѣстныхъ дѣятелей въ мысли, что кооперація „все можетъ", по меньшей мѣрѣ, какъ я думаю,—неосторожно. Суррогатъ, — а таковымъ, несомнѣнно, и явятся кооперативы, поскольку они будутъ пытаться замѣнить самоуправленіе,—въ концѣ концовъ лишь разочаруетъ тѣхъ, кто нуждается въ хлѣбѣ.

А мѣстная жизнь нуждается именно въ хлѣбѣ,—въ правильно поставленномъ и демократически организованномъ самоуправленіи. Созданіе таковаго и составляетъ, быть можетъ, самую важную и неотложную задачу,—во всякомъ случаѣ въ высшей степени настоятельную потребность мѣстной жизни.

Пусть кооперативы дѣлаютъ свое дѣло, пусть они даже восполняютъ, насколько это возможно, земское хозяйство. Но пусть они все-таки не забываютъ объ основной задачѣ, которая стоитъ передъ страной и передъ ними. Не замѣнить дѣйствительное самоуправленіе, а вести борьбу за него—такова эта задача. И, конечно, не борьба съ нынѣшнимъ земствомъ, а, быть можетъ, борьба въ земствѣ и при посредствѣ земства являются одними изъ тѣхъ формъ, въ которыхъ кооперативы могутъ развернуть собранныя ими силы.

IV.

Моя предыдущая статья о „демократизаціи кредита“ вызвала довольно рѣзкій отвѣтъ со стороны „Русскихъ Вѣдомостей“ [1]). Сильнѣе всего, повидимому, газету задѣло то мѣсто моей статьи, гдѣ я, желая уяснить себѣ и другимъ причины, почему оказался безплоднымъ предпринятый ею пересмотръ аграрной программы, упомянулъ о давней склонности ея „задаваться лишь осуществимыми цѣлями,—осуществимыми не по условіямъ экономическаго процесса, который диктуетъ свои велѣнія съ непререкаемою силою, а по условіямъ даннаго политическаго момента и политическихъ перспективъ ближайшаго будущаго“. „Думаемъ,—пишутъ теперь „Русскія Вѣдомости“—что и самъ г. Пѣшехоновъ серьезно не вѣритъ въ справедливость обвиненія, которое онъ бросаетъ „Русскимъ Вѣдомостямъ“. Едва-ли онъ сталъ бы сотрудничать въ газетѣ, повинной въ столь безнадежномъ оппортунизмѣ“.

Я никакъ не ожидалъ, что это именно мѣсто моей статьи такъ больно задѣнетъ газету. Склонность „Русскихъ Вѣдомостей“ ставить только „осуществимыя задачи“ или склонность къ „оппортунизму“, какъ они называютъ, — можетъ быть, склонность и не такая уже „безнадежная“,—для меня всегда стояла внѣ сомнѣнія. И печатно я уже не въ первый разъ касаюсь этого слабаго ихъ мѣста. Еще недавно, въ статьѣ по поводу 50-лѣтняго юбилея „Русскихъ Вѣдомостей“, я отмѣтилъ ту же склонность, какъ одну изъ характерныхъ ихъ чертъ [2]). Это не мѣшало однако мнѣ съ уваженіемъ относиться къ честной, независимой и въ общемъ демократической газетѣ, а также и принимать въ ней время-отъ-времени участіе. Но уваженіе и даже сотрудничество въ газетѣ не освобождали, конечно, меня отъ обязанности вступать порою съ нею и въ прямую полемику, въ особенности, когда я видѣлъ, что склонность ея ставить только „осуществимыя задачи“ можетъ повредить правильной постановкѣ очень важныхъ вопросовъ. „Русскимъ Вѣдомостямъ“, въ свою очередь, было извѣстно мое мнѣніе о нихъ, но это не мѣшало имъ обращаться ко мнѣ въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ съ просьбами о сотрудничествѣ. Но это также не

---

[1]) См. „Русскія Вѣдомости“, 10 апрѣля.

[2]) „Газета не столь вредная“; „Русское Богатство“, 1913 г., октябрь. Вотъ что, между прочимъ, писалъ я въ этой статьѣ: „Русскія Вѣдомости“ всегда обнаруживали склонность соразмѣрять свои программныя пожеланія съ даннымъ соотношеніемъ силъ,—выдвигать лишь тѣ задачи, которыя могутъ быть выполнены данною государственною властью... Если употребить грубый примѣръ, то можно сказать, что невыполнимымъ „Русскія Вѣдомости“ склонны считать не то лишь, чего не можетъ осуществить вообще парламентъ (извѣстно вѣдь, что даже англійскій парламентъ не можетъ сдѣлать женщину мужчиной), но и то, чего не можетъ осуществить русская Государственная Дума“.

мѣшало и не мѣшаетъ, конечно, имъ предъявлять свои возраженія, если мои мнѣнія представляются имъ неправильными и не совсѣмъ ужъ ничтожными. Единственно, чего можно желать, какъ я думаю, разъ полемика признается съ той или другой стороны полезною или неизбѣжною, это—чтобы аргументы ad hominem вродѣ вышеприведеннаго играли возможно меньшую роль. Читателямъ интересны вѣдь не эти аргументы, а доводы по существу.

По существу же въ данномъ случаѣ „Русскія Вѣдомости", можно сказать, ничего не отвѣтили. Онѣ лишь вновь повторили свой тезисъ, „что слѣдуетъ признать нормальнымъ режимомъ для единоличнаго трудового землевладѣнія свободное распоряженіе землею ея собственникомъ". И вновь повторили, что „изъ этого не слѣдуетъ, что свобода распоряженія должна быть неограниченной". Однако, каковы могутъ и должны быть эти ограниченія, онѣ опять-таки не указали. „Презумпція—говоритъ газета—устанавливается въ пользу свободы распоряженія, а бремя доказательствъ возлагается на сторонниковъ ея ограниченія". Такъ какъ сама газета выступаетъ сторонницей свободы, то изъ этого, можетъ быть, слѣдуетъ, что она и не считаетъ обязанной взваливать на себя „бремя доказательствъ": достаточно, если она привела для примѣра одно изъ допускаемыхъ ею ограниченій. Во всякомъ случаѣ „соотвѣтствующее мѣсто", которое, по ея мнѣнію, должно быть отведено въ аграрной сферѣ „индивидуалистическому началу", такъ и остается не ограниченнымъ ни съ точки зрѣнія справедливости, ни съ точки зрѣнія цѣлесообразности.

„Г. Пѣшехоновъ — пишутъ „Русскія Вѣдомости" — какъ будто опасается за судьбу коллективизма, разъ будетъ признана правомѣрность индивидуалистическаго начала и не будетъ придумано „новыхъ общественныхъ формъ". Мы же полагаемъ, что то, что есть въ коллективизмѣ жизненнаго и практически осуществимаго, пробьетъ себѣ пути".

Оставимъ однако въ сторонѣ конечную судьбу коллективизма: для меня его торжество стоитъ внѣ сомнѣній, а для „Русскихъ Вѣдомостей", вѣроятно, подъ знакомъ вопроса, и сговориться намъ на этотъ счетъ довольно трудно. Не будемъ заглядывать такъ далеко, а возьмемъ то, что имѣется въ дѣйствительности. А имѣется слѣдующее: „индивидуалистическому началу" не только обезпечена сейчасъ „правомѣрность" въ сферѣ землевладѣнія, но и данъ рѣшительный перевѣсъ надъ „общественно-коллективистическими стремленіями". Русскія Вѣдомости", которыя много лѣтъ отстаивали именно эти послѣднія въ аграрной сферѣ, вдругъ оставляютъ ихъ на произволъ судьбы (пробьютъ-де себѣ пути) и начинаютъ доказывать, что индивидуалистическому началу должно быть отведено „соотвѣтствующее", — самое широкое, какъ ясно изъ сказаннаго выше, — мѣсто. Вотъ вѣдь, что привлекло мое — и не только

мое—вниманіе... И эта рѣзкая и неожиданная перемѣна позиціи, которую такъ долго занимала газета, остается необоснованною.

Впрочемъ, „если г. Пѣшехоновъ — пишутъ „Русскія Вѣдомости“—хочетъ сказать, что слѣдуетъ поддерживать общественно-коллективистскія стремленія и начинанія въ земледѣльческой средѣ путемъ предоставленія общинѣ права самозащиты, отнятаго у нея столыпинскимъ законодательствомъ, или содѣйствіемъ возникновенію и развитію кооперативовъ, объединяющихъ мелкихъ владѣльцевъ въ болѣе крупныя хозяйственныя единицы, то это именно то самое, что мы имѣли въ виду и говорили въ своихъ статьяхъ“.

Нѣтъ, я хотѣлъ сказать нѣчто большее, и странно, что „Русскія Вѣдомости“ этого не поняли. Общинная форма столыпинскимъ законодательствомъ, какъ это утверждаетъ и сама газета, разбита, и „самозащитой“ ее уже не возстановишь. „Общественно-коллективистическія стремленія“ остаются въ силѣ и, очевидно, для ихъ проявленія должна быть создана новая форма, если нельзя возстановить старую. Правда, имѣется еще кооперативная форма, но она недостаточна для рѣшенія аграрнаго вопроса,—и это я совершенно ясно оговорилъ въ своей статьѣ. Поэтому главное вниманіе, по моему мнѣнію, и нужно сосредоточить прежде всего на созданіи надлежащей формы. „Ну, а вырабатывать новыя общественныя формы, за это мы—отвѣчаютъ „Русскія Вѣдомости“—дѣйствительно не беремся и думаемъ, что сама жизнь сдѣлаетъ это лучше насъ съ г. Пѣшехоновымъ“. Но вѣдь мы съ „Русскими Вѣдомостями“ составляемъ часть этой самой жизни и безъ насъ выработка этихъ новыхъ формъ не обойдется. Во всякомъ случаѣ наша нравственная обязанность принять посильное участіе въ этомъ. Конечно, если мы будемъ вырабатывать формы, для которыхъ въ жизни нѣтъ мѣста, то это будетъ праздное занятіе. Но вѣдь рѣчь идетъ о такой формѣ, которая настойчиво требуется жизнью и для которой въ жизни уже имѣются всѣ необходимые элементы.

Странно, повторяю, что „Русскія Вѣдомости“ не поняли, о какой формѣ шла въ данномъ случаѣ рѣчь, хотя эта форма въ моей статьѣ достаточно ясно была очерчена. Надѣюсь, что хотя изъ теперешней статьи газета пойметъ, что рѣчь шла и идетъ о демократической формѣ самоуправленія.

Крайне характерно, что въ „выработкѣ“ этой формы и въ борьбѣ за нее „Русскія Вѣдомости“ принимаютъ достаточно дѣятельное участіе. Но только въ ихъ представленіи эта форма, очевидно, совсѣмъ не вяжется съ заданіями, какія стоятъ передъ нами въ аграрной сферѣ. Вопросы о „землѣ“ газета считаетъ, очевидно, возможнымъ ставить и рѣшать внѣ связи съ вопросами о „волѣ“. Но вѣдь къ этому и сводилась сущность предъявленнаго мною „обвиненія“...

А. Пѣшехоновъ.

ОПЕЧАТКА. Въ статьѣ „Декократизація кредита“, помѣщенной въ апрѣльской книгѣ „Русскаго Богатства“, на стр. 352, въ строкѣ 16 снизу напечатано: „25 руб.“; слѣдуетъ: „52 руб.“.

НОВЫЯ КНИГИ.

Борисъ Зайцевъ. Разсказы. Книга четвертая. Изд-ство К. Ф. Некрасова. Москва. 1914. Стр. 277. Ц. 1 р. 50 к.

Рядъ одинокихъ людей, рядъ необычныхъ судебъ; причудливыя сплетенія жизни, необходимо и неожиданно приводящія къ пути простому и правому: нѣчто толстовское по мотиву, импрессіонистское по формѣ, — такова сфера новыхъ разсказовъ Зайцева. Герой „Изгнанія"—молодой интеллигентъ „изъ хорошаго круга Москвы", начинающій удачливую карьеру, счастливый въ супружествѣ, благополучный въ судьбѣ; случайная прикосновенность къ дѣламъ минувшей революціи заставляетъ его эмигрировать—и въ Парижѣ, безъ особенныхъ событій, безъ грубыхъ толчковъ, понемногу онъ овладѣваетъ своимъ истиннымъ *я*, гдѣ-то трепещущимъ подъ пепломъ его благополучнаго, самодовлѣющаго бытія; онъ уходитъ отъ жены, которая еще раньше, ненужная ему, ушла отъ него, уходитъ отъ своей жизни, сперва бродяжитъ, потомъ возвращается въ Россію: „пускай меня арестуютъ и сажаютъ въ тюрьму, я отбуду наказаніе и поступлю туда, куда склонится мое сердце; въ сектанты ли, въ анархисты, или просто въ незамѣтные одинокіе люди, великое преимущество которыхъ: свобода отъ *всѣхъ* и отъ *всего*". Онъ еще ни къ чему не пришелъ, но знаетъ, отъ чего ушелъ. — „Вечерній часъ": закатъ душевной жизни пѣвицы, актрисы; послѣ бурной любовной карьеры, она испытала рядъ ударовъ судьбы; мужъ, моложе и сильнѣе ея, ушелъ отъ нея съ ея ребенкомъ; она научилась понимать другихъ, жить въ другихъ; послѣ многихъ лѣтъ обостреннаго и утонченнаго эгоизма, она знаетъ только чужія радости; своя радость для нея только въ тихомъ, бездѣйственномъ и однако напряженномъ самоотреченіи. И, еще молодая, она застываетъ въ этомъ самозабвенномъ ощущеніи своего заката. — Герой „Грѣха" прошелъ преступную жизнь, никогда не чувствуя къ ней потребности; не плохой мальчикъ „съ тринадцати лѣтъ долженъ былъ проходить черезъ огонь и воду" сперва въ лакейской средѣ, потомъ повыше, но всегда среди соблазновъ, подлѣ губящихъ женщинъ — и, кромѣ развѣ противоестественныхъ пороковъ, ни отъ чего не удержался вплоть до грабежа и убійствъ. И однако онъ всегда былъ готовъ къ тому, что произошло съ нимъ лишь на каторгѣ, въ общеніи съ политическими: къ полному моральному перерожденію. „Въ настоящее время, когда я достигъ зрѣлаго возраста, врядъ-ли кто узналъ бы во мнѣ прежняго кутилу, экспропріатора и убійцу. Это все умерло. Говорятъ, я кажусь сумрачнымъ и серьезнымъ человѣкомъ. Марья Петровна укоряетъ меня лишь за одно, за пристрастіе къ Библіи, которое у меня появилось. Она иногда под-

смѣивается надо мной, говоритъ, что я, пожалуй, готовлюсь въ старообрядческіе начетчики. Я ее понимаю и не обижаюсь. Если-бы она прошла мою жизнь, быть можетъ, она думала бы по другому и, какъ я, возвращалась бы нерѣдко къ псалмамъ Давида".—Студентъ Бенедиктовъ, измученный неудачной любовью, рѣшилъ застрѣлиться. Но самоубійство не удалось — и такъ и должно было быть; жизнь побѣдила еще раньше, когда Бенедиктовъ такъ или иначе былъ втянутъ въ круговоротъ чужихъ жизней, когда онъ помогалъ безпутному пріятелю увозить чужую жену, когда онъ цѣловалъ руку старому мужику, у котораго повѣсили сына. Навожденіемъ показались ему и любовная тоска, и нелѣпое самоубійство. Но „полный новаго, сіяющаго и звенящаго", онъ ушелъ далеко „отъ всего такого". „Да, стрѣлялъ, а теперь иду, мнѣ на встрѣчу встаетъ солнце, я иду, и поютъ птицы, и въ душѣ моей звучитъ отвѣтная пѣснь".

Это типичные сюжеты новаго Зайцева; лучшимъ въ нихъ остается Зайцевъ старый: лирикъ космическаго чувства, художникъ пантеистическаго охвата, напряженно „вчуствовавшійся" въ природу и насъ заражающій этимъ ощущеніемъ. Чужды его таланту тенденціи, а онъ сталъ тенденціозенъ, чуждо ему мастерство объективной лѣпки — и въ его разсказахъ нѣтъ фигуръ ясныхъ, крѣпкихъ, изъ наблюденій вылѣпленныхъ и самостоятельной жизнью живущихъ. Во всемъ этомъ есть привлекательная мягкость, есть своя правда, милая читателю и подчасъ увлекающая его не только высотой моральнаго подъема, но и жизненностью положенія. И однако все это изъ себя, все это только о себѣ, все это только лирика, которая тщетно пытается стать то широкимъ эпосомъ, то высокой драмой.

Михаилъ Пришвинъ. Томъ третій. „Славны бубны и другіе разсказы". Изд. тов. „Знаніе". Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

„Вокругъ насъ носятся въ свѣтѣ солнца невоплощенныя души цвѣтовъ"... („Коктебельскіе камешки"). Это и есть основное богатство третьяго тома разсказовъ г. Пришвина. Невоплощенныя души цвѣтовъ. Вся книга должна быть напоена разными цвѣтами: цвѣты мысли, цвѣты красоты, цвѣты любви къ природѣ и людямъ. Но всѣ эти цвѣты остались невоплощенными душами. Вмѣсто цвѣтовъ читатель получаетъ скучныя, хотя и замысловато написанныя страницы. Только нѣкоторые разсказы вродѣ „Коктебельскихъ камешковъ" хранятъ ароматъ подлинной, живой поэзіи. Остальное сѣро и душитъ какой-то мелкой пылью, какъ то крымское шоссе, о которомъ не разъ идетъ рѣчь въ разсказахъ г. Пришвина. Эта пыль—всевозможныя мелочи и подробности, ни съ чѣмъ не связанныя и ни за чѣмъ не нужныя. Всякая мелочь, которая приходитъ въ голову, кажется автору стоющей вниманія и онъ серьезно протоколируетъ эти мелочи

въ беллетристическіе „взглядъ и нѣчто“. Читаешь, читаешь, доходишь до точки и не знаешь, въ концѣ концовъ, зачѣмъ и для чего это написано... Иногда разсказъ кончается афористической мудростью. Иногда разсказывается о всякихъ мимолетныхъ впечатлѣніяхъ, должно быть, оттого, что они показались автору просто красивыми. Но и въ отношеніи красоты, и въ отношеніи афористической мудрости авторъ и читатель оказываются разнаго мнѣнія. Автору было, повидимому, очень легко писать свои пустяковины, а для читателя все это только „невоплощенныя души“...

Это о мелочахъ... Объ одномъ изъ сравнительно крупныхъ разсказовъ: „Никонѣ Староколѣнномъ“, вошедшемъ въ третій томъ сочиненій г. Пришвина, уже приходилось говорить на страницахъ „Русскаго Богатства“ (XI. 1912). Приходилось въ частности отмѣчать, что у автора есть, повидимому, *что* сказать, но въ концѣ концовъ той яркой и опредѣленной фигуры, которою задавался беллетристъ, все-таки не получается. Вдохнуть подлинную живую душу въ излюбленный объектъ творчества автору все-таки не удается и „Никонъ Староколѣнный“, не смотря на массу деталей остается въ положеніи все той же „невоплощенной души“. Такая же невоплощенная душа и „Саморокъ“, герой другого сравнительно крупнаго разсказа г. Пришвина... Въ „Самороке“ интереснѣе всего данныя непосредственнаго этнографическаго наблюденія. Эти данныя (рѣчь идетъ о психологіи бойцовъ скота на мясо) останавливаютъ вниманіе своей невыдуманной яркостью.

Къ слову—объ одной датѣ г. Пришвина. Разсказывая, въ фантастической формѣ, какъ именно событіе 1 марта 1881 года отразилось въ умѣ фантастическаго „Никона Староколѣннаго“, авторъ зачѣмъ-то считаетъ нужнымъ отмѣтить, что въ этотъ день была „пятница“ и былъ „базарный день“. Въ дѣйствительности было воскресенье и былъ послѣдній день масляницы.

Энергія. Сборникъ второй. Подъ редакціей Александра Амфитеатрова. Спб. 1914. Изд-ство „Энергія“. Ц. 1 р. 50 к.

Эволюція альманаховъ, какъ типа литературныхъ изданій, продолжается. Въ началѣ это были исключительно собранія беллетристическихъ произведеній и стиховъ. Потомъ въ нихъ нашли доступъ статьи критическаго содержанія (Шиповникъ, Слово). Издательство „Энергія“ сдѣлало еще шагъ въ смыслѣ приближенія альманаховъ — по содержанію — къ тому, что разумѣется обычно подъ терминомъ: „толстые журналы“. Во второмъ сборникѣ „Энергіи“ имѣются и публицистическая статья (*А. Петрищевъ.* Побѣдоносное пораженіе) и статья научно-философскаго характера (*М. Новорусскій.* Предѣлы науки).

Рекомендовать А. Б. Петрищева вниманію читателей „Р. Б.“, конечно, не требуется. Отмѣтимъ поэтому только интересную статью г. Новорусскаго по поводу рѣчи Лоджа, одного изъ круп-

нѣйшихъ современныхъ физиковъ, на послѣднемъ съѣздѣ Британской Ассоціаціи Наукъ. Рѣчь была обращена къ собранію представителей всего современнаго научнаго знанія и въ этой рѣчи Лоджъ доказывалъ, что людямъ науки нѣтъ причины отчуждать себя отъ мистики и мистицизма. Знаменитый англійскій физикъ выразилъ увѣренность, что будущая наука съумѣетъ разъяснить такіе факты и открыть такія явленія, которыя сейчасъ мы считаемъ мистическими *тайнами*. Нѣкоторыя же изъ этихъ тайнъ, по мнѣнію Лоджа, нужно считать раскрытыми уже и въ настоящее время. Такъ, для Лоджа не подлежитъ сомнѣнію уже и сейчасъ, что безплотный духъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ матеріализоваться. Въ будущемъ же мы, навѣрное—по Лоджу—проникнемъ еще дальше и тогда постигнемъ природу существа болѣе утонченнаго, чѣмъ мы сами, и, можетъ быть, существа эфирнаго. Тогда намъ удастся раскрыть и тѣ условія, при которыхъ возможны сношенія съ загробнымъ міромъ (стр. 277—8).

Вотъ этому сенсаціонному прогнозу и посвящена статья г. Новорусскаго. Какъ извѣстно, современная физика недавно установила положеніе, что атомы состоятъ изъ электроновъ. Самъ Лоджъ наиболѣе извѣстенъ своими работами въ этой именно области.

Итакъ „матерія состоитъ изъ чего-то нематеріальнаго. Матерія исчезаетъ и образуется вновь". Отсюда какъ будто на самомъ дѣлѣ вытекаетъ, что современная опытная наука приводитъ человѣка къ выводамъ „въ пользу отдѣльнаго существованія духа внѣ всякой связи съ матеріей". И потому отъ точнаго знанія—прямая дорога въ область мистики и теологіи!

Но здѣсь кроется очень серьезное недоразумѣніе, на которомъ и настаиваетъ авторъ. Пусть—замѣчаетъ онъ—существуютъ только одни „невещественные электроны, и ихъ вихревая игра образуетъ всѣ вещи и весь видимый міръ. Пусть это образованіе можно назвать, примѣнительно къ прежнему словоупотребленію, „матеріализаціей",—это все-таки не даетъ никому ни малѣйшаго права говорить о „безплотномъ" человѣческомъ духѣ и объ его матеріализаціи. Ибо, если этотъ безплотный духъ — то же самое, что электронъ, тогда, пожалуй, нечего спорить. Нужно только доказать это тожество экспериментальнымъ путемъ. А если „духъ" и „электронъ" не то же самое, тогда и вовсе говорить не о чемъ. Тогда всѣ новѣйшія представленія физиковъ о матеріи и „матеріализаціи" не имѣютъ ровно никакого отношенія къ духовной области человѣка...

Поэтому логическій переходъ отъ „электроновъ" къ „безплотнымъ духамъ", допущенный знаменитымъ англійскимъ физикомъ, авторъ объясняетъ простымъ недоразумѣніемъ спеціалиста, вышедшаго за предѣлы своей глубоко и тонко изученной спеціальности.

Мистическому въ „Энергіи" вообще отведено значительное

мѣсто. Самое любопытное въ этомъ отношеніи даетъ г. Амфитеатровъ въ своей „Сестрѣ Еленѣ". Это продолженіе повѣсти о распадающейся помѣщичьей семьѣ, начало которой было дано въ первомъ сборникѣ.

Нынѣ рѣчь идетъ о дальнѣйшихъ судьбахъ одного изъ членовъ этой распадающейся семьи. Прихотью случая героиня оказалась въ Парижѣ въ кругу демономановъ. Наслѣдство, полученное ею отъ мужа, даетъ возможность заняться, вмѣстѣ съ подругой, тоже богатой англичанкой, спасеніемъ демоновъ мужского пола. Не нужно смѣяться! Это вполнѣ серьезное дѣло. Благодаря женской любви, демоны,—„звѣровидные и мохнатые" въ естественномъ для демоновъ состояніи—постепенно преображаются, теряютъ мохнатость и приближаются къ человѣческому лику. У героинь г. Амфитеатрова имѣется даже фотографическій снимокъ съ демона, съ которымъ англичанка состоитъ два года въ супружествѣ, и на этой фотографіи совершенно ясно видно, какъ сильно, подъ вліяніемъ любви женщины, измѣнился демонъ-супругъ... Читатель, вѣроятно, заинтересуется въ качествѣ важной детали, какимъ же образомъ осуществляется супружество съ демонами. Оказывается, что это очень просто. Влюбленный демонъ вселяется то въ одного, то въ другого представителя вида homo sapiens мужского пола. Для демономанки остается только не сопротивляться „трепету симпатіи" къ тому, въ кого вселился ея демонъ-супругъ. И honny soit qui mal y pense. Объ этомъ не слѣдуетъ думать дурно, такъ какъ, мѣняя видимые предметы своей любви, женщина остается въ сущности вѣрной все одному и тому же демону, идущему по пути перевоплощенія въ человѣка

Измѣны нѣтъ,—любовь одна!

Это вѣдь мы уже давно знаемъ.

Такъ какъ „потустороннее" сейчасъ имѣетъ злободневный характеръ, то фактическое содержаніе повѣсти г. Амфитеатрова возбуждаетъ большое любопытство. Оно было бы, конечно, еще болѣе интереснымъ, еслибы читатель имѣлъ предъ собой „честную прозу" — сухую передачу видѣннаго и слышаннаго—вмѣсто передачи въ беллетристической формѣ, допускающей, по самому существу своему, широкое участіе творческаго вымысла.

Самой крупной вещью въ сборникѣ является драматизованная сказка г. Айзмана „Свѣтлый богъ". Въ редакціонномъ примѣчаніи отмѣчено, что авторъ использовалъ для своей драмы историческія событія и нѣсколько красивыхъ легендъ изъ исторіи евреевъ XII вѣка. Легенды, дѣйствительно, красивыя, но, къ сожалѣнію, изъ этого красиваго матеріала не получилось красивой „сказки" въ воспроизведеніи г. Айзмана. Причины этого лежатъ въ самомъ замыслѣ. Авторъ захотѣлъ показать, какъ зарождаются, ростутъ и выростаютъ красивыя легенды о людяхъ. Въ дѣйствительности,

какъ онѣ зарождаются, ростутъ и выростаютъ—никто не знаетъ, и въ этомъ-то и заключается очарованіе легендъ... Авторъ захотѣлъ сдѣлать все яснымъ и понятнымъ и ради этого допустилъ цѣлый рядъ непріемлемыхъ quasi-психологическихъ построеній. Въ результатѣ изъ красивыхъ легендъ выросла неуклюжая психологія, послѣ которой не хочется вѣрить и въ самыя легенды.

Въ сборникѣ участвуетъ еще нѣсколько авторовъ...

Война и миръ. Памяти Л. Толстого. Сборникъ подъ редакціей Т. И. Полнера и В. П. Обнинскаго. Книгоиздательство „Задруга". М. 1912. Стр. VIII + 310. Ц. 3 р. 50 к.

Авторы статей, вошедшихъ въ настоящій сборникъ, поставили себѣ задачей „соединенными силами дать комментарій" къ роману Л. Н. Толстого „Война и миръ". Осуществляя эту задачу, они выпустили сборникъ, по содержанію своему естественно распадающійся на двѣ части. Въ первой изъ нихъ сгруппированы статьи, имѣющія прямое и непосредственное отношеніе къ роману Толстого. Таковы двѣ статьи Т. И. Полнера, посвященныя одна личности Толстого въ годы писанія „Войны и мира", другая — анализу самаго романа съ литературной точки зрѣнія, двѣ статьи К. В. Покровскаго, изъ которыхъ въ первой воспроизводится исторія работы Толстого надъ „Войной и миромъ", а во второй разсматриваются источники этого романа и способы пользованія ими со стороны Толстого, и, наконецъ, статья В. Н. Перцева, трактующая о той философіи исторіи, какая высказывалась Толстымъ въ знаменитомъ романѣ. Эта первая часть сборника является и наиболѣе интересной. Вторая его половина включаетъ въ себя рядъ статей, не имѣющихъ уже столь непосредственнаго отношенія къ толстовскому роману, а лишь до извѣстной степени — подчасъ очень небольшой —связанныхъ съ нимъ своими темами. Эта часть сборника открывается статьею А. К. Дживелегова, въ которой авторъ пытается дать историческіе портреты Александра и Наполеона, какъ бы противопоставляя эти портреты изображенію обоихъ императоровъ въ романѣ Толстого. Едва-ли однако эту попытку можно признать вполнѣ удавшейся; по крайней мѣрѣ, характеристика Наполеона, даваемая А. К. Дживелеговымъ, то и дѣло сбивается на не совсѣмъ понятный въ устахъ историка восторженный панегирикъ императору французовъ. За статьею г. Дживелегова слѣдуетъ интересная статья С. П. Мельгунова, изображающая тѣневыя стороны войны 1812 года, недостаточно ярко и не всегда правильно, по мнѣнію автора, отмѣченныя Толстымъ. Затѣмъ идутъ статьи К. В. Сивкова—о вліяніи войны 1812 г. на духовную жизнь Россіи, В. И. Пичеты—о войнѣ 1812 г. и народномъ хозяйствѣ и В. Е. Степановой—о войнѣ 1812 г. въ живописи. Наконецъ, В. П. Обнинскій въ особой статьѣ изображаетъ войну, какъ она происходила сто лѣтъ тому назадъ, и войну нынѣшнюю, а Г. С. Козловскій ука-

зываетъ, какъ измѣнялись взгляды Толстого на войну и какое мѣсто заняли они въ его ученіи въ послѣдніе годы жизни великаго писателя. Уже одно это перечисленіе затронутыхъ въ сборникѣ темъ можетъ показать, что далеко не всѣ вошедшія въ него статьи могутъ быть подведены подъ понятіе комментарія къ „Войнѣ и миру“, какъ бы широко ни ставить такой комментарій, и съ этой точки зрѣнія сборникъ, несомнѣнно, могъ бы подвергнуться серьезнымъ сокращеніямъ. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ представляетъ серьезный интересъ для всѣхъ, кто хотѣлъ бы ближе познакомиться съ творчествомъ Толстого, съ одной стороны, и знаменательной эпохой 1812 г., съ другой.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томъ III. СПБ. 1912. Стр. VII + 789. Ц. 4 р. Томъ IV. Спб. 1912. Стр. X + 517. Ц. 3 р. Томъ V. СПБ. 1913. Стр. VII + 525. Ц. 3 р.

Два года тому назадъ намъ приходилось говорить на страницахъ „Русскаго Богатства“ о первыхъ двухъ томахъ предпринятаго г. Лемке изданія архива М. М. Стасюлевича и указывать на серьезное значеніе опубликованныхъ въ нихъ матеріаловъ. Съ тѣхъ поръ вышли въ свѣтъ три новые тома этого изданія и каждый изъ нихъ въ свою очередь заключаетъ въ себѣ немало цѣннаго матеріала для исторіи русской литературы, журналистики и общественности во второй половинѣ XIX-го и въ первые годы XX-го столѣтій. Такъ, въ третьемъ томѣ напечатаны чрезвычайно интересныя письма къ М. М. Стасюлевичу И. С. Тургенева, П. В. Анненкова, Я. П. Полонскаго, Ауэрбаха, Шпильгагена, Зола, Мопассана, не говоря уже о письмахъ цѣлаго ряда другихъ, менѣе видныхъ корреспондентовъ. Почти половина четвертаго тома занята письмами И. А. Гончарова, охватывающими періодъ времени съ 1868 г. по 1891 г. и ярко обрисовывающими оригинальныя черты характера знаменитаго писателя. Во второй половинѣ этого тома наиболѣе видное мѣсто занимаетъ переписка Стасюлевича съ В. А. Арцимовичемъ, В. М. и А. М. Жемчужниковыми и А. Ѳ. Кони. Въ пятомъ томѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ письма М. Е. Салтыкова, относящіяся по преимуществу къ послѣднимъ годамъ жизни великаго писателя, когда, послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, онъ началъ сотрудничать въ „Вѣстникѣ Европы“. Среди остального, очень разнообразнаго содержанія этого тома особенно выдѣляются по своему интересу письма Н. А. Некрасова и переписка Стасюлевича съ сестрой поэта, А. А. Буткевичъ, письма Н. Д. Заіончковской, М. П. Драгоманова, Вл. С. Соловьева, В. М. Соболевскаго и Г. Б. Іоллоса. Уже одно это, далеко неполное перечисленіе именъ авторовъ тѣхъ писемъ, какія напечатаны въ названныхъ томахъ настоящаго изданія, достаточно говоритъ о цѣнности

послѣднихъ. И, дѣйствительно, въ нихъ могутъ найти немало цѣннаго и любопытнаго для себя какъ спеціалисты по исторіи русской литературы и журналистики, такъ и вообще лица, желающія ближе ознакомиться съ фигурами выдающихся дѣятелей въ этой области русской жизни. Можно только пожелать, чтобы за вышедшими уже томами этого интереснаго изданія скорѣе послѣдовали и дальнѣйшіе. Впрочемъ, къ этому пожеланію можно, пожалуй, присоединить и другое, — чтобы редакторъ изданія не такъ ужь старательно уснащалъ публикуемые въ немъ матеріалы своими примѣчаніями, въ настоящемъ ихъ видѣ нерѣдко совершенно безполезными для читателей, а подчасъ дающими имъ и несовсѣмъ точныя свѣдѣнія.

Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. Гершензона. Т. I. М. 1913. Стр. VII+440. Т. II. М. 1914. Стр. 342. Ц. за два тома 5 р.

Произведенія и письма П. Я. Чаадаева издавались уже дважды — отдѣльной книгой И. С. Гагаринымъ въ 1862 г. и на страницахъ „Вѣстника Европы“ редакціей этого журнала въ 70-хъ годахъ, — но въ обоихъ случаяхъ это было изданіе лишь избранныхъ произведеній и писемъ. Г. Гершензонъ, наоборотъ, задался цѣлью собрать въ своемъ изданіи все, что только сохранилось до нашего времени отъ писаній П. Я. Чаадаева. Тѣмъ не менѣе и это новое изданіе, какъ указываетъ самъ его редакторъ, „отнюдь не можетъ претендовать на полноту“, такъ какъ не только значительная доля частныхъ писемъ Чаадаева, но и нѣкоторыя его литературныя произведенія либо остаются подъ спудомъ, либо безслѣдно утрачены. Однако же, не будучи полнымъ, изданіе г. Гершензона является все же первымъ, вполнѣ достойнымъ памяти того оригинальнаго мыслителя, произведенія котораго собраны въ немъ. Не ограничившись тѣми писаніями Чаадаева, какія уже раньше появлялись въ печати, г. Гершензонъ предпринялъ самостоятельные поиски въ различныхъ бумагохранилищахъ и успѣлъ найти въ нихъ не малое количество неизвѣстныхъ до того частныхъ писемъ Чаадаева и нѣсколько его литературныхъ произведеній, среди которыхъ особенно выдѣляются его мистическій дневникъ и любопытный варіантъ знаменитой „Апологіи сумасшедшаго“.

Такимъ образомъ вышедшее подъ редакціей г. Гершензона изданіе не только собрало воедино всѣ извѣстныя раньше писанія Чаадаева, но и прибавило къ нимъ много новыхъ, тѣмъ самымъ создавъ возможность ближе подойти къ пониманію жизни и идей этого блестящаго представителя русской интеллигенціи въ эпоху того душевнаго перелома, какой переживала она между двадцатыми и сороковыми годами XIX вѣка. Надо еще сказать, что собранные въ изданіи матеріалы снабжены очень обстоятельными

и цѣнными примѣчаніями редактора. Одно лишь представляется намъ въ настоящемъ изданіи чрезвычайно неудачнымъ, а именно—способъ размѣщенія русскихъ переводовъ тѣхъ произведеній и писемъ Чаадаева, которыя въ подлинникѣ были написаны по-французски. Помѣстивъ эти произведенія и письма въ подлинномъ ихъ видѣ въ первомъ томѣ, редакторъ изданія всѣ ихъ переводы выдѣлилъ во второй томъ. Но въ письмахъ Чаадаева нерѣдко лишь часть—порою нѣсколько фразъ, а то и нѣсколько словъ—написаны по-французски. Отдѣленіе перевода отъ текста въ особый томъ создавало бы въ такихъ условіяхъ явныя неудобства и, надо думать, поэтому редакторъ изданія рѣшилъ и въ этомъ томѣ „давать каждое произведеніе или письмо *полностью*, т. е. въ письмахъ, подлежащихъ переводу только отчасти, не ограничиваться сообщеніемъ лишь перевода французскихъ строкъ, но перепечатывать и всю русскую часть письма, такъ, чтобы предъ читателемъ каждый разъ находился непрерывный и полный текстъ письма". Въ результатѣ такого пріема во второмъ томѣ—иногда изъ-за нѣсколькихъ строкъ, порой даже изъ-за двухъ-трехъ словъ, переведенныхъ съ французскаго,—перепечатанъ цѣлый рядъ страницъ русскаго текста, уже помѣщеннаго въ первомъ томѣ. Такой пріемъ сильно увеличилъ объемъ изданія и, надо думать, немало удорожилъ его стоимость. А между тѣмъ избѣжать этого было легко и просто,—стоило только помѣстить переводы частью рядомъ съ подлинниками, частью въ примѣчаніяхъ къ нимъ.

Письма П. Я. Чаадаева изъ-за границы къ брату. (1823—1826). Съ портретомъ автора. Издалъ А. А. Вилковъ. Варшава. 1912. Стр. II+45. Цѣна не обозначена.

„Опубликовывая настоящія письма,—говоритъ г. Вилковъ въ своемъ предисловіи—я руководился убѣжденіемъ, что все написанное такими лицами, какимъ былъ П. Я. Чаадаевъ въ исторіи нашей мысли, должно стать всеобщимъ достояніемъ. Кромѣ того, по этимъ письмамъ впервые можно точно установить, гдѣ былъ П. Я. Чаадаевъ за-границею. Въ письмахъ, носящихъ, повидимому, дѣловой и родственный характеръ, разбросано много интересныхъ мыслей, замѣтокъ по различнымъ поводамъ, затѣмъ они рисуютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и душевное состояніе П. Я. Чаадаева. Не лишены письма и интереса, какъ образчикъ тогдашняго эпистолярнаго стиля". Не со всѣми этими соображеніями можно безусловно согласиться, но кое-что въ нихъ, несомнѣнно, вѣрно. И тѣмъ не менѣе изданіе г. Вилкова почти немедленно вслѣдъ за своимъ появленіемъ утратило всякое значеніе, такъ какъ всѣ письма П. Я. Чаадаева, вошедшія въ это изданіе, включены и въ изданіе сочиненій и писемъ Чаадаева, вышедшее подъ редакціей г. Гершензона. Любопытно отмѣтить при этомъ одно несовсѣмъ понятное обстоятельство: оба издателя, и г. Вилковъ, и г. Гершен-

зонъ, предупреждаютъ читателя, что они сохраняютъ орѳографію подлинныхъ писемъ, и однакоже мѣстами въ ихъ изданіяхъ эта орѳографія различна. Въ концѣ концовъ единственно чѣмъ можетъ при этихъ условіяхъ изданіе г. Вилкова привлечь къ себѣ вниманіе любителей старины, это прекраснымъ портретомъ Чаадаева, воспроизведеннымъ съ портрета, написаннаго въ 1823 г. Въ изданіи г. Гершензона помѣщенъ другой портретъ, относящійся къ болѣе позднимъ годамъ жизни П. Я. Чаадаева.

Г. К. Соломинъ. Джіотто. Изд. „Грядущій День". Спб. 1914. Стр. 176. Ц. 2 р. 50 к.

Живой интересъ къ искусству, пробудившійся въ русскомъ обществѣ, отразился на книжномъ рынкѣ въ томъ, что, кромѣ общихъ пособій и „исторій искусства" у насъ, наконецъ, стали — не только въ видѣ исключеній—появляться монографіи, посвященныя творчеству отдѣльныхъ выдающихся художниковъ. Небольшая книга г. Соломина принадлежитъ къ послѣднему типу работъ; и очень пріятно, что у русскаго читателя будетъ теперь книга о томъ замѣчательномъ итальянскомъ живописцѣ, который на порогѣ XIII и XIV вѣковъ впиталъ въ себя всѣ пріобрѣтенія средневѣковой стѣнописи и византійскихъ мозаикъ и переработалъ ихъ силою своей собственной художественной индивидуальности, такъ что онъ является создателемъ живописи новыхъ временъ, пророкомъ Ренессанса. Не случайно и не банально часто встрѣчающееся сопоставленіе Джотто—это написаніе правильнѣе, чѣмъ принятое въ книгѣ г. Соломина,—съ его великимъ флорентійскимъ современникомъ и другомъ Данте: они оба стоятъ еще въ рамкахъ средневѣковаго міровоззрѣнія; огромное значеніе обоихъ состоитъ въ томъ, что они впервые заговорили съ народомъ на понятномъ, родномъ языкѣ — Данте на геніально оформленномъ имъ флорентійскомъ нарѣчіи, а Джотто языкомъ наивно-искренняго и глубоко захватывающаго живописнаго разсказа въ стѣнныхъ росписяхъ церквей; оба стоятъ на порогѣ Ренессанса и предвозвѣщаютъ великій расцвѣтъ литературнаго и художественнаго творчества въ ближайшіе за ними вѣка.

Книга г. Соломина не имѣетъ притязаній на научныя открытія. Авторъ видѣлъ на мѣстѣ въ Италіи джоттовскія фрески и ознакомился съ литературой о художникѣ, преимущественно нѣмецкой (Thode, Romdahl, Rintelen). Онъ даже не знакомитъ съ *проблемой* о Джотто, т. е. съ большой работой, которая происходитъ теперь въ научной литературѣ по критическому опредѣленію авторства многихъ фресокъ, неправильно приписывавшихся Джотто до сихъ поръ. Но все же книга хорошо знакомитъ читателя со всѣмъ, что сдѣлано художникомъ—и такимъ образомъ главное свое предна-

ченіе она выполняетъ. Въ первой части авторъ даетъ общій очеркъ жизни Джотто и его странствованій и останавливается болѣе подробно на описаніи его фресокъ въ церкви св. Франциска въ Ассизи. Вторая часть книги посвящена подробному описанію *содержанія* самыхъ значительныхъ фресокъ Джотто — въ капеллѣ на Аренѣ въ Падуѣ. Третья часть, самая интересная, трактуетъ о происхожденіи и особенностяхъ живописи Джотто. Изложеніе содержанія фресокъ „на Аренѣ", само по себѣ интересное и полезное для посѣщающихъ капеллу (вообще вся книжка Соломина можетъ быть очень полезной при путешествіи по Италіи и осмотрѣ фресокъ), могло бы быть значительно сокращено. И, наоборотъ, глава объ особенностяхъ живописи должна бы быть полнѣе. Она написана преимущественно на основаніи падуанскихъ фресокъ Джіотто, а было бы очень интересно въ этой же связи разсмотрѣть его болѣе раннія и болѣе позднія фрески (въ верхней церкви въ Ассизи съ одной стороны, и въ нижней церкви, а также въ флорентинской S. Croce, съ другой) и, кромѣ общей характеристики художественныхъ пріемовъ Джотто, прослѣдить и ихъ постепенное развитіе и совершенствованіе. Но если отрѣшиться отъ этихъ замѣчаній, то сама по себѣ характеристика творчества Джотто хороша. Переходъ отъ византійской схемы росписи къ болѣе свободной, развитіе цѣльности разсказа, ясности композиціи у Джотто очерчены авторомъ ясно и иллюстрированы наглядными примѣрами; хорошо выяснено появленіе у Джотто чувства пространства, при отсутствіи однако еще настоящаго воздуха и перспективы; тонко подмѣчены особенности его пейзажа и архитектурныхъ мотивовъ Жаль только, что въ вопросѣ о предшественникахъ Джотто въ этомъ развитіи и объ его современникахъ авторъ говоритъ всего лишь нѣсколько словъ и не приводитъ никакихъ иллюстрацій. Въ главѣ о композиціи ему необходимо было бы дать *для контраста* изображеніе старыхъ мозаикъ (напр., съ абсиды S. Maria Maggiore или Латерана въ Римѣ); при замѣчаніяхъ о воздухѣ, пространствѣ и расположеніи массъ, напр., одну изъ фресокъ XI вѣка въ римскомъ S. Clemente; въ пейзажахъ замѣчательную мозаичную группу Добраго Пастыря въ мавзолеѣ Галлы Плацидіи въ Равеннѣ или характерный пейзажъ въ абсидѣ равеннскаго св. Аполлинарія „во флотѣ". Точно также вѣрное замѣчаніе о связи Джотто съ ранней итальянской скульптурой (Джованни Пизано) необходимо было полнѣе развить—это была бы очень интересная глава. И наконецъ, чтобъ закончить вопросъ о недостающемъ въ книгѣ — жаль, что авторъ не посвятилъ нѣсколькихъ страницъ ученикамъ и ближайшимъ послѣдователямъ Джотто: болѣе, чѣмъ многіе другіе художники, Джотто связанъ со своими „джоттинцами", и книга, предназначенная для популяризаціи имени великаго флорентинца, не можетъ ихъ обойти.

Въ общемъ мы все же рады указать читателю, что о Джотто

можно теперь прочесть новую работу на русскомъ языкѣ. Хорошо было бы, еслибъ она вызвала подражаніе и появились другія монографіи о художникахъ Ренессанса. Что касается внѣшности изданія, то оно недурно и многія фрески вышли въ автотипіяхъ достаточно отчетливо. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ. Цѣна за книжку довольно высока, и издательство могло бы, думается, добиться того, чтобъ не было многихъ темныхъ и наполовину смазанныхъ иллюстрацій.

Г. Бемеръ. Іезуиты. Москва 1913. Стр. 456. Ц. 1 р. 25 к.

Книга марбургскаго профессора Бемера имѣла очень большой успѣхъ въ Германіи, Австріи и Франціи, гдѣ вышла уже въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Во Франціи ея успѣху много содѣйствовалъ покойный Габріель Моно, извѣстный медіевистъ, написавшій обширное введеніе къ первому французскому изданію Бемера. Это введеніе тоже переведено на русскій языкъ и приложено къ русскому изданію. Книга Бемера отнюдь не есть изслѣдованіе въ точномъ смыслѣ слова, да такое изслѣдованіе едва-ли и мыслимо въ предвидимомъ будущемъ: какъ извѣстно, іезуиты никого посторонняго не пускаютъ въ свой архивъ. Въ этомъ отношеніи римскіе папы несравненно либеральнѣе: даже ортодоксальный и далекій отъ всякихъ научныхъ интересовъ Пій X допускаетъ иногда изслѣдователей въ самые сокровенные изъ ватиканскихъ хранилищъ (еще въ позапрошломъ году произвело немалую сенсацію въ ученомъ мірѣ допущеніе имъ русскаго ученаго Е. Ф. Шмурло въ „архивъ пропаганды", до сихъ поръ ревниво оберегавшійся отъ посторонняго глаза). Но къ іезуитамъ уже и съ просьбами перестали обращаться: все равно безнадежно. Правда, самъ орденъ съ нѣкоторыхъ поръ издаетъ свою исторію по разнымъ странамъ, но, конечно, эта исторія (особенно книга Taceti-Venturi объ итальянскихъ іезуитахъ)—есть сплошной, хотя иногда и очень тонко составленный автопанегирикъ ad majorem Dei gloriam. Такимъ образомъ все, что мы знаемъ объ орденѣ, сводится къ внѣшней исторіи его дѣяній, поскольку они проявлялись въ отдѣльныхъ странахъ и поскольку можно было установить въ этихъ дѣяніяхъ авторство іезуитскаго ордена, а также къ избитымъ мѣстамъ по части біографіи Лойолы, Лайнеса, Аквавивы, по части характеристики политическихъ и религіозныхъ теорій, проповѣдывавшихся въ XVI - XVII вв. іезуитами и т. п. Тайны ихъ изумительной организаціи, внутренняя жизнь ордена, взаимоотношенія частей этого стройнаго организма, дѣйствительная, а не казенно-клерикальная исторія треній между папствомъ и орденомъ, между орденомъ и доминиканцами, пружины, посредствомъ которыхъ дѣйствовалъ орденъ,—все это, какъ было, такъ и остается книгою за семью печатями. И, конечно, Бемеръ не приводитъ въ своей книгѣ *ни единаго* факта, который уже не былъ бы давно извѣстенъ и

разнообразно анализированъ. Это нужно отмѣтить потому, что изъ предисловія Габріеля Моно малоосвѣдомленный читатель могъ бы получить представленіе о Бемерѣ, какъ о своего рода Колумбѣ, открывающемъ Америку. Вообще говоря, Моно слишкомъ ужь любуется въ этомъ предисловіи „безпристрастіемъ“ и Бемера, и своимъ собственнымъ (ср. стр. 99: „мы, Бемеръ и я, приложили всѣ усилія, чтобы спокойно и безпристрастно разработать исторію іезуитовъ, о которой почти всегда писали со страстностью“). Конечно, безпристрастіе есть условіе исторической работы, но именно поэтому незачѣмъ столько объ этомъ распространяться. Припоминаются слова одного англичанина, приведенныя года два тому назадъ Оларомъ какъ разъ въ его разборѣ книги Бемера: іезуиты, говорилъ англичанинъ, всегда *выигрывали* отъ излишней страстности своихъ враговъ. Напримѣръ: протестантскій историкъ пишетъ, что тамъ-то іезуиты убили пять человѣкъ и одну собаку; іезуиты, въ видѣ опроверженія, предъявляютъ собаку живою,—и они оправданы. Мы боимся, что Моно кое-гдѣ тоже слишкомъ поспѣшилъ признать аргументъ съ собакою достаточнымъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ популярной литературѣ, или, лучше сказать, въ литературѣ научныхъ компендіумовъ по исторіи іезуитскаго ордена книга Бемера займетъ видное мѣсто. Жаль, конечно, что нѣкоторыя интереснѣйшія эпохи и эпизоды этой исторіи трактованы Бемеромъ слишкомъ бѣгло (особенно плоха главка о парагвайскихъ соціальныхъ опытахъ іезуитовъ); нѣкоторыхъ новѣйшихъ частичныхъ изслѣдованій Бемеръ еще не могъ знать, когда писалъ свою книгу, а переводчикъ либо тоже не зналъ, либо забылъ упомянуть въ библіографіи, приложенной въ концѣ книги; напр., необходимо было считаться съ большимъ (вышедшимъ въ 1910 г.) изслѣдованіемъ H. Stoeckius'a „Forschungen zur Lebensordnung der Gesellschaft Iesu im 16 Iahrh“. Безусловно не выдерживаетъ критики изложеніе іезуитскихъ *теологическихъ* ученій и умонастроеній. Ни Моно, ни Бемеръ, къ изумленію читателя, ровно ничего не говорятъ о роли іезуитской доктрины о свободѣ воли, другими словами о блестяще имъ удавшейся реставраціи пелагіанства (въ противовѣсъ Лютеру и Кальвину),—т. е. пропускаютъ *главное*, что было въ іезуитскомъ богословіи. Это произошло потому, что все вниманіе обоихъ историковъ было слишкомъ поглощено политикою и моралью ордена, а также внѣшней его исторіею.

Въ общемъ книжку Бемера можно рекомендовать, какъ полезное пособіе для первоначальнаго изученія ордена іезуитовъ. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ; напрасно только переводчикъ именуетъ Лайнеса „Лэнецомъ“,—неизвѣстно, на какомъ основаніи.

Н. Борецкій-Бергфельдъ. Колоніальная исторія западно-европейскихъ континентальныхъ странъ. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1914. Стр. 232. Цѣна 1 р. 50 к.

Авторъ задался цѣлью восполнить довольно ощутительный пробѣлъ въ популярной исторической литературѣ, существующей на русскомъ языкѣ, и далъ предназначенный для широкой публики общій обзоръ колоніальной политики всѣхъ западно-европейскихъ странъ — кромѣ Англіи — съ XV-го вѣка до настоящаго времени. Англіи авторъ не касался, такъ какъ въ коллекціи „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ" англійской колоніальной исторіи посвящена уже отдѣльная книга. Изложеніе начинается съ португальскихъ путешествій и открытій временъ Генриха Мореплавателя, затѣмъ дается исторія колоніальныхъ пріобрѣтеній Испаніи и Португаліи отъ открытія Америки до начала XIX в., колоніальная исторія Франціи до великой революціи, колоніальная исторія Голландіи и Даніи. Особая глава посвящена колоніальной исторіи европейскихъ державъ въ XIX — XX вв. и, наконецъ, на послѣднихъ страницахъ авторъ подводитъ итоги экономическимъ послѣдствіямъ открытія новыхъ странъ и даетъ сравнительную статистику, характеризующую колоніальныя владѣнія европейскихъ державъ въ настоящій моментъ. Такой планъ работы вполнѣ соотвѣтствуетъ задачѣ, поставленной себѣ авторомъ: „дать исторію колоніальнаго развитія европейскихъ странъ, а не исторію европейскихъ колоній" въ точномъ смыслѣ слова. Его интересуютъ причины, которыя заставили европейскія державы обратиться къ дѣятельному распространенію своего владычества во всѣхъ частяхъ свѣта, дипломатическія и военныя препятствія, съ которыми приходилось считаться метрополіи, наконецъ, послѣдствія, которыя имѣла *для Европы* колоніальная политика послѣднихъ пяти столѣтій. Неумѣлая, чисто эксплуататорская политика Испаніи, несравненно болѣе цѣлесообразное управленіе Голландіи, французская колоніальная система, являющаяся какъ бы срединою между системами Испаніи и Голландіи,—вотъ три типа колоніальной администраціи, выработанные континентальною Европою. Испанская система довела метрополію до почти полной потери колоній, голландская оказалась весьма продуктивною, французская—все рѣзче и рѣшительнѣе переходитъ къ голландскому и англо-саксонскому типу,—и Франція занимаетъ теперь послѣ Англіи *первое* мѣсто по колоссальнымъ размѣрамъ своихъ колоній. Жадною, необузданною, безпощадно раззорявшею колоніи эксплуатаціею Испанія убивала курицу, несшую золотыя яйца; испанскія поколѣнія XVI—XVII вв. уничтожили капиталъ, которымъ могли бы пользоваться еще поколѣнія XIX—XX вв. Поучительная исторія паденія Испаніи, какъ колоніальной державы, разсказана въ книгѣ г. Борецкаго-Бергфельда довольно обстоятельно. Авторъ примыкаетъ къ тому воззрѣнію, въ общемъ имѣющему много основаній, что коло-

ніальная политика связана неразрывными узами съ укрѣпленіемъ меркантилизма въ Европѣ: „Борьба за обладаніе колоніями почти всегда носила ярко выраженный характеръ борьбы за преимущественное положеніе въ торговлѣ съ ними; идея территоріальнаго расширенія привлекательна постольку, поскольку она заключаетъ въ себѣ опредѣленныя экономическія возможности. Такое воззрѣніе на заморскія страны существуетъ и въ настоящее время, но теперь еще больше подчеркивается тенденція превратить всякую завоеванную страну въ объектъ капиталистической эксплуатаціи. Но экономическая политика современныхъ государствъ, политика, заключающаяся въ томъ, чтобы воздвигнуть зданіе европейскаго капитализма на фундаментѣ колоніальнаго хозяйства, не нова, она создана доктриной меркантилизма, успѣхъ которой былъ обусловленъ открытіемъ новыхъ странъ". Изложеніе доведено до нашихъ дней и, въ частности, разсказана уже и исторія установленія французскаго протектората въ Марокко; (напрасно только авторъ пишетъ: „по сравненію съ Франціей, экономическіе интересы Германіи въ Марокко являются не столь ужь важными, *а потому* ея марокская авантюра... не встрѣтила сочувствія со стороны другихъ великихъ державъ Европы, способствовавшихъ разрѣшенію марокскаго вопроса въ пользу Франціи". Причина указана невѣрно: великимъ державамъ дѣла не было до справедливости или несправедливости притязаній Германіи, а, просто, Англія — изъ антагонизма къ Германіи и ея экономическому развитію и изъ дипломатической дружбы съ Франціей, Россія — по союзническимъ обязательствамъ, Италія — изъ-за уже состоявшагося тогда секретнаго согласія Франціи отдать ей безпрепятственно Триполи—оказались на сторонѣ Франціи въ этомъ вопросѣ, когда онъ обсуждался на Алжезирасской конференціи (кстати, эта конференція должна бы быть хоть упомянута при разсказѣ о судьбахъ Марокко). Есть и еще кое-какія недосмотры.

Нужно признать разсматриваемую книгу добросовѣстною и въ общемъ удавшеюся попыткою популярнаго изложенія исторіи колоніальной политики европейскихъ державъ. Приложенный къ книгѣ списокъ главнѣйшихъ пособій, которыми пользовался авторъ, составленъ съ хорошимъ выборомъ и можетъ оказать услугу тѣмъ читателямъ, которые хотѣли бы болѣе обстоятельно ознакомиться съ предметомъ.

Д-ръ Густавъ Лебонъ. Эволюція Матеріи. Переводъ съ 12-го франц. изданія съ предисловіемъ. Инженера В. С. Бычковскаго. Изданіе третье, исправлен. и дополненное. Спб. 1914. Стр. XXVIII+283. Ц. 2 р.

Люди, хотя немного слѣдящіе за прогрессомъ физико-химическихъ наукъ, не могутъ не чувствовать, что мы живемъ теперь наканунѣ какого-то великаго переворота въ области естествознанія,

а, слѣдовательно, и въ области натурфилософіи. Собственно говоря, этотъ переворотъ уже начался. Когда въ семидесятыхъ годахъ Круксъ заявилъ о существованіи „четвертаго состоянія матеріи“ (т. е. состоянія не твердаго, не жидкаго и не газообразнаго), то это его заявленіе было встрѣчено довольно холодно; а такъ какъ, съ одной стороны, и самъ Круксъ не вполнѣ уяснилъ себѣ значеніе своего открытія, а, съ другой стороны, извѣстное всѣмъ увлеченіе Крукса спиритизмомъ сдѣлало его человѣкомъ подозрительнымъ для точныхъ ученыхъ,—то идеи Крукса нѣкоторое время и оставались мертвымъ капиталомъ. Но положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось, когда изученіе „катодныхъ лучей“ повело къ открытію Рентгеномъ его „Х-лучей“. Затѣмъ, открытіе радія и радіоактивныхъ тѣлъ вызвало сенсацію, ибо на первое время казалось, что радій способенъ сдѣлаться неисчерпаемымъ источникомъ энергіи, чѣмъ-то вродѣ perpetuum mobile.

Ученіе Лебона тѣсно связано со всѣми этими открытіями. Лебонъ утверждаетъ, что радіоактивность не есть привилегія немногихъ тѣлъ, что, напротивъ, радіоактивность есть общее свойство всей матеріи и что эта радіоактивность есть выраженіе распаденія матеріи.

Этими немногими словами исчерпывается все содержаніе разбираемой нами книги. Матерія не вѣчна: „она обречена на старость и смерть“ (стр. 2)—таково сенсаціонное заявленіе Лебона, заявленіе, бывшее еще недавно совершенно немыслимымъ, ибо еще недавно никто не сомнѣвался въ неуничтожаемости матеріи, въ той неуничтожаемости, въ которую всѣ вѣрили уже очень давно, и которую, казалось, безповоротно доказалъ Лавуазье. Конечно, въ основѣ этой вѣры лежала просто немыслимость для насъ того, чтобы „что-либо“ превратилось въ „ничто“. А уничтоженіе матеріи именно и представлялось ничѣмъ инымъ, какъ превращеніемъ ея въ ничто. Когда же Лебонъ говоритъ объ уничтоженіи матеріи, то онъ отнюдь не утверждаетъ превращенія ея въ полное „ничто“. Онъ лишь утверждаетъ, что матерія есть особая форма состоянія міровою эфира; онъ не берется сказать, когда, какъ и почему нѣкоторая часть этого эфира приняла такую своеобразную форму, онъ лишь утверждаетъ, что съ момента своего образованія матерія постепенно, но неуклонно разлагается и что въ концѣ концовъ она исчезнетъ, смѣшавшись съ остальнымъ эфиромъ. Согласно новѣйшимъ ученіямъ, какъ извѣстно, матеріальный атомъ считается подобнымъ солнечной системѣ: въ центрѣ этого атомъ находится большой положительный электронъ, а вокругъ него вращаются тысячи мелкихъ отрицательныхъ электроновъ. Такимъ образомъ атомъ одаренъ громадной интраатомной (внутриатомной) энергіей. Лебонъ считаетъ, что всѣ явленія электролиза, появленія электроновъ и развитія электрическихъ явленій „суть только различныя

формы дематеріализаціи матеріи, т. е., превращенія интраатомной энергіи“ (стр. 77).

Самъ авторъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свое ученіе:

„1) Матерія, когда-то считавшаяся неразрушимой, медленно разсѣевается путемъ постояннаго распада самихъ атомовъ, ее составляющихъ“.

„2) Продукты этого распада матеріи состоятъ изъ элементовъ, по своимъ свойствамъ промежуточныхъ между вѣсомыми тѣлами и невѣсомымъ эфиромъ, т. е., между двумя мірами, которые наука до сихъ поръ глубоко отдѣляла другъ отъ друга“.

„3) Матерія, когда-то считавшаяся инертной, способной только возвращать энергію, которой ее снабжаютъ, есть, напротивъ, колоссальный источникъ энергіи,—энергіи интраатомной, которую она въ состояніи расходовать, ничего не заимствуя извнѣ“.

„4) Большинство силъ природы, электричество и особенно солнечная теплота, обязаны своимъ происхожденіемъ интраатомной энергіи, освобождающейся во время распада матеріи“.

„5) Сила и матерія суть двѣ различныя формы одной и той же сущности. Матерія представляетъ собой устойчивую форму интраатомной энергіи; теплота, свѣтъ, электричество и т. д.—неустойчивыя формы той же энергіи“.

„6) Процессъ распада атомовъ, т. е., разложеніе матеріи, сводится къ переводу интраатомной энергіи изъ состоянія устойчиваго равновѣсія въ неустойчивое, называемое электричествомъ, свѣтомъ, теплотой и т. д. Матерія, такимъ образомъ, постепенно превращается въ энергію“.

„7) Законъ эволюціи, примѣняемый къ живымъ существамъ, одинаково примѣняется къ простымъ тѣламъ. Химическіе элементы, такъ же, какъ и живыя существа, измѣняются“ (стр. 8—9).

Свое ученіе Лебонъ подкрѣпилъ рядомъ опытовъ, съ простѣйшими изъ которыхъ онъ и знакомитъ читателей во второй половинѣ своей книги.

Конечно, ученіе Лебона нуждается еще въ дальнѣйшей обработкѣ и подтвержденіи. Въ немъ еще много неяснаго и недоказаннаго, и, вѣроятно, при окончательной обработкѣ оно претерпитъ немало измѣненій; однако уже и теперь оно является довольно стройнымъ міровоззрѣніемъ и пріобрѣло немало сторонниковъ.

Къ сожалѣнію, переводъ этой прекрасной книги по-истинѣ ужасенъ (хотя это и есть *„исправленное“* изданіе). Не только г. инженеръ Бычковскій, повидимому, очень плохо знаетъ французскій языкъ, но, вдобавокъ, онъ еще—очень небрежный переводчикъ. Напримѣръ: на стр. 155 мы читаемъ: „Представители нашихъ оффиціальныхъ высшихъ школъ слишкомъ заняты. Они слишкомъ *гостепріимно* (курсивъ нашъ) принимаютъ общія идеи, и имъ некогда заниматься этимъ удивительнымъ движеніемъ“. Въ подлинникѣ читаемъ: „Notre enseignement supérieur officiel est trop

exclusivement occupé en France à faire réciter les manuels préparant aux examens et trop h o s t i l e (курсивъ нашъ) aux idèes gènèrales pour se préoccuper de ce prodigieux mouvement“ (p. 225). Здѣсь переводчикъ не только самовольно выбросилъ цѣлую фразу, но, вдобавокъ, французское слово „hostile“ (т. е. „враждебно“) перевелъ: „гостепріимно“. И этимъ онъ совершенно извратилъ смыслъ словъ автора. На той же страницѣ знаменитый ученый Дэви превращается въ Даву. На стр. 174 о „живомъ существѣ“ говорится: „Оно живетъ, умираетъ и возрождается безъ конца“. Въ подлинникѣ читаемъ: „... qui ne continue à vivre qu'à condition de mourir et de se régénérer sans cesse“ (p. 253; т. е. „которое продолжаетъ жить лишь подъ условіемъ безпрерывнаго умиранія и возрожденія“). На стр. 178 читаемъ, что „почти четверть *простыхъ* химическихъ тѣлъ“ весьма трудно различимы другъ отъ друга. И затѣмъ слѣдующее: „Таковыми тѣлами являются окиси нѣкоторыхъ металловъ (Окиси—„простыя тѣла“!?). Въ подлинникѣ читаемъ: „Ces corps sont les métaux dons les oxydes forment ce qu'on appelle les t e r r e s r a r e s“ (p. 259—60; т. е. „этими тѣлами являются тѣ металлы, окиси которыхъ образуютъ то, что называютъ *рѣдкими землями*“). На стр. 189 мы читаемъ: „Важность этихъ соображеній была *извѣстна всѣмъ* химикамъ“. Въ подлинникѣ читаемъ: L'intèrêt de ces considérations n'a pas echappé à tous les chimistes“ (p. 276; т. е., „значеніе этихъ соображеній проглядѣли не всѣ химики“). На той же 184 стр. читаемъ: „Гемоглобинъ, который, повидимому, *отсутствуетъ* какъ каталитическій ферментъ“. Въ подлинникѣ читаемъ: „L'hemoglobine, qui paraît a g i r etc“ (т. е.: „который, повидимому, *дѣйствуетъ* и т. д.). На стр. 94 мы находимъ слѣдующую странную фразу: „Самая любопытная особенность радіоактивныхъ *и между прочимъ всѣхъ тѣлъ*“. Въ подлинникѣ сказано: „Comme d'ailleurs de tous les corps“ (p. 136; т. е „какъ, впрочемъ, и всѣхъ тѣлъ“). На стр. 169 про матерію говорится, что она находится „въ неустойчивомъ равновѣсіи и въ *сильной зависимости отъ среды*“. Въ подлинникѣ сказано: „en équilibre très instable et ne pouvant être consue indépendante de son milieu“ (p. 246) (т. е., „въ весьма неустойчивомъ равновѣсіи и не можетъ быть мыслимой независимой отъ своей среды“).

Мы привели лишь нѣкоторую часть изъ замѣченныхъ нами безобразій перевода инженера Бычковскаго.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала **не продаются**. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

С. В. Познеръ. Евреи въ общей школѣ. СПБ. 914. Ц. 3 р.

Кн.-во „Ирисъ". М. 914.—Людовикъ Келленъ. Новая живопись. Пер. съ нѣм. Ц. 80 к.—Генр. Тастевенъ. Футуризмъ. Ц. 90 к.—А. Холоневскій. Нѣмецкая опасность. Ц. 20 к.

В. П. Кащенко и С. Н. Крюковъ. Воспитаніе-обученіе трудныхъ дѣтей. М. 914. Ц. 60 к.

Ар. Грамматчиковъ. Міровой строй труда. М. 914. Ц. 1 р. 10 к.

С. Шестаковъ. Рѣчи Либанія. Пер. съ греческ. съ прим. и введеніемъ. Т. I. Казань. 914. Ц. 3 р. 60 к.

L. Boiarski. Léon Tolstoi et son oeuvre. Anvers. 914.

В. Левинський. Нарис розвитку украінського робитничогс руху в Галичині. Київ. 1914. Ц. 80 к

Жизнь Витторіо Альфіери изъ Асти. Пер. перед. Б. Зайцева. Ц. 2 р. 50 к.

В. С. Мурзаевъ. Творческое рисованіе. М. 913. Ц. 50 к.

I. Д. Фуксъ. Гомосексуализмъ какъ преступленіе. СПБ. 914.

Ф. Д. Баллодъ. Египетское искусство временъ Аменофиса IV. М. 914. Ц. 60 к.

М. Вильчуръ. Въ Американскомъ горнилѣ. Нью-Іоркъ. Ц. 25 сент.

Н. Герасимовъ. Нирвана и спасенье. М. 914.

Мих. Калининъ. Что такое? Ц. 10 к.—Его-же. Колючки дѣйствительности. Смоленскъ. 914. Ц. 10 к.

И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Изд. 2-е. Казань. 914. Ц. 2 р.

R. Griwing et A. Grosset. Chants pour les écoles. Riyn. 914. Prix 50 cop.

Ліонъ Авербаухъ. Реальное міровоззрѣніе. Одесса. 914. Ц. 30 к.

А. И. Елистратовъ. Основныя начала административнаго права. М. 914. Ц. 2 р. 50 к.

Историко-культурный атласъ по русской исторіи. Сост. Н. Д. Полонскій п. ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. В. III. Кіевъ. 914. Ц. 2 р.

Д. Висковатовъ. Къ оздоровленію средней школы. СПБ. 914. Ц. 45 к.

А. С. Ардовъ. Евреи-евангелисты. М. 914. Ц. 35 к.

В. В. Бруеянинъ. Докторъ и паціенты. СПБ. 914. Ц. 1 р.

Д-ръ мед. Л. Левенфельдъ. Бракъ и счастье. СПБ. 913. Ц. 80 к.

Вл. Кранихфельдъ. Т. Г. Шевченко — пѣвецъ Украйны. 3 изд. СПБ. 914. Ц. 50 к.

Исторія нашего времени. Вв. 13 и 14. М. 914.

С. П. Кавелинъ. Межеваніе и землеустройство. М. 914. Ц. 2 р. 50 к.

Викторъ Шкловскій. Воскрешеніе слова. СПБ. 914.

Проф. Д. М. Лавровъ. Къ вопросу о выносливости человѣка по отношенію къ алкогольнымъ напиткамъ. СПБ. 914.

Г. Штильманъ. Печать и уголовный законъ. СПБ. 914. Ц. 1 р.

Георгій Тельбергъ. Правительствующій сенатъ и самодержавная власть въ началѣ XIX в. М. 914. Ц. 1 р.

Европа. Географ. хрестоматія. Ч. IV. Западъ. Изд. Вятскаго т-ва. Ц. 80 к.

С. Л. Аваліани. Опытъ исторической хрестоматіи. Ч. II. Одесса. 914. Ц. 1 р.

Поль Гогенъ. Путешествіе на Таити. „Ноа-Ноа". Пер. п. ред. Я. Тугендхольда. М. 914. Ц. 2 р. 50 к.

Ю. Гужонъ. Мнимый голодъ угля и чугуна. М. 914.

Д-ръ Л. В. Соболевъ. Болотная лихорадка. СПБ. 914. Ц. 30 к.

В. В. Стратонова. Космографія. М. 914. Ц. 1 р. 25 к.

Экскурсія на Уралъ. П. ред. В. Е. Герневича. 914. Ц. 90 к.

В. А. Кильчевскій. Права и обязанности члена кредитнаго общества. М. 914. Ц. 20 к.

П. Стоян. Карманный русско-эсперантскій словарь. 2-е изд. Ц. 20 к.

В. М. Зензиновъ. Старинные

люди у холоднаго океана. Съ предисл. В. В. Богданова. Изд. 2-е испр. и доп. М. 914. Ц. 75 к.

А. Н. Закъ. Нѣмцы и нѣмецкіе капиталы въ русской промышленности. СПБ. 914. Ц. 50 к.

Анри Лихтенберже. Современная Германія. Пер. съ фр. СПБ. 914. Ц. 1 р. 50 к.

Аргонавты. Литературно - художественный сборникъ. Книга 1-я. Кіевъ. 914. Ц. 1 р.

Степь. Оренбургскій литературный сборникъ. Оренбургъ. 914. Ц. 75 к.

Временникъ Пушкинскаго дома. 1913 г. СПБ.

Труды естественно - историческаго музея Таврическ. Г. Земст. Т. IV. П. ред. С. А. Мокржецкаго. Симферополь. 913.

Справочникъ по Уфимскому городскому обществ. управленію. Уфа. 914.

Статистическій ежегодникъ по Симбирской губ. за 1912 г. Ц. 1 р.

Изд. Ярославскаго Губ. Земства. 1914 г.—И. Н. Ельчаниновъ. Матеріалы для климатологіи Яросл. губ. В. V. Ц. 15 к.—Оцѣнка пашни Ростовскаго уѣзда.—Оцѣнка пашни и сѣнокоса Рыбинскаго уѣзда.

Кн-во „Польза" В. Антикъ и К-° М. 914. — Кнутъ Гамсунъ. Дѣти вѣка. Ц. 1 р. — Фридрихъ Хухъ. Питтъ и Фоксъ. 2 тт. Ц. 2 р. Универсальная библіотека: И. Вазовъ. Сосѣди. Ц. 10 к. — И. Зангвиль. Мечтатели Гетто. Ц. 20 к. — Гюи де Мопассанъ. Съ лѣвой руки. Ц. 20 к. — Дж. Лондонъ. Великое чудо. Ц. 10 к. Его же. Потомокъ Макъ-Коя. Ц. 10 к. Его-же. Бѣлый Волкъ. Ц. 30 к.—Ф. Шиллеръ. Коварство и любовь. Ц. 10 к.—А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Ц. 10 к.—Густавъ Швабъ. Докторъ Фаустъ. Ц. 10 к. Ш. Я. Абрамовичъ. Фишка хромой. Ц. 20 к.

Кн-во „Альціона". М. 914. —Н. Львова. Старая сказка. Изд. 2-е, допол. посмертными стихотвореніями. Ц. 1 р. 25 к. — Разноцвѣтныя каменья. Сборникъ 1-й п. ред. Валерія Брюсова. Ц. 1 р. 50 к. — Маринетти. Манифесты итальянскаго футуризма. Ц. 1 р. Борисъ Садовской. Самоваръ. Ц. 75 к.

Московское Кн-во. М. 914.—Забытый смѣхъ. Сборникъ первый. Сост. Алекс. Амфитеатровъ. Ц. 1 р. 50 к.—А. Купринъ. Дѣтскіе разсказы. Ц. 2 р. 25 к. — Ал. Будищевъ. Хата съ краю. Ц. 1 р. 25 к. Евгеній Чириковъ. Марька изъ ямъ. Ц. 1 р. 25 к. — Земл. Сборникъ четырнадцатый Ц. 1 р. 50 к. — А. Купринъ. Бѣлый пудель. Ц. 40 к. — Его-же. Слонъ. Ц. 25 к.

Изд. „Посредникъ" М. 914.—С. Покровскій. Среди природы. Ц. 1 р.— Л. Лидановъ. Въ горахъ Кавказа. Ц. 1 р.—Любимыя игры дѣтей. Сборникъ подвижныхъ игръ. П. ред. В. Полякова. Ц. 45 к.—И. Л. Елинъ. Капуста. Ц. 5 к. — Его-же. Огурцы. Ц. 5 к.—Р. Фрелихъ и Б. Сноу. Искусство для дѣтей. Книга I, II и III. Ц. 1 р. 95 к.—Джонъ В. Нюландеръ. Мальчикъ въ Метсолѣ. Ц. 60 к Люси Фичъ-Перкинсъ. Маленькіе голландцы. Ц. 65 к. — Т. Л. Сухотина. Марія Монтессори и новое воспитаніе. Ц. 50 к.

Изд. „Грядущій День". СПБ. 914.— Г. К. Соломинъ. Джіотто ди Бондонэ. Ц. 2 р. 50 к.—Сергѣй Городецкій. Цвѣтущій посохъ. Ц. 1 р. К. Корниль. В. Штернъ. Е. Ф. Добшицъ. Е. Трельтчъ. В. Германъ. Христіанство въ освѣщеніи протестантскихъ теологовъ. Ц. 1 р.

Изд. Т-ва „Міръ". М. 914.—Исторія Зап. Литературы. П. реп. проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Кн. 6-я. — Итоги науки. Кн. XXVII.

Изд. Книжнаго склада М. М. Стасюлевича. СПБ. 914. Избранные стихи русскихъ поэтовъ. Періодъ второй (Н. Огаревъ—Д. Мережковскій). Ц. 1 р. —Е. В. Аничковъ. Язычество и древняя Русь. Ц. 2 р.—Н. Карѣевъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Изд. 2-е съ добавл. Ц. 3 р.

Изд. Т-ва „Знаніе" СПБ. 914.— Мих. Пришвинъ. Славны бубны и др. разсказы. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.

Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 914.— Борисъ Зайцевъ. Разсказы. Книга четвертая. Ц. 1 р. 50 к.—Павелъ Сухотинъ. Стихотворенія. Ц. 75 к.

К-во „Путь" М. 914. — П. Я. Чаадаевъ. Сочиненія и письма. П. ред. М. Гершензона. Т. II. — С. А. Алексѣевъ (Аскольдовъ) Мысль и дѣйствительность. Ц. 1 р. 80 к.

Изд. „Задруга". М. 914.—Эркманъ-Шатріанъ. Конецъ Наполеона (Ватерлоо) Ц. 25 к.—Народное образованіе въ земствахъ. П. ред. Е. Звягинцева, А. Обухова, С. Сѣрополка и Н. Чехова. Ц. 3 р.

Т. Львовъ. Въ часы досуга. Стихи. М. 914. Ц. 60 к.

Леонидъ Лобачевъ. Подорожникъ. Стихи. М. 914. Ц. 40 к.

О. Боголюбова. Стихи. СПБ. Ц. 1 р.

Павелъ Радимовъ. Земная риза. Вторая книга стиховъ. Казань 914. Ц. 1 р.

Николай Ашукинъ. Осенній цвѣтокъ. Стихи. М. 914. Ц. 50 к.

Борисъ Кушнеръ. Семафоры. Стихи. М. 914. Ц. 50 к.

Дм. Крючковъ. Цвѣты ледяные. Вторая книга стиховъ. Ц. 35 к.

М. Альтеръ. Мнги забвенія. Калинецъ. Подолькъ. 914. Ц. 1 р.

Г. Артуровъ. Въ странѣ хризантемъ. М. 1 р.

Э. Р. Въ походъ за живущаго. СПБ. 914.

Баронъ В. Я. Икскуль. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Названные братья. Ревель. 914. Ц. 1 р.

Исидоръ Бобовичъ, Я. Гольденбергъ и др. Шелковые фонари. 914. Ц. 40 к.

Г. Панюринъ. Разсказы, сказки и пьесы. Для дѣтей. Харьковъ. 914. Ц. 50 к.

Иларій Шацринъ. Сильнѣе смерти и др. разсказы. СПБ. 914. Ц. 1 р.

В. С. Сѣрова. Воспоминанія. Сѣровы Алекс. Николаевичъ и Валентинъ Александровичъ. Изд. „Шиповника". СПБ. 914. Ц. 2 р. 25 к.

Илья Толстой. Мои воспоминанія. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Рождественскій, свящ. Два Рождества и двѣ Пасхи. Изъ воспоминаній участника Русско-Японской войны. СПБ. 913. Ц. 20 к.

Г. Наумовъ. Бюджеты рабочихъ г. Кіева. Кіевъ 914. Ц. 60 к.

Т. Сократова-Альбина. Франція въ XVI в. М. 914. Ц. 50 к.

Нинь Бойль. Торговля женщинами. Пер. съ англ. СПБ. 914. Ц. 15 к

Письмо въ редакцію.

Парижъ, 17 марта 1914 г.

Многоуважаемый господинъ редакторъ!

Позвольте черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала сообщить, что въ февралѣ мѣсяцѣ с. г. въ Парижѣ организовался *профессіональный союзъ русскихъ литературныхъ работниковъ* прогрессивно-демократическаго направленія, *проживающихъ заграницей.* Въ настоящее время въ союзѣ насчитывается до 40 членовъ, въ ближайшемъ будущемъ предполагается открытіе филіальныхъ отдѣленій въ другихъ заграничныхъ городахъ.

Союзъ ставитъ своей задачей: 1) защиту профессіональныхъ интересовъ своихъ членовъ (въ частности организацію юридической помощи въ случаѣ конфликтовъ съ редакторами, издателями и т. д.); 2) организацію всякаго рода взаимопомощи для своихъ членовъ (пріисканіе работы, помощь при выполненіи работы и т. д.); 3) участіе въ литературныхъ съѣздахъ, какъ заграничныхъ, такъ и русскихъ.

За всякаго рода справками и съ предложеніями работы (различнаго рода статей, переводовъ, компиляцій, библіографическихъ изысканій и т. д.) просятъ обращаться по слѣдующему адресу:

Union des gens de lettres de Russie, 3, Rue des Ecoles,
Paris, Францiя.

Предсѣдатель Правленія *В. Агафоновъ.*

Секретарь Правленія *К. Морошкинъ.*

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала «Русское Богатство».

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу пострадавшихъ отъ урагана: отъ В. М. Мацневой—5 р.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: отъ Панкеева—2 р. 73 к.; отъ А. М. Вязововой—3 р.

Итого . . . . 5 р. 73 к.

Съ благотворительной цѣлью: отъ д-ра Николаева, изъ Шлиссельбурга—10 р.; отъ Д. Голубятникова—2 р.; отъ М. М. К., черезъ А. В. П.—25 р.; отъ Б. Ст-о—5 р.; черезъ М. П.—50 р.; отъ „Якова Одинокаго изъ Лодзи"—3 р.

Итого . . . . 95 р.

Редакторъ А. Ѳ. Родіонова. Издатель В. Г. Короленко.

Цѣна объявленій
въ журналѣ
„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

За строку нонпарели въ 1 колонну до текста	70 к.
Послѣ текста	40 к.

Тип. СПБ. Акц. общ. „СЛОВО“. Ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.

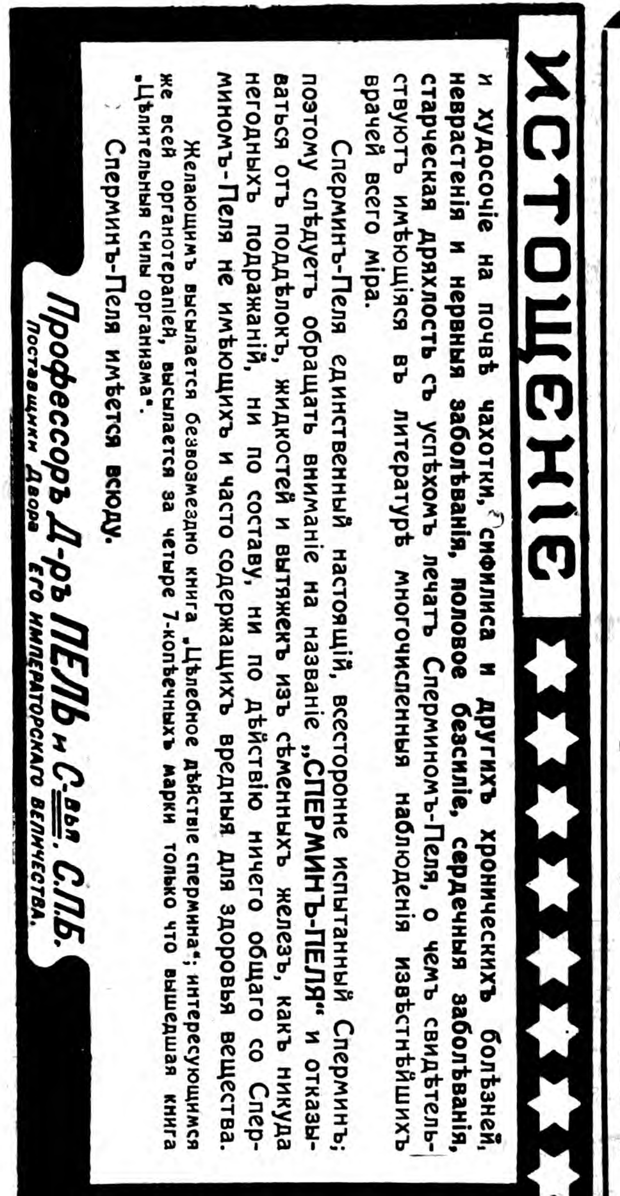
Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ІЮНЬ. 1914

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 6.

СОДЕРЖАНІЕ:


ИСТОЩЕНІЕ
и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.
Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.
Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.
Сперминъ-Пеля имѣется всюду.
Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья С.ПБ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ
ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ
PROCTOL-POEHL
Цѣна коробки 1 р. 50 к.

ІЮНЬ. 1914.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія СПБ. Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1914.

СОДЕРЖАНІЕ:

Старый лѣсникъ.

I.

1.

Вечеромъ управляющій Пазноевскимъ приселкомъ Донатъ Ивановичъ отбиралъ отчетъ у кучера Никанора; кучеръ пріѣхалъ изъ посада, куда его посылали за покупками. Приселокъ былъ въ сторонѣ отъ большака и деревень и въ посадъ посылали каждый мѣсяцъ. Собственно приселкомъ онъ былъ прежде, а когда большое имѣніе продали—осталось десятинъ пятьсотъ лѣсу, небольшая запашка и луга, ходившіе обычно въ арендѣ. Въ приселкѣ не было даже господскаго дома и владѣлецъ, молодой баринъ, пріѣзжалъ только ранней весной на глухарей и осенью бить тетеревовъ.

Осторожно дыша, чтобъ Донатъ Ивановичъ не услышалъ запаха водки, Никаноръ перечислялъ купленное, а Донатъ Ивановичъ записывалъ.

— Послѣ копытной мази фунтъ, жестянка такая...—прикрывая ротъ рукой, говорилъ кучеръ.

— Сколько?—спрашивалъ Донатъ Ивановичъ.

— Извѣстно сколько—тридцать пять коробка...

Донатъ Иванычъ записалъ цифрами, похожими на таинственные знаки непонятнаго языка, и повертѣлъ карандашъ.

— Все?

— Будто все...

Кучеръ посмотрѣлъ на потолокъ, нахмурилъ лобъ, припоминая—не забылъ ли чего?—и еще разъ сказалъ:

— Надо быть, все!

Потомъ переступилъ съ ноги на ногу, кашлянулъ въ руку и добавилъ:

— Еще человѣка одного привелъ... На вродѣ какъ лѣсника—замѣстъ Кудиныча.

Два мѣсяца тому назадъ жившій въ отдаленной сторожкѣ лѣсникъ умеръ. Онъ былъ старъ, послѣднее время плохо смотрѣлъ за лѣсомъ и сосѣдніе Горихватскіе мужики стали сильно воровать. Послѣ смерти старика въ сторожкѣ пооче-

редно жили кучеръ Никаноръ и работникъ; кучеру не нравилось жить тамъ и онъ всѣми силами старался найти лѣсника.

— Привелъ, говоришь,—обернулся Донатъ Иванычъ—а человѣкъ извѣстный?

— Господи, какъ неизвѣстный! Сколь время знаю... Раньше онъ чухоньщинѣ ренду держалъ; правильный старикъ, съ достаткомъ, не какой-нибудь... Онъ въ лѣсники то идетъ, чтобы, говоритъ, спокойствіе имѣть, староватъ, говоритъ, для работы-то, ну а на счетъ лѣсу могу. Очень даже извѣстный старикъ.

Управляющій подумалъ. Кучеръ, не смотря на возрастъ, былъ человѣкъ легкомысленный и вѣра ему была плохая. Но оставить лѣсъ безъ сторожа, когда Горихватскіе мужиченки начали пошаливать,—тоже нельзя. Онъ прикинулъ, поморгалъ бровями и велѣлъ позвать приведеннаго человѣка.

Пришелъ здоровый, крѣпкій старикъ, широкій въ кости и сухощавый. Морщинистыя щеки и крѣпкій обрубленный подбородокъ были аккуратно выбриты, а маленькіе, свѣтлые глаза смотрѣли спокойно и увѣренно. По тонкому, крѣпкому запаху, наполнившему комнату, можно было догадаться, что старикъ куритъ трубку.

Донатъ Иванычъ разспросилъ старика, поговорилъ съ нимъ и условился. Старикъ ему понравился—и тѣмъ, что говорилъ, не торопясь, какъ человѣкъ независимый, и тѣмъ, что у него была лошадь—не какая нибудь, а въ триста рублей, выкормленная имъ въ бытность арендаторомъ.

— Что-жь ты въ лѣсники-то захотѣлъ?—спросилъ управляющій.

Старикъ чуть-чуть усмѣхнулся и неторопливо отвѣтилъ:

— Ренды срокъ вышелъ!.. А самъ старъ, подмоги тоже нѣту... Кабъ я женивши былъ—другое дѣло, а у меня всего и есть, что дѣвченка племянница, конь да собака... Въ спокоѣ жить охота.

— Какъ же ты, такъ съ дѣвченкой и будешь жить вдвоемъ?

— А что-жь—такъ и буду...

— Мѣсто глухое, сторожку-то знаешь? Что прежде корчму еврей держалъ, возлѣ осиноваго оврага?

— Я знаю. Бывалъ!—кивнулъ головой лѣсникъ.

— Ну когда такъ — такъ ладно! Завтра и заступай. Дѣвченка-то съ тобой?

— Переночую, послѣ привезу. Туда, прямо.

Онъ покопался на груди, вытащилъ кисетъ и досталъ скомканную бумажку съ налипшими мѣстами табачинками.

— Пачпортъ вотъ,—протянулъ онъ

Донатъ Иванычъ развернулъ паспортъ и, отставивъ далеко на протянутой рукѣ, прочелъ:

— Да ты чухно,—усмѣхнулся онъ, — Граставъ Карловъ Лацъ!

— Да, эстонца,—спокойно согласился лѣсникъ,—мы изъ подъ Верро.

Теперь стали понятными и бритыя щеки, и запахъ махорки, и то, что у старика, когда онъ говорилъ, выходило: „та, снаю, рпвезу“...

— Ну, ладно, коли такъ, —еще разъ усмѣхнулся управляющій—ему почему-то забавно было думать, что новый лѣсникъ оказался чухной,—валяй, становись на мѣсто!..

Уже было темно и большой, обрѣзанный до половины мѣсяцъ медленно подымался надъ черной крышей сарая, когда старикъ вышелъ на дворъ. Въ конюшнѣ неровнымъ свѣтомъ мигалъ фонарь: это дочка кучера, Нюша, убирала лошадей. Она клала новую солому на подстилку, расправляла ее вилами и кричала, какъ настоящій мужикъ. А большіе караковые жеребцы, оставшіеся отъ продажи имѣнія, громко переступали ногами и косились на нее пугливымъ чернымъ глазомъ.

Новый лѣсникъ подошелъ къ дверямъ конюшни и смотрѣлъ, какъ дѣвка управляется съ лошадьми. Она какъ будто не замѣтила его и расправляя солому, толкала концомъ палки блестящій бокъ лошади и кричала:

— Ты еще! Прими, будешь тутъ...

Старикъ смотрѣлъ долго, потомъ сказалъ:

— Здравствуй!

Нюша мелькомъ взглянула на него, поправила сползающій съ головы платокъ и небрежно бросила:

— Здравствуй, коли хошь...

Ей было семнадцать лѣтъ, но выглядѣла она на двадцать слишкомъ и такое впечатлѣніе получалось главнымъ образомъ оттого, что черные глаза ея смотрѣли угрюмо и непонятно. Когда, убирая денникъ, она дѣлала рѣзкое движеніе и платокъ падалъ съ головы на шею—густые черные волосы ползли изъ небрежно завернутой прически и она походила на цыганку.

Лѣсникъ посмотрѣлъ, пожевалъ бритыми губами и пошелъ къ людской избѣ.

Спать ему приготовили въ сѣняхъ, но онъ не легъ, а сѣлъ на крылечкѣ и закурилъ большую черную трубку. Это была старая трубка, насквозь прокуренная, и отъ нея пропахъ весь пиджакъ, въ карманѣ котораго она лежала.

Кучеръ прошелъ мимо, пріостановился на минуту и спросилъ:

— А спать что-жь?

Эстонецъ сплюнулъ, не выпуская трубки изо рта, и отвѣтилъ, какъ всегда, не торопливо:

— Вотъ покурю... Дочка твоя молодецъ.

— Это что съ конями справляется?

— Да...—у него вышло: та-а!—Бой дѣвка.

— Ништо!

Кучеръ хотѣлъ добавить, что Нюша обыкновенно одна ухаживаетъ за лошадьми, когда отца нѣтъ дома или онъ пьянъ. Но посмотрѣлъ на чухну, не обращавшаго на него больше никакого вниманія, и ничего не сказалъ.

Онъ навралъ управляющему, сказавъ, что давно и хорошо знаетъ новаго лѣсника. Они встрѣтились въ посадской чайной, гдѣ кучеръ закусывалъ и пилъ водку. Онъ случайно разговорился съ молчаливо сосавшимъ большую трубку старикомъ и тотъ угостилъ его. А когда въ разговорѣ выяснилось, что старикъ безъ дѣла и не прочь поступить на мѣсто—захмѣлѣвшій кучеръ расхвастался и снисходительно предложилъ мѣсто лѣсника. Старикъ опять угостилъ—и дѣло было рѣшено. По дорогѣ кучеръ протрезвился и разспросилъ старика—кто онъ и откуда. И, когда Донатъ Иванычъ согласился, кучеръ успокоился: вышло все хорошо и ему теперь не надо шляться въ старую корчму, какъ звали сторожку въ лѣсу, гдѣ одному было страшно.

Кучеръ ушелъ. Старикъ докурилъ свою трубку, глядя на ущербленный мѣсяцъ, подымавшійся все выше надъ крышей сарая, выколотилъ золу и тщательно затопталъ ее ногой.

Нюша кончила уборку, потушила фонарь и гремѣла большимъ замкомъ у дверей. Потомъ пошла черезъ дворъ и когда вышла изъ черной тѣни—подъ луннымъ свѣтомъ лицо у нея стало блѣднымъ и большіе глаза намѣтились темными, странными пятнами.

— Прощай, дѣвушка!—проговорилъ лѣсникъ, когда она подымалась мимо него на крыльцо.

— Прощай, — такъ же небрежно, какъ прежде, бросила она и стукнула дверью.

Подошла собака, большая, черная, извивающаяся на ходу отъ усиленной любезности. Узнавъ чужого, она пріостановилась и заворчала. Старикъ развязалъ свой узелокъ, отломилъ большой кусокъ хлѣба и бросилъ. Собака схватила на лету и опять любезно завилась.

— Дрянь песъ, — презрительно пробормоталъ лѣсникъ,

но все же потянулся рукой и погладилъ собаку,—первый разъ видитъ и хлѣбъ беретъ...

Онъ сталъ ужинать. Досталъ хлѣбъ, синюю кружечку съ масломъ и карманный ножъ. Ѣлъ медленно, отрѣзая кусочки хлѣба и намазывая масломъ. Собака сѣла передъ нимъ, чуть навостривъ уши и глядя прямо въ глаза, и онъ бросалъ ей маленькіе кусочки съ тѣмъ же выраженіемъ презрѣнія къ плохимъ собачьимъ качествамъ. Потомъ аккуратно завязалъ свой узелокъ и пошелъ въ сѣни.

2.

Сторожка у осиноваго оврага была прежде корчмой и стояла на старомъ большакѣ. Лѣтъ двадцать тому назадъ корчму снималъ еврей, котораго однажды нашли зарѣзаннымъ со всей многочисленной семьей. Говорили, что корчмаря зарѣзали конокрады, но толкомъ никто ничего не зналъ, а потомъ и забыли все.

Неизвѣстно—какъ жилъ въ старой корчмѣ новый лѣсникъ. Переѣхалъ онъ на слѣдующій день, какъ нанялся, и всѣ видѣли, что лошадь у него дѣйствительно рублей въ триста, а то и больше.

Все обзаведеніе старика оказалось сложеннымъ въ линейку долгушку; какія-то подушки торчали изъ мѣшковъ, какіе-то инструменты, сундучки, а поверхъ всего сидѣла дѣвочка, маленькая, какъ кукла, съ огромными синими глазами и тонкими, какъ паутина, золотистыми волосами.

— Племянница, — не вынимая трубки изо рта, заявилъ старикъ,—одинъ остался—сестры дочка... Нѣмой, говорить не можетъ.

Онъ проѣхалъ къ себѣ и сзади послушно и уныло протащилась старая, пѣгая собака. И нѣкоторое время объ новомъ лѣсникѣ ничего не было слышно.

Но недѣли черезъ двѣ дальній крестьянинъ исполовщикъ, пришедшій поговорить на счетъ новинки подъ ленъ на будущій годъ, посмѣиваясь, разсказалъ:

— Горихватскіе мужики гораздъ обижаться стали—чухно этотъ самый, Густавъ-то, гораздъ строгъ! Давень мальцы съ озера ѣхали, оглоблю сломали — вздумали высѣчь въ кустахъ—какъ тутъ и былъ Густавъ-то... Вы, говоритъ, что это такое? Они было ругаться, ну, только съ нимъ не гораздъ—давай, говоритъ, цѣлковый, не то къ земскому протоколъ... Одинъ малецъ думалъ дать ему, ну, только худо ему было: чухно не гляди, что старый, кэ-экъ дастъ ему—малецъ съ ногъ долой и послѣ башкой все трясъ... Сурьезный чухно!

— Ишь ты...—неопредѣленно отозвался Донатъ Иванычъ.

— Очень даже сурьезный чухно,—задумчиво повторилъ исполовщикъ, самъ не безгрѣшный по части господскаго лѣска.

Управляющій ждалъ, что лѣсникъ придетъ съ докладомъ о случившемся, но миновалъ день, и два, и три—никто не приходилъ. Только когда наступилъ срокъ являться лѣснику за мѣсячиной,—во дворъ, гордо ступая и высоко неся тонкую, породистую шею, вошелъ гнѣдой жеребецъ лѣсника и шутя, словно пустыя дроги, втащилъ три бревна и двѣ жердинки. А на бревнахъ сидѣлъ лѣсникъ съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ, закушенной такъ, что нижняя тонкая губа чуть-чуть выступала впередъ.

Онъ неторопливо слѣзъ, закинувъ возжи на спину жеребца, и оглянулся. Управляющій еще издали, съ пчельника, видѣлъ его пріѣздъ и тотчасъ же пришелъ.

— Ну, здравствуй, Густавъ Карловъ,—крикнулъ онъ подходя.

— Страстуй...—не вынимая трубки, отвѣтилъ эстонецъ. Потомъ долго копался въ кисетѣ и вынулъ деньги: три трехрублевки, два рубля и полтинникъ.

— Страфъ,—проговорилъ онъ, передавая деньги,—какъ мужики лѣсъ рубилъ—ну, я на нихъ страффъ положилъ. Бревна три рубля, это по одинъ рупъ, а тотъ жердинка малый—полтинникъ.

— Ай да Густавъ Карловъ, здорово!.. засмѣялся управляющій,—это ты ловко—самъ и судья, самъ и вродѣ пристава по описи имуществъ...

— Та-а, я не люблю судья,—не понялъ эстонецъ,—судья много время путаться, туда иди, сюда иди, а послѣ онъ не пришелъ—опять иди—а я такъ.

— Такъ-то такъ, да ужь больно того... Бревна-то на хорошій конецъ полтора рубля, а ты трешницу. А жердинки и вовсе не стоющія.

Лѣсникъ посмотрѣлъ своими маленькими глазами, ничего не выражающими, твердыми, какъ блестящіе камушки, и вынулъ изо рта трубку.

— Я что бы другой разъ не ходилъ...—отвѣтилъ онъ,—мнѣ его денегъ не надо, а только другой разъ что бы...

Онъ опять потянулъ изъ трубки, но она уже потухала и только заверещала.

— Только вотъ возить неловко—дорога худая, мохъ: можетъ, мнѣ до зимы у себя складать?—спросилъ онъ,—я хорошо положу, а зимой легче возить...

— Да складывай, складывай,—согласился Донатъ Ива-

нычъ,—все равно. Только, думается—складывать нечего будетъ, коли ты такъ съ ними...

Лѣсникъ посмотрѣлъ, понялъ шутку и снисходительно усмѣхнулся.

— Народъ плохой, воръ народъ,—произнесъ онъ какъ бы въ оправданіе своей строгости — три рубля укралъ, рупъ укралъ - развѣ это народъ?

Онъ получилъ мѣсячный паекъ и думали, что онъ тотчасъ уѣдетъ, но онъ зашелъ къ кучеру. Поздоровавшись, старикъ солидно сѣлъ къ столу и вытащилъ бутылку водки.

— Какъ ты меня на мѣсто поставилъ,—началъ онъ, поглядывая то на Никанора, то на Нюшу, — то я благодарить тебя хочу...

Онъ еще покопался въ сѣромъ, грубаго домашняго сукна пиджакѣ и досталъ кулекъ.

— Это ей,—небрежно кивнулъ онъ на Нюшу, молча стоявшую у стола,—пущай балуется!..

Въ кулькѣ оказались бѣлые, твердые, какъ камень, пряники, конфекты въ разноцвѣтныхъ бумажкахъ и яркая, красная съ синимъ шитьемъ лента, какими въ томъ краю повязываютъ головы посадскія мѣщанки.

Никаноръ смотрѣлъ нѣсколько секундъ въ недоумѣніи, потомъ вдругъ вскочилъ и закричалъ неистово:

— Нюшка, дрянь, что же ты стоишь столбомъ? Самоваръ чтобъ сію минуту и поѣсть что тамъ найдется...

Нюша медленно повернулась, прикинула передъ клинушкомъ зеркала ленту къ волосамъ и чуть-чуть улыбнулась: лента, должно быть, понравилась, потому что она ласковѣе смотрѣла на гостя и, когда налила чаю,—подала ему стаканъ и сказала:

— Кушайте пожалуйста, не обезсудьте... — и, медленно взмахивая длинными, трепещущими рѣсницами, обдала эстонца благосклоннымъ взглядомъ.

Кучеръ былъ слабый на вино человѣкъ, скоро запьянѣлъ и, обнимая лѣсника, говорилъ такъ, словно намекалъ на что-то, имъ обоимъ извѣстное:

— Я что говорю? Я говорю,—ни-ни! Который человѣкъ съ понятіемъ—то значитъ совершенно даже ни-ни!.. Я тебѣ мѣсто предоставилъ? Я тебя на мѣсто поставилъ? Ну, и молчи и — ни-ни!.. Я зна-аю, я все зна-аю, не гляди, что я кучеръ, а онъ управляющій,—я все могу.

А старикъ слушалъ, пилъ водку, поглядывалъ на кучерову дочку и усмѣхался. И нельзя было понять — чему онъ смѣется—пьянымъ рѣчамъ хвастливаго кучера или чернымъ, словно задернутымъ чѣмъ-то, глазамъ дѣвушки?

Когда стало темнѣть, онъ поднялся, поблагодарилъ кучера, уже валившагося съ лавки, и попрощался съ Нюшей.

— Что жь—матери-то нѣтъ?—спросилъ онъ, выходя.

— Давно померши,—отвѣтила Нюша.

— Та, та, померши,—согласился эстонецъ, весело кивая головой, словно ему сообщили нѣчто радостное,—та, та!..

И опять онъ пропалъ въ своей сторожкѣ, не показываясь на село. Управляющій какъ-то заглянулъ къ нему и видѣлъ, что старый дворъ починенъ, замѣтилъ на крышѣ новыя тесины — и это понравилось ему. Въ комнатахъ тоже было чисто—откуда-то появился комодъ, закрытый вязанной скатертью, нѣсколько стульевъ, часы...

Прежній лѣсникъ, Кудинычъ, жилъ, какъ мужикъ. Изъ всего помѣщенія онъ занималъ только кухню съ огромной, страннаго вида печью, въ которой когда-то пекли крендели. На дворѣ при немъ было грязно, столбы повѣти кое-гдѣ подгнили, крыша обросла мохомъ. Теперь все было въ порядкѣ, починено и даже лошадиный пометъ сметенъ въ большія кучи, надъ которыми съ тугимъ жужжаньемъ кружились большіе черные жуки.

По этимъ кучамъ можно было подумать, что у лѣсника не одна, а тройка лошадей, но Донату Иванычу и это понравилось: хорошо кормитъ и, должно быть, обычно лошадь ходитъ свободно по двору, нагуливая тѣло.

Особенно же ему понравилась племянница лѣсника. У этой нѣмой шестилѣтней дѣвочки лицо было такое, словно она прожила длинную, трудную жизнь; а большіе синіе глаза смотрѣли серьезно и прямо—и отъ этого становилось почему-то жаль ее.

— Какъ же она у тебя, когда ты уходишь либо куда уѣдешь?—спросилъ управляющій, прикасаясь къ золотымъ, мягкимъ, какъ пухъ, волосамъ ребенка.

— Она большой уже, она умный!—усмѣхнулся лѣсникъ, передвигая трубку въ другой уголъ рта,—она сама лошади сѣно дастъ, самъ дверь закроетъ, спитъ. Я приду, собака будитъ, она откроетъ дверь.

Пѣгая старая собака вертѣлась тутъ же и глядѣла старческими, мутными глазами. Управляющій хотѣлъ и ее погладить, но старикъ предупредилъ:

— Не кусилъ бы—чужихъ не любитъ... Такъ умный собака—я если уйду — далеко встрѣчать выйдетъ, упрямый только для чужихъ.

Съ того времени, какъ лѣсникъ привезъ бревна, отобранныя у порубщиковъ, и потомъ пилъ водку съ кучеромъ, онъ сталъ чаще заглядывать въ усадьбу. Появлялся онъ всегда неожиданно, съ двухстволкой и сумкой изъ барсучьей шкуры

сбоку, неслышно ступая мягкими поршнями, и шелъ прямо къ кучеру въ людскую. Если Никанора не было дома—все равно оставался, заявляя, что зашелъ отдохнуть.

Онъ никогда не приходилъ съ пустыми руками и, покопавшись въ бездонномъ карманѣ своей куртки, вытаскивалъ платокъ, или ленту, или еще что нибудь... И какъ будто небрежно, почти не глядя, передавалъ подарокъ Нюшѣ. Дѣвушка принимала принесенное, обдавала его быстрымъ взглядомъ своихъ жуткихъ, непонятныхъ глазъ и, прикидывая передъ зеркаломъ платокъ, щурилась и нагибала голову назадъ и на бокъ.

На дворѣ замѣтили, что лѣсникъ носитъ Нюшѣ подарки посмѣивались надъ нею и говорили:

— Старый чухно кучерову Нюшку захороводить хочетъ!

А она ухмылялась, пожимала плечомъ и бросала съ напускнымъ презрѣніемъ:

— Очень нужно... Много такихъ подъ порогомъ валяется!

Но въ отсутствіе отца поила эстонца чаемъ и часто, подсѣвъ совсѣмъ близко, смотрѣла ему прямо въ лицо или протяпувъ сцѣпленныя пальцами руки по столу, клала на нихъ голову и смѣялась неслышно, играя черными, глазами...

И, когда пьяный отецъ ругалъ ее за что-нибудь, она дергала плечомъ и огрызалась сердито:

— Возьму и уйду!.. Очень мнѣ надо со всякимъ пьянымъ дуракомъ путаться — не видала я твоей конюшни... Осатанѣли мнѣ и кони твои, и самъ ты — брошу и пойду, куда глаза глядятъ...

3.

Уже лѣто подходило къ концу и рожь давно убрали, и кое-гдѣ уже начинали тягать ленъ, какъ въ усадьбѣ случилось происшествіе.

Кучеръ поѣхалъ въ посадъ за покупками; должно быть, онъ напился тамъ, шлялся гдѣ-нибудь по кабакамъ и чайнымъ, заводя знакомство со всякимъ встрѣчнымъ, а въ это время украли лошадь—вмѣстѣ съ линейкой, покупками и новыми сапогами, купленными кучеромъ для себя.

Лошадь была господская, изъ пары оставшихся каретныхъ жеребцовъ; перепуганный, разомъ отрезвѣвшій кучеръ кинулся на улицу, закричалъ было „караулъ", но день былъ рыночный, народу въ посадѣ набралось много и никто не могъ сказать, кто угналъ лошадь.

Съ горя кучеръ еще больше запьянствовалъ и домой вернулся только на третій день. За это время лицо у него опухло отъ водки, платье оборвалось до того, что рубаха висѣла клочьями, онъ пропилъ бывшіе на немъ старые са-

ноги — и босой, всклокоченный и осипшій повалился въ ноги проходившему черезъ дворъ управляющему.

— Ба-тюшка, прости, отецъ родной, не погуби!..—вылъ онъ на весь дворъ, въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ бѣжалъ народъ,—свели христопродавцы, свели ироды, осиротили на вѣки вѣчные!..

Кучеръ ревѣлъ и тыкался нечесанной головой въ ногу Донатъ Иванычу, а кучка людей, съ любопытствомъ смотрѣвшая на него, охала и соболѣзновала.

Прибѣжала Нюша, угрюмо уставилась на отца и стояла молча, подкусивъ нижнюю губу такъ, что видны были ея бѣлые, мелкіе зубы.

— Да какъ же ты... Да я тебя!.. Пропилъ мерзавецъ, я тебя знаю!.. Да знаешь ли ты, что за это самое... — оралъ Донатъ Иванычъ, топая на мѣстѣ короткими ногами и едва сдерживаясь, чтобы не ткнуть сапогомъ болтавшуюся въ пыли всклокоченную голову,—да какъ же ты...

— Ба-тюшка, не погуби!.. — ревѣлъ кучеръ, заливаясь слезами,—я только въ чайную, дай, думаю, чайку изопью, коня привязалъ, а тутъ какъ зашумятъ: погнали, шумятъ, погнали!.. Господи Владыко, отецъ родной—какъ же это?.. Батюшка, милостивецъ...

— Да тебя за это самое въ Сибирь мало... —задыхался управляющій и не удержался, ткнулъ сапогомъ въ грязное, перепачканное пескомъ лицо кучера.

Нюша видѣла это, слегка дрогнула и по лицу ея прошла брезгливая гримаса.

— Бей меня, бей окаяннаго! — голосилъ кучеръ, какъ будто нарочно катаясь по пыли, — твоя власть и милость, бей нерадиваго!..

Кто-то тронулъ Нюшу за локоть. Въ сѣромъ длинномъ пиджакѣ съ ружьемъ и барсучьей сумкой сбоку стоялъ лѣсникъ. Онъ успокоительно, чуть-чуть подмигивая, кивалъ головой и бормоталъ, коверкая слова:

— Нисиво, нисиво... Ужо смотрѣть будемъ, нисево!

Еще разъ подмигнулъ Нюшѣ и пробрался къ управляющему.

— Нисего, нисего,—закивалъ онъ головой и ему,—искать надо, искать—далеко не ушелъ, тутъ гдѣ-нибудь есть!..

— Какъ тутъ, гдѣ тутъ?—горячился управляющій, — теперь они, чай, въ чухонщинѣ давно, ищи вѣтра въ полѣ... Вѣдь самый трактъ ихъ конокрадскій здѣсь, а какъ въ чухонщину вдарятся—что въ болото...

— Что въ болото! — сокрушенно отозвался снизу кучеръ,—Господи Владыко...

— Нисего, нисего,—твердилъ лѣсникъ, мигая красными,

старческими вѣками и всѣмъ своимъ бритымъ, крѣпкимъ лицомъ стараясь выразить особую, хитрую увѣренность,—и мы на чухонскій сторона, я снаю, нисего!

Онъ подхватилъ Доната Иваныча подъ локоть и отвелъ его, бормоча и похлопывая корявой темной рукой по плечу. И почему-то всѣ повѣрили, что онъ дѣйствительно найдетъ, а больше всѣхъ повѣрилъ самъ кучеръ. Онъ вдругъ поднялся, вытеръ рукавомъ лицо и тономъ человѣка, окончившаго свою роль, накинулся на любопытныхъ:

— Ну, чего собрались? Чего не видали? Тоже, выставили носы, скажи на милость, представленіе какое себѣ нашли!..

— А ты чего ругаешся? Самъ надѣлалъ дѣловъ, да еще лается...—заворчала старуха коровница,—тоже Аника воинъ нашелся...

— Тебя, старая карга, не спросился! — огрызнулся кучеръ, выбираясь изъ толпы, — подите вы всѣ къ чортовой матери...

Въ тотъ же вечеръ старикъ отправился на поиски. Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ кучеру, выпилъ водки и уже прощаясь остановился:

— Ну, Никаноръ,—проговорилъ онъ, торжественно кладя руку на столъ,—я пойду! Я не остался, если не найду. Ты меня мѣсто поставилъ—я тебѣ бѣды выручу, но только...

Онъ мелькомъ взглянулъ на Нюшу и пожевалъ тонкими, бритыми губами:

— ...Только ты благодарить меня долженъ, да-а, благодарить!—заключилъ эстонецъ и у него вышло: лакотарить,

— Дру-угъ! — метнулся кучеръ, вцѣпившись руками въ грудь собственной изодранной рубашки,—дру-угъ! Одно скажу — придешь — крикни: давай Никаноръ Яковлевъ голову твою — разомъ на плаху! Самъ положу и слова не скажу—бери мою буйную голову...

— Та, та, голову,—усмѣхнулся лѣсникъ, выходя изъ людской,—тамъ глядѣть будемъ, чей голова...

Онъ уѣхалъ верхомъ на своемъ жеребцѣ — больше для того, чтобъ не оставлять его дома, гдѣ за нимъ некому было ходить.

— А какъ же дѣвченка-то твоя нѣмая?—спросилъ управляющій, прощаясь съ нимъ.

— Проживетъ! Картошки наварилъ, хлѣбъ есть...

— Плохо тебѣ безъ хозяйки-то?

Эстонецъ покрутилъ головой и вздохнулъ:

— Совсѣмъ плохо—какъ есть плохо!—согласился онъ:—хлѣбъ пеки—самъ, обѣдъ вари — самъ, все самъ... Корову завелъ бы—доить самъ. Очень плохо...

— А ты заведи, когда такъ... — пошутилъ Донатъ Иванычъ.

Старикъ посмотрѣлъ на него и неуловимая усмѣшка скользнула по его лицу.

— Старъ сталъ,—какъ прежде кучеру, усмѣхнулся онъ:— молодую брать—не пойдетъ, старуху—пользы нѣтъ.

— Чего не идти, за тебя всякая пойдетъ — ты мужчина въ силѣ, корпусный, можно сказать, мужчина... Съ достаткомъ тоже.

Они стояли за гумнами, откуда—прямикомъ черезъ мохъ— отправлялся на поиски лѣсникъ. Уже вечерѣло и длинная синяя тѣнь легла отъ лѣса черезъ поле, захватила гумна и протянулась дальше на дворъ. Только садъ и стоявшіе въ немъ новые рамочные ульи—тѣсная деревенька аккуратныхъ домиковъ—горѣли подъ краснымъ, усталымъ солнцемъ.

— Ну, латно,—встрепенулся вдругъ старикъ, толкая лошадь и въ то же время укорачивая повода, — пора... Ты не тужи, хозяинъ, найдемъ... Безпремѣнно найдемъ, я зарокъ такой себѣ клалъ, чтобъ найти...

— Твоими бы устами... — сокрушенно вздохнулъ управляющій.

— Нисего, нисего, — подмигивалъ эстонецъ — потому я зарокъ клалъ...

— Ну, ладно, пущай хоть зарокъ. Значитъ въ пятницу ждать?

Лѣсникъ поднялъ голову и, глядя въ небо, сталъ разсчитывать:

— Понедѣльникъ, среда, четвергъ... Четвергъ ночь, либо пятница утро жди.

Онъ повелъ поводами, чуть-чуть пригнулся и, бросивъ— „прощай!"—тронулся впередъ.

Три дня Донатъ Иванычъ былъ спокоенъ. Какъ и всѣмъ въ усадьбѣ — ему думалось, что лѣсникъ обязательно долженъ найти лошадь. Даже на кучера онъ пересталъ сердиться и, глядя какъ Наканоръ, мрачный съ похмѣлья, самъ убиралъ конюшню и, проявляя усиленную дѣятельность, мылъ никогда не мывшійся тарантасъ, — только ворчалъ презрительно:

— Тоже—ку-учеръ! Изъ подъ носа коня увели — кучеръ! Была бъ моя воля, я бы такому кучеру...

Но въ четвергъ вечеромъ управляющему плохо сидѣлось дома. Уже всѣ легли спать, потухли огни — ночь, полная шевелящихся звѣздъ вверху и таинственныхъ шумовъ внизу, ночь вѣстница ранней осени, шла неторопливымъ шагомъ—а Донатъ Иванычъ все не спитъ въ своемъ кро-

хотномъ кабинетикѣ и время отъ времени подымаетъ голову, слушаетъ...

Нѣтъ сна и душно въ привычной комнатѣ, томитъ безсонница усталые глаза...

Выйдетъ порою на крыльцо — чуть замѣтный вѣтерокъ обвѣваетъ влажнымъ холодкомъ разгоряченное тѣло, смутный шорохъ стелется по землѣ. Громко топочетъ по деревянному помосту одинокая, скучающая лошадь въ конюшнѣ и вдругъ позоветъ тонкимъ, серебрянымъ ржаніемъ...

— „Тоже ждетъ..."—думаетъ, ежась отъ холода, управляющій—но нѣтъ, ничего не слышно... Только гудятъ долгимъ гуломъ сосны въ бору и запоздавшій перепелъ бьетъ гдѣ-то за гумнами. Ударитъ разъ — и молчитъ, тоже какъ будто ждетъ чего-то.

4.

Ни въ пятницу, ни въ субботу, ни въ воскресенье лѣсникъ не пріѣхалъ. Уже о немъ перестали говорить, словно стыдясь чего-то, а Донатъ Иванычъ затосковалъ. По ночамъ онъ осторожно пробирался черезъ комнаты и, выйдя на дворъ, слушалъ. Черный тощій песъ Трезоръ, извивавшійся змѣей отъ своей собачьей любезности, тыкался мокрымъ носомъ въ руку и вилялъ хвостомъ.

— Нѣту, Трезорка, а?—недоумѣнно говорилъ управляющій и шелъ за ворота на дорогу, — что жь ты, братъ, скажешь—вѣдь нѣтъ?!

Въ одну изъ такихъ ночей управляющій прошелъ по дорогѣ дальше. Возлѣ осиноваго перелѣска, въ полуверстѣ отъ усадьбы, дорогу пересѣкала широкая канава. Новый бревенчатый мостикъ былъ перекинутъ черезъ него и весною Донатъ Иванычъ часто сиживалъ здѣсь, ловя настороженнымъ ухомъ чуткое вальдшнепиное корканье.

Теперь онъ шелъ, опустивъ голову и думая все ту же длинную думу, какъ Трезоръ заворчалъ. Что-то бѣлое маячило небольшимъ пятномъ на мосту, двинулось и тоже заворчало. И темный высокій силуэтъ возлѣ перилъ сказалъ:

— Тише ты, дура!

— Кто здѣсь?—спросилъ управляющій, подходя, ближе,— кто таковъ?

Большая пѣгая собака отошла въ сторону и сѣла. Донатъ Иванычъ наклонился впередъ и узналъ кучерову Нюшу.

— Ты чего здѣсь сидишь?—удивился онъ, разсматривая

матовое пятно лица,—не спится тебѣ... И песъ... Это его песъ? Я гляжу, что пѣгій...

— Его!—отозвалась Нюша и, помолчавъ, добавила:—сегодня пришелъ. Я гнать, а онъ все за мной...

— Его ждешь?

— Его.

— Гм... Нѣту что-то! Обѣщалъ въ пятницу, а нынче ужъ понедѣльникъ,—вздохнулъ управляющій.

Нюша шевельнулась и перила слегка скрипнули.

— Будетъ!—твердо и какъ будто сердито бросила она:—я знаю, что будетъ...

— Твоими бы устами...

Оба замолчали. Пѣгая собака насторожила бѣлое ухо и склонила голову на бокъ.

Тишина плыла надъ пологимъ болотистымъ полемъ, надъ недвижными осинками жиденькаго перелѣска, надъ темнымъ дальнимъ боромъ. Въ ней было особенное, что бываетъ, когда лѣто еще не ушло, а осень пришла и такъ, столкнувшись, стоятъ они въ нѣмой борьбѣ надъ чуткой землей.

Гдѣ-то далеко, надъ зубчатымъ краемъ лѣса, мгновеннымъ бѣлымъ свѣтомъ вспыхнула зарница и разомъ освѣтила сидящую на перилахъ дѣвушку, бѣлую собаку, стальную ленту прямой, какъ стрѣла, канавы. И черезъ секунду опять все потухло и стало какъ будто темнѣе, чѣмъ прежде.

Пѣгій песъ вскочилъ на ноги и опять сѣлъ. И неожиданно, такъ что ждавшіе вздрогнули, тявкнулъ хриплымъ, старческимъ лаемъ.

— Чтобъ тебя!—выругался управляющій.

Собака чуть повела головой въ его сторону и опять тявкнула.

— Она чуетъ,- -прошептала Нюша—онъ говорилъ...

— Ишь ты...

Опять тявкнула собака и, разомъ поднявшись, побѣжала впередъ, слѣпо мелькая въ темнотѣ бѣлымъ пятномъ.

— Ѣдетъ, я знаю—ѣдетъ!—заволновалась Нюша, спрыгивая съ перилъ,—я навѣрно знаю—онъ ѣдетъ...

Управляющій снялъ шапку, прислушался, но ничего не услышалъ. Одинъ разъ ему почудился дробный топотъ по сухой дорогѣ и легкій свистъ—и опять все потонуло въ чуткой, предосенней тишинѣ.

И вдругъ совсѣмъ близко—вкусно и громко—отфыркнулась лошадь и звучно затопали кованныя копыта. Донатъ Иванычъ кинулся впередъ, какъ передъ нимъ выросъ огромный силуэтъ пары лошадей. Одна изъ нихъ поднялась было на дыбы и рванулась въ сторону, но тотчасъ же осѣла.

— Sa currat, шортъ! — по эстонски выругался знакомый голосъ,—кто такой есть?

— Густавъ Карловъ, ужли же...—воскликнулъ управляющій, бросившись къ нему,—привелъ таки!..

— Путался три дня зря, далеко загналъ, за Верро былъ,— гудѣлъ лѣсникъ сверху и опять, брякнувъ цѣпью, крикнулъ на лошадь:—ты-ы еще, дьяволъ?

— Родной, Густавъ Карловъ, Господи!..—волновался Донатъ Иванычъ, сѣменя около лошадей,—а я-то думалъ... Да какъ же ты... Неужь вора поймалъ?

— Ушелъ... Какъ коня опозналъ — въ бѣги вдарился — ушелъ! Я плюнулъ послѣ—пусть пошелъ, конь хоть тутъ... А еще кто тутъ есть?—нагибаясь съ сѣдла, спросилъ эстонецъ—Аннуска никакъ?

— А хотя бы и я—что жь такое?—слегка отворачиваясь, отозвалась Нюша,—пошла пройтись, а тутъ собака твоя...

— Про-йтись!—тихонько засмѣялся эстонецъ — собака... Юкка—онъ знаетъ, онъ всегда вѣсть даетъ, какъ мнѣ пріѣхать—если не караулить—пять, десять верстъ встрѣчать бѣжитъ... Пройтись, говоришь? Хе-хе...

Нюша подошла къ свободной лошади и взяла цѣпь недоуздка.

— Давай лошадь-то, я отведу... Ну да, пройтись, — сердито говорила она,—и лошадь тоже ждала—чай, отца за это самое не похвалили бъ...

— Лошадь, хе-хе! — посмѣивался лѣсникъ, — я знаю, лошадь!

Нюша что-то припутывала къ недоуздку и гремѣла цѣпью. Конь всхрапывалъ, задиралъ голову вверхъ, а она покрикивала на него, какъ за уборкой въ конюшнѣ:

— Будешь еще, ты-ы! Не узналъ, что ли?..

И совершенно неожиданно подпрыгнула, навалилась грудью на холку и черезъ секунду уже сидѣла верхомъ, крѣпко затянувъ цѣпь, которой взнуздала жеребца.

— А мнѣ пѣшкомъ что ли идти,—проговорила она и по голосу слышно было, что она смѣется,—все одно ночь, не видать,—прибавила она, словно извиняясь.

— Какъ же ты дошелъ-то, да довелъ какъ? — суетился управляющій, не вѣря еще своей радости, — вѣдь жеребцы оба, бунтовались, чай?

— А хоть онъ бѣсъ будь, мнѣ все равно—я ихъ знаю,— отвѣтилъ эстонецъ и крикнулъ:—молодецъ Аннуска, самый молодецъ—айда передъ!

Они разомъ пошли рысью и сзади—бокомъ, какъ бѣгаютъ обычно старыя собаки, двинулся пѣгій песъ.

— Ай молодецъ!—донеслось уже издали сквозь прозрач-

ный перебой копытъ, — такъ коня ждалъ? Потому — отецъ, говоришь? Хо-хо, молодецъ дѣвка, совсѣмъ молодецъ!...

Опять вспыхнула зарница и опять мгновенно и четко вырисовалось низкое поле, свѣтлая лента пыльной дороги и два всадника, крупной рысью гнавшіе взмыленныхъ лошадей.

Донатъ Иванычъ прибавилъ шагу, потомъ пригнулся и побѣжалъ. И на бѣгу бормоталъ, смѣясь и всхлипывая:

— Ахъ чухно—вотъ чухно! Золото, а не чухно...

5.

Въ понедѣльникъ лѣсникъ пригналъ лошадь, а въ среду пришелъ со своей сторожки въ новомъ черномъ пиджакѣ, съ огромнымъ вязанымъ шарфомъ вокругъ шеи и въ новой шляпѣ.

Не заходя въ людскую, онъ прошелъ къ управляющему и сталъ въ кабинетѣ у дверей, держа шляпу въ рукѣ.

— Страстуй, террека,—сказалъ онъ,—пришелъ звать саженный батька тебя!

— Какой саженный батька? — не понялъ Донатъ Иванычъ.

— Да, такой—саженный батька, что свадьбу играетъ.

Управляющій посмотрѣлъ на него, замѣтилъ огромный шарфъ, въ которомъ прятался чисто выбритый подбородокъ лѣсника, и понялъ.

— Та-акъ-съ,—посмѣиваясь, протянулъ онъ,—значитъ, въ посаженные?... Чтожь—кучерова Нюшка?

— Та-а, Аннуска, — спокойно согласился эстонецъ —я говорилъ, что старъ, вродѣ какъ отца ей, — пояснилъ онъ, не справляясь по обыкновенію съ окончаніемъ,—ну, Аннуска говоритъ—ты молодецъ и коня нашелъ... И онъ, Аннуска—тоже молодецъ.

Старикъ самодовольно улыбнулся и добавилъ извиняющимся тономъ:

— А мнѣ хозяйство надо: хлѣбъ пеки — самъ, обѣдъ вари—самъ, корову если—все самъ!...

Онъ засмѣялся, помялъ шляпу въ рукахъ и спросилъ:

— Аннуска говоритъ—можно, а я не знаю: скажи, попъ вѣнчать будетъ, что онъ, Аннуска, православный, а я лютеранинъ?

— Можно, это можно! — успокоилъ его управляющій, — сколько угодно можно даже. Такъ, значитъ, рѣшено? Ай да старикъ! И впрямь молодецъ...

— Ну та-а, я говорю — она съ конемъ можетъ, обѣдъ

тоже можетъ —какъ не молодецъ? Я сразу, какъ пришелъ, видѣлъ: Аннуска молодецъ.

Свадьбу играли безъ гулянья, хотя и въ посадѣ. Послѣ вѣнчанья заѣхали только въ чайную, ту самую, въ которой лѣсникъ познакомился съ кучеромъ и гдѣ у кучера угнали лошадь,—и тамъ, въ отдѣльной комнатѣ на хозяйской пололовинѣ, пили водку и крѣпкій, до невозможности рѣзкій коньякъ.

Видно было, что лѣсника тутъ знаютъ и относятся къ нему съ уваженіемъ. Хозяинъ, тоже эстонецъ, его жена, бѣловолосая свояченица и подростокъ дѣвченка—ловили каждое слово молодожена и подавали все быстро, съ растерянной торопливостью.

— Знакомый, вѣрно?—догадался Донатъ Иванычъ, кивая на хозяина чайной.

— Та-а, съ нашихъ мѣстъ, изъ-за Верро!—подтвердилъ лѣсникъ, — когда лошадь нашелъ, назадъ велъ, здѣсь чай пилъ, ругалъ его гораздъ—зачѣмъ далъ коня увести! Какой хозяинъ, когда лошадь съ подъ окна угоняютъ?! Плохой хозяинъ. Я пришелъ, чай тамъ, либо что пью — хозяинъ долженъ беречь коня — его дѣло! Шибко гораздъ ругалъ его...

— Народу много было тогда, а они пьяные... — оправдывался хозяинъ, вѣжливо склоняясь въ сторону и теперь пьянаго кучера,—за всѣмъ смотрѣть трудно...

— Должонъ! — сурово сказалъ лѣсникъ и быстро и гнѣвно заговорилъ что-то по эстонски, на что хозяинъ только безпомощно разводилъ руками,—своего человѣка знать должонъ!..

Въ чайной сидѣли долго и пили много. Лѣсникъ всѣмъ подливалъ темнаго, какъ крѣпкій чай, коньяку, отъ котораго у гостей перехватывало дыханіе и глаза испуганно таращились, и, угощая, приговаривалъ:

— Водка не хорошо, отъ водки умъ мутится — куньякъ лучше! Куньякъ животу польза большая...

— Н-да, куньякъ... — крутилъ головой Донатъ Иванычъ, тоже порядочно захмелѣвшій,—это, братъ, не водка...

Кучеръ совсѣмъ раскисъ и то плакалъ, то стучалъ кулакомъ по столу и кричалъ осипшимъ голосомъ:

— Я тебѣ мѣсто предоставилъ? Я тебя на мѣсто поставилъ? Я, али нѣтъ? Теперь Нюшку тебѣ отдаю — владай! Нюш-ка-а-а!—оралъ онъ свирѣпымъ голосомъ—я тебѣ что говорилъ? И чтобы ни-ни, понимаешь?!..

И тянулся за рюмкой, расплескивая коньякъ на скатерть. А Нюша только чуть-чуть поводила черными глазами и тянула за рукавъ мужа:

— Ѣхать пора... Довольно!

Пьянаго кучера замертво снесли въ тарантасъ, а молодой передъ отъѣздомъ всѣмъ кланялся и благодарилъ за честь. Потомъ заботливо усадилъ жену въ линейку, разобралъ возжи и поклонился еще разъ, высоко поднимая шляпу. И, чуть шевельнувъ возжами, послалъ лошадь крупной, машистой рысью.

Подвыпившій управляющій выправилъ господскаго жеребца, далъ кнута и крикнулъ.

— А ну, потягаемся, Густавъ Карловъ!..

Лѣсникъ только слегка покосился и коротко бросилъ лошади:

— Форверцъ!..—и свиснулъ тонко и заливисто.

И разомъ Нюша почувствовала, какъ вѣтеръ упругой, внезапной волной засвистѣлъ въ подвѣнечной фатѣ, замѣтила, какъ принизился, разстилаясь по землѣ караковый жеребецъ, какъ замелькала внизу дорога. Оглянувшись на мужа, она увидѣла въ немъ странную перемѣну: онъ какъ будто улыбался и вмѣстѣ съ тѣмъ хмурился, свѣтлые небольшіе глаза блестѣли новымъ возбужденіемъ, словно выпитый въ чайной коньякъ теперь только ударилъ ему въ голову.

Подчиняясь этому возбужденію бѣшеной гонки, когда уже не слышно толчковъ экипажа и придорожные столбы на откосѣ мелькаютъ неуловимо, она засмѣялась и чуть-чуть оглянулась назадъ: господскій жеребецъ уже не бѣжалъ, а скакалъ карьеромъ подъ сыпавшимися на него ударами кнута.

— Отсталъ?—скользнувъ по ней острыми глазками, спросилъ мужъ.

Нюша засмѣялась и кивнула головой. И подъ вліяніемъ того же подмывающаго чувства, отъ котораго хотѣлось и смѣяться, и плакать, и закричать вызывающе, она слегка прижалась къ нему.

А онъ только покосился на нее, сдерживая довольную улыбку, и опять засвистѣлъ тонко и такъ же коротко послалъ лошадь рѣзкимъ словомъ:

— Форверцъ!..

II.

1.

Съ новой хозяйкой въ сторожкѣ началась новая жизнь. Нюша вошла въ старую корчму, словно прожила здѣсь всю жизнь; потрепала золотистую голову нѣмой дѣвочки, приласкала пѣгую собаку и поставила свой сундукъ въ комнатѣ, гдѣ былъ комодъ съ вязаной скатертью. А вещи мужа, его

одежда, ружье, сумка изъ барсучьей шкуры, такъ же, какъ постель дѣвочки, переселились въ кухню со странной печкой.

Первое время Нюшѣ какъ будто любопытно было чувствовать себя хозяйкой въ сторожкѣ, такъ же, какъ женой такого стараго, солиднаго чухны. Иногда, смѣясь, она подсаживалась къ нему и спрашивала его—какъ будетъ по ихнему лошадь?

— Нараn,—отвѣчалъ старикъ, улыбаясь одними глазами и пуская клубъ дыма, отчего Нюша кашляла и чихала.

— Хапанъ, — повторяла она, удивляясь смѣшному слову незнакомаго языка,—а дуракъ какъ?

— Туракъ? Который безъ ума человѣкъ? — переспрашивалъ онъ,—туракъ будетъ ul...

— Уль!...—повторяла она.

Но скоро ей показалась скучной одинокая жизнь въ сторожкѣ. Къ хозяйству Нюша не обнаружила склонности. Обѣдъ она готовила кое-какъ и часто выходило, что вернувшись съ обхода, старикъ обѣдалъ холодной картошкой и селедкой, запивая чаемъ, для котораго нужно было самому ставить самоваръ. А когда онъ заворчалъ однажды, Нюша только взглянула на него и дернула плечомъ:

— А ты работницу возьми, что я тебѣ за стряпка досталась?—проговорила она и, брезгливо морщась, добавила:—и не кури ты, пожалуйста, здѣсь свою вонючую трубку, у меня отъ нея кашель бываетъ.

Лѣсникъ спряталъ трубку, поджалъ губы и ничего не отвѣтилъ. Лицо у него по прежнему оставалось непроницаемо-спокойнымъ, а глаза такъ же непонятно свѣтлѣли, словно блестящіе, влажные камушки.

Трубку онъ пересталъ курить въ этой комнатѣ и объ обѣдахъ не заговаривалъ. Часто вечеромъ, когда спать было рано, а на дворѣ уже темнѣло, онъ по долгу сидѣлъ въ углу, глядя, какъ жена гадаетъ на старыхъ, замасленныхъ картахъ или пересматриваетъ свои платья, перебирая сундукъ.

У нея было много новыхъ платьевъ, сшитыхъ въ посадѣ передъ свадьбой, но ходила она въ грязныхъ кофтахъ, изъ подъ которыхъ торчала полоса заношенной рубашки; волосы у нея вѣчно разсыпались и она ихъ закалывала кое-какъ двумя шпильками, а они распадались и висѣли космами.

И въ домѣ было грязно—по угламъ валялся соръ, на столахъ вѣчно стояли немытыя тарелки съ селедочными головками и картофельной шелухой и часто бывало такъ, что не изъ чего было напиться воды: стаканы и чашки были не мыты, съ остатками липкаго, холоднаго чая.

Отъ скуки и безлюдья, когда не съ кѣмъ перекинуться словомъ, Нюша часто раздражалась, начинала плакать и ругала мужа старымъ чортомъ. Къ нѣмой дѣвочкѣ она относилась съ брезгливымъ презрѣніемъ и звала ее чухонскимъ отродьемъ.

А однажды, вернувшись изъ лѣса, старикъ засталъ племянницу забившейся въ уголъ, съ краснымъ, напряженнымъ лицомъ. Было понятно, что Нюша побила дѣвченку.

Онъ плотнѣе сжалъ губы, отчего внизу щекъ обвисли складки бритой, морщинистой кожи, и пошелъ къ женѣ.

— Того самаго... Дѣвочку вотъ! — заговорилъ онъ, дѣлая видъ, что отыскиваетъ что-то на полкѣ. — Милю вотъ, ее не надо бить, онъ маленькій, не привыкъ...

Нюша посмотрѣла на него и собрала разложенныя карты.

— А я въ зубы ей глядѣть стану, что ли?—равнодушно отвѣтила она, — привыкнетъ, коли не привыкла... Она сахаръ воруетъ!

Лѣсникъ пожевалъ губами и повернулся къ ней.

— Онъ никогда не воруетъ,—сказалъ онъ,—Миля не varas—не воръ,—перевелъ онъ,—нельзя бить маленькій!

— Вотъ я тебя спрошу, можно ли...

Старикъ подошелъ къ столу и вдругъ крѣпко ударилъ по нему рукой. Лампа подпрыгнула и изъ стекла пыхнулъ огонь.

— Нельзя! —рявкнулъ онъ и опять ударилъ по столу—я сказалъ—нельзя, такъ нельзя! Я не говорилъ, какъ ты обѣдъ не дѣлалъ, какъ грязь не убиралъ—тутъ я сказалъ: нельзя бить!

Нюша вскочила, вобрала голову въ плечи и глаза у нея заблестѣли уныло и злобно. Она боялась, что мужъ побьетъ ее, и отодвинулась дальше.

— А что за цаца такая, что нельзя? кричала она, зорко слѣдя за каждымъ движеніемъ старика,—видно, она племянница да не съ того боку? Тоже: пле-мян-ница!—протянула она насмѣшливо, — не гляди, что старъ, а племянница-то выходитъ вродѣ какъ родная дочка.

— Молчи! — заревѣлъ старикъ и двинулся къ ней — не смѣешь сказать такія слова!

— Очень испугалась, скажи пожалуста, чухно некрещенное!—не уступала Нюша, отступая все дальше и дальше. — Руки коротки еще! Тоже, жениться вздумалъ, — хоть бы сказалъ раньше, что дочку прижилъ, а то „лемянница, лемянница“, — передразнила она и вдругъ, совершенно неожиданно заплакала:—Сгубилъ ты мой вѣкъ, старый чортъ, обошелъ меня, обманулъ!..

Лѣсникъ плюнулъ, толкнулъ ногой табуретъ, такъ что онъ покатился въ уголъ, и вышелъ.

Онъ взялъ дѣвочку на свою кровать, уложилъ и просидѣлъ надъ ней, пока она не заснула. Потомъ зажегъ фонарь и пошелъ обряжать лошадь. Закладывая сѣна и брякая ведромъ около кадки, онъ бормоталъ про себя что-то и часто останавливался и слушалъ.

Ночь была тихая, темная и свѣжая. Дымныя черныя облака быстро неслись по небу, сухія листья шуршали на тонкой осинкѣ возлѣ воротъ, и этотъ мертвый, порывистый шопотъ говорилъ о томъ, что осень уже пришла, что она бродитъ гдѣ-то по осыпающемуся лѣсу, по голымъ полямъ.

Пѣгая собака вылѣзла изъ-подъ крыльца, потерлась о ноги старика и, поднявъ голову вверхъ, насторожила бѣлое ухо. Конь нетерпѣливо билъ ногою въ конюшнѣ, гремѣлъ цѣпью и фыркалъ и желтый свѣтъ фонаря зажигалъ фіолетовыя искры въ крупномъ, черномъ зрачкѣ большого глаза. А старикъ все стоялъ, глядя вверхъ, словно рѣшая сложную задачу, неожиданно ставшую передъ нимъ.

Уже давно не показывалось солнце и днемъ небо было закрыто сѣрыми тучами; стало холодно — большія, свѣтлыя въ черной озяблой землѣ лужи рябили подъ дождемъ.

Строгій осенній лѣсъ посвѣтлѣлъ, толстымъ ковромъ покрыли землю палые листья и—когда дождь переставалъ—глубокое молчаніе было въ немъ. Это оттого, что улетѣли птицы и пусто стало въ лѣсу, какъ въ заброшенномъ большомъ домѣ, когда гулкія комнаты молчатъ, залитыя холоднымъ бѣлымъ свѣтомъ обнаженныхъ оконъ.

Въ такое время люди раньше ложатся, тушатъ огонь и въ темнотѣ долго слушаютъ непогоду. Бьется осенняя ночь за окномъ, стучится въ стѣны, скрипитъ чѣмъ-то на крышѣ— и все странно, и жутко, и тревожно—въ просторномъ полѣ, въ пугливомъ лѣсу, на пустынной дорогѣ.

Въ такую ночь, когда дождь шуршалъ за окномъ, а вѣтеръ каталъ по чердаку пустыя бутылки, оставшіяся съ того времени, когда здѣсь была корчма, кто-то дробно постучалъ въ раму лѣсной сторожки.

Нюша взметнулась въ испугѣ и сжала голову руками.

— Что это, что это?!.. забормотала она, въ то время, какъ въ раму опять, настойчиво и часто забарабанили кнутовищемъ.

Какія-то лошади фыркали тамъ, кто-то говорилъ глухимъ, придушеннымъ голосомъ.

Нюша только что заснула и снились ей бѣлые дома и зеленыя полянки и, проснувшись, она долго не могла понять— въ чемъ дѣло? Когда начинали стучать, она только крѣпче сжимала голову и пригибалась къ колѣнямъ, словно ожидала удара.

За тонкой переборкой въ кухнѣ заскрипѣла кровать, мужъ завозился, гремя коробкой спичекъ.

— Currat susis,—ворчалъ онъ, должно быть, возясь съ фонаремъ,—чортъ бы тебя...

Онъ еще что-то говорилъ и похоже было, что ничуть не удивленъ этимъ внезапнымъ ночнымъ стукомъ.

Съ бьющимся сердцемъ, не понимая, что случилось, Нюша спрыгнула съ кровати и подошла къ окну. Сначала ничего не было видно, словно передъ самымъ окномъ, плотно прижимаясь къ нему, растянулось черное сукно. Но потомъ, приставивъ ладони къ стеклу, Нюша разсмотрѣла тѣни лошадей—одну въ телѣгѣ, двухъ привязанныхъ къ оглоблямъ. Какой-то человѣкъ въ длинномъ кафтанѣ, отъ котораго онъ казался огромнымъ и толстымъ, ходилъ около и поправлялъ что-то.

Онъ проговорилъ длинную быструю фразу по эстонски и выругался хрипло:

— Currat!..

Нюша уже знала, что это значитъ „чортъ". А другой голосъ, откуда-то, должно быть, съ телѣги, отвѣтилъ по русски:

— Чего лаешься—вотъ свѣтъ зажегъ уже!..

Вошелъ мужъ, одѣтый, какъ днемъ, съ фонаремъ въ рукахъ.

— Густавъ, кто это? Кто?—тревожно спросила его Нюша, кутаясь въ одѣяло.

Онъ посмотрѣлъ на нее и поджалъ губы. Оттого, что лицо его было освѣщено фонаремъ снизу,—мужъ казался новымъ и необычнымъ.

— Не твоева дѣла...—отвѣтилъ онъ помолчавъ, отыскивая ключъ отъ воротъ,—ставай, самоваръ ставь!..

Онъ вышелъ—и опять стало темно и тревожно. Нащупывая въ потьмахъ платье, Нюша одѣлась, потомъ разыскала спички и зажгла лампу. Дѣвченка племянница тоже проснулась и выглянула изъ сосѣдней комнаты. Видно было, что она ничуть не испугалась, какъ будто привыкла къ такимъ посѣщеніямъ.

Глаза у нея уже не казались синими, а были совсѣмъ черные отъ расширившихся зрачковъ и это тоже казалось новымъ и страшнымъ.

На дворѣ возились долго—уже самоваръ зашумѣлъ, Миля собрала посуду на столъ, достала хлѣба, оставшейся отъ

обѣда свинины, и откуда-то принесла бутылку водки. Потомъ влѣзла на лавку около окна и тщательно завѣсила его сѣрымъ пиджакомъ; то же сдѣлала она и съ другимъ окномъ, выходящимъ на дворъ.

Въ сѣняхъ громко, словно тамъ шли кованныя лошади, застучали сапоги и дверь распахнулась.

Кромѣ хозяина, вошло еще двое. Оба они были въ длинныхъ мохнатыхъ кафтанахъ, промокшихъ до того, что на полу тотчасъ же образовались лужи. Одинъ — немолодой, должно быть, чухна, хотя у него и была русая, прямая борода, снялъ шапку, встряхнулъ ее, отчего кругомъ полетѣли холодныя брызги, и сказалъ:

— Страстуй, молодой хозяйка! Принимай гостей!..

Потомъ онъ снялъ кафтанъ, поддевку, крѣпко запоясанную безконечнымъ краснымъ кушакомъ, и остался въ сѣромъ домотканномъ пиджакѣ, какой носилъ обычно лѣсникъ. Кафтанъ и поддевку онъ тщательно развѣсилъ на ошосткѣ, бросилъ шапку въ печурку и сѣлъ.

— Погоды, тоже самое, зашли... День дождь, два дождь, три дождь!...—сказалъ онъ, оглядываясь прищуренными, не привыкшими къ свѣту глазами, и спросилъ другого: — ты, что-жь, Гавря?

Другой былъ молодой и русскій. Кафтанъ у него былъ съ капюшономъ на красной фланелевой подкладкѣ, низко надвинутымъ на картузъ, такъ что изъ подъ него видѣнъ былъ только носъ и свѣтлые, подстриженные усы. Онъ былъ запоясанъ прямо по кафтану и отъ этого былъ похожъ не то на купца, что ѣздятъ по ярмаркамъ съ краснымъ товаромъ, не то на лѣсного прикащика. Онъ долго пытался отмотать закрѣпленный на спинѣ поясъ, но не могъ достать и повернулся спиной къ лѣснику:

— Ну-ко, Густавъ Карлычъ, размотай-ко ты меня!..

Старикъ развязалъ поясъ, помогъ снять кафтанъ, поддевку и пріѣзжій оказался въ розовой рубахѣ, выпущенной изъ-подъ жилета, съ квадратнымъ узелкомъ, завязаннымъ въ ситцевый платокъ, въ рукахъ.

Передъ тѣмъ, какъ поздороваться, онъ тщательно вытеръ сапоги найденнымъ возлѣ печки голикомъ, положилъ узелокъ на полку и протянулъ руку Нюшѣ.

— Здравствуйте, какъ величать прикажете, хозяюшка новая?..

Голосъ у него былъ мягкій, чуть вкрадчивый и во всей его повадкѣ было тоже мягкое и вѣжливое.

Когда онъ говорилъ, то улыбался и видны были его крѣпкіе некрупные зубы, и почему-то, говоря съ нимъ, хотѣлось смотрѣть не на лицо, а на эти зубы.

— Тэ-эк-съ, значитъ Анной Никаноровной, очень даже пріятно,—говорилъ онъ, переходя къ столу,—а насъ Гаврилой, а по просту, такъ больше Гаврей ругаютъ!..

Онъ сѣлъ, спокойно и свободно, какъ хозяинъ, обтеръ широкой ладонью усы и усмѣхнулся.

— Ужь и времячко стоитъ—просто даже сказать невозможно, какая хлябь!..—заговорилъ онъ негромкимъ, вѣжливымъ голосомъ,—это даже совсѣмъ невозможно, что за дорога!.. Еще у васъ тутъ ничего, потому пески, а туда къ городу—страсти Господни даже!.. Сплошь по ступицу колесо идетъ—и дождь этотъ самый!..

Старикъ снесъ его кафтанъ и поддевку къ себѣ, развѣсилъ тамъ и вернулся. Онъ мелькомъ взглянулъ на жену, словно стараясь увидѣть въ ней что-то, и налилъ водки въ стаканъ и чашку до краевъ. Бородатый эстонецъ вдругъ качнулся и заговорилъ на своемъ рѣзкомъ, быстромъ языкѣ. Старикъ отвѣчалъ ему и хмурился. Пріѣзжій сердился, или казалось такъ оттого, что въ говорѣ ихъ часто звучала съ крѣпкимъ нажимомъ буква „р“. Онъ говорилъ долго, взмахивая рукою и черная тѣнь сердито и быстро взмахивала за нимъ по стѣнѣ; потомъ рѣзко закончилъ:

— Sa currat... Human!

Гавря слушалъ его съ томной улыбкой, какая бываетъ у озябшаго человѣка, попавшаго, наконецъ, въ тепло, и сказалъ:

— День бы перестоять надо — кони сильно смучавши!..

— Human!—глухо и сердито повторилъ эстонецъ.

— Ну завтра, такъ завтра, мнѣ все одно,—согласился Гавря и, повернувшись къ Нюшѣ, добавилъ:—я съ ними вотъ путаюсь, такъ кое-что и понимать даже выучился, говоръ этотъ ихній—потому я большія способности въ себѣ имѣю и разумомъ я быстрый...

— Ну, что-жь хозяинъ, а ты-то?—кивнулъ онъ на налитые водкой стаканъ и чашку на столѣ,—безъ тебя будто неловко... Можетъ, и хозяйка молодая съ нами, а?

— Она не пьющій,—чуть-чуть хмурясь, замѣтилъ лѣсникъ.

Онъ налилъ себѣ чашку, медленно поднесъ ее къ губамъ и сталъ пить большими, громкими глотками, какъ воду. Пріѣзжій эстонецъ тоже выпилъ, сильно закидывая голову назадъ, поставилъ чашку и сплюнулъ.

Гавря посмотрѣлъ на стаканъ и поморщился.

— Не люблю я этого мужицкаго обыкновенія,—проговорилъ онъ—хлещутъ водку чайными стаканами, нѣтъ того, чтобы по чести, рюмочку тамъ, либо стаканчикъ махонькій!..

Онъ однако взялъ стаканъ, однимъ духомъ осушилъ его и поставилъ.

— Плохую водку нынче дѣлать стали, сущій сиволдай,— проговорилъ онъ, закусывая холодной свининой.

Пріѣзжіе долго ѣли, потомъ пили чай, мѣшая его съ водкой, и опять ѣли.

Нюша осторожно разглядывала ихъ. Она ни о чемъ не спрашивала, говорила только, когда обращались къ ней, и раза два, поймавъ на себѣ пытливый, внимательный взглядъ мужа, слегка отворачивалась отъ него.

Самоваръ остылъ, водка вся была выпита, а никто не думалъ ложиться. Бородатый эстонецъ зѣвнулъ, громко ахая, что-то сказалъ по своему и опять лѣнивымъ движеніемъ потянулся къ самовару. Гавря сидѣлъ на лавкѣ, опершись спиной на стѣну, и смотрѣлъ передъ собою слегка прищуренными глазами. Видно было, что и его сонъ долитъ, еще больше отъ горячаго чаю и выпитой водки, но онъ боролся съ нимъ.

Временами въ комнатѣ наступала тишина и тогда казалось, что всѣ ждутъ чего-то. Разъ бородатый всталъ, бросилъ коротко нѣсколько словъ и вышелъ на дворъ.

— Лошадей поглядѣть пошелъ,—какъ-бы поясняя, обратился Гавря къ Нюшѣ и вынулъ большіе серебряные часы:—поить, чай, можно уже?—вопросительно взглянулъ онъ на хозяина, молчаливо сидѣвшаго въ тѣни.

— На ходъ пить будутъ,—отозвался тотъ и потянулся за трубкой. Онъ медленно набилъ ее, чиркнулъ спичкой и закурилъ, какъ будто совсѣмъ позабылъ приказаніе Нюши не курить въ этой комнатѣ. И она ничего не сказала, даже не взглянула въ его сторону.

Бородатый вернулся и опять заговорилъ коротко и словно сердито. Можетъ быть онъ и не сердился, а у него выходило такъ только.

— Рано еще, четвертый часъ только, — замѣтилъ Гавря, очевидно отвѣчая ему,—ужо подъ свѣтъ развѣ!..

Онъ зѣвнулъ, вѣжливо прикрывая ротъ рукою, и всталъ.

— Чтой-то заскучали всѣ—сыграть развѣ?—словно спрашивая, произнесъ онъ, доставая квадратный узелокъ съ полки,—авось веселѣй будетъ!..

— Играй, играй, давно не слыхалъ,—заговорилъ лѣсникъ и пустилъ клубъ дыма, отъ котораго Нюша зажмурилась и отвернулась,—гораздъ ловокъ играть Гавря,—добавилъ онъ, повернувшись къ женѣ.

Гавря развернулъ платокъ, вынулъ трехрядную дорогую гармонь и подулъ на клапаны. Потомъ сѣлъ и грустнымъ переливчатымъ переборомъ развелъ мѣхъ и остановился.

— Это я еще когда на конскомъ заводѣ у князя Масальскаго въ наѣздникахъ жилъ, такъ у одного старичка учился,—сказалъ онъ и, поднявъ глаза къ потолку, откашлянулся,—теперь даже вотъ по дѣлу куда ѣду—все ее съ собой беру, будто веселѣе, сыграешь когда!..

Гармонія вдругъ дрогнула въ его рукахъ, протяжно вздохнула и осторожно, не громко, словно боясь разбудить или потревожить кого-то, стала выговаривать пѣвучими голосками. Гавря совсѣмъ закинулъ голову, подождалъ перебора и тонкимъ, звенящимъ альтомъ вдругъ запѣлъ:

— Пускай могила меня накажетъ,
За то, что я е-го люб-лю-у,
Но я мо-ги-илы, ахъ, не-страшуся,
Кого люб-лю, я съ тѣмъ пом-ру!..

— Кого люб-лю—я съ-тѣ-мъ пом-ру!—явственно повторила гармонія и такъ грустно, такъ безнадежно, что Нюшѣ вдругъ захотѣлось плакать.

Гавря опустилъ голову, наклонилъ одно ухо къ сжавшемуся совсѣмъ мѣху и вдругъ растянулъ его рѣзкимъ аккордомъ.

— Онъ под-хо-дилъ ко мнѣ-съ-улыбкой.
Мнѣ руку жалъ-меня лас-калъ!..

Осторожно выговорили тоненькіе, печальные голоса въ гармоніи,

— И называлъ сво-ей голуб-кой,
И въ алы губ-ки цѣ-ловалъ!..

подхватилъ Гавря, закидывая голову назадъ и заполняя всю комнату напряженнымъ, дрожащимъ альтомъ и гармонь торопливо и громко, словно съ отчаянія, повторяла припѣвъ неуловимымъ переборомъ. Потомъ опять рѣзко обрывала—и опять, какъ осторожныя, острыя капельки, посыпались тоскующей чередой тоненькіе голоса:

— Ахъ, если-бъ тебя я, ахъ, не встрѣ-ча-ла,
И не лю-би-ла-бы те-бя...

Нюше вдругъ вспомнила черную ночь, пустынный мостикъ возлѣ осиноваго перелѣска, внезапную бѣлую зарницу за зубчатой стѣной лѣса, и фигуру Доната Иваныча, и пѣгую собаку у своихъ ногъ... И вдругъ ей сдѣлалось такъ скучно, такъ жаль чего-то, безвременно и навсегда ушедшаго, что она даже застонала тихонько. А гармонь вдругъ ахнула высокой жалостливою нотой и залилась отчаяннымъ, потрясающимъ припѣвомъ:

— Мое-бы сердце та-а-къ не стра-да-ло,
И вѣкъ сча-стли-ва бы бы-ла!

— Мое-бы сердце такъ не страда-ало,—звенѣлъ голосъ Гаври, уносясь вверхъ и безнадежно падая оттуда почти до вздоха:—и вѣ-ѣкъ сча-стлива бы бы-ла-а!

Нѣкоторое время было молчаніе. Слабыми, словно обезсилѣвшими, пальцами Гавря перебиралъ клапаны.

— Карра-шо играетъ Кавря,—проговорилъ лѣсникъ и покрутилъ головой,—настояще играетъ!..

Нюша ничего не сказала, только впилась своими черными, страстными глазами въ парня и на лицѣ у нея было такое выраженіе, словно она умретъ, если онъ не заиграетъ еще.

Онъ понялъ это, самодовольно усмѣхнулся и погладилъ усы. Потомъ разомъ взялъ смѣлый и звучный аккордъ и заигралъ громкій и бойкій маршъ. Но онъ проигралъ только нѣсколько тактовъ, какъ бородатый вдругъ поднялъ голову и всталъ. Гавря оборвалъ музыку и взглянулъ на него. Гдѣ-то далеко, должно быть, у дороги, лаяла собака.

— Нарап?—коротко спросилъ лѣсникъ, вынимая изо рта трубку.

Бородатый скоро и рѣзко—какъ всегда, будто сердясь—заговорилъ и также неожиданно смолкъ. И всѣ прислушивались въ наступившей тишинѣ.

Собака лаяла ближе и бородатый пошелъ къ печкѣ, гдѣ развѣшаны были его поддевка и кафтанъ. Гавря быстро сложилъ гармонь, застегнулъ ее мѣдными крючками и сталъ увязывать въ платокъ. Лѣсникъ тоже поднялся и зажегъ фонарь.

— Sa currat! —ругался бородатый, туго запоясываясь и пыхтя отъ усилій.

— Вотъ те и курратъ,—говорилъ Гавря, проходя за переборку, гдѣ висѣла его одежда,—помянешь, братъ, куррата своего, какъ мокнуть опять!.. Густавъ, ведро-то гдѣ? Попоить безпремѣнно на ходъ надо, не то перепадутъ гораздъ!..

Онъ быстро и ловко одѣлся, надвинулъ капюшонъ съ красной фланелевой подкладкой низко на лобъ и три раза окрутилъ себя кушакомъ. Но концы пришлись сзади и закрѣпить ихъ ему никакъ не удавалось оттого, что руки плохо гнулись въ ватной чуйкѣ и кафтанѣ.

Бородатый ушелъ уже, а старикъ звенѣлъ ключами на полкѣ, отыскивая тотъ, что былъ отъ воротъ.

— Ужь простите, Анна Никаноровна, дозвольте утрудить васъ,—обратился Гавря къ Нюшѣ,—концы эти самые на заду подторкнуть...

Онъ поворотился къ ней спиной и въ этомъ движеніи, такъ же, какъ въ тонѣ голоса, было нѣчто, напоминающее

избалованнаго ребенка. Нюша завязала концы и закрѣпила ихъ.

— Покорнѣйше васъ благодаримъ, чувствительно благодарны,—говорилъ Гавря—погода, знаете, самая непріятная... Хлябь эта самая, послѣ грязь...

Онъ бережно засунулъ гармонь за пазуху, выпросталъ полы изъ-подъ кушака и протянулъ руку:

— До пріятнаго увиданья! Будемъ знакомы теперь... Мы старца вашего тоже не забываемъ, може, когда и дольше погостить придется!..

Онъ улыбнулся увѣренной и вмѣстѣ вѣжливой улыбкой, очевидно, ничуть не сомнѣваясь, что ей пріятно будетъ видѣть его большее время, и пошелъ въ сѣни. Нюша пошла было за нимъ, но остановилась.

Мужъ нашелъ нужный ключъ, помахалъ фонаремъ, чтобы свѣча разгорѣлась и, не глядя на жену, бросилъ:

— Самоваръ убери, тарелки вымой... чтобъ чисто, въ порядкѣ все... Бутылку тоже!..

Нюша взглянула на него и кивнула головой.

— Ладно!

Но, когда онъ вышелъ, она нагнулась къ окну и отвернула завѣшивавшій пиджакъ. Фонарь двигался быстро и низко надъ землей и при его неровномъ, колеблющемся свѣтѣ видны были высокія, казавшіяся всѣ вороными лошади. Одна была запряжена въ телѣгу, въ которую влѣзалъ, судя по поднятому капюшону, Гавря, а двухъ держалъ, должно быть, бородатый.

Лѣсникъ отворилъ ворота—и Гавря выѣхалъ одинъ, а за нимъ уже вывелъ лошадей бородатый. Нюша перебѣжала къ другому окну и увидѣла, что Гавря осторожно объѣзжаетъ другую телѣгу, запряженную сивой, тускло свѣтившейся въ темнотѣ лошадью. Бородатый подвелъ своихъ лошадей къ ней и сталъ привязывать сзади къ высокимъ пряламъ, какія бываютъ на телѣгахъ у лошадиныхъ барышниковъ.

Гавря свернулъ на дорогу налѣво и уѣхалъ, не дожидаясь бородатаго, а мужъ, взмахивая фонаремъ, отчего по землѣ мелькали свѣтлыя полосы, ругалъ кого-то, сидящаго на этой другой телѣгѣ.

— Ul, varas!.. — бубнилъ мужъ, негодующимъ тономъ,— hapan Пазноево missa varaska!...

„Гапанъ—лошадь,—думала Нюша, вслушиваясь въ знакомый сердитый голосъ мужа,—уль—дуракъ, варасъ—воръ... Пазноево..."

Бородатый вскочилъ въ телѣгу, сивая лошадь тронулась,

но не въ ту сторону, куда поѣхалъ Гавря, а направо, а мужъ все еще что-то бубнилъ и махалъ фонаремъ.

Нюша хотѣла разобрать, что онъ бубнитъ. Но въ это время сзади брякнуло и покатилось что-то. Она вздрогнула и оглянулась—и, не сдержавшись, шлепнула по головѣ дѣвченку, убиравшую со стола посуду.

— Дрянь эдакая, будешь ты у меня посуду бить!—сердито крикнула Нюша и оттого, что упавшая крышка отъ чайника не разбилась, разсердилась еще больше,—шевелись ты, безъязыкая!..

Заскрипѣли ворота, потомъ долго брякалъ замокъ по желѣзу, наконецъ послышались шаги.

Старикъ вошелъ, поставилъ фонарь на лавку и посмотрѣлъ на жену. Онъ какъ будто ждалъ, что Нюша спроситъ что-нибудь, но она ничего не спросила. Когда самоваръ и вся посуда были убраны, онъ еще разъ посмотрѣлъ на нее, перевелъ глаза на дѣвочку и поджалъ губы. Потомъ ушелъ къ себѣ, потушилъ фонарь и легъ. Дѣвочка вытерла столъ мочалкой и тоже ушла.

Нюша постояла нѣсколько времени посреди комнаты, хотѣла пойти къ старику и спросить его, но раздумала и только улыбнулась. Потомъ стала раздѣваться — медленно снимала одежду и думала что-то — и въ одной рубашкѣ, шлепая босыми ногами, подошла къ лампѣ. Передъ тѣмъ, какъ потушить ее, она опять улыбнулась слабой улыбкой и привернула огонь.

Въ ушахъ еще стояли жалобно-быстрые переборы гармоньи и высокій звенящій голосъ назойливо пѣлъ:

„Пускай могила ме-ня накажетъ,
За то, что я его люблю...“

Она завернулась въ одѣяло, откинула щекотавшую лицо прядь волосъ и открыла глаза. Черная тьма стояла передъ лицомъ, за окномъ шуршалъ дождь и наверху что-то перекатывалось глухо и мягко, словно тамъ ходили въ валенкахъ. И все бывшее — бородатый, Гавря — вдругъ показалось ей сномъ. Только въ ушахъ настойчиво выговаривала гармонь--и это тоже было, какъ сонъ.

— И называлъ меня голубкой и въ алы губки цѣловалъ!—прошептала Нюша, закрываясь съ головой одѣяломъ и улыбаясь чему-то.

За перегородкой заскрипѣла кроват и старикъ вздохнулъ глубоко и шумно.

3.

На смѣну дождей и грязи, на смѣну лужамъ и вѣтрамъ, когда въ трубѣ гудѣло, а ворота скрипѣли, словно въ нихъ толкались тысячи невидимыхъ духовъ,—разомъ ударилъ морозъ и все измѣнилось.

Еще пылалъ покорнымъ пламенемъ огненный кленъ, еще догорала беззащитно береза, а дубъ еще стоялъ угрюмый и темный въ коричневыхъ листьяхъ, но уже вошло умираніе въ лѣсъ и прозрачно-пустъ сталъ онъ, и стеклянная тишина перваго остраго мороза застыла въ полѣ.

Пришло время идти за мѣсячиной въ приселокъ и старый лѣсникъ, захвативъ ружье и барсучью сумку, отправился туда. Наканунѣ у него въ гостяхъ былъ тесть, кучеръ Никаноръ, долго хвастался, разсказывалъ про тѣ времена, когда въ большомъ имѣніи жилъ баринъ и какъ онъ возилъ его на охоту, и въ заключеніе по обыкновенію напился. Нюша проводила его и вернувшись сказала, что управляющій велѣлъ лѣснику придти за жалованьемъ. И пенялъ, что онъ долго не показывается: „сидитъ у себя съ молодой женой, должно быть, любезничаетъ!“

Донатъ Иванычъ задержалъ старика почти до вечера. Съ тѣхъ поръ, какъ лѣсникъ нашелъ лошадь и женился, управляющій сталъ относиться къ нему, какъ къ знакомому Принимая его, онъ угощалъ чаемъ и водкой, хлопалъ по плечу и подшучивалъ на счетъ молодой жены. И все обѣщался пріѣхать „на новоселье“.

Вышелъ старикъ отъ него, когда холодная вечерняя заря вздрагивающимъ заревомъ стояла надъ лѣсомъ и зубчатая стѣна бора чеканилась на ней, какъ вырѣзанная изъ черного картона. Къ ночи морозъ сталъ крѣпче, какъ хорошій хозяинъ, убралъ всю грязь и бронзовая повявшая трава коегдѣ побѣлѣла отъ тонкаго серебристаго инея.

Въ мягкихъ поршняхъ, почти беззвучно, шелъ старый лѣсникъ узкими лѣсными тропинками, пологими полянками, густыми кустарниками, гдѣ по веснамъ кричатъ дрожащимъ звонкимъ крикомъ влюбленные зайцы...

Все было знакомо, какъ свой домъ, и, мелькая мимо, будило отблескъ мысли, не трогая главнаго, что налегло на плечи смутной тяжестью и давитъ сѣрую отъ сѣдины голову.

Вотъ обгрызенная на вышинѣ человѣческаго роста молодая липка, Богъ знаетъ какъ попавшая въ мокрую гущеру чернолѣсья. Зайцу высоко—должно быть, козы бродятъ; ихъ много на чухонской сторонѣ—къ зимѣ всѣ подбиваются къ

озеру, а чуть станетъ оно — на ту сторону, въ Гдовщину. Надо бы пройти съ собакой—можетъ, попало бъ что? Только какъ-то отвернуло отъ охоты — старъ сталъ, что ли?.. Да, старъ-старъ, а жена молодая...

Съ трескомъ поднялась птица въ густомъ кустарникѣ и, торопливо трепеща крыльями, понеслась прочь. Должно быть, тетеревъ-чернышъ сорвался, заслышавъ легкіе шаги.

Заря почти погасла, когда старикъ добрался до дому. Какъ угрюмо и глухо выглядитъ старая корчма въ сторонѣ отъ дороги!.. Прежде онъ не замѣчалъ этого, а теперь постройка поражала его своимъ замкнутымъ одиночествомъ. И пустынная дорога, вьющаяся между песчаныхъ кургановъ, поросшихъ черными кустами вереска, похожими на задумчиво остановившихся монаховъ; и оврагъ, съ трепетными, осинами, глубокій, мокрый оврагъ... И почему-то все вспоминалось, что въ этомъ домѣ, когда тутъ была еще корчма, зарѣзали стараго еврея.

Старикъ усталъ, выпитая у Доната Иваныча водка клонила въ сонъ и хорошо бы сразу лечь подъ теплый тулупъ, но лечь не удалось. За столомъ въ углу сидѣлъ Гавря. На столѣ стоялъ самоваръ, чашки, остатки ужина, а рядомъ съ Гаврей на лавкѣ лежала гармонь. Видно было, что онъ пришелъ давно, успѣлъ поужинать, напиться чаю и поиграть на гармоніи. Тутъ же сидѣла Нюша и слушала, что онъ говоритъ, и, должно быть, забыла про чашку съ чаемъ, что стояла передъ ней.

При входѣ старика она неохотно поднялась, слегка потянулась, чуть-чуть изгибаясь всѣмъ тѣломъ—и мужъ замѣтилъ, что въ волосахъ у нея лента, которую онъ когда-то подарилъ ей; эта лента больше всего обидѣла лѣсника и онъ крѣпко поджалъ свои тонкія, обросшія серебряной щетиной губы.

— Старичку почтенному!—ничуть не смущаясь, привѣтствовалъ Гавря, быстрымъ движеніемъ обтирая ладонью усы и ротъ; у него была эта привычка скоро и увѣренно обмахивать нижнюю часть лица рукою, словно стирая что-то съ губъ и усовъ,—гдѣ гостилъ, гдѣ бывалъ?..

— Бывалъ, бывалъ...—ворчливо повторилъ лѣсникъ, проходя за перегородку и раздѣваясь,—бывалъ, та-а!..

Онъ аккуратно повѣсилъ ружье надъ кроватью, заткнулъ стволы кусочками пакли и сталъ разуваться. Подошла дѣвочка, взглянула на него бездонными синими глазами и, взявъ поршни, полѣзла на припечекъ вѣшать.

Гавря пришелъ потому, что ночью должны пригнать пару лошадей. Онъ говорилъ объ этомъ спокойно, не понижая голоса и ничуть не стѣсняясь присутствіемъ Нюши.

Старикъ хмурился, поджималъ губы и посматривалъ на жену, но та какъ будто не слушала и перемывала чашки съ обычнымъ равнодушно-скучающимъ видомъ.

— Гм, пара...—бормоталъ лѣсникъ, закуривая трубку,— кто?

— Рятсепъ никакъ, писали оттуда, что онъ,—отвѣтилъ Гавря и потянулся за гармоньей, — съ самаго Ревеля гонитъ...

Старикъ пустилъ клубъ дыма, отъ котораго Нюша закашлялась.

— Опять ты со своимъ табачищемъ,—проговорила она,— духъ даже занимаетъ! Говорено тебѣ—не дыми ты здѣсь...

Мужъ повелъ на нее глазами, не выпуская трубки, и ничего не отвѣтилъ.

— Дѣйствительно, табакъ это очень даже непріятно,— замѣтилъ Гавря, перебирая клапаны гармоньи,—кто не привыкши къ нему, тому даже достаточно противно. Когда я служилъ у князя Масальскаго въ наѣздникахъ, у насъ начальникъ бѣговой конюшни всегда говорилъ:—въ денникахъ около лошадей не смѣть курить!.. Потому она хоть и лошадь, а очень даже чувствуетъ и дыму этого совершенно не уважаетъ!..

Нюша убрала посуду, поставила самоваръ на полку и вытерла столъ. Спать было рано и она достала изъ-за зеркала карты и стала медленно тасовать ихъ.

— Сыграйте что-нибудь чувствительное, Гаврила Лукичъ,—попросила она.

— Достаточно игралъ, можно сказать, уши прогудѣлъ и пальцы къ тому же отъ гармоньи потѣютъ. Давайте въ карты лучше играть! Въ шестьдесятъ шесть—знаете?

— Знаю... на что жь играть будемъ?

— А ужь тамъ видно будетъ... Коли я выиграю, я знаю что спросить!..

— Ой-ли?! А если я?

— А ужь это ваше дѣло!..

Они играли, перебрасываясь шутливыми замѣчаніями, а старикъ курилъ безконечную трубку и дымъ висѣлъ подъ потолкомъ плотной, сизой тучей. Ему хотѣлось спать, отъ ходьбы на морозѣ слипались глаза, а онъ все сидѣлъ и не собирался ложиться.

— А вотъ вамъ сорокъ!—объявлялъ Гавря,—теперь мы прикроемъ—тамъ у насъ осминадцать, да сорокъ—пятьдесятъ восемь, да десятка — тузъ крытъ—шестьдесятъ восемь, да... Вотъ какъ съ нами играть — будете помнить... Два глазка накинемъ!.. Держитесь, Анна Никаноровна, разсчетъ строгій будетъ!..

Онъ смѣшалъ карты, стасовалъ ихъ и передалъ Нюшѣ. И, продолжая начатый раньше разговоръ, заговорилъ:

— Это прежде было выгодно коней воровать, а теперь совсѣмъ ни къ чему даже это самое. Конечно, они, чухны, извѣстное дѣло, по мужицкому обыкновенію, это за пользу считаютъ, а только совсѣмъ не стоющая часть! Одно дѣло— коней настоящихъ мало стало — потомъ господа въ селахъ сами не живутъ, больше въ аренду, либо управляющимъ разнымъ сдаютъ, ну, а кони, извѣстно, рабочіе только оставлены!.. Это рѣдко, гдѣ настоящія лошади, больше все палочье... А вѣдь ее, каличину, что жъ гнать, какъ съ ней путаться надо, ровно съ доброй, а взять за нее—что возьмешь? Конечно, надо чести сказать, цѣны стали крѣпкія, а только что рыскъ гораздъ, — говаривалъ ли баринъ нашъ, князь Масальскій,—рыскъ благородное дѣло!

— Нѣтъ, въ наѣздникахъ, ежели гдѣ на бѣгахъ, много приличнѣе выходитъ! Первое дѣло—тотализаторъ этотъ самый—наѣздники завсегда между собой уговоръ дѣлаютъ— кого пустить, а сами черезъ женъ тамъ, либо любовницъ своихъ въ тотализаторъ на лошадей играютъ!.. Который ежели фаворитъ—на того выдача небольшая, а на фукса— очень даже прилично пользу имѣть можно — вотъ и пускаютъ фукса, а фавориту сбоя три сдѣлаютъ, либо кросингомъ придержутъ — разныя штуки бываютъ... Послѣ жизнь въ столицѣ—рестораны разные—лѣтомъ сады увеселительные тоже... Разное удовольствіе можно имѣть! Такъ уголъ Глазовой—Боровой садъ одинъ есть...

Онъ разобралъ карты, показалъ короля и даму и объявилъ:

— Для начала двадцать—къ одному разсчету! Да-а, конечно,—продолжалъ онъ,—какъ—первое дѣло, мнѣ въ столицу въѣздъ воспрещенъ, а такъ чтобы шантрапой безпачпортной жить — я не согласенъ, потому я человѣкъ серьезный; ну, вотъ и приходится съ ними, съ чухнами путаться, коней гонять, оттого что я какому другому дѣлу не обученъ, а къ лошадямъ большія способности имѣю — и фантазія у меня въ мысляхъ большая... Я вонъ въ Бѣлой станціи на постояломъ сколь разъ останавливаюсь и всѣ меня тамъ за купца по лѣсной части понимаютъ и большое уваженіе показываютъ, потому я человѣкъ видный и разговоръ хорошій знаю...

— Ахъ, какъ вы плохо играете, Анна Никаноровна, опять я вамъ два открою—только гляди—при разсчетѣ не забудьте. Когда я у князя Масальскаго наѣздникомъ служилъ, такъ до того хорошо въ эту самую игру зналъ играть, что у стар-

шаго конюха часы серебряные выигралъ, ей богу!.. Еще послѣ его въ тюрьму взяли, когда у князя съ бумагами на полукровку одну неловко вышло!..

Старикъ шевельнулся на лавкѣ и сказалъ:

— Спать надо... Поздній время! Ночью ставать.

— Ну, спать, такъ и спать,—тотчасъ же согласился Гавря, собирая карты,—за вами семь очковъ, Анна Никаноровна!..

Нюша встала и опять потянулась, слегка изгибаясь.

— Ѣсть будешь? — спросила она у мужа — ишь накурилъ-то, индо въ горлѣ першитъ...

— Не буду... Постели ему тамъ, -- кивнулъ старикъ на свою комнату—я здѣсь..

Ночью старикъ не спалъ. Онъ ворочался на узкой скамейкѣ, гдѣ ему постлала Нюша, вздыхалъ, какъ будто влѣзалъ на высокую гору, и раза два принимался курить. Потомъ опять ложился, но сна не было и тьма рождала странные призраки голубыхъ спиралей и оранжевыхъ круговъ. Иногда онъ поднималъ голову и прислушивался; тишина, такъ же, какъ тьма, дразнила кажущимися звуками: то словно бубенцы гремѣли гдѣ-то, то острое поскрипыванiе гармоники чудилось, то тонкiй, осторожный свистъ. И трудно было повѣрить, что все это только кажется.

Разъ Нюша зашуршала сѣнникомъ, пробормотала что-то и встала.

— Куда?—окликнулъ старикъ и тоже сѣлъ, крѣпко взявшись руками за лавку.

— Пить гораздо охота—отъ селедки это, что ли?—сиплымъ со сна голосомъ отвѣтила Нюша и зашлепала босыми ногами къ кадкѣ.

Старикъ опять легъ. Нюша пила долго и, когда пила, въ горлѣ у нея что-то щелкало. Потомъ легла — и черезъ минуту слышно было, какъ она посвистываетъ носомъ.

А ночь все тянулась и конца ей не было... Гдѣ-то очень далеко — должно быть, за осиновымъ оврагомъ въ Горихватовѣ—чуть слышно пропѣли пѣтухи. И вскорѣ послѣ этого въ комнатѣ стало свѣтлѣе: это всталъ поздній мѣсяцъ и побѣлѣвшая отъ инея земля смутно отражала его холодный, мертвый свѣтъ.

В. Муйжель.

(Окончанiе слѣдуетъ).

Изъ исторіи драматической цензуры при имп. Николаѣ I.

По свидѣтельству историковъ Николаевскаго царствованія, въ характерѣ Николая Павловича въ бытность его великимъ княземъ и императоромъ не было существенной разницы. Не подготовленный къ отвѣтственной роли, узнавшій о своей судьбѣ почти наканунѣ смерти Александра, Николай еще съ дѣтства обнаруживалъ вкусы и симпатіи, которые впослѣдствіи отличали всю его жизнь. Больше всего любилъ онъ военную службу, связанные съ ней ученья и парады. Этому времяпрепровожденію онъ охотно отдавалъ не только досугъ, но и часы, опредѣленные для научныхъ занятій. Наукой онъ не былъ избалованъ. Онъ самъ откровенно признавался, что онъ съ братомъ (Михаиломъ Павловичемъ) получилъ „бѣдное образованіе". Объяснялось это, можетъ быть, тѣмъ, что учителя, приставленные къ великимъ князьямъ, не умѣли или не могли пріохотить своихъ учениковъ къ предмету преподаванія. „Они мучили насъ отвлеченнымъ преподаваніемъ, благодаря этому на урокахъ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздоръ, иногда собственные ихъ карикатурные портреты, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что въ долбежку, безъ плода и пользы для будущаго", разсказывалъ впослѣдствіи Николай Павловичъ (Шильдеръ, 18). Впрочемъ, не всѣмъ преподавателямъ уготована была одинаковая участь. Преподаватель французскаго языка, онъ же исторіи, Дю-Пюже, познакомилъ Николая съ исторіей французской революціи и сумѣлъ внушить своему ученику „отвращеніе къ ея дѣятелямъ" (Шильдеръ, 24).

Если наука давалась Николаю Павловичу мимоходомъ, больше чрезъ разговоры съ образованными людьми, то къ искусству, въ частности къ театру, онъ питалъ большое влеченіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, вытекаетъ изъ знакомства съ напечатанной недавно монографіей барона Н. Н. Врангеля „Искусство и Государь Николай Павловичъ" („Старые годы", іюнь — сентябрь 1913 г.). Можетъ быть, это влеченіе грѣшило иногда излишней самонадѣянностью, можетъ быть, подчасъ оно приносило явный ущербъ куль-

турному обогащенію Россіи (какъ, напр., продажа за безцѣнокъ картинъ первоклассныхъ мастеровъ, или уничтоженіе картинъ, секвестрованныхъ у польскихъ магнатовъ послѣ революціи 1834 г.), но все же у Николая Павловича былъ безспорно, извѣстный интересъ и любовь къ искусству, имѣвшіе тотъ результатъ, что коллекція Императорскаго Эрмитажа обогатилась безчисленнымъ количествомъ драгоцѣннѣйшихъ полотенъ. Извѣстно также, какъ былъ близокъ дворъ Николая I къ дѣятелямъ тогдашней русской сцены. Множество анекдотовъ и воспоминаній актеровъ этой эпохи свидѣтельствуютъ о доступности государя, о вниманіи его къ нуждамъ даже незначительныхъ артистовъ, о простотѣ въ обращеніи съ ними и пр. Самъ Николай, по нѣкоторымъ отзывамъ, былъ недурнымъ актеромъ. „Николай Павловичъ страстно любилъ ѳеатръ и самъ иногда игралъ на половинѣ великой княжны Анны Павловны", разсказываетъ Шильдеръ („Исторія", 28). Уже вполнѣ взрослый и женатый, онъ, по словамъ другого историка, приказалъ построить маленькій театръ въ Аничковскомъ дворцѣ и тамъ, еще полный впечатлѣніями о парижскихъ театрахъ, охотно выступалъ въ различныхъ роляхъ современнаго французскаго репертуара. (Belleydier, 49).

Я нарочно остановился на нѣкоторыхъ чертахъ Николая Павловича, тѣсно связанныхъ, по моему мнѣнію, съ темой настоящей работы. Дѣйствительно, едва-ли какая другая область государственнаго управленія, кромѣ военной, столь ярко отразила личность этого монарха, какъ драматическая цензура. Николай здѣсь во весь ростъ, со всѣми своими симпатіями, антипатіями, взглядами и требованіями. Возьмемъ, напр., понятіе о монархѣ, какъ личности. Современные драматурги, большею частью иностранные, охотно черпали сюжеты изъ жизни государей XVII и XVIII вв. Таковыми служили обыкновенно наиболѣе популярные государи Западной Европы: Людовики XIV и XV, Фридрихъ Великій, Карлъ XII. Можно было бы понять администрацію, еслибы она, разсматривая такія произведенія, карала тѣ, которыя изображали монарховъ въ недостойномъ видѣ. Но, нѣтъ, тенденція была совсѣмъ иная: запрещалось вообще о нихъ говорить, хорошее или дурное, безразлично. Этого мало. Государство брало подъ свою защиту не только королей, но и ихъ слугъ, придворныхъ. Послѣдніе своимъ поведеніемъ могли набросить тѣнь на повелителей. Исключенія не дѣлалось даже для свергнутыхъ государей, какъ Наполеонъ, или для развѣнчанныхъ царицъ, какъ Жозефина. Точно также и вся внутренняя жизнь государства тщательно охранялась цензурой. Ревнивая ко всякому постороннему вмѣшательству, администрація охраняла не только самое себя, т. е. не позволяла касаться военныхъ, чиновниковъ, полиціи, но вступалась и за отдѣльныя сословія и корпораціи: дворянство, купечество, литераторовъ, артистовъ. Безпокоилась она также о частныхъ лицахъ, носящихъ болѣе или

менѣе громкія фамилія. Упоминаніе ихъ, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ пьесы (иногда самой невинной), часто служило мотивомъ запрещенія этой пьесы.

Широкое поле для усмотрѣнія представляли, далѣе, драматическія произведенія, затрагивающія нравственныя проблемы. Нынѣшній читатель, вѣроятно, не разъ улыбнется, узнавъ, по какимъ причинамъ нѣкоторыя произведенія были не дозволены къ представленію. Достаточно сказать, что незаконное сожительство, такъ наз. адюльтеръ, не допускался на сцену. Женщина вообще оберегалась, выпады противъ нея драматурговъ не поощрялись правительствомъ. Вопреки § 15 устава печати 1828 г., запрещавшаго цензору „входить въ сужденіе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе", равнымъ образомъ разсматривать его въ „литературномъ отношеніи", правило это нарушалось постоянно. Цензура не разъ входила въ разсмотрѣніе литературныхъ достоинствъ пьесы и на этомъ основаніи запрещала ее. Параллельно съ этимъ затрагивался иногда вопросъ о эстетическомъ направленіи театра. Существовали еще темы, зависѣвшія отъ временнаго положенія вещей, напр., внѣшняя политика и дуэли. Николай, на своемъ вѣку воевавшій чуть ли не со всѣми народностями Европы, имѣлъ поводъ въ разное время различно относиться къ этимъ народностямъ. Французы или нѣмцы, сегодня милые его сердцу, завтра вызывали антипатію и наоборотъ. Что касается дуэли, то въ данномъ случаѣ преобладалъ личный взглядъ государя, относившагося къ ней отрицательно. Извѣстенъ его сводъ военныхъ постановленій, жестоко каравшій поединки; пьесы же, изображавшія дуэли (даже въ иностранныхъ государствахъ и въ историческомъ преломленіи), неизмѣнно запрещались. Остается сказать о сферѣ, которая во всѣ царствованія, начиная съ Елизаветы, встрѣчала одинаковую оцѣнку: сферѣ религіозной. Подобно своимъ предшественникамъ, Николай не допускалъ на сцену изображенія церквей, церковныхъ обрядовъ, а также лицъ, одѣтыхъ въ монашеское платье. Таковы въ общихъ чертахъ вопросы, занимавшіе драматическую цензуру Николаевской эпохи, и отношеніе къ этимъ вопросамъ правительства.

Переходя къ детальной разработкѣ этихъ положеній, я долженъ предпослать имъ изложеніе нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ, которыми руководители цензуры считали нужнымъ объяснять тѣ или иныя свои рѣшенія. Эти взгляды должны были замѣнить театральнымъ людямъ (драматургамъ и антрепренерамъ) спеціальный кодексъ цензурныхъ требованій, не существовавшій въ писанномъ видѣ.

Мы въ 1839 г. Начальникомъ III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, а, слѣдовательно, и драматической цензуры, только что назначенъ генералъ-маіоръ Леонтій Васильевичъ Ду-

бельтъ [1]). Едва вступилъ онъ въ должность, приносятъ ему пьесу В. Дьяченко „Послушница", драма въ 5 д. Сюжетъ ея полу-историческій. Дѣло заключается въ томъ, что въ нѣкую дѣвицу Беатриче влюбился офицеръ донъ Мартинъ Фонзека и хочетъ на ней жениться. Но у него есть соперникъ, вліятельный герцогъ Астурійскій, сынъ Филиппа III Испанскаго. Чтобы удалить Мартина отъ его возлюбленной, его отсылаютъ въ полкъ, Беатриче же, послѣ смерти своей пріемной матери, поступаетъ въ монастырь. Тамъ ее находитъ Мартинъ и упрашиваетъ вельможу дона Родриго Кальдеронъ устроить ему этотъ бракъ. Однако хитрый царедворецъ больше склоненъ сосватать Беатриче съ герцогомъ Астурійскимъ, который ему можетъ выхлопотать почетное мѣсто при Филиппѣ III, чѣмъ удовлетворить просьбу молодого офицера. Такъ онъ и дѣлаетъ, но является Мартинъ и, вмѣсто Кальдерона, убиваетъ Беатриче. При этомъ оказывается, что Беатриче—дочь Кальдерона.

Пьеса эта, не вызвавшая никакихъ замѣчаній цензора Е. Ольдекопа, побудила Дубельта высказать свои соображенія по поводу драматической литературы вообще: „Драматическое искусство, какъ и всякая отрасль литературы, писалъ онъ, должно имѣть цѣль благодѣтельную: наставляя людей, вмѣстѣ забавлять ихъ, а это достигнемъ несравненно скорѣе картинами высокаго, нежели описаніями низости и разврата. Если скажутъ, что, представляя гнусныя страсти на сценѣ, можно исправить людей, подверженныхъ тѣмъ же самымъ порочнымъ склонностямъ, то это будетъ только часть послѣдствій, происходящихъ отъ такихъ представленій, и, при томъ, рѣдко случается, чтобы порочный человѣкъ узналъ себя въ безобразномъ портретѣ. А между тѣмъ все доказываетъ, что люди нашего времени, наслушавшись вредныхъ разсказовъ и насмотрѣвшись на развратъ во всѣхъ его видахъ, такъ свыклись съ изображеніями адскихъ позорищъ, что не только не гнушаются повторять на дѣлѣ все, помѣстившееся въ ихъ воображеніи, но еще оправдываютъ свои поступки и часто гордятся ими. Зачѣмъ литературѣ, дочери Неба, вмѣсто того, чтобы вести людей къ добродѣтели на помочахъ нравственности, уклоняться отъ своего блистательнаго назначенія и дѣлаться союзницею ада? На что представлять намъ картину слабаго, надутаго, легко обманываемаго государя? На что намъ отвратительный видъ развратнаго, 20-лѣтняго наслѣдника престола? На что въ устахъ этого юноши, предназначеннаго управлять себѣ подобными, безпрерывныя изреченія, основанныя на сложныхъ и вредныхъ правилахъ, годныхъ только для лавочнаго сидѣльца или трактирнаго слуги?

---

[1]) Собственно, онъ назначенъ членомъ главнаго управленія цензуры (См. по этому поводу отношеніе гр. Бенкендорфа м-ру нар. просв. С. С. Уварову, 25 марта 1839 г. № 1618. Арх. мин. нар. просв. № 14828/65).

Зачѣмъ внушать зрителямъ мысль, что лица, готовящіяся на престолъ, всегда избалованы, брошены отцами до нѣкоторыхъ лѣтъ, что они безъ правилъ и малѣйшаго понятія о нравственности? Еслибы это и была истина, то лучше скрыть этотъ дурной примѣръ, а не выставлять его на сценѣ. Какая отъ этого польза? Одна денежная спекуляція, основанная на распространившемся, къ несчастію, вкусѣ публики къ безобразнымъ картинамъ порока и безпутства. На что намъ видъ этихъ царедворцевъ, обманывающихъ короля, его наслѣдника и другъ друга, копающихъ другъ другу ямы и говорящихъ языкомъ самыхъ низкихъ льстецовъ и обманщиковъ? Неужели все это утѣшительныя истины для человѣчества? Почти одна только добродѣтельная душа во всей пьесѣ, актриса, и ту хотятъ погубить: кто же? Отецъ актрисы, не зная, что она дочь его. Какое сцѣпленіе ужасовъ! Годится только во Франціи. Можно выставить одного честолюбца съ черною душою, но зачѣмъ же дѣлать всѣхъ такими? Зачѣмъ стараться доказать, что при царскихъ дворахъ не можетъ быть ни одного честнаго человѣка? Господинъ авторъ человѣкъ съ умомъ и дарованіемъ; пусть онъ передѣлаетъ свою пьесу и дастъ ей лучшее направленіе. Пусть принцъ явится защитникомъ добродѣтели, а не ея соблазнителемъ; пусть король не балуетъ сына и не даетъ себя въ обманъ придворнымъ; пусть добродѣтель дѣвушки, какъ и теперь, торжествуетъ надъ порокомъ,—и тогда эта испанская драма будетъ очень хороша, потому что въ ней очень много прекрасныхъ мѣстъ, справедливыхъ и острыхъ замѣчаній. Тогда я охотно подпишу: „можно и печатать, и играть" [1]).

А пока запретилъ и, повидимому, навсегда, ибо за время царствованія Николая I „Послушница" больше не появлялась въ цензурѣ, *и запрещеніе лежитъ на ней до сихъ поръ.*

Характерной особенностью замѣчаній Дубельта является то, что онъ откровенно пересчитываетъ элементы, одно присутствіе коихъ на сценѣ уже не по сердцу цензурѣ. Здѣсь и личность монарха, и его придворный штатъ, и предпочтеніе черной краски бѣлой, и, наконецъ, иноземное вліяніе. Желательный правительству театръ долженъ дѣйствовать въ другомъ направленіи. Въ какомъ, Дубельтъ не досказываетъ. Вмѣсто него пытается разрѣшить вопросъ цензоръ Ольдекопъ: „Театръ долженъ быть школой нравовъ, онъ долженъ показать порокъ наказаннымъ, а добродѣтель вознагражденной. Въ этомъ отношеніи театръ есть учрежденіе полезное и необходимое, удовольствіе благородное и пріятное. Но какъ только драматическая сцена берется изобразить передъ нами цѣлый рядъ проступковъ, преступленій ужасныхъ, исключительно съ цѣлью вызвать у насъ сильныя ощущенія, театръ становится презрѣннымъ и опаснымъ. Ибо человѣкъ, который привыкъ къ сильнымъ ощущеніямъ, кото-

---

[1]) Архивъ главнаго упр. по д. печати. Докладъ 3 апр. 1839 г.

раго возбуждаетъ одинъ видъ преступленія, тотъ человѣкъ скоро будетъ въ состояніи самъ совершить преступленія“ [1]). Въ другомъ случаѣ, ради благополучія сюжета, цензура охотно поступается исторической правдой сочиненія... „Каждый стихотворецъ имѣетъ право удаляться отъ исторіи, если она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не соотвѣтствуетъ плану сочиненія, имъ предпринятаго, но пользоваться симъ правомъ на счетъ здраваго разсудка авторъ не долженъ, а вмѣшиваніе въ сочиненіе нелѣпостей есть погрѣшность непростительная и тѣмъ болѣе, если онъ избралъ предметъ изъ отечественной исторіи“ [2]). Ссылка Дубельта на Францію, гдѣ допустимы сценическіе „ужасы“, раздѣляется и Ольдекопомъ. Только онъ имѣетъ въ виду Францію минувшую, а Дубельтъ—текущихъ дней. „Время драматическихъ ужасовъ прошло во Франціи,—пишетъ Ольдекопъ по поводу передѣлки „Ледяного дома“ Лажечникова на драму—но, по странному сцѣпленію обстоятельствъ, у насъ въ Россіи есть писатели, которые всячески стараются подчивать нашу публику убійствами и другими мерзостями“ [3]).

Такимъ образомъ лейтъ-мотивъ пожеланій драматической цензуры Николаевскаго царствованія по преимуществу оптимистическій. Жизнь можетъ поражать ужасами, окружающее общество—несправедливостью, администрація — произволомъ, но драматурги должны давать публикѣ одни лишь образчики благоустройства и нравственной чистоты.

Какъ же эти совѣты примѣнялись на практикѣ?

I.

Разсматривая пьесы, касавшіяся королевскаго или царскаго быта, цензура дѣлила ихъ на двѣ части. Къ первой части, наиболѣе отвѣтственной, принадлежали сочиненія, бравшія сюжеты изъ отечественной исторіи, вторая часть касалась исторіи всеобщей, преимущественно западной. Если въ отношеніи иноземныхъ государей цензура иногда допускала поблажку (особенно въ послѣдніе годы царствованія Николая), то русскіе вѣнценосцы оберегались ею свято. Почти о каждомъ подобномъ случаѣ дѣлался особый докладъ государю, даже если рѣчь шла о монархѣ допетровской Руси.

Изъ болѣе раннихъ эпохъ, драматурги охотнѣе всего пользовались царствованіемъ Іоанна Грознаго. Обычной темой такихъ сочиненій служили жестокости царя. Любопытная переписка возникла въ главномъ управленіи цензуры по поводу трагедіи Ла-

[1]) Архивъ главнаго упр. по дѣл. печ. Докладъ о трагедіи Сумс „Неронъ Матероубійца“ (съ франц.) 26 окт. 1833 г.

[2]) По поводу трагедіи В. Нарѣжнаго „Дмитрій Самозванецъ“, 9 дек. 1829 года.

[3]) Архивъ гл. упр. по дѣл печ. Докладъ 7 ноября 1839 г.

жечникова „Опричникъ", предполагавшейся сначала къ напечатанію въ „Библіотекѣ для Чтенія" (1842 г.). Усумнился въ пьесѣ прежде всего с.-петербургскій цензурный комитетъ и спросилъ заключеніе главнаго управленія. Собственное мнѣніе комитета было въ пользу трагедіи. Комитетъ находилъ, что „пьеса „Опричникъ" выставляетъ Іоанна IV въ такомъ видѣ, какъ онъ представленъ уже у Карамзина и во всѣхъ историческихъ сочиненіяхъ, какъ, напр., въ „Сказаніяхъ" Курбскаго, 2-мъ изданіемъ напечатанныхъ, нимало не преувеличивая мрачнаго его характера, а, напротивъ, даже смягчая его нѣсколько изъясненіемъ обстоятельствъ, возбудившихъ его страсти". На этомъ основаніи онъ считалъ возможнымъ дозволить напечатать пьесу, „тѣмъ болѣе, что событіе, развиваемое въ драмѣ, принадлежитъ къ временамъ давно прошедшимъ". Главное управленіе запросило мнѣніе академика Бередникова [1]). Отвѣтъ ученаго былъ неблагопріятенъ Лажечникову: „Трагедія „Опричникъ"—писалъ Бередниковъ—представляетъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, согласно съ Карамзинымъ, въ самомъ ужасномъ и презрительномъ видѣ: онъ неистовствуетъ, проливаетъ кровь невинныхъ подданныхъ своихъ безъ зазрѣнія совѣсти, поощряетъ разбои опричниковъ, одобряетъ насиліе женъ и дѣвицъ собственнымъ примѣромъ и въ то же время принимаетъ на себя личину благочестія, молится Богу, воздерживается отъ пищи и во время бражничества ненавистной опричнины, стоя, читаетъ вслухъ слово о Даніилѣ Заточникѣ. Все это можетъ быть на своемъ мѣстѣ въ исторіи, которая, выводя изъ-за мрака могилъ на судъ потомства великихъ и сильныхъ земли, приноситъ дань признательности угнетенной добродѣтели и на возвышенное чело торжествующаго корока кладетъ печать отверженія. Замѣтимъ однако, что исторія изображаетъ событія въ современной ихъ постепенности и, исчисляя злодѣянія изверговъ рода человѣческаго, не забываетъ и добра, которое они сдѣлали случайно или по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ мы съ удовольствіемъ усматриваемъ изъ страницъ ея и такое время, когда возвеличенная Россія благоденствовала подъ скипетромъ Іоанна Грознаго. Трагедія, принужденная, напротивъ, стѣснить дѣйствіе въ самомъ краткомъ промежуткѣ, находится въ необходимости развить характеры выведенныхъ ею на сцену лицъ въ рамѣ немногихъ замѣчательныхъ событій и для того совмѣстить всѣ отличительныя свойства своихъ героевъ въ пространствѣ нѣсколькихъ часовъ или нѣсколькихъ дней. Изъ сего выходитъ, что трагедія производитъ несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе не только на зрителей, но даже и на читателей. Не

---

[1]) Яковъ Ивановичъ (1793—1854), издалъ полное собраніе лѣтописей, сочиненіе Котошихина „О Россіи въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича", Дополненія къ актамъ историческимъ (I—V тт.) и др.

говоря уже о томъ, что самая форма драматическаго сочиненія, болѣе подходящая къ дѣйствительности, какъ бы переноситъ ихъ въ другой міръ, на другое мѣсто и въ другое время, соотвѣтствующія представляемымъ происшествіямъ, и тѣмъ довершаетъ очарованіе. Обращаясь отъ сего общаго разсужденія къ настоящему случаю, я спрашиваю: съ какимъ намѣреніемъ могла бы быть выпущена въ свѣтъ трагедія „Опричникъ"? Не для того ли, чтобы вселить въ читателей омерзѣніе къ жестокости, кровопійству, разврату и лицемѣрству? Конечно, еслибы мѣсто Іоанна Васильевича Грознаго заступилъ хищникъ престола или просто какой-нибудь злодѣй, но здѣсь негодованіе читателей возбуждается противъ законнаго царя русскаго, котораго санъ, въ качествѣ помазанника Божія, мы привыкли почитать священнымъ, здѣсь самымъ разительнымъ образомъ высказывается злоупотребленіе монархической власти, здѣсь въ уста царя влагаются рѣчи, способныя ослабить уваженіе, которое мы питаемъ къ высокой особѣ нашихъ вѣнценосцевъ; однимъ словомъ, все, что здѣсь заключается, подрываетъ безотчетное чувство благоговѣнія къ монархамъ, которымъ мы исполняемся съ самаго дѣтства. Съ другой стороны, нельзя не принять въ уваженіе, что царствованіе Іоанна Грознаго описано Карамзинымъ односторонне, по источникамъ, враждебнымъ памяти сего государя; что это любопытное и во многихъ отношеніяхъ загадочное царствованіе ожидаетъ еще историка безпристрастнаго. Открытые послѣ Карамзина историческіе документы и тѣ, которые еще вновь откроются, не оправдаютъ, конечно, жестокости Іоанновой, но, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе объяснятъ причины ея, избавятъ его отъ многихъ нареканій, не подтвержденныхъ исторической критикой, и смягчатъ строгій приговоръ „Исторіи Государства Россійскаго". При такомъ положеніи дѣла, я думаю [1]), что трагедія „Опричникъ" не можетъ быть дозволена къ напечатанію". На этомъ докладѣ министръ (Уваровъ) написалъ: „согласенъ" и пьесу запретили [2]). Понятно, что послѣ такого рѣшенія не могло быть рѣчи о пропускѣ трагедіи на сцену. Той же темѣ, т. е. жестокости Іоанна, была посвящена пьеса Chr. Oeser „Der Bär", запрещенная по докладу 17 марта 1833 г.

Въ другой разъ царю Іоанну Грозному едва не пришлось участвовать въ... балетѣ. Случилось это по винѣ III отдѣленія и, отчасти, по недосмотру дирекціи императорскихъ театровъ. Вотъ какъ объяснялъ „казусъ" директоръ императорскихъ театровъ кн. Гагаринъ въ письмѣ къ министру двора кн. Волконскому 26 окт. 1832 г.: „По отправленіи докладной моей записки отъ 25 окт.

---

[1]) Въ подлинникѣ подчеркнуто и сбоку поставленъ знакъ вопроса.

[2]) Архивъ М-ва Нар. Просв. д. № 148655/58. 1842 г. Упом. въ Рус. Стар. 1903 г., іюнь, 652.

за № 685 касательно „Двумужницы“ [1]), я получилъ предписаніе вашей свѣтлости на счетъ балета „Сумбека“ [2]) съ изображеніемъ высочайшаго Его Величества повелѣнія, что „Государь Императоръ не соизволяетъ на представленіе сего балета въ томъ видѣ, какъ показано въ программѣ, находя несообразнымъ разныя волшебства 3 акта съ 4 актомъ, гдѣ выведенъ на сцену россійскій царь, для чего и повелѣваетъ передѣлать оный, перенеся сцену въ другое государство, а впредь поставить въ обязанность дирекціи подробнѣе входить въ разсмотрѣніе пьесъ и балетовъ, которые ей предлагаются, дабы не дѣлать расходовъ понапрасно на обстановку ихъ“. Во исполненіе сей высочайшей воли я тотчасъ же приказалъ снять „Сумбеку“ съ афиши и перемѣнилъ репертуаръ (ибо представленіе оной назначено было на пятницу 28 окт.),—о перемѣнахъ же, кои возможно сдѣлать въ программѣ балета, я просилъ графа П. И. Кутайсова, сообразя оныя, представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе вашей свѣтлости, съ моей же стороны полагалъ бы два средства къ исправленію неудобства, кои и предложилъ вчерашняго числа г. автору, именно: 1) или вовсе не выводить на сцену царя Іоанна Васильевича, а въ минуту взрыва и вторженія русскихъ въ Казань чтобы вошли князья Воротынскій и Курбскій, кои, взявъ въ плѣнъ Сумбеку, ведутъ ее къ царю, или 2) волшебства 3-го акта, взятыя авторомъ изъ поэмы Хераскова „Россіада“, передѣлать въ сонъ, видимый Сумбекой наканунѣ паденія Казани,—и тогда во снѣ могутъ ей являться всѣ привидѣнія и чары. Но сія послѣдняя перемѣна очень бы ослабила сюжетъ балета и занимательность онаго. О чемъ ваша свѣтлость усмотрѣть изволите изъ донесенія автора“ [3]) .Затѣмъ Гагаринъ пытался оправдаться въ приписываемой ему Волконскимъ оплошности. „Что же касается до возлагаемой на меня отвѣтственности — тщательнаго разсмотрѣнія пьесъ и балетовъ, то касательно „Сумбеки“ честь имѣю донести слѣдующее: балетъ сей принятъ былъ дирекціею въ 1828 г., во время управленія онаго Комитетомъ по журналу онаго отъ 30 ноября 1828 г.; программа балета составлена была тогда же и одобрена цензурою въ октябрѣ 1829 г., сдѣланы были примѣрныя смѣты на расходы; самая программа представлена была на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости и вами одобрена, съ отмѣткою, чтобы въ пожарѣ 3-го акта имѣть строжайшій надзоръ за огнемъ и безопасностью зданія, словомъ, все было приведено въ надлежащій порядокъ, но какъ Комитетъ не имѣлъ тогда денежныхъ средствъ къ постановкѣ сего балета,

---

[1]) Оригин. драма кн. А. Шаховского. Въ этой пьесѣ Николай Павловичъ усмотрѣлъ неприличныя мѣста и драма была исправлена. (Архивъ М. В. Д. оп. 7/9021, д. № 128).

[2]) Соч. Блаша. Балетъ не понравился публикѣ (Хроника Вольфа, т. I, 32).

[3]) Донесенія въ дѣлѣ нѣтъ.

то, полагая сюжетъ онаго сценическимъ и національнымъ, изображающимъ одну изъ славнѣйшихъ эпохъ древней нашей исторіи и взятымъ изъ извѣстной поэмы Хераскова, гдѣ всѣ волшебства 3-го акта описаны поэтомъ, я и рѣшился на монтировку онаго, съ значительными издержками, для Александринскаго театра. И такимъ образомъ полагалъ себя внѣ отвѣтственности за содержаніе балета. Но буде теперь оная впредь возложится на меня, то я смѣю всепокорнѣйше повторить убѣдительнѣйшую мою просьбу вашей свѣтлости о исходатайствованіи мнѣ подробнѣйшихъ инструкцій, коими снабжена цензура, дабы оными руководствоваться въ разсматриваніи пьесъ и балетовъ, поступающихъ на сцену" [1]). Авторитетный, а мѣстами рѣзкій тонъ „отповѣди" директора не понравился министру. Онъ не замедлилъ отвѣтить Гагарину (28 окт. № 3750): „Удивляясь таковой вашей просьбѣ, не почитая себя вправѣ снабжать васъ подобными инструкціями, проистекающими единственно отъ высочайшей власти и поставленными въ обязанность особаго правительственнаго мѣста, я однакожъ полагаю, что главное, каждому извѣстное правило — отвергать все, противное религіи, правительству, нравственности или оскорбляющее личность, могло бы и для васъ, предварительно цензуры, служить достаточнымъ руководствомъ при разсмотрѣніи пьесъ, принимаемыхъ на театръ, и самыхъ проектовъ афишъ. Таковая осмотрительность съ вашей стороны, какъ хозяина ввѣренной вамъ части, тѣмъ болѣе была бы необходима, что пренебреженіе оной можетъ вовлекать дирекцію театровъ въ напрасныя издержки. Поелику же и сама цензура не изъята отвѣтственности, то пропускъ оною сомнительной пьесы еще не налагаетъ на васъ обязанность непремѣнно поставить оную на сцену. Вы всегда вправѣ, въ случаѣ недоразумѣнія, обращаться къ разрѣшенію высшаго начальства, но недавній опытъ ясно доказалъ недостатокъ сей осмотрительности, возбудившій неудовольствіе Его Императорскаго Величества. Поставивъ все сіе на видъ вашему сіятельству, я покорно прошу монтируемыя пьесы и самые проекты афишъ разсматривать впредь съ большимъ вниманіемъ, а также донести мнѣ, почему нынѣ не соблюдается правило, изложенное въ постановленіи 1825 г. о приглашеніи извѣстныхъ литераторовъ и первостепенныхъ актеровъ къ предварительному выслушанію новыхъ пьесъ".

Перья заскрипѣли. Маленькій, частный вопросъ превратился въ вопросъ принципіальный, потребовавшій новыхъ справокъ и „разъясненій". Гагаринъ, покорно склонивъ главу передъ начальническимъ внушеніемъ, не пожелалъ уступить ему по части приглашенія литераторовъ и артистовъ. „Честь имѣю донести, рапортовалъ онъ, что правило сіе наблюдаемо было мною доселѣ только въ отноше-

---

[1]) Общ. Арх. М. И. Д. оп. 7/90 г., д. № 128.

ніи первокласныхъ пьесъ, на основаніи самаго штата, гдѣ сказано (стр. 59), что „дирекція, когда по важности сочиненія или содержанія пьесы заблагоразсудитъ, приглашаетъ извѣстныхъ словесниковъ и первостепенныхъ актеровъ къ выслушанію новой пьесы и, согласно дѣйствію, которое она произведетъ надъ слушателями, дѣлаетъ свое заключеніе о принятіи или возвращеніи автору его сочиненія". Но и при рѣдкихъ случаяхъ созыванія литераторовъ къ слушанію пьесъ никто изъ нихъ почти не ѣздилъ, ибо большею частью не находили въ семъ никакого удовольствія, а при томъ всякій почти изъ нихъ, будучи занятъ службою, не могъ терять безполезно времени на вовсе посторонній для него предметъ".

Этотъ отвѣтъ все-таки не удовлетворилъ Волконскаго. Въ письмѣ отъ 2 ноября онъ придрался къ слову „первоклассныя пьесы". Почему въ такомъ случаѣ, спрашивалъ онъ, правило это не соблюдалось по отношенію къ такимъ пьесамъ, какъ „Битва при Тиверіадѣ" [1])? „Поелику трагедія „Битва при Тиверіадѣ" не можетъ назваться пьесою маловажною, ибо основана на священныхъ воспоминаніяхъ вѣры, при томъ же постановка ея требовала значительныхъ издержекъ". Въ заключеніе онъ указывалъ Гагарину на „вечернее время", наиболѣе благопріятное для такихъ собраній, и затѣмъ предлагалъ донести ему, „кто изъ литераторовъ были приглашаемы и для прочтенія какихъ именно пьесъ". Отвѣтъ директора очень любопытенъ. „Честь имѣю донести, писалъ онъ (6 ноября, № 687), что послѣднія литературныя собранія были мною созываемы для трагедіи „Смоляне" соч. кн. Шаховского, комедіи „Свѣтскій бытъ", соч. Свиньина [2]) и трагедіи „Славяне" соч. Глинки [3]), на каковыя чтенія и были приглашены гг. Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Гнѣдичъ, Гречъ, кн. Шаховской, Барковъ и первоклассные актеры: Каратыгинъ, Брянскій, Каратыгина и Валберхова, но изъ гг. литераторовъ пріѣхали только гг. Гречъ, Гнѣдичъ, кн. Шаховской и Барковъ, прочіе же не только не явились, но и не почтили меня никакимъ отзывомъ. Послѣ того созывалъ я таковой же комитетъ для комедіи „Осмѣянная подлость", соч. г. Сумарокова [4]), но ни одинъ изъ упомянутыхъ гг. литераторовъ не явился. Я отправилъ къ нимъ пьесу на домъ, но г. Гнѣдичъ возвратилъ оную, не прочтя и не написавъ даже отвѣта; Гречъ отозвался, что не имѣетъ времени для прочтенія, а одинъ кн. Шаховской сдѣлалъ объ ней полуудовлетворительный отзывъ. Всѣ сіи приглашенія, разумѣется, были мною дѣланы всегда по вечерамъ, но неудачные опыты созыванія остановили меня впредь до важнѣйшаго случая. Нынѣ имѣю я въ виду трагедію „Митридатъ", представленную въ дирекцію, и

[1]) Соч. А. Н. Муравьева. См. по этому извѣстную эпиграмму Пушкина.
[2]) Павелъ Петровичъ, писатель и журналистъ (1788—1839 гг.).
[3]) Сергѣя Николаевича, писателя и дѣятеля 1812 г. (1776—1847 гг.).
[4]) Павла Ивановича, плодовитаго писателя и драматурга.

оставилъ ее до великаго поста, когда, можетъ быть, удастся собрать опять гг. литераторовъ". Въ заключеніе онъ оправдывался относительно „Битвы при Тиверіадѣ", не имѣвшей успѣха. Она ему самому казалась достойной вниманія, принадлежа перу писателя, „уже извѣстнаго отличнымъ описаніемъ путешествія своего ко Святымъ мѣстамъ" [1]), и если не имѣла успѣха, то, во всякомъ случаѣ, не во вредъ дирекціи: въ четыре представленія сдѣлано сбора 15.112 р., а постановка стоила 9.336 р." Кромѣ того, для будущихъ балетовъ осталась полная монтировка пьесы „изъ рыцарскихъ временъ" [2]). Этимъ дѣло и кончилось, а балетъ „Сумбека" былъ поставленъ еще въ 1832 г.

Изъ монарховъ древней Руси вниманіе драматурговъ обращалось еще на Бориса Годунова и на Самозванца. Въ 1848 г. была запрещена драма въ 5 д. В. Зотова подъ названіемъ „Густавъ и Эмми", описывавшая пребываніе въ Россіи изгнаннаго принца шведскаго Густава [3]). Точно также была запрещена и трагедія А. Хомякова „Дмитрій Самозванецъ", не смотря даже на явно сочувственный къ пьесѣ отзывъ цензора Ольдекопа. „Сочинитель сей трагедіи, — писалъ цензоръ — извѣстный авторъ драматической пьесы „Ермакъ" [4]), доказалъ снова отличныя дарованія въ своемъ новомъ сочиненіи. Между тѣмъ, какъ новые романтики ужасаютъ насъ уродливымъ воображеніемъ своимъ, Хомяковъ благородствомъ прельщаетъ насъ, и пьеса сія принадлежитъ къ отличнѣйшимъ произведеніямъ россійской словесности". Для большей убѣдительности Ольдекопъ прибѣгъ даже къ особой уловкѣ: „Почитаю долгомъ присовокупить къ сему, что авторъ уступаетъ пьесу свою бѣдному другу (?), а дирекція Императорскаго московскаго театра, при первомъ представленіи сей пьесы, обѣщаетъ выдать 4.000 рублей" [5]). Но хитрости не помогли и пьесу не разрѣшили.

Принципіальный характеръ носило запрещеніе трагедіи д-ра Раупаха „Alanghi" изъ временъ татарскаго ига. Цензоръ, разсматривая пьесу, находилъ неумѣстнымъ выводить на сцену „униженіе" русскаго великаго князя [6]). Такое же значеніе имѣла переписка по поводу драмы „Дочь Іоанна III", сочиненія барона Розена, либреттиста глинковской „Жизнь за Царя". Объ этой пьесѣ писалъ подробное письмо кн. Волконскому директоръ театровъ Гедеоновъ: „Полагаю, что вы не забыли, князь, что я говорилъ вамъ по поводу моего разговора съ Его

---

1) СПБ., 1832 г., 8 изданій.

2) Общ. арх. М. Им. Д., оп. 7/902, д. № 128.

3) Сынъ Эрика XIV и Катерины Монсдоттеръ. Б. Годуновъ пытался за него выдать свою дочь Ксенію. Умеръ въ Кашинѣ въ 1607 г.

4) Поставлена въ 1-й разъ въ 1827 г.

5) Арх. гл. упр. по д. п., доклады 1834 г.

6) Тамъ же, доклады 1832 г.

Величествомъ Государемъ Императоромъ, приказавшимъ гр. Бенкендорфу держаться мнѣнія Уварова о драмѣ Розена „Дочь Іоанна III". Я не знаю, вошелъ ли графъ въ сношеніе съ г. Уваровымъ, но на другой же день послѣ того, что Государь удостоилъ меня бесѣдой по данному случаю, пьеса мнѣ была возвращена изъ цензуры съ разрѣшеніемъ ее играть. Какъ я имѣлъ честь своевременно вамъ докладывать, я собственноручно писалъ г. Уварову, который въ эту пору отсутствовалъ и мнѣ отвѣтилъ изъ Москвы въ выраженіяхъ довольно неопредѣленныхъ, вслѣдствіе чего я не рѣшился давать ходу пьесѣ, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, онъ намѣревался возбудить передъ Его Величествомъ вопросъ о допустимости на сцену особъ, царствовавшихъ въ Россіи. Вчера г. Уваровъ говорилъ со мной о пьесѣ и замѣтилъ, что я напрасно не поставилъ ея, что онъ никогда не былъ противъ нея, не находя въ пьесѣ ничего неприличнаго; что касается возможности допускать или не допускать на сцену нашихъ древнихъ государей, то по этому поводу онъ докладывалъ свое мнѣніе Его Величеству въ томъ смыслѣ, что допускать ихъ возможно, вплоть до появленія царствующаго дома Романовыхъ. Такъ какъ пьеса должна будетъ идти черезъ мѣсяцъ, въ бенефисъ Брянскаго, то послѣ означеннаго разговора я приказалъ списать роли, но считаю долгомъ просить васъ, князь, поставить меня въ извѣстность, согласуется ли мнѣніе Уварова съ мнѣніемъ Его Величества, затѣмъ, чтобы въ противномъ случаѣ бенефиціантъ могъ сообразоваться съ обстоятельствами". На этомъ письмѣ министръ Двора положилъ резолюцію: „Объявить Гедеонову, что Его Величество позволяетъ играть драму Розена „Дочь Іоанна III" и впредь принимать драмы и трагедіи, но не оперы, въ коихъ выводили на сцену россійскихъ царей до царствія Романовыхъ, исключая также святыхъ, какъ-то Александръ Невскій" [1]).

Изъ русскихъ государей царствующей династіи драматурги увлекались, конечно, болѣе всего мощной фигурой Петра Великаго [2]). Правда, только М. Погодинъ рискнулъ вывести его на сцену (см. дальше исторію съ его пьесой), но одна уже характеристика эпохи представляла по тому времени большую смѣлость. Въ 1844 г. цензура разсматривала драматическія сцены неизвѣстнаго автора, подъ названіемъ „Шкиперъ". Цензоръ Гедеоновъ былъ неблагопріятнаго мнѣнія о пьесѣ. „Въ этихъ сценахъ нѣтъ никакой связи и никакого содержанія,—докладывалъ онъ.—Все состоитъ въ томъ, что Петра Великаго хвалятъ сперва два плотника, потомъ шкиперъ, потомъ шкиперъ и плотникъ, потомъ два купца,

---

[1]) Общ. арх. М. Имп. Д. Оп. 12/907 д. № 47, 1837 г.

[2]) Родоначальникъ дома Романовыхъ. Михаилъ Федоровичъ встрѣчается въ пьесѣ „Der jurodiwy von Walgowitzy", представленной въ цензуру 17 сент. 1834 г. Пьесу, конечно, запретили.

потомъ жена истопника, потомъ юродивый и, наконецъ, фонъ Госкъ, капитанъ голландскаго корабля. Въ заключеніе всѣхъ этихъ похвалъ капитанъ спрашиваетъ: „Гдѣ же русскій царь, гдѣ Петръ Великій“.

Шкиперъ. (Указывая за кулисы).
Вотъ онъ...
(Капитанъ съ почтеніемъ отступаетъ, занавѣсъ падаетъ).

„Достоинъ вниманія разсказъ жены истопника о томъ, какъ Петръ Великій, чтобы наказать ее за драку съ мужемъ, вырвалъ у ней собственноручно здоровый зубъ. Замѣчательно также лицо юродиваго. Это мальчикъ, сошедшій съ ума отъ радости, что Петръ Великій поцѣловалъ его въ лобъ. Въ состояніи юродиваго онъ предсказываетъ величіе Россіи“. Можно было думать, что пьесу запретятъ. Но начальство разсудило иначе, положивъ резолюцію: „Позволяется, кромѣ зуба“ [1]). Также сочувственно отнеслась цензура и къ одноактной комедіи-анекдоту А. Висковатова „Царская трость или деревянный ходатай“, представленной въ 1847 г. Сюжетъ пьесы вертится около помѣщика, преслѣдуемаго подъячими. Для устрашенія ихъ онъ вытаскиваетъ историческую дубинку, подаренную ему Петромъ Великимъ. Дубинка производитъ надлежащій эфектъ, преслѣдованія прекращаются. На докладѣ резолюція Дубельта: „Позволяется весьма“ [2]).

Менѣе посчастливилось драмѣ Н. Кукольника „Генералъ-поручикъ Паткуль“ и „Петру I“ М. Погодина, хотя собственно цензура отнеслась къ обоимъ этимъ произведеніямъ довольно мягко. Судьба обоихъ произведеній до смѣшного одинакова. Пьесу Кукольника цензоръ Гедеоновъ пытался спасти даже послѣ того, какъ она была уже однажды запрещена государемъ. Въ своемъ докладѣ по поводу „Паткуля“ Гедеоновъ старался доказать, что суть произведенія вполнѣ легальная. что это перифразъ „Жизни за Царя“. „Генералъ Паткуль, писалъ цензоръ, при Саксонскомъ дворѣ приноситъ жизнь свою въ жертву пользамъ и величію русскаго монарха“. По мнѣнію Гедеонова, „по общимъ правиламъ цензуры“ „пьеса не подлежитъ запрещенію“, хотя цензоръ не скрывалъ, что король саксонскій Августъ изображенъ Кукольникомъ „слабымъ и нерѣшительнымъ въ дѣлахъ“, а Карлъ XII—„гордымъ и кичливымъ, рѣзкимъ въ словахъ“. Впрочемъ, царское достоинство „не унижено ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ“. И цензоръ изъ всѣхъ силъ старался защитить интересы театра и самого автора. „Еслибы Его Императорскому Величеству благоугодно было разрѣшить драму „Паткуль“ съ измѣненіемъ или исключеніемъ отмѣченныхъ стиховъ, осмѣливаюсь думать, что представленіе ея произвело бы

[1]) Арх. глав. упр. по д. п. Доклады 1844 г.
[2]) Тамже, доклады 1847 г. 1 апрѣля.

въ зрителяхъ одно благородное, патріотическое впечатлѣніе, доставило бы театру значительную выгоду и сочинителю вознагражденіе за долгій литературный трудъ, составляющій единственный способъ его существованія". Быть можетъ, раздѣлялъ такіе взгляды и Бенкендорфъ, но Николай Павловичъ былъ неумолимъ. По докладѣ ему этого дѣла 13 мая, Бенкендорфъ написалъ сверху карандашемъ: „Не позволяетъ" [1]). По тѣмъ же, очевидно, причинамъ была запрещена 10 іюня пьеса Коцебу „Patkul", спеціально для рижскаго театра [2]). Также суровъ былъ приговоръ Николая и относительно трагедіи Погодина. Авторъ, повидимому, не мечталъ увидѣть свое произведеніе на сценѣ, толкуя его исключительно, какъ историко-литературное изслѣдованіе, достойное печати. Въ такомъ духѣ разсматривало его и главное управленіе цензуры, куда рукопись Погодина была направлена изъ спб. комитета... „Предметъ сей трагедіи есть открытіе замысловъ нѣкоторыхъ бояръ, хотящихъ возвести на престолъ царевича Алексѣя Петровича. Императоръ Петръ представленъ истинно великимъ монархомъ, который, ревнуя къ пользѣ и славѣ государства, стремится искоренить всѣ предразсудки, заграждающіе Россіи путь къ благоденствію и просвѣщенію, который предаетъ царевича на судъ и казнь не по влеченію какой-нибудь страсти но по убѣжденію, что сія жертва необходима для блага Россіи и для успѣха въ великомъ дѣлѣ ея преобразованія. Напротивъ того, заговорщики изображены самолюбивыми преступниками, которые въ замышляемомъ переворотѣ ищутъ только собственныхъ выгодъ. Такимъ образомъ „Петръ Первый", по духу, въ которомъ она написана, имѣетъ цѣль истинно благонамѣренную, показывая, что и самыя лучшія учрежденія, клонящіяся къ общей пользѣ, всегда находятъ противниковъ въ людяхъ, управляемыхъ личными видами, или слабоумныхъ, зараженныхъ предразсудками. Но сіе драматическое произведеніе, заслуживающее одобренія цензуры, представляетъ то затрудненіе, что въ немъ изображается событіе, важное въ государственномъ отношеніи и еще близкое къ нашему времени; событіе, совершившееся по повелѣнію государя, живого въ памяти народа и передъ коимъ мы должны благоговѣть. Причемъ сочинителемъ наброшена нѣкоторая тѣнь на характеръ Императрицы Екатерины I, представляемой безмолвной свидѣтельницей усилій князя Меньшикова склонить Петра Великаго къ осужденію царевича [3]). Наконецъ, кн. Долгорукову, согласно съ исторіею, данъ характеръ правдивый

---

[1]) Арх. глав. упр. по дѣл. печ. Доклады 1842 г.

[2]) Арх. глав. упр. по дѣл. печ. Доклады 1842 г.

[3]) Въ докладѣ смягчено выраженіе попечителя, подписывавшаго бумагу спб. ценз. комитета. „Она (Екатерина) вмѣстѣ съ Меньшиковымъ стараются убѣдить Петра къ осужденію царевича, въ томъ намѣреніи, чтобы, по смерти государя, доставить дѣтямъ своимъ наслѣдіе царства русскаго".

и смѣлый, но отвѣты его императору Петру могутъ показаться слишкомъ рѣзкими для подданнаго. Главное управленіе цензуры, хотя и не находитъ въ рукописи „Петръ Первый“ ничего явно противнаго правиламъ цензуры, однако, по вышеуказаннымъ причинамъ, считаетъ себя не вправѣ само собой дозволить напечатаніе сей трагедіи. Вслѣдствіе сего имѣю счастіе представить объ оной на Высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшее испрашивая Высочайшаго разрѣшенія“. Подписано: князь Карлъ Ливенъ [1]). Въ такомъ видѣ былъ составленъ всеподданнѣйшій докладъ. Интересна резолюція государя: „Лицо Императора Петра Великаго должно быть для каждаго русскаго предметомъ благоговѣнія и любви, выводить оное на сцену было бы почти нарушеніе святыни; и по всему совершенно неприлично. Не дозволить печатать. Манускриптъ возвращу въ непродолжительномъ времени“ [2]).

Изъ преемниковъ Петра Великаго цензурѣ ни о комъ больше не пришлось заботиться, исключая Петра II. Этому несчастному Государю посвящены были драматическія сцены, подъ заглавіемъ „Княжна Наталія Борисовна Долгорукая“, заимствованныя изъ повѣсти Ив. Козлова [3]). Пьесу, разумѣется, запретили.

Чтобы покончить съ попытками драматурговъ изобразить на сценѣ русскихъ монарховъ, мнѣ остается разсмотрѣть небольшую группу пьесъ, посвященныхъ самому Николаю. Эти пьесы возникали обыкновенно по какому-нибудь поводу: по случаю ли юбилея бракосочетанія императора, двадцатипятилѣтія царствованія, побѣды надъ врагами и пр. „Плоды отечественной музы“, фабриковавшіеся по такимъ поводамъ, были обыкновенно пошлы и бездарны. Достаточно назвать представленную 12 іюня 1843 г. юбилейную пьесу „Festspiel“, сочиненіе актера спб. нѣмецкаго театра Миллера [4]). Вотъ ея содержаніе, по докладу цензора: „На сцену выведены Ангелы и Архангелы. Въ похвалу Государю Императору сказано, что онъ нѣмецъ душою и сердцемъ. Бракъ Ихъ Императорскихъ Величествъ описанъ въ видѣ особенной милости и снисхожденія со стороны Ея Величества. Въ заключеніе спектакля на сцену выведены Звѣзды, носящія имена всѣхъ членовъ царской фамиліи. Пьеса написана, безъ сомнѣнія, съ добрымъ намѣреніемъ, но неумѣніе и совершенная бездарность сочинителя сдѣлали ее неприличной“. Не блистала дарованіемъ и другая нѣмецкая пьеса „Der ehrliche Peter“, посланная въ III отдѣленіе эстляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ для представленія въ ревельскомъ театрѣ. Сюжетъ ея былъ основанъ на событіи, случив-

1) Въ ту пору министръ нар. просвѣщенія.

2) Арх. Мин. Нар. Просв. д. № 147088/427 1831—1832 гг. Вкратцѣ объ этомъ упоминается въ „Рус. Ст.“ 1903 г., февраль, 315.

3) Арх. Глав. Упр. по дѣл. печ. Доклады 1852 г.

4) Арх. Глав. Упр. по дѣл. печ. Доклады 1843 г.

шемся 16 янв. 1827 г. въ Петербургѣ. Извозчикъ, нашедшій въ своихъ саняхъ большой серебряный вызолоченный бокалъ, представилъ его въ полицію и за честность свою получилъ отъ щедротъ монаршихъ 200 р. въ награду. „Сія пьеса,—докладывалъ цензоръ— вѣрный отголосокъ любви подданныхъ къ Августѣйшему Монарху, не содержитъ въ себѣ иного, кромѣ слѣдующихъ и подобныхъ онымъ выраженій вѣрноподданническихъ чувствованій: „Gott und der Kaiser sind der Wahrheit Freunde und der Lüge Feinde".—„Leibt nicht ein Richter oben, der ewig mit gerechter Wose Wägt und sich auf Er" и т. д. Произведеніе это вызвало такую резолюцію (по-французски) „Зачеркнуть все то, что относится непосредственно къ императору Николаю" [1]). Въ 1829 г., по окончаніи турецкой войны и заключеніи адріанопольскаго мира, дирекція имп. спб. театровъ представила стихи, „назначенные къ пѣнію на здѣшнихъ театрахъ". Вотъ они:

Ура! во славу Николая
Востокъ и Западъ прозвучалъ,
Златой вѣкъ въ мірѣ водворяя,
Онъ миръ Стамбулу даровалъ.
* * *
Ура! солдатамъ и вождямъ,
Покорнымъ Богу и царямъ.
* * *
Ура! Ура! любитель мира,
Монархъ, Отецъ нашъ Николай.
Симъ миромъ красится порфира,
Съ тобою жизнь въ Россіи рай.
* * *
Ура солдатамъ! и проч.

Эти стихи тоже не понравились. Приказано было: „не позволять, ибо противно принятымъ правиламъ" [2]).

Наряду съ отечественными монархами цензура охраняла и иноземныхъ. Подозрительное ко всякимъ проявленіямъ критической мысли, Николаевское правительство усматривало опасность даже въ Шекспирѣ. Такъ, въ 1845 г. былъ запрещенъ его „Юлій Цезарь", нѣсколько позже, въ 1853 г., „Цимбелинъ" („характеръ королевы и ея сына очерчены слишкомъ мрачными красками"). Равнымъ образомъ сочтено было неумѣстнымъ изображеніе жестокости Калигулы въ трагедіи Гальма „Равеннскій боецъ" [3]) и признанъ „опаснымъ" герой оперетки король франковъ Шильперикъ, представленный авторами драмы „La servante du roi" жестокимъ тираномъ [4]).

---

[1]) Арх. Глав. Упр. по дѣл. печ. Доклады 1829 г.

[2]) Арх. Глав. Упр. по дѣл. печ. Доклады 1829 г. На этомъ же основаніи вычеркнули здравицу за государя въ пьесѣ Пономарева „Праздникъ на Дунаѣ" (24 апр. 1854 г.) Тамже.

[3]) Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ. Доклады 1855 г.

[4]) Тамже. Доклады 1854 г.

Въ 1836 г. была запрещена пьеса, принадлежавшая перу трехъ авторовъ, гг. Melesville, Merle et Boiriée. Называлась она „Van Beth ou le Bourgomestre dans l'embarras". Мотивомъ запрещенія явилось пристрастное изображеніе императора Іосифа II австрійскаго и англійскаго посланника; послѣдній представленъ гордымъ и глупымъ [1]. Неуваженіе къ двору нѣмецкаго владѣтельнаго герцога послужило поводомъ запретить пьесу G. Freitag, „Valentine" [2]. Много запрещеній касалось жизни англійскихъ королей. Запретили: пьесу „Карлъ II" (рискованныя замѣчанія Кромвеля по адресу самодержавія [3]), пьесу Г. Г. Дюмандаръ и Маліонъ „Tu-tief-le-Pendu" (любовныя авантюры Карла II), пьесу К. Делавиня „La popularité" (ужасы въ королевскомъ родѣ Стюартъ), пьесу Скриба и Баяра „Sir Hugnes le Guilpart" (интимная жизнь Георга I), наконецъ, историческую трилогію „Три Екатерины", взятую изъ жизни Генриха VIII. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ вызывали у цензора разсужденія на политическія темы. Такъ, по поводу пьесы Делавиня, Ольдекопъ пускается въ разборъ слова liberté, часто встрѣчающагося въ пьесѣ, „Это слово, въ настоящемъ его значеніи, всегда было и будетъ плохо понято,—замѣчаетъ онъ—ибо среди насъ, людей земли, число лицъ съ здравымъ смысломъ не преобладаетъ". Между прочимъ, пьесу Делавиня запретили еще и потому, что она трактуетъ о „свободѣ печати и любви къ гражданскому праву" [4]. Тотъ же Ольдекопъ, докладывая о трилогіи „Три Екатерины", обрушивался на современный ему романтизмъ. По его мнѣнію, романтизмъ „старается принизить царскую власть",—идея, съ точки зрѣнія цензора, „адская". Любопытно, что это замѣчаніе произвело впечатлѣніе на Бенкендорфа. Онъ написалъ сверху: „Нельзя позволить", а затѣмъ поинтересовался узнать: „Кто сочинитель?" [6])

Изъ пьесъ съ экзотическимъ сюжетомъ подверглась остракизму комедія M. Bayard „Le capitaine Gharlotte", изображавшая тайное вѣнчаніе королевы съ французскимъ прапорщикомъ. Пьеса возмутила цензора отсутствіемъ правдоподобія и приличія [7]. На томъ же основаніи, впрочемъ, запрещали неоднократно „Ruy Blase" Гюго. Въ пьесѣ „Герцогиня и дурочка", заимствованной изъ повѣсти Альфонса Ройе цензоръ даже усмотрѣлъ принципіальный вопросъ: „Можно ли выводить на сценѣ владѣтельную герцогиню въ тайныхъ свиданіяхъ съ простымъ дворяниномъ. Прилично ли герцо-

---

1) Архивъ Главн. Упр. по д. п. Доклады 1836 г.
2) Тамже, доклады 1848 г.
3) Тамже, доклады 1829 г.
4) Тамже, доклады 1835 г.
5) Тамже, 1833 г.
6) Тамже, доклады 1839 г.
7) Архивъ главнаго упр. по дѣл. п., доклады 1[illegible]3 г.
8) Тамже, доклады 1841 и 1855 г.г.

гинѣ, дочери Карла Смѣлаго, увлекаться любовью къ человѣку, котораго она вовсе не знаетъ, и т. д." [1]).

Иногда представленіе подобныхъ пьесъ зависѣло отъ состоянія политическаго барометра. Такъ случилось съ пьесой А. Дюма „Henri III et sa cour". Пьеса преблагополучно шла на Императорской сценѣ, когда въ 1830 г., вслѣдствіе перемѣны политическихъ обстоятельствъ, ее, по высочайшему повелѣнію, сняли. Этотъ запретъ лежалъ на пьесѣ еще въ 1832 г. [2]). Другой разъ пьесу запретили главнымъ образомъ потому, что боялись, что въ изображеніи артистовъ наиболѣе предосудительныя мѣста станутъ еще рѣзче. По крайней мѣрѣ, такой выводъ можно сдѣлать изъ доклада Ольдекопа о пьесѣ гг. Benjamin et Lagrange „Mademoiselle de Lavelliere et Madame de Montespan". „Что сказать объ этой драмѣ?—спрашивалъ цензоръ.—Новая артистка M-lle Irma хочетъ блеснуть въ этой пьесѣ и, судя по ея выбору, намѣрена идти по стопамъ M-lle Mailhot, которая неоднократно была неприлична на сценѣ, благодаря чему многія пьесы, по существу совершенно невинныя, въ исполненіи M-lle Mailhot становились неприличны и снимались съ репертуара. Примѣръ одна пьеса, названіе которой я забылъ и въ которой M-lle Mailhot раздѣвалась до такой степени, что всѣ были скандализованы" [3]). Но такіе случаи были исключеніемъ. Большинство же цензурныхъ приговоровъ вызывалось отступленіями авторовъ отъ заранѣе установленныхъ нормъ. Въ 1836 г. запретили драму гг. Maillan et Legoyot „La dame de Laval" за неуважительное отношеніе къ личности Франциска I [4]); подобное же отношеніе къ Людовику XV, вызвало запрещеніе трехактнаго фарса „Die gräfin Dubarry", „Marion de Lorme" и драмы съ франц. Th. Dunkel „Der Thurm von Nesle" [5]). Водевиль M. Bayard „La reine de seize ans", въ которомъ выводилась шведская королева Христина, былъ запрещенъ на томъ основаніи, что королева является героиней даже не комедіи, а водевиля [6]). По поводу передѣлки П. Ободовскимъ драмы въ 3 д. (съ нѣм.) „Христина, королева шведская", Гедеоновъ возбуждалъ вопросъ, „можно ли дозволить на сценѣ подробную церемонію отреченія отъ царства, чтеніе манифеста, слаганіе короны, скипетра и пр." Бенкендорфъ отвѣтилъ: „нѣтъ" и Ободовскому предложили передѣлать указанныя цензурой мѣста [7]). Невозможными въ глазахъ цензуры считались и такія пьесы, какъ пьеса Bech Pfeifer „Hinko, des Stadtschuldhei-

---

[1]) Тамже, доклады 1843 г.
[2]) Тамже, докладъ 1830 г
[3]) Архивъ главн. упр. по дѣл. печ. Доклады 1835.
[4]) Тамже, д. 1863 г.
[5]) Тамже, д. 1833 г.
[6]) Тамже, д. 1832 г.
[7]) Тамже

seinsohn von Nürnberg", гдѣ королевскій сынъ оказывается въ услугахъ у палача, или фарсъ Е. Грюневальда „Der Herzog von Bordeaux" признанный неудобнымъ потому, что вся соль его заключалась въ ошибочномъ названіи простого виноторговца Герцога изъ Бордо герцогомъ Бордосскимъ. Цензоръ предлагалъ дать ему другую фамилію, напр. „Herzog von Oporto" или „Herzog von Marseille, съ чѣмъ согласились. Другой разъ смутила цензуру пьеса Gozlan „Trois rois, trois dames", гдѣ въ аллегорическомъ видѣ авторъ представилъ три формы правленія: деспотическое, конституціонное и демократическое. Цензоръ предлагалъ исключить наиболѣе щекотливыя выраженія, а также измѣнить заглавіе: „Trois maris, trois femmes", но Дубельтъ на это не согласился и пьесу запретили [1]).

Въ 1835 г. запрещенъ былъ невинный фарсъ гг. Sauvage u de Lurice „Fich-Tong-Khan, ou l'orphelin de la Tartarie". Сюжетъ этой пьесы заключался въ томъ, что китайскій императоръ Какао 67-й воображаетъ, что у него муха подъ носомъ. Къ нему пробирается Фихъ-Тонгъ-Ханъ, принцъ татарскій, подъ видомъ обыкновеннаго жонглера и увѣряетъ императора, что дѣло не въ мухѣ, а въ майскомъ жукѣ, котораго онъ въ концѣ концовъ удаляетъ, съ помощью Гульгули, любимой имъ дѣвушки. Въ этомъ пустячкѣ Ольдекопъ усмотрѣлъ насмѣшку надъ принципомъ самодержавія и предлагалъ замѣнить китайскаго императора—губернаторомъ какой-нибудь китайской провинціи, измѣнивъ также имя князя татарскаго. Однако пьесу предпочли запретить.

Въ ряду другихъ коронованныхъ особъ русская цензура охраняла и Наполеона I. Его имя такъ же, какъ имя Жозефины Богарнэ, неизмѣнно вычеркивалось изъ представленныхъ на разсмотрѣніе пьесъ. Большинство такихъ пьесъ было, конечно, иностраннаго происхожденія. Въ 1831 г. запретили одноактную передѣлку съ французскаго „Наполеонъ въ Берлинѣ"; въ 1836 г. та же участь постигла пьесу гг. Saint Georges u de Leuvin „L'aumonier du regiment", гдѣ одновременно бранили нѣмцевъ и пѣли куплеты въ честь Наполеона. Въ томъ же году тщательной очисткѣ подвергся водевиль „Катерина или золотой крестикъ", воспѣвавшій воинскіе подвиги французскаго императора. Ольдекопъ, разсматривавшій пьесу, вычеркнулъ все, что имѣло какое-либо отношеніе къ Наполеону. Кромѣ словъ „Маренго", „нашъ императоръ", „Луиза", цензоръ исключилъ цѣлыя фразы. Вычеркнута была, напр., фраза: „да, императоръ всегда готовъ драться, онъ думаетъ, что цѣлый свѣтъ радъ тоже сдѣлать". Или: „примѣръ тому самъ великій Наполеонъ".

Наравнѣ съ пьесами, подвергались запрещенію и музыкальныя произведенія или пьески, имѣвшія какое-нибудь отношеніе къ

---

[1]) Архивъ гл. упр. по д. печ., рапортъ 1847 г.

Наполеону. Такъ, 18 апр. 1847 г. запретили кантату Берліоза „Le cinq Mai", прославлявшую Наполеона и проклинавшую его враговъ, а 12 апр. 1854 г. „Солдатскую пѣсню", сочиненную еще въ 1812 г. „Она заключаетъ въ себѣ насмѣшку надъ Наполеономъ, котораго русскіе заставили плясать казачка", докладывалъ цензоръ. Въ 1837 г. запретили двухактный водевиль P. Dupont „La vendéenne", гдѣ увлеченный Жозефиной молодой офицеръ совершаетъ антидисциплинарный поступокъ. Въ другой пьесѣ, а именно „La fille de Figaro" Мелевиля, Жозефина являлась эпизодическимъ лицомъ. Это вызвало вопросъ цензора: можно ли допустить на сцену жену перваго консула Бонапарта? Отвѣтъ Бенкендорфа былъ таковъ: „дозволить пьесу, но съ тѣмъ, чтобы Жозефина была замѣнена другимъ, вымышленнымъ лицомъ" [1]).

II.

Обстоятельства, сопровождавшія воцареніе Николая Павловича, разъ навсегда сдѣлали его ярымъ противникомъ всякихъ общественныхъ выступленій. Николай не могъ равнодушно слышать о какомъ-либо проявленіи общественной самодѣятельности; ему всегда казалось, что за ней скрывается какая-нибудь революціонная идея. Эта подозрительность легко уживалась въ немъ съ природной самонадѣянностью. Послѣдняя соотвѣтствовала и его системѣ управлять людьми. По словамъ его біографовъ, онъ считалъ себя одинаково компетентнымъ разрѣшать сложные государственные вопросы и требовавшіе спеціальной подготовки вопросы искусства. Въ послѣднемъ отношеніи чрезвычайно характеренъ разсказъ О. Бруни, имѣвшаго возможность наблюдать Николая Павловича во время его посѣщеній Эрмитажа: „Государь видѣлъ на своемъ вѣку много картинъ и опредѣлялъ ихъ иногда весьма вѣрно. Но, если разъ онъ опредѣлилъ, что картина такой-то школы, его уже мудрено было переубѣдить.

— Это Фламандецъ.

— Ваше Величество, а мнѣ кажется...

— Нѣтъ, ужь ты, Бруни, не спорь: „Фламандецъ" [2]).

Предвзятость мнѣнія была характернѣйшей особенностью отношенія власти той поры къ печатному станку. Онъ разъ навсегда былъ признанъ опаснымъ для государства. Цензура должна была обезпечить правительству границы вліянія книги на общественные умы. И, на самомъ дѣлѣ, оно было сужено до крайнихъ предѣловъ. Напр., § 190 Устава 1826 г., такъ называемаго „чугуннаго", предусматривалъ, въ качествѣ „вредныхъ те-

---

[1]) Архивъ гл. упр. по д. п., доклады 1840 г.

[2]) О. А. Бруни. СПБ. 1907, стр. 68. Упоминается у бар. Н. Н. Врангеля „Императоръ Николай I и искусство", „Старые Годы" 1913 г.

орій", теорію о первобытномъ звѣрскомъ состояніи человѣка, „будто бы естественномъ", о мнимомъ составленіи гражданскихъ обществъ посредствомъ договоровъ, о происхожденіи законной власти не отъ Бога и т. д. [1]) Уставъ 1828 г., болѣе мягкій, все же не раздвигалъ сколько-нибудь существенно предѣлы литературной дѣятельности. При такихъ условіяхъ драматурги, желавшіе обсуждать какіе-либо соціальные вопросы, были заранѣе обречены на бездѣйствіе. Не только ихъ произведенія никогда бы не увидѣли рампы, но сами авторы могли легко познакомиться съ III отдѣленіемъ.

Въ 1839 г. запретили одноактную комедію „Обѣдъ у Барраса", передѣлку съ французскаго Н. А. Полевого. Содержаніе пьесы сводилось къ попыткамъ артистки Лоретты спасти своего мужа, арестованнаго за то, что онъ публично осуждалъ Директорію. Разсматривавшій комедію Ольдекопъ отзывался о ней чрезвычайно сердито: „При видѣ этой пьесы—докладывалъ онъ—волосы мои стали дыбомъ. Возможно ли, что сочинитель русскій изберетъ пьесу для перевода, гдѣ мы въ заглавіи находимъ имя одного изъ чудовищъ французской революціи, именно Барраса, цареубійцу, подавшаго голосъ свой за умерщвленіе Людовика XVI: къ чему можетъ послужить это, познакомить нашъ добрый русскій народъ съ выраженіями революціонными: равенство и свобода? Вѣрю, очень вѣрю, что все это было сдѣлано неумышленно, но, по крайней мѣрѣ, это непростительная оплошность. Государь и отечество, вотъ священный обѣтъ русскихъ. Да сохранитъ намъ Богъ единодержавіе и удалитъ насъ отъ всѣхъ бредней конституціонныхъ державъ, съ ихъ пустомеліемъ, сплетнями и пр. Очень согласенъ, что пьеса сама по себѣ невинна, но имя Барраса испортило все" [2]). Не меньшую опасность усмотрѣлъ цензоръ въ мелодрамѣ „Die Amerikanerin", запрещенной 20 янв. 1854 г.: „Пьеса эта вполнѣ нравственная и даетъ урокъ приверженцамъ политическихъ замысловъ; но, тѣмъ не менѣе, одушевленный либерализмомъ молодой демагогъ есть на нашей сценѣ явленіе небывалое и потому цензура не рѣшается одобрить этой драмы для представленія. Въ Австріи она была дозволена; тамъ подобный характеръ никого не удивитъ, а неудачи его могутъ служить урокомъ; у насъ же выводить такихъ заблудшихъ овецъ на театрѣ значитъ ознакомить публику со зломъ, о которомъ она близкаго понятія не имѣетъ и которымъ заниматься ей не слѣдуетъ" [3]).

Такимъ образомъ одно появленіе демагога на сценѣ считалось уже предосудительнымъ; если же, отъ чего Боже избави, придетъ кому въ голову помянуть французскаго революціонера, то подоб-

---

[1]) Скабичевскій, „Очерки ист. рус. цензуры", 215.
[2]) Арх. Гл. Упр. по дѣл. печ. Доклады 1839 г.
[3]) Арх. Гл. Упр. по дѣл. печ. Доклады 1854 г.

кое дѣяніе едва-ли не явится государственнымъ преступленіемъ. Понятно, что наличность такихъ взглядовъ исключала возможность пересаживать на русскую сцену образчики заграничныхъ „теорій“. Въ 1845 г. за такую „пересадку“ поплатился авторъ пятиактной пьесы „Маіоратство“ Д. А. Шепелевъ. По словамъ цензора, пьеса навѣяна произведеніями Ж. Занда: „она имѣла въ виду развить новую философію своего изобрѣтенія, очень схожую съ правилами сенъ-симонизма. Вся пьеса не что иное, какъ проповѣдь противъ вѣковыхъ и основныхъ законовъ общества“ [1]. Вслѣдъ за русскимъ драматургомъ пострадалъ нѣмецкій. 22 мая 1854 г. запретили пьесу „Die gemeinde Gutenleuten“ на томъ основаніи, что она написана въ духѣ германскаго соціализма. Разсматривавшій пьесу цензоръ усмотрѣлъ въ ней „свободу, братство и труды, но трудъ по силамъ каждаго“, отсутствіе всякой власти и чиноначалія [2]).

Подозрѣніе внушали и произведенія, проникнутыя мистическимъ оттѣнкомъ или изображавшія какія-нибудь тайныя общества, вродѣ масонскихъ ложъ. Намекъ на послѣднія, какъ, напр., въ одноактномъ водевилѣ Cornard frères „Le trou des lapins“ послужилъ причиной запрещенія пьесы [3]). На томъ же приблизительно основаніи не были пропущены на сцену „La chambre ardante“ Мельвиля и Баяра [4]) и „Der Freimaurer“ Коцебу [5]). Въ пьесѣ Баяра „Frère Golfatre“ масонскія ложи выставлялись въ смѣшномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе цензоръ возбудилъ вопросъ: „Прилично ли нашей публикѣ напоминать объ тайныхъ обществахъ?“ [6]) Въ 1841 г., при разсмотрѣніи драматической поэмы Пушкина „Моцартъ и Сальери“, были вычеркнуты три строфы:

„Всѣ говорятъ нѣтъ правды на землѣ,
Но правды нѣтъ и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ прошлая зима...“ [7])

Въ 1844 г. много разговора вызвала опера ассессора архангельской казенной палаты Аѳанасія Анаевскаго „Майдрагора“. Посылая рукопись въ С.-Петербургъ, авторъ снабдилъ ее объяснительнымъ письмомъ: „При сличеніи этой книги (?) я придерживался болѣе оригинала извѣстной мнѣ исторіи. Но вымышлены сходно поэзіи только нѣкоторыя имена и, если гдѣ нужно исправить, то не прежде, какъ по прочтеніи всей книги, чтобы не изгладить послѣдующей въ ней фигуры. Аріи требуютъ выраженія,

[1]) Тамже. Доклады 1839 г.
[2]) Тамже. Доклады 1854 г.
[3]) Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ. Протоколы 1853 г.
[4]) Тамже. Доклады 1833 г.
[5]) Тамже. Доклады 1834 г.
[6]) Тамже. Доклады 1844 г.
[7]) Тамже. Рапорты 1841 г.

и по причинѣ этой желалъ бы я, чтобы репетиція при мнѣ была сдѣлана, чрезъ что эта книжка можетъ лучше усовершенствоваться, потому что, еслибы дозволено было мнѣ при Дворѣ съ двумя своими дѣтьми, что ни есть пропѣть, то на опытѣ могъ бы я доставить весьма пріятное удовольствіе. Почему покорнѣйше прошу, по одобреніи, препроводить сію рукопись къ напечатанію въ общую с.-петербургскую внутреннюю цензуру". Однако опера, назначенная авторомъ для Двора, не пришлась ко двору цензуры. Цензоръ далъ о ней неблагопріятный отзывъ: „Слово „Майдрагора", выставленное въ заглавіи, писалъ онъ, встрѣчается только одинъ разъ, съ оговоркою, что оно по зырянски означаетъ лѣсной макъ. Добиться въ пьесѣ толку—рѣшительно невозможно". На этомъ основаніи Дубельтъ написалъ „запретить". Постановленіе цензуры было сообщено архангельскому гражданскому губернатору для объявленія Анаевскому. Губернаторъ не ограничился этой формальностью и пожелалъ самъ прочесть пьесу. Вотъ что онъ писалъ о ней въ III отдѣленіе: „При прочетѣ означеннаго сочиненія нашелъ я въономъ нѣкоторыя выраженія противныя нравственности и, сверхъ того, много пошлыхъ остротъ и злословія противу бывшихъ губернаторовъ Филимонова, Муравьева и Степанова, то, перечитавъ таковыя, я вмѣстѣ съ тѣмъ внушилъ сочинителю г. Анаевскому, дабы напредь не осмѣливался дѣлать подобныхъ выходокъ противъ лицъ, кои были облечены въ званіе начальниковъ губерніи, подъ опасеніемъ навлеченія на себя отвѣтствія, опредѣленнаго закономъ на сочинителей пасквильныхъ бумагъ" [1]).

Бывали случаи и посерьезнѣе. Въ 1847 г., напр., запрещая folie-vaudeville „Les mècontents" изображавшую заговоръ противъ Наполеона, цензоръ усмотрѣлъ въ пьесѣ „оскорбленіе величества". „Пьеса доказываетъ, что нѣтъ истинной привязанности къ государямъ, что все основано на личныхъ выгодахъ и разсчетахъ. Мысль безнравственная" [2]). Такую мысль, впрочемъ, находили даже въ шуткахъ. Въ 1841 г. вымарали куплетъ „Точки" въ оригинальномъ водевилѣ „Полюбовная сдѣлка въ чрезполосныхъ владѣніяхъ, или новый Хлестаковъ" [3]). Стихи были такіе:

„Усталъ отъ его приговора;
Бывали дѣла,
Какъ сажа бѣла,
За то я сидѣлъ подъ арестомъ.
Но голенькій—охъ.
За голенькимъ—Богъ.
Прикрытъ, сударь, я манифестомъ" [4]).

---

1) Архивъ III Отд. Соб. Его Величества Канц., д. № 14, 1844 г.
2) Архивъ Гл. Упр. по дѣл печ. Доклады 1847 г.
3) Пьеса въ 1-й разъ шла въ Александринскомъ театрѣ въ 1845 г.
4) Архивъ Главн. Упр. по дѣл. печ. Протоколы 1841 г.

Иногда трудно понять сейчасъ соображенія, по которымъ цензура вычеркивала тѣ или иные сатирическіе куплеты. Напр., въ шуткѣ-водевилѣ „Актеръ" Перепельскаго (Н. А. Некрасова) вымаранъ былъ куплетъ № 7, распѣваемый татариномъ:

«Не понапрасну вѣкъ мы губимъ,
Мы любимъ все, чѣмъ жизнь красна,
Не меньше русскихъ деньги любимъ,
И даже... любимъ пить вина.
Мы любимъ все, что въ жизни благо,
Красивыхъ женъ, честныхъ людей,
Лишь, по писанію Аллаха,
Не любимъ мы однихъ свиней» [1].

Въ томъ же водевилѣ (явл. 12) вымараны слова итальянца „рубль сорокъ за Наполеона" и еще упоминаніе о Тальони.

Нечего и говорить, что изображеніе народныхъ волненій, бунтовъ и проч. неизмѣнно запрещалось цензурой. Особенно строго на этотъ счетъ было въ 1830—1840 гг. Не спасало автора и благонамѣренное стремленіе изображать народное движеніе въ пользу законной власти. Такова была пьеса гр. Сологуба „Мѣстничество" (бунтъ стрѣльцовъ противъ бояръ за царя) [2] или русская быль въ 2 д. Ободовскаго „Боярское слово или ярославская кружевница" [3]. Въ послѣдней пьесѣ, кромѣ ея направленія, любопытно то обстоятельство, что авторъ, заимствовавъ сюжетъ у французовъ (комедія „L'ange au sixième étage") умудрился приспособить къ нему... народный бунтъ въ пользу царя Михаила Өеодоровича.

Цѣлую переписку вызвала передѣлка оперы „Нѣмая изъ Портичи", разрѣшенная затѣмъ подъ именемъ „Фенелла". Директоръ театровъ А. М. Гедеоновъ, страстно желавшій поставить оперу, подробно объяснялъ министру детали „передѣлки":.. „Сюжетъ оной вовсе измѣненъ противу оригинала и самое имя (Мазаніелло, слишкомъ извѣстное въ лѣтописяхъ возмущеній) перемѣнено. Въ новой сей пьесѣ изображена обыкновенная война между двумя народами (испанцами и неаполитанцами), изъ коихъ первые вторглись въ отечество послѣднихъ и побѣжденные неаполитанцы ищутъ возвратить прежнюю свободу своей родинѣ, въ чемъ даже рыбаки участвуютъ. Вооруженіе сіе тѣмъ болѣе ускоряется, что одинъ изъ враговъ-пришельцевъ обольстилъ дочь нѣкоего рыбака, бросилъ ее и, когда она находитъ своего обольстителя въ минуту брака съ другою, то ее увле-

---

[1]) Тамже. Протоколы 1841 г.

[2]) Арх. Гл. Упр. по дѣл. печ. Доклады 1854 г.

[3]) Тамже. Доклады 1840 г. Въ 1849 г. была разрѣшена драма Карпенко „Дмитрій Войнаровскій", эпизодъ изъ Пугачевскаго бунта, при условіи, что будутъ измѣнены имена Войнаровскаго и... Пугачева. Тамже. Доклады 1849 г.

каютъ вооруженною рукою, какъ нарушительницу семейственнаго спокойствія. Рыбаки, защищая невинную, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ нападеніе на враговъ, занявшихъ столицу ихъ отечества. Временная побѣда увѣнчиваетъ патріотическое ихъ усиліе и они спѣшатъ увѣдомить о томъ все войско (которое предполагается въ Калабріи), защищавшее остатки своего отечества; до прибытія же регулярнаго войска начальство надъ вооруженными рыбаками поручается отцу обольщенной, какъ первому виновнику побѣды надъ врагами отечества. Между тѣмъ возникаютъ распри, неустройства и зависть между торжествующею толпою и прежде, чѣмъ успѣваетъ подоспѣть неаполитанское войско, испанцы ихъ побѣждаютъ, пользуясь всеобщимъ страхомъ при сильномъ изверженіи Везувія, чѣмъ и оканчивается пьеса". „Съ моей стороны я бы полагалъ, — добавляетъ Гедеоновъ — что передѣланный такимъ образомъ сюжетъ, а особливо въ безпрерывномъ пѣніи, когда словъ всегда и половины не слышно, не можетъ имѣть какого-либо вреднаго вліянія на нашей сценѣ, тѣмъ болѣе, что настоящій сюжетъ пьесы извѣстенъ весьма малому числу здѣшнихъ жителей, кои могли оную видѣть или заграницею, или въ Варшавѣ, Ригѣ и Одессѣ, гдѣ оную играютъ". Въ качествѣ побудительныхъ мотивовъ для разрѣшенія пьесы директоръ ссылался на извѣстность музыки, а затѣмъ и на возможность такимъ путемъ поднять сборы въ театрѣ. О передѣлкѣ оперы былъ освѣдомленъ государь. Онъ собственноручно сдѣлалъ на пьесѣ отмѣтки карандашемъ (этотъ экземпляръ либретто, къ сожалѣнію, не дошелъ до насъ), а затѣмъ разрѣшилъ пьесу. Впослѣдствіи тотъ же самый сюжетъ послужилъ мотивомъ для балета. Его сочинили въ Москвѣ, при чемъ музыка отчасти была заимствована изъ оперы „Фенелла", а отчасти дополнена нѣкоторыми вставками. Въ такомъ видѣ онъ шелъ въ 1834 г., причемъ по высочайшему повелѣнію имя Мазаніелло было измѣнено на Фіорелло, а названіе Фельдекера замѣнено официантомъ [1]).

Интересно отмѣтить, что много пьесъ изъ революціонной эпохи представляли въ цензуру артисты французскаго театра въ Петербургѣ. Въ концѣ-концовъ это обратило вниманіе цензора Ольдекопа, который указалъ на такое явленіе своему начальству, докладывая о пьесѣ Скриба и Рожемонѣ „Avant, pendant et après" запрещенной 10 апрѣля 1831 г. [2]), но какихъ-либо особыхъ распоряженій отъ начальства по этому поводу не послѣдовало.

Я уже говорилъ о своеобразной политикѣ управленія императора Николая. Эту систему мѣтко охарактеризовалъ покойный Ключевскій, противоположивъ ей политику предшествующаго царствованія: „Александръ смотрѣлъ на Россію сверху, съ своей

---

1) Общ. Арх. М. Имп. Двора, оп. 8/903, д. № 101. 1833 г.
2) Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ. Доклады 1839 г.

философской политической власти, а, какъ мы знаемъ, на извѣстной высотѣ реальныя очертанія или неправильности жизни исчезаютъ. Николай имѣлъ возможность взглянуть на существующее снизу, откуда смотритъ на сложный механизмъ рабочій, не руководствуясь идеями, не строя плановъ. Николай поставилъ себѣ задачей ничего не перемѣнять, не вводить ничего новаго въ основаніяхъ, а только поддерживать существующій порядокъ и все это сдѣлать *безъ всякаго участія общества, даже съ подавленіемъ общественной самодѣятельности, одними правительственными средствами"*. (Лекціи, 381, курсивъ мой). Такая система управленія должна была имѣть, конечно, совершенно исключительныя послѣдствія. Ключевскій приводитъ цифры, наглядно иллюстрирующія работу правительственнаго механизма въ данную эпоху: „Въ началѣ царствованія императоръ пришелъ въ ужасъ, узнавъ, что только по вѣдомству юстиціи во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ имъ произведено 2.800 дѣлъ. Въ 1842 г. министръ юстиціи представилъ Государю отчетъ, въ которомъ значилось, что во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ Имперіи не очищено еще 3.300.000 дѣлъ, которыя изложены по меньшей мѣрѣ на 33 милліонахъ писанныхъ листовъ" (Лекціи, 390). Отъ Николая повелось говорить, что „Россіей правятъ столоначальники". Центромъ огромнаго бюрократическаго аппарата сталъ чиновникъ; онъ казнилъ, миловалъ, поощрялъ и охранялъ, смотря по тому въ какихъ отношеніяхъ становился данный фактъ къ интересамъ государства и его собственнымъ. Но, установивъ подобное первенство чиновника, верховная власть брала на себя обязательство ревниво оберегать его. Этимъ чувствомъ было проникнуто все цензурное вѣдомство, не исключая, конечно, и драматической цензуры. Еще въ „наказѣ" 1828 г. внушалось цензорамъ наблюдать за сочиненіями, кои могли вызвать „предосудительные, клонящіеся къ возбужденію ненависти или негодованія толки о цѣломъ какомъ-либо классѣ народа или чиновниковъ", и запрещать ихъ (§ 42) [1]). Однако надзоръ за подобными сочиненіями, не всегда, повидимому, осуществлялся въ полной мѣрѣ, ибо потребовались циркуляры, дополнявшіе первоначальный законъ. Такъ, циркуляромъ 5 іюня 1847 г. министръ народнаго просвѣщенія (Уваровъ) предлагалъ попечителямъ учебныхъ округовъ обращать особое вниманіе на статьи о чиновникахъ: „Съ нѣкоторыхъ поръ оригинальныя изданія, вродѣ повѣстей и романовъ, наполнены выходками противъ чиновниковъ, представляя этотъ классъ въ самыхъ гнусныхъ и смѣшныхъ видахъ"... „Считая, что такое преслѣдованіе класса людей, болѣе или менѣе полезныхъ и достойныхъ уваженія и къ коему могутъ быть причислены и высшіе сановники въ имперіи, имѣетъ цѣлью убивать въ низшихъ разрядахъ службы духъ благородный и обращать

[1]) Архивъ мин. нар. просв., № 146682—20, 1828 г.

на нихъ или презрѣніе, или негодованіе", министръ предлагалъ цензорамъ „порознь, но особенно наблюдать, чтобы подобныя изображенія не выходили изъ предѣловъ благопристойности и вкуса и были допускаемы тогда только, когда цензура убѣдится въ чистотѣ намѣреній сочинителя и его безпристрастіи" [1]). При такихъ условіяхъ, потребовался огромный талантъ Гоголя, чтобы власть временно капитулировала и отдала своего любимца на потѣху врагамъ. Какъ извѣстно, цензурѣ въ этомъ случаѣ пришлось склониться передъ волею государя [2]). Иначе обстояло дѣло съ послѣдователями и предшественниками „Ревизора".

Одинъ Каратыгинъ сколько доставилъ хлопотъ цензурѣ. Въ 1846 г. онъ представилъ въ III отдѣленіе водевиль подъ названіемъ „Отъѣловъ, придворный арабъ". Цензоръ (Гедеоновъ) усмотрѣлъ въ водевилѣ оскорбленіе придворнаго вѣдомства и представилъ пьесу къ запрещенію. Однако Каратыгинъ не удовольствовался такимъ рѣшеніемъ и пожаловался на него гр. Орлову, въ то время шефу жандармовъ. „Извѣщенный цензурою о запрещеніи своей пьесы „Отъѣловъ, придворный арабъ", назначенной въ мой бенефисъ, я осмѣливаюсь безпокоить ваше сіятельство моею нижайшею просьбою. Цензура затрудняется одобрить къ представленію на сценѣ означенный водевиль, потому что въ немъ дѣйствующія лица взяты изъ придворнаго вѣдомства; но въ 1839 г. игралась моя же пьеса подъ названіемъ „1-е іюля въ Петергофѣ", гдѣ выведено было лицо того же вѣдомства—придворный полотеръ; представленіе удостоилось присутствія Государя Императора и я имѣлъ счастіе получить высочайше дарованный мнѣ подарокъ. Основываясь на семъ, я беру смѣлость надѣяться, что и въ настоящемъ случаѣ, какъ для дирекціи, такъ и для цензуры отвѣтственныхъ послѣдствій быть не можетъ. Вполнѣ убѣжденный въ снисходительности вашего сіятельства, я прибѣгаю къ вашему высокому покровительству и прошу, какъ милости, приказать препроводить мою пьесу на усмотрѣніе къ его свѣтлости г. министру Двора, какъ главному начальнику тѣхъ лицъ, которыя представлены въ оной". На этомъ письмѣ рукою Орлова написано слѣд.: „можно передать кн. Волконскому, ежели согласится, то пусть пьесу пропустятъ". Въ дѣлѣ имѣется указаніе, что пьесу „1-е іюля въ Петергофѣ" цензоръ М. Гедеоновъ вновь перечелъ, но ничего не могъ сказать въ пользу автора, кромѣ того, что обѣ пьесы различны по характеру дѣйствующихъ лицъ. Въ „Отъѣловѣ" выведены трое лицъ придворнаго вѣдомства: придвор-

---

[1]) Тамже, № 149195—68, 1848 г.

[2]) „Ревизоръ" тѣмъ не менѣе былъ запрещенъ въ 1855 г., для рижскаго театра. Основаніемъ тому послужило соображеніе, что сатира на русскую провинціальную администрацію можетъ дурно повліять на нѣмцевъ Прибалтійскаго края. (Архивъ гл. упр. по дѣл. печ. Доклады 1855 г.).

ный арабъ, придворный истопникъ и придворный мундъ-кохъ, тогда какъ въ „1-е іюля“ имѣется лишь одинъ отставной придворный полотеръ, именующій себя постоянно „придворнымъ чиновникомъ“. Прочія же дѣйствующія лица не принадлежатъ ни къ какому вѣдомству“. Впрочемъ, и мнѣніе Волконскаго, на которое разсчитывалъ Каратыгинъ, было для него неблагопріятно. Онъ отвѣтилъ Орлову, что на разрѣшеніе пьесы высочайшаго соизволенія „не послѣдовало“ [1]).

Цѣлая исторія вышла съ каратыгинскимъ водевилемъ „Булочная или петербургскій нѣмецъ“. Нужно сказать, что цензура, разсматривая пьесу, не нашла въ ней ничего предосудительнаго. „Забавная шутка“, выразился о водевилѣ цензоръ Гедеоновъ, а Дубельтъ на докладѣ написалъ одно слово: „Можно“. Первое представленіе пьесы состоялось 28 октября 1843 г. и прошло съ громаднымъ успѣхомъ. Послѣдній прежде всего встревожилъ петербургскую полицію, глава которой, Кокошкинъ, не преминулъ за нее вступиться. Вотъ его письмо къ Дубельту: „Любезный другъ, Леонтій Васильевичъ. Я хотѣлъ заѣхать къ тебѣ сего числа по утру, но маленькій пожаръ въ гвардейскомъ штабѣ мнѣ помѣшалъ. Сдѣлай одолженіе, я убѣдительно прошу тебя изъ вчерашней пьесы „Булочная“ исключить монологъ пасквильный и обидный для пристава Васильевской части [2]). Кажется, и безъ сего насмѣшекъ довольно еще останется для публики, жаждущей новой надъ всѣмъ ругани. Увѣдомь меня, словомъ, что ты думаешь, прилично ли осмѣивать лица, указывая на нихъ. Мольеръ осмѣивалъ пороки. Къ несчастью, у насъ неуваженіе къ прошлому и безъ насмѣшки актерской ростетъ съ каждымъ днемъ. Ежели не можемъ прекратить зла, то, по крайней мѣрѣ, можемъ и должны не дозволять актерамъ смѣлость всѣхъ ругать и чернить для выгоды своихъ бенефисовъ. Будь здоровъ и помоги мнѣ въ сей непріятности“. Повидимому, Дубельтъ внялъ просьбѣ оберъ-полицій-

---

[1]) Архивъ III отд. Соб. Его Величества канц., № 9, 1846 г.

[2]) Монологомъ Кокошкинъ назвалъ куплетъ, который поетъ булочникъ Клейстеръ:

„Могу сказать: я точно мейстеръ,
Я не простой мастеровой.
Каковъ Иванъ Иванычъ Клейстеръ,
Нигдѣ не сыщется другой.
Васильскій островъ очень знаетъ
Меня по честности своей.
Самъ частный приставъ забираетъ
Здѣсь булки, хлѣбъ и сухарей.
Въ субботу встрѣтившись со мною,
Онъ, этакъ сдѣламши, сказалъ:
(прикладываетъ руку ко лбу)
Гутъ моргенъ. И меня рукою
Онъ по плечу потрепеталъ

(стр. 29, изд. 3, 1853 г.).

мейстера, такъ какъ дальнѣйшія представленія „Булочной" шли уже съ измѣненіями въ текстѣ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ цензоръ въ рапортѣ 29 октября 1843 г. „Честь имѣю донести вашему превосходительству, — докладывалъ онъ — что вчерашняго числа былъ данъ на Александринскомъ театрѣ водевиль „Булочная". Замѣтки, сдѣланныя вашимъ превосходительствомъ, были строго соблюдены актерами. Долгомъ считаю присовокупить, что по приказанію г. министра Двора, видѣвшаго первое представленіе „Булочной", водевиль сей данъ будетъ въ воскресеніе въ Царскомъ селѣ въ присутствіи высочайшаго двора. Дирекція находится въ недоумѣніи, какъ представлять сей водевиль. Такъ ли, какъ его видѣлъ кн. Волконскій, т. е. безъ всякихъ измѣненій, или съ соблюденіемъ измѣненій, предписанныхъ вашимъ превосходительствомъ для публичныхъ представленій". Дубельтъ приказалъ: „какъ измѣнена". Однако услуга Дубельта не вполнѣ удовлетворила Кокошкина. Ему захотѣлось вообще изъять изъ обращенія ненавистную пьесу, хотя бы въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась въ печати. Въ этомъ направленіи онъ вновь хлопочетъ передъ Дубельтомъ въ письмѣ отъ 30 октября: „М. Г. Леонтій Васильевичъ. Водевиль „Булочная" во второмъ представленіи былъ уже игранъ съ измѣненіями, нѣкоторые неприличные куплеты уничтожены. Принося мою искреннюю благодарность за уничтоженіе тѣхъ, которые касались до спб. полиціи, я обязанностью моей почелъ приказать всѣ экземпляры „Булочной" отъ продавцевъ отобрать и представить оные въ цензурное исправленіе, дабы водевиль сей, съ извѣстными вамъ неприличностями, не былъ игранъ на театрахъ губернскихъ, уѣздныхъ и ярмаркахъ, полагая, что подобныя насмѣшки на столицу подадутъ весьма дурной примѣръ губернскимъ писакамъ и содержателямъ театровъ, которые для привлеченія публики также дозволятъ себѣ подобныя личности и куплеты въ насмѣшку по ихъ соображеніямъ. Препровождая при семъ 62 экземпляра, покорнѣйше прошу по исправленіи оные мнѣ возвратить для выдачи торговцамъ къ продажѣ". Но это „усердіе не по разуму" начальника полиціи не понравилось Бенкендорфу. Про докладѣ ему письма Кокошкина, онъ написалъ сверху: „надо было спросить. То, что считается оскорбленіемъ, считаю похвалою. Приказать въ Царскомъ Селѣ играть, какъ играли, будучи увѣренъ, что Государь несомнѣнно ее одобритъ". Эту резолюцію сообщили Кокошкину, причемъ предложили ему „предварительно отобранія книгъ отъ книгопродавцевъ сноситься съ Бенкендорфомъ". Затѣмъ всю исторію доложили государю. Николай положилъ слѣдующую резолюцію: „Оставить, какъ было написано, не выключая ничего, и притомъ не задерживать продажу печатныхъ книжекъ оной" [1]). Однако злоключенія „Булочной" этимъ

[1]) Архивъ III отд. Соб. Его Величества Канц., д. № 26, 1843 г.

не кончились. Въ 1852 г. возникъ вопросъ, можно ли, послѣ двухъ изданій водевиля, дозволить печатать третье, руководствуясь для даннаго случая высочайшимъ повелѣніемъ 1843 г. Эта мысль пришла въ голову цензору Крылову, по инициативѣ котораго спб. цензурный комитетъ препроводилъ все дѣло на разсмотрѣніе главнаго управленія цензуры. При этомъ онъ представилъ управленію соображенія Крылова относительно тѣхъ мѣстъ въ текстѣ пьесы, которыя тотъ находилъ „неприличными". Но главное управленіе цензуры не согласилось съ нимъ, признавъ необходимымъ руководствоваться высочайшимъ повелѣніемъ 1843 г.

Также благополучно, поступаясь лишь нѣкоторыми вымарками, проходили другіе водевили Каратыгина. Такъ, въ извѣстномъ водевилѣ „Вицъ-Мундиръ" цензура исключила двѣ фразы въ 12 явленіи. Во 1-хъ, въ роли Разгильдяева: „умѣете показать начальству расходы, а приходъ спрятать въ карманъ", во 2-хъ въ роли экзекутора: „пріѣхалъ въ департаментъ звѣрь звѣремъ (говорится о начальствѣ), вышелъ на лѣстницу, изволилъ меня разругать ни за что, ни про что, а это все по вашей милости". Затѣмъ былъ вымаранъ куплетъ Случаевскаго въ комедіи „Да или нѣтъ, или роковое число" (14-е явленіе):

Какъ бы коротко и ясно
Все рѣшалъ судьи отвѣтъ,
Еслибъ только безпристрастно
Говорилъ онъ: да и нѣтъ.
Впрочемъ, у судей ведется
Поговорка съ давнихъ лѣтъ:
Да не даромъ подается,
А на нѣтъ, суда ужь нѣтъ [1]).

Изъ другихъ водевилистовъ, соратниковъ Каратыгина, цензурѣ пришлось имѣть дѣло съ Ѳ. Кони, П. Григорьевымъ 2-мъ, Куликовымъ и, отчасти, съ Д. Ленскимъ. У Кони вычеркнули два куплета въ комедіи „Дѣловой человѣкъ или дѣло въ шляпѣ":

Нѣтъ, мой почтеннѣйшій ораторъ,
Со мной не слишкомъ, братъ, штукарь.
Я вѣдь не то, чтобы сенаторъ,
Я, братъ, сенатскій секретарь.

И другой:

Изъ каприза насъ подчасъ
Распушатъ безъ церемоній,
Изъ каприза всѣ у насъ
Въ восхищеньи отъ Тальони [2]).

---

[1]) Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ. Протоколы 1840 и 1851 гг.
[2]) Тамже.

Изъ водевилей Ленскаго пострадали немного „Въ людяхъ ангелъ, не жена“ и его знаменитый „Левъ Гурычъ Синичкинъ“. Въ „Синичкинѣ“ цензоръ нашелъ предосудительной фразу въ 7 явл. 1-го дѣйствія: „говорятъ, что тамъ въ Москвѣ фонари рано гасятъ, оттого, дескать, многіе съ фонарями ходятъ“. Въ водевилѣ „Въ людяхъ ангелъ“ вычеркнули куплетъ Славской „О чемъ бы мужа ни просила“ и слова Размазни во 2 д.: „Есть дѣльцо въ сенатѣ, надобно эдакъ (указывая на боковой карманъ) съ секретаремъ перемолвить словечко“ [1]). Собственно говоря, исключенъ жестъ Размазни, намекавшій на взятку.

Въ водевилѣ П. Григорьева 2-го „Дружеская лотерея съ угощеніемъ“ вычеркнули куплетъ:

Не даромъ титулярный я,
На дѣлѣ докажу,
Тебѣ, неблагодарная,
Себя я покажу.
Насмѣшки всѣ злодѣйскія
Я въ просьбѣ опишу.
О, други полицейскіе,
Вступиться васъ прошу.
Мнѣ много есть пріятелей,
Умнѣйшихъ головъ,
Квартальныхъ надзирателей
И частныхъ приставовъ.
Они, мои родимые,
Все дѣло порѣшатъ,
Душой руководимые,
Помочь мнѣ поспѣшатъ [2]).

Больше другихъ пострадалъ водевиль Куликова „Урокъ мужьямъ“, дѣйствіе котораго происходитъ въ судейской средѣ. Очевидно, цензоръ усмотрѣлъ въ пьесѣ личности, ибо одно изъ дѣйствующихъ лицъ, по имени Петръ Михайловичъ, было переименовано въ Ивана Михайловича, предсѣдатель суда разжалованъ въ отставные судьи и т. д. Одновременно вычеркнуто все то, что имѣло какое-нибудь отношеніе до дѣйствующаго суда, какъ-то: палата, предсѣдатель, тяжба и др. Вымарана и такая фраза: „Въ предсѣдатели палаты не разъ сажались дураки“ (9 явл.) [3]). Характеренъ еще отзывъ цензора Ольдекопа о водевилѣ неизвѣстнаго автора подъ названіемъ „Влюбленный секретарь“: „Сія пьеса заключаетъ въ себѣ непростительныя выходки на всѣ состоянія,— доказывалъ онъ.—Сіи выходки тѣмъ неумѣстнѣе, что онѣ весьма язвительны и понынѣ не исправили никого. Во-1-хъ, авторъ нападаетъ на стряпчихъ и секретарей; что пользы? Они смѣются и продолжаютъ заниматься взятками. Предсѣдатели называются „во-

---

[1]) Тамже. Протоколы 1840—1852 гг.
[2]) Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ. Протоколы 1840—1851 гг.
[3]) Тамже. Доклады 1832 г.

роватымъ народомъ". Объ офицерахъ сказано: „за ними водится маленькій грѣшокъ: они скоро проживаютъ наслѣдства. Конечно, имъ никто не вправѣ указывать, но зато очень часто на нихъ указываютъ пальцами". Иной можетъ возразить на все сіе: вѣдь это, правда, хорошо, но пословица говоритъ: „правда можетъ выколоть глаза у мученика цензора. Весьма благодаренъ за сіе отличіе". Пьесу запретили [1]).

Въ 1835 г. поступила на разсмотрѣніе цензуры комедія А. И. Булгакова „Соперники или встрѣча губернатора". По сюжету она напоминала гоголевскую „Женитьбу", т. е. какъ и въ „Женитьбѣ", центръ тяжести пьесы заключался въ выборѣ невѣсты. Однако въ числѣ дѣйствующихъ лицъ авторъ вывелъ таганрогскаго градоначальника, по имени Карла Ивановича Штраусъ, и этого было достаточно, чтобы на пьесу обрушились цензурные громы. А тутъ еще Карлъ Ивановичъ изъ нѣмцевъ и говоритъ ломанымъ русскимъ языкомъ. Докладывалъ о пьесѣ Ольдекопъ: „Эта пьеса очень похожа на пасквиль, — писалъ онъ — давно было бы пора перестать глупыя выходки на нѣмцевъ въ русскихъ пьесахъ. Авторъ сей пьесы достоинъ сильнаго выговора, ибо хотя цензоръ театральныхъ произведеній можетъ запретить представленіе подобныхъ пьесъ, но его собратія, безъ сомнѣнія, поспѣшатъ одобрить ихъ къ печатанію. И кто можетъ помѣшать, сверхъ того, письменному распространенію подобныхъ пьесъ? Наполеонъ имѣлъ прекрасное средство исправить нахальныхъ писателей: онъ велѣлъ ихъ, какъ шаловливыхъ дѣтей, отпотчивать розгами и это средство замѣнило совершенно извѣстный порошокъ изъ испанскихъ мухъ и исправило многихъ. Полиціймейстеръ Фухтелевъ въ этой пьесѣ такъ страстно любитъ палочные удары, что даже хочетъ встрѣтить губернатора 500 палками. Замѣтимъ еще, что лакей градоначальника называется *Петька*. Это вродѣ Баркова. Но верхъ мудрости и осмотрительности состоитъ въ томъ, что роли сей пьесы уже розданы [2]); неужели члены театральнаго комитета для раздачи ролей принадлежатъ къ породѣ кротовъ?" [3]).

Иногда запрещеніе пьесы основывалось исключительно на томъ, что сюжетъ ея могъ не понравиться или обидѣть какое-нибудь вѣдомство. Такъ было, напр., съ двухактнымъ водевилемъ „Потребность новаго моста или разстроенный сговоръ". Цензуровалъ пьесу М. Гедеоновъ. Онъ же докладывалъ ея содержаніе и мотивы запрещенія: „Въ день сговора расходится Нева. Женихъ не можетъ переправиться и свадьба разстраивается. Эта первая часть не заключаетъ ничего предосудительнаго. Вторая представляетъ разные случаи на берегу Невы. Главную роль занимаетъ квартальный

---

1) Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ. Доклады 1832 г.

2) Пьеса предназначалась для спб. театра.

3) Арх. Гл. Упр. по дѣл. печ. Доклады 1845 г.

надзиратель. Спб. полиція не преминетъ оскорбиться представленіемъ этого лица". Можетъ быть, Дубельтъ при этомъ вспомнилъ недавнюю исторію съ „Булочной" Каратыгина. Другой случай былъ съ драмой неизвѣстнаго автора „Каменныя сердца". Въ этой пьесѣ авторъ изобразилъ, между прочимъ, домъ умалишенныхъ, перенеся дѣйствіе въ Петербургъ. Послѣднее обстоятельство и рѣшило участь пьесы. „У насъ одинъ только домъ умалишенныхъ,—замѣчалъ Гедеоновъ—а потому доктора и начальники его будутъ вправѣ принять за личность послѣднюю часть драмы" [1]).

Случались, впрочемъ, и такіе факты, что цензоръ, подкупленный невиннымъ содержаніемъ пьесы, пропускалъ ее для печати и затѣмъ подвергался отвѣтственности по службѣ. Такъ было съ трехактной комедіей нѣкоего В. А. Сидорова „Женихъ проказникъ, или любовь нынѣшняго вѣка". На пьесу обратилъ вниманіе чиновникъ для особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія и донесъ о ней по начальству. Приведенныя имъ выдержки изъ пьесы характерны для своего времени. Дѣйствіе комедіи вращается въ чиновничьей средѣ.—Нѣкто Хлопушкинъ, мелкій чиновникъ, хочетъ выгодно жениться, но не знаетъ, на комъ остановить свой выборъ, на дочери ли начальника или на богатой купчихѣ. Увлекаясь флиртомъ, онъ пренебрегаетъ службой, за что въ одинъ прекрасный день его увольняютъ. Эта тема даетъ автору возможность пройтись мимоходомъ о служебныхъ порядкахъ, оцѣнить случаи чиновничьей жизни съ точки зрѣнія мелкаго служащаго, и т. д. Хлопушкинъ, напр., не доволенъ, что ему не сказали причины увольненія.

„— Это что за дерзость?!—восклицаетъ онъ—да я къ нему сейчасъ отправлюсь: онъ мнѣ долженъ высказать законную причину. Это что такое? Будто я какой-то наемный писаришка. Господа (обращается онъ къ присутствующимъ), меня вы извините. Я ему сейчасъ докажу, что я не пѣшка, а чиновникъ".

Слова „наемный, пѣшка", „чиновникъ" возмутили надворнаго совѣтника Родзянка. „Они ясно показываютъ,—замѣчаетъ онъ— что авторъ хотѣлъ этимъ сказать, что такимъ образомъ (т. е. безъ объясненія законной причины), какъ въ приведенномъ имъ примѣрѣ увольнялся чиновникъ Хлопушкинъ, можно уволить только наемныхъ писарей". По пьесѣ, объясненія бѣднаго Хлопушкина не привели его къ благопріятнымъ результатамъ. Побывавъ у своего начальника послѣ уже увольненія отъ службы, Хлопушкинъ сокрушенно говоритъ: „Все кончено теперь. Все къ чорту. Вотъ моя служба. Сдѣлали въ одну минуту негодяемъ. Все лакеишки".

Въ этихъ выраженіяхъ Родзянко усмотрѣлъ „обиду для правительства" и предлагалъ подвергнуть цензора Бекетова отвѣт-

---

[1]) Тамже. Доклады 1853 г.

ственности. Съ нимъ согласились: цензору объявили замѣчаніе министра за неосмотрительность“ [1]).

Ревнивое ко всему, что могло съ какой-нибудь стороны задѣть власть, Николаевское правительство не допускало сатиры и въ иностранныхъ сочиненіяхъ. На этомъ основаніи своевременно были запрещены: „Une fille du regent“ А. Дюма [2]) (заговоръ противъ правительства, насмѣшки надъ полиціей), „Pulcinella“ Вильнева и Деннеро (много колкостей на счетъ правительства) [3]), комедія E. Sanelli „Die Pharerstocht er“ (презрительное отношеніе къ придворному чиновнику) [4]) и др. Случалось, что подобныя произведенія еще переводились и тогда правительство окончательно выходило изъ себя и прибѣгало къ репрессіямъ. Нѣчто подобное произошло по поводу „волшебнаго представленія“ въ 5 д. и 9 картинахъ, названнаго „Чудная книга или споръ двухъ богинь“ и предназначеннаго для Императорскаго Московскаго театра. Пьесу запретили, при чемъ предложили генералъ-маіору Перфильеву, обратить вниманіе на писателей, „переводящихъ такія сочиненія“ [5]).

Бар. Н. В. Дризенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Когда на челнокѣ мечты
Я въ дальній отправляюсь путь
Изъ міра зла и суеты,
Тревога мнѣ сжимаетъ грудь.

Не то смущаетъ разумъ мой,
Что путь невѣдомъ и далекъ,
А то, что вновь къ себѣ домой
Вернуться долженъ мой челнокъ.

Леонидъ Б.

---

1) Архивъ Мин. Нар. Просв. № 150776/267.
2) Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ. Доклады 1853 г.
3) Тамже. Доклады 1844 г.
4) Тамже. Доклады 1852 г.
5) Архивъ Гл. Упр. по д. п. 1844 г.

Въ пустынныхъ мѣстахъ.

(Окончаніе).

IV.

По Керженцу. «Городинка».

Изъ Покровскаго мы отправились рано въ дальнѣйшій путь.

Утро туманное, сѣренькое. Въ воздухѣ свѣжо и сыро; синеватая мгла стелется надъ водой, ютится въ темной чащѣ лѣса. На рѣкѣ кое-гдѣ расплываются круги отъ рѣдкихъ капель дождя, который лотошитъ также по широкимъ листамъ елошника (ольхи) и осины. По временамъ вся поверхность рѣки закипаетъ отъ частыхъ капель, но не надолго.

— Ну, прощайте-ко, дай Богъ въ часъ добрый, — говоритъ Степанъ, сталкивая нашу лодку. Вся семья вышла провожать насъ на берегъ.

— Вамъ дай Богъ дождя.

— Дай Господи... Вишь ты, вѣтеръ и не дыхнетъ. Знать, не даромъ облачно сдѣлалъ Господь: можетъ, будемъ съ дождемъ. Этто вамъ въ Мериновѣ перетаскивать лодку придется, мельница тамъ...

Черезъ часъ мы плывемъ по пустой рѣкѣ, и Покровское давно исчезло за первой излучиной. Небо все хмурится, лѣсъ начинаетъ шумѣть, вѣтеръ нѣтъ-нѣтъ и закачаетъ его вершины. Порывы его все чаще. Видно, надеждамъ Степана все-таки не суждено сбыться.

Керженецъ вьется, точно змѣя. Ни вчера, ни сегодня ни разу мнѣ не попадалось еще ни одной водной аллейки въ нѣсколько верстъ, какими мы любовались порой даже на извилистой Ветлугѣ, когда рѣка кажется улицей, а далекая встрѣчная лодка точно виситъ въ воздухѣ.

Здѣсь передъ глазами небольшой клокъ воды. Впереди

не улица, а водный тупикъ. Сзади тоже. И всюду тѣсно сомкнулся лѣсъ, сурово тѣсня и взглядъ, и воображеніе. За мысомъ—новая излучина. За ней новый мысъ... Въ памяти остается впечатлѣніе какого-то сгущающагося сумрака, задумчивой суровости, непрошенныхъ воспоминаній... Есть что-то аскетическое въ пустынной и лѣсной раскольничьей рѣкѣ...

Шумъ мельницы. Впереди виднѣются открытые шлюзы, съ кипящимъ и бушующимъ порогомъ. Изъ-за стога сѣна, невдалекѣ отъ мельницы, появляется удивленная мужицкая фигура. На наши вопросы онъ рекомендуетъ попробовать переправиться прямо черезъ порогъ шлюзовъ и съ разинутымъ ртомъ, съ удивленными глазами слѣдуетъ за нами по берегу, глядя, какъ насъ подхватываетъ быстрое теченіе. Мельница несется намъ на встрѣчу, лодка летитъ на гребнѣ струи, стучитъ дномъ на порогѣ; носъ виснетъ на воздухѣ, перевѣшивается, корма поднимается, лодка зачерпываетъ бортами, и въ нѣсколько секундъ — мельница за нами.

Впереди Мериново, глухая деревушка на самомъ берегу. На пескѣ какая-то баба бучитъ бѣлье, для чего съ помощью здоровенныхъ корягъ, наваленныхъ въ кучу, развела громадное огнище, дымъ отъ котораго далеко тянется надъ лѣсомъ.

Къ намъ она обращена спиною. Куча деревенскихъ ребятъ уже замѣтили насъ и отчаянно кричатъ ей что-то и машутъ руками. Баба оглядывается и остается съ поднятымъ валькомъ въ рукѣ, точно окаменѣлая...

— Какая это деревня? — спрашиваю по возможности кротко, когда наша лодка поровнялась съ нею...

— Ме... Мериново это,—выдавливаетъ она изъ себя едва слышный отвѣтъ.

— А это у васъ чей домъ? — указываю я новую постройку...—Купецкой, что ли?

— Каки купцы у насъ, — торопливо отвѣчаетъ она... — Нѣту купцовъ... Бѣ-ѣдный народъ у насъ, ваше благородіе...

Она тревожно оживляется.

— Бѣднота все, просто непокрытая бѣднота... Каки у насъ богачи! Нѣту... Да вамъ кого? Что вы за люди будете?

Она опасливо подходитъ къ берегу, съ тревожнымъ вниманіемъ оглядывая наши фигуры... Изъ-за плетней на насъ смотрятъ широко открытые глаза деревенской дѣтворы, готовой вспорхнуть всей стаей при первомъ нашемъ подозрительномъ движеніи. Съ косогора самыя избы, кажется, пугливо щурятся, безпомощныя и робкія... Едва мы отъѣхали

нѣсколько саженей, какъ баба пріобрѣла способность движенія и быстро пустилась въ гору, — сообщать деревнѣ о подозрительномъ нашествіи. На одномъ изъ моихъ племянниковъ—кадетская фуражка съ краснымъ околышемъ, и это, очевидно, еще усиливаетъ тревогу... „Старая вѣра“ подозрительна... Конечно, не безъ основанія...

Обогнувъ мысокъ, мы плывемъ дальше, оставляя за собой на берегу цѣлую группу изъ ребятишекъ и бабъ, тревожно слѣдящихъ за нами.

Теченіе выравнялось. Передъ нами одинъ изъ рѣдкихъ на Керженцѣ прямыхъ плесовъ,—узкій, длинный, съ высокими берегами, поросшими лѣсомъ. Въ концѣ этой аллейки обращаемъ вниманіе на одинъ холмъ, покрытый сильно разросшимся лѣсомъ. Дубы, сосны и ольхи, буйно поднявшись, переросли на полдерева растительность сосѣднихъ холмовъ, точно косматый вихоръ на плохо причесанной буйной головушкѣ.

Чѣмъ ближе подвигается къ холму наша лодка, тѣмъ онъ кажется страннѣе.

Я останавливаю лодку у противоположнаго берега и внимательно приглядываюсь.

Кругомъ вершина съ короной могучихъ деревьевъ обведена плетнемъ, чуть мелькающимъ между кустами. На крутыхъ бокахъ холма я замѣчаю узкую тропочку. Она осторожно вьется по глинистымъ обрывамъ, робко скрываясь въ зелени, такъ что отсюда, съ рѣки, видны только небольшіе кусочки этой тропинки. За оврагомъ, на ближайшемъ къ намъ обрывѣ, зіяетъ въ глинѣ что-то вродѣ пещерки, надъ которой громадный пень протянулъ кверху скрюченные и, очевидно, недавно вырванные изъ земли чудовищные корни... Раскиданная земля, изрытое и обезображенное мѣсто указываютъ на то, что это гигантское корнище уступило не безъ долгой борьбы свое мѣсто... Между его лапами видна темная дыра... Какъ будто входъ въ землянку...

Все это живѣйшимъ образомъ возбуждаетъ мое любопытство, и я направляю лодку къ берегу, у подножія дикаго холма. Но берегъ—неприступная болотина. Мы долго ищемъ среди заросли устье тропинки, которая, очевидно, должна же гдѣ-нибудь спуститься къ рѣчкѣ. Наконецъ, я нахожу мѣсто, гдѣ она, по теченію, осторожно сходитъ на воду, будто нарочно замаскированная осокой и кочкарникомъ. Съ кочки на кочку выбираюсь я на сухое мѣсто и иду по тропинкѣ. На полугорѣ она убѣгаетъ вдругъ подъ низко нависшія и густо переплетенныя вѣтви нѣсколькихъ молодыхъ елокъ...

Я остановился озадаченный Еслибы не то, что на тропкѣ

виднѣлись недавніе еще слѣды, можно было бы подумать, что дорожка только частями уцѣлѣла съ давнихъ лѣтъ и что съ тѣхъ поръ надъ ней успѣли вырости эти елки. Но слѣды исчезали подъ ихъ вѣтвями и потому я храбро пустился дальше, насильно проталкиваясь сквозь гущу. Вѣтки уступали легче, чѣмъ можно было ожидать по ихъ гущинѣ.

Наконецъ я на круглой вершинѣ!... Перелѣзаю черезъ плетень и раздвигаю за нимъ кусты.

Передо мною старинное, мрачное кладбище...

Теперь я понимаю, почему деревья на этомъ холмѣ разрослись такъ буйно. Могилы стоятъ необыкновенно густо, почва удобрялась поколѣньями...

Но—къ чему эти очевидныя старанія скрыть тропинку, замаскировать мертвыхъ? Здѣсь я не видѣлъ ни воротъ съ крестомъ, ни подъѣздной дороги. Очевидно, новыхъ жильцовъ сюда проносятъ по такимъ же неудобнымъ тропкамъ, скрываясь, можетъ быть, ночью?.. Или это кладбище давно уже закрыто и брошено?

Нѣтъ... Вотъ одна могила, очевидно, еще довольно свѣжая, пріютилась подъ лапами старой ели... Тихо... Сумрачно... Солнце едва проникаетъ сквозь густыя вѣтви... Какой-то особый ароматъ — сухихъ листьевъ, смолы и еще чего-то томящаго и загадочнаго—стоитъ въ неподвижномъ воздухѣ... Вѣтеръ не можетъ проникнуть подъ этотъ шатеръ... Порою только онъ протянется высоко по густымъ вершинамъ, сорветъ съ сосны отяжелѣвшую шишку, или пожелтѣвшій отъ засухи листокъ упадетъ на землю, тихо поворачиваясь на лету.

И опять ненарушимая тишь...

Большіе, грузные, приземистые кресты дремлютъ, покосившись къ землѣ. Всѣ они старые, всѣ осьмиконечные, всѣ покрыты лишаями и мохомъ до такой степени, что у нѣкоторыхъ самая форма креста исчезла подъ длинными, зеленовато-сѣдыми лохмами.

Въ особенности одинъ крестъ привлекаетъ невольное вниманіе своимъ страннымъ, суровымъ, почти страшнымъ видомъ. Въ этомъ зеленомъ полусумракѣ, гдѣ рѣдкіе лучи, прорываясь сквозь темную зелень, только еще болѣе скрадываютъ очертаніе предметовъ, — онъ напоминаетъ гоголевскаго Вія... Такъ и чудится что-то притаившееся, мрачное... Такъ и кажется, что приподымутся сейчасъ чьи-то тяжело нависшія вѣки, выглянутъ откуда-то мертвые взгляды...

А среди крестовъ, въ тѣснотѣ жмутся еще безвѣстныя, скромныя могилы, надъ которыми торчатъ только шесты съ зарубками.

Съ тяжелымъ чувствомъ пошелъ я назадъ... Очевидно

это раскольничье кладбище: странный лохматый холмикъ и эти дикія деревья—осѣнили могилы людей, которые нѣкогда стремились въ лѣса со своими темными, но страстными вѣрованіями. Старыя привычки живутъ долго... Нѣтъ уже прежнихъ гоненій за вѣру, дома живыхъ уже стоятъ на виду, на свѣтлыхъ полянахъ, давно расчищенныхъ изъ подъ лѣса, но жилища мертвыхъ—все еще ютятся въ дикой чащѣ, ревниво скрывая свои слѣды...

Когда, раздумывая такимъ образомъ, я вступилъ опять на пугливую тропинку, — передо мной, за далью рѣчного плеса, открылся яръ съ расположенными на немъ избушками Меринова. Оттуда замѣтили мои разысканія, и часть берега, видная отсюда, походила на растревоженный муравейникъ, съ толпящимися на дальнемъ берегу фигурами бабъ и ребятишекъ.

Это обстоятельство заставило меня отказаться отъ новой экскурсіи за оврагъ, къ вывороченному пню и пещерѣ. Я спустился въ лодку и поплылъ далѣе, надѣясь у кого-нибудь найти объясненіе тайны этого мѣста....

Плывемъ опять между пустынными берегами... Часа черезъ два надъ нами проносятся избы деревни Взвоза. Тутъ насъ провожаютъ менѣе враждебными, но не менѣе удивленными взглядами, и вскорѣ опять — пустыня... Остроконечныя ели рисуются темными зубчатыми вершинами, еще болѣе омрачая берега... Русло рѣки темно, но плёсы теперь прямѣе. Керженецъ становится все красивѣе, но вмѣстѣ и угрюмѣе, печальнѣе.

Въ одной изъ тихихъ за́водей мы натыкаемся на человѣческое существо. Подъ самымъ берегомъ пріютился ботничекъ. Въ немъ, вытянувъ босыя ноги, сидитъ старикъ съ удочкой. Онъ дѣлаетъ видъ, что занятъ только поплавкомъ, но въ сущности его взглядъ съ тревожнымъ неудовольствіемъ слѣдитъ за нашей лодкой. Лицо старика какъ-то болѣзненно-красно; сквозь лохмотья сквозитъ голое тѣло. Въ ботникѣ, на скамьяхъ уложены какіе-то короба и разное мелкое имущество: чайникъ, зазубренная чашка, котелокъ; въ коробѣ, подъ неплотно прикрытою крышкой виднѣется какая-то рвань. Очевидно, этотъ оборванный старикъ весь тутъ, въ этомъ ботничкѣ, со всѣмъ своимъ имуществомъ.

— Здравствуйте...

Онъ усиленно вглядывается въ свой поплавокъ, дѣлая видъ, что не слышитъ привѣтствія, но глаза его исподлобья, какъ чуткіе звѣрьки, слѣдятъ за нашими веслами. Видно, онъ ожидаетъ, что насъ тотчасъ же пронесетъ мимо.

Но я рѣшаю во что бы то ни стало узнать у него что-нибудь о таинственномъ кладбищѣ. Мое весло вспѣниваетъ

воду, и лодка причаливаетъ къ берегу рядомъ съ его ботникомъ.

— Здравствуйте, — повторяю я свое привѣтствіе и, не ожидая отвѣта, спрашиваю:

— Далеко ли тутъ поворотъ къ Оленевскому скиту?

— Далече...

И старикъ закидываетъ свою удочку на другую сторону.

— А сами вы откуда?... Не изъ Меринова?

— Изъ Звозу...

Однако черезъ нѣкоторое время разговоръ все-таки завязывается, а затѣмъ нѣсколько кусковъ сахару окончательно смягчаютъ его и отношенія становятся болѣе откровенными...

— Вы, вѣрно, изъ солдатъ?—спрашиваю я...

— Изъ нихъ...—отвѣчаетъ онъ опять не очень охотно.

— А зачѣмъ это у васъ тутъ столько припасовъ... Звозъ вѣдь совсѣмъ недалеко... А тутъ на недѣлю...

— Не изъ Звозу я... зря сказалъ вамъ. Бездомный я человѣкъ, безпріютный. Тутъ у меня весь пожитокъ, тутъ и домъ, ваше степенство. Недѣли по три и дыму изъ трубы не вижу... все на рѣкѣ, все на ей, матушкѣ, нахожуся...

— И хорошо?

— Хорошо, ваше степенство...

Болѣзненное лицо озаряется дѣтской улыбкой.

— Теперь-то, вотъ, видишь ты... главное дѣло, соловья уже нѣту. А весной,—вотъ когда хорошо здѣсь: всякая тебѣ птица поетъ. Которая зачинаетъ съ утра, которая въ день, которыя по зорямъ... Весной больно хорошо этто живетъ. Истинно благодать на рѣкѣ, ваше степенство.

И на землистомъ лицѣ пробивается что-то дѣтское, почти счастливое...

— А зимой?

Слабый лучъ въ его глазахъ угасаетъ...

— Что-жь... Зимой... Зимой кой-какъ въ Семеновѣ околачиваюсь... Не чаешь весны дождаться...

Онъ надѣваетъ на крючокъ новаго червяка и говоритъ глухо:

— Простуженый я человѣкъ, ваше степенство. Хворый человѣкъ. Мнѣ по міру ходить — тру-у́дно... Ну, рѣка-матушка кормитъ... И кускомъ не попрекаетъ... Сытъ ли, голоденъ ли, все отъ нея... Ну, и опять—воздухъ вольный... Птица тебя утѣшаетъ... Зори господни свѣтятъ... Такъ и живу... Гдѣ причалилъ ботничекъ, тутъ и домъ... Дождь пойдетъ,—выволокъ ладью на берегъ, прикрылся...

Онъ посмотрѣлъ вдоль плеса, и опять лицо его освѣтилось...

— Вся рѣка моя... Подамся кверху,—спущуся книзу... Никто не препятствуетъ... Тутъ меня знаютъ... Выѣду весной,—встрѣчаютъ:—„Что молъ, дядя Ахрамей,—живъ еще, не окачурился“?.. Ну, молъ, зиму прожилъ,—лѣто мое...

— Скажите мнѣ, дядя Вахрамѣй, что это тутъ пониже Меринова на горкѣ?..

— Что такое? Чему тутъ быть?.. А, знаю, про что ты это... Это у нихъ называемая Городинка... Кладбища ихняя...

Онъ опять шлепнулъ поплавкомъ и сказалъ, поматывая головой и улыбаясь:

— Раскольники...

И, понизивъ голосъ, какъ будто кто насъ можетъ услышать, онъ наклонился ко мнѣ съ своей лодки.

— Злы-ы-е... Въ пальца́хъ божество разбираютъ... Ну, мое тутъ не дѣло. Мое дѣло сторона... Переночевалъ когда, покормятъ,—ладно, а нѣтъ—и на томъ спасибо. Помру,—хороните, гдѣ схочете... Все одно лежать-то...

Онъ опять тихонько засмѣялся...

— Недавно наѣзжали тутъ начальники... Попъ тутъ у нихъ былъ, бѣглый... Захватили его... Давно, молъ, добирались... Ну, хоронился по скитамъ да по лѣсамъ... Теперь схватали...

И, помолчавъ, онъ прибавилъ спокойно:

— Издаля на Городинку хорониться пріѣзжаютъ... Съ Волги, отъ Козьмы-Дамьяна, изъ Городца... Да, да... Городинка это у нихъ... Кладбища... Прощайте-ко... Поплыву въ деревню. Кумъ тутъ у меня, старичокъ... Червяковъ обѣщалъ накопать. Вишь сухмень какая... Червякъ весь въ землю ушелъ.

Онъ тихо тронулъ послушную лодку, отплылъ нѣсколько саженей и вдругъ повернулся ко мнѣ.

— А въ Оленёвскій скитъ я васъ научу, какъ попасть. Увидите вы на рѣкѣ старые столбы,—мельница была когда-то, еще до раззоренія. Тутъ, не доѣзжая шуму,—тропочка въ лѣсъ побѣжала. Ступайте этой тропочкой все, минуя дорогъ... Версты двѣ до скита, не больше. Кочета поютъ у нихъ, у старицъ-те.

Онъ улыбнулся, точно воспоминаніе о кочетахъ доставляло ему особенное удовольствіе, и, опять отъѣхавъ нѣсколько саженей, вновь повернулъ блаженно и глуповато улыбающееся лицо:

— Пониже Са́нохты-рѣки. Не доѣзжая шуму... Кочета́, кочета́ поютъ!..

Черезъ нѣсколько минутъ его лодка виснетъ темнымъ пятнышкомъ на синей полосѣ рѣки между отраженіемъ темныхъ береговыхъ лѣсовъ...

А на встрѣчу попадается другая.

Мужикъ, повидимому, изъ Взвоза, перестаетъ грести, отчего его лодочка идетъ нѣкоторое время по теченiю рядомъ съ нашей,—и съ любопытствомъ осматриваетъ насъ.

— Съ Ахрамѣемъ нашимъ бесѣдовали?—говоритъ онъ благодушно.

— А онъ развѣ вашъ?

— Семеновской, а ужь такъ, слово говорится... Да, по жалуй, нашъ и есть. Съ весны къ намъ все заявляется,—прибавляетъ онъ, снисходительно улыбаясь.—Поудитъ, да полежитъ на песочкѣ, опять поудитъ да опять полежитъ. Такъ все время и провождаетъ... иной разъ, когда клеву нѣтъ,—до того доудится, что вовсе оголодаетъ. Сутки по двѣ не ѣвши живалъ, ей-богу... А чтобы попросить, - это въ рѣдкость...

— А вреда не дѣлаетъ никакого?

— Ка-акой вредъ отъ него! Огонекъ когда разведетъ, такъ и то на песочкѣ, отъ лѣсу-то подальше. Нѣтъ, —отъ другихъ, можетъ, бывало, а отъ этого старика мы не видали худого...

— А что это у васъ тутъ на холмѣ, пониже деревни? Кладбище старое?

— Да, кладбища...—сухо отвѣчаетъ онъ, и его весло опускается въ воду. Черезъ двѣ-три минуты его лодочка тоже виснетъ въ синемъ пространствѣ межъ темными полосами берега...

V.

По Керженцу. Въ Оленевскомъ скиту и у «единовѣрцевъ».

1.

Мы плывемъ долго. Солнце давно перекочевало изъ-за лѣсовъ лѣваго берега за лѣса праваго. Какая-то рѣка съ правой стороны. Вѣроятно, Санохта... Еще рѣчка Чернуха. А вотъ и шумъ... Керженецъ круто поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ влѣво, обмывая бурнымъ теченiемъ старые, сгнившiе столбы, напирая на поперечныя коряги и наполняя это пустынное мѣсто такимъ шумомъ, грохотомъ и плескомъ, точно старая скитская мельница, давно исчезнувшая со свѣта, все еще работаетъ своими валами, колесами и жерновами. Опять нашу лодку взмываетъ, кидаетъ бортами на столбы, ворочаетъ, крутитъ, подымаетъ и наконецъ, выно-

ситъ къ крутой песчаной насыпи, бѣлой, какъ снѣгъ, и покрытой по гребню широкими листами мать-мачехи. Высокія сосны, съ прямыми стволами, перехваченными огненно-красными просвѣтами, спокойно отражаютъ этотъ шумъ своими густыми вершинами...

Я смотрю на часы. Шесть. Солнце мигаетъ довольно низко сквозь зелень лѣса, въ воздухѣ чувствуется охлажденіе и брызги отъ „шума“, переходя въ легкій туманъ, тянутся холодною лентой подъ тѣнью обрывистыхъ береговъ. Перспектива ночевки на берегу, въ нашихъ болѣе чѣмъ легкихъ одеждахъ, не представляется особенно пріятной. Надо бы доплыть къ ночи до деревни. Но я не могу отказать себѣ въ желаніи кинуть хотя бы поверхностный взглядъ на умирающій Оленевскій скитъ. Къ тому-же у меня мелькаетъ надежда, что, быть можетъ, оленевскія старицы предложатъ странникамъ гостепріимство. Поэтому я оставляю мальчиковъ у лодки, гдѣ они тотчасъ же ложатся и почти мгновенно засыпаютъ, а самъ углубляюсь въ боръ...

Узкая, едва замѣтная тропинка... Иду долго межъ прямыхъ, какъ свѣчки, высокихъ сосенъ. „Шумъ“ давно стихъ за мною и лишь порою пробѣгаетъ по лѣсу какое-то чуждое ему бормотаніе... Дорожки сходятся и расходятся, сплетаясь сѣткой.

Видно, когда-то было здѣсь больше движенія; тропы къ скиту тоже отмираютъ постепенно и затягиваются молодою лѣсною порослью...

Я прислушиваюсь,—не услышу-ли кочетовъ, о которыхъ такъ настойчиво твердилъ Ахрамѣй. Но всюду тихо. Тонкіе, прямые стволы уходятъ вдаль, мелькая одни за другими безпорядочной колоннадой. Заяцъ выскочилъ въ нѣсколькихъ шагахъ и усѣлся на дорожкѣ, наставивъ уши и глядя своими удивленными круглыми глазами на неизвѣстнаго пришельца. При моемъ приближеніи онъ опять побѣжалъ, тихо, не торопясь, смѣшно подкидывая задомъ. Затѣмъ опять повернулся и опять встрѣчаетъ меня любопытнымъ взглядомъ. Этотъ маневръ повторялся нѣсколько разъ и, наконецъ, оскорбленный моимъ настойчивымъ преслѣдованіемъ, онъ стрѣлой пустился въ чащу.

Шуршаніе колесъ и легкое потрескиваніе телѣги. Встрѣчный мужикъ не особенно охотно, и видимо взвѣшивая слова, указалъ мнѣ дорогу. Затѣмъ онъ долго смотритъ мнѣ вслѣдъ, пока я не скрываюсь между стволами.

Минутъ черезъ двадцать я увидѣлъ огороженное ржаное поле и затѣмъ передо мною открылась широкая поляна. Большія, но старыя, печальнаго вида избы жмутся кругомъ у лѣса, оставляя въ серединѣ широкій пустырь. Невдалекѣ

за городьбой, пахарь понукаетъ свою лошадь, проводя борозду, быть можетъ, на мѣстѣ прежнихъ зданій.

Невдалекѣ купа печальныхъ березъ и осинъ осѣняетъ убогое кладбище; кругомъ земля изрыта. Должно быть, на этомъ мѣстѣ стояла когда-то моленная... Кладбище имѣетъ видъ запущенный и печальный. Лучшій крестъ покосился и грозитъ паденіемъ, надпись на немъ окончательно стерлась, а другія могилы представляютъ безпорядочныя кучки, наваленныя изъ глины, изрытыя и обезображенныя дождями...

Когда я оглянулся кругомъ,—пахарь куда-то исчезъ и скитъ казался дѣйствительно вымершимъ. Тѣнь отъ лѣса легла по всей полянѣ, покрывая и какъ-то стушевывая скитскія избы. Деревья кладбища тихо шептали мнѣ какую-то непонятную повѣсть...

Осмотрѣвшись внимательнѣе, я увидѣлъ, что за мной и моими движеніями слѣдятъ двѣ пары глазъ. Съ одной стороны изъ-за дальняго плетня высунулась голова женщины въ темномъ платкѣ, надѣтомъ по-скитски въ роспускъ. Замѣтивъ, что я обратилъ на нее вниманіе, она тотчасъ же скрылась. Съ другой, поближе, торчала надъ плетнемъ голова мужика, съ черной шапкой волосъ и съ живыми маленькими глазами. Я прямо направился къ нему и рѣшительно взялъ его въ плѣнъ, отрѣзавъ отступленіе.

Это былъ крѣпкій мужчина, лѣтъ сорока, черный, какъ жукъ, съ выдавшимися мясистыми скулами, между которыми утопали въ густой заросли маленькій носъ и красныя губы. Глаза его, тоже маленькіе, но очень блестящіе, выражали какое-то особенное смиреніе или, вѣрнѣе, боязливость, смѣшанную съ недоброжелательствомъ и, пожалуй, презрѣніемъ.

— Ну? — спросилъ онъ, вмѣсто привѣтствія, неохотно выйдя изъ-за плетня.

— Здравствуйте.

— Ну? — повторилъ онъ также непривѣтливо, почти враждебно.

— Это Оленёвскій скитъ?

— Это...—Онъ пронизалъ меня испытующимъ острымъ взглядомъ съ головы до ногъ и прибавилъ:

— Нонѣ скитовъ ужь нѣтъ. Уничтожены. Крестьяне мы пишемся. А вы чьи будете? Нижегородской?.. Такъ. Вамъ къ старцамъ-те, можетъ быть, такъ вотъ дорога, пожалуйте. Верстъ будетъ пятнадцать.

„Къ старцамъ“, – это значитъ въ Керженскій монастырь измѣнившій древлему благочестію и приставшій къ единовѣрію.

— Нѣтъ, мнѣ надо на рѣку, тамъ у меня лодка ждетъ.

— Лодка-а... А въ лодкѣ-те кто?

— Товарищи.

— Такъ...

Маленькіе глазки сверлятъ меня, стараясь насквозь проникнуть мои намѣренія.

— А здѣсь кого вамъ надо, въ скиту-те?

— Просто зашелъ посмотрѣть.

— На счетъ чего болѣе? Чего у насъ смотрѣть?.. Смотрѣть у насъ нечего будто...

— Да такъ, любопытно... Вы не безпокойтесь. Ничего мнѣ не нужно и пришелъ я безъ всякаго дѣла. Думалъ, можетъ быть... переночевать старицы пустятъ... До ночлега плыть еще долго.

Онъ еще разъ оглядываетъ меня и, повидимому, становится нѣсколько спокойнѣе... Но намекъ на счетъ ночлега остается безъ отвѣта.

— Много у васъ старицъ еще?—спрашиваю я опять.

— Старицъ-то? Мало. Прежде много было, теперь примерли... А новыхъ-те нѣтъ, не идутъ...

— Не дозволено?

— Чего не дозволено?.. Земля на насъ написана... Можемъ мы дарить, кому похотимъ.

Онъ потупился и потомъ сказалъ угрюмо и печально:

— Усердія мало. Нѣтъ въ нонѣшнемъ народѣ усердія. Старики помираютъ, молодые не идутъ... Не надо имъ...

Мы оба помолчали и, кажется, думали объ одномъ и томъ же. „Усердія мало"...—Этотъ мотивъ я часто слышалъ отъ многихъ людей стариннаго обряда на Волгѣ.

И теперь, на скитскомъ пепелищѣ, онъ прозвучалъ какъ-то особенно выразительно... Умираетъ исконная, старая Русь... Русь древляго благочестія, Русь потемнѣвшихъ ликовъ, Русь старыхъ неправленныхъ книгъ, Русь скитовъ и пустыннаго житія, Русь старой буквы и стараго обряда, Русь, полная отвращенія къ новшествамъ и басурманской наукѣ... Умираетъ старая Русь, такъ стойко державшаяся своимъ фанатичнымъ усердіемъ противъ не менѣе фанатическаго утѣсненія... Теперь она умираетъ тихою смертью, подъ широкимъ вѣяніемъ иного духа... Гоненія она выдержала. Не можетъ выдержать равнодушія...

Вѣроятно, мысли моего чернаго собесѣдника были недалеки отъ моихъ. Онъ тоже стоялъ, задумчиво глядя на поляну, на которой вѣтеръ колыхалъ сухую траву, — и эта молчаливая минута какъ будто нѣсколько сблизила насъ...

— Этто все, — сказалъ онъ, тряхнувъ шапкой черныхъ волосъ, — этто все жилье было кругомъ. А нынѣ пустырь.

Вонъ пашню я распахалъ... Тоже избы стояли. А мы помремъ, можетъ, и пахать будетъ некому, — лѣсъ опять поростетъ...

— А вы „раззореніе“ помните?

— Мальчонкомъ былъ. Болѣе сороку̂ лѣтъ дѣлу-то этому.

— Мельниковъ?

— Онъ.

И опять наши взгляды молчаливо скользятъ по рытвинамъ, поросшимъ травой, и вѣяніе смерти особенно ясно чуется мнѣ на этой полянѣ, съ оголеннымъ кладбищемъ въ серединѣ. Казалось, даже въ тихомъ и протяжномъ звонѣ лѣса слышится похоронный напѣвъ: во блаженномъ успеніи вѣчный покой...

Мой собесѣдникъ вывелъ меня изъ задумчивости.

— Пожалуйте,—сказалъ онъ. — Я укажу дорогу. Вамъ, говорите, къ рѣкѣ?

Я оставилъ мысли о ночлегѣ въ скиту. Мнѣ надо было пріѣхать сюда съ колокольцами или придти съ старой формулой древле-благочестиваго привѣта... И въ томъ, и въ другомъ случаѣ скитъ встрѣтилъ бы меня радушно,—какъ сильнаго врага или какъ союзника. Но я не пришелъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Я принесъ съ собой только наблюдательность, и скитъ холодно замыкался передо мной, быть можетъ, чувствуя во мнѣ именно то, новое, третье, которое идетъ на старую вѣру... И „быша послѣдняя горше первыхъ“

Очень можетъ быть, что ничего подобнаго и не было въ умѣ моего собесѣдника, но таково было мое ощущеніе. Указавъ мнѣ дорогу, онъ вернулся опять къ своей лошади и сталъ доканчивать борозду. А я остановился на краю полянки и залюбовался тихой печальной картиной. Еслибы я былъ живописцемъ, я непремѣнно изобразилъ бы эту поляну съ сиротливыми избами, эти вечернія тѣни густого лѣса, эти послѣдніе лучи солнца, тихо умирающіе на березкахъ кладбища... И черный мужикъ, угрюмый и печальный, склонясь надъ сохой, проводилъ бы борозду за бороздой, заравнивая собственной рукой мѣсто, гдѣ нѣкогда жила и процвѣтала его вѣра... . . . .

. . . .

. . . .

2.

Когда я выбрался, наконецъ, на песчаный холмикъ надъ Керженцемъ, рѣка совсѣмъ похолодѣла и только по самымъ высокимъ вершинамъ бора еще скользили, уходя на покой,

красноватые отблески солнца. Мальчики крѣпко спали на пескѣ и долго не могли придти въ себя, глядя съ удивленіемъ на рѣку, на пороги старой мельницы, на тихо шумѣвшія сосны...

Я пустилъ лодку по теченію и смотрѣлъ, какъ мимо меня тихо уплывали назадъ спящіе берега, лѣса, пески и отмели, какъ вверху загорались одна за другой звѣзды и холодный туманъ тянулся поперекъ русла, играя фантастическими отблесками звѣздныхъ лучей. Откуда-то издали и какъ будто сзади доносился лай собаки, заглушаемый шорохомъ лѣса. Это, вѣроятно, въ большомъ селѣ Хахалахъ, которое было обозначено на моей картѣ. Еще далеко... Особенно для нашей лодки, связанной съ причудливыми изгибами темнаго керженецкаго русла...

Мои юноши устали за день и теперь спали на днѣ лодки, которая продолжала тихо нестись надъ черной глубиной рѣки... Вдругъ она затрепетала, точно кто-то со дна подбросилъ ее кверху, и накренилась. Одинъ изъ мальчиковъ проснулся, приподнялся и сказалъ соннымъ голосомъ:

— Благодарю васъ. Я не хочу чаю. Дайте мнѣ, пожалуйста, одѣяло...

Но никто не предлагалъ бѣдному юношѣ ни чаю, ни одѣяла... Цѣлый лѣсъ вѣтвей, корней, стволовъ тянулся къ намъ со всѣхъ сторонъ, толкая и кидая лодку въ разныя стороны. Впереди на поворотѣ сомкнулись темныя елки, сзади слабо свѣтился просвѣтъ пройденнаго плеса, бѣлѣли береговые пески, а кругомъ изломанныя, корявыя, кривыя, виднѣлись, точно гигантскія щупальца спрутовъ, вѣтки утопленниковъ-деревьевъ. Рѣка казалась особенно угрюмой и сознательно враждебной, вродѣ кошмарнаго сна. Чтобы опять вернуться къ дѣйствительности, предлагавшей ему и чаю, и одѣяло,—юноша упалъ на дно лодки и захрапѣлъ, а я сталъ съ трудомъ выбираться изъ каршей, чтобы вернуться къ только-что пройденнымъ пескамъ. Плыть въ такой темнотѣ дальше не было никакой возможности...

Въ эту ночь, какъ я узналъ впослѣдствіи, термометръ въ первый еще разъ въ это лѣто упалъ до 10 градусовъ. Песокъ отсырѣлъ; туманъ, сгущаясь, быстро бѣжалъ по рѣкѣ, какъ будто торопясь куда-то,—и мглистые, смутно-вьющіеся клубы его исчезали въ темной кривулѣ, откуда я сейчасъ выбрался. Я усталъ, мнѣ было холодно, скучно, тоскливо на пустой отмели и зрѣлище этого бѣга туманныхъ призраковъ еще усиливало эту тоску...

Съ помощью топора, которымъ я запасся еще въ началѣ пути, я срубилъ двѣ сухостойныя осинки, вытащилъ ихъ изъ чащи и не безъ труда развелъ на берегу порядочный

костеръ... Кое-какъ, то и дѣло просыпаясь отъ холода и сырости, мы провели на берегу Керженца эту первую за лѣто холодную, почти осеннюю ночь...

Раннее утро... Туманъ, скрывавшій даже близкій лѣсъ противоположнаго берега, совершенно поглотилъ солнце. На травѣ и кустахъ—бѣлая роса, какъ иней... Нашъ костеръ погасъ и только бѣлая струйка дыма тянулась къ рѣкѣ. Мои спутники глядѣли хмуро, и у всѣхъ насъ была одна мысль: ближайшее село, Хахалы, является послѣднимъ пунктомъ, гдѣ еще можно нанять лошадей до Нижняго. А тамъ—трудно сказать, сколько еще дней усталости и такихъ же пріятныхъ ночлеговъ ждутъ насъ въ самой пустынной части Керженца, пока мы доплывемъ до цивилизованной Волги. Я вспомнилъ свои недавнія размышленія о торныхъ дорогахъ и о романтической прелести „пустынныхъ мѣстъ"—и долженъ былъ согласиться, что торные пути имѣютъ тоже свои преимущества...

Въ 11 часовъ солнце сіяло во всемъ блескѣ, рѣка сверкала и послѣдняя сырость наиболѣе закрытыхъ полянокъ курилась, исчезая въ лучахъ яркаго солнца, когда мы подплывали къ Хахаламъ.

Большое село, растянувшееся длинной линіей домовъ по высокому, дугой зачерченному берегу Керженца. Оно соединено прямой и удобной дорогой съ Нижнимъ. Здѣсь живетъ казенный лѣсничій, съ которымъ мнѣ совѣтовалъ повидаться А. С. Гацискій, и на берегу мы увидѣли дамскій зонтикъ. Мы реставрировали свою ладью, нѣсколько пострадавшую на каршахъ, отдохнули и уже не думали о прямой дорогѣ на Нижній.

Въ три часа мимо нашей лодочки потянулись опять пустынные берега, причудливые изгибы рѣки. Одни облака, проплывая въ пространствѣ между гребнями лѣса, напоминаютъ о томъ, что есть гдѣ-то широкій разнообразный міръ, кромѣ этой узенькой щели, по которой мы несемся, слушая плескъ воды и тихіе шорохи лѣса...

3.

Одинъ за другимъ нѣсколько ударовъ колокола, сорвавшись съ пустого, какъ намъ казалось, берега, пали неожиданно на рѣку и понеслись по лѣсамъ. Въ то же время верхушка колокольни показалась надъ обрывомъ, изъ-за порѣдѣвшей зелени...

Передъ нами былъ керженскій единовѣрческій монастырь.

Можетъ быть, это объясняется неожиданностью, пустын-

ностью обстановки, аккомпаниментомъ лѣсного шороха, смутными образами минувшаго раскольничьяго житія, витавшими надъ этими мѣстами, но только мнѣ показалось, что никогда еще я не слыхалъ подобнаго звона. Чистый, высокій, онъ звенѣлъ какъ-то особенно тихо и будто осторожно. Точно пробираясь на склонѣ дня по лѣсамъ, по вѣтроломамъ и чащамъ, онъ бережно разыскивалъ кого-то, звалъ и вмѣстѣ избѣгалъ чужого, враждебнаго слуха. „Раскольничій колоколъ",—подумалъ я невольно. Правда, колокольный звонъ былъ воспрещенъ въ скитахъ и замѣнялся клепаньемъ. Клепали въ малое древо, въ большое древо, да въ чугунное клепало... Но, очевидно, трудно было вовсе отказаться отъ мѣднаго звона, и дѣйствительно, по объясненію иноковъ керженской обители, колоколъ, прозвенѣвшій намъ на встрѣчу надъ тихой рѣкой, висѣлъ когда-то на колокольнѣ Комаровскаго скита и осторожно позванивалъ въ глуши лѣсовъ даже во времена лютыхъ гоненій... „Старая вѣра" знала секретъ укрощенія всякой лютости... [1]).

Пришли времена „раззоренія", исчезли скиты: погибъ первоначальный Ша̀рпанъ, родовитый Улангеръ, — и не осталось отъ нихъ бревна на бревнѣ; погибло Оле́нево, Чернуха, Кома̀рово. Стѣны раскатаны, расточено имущество, конфискованы святыни, вѣрные разосланы и разсѣялись...

А нѣкоторые вняли призыву „новой прелести". Новое вѣяніе терпимости къ обрядовымъ различіямъ, какъ вѣтеръ, подхватывающій зерно на гумнѣ, захватилъ и выдѣлилъ изъ раскольничьей массы людей, склонившихся къ „единовѣрію". Изъ этихъ-то представителей вѣроисповѣднаго компромисса, — „хромцовъ на обѣ плеснѣ", какъ называютъ ихъ старообрядцы, образовалась обитель на берегу Керженца и съ ея колокольни звонитъ непокорный нѣкогда раскольничій, а нынѣ „обращенный" или вѣрнѣе—плѣнный колоколъ.

И керженскіе лѣса безучастно внимаютъ этому звону. Развѣ гдѣ-нибудь въ чащѣ, пробираясь заростающей скитской тропой, оставшаяся по прежнему вѣрной древлему благочестію, вздохнетъ чья-нибудь старая грудь, да сухая рука съ двуперстнымъ сложеніемъ подымется не то для молитвы, не то съ угрозой.

. . . .

Двѣ бабы, — жницы монастырскаго хлѣба, — мирно плескались въ водѣ у парома. Увидѣвъ нашу лодку, выплывшую изъ-за песчаной отмели, онѣ сначала нѣсколько растерялись, но затѣмъ, очевидно, сочтя нужнымъ отдать нѣкоторую дань

---

[1]) Мельниковъ, у котораго въ книгѣ „Въ лѣсахъ" есть очень картинное описаніе деревяннаго скитскаго звона, ничего не говоритъ объ этомъ колоколѣ.

стыдливости, вышли обѣ на плотъ, гдѣ въ это время какой-то бѣлецъ въ подрясникѣ черпалъ ведеркомъ воду. Но такъ какъ наша лодка пристала къ тому же парому, то стыдливость вынуждена была ограничиться этой, болѣе чѣмъ скудною данью и обѣ наяды спокойно приняли участіе въ нашихъ переговорахъ съ бѣльцомъ, одна—стоя по колѣни въ водѣ, другая—сидя на корточкахъ и высунувъ голову изъ-подъ наскоро надѣтой рубахи.

— Можно посмотрѣть монастырь и напиться гдѣ-нибудь чаю?

— Монастырь-отъ?.. чаю-те?..

Онъ поставилъ ведерко, приподнялъ старую скуфейку и почесалъ голову.

— А вы чьé будете?

— Нижегородскіе...

— Самоваръ у отца Евгенія есть, — сказала одна изъ бабъ.

— Да онъ не по ягоды-ли подралъ?—усомнилась другая.

— Молчите вы, бабы!.. Подите, а вы, вонъ той тропочкой, мимо хлѣбовъ, къ монастырю. А я впередъ забѣгу. Самоваръ есть, какъ не быть самовару...

— Да вонъ и самъ Евгеній тащится, —примолвила одна изъ купальщицъ, успѣвшихъ уже облачиться, между тѣмъ какъ мы доставали изъ лодки свои котомки.

Дѣйствительно, по берегу на встрѣчу намъ подвигалась высокая, сгорбленная фигура. Отецъ Евгеній шелъ босикомъ, въ бѣлой, длинной рубахѣ, ничѣмъ не подпоясанной, въ бѣлыхъ короткихъ портахъ, оставлявшихъ на виду босыя, мозолистыя ноги. На головѣ у него была старенькая скуфейка, на груди висѣлъ четырехугольный шелковый платъ съ надписью славянскими буквами: „Азъ язвы Господа моего ношу на тѣлѣ моемъ“. Безъ этихъ принадлежностей очень трудно было бы въ этой простой мужицкой фигурѣ признать іеромонаха. Онъ оглядѣлъ насъ своими старыми глазами и радушно пригласилъ слѣдовать за собой къ отцу Стахію [1]), отъ котораго, за отъѣздомъ настоятеля, зависѣло показать намъ достопримѣчательности обители.

Въ небольшомъ домикѣ, съ липами у крыльца, мы застали отца Стахія, въ скуфьѣ и полумантіи, собиравшагося къ вечернѣ. Лицо его было очень красно, воспаленные глаза какъ-то слезились и вообще выражали страданіе...

— Хворь у насъ,—сказалъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій, охрипшимъ голосомъ,—всѣхъ переворочала; просто ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ. Я то вотъ хоть на ногахъ на-

[1]) Имена въ этомъ очеркѣ вымышлены

хожуся... А прочіе старцы въ лёжку лежали. Бѣды!.. Монастырь осмотрѣть?

Онъ смущенно посмотрѣлъ на насъ и на отца Евгенія и сказалъ нерѣшительно:

— Можно, можно... Настоятеля-те нѣту, онъ бы вамъ все показалъ... Что-жь, посмотрите, пожалуй... Небогата обитель наша... пожалуй, можно такъ сказать, что и смотрѣть-то нечего...

Мутные глаза отца Стахія уставились въ меня какъ будто съ надеждой: быть можетъ, — я соглашусь, что смотрѣть въ ихъ обители нечего... Но я почтительно настаивалъ. Отецъ Стахій вздохнулъ, подумалъ о чемъ-то. Его быстрый взглядъ еще разъ скользнулъ по мнѣ пытливо и тревожно.

— А вы... не осудите?—спросилъ онъ робко...

— Да за что же, батюшка? — спросилъ я сначала съ искреннимъ удивленіемъ. Потомъ наши глаза встрѣтились... Я посмотрѣлъ на равнодушно суровое лицо отца Евгенія и понялъ, какая хворь перебрала чуть не всѣхъ этихъ немощныхъ старцевъ въ отсутствіе недавно назначеннаго строгаго настоятеля...

Отецъ Стахій отвернулся и сказалъ тихо съ робкимъ смиреніемъ:

— Грѣхъ осуждать-то... Охо-хо-о... Немощь человѣческая... А осуждать... тяжкій грѣхъ.

И мы стали осматривать обитель. Дѣйствительно, она представляла немного достопримѣчательнаго въ общепринятомъ смыслѣ. Въ ней не было ни богатства, ни того особаго налета почтенной старины, который замѣтенъ порой на убогихъ монастырькахъ русскихъ захолустій... Основанная въ 40-хъ годахъ въ разгаръ борьбы съ „расколомъ", она какъ будто еще не успѣла пріобрѣсти опредѣленной физіономіи. Небольшой дворъ, обнесенный стѣнами, убогія, хотя и чистенькія кельи, скромная трапеза, двѣ церкви — зимняя и лѣтняя... да нѣсколько могилъ...

Эти могилы, пожалуй, и были наибольшей достопримѣчательностью единовѣрческаго монастыря. Особенно одна, стоящая отдѣльно, какъ будто чуждавшаяся общенія съ остальными. Она была выложена камнемъ и покрыта чугунной плитой...

Замѣтивъ, что я смотрю на нее съ невольнымъ интересомъ, о. Стахій пояснилъ:

— А это—старецъ тутъ покоится одинъ. Другъ былъ нашему Тарасію. Когда братія рѣшила обратиться къ единовѣрію,—онъ не пожелалъ, остался въ старой вѣрѣ...

— Почему-же онъ здѣсь похороненъ?

— Да онъ и жилъ въ обители-то, по дружбѣ съ настоя-

телемъ... упорный старецъ былъ, каменный... устоялъ даже и до смерти...

Отецъ Стахій потупился и во всей его фигурѣ опять промелькнуло выраженіе, съ какимъ онъ говорилъ о немощи и неосужденіи.

Я тоже остановился въ невольномъ раздуміи передъ могилой. Въ ней было что-то суровое и вмѣстѣ значительное... Она стоитъ одиноко, на гладко утоптанномъ дворѣ, вдали отъ другихъ гробницъ и даже отъ могилы его друга, настоятеля Тарасія, который черезъ малое время послѣдовалъ за нимъ... Какъ будто и послѣ смерти упрямый старецъ отстраняется и шлетъ нѣмой протестъ въ среду обратившихся...

Мнѣ показалось, что эта гробница сосредоточила для меня неясныя ощущенія, которыя вѣяли надъ этой единовѣрческой обителью. Какая драма улеглась и покрылась этой плитой, какую горечь сложилъ ты сюда, старецъ Пафнутій, видѣвшій на склонѣ дней, какъ рушилось кругомъ то, за что ты боролся,—рушилось, исчезало, развѣивалось, точно дымъ угасающаго кадила,—и даже дружбу свою вынужденный искать въ измѣнившемъ лагерѣ? Какими упреками была отравлена эта дружба, о чемъ говорили старцы передъ вѣчной разлукой?.. Да, если столѣтія спокойной, невозмутимой вѣры откладывали въ ризницахъ и казнохранилищахъ другихъ монастырей вѣками накоплявшіяся сокровища и святыни, то здѣсь, надъ скромными кельями и небогатыми церковками, вѣетъ еще трепещущая жизнью недавняя драма. Здѣсь все еще говоритъ о недавней борьбѣ убѣжденій, о страстныхъ столкновеніяхъ, о тяжелыхъ сомнѣніяхъ и колебаніи смущенныхъ совѣстей... Отголоски этой борьбы какъ будто не замерли еще и витаютъ вокругъ одинокой могилы среди двора, обнесеннаго оградой, съ заглядывающими изъ-за нея верхушками керженскаго лѣса.

— Иконы у насъ изъ скитскихъ часовенъ больше,—спокойно говоритъ отецъ-казначей, показывая мнѣ внутренность церкви. — Вотъ эта изъ Комарова, эта изъ Улангера, а вотъ эта—особо чтимая, высокаго стариннаго письма икона Казанскія Богоматери, прежде бывшая въ Шарпанѣ.

— Та, что по преданію вышла изъ Соловецкаго монастыря?

— Она...

Я съ невольнымъ уваженіемъ присматриваюсь къ знаменитой иконѣ „стариннаго высокаго письма“. Въ этомъ письмѣ не видно ни свободнаго вдохновенія, ни творческаго художественнаго полета; это не произведеніе искусства, а плодъ нѣкоего аскетическаго, молитвеннаго подвига. Не фантазія,

а благоговѣніе и преклоненіе передъ старинными преданіями водили рукой иконописца; но все-таки это сухое письмо не вполнѣ безжизненно и не безмолвно. Краски здѣсь растирались съ молитвою, каждая черта проводилась съ благоговѣніемъ, каждая складка получала опредѣленное, чуть не символическое значеніе. Грустно это настроеніе, даже, пожалуй, мрачно и темно, какъ старый сводъ, освѣщенный тусклою лампадой, — но все же здѣсь чувствуется какое-то могучее сосредоточеніе, точно заколдованная дремота скованнаго гиганта...

Вотъ оно, бывшее знамя Керженца!..

Во времена соловецкаго стоянія поднялась эта икона изъ обители, наканунѣ ея раззоренія, и повела за собой старца Арсенія. Разступались передъ инокомъ лѣса, просыхали рѣки, а икона неслась по воздуху все впередъ, пока не достигла керженской лѣсной пустыни. Здѣсь она опустилась и дремучій лѣсъ покрылъ ее своею зеленою сѣнью... Невдалекѣ отъ этого мѣста сталъ Шàрпанъ — первый керженскій скитъ.

Таково преданіе, приведенное у Мельникова. Вокругъ Шарпана возникли другія обители и пустыня лѣсная процвѣла, яко кринъ, древлимъ благочестіемъ. И было въ скитахъ повѣріе: доколѣ стоитъ икона, до тѣхъ поръ стоять и скитамъ. Когда же склонится и падетъ въ руки враговъ скитское знамя—конецъ райскому житію, запустѣютъ обители, а вскорѣ не укоснитъ Господь положить предѣлъ и временамъ, и лѣтамъ.

Наивная вѣра, но все-таки вѣра, темныя, дѣтскія убѣжденія, но все-таки это были убѣжденія! Прочитайте у Мельникова тѣ главы, гдѣ онъ рисуетъ прелестный, истинно женственный и величавый образъ матери Августы, игуменьи шарпанской обители. Пошли уже по обители смутные, сполошные слухи; пишутъ Дрягины, пишутъ Громовы: быть бѣдѣ. Матери совѣщаются, матери убираютъ скитское добро въ безопасныя мѣста, матери соборуютъ о грядущей невзгодѣ. Идетъ гроза отъ столицы на керженскія тихія пустыни... Идетъ и уже слышны ея раскаты...

Но мать Августа не желаетъ совѣщаться, отказывается принимать участіе въ соборахъ, а на соборное постановленіе—„изнести“ икону въ безопасное мѣсто — отвѣчаетъ холодно и спокойно:

— Апричь воли Господней ничьей надъ собою воли не знаю...

Среди раскатовъ надвигающейся грозы, среди всеобщаго шатанія и малодушія—ея спокойные глаза устремлены на порученную ея охранѣ икону. Въ этомъ взглядѣ—безмятеж-

ная вѣра, ясное упованіе, вся пламенная любовь горячаго женскаго сердца. Зачѣмъ ей предосторожности, зачѣмъ ей спасеніе и тихія пристанища? Пока стоитъ міръ,—стоитъ и ея знамя. А какъ только Владычица допуститъ ему склониться и пасть,—„не укоснитъ Господь положить предѣлъ временамъ и лѣтамъ"...

Такъ рисуетъ Мельниковъ,—злой раззоритель, но вмѣстѣ крупный художникъ,—мать Августу, шарпанскую настоятельницу. Вотъ какая любовь и какая вѣра покоилась на иконѣ „высокаго письма", которую показалъ мнѣ отецъ Стахій! А вѣдь Мельниковъ, какъ извѣстно, писалъ съ натуры...

И вотъ икона, вмѣстѣ съ другими обломками, уцѣлѣвшими отъ невзгоды,—въ рукахъ единовѣрцевъ... А времена и лѣта стоятъ, какъ стояли, міръ остается на своихъ устояхъ, „падаетъ усердіе" и время безстрастно стираетъ мертвящей рукой самую память о прошломъ процвѣтаніи благочестія...

Старицы, оставшіяся еще въ живыхъ, пріѣзжаютъ въ единовѣрческую обитель и, выждавъ, когда монахи отправятъ свою службу, приходятъ къ иконѣ, зажигаютъ свои свѣчи, поютъ свои молитвы, вспоминаютъ и плачутъ...

Да, пусть темны скитскіе взгляды, пусть ихъ убѣжденія—не наши... Но чувства этихъ старицъ, плачущихъ у плѣненной святыни, среди равнодушнаго міра, найдутъ откликъ во всякомъ сердцѣ, а ихъ судьба—судьба многихъ убѣжденій, съ тѣхъ поръ, какъ люди борются за мнѣнія, а міръ стоитъ, храня безмолвно важнѣйшія тайны жизни и смерти...

Когда мы кончали осмотръ, къ отцу Стахію подошелъ молодой послушникъ. Это былъ почти еще юноша, худощавый, съ глубокими черными глазами, какъ на византійской иконѣ.

— Благослови начинать, отче...—сказалъ онъ, остановившись и не глядя на насъ...

— Богъ благословитъ, начинайте,—сказалъ отецъ Стахій торопливо и съ оттѣнкомъ присущей ему стыдливой робости.

Послушникъ не двигался и какъ будто ждалъ чего-то... Въ тѣни дерева, у кельи отсутствующаго настоятеля, на столѣ кипѣлъ хорошо вычищенный самоваръ, только что принесенный послушникомъ. Лучи солнца, прорываясь сквозь листву,—играли пятнами на самоварѣ, на стаканахъ, на скатерти, которая въ тѣни казалась фіолетовой, на розовой бутылкѣ наливки, которую мой племянникъ вынулъ изъ нашей дорожной сумки...

— Можетъ быть, отецъ Стахій, откушаете съ нами?— предложилъ я...

— Спасибо,—отвѣтилъ о. Стахій...—Ежели предложите... не откажусь... — Ну, иди, иди! — сказалъ онъ послушнику, темная фигура котораго рисовалась въ сторонѣ рѣзкимъ силуэтомъ... Молодой человѣкъ мгновеніе колебался, потомъ повернулся и пошелъ къ открытой двери церкви...

Мы расположились подъ деревомъ и у насъ началась благодушная бесѣда. Послѣ первой же рюмки наливки, — отецъ Стахій оживился, съ него сошли признаки угнетенія и робости и онъ оказался очень пріятнымъ собесѣдникомъ... Благодушное настроеніе его омрачалось только отъ времени до времени появленіемъ въ нашемъ уголкѣ темной фигуры послушника, который подходилъ, останавливался мрачною тѣнью въ сторонѣ и произносилъ сурово:

— Отче... начали безъ васъ.

Въ другой разъ:

— Отче... Отчитали... Вамъ возглашать...

Отецъ Стахій досадливо отмахивался и говорилъ:

— Продолжайте...

— Ладно... Приду, возглашу.

Послушникъ стоялъ нѣкоторое время, какъ будто ему было трудно оторвать ноги отъ земли, но потомъ уходилъ. И въ его походкѣ чувствовалась укоризна...

Мы продолжали мирную бесѣду, подъ звуки нескладнаго столповаго напѣва, доносившагося изъ открытыхъ дверей храма. Пѣли два-три голоса въ унисонъ и нѣсколько гнусаво...

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я у отца Стахія— монастырь вашъ штатный или общежительный?

— Общежительный, — отвѣтилъ онъ и вздохнулъ. — Хотѣли жалованіе положить отъ синода... Да вотъ видите... настоятель у насъ человѣкъ строгій... Отказался.

— Отчего?

Отецъ Стахій налилъ на блюдечко чай, долго смотрѣлъ на него и потомъ отвѣтилъ, точно улыбнувшись:

— Видите... нѣцыи и безъ того утверждаютъ, будто единовѣріе—ловушка, а мы дескать попались въ нее по неразумію и... ох-хо-хо-о... прости Господи, по немощи... Такъ вотъ... не очень это уважаютъ, что единовѣрцамъ пользоваться еще и награжденіемъ... Поняли?..

— А доброхотныхъ пожертвованій мало?

— Мало,—сказалъ онъ...

Я ждалъ обычнаго конца подобной фразы и дождался.

— Усердія мало въ нынѣшнемъ народѣ,—добавилъ отецъ Стахій со вздохомъ и торопливо опрокинулъ свою чашку

на блюдечко, положилъ наверхъ кусочекъ сахару и отодвинулъ отъ себя.

Къ намъ вновь приближался суровый молодой послушникъ... На этотъ разъ фигура его была вся — безмолвная укоризна. Остановившись опять въ нѣсколькихъ шагахъ, онъ сказалъ съ особенной суровостью:

— Кончили, отецъ Стахій... Благословите запирать церковь?..

Отецъ Стахій съ стыдливой поспѣшностью поднялся съ мѣста...

— Иду, иду... Не запирай...

Онъ торопливо попрощался съ нами и пошелъ къ паперти. Мрачный юноша слѣдовалъ за нимъ.

Со стола убрали. Мои племянники стали укладывать котомку, а я зашелъ передъ отъѣздомъ въ церковь...

Она была пуста... Молящихся не было; вечерня отошла при пустомъ храмѣ и теперь немногіе, участвовавшіе въ ней, уходили... Только мрачный послушникъ стоялъ неподвижно на клиросѣ, и отецъ Стахій возглашалъ, уходилъ въ алтарь, появлялся оттуда, кадилъ передъ иконами и опять возглашалъ одинъ, предоставляя Господу Богу привести это въ должный порядокъ... яко-же ты, Господи, вѣси.

Взглянувъ на меня, отецъ Стахій отвернулъ глаза и „завозглашалъ“ торопливѣе. Мы плыли уже по рѣкѣ, а передо мною все носился образъ суроваго послушника, отдѣльная могила каменнаго старца и растерянно просящій прощенія взглядъ отца Стахія:

— Охо-хо-хо... Немощь человѣческая... Не осудите... Осуждать грѣхъ,—слышалось мнѣ подъ суровый шопотъ темнѣющихъ керженскихъ лѣсовъ...

Но керженскіе лѣса, помнящіе крѣпкое стояніе древнихъ подвижниковъ, какъ будто осуждали [1])...

VI.

Ночная буря.—Лѣсные люди.

1.

— До Лыкова въ часъ одинъ сомчитесь,—говорилъ намъ въ монастырѣ отецъ Стахій.—Тамъ найдете спокойный ночлегъ и самоварчикъ.

---

[1]) Въ свое время этотъ эпизодъ я не напечаталъ по весьма понятнымъ причинамъ. Года черезъ два, если не ошибаюсь, въ монастырѣ была произведена строгая ревизія—епархіальнымъ начальствомъ и многія „немощи“ единовѣрческой братіи подверглись „осужденію“, котораго такъ боялся благодушный отецъ Стахій.

Но отецъ Евгеній смотрѣлъ на низкое солнце и сомнительно качалъ головой.

— Наврядъ, что доѣхать. Пожалуй, ночевали бы лучше у насъ... Солнце-то низко, да и облака туманятся,—не быть бы грозѣ...

Мы не послушались, и вотъ плывемъ долго, а Лыкова все не видать. На рѣкѣ смеркается. Сначала темнѣютъ отраженія лѣсовъ и подъ берегами трудно уже разглядѣть измѣнническія карши, если только ихъ не выдастъ серебряная струйка теченія. Потомъ одѣваются густымъ сумракомъ самые лѣса, берега, мерцающая глубина рѣки... На небѣ съ одной стороны угасаетъ зарево заката—съ другой изъ-за гребней лѣса медленно развертывается туча. Изъ-подъ нея дохнулъ вѣтеръ, и вмѣстѣ съ тѣнями пробѣжали по лѣсу пугливые шорохи, то замирая вдали, то кидаясь съ одного берега на другой и провожая нашу лодку.

Потомъ и вѣтеръ стихаетъ. Лѣса не шелохнутъ листомъ и торопливые удары нашихъ веселъ одни отдаются эхомъ отъ береговъ. Лодка тяжело рѣжетъ воду, вода кипитъ подъ килемъ, и кажется, будто даже наша кривобокая ладья торопливо рвется впередъ изъ-подъ каждаго взмаха веселъ...

Первая зарница еще не увѣренно вспыхиваетъ далеко за гребнемъ лѣсовъ и пробирается ввысь по грядамъ облаковъ... За ней другая, третья... Карши, торчащія изъ черной рѣчной глубины встаютъ ясно всѣ до одной...

Лѣса взглядываютъ на мгновеніе, блѣдные отъ испуга,— и все опять гаснетъ... Мы плывемъ наудачу, такъ какъ темнота кажется послѣ зарницъ еще гуще. Потомъ уже настоящія молніи вспыхиваютъ гдѣ-то за лѣсами, пробивая въ нихъ пламенные просвѣты, и послѣ этого островерхія ели смыкаются въ таинственную, еще болѣе темную громаду...

Мы налегаемъ на весла,—авось за ближайшимъ мысомъ блеснутъ огни Никольскаго-Лыкова. Но лодка все вьется изъ кривули въ кривулю, наудачу минуя карши, ломы, задѣвы, а передъ нами только темныя стѣны лѣсовъ, да рѣка, озаряемая синими вспышками. Туча развертывается все шире... Ея движенія не видно, но мнѣ чудится какой-то особенный тихій шорохъ: свѣтлые клочки неба исчезаютъ одни за другими; мерцаетъ еще одна яркая звѣзда на югозападѣ, въ той сторонѣ, гдѣ, быть можетъ, въ эту минуту кто-нибудь вспоминаетъ объ насъ, не подозрѣвая, съ какой лихорадочной торопливостью наша одинокая лодка мчится подъ вспышками синихъ зарницъ... На рѣкѣ черно, какъ въ могилѣ. Глазъ жадно ищетъ огонька, но каждый поворотъ обманываетъ наши надежды... Лапы затонувшихъ деревьевъ бьютъ порой по лицу. Со дна глухо стукаются въ

лодку то опасный „кобелъ", задерживающій даже плоты въ полую воду, то поперечный „задѣвъ", то песчаная мель.

Вдругъ лодка натыкается на что-то. Молнія освѣщаетъ бревно, другое, цѣлые плоты, разбросанные въ безпорядкѣ и загромождающіе русло; я сворачиваю, но лодка продолжаетъ стукаться носомъ въ бревна, какъ муха, попавшая на стекло; при свѣтѣ молніи я направляюсь въ протокъ; минута,—и лодка наша съ тихимъ шипящимъ вздохомъ садится на песчаную мель.

Очевидно, прохода нѣтъ, а буря близится. Сзади движется уже даже не туча, а какая-то безформенная мглистая тьма, кипящая огнями...

Въ дальнихъ лѣсахъ стоитъ глухой гулъ, какое-то неразборчивое бормотаніе...

Я отправляюсь на поиски прохода, выхожу на какіе-то острова, пробираюсь сквозь кусты, всхожу на бревна плота, надѣясь найти свободную дорогу нашей лодочкѣ. Сгоряча прыгая съ бревна на бревно, пробѣгаю на середину плота и вдругъ, совершенно неожиданно погружаюсь въ воду: ничѣмъ не связанныя бревна разошлись подъ моими ногами и кругомъ меня стоитъ тревожное движеніе... бревна колеблются, сдавливаютъ, толкаютъ, вертятся, ускользаютъ изъ-подъ рукъ, мѣшаютъ выбраться... Намокшая одежда тяжела, а подъ ногой не чувствуется дна... Кругомъ замолкшій лѣсъ, вверху—тьма и угроза... Изъ какого-то дальняго уголка души ползутъ суевѣрныя представленія; мнѣ кажется, что все это — и рѣка, и бревна, и тучи, и черныя ели насторожились и злорадно слѣдятъ за мною...

Къ счастью, вода тепла. Черезъ минуту я все-таки взбираюсь на бревна, осторожно переползаю къ берегу и иду къ лодкѣ... Первый недальній громъ съ трескомъ разрываетъ мглистую тучу... За нимъ слышится дальній шумъ, точно лѣсъ сразу закричалъ тысячами голосовъ и что-то гигантское катится къ намъ по его вершинамъ.

Это бѣжитъ по лѣсу ливень.

Мы торопливо втаскиваемъ нашу лодку на покатый берегъ, поворачиваемъ ее дномъ кверху, подъ вѣтеръ, потомъ подпираемъ досками отъ скамеекъ. Я разыскиваю спички— и первыя капли дождя грузно шлепаются на песокъ, когда я подъ прикрытіемъ лодки развожу костеръ.

Ливень идетъ пока еще стороной, и огонь успѣетъ хорошо разгорѣться. Я выдвигаю костеръ изъ-подъ лодки, разрубаю и кидаю въ него сломанное весло, заваливаю густо валежникомъ; огонь шипитъ, трещитъ, вьется наружу, разгорается и когда, наконецъ, ливень охватываетъ со всѣхъ сторонъ лѣсъ, и рѣку, плещущую тысячами капель, и нашу

отмель, и кусты, и дальніе изгибы Керженца, и все кругомъ,—костеръ горитъ уже огромнымъ пламенемъ... Такъ странно и такъ пріятно смотрѣть, какъ онъ шипитъ, точно змѣй, отъ падающихъ капель, то припадаетъ низко къ землѣ, то опять рвется огненными языками на встрѣчу дождю, молніямъ и тьмѣ.

Больше ничего уже случиться не можетъ, худшее позади. Наша вѣрная ладья, защищающая отъ косого ливня, кажется мнѣ самымъ уютнымъ убѣжищемъ въ мірѣ. Я скинулъ съ себя всю мокрую и грязную одежду и теперь подъ лодкой отъ меня идетъ паръ... А кругомъ шумъ и раскаты, и крикъ взволнованнаго лѣса,—и разрывающіяся тучи сыплютъ молніями далеко надъ лѣсами и полянами, надъ болотами и непроходимыми чащами, надъ протоками, шишмарами, логáми, надъ убогими лѣсными деревнями, надъ одинокими кордонами лѣсниковъ, надъ умершими Шáрпаномъ и Улангеромъ, надъ умирающими Оленевымъ, Комáровымъ, Чернухой, смиренно прислушивающимися къ крикамъ Божіей грозы, надъ избушками Покровскаго, гдѣ Степанъ, быть можетъ, мокнетъ на сѣжѣ и благословляетъ долго жданную благодать изсохшихъ полей...

Теперь, когда я заношу эти строки въ мою путевую книжку,—центръ грозы уже промчался надъ нашими головами и тучи тихо громоздятся, уходя дальше... Раскаты смолкаютъ за лѣсами... и даже одинокая звѣздочка опять мигаетъ мнѣ съ вышины, — точно разыскиваетъ въ чащахъ нашу затерянную лодочку...

На утро солнце свѣтило такъ ярко и весело, какъ будто и оно омылось вчерашней грозой; на листахъ дрожали капли и, срываясь то и дѣло, сверкали въ воздухѣ новымъ дождемъ. Голоса птицъ звенѣли кругомъ, какъ стеклышки листья шептались безъ вѣтра, рѣчная струя посинѣла, пески рѣзали глазъ яркой бѣлизной, — всюду трепетала, веселилась, пѣла, переполненная свѣжими силами, обновленная жизнь, и мы не узнавали самыхъ мѣстъ, которыя вчера казались намъ такими угрожающими, враждебными, мрачными.

Принадлежности моего костюма, развѣшанныя на кольяхъ для просушки, длинный, изрытый шагами слѣдъ на пескѣ отъ нашей лодки, да кусты, измятые и изломанные вчера, когда я карабкался изъ воды, всѣ эти признаки ночной трагедіи теперь будили въ насъ лишь веселыя воспоминанія.

Часовъ въ 7 мы были въ Лыковѣ-Никольскомъ, небольшомъ селѣ, на лѣвомъ берегу рѣки. Оно стоитъ на границѣ обитаемой части Керженца. Далѣе до самой Волги намъ встрѣтятся лишь избушки угольщиковъ да кордоны лѣсной стражи. Быть можетъ, этотъ контрастъ съ прилегающей пу-

стыней придаетъ скромному селу особенное значеніе въ глазахъ мѣстныхъ жителей, но только вся волость носитъ, по его имени, названіе Лыковщины.

Отдохнувъ и напившись чаю, мы ровно въ полдень опять усѣлись въ лодку и она понесла насъ по длинному прямому плёсу. Домики Лыкова скрылись изъ вида. Теперь только одинокій кордонъ на рѣчкѣ Пугаѣ да перевозъ Краснаго Яра у самой Волги предстоятъ намъ на всемъ протяженіи трехъ дней и двухъ ночей нашего плаванія до устья.

Опять пустыня, безлюдье и шорохъ лѣса по обѣимъ сторонамъ рѣки...

Передъ вечеромъ, впрочемъ, задолго еще до заката, сзади за нами небольшой точкой на дальнемъ плёсѣ мелькнула лодочка. То исчезая за мысами, то теряясь въ заводяхъ, подъ берегами, то опять качаясь на свѣтлой струѣ, она каждый разъ появляется все ближе и, наконецъ, неожиданно вылетаетъ впереди насъ изъ протока. Въ узкомъ и замѣчательно легкомъ ботничкѣ сидитъ мужикъ въ гречневикѣ, изъ-подъ котораго глядитъ нѣсколько комичное лицо, съ добродушно-расплывшимися чертами, сѣрыми глазами и всклокоченной небольшой бородой. Его ботникъ, точно нетерпѣливый конь, рвется впередъ изъ-подъ каждаго удара широкаго одиночнаго весла, но мужикъ съ каждымъ взмахомъ нѣсколько задерживаетъ его бѣгъ и держится вровень съ нашей тяжелой лодкой. На нѣкоторомъ разстояніи эта фигура производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто гребецъ сидитъ прямо на водѣ, вытянувъ ноги, и его неуклюжіе лапти торчатъ кверху надъ бортами.

Поровнявшись съ нами, мужикъ окинулъ взглядомъ и нашъ неуклюжій ботникъ и весь его грузъ. И потомъ, ничѣмъ не выразивъ удивленія или особой любознательности, сказалъ благодушно:

— Миръ дорогой...

— И вамъ,—отвѣтилъ я.—Скажите: далеко еще до Кордона?

Лицо незнакомца выразило крайнее огорченіе.

— До Кордона?—повторилъ онъ...—Ахъ, мил-лые... Далече еще до Кордона-те... Да-а-лече... А вы думали: близко?—спросилъ онъ съ любопытствомъ.

— Въ Лыковѣ намъ говорили, что будемъ еще засвѣтло.

Онъ укоризненно покачалъ головой...

— Нѣ-ѣтъ... Завтра, дай Богъ... Завтра, и то къ вечеру... Вишь у васъ и ладья-те... Она ничего ладья... Ладья-те гожая... Ну, не ранѣе: къ вечеру на Кордонѣ будете...

Онъ посмотрѣлъ на небо.

— Солнце, вишь, невысоко, а до Вишни рѣки еще не близко. А вечера-то темные, на рѣкѣ карши... Ахъ, милые вы маé-е...

— А вы до Кордона?

— До Вишни я. Ботнички строимъ мы. Товарищъ пѣшкомъ ушелъ, лѣсомъ, а я, вишь, струментъ везу. До Вишни, милые... Ну, дай вамъ Богъ въ часъ добрый!.. У Вишни я васъ сожду... Вишню не миновать вамъ... Тамъ я сожду...

— А до устья, какъ вы считаете?—спросилъ я.—Далеко еще?

— До устья-то?

И опять онъ обдалъ меня взглядомъ ласкающаго сожалѣнія...

— До устья-те не доѣхать вамъ ни завтра, ни послѣ завтрева... въ четыре дня дай Богъ, что доѣхать вамъ до устья-те... До-о-лго, милые, до устья.

Онъ пускаетъ свою лодочку и вскорѣ его гречневикъ, его лапти, его лохматая голова, вся добродушная фигура исчезаетъ, мелькая и уменьшаясь впереди, а мы грустно переглядываемся: четыре дня—перспектива невеселая.

Солнце, дѣйствительно, низко, ночлегъ на кордонѣ—разлетается туманомъ...

Вечеръ опустился теплый, ласковый, ароматный; луна тонкимъ золотымъ серпомъ повисла въ мягкихъ туманахъ надъ верхушками елей; въ вышинѣ ласково и тихо мигали звѣзды,—но свѣта было мало и плыть по темному руслу становилось все труднѣе. Мы стали уже подумывать о ночлегѣ ранѣе назначеннаго срока, какъ вдругъ одному изъ насъ показалось, что впереди слышенъ чей-то голосъ. Я приподнялъ весла и, когда плескъ утихъ, намъ ясно послышался призывъ.

— Кордонъ,—сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Нѣтъ, это давешній мужикъ зоветъ насъ,—догадался другой и въ его голосѣ послышалась радостная нота. Впереди на одной излучинѣ красный отблескъ палъ поперекъ рѣки. Между кустами забѣлѣлъ дымокъ, огонь замигалъ трепетными переливами. Одинокая темная фигура фантастически рисовалась на свѣтломъ фонѣ.

— Сюда-а... Сюда греби... А-у-у...—кричалъ мужикъ и махалъ намъ руками.

— Какъ онъ услыхалъ насъ?—удивился одинъ изъ мальчиковъ...—Лодку совсѣмъ не видно...

— Ну, вотъ, слава-те Господи, — говорилъ между тѣмъ мужикъ, принимая носъ нашей лодки.—А ужь я-то стосковался, на берегу сидя: гдѣ молъ, друзья моé?.. Что долго нѣту?.. Ахъ, мил-лаи, что долго плыли вы? Ужь не на каршу ли, молъ, гдѣ сѣли? А то тутъ зàводь еще больно велика

живетъ... Лодка-те у васъ грузнà, народъ, думаю себѣ—не-. здѣшной, непривычн ой, а я васъ покинулъ, старый дуракъ.. Ну, слава-те, Господи!

— Ахъ, милые вы моé,—говоритъ онъ опять черезъ минуту, подбросивъ въ костеръ валежнику и вздыхая съ такимъ облегченіемъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ мы самые близкіе ему люди, подвергавшіеся большой опасности.—А ужъ я давно причалилъ, вылѣзъ на берегъ, пождалъ-пождалъ, взялъ кусокъ... такъ нѣтъ—и кусокъ не лѣзетъ, что мое друзья не ѣдутъ, что не ѣдутъ... Думаю: уже не проѣхали ли мимо, а я, старый дуракъ, и спросить-то не догадался: чье вы будете? Вотъ грѣхъ-то! А? Право!..

— А ты какъ думаешь, дядя, чьи мы?

— А Богъ васъ знаетъ, милые, что вы за человѣки. Не видали мы у себя этакихъ народовъ... Весной этто, когда вода великà живетъ, много же народу плаваетъ по рѣкѣ... Рѣка, что улица, въ весеннюю-те пору. Такъ опять народъ все примѣтной, руськой...

Онъ прищуривается, вглядываясь въ смуглыя лица моихъ юношей, и говоритъ:

— Такъ думалъ про себя, что не греки ли... Аль нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, извините, милые. А то грекъ, онъ вѣдь всюду проѣдетъ. Говорятъ,—самой хитрой изъ всѣхъ людей—греческой человѣкъ живетъ. Вотъ я и думаю: не съ товаромъ ли какимъ... Или, можетъ, со святостью съ Аѳону... Нѣтъ? Ну такъ... дѣло, дѣло... Нонись пріѣзжалъ тоже такой-то—камни, слышь, все бралъ, — такъ тотъ прямо изъ Питербурху... А ты бы, милый, лодку-те на берегъ выволокъ или бы въ заводь, а то вѣтромъ, бываетъ, отшибетъ...

Я сталкиваю лодку на воду и долго веду ее вдоль песчанаго мыса, ища прохода въ заводь. Когда, наконецъ, я подхожу опять къ мѣсту привала, у костра идетъ оживленная бесѣда. Мужикъ разсказываетъ что-то, молодые люди съ удивленіемъ слушаютъ. Глядя изъ-за своего уголка, затѣненнаго ветлами, я вижу какъ будто трехъ ребятъ, быстро отыскавшихъ какіе-то общіе интересы.

— Да развѣ въ капканахъ труднѣе?—спрашиваетъ одинъ изъ слушателей. Мужикъ взмахиваетъ руками.

— И-и... что ты, братецъ... Въ капканахъ ужь онъ тутъ маху не дастъ, пря-ама на тебя!.. Да облапить наровитъ, да подъ себя, да сичасъ драть... И такая у него привычка, что драть непремѣнно съ затылка... Ка-акъ можно! Оно хоть, скажемъ, капканъ для медвѣжьяго случаю дѣлается чижолый... Да вѣдь иной, матёрый, уволокетъ и капканъ.

— Знаете, кто это такой?—спрашиваетъ старшій племянникъ, когда я подложу къ костру.—Это—Аксенъ...

— Восемнадцать медвѣдей убилъ,—прибавляетъ другой...

— Ты—Аксенъ Ефимовъ?..

— Вѣрно, — говоритъ мужикъ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ спрашиваетъ: — Ништо про меня слыхали?

Мы слыхали объ Аксенѣ и въ Лыковѣ, и отъ лѣсничаго, въ Хахалахъ... но имя упоминалось съ оттѣнкомъ почтенія, которое едва-ли объяснялось только тѣмъ, что онъ убилъ восемнадцать медвѣдей...

— Ну, вѣрно,—подтверждаетъ онъ просто:—счетомъ всѣхъ двадцать. Такъ и зовутъ меня: Аксенъ-медвѣжатникъ.

Въ наружности керженской знаменитости нѣтъ ничего выдающагося. Фигура скорѣе невзрачная... Добродушное лицо съ жидкой бѣлокурой бородкой, сѣрые ласковые глаза... Но во всѣхъ движеніяхъ разлиты какая-то особенная увѣренность и спокойствіе. Очевидно, что здѣсь, въ лѣсу, среди этихъ безчисленныхъ суводей, заводей, мысовъ, омутовъ, песковъ и лѣсовъ—онъ у себя, дома, что со всѣмъ этимъ онъ сжился, что его собственный пульсъ бьется въ тактъ со всѣми этими плесками, шорохами, глубокими вздохами невольно пугающей насъ ночи... Какъ прежде лодка, казалось, сама несетъ его надъ пучиной, такъ теперь огонь вспыхиваетъ при одномъ приближеніи его руки къ пламени, направляя свои языки именно туда, гдѣ ему нужно.

— Скипѣлъ,—говоритъ онъ, поднимая вѣточкой чайникъ, который пыхтитъ, шипитъ, фыркаетъ, какъ живой. — Заваривай!

Я приготовляю чай и приглашаю Аксена. Но онъ спокойно и рѣшительно отказывается.

— Кушайте,—говоритъ онъ доброжелательно.—Вы—люди дорожніе, самимъ, смотри, не хватитъ. Ты вотъ хотѣлъ въ день доплыть, а не доплыть тебѣ, милой, ахъ, не доплыть и въ два дни... Смотри, наголодаетесь еще.

Онъ нарѣзалъ мелкихъ ракитовыхъ вѣтокъ, кинулъ ихъ на песокъ, улегся на эту постель подъ своимъ опрокинутымъ легонькимъ ботничкомъ и замолкъ...

Вскорѣ и мальчики заснули. Пламя костра, быстро уничтожившее мелкій хворостъ, теперь лѣниво вьется межъ корявыхъ толстыхъ пней, приваленныхъ другъ къ другу... Темное небо смотритъ сверху и будто дышетъ своими огнями... По временамъ съ яру свалится подмытый песокъ съ медленнымъ шуршаніемъ, напоминающимъ вздохъ... Гдѣ-то за предѣлами освѣщеннаго пространства береговой лѣсъ бормочетъ и по временамъ шевелитъ безпокойно спящими вѣтвями...

Всѣ эти ночи, которыя мы проводимъ на берегу Керженца, мнѣ не спится, не смотря на то, что дни проходятъ въ довольно тяжелой работѣ, а по вечерамъ при свѣтѣ костровъ я заношу въ книжку впечатлѣнія дня. Не спится мнѣ потому, что этихъ впечатлѣній слишкомъ много, что даже въ тишинѣ ночи они толпятся къ костру, обступаютъ меня, носясь смутными образами на предѣлахъ темноты и свѣта, заманивая воображеніе, будя какіе-то вопросы... Такъ все здѣсь таинственно и въ этой таинственности—такъ полно и цѣльно. Вотъ и теперь мнѣ кажется, что тревожные вздохи лѣса говорятъ мнѣ что-то обо всѣхъ этихъ лѣсныхъ людяхъ, тогда какъ лѣсные люди говорили, съ своей стороны, о лѣсахъ. И то, что днемъ проскальзывало, проплывало мимо сознанія, безъ общей связи, безъ значенія, какъ эти однообразные берега мимо лодки,—теперь при свѣтѣ огня на песчаной отмели встаетъ въ памяти, проситъ себѣ мѣста, облекается и значеніемъ, и связностью.

Почему-то мнѣ вспоминается лѣсничій, съ которымъ я познакомился въ Хахалахъ. Лѣсничій—полякъ, зовутъ его Казиміръ Казиміровичъ, живетъ въ Хахалахъ давно. Онъ устроилъ себѣ прелестное, уютное гнѣздышко въ своемъ казенномъ домикѣ... Домикъ этотъ стоитъ на концѣ села, на кручѣ. Отсюда видна рѣка, луга за рѣкой, за лугами лѣса и лѣса... Свѣтло-зеленые, темные, синіе, фіолетовые на дальнемъ горизонтѣ—они стелются вдаль, скрывая въ себѣ излучины Керженца... Кой-гдѣ увѣренно прорѣзали ихъ прямыя просѣки, правильныя рубки легли ровными площадками, молодыя поросли, точно подстриженныя, плотно примкнули къ высокому старому лѣсу... И когда съ бельведера я смотрѣлъ на все это, домикъ лѣсничаго казался мнѣ центромъ, откуда исходитъ и куда стремится весь этотъ порядокъ, замѣтно проложившій свои слѣды среди первобытнаго хаоса лѣсовъ.

Внутренность этого домика пріятно ласкала глазъ, усталый отъ однообразія и пустынной дикости. Старинныя картины по стѣнамъ, полки съ книгами, какая-то особенная тишина, отпечатокъ уютности и порядка... Умный взглядъ и снисходительно-насмѣшливая улыбка во время разговора тоже очень понравились мнѣ въ лѣсничемъ. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ ему трудно было здѣсь сначала, какъ мужики не могли свыкнуться съ разумными взглядами на лѣсную собственность, какъ его предшественнику и ему приходилось здѣсь бороться съ ихъ притязаніями, какъ, наконецъ, путемъ долгой борьбы, настойчивости и системы мало-по-малу совершается настоящій переворотъ во

всей этой лѣсной мѣстности... Какое-то особенное, немного презрительное сожалѣніе слышалось въ его голосѣ, когда онъ говорилъ о мужицкихъ взглядахъ на государственную собственность... Изъ-за желудей мужику ничего не стоитъ рубить полувѣковые дубы... Изъ-за лыка онъ обдеретъ сотни деревьевъ, для расчистки паломъ лѣсной кулиги—сожжетъ сотни десятинъ лѣса. Вотъ и теперь съ Ветлуги на Волгу тянетъ на десятки верстъ чадный пáдымокъ...

Казиміръ Казиміровичъ полякъ, и мнѣ казалось, что поляки—отличные лѣсничіе. Нѣмецъ чиновникъ — порой высокомѣренъ и жестокъ. Русскій самъ слишкомъ близокъ къ взглядамъ своего народа. Они легко находятъ откликъ въ его душѣ, онъ рефлектируетъ... Если онъ плутъ,—плутовство его размашисто и недисциплинировано. Если честный человѣкъ,—честность его порывиста и неспокойна. Полякъ культурнѣе, выдержаннѣе, въ немъ крѣпче и устойчивѣе „цивилизованные“ взгляды на земельную собственность... И я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выдѣлилъ среди своихъ впечатлѣній фигуру Казиміра Казиміровича...

Костеръ началъ угасать... Потянуло съ рѣки сырымъ холодкомъ. Аксенъ поднялся изъ-подъ своей лодочки, повернулъ пни и огонь ожилъ.

— Не спишь?—спросилъ онъ у меня, опять ложась на мѣсто...

— Не спится,—отвѣтилъ я...

— Усталъ вѣрно за день-то... Ты вотъ въ Хахалахъ когда былъ? Вчера? Не знаешь-ли, Казимірушка, лѣсничій тамъ?

— Тамъ...—отвѣтилъ я, удивленный этимъ совпаденіемъ нашихъ мыслей, какъ будто безпокойный шорохъ лѣса навѣялъ ихъ на насъ обоихъ.—А что онъ, хорошій человѣкъ?

— Казиміръ? Ничего, хорошій. Простой онъ, даже и разговористой...

И вдругъ, безъ всякихъ переходовъ, онъ прибавилъ:

— Мягко стелетъ, да жестко спать.

— Что такъ?—спросилъ я...

Аксенъ не отвѣтилъ. Онъ прислушивался къ чему-то въ смутномъ лѣсномъ шорохѣ. Черезъ нѣкоторое время и я различилъ въ неопредѣленныхъ шумахъ болѣе отчетливые звуки. Кто-то грузно пробирался сквозь чащу къ рѣкѣ... Тяжелый всплескъ... Потомъ, другой, третій...

Аксенъ покачалъ головой и сказалъ:

— Медвѣдица это... Самъ-третей съ медвѣжатами... За рѣку перевалилась...

Мнѣ уже ничего не было слышно, но Аксенъ еще долго

прислушивался, выдѣляя шаги медвѣдицы изъ лѣсныхъ шумовъ.

Мнѣ захотѣлось разспросить у него о глубинахъ лѣсовъ, въ надеждѣ, что тутъ скажется и глубина лѣсной души... Что онъ думаетъ о Богѣ, о мірѣ?.. Слыхалъ-ли о „Святомъ озерѣ“? Встрѣчалъ-ли въ лѣсахъ таинственную „нежилую силу“?.. Помнитъ-ли разсказы о подвижникахъ?..

Но, когда въ лѣсу все окончательно стихло и Аксенъ круто повернулся ко мнѣ,—то въ головѣ его бродили мысли все о томъ же Казимірушкѣ.

— Ты, Владиміръ, какъ полагаешь, — спросилъ онъ.— Можно намъ теперь медвѣдей бить?..

— Отчего-же?

— Нельзя, братъ... Хошь онъ тебѣ навстрѣчу попадись... И будь ты, теперича, не то что съ дробовикомъ... съ ружьемъ, съ настоящимъ...—а тронуть его не моги. Сдѣлайте милость, Михайло Ивановичъ, проходите! Насъ только не троньте, а намъ не приказано, чтобъ вашу милость безпокоить.

Онъ прислушался, ожидая отъ меня реплики, и продолжалъ:

— Ты думаешь, онъ этого не понимаетъ? Нѣтъ, братъ, пойметъ!.. У-умная тварь, только словъ не знаетъ. А и то въ лѣсу слыхалъ я,—медвѣдь съ медвѣдицей баяли. Вѣришь совѣсти; ну, вотъ ровно человѣки, только не по-нашему... Понимаетъ онъ всякую штуку. Вотъ въ старыя-то времена къ избамъ, что есть, вплоть подходили. Мужикъ запрется, а онъ, что ты думаешь: дверь ломать!.. Потому ихняя была сила, а міръ-отъ слабъ еще былъ. Нонѣ міръ окрѣпъ—ему надо въ лѣсу да въ чапыгѣ коронитьця. Теперича опять видитъ,—міръ стѣсненъ,—онъ опять претъ изъ лѣсу-те. Даромъ, что животная тварь, и понятіе у него есть... Ты не спишь?

— Нѣтъ, нѣтъ, Аксенъ Ефимычъ! Говорите.

— Что и говорить намъ,—обижены мы, стѣснены. Не то медвѣдя—птицу не устрѣль, зайця не тронь, лутȍху что-есть срѣжешь,—сейчасъ къ тебѣ лѣсничишко причаливаетъ...

Онъ сказалъ послѣднія слова нѣсколько тише и махнулъ головой въ томъ направленіи, гдѣ внизъ по рѣкѣ предполагался кордонъ лѣсника.

— Нѣтъ, ты послушай-ко, что еще безбожные-те люди выдумали. Ежели тебѣ сейчасъ о бортяхъ разсказать... Пожалуй, еще и вѣры-те неймёшь, скажешь—хвастатъ Аксенъ-отъ Ефимычъ, зря баетъ...

Онъ придвинулся ко мнѣ и поправилъ костеръ. Я тоже подвинулся и, опершись на руки, смотрѣлъ въ простодушное лицо разсказчика, освѣщенное огнемъ.

— Этто плыли вы ныньче, не видали-ли борти надъ рѣкой? Видѣли? Ну, мои—борти. Минуя этихъ, еще по лѣсамъ у меня не малое число есть, кои отъ родителя еще оставши, кои самъ промыслилъ. Хорошо. Пріѣзжаетъ нонись левизоръ, созываетъ насъ, стариковъ, къ себѣ. И Казимірушко тутъ-же. — Ну, старикъ, есть у тебя борти? — Есть, молъ. — А что плотишь? — Три рубля плачу,— ни за што, говорю, ваше благородіе.—Теперь, говоритъ, плати двѣнадцать!..—Что, молъ, такое? Я, ваше благородіе, согласенъ, какъ прежде, по три рубля попенныхъ платить, а двѣнадцать за что же?—Нѣтъ, говоритъ, такой нонѣ законъ: двѣнадцать рублей.—Хорошо, говорю, стало быть, это уже навѣкъ, что-ли?—Что ты, что ты, старикъ! На годъ, на одинъ.— Тутъ ужь я не вытерпѣлъ: „Какъ это, говорю, можетъ быть? У насъ не гари, не рамени... На гаряхъ,—цвѣту много... Въ рамени—липа цвѣтетъ... Попосъ пчелы большой... А тутъ нѣшто можно экую махину денегъ со пчелы согнать?.. Не согласны мы".—А не согласенъ, говоритъ, такъ вотъ что: плати три рубля за пень, да убирай его куда хочешь...

Послѣднія слова ревизора Аксенъ Ефимычъ передалъ съ такимъ замираніемъ голоса, съ такимъ дѣтскимъ ужасомъ въ лицѣ, точно ему пришлось повторить величайшее богохульство.

— Слышалъ? Убирай, говоритъ, куда хочешь.—Ваше благородіе,—я говорю,—не можетъ этого быть. Развѣ вамъ отъ великаго государя дозволяется это дѣлать? Вѣдь она, пчела-те, Божья тварь; теперича летитъ она поверхъ бору, поверхъ рамени,—вѣдь ей не прикажешь, куда сѣсть; ежели она въ какомъ мѣстѣ сѣла, да сдѣлала заносъ, то, значитъ, ей то мѣсто Богомъ отведено. Такъ неужели-же вамъ это дозволяется, что Божью тварь зорить, да въ другоѐ теперича мѣсто ссылать? Н-ну! Вотъ мое вамъ послѣднее слово будетъ: ежели ужъ вы отъ великаго государя имѣете такое дозволеніе, что Божью тварь нарушить, да перемѣстить— дѣлайте! Дѣлайте,—я имъ говорю,—а моя рука на это дѣло не подымется.—И ушелъ отъ нихъ съ тѣмъ словомъ. А за мной и другіе ушли...

Онъ перевелъ духъ и ткнулъ вѣткой въ огонь. Послушная коряга дрогнула, повернулась, пламя ожило и забѣгало, приведя въ движеніе массу трепетныхъ тѣней кругомъ, и лѣсъ зароптал, точно изъ-за какой-то ограды. Казалось, Аксену нужно было это оживленіе, чтобы усмирить волненіе собственной души.

— А Казимірушка-те,—заговорилъ онъ съ усмѣшкой:— хи-й-трой... Стоитъ рядомъ, тутъ же, а самъ ни слова. Ни супроти начальства не можетъ, ни опять супроти Божіей

твари. Стало быть, есть еще сколько-нибудь совѣсти, у Казимірушки-те. Ну, хорошо. Вышедчи я отъ нихъ—ударился въ городъ, къ Семенъ Миколаичу... вы Семенъ Миколаича знаете? Хозяинъ онъ по нашему-те уѣзду...

— Слыхалъ немного.

Семенъ Николаевичъ, о которомъ говорилъ Аксенъ,—былъ довольно извѣстенъ въ Нижнемъ. Старый крѣпостникъ, молчаливый и угрюмый, какъ Собакевичъ, онъ никогда не выступалъ ни въ земскихъ, ни въ дворянскихъ собраніяхъ, но его охотно выбирали въ предводители лѣсного уѣзда, и онъ тихо, безъ шума дѣлалъ какія-то дѣла солидно стяжательнаго свойства.

— Харро-шій человѣкъ, — продолжалъ Аксенъ своимъ благосклоннымъ голосомъ...—Простякъ. Когда въ городу случится быть, завсегда къ нему имѣемъ ходъ. Вотъ и на этотъ разъ ударился я къ нему: такъ молъ и такъ, вотъ каки слова намъ о бортяхъ сказаны. Сейчасъ онъ дверь въ другую избу открылъ, а тамъ у него такой сидитъ, перомъ поскрипываетъ... „Эй ты, перо за ухомъ!.. Иди сюда! Слушай вотъ, что мужикъ баетъ, да запиши все". Ну, я разсказалъ, какъ вотъ тебѣ же, а тотъ все слушаетъ, да на усъ мотаетъ.—„Ну, что, — Семенъ-те Миколаичъ спрашиваетъ,—слышалъ? Ступай напиши, да мотри, хорошенька-а! Чтобы добыть мужичкамъ законъ!" Тотъ писалъ, братецъ мой, да видно нацѣлился въ самую точку, къ министру по крестьянскимъ дѣламъ...

— Такого министра нѣтъ, Аксенъ Ефимычъ.

— Ты слушай,—кабы не было, такъ и отвѣту бы намъ не было... Пришла вѣдь бумага-те,—ты что думаешь!..—Казимірушка и объявилъ: плати, старики, три рубли по старому. Вотъ то-то. Живъ еще Богъ-те, да и великой государь этого не приказываетъ, что нарушить, напримѣръ, весь порядокъ... Да мы-то вишь, темные... Охо-хо... А ночи-те много ушло.., Спать, видно...

Но черезъ минуту онъ опять заговорилъ изъ-подъ своей лодки:

— А слышь, плутъ... Ну, и плутъ-же...

— Кто?—спросилъ я.—Казимірушка, что-ли?..

— Нѣ-ѣтъ... Семенъ-те Николаичъ... — пояснилъ онъ неожиданно и, зѣвнувъ, продолжалъ засыпающимъ голосомъ:

— Лонись кладнушку мы къ Макарью согнали, и довелось мнѣ на Волгѣ на рѣкѣ вотъ этакъ-же, какъ съ тобой, съ мужикомъ однимъ у теплины ночевать. Въ губернію мужичокъ-отъ валился отъ обчества съ бумагой. Стало-быть, надумали они обчествомъ у помѣщицы у сосѣдней землицу укупить. И

дерни нелегкая, — къ хорошему человѣку за совѣтомъ пошли, къ самому этому Семену Николаичу... У батюшки его крѣпостные они были... — „Что-жь, говоритъ, мужички! Хорошо, что ко мнѣ заявились. Радъ, говоритъ, я услужить вамъ. Дайте вы мнѣ довѣріе, я вамъ безъ хлопотъ землю предоставлю“. Мужики дали довѣріе, радуются, пождутъ... А барина-те бѣсъ-отъ подъ ребро и толкни: увидалъ, что земля гожа и недорога и что нельзя мужикамъ безъ таё земли быть,—да слышь ворськимъ-те манеромъ ту землицу за себя и купи! Теперича и завязалась волокита. Мужики-те на барина въ одинъ судъ, а баринъ-те мужиковъ во другой волокётъ. Не чаютъ теперь, когда тотъ грѣхъ и прикончится... А, хорошій человѣкъ!.. какъ это по-твоему выходитъ?

— Плохо.

— То-то, не больно,—видишь, какая вещь,—хорошо. Времена нонѣ не простыя: развѣсь уши — наплачешься и съ хорошими-те людьми...

Онъ зѣвнулъ еще разъ и смолкъ...

Гдѣ-то вдали послышался шорохъ. Спугнутая кѣмъ-то пара утокъ вылетѣла поверхъ лѣса и, начиная успокаиваться, безпечно спускалась на рѣку... но тутъ, поровнявшись съ нашимъ притаившимся огонькомъ, вдругъ шарахнулась въ сторону, и долго стоялъ, замирая въ дали, надъ рѣкой тревожный свистъ испуганныхъ крыльевъ...

Я задремалъ и проснулся. Кто-то шелъ изъ лѣсу, неся что-то грузное на спинѣ. Большой, мрачнаго вида мужикъ подошелъ къ нашему огню, кинулъ сѣти, замѣтивъ насъ, подошелъ къ мальчикамъ, постоялъ въ недоумѣлой позѣ, широко разставивъ ноги, и, какъ будто было совершенно достаточно для его любознательности, отошелъ и уже больше не обращалъ на насъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ подкинулъ въ огонь валежнику, посидѣлъ около него, то поворачиваясь къ пламени мокрой отъ сѣтей спиной, съ которой тогда начиналъ валить паръ, точно изъ трубы, то протягивая къ огню ноги и руки. Потомъ онъ подошелъ къ лодкѣ и, безъ церемоніи взявъ Аксена за ноги, повернулъ его, точно мертвую колоду.

— Ты, Пареенъ?—спросилъ тотъ, пробуждаясь.

— Я.

Аксенъ перемѣнилъ положеніе такимъ образомъ, что они лежали теперь головами другъ къ другу; огонь одинаково освѣщалъ мужиковъ, лодка одинаково прикрывала отъ вѣтра. Пришедшій буркнулъ что-то Аксену кратко и угрюмо; Аксенъ завозился и подъ лодкой начался разговоръ; я слышалъ только отдѣльныя слова: „изъ городу... въ губернскомъ правленіи!..

бумага"... Потомъ мрачный мужикъ смолкъ, повернулся лицомъ къ небу, причемъ его лохматая борода какъ будто загорѣлась сразу, освѣщенная костромъ, и, казалось, заснулъ. Болѣе экспансивный Аксенъ сокрушенно вздохнулъ, подсѣлъ на корточкахъ къ огню и, кинувъ на меня косой взглядъ, тихо спросилъ:

— Владиміръ,—мудрено по батюшкѣ-те...—Спишь ты?

— Не сплю.

— Почто не спишь, аль заботушка?

— Да вѣдь и ты, вотъ, не спишь: тоже, значитъ, забота?

— Забота и есть... судимся мы.

— Не опять-ли о бортяхъ?

— Нѣтъ! Дѣло-то наше теперь побольше бортей будетъ. Теперича, ежели намъ не выстоять, такъ тутъ ужь весь нашъ хрещеной міръ порушится.

— Какъ та́къ?..

— Да вотъ такъ. Все Казимірушка... Ты, говоришь, самъ нижегородской?

— Да.

— Въ коемъ мѣстѣ проживаешь?

Я сказалъ свой адресъ.

— Такъ. Доведется мнѣ въ Нижній побывать, по своему по хрестьянскому дѣлу...

— Заходи тогда ко мнѣ.

Аксенъ, видимо, просвѣтлѣлъ.

— Нѣшто зайти? Можетъ, абвоката бы намъ указалъ... Не знаешь-ли вотъ этакого человѣка?

Онъ назвалъ одного изъ темныхъ ходатаевъ, не имѣющихъ даже права являться въ судъ,

— Нѣтъ, этотъ не годится.

— Пошто не годится?

— Да ему и въ судъ ходу нѣтъ.

— То-то, баютъ, нѣту ходу. Больно дошлый. Что ни возьмется за дѣло, то и выправитъ. Судьи слышь осерчали,—не беретъ ихъ сила супротивъ того человѣка,—ну, и отказали ему, что и на глаза имъ не являться...

Я засмѣялся.

— Такъ какъ-же ему за ваше дѣло взяться, если въ судъ не ходитъ?..

— А онъ, стало-быть, только самъ не идетъ; а человѣка можетъ поставить на самую, значитъ, линію... это ничего!

— Пустяки это, Аксенъ Ефимычъ!

— Пустяки-и? — и мужикъ растерянно повернулся отъ огня.

— Вамъ надо настоящаго, хорошаго человѣка.

Аксенъ нахмурился.

— Чего лучше хорошаго-те. Да вишь, я тебѣ скажу,— чужая-те душа больно потемна, не влѣзешь въ ее. Бѣсъ-отъ силенъ, горами качаетъ, вотъ какая штука. Больно и отъ хорошихъ-те людей нашему брату достается... Вонъ сказывалъ я тебѣ про Семена Николаевича... Ужь вотъ хорошій человѣкъ... Медалей сколько... съ царемъ говорилъ... А самъ вишь великаго-те государя омманываетъ... А иной разъ отъ проходящаго-те шатающаго человѣка такое слово услышишь...

Онъ помолчалъ и потомъ сказалъ вкрадчиво:

— Послушай, Володимеръ, что я скажу... Былъ у насъ въ городу, въ Семеновѣ человѣкъ одинъ; такъ себѣ человѣчина, не изъ большихъ, маленькой, а разумъ имѣлъ. Говорилъ онъ намъ въ тую пору: — „Вотъ что, говоритъ, старички. Дѣло мое сторона, — а только послушайтесь вы моего совѣту: землю станутъ вамъ отдавать, — примайте; земля пойдетъ отъ великаго государя; а удовольствія своего объявлять никакъ не могите... А то наплачетесь". Намъ бы,— видишь ты, какая вещь,—того человѣка послушаться, а мы ни къ чему... уши и развѣсили. Какъ вычитали намъ рѣшеніе: отдать землю, да по урочищамъ, да по межамъ обошли, мы и обрадовались.—Довольны, что-ль, старики?—„Вполнѣ, говоримъ, довольны! Можно сытымъ быть, есть изъ чего и податями платиться". А тутъ еще, видишь ты, мужикъ одинъ съ Казимірушкой разболтался, праздничное дѣло...— „Что, молъ,—Казимірушка говоритъ,—во много-ль вы, мужики, топерича, тотъ лѣсъ цѣните?"—Мужику бы, конечно, помолчать, — не всяко вѣдь слово на пользу сказывается, а онъ, слышь, съ дуру-те, какъ съ дубу, и брякни: „Этому мы, теперича, лѣсу, говоритъ, и вовсе цѣны не полагаемъ. Прямо считай во сто тыщъ!" Видишь ты: единымъ словомъ опять весь міръ въ яму-те и убухалъ!

— Полно-те, Аксёнъ Ефимычъ!

— Да ужь такъ, не ко времю сказалъ! Всяко, брать, слово, и дурное, и хорошее, оно ко времю свою силу имѣетъ. Обмолвился мужичишко глупымъ словомъ, а Казимірушка на-лету его и подхвати...

Я уставалъ слушать... Исторія принимала совершенно фантастическія, почти волшебныя формы, въ которыхъ играли роль какія-то „слова не ко времю" и такія же подписи. Казимирушка игралъ тоже какую-то фантастическую роль и меня удивляла смѣсь чрезвычайнаго благодушія и сдержаннаго негодованія, съ которымъ Аксенъ отзывался о лѣсничемъ... Мнѣ казалось, что это—отношеніе враждебныхъ отрядовъ на аванпостахъ, благодушно разговаривающихъ въ промежуткахъ сраженій: лично пріятные собесѣдники,

но они готовы вступить въ смертный бой при первомъ сигналѣ...

— Ты, молъ, Казиміръ Казиміровичъ,—кому служишь,—слышу я голосъ Аксена сквозь дремоту...—Ты, я ему говорю, служишь своему начальству... Такъ ли?—Вѣрно, говоритъ...—А ты, я говорю, долженъ служить большому хозяину... А большой-те хозяинъ кто?..—Большой хозяинъ—казна,—говоритъ... — Казна-а? Нѣтъ, не казна... Большой-те хозяинъ — великій государь, вотъ кто...—Такъ неужто, по твоему, великій государь это дозволяетъ... Ежели, напримѣръ, пчелу не дозволяетъ зорить, такъ можно ли этому быть, чтобы весь міръ порушить? Теперича въ казенной намъ лѣсъ ходу нѣту... такъ?

Я молчалъ, но мрачный мужикъ, котораго я считалъ спавшимъ, буркнулъ со своего мѣста мрачнымъ басомъ:

— Само собой...

— И въ мужицкой тоже не пускаютъ... Куда податься міру-те? А міръ отъ лѣсу только и живъ... Ты что не баешь намъ, Володимеръ? Ай заснулъ,—притомился?..

Я не спалъ, но мнѣ не хотѣлось говорить. Я чувствовалъ, что, если начинать разговоръ, то онъ затянется до свѣту: мы заговоримъ на разныхъ языкахъ. Потому я не отвѣтилъ.

— Дрыхнетъ!—презрительно сказалъ мрачный мужикъ.

— И то, слышь,—умаялись они,—благодушно заступился Аксенъ.

— Что зà-люди? Чьи такіе?

— Изъ городу.

— По какимъ болѣе дѣламъ?

— Кто знаетъ. Безъ дѣла, слышь... рѣку нашу посмотрѣть. Ученые, полагаю я.

— Подлецы какіе-нибудь,—предположилъ мрачный мужикъ довольно-таки рѣшительно.—Шатáтели.

— Полно тебѣ, Парфенъ, ругаться-то! Пошто зря ругаешься, ничего не видя?..

Я слышалъ, какъ оба опять полѣзли подъ лодку, но заснули не сразу. Подъ трескъ теплины и сонный шопотъ лѣса до меня еще нѣкоторое время долетали ихъ тихіе разговоры.

Потомъ оба смолкли... Тихо плескалась струя Керженца. Шепталъ лѣсъ...

Мой сонъ улетѣлъ... Мнѣ опять вспоминались разговоры на балконѣ лѣсничаго и его разсказы о планахъ „раціональнаго лѣсоустройства“. Выходило такъ, что весь этотъ лѣсной міръ, разстилавшійся подъ моими ногами, туманившійся и синѣвшій по широкому горизонту,—спокойно, величаво и

закономѣрно поворачивается около центра, стройно двигаясь отъ хаоса къ порядку и гармоніи. Здѣсь же, на песчаной отмели, подъ страстныя рѣчи Аксена поворотъ казался мнѣ уже не такимъ стройнымъ... Подъ осями что-то стонало и билось, просѣки прорубались по живой цѣлинѣ исконныхъ народныхъ понятій.

Вотъ летитъ поверхъ лѣса рой Божіей твари... Гдѣ она сядетъ?... „Ей не укажешь",—говоритъ лѣсной человѣкъ. Ей отведено мѣсто чьей-то невидимой рукой, таинственнымъ закономъ, царящимъ и надъ лѣсомъ, и надъ тварью.

Не такъ ли и лѣсной міръ: какъ эта божія тварь, онъ осѣдалъ среди дебрей, безъ руководства и указки, основывался, роился, связанный съ условіями своего быта тысячью невидимыхъ нитей. Но вотъ по стволу борти стучитъ топоръ казеннаго полѣсовщика и трудолюбивая тварь жужжитъ, тревожится, волнуется... Надъ понятіями лѣсного міра тоже занесенъ топоръ, и дикая, стихійная, непосредственная лѣсная правда, родившаяся гдѣ-то въ безсознательной древности,—протестуетъ во имя стихійныхъ, правящихъ въ лѣсномъ царствѣ законовъ... А такъ какъ лѣснымъ людямъ и весь божій міръ представляется только лѣсомъ, гдѣ всякая божія тварь должна роиться по простѣйшимъ законамъ, одинаковымъ и для лѣсной борти, и для лѣсной общины,—то теперь лѣсному человѣку кажется, что „Казимірушка" посягаетъ на цѣлый міровой порядокъ...

Лѣсной міръ выдвигаетъ противъ преступнаго нашествія идею „великаго государя"... Это его понятіе, обвѣянное мечтательнымъ обаяніемъ, неопредѣленно, романтично, смутно и въ значительной степени анархично. „Великій государь" этой лѣсной легенды—прежде всего врагъ наличнаго, конкретнаго государства, врагъ всего чиновничества и находится съ нимъ въ постоянной борьбѣ... Побѣда пока не за нимъ, но все же это таинственная безличная сила, которая въ любой моментъ и по любому поводу можетъ быть приведена въ движеніе и заступиться за мужиковъ. Дойти до нея трудно, но есть какія-то особенныя „слова", которыя ее приводятъ въ дѣйствіе. И тѣ „слова", какъ волшебныя заклинанія, не всегда знаютъ мудрѣйшіе и ученѣйшіе. Отставной солдатъ, бредущій на родину изъ Питербурху, порой невѣдомый „проходящій человѣкъ" кинутъ порой такое вѣщее „слово",—и пойдетъ оно перекатываться отъ деревни къ деревнѣ, отъ міра къ міру, пробираясь, какъ лѣсное эхо, въ самые глухіе уголки русской земли, гдѣ всего живѣе полумистическія суевѣрныя понятія... И по дорогамъ къ Питербурху потянутся мірскіе ходоки, увѣренные, что отъ

проходящаго человѣка они получили самую настоящую формулу заклинанія...

Теперь, при тускломъ свѣтѣ костра на пустынной отмели лѣсные люди,—я зналъ это,—предполагаютъ и во мнѣ такого „проходящаго", владѣющаго, быть можетъ, тайной вѣщаго слова... И я зналъ также, что разговоръ нашъ долженъ перейти неизбѣжно въ столкновеніе двухъ міровоззрѣній...

. . . .

Еще пара утокъ со свистомъ вылетѣла изъ-за лѣса, но теперь онѣ уже не испугались: костеръ чуть дымился, мы всѣ лежали неподвижно. Птицы грузно шлепнулись на воду и вскорѣ ихъ довольное кряканіе присоединилось къ многочисленному хору утиныхъ голосовъ, съ нѣкоторыхъ поръ раздававшемуся на темной рѣкѣ. Тутъ было и тихое воркованіе, и удалые посвисты, и хрюканіе, и будто даже собачій лай... Шла какая-то оргія птичьей породы... А около костра слышалось дыханіе четырехъ спящихъ. Я съ невольной улыбкой смотрѣлъ на нихъ и мнѣ казалось, что это четыре ребенка спятъ у огонька на отмели. Самый наивный изъ нихъ былъ, на мой взглядъ,—знаменитый медвѣжатникъ и ходатель за мірское дѣло—Аксенъ...

VII.

На кордонѣ.—Лѣсная пустыня.—Волга!

Я проснулся отъ холода передъ самой зарей... На деревьяхъ висѣла и качалась туманная пелена; разрывалась клочками, уходила въ чащу и все двигалась вдоль узкаго русла внизъ по теченію. Слышался трескъ. Это угрюмый Пароенъ удалялся на озеро, нагруженный ворохомъ сѣтей. Аксенъ бродилъ по берегу, подбирая на бѣломъ пескѣ черныя коряги для потухшаго костра.

— Спи-лежи,—сказалъ онъ, подойдя къ теплинѣ и разворачивая голыми руками притаившійся подъ золою огонь...— Рано еще, вишь, не вовсе и ободняло.

— А вы куда, Аксенъ Ефимычъ?—спросилъ я, видя, что онъ натягиваетъ зипунъ, которымъ былъ накрытъ ночью.

— На озеро... Рыбки наловить на уху... потомъ за работу...

— Ну, значитъ, прощайте... Въ городѣ будете,—заходите.

— Ну?—обрадованно спросилъ Аксенъ,—нѣшто зайти?..

— Конечно... Я помогу вамъ найти вѣрнаго человѣка.

— Спаси Богъ, добрый человѣкъ... А гдѣ-жь намъ тебя розыскать будетъ?

Я записалъ на листкѣ адресъ. Аксенъ тщательно свер-

нулъ бумажку и сунулъ ее въ пехтерь. Затѣмъ онъ догналъ своего мрачнаго товарища, который, обогнувъ отмель, мелькалъ между стволами сосенъ. Оба они остановились, и я догадался, что благодушный Аксенъ опять старается возстановить мою репутацію. Потомъ оба исчезли въ чащѣ...

Часа черезъ три мы подплывали къ кордону на рѣчкѣ Пугаѣ. Въ этой части Керженца все чаще темная островерхая ель смѣняется стройной сосной. Кордонъ стоялъ на опушкѣ прекраснаго задумчиваго бора. Просторная новая изба съ пристройкой весело отражались въ рѣкѣ... Двѣ сильно разсохшіяся шестивесельныя лодки, въ которыхъ въ большую воду лѣсничіе совершаютъ свои объѣзды по Керженцу, теперь сиротливо лежали на пескѣ. Старая дворняга встрѣтила насъ хриплымъ лаемъ, который гулко отдавался и перекатывался подъ густыми вершинами сосенъ, и на эти звуки изъ окна выглянуло лицо старухи.

Спокойно, должно быть, протекаетъ жизнь въ этихъ лѣсныхъ избушкахъ, среди тишины, нарушаемой развѣ стрекотаніемъ на разные лады нестройнаго хора лѣсныхъ жителей, которому могучій камертонъ звенящаго бора придаетъ смыслъ и общую гармонію... Спокойно и скучно!

Старуха, жена лѣсника, встрѣтила насъ съ красивой привѣтливостью. Мнѣ показалось что-то знакомое въ красивомъ лицѣ, въ свѣтящейся улыбкѣ, въ лучистыхъ глазахъ, глядѣвшихъ съ печальною лаской.— „Такова, вѣроятно, будетъ Марья изъ Покровскаго, когда состарится“—подумалъ я.

Старуха захлопотала у самовара, а я сѣлъ у окна въ чистой горницѣ и сталъ смотрѣть въ лѣсъ. Узкая тропка шла между стволовъ и терялась въ бору. По ней приближалась къ кордону корова, помахивавшая головой и лѣниво останавливавшаяся, чтобы отогнать оводовъ. За ней,—также вяло шла молодая дѣвушка, повременамъ похлестывая ее хворостиной... Она была недурна собой, но во всей фигурѣ виднѣлась какая-то унылая опущенность и апатія. Взглядъ ея безсознательно и лѣниво скользилъ по давно знакомымъ стволамъ и по просвѣтамъ, которые золотыми пятнами тлѣли на густомъ пологѣ сосновой хвои...

Но вдругъ дѣвушка увидѣла нашу лодочку, меня въ окнѣ и незнакомую фигуру одного изъ моихъ юношей. Мгновенно что-то пробѣжало искрой по всей фигурѣ молодой дѣвушки. Апатичныя, будто заплывшія отъ вѣчной скуки черты оживились... Она обдернулась, запахнула разстегнутый воротъ и стыдливо окинула взглядомъ изорванное и засаленное на груди ситцевое платье городского покроя. Я увидѣлъ, что въ сущности она хороша, почти какъ мать... Только дочери лѣсъ не даетъ, очевидно, того, что онъ далъ матери: красоты

спокойствія, гармоніи душевнаго строя съ этой лѣсной тишью...

Принарядившись въ боковушкѣ, дѣвушка вошла въ избу и, искоса стрѣляя красивыми глазами, смѣнила старуху у самовара. Послѣдняя присѣла на лавку и съ словоохотливостью отшельницы, рѣдко видящей чужихъ людей, стала разсказывать о своей жизни въ лѣсу, отвѣчая на мои вопросы..

...Медвѣди?.. Нѣтъ, медвѣди ничего. Правда, въ другихъ мѣстахъ, бываетъ, заходятъ даже въ деревни, особливо по зимамъ. А на кордонѣ не бывали еще... Звѣри не безпокоятъ... А вотъ, когда темною ночью или особливо зимой, въ метель и вьюгу, услышишь, какъ въ лѣсу тюкаютъ топоры... И лѣсникъ выходитъ, вскинувъ ружье на плечи... Вотъ когда жуть беретъ... Лѣсные міряна— страшнѣе кордоннымъ жителямъ, чѣмъ лѣсной звѣрь.

Она печально покачала своей красивой головой и сказала съ какой-то особенной грустью:

— И то надо сказать, батюшка... Міръ-отъ утѣсненъ... Тоже и людямъ податься-те никуда... А лѣснику что дѣлать... Служба... Нанялся, продался...

Этотъ мотивъ объ утѣсненіи лѣсного міра смѣнилъ для меня въ пустынныхъ низовьяхъ Керженца обычный припѣвъ скитскихъ и монастырскихъ разговоровъ о томъ, что въ нынѣшнемъ мірѣ „мало усердія"... Здѣсь выступала другая, тоже глубокая драма...

По лѣсенкѣ послышались шаги. Высокій пожилой лѣсникъ, съ ружьемъ на перевязи, вошелъ въ избу. Старуха смущенно замолчала. Мужикъ, вѣшая ружье на колышекъ и кланяясь намъ, пытливо посмотрѣлъ на нее. Вѣроятно, онъ слышалъ конецъ разговора... Должно быть, такіе разговоры были нерѣдки у него съ женой, сохранившей на кордонѣ живыя мірскія симпатіи... Мнѣ невольно вспомнился тургеневскій „Бирюкъ" и я съ сожалѣніемъ взглянулъ на печально примолкшую женщину...

Да, есть свои проклятые вопросы и въ глубинѣ этихъ лѣсовъ... Міръ знаетъ свое. Лѣсникъ знаетъ службу и исполняетъ приказы Казиміръушки... Дѣло, на взглядъ женщины, не безъ грѣха... А, впрочемъ, Господь разберетъ все...

Прощаясь, я далъ старухѣ пятиалтынный. Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на монету и сказала:

— Сдачи-то у меня нѣту...

— Да что ты матушка!.. Какая сдача!..

Но старуха также просто сказала:

— Вного будетъ... Молоко-те,—что оно стоитъ?... Труды,— какіе же труды поставить самоваръ. Оказалось, деньги можно

взять только за десятокъ яицъ... Яйцы и имъ случается продавать на Волгѣ...

И она взяла пять копеекъ.

— Далеко еще до Волги, матушка?

— Далече. Весной, въ большую воду — однимъ днемъ сплываемъ. А теперь... Никто, вишь, и не плаваетъ объ эту пору.

— А жилья такъ и не будетъ?.. Вотъ тутъ у меня на картѣ показана деревня.

Старуха съ любопытствомъ посмотрѣла на карту.

— И, батюшка... Какая тутъ деревня! Сроду не бывало.

— Называется „Красный Яръ"...

— А! Красный Яришко!—сказала она съ пренебреженіемъ...—Такъ это уже у самаго устья... Да онъ, Яришкото, въ сторонѣ,—и не увидите... Перевозъ тутъ живетъ. Дорога пролегла... Вишь, и Яришко прописали... Чудное дѣло!

Въ часъ дня мы опять сѣли въ свою лодку. И пока она тихо сплывала прямымъ плёсомъ,—на берегу виднѣлась на взгоркѣ фигура молодой дѣвушки, провожавшей насъ долгимъ взглядомъ. Потомъ кордонъ скрылся за поворотомъ и только протяжный рѣдкій лай кордонной собаки еще долеталъ къ намъ изъ-за мыса.

Шумъ, глубокій и почти музыкальный, предупредилъ насъ о близости пороговъ, носящихъ странное названіе „Кремянскія Кочи". Впереди показались черные, обнажившіеся изъ-подъ воды камни, между которыми вода бьется, пѣнится, бурлитъ и бушуетъ... Шумъ несется далеко по глубокому руслу, и высокіе берега, покрытые сосновымъ лѣсомъ, отражаютъ его, точно въ трубѣ, придавая звукамъ глубину и своего рода мелодичность. Съ высокихъ яровъ могучія сосны глядѣли внизъ на нашу утлую лодочку... Съ перерывами втеченіе цѣлаго часа мы пробирались опасными „кочами".

Наконецъ, грохотъ остался назади и только порой еще на поворотѣ напоминалъ о себѣ разорванными клочками звуковъ, точно отъ отдаленнаго оркестра... Кругомъ нашей лодки стояла тихая глубокая пустынная тоска.

Если вы посмотрите на картѣ нижнее теченіе Керженца, то увидите огромную пустую площадь, по которой вьется зигзагами рѣка. Ни селъ, ни деревень, ни одной надписи на картѣ... Кой-гдѣ проведены рѣчки, больше на удачу, чтобы заполнить чѣмъ-нибудь эту пустоту. Въ натурѣ—это настоящая пустыня на всемъ пространствѣ между Керженцемъ и Ветлугой... Лѣса, лѣсныя рѣчки, лѣсныя озера, болота. Нужно быть очень опытнымъ, чтобы ходить по этой пустынѣ... То незамѣтная *вадья* чвокаетъ подъ ногой, то за-

манчивая *чарусá*—зеленая полянка, затянутая свѣжей чудесной травкой, заманитъ васъ въ непроходимую гибельную топь... Кой-гдѣ, въ дремлющей чащѣ попадаются могилы старицъ и старицъ, „иже за вѣру убіенныхъ", или „пріявшихъ добровольное огненное вѣнчаніе" въ срубѣ. До сихъ поръ указываютъ въ керженскихъ чащахъ мѣста, гдѣ подвизался знаменитый въ расколѣ суровый Софонтій, который велъ борьбу даже съ приверженцами Аввакума (онуфріянами) и гдѣ Варлаамъ, съ благословенія того же Софонтія, пріялъ страшную огненную кончину вмѣстѣ съ двѣнадцатью попами, „не восхотѣвше никоновыхъ новшествъ пріяти"... Каменный столбикъ съ обомшѣлой двускатной крышей и восьмиконечнымъ крестомъ... Тихій шорохъ лѣса и все рѣже и рѣже—двѣ-три фигуры усердныхъ ревнителей, пришедшихъ на поклоненіе мученическому праху...

Южнѣе лѣсной рѣчки Люнды, почти на серединѣ между двумя рѣками Керженцемъ и Ветлугой стоитъ среди лѣсовъ село Нестіаръ, надъ озеромъ того же имени. Оно составляетъ крайнее поселеніе на рубежѣ сплошного лѣсного царства. Есть повѣрье, что нѣкогда изъ Васильсурска церковь съ иконой Варлаама-хутынскаго двинулась съ крутого берега и, пронесясь надъ лѣсами, невидимо стала надъ озеромъ и стоитъ до сихъ поръ, и изъ озера слышенъ бываетъ звонъ, какъ изъ Свѣтлояра.

Странны эти звенящія озера лѣсной стороны! Впрочемъ гр. Толстой, своеобразный мѣстный писатель 50-хъ годовъ, разсказываетъ другое повѣрье: въ прежнее время старики и молодые выходили въ ночь передъ Пасхой на холмъ въ лѣсу, около Нестіара, и тихо ждали благовѣста. Въ тотъ часъ, когда въ „жилой сторонѣ", въ старомъ Макарьѣ, ударяли въ большой колоколъ,—нестіарцы слышали будто тихіе отголоски этого звона. Мѣстные жители объясняли это тѣмъ, будто ихъ озеро сообщается подземными истоками съ Волгой и гулъ передается водой. Самъ Толстой допускалъ возможность заноса вѣтромъ макарьевскаго большого звона по просѣкамъ и вѣтроломамъ. Какъ бы то ни было, это жадное ожиданіе въ глухой лѣсной деревушкѣ отголосковъ отдаленнаго міра—очень поэтично и характерно, и я невольно вспомнилъ его теперь, когда самъ испытывалъ тяжелую лѣсную тоску...

Ненякша... Ялокша... Лампа... Ржавыя, бурыя эти рѣчки тихо вливаются въ Керженецъ... Мы отмѣчаемъ ихъ по нашей картѣ, и каждый разъ, какъ мы провожаемъ глазами новое устье,—становится скучнѣе...

Зайцы глядятъ на насъ съ берега наивными круглыми

глазами. Черными точками выплываютъ изъ-за лѣсовъ дикіе коршуны и носятся кругомъ, то появляясь надъ рѣкой въ полѣ нашего зрѣнія, то исчезая; тревожно кричатъ вороны, какъ базарныя торговки, сзывая товарокъ на защиту; какая-то птица слѣдуетъ за нами, звонко спрашивая о чемъ-то изъ глубины лѣса...

Вотъ впереди, нагнувъ толстую вѣтку своею тяжестью, сидитъ на прибрежной соснѣ надъ яромъ какая-то громада, отражаясь въ потускнѣвшей рѣкѣ. Я кидаю весла; наша лодка тихо сплываетъ по теченію, не производя ни малѣйшаго шума. Поравнявшись съ деревомъ, я прицѣливаюсь изъ револьвера. Гулкій выстрѣлъ раскатывается надъ рѣкой, будя въ чащахъ тревожное эхо. Громадный орелъ тяжело расправляетъ рыжія, пятнистыя крылья и скользитъ въ воздухѣ надъ нашими головами. Одно мгновеніе онъ будто останавливается надъ лодкой. Хвостъ опущенъ, чтобы задержать на секунду полетъ, круглая голова свѣсилась книзу и два острыхъ глаза смотрятъ на меня съ удивленіемъ и злостью... „И что тебѣ вздумалось, право?"—какъ будто недоумѣваетъ старый великанъ дикаго керженскаго лѣса. Онъ дѣлаетъ нѣсколько круговъ и улетаетъ впередъ. А еще черезъ четверть часа отчаянные стоны какой-то пичуги оглашаютъ рѣку и вѣтеръ несетъ съ берега растрепанныя перья... Но все-же мой озорной выстрѣлъ кажется мнѣ чѣмъ-то, нарушающимъ законы лѣса. Убивать, чтобы ѣсть,—таковъ царящій въ лѣсу главный и, пожалуй, единственный законъ,—а я... зачѣмъ бы я убилъ старую птицу?..

Смеркается... Сумракъ кроетъ небо, застилаетъ рѣку, туманъ залегаетъ въ лощинахъ и лапы умершихъ деревьевъ тянутся со дна, то и дѣло хватая, толкая, поворачивая нашу лодку.

Слѣды еще одной керженской драмы, безмолвной, отвѣчной, стихійной...

Вотъ съ берега свѣсилось вершиной въ воду еще зеленое, подмытое дерево. Какъ грустно шевелитъ оно въ волнахъ своими вѣтвями, какъ тревожно шепчутъ надъ нимъ ближайшіе сосѣди, которымъ грозитъ та же участь! Часть корней еще въ почвѣ и истощаетъ послѣднія усилія, чтобы поддержать гибнущую жизнь...

Вотъ мертвая ель съ вѣтками въ два ряда, точно лапы гигантской сороконожки, утонувшей спиною книзу. Вотъ огромная „вискарья" съ нелѣпыми, точно отъ судороги сведенными лапами корневища; вотъ двѣ сосны, выросшія, жившія и погибшія рядомъ, какъ двѣ сестры. Онѣ и теперь лежатъ, переплетясь корнями и вѣтками, прямыя, стройныя, красивыя даже и въ смерти... Вотъ замытый иломъ торчащій

съ глубокаго дна по теченію „кобелъ“, невидимый, измѣннический, опасный, способный остановить цѣлый плотъ и доставлявшій намъ въ пути немало затрудненій...

Жутко отъ непрерывнаго зрѣлища этого кладбища деревьевъ.

И такъ хочется встрѣтить живое человѣческое лицо, и такъ радъ, когда среди этого хаоса мелькнетъ правильный рядъ рыбацкихъ кольевъ. Кой-гдѣ на мели виднѣется опрокинутая лодка,—значитъ, ея хозяинъ недалеко подрубаетъ дерево или ставитъ на лѣсномъ озерѣ сѣти. Но можетъ быть также, что озеро далеко или мужикъ побрелъ въ чащу за ухожьями лѣсной пчелы, и ботникъ прождетъ здѣсь хозяина дня два или три...

Эти строки я заношу въ свою записную книжку при свѣтѣ костра на ночлегѣ. Гдѣ-то надо мной шумитъ сырыми вѣтвями темный лѣсище. Вправо—плещется рѣка, подымается вѣтеръ, насыщенный сыростью, несущій безформенныя тучи. Какая-то птица мрачно ухаетъ въ чащѣ, мѣняя мѣста, точно играя съ кѣмъ-то въ прятки; другая все надрывается и стонетъ, какъ будто у нея отняли дѣтенышей. А на рѣкѣ, которой я не вижу въ темнотѣ, вотъ уже раза два грузно бухалась надъ омутомъ какая-то невѣдомая громадина... Не опять ли медвѣди?.. И мнѣ невольно вспоминается отзывъ Аксена, убѣжденнаго, что медвѣдь „понимаетъ всякую штуку“... Можетъ быть, онъ понимаетъ также, что мы здѣсь безпомощны у костра, съ жалкимъ револьверомъ...

Да, теперь я отлично понимаю, что, называя друзьями насъ, первыхъ встрѣчныхъ, лѣсной человѣкъ Аксенъ говорилъ не пустую фразу.

Среди этихъ темныхъ молчаливыхъ лѣсовъ, наполненныхъ жуткими воспоминаніями и могилами убіенныхъ и принявшихъ огненное вѣнчаніе, надъ рѣкой, усѣянной трупами деревьевъ, подъ шумъ перекликающихся непонятными голосами лѣсныхъ вершинъ—встрѣтиться съ человѣкомъ, у котораго въ нуждѣ найдешь сочувствіе и помощь, съ которымъ поговоришь на языкѣ людей, а не лѣса, — да, это въ самомъ дѣлѣ нѣчто больше нашихъ пустыхъ встрѣчъ и шапочнаго знакомства. Я такъ ясно представляю себѣ, какъ Аксенъ Ефимычъ „ждалъ-пождалъ“, вглядываясь въ темноту, не мелькнетъ ли наша лодка. Я тоже ждалъ бы, еслибы надѣялся дождаться чьей бы то ни было лодочки... А еслибы, вдобавокъ, изъ нея вышелъ не незнакомый пришлецъ, а Аксенъ,—то это была бы поистинѣ встрѣча двухъ давнихъ пріятелей...

Но ждать было некого, и я тревожно заснулъ, прислу-

шиваясь къ дикимъ крикамъ какого-то лѣсного хищника, къ жалобнымъ воплямъ его жертвы, къ робкому шороху дождя, нерѣшительно ударявшаго по листамъ...

Во весь слѣдующій день только одинъ ботничекъ на песчаной косѣ напоминалъ о человѣкѣ.

— Эй, кто живая душа? — крикнулъ я. Но лѣсное эхо вернуло мертвое подобіе моего оклика, да осинки на берегу залопотали что-то совсѣмъ непонятное.

И еще цѣлый день тоски и одиночества. Солнце садилось. Мы со страхомъ думали, что еще одну ночь придется провести на пескѣ... Какъ вдругъ...

Одинъ изъ мальчиковъ радостно вскрикнулъ. По яру надъ самымъ берегомъ ѣхалъ мужикъ въ телѣгѣ! Вскорѣ передъ нами мелькнула избушка перевоза... Это „Красный Яришко".

Еще четыре версты веселой работы веслами, — и нашу лодку едва не кинуло на столбы старой разрушенной мельничной плотины, перегородившей съ берега на берегъ все устье Керженца. Пришлось раздѣваться и съ большимъ трудомъ спускать на рукахъ лодку по этому „шуму". Когда это кончилось, впереди передъ нами было устье. Большой песчаный островъ загораживалъ волжское русло, и надъ обрѣзомъ острова, надъ кустами тальника, мелькая живымъ бѣлымъ пятнышкомъ, несся взвиваемый вѣтромъ флагъ надъ мачтой невидимаго для насъ парохода...

Тотъ, кто провелъ долгіе дни и ночи въ пустынныхъ мѣстахъ, пойметъ наши ощущенія. Взглядъ, такъ долго стѣсненный стѣнами глухихъ лѣсовъ, теперь радостно разбѣгался по необозримому, величавому простору. Далекія волжскія горы, съ селами и куполами церквей по склонамъ, чуть-чуть задернулись тонкимъ туманомъ, сквозь который освѣщенныя окна сверкали блестками расплавленнаго золота. Церкви и стѣны стараго „Макарья на желтыхъ водахъ" утопали въ розовой дымкѣ и грузный паромъ отваливалъ съ лысковской стороны съ народомъ, съ возами сѣна, съ лошадьми, которыя рисовались на ясномъ небѣ выгнутыми спинами и раскоряченными ногами. И такой же паромъ, съ выгнутыми лошадиными спинами и торчащими кверху оглоблями плылъ, отраженный отчетливо и ясно въ глубинѣ рѣки...

Не хотѣлось грести, не хотѣлось спѣшить, не хотѣлось отрывать глазъ отъ могучей, плавной красавицы-Волги, съ ея пламенѣвшимъ закатомъ, съ ея зелеными горами и деревнями, погружавшимися уже въ передвечернюю дремоту. Но появившійся вдали и, очевидно, бѣжавшій къ песчаной отмели у села Исадъ пароходъ напомнилъ намъ, что мы

можемъ опоздать, и поэтому пришлось опять налечь на весла.

Еще черезъ часъ, подъ гулъ перваго свистка, мы стрѣлой подлетѣли къ кашинскому пароходу, опять разводившему пары. Публика, свѣшиваясь къ бортамъ, встрѣтила любопытными взглядами конецъ нашей экспедиціи, и насъ охватили говоръ, толкотня, крики грузчиковъ, спѣшившихъ по узкимъ сходнямъ съ тюками на дюжихъ плечахъ.

Пароходъ отвалилъ и быстро побѣжалъ между высокимъ берегомъ съ погорѣлымъ селомъ въ половинѣ горы и песчаными отмелями, мимо которыхъ мы съ такими усиліями неслись часъ назадъ на своей лодочкѣ.

Свистокъ, поворотъ, волна, шипя, набѣжала на песокъ отмелей, толкнула и закачала небольшую кладнушку, у которой, причаленная къ кормѣ, трепетала наша вѣрная лодочка, сданная мною для доставки въ Нижній... И мнѣ стало немного грустно разставаться съ доброй „посудинкой", служившей намъ столько дней, укрывавшей насъ столько разъ отъ холоднаго ночного вѣтра и отъ ливня въ темную, грозовую ночь...

Лунный свѣтъ безконечнымъ столбомъ легъ сзади по широкому руслу Волги и золотая рябь прыгала, сверкала, переливалась расплавленнымъ золотомъ за колесами парохода.

Не смотря на усталость, я не уходилъ съ верхней палубы. Мнѣ хотѣлось еще разъ кинуть взглядъ на керженское устье и попрощаться съ пустынной рѣкой, оставившей въ душѣ столько своеобразныхъ впечатлѣній.

Вотъ уже Макарій назади и его купола, его старыя стѣны, его кресты выдѣляются на потемнѣвшихъ горахъ противоположнаго берега. Вотъ послѣдній паромъ скользитъ въ свѣтломъ туманѣ отъ лысковской пристани. Вотъ, чуть видныя притаились въ ложбинкахъ Татинецъ и Слопинецъ, старинныя разбойничьи села, о которыхъ говоритъ до сихъ поръ недобрая поговорка: „Татинецъ и Слопинецъ,—ворамъ кормилецъ!"

А вотъ направо и островъ... Жадно взглядъ проникаетъ сквозь тонкій туманъ. Вотъ, завѣшанныя прозрачною мглой, дремлютъ двѣ горы и тонкая расщелина, пронизанная лучемъ, чуть-чуть брезжитъ между ними... Это устье и „шумъ" стараго Керженца...

И невольно воображеніе летитъ за этой полоской тонкаго луннаго сіянія, все далѣе, по изгибамъ и кривулямъ пустынной рѣки, и картины недавняго пути встаютъ одна за другой... И видится мнѣ наша лодочка, скользящая между „задѣвами" и скрюченными лапами лѣсныхъ мертвецовъ...

Островъ остался позади, исчезли, какъ мечта, очертанія керженскаго устья, гудятъ свистки, какіе-то огни летятъ на насъ, валится мимо шумъ и грохотъ и, ломая широкую гладь волжскаго простора, мчится весь освѣщенный огнями гигантъ „Кавказъ и Меркурій". Я усталъ, мнѣ грустно и кажется мнѣ, что такъ же быстро бѣжитъ наша жизнь, что прошлое такъ же исчезаетъ въ туманѣ воспоминаній...

Пора! Я кидаю еще одинъ взглядъ назадъ, въ неопредѣленную синюю даль... Исчезъ уже и Макарій... Огоньки, мглистое сіяніе, слабыя трепетныя отраженія... Потомъ столбъ луннаго свѣта и одинокая баржонка сонно качается надъ засыпающимъ просторомъ могучей рѣки...

Вл. Короленко.

Можжевельникъ сѣдой, можжевельникъ и ель непокорная,
Капли крупнаго жемчуга въ тонкихъ сѣтяхъ паутины...
Умираютъ лѣса мои; ризы ихъ траурно-черныя
Разукрашены яркими пятнами алой осины...
Въ потемнѣвшей травѣ безнадежно, безвольно качается
Запоздалой осенней гвоздики цвѣтокъ ярко-красный,
И пылающій вѣнчикъ подъ вѣтромъ все ниже склоняется,
Къ отсырѣвшей землѣ припадая съ мольбою безгласной.
Но земля холодѣетъ и падаютъ сумерки влажныя,
Волокнистый туманъ опустился завѣсою синей,
И летятъ журавли, и въ туманѣ ихъ крики протяжные
Одинокимъ рыданьемъ звучатъ надъ холодной пустыней...
Я брожу до разсвѣта, одинъ, какъ дитя безпризорное,
Лѣсъ шумитъ надо мной и баюкаетъ горькія думы...
Можжевельникъ сѣдой, можжевельникъ и ель непокорная
Широко предо мной разстилаютъ свой саванъ угрюмый.

Е. Федорова.

Противорѣчія Прудона.

(Окончаніе).

V.

Обратимся теперь къ прудоновскому методу *рѣшенія соціальнаго вопроса* и *организаціи труда*.

Мутуалистическій идеалъ Прудона предполагаетъ устраненіе паразитизма, эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и экономическаго неравенства, при сохраненіи полной свободы и свободы конкуренціи, безъ государственной регламентаціи и принужденія. Цѣль эта достигается, по Прудону, организаціей безпроцентнаго взаимнаго кредита, доставляемаго другъ другу самими производителями, вступающими между собою въ сношенія черезъ посредство мѣнового банка.

Свобода конкуренціи необходима, по мысли Прудона, въ силу цѣлаго ряда мотивовъ. Она необходима, во-первыхъ, какъ одинъ изъ видовъ свободы. Она необходима, далѣе, во избѣжаніе вмѣшательства государственной власти. Затѣмъ, только при свободной конкуренціи достижимо установленіе стоимости, т. е. обмѣнъ товаровъ пропорціонально затраченному на нихъ труду. Наконецъ, свобода конкуренціи необходима для поощренія иниціативы, самодѣятельности, тяготѣнія къ работѣ и для развитія производительности труда [1]).

Въ какой мѣрѣ эксплуатація человѣка человѣкомъ и соціальное неравенство могутъ быть устранены организаціею дарового кредита, при условіи свободной конкуренціи?

Въ современномъ обществѣ существуютъ различные виды эксплуатаціи и соціальнаго неравенства. Но подчиненіе труда капиталу — послѣдствіе классоваго строя, въ которомъ тѣ, кто владѣетъ капиталами, землею, орудіями и средствами производства, пріобрѣтаютъ власть надъ неимущими работниками. Можетъ ли капиталистическая эксплуатація быть устранена тѣмъ, что мѣ-

---

[1]) Proudhon, Système des contradictions économiques, t. I (Oeuvres, t. IV), стр. 181-182, 188, 207-208, 217.—Capacité politique, стр. 166.

новой банкъ будетъ снабжать пролетаріевъ капиталомъ и средствами производства?

Кредитные билеты прудоновскаго банка служатъ для замѣны денегъ. Значеніе ихъ можетъ быть основано лишь на томъ, что они имѣютъ покупательную силу: деньги это—средство обращенія, но не производства. Услуги банка пролетаріямъ могутъ быть полезны лишь въ томъ случаѣ, если помощью банковыхъ билетовъ они могутъ пріобрѣтать необходимыя имъ орудія и средства производства. Послѣднія не находятся въ распоряженіи рабочихъ: они, стало быть, должны быть предлагаемы собственниками и капиталистами въ обмѣнъ на кредитные знаки. Неимущіе члены банка могутъ извлекать для себя пользу изъ него лишь подъ условіемъ участія въ банкѣ лицъ имущихъ. Но тогда оказывается, что въ числѣ кліентовъ банка есть болѣе и менѣе кредитоспособные. Для оказанія кредита потребуется нѣкоторое имущественное обезпеченіе. Кліентами банка будутъ прежде всего лица буржуазнаго класса. Самъ Прудонъ доказывалъ, что выгоду изъ предлагаемаго имъ банка извлекутъ прежде всего не рабочіе или пролетаріи, у которыхъ нѣтъ собственныхъ предпріятій, а предприниматели, негоціанты, банкиры, землевладѣльцы и пр.; что, стало быть, его предложеніе скорѣе консолидируетъ собственность [1]). Въ дѣйствительности роль мѣнового банка Прудона въ освобожденіи пролетаріата отъ власти капитала была бы ничтожна и въ томъ случаѣ, еслибы даже банкъ могъ успѣшно функціонировать [2]). Онъ былъ бы полезенъ лишь предпринимателямъ и землевладѣльцамъ, устраняя паразитизмъ *денежнаго* капитала и *посредниковъ*—торговцевъ. Но укрѣплять собственность и предпринимательскій капиталъ и въ то же время стремиться къ уничтоженію нетрудовыхъ доходовъ и прибыли на капиталъ, къ освобожденію рабочаго класса и къ устраненію экономическаго неравенства это значитъ впадать въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Съ другой стороны, возникновеніе и развитіе соціальнаго неравенства и эксплуатаціи человѣка человѣкомъ объясняется какъ примѣненіемъ голаго насилія, такъ и стихійнымъ дѣйствіемъ гражданскаго оборота въ общественномъ строѣ, чуждомъ планомѣрной организаціи. Разъ соціальное неравенство возникло, оно поддерживается какъ институтомъ наслѣдованія, такъ и возможностью новой эксплуатаціи именно въ силу экономическаго неравенства. Сама свободная конкуренція въ индивидуалистическомъ обществѣ является источникомъ экономическаго неравенства, вслѣдствіе различія силъ и способностей людей, различія шансовъ успѣха,

---

[1]) Proudhon, Discours prononcé à l'Assemblée Nationale le 31 juillet 1848 (Oeuvres, t. VII), стр. 284-285 и 291.

[2]) Diehl, P.-J. Proudhon, 2-e Abtheilung, стр. 204, 209, и 226-227.— Marc Aucui, Les Systèmes socialistes d'échange; Paris, 1908, стр. 200.

роли случая и другихъ причинъ. Между тѣмъ Прудонъ стоитъ и за право наслѣдства, и за свободную конкуренцію.

Но какимъ образомъ достижимо тогда *экономическое равенство*? Это—требованіе, осуществленіе котораго предполагаетъ или нѣкоторую регламентацію сверху, или же такую игру общественныхъ силъ, которая, дѣйствіемъ самаго соперничества, ведетъ къ гармоніи равенства. Коммунисты и коллективисты вводятъ абсолютное или пропорціональное равенство помощью государственной регламентаціи, упраздняющей конкуренцію. Нѣкоторые соціалисты допускаютъ въ интересахъ производительности труда конкуренцію между рабочими группами, ограниченную въ извѣстныхъ предѣлахъ и регулируемую государствомъ, которое снабжаетъ эти рабочія группы принадлежащими ему орудіями производства и дѣлаетъ имъ заказы продуктовъ на опредѣленныхъ условіяхъ. Но Прудонъ требуетъ одновременно и экономическаго равенства, и „ан-архической“ конкуренціи. Это все равно, что требовать организаціи, отрицающей организацію.

Прудонъ обвинялъ соціализмъ въ томъ, что, „протестуя съ полнымъ правомъ противъ этой анархической конкуренціи, онъ не предложилъ никакого удовлетворительнаго рѣшенія для ея урегулированія“ [1]). Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Прудонъ валилъ съ больной головы на здоровую.

Если Прудонъ выступалъ рѣшительнымъ противникомъ ограниченія свободы конкуренціи внутри страны, то онъ въ то же время былъ противъ свободы торговли между различными странами. Онъ доказывалъ, что при современныхъ условіяхъ, при существованіи привилегіи національной территоріи и частной собственности, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ свободной торговли будетъ то, что одна страна (напр., Франція) впадетъ въ экономическую зависимость по отношенію къ другой странѣ [2]). Онъ требовалъ таможенныхъ рогатокъ; а между тѣмъ таможня была для него родъ войны [3]).

Исходя изъ принципа *равенства*, Прудонъ требовалъ одинаковаго вознагражденія всѣхъ трудящихся, одинаковой заработной платы, независимо отъ способностей и таланта. Онъ самымъ рѣзкимъ образомъ нападалъ на сенъ-симонистовъ, выдвинувшихъ девизъ „каждому по его способностямъ“, и на фурьеристовъ, допу-

---

[1]) Proudhon, Système des contradictions économiques, t. I (Oeuvres, t. IV), стр. 218.—Ср. t. II (Oeuvres, t. V), стр. 288.

[2]) Proudhon, La Guerre et la Paix, t. I (Oeuvres, t. XIII), стр. 47; t. II (Oeuvres, t. XIV), стр. 168.

[3]) Proudhon, Système des contradictions économique, t. II, стр. 34-74 и 310.—Idée générale de la Révolution, стр. 249.—La Guerre et la Paix, t. II, стр. 177 и 184.—Les majorats littéraires (Oeuvres, t. XVI), стр. 91-92.—Justice, t. VI, стр. 282-283.—Principe Fédératif, стр. 95.—Capacité, стр. 369-391.—Théorie de la Propriété, стр. 184-187.—France et Rhin, стр. 260.

скавшихъ вознагражденіе не только капитала, но и таланта. Но какъ примирить равенство заработка съ конкуренціею? Или конкуренція, заботясь объ установленіи стоимости, позаботится и объ одинаковости вознагражденія для всѣхъ? Но это противорѣчіе Прудона усугубляется еще новымъ противорѣчіемъ: ради усиленія *отвѣтственности* за продуктъ, а, слѣд., ради вящшей *производительности труда*, Прудонъ предлагаетъ все же усиленное вознагражденіе квалифицированнаго труда, способности, доброй воли. И не слѣдуетъ думать, что, какъ это представляется по изложенію нѣкоторыхъ авторовъ, Прудонъ сначала высказывался за полное равенство заработной платы, а потомъ перешелъ къ воззрѣнію на необходимость пропорціональнаго вознагражденія [1]). Нѣтъ, въ первыхъ своихъ мемуарахъ о собственности Прудонъ стоитъ за равенство заработковъ; въ „Création de l'ordre" (1843 г.) онъ уже требуетъ пропорціональности вознагражденія; въ „Contradictions économiques" (1846 г.) онъ полемизируетъ противъ Луи Блана, допускающаго, какъ временную мѣру, іерархію вознагражденій, и снова высказывается за равенство; въ „Idée générale de la Révolution" (1851 г.) онъ признаетъ необходимость пропорціональнаго вознагражденія; въ „Justice" (1860 г.) онъ—то за равенство, то за ограниченное между тѣсными предѣлами различіе въ заработной платѣ; въ посмертномъ произведеніи „Capacité" (1865 г.) имъ рѣшительно защищается принципъ пропорціональности [2]).

Прудонъ часто нападаетъ на рабочія ассоціаціи, какъ на методъ рѣшенія соціальнаго вопроса. То онъ находитъ, что рабочія ассоціаціи — несчастный продуктъ пропаганды шарлатановъ въ соціальной области. То онъ утверждаетъ, что капиталистическая эксплуатація поражаетъ рабочихъ скорѣе, какъ потребителей, чѣмъ работниковъ, и, при сохраненіи прежнихъ цѣнъ, рабочія ассоціаціи будутъ эксплуатировать другъ друга. То онъ нападаетъ на самый принципъ ассоціаціи, которая подавляетъ свободу и порабощаетъ личность (по аналогіи съ нападками на государство и на коммунизмъ). То онъ обвиняетъ рабочія ассоціаціи во враждѣ къ патронату и усматриваетъ иллюзію въ стремленіи улучшить положеніе пролетаріата присвоеніемъ себѣ рабочими предпринимательской прибыли. То онъ характеризуетъ рабочія ассоціаціи, какъ подражаніе буржуазнымъ предпріятіямъ, и требуетъ для возможной реформы предварительнаго умственно-моральнаго подъема самихъ

---

[1]) Droz, P.-J. Proudhon Paris, 1909, стр. 126.—С. Прокоповичъ. Проблемы соціализма, СПБ. 1911, стр. 114-115.

[2]) Proudhon, Qu'est-ce que la Propriété? Premier Mémoire, 127-128, 292-293 и 312.—Deuxième Mémoire, стр. 114.—Avertissement aux propriétaires, стр. 39, 42 и 54-55. — Création de l'ordre, стр. 286-287.— Contradictions économiques, t. I, стр. 106, 143 и 212.—Idée générale de la Révolution, стр. 234.—Justice, t. I (Bruxelles, 1860), стр. 80-81; t. V (Oeuvres, t. XXV), стр. 279.—Capacité politique, стр. 123-124.

рабочихъ. То онъ возстаетъ противъ узости, эгоизма и партикулярнаго духа производительныхъ ассоціацій [1]).

Въ устахъ врага неограниченной конкуренціи и индивидуалистической системы общественнаго хозяйства, критика рабочихъ и въ частности производительныхъ ассоціацій, работающихъ безъ всякой регулирующей связи на анархическій рынокъ, какъ системы, осуществляющей конечный идеалъ, вполнѣ понятна. Но, съ одной стороны, соціалисты или реформаторы, близкіе къ соціализму, проповѣдывавшіе реформу общественнаго хозяйства помощью производительныхъ ассоціацій, требовали или государственнаго руководства и контроля, или регламентаціи взаимныхъ отношеній между ассоціаціями путемъ договоровъ, или предлагали подобную систему, какъ переходную мѣру, и никогда не признавали принципа неограниченной конкуренціи: Фурье, Бюшезъ, Луи Бланъ, Колэнъ, Лассаль. Но что противоставляетъ рабочимъ ассоціаціямъ самъ Прудонъ? Не что иное, какъ систему рабочихъ ассоціацій, оказывающихъ другъ другу взаимный кредитъ и связанныхъ между собою рядомъ договоровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое мутуалистическая организація, предлагаемая Прудономъ, какъ не союзъ ассоціацій, кооперативовъ, синдикатовъ,—производительныхъ, потребительныхъ, кредитныхъ,—или, согласно выраженію одного изъ новѣйшихъ послѣдователей Прудона [2]), кооператива кооперативовъ? Самъ Прудонъ говорилъ о мутуализмѣ, какъ объ организаціи труда, въ которой ассоціація соединена съ взаимнымъ кредитомъ. Доказывая необходимость организаціи кредита, онъ превозноситъ тѣ самыя производительныя ассоціаціи, которыя онъ жестоко критикуетъ въ другихъ случаяхъ [3]). Онъ постоянно защищаетъ идею передачи государствомъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и рудниковъ рабочимъ ассоціаціямъ. А въ 1848 году Прудонъ предложилъ Луи Блану, члену временнаго правительства, союзъ для организаціи и рабочихъ ассоціацій, и мѣноваго банка [4]).

---

1) Proudhon, Mélanges, III, стр. 46—47.—Manuel du Spéculateur à la Bourse, стр. 176, 183-184 и 408-409. — Justice, t. II, стр. 328-329. — Capacité politique, стр. 170. — J. A. Langlois, L'Homme et la Révolution, Paris, 1867, t. II, стр. 55-56.

2) Edm. Lagarde, La Revanche de Proudhon, стр. 299. — Ср. C. Bouglé, La Sociologie de Proudhon, стр. 172.

3) Proudhon, Mélanges, I, стр. 185-186.—Justice, t. V, стр. 293-294.—Qu'est-ce que la Propriéte? 2-e Mémoire, стр. 39, 97 и 114.—Idée Générale, стр. 234.—Des Réformes à opérer dans l'exploitation des chemins de fer, стр. 252 и 330.—Capacité, стр. 166 и 432.—Théorie de la Propriété, стр. 302.

4) Phoudhon, Correspondance, t. II, стр. 307.

VI.

Какова была позиція Прудона въ вопросѣ о *классовой борьбѣ* и объ *антагонизмѣ между пролетаріатомъ и буржуазными классами?*

Отношеніе Прудона къ идеѣ пролетаріата вытекаетъ прежде всего изъ характера требуемаго имъ преобразованія—уничтоженія прибыли, процента, ренты, арендной платы и вообще всѣхъ видовъ нетрудовыхъ доходовъ. Требуя освобожденія труда отъ власти капитала, Прудонъ этимъ самымъ становится на сторону пролетаріата и вообще рабочаго класса противъ капиталистической буржуазіи. Онъ говоритъ о войнѣ труда противъ капитала, свободы противъ власти, производителя противъ тунеядца, свободы противъ привилегіи. Онъ предсказываетъ, что борьба пролетаріата съ аристократическою буржуазіею окончится такимъ же образомъ, какъ нѣкогда борьба коммунъ съ феодальными сеньерами. Въ національномъ собраніи онъ отожествлялъ себя съ пролетаріатомъ, а своихъ противниковъ съ буржуазіею. Онъ говоритъ о миссіи пролетаріата, о томъ, что рабочимъ, и только рабочимъ, принадлежитъ инициатива общественнаго преобразованія. Онъ горячо привѣтствуетъ пробужденіе сознанія французскаго пролетаріата въ 60-хъ годахъ и рѣшимость его идти собственнымъ путемъ, отдѣльно отъ буржуазіи. Онъ подписывается подъ формулою Пьера Леру, гласящею, что рѣшеніе задачи пролетаріата заключаетъ въ себѣ все дѣло нашей эпохи. Онъ повторяетъ знаменитый афоризмъ, сущность котораго была впервые высказана Фурье и который потомъ въ своей классической формѣ вошелъ въ „Коммунистическій Манифестъ“: пролетаріату терять нечего, а выиграть онъ можетъ все. Самый соціализмъ онъ опредѣляетъ, какъ протестъ пролетаріата противъ капитала [1]).

Изъ этого видно, какъ неправильно и несправедливо примѣнять къ Прудону исключительную характеристику „мелкаго буржуа“, которую пустили въ оборотъ Марксъ и его школа. Самъ Марксъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Прудона, которое не изгладилось и послѣ разрыва съ нимъ. Вліяніе идей Прудона замѣчается у Маркса, между прочимъ, въ критикѣ капитализма, анализѣ прибавочной стоимости и историко-матеріалистической концепціи. Марксъ, который, начиная съ „Misère de la Philosophie“, высказалъ столь много неблагопріятныхъ сужденій—вѣрныхъ и невѣрныхъ—

---

[1]) Proudhon, Qu'est-ce que la Propriété? Deuxième Mémoire, стр. 67-68.—Système des contradictions économiques, t. I, стр. 318.—Justice, t. V, стр. 297.—Discours (Oeuvres, t. VII), стр. 274-275 и 264.—Avertissement aux Propriétaires; Paris, 1841, стр. 110-111. — Capacité politique, стр. 21-22.—Système des contradictions économiques, t. II, стр. 395.—Mélanges, t. III, стр. 106.—Confessions d'un Révolutionnaire, стр. 169 и 242.

о Прудонѣ, самъ въ молодости былъ горячимъ его почитателемъ. Въ „Heilige Familie“ онъ характеризуетъ его, какъ теоретика именно пролетаріата: „Прудонъ не только пишетъ въ интересѣ пролетаріевъ; онъ самъ—пролетарій, рабочій. Его произведенія—научный манифестъ французскаго пролетаріата“ [1]).

Вѣрно то, что ученіе Прудона, какъ отрицаніе нетрудовыхъ доходовъ, было теоріею освобожденія не только трудящагося пролетаріата, но и трудящагося крестьянства. Это былъ своего рода соціализмъ не только для рабочихъ, но и для крестьянъ. Вѣрно также и то, что Прудонъ былъ врагомъ всякой насильственной революціи и стремился къ осуществленію реформы мирными и законными путями.

Но если квалификація Прудона, какъ мелкаго буржуа, противорѣчитъ истинѣ, то ошибочно было бы думать, что Прудонъ стоялъ на строго классовой и, въ частности, на строго пролетарской точкѣ зрѣнія. Здѣсь начинается новый рядъ противорѣчій Прудона.

Прудонъ, столь сильно возстававшій противъ нетрудовыхъ доходовъ, положилъ въ основу своей реформы учрежденіе мѣнового банка, которымъ, какъ онъ самъ признавалъ, должны были прежде всего воспользоваться буржуа—предприниматели и землевладѣльцы,—т. е. классъ людей, живущихъ прибылью и рентою,—въ интересахъ своего освобожденія отъ ростовщическаго и торговаго капитала. Онъ, жестоко воевавшій съ фурьеристами за сохраненіе ими въ фаланстерѣ особой доли въ пользу капитала, самъ неоднократно предлагалъ комбинацію рѣшенія соціальнаго вопроса путемъ примиренія капиталистовъ съ рабочими, на основѣ кредитованія мутуалистическихъ рабочихъ организацій капиталомъ бывшихъ патроновъ,—конечно, за приличный процентъ [2]). Онъ, приписывавшій будущее общественное преобразованіе исключительной инціативѣ рабочихъ массъ, требовалъ, въ интересахъ той же реформы, союза пролетаріата съ буржуазіею, въ виду отсутствія инціативы и неподготовленности къ реформѣ у рабочихъ массъ [3]). Онъ, признававшій, что буржуазія способна примириться съ любою формою деспотизма, если послѣдній щадитъ его экономическіе интересы, требовалъ объединенія буржуазіи и пролетаріата на почвѣ совмѣстной борьбы за общій имъ интересъ свободы [4]). Онъ, торжественно противопоставлявшій пролетаріатъ буржуазіи, часто горячо доказывалъ существованіе солидарности между обоими классами в

[1]) Marx, Die heilige Familie, въ Aus dem literar. Nachlass, II, стр. 138.

[2]) Proudhon, Mélanges, III, стр. 306.—Idée générale de la Révolution, стр. 317.—Des Réformes à opérer dans l'exploitation des chemins de fer. стр. 330.

[3]) Proudhon, Mélange, II, стр. 272, 277 и 286-287.—Idée générale, стр. 296 и 316-317.

[4]) Proudhon, Mélanges, III, стр. 52 53.— Justice, t. V, стр. 306.— Correspondance. t. III, стр. 104.

сферѣ общаго для нихъ производства, солидарности, которая можетъ повлечь гибель пролетаріата вслѣдъ за крушеніемъ буржуазіи [1]). Онъ часто настаиваетъ на общности интересовъ пролетаріата и трудящейся (мелкой и средней) буржуазіи, на необходимости союза и сліянія ихъ, на необходимости спасти оба класса, ибо проблема пролетаріата есть проблема освобожденія и пролетаріата, и нѣкоторыхъ слоевъ буржуазіи [2]). Онъ неоднократно возстаетъ противъ сѣянія вражды между обоими классами и заключаетъ, что соціализмъ преслѣдуетъ задачу примиренія классовъ [3]).

Эти противорѣчія становятся отчасти понятны, если имѣть въ виду, что для Прудона соціальный вопросъ не исчерпывается исключительно фактомъ эксплуатаціи пролетаріата классомъ капиталистовъ; зло для Прудона заключается и въ неорганизованности производства, и въ недостаточной производительности труда. Въ этомъ пунктѣ наблюдается вліяніе Фурье на Прудона, и послѣдній охотно повторяетъ старый аргументъ фурьеристовъ и самого Фурье, что, еслибы капиталисты исчезли и предпринимательская прибыль всецѣло была присвоена рабочимъ классомъ, при сохраненіи прежней организаціи производства и того же трудового уровня рабочаго, то положеніе пролетаріата мало измѣнилось бы къ лучшему. Прудонъ требовалъ усиленія темпа производства и возвышенія уровня рабочаго [4]). Прудонъ неоднократно рисовалъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ психологію и моральныя качества пролетаріата и рабочихъ массъ; онъ неоднократно высказывался отрицательно на счетъ способности народной массы, при настоящемъ уровнѣ ея развитія, выполнить историческую миссію преобразованія общества и своего собственнаго освобожденія [5]). Съ другой стороны, Прудонъ въ самомъ пролетаріатѣ видѣлъ іерархію и разслоеніе, экономическое неравенство, привилегіи и тенденцію однихъ группъ эксплуатировать другія, подобно тому какъ и въ буржуазіи

---

[1]) Proudhon, La Révolution sociale, стр. 233-234. — Solution du problème social, стр. 61. — Justice, t. VI, стр. 89. — Correspondance, t. II, стр. 78.—Capacité politique, стр. 374.

[2]) Proudhon, Mélanges, t. III, стр. 123-124 и 162.—Manuel du Spéculateur à la Bourse, стр. 402-405. — Théorie de la Propriété, стр. 180.—Correspondance, t. II, стр. 214.

[3]) Proudhon, Mélanges, t. II, стр. 6-7, 74 и 272. — Manuel du Spéculateur à la Bourse, стр. 403-405, 408-409 и 417. — Philosophie du Progrès (Oeuvres, t. XX), стр. 81.—La Justice poursuivie par l'Eglise (Oeuvres, t. XX), стр. 239. — Capacité, стр. 70 и 433. — Correspondance, t. III, стр. 97 и 104.

[4]) Proudhon, Système des contradictions économiques, t. I, стр. 254-256. — Banque d'Echange (Oeuvres, t. VI), стр. 153 - 154. — Justice, t. II, стр. 328-329.

[5]) Proudhon, Mélanges, II, стр. 272, 277 и 286-287. — Justice, VI, стр. 89-108.—Révolution sociale, стр. 23-26, 72-84.

одни слои эксплоатируются другими [1]). Для Прудона была даже мыслима опасность эксплуатаціи всего общества пролетаріатомъ.

Вотъ почему Прудонъ одобрялъ поштучную плату, вотъ почему онъ былъ противъ стачекъ и противъ сокращенія рабочаго дня.

Итакъ, причина противорѣчій Прудона въ вопросѣ о классовой борьбѣ заключается въ томъ, что въ соціализмѣ онъ видѣлъ не одну простую задачу, напр., освобожденіе пролетаріата отъ власти капитала, а сложную задачу упраздненія эксплуатаціи и неравенства, введенія высшей соціальной техники, усиленія производства и производительности труда, и что онъ становился на точку зрѣнія того или другого отдѣльнаго требованія, не заботясь о координированіи частныхъ задачъ въ стройное цѣлое; что въ системѣ современныхъ общественныхъ антагонизмовъ онъ видѣлъ не только классовую и вообще экономическую борьбу, но и другіе антагонизмы, какъ, напр., антагонизмъ политическій и борьбу личности за свою свободу противъ деспотическаго правительства и противъ власти государства, и что онъ становился на точку зрѣнія то того, то другого антагонизма; что въ каждомъ классѣ, въ частности въ пролетаріатѣ, онъ усматривалъ какъ внутренніе антагонизмы, такъ и возможность антагонизма съ интересами всего общества; что онъ приписывалъ пролетаріату и народнымъ массамъ иниціативу и миссію общественнаго преобразованія и что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ въ неподготовленности и даже неспособности народа къ выполненію той же миссіи.

VII.

Укажемъ еще на нѣкоторые другіе парадоксы и противорѣчія Прудона.

Прудонъ характеризовалъ себя не атеистомъ, а антитеистомъ. Ему случалось даже нападать на атеизмъ. Какъ послѣдователь Ог. Конта, Прудонъ считалъ вопросъ о существованіи или несуществованіи Бога, какъ вопросъ абсолютнаго бытія, научно неразрѣшимымъ. Онъ считалъ возможнымъ допускать бытіе Бога въ области абсолюта. Но гипотеза Провидѣнія, идея божественнаго Промысла, провиденціалистическіе термины фигурируютъ въ произведеніяхъ Прудона довольно часто. И въ то же время разсужденія Прудона пестрѣютъ самыми горячими филиппиками противъ Высшаго Существа: сюда принадлежатъ нѣкоторыя изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ его „Contradictions Economiques". Вотъ образчикъ тирады Прудона: „И заключеніе соціальной науки таково: собственность, это — преступленіе Высшаго Существа. Для чело-

---

[1]) Proudhon, Oeuvres, t. II, стр. 97. — Système des contradictions économiques, I, стр. 132; IV, стр. 73.—Manuel du Spéculateur à la Bourse, стр. 410-411.—Justice V, стр. 283-284.—Capacité, стр. 111.

вѣка существуетъ только одна обязанность, одна религія, это — отрицать Бога" [1]). Если рѣчь идетъ здѣсь объ отрицаніи существованія Бога, то это уже—противорѣчіе. Но, мало того, Прудонъ не только признавалъ за религіею извѣстную миссію, но онъ еще утверждалъ, что онъ къ религіи всегда относился съ уваженіемъ. Онъ держался мнѣнія, что при современныхъ условіяхъ служители религіи должны получать содержаніе отъ государства. Онъ предлагалъ—трудно сказать, насколько серьезно,—чтобы преподаваніе свѣтской морали въ школахъ было поручено духовенству [2]). Враги называли его даже „соціалистомъ-ханжею" [3]).

Прудонъ — одновременно и патріотъ, и антипатріотъ. Троица, въ которой человѣческая личность находитъ свое выраженіе, это, по Прудону, владѣніе (вмѣсто собственности), семья и отечество. Прудонъ желаетъ славы и величія своей страны, Франціи. Во имя экономическихъ интересовъ отечества онъ высказывается противъ свободы торговли. Но въ то же время онъ нападаетъ на привилегію національной территоріи, на національный эгоизмъ и на патріотизмъ, какъ на орудіе въ рукахъ деспотической власти. Доказывая, что національность не должна быть отожествлена съ единствомъ, онъ вдругъ отсюда заключаетъ противъ освободительной борьбы угнетенныхъ національностей. Апостолъ свободы, врагъ угнетенія, проповѣдникъ справедливости возстаетъ противъ свободы и свободнаго самоопредѣленія націй, стонущихъ подъ игомъ грубой силы. Стремленіе къ объединенію и къ самой эмансипаціи угнетенныхъ національностей пріобрѣтаетъ въ его глазахъ буржуазный или аристократическій характеръ. Еслибы еще Прудонъ стоялъ на точкѣ зрѣнія близкой соціальной революціи, однимъ ударомъ всюду разрѣшающей задачу универсальнаго освобожденія! Но Прудонъ меньше, чѣмъ кто-нибудь, вѣрилъ въ возможность подобнаго внезапнаго переворота, и онъ тѣмъ не менѣе относится рѣзко отрицательно не только къ *объединенію* — что было бы еще понятно со стороны противника централизаціи и федералиста,—но и къ *освобожденію* національностей, и именно, между прочимъ, какъ къ дѣлу буржуазному и анти-народному.

Прудонъ — противъ объединенія Германіи, противъ объединенія Италіи, противъ освобожденія Венгріи и Ирландіи, противъ возстановленія Польши. Федералистъ — противъ автономіи тѣхъ, которые болѣе всѣхъ страдаютъ отъ національно-политическаго гнета! Говоря противъ объединенія Италіи, Прудонъ, между прочимъ, становится на точку зрѣнія интересовъ Франціи, какъ католической страны, интересовъ Франціи, которой объединеніе Италіи,

---

[1]) Proudhon, Contradictions économiques, t. II, стр. 239.

[2]) Proudhon, Mélanges, t. I, стр. 72. — La Justice poursuivie par l'Église (Oeuvres, t. XXI), стр. 216 и 130.—Justice, t. IV (Oeuvres, t. XXIV), стр. 355 etc.

[3]) Al. Estignard, Portraits franc-comtois. t. II, Paris, 1887, стр. 181.

быть можетъ, готовитъ новаго противника. Прудонъ готовъ даже помириться со свѣтскою властью папы, лишь бы не допустить „централизованной" Италіи. Что касается Польши, то Прудонъ перерылъ весь арсеналъ исторіи этой несчастной страны, чтобы извлечь всевозможныя доказательства въ пользу того, что гибель Польши была неизбѣжна и справедлива и что исторіею Польша осуждена навсегда. Врядъ-ли какой-нибудь другой апологетъ раздѣла Польши проявилъ столько усердія и злобности въ защитѣ дурного дѣла, какъ это сдѣлалъ Прудонъ. И, что печальнѣе всего, выступленіе Прудона не осталось безъ вліянія на реакцію противъ полонофильской политики во Франціи [1]).

Если съ своимъ положеніемъ должны мириться угнетенныя націи, то почему должны испытывать недовольство угнетенныя расы, напр., негры-рабы? И, дѣйствительно, Прудонъ недвусмысленно высказывается, противъ аболиціонистовъ, за нецѣлесообразность дарованія неграмъ свободы, вмѣсто того, чтобы ихъ „воспитывать" и отечески опекать: если бѣлому пролетарію приходится нынѣ плохо въ цивилизованныхъ странахъ, то что ужъ говорить объ освобожденномъ на волю негрѣ? [2]).

Разсуждая о рабствѣ, Прудонъ примѣняетъ новый принципъ: *право силы*. Принципъ—новый для Прудона, который клалъ въ основу своего міросозерцанія идею *справедливости* [3]). Цѣлая огромная книга Прудона посвящена апологіи войны, апологіи права болѣе сильнаго. Для Прудона война была необходима во всей прошлой исторіи человѣчества, она не перестаетъ быть необходимостью и въ настоящемъ, вѣчный миръ—утопія. И никто изъ апологетовъ войны до Прудона, какъ Вовенаргъ и Жозефъ-де-Местръ, и послѣ Прудона, какъ Мольтке и другіе милитаристы, не воспѣлъ съ такимъ искусствомъ гимна войнѣ, какъ самъ Прудонъ. Не удивительно, что нынѣ жрецы Марса, защищающіе тезу благодѣтельности войны, нерѣдко черпаютъ свои доказательства у Прудона или же приводятъ аргументы, совершенно сходные съ аргументами Прудона.

На томъ же базисѣ права силы Прудонъ строитъ главнымъ образомъ свою систему отношеній мужчины къ женщинѣ. Для Прудона женщина это—существо низшее въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи. Между мужчиною и женщиною не можетъ быть союза равнаго съ равнымъ. Женщина ниже мужчины въ отношеніи физической силы и равенство недостижимо

[1]) I. Tchernoff, Le parti républicain au coup d'État, стр. 427.
[2]) Proudhon, Justice, t. I (Bruxelles 1860), стр. 80; t. IV (Oeuvres, t. XXIV), стр. 136.—La Guerre et la Paix, t. I, стр. 220-224; t. II, стр. 309-311.—Du Principe fédératif (Oeuvres, t. VIII), стр. 95-96 и 232.
[3]) Eug. Dühring, Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus, 4-е Aufl., Leipzig, 1900, стр. 636.

уже хотя бы потому, что женщина непригодна для военнаго дѣла. Женщина лишена моральнаго чувства. Женщина—животное. Право мужчины надъ женщиною, это — право собственности. Идея эмансипація женщины, это — идея безнравственная. Единственная сфера, единственная стихія женщины, это—семья, дѣти, хозяйство, домашній очагъ, подъ властью и покровительствомъ главы семьи, доставляющаго ей средства къ существованію. „Лучше плѣнница, чѣмъ куртизанка... *Куртизанка или хозяйка въ домѣ... Лучше лишеніе свободы, чѣмъ эта такъ называемая эмансипація для женщины!*" Мужъ имѣетъ въ извѣстныхъ случаяхъ право жизни и смерти за женою. Въ числѣ этихъ случаевъ значатся пьянство и дебошъ жены, мотовство, упрямое неповиновеніе мужу [1]).

Прудонъ, фанатикъ нерасторжимаго моногамическаго брака, ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ развода.

Наконецъ, Прудонъ—сторонникъ смертной казни.

VIII.

Итакъ, міросозерцаніе Прудона богато противорѣчіями. Тутъ есть и противорѣчія, присущія той или другой его теоріи, въ связи съ ея логическою структурою, и противорѣчія, проистекающія отъ того, что Прудонъ самъ мѣнялся во времени.

Ни друзья, ни противники Прудона не отрицаютъ его противорѣчій. Изъ многочисленныхъ авторовъ, писавшихъ о Прудонѣ, развѣ лишь Мюльбергеръ, „безъ лести преданный" Прудону, да, пожалуй, Поль Луи (въ примѣненіи къ критической части ученія Прудона), находятъ, что Прудона напрасно обвиняютъ въ противорѣчіяхъ [2]). Нашъ Н. К. Михайловскій характеризуетъ Прудона слѣдующимъ образомъ: „Есть основныя воззрѣнія Прудона, проходящія неизмѣнною красною нитью черезъ всѣ его письма и сочиненія, среди всевозможныхъ противорѣчій и удивительныхъ ампутацій, которымъ онъ подвергалъ и метафизику, и всѣ другія орудія своей борьбы. Противорѣчій можно найти очень много и въ сочиненіяхъ, и въ письмахъ Прудона. Но это—или чисто логическіе и въ общей системѣ его воззрѣній всегда второстепенные промахи, или результаты минутныхъ вспышекъ подъ напоромъ тревожной исторіи Франціи 30—50 годовъ, или наконецъ совершенно

---

[1]) Proudhon. Qu'est-ce que la Propriété? Premier Mémoire, стр. 265-266.—Avertissement aux propriétaires, стр. 80.—La Miserere (Oeuvres, t. II), стр. 304.—Système des contradictions économiques, II, стр. 199-200 и 278.—La Guerre et la Paix, I, стр. 70. — Justice, t. IV, стр. 133-137 и др. — La Pornocratie; Paris, 1875, стр. 38, 67, 203, 262, 152, 223, 266 и др.—Contradictions politiques, стр. 188.

[2]) Arth. Mülberger, P.—J. Proudhon, Leben und Werke; Stuttgart, 1899, Vorwort. — Paul Louis, Les étapes du Socialisme; Paris, 1903, стр. 185-186.

сознательное хладнокровное пригибаніе разныхъ отвлеченныхъ формулъ къ извѣстнымъ практическимъ цѣлямъ. И за всѣмъ тѣмъ Прудонъ можетъ служить образцомъ непоколебимости убѣжденій, особенно поразительной для насъ, русскихъ" [1]). Къ сожалѣнію, эта характеристика не совсѣмъ точна и, должно признать, слишкомъ благопріятна для Прудона.

Противорѣчія и парадоксы Прудона вызывали у современниковъ то недоумѣніе, то негодованіе. За нимъ установилась репутація софиста. Говорили, что онъ стремится къ извѣстности скандаломъ и парадоксами. Эженъ Пельтанъ обвинялъ его въ измѣнѣ. Для Мадзини Прудонъ былъ „Мефистофелемъ демократіи". Многіе безъ обиняковъ говорили о его „шарлатанствѣ".

Наиболѣе ярыя нападки были направлены противъ Прудона изъ соціалистическаго лагеря. Наиболѣе мягкіе люди, отчасти бывшіе друзья Прудона, отзывались о немъ въ самыхъ жесткихъ и негодующихъ выраженіяхъ. Консидеранъ и фурьеристы аттестовали Прудона, какъ „Герострата" и „Іуду". Пеккёръ называлъ Прудона „Каиномъ" и „величайшимъ изъ мистификаторовъ новаго времени". Пьеръ Леру примѣнялъ къ Прудону эпитеты: „эклектикъ", „софистъ", „либералъ", „эгоистъ", „мальтузіанецъ", „буржуа-собственникъ"; мало того, онъ обвинялъ Прудона въ ренегатствѣ, въ отступничествѣ отъ республики, отъ демократіи, отъ соціализма. Луи Бланъ жестоко бичевалъ „софизмы", „противорѣчія", „парадоксы", „отрицаніе соціализма" въ произведеніяхъ Прудона, котораго онъ вдобавокъ характеризовалъ, какъ профессіональнаго гладіатора, панегирика тирановъ, жонглера и плагіатора [2]). Колэнъ находилъ въ разсужденіяхъ Прудона бредъ и безуміе. А между тѣмъ всѣ эти писатели и дѣятели признавали, что Прудонъ имѣетъ большія заслуги передъ соціализмомъ.

Среди представителей самостоятельной соціалистической мысли въ Россіи отношеніе къ Прудону — скорѣе смѣшанное. Извѣстно, что Герценъ былъ большой другъ и почитатель Прудона. Напротивъ того, Чернышевскій далъ о Прудонѣ слѣдующій отзывъ: „Очень видное мѣсто въ литературѣ занялъ писатель очень крутого нрава, Прудонъ. Кто онъ такой, соціалистъ или не соціалистъ, коммунистъ или не коммунистъ — этого никто изъ континентальныхъ политико-экономовъ не умѣетъ разобрать, да и самъ Прудонъ, быть можетъ, не зналъ опредѣленно. Но одно всѣмъ замѣтно: онъ ужасно бранится, и такъ бранится, что на кого ни набросится, безвозвратно выставитъ дуракомъ. Бранитъ онъ соціали-

---

1) Н. К. Михайловскій, Прудонъ и Бѣлинскій. Сочиненія, т. III, СПБ. 1881, стр. 445.

2) Интересно, что Луи Бланъ, высмѣивая діалектику Прудона, ссылается на „Misère de la Philosophie" Маркса. См. Louis Blanc, L'État-Anarchie du citoyen Proudhon, въ Nouveau Monde, № 7, Janvier 1850, стр. 303.

стовъ и коммунистовъ—это хорошо; но попробуй кто-нибудь сказать противъ нихъ, онъ такъ отдѣлаетъ этого господина, что тотъ жизни будетъ не радъ: „если, говоритъ, я ихъ называю глупцами, такъ другое дѣло—я понимаю ихъ; а вы, м. г., не понимаете ихъ, вы сами гораздо глупѣе ихъ, да и въ политической экономіи аза въ глаза не знаете"...[1]). Отношеніе Бакунина къ Прудону — двойственное: онъ превозносилъ Прудона за его „анархизмъ", „атеизмъ" и революціонную критику; но въ то же время онъ отвергалъ „вторую, дурную манеру Прудона"—признаніе частной собственности и ухаживаніе за буржуазіею[2]). Для Н. К. Михайловскаго Прудонъ былъ „гигантъ"; но его высокое мнѣніе о Прудонѣ въ значительной степени компенсируется существенными оговорками и нѣкоторыми рѣзкими сужденіями.

Разнородностью и противорѣчіями Прудона объясняется то, что непримиримыя между собою общественныя теченія и противоположныя по своимъ программамъ партіи могутъ опираться и опираются на Прудона, точнѣе, на частицу Прудона, при полной однако безнадежности стремленія ассимилировать его себѣ цѣликомъ. Судьбѣ угодно было не только при жизни Прудона, но и въ дальнѣйшей исторіи прудоновскихъ идей возбуждать удивленіе тѣми странными ассоціаціями, поразительными сюрпризами, причудливыми контрастами, которые намъ даетъ пестрая толпа послѣдователей Прудона, питающихся тѣми или другими элементами его ученія. Тутъ есть анархисты и умѣренные реформисты, соціалисты и либералы, революціонные синдикалисты и... роялисты. Отъ Прудона наслѣдуются то его плюсы, то его минусы, то тѣ и другіе вмѣстѣ, и чаще всего съ ними и противорѣчія Прудона.

Такъ, Прудонъ считается однимъ изъ главныхъ теоретиковъ анархизма. Но сами анархисты признаютъ, что Прудонъ возстановляетъ ликвидируемое имъ государство въ другихъ формахъ и подъ другими терминами. Бакунинъ высоко цѣнилъ Прудона, но и онъ отвергалъ „вторую, дурную манеру" Прудона, борясь съ прудонизмомъ въ Интернаціоналѣ. Бакунинъ называлъ себя *коллективистомъ*, противопоставляя себя *коммунистамъ*, какъ государственникамъ. Но значительная часть современныхъ анархистовъ признаетъ себя коммунистами, что привело бы, безъ сомнѣнія, въ ужасъ Прудона. Другая категорія анархистовъ, именно анархисты-индивидуалисты, доказываетъ противорѣчивость идеала анархистовъ-коммунистовъ, отрицающихъ всякую юридическую норму принужденія, но вводящихъ норму принужденія въ самомъ отрицаніи частной собственности. И тѣ же анархисты-индивидуалисты,

---

[1]) Чернышевскій, Очерки изъ политической экономіи. Сочиненія, т. IV, стр. 16-17.

[2]) Bakounine, Oeuvres, t. I, Paris, 1894, стр. 40. — Guillaume, L'Internationale, t. I, стр. 154.

ближе стоящіе къ Прудону, чѣмъ анархисты-коммунисты, впадаютъ въ неменьшее противорѣчіе, когда они, вмѣстѣ съ частною собственностью, признаютъ правовую норму, т. е. обязательное ограниченіе волею одного воли другихъ, а, слѣдовательно, и санкціонируемое обществомъ принужденіе. Другіе анархисты, какъ, напр., Мостъ, возстаютъ противъ отожествленія „научнаго анархизма“ съ прудонизмомъ.

Революціонные синдикалисты употребили немало усилій, чтобы ассимилировать себѣ Прудона, у котораго они заимствуютъ много и хорошаго, и, въ особенности, дурного. Но они, фанатическіе поклонники „grève générale“ (всеобщей стачки) и „action directe“ (прямого дѣйствія), не могутъ не быть безпомощны передъ мирнымъ легализмомъ Прудона, передъ рѣшительнымъ отрицаніемъ имъ стачекъ, отрицаніемъ сокращенія рабочаго дня и восхваленіемъ системы поштучной платы, передъ его частыми призывами къ совмѣстному дѣйствію пролетаріата и буржуазіи.

Крайности сходятся. На осужденіи Прудономъ демократіи, на его традиціонализмѣ сошлись революціонеры и реакціонеры. Въ реакціонномъ лагерѣ Прудонъ былъ провозглашенъ однимъ изъ столповъ контръ-революціи, наравнѣ съ Бональдомъ и де-Местромъ [1]). „Позитивные“ роялисты типа Шарля Морà видятъ въ немъ одного изъ своихъ пророковъ. Его портретъ вывѣшивается въ редакціяхъ роялистскихъ органовъ рядомъ съ портретомъ Пія X или герцога Орлеанскаго. Говорятъ даже, что роялистская „Action Française“ основала „Клубъ Прудона“ [2])..

IX.

Изъ предыдущаго изложенія выясняются въ значительной степени причины противорѣчій въ міросозерцаніи Прудона.

Прежде всего надо отвести, какъ непригодное, то объясненіе, въ силу котораго Прудонъ будто бы такъ часто себѣ противорѣчилъ потому, что онъ былъ „мелкій буржуа“ и выражалъ „противорѣчивые интересы мелкой буржуазіи“. Объясненіе мнѣній и фактовъ категоріею „мелкобуржуазности“, это, какъ извѣстно, излюбленный пріемъ марксистовъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, своего рода deus ex machina, къ которому они прибѣгаютъ такъ же часто, какъ нѣкогда теологи и философы прибѣгали въ своихъ объясненіяхъ къ „волѣ Божіей“, этому „убѣжищу незнанія“, по выраженію Спинозы. Что касается Прудона, то, во-первыхъ, какъ мы уже видѣли, невѣрно, что онъ былъ мелкій буржуа или теоре-

---

[1]) L. Dimier, Les maîtres de la Contre-révolution du XIX siècle; Paris, 1907, стр. 280 и 291.

[2]) G. Guy-Grand, Les Procès de la Démocratie; Paris, 1911, стр. 16-17 и 93.—E. Bouglé, La Sociologie de Proudhon; Paris, 1911, стр. VIII.

тикъ мелкой буржуазіи. И, во-вторыхъ, если противорѣчія Прудона объясняются его мелкобуржуазностью, то какъ объяснять противорѣчія „истинныхъ представителей пролетаріата“, въ частности противорѣчія марксизма, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ аналогію съ противорѣчіями Прудона?

Самъ Марксъ, впрочемъ, связывалъ противорѣчія Прудона не только съ его „мелкобуржуазною точкою зрѣнія“, но и съ особенностями его характера. Въ письмѣ къ редактору „Sozialdemocrat“ въ 1865 году Марксъ характеризовалъ Прудона слѣдующимъ образомъ: „Прудонъ отъ природы имѣлъ склонность къ діалектикѣ. Но такъ какъ онъ никогда не понималъ истинно научной діалектики, то и не пошелъ далѣе софистики... Онъ (мелкій буржуа)—олицетворенное противорѣчіе. А если онъ къ тому же, подобно Прудону, еще и остроумный человѣкъ, то онъ скоро начинаетъ играть своими собственными противорѣчіями и выкраивать изъ нихъ повременамъ неожиданные, громкіе, иногда скандалезные, иногда блестящіе парадоксы. Научный шарлатанизмъ и духъ политическаго компромисса неразрывно связаны съ такой точкой зрѣнія. Передъ вами только одинъ руководящій мотивъ—тщеславіе субъекта, и весь вопросъ сводится для него, какъ и для всѣхъ тщеславныхъ людей, лишь къ вопросу объ успѣхѣ минуты, о славѣ нынѣшняго дня“.

Для надлежащаго объясненія противорѣчій Прудона необходимо считаться какъ съ особенностями его личности, его личнаго характера, его личнаго развитія и біографіи, такъ и съ особеннымъ характеромъ тѣхъ вопросовъ, которые онъ брался разрѣшать.

Прудонъ обладалъ блестящимъ талантомъ анализа, но не синтетическимъ умомъ. Онъ не умѣлъ охватывать вопросъ сразу и одновременно со всѣхъ сторонъ; въ каждый моментъ отъ него ускользала то одна, то другая особенность, то одна, то другая трудность. Онъ видѣлъ то одну, то другую сторону предмета, произносилъ то одно, то другое сужденіе, что неизбѣжно должно было вести къ противорѣчіямъ. Прудонъ не обладалъ способностью находить цѣльныя, гармоническія рѣшенія сложныхъ проблемъ. Каждое предлагаемое имъ рѣшеніе заключало въ себѣ лишь часть правды. Но часть правды предполагаетъ и нѣкоторую часть неправды.

Съ другой стороны, Прудонъ былъ скорѣе критикъ и полемистъ, чѣмъ положительный научный изслѣдователь. Полемическій задоръ въ немъ соединялся съ необыкновеннымъ упрямствомъ и самолюбіемъ. Имъ нерѣдко руководило, безъ сомнѣнія, стремленіе къ эффектамъ, желаніе постоять на своемъ, доказать свою самостоятельность, показать свою оригинальность, даже блеснуть парадоксальностью. Это его вело черезчуръ далеко. Быть можетъ, даже онъ не проявлялъ достаточно *искренности передъ самимъ собою,*

въ смыслѣ самокритики и самоанализа. Какъ онъ не замѣчалъ самъ своихъ собственныхъ противорѣчій?

Далѣе, не слѣдуетъ забывать, что Прудонъ не только былъ самоучка, но вообще не могъ въ своей молодости систематически и послѣдовательно работать. Здѣсь дѣло не только въ томъ, что, какъ утверждаетъ Диль, Прудонъ получилъ въ юности недостаточное образованіе и потомъ, доучиваясь и пріобрѣтая новыя знанія, долженъ былъ мѣнять свои прежніе взгляды, или въ томъ, что, какъ это было высказано Жоржемъ Сорелемъ, Прудонъ жилъ недостаточно долго, чтобы дать своимъ идеямъ окончательное выраженіе [1]). Ибо, какъ мы уже установили, сверхъ противорѣчій, которыя у Прудона проистекали отъ того, что онъ мѣнялся во времени, ему свойственны были другія, болѣе серьезныя противорѣчія, которыя поражали, какъ внутренняя болѣзнь, его міросозерцаніе въ данный періодъ развитія его мысли, независимо отъ ея метаморфозъ. Существенное значеніе здѣсь имѣетъ тотъ фактъ, что основныя воззрѣнія Прудона, со всѣми своими противорѣчіями или зародышами противорѣчій, были выработаны имъ еще въ молодости, когда, вслѣдствіе недостаточной подготовки и недостаточной научной дисциплины, онъ не располагалъ строгими критеріями для провѣрки истины и для раскрытія противорѣчій, и что прорѣхи въ этомъ отношеніи оставались у Прудона всю жизнь. Сентъ-Бёвъ, первый біографъ Прудона, говоритъ о недостаточномъ образованіи Прудона въ области исторіи и литературы [2]). Быть можетъ, еще важнѣе другой пробѣлъ въ подготовкѣ Прудона—недостатокъ математическаго и естественно-научнаго образованія. Еслибы Прудонъ прошелъ черезъ дисциплину точныхъ методовъ изслѣдованія, лежащихъ въ основѣ этихъ отраслей знанія, онъ, можетъ быть, оказался бы свободенъ отъ многихъ изъ своихъ противорѣчій.

Какъ бы то ни было, Прудонъ воспитывался на самыхъ разнообразныхъ источникахъ. Матеріалы для своего міровоззрѣнія онъ черпалъ изъ системъ, наиболѣе отдаленныхъ другъ отъ друга, и отъ мыслителей, наиболѣе чуждыхъ другъ другу. И такимъ образомъ онъ въ свое собственное ученіе впитывалъ противоположные другъ другу принципы и несовмѣстимыя между собою предложенія. Не даромъ Пьеръ Леру обвинялъ его въ *эклектизмѣ*. Кто—учителя Прудона? Теологи и энциклопедисты, Жанъ-Жакъ Руссо и реакціонеры-традиціоналисты, Кантъ и Контъ, Фихте и Гегель, Сенъ-Симонъ и Фурье, Адамъ Смитъ и Сэй, Сисмонди и

---

[1]) Karl Diehl, Proudhon, 2-e Abtheil, стр. 145.—Georges Sorel, Essai sur la philosophie de Proudhon, въ Revue Philosophique, t. 33, juin 1892, стр. 622.

[2]) Sainte-Beuve, P.-J. Proudhon; Paris, 1872, стр. 121 и 249.—Ср. Emile Faguet, Politiques et moralistes du XIX siècle, 3-e Série Paris, 1900, стр. 121.

доктринеры-либералы. И, быть можетъ, болѣе всего Прудонъ обязанъ тѣмъ, на кого онъ нападалъ наиболѣе ожесточенно: Жанъ-Жаку Руссо, Сенъ-Симону, Фурье.

Эклектизмъ міросозерцанія Прудона, сформировавшагося при указанныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, велъ къ соединенію въ одной системѣ *несовмѣстимыхъ принциповъ*, къ проникновенію въ его теоріи многочисленныхъ *пережитковъ мысли* и къ формулировкѣ общественнаго идеала, какъ совокупности *цѣлей и требованій, въ сущности несовмѣстимыхъ*. Но тогда противорѣчія неизбѣжны.

Прудонъ, какъ истый *діалектикъ*,—врагъ всего абсолютнаго. Онъ отрицаетъ вѣчность, незыблемость, непогрѣшимость, всеобщую примѣнимость какой бы то ни было истины. Всякое положеніе имѣетъ для него лишь относительный характеръ. Но, какъ *интуитивный моралистъ*, онъ настаиваетъ на абсолютномъ характерѣ принциповъ морали и справедливости. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, напримѣръ, абсолютный характеръ одного изъ элементовъ своей діалектики—теоріи серій. Колэнъ и Іодль указывали на эти противорѣчія. Сознавалъ ихъ отчасти и самъ Прудонъ; но, стремясь объяснить ихъ, онъ запутывается въ новыхъ противорѣчіяхъ.

Прудонъ признаетъ *свободную волю* человѣка, хотя аргументація его въ этомъ отношеніи весьма слаба. Но свой психологическій индетерминизмъ онъ, какъ ученикъ Ог. Конта, соединяетъ съ *историческимъ детерминизмомъ*, т. е. съ *исторической необходимостью*.

Прудонъ—врагъ фатализма. Онъ—„антитеистъ" потому, что религію онъ, между прочимъ, отожествляетъ съ фатализмомъ. Но его историческій детерминизмъ у него, какъ и у многихъ другихъ мыслителей, часто превращается въ фатализмъ: человѣчество никогда не идетъ назадъ; революція, или соціальная реформа неизбѣжна; установленіе стоимости—неизбѣжный результатъ историческаго развитія; организація труда—продуктъ эволюціи общества. Подобная постановка вопроса часто порождаетъ тотъ конфликтъ между свободою и необходимостью, долженствованіемъ и бытіемъ, идеаломъ и фатальною эволюціею, который характеризуетъ всѣ системы, претендующія на монизмъ, но безпомощно бьющіяся передъ противорѣчіемъ между признаніемъ соціальной необходимости и санкціею творческой дѣятельности ради воплощенія идеала.

Къ пережиткамъ мысли, которые Прудонъ унаслѣдовалъ отъ теологовъ, историковъ-провиденціалистовъ, реакціонныхъ традиціоналистовъ, Сенъ-Симона и Фурье, Канта и Конта, исторической школы права и Гегеля, относятся элементы *телеологіи*, *апологетизма*, *діалектики* и *мистицизма*.

Всякій общественный институтъ, даже повидимому самый вред-

ный, имѣетъ свою положительную *миссію*, а потому и извѣстное оправданіе. Собственность, эксплуатація, рента, ростъ имѣютъ свою миссію. Религія, касты жрецовъ, королевская власть имѣютъ свою миссію. Рабство, феодализмъ, буржуазія имѣютъ свою миссію. Война имѣетъ свою миссію. Однимъ словомъ, всякое зло имѣетъ свою миссію. Такова точка зрѣнія Прудона. Но всякое подобное зло есть отрицаніе абсолютной справедливости, требуемой тѣмъ же Прудономъ. Въ результатѣ конфликтъ, ведущій то къ осужденію, то къ оправданію одного и того же института — какъ собственности, прибыли, классоваго строя, эксплуатаціи, войны. Ибо, хотя всякая миссія и должна имѣть временный характеръ, но какъ опредѣлить моментъ полнаго завершенія миссіи? Тогда понятно, что, въ своемъ знаменитомъ спорѣ съ Бастіа, Прудонъ, ставшій на позицію выполненной уже миссіи капитала и прибыли на капиталъ, оказался въ не совсѣмъ выгодномъ положеніи относительно Бастіа, доказывавшаго съ большимъ талантомъ и большою убѣдительностью, что эта миссія отнюдь еще не кончена и потому прибыль на капиталъ вполнѣ законна. Съ другой стороны, почему, напримѣръ, не допустить, что миссія женщины и заключается въ томъ, чтобы оставаться въ зависимомъ и униженномъ положеніи, ради интересовъ, скажемъ, хотя бы семьи?

Наиболѣе пагубное вліяніе оказали на Прудона антиноміи Канта, теорія серій Фурье и діалектика противорѣчій Фихте и, въ особенности, Гегеля. Сама по себѣ уже мистическая діалектика стала у Прудона маніей. Перемѣну нѣкоторыхъ своихъ воззрѣній самъ Прудонъ приводилъ въ связь съ глубокомысленнымъ открытіемъ, сдѣланнымъ имъ, что противорѣчія не разрушаются, а лишь уравновѣшиваются. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что, перефразируя извѣстное выраженіе Маркса, діалектическія (или Гегелевскія) противорѣчія часто ведутъ къ плоскимъ противорѣчіямъ. Не доказываетъ ли Дрозъ, одинъ изъ почитателей Прудона, что парадоксальность теоріи права силы и права войны у Прудона— результатъ обширнаго развитія его „тезы" безъ достаточнаго развитія его „антитезы"? [1])

Итакъ, Прудонъ, послѣдователь позитивной философіи и „антитеистъ", былъ самъ мистикъ. Эрданъ, авторъ интересной книги о мистицизмѣ во Франціи, удѣлилъ Прудону мѣсто въ портретной галлереѣ своихъ мистиковъ [2]). Но извѣстно, что мистицизмъ это—разсадникъ противорѣчій.

Мистицизмъ, вмѣстѣ съ телеологіею, представляетъ собою

---

[1]) Ed. Droz, P.-J. Proudhon; Paris, 1909, стр. 140 и 244.

[2]) Al. Erdan, La France mystique; Paris, 1850 (?), t. II, стр. 562-563.— Ср. Colins, De la Justice dans la Science, t. I, Paris, 1860, стр. 115 и 128.—Eug. Dühring, Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus, 2-e Aufl., Berlin, 1875, стр. 480-488.— C. Bouglé, La Sociologie de Proudhon, стр. 25.

культуру, благопріятную для развитія то преувеличеннаго *оптимизма*, то преувеличеннаго *пессимизма*. Когда вѣрятъ, что фатальная эволюція, или неизбѣжный историческій процессъ, принесетъ то самое рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, которое представляется конечною цѣлью нашего идеала, то это—религія оптимизма. Когда вѣрятъ, что всякое зло въ общественной жизни необходимо ради миссіи порожденія имъ добра, то это—настолько же мистическій оптимизмъ въ одномъ смыслѣ, насколько мистическій пессимизмъ въ другомъ смыслѣ. Но сопоставленіе обѣтованной земли будущаго съ неприглядною картиною настоящаго можетъ, въ силу реакціи, вести къ крайнему пессимизму. Тогда можетъ казаться, что мостъ, связующій прозаическое настоящее съ идеальнымъ будущимъ,—одинъ призракъ. Критеріи поведенія становятся крайне эластичными и начинается бѣшеная погоня за *компромиссами*. Въ результатѣ компромиссовъ—противорѣчія. Далѣе, оптимизмъ по отношенію къ историческому процессу можетъ соединяться съ пессимистическимъ взглядомъ на личности и классы, которые должны быть носителями исторической миссіи воплощенія въ жизнь идеала. Въ частности, никто изъ соціалистовъ не отзывался такъ сурово и даже презрительно о пролетаріатѣ и народныхъ массахъ, какъ именно Прудонъ. Здѣсь лежитъ причина его приступовъ оптимизма и пессимизма. То онъ мечтаетъ объ организаціи „ан-архіи" въ самомъ близкомъ будущемъ; то онъ отвергаетъ демократію, суверенитетъ народа и всеобщее избирательное право, въ виду низкаго моральнаго и интеллектуальнаго уровня народныхъ массъ; то онъ обращается къ представителямъ господствующихъ классовъ, чтобы реформу сдѣлали они.

Отъ традиціоналистовъ и отъ позитивизма Прудонъ заимствовалъ идею общества, какъ коллективнаго существа. Но отъ сенъсимонистовъ и фурьеризма онъ также усвоилъ себѣ идею борьбы классовъ и соціальныхъ группъ. Одна идея предполагаетъ *солидарность* общественныхъ слоевъ, другая — ихъ *антагонизмъ*. Прудонъ становится то на точку зрѣнія солидарности (какъ, напр., въ требованіи полнаго объединенія пролетаріата и буржуазіи), то на точку зрѣнія антагонизма (какъ въ требованіи уничтоженія нетрудовыхъ доходовъ, или въ противоставленіи автономной личности государству или обществу). Не умѣя стать на позицію правильнаго синтеза, Прудонъ впадаетъ въ противорѣчія. Прудону чуждо было пониманіе общества, какъ совокупности сложныхъ отношеній *относительной* солидарности и *относительнаго* антагонизма.

X.

Послѣдняя, одна изъ наиболѣе существенныхъ причинъ прудоновскихъ противорѣчій заключается въ томъ, что отдѣльнымъ требованіямъ, входящимъ въ содержаніе общественнаго идеала, онъ придавалъ абсолютный и безусловный характеръ, благодаря чему эти требованія до нѣкоторой степени противополагались другъ другу и исключали другъ друга.

Соціалистическій строй предполагаетъ гармоническое примиреніе *свободы* личности съ соціальнымъ *равенствомъ* членовъ общества и съ возможнымъ максимумомъ жизненнаго удовлетворенія, благодаря организаціи солидарности, введенію высшей соціальной техники и *росту производительности труда.* Но не трудно убѣдиться въ томъ, что эти три требованія—свобода, равенство и усиленіе производства,—развитыя до крайняго предѣла, представляются въ извѣстной степени несовмѣстимыми и порождаютъ въ идеалѣ *антиномію.*

Абсолютная свобода предполагаетъ полное отсутствіе внѣшнихъ и, въ особенности, принудительныхъ нормъ, по отношенію къ личности. Соціальное равенство есть само уже нѣкоторая соціальная норма, недостижимая безъ обязательныхъ мѣръ регулированія. Абсолютная свобода есть свобода высшей силы, высшей способности; она есть свобода эксплуатированія другой личности, свобода соціальнаго неравенства. Абсолютная свобода и соціальное равенство противорѣчатъ другъ другу.

Абсолютная свобода есть также свобода конкуренціи и конкуренціи неограниченной. Но неограниченная конкуренція ведетъ неизбѣжно къ торжеству и возвышенію однихъ, къ упадку и гибели другихъ; она ведетъ, стало быть, къ соціальному неравенству.

Развитіе производства требуетъ личной иниціативы, личной отвѣтственности, индивидуальныхъ способностей. Импульсъ подобнаго развитія дается поощреніемъ личности въ смыслѣ возможности ея возвышенія либо путемъ свободнаго соперничества, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, либо по скалѣ установленной соціальной іерархіи тамъ, гдѣ конкуренція вовсе не допускается. Въ результатѣ снова соціальное неравенство.

Но соціальное неравенство можетъ, въ свою очередь, стать источникомъ увеличенія свободы однихъ на счетъ свободы другихъ. Оно ведетъ къ потерѣ или умаленію свободы. Антиномія возведена во вторую степень.

Видимая антиномія между свободою и равенствомъ это—одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ вопросовъ морали и права. Ею занимался Кантъ. Она находится въ соприкосновеніи съ проблемою демократіи. Реакціонные писатели доказывали, что принципъ де-

мократіи, какъ системы свободы и равенства, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе [1]). Та же антиномія является камнемъ преткновенія для обоснованія непримиримаго анархизма, претендующаго на непосредственное свое осуществленіе во всѣхъ условіяхъ времени и пространства.

Практически эта антиномія разрѣшается тѣмъ, что абсолютная, метафизическая, ничѣмъ не ограниченная свобода менѣе всего необходима для счастья личности и не можетъ быть идеаломъ человѣка, стремящагося къ счастью. Мало того, абсолютная свобода, какъ идеалъ *общественный*, т. е. какъ идеалъ людей, которые тѣмъ самымъ, что вступили въ *общественный союзъ*, *ограничили* свою волю ради благъ, извлекаемыхъ ими изъ общественной солидарности, заключаетъ сама въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Абсолютная свобода можетъ быть идеаломъ лишь изолированныхъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ, сверхъ-дикарей.

Соціализмъ заботится о примиреніи максимума индивидуальной свободы съ основаніями солидарности, необходимой для водворенія въ общественной жизни соціальнаго равенства. И потому соціализмъ не только не противополагается индивидуализму, какъ требованію свободы, автономіи, правъ личности, но, напротивъ того, является высшею формою такого индивидуализма. Правда, до тѣхъ поръ, пока человѣческая природа не станетъ идеаломъ совершенства, соціализмъ не можетъ отказаться отъ примѣненія въ общественныхъ отношеніяхъ формъ принужденія, въ интересахъ *примиренія свободы съ равенствомъ*. Но это неизбѣжно, какъ неизбѣжны многія несовершенства. Самыя лучшія машины обладаютъ неизбѣжными дефектами. Самыя лучшія карты не могутъ точно воспроизвести шаровой или эллипсоидальной поверхности земли. Это доказывается математикою и механикою. Соціальная механика не можетъ быть исключеніемъ изъ общаго правила: она требуетъ возможно большаго совершенства, возможно болѣе полной свободы, возможно меньшаго принужденія, возможно лучшихъ формъ солидарности.

Что касается приведенія въ соотвѣтствіе требованія развитія производства съ другими требованіями соціализма, то этотъ вопросъ является еще предметомъ обсужденія въ соціалистическихъ теоріяхъ. Одни допускаютъ умѣренную іерархію въ производствѣ, другіе—умѣренную конкуренцію, третьи подчиняютъ всецѣло интересъ производства моральному интересу соціальнаго равенства. Рѣшеніе вопроса будетъ въ значительной степени зависѣть отъ практическаго результата соціальныхъ опытовъ въ преобразованномъ общественномъ строѣ.

---

[1]) D. Parodi, Traditionalisme et Démocratie, Paris, 1909, стр. 225 и слѣд.—C. Bouglé, Les idées égalitaires; Paris, 1899, стр. 229-230.

Эти замѣчанія облегчатъ намъ пониманіе цѣлой категоріи противорѣчій Прудона.

Прудонъ выдвигаетъ требованія и свободы, и равенства, и развитія производства. Онъ требуетъ абсолютной свободы и неограниченной конкуренціи. Тогда противорѣчія неизбѣжны [1]).

Прудонъ выводитъ требованія свободы и равенства изъ идеи *справедливости*. Но справедливость *обязываетъ и подчиняетъ* личность. И вотъ Максъ Штирнеръ, индивидуалистъ-анархистъ, изобличаетъ Прудона въ противорѣчіи — въ жертвованіи свободою принципу справедливости.

Исходя изъ принципа соціальнаго равенства, Прудонъ требуетъ одинаковаго вознагражденія труда всѣхъ. Но „истинный соціалистъ“ Карлъ Грюнъ, впрочемъ, большой почитатель Прудона, упрекаетъ послѣдняго въ томъ, что нормою *равнаго* для всѣхъ вознагражденія онъ ограничиваетъ *свободу* потребленія и самъ, въ свою очередь, требуетъ права неограниченнаго потребленія [2]). Съ другой стороны, и самъ Прудонъ, вопреки своему принципу, высказывался—въ интересахъ болѣе интенсивнаго производства — за скалу вознагражденій или заработныхъ платъ, пропорціональныхъ количеству и качеству труда.

Прудонъ требуетъ абсолютной свободы и въ то же время допускаетъ невозможность неограниченной свободы. Въ интересахъ свободы онъ соединяется съ буржуазными экономистами и съ либералами-доктринерами противъ соціалистовъ; а противъ первыхъ онъ, вмѣстѣ съ соціалистами, защищаетъ соціальную реформу. Ради свободы онъ объявляетъ войну государству, коммунизму, „авторитарному“ соціализму, и Луи-Бланъ бичуетъ его „лицемѣрную“ свободу, которая губитъ равенство и братство; ради соціальнаго равенства онъ выдвигаетъ требованія, осуществленіе которыхъ ведетъ къ соціализму quasi-государственному или же предполагаетъ торжество нѣкоторыхъ идей коммунизма. Ради свободы онъ съ собственностью—противъ государства; ради соціальнаго равенства онъ съ государствомъ—противъ собственности. Ради свободы личности онъ возстаетъ противъ демократіи, эту личность порабощаю-

---

[1]) Ganz zu Putlitz, Proudhon; Berlin, 1881, стр. 16.—Bourguin Des rapports entre Proudhon et Karl Marx; Lille, 1892, стр. 14.—Emile Faguet, Politiques et moralistes du XIX siècle, 2-e Série; Paris, 1898, стр. 35; 3-e Série, стр. 156-157 и 180. — J. Gall, Essai sur la pensée de Proudhon; Montauban, 1897, стр. 82.—Aimé Berthod, Les tendances maîtresses de Proudhon. La balance de l'égalité et de la liberté, въ Revue Socialiste, t. 44, Mars 1909, стр. 221.—C. Bouglé, La Sociologie de Proudhon, стр. 328-329. — Ch. Rappoport et Compère-Morel, Un peu d'histoire, въ Encyclopédie Socialiste, t. I, Paris, 1912, стр. 197-198.—Ср. G. Plechanow, Anarchismus und Sozialismus; Berlin, 1894, стр. 57 (о Бакунинѣ).

[2]) Karl Grün, Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien; Darmstad, 1845, стр. 434 и 464.

щей; ради свободы политической и противъ деспотизма династіи или диктатуры онъ горячо защищаетъ ту же самую демократію. Ради свободы и развитія производства онъ требуетъ неограниченной конкуренціи внутри страны; ради патріотизма и въ интересахъ экономическаго равенства различныхъ странъ онъ рѣзко возстаетъ противъ свободы торговли въ международномъ обмѣнѣ.

Между тѣмъ Прудонъ сознавалъ возможность антиноміи въ идеалѣ и необходимость синтеза свободы и равенства, того синтеза, который Лассаль впослѣдствіи выразилъ въ формулѣ „Solidarität in der Freiheit“, солидарность въ свободѣ. Всю свою жизнь,— отъ юношеской статьи „Célébration du Dimanche“ и перваго мемуара о собственности до посмертныхъ „Capacité“ и „Théorie de la Propriété“,—онъ искалъ гармоническаго выраженія идеала хоть въ приближеніи. Но онъ не нашелъ искомаго синтеза. И, увлекаемый теченіемъ мысли въ сторону то одного, то другого требованія, онъ не могъ выбраться изъ потока противорѣчій.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что противорѣчія Прудона не имѣютъ исключительно индивидуальнаго характера. Они объясняются условіями формированія идеала и возможными антиноміями, поражающими идеалъ, въ случаѣ неудовлетворительнаго синтеза входящихъ въ его содержаніе требованій. Когда повторяются тѣ же условія, когда допускаются тѣ же антиноміи, могутъ возникать и дѣйствительно возникаютъ тѣ же или сходныя противорѣчія. И потому именно противорѣчія Прудона представляютъ глубокій интересъ для критики современныхъ міросозерцаній.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ современная соціалистическая мысль ликвидировала всѣ возможныя внутреннія противорѣчія? Развѣ ей не присущи еще въ значительной степени пережитки противораціоналистической мысли, какъ, напримѣръ, элементы телеологіи, мистицизма, идеализаціи историческаго процесса, идеализаціи общественныхъ формацій, идеализаціи цѣлыхъ классовъ и ихъ предполагаемыхъ миссій? Развѣ она не страдаетъ одновременно и оптимизмомъ, и пессимизмомъ? Развѣ мы не стоимъ передъ антиноміею признанія фатальнаго хода общественнаго развитія и свободнаго стремленія преобразовать общественный строй сообразно *нашему* идеалу и развѣ эта антиномія не разрѣшается порой у насъ мистически - искусственно вѣрою въ совпаденіе послѣдняго звена капиталистическаго развитія съ неизбѣжнымъ наступленіемъ соціалистическаго строительства? Развѣ мы не стоимъ передъ противорѣчіями, вытекающими изъ одновременнаго пониманія соціализма и какъ теоріи универсальнаго освобожденія (отъ всѣхъ формъ эксплуатаціи, порабощенія, соціальнаго неравенства), и какъ теоріи классовыхъ интересовъ пролетаріата, т. е. отъ пониманія соціализма и какъ всеобщаго, и какъ частнаго освободительнаго идеала?

Развѣ мы не путаемся въ противорѣчіяхъ, происходящихъ

отъ непониманія сложнаго характера соціальныхъ антагонизмовъ, относительности антагонизма и относительности солидарности, существованія іерархіи въ трудящихся классахъ и въ самомъ пролетаріатѣ, сложности и разнородности требованій въ проблемѣ соціализма? Развѣ найдена окончательная формула примиренія пониманія соціализма, какъ пролетарски-классовой теоріи или какъ универсальнаго освободительнаго идеала съ національнымъ патріотизмомъ, таможенною политикою, защитою отечества въ случаѣ войны, защитою экономическихъ интересовъ своей страны и пролетаріевъ своей страны противъ другихъ странъ и рабочихъ другихъ расъ и націй, и т. п.? Развѣ рѣшены вопросы о вознагражденіи квалифицированнаго труда, объ интеллигентскомъ трудѣ, о равенствѣ заработныхъ платъ, о допустимости извѣстной іерархіи и извѣстной конкуренціи въ грядущемъ строѣ и въ переходную эпоху, объ отношеніи между политическимъ и аполитическимъ соціализмомъ, о нивелированіи экономическаго неравенства разныхъ странъ, происходящаго отъ ихъ природнаго различія, и пр.? Развѣ разрѣшены вопросы о противорѣчіи между личною жизнью современныхъ носителей идеала и моральными требованіями того же идеала? Развѣ построенъ мостъ, связующій настоящее съ будущимъ?

Мы сами—жертвы противорѣчій и потому мы не должны ограничиваться голымъ осужденіемъ противорѣчій Прудона. За Прудономъ числятся, несомнѣнно, крупныя заслуги. Хотя намъ представляются преувеличенными сужденія тѣхъ, которые, какъ, напримѣръ, Шарль Андлеръ (въ предисловіи къ книгѣ J.-L. Puech, „Le Proudhonisme dans l'Association Internationale"; Paris, 1907), предсказываютъ, что ученіе Прудона снова завоюетъ себѣ крупное мѣсто въ теоріи будущаго строительства общества, но, несомнѣнно, что нѣкоторыя идеи Прудона, въ непосредственномъ или исправленномъ видѣ, перейдутъ въ сокровищницу соціалистическаго творчества. Что же касается противорѣчій Прудона, то они, правда, причинили много зла; но они должны быть для насъ не только предметомъ осужденія или матеріаломъ для любопытства, но и поучительнымъ урокомъ, предостереженіемъ, напоминаніемъ о нашихъ собственныхъ противорѣчіяхъ.

Ю. Делевскій.

Борьба съ пьянствомъ.

I.

— Слышалъ, Павлычъ, новость?

— Какую?

— Эва! неужли не слыхалъ?.. Скоро, другъ, наши рестораны закроются... каюкъ! крышка!

— Хорошее дѣло.

— Н-ну хорошее!.. ничего хорошаго нѣту... И что имъ надо— ей-богу?.. Небось силкомъ никого не затащишь—сами идемъ. Побѣгай вотъ теперича въ казенку за шесть-то верстъ да зимнее дѣло ежели... А все Макридка...—она, шкура, всѣхъ бабъ перемутила... Изъ-за нея изъ-за погани весь сыръ-боръ загорѣлся. Бѣгала надысь, проклятая, въ городъ... къ самому къ исправнику вдулась... а у исправника-то ишь акцизный былъ, сидѣлъ... Она имъ все и выплеснула... на урядника наговорила... Теперича вотъ жди — пріѣдетъ.

— Кто?

— Да урядникъ... съ обыскомъ... протоколъ будетъ составлять... насъ спрашивать: „пили ли“? Ты, коли спроситъ, что скажешь?..

— Скажу, что пилъ.

— Напрасно. Зачѣмъ людей въ яму валить? — напрасно. По человѣчьи, другъ, надоть дѣлать... по себѣ судить... Господь съ ними... Какая намъ корысть, коли посадятъ ихъ?.. Опять же вонъ Парашку Бѣшеную взять, жалко ее, ей-богу... гдѣ ей взять-то?.. мужъ заболтался... дѣти задавили... Сами мы ей міромъ разрѣшили торговать... А я вотъ что думаю: собрать сходку да уговоръ сдѣлать, что, ежели начнетъ спрашивать, говорить одно: ничего, молъ, не знаемъ и не пили, молъ, никогда... вотъ и весь отвѣтъ.

— А бабы-то?..

— Ну, бабы! бабамъ вѣры нѣтъ... Мало ли онѣ по злобѣ чего настрекочутъ... Все дѣло въ насъ. Меня вонъ перваго Макридка въ свидѣтели поставить хочетъ... только не поддуетъ ей... не на таковскаго напала...

— А что?

— Да какъ же, какая штука... пошелъ я въ пятницу на масленицѣ выпить къ Ивану... всего-на-всего и денегъ-то одинъ пятіалтынный былъ... думаю: пропущу чашечку для праздника... посижу, молъ, время проведу... Ну, пошелъ, отправился... а ужь дѣло къ вечеру... Прихожу ко двору, въ окнахъ, гляжу, огня нѣту... Сама женонка его Аксюшка сидитъ, гляжу, съ Марьей Липатихой на крылечкѣ...—А самъ, спрашиваю, дома?—„Дома", говоритъ.—Что дѣлаетъ-то? Огня не видать.—„Что ему дѣлать? лежитъ"—говоритъ — „на печкѣ кверху воронкой, сумерничаетъ. Проходи въ избу". — А вы что, говорю, здѣся въ потемкахъ-то колдуете?..— „Въ потемкахъ-то, говоритъ, лучше"... Ну, посмѣялись, прошелъ я въ избу. Темно. Иванъ на печкѣ.—Слѣзай, говорю. Чего ты забился? Насыпь мнѣ порцію за пятнадцать монетъ...—Слѣзъ онъ. Лампу засвѣтилъ. Налилъ мнѣ изъ початой бутылки чашку... выпилъ я... Сѣли... закурили... начали разговаривать... Завязилъ я эту самую чашку... слышу — прижилась она во мнѣ... загуляла, слышу, еще проситъ товарку себѣ, одной-то скучно... — Да-ка-сь мнѣ еще, говорю, за гривенникъ, въ кредитъ на стѣнку... А онъ было уперся, не даетъ.—„И то, говоритъ, распустилъ въ долгъ— конца краю нѣтъ. Не соберу никакъ. У меня, говоритъ, запись"... Досталъ книгу съ полки, тетрадь, началъ мнѣ вычитывать, кто сколько долженъ. И ты тамотко у него тоже зачисленъ... На двадцать на шесть рублей итогу... это, значитъ, распущено-то... Н-да!.. вотъ ты и думай...—„Хочу, говоритъ, чайную открыть... патентъ взять, не дорого стоитъ... торговать буду... селедка, говоритъ, баранки, папироски и, между прочимъ, вино. Надо, говоритъ, какъ-нибудь исхитряться жить, чѣмъ-нибудь питаться. Работать, какъ люди, я не могу... грыжа, говоритъ, не даетъ... докторъ, говоритъ, совѣтуетъ апирацію сдѣлать, да боюсь—зарѣжетъ до смерти... дѣтей, говоритъ, куча... все какая ни на есь копейка набѣжитъ"... Ну, сидимъ это, разговариваемъ... женонка пришла... самоваръ поставила... Меня посадили чай пить... Сидимъ, пьемъ... глядь, Захаръ староста идетъ съ сыномъ съ Васькой... сынъ-то у него на праздникъ изъ Москвы пріѣхалъ... угощать отца привелъ... Заказалъ половинку... пива бутылку... Иванъ-то на масленицу и пива запасъ и квасу сладкаго для ребятъ москвичей да для дѣвокъ... Выпили это они, другую половиночку взяли... мнѣ изъ нея стаканчикъ поднесли... Глядимъ, Петька Жукъ ползетъ... тотъ взялъ половинку... Кадило, гляжу, раздувается... Сидимъ, слушаемъ, что старостинъ Васька про жизнь московскую разсказываетъ... Бацъ Макридкинъ мужъ Кузьма Рыжій въ избу... ну, гость на гость— хозяину радость... Рыжій ужь выпимши... успѣлъ гдѣ-то, завязилъ... заказалъ сотку... выпилъ... сѣлъ въ сторонкѣ, закурилъ... Глядимъ, немного погодя, дьячекъ пришелъ съ фельдшеромъ съ барскаго двора... пиво начали глушить... Собралась насъ компанія

теплая... Жененка Иванова окошки завѣсила, чтобы съ улицы не видали, рада сама... колесомъ вертится... бабенка золото... услуга... ей-богу, цѣны нѣтъ... Пошла у насъ обѣдня... Я въ компанію къ дьячку съ фершаломъ вдулся... поятъ меня, дай имъ Богъ здоровья, не знамо за что... Здорово я набрался... Подъ конецъ пришелъ Николка Бубновъ съ гармошкой... началъ раздѣлывать... мертваго, и того, думается, подниметъ игрой своей!.. Я въ градусахъ-то плясать пошелъ... летаю по избѣ-то, какъ пуля, удержу нѣтъ... сердце прыгаетъ — истинный Господь!.. Только вдругъ, понимаешь, растворяется дверь со всего маху наотмашь... прыгъ черезъ порогъ Макридка... влетѣла, аки бонба какая!.. Чортъ ее внесъ! Набросилась, ни слова не говоря, на Ивана.—„Вы что же это", кричитъ, „кабакъ-то здѣся устроили?.. народъ-то спаиваете?.. Дохлый ты чортъ! Издыхалъ лѣтось да не издохъ?!." И начала, понимаешь, костить то его, то жену какъ только нельзя того гаже.—„Гдѣ мой мужъ?" кричитъ. Не видитъ его... въ углу онъ сидитъ, прижался... не видать его тамотко въ потемкахъ-то...—„Вонъ онъ. Возьми его".—„Гдѣ?"—„Да вонъ сидитъ. Не видишь... ослѣпла со злости-то"... Она на него... Мать ты моя, царица Питерская!.. Что было-то! Вѣришь, ей-богу, вотъ съ мѣста не сойти, вцѣпилась ему, рыжему дураку, въ гриву и начала по полу возить... метелить... Мычитъ только мужикъ... хучь бы пикнулъ... Допустилъ самъ себя, сволочь, до какой низкости... Волю какую надъ собой бабѣ далъ... Срамотища! Бьетъ его, а сама воетъ, кричитъ: „ахъ ты, такой-сякой... жуликъ, разбойникъ, воръ!.. да нешто я за тебя затѣмъ шла-то, за нищаго, чтобы ты изъ дому пропивалъ, таскалъ по сволочамъ послѣднюю останную копейку?.. Кабы не я, ты издохъ бы давнымъ давно... Кто за тебя шелъ-то? Нужда моя, неволя моя, меня за тебя, за стараго пса, погнала... ма-а-шенникъ". Все, понимаешь, Павлычъ, со злости-то выложила про него наружу. Дьячекъ чуть не умеръ отъ смѣху, ей-богу! Онъ вѣдь, Кузьма-то, взялъ-то ее порченую... родила она въ дѣвкахъ, а онъ въ тѣ поры овдовѣлъ, дѣти остались... кто на ребятъ пойдетъ, кака дура? А она, куда дѣться-то? отецъ пришибить хотѣлъ... По полу его возитъ, а намъ смѣхъ, животики надорвали... Ошалѣла. Бросила середь полу... скочилъ онъ да за дверь, а она на Ивана... Ну, тотъ ее въ рыло разъ и два... потомъ за шиворотъ да за дверь... она орать... онъ ее изъ сѣней-то на улицу... дверь заперъ, а она, слышимъ немного погодя, бацъ чѣмъ-то, полѣномъ, должно быть, по рамѣ... стекла дрынъ!.. посыпались въ избу... Вѣдь вотъ анаѳема какая! Что ты станешь съ ней дѣлать?.. Теперь вотъ нажаловалась... обязательно урядникъ пріѣдетъ... Положимъ, дадено ему, ну а все-таки... Главная причина: ничего ему сдѣлать нельзя, исправникъ приказалъ ишь разслѣдовать... А Макридка всѣхъ бабъ взбаламутила... Собираются бойкотъ устроить, ей-богу!.. Ну, да авось ничего, какъ ты думаешь?..

— Понятное дѣло, ничего — утѣшилъ его я. — Какъ было все, такъ и будетъ.

— О-о-о!.. Попьемъ, значитъ, и за этимъ министромъ?

— Попьемъ!..

II.

Дня черезъ четыре послѣ этого разговора пришлось мнѣ быть въ лавочкѣ, и я, взявъ что надо, стоялъ у отворенной на улицу двери и „балакалъ" кое о чемъ съ лавочникомъ.

На улицѣ было пусто и тихо. Была оттепель... Капало съ крыши и падалъ мокрый, хлопьями, снѣгъ. Ступеньки и перильца крыльца и вѣтки рябины, стоявшей около дому, все было покрыто этимъ снѣгомъ, точно мягкой ватой.

— Благодать! — сказалъ лавочникъ. — Теплынь. Рано затаяло, кабы только по-лѣтошнему на позднее не свело. Лѣтось, не забыть мнѣ, перваго мая на саняхъ бабу въ больницу возилъ...

Я собирался уходить.

— Гляди-ка-сь,—сказалъ лавочникъ—кто это эна изъ подъ горы ѣдетъ?.. гонитъ шибко... гляди, не урядникъ ли, а?.. Онъ и есть... Онъ... ей Богу, онъ... сюды прямо... Не иначе это онъ на счетъ шинковъ...

Лавочникъ не ошибся. Дѣйствительно, подъѣхалъ урядникъ на хорошей вороной лошади, въ маленькихъ салкахъ, къ лавкѣ, остановился и вылѣзъ изъ санокъ.

— Господину уряднику! — приподнимая картузъ и скаля зубы, сказалъ лавочникъ.

Урядникъ снялъ варежки, отвязалъ отъ дуги поводъ и привязалъ конецъ за столбушку на крыльцѣ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, подходя къ намъ и откидывая руками воротникъ надѣтой поверхъ шинели шубы.

— Милости просимъ — отвѣтилъ лавочникъ. — Пожалуйте въ домъ.

— Некогда мнѣ.

— Что такое-съ?.. Что за дѣла.

— Староста—не знаете—дома.

— Да, надо быть, дома... Давеча былъ дома... видѣлъ я его.. ковырялся около двора... Послать можно.

— Не надо. Я самъ къ нему пройду. Вотъ только, Петръ Иванычъ, я шубу у васъ оставлю, да лошадь бы убрать отсюда куда-нибудь въ сторонку, съ глазъ долой... Сѣнца ей кинуть. Я, похоже, не скоро отсюда вырвусь... дѣла... провались они совсѣмъ...

— А что такое-съ?—опять полюбопытствовалъ лавочникъ.

— Ну, что ужь!—урядникъ махнулъ рукой:—кляузное дѣло. Донесла тутъ одна... Макрида Блошкина какая-то... исправнику на счетъ тайной продажи вина... наговорила — на возу не увезешь...

Разбой тутъ у васъ и притонъ ворамъ, и спились всѣ, и чортъ знаетъ что!.. Приказалъ разслѣдовать... обыскъ вотъ надо дѣлать... протоколъ... Сами себя, сволочи, въ яму пихаютъ... гдѣ бы молчать, такъ нѣтъ... Такъ я оставлю у васъ шубу-то?..

— Сдѣлайте милость.

Урядникъ стащилъ съ себя шубу и отдалъ лавочнику.

— Теперь вѣдь строго стало послѣ высочайшаго рескрипта, — сказалъ онъ, оправляясь и пожимая плечами. — Ничего не подѣлаешь...

— Такъ вы, пожалуйста, лошадь-то, — прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Хорошо, хорошо... будьте покойны... Ужо заходите чай пить...

— Благодарю васъ... Зайду.

III.

Урядникъ ушелъ, шагая въ валенкахъ цѣликомъ по снѣгу, къ старостиной избѣ.

Лавочникъ бросилъ шубу въ санки и сталъ отвязывать поводъ.

— Вотъ сходилъ бы, — сказалъ онъ мнѣ — посмотрѣлъ, что тамъ... какъ дѣло будетъ?..

— Какъ я пойду... неловко... скажетъ: „зачѣмъ пришелъ?"...

— Ну вотъ—неловко! Не великъ баринъ-то... Пришелъ, молъ, къ старостѣ по дѣлу... вотъ тебѣ и все...

— А и то,—подумалъ я—сходить развѣ?.. Любопытно.

— Ступай, ступай,—опять сказалъ лавочникъ—чего ты? для тебя годится... Съ обыскомъ пойдутъ и ты иди замѣсто понятого. Я бы и то пошелъ, ей-богу. Какъ это они искать-то будутъ по пустому мѣсту... Хы, найдутъ... того гляди. Иди-ка.. Оставь у меня покеда товаръ-то... ужо зайдешь, возьмешь...

Я оставилъ покупки и пошелъ къ старостѣ въ избу.

Изба была плохая, старая, гнилая, темная, глядѣвшая окнами на сѣверъ, и поэтому въ нее почти никогда не попадали солнечные лучи. Да и самъ староста тоже былъ плохой, какъ разъ подходящій съ виду къ своей избѣ... болящій, худой, длинный, нескладный, „съ дурью", брызгавшій во время разговора слюной, недовольный всѣмъ, „матершинникъ", „обвязавшійся" семействомъ и женой, которая его, кажется, даже поколачивала иногда и называла, точно мальчишку какого-нибудь, Захаркой...

Въ старостахъ онъ „сидѣлъ" уже второе трехлѣтіе, исполняя свои обязанности, Богъ его знаетъ какъ, получая за это что-то рублей 25 въ годъ жалованья. „Сапогъ болѣ того въ годъ-то годенскій истреплетъ, бѣгавши въ контору, — говорила по поводу этого жалованья его жена. — Выбрали дурака... Староста!.. какой

онъ къ шуту староста?.. Тремъ свиньямъ корму замѣсить не умѣетъ, а они его въ старосты посадили"...

У старосты, помимо казенной, обязательной медали — „жестянки", какъ называли ее мужики,—была еще и другая, полученная имъ во время Бородинскихъ торжествъ, куда онъ ѣздилъ вмѣстѣ со старшиной и предсѣдателемъ. Медаль эту на пестрой коротенькой ленточкѣ онъ, по большимъ праздникамъ — въ Николу, на Пасхѣ, на Рождествѣ, — прицѣплялъ на грудь и шелъ въ церковь. Придя, проталкивался впередъ, къ правому клиросу, и стоялъ здѣсь, выпятивъ грудь и немного выставивъ впередъ ногу, длинный, важный и до того смѣшной, что мальчишки, становившіеся гурьбой тоже впереди, фыркали во всю обѣдню, поглядывая на него.

Въ избѣ, куда я вошелъ, пройдя сначала по мосту, сдѣланному изъ прыгавшихъ подъ ногами, старыхъ, тонкихъ, нетесанныхъ бревенъ, было полутемно. Въ переднемъ углу, на скамейкѣ, спиной къ окну, сидѣлъ, разставя ноги, урядникъ и курилъ папироску. Староста Захаръ Никанорычъ стоялъ передъ нимъ въ одной рубашкѣ, съ всклокоченной головой, и что-то, махая рукой, говорилъ ему.

Жена его, молодая еще, но страшно худая, изнуренная, со злымъ лицомъ, поджавъ тонкія губы, стояла около устья печки и слушала мужа. На печкѣ, треща сложенной тамъ лучиной, копошились ребятишки. У порога прыгалъ привязанный за шею веревкой теленокъ. Подъ потолкомъ висѣла большая самодѣльная клѣтка, и въ ней прыгали съ жердочки на жердочку два краснозобыхъ снѣгиря.

Я поздоровался.

— Ты ко мнѣ, что ли?—обернувшись, спросилъ староста.

— Къ тебѣ.

— Некогда мнѣ сейчасъ... занятъ я... Вишь, вотъ господинъ урядникъ пріѣхалъ... Садись... кури... Кстати пришелъ... мы тебя тоже въ свидѣтели зачислимъ... Пилъ водку-то у нашихъ купчихъ въ ресторанахъ?..

— А ты, въ самъ-дѣлѣ, позови-ка человѣкъ пять мужиковъ да и пойдемъ съ обыскомъ,—сказалъ урядникъ.

— Хы-хы-хы!—засмѣялся староста.—Чего искать-то?.. искать-то нечего... канитель одна... мы ничего не знаемъ... бабы это ..

— Какъ это ты ничего не знаешь? — вступилась жена его, — длинный ты, прости Господи, лѣшій... орясина... какъ ничего не знаешь?.. Да ты каждый день, почитай, бѣгашь—жрешь... Кому же знать-то, коли не тебѣ? Знамо,—съ ироніей въ голосѣ продолжала она—вы ничего не найдете... Гдѣ же найти?.. и видѣлъ да не видалъ... Зажатъ ротъ-то... запечатанъ...

— А ты, дура-баба, молчи,—сказалъ урядникъ.—Не суйся не въ свое дѣло. Какой это ротъ зажатъ?..

— Вотъ тѣ и какой!.. знаю какой... твой... вотъ какой!..

— Молчи, говорю, дура!

— А что мнѣ молчать-то?.. Чего ты грозишь-то? Ты, думаешь, я тебя испугалась?.. Не закажешь говорить... Я до самого губернатора дойду, не испугаюсь... Я—женщина, мнѣ ничего не будетъ... а правду скажу... не закажешь...

— Я тебѣ вотъ покажу правду!.. не понимаешь, съ кѣмъ говоришь?.. возьми глаза въ зубы... опомнись!...

— А что ты за господинъ за такой?.. не великъ баринъ-то!.. Вотъ съ мѣста мнѣ не сойти, дѣтей своихъ не видать, коли ты опять не уймешь торговлю эту, жаловаться на тебя пойду... ничего не побоюсь, ей-богу... Я ходы знаю... Я къ графу схожу, къ самому... въ ногахъ буду валяться, а ужь васъ потатчиковъ-обирохъ найду...

— Ты хоть бы ее, Захаръ, унялъ... привязалъ бы ей языкъ-то— сказалъ урядникъ.—Я вѣдь дѣло пріѣхалъ дѣлать, а не бабу твою дуру слушать...

— Молчи, анаѳема проклята!—повернувшись къ женѣ и перекосивъ лицо, прорычалъ староста.—Балаболка, чо-о-ртъ! На всяку дыру гвоздь!.. Знай, дура, себя... горшки свои... не суйся, гдѣ не спрашиваютъ... че-е-рти!.. Изъ-за васъ изъ-за паскудъ безпокойствіе... перевѣшать бы васъ всѣхъ!

— Макридку бы эту, доносчицу-то, надо бы позвать... поговорилъ бы я съ ней,—сказалъ урядникъ.

— На кой ее шутъ?.. она заплюетъ... убѣжишь отъ нея!..

— Пока вы тутотко копаетесь, сряжаетесь, все вино, како есть, спрячутъ такъ, что самъ шутъ не найдетъ, — сказала баба. — Да чего и искать-то ходить... дураковъ-то ломать... диви такъ-то не знаютъ, что торгуютъ...

— А намъ забота... пущай прячутъ,—сказалъ староста.—Намъ освидѣтельствовать... проформу справить, а найдемъ ли, нѣтъ ли— наплевать!..

Урядникъ закурилъ другую папироску и сказалъ:

— Пойдемте хоть втроемъ пока, а тамъ еще подойдутъ... Съ кого начинать-то?.. У меня тутъ четверо записаны...

— Съ Дудыкалки начнемъ, съ Химки,—сказалъ староста—съ этого краю... такъ по порядку и пойдемъ шарить... отъ нея къ Парашкѣ къ Бѣшеной, отъ Бѣшеной къ дядѣ Ивану, а отъ Ивана къ Журкѣ... Все, чай, гдѣ-нибудь да наткнемся... Хи-хи-хи! будемъ ходить, аки попъ съ постной молитвой... Ну, а ежели, скажемъ, найдемъ у кого... на мѣстѣ преступленья пымаемъ... куды-жь тогда водку-то дѣвать?..

Урядникъ промолчалъ на этотъ вопросъ и, поднявшись, сказалъ:

— Пойдемте!..

Староста досталъ съ полки—„отъ боговъ“—медаль-жестянку и началъ одѣваться. Жена его смотрѣла на насъ и ядовито улы-

балась. Мнѣ тоже было смѣшно и все это дѣло казалось какой-то дѣтской забавой...

IV.

Урядникъ вышелъ изъ избы первымъ. Староста Захаръ Никанорычъ дернулъ меня на мосту за рукавъ и шепотомъ торопливо, съ таинственнымъ видомъ, радостно сказалъ:

— Ты, Павлычъ, помалкивай. Я знаю, гдѣ винцо-то у Ивана да у Журки успрятано. Мнѣ извѣстно. Иванова жененка въ люльку прячетъ, а старуху свекровь качать заставитъ, быдто ребенка... ей-богу, не вру... а Журка въ чугунъ да въ печку, быдто воду скотинѣ грѣетъ, а то за иконы въ кіятку... хы-хы-хы!.. Было ужъ это дѣло лѣтось—въ тѣ поры, когда министръ пріѣзжалъ къ себѣ въ имѣнье... строгости тогда пошли... чистоту нагоняли... Ничего, молчи только... ужо сбагримъ чорта-то этого, выпьемъ на шельмовщинку... потечетъ намъ теченіе... Вотъ ты говоришь счастье-то... спишь да выспишь...

— Ну, какъ же быть?—спросилъ урядникъ, стоя на крыльцѣ.— Надо бы еще кого-нибудь.

— Узнають, придутъ,—сказалъ староста.—Пойдемте пока къ Дудыкалкѣ... только не знаю, дома ли она... словно уѣхала съ дровишками въ городъ... Ну, да правда у ней тамотко старуха есть... безъ нея, коли есть, найдемъ... обшаримъ...

Мы тронулись. Урядникъ, высокій, молодой и красивый малый, шагалъ впереди. За нимъ, кривя губы усмѣшкой, двигался длинный, нескладный, какъ-то, точно осина подъ вѣтромъ, качавшійся староста. Я замыкалъ шествіе.

Дверь въ избу съ крыльца въ сѣнцы была заперта изнутри. Урядникъ громко, настойчиво и властно застучалъ кольцомъ.

— Кто тамо?—раздался за дверью грубый, басистый женскій голосъ.

— Отпирай...

— Да кого надоть?

— Отпирай, говорятъ!

По ту сторону застучалъ засовъ, и дверь отворилась.

— Господи Іусе Христе!—увидя насъ въ сѣнцахъ, воскликнула какая-то растрепанная кривая старуха.—Мать Царица, небесная заступница, чего вамъ надоть-то?.. одна я...

— Чего намъ „надоть"—это ужъ дѣло не твое,—сказалъ урядникъ, проходя въ избу.—Гдѣ же сама-то?—спросилъ онъ, когда мы и позади насъ старуха вошли въ избу.

— Уѣхамши въ городъ...

— Гм!.. та-а-къ... а ты кто такая?... родня, что ли, ей?

— Кака, батюшка баринъ, вашъ благородіе, родня... такъ я живу у ней для охоты, помогаю кое-что по дому... Одной-то ей нельзя—

скотина тоже и все такое... уѣзжаетъ вотъ, то и дѣло. Я остаюсь... все живой человѣкъ въ дому...

— Гмъ! А вино гдѣ у ней спрятано, не знаешь?

— А ужь, этихъ я, батюшка, дѣловъ не знаю.

— Врешь... мнѣ извѣстно, да и они вонъ—урядникъ кивнулъ на насъ—знаютъ, что она торгуетъ.

Старуха посмотрѣла на насъ своимъ однимъ—блестящимъ и круглымъ, какъ двугривенный,—глазомъ.

— Можетъ, и знаютъ,—сказала она,—а мнѣ ни къ чему.

— Ну, мы искать будемъ... коли найдемъ, и тебѣ попадетъ—не ври...

— Ищите... вся власть ваша.

Урядникъ взглянулъ на старосту. Тотъ стоялъ посреди избы, чуть не касаясь головой потолка, и старался, какъ я замѣтилъ, дѣлать серьезную физіономію.

Въ избѣ было чисто и свѣтло. По чистому полу, очевидно, недавно только вымытому, бѣгалъ маленькій, бѣлый, недавно, должно быть, только купленный изъ-подъ матки, тупорылый поросенокъ, смѣшно и часто хрюкалъ, тыкаясь своимъ пятачкомъ въ полъ. За переборкой, гдѣ была коморка и куда выходило устье печки, видна была въ проходѣ скамейка, а на ней посуда, горшки, чугунъ, ведра.

— Ищите,—повторила старуха, уставя свой двугривенный на урядника.—Я ничего не знаю.

— Чортъ тутъ у васъ найдетъ!—сказалъ урядникъ и заглянулъ за переборку въ каморку.—Чего тутъ искать, здѣсь все на виду... На дворѣ гдѣ-нибудь, скорѣй всего, спрятано... въ вышкѣ... въ сѣняхъ...

— Вышка-то на заперти,—сказала старуха,—а ключи она мнѣ не оставила... съ собою взяла... не довѣряетъ она мнѣ ихъ...

— Тамъ-то вотъ вино-то у ней и есть... Да ты, можетъ, врешь, она и не уѣхала... спряталась?—сказалъ урядникъ.

— Разрази меня Царица небесная!—воскликнула старуха:—съ мѣста не сойти мнѣ, коли вру.

— Ну, не божись... ну тебя къ шуту... придется, видно, до другого раза оставить... не ломать же замокъ.

— Знамо,—согласился староста.

— Запишу, что торгуетъ,—глядя на него, сказалъ урядникъ—а тамъ разбирай, какъ хочешь... вызовутъ, чортъ съ ними... Торгуетъ вѣдь она,—ты знаешь?

— Да вѣдь это вамъ самимъ хорошо извѣстно,—отвѣтилъ староста и усмѣхнулся.—Бывали-съ не одинъ разъ, сами-съ...

— Чего ты зубы-то лупишь?—разсердился урядникъ.—Ничего мнѣ неизвѣстно... Зачѣмъ мнѣ здѣсь бывать?

Староста промолчалъ и насупился, сдѣлавъ серьезное и значи-

тельное лицо. Урядникъ закурилъ и сказалъ, обращаясь къ старухѣ:

— Такъ ты вотъ что: ты скажи своей, какъ ее, хозяйкѣ-то, что я былъ... записалъ, молъ, ее... и что, молъ, ее скоро, черезъ недѣльку али двѣ, вызовутъ въ городъ на судъ... судить, молъ, будутъ за то, что виномъ торгуетъ... Слышишь?.. поняла?..

— Слышу, батюшка вашь благородіе, скажу.—Она помолчала, не спуская двугривеннаго съ урядника, и добавила:—Да вить, батюшка, нешто она одна въ деревнѣ торгуетъ-то... а другіе-то... другіе-то вонъ не такъ торгуютъ и то ничего... всѣмъ берутъ... принеси овса—берутъ... принеси сапоги—берутъ... яйца принеси—берутъ... стакашками торгуютъ, съ водой сыроплютъ, ей-богу, не вру...

Урядникъ засмѣялся.

— А говоришь—не торгуетъ она,—сказалъ онъ. — Эхъ ты, Ѳекла не пропекла, и соврать-то не умѣешь... Вотъ, благо сказала, и тебя запишу въ свидѣтельницы. И тебя вызовутъ.

Старуха испугалась и повалилась къ ему въ ноги.

— Батюшка,—завопила она,—не губи... не сказывай!.. Батюшка, соврала я... глаза лопни, соврала я... Ничего я не знаю...

— Ладно, ладно! — говорилъ урядникъ, отталкивая ногой ея руки, которыми она схватилась за полы его шинели. — Ладно... тебѣ ничего не будетъ... Отстань!.. Ну,—обернулся онъ къ старостѣ,—теперь пойдемъ въ другое мѣсто... какъ ее, чорта?.. записано у меня да забылъ... Бѣшеная, что ли?..

— Такъ точно,—сказалъ староста—Бѣшеная Параша... Ужь и истина, что Бѣшеная... злости въ ней конца краю нѣтъ... Одна живетъ... мужъ-то гдѣ-то заболтался въ Москвѣ, на Хивѣ ишь... воровствомъ ишь занимается... одна она рвется... дѣти... охапка дѣтей...

— Мнѣ все равно, дѣти ли, нѣтъ ли... Хоть попъ, хоть дьяконъ, а денежки на конъ... идемъ!..

— Да отстань, чо-о-ртъ! — крикнулъ онъ на старуху, елозившую около его ногъ на полу, и, оттолкнувъ ее, вышелъ за дверь.

V.

Вѣсть, что пріѣхалъ урядникъ и что дѣлаетъ обыскъ, стала извѣстна всѣмъ, пока мы были въ избѣ у Дудыкалки, на этомъ концѣ деревни.

У крыльца насъ поджидали два мужика. Одинъ молодой, другой старый. У колодца напротивъ собралось пять бабенокъ, глядѣвшихъ въ нашу сторону и о чемъ-то оживленно разговаривавшихъ.

— Пронюхали, паскуды,—сказалъ староста, кивнувъ въ ихъ сторону,—рады, окаянная сила. Харитонъ Василичу, Степанъ Иванычу! — поздоровался онъ съ мужиками. — Выползли! отлично!

Ходимъ вотъ... шаримъ... Пойдемте и вы за компанію... свидѣтели будете...

— Ну васъ къ ляду!—сказалъ старый мужикъ, Харитонъ Василичъ,—ищите одни... Наше дѣло сторона,—я не хожу, не пью... мнѣ какое дѣло...

— Пойдемъ, пойдемъ!.. — крикнулъ на него урядникъ,—и ты тоже,—обратился онъ къ другому, толстомордому, опухшему, очевидно, съ сильнѣйшаго похмелья, мужику, первому по деревнѣ да и во всей округѣ, пьяницѣ, Степану Иванычу, по прозванью Птюшкину.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, — сказалъ Птюшкинъ, скаля бѣлые, крупные зубы:—куда угодно... хучь въ огонь-съ!

— Пойти, пожалуй, пойдемъ, — согласился и Харитонъ Василичъ. — Дѣлать все одно нечего... нѣту дѣловъ... потрепаться можно...

— Къ Бѣшеной, что-ли?—спросилъ, не переставая улыбаться, Птюшкинъ.—А не выставитъ она насъ? Хо-хо-хо! у ней не забалуешь!

Изба Бѣшеной Параши была обложена или, какъ у насъ говорятъ, „запелешена“ на зиму отъ холода навозомъ и осокой. Три окна, глядѣвшихъ на улицу, были тоже до половины закрыты, такъ что свѣтъ проникалъ въ избу только черезъ узкую полосу верхнихъ стеколъ. Избенка была старая, крытая соломой, ткнувшаяся впередъ. Ходъ въ нее былъ съ боку, съ заулка, въ низкую дверку, безъ крыльца.

Когда мы, подъ начальствомъ урядника, подходили къ этой избенкѣ, то еще издали увидали, что подъ окнами стояли и, очевидно, караулили насъ ребятишки, которые при нашемъ приближеніи быстро скрылись, убѣжали въ калитку, на дворъ.

Въ дверку, нагнувшись, вошелъ урядникъ, а за нимъ, одинъ за другимъ, гуськомъ—мы.

Проходить въ избу пришлось черезъ небольшой дворъ, гдѣ стояла въ углу сгорбатившаяся, съ острой спиной, пестрая коровенка, жевавшая яровую солому.

Со двора мы вошли на загаженный, облитый вонючими помоями мостъ и, отворивъ покосившуюся, неплотно затворявшуюся дверь, вошли въ избу.

Въ избѣ намъ, вошедшимъ со свѣту, показалось, пока не приглядѣлись, темно. Мы внесли съ собой холоду. Урядникъ, нагибаясь, боясь стукнуться головой объ низко сдѣланныя подъ потолкомъ палати, прошелъ впередъ къ столу, а мы, какъ вошли, такъ и остановились кучей около двери. Сердце во мнѣ упало и стало стыдно за то, что я здѣсь, и за то, что мы хотимъ дѣлать и зачѣмъ пришли. Сама нищета, безъ всякихъ словъ, нагая, „въ чемъ мать

родила", стояла въ этой избѣ и кричала, показывая на себя: „вотъ она, я, какова есть... Глядите, добрые люди"...

Бѣшеная Парашка была дома. Она встрѣтила насъ, стоя у стола съ ребенкомъ на рукахъ. Двѣ дѣвочки „двояшки" съ хорошенькими, но испуганными личиками, прижались къ матери—одна съ одного боку, другая съ другого—и держались, вцѣпившись руками за ея юбку. Другіе ребятишки, трое, забились за столъ въ уголъ, подъ образа, и таращились оттуда на нашу компанію испуганными глазенками...

А на матери, какъ говорится, „лица не было". На нее больно было смотрѣть.

Лицо у ней было какое-то отчаянное и бѣлое, какъ бумага. Тонкія, посинѣвшія губы тряслись, а огромные на худомъ и бѣломъ лицѣ глаза были страшны. Въ нихъ видѣнъ былъ и испугъ, и злоба пойманной и затравленной волчихи.

— На тебя, вотъ, донесено исправнику,—заговорилъ урядникъ, глядя на носки своихъ сапогъ,—что ты водкой торгуешь. Правда это?

— Правда... Торгую...—отвѣтила баба, и губы у ней затряслись еще шибче.

— Гмм!.. И сейчасъ, стало быть, вино есть?

— Есть.

— Отлично!.. Безъ хлопотъ, значитъ... И искать нечего... Гдѣ оно у тебя?.. Давай!

— Бери самъ... Вонъ оно въ углу за сундукомъ подъ скамейкой... Обирай!..

— Староста, достань!—сказалъ урядникъ.

— Погоди, я достану,—выскочилъ было Птюшкинъ.

— Не твое дѣло!—остановилъ его староста и, выступивъ впередъ, наклонился и досталъ изъ-подъ скамейки, отодвинувъ, очевидно, пустой сундучишко въ сторону, три полбутылки. Онъ поставилъ ихъ на столъ передъ урядникомъ.

— Всѣ?—спросилъ урядникъ.

—Болѣ не видать...

— Ищи хорошенько,—вступился опять Птюшкинъ.—Еще найдешь... Чего тутъ три-то... Лизать нечего...

— Та-а-къ!—побарабанивъ по столу пальцами, произнесъ урядникъ и, очевидно, не зная, что дѣлать и что сказать, опять повторилъ:—Та-а-къ...

Онъ замолчалъ и полѣзъ въ карманъ за папироской. Мы тоже молчали, стараясь не глядѣть другъ на дружку. Что-то такое особенное, невидимое, но хорошо чувствуемое, казалось, находилось въ избѣ и шептало убѣдительно и настойчиво: „Стыдно! Подло!"

— Ну, что жь теперь,—сказалъ урядникъ, закуривая:—спасибо этому дому—пойдемъ къ другому... Чортъ бы васъ побралъ и съ кляузами вашими! Такъ я, тетка, какъ тебя,—обратился онъ къ

Бѣшеной — водку твою возьму... Вещественное доказательство.. Понимаешь?..

— Обирай... Все обирай!—сверкая глазами и переложивъ ребенка на другую руку, съ дрожью въ голосѣ, заговорила Бѣшеная.—Дѣтей на, тоже обирай... Бери! Грабь! Жрите! На кой они мнѣ! Доноси, коли на тебѣ хреста нѣту! Сажайте меня! Кормите! Мнѣ заботы нѣту... А щенковъ вотъ этихъ куда хошь дѣвайте... Хучь топите, хучь вѣшайте—мнѣ наплевать.

Она вдругъ завыла жалобно и вмѣстѣ злобно. Стало жутко и мурашки побѣжали по тѣлу отъ этого воя.

— Черти! Дьяволы проклятые! Ищутъ, ходятъ... Чего у меня искать-то? Знамо, торгую... А вы то подумали бы: нешто я торгую-то, сладость это мнѣ? Барышъ великъ?.. Кровь моя торгуетъ... Слезы... Горе!.. Я нешто таюсь, что торгую? Я въ открытку. Я самому царю не потаюсь—скажу: торгую! Мнѣ взять негдѣ! По міру ходить не отъ кого... Куда вотъ отъ нихъ уйдешь-то?.. Одна я... Вся тутъ... Корми вонъ ихъ... Они какъ проснулись—жрать хотятъ: „мамка, хлѣба!“ Какой гривенникъ, полтинникъ наживу, куда онъ у меня идетъ-то? Обуть, одѣть надоть... Чайку, сахарку... Малые, глупые, хотятъ... Того не знаютъ, что матери взять негдѣ... А вы пришли... Стыда въ васъ нѣту! Безсовѣстные!.. Берите, грабьте!.. Сажайте меня! Я не боюсь... Хуже этого не будетъ!..

— А ты что пришелъ?—накинулась она на старосту.—Тебѣ чего надо?.. Обыскъ дѣлать, а? Ахъ ты, длинный ты чортъ, да нешто ты безъ обысковъ-то не знаешь, что я торгую?.. Ты мнѣ самъ велѣлъ торговать... Сколько ты у меня за это слопалъ задаромъ-то, а? Всѣ вы, всѣмъ міромъ, дозволили мнѣ, дали разрѣшенье торговать, а теперича обыскивать...

— Мы жалѣя тебя... Бѣдность твою видя,—смутившись произнесъ староста.—Чего ты орешь-то? Рѣжутъ, что-ли, тебя? Бѣшеный дьяволъ.

— А мы это точно—обратился онъ къ урядннку—дозволили ей, разрѣшили, видя ея убожество, чтобы, значитъ, производила торговлю, поакуратнѣе... Это вѣрно... Міромъ дадено согласіе... Дѣтей ея жалѣючи...

— Молодцы ребятки!—воскликнулъ урядникъ.—Значитъ, какъ же быть-то?... Кого судить-то: васъ, аль ее?..

Староста почесалъ въ головѣ.

— Какъ вотъ хошь, такъ и разбирайся,—сказалъ онъ.

— Господинъ урядникъ, дозвольте слово сказать?—выскочилъ опять Птюшкинъ, скорчивъ уморительно-просящую рожу.

— Ну, что тебѣ?.. говори,—сказалъ урядникъ нахмурившись.

— Она, Параша эта Бѣшеная,—началъ Птюшкинъ—ни причемъ-съ!—мы ей приказали торговать... міромъ-съ... Господь съ ней!—бѣдность, дѣтки-съ,—сами видите... чего съ нее взять-съ. Пущай торгуетъ на доброе на здоровье!.. лишняго она не беретъ...

въ долгъ иной разъ, придешь съ похмѣлья, дай ей Богъ здоровья, отпуститъ... поправитъ... водой не буронитъ... все честно, благородно... окромя пользы, отъ нея вреда нѣту... мы ей довольны. Господь съ ней! Грѣхъ обижать... А вотъ, вашь благородіе, язвато у насъ есть, на томъ концѣ живетъ: Журка Машка... записана она у васъ?.. Вотъ таё дѣйствительно слѣдуетъ засадить... Пойдемте-ка вотъ къ ней, я васъ сведу, и вина найдемъ сколько угодно... Вотъ, господинъ урядникъ, сволочь-то, сичасъ издохнуть... ей-богу, удавить мало-съ...

— А что такое?..

— Да какъ же-съ... какое дѣло... сами извольте посудить-съ... Напился я у ней вечоръ до пьяну... я завси у ней пью... а нонче, чѣмъ свѣтъ, пошелъ поправиться, началъ просить — Христомъ Богомъ, чуть въ ногахъ не валялся: дай чашку въ долгъ—не дала. Хотѣлъ стекла перебить, ей-богу... Къ ней вотъ пойдемте... найду у ней вино. На вотъ, скажу, сволочь, знай... Съ денежками придешь: „такой сякой", а тутъ на чашку и то нѣту... А ужь не я ли ей перетаскалъ денегъ-то?.. Пойдемте...

— Ладно,—сказалъ урядникъ—попадемъ и къ ней... Ну, такъ какъ же?—обратился онъ къ старостѣ:—Я такъ, значитъ, и упомяну въ протоколѣ—торгуетъ, молъ, съ твоего, старосты, разрѣшенія да съ мірского.

— Помилуйте-съ. Мнѣ вѣдь за это нагорѣть можетъ-съ отъ начальства.

— Не похвалятъ... это вѣрно.

— Бери! записывай!—кричала баба: — не боюсь я! Пущай вонъ староста за меня отвѣчаетъ, а я все одно, коли и повѣстка придетъ, никуда отъ дѣтей не пойду...

— А мнѣ какое тоже дѣло,— сказалъ староста—чего ты меня-то въ яму суёшь... полѣзай сама!

— Нѣтъ, врешь!—ты мнѣ совѣтъ далъ...

— Дура, чо-о-ртъ, нешто я одинъ... небось всѣ.

— Чортъ васъ тутъ самъ не пойметъ!—сердито сказалъ урядникъ, берясь за шапку.—Пойдемте!

Онъ надѣлъ шапку и пошелъ къ двери.

— Сволочь бѣшеная!—набросился на бабу староста:—изъ-за тебя вотъ страдай теперича... тьфу, анаѳема проклята... Думаешь человѣку добро сдѣлать, а тутъ на-ко вотъ...

VI.

Вышли опять на улицу.

На этотъ разъ къ нашей компаніи присоединилось еще человѣкъ пять, помимо набѣжавшихъ со всей деревни ребятишекъ, и мы тронулись на другой конецъ, въ гору, къ дядѣ Ивану.

Проходя мимо избъ, Птюшкинъ стучалъ въ окна и кричалъ:

— Эй, хозяинъ... вылазь! выходи! Сряжайся на облаву!.. хо-хо-хо!

Потѣха, ребятъ, ей-богу! Водочки бы теперича по чашечкѣ, а? Не повредило бы... хо-хо-хо!..

Его веселое настроеніе передалось и другимъ и все это дѣло приняло видъ какой-то потѣшной увеселительной прогулки, развлеченія, которое не часто бываетъ въ деревнѣ.

Дядя Иванъ, какъ это оказалось послѣ, предупрежденный кѣмъ-то, успѣлъ до нашего прихода „успрятать" водку и вышелъ самъ „для прилику" съ топоромъ на улицу рубить сложенныя около двора дровишки.

За этой работой мы его и застали.

— Ты Иванъ Ивановъ Штычокъ?—спросилъ урядникъ.

— Мы-съ!—отвѣтилъ Иванъ и снялъ шапку.

— Виномъ торгуешь?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Макрида Блошкина донесла исправнику, что торгуешь... приказано разслѣдовать...

— Вретъ она, сукина дочь, по злобѣ-съ...

— Самъ ты сукинъ сынъ, а не я сукина дочь!—раздался вдругъ позади насъ визгливый громкій голосъ и къ уряднику подкатилась Богъ ее знаетъ откуда-то незамѣтно явившаяся сама доносчица, Макридка.—Я те дамъ, мошеннику, сукину дочь... я те покажу! аспидъ!.. Я къ присягѣ пойду... хрестъ-евангелье цѣловать стану... Не торгуетъ онъ?! Ахъ, грабитель съ большой дороги, не торгуетъ онъ, а?..

— Господинъ урядникъ, вашъ благородіе, прикажите своимъ начальническимъ словомъ замолчать ей! Заткните ей ротъ-съ ея поганый, чтобы не ругалась... я не дешевле ея стою-съ,—сказалъ Иванъ, стараясь быть какъ можно хладнокровнѣе.

— А самъ сейчасъ какъ меня называлъ при народѣ-то, а?..—закричала Макридка—какая я сукина дочь, а?.. Твоя жена, можетъ, сукина дочь, а не я... Торгуешь, торгуешь!.. Буду кричать: торгуешь, спаиваешь народъ!.. рвись твое сердце!.. всѣмъ берешь... краденое принимаешь... притонъ у тебя здѣся... кабакъ!..

— Чего я краденого принимаю, а?—сразу потерявъ дѣланное хладнокровіе, крикнулъ Иванъ,—говори, чего?.. Кто видѣлъ? гдѣ свидѣтели?.. Ты знашь: за эти слова что я съ тобой сдѣлать могу, а? изъ души три души сдѣлаю!

— Накося, вотъ чего не хошь ли? Я те сдѣлаю! Примаешь, примаешь!.. Надысь,—я къ присягѣ пойду!—яйца у мово взялъ, десятокъ за чайную за чашку!

— Каки яйца? Нужны мнѣ твои яйца!..

— Каки?—мои!.. Укралъ у меня мой пьяница-то... берегла я, думала: спесу къ доктору, продамъ... цѣну возьму, а онъ,—отвернулась куда-то,—сцопалъ ихъ да сюды... не правда что ли, скажешь, а?.. Не правда?.. ма-а-шенникъ...

— Обыскъ у тебя буду дѣлать,—сказалъ урядникъ—пойдемъ въ избу.

— Обыскивайте...

Иванъ воткнулъ топоръ, пошелъ вслѣдъ за урядникомъ. Макрида, вѣроятно, чувствуя себя подъ защитой урядника, не обращая вниманія на ругательства, сыпавшіяся на нее со всѣхъ сторонъ, тоже прошла въ избу.

Изба у Ивана была большая, просторная, новая, съ печкой посрединѣ, раздѣленная перегородкой на двѣ половины. Въ одной половинѣ, въ задней, которая поменьше, устроена была „спальня". Тамъ висѣла на длинномъ оцѣпѣ качка-люлька, покрытая сверху какимъ-то рванымъ засаленнымъ одѣяломъ. Около люльки сидѣла старуха, Иванова мать, и качала ее, что-то потихоньку напѣвая.

Дарья, жена Иванова, поблѣднѣвшая и, видимо, перепуганная, сидѣла около стола и дѣлала видъ, что шьетъ, а за столомъ, напротивъ, сидѣлъ за потухшимъ самоваромъ пожилой съ клинообразной бородкой мужикъ, плотникъ изъ сосѣдней деревни, Мосеичъ. Сильно „выпимши", онъ таращилъ свои глаза и, желая изобразить изъ себя трезваго, старательно хмурился и бодрился.

Урядникъ покосился на него и, немного помолчавъ, спросилъ у Ивана:

— А это что за человѣкъ?..

— А это-съ — отвѣтилъ Иванъ — плотникъ Мосеичъ... По дѣлу онъ ко мнѣ пришелъ... омшанникъ подряжаю его перебрать.

— Та-а-къ... А гдѣ же онъ налакался-то?.. А говоришь — не торгуешь?.. Гдѣ это ты налопался, сватъ-нова родня? — обратился урядникъ къ Мосеичу.—Здѣсь небось?..

— Чего-съ?—спросилъ Мосеичъ, не дослышавъ, потому что былъ глуховатъ.

— Нажрался гдѣ?—крикнулъ урядникъ:—здѣсь, что-ли?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А гдѣ же?..

— Онъ пришелъ ко мнѣ выпимши,—вступился Иванъ—а посидѣлъ вотъ здѣся, въ теплѣ-то, его и развезло.

— Ладно ужъ! развезло... Ну, такъ, значитъ, не торгуешь?— отрицаешь, а?..

— Никакъ нѣтъ-съ...—держу, случается, для себя когда... придерживаю... гость—глядишь—навернется, нельзя не угостить... А то нѣтъ-съ...

— Староста, торгуетъ онъ?

— А кто-жь его знаетъ?—я сюды не хожу... я на томъ концѣ живу...

— Ахъ ты, сволочь!—закричала вылѣзшая впередъ Макрида.— А кто на масленицѣ-то здѣся, вотъ за этимъ за самымъ столомъ сидѣлъ, жралъ, а?—кто? компанія-то васъ собралась здѣся... и мой

былъ... Меня въ ту пору энтотъ-то вонъ—она указала на Ивана—разбойникъ ударилъ два раза...

— Дыкъ, дура-чортъ, то дѣло на масляницѣ было! праздникъ!—въ гости я приходилъ... у всѣхъ, чай, о ту пору вино было... Бревно гнилое! ты бы это съ своей башкой-то сообразилась! Хавосъ у тебя въ башкѣ-то... Черезъ тебя, мокрохвостку, вся эта процедура произошла!

— Нѣтъ, молчать стану—покрывать васъ? Вы, извѣстно, за чашку водки душу чорту продадите... къ присягѣ пойдете...

— Молчи!—остановилъ ее урядникъ.—Когда спрошу, говори...

— Такъ я и стала молчать.

— Выгоню!

— О-о-о?!... ишь ты склизкой какой... Выгони-ка, посмѣй... много васъ тута выгонялъ-то... Думаешь—свѣтлыя пуговицы пришилъ—кто-ста я!—Я дорогу-то знаю, куда идти на тебя... Вы всѣ заодно... одна шайка!

— Староста, выведи ее вонъ... ей тутъ не мѣсто... къ чорту.

Старостѣ это приказаніе доставило удовольствіе и всѣмъ потѣшное даровое представленіе.

— Ну-ка, барыня-сударыня сердитая, позвольте васъ попросить,—улыбаясь, заговорилъ Захаръ Никанорычъ, подойдя къ ней,—пожалуйте!..

— Отойди, длинный пёсъ!—заорала Макридка.—Колъ нетесаный... тоже туда же... Тронь только, я те всѣ бѣльмы выцапаю!.. Не уйду! Ищите при мнѣ вино... на моихъ глазахъ... а то вы и найдете да не найдете...

— Гони!—приказалъ урядникъ.—Тутъ дѣло дѣлаютъ, а она не даетъ... во-о-нъ!..

— Знаю я ваше дѣло-то... тронь только!

— Гони!

— Ды какъ ее гнать-то?—нейдетъ... Она, чортъ ее знаетъ, что у ней на разумѣ, укуситъ чего добраго.... заставитъ въ больницу лечь... отъ нея всего жди...

— А какъ гнать?—Вотъ какъ!—выскочилъ на сцену Птюшкинъ,—по-нашему вотъ такъ—разъ, два да и не копайся!

Онъ ухватилъ Макридку за шиворотъ и поволокъ къ двери.

— Вотъ какъ по-нашему—чикъ и готово!.. Разводишь тута со всякой шкурой церемонію!.. Не бѣгай по начальству,—не суйся, сволочуга, не въ свое дѣло... не вводи добрыхъ людей въ грѣхъ... Вотъ какъ!

Онъ подтащилъ ее къ порогу и выпихнулъ колѣнкой за дверь, подъ общій хохотъ присутствующихъ.

— А то: „какъ, какъ"—повторилъ онъ съ видомъ побѣдителя:—разговаривай тутъ... ее окромя, какъ дать въ зубы, ничѣмъ не уймешь... а далъ ей раза хорошаго, чтобы помнила, и кончено! дальше ѣхать некуда!..

Водку искали и подъ скамейками, и подъ печкой, и на печкѣ, и въ подвалѣ. Заставили открыть сундукъ, перерыли постель, заваленную разной рваниной. Мужики вошли во вкусъ и усердствовали одинъ предъ другимъ.

Не найдя ничего въ избѣ, пошли на дворъ... обыскали вышку, слазили къ овцамъ въ омшанникъ, заглянули въ кормушку къ коровѣ, тыкали вилами въ навозъ—нигдѣ ничего! Искали даже въ снѣгу около воротъ, въ дровахъ. Собрались было идти въ сѣнной сарай и амбарушку, какъ вдругъ все время молчавшій и только съ пьяной улыбкой на губахъ ходившій вмѣстѣ съ другими безъ шапки за урядникомъ, руководившимъ обыскомъ, пьяненькій Мосеичъ ни съ того, ни съ сего, по какой-то, должно быть, только ему одному извѣстной причинѣ, выяснилъ все это дѣло совершенно неожиданнымъ образомъ.

— Ваше благородіе—улыбаясь масленой усмѣшкой и облизнувъ слюнявыя губы, сказалъ онъ уряднику, обозленному надоѣвшей канителью: — А вить я знаю, гдѣ вино-то... ей-ей, знаю, мнѣ извѣстно...

— Ты бы, Мосеичъ, пошелъ бы, родной, уснулъ на печку, — перебилъ его дядя Иванъ, какъ ребенка, ничего не понимающаго.— Уснулъ бы, говорю, а?..

— По-о-годи, ангелъ мой,—старикъ отстранилъ его рукой:— уснемъ, когда надоть... на это ночь есть... Ей-ей, знаю,—снова обратился онъ къ уряднику.—Никто не знаетъ, а я знаю... Эвонъ я... вы у меня спросите... хы-хы-хы! Не искамши, знаю... не гляди, что я маленько баланецъ потерялъ... у меня ни-и-чего безо вниманія не остается... Наскрозь вижу подъ землю на аршинъ... ей-ей!.. Я ангелъ мой, самому министру не уважу... поставь,—съ царемъ говорить буду... ей-ей...

— Ну, говори, коли знаешь...

— Бросьте его,—опять вступился Иванъ.—Вретъ не знамо что!..

— А тебѣ-то что?—пусть вретъ... Коли вретъ, его вранье при немъ и останется...—сказалъ урядникъ и обратился къ Мосеичу:— Ну, говори, гдѣ?...

— Игдѣ?.. хы-хы-хы!.. ангелъ мой, ни въ жисъ тебѣ не найтить... не догадаться... ей-ей!.. Жалко мнѣ васъ... ходите... шарите по пустому мѣсту... а она... вонъ недалеча... рядомъ... а не поймать безъ меня...

— А ты, братъ, вотъ что... ты дурака не ломай!—строго прикрикнулъ урядникъ.—Ты, коли знаешь, говори, а то смотри, помни, вшивый чертъ, съ кѣмъ говоришь!

— А ты не серчай, ангелъ мой... за-а-чѣмъ... эва! сичасъ и на дыбашки... А мы все по-хорошему... ей-ей!.. Я знаю, гдѣ успрятано... ты у меня спроси...

— Что жь это ты меня въ яму-то валишь, пьяный ты чортъ?— набросился на него обозлившійся дядя Иванъ.—Шелъ бы спать! Вретъ незнамо что...

— По-о-годи, ангелъ мой! — сказалъ Мосеичъ. — За-а-чѣмъ врать? Православнымъ вонъ безпокойство... отъ дѣла оторваны... А ты, дурашка, ангелъ мой, не серчай...

— Вотъ, сволочь, то, а?—обратился Иванъ къ намъ.—Возьми вотъ его... Удавить, анаѳему, мало... И что чорту надыть—спроси у него... Суется проклятый не въ свое дѣло... тьфу!..

Мужики хохотали. Веселый „стихъ" нашелъ на всѣхъ... улыбался даже и самъ урядникъ...

— Ну, такъ гдѣ же?... говори... показывай,—сказалъ онъ.

Мосеичъ посмотрѣлъ какъ-то особенно торжественно на него, на насъ и молча, махнувъ рукой, пошелъ на крыльцо въ избу.

— Куда-жь ты?—спросилъ урядникъ.

— За мной!—не оглядываясь, лаконически произнесъ Мосеичъ.

Мужики, смѣясь, толкая другъ дружку, послѣдовали за нимъ...

Въ избѣ было все такъ же. Такъ же сидѣла и шила подъ окномъ жена Иванова и все такъ же качала люльку и прибаукивала въ коморкѣ старуха.

Мосеичъ молча прошелъ туда и, подойдя къ качавшей зыбку старухѣ, сказалъ:

— Ну-ка-сь, ангелъ мой, божья старушка, обожди чутокъ... достаточно—укачала... уснулъ... Ищете, шарите,—обратился онъ къ уряднику и къ намъ—а оно здѣся... въ люлькѣ качается.

— Ахъ, чортъ, а мнѣ и въ голову не пришло!—воскликнулъ урядникъ.

Онъ откинулъ „пологъ" и приподнялъ за уголъ какое-то рваное одѣяло-тряпку.

— Ахъ, чортъ!—воскликнулъ онъ опять, увидя тамъ лежавшую рядкомъ „спасуду"...

— Вотъ она, ангелъ мой, буди ее... выспалась... ха-ха-ха! смѣялся, обводя насъ торжествующимъ взоромъ, Мосеичъ.

Иванъ огорченно махнулъ рукой.

— И что выскочилъ—удивительное дѣло!.. Что тебѣ, медаль, что ли, за это, дьяволу, дадутъ, а? Я думалъ: ты порядочный человѣкъ... угостилъ съ дуру-то на свою шею... Спасибо, другъ. Сволочь, чортъ, кляузникъ!..

— А ты, старая подметка,—обратился урядникъ къ перепуганной старухѣ, баюкавшей вино, — чего молчала, а?.. грѣхъ вѣдь... въ адъ угодишь... Погоди, вотъ я и тебя запишу... за укрывательство...

— Батюшка! Отецъ родной!—заголосила старуха,—я тутотка не причемъ... приказано мнѣ... ослушаться не смѣю... посадили: „качай"—я и стала качать...

Староста подъ хохотъ мужиковъ началъ выгружать изъ качки „спасуду": полбутылки, бутылки, сотки...

— Не махонькое дитятко качалось — сказалъ онъ, выгрузивъ все.

— Только вечоръ привезъ полведерка,—уныло, чуть не плача, произнесъ Иванъ.

Мосеичъ стоялъ, улыбался и поглаживалъ рукой бороденку. Глядя на его благодушнѣйшую улыбку, сразу было видно, что сдѣлалъ онъ все это не съ цѣлью „подвести“ Ивана, а прямо-таки, чтобы доставить удовольствіе „публикѣ“.

VII.

Журка Машка, куда мы направились отъ дяди Ивана, сидѣла запершись.

Въ прошломъ году осенью она отсидѣла въ городѣ сколько-то дней за тайную продажу во время праздниковъ.

Теперь готовилась ей гроза въ лицѣ Птюшкина, которому давеча, рано утромъ, она отказала—не дала въ долгъ чашку водки.

— Теперича, баринъ, — говорилъ Птюшкинъ, идя за урядникомъ,—я буду дѣйствовать... Не плошь вонъ Мосеича укажу гдѣ... Я ее выучу! Я ей супрызъ устрою!

Мужики хохотали.

— Валяй, Птюшкинъ, дѣйствуй, производи реформу!..

Въ запертую дверь долго пришлось стучаться, прежде чѣмъ стонущая и охающая Журка отворила ее.

— Ты что же это?.. Не слышишь?!—крикнулъ урядникъ.

— Мнѣ, батюшка, баринъ, не до слушанья,—простонала Журка,—я еле дышу... бо-о-льнехонька! Насилочка съ постели сползла...

— Ну, ладно, ложись опять, а мы будемъ у тебя обыскъ производить... Можетъ быть, не найдемъ-ли у тебя чего-нибудь, а?.. Виномъ-то торгуешь?

— Можетъ, кто за меня и торгуетъ, а я нѣтъ... Ищите, а я лягу... мнѣ мочи нѣтъ...

Вошли въ избу. Журка сѣла на кровать.

— Охъ, Господи, Царица небесная, духу не переведу, вотъ до чего перепугали... Нешто такъ мысленно?.. Я женщина больная...

— А давно-ли ты, женщина, захворала-то?—„заржалъ“ Птюшкинъ.—Хы, „женщина“!.. Давеча поутру ты словно ничего была, а?.. Ха-ха-ха! А ты бы, дура, Рататуя своего въ аптеку послала за мазью... Ха-ха-ха!.. У этой болящей женщины-то... Хо-хо-хо!.. „Женщина“... Робята, слышите, а?.. У ней любовникъ есть... Рататуемъ звать... Лѣтомъ онъ у насъ въ подпаскахъ ходитъ, а зиму по міру... Зда-а-ровый! Быка сшибетъ... А мужъ въ Москвѣ извощикъ живейный... Хо-хо-хо!..

— Ну, ладно,—перебилъ урядникъ—погоди. Такъ ты не торгуешь? Нѣту у тебя водки?—спросилъ онъ у Журки.

— Нѣту... До этого-ли мнѣ? Того гляди умру... На ладанъ дышу... Кака водка...

— Да вотъ онъ у тебя давеча утромъ былъ, — показалъ урядникъ на Птюшкина—вина просилъ, а ты не дала ему.

— Кто это тебѣ сказалъ? Энтотъ-то, косматый-то?.. Хи... Нашелъ кого слушать! Онъ наговоритъ... Ма-а-шенникъ онъ, живорѣзъ... Онъ отца родного колотитъ...

— А ты не лайся... Я тебѣ не машенникъ...

— А чего облыжно врешь на меня?

— Марья,—торжественно произнесъ Птюшкинъ, стоя передъ ней и правой рукой показывая на кіотъ съ иконами, занимавшій весь передній уголъ.—Марья, энъ-онъ, батюшка, Николай-то чудотворецъ, глядитъ на тебя, а?.. Грѣхъ. Ты мнѣ давеча не поднесла, жалко тебѣ было... Отлично!.. Теперича вотъ сама утрись этимъ же полотенцемъ... Я тебѣ теперича уважу, суприз исдѣлаю... Не торгуешь, говоришь? Вина нѣту, а?.. А я знаю: есть! Найду!.. Эвона гдѣ!.. Самъ, батюшка, Николай чудотворецъ торгуетъ у тебя... Хо-хо-хо!..

Онъ подошелъ къ кіоту съ иконами и осторожно снялъ съ полки одну изъ нихъ. За ней, въ образовавшейся пустотѣ стояли полбутылки.

— Это какъ называется?—держа въ рукѣ посудинку и показывая всѣмъ, спросилъ онъ.—Масло деревянное что-ли, а?.. Ишь нашла мѣсто!.. Тебѣ чашки жалко было дать... Захворала ты... Хо-хо-хо!.. Я тебѣ уважу! Жалѣть-то тебя не за что... Ты вѣдь не Бѣшеная Параша... Ободрать готова... До-гола раздѣть, а похмѣлиться человѣку—чашки жалко... Диви, я не отдалъ бы... Ты, сволочь, коли торгуешь, должна сортъ людей понимать! Я те еще сейчасъ уважу... Все одно ужь сквернить душу-то...

— Баринъ,—обратился онъ къ урядпику.—Извольте въ печкѣ поглядѣть... въ чугунѣ... Хо-хо-хо! Похлебка тамотка варится съ хо-о-рошей съ говядиной

— Поди-ка достань,—сказалъ урядникъ.

— Сейчасъ... въ моментъ-съ... по наполеоновски! — воскликнулъ Птюшкинъ и живо отслонилъ заслонку, взялъ въ углу ухватъ и выдвинулъ на шестокъ большой черный чугунъ. Въ чугунѣ, дѣйствительно, оказалась посуда съ водкой...

Всѣ бывшіе въ избѣ громко засмѣялись.

Больная Журка, видя такой оборотъ, соскочила съ постели и повалилась урядпику въ ноги.

— Не губи! не губи!—кричала она.

Урядникъ распоясался, разстегнулъ шинель, досталъ изъ бокового кармана какія-то бумаги и сѣлъ къ столу.

— Ну, кажется, теперь кончили?.. всѣхъ обошли? — спросилъ онъ.

— Надо быть, всѣхъ,—отвѣтилъ староста.

— Давай водку-то сюда... собирай всю...

— Мнѣ, баринъ, за хлопоты половиночку не грѣхъ бы,—сказалъ Птюшкинъ.—Сейчасъ умереть, не грѣхъ!

Когда староста собралъ посуду и установилъ ее на виду на столѣ, урядникъ сказалъ:

— Чернилъ бы вотъ мнѣ... достань-ка гдѣ-нибудь.

— Охъ, ужъ и не знаю,—сказалъ староста—наврядъ найду.

— Неужели во всей деревнѣ чернилъ нѣтъ!

— Да на что они намъ?

— Да какъ на что? Ребятишки, небось, учатся?.. Пятьдесятъ безъ мала дворовъ да чернилъ нѣту? Самъ-то ты что же не держишь, а староста называешься!

— Обходится дѣло... Нешто у Петра Иваныча въ лавкѣ, а то нигдѣ не найти. Мальчонку какого-нибудь послать надоть... Сейчасъ я распоряжусь...

Онъ вышелъ изъ избы и, возвратившись назадъ, сказалъ съ тревогой въ голосѣ:

— Бабы сюда идутъ... штукъ двадцать, должно быть... Макридка передомъ.

— Не пущать,—строго сказалъ урядникъ:—послалъ за чернилами-то?..

— Побѣжалъ... не знаю, есть ли...

Поднявшаяся было съ полу Журка, услыша, что послали за чернилами и что идутъ къ ея избѣ бабы, перепугалась еще пуще, опять бухнулась урядннку въ ноги и начала божиться и клясться, что никогда больше „будь я, сука, проклята",—не будетъ торговать.

Съ улицы уже начали доноситься какіе-то визгливые крики.

Урядникъ досталъ часы и посмотрѣлъ.

— Э, досада, чернилъ нѣтъ!.. время идетъ... мнѣ надо еще въ одно мѣсто...

Староста промолчалъ.

— Поди погляди,—сказалъ урядникъ,—сюда, что ли, бабы-то?..

— Чего глядѣть, знамо сюда... вона... возьми ихъ...—онъ кивнулъ на окно.

— Гмъ!.. ахъ, чортъ... Что имъ надо-то?.. не пущай!

— Не пустишь ихъ!.. драться, что ли, съ ними... ихъ не одна...

Урядникъ замолчалъ, нахмурился и, отпихнувъ ногой Журку, поднялся, застегнулъ шинель и опять сѣлъ, забарабанивъ пальцами по столу. Видно было, что онъ нервничалъ и волновался...

Подъ окнами между тѣмъ раздавался шумъ и крики. Это подошли бабы и шумѣли, окруживъ избу. Громко выкрикиваемыя ругательства отчетливо были слышны въ избѣ. Мы слушали, ждали, что будетъ дальше...

— Выдь кто-нибудь, спроси, чего онѣ... что надо?—сказалъ наконецъ урядникъ.

Но выходить никому не пришлось. Дверь распахнулась и бабы, толкая и напирая одна на другую, полѣзли въ избу. Староста, думая остановить ихъ, растопырилъ было руки, точно играя въ жмурки, и закричалъ:

— Куда вы?.. Куда васъ бѣсъ несетъ?.. На-а-задъ!..

Его не слушали и оттерли въ сторону. Бабы лѣзли къ столу, гдѣ сидѣлъ урядникъ. Заполонили всю небольшую избу и орали что-то, что трудно было сразу понять...

Ошеломленный и, видимо, растерявшійся урядникъ сидѣлъ, упершись руками въ колѣнки и, вытараща глаза, смотрѣлъ на эту толпу обозленныхъ, съ перекосившимися злобой лицами, напиравшихъ на него многострадальныхъ матерей и женъ и не зналъ, что дѣлать.

— Что вамъ надо?!—закричалъ, наконецъ, онъ.—Говори кто-нибудь одна.

Высокая, худая, беременная баба наперла на него и кричала ему почти въ самое лицо.

— Ты что-жь это, который разъ будешь къ намъ въ деревню-то ѣздить по-пусту?—Чего ты не уймешь ихъ? Торгуютъ какъ имъ хочется во всякое время и днемъ, и ночью... всю деревню изгадили, споили... У меня вонъ мужъ, сынъ, что въ рощѣ добудутъ, все у нихъ и оставляютъ... Намедни чего ужь — пилу заложили! а я черезъ это раздѣмши-разумши ходи...

— Мы,—перебивая ее, кричали другія бабы — на тебя подадимъ! мы набольшему на тебя прошенье напишемъ, коли уёму не дашь имъ! Намъ черезъ сукъ этихъ раззоренье... побои черезъ нихъ несемъ... Неужли-жь такъ и надоть?—Неужли-жь народъ-то спаивать приказано?

— Онъ, бабыньки,—орала Макрида—меня давеча отъ Штычка отъ Ваньки въ шею выгналъ! У нихъ одна шайка... потатчикъ... ему сунутъ—онъ и молчитъ... на него надоть подать! Мы тебя не выпустимъ... дѣлай дѣло при насъ... запротоколивай... мы свидѣтельницы... мы всѣ пойдемъ... Гна-ать?! нѣтъ, ты погодишь гнать-то меня... Я до царя дойду!.. Пиши!.. дѣлай дѣло, зачѣмъ пріѣхалъ... мы не уйдемъ до тѣхъ поръ... не пустимъ тебя... а бить насъ не имѣешь праву...

Урядникъ ладонями зажалъ уши и глядѣлъ на бабъ, расширивъ глаза.

— Слушать не хочетъ, а?! — орали бабы—нѣтъ, врешь! послушаешь! ты для этого присланъ...

— Черти!—заоралъ, вдругъ побагровѣвъ, урядникъ.—Да я-то тутъ при чемъ... Я-то виноватъ нешто?!.

Онъ вскочилъ, схватилъ со стола бумаги, надѣлъ шапку и, распихивая бабъ, бросился къ двери.

— А-а-а!—завопили бабы,—Вѣчь!.. врешь!.. не уйдешь!..

Урядникъ выскочилъ изъ избы и, ругаясь и махая рукой, по-

шелъ, крупно шагая, внизъ подъ гору, на тотъ конецъ деревни, гдѣ была лавка.

Толпа бабъ съ крикомъ и ругательствами послѣдовала за нимъ.

Мужики хохотали...

— Дуры,—сказалъ староста.—Тутъ государственное дѣло... нешто мысленно уничтожить?.. живые убытки казнѣ... Пили и будемъ пить, покедова не издохнемъ, а тамъ наплевать, не наше дѣло..

— Пойдемъ-ка-сь, Павлычъ, можетъ ужо не сгадаемъ ли гдѣ на половинку.....

С. Подъячевъ.

Ночныя терцины.

Моему мужу.

Укрылъ, перекрестилъ, поправилъ одѣяло,
Задернулъ складки шторъ на голубомъ окнѣ
И, потушивъ свѣчу, прошелъ къ себѣ устало.

Ушелъ въ свой кабинетъ—къ молчанью и лунѣ,
Къ морознымъ окнамъ въ садъ, застывшій въ блѣдномъ свѣтѣ,
Къ неяснымъ шорохамъ, къ вечерней тишинѣ.

Въ распахнутую дверь, бѣлѣя на паркетѣ,
Холодный лунный свѣтъ упалъ на мой коверъ,
Блеснулъ на зеркалѣ на низкомъ туалетѣ,

Полоской трепетной скользнулъ на складки шторъ,
Сверкнулъ на вѣнчикѣ надъ вытертымъ окладомъ
И четкій на стѣнѣ соткалъ вверху узоръ.

Слѣжу игру тѣней пустымъ и цѣпкимъ взглядомъ
И жадно слушаю, какъ тихо за стѣной
Твои шаги звучатъ такъ близко, близко—рядомъ...

Сегодня цѣлый день была я не съ тобой.
Невѣдомымъ путемъ къ невѣдомому краю
Опять меня мечта водила за собой.

Гдѣ я была весь день, сейчасъ уже не знаю...
Но бѣлый пыльный путь, и вѣтеръ, и вдали
Надъ моремъ острый блескъ я смутно вспоминаю.

Я помню и лицо, мелькнувшее въ пыли,
Подростка пастуха въ изодранной рубашкѣ,
И стадо грязныхъ козъ, и ароматъ земли.

Горячимъ молокомъ изъ деревянной чашки,
Я помню, напоилъ меня, смѣясь, пастухъ
И въ косы мнѣ воткнулъ двѣ бѣлыя ромашки.

Примятыхъ повиликъ я помню горькій духъ,
И звонъ бубенчиковъ дремотный и лѣнивый,
И мирабель кругомъ, и пѣнье сизыхъ мухъ.

О, длинный, длинный день—горячій и счастливый!
Какъ радостно краснѣлъ подъ солнцемъ мой платокъ.
Упавшій на траву съ волосъ моихъ подъ сливой.

Я знаю, отъ меня ты былъ весь день далекъ.
Въ невѣдомомъ краю бродила я безъ цѣли,
Свободная, ничья, какъ вѣтеръ, какъ цвѣтокъ.

Но,—почему, скажи,—и тамъ, у мирабели,
Въ тѣни узорчатой—на бронзовомъ лицѣ
Мальчишки-пастуха твои глаза синѣли?

Твой голосъ мнѣ звенѣлъ въ далекомъ бубенцѣ
И запахъ губъ твоихъ мнѣ чудился повсюду,
И въ запахѣ земли, и въ сонномъ чебрецѣ...

О, развѣ есть страна, гдѣ я тебя забуду?

Ада Чумаченко.

СЕМЬЯ КОРИСТОНОВЪ.

Романъ Гемфри Уордъ.

Перев. съ англ. Е. Н. Нелидовой.

(Продолженіе).

IV.

Послѣ двухъ недѣль холодной и вѣтряной погоды, которая часто посѣщаетъ Англію въ началѣ мая, когда зима отнимаетъ у весны все, что она пріобрѣла съ марта, природа вдругъ какъ будто почувствовала раскаяніе и небо стало снова яснымъ. Снова подъ ласкающими теплыми лучами солнца распустились въ перелѣскахъ колокольчики и фіалки, начали развертываться темнобурые листочки на дубѣ и снова веселье заблестѣло въ глазахъ деревенскихъ жителей и походка ихъ стала живѣе и легче.

Миловидная женщина сидѣла съ шитьемъ у дверей маленькаго коттэджа съ верандой, стоявшаго на высокомъ холмѣ, съ котораго открывался обширный видъ на окрестности. Линія холмовъ, вершина за вершиной, сбѣгала къ западу, а на востокѣ заканчивалась лѣсомъ, который закрывалъ коттэджъ. По направленію къ сѣверу, футовъ на шесть ниже, шли въ перемежку деревни, фермы, поля и рощи, исчезая постепенно за туманнымъ горизонтомъ.

Человѣкъ средняго роста, сѣдоволосый и худощавый, выглянулъ изъ окна.

— Маріонъ! Когда ты ждешь Энидъ?

— Между тремя и четырьмя, батюшка.

— Не думаю, чтобы пріѣхалъ самъ Гленуилльямъ. Засѣданіе, вѣроятно, затянется и завтра возобновится, не смотря на воскресенье.

— Значитъ, не пріѣдетъ, — спокойно проговорила Маріонъ, всовывая руку въ изорванный носокъ и озабоченно разсматривая его.

— Досадно! Мнѣ нужно было, чтобы онъ встрѣтился съ Користономъ. Онъ хотѣлъ пріѣхать къ чаю.

Миссъ Эзерстонъ казалась нѣсколько озадаченной.

— Я не знала этого, батюшка. Энидъ просила меня пригласить Артура и я написала ему вчера.

— Что же изъ этого? Если на счетъ политики, то къ ней достаточно привыкли въ семьѣ Користоновъ! А если относительно того, что Артуру будутъ принадлежать помѣстья Користона, такъ онъ въ этомъ не виноватъ. Я слышалъ, что братья въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Говорятъ даже, что Артуръ предупредилъ мать, что найдетъ возможность вернуть все снова Користону.

— Энидъ не любитъ лорда Користона,—медленно произнесла миссъ Эзерстонъ.

— Я думаю. Онъ видитъ всѣ ея недостатки. А у нея ихъ порядочное количество. Кромѣ того, онъ не дамскій кавалеръ. Между нами, дорогая моя, она очень любитъ порисоваться. Я самъ никогда не могу разобрать ее, хотя и знаю съ дѣтства.

— О, Энидъ молодецъ, — сказала Маріонъ Эзерстонъ, вдѣвая длинную шерстяную нитку въ иголку.

Миссъ Эзерстонъ была простодушна и не краснорѣчива, хотя и жила среди умныхъ и развитыхъ людей. Ея отецъ, докторъ Эзерстонъ, былъ однимъ изъ способнѣйшихъ организаторовъ партіи либераловъ. Онъ зналъ почти всѣхъ избирателей въ окрестностяхъ своего коттэджа и они обращались къ нему за совѣтомъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ политической жизни. Съ „пульсомъ партіи" онъ былъ знакомъ болѣе, чѣмъ главный ея предводитель, и съ нимъ считались всѣ видные министры при проведеніи важныхъ биллей.

Съ могущественнымъ министромъ финансовъ Гленуилльямомъ Эзерстонъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ еще съ той поры, когда тотъ молодымъ человѣкомъ служилъ въ обширныхъ каменноугольныхъ копяхъ Стэффордшайра. И эта дружба, извѣстная только небольшому кругу лицъ, была важнымъ факторомъ въ современной англійской политикѣ. Гленуилльямъ не предпринималъ ничего безъ совѣта Эзерстона. Коттэджъ на холмѣ былъ мѣстомъ многихъ важныхъ совѣщаній и отсюда выходили рѣшенія, которыя должны были перейти въ исторію.

Маріонъ Эзерстонъ была безцѣннымъ сокровищемъ для отца; она пользовалась уваженіемъ всѣхъ его друзей, но не принимала никакого участія въ его интеллектуальной жизни. Блестящіе люди—мужчины и женщины—приходили въ коттэджъ и уходили изъ него. Маріонъ принимала ихъ, хозяй-

ничала, заботилась о нихъ, но не вѣрила почти никому изъ нихъ. Эзерстонъ былъ философъ, свободомыслящій и вегетаріанецъ. Маріонъ читала „Церковную газету", аккуратно посѣщала церковь и, еслибы она имѣла голосъ и захотѣла осуществить свое право, то, весьма вѣроятно, подала бы его за партію тори. При всемъ этомъ между нею и отцомъ были наилучшія отношенія и они вполнѣ понимали другъ друга.

Но между блестящими людьми, посѣщавшими коттэджъ, былъ одинъ человѣкъ, покорившій ее. Къ Энидъ Гленуилльямъ Маріонъ чувствовала глубокую привязанность, какая часто бываетъ у женщинъ простыхъ, честныхъ и совѣстливыхъ къ сиренамъ ихъ пола. Когда Энидъ пріѣзжала въ коттэджъ, Маріонъ становилась ея рабой и служила ей, чѣмъ могла. Но, можетъ быть, она была проницательнѣе отца относительно сирены и видѣла нѣчто иное за ея внѣшними качествами.

Эзерстонъ сѣлъ возлѣ нея на садовомъ стулѣ и закурилъ трубку. Онъ только что кончилъ составленіе важнаго документа. Конечно, появленіе этого либеральнаго заявленія никогда не будетъ связано съ его именемъ, но съ этимъ онъ не считался. Если его что и волновало въ данную минуту, такъ это невозможность поговорить съ Гленуилльямомъ, прежде чѣмъ сдать съ рукъ заявленіе. Какъ бы то ни было, онъ былъ имъ доволенъ. Противъ рѣзкихъ, вызывающихъ выступленій онъ не возражалъ. Никогда еще не было у него болѣе опредѣленнаго, страстнаго и законченнаго чувства къ противникамъ. Тори должны уйти! Еще немного трудной работы, и грязный источникъ будетъ уничтоженъ. Это тираны страны, церкви и финансовъ. Когда демократическая Англія возьмется за дѣла—а она возьмется,—то не будетъ долго церемониться съ ними.

Смотря внизъ, на долину, Эзерстонъ видѣлъ многое, что заставляло биться пульсъ демократической партіи. Тамъ, среди лѣсовъ, въ милѣ отъ холма, возвышалось громадное классическое зданіе Користона, гдѣ царила „та женщина". Дальше стоялъ на горѣ Ходдонъ Грей, отожествлявшійся въ представленіи враговъ съ властью церкви такъ же, какъ Користонъ отожествлялся съ властью помѣщика. Эзерстонъ не зналъ болѣе узкихъ ханжей, чѣмъ лордъ и лэди Уилльямъ Ньюбёри, или болѣе ядовитаго реакціонера, чѣмъ ихъ красивый и добродѣтельный сынъ.

Но одна свѣтлая точка въ долинѣ доставляла ему несомнѣнное удовлетвореніе. Онъ, смѣясь, повернулся къ дочери.

— Користонъ поселился тамъ съ семьей рабочаго, чтобы

слѣдить за ними. И у него въ рукахъ уже много матеріала.

— Бѣдная лэди Користонъ!—сказала Маріонъ, взглядывая на красивые купола, мелькавшіе среди деревьевъ.

— Послушай, дорогая моя, вѣдь она же начала. А онъ совершенно правъ, такъ какъ на немъ лежитъ отвѣтственность передъ обществомъ за эти помѣстья.

— Но развѣ онъ не могъ дѣйствовать какъ-нибудь иначе? А это имѣетъ такой нехорошій видъ.

— Женщины сами заставляютъ прибѣгать къ такимъ средствамъ, если играютъ въ такую сильную игру, какъ лэди Користонъ. Времена рыцарскаго обращенія миновали...

— Даже въ отношеніяхъ сына съ матерью?—робко прервала Маріонъ.

— Повторяю—она начала это сама. Чудовищно было со стороны ея мужа оставить подобное завѣщаніе и еще чудовищнѣе со стороны матери такъ воспользоваться имъ!

— А представь себѣ, что она либералка? — не безъ лукавства замѣтила Маріонъ.

Эзерстонъ пожалъ плечами, уклоняясь отъ прямого отвѣта.

Онъ въ раздумьи курилъ трубку и смотрѣлъ вдаль. Потомъ глаза его вдругъ оживились.

— Но я слышалъ, что слуги Користона—мужъ и жена—выселены изъ дома за политическія убѣжденія.

— Да, тѣмъ радикаломъ-мельникомъ, который живетъ въ Мартоверѣ,—сказала Маріонъ.

Эзерстонъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Мнѣ сказала жена этого человѣка,—спокойно продолжала Маріонъ, свертывая починенные носки.

— Я долженъ это хорошенько разслѣдовать, — сказалъ Эзерстонъ взволнованнымъ голосомъ.—Во всякомъ случаѣ, такіе слухи не должны распространяться съ нашей стороны! Удивляюсь, какъ могъ Користонъ взять къ себѣ этихъ людей.

— Я думаю, это потому, что ему одинаково противны такія дѣйствія, съ чьей бы стороны они ни происходили.

Легкая краска покрыла щеки миссъ Эзерстонъ, но ея отецъ не замѣтилъ этого. Онъ поднялъ голову и прислушивался.

— Мнѣ кажется, я слышу моторъ.

— У васъ усталый видъ,—сказала Маріонъ своей гостьѣ послѣ того, какъ докторъ Эзерстонъ, обмѣнявшись съ ней привѣтствіями, вернулся къ своему письменному столу.

Энидъ Гленуилльямъ сняла шляпу, взяла подушку, ко-

торую ей предлагала хозяйка и положила ее въ плетеное кресло.

— Вы не удивились бы этому, еслибы узнали, какъ я провела недѣлю,—сказала она, смѣясь.—Вотъ послушайте—четыре обѣда, три бала, двѣ оперы, — конецъ недѣли въ Виндзорѣ, два базара, три митинга, два концерта! Какъ же вы хотите, чтобы я не измоталась?

— Но вѣдь вы это очень любите?

— Конечно, люблю. Еслибы меня не приглашали всюду, я обижалась бы, а когда приглашаютъ...

— Вамъ надоѣдаетъ?

— Я почти не видала отца всю недѣлю. Только за завтракомъ. Вотъ это мнѣ непріятно.

— Но чѣмъ же вы въ самомъ дѣлѣ занимаетесь?

— Инквизиторъ! Развлекаюсь...

— Съ Артуромъ Користономъ?

Маріонъ повернула къ собесѣдницѣ свое круглое свѣжее лицо, съ маленькими сѣрыми глазками.

— И съ другими. Не думаете же вы, что я довольствуюсь только имъ?

— А лэди Користонъ догадывается или нѣтъ?

— О томъ, что Артуръ въ меня влюбленъ? Я увѣрена, что она не можетъ себѣ представить, чтобы онъ могъ унизиться до такой степени.

— Но вѣдь когда-нибудь она должна будетъ догадаться?

— Пусть догадается, я ничего противъ этого не имѣю,—спокойно сказала миссъ Гленуилльямъ. Она протянула длинную руку къ коту Маріонъ и погладила его. Затѣмъ она повернула къ собесѣдницѣ большіе свѣтло-каріе глаза подъ красивыми темными бровями. — Видите ли, лэди Користонъ не только всюду бранитъ меня, но еще и оскорбляетъ отца,

— Какъ?—съ изумленіемъ воскликнула Маріонъ.

— Это было у Четтоновъ. Она отказалась идти къ столу съ нимъ. Пришлось мѣнять весь порядокъ стола и съ маленькой лэди Четтонъ едва не сдѣлалась истерика.

Дѣвушка смотрѣла на своего друга и по тонкимъ губамъ ея большого рта скользила легкая улыбка. Но въ глазахъ ея было что-то угрожающее.

— А въ другой разъ она отказалась познакомиться со мной. И сдѣлала это совершенно спокойно. Она не представляетъ себѣ, чтобы ее можно было оскорбить. Но только она считаетъ общество слишкомъ онисходительнымъ, вѣдь къ отцу и ко мнѣ относятся вездѣ очень хорошо.

— Какая безумная женщина! — сказала безпомощно Маріонъ.

— Вовсе нѣтъ! Она прекрасно знаетъ, что все мое суще-

ствованіе въ Лондонѣ есть борьба за положеніе въ обществѣ. И ей пріятно слегка затруднить эту борьбу.

— „Все ваше существованіе борьба"?—съ легкой насмѣшкой повторила Маріонъ.– И это я слышу послѣ того перечня приглашеній, который вы мнѣ только что сообщили!

— Теперь это пріятная борьба, — отвѣтила дѣвушка холодно.—Пріятная и успѣшная. Но вѣдь лэди Користонъ получила все безъ борьбы. Когда у отца не будетъ офиціальнаго положенія, я опять буду ничѣмъ. *Она* всегда останется наверху.

— А я все-таки не знаю, любите вы Артура или нѣтъ? Безъ сомнѣнія, вы уже слышали новости о помѣстьяхъ?

— Слышала ли? — говорившая улыбнулась. — Я не только слышала разговоры, но знаю всѣ факты! Утопаю въ нихъ, заглушена ими... Артуръ теперь любимецъ... Совершенство. Но еслибы она знала обо мнѣ! — миссъ Гленуилльямъ всплеснула руками.

— Вы думаете, что она снова измѣнила бы свои распоряженія?

Дѣвушка сорвала травку и закусила ее, задумчиво улыбаясь.

— Можетъ быть, я не должна рисковать его шансами?— проговорила она, смотря въ сторону.

— Не думайте о „шансахъ", съ негодованіемъ сказала Маріонъ Эзерстонъ. — Подумайте лучше о томъ, любите ли вы другъ друга!

— Какая *буржуазная* точка зрѣнія! По совѣсти—не знаю. Артуръ Користонъ не особенно уменъ. У него чрезвычайно странныя мнѣнія. Затѣмъ мы знаемъ другъ друга всего нѣсколько мѣсяцевъ. Еслибы онъ былъ *очень* богатъ... Кстати, будетъ онъ здѣсь сегодня? И не дадите ли вы мнѣ папироску?

Маріонъ подала папиросы. Въ это время она услышала издали скрипъ садовой калитки.

— Вотъ они оба — онъ и лордъ Користонъ.

Энидъ Гленуилльямъ закурила папиросу и растянулась еще удобнѣе въ креслѣ.

Ея длинная, стройная, граціозно лежавшая фигура, свободныя волны свѣтлыхъ волосъ и спокойное самоувѣренное лицо — все производило чарующее впечатлѣніе беззаботнаго отдыха. Когда Артуръ подошелъ къ ней, она привѣтливо протянула ему руку и посмотрѣла на него веселымъ значительнымъ взглядомъ.

Користонъ, пожавъ руку хозяйкѣ дома, тоже подошелъ къ ея гостьѣ.

— Я не зналъ, что вы курите, — отрывисто проговорилъ

онъ, стоя передъ ней. По обыкновенію, Кoристонъ представлялъ весьма странную фигуру. Энидъ Гленуилльямъ съ любопытствомъ оглядывала его старое, плохо сшитое платье съ оттопыренными карманами, тонкія, какъ у кузнечика, руки и ноги, и все это, вмѣстѣ съ пытливымъ блестящимъ взглядомъ его всегда безпокойныхъ глазъ, не нравилось ей, хотя она и отвѣтила ему съ любезной улыбкой:

— А почему я не могу курить?

Онъ сердито посмотрѣлъ на нее сверху внизъ.

— Зачѣмъ женщинамъ создавать себѣ новыя потребности—новое рабство,—требующія денегъ?

Щеки ея загорѣлись румянцемъ.

— А почему бы имъ не дѣлать этого? Идите и проповѣдуйте своему полу.

— Нехорошо!—Онъ пожалъ плечами.—Предполагается, что у женщинъ больше совѣсти, а особенно у *либеральныхъ* женщинъ,—прибавилъ онъ медленно, скользя въ то же время взглядомъ по ея платью.

— Скажите, пожалуйста, почему же это либеральныя женщины должны болѣе стремиться къ аскетизму, чѣмъ всякія другія?—спросила она спокойнымъ тономъ.

— Почему?—Голосъ его зазвучалъ громко и твердо.—Потому что есть тысячи людей въ нашей странѣ, погибающихъ отъ недостатка пищи и одежды, и обязанность либераловъ привести ихъ въ дома другихъ тысячъ.

Артуръ прервалъ его съ неудовольствіемъ:

— Удержи же, наконецъ, свой языкъ, Корри! ты говоришь невозможныя вещи!

Молодой человѣкъ сидѣлъ въ это время такъ, что могъ вполнѣ любоваться плѣнительнымъ граціознымъ образомъ миссъ Гленуилльямъ.

Кoристонъ оглянулся вокругъ и вдругъ преобразился. Сердитое выраженіе лица исчезло и замѣнилось сіяющимъ и добродушно-насмѣшливымъ.

— Смотри, Артуръ, ты сдѣлался теперь денежнымъ мѣшкомъ, потому тебѣ и непріятно слышать такіе разговоры. Разсказалъ онъ вамъ, что случилось?

Онъ обратился съ послѣднимъ вопросомъ къ миссъ Гленуильямъ, указывая ей пальцемъ на брата.

Дѣвушка смотрѣла смущенно и Артуръ снова пришелъ ей на помощь.

— Мы не имѣемъ права обсуждать наши семейныя дѣла въ присутствіи постороннихъ, Корри. Я ужь просилъ тебя объ этомъ, когда мы ѣхали сюда.

— Но вѣдь они такъ интересны,—холодно возразилъ Кoристонъ, садясь возлѣ Маріонъ. — Здѣсь всѣ ими интерес-

суются. Да для чего же я и поселился въ Натчетѣ, какъ не для того, чтобы разгласить всѣмъ о томъ, что сдѣлала наша дорогая матушка?

— Всѣмъ было бы гораздо пріятнѣе, еслибы ты не селился въ Натчетѣ,—сердито сказалъ Артуръ.

— Ты смотришь на меня, какъ на заразу? Возможно, что я ею и буду. Для этого у меня ужь достаточно подготовлена почва здѣсь,—медленно прибавилъ Користонъ. Его глаза утратили въ это время свое обычное безпокойное выраженіе и мечтательно остановились на долинѣ внизу.

Докторъ Эзерстонъ услыхалъ послѣднія слова, выходя изъ кабинета. Онъ поздоровался съ новыми гостями и съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовалъ Користона. Но тотчасъ же, послѣ необходимыхъ взаимныхъ привѣтствій, воцарилась та напряженная атмосфера, которая была неизбѣжна при встрѣчѣ людей, столь чуждыхъ другъ другу. Артуръ, тори и послѣдователь убѣжденій своей матери, не могъ быть на мѣстѣ среди представителей оппозиціи, какими являлись хозяинъ дома и Користонъ старшій. Къ тому же всѣ присутствующіе прекрасно знали и чувствовали, что Артуръ здѣсь только для того, чтобы видѣть лишній разъ миссъ Гленуилльямъ. Всѣ эти соображенія не помѣшали Эзерстону сохранить любезный и привѣтливый видъ радушнаго хозяина, но Артуръ сразу потерялъ почву изъ-подъ ногъ. Эзерстона, котораго онъ почти не зналъ и только по слухамъ считалъ за опаснѣйшаго агитатора, онъ привѣтствовалъ съ холоднымъ и непринужденнымъ достоинствомъ благовоспитаннаго человѣка его круга. У него были наготовѣ обычныя свѣтскія фразы о погодѣ или новостяхъ, съ которыми онъ вступилъ въ разговоръ, но это нисколько не облегчило его положенія. Влеченіе къ любимой дѣвушкѣ приковывало его здѣсь, сознаніе ея близости волновало его. А она наблюдала за нимъ съ скрытой, но сочувственной улыбкой, пока, наконенъ, не сочла нужнымъ выручить его.

— Здѣсь немного жарко, Маріонъ, — сказала она, поднимаясь.—Успѣю я до чая показать мистеру Користону садъ и видъ съ лѣсной тропинки?

Маріонъ отвѣтила утвердительно и высокія стройныя фигуры Энидъ и Артура направились черезъ небольшую лужайку къ лѣсу и скоро скрылись за холмомъ.

— Удастся ей окрутить его?—спросилъ лордъ Користонъ Маріонъ, смотря вслѣдъ удалявшимся молодымъ людямъ. Откровенный и неожиданный вопросъ смутилъ Маріонъ. Она засмѣялась и покраснѣла.

— Я объ этомъ не думала.

— Дѣло очень осложнится, если такъ будетъ,—продол-

жалъ Користонъ, поглаживая колѣни, съ веселымъ лукавствомъ въ глазахъ.—Бѣдной матушкѣ придется писать новое завѣщаніе. Много хлопотъ будетъ для юристовъ.

— Вѣдь она никогда не примирится съ такимъ бракомъ?—спросилъ Эзерстонъ.—А между тѣмъ развѣ не бываетъ браковъ между радикалами и тори? До такой непримиримости дѣло еще не дошло.

— Нѣтъ еще, но дойдетъ! — Користонъ энергично ударилъ по столу кулакомъ. — И, именно женщины, подобныя моей матери, ускоряютъ этотъ процессъ. Онѣ хотятъ видѣть страну раздѣленной на два враждебные лагеря—хотятъ видѣть битву—кровь и насиліе! И, конечно, къ тому же идете и вы!—закончилъ онъ торжествующимъ, страстнымъ тономъ, близко придвинувъ возбужденное лицо къ лицу Эзерстона.

Докторъ слегка отодвинулся назадъ.

— Я хочу, чтобы политика была не только на словахъ, если вы это подразумѣваете,—проговорилъ онъ холодно.—Но мирные пріемы демократіи вполнѣ удовлетворяютъ меня. Такъ. А теперь, вотъ что, лордъ Користонъ. Вы сказали, что за нѣсколько недѣль вашего пребыванія здѣсь, вы успѣли уже подготовить почву. Скажите пожалуйста, какого рода эта почва.

Користонъ посмотрѣлъ на спрашивающаго пристальнымъ и нѣсколько страннымъ взглядомъ.

— Да, я веду свою игру одинаково и противъ либераловъ, и противъ тори. Не вижу основанія дѣлать выборъ между вами! Такъ слушайте.—Онъ говорилъ, загибая палецъ за пальцемъ.—Мать не дала баптистамъ земли для постройки молельни. Населеніе состоитъ наполовину изъ баптистовъ. Каждую недѣлю мы устраиваемъ митинги, каждую недѣлю посылаемъ ей резолюціи, которыя она бросаетъ въ корзину. Въ одно изъ воскресеній баптисты раскинули палатку на общественной землѣ, недалеко отъ входа въ паркъ, и пѣли гимны, когда она шла въ церковь. Это номеръ первый. Номеръ второй. Мать приказала Пэджу—ея управляющему — выселить веселаго добраго парня Прейса, кузнеца, за распространеніе по деревнямъ листковъ либераловъ. Конечно, были выставлены другія причины, но на самомъ дѣлѣ была только эта. Два или три дня я караулилъ домъ Прейса—не помогло. Теперь я устроилъ ему кузницу съ горномъ, печью и всѣми инструментами у себя въ Натчетѣ. Кромѣ того, мы сдѣлали его агентомъ либеральной партіи. И онъ уже началъ дѣйствовать. Это номеръ второй. Номеръ третій. Ну, это дѣло касается охоты, объ немъ не стоитъ много разсказывать. Мы предупредили ихъ, что будемъ убивать всѣхъ

лисицъ, какія намъ будутъ попадаться. Скверныя твари достаточно нагло тались цыплятъ за послѣдній годъ! Это не важно, во всякомъ случаѣ. Номеръ четвертый... Ага! Онъ потеръ руки.—Я дошелъ до стараго лицемѣра Буртона изъ Матовера...

— Буртонъ! Одинъ изъ лучшихъ людей у насъ!—вскричалъ Эзерстонъ съ негодованіемъ. — Вы ошибаетесь, лордъ Користонъ!

— Я?—отвѣтилъ Користонъ съ такимъ же негодованіемъ.— Ни крошечки! Говорить о либерализмѣ на каждомъ митингѣ и дѣлать подобныя вещи... Слушайте! Онъ отнялъ у мужа и жены Потиферовъ, которые служатъ теперь у меня, и домъ, и землю. И, какъ вы думаете, за что? За то, что *мужъ вотировалъ за Артура*! Почему онъ не смѣлъ подать своего голоса за Артура? Артуръ ласкалъ его ребенка. Безъ сомнѣнія, онъ подалъ голосъ за него. Онъ думаетъ, что Артуръ „прекрасный, добрый джентльменъ“, такъ сказала мнѣ его жена. Почему ему не дать голоса за Артура? Нико му не нужно цѣловать ребенка Буртона. Чертъ его побери! Знаете, подобнымъ продѣлкамъ надо положить конецъ!

Користонъ былъ все время въ движеніи и съ гнѣвомъ поворачивалъ во всѣ стороны свое маленькое лицо съ горящими глазами. Эзерстонъ, молча, наблюдалъ за нимъ. Странное водвореніе лишеннаго наслѣдства сына лэди Користонъ— соціалиста и революціонера — въ центрѣ користоновскихъ помѣстій, на глазахъ у матери, было, въ концѣ концовъ, и для сосѣднихъ демократовъ совсѣмъ не такъ выгодно, какъ они ожидали. Человѣкъ слишкомъ ужь странный и неуравновѣшенный.

— Погодите минутку! Мнѣ кажется, что нѣкоторыя ваши заключенія слишкомъ поспѣшны, лордъ Користонъ. Кромѣ того, я думаю, въ нашихъ мѣстахъ найдется кое что, болѣе заслуживающее вашего вниманія. Ходдонъ-Грей, напримѣръ...

Користонъ всплеснулъ руками.

— Ньюбёри! Святые ангелы на нашей грѣшной землѣ! Такъ вѣдь? Церкви, школы и благоустроенныя деревни! Образцовые мальчики и святыя дѣвочки. Всѣ поютъ на хорахъ, всѣ участвуютъ въ братствахъ и носятъ знамена. Когда я вижу кого-нибудь изъ Ньюбёри, то мнѣ кажется, что я приближаюсь къ небу. И однако я знаю одну очень хорошенькую исторію изъ жизни этихъ святыхъ. Хуже этого я ничего еще здѣсь не видѣлъ. Вы, вѣроятно, знаете уже, о чемъ я говорю? Беттсъ и его жена!

Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ испытующими, блестящими глазами сначала на Эзерстона, потомъ на Маріонъ.

Эзерстонъ утвердительно кивнулъ головой. И онъ, и дочь знали исторію, о которой говорилъ Користонъ. По сосѣдству давно уже шли пересуды и разговоры о разведенной женѣ, съ одной стороны, и о непреклонныхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ семейства Ньюбѣри, съ другой. Мнѣнія раздѣлялись, но большинство все-таки осуждало Ньюбѣри и въ особенности Эдварда, который проявлялъ здѣсь наибольшую жестокость, какъ увѣряли многіе. Користонъ сѣлъ возлѣ доктора и его дочери и со свойственной ему горячностью говорилъ о Ньюбѣри и Беттсѣ.

— Религіозные тираны—худшіе изъ всѣхъ тирановъ,— говорилъ онъ. Маріонъ мало принимала участія въ разговорѣ. Она внимательно слушала, но не высказывала своего мнѣнія. Докторъ горячился на этотъ разъ не менѣе Користона.

— Матери очень по душѣ Эдвардъ Ньюбѣри,—отрывисто говорилъ Користонъ. — Сестра его любитъ. Вѣроятно, онъ будетъ ея мужемъ. Но прежде Марція должна узнать эту исторію.

Маріонъ посмотрѣла съ грустью и смущеніемъ.

— У него много здѣсь друзей, — сказала она тихо.— Многіе очень любятъ его.

— Что это доказываетъ?—вскричалъ Користонъ.—Посмотрите-ка сюда.—Онъ положилъ оба локтя на столъ и пристально смотрѣлъ въ добрые, смущенные глаза Маріонъ.— Вы не согласны со мной?

— Я не знаю еще, согласна или нѣтъ. Вѣдь мы слышимъ со всѣхъ сторонъ разные разговоры.

— Но вы не можете,—сказалъ онъ съ энергіей — вы не можете не согласиться со мной!—Затѣмъ прибавилъ послѣ нѣкотораго молчанія:—Знаете, вѣдь я объ васъ очень много слышалъ въ здѣшнихъ деревняхъ, миссъ Эзерстонъ.

Маріонъ сильно покраснѣла, затѣмъ засмѣялась.

— Не могу себѣ представить, что можно говорить обо мнѣ.

— Вы прекрасно знаете что. Въ сущности, я ненавижу благотворительность. Я называю это подачкой съ барскаго стола. Но то, что вы дѣлаете, я понимаю. И, если къ вамъ придетъ когда-нибудь человѣкъ, у котораго не будетъ угла, но будетъ пара сильныхъ рукъ и порядочная голова на плечахъ, пришлите его ко мнѣ. Хорошо?

Маріонъ съ улыбкой поблагодарила его.

Користонъ всталъ.

— Я долженъ идти. Артура не буду ждать. Ему все равно не до меня. Но... мнѣ хотѣлось бы почаще бывать здѣсь, миссъ Эзерстонъ, и почаще говорить съ вами. Меня

нисколько не удивитъ, если я буду больше соглашаться съ вами, чѣмъ съ вашимъ отцомъ. Имѣете вы что-нибудь противъ этого?

Онъ стоялъ, облокотившись на спинку стула, и смотрѣлъ на нее съ особенной, свойственной только ему простотой. Она улыбалась въ отвѣтъ.

— Конечно, ничего. Приходите, когда захочется.

Онъ кивнулъ головой и, не сказавъ больше ничего на прощаніе, не попросивъ передать привѣтъ ея отцу, который былъ уже снова за письменнымъ столомъ, насвистывая, зашагалъ по дорожкамъ сада.

Маріонъ осталась одна. По ея лицу, лицу тридцатипятилѣтней женщины, скользило выраженіе нѣжности и недоумѣнія, щеки розовѣли легкимъ румянцемъ. Всего въ четвертый или въ пятый разъ встрѣчалась она съ Користономъ и каждый разъ они понимали другъ друга нѣсколько больше. Она отгоняла безумныя мысли. Но жизнь казалась ей интереснѣе, чѣмъ прежде.

Вскорѣ послѣ того, какъ ушелъ Користонъ, изъ лѣсу показались, наконецъ, миссъ Гленуилльямъ и Артуръ. Чай былъ уже приготовленъ на столѣ въ саду и они подошли къ нему. Маріонъ старалась не проявить своего любопытства.

Было ясно, что Артуръ не въ такомъ настроеніи, чтобы поддерживать обыкновенный разговоръ. Онъ отказался отъ предложенной ему чашки и скоро распрощался. Энидъ снова растянулась на длинномъ стулѣ, а Маріонъ и докторъ сѣли около нея. У нея былъ очень возбужденный видъ, очевидно, послѣ разговора въ лѣсу. Но, и оставшись вдвоемъ съ Маріонъ, она долгое время ничего не разсказывала ей.

— Я не думаю, чтобы я могла, Маріонъ, не думаю, чтобы *могла*!

— Что могла?

— Выйти за этого человѣка, дорогая!—Она наклонилась впередъ и взяла за руку Маріонъ. — Знаете ли, о комъ я думала все время, пока онъ говорилъ? И, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ очень милый и я очень люблю его. Но я думала все время о моемъ отцѣ!

Она гордо откинула назадъ голову. Маріонъ смотрѣла на нее и не понимала.

— Все время думала объ отцѣ,—повторила Энидъ.—Мой отецъ—величайшій человѣкъ изъ всѣхъ, кого я знаю. И я не только его дочь, я его другъ. У него никого нѣтъ, кромѣ меня, съ тѣхъ поръ, какъ умерла мать. Онъ говоритъ со мной обо всемъ и я понимаю его. Какъ я могу выйти замужъ за

такого человѣка, какъ Артуръ, имѣя такого отца? Но онъ трогаетъ меня. И мнѣ захочется же когда-нибудь имѣть свой домъ, дѣтей... жить, какъ другіе люди. А у него будутъ деньги... Если только мать не отниметъ у него все за женитьбу на мнѣ! Извѣстное имя и положеніе... Я все понимаю. Все это страшно привлекаетъ меня. Я не способна къ аскетической жизни, Користонъ совершенно вѣрно угадалъ. Но, когда я подумаю, что могу уйти отъ отца къ этому человѣку, отъ идей отца къ идеямъ Артура, мнѣ кажется, что кто-то толкаетъ меня въ темный погребъ и закрываетъ выходъ камнемъ. Я разбила бы себѣ голову объ стѣну, еслибы не могла выйти оттуда! Я сказала ему, что должна подумать, но думать буду очень долго.

— Не было это жестоко? — ласково спросила Маріонъ

— Мнѣ кажется, ему было все-таки легче выслушать это, чѣмъ окончательный отказъ,—смѣясь, сказала дѣвушка.— Маріонъ, вы не знаете и никто, кромѣ меня, не знаетъ, что за человѣкъ мой отецъ!

Она сидѣла выпрямившись, разсѣянно смотрѣла на долину, и жестокое выраженіе холодныхъ, насмѣшливыхъ глазъ замѣнялось по временамъ выраженіемъ страстной нѣжности. И Маріонъ казалось, что суровая мощная фигура канцлера распростерлась надъ ними, такъ же, какъ распростиралась она въ настоящее время надъ политическимъ горизонтомъ Англіи.

V.

Деревенское мѣстопребываніе лэди Користонъ не было такъ мрачно, какъ ея лондонская квартира. Передъ окнами развертывалась восхитительная панорама зеленыхъ лужаекъ и склоновъ, съ главной садовой аллеей посрединѣ, украшенной бѣлыми статуями и ведущей къ извилистому озеру. Только Користонъ не любилъ все это и особенно возмущался статуями. Подъ сердитую руку онъ издѣвался надъ ними, надѣляя ихъ фригійскими колпаками, трубками, усами и всякими другими неподходящими украшеніями. Посѣтители всегда любовались и красивымъ садомъ, и домомъ, залитымъ солнцемъ и свѣтомъ. Въ этотъ годъ Марція обила по своему вкусу мебель и комната лэди Користонъ смотрѣла веселѣе и уютнѣе, чѣмъ прежде. Фотографіи на столѣ у камина напоминали о времени, когда собственница комнаты была молодой матерью, съ гордостью окружавшей себя изображеніями своихъ прелестныхъ дѣтей. Здѣсь были девятилѣтній Користонъ, гордо красующійся верхомъ на пони, мечтательно улыбающійся семилѣтній Джемсъ и Артуръ, съ любовью прижимающій къ себѣ

лопатку. Ротъ Артура былъ неестественно сжатъ, очевидно, поспѣшно закрытъ по приказанію. Марція, маленькая „Красная шапочка“ — на что-то надулась, какъ будто только что кончила ссориться съ няней и не прочь возобновить ссору.

Лэди Користонъ вошла въ комнату. Она принесла цѣлую груду писемъ и положила ихъ на письменный столъ. Затѣмъ, подойдя къ одному изъ открытыхъ оконъ, она машинально оперлась длинной рукой, въ лѣтней полуперчаткѣ, о столъ съ фотографіями и стояла такъ, властная и суровая. По обыкновенію, она была въ черномъ платьѣ, украшенномъ только серебрянымъ, чеканнымъ кушакомъ, подаркомъ мужа въ первый годъ супружества. Яркое солнце освѣщало ея высокую, тонкую, плоскую, похожую на мужскую, фигуру и строгое лицо. Но мысли ея въ эту минуту не были спокойны и не соотвѣтствовали положенію самодержавной госпожи громадныхъ владѣній.

Она думала о Користонѣ. И Користонъ позаботился, чтобы ей было о чемъ подумать. Конечно, она ждала непріятностей, но они превзошли ея ожиданія. Какъ женщина и мать, она все-таки расчитывала на иное отношеніе. Користонъ могъ угрожать въ состояніи озлобленія, но можно было думать, что онъ не приведетъ въ исполненіе этихъ угрозъ, когда успокоится.

Однако тотчасъ же по пріѣздѣ въ помѣстье лэди Користонъ увидѣла, какъ все измѣнилось здѣсь; всѣ, живущіе по сосѣдству, находились въ какомъ-то страшномъ броженіи. Колебались или уже исчезли многія пріятныя иллюзіи, подъ защитою которыхъ она провела здѣсь столько спокойныхъ лѣтъ и при жизни мужа, и послѣ его смерти. Для нея, напримѣръ, было неоспоримой истиной, что Користоны образцовые помѣщики, пользующіеся преданностью своихъ фермеровъ и рабочихъ, и на этой истинѣ покоилась вся ея прошлая жизнь. Она глубоко презирала людей, проматывающихъ свои имѣнья и вытягивающихъ послѣдній фартингъ у фермеровъ. Не симпатизировала она также и хозяевамъ жалкихъ, неблагоустроенныхъ фермъ и коттэджей, будучи вполнѣ увѣрена, что въ ея владѣніяхъ такихъ нѣтъ. И теперь ея же сынъ водворился въ центрѣ этихъ самыхъ владѣній, не въ качествѣ друга и поддержки, а какъ злѣйшій врагъ и строжайшій критикъ. Онъ всюду совалъ свой носъ, вмѣшивался во всѣ дѣла служащихъ, во всеуслышаніе проповѣдывалъ соціализмъ рабочимъ и фермерамъ, подстрекалъ диссентеровъ къ такимъ выходкамъ, какую, напримѣръ, позволили себѣ баптисты въ прошлое воскресенье у воротъ ея парка. Отыскивая плохіе хутора, о существованіи которыхъ никто не подозрѣвалъ, онъ всюду кричалъ

о нихъ, вообше подвергалъ имя матери постояннымъ пересудамъ и порицаніямъ. Лэди Користонъ была искренно увѣрена, что не заслужила этихъ порицаній, глубоко негодовала и чувствовала себя несправедливо оскорбляемой.

Такова была „игра" Користона, о которой онъ ее предупреждалъ. Какъ должна она отнестись къ этому? Конечно, съ твердостью и достоинствомъ. Въ томъ, что у нея хватитъ твердости, она была увѣрена, но за сохраненіе своего достоинства начинала опасаться.

Лэди Користонъ привыкла отдавать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. И только въ дѣло о завѣщаніи не позволяла она вмѣшиваться своей совѣсти, хотя та возмущалась повременамъ и горько упрекала ее. Иногда эти упреки заставляли ее задумываться и углубляться въ прошлое, чтобы тамъ найти себѣ оправданіе или обвиненіе. Такъ было и теперь, когда она размышляла, стоя у окна, о поступкахъ сына. Какъ это случилось, что шагъ за шагомъ, годъ за годомъ, портились ихъ отношенія, пока дошли, наконецъ, до полной враждебности! Кто началъ это? Неужели здѣсь виновата только она?

Прежде всего, какъ произошло, что ни мать, ни отецъ никогда не имѣли никакого вліянія на вѣчно мятущійся духъ сына? Еще въ раннемъ дѣтствѣ, когда Користонъ былъ въ полной власти родителей, которые могли прощать и наказывать, имъ никогда не удавалось смирить его. До сихъ поръ лэди Користонъ не могла безъ боли вспомнить о борьбѣ съ сыномъ и въ школѣ, и дома.

Былъ, напримѣръ, такой случай, что Корри возненавидѣлъ директора начальной школы, въ которой учился. Упорно отказываясь объяснить причину ненависти, онъ просилъ только взять его изъ школы. Родители поддерживали авторитетъ директора и не хотѣли потворствовать мальчику, который былъ строго наказанъ. Вслѣдствіе нервнаго потрясенія Корри заболѣлъ и вернулся домой блѣдный, молчаливый и ожесточенный. Она до сихъ поръ содрогалась отъ воспоминанія о томъ, какъ онъ никому не позволялъ ухаживать за собой, кромѣ стараго слуги въ Користонъ-Плацѣ, и какъ потомъ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль едва разговаривалъ съ отцомъ и съ нею. Впослѣдствіи узнали о возмутительно жестокомъ отношеніи къ нему директора, отецъ сознался въ своей винѣ и Корри согласился простить его и мать.

Затѣмъ, въ Кэмбриджѣ, Корри вступился за одного изъ товарищей, котораго хотѣли исключить, по его мнѣнію, несправедливо. Бурное столкновеніе съ начальствомъ повело къ безпорядкамъ въ школѣ и результатомъ всего было,

конечно, исключеніе самого Користона вмѣстѣ съ товарищемъ. Снова и отецъ, и она отнеслись съ рѣзкимъ порицаніемъ къ его поступку, отказываясь выслушать его объясненія и не давая ему возможности оправдаться. Она еще не забыла страннаго, враждебнаго взгляда, брошеннаго на нее тогда Корри... „Ничего не жду отъ тебя!"—ясно прочла она въ этомъ взглядѣ. Ей казалось, что она и теперь еще слышала стукъ захлопнувшейся за нимъ двери, когда онъ уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться три года.

Но, наряду съ этими гнетущими душу воспоминаніями, возникали въ мозгу и другія, тоже относящіяся къ тому времени, когда Корри былъ еще въ Кэмбриджѣ. У нея умеръ старикъ отецъ, къ которому она была сильно привязана. Совершенно разбитая горемъ, вернулась она послѣ похоронъ и была встрѣчена Користономъ, съ глубокой нѣжностью обнявшимъ и поцѣловавшимъ ее. Нѣсколько недѣль послѣ того не могла она придти въ себя и чувствовала полную разслабленность. Мужъ и старшій сынъ окружали ее нѣжной, заботливостью, полной любви. Воспоминанія объ этихъ счастливыхъ дняхъ были отравлены воспоминаніями о жестокихъ ссорахъ, которыя снова начались потомъ. Но въ тѣ дни ей было хорошо. Что-то судорожно сжалось у нея въ горлѣ и сейчасъ, когда она стояла у окна наединѣ съ своими мыслями, но она тотчасъ же подавила это. Было уже слишкомъ поздно надѣяться на возможность перемѣны въ отношеніяхъ съ Корри.

Что же касается сцены, которая произошла въ гостиной лондонскаго дома, когда Користонъ пріѣхалъ послѣ смерти отца и прочелъ завѣщаніе, то она уже ожидала ея и была къ ней подготовлена. И все-таки дѣйствительность превзошла ожиданія. Корри, очевидно, много работалъ надъ собой. Его гнѣвъ не выражался такъ бурно, какъ прежде, онъ говорилъ холодно и спокойно, но его слова раскаленнымъ желѣзомъ врѣзывались въ ея душу. Рѣзко и опредѣленно обрисовалъ онъ сущность ихъ отношеній, еще съ его дѣтства. Съ презрѣніемъ высмѣивалъ ея „убѣжденія", обвинялъ ее въ властолюбіи, въ стремленіи къ власти, безграничной и несправедливой. Отъ этого, по его мнѣнію, произошли всѣ несчастія въ ихъ семьѣ. Онъ говорилъ все это въ немногихъ словахъ, но онъ хорошо понималъ смыслъ каждаго изъ нихъ. „Вы отказались быть обыкновенной женщиной, не имѣя достаточно ни ума, ни знаній, чтобы быть выдающейся. Вы отдали всю себя политикѣ, совершенно не понимая политическихъ задачъ. Вы разрушили свою и нашу жизнь для исключительнаго служенія интеллекту и это дастъ вамъ только горе и одиночество въ концѣ жизни"

И она все это выслушала и не порвала съ нимъ тогда же. Она искала почву, на которой могло бы произойти соглашеніе, испытывала десятки путей, которые могли бы привести къ улучшенію его положенія, къ возвращенію ему наслѣдства. Еслибы онъ выразилъ малѣйшее желаніе пойти къ ней на встрѣчу, сдѣлать ей незначительную уступку! Но онъ переходилъ отъ одной крайности къ другой, отъ одного оскорбленія къ другому. Наконецъ, она вооружилась всей твердостью и всей силой воли, на какія была способна, чтобы оградить семейныя традиціи и интересы родной страны И на ея сторонѣ была вся правда, въ этомъ она нисколько не сомнѣвалась.

Въ безсознательномъ возбужденіи высунулась она изъ окна и смотрѣла вдаль, на Користоновскія земли, волнистой линіей тянувшіяся до холмовъ на сѣверѣ. Политика! Да вѣдь она этой политикой интересовалась съ дѣтства, была погружена въ нее всю жизнь въ замужествѣ и теперь, можетъ быть, въ послѣдніе годы жизни, ее сжигала страсть къ политикѣ, съ опредѣленнымъ желаніемъ выиграть, побѣдить въ борьбѣ! Не за себя! Въ этомъ она, по крайней мѣрѣ, горячо убѣждала себя. Не за свои личные интересы боролась она, а за Англію, за все, что могло спасти страну отъ паденія, за все, что дѣлало ее великой! Она защищала родину отъ покушеній безумной черни на уничтоженіе высшихъ классовъ, аристократическаго землевладѣнія, церкви, престола. Будучи женщиной, она готовилась бороться съ революціей до послѣдней крайности, ея трупъ могли бы найти подъ стѣнами крѣпости, защищающей старую Англію, ея жизнь и устои.

Глэнуилльямъ! Въ этомъ имени сосредоточилась вся ненависть ея сильной души. Этотъ человѣкъ выдвинулся за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ; онъ пришелъ изъ народа, чтобы осуществить то, что лэди Користонъ называла „революціей". Про него говорили, что онъ самъ прошелъ черезъ руки капиталистовъ, на себѣ испыталъ всю жестокость эксплуататорской власти. Еще молодымъ рудокопомъ, онъ лишился работы за участіе въ забастовкѣ и затѣмъ, съ шапкой въ рукѣ, обошелъ всѣ рудники, тщетно прося принять его. А за нимъ шла голодная жена съ ребенкомъ. Разсказывали, что онъ потерялъ ихъ обоихъ въ это время нужды и лишеній. Независимая, дерзкая дѣвушка, бывшая теперь госпожей въ его домѣ, была его дочь отъ второго брака съ женщиной изъ средняго класса общества. Онъ женился на ней, когда былъ уже въ парламентѣ, и небольшое состояніе, которое она имѣла, послужило основаніемъ его настоящаго политическаго положенія. Это скромное по-

ложеніе создало ему почву для дальнѣйшаго. На ней, при громадномъ демагогическомъ талантѣ, удалось ему выстроить зданіе своей личной независимости и колоссальнаго могущества. Вся Англія, отъ одного конца до другого, была поражена его талантомъ и обѣ главныя партіи одинаково хотѣли его видѣть въ своихъ рядахъ.

— Мы отказались дать ему его цѣну,—говорила обыкновенно лэди Користонъ—а либералы купили его *слишкомъ дорого!*

И онъ требовалъ теперь отъ этой, не имѣющей успѣха партіи—послѣдній фартингъ! Разрушеніе церкви, всеобщая воинская повинность, съ цѣлью, конечно, двинуть армію рабочихъ на состоятельные классы, гоненія на землевладѣльцевъ и преступно тяжелые налоги—вотъ тѣ дьявольскіе доспѣхи, въ которыхъ онъ выступилъ. И противъ всего этого взялась она—слабая женщина—бороться, бороться кровью своего сердца, въ интересахъ родины.

„Должна ли я думать въ такомъ случаѣ о моемъ положеніи въ жизни, объ обязанностяхъ и отвѣтственности, связанныхъ съ нимъ? Столько же, сколько думаетъ обо всемъ этомъ солдатъ во время сраженія! Или я должна уклониться отъ борьбы въ силу того, что я женщина? Женщины такъ же не имѣютъ права оставаться въ сторонѣ, какъ мужчины—отказываться отъ права голоса! Развѣ у насъ нѣтъ глазъ, чтобы видѣть, къ чему все идетъ, и развѣ мы можемъ обманывать себя? Или я должна сдѣлать Користона богатымъ и тѣмъ дать ему возможность бросить Англію на растерзаніе собакамъ? Дать ему то, что онъ ненавидитъ—землю и деньги,—чтобы это пошло на то, что ненавижу я, и что ненавидѣлъ его отецъ? Только потому, что онъ мой сынъ, моя плоть и кровь? Такъ вѣдь онъ самъ презираетъ эти узы, самъ не уважаетъ во мнѣ матери“.

Однако разъ „игра Користона“ уже началась, ей слѣдуетъ предпринимать что-нибудь со своей стороны.

Она сѣла къ письменному столу и начала думать о дѣлахъ и о томъ, что мистеръ Пэджъ долженъ быть у нея въ двѣнадцать часовъ. Конечно, ей могъ бы дать совѣтъ и оказать помощь Артуръ. Теперь онъ свободенъ, такъ какъ палата закрылась на двѣ недѣли. Но онъ былъ какой-то странный въ послѣдніе дни, очень скучный и разсѣянный. Въ субботу онъ опоздалъ къ обѣду, а потомъ не было времени поговорить съ нимъ, особенно, когда собрались гости. Въ воскресенье онъ взялъ моторъ на весь день, чтобы сдѣлать нѣкоторые необходимые визиты. А сегодня уѣхалъ съ самымъ раннимъ поѣздомъ въ Лондонъ, хотя, по ея соображеніямъ, ему нечего было тамъ дѣлать. Видъ у него

былъ какъ будто нездоровый. Можетъ быть, на него вредно вліяетъ скверный воздухъ и плохое освѣщеніе палаты общинъ? Но нужно сказать, что онъ вообще измѣнился съ того времени, какъ узналъ о лишеніи Користона наслѣдства. Противъ ожиданія, она не замѣтила въ немъ чувства торжества или удовлетворенія, которые были бы такъ естественны для молодого человѣка въ его положеніи. Наоборотъ, онъ нѣсколько разъ поднималъ разговоръ объ измѣненіи завѣщанія, которое считалъ смѣшнымъ и недопустимымъ. Ей пришлось, наконецъ, сказать ему совершенно опредѣленно, что она не желаетъ больше обсуждать этотъ вопросъ.

И вдругъ, въ ту самую минуту, когда она обо всемъ этомъ думала, ей стало совершенно ясно, что что-то легло между нею и Артуромъ—Артуромъ, ея любимцемъ, который такъ горячо и искренно отстаивалъ въ парламентѣ принципы отца и ея, который во всю жизнь, до послѣдняго времени, не противорѣчилъ ей ни однимъ словомъ. Чѣмъ больше сосредоточивала она мысли на немъ, тѣмъ сильнѣе ощущала безпокойство. Нѣтъ ли у него какихъ-нибудь денежныхъ затрудненій? Она должна спросить Джемса. Любовь? Она улыбнулась. Немного нашлось бы дѣвушекъ въ Англіи, которыя отказали бы Артуру Користону, каковы бы ни были ихъ требованія. Только бы онъ забросилъ удочку и предоставилъ матери сдѣлать остальное. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, пришло уже время подумать ему о своемъ домѣ, о своей семьѣ. Мужчины всегда безпокоятся, когда задумываютъ жениться, и матери скоро узнаютъ объ этомъ.

Вернувшись мыслями къ письмамъ, которыя лежали передъ ней, лэди Користонъ обратила вниманіе на записку отъ лэди Уилльямъ Ньюбёри, приглашавшей ее и Марцію провести конецъ недѣли въ Ходдонъ-Греѣ. Лэди Користонъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ подумала, что безъ сомнѣнія должна принять приглашеніе. Было ясно, что молодой человѣкъ ухаживаетъ за Марціей. Какъ относится къ этому Марція, она еще не знала. Иногда замѣтно было, что она рада его видѣть, иногда она относилась къ нему съ полнымъ равнодушіемъ. Лэди Користонъ казалось, что гордость Эдварда Ньюбёри сильно страдала отъ этихъ колебаній Марціи. Но кончится это все, безъ сомнѣнія, бракомъ. Марція только испытывала свое могущество на человѣкѣ съ сильной волей, который, въ концѣ концовъ, конечно одержитъ верхъ надъ нею. А разъ будетъ такъ, лэди Користонъ знала, что необходимо пройти черезъ всѣ утомительныя прелиминаріи.

Она поспѣшно написала отвѣтъ, продолжая съ неудовольствіемъ думать о необходимой обязанности матери. Какъ всѣ властныя женщины, она не любила жить въ чужомъ домѣ, гдѣ не могла распредѣлять время по собственному желанію. Ей вспомнился визитъ, который она еще съ мужемъ отдавала лорду и лэди Уилльямъ Ньюбѐри, когда они сняли домъ въ Серреѣ до того, какъ получили въ наслѣдство Ходдонъ-Грей. Марція была тогда еще въ школѣ. Никогда во всю жизнь не приходилось лэди Користонъ такъ стѣснять себя, какъ въ этотъ разъ. Заведенный въ домѣ порядокъ казался ей невыносимымъ. Она сама была очень религіозна и склонна къ строгому выполненію обрядовъ, но не тогда, когда это являлось принудительнымъ. Причинять же другимъ столько хлопотъ и безпокойствъ своей религіозностью казалось ей неприличнымъ и безсмысленнымъ. Съ нѣкоторымъ чувствомъ удовлетворенія вспоминала она даже и теперь, какъ нарушила однажды строгій этикетъ въ домѣ Ньюбѐри. Привыкнувъ дома завтракать въ половинѣ девятаго и затѣмъ уже идти въ церковь, она спросила и тутъ завтракъ въ свою комнату вмѣсто того, чтобы присутствовать на воскресномъ богослуженіи вмѣстѣ съ хозяиномъ и хозяйкой. Изумленный взглядъ лэди Уилльямъ, которымъ та встрѣтила ее потомъ въ общей столовой, доставилъ ей тогда только удовольствіе. Да, теперь предстоитъ опять то же самое, но это нужно для пользы Марціи. Она не задавала себѣ вопроса о томъ, насколько по душѣ придется эта семейная и домашняя атмосфера дочери. Когда дѣло шло о происхожденіи и деньгахъ, ничто другое не должно было приниматься во вниманіе. Теперь лэди Користонъ хотѣла только одного—пройти возможно скорѣе черезъ все, что мѣшало болѣе важнымъ дѣламъ. Она любила Марцію, но мысли о ней не задѣвали ее глубоко.

Какъ бы то ни было, любезный отвѣтъ на приглашеніе былъ уже написанъ и запечатанъ въ конвертъ, когда въ дверь постучались. Въ комнату вошелъ главный управляющій имѣніемъ, мистеръ Пэджъ.

Въ глазахъ лэди Користонъ мистеръ Пэджъ былъ королемъ управляющихъ. До сего времени она довѣряла ему во всемъ и пользовалась его совѣтами больше, чѣмъ позволила бы ей ея гордость при другихъ обстоятельствахъ. Особенно она была благодарна ему въ послѣднее время за то, что онъ сумѣлъ собрать ей большую сумму съ Користоновскихъ владѣній для ея политическихъ цѣлей. Немногіе въ государствѣ поддерживали такъ щедро партійную кассу, какъ лэди Користонъ. Время выборовъ требо-

вало исключительныхъ усилій и экономія мистера Пэджа облегчала ей ихъ. Она привѣтствовала его особенно милой и любезной улыбкой, вспомнивъ, можетъ быть, о благодарственномъ письмѣ, которое она только что получила отъ главной квартиры партіи.

Управляющій былъ еще нестарый человѣкъ, лѣтъ сорока съ небольшимъ, наклонный къ полнотѣ, съ красноватымъ, добродушнымъ лицомъ, съ нѣсколько вкрадчивыми манерами человѣка, желающаго заслужить довѣріе хозяина. Онъ былъ олицетвореніемъ скромности и лэди Користонъ никогда не замѣчала въ немъ противорѣчія съ убѣжденіями религіозными или политическими, которыхъ она требовала отъ окружающихъ ее людей. Жена его давно уже умерла и двѣ его дѣвочки въ дѣтствѣ приходили играть съ Марціей.

Отъ проницательнаго взора лэди Користонъ не укрылось, что мистеръ Пэджъ былъ чѣмъ-то разстроенъ и взволнованъ. Конечно, она должна была этого ожидать. Она сама была и разстроена, и взволнована. Но, можетъ быть, у нея мелькала все-таки надежда, что онъ разувѣритъ ее, освѣтивъ факты съ иной стороны.

Ничего подобнаго онъ не сдѣлалъ. Наоборотъ, его впечатлѣніе отъ встрѣчи съ самимъ лордомъ Користономъ на деревенской улицѣ, у входа въ паркъ, было, повидимому, весьма непріятно. Онъ тотчасъ же приступилъ къ объясненію.

— Боюсь, лэди Користонъ, что намъ готовится здѣсь большая непріятность.

— Но вы предотвратите ее,—сказала она твердо.—Намъ удавалось предовращать прежде—вамъ и мнѣ вдвоемъ.

Онъ покачалъ головой.

— Большая разница между тѣмъ, что было раньше, и что есть теперь.

— Это потому, что Користонъ мой сынъ? Потому, что на него привыкли смотрѣть, какъ на наслѣдника всѣхъ помѣстій? Вѣроятно, это дѣлаетъ разницу?—спросила она съ неудовольствіемъ.—Но вѣдь его поступки скоро внушатъ отвращеніе людямъ, скоро они сами отвернутся отъ него!

Пэджъ смотрѣлъ на ея блѣдный профиль, съ характерными впадинами на щекахъ и вискахъ, выдѣлявшійся тонкимъ силуэтомъ на бѣлыхъ обояхъ комнаты и напоминавшій ястребиные профили эпохи Возрожденія. При всемъ почтеніи, которое онъ всегда чувствовалъ къ ней, она казалась ему порой безумной женщиной. Зачѣмъ обострила она отношенія до такой степени?

Не теряя времени, онъ началъ посвящать ее во всѣ дѣла, причинившія ему столько тревогъ и огорченій. Ма-

лѣйшія искры неудовольствія, можетъ быть, и тлѣвшія до сихъ поръ гдѣ-то въ скрытыхъ углахъ, вспыхнули при содѣйствіи лорда Користона. Въ настоящее время онъ занялся образованіемъ союза рабочихъ и вооруженіемъ фермеровъ. Онъ возбудилъ въ диссентерахъ протестъ противъ церковной школы въ помѣстьѣ, грозилъ заняться изслѣдованіемъ состоянія нѣкоторыхъ коттэджей во владѣніяхъ матери...

Лэди Користонъ съ безпокойствомъ перебила его.

— Я думала, мистеръ Пэджъ, что на моей землѣ нѣтъ коттэджей, не удовлетворяющихъ санитарнымъ требованіямъ.

Пэджъ запнулся и закашлялся. У него не хватило мужества сказать, что помѣстье неизбѣжно должно страдать, если резервный капиталъ его тратится на постороннія дѣла. Онъ доставлялъ лэди Користонъ большія суммы на партійную борьбу, но безуміемъ было требовать отъ него еще и постройки новыхъ коттэджей и вообще какихъ-либо усовершенствованій въ хозяйствѣ.

— Я дѣлалъ, что могъ,—торопливо сказалъ онъ.—Нѣкоторыя мои распоряженія еще не приведены въ исполненіе.

— Слѣдовательно, сыну посчастливилось застать насъ врасплохъ,—сказала лэди Користонъ, поморщившись.

Управляющій промолчалъ на замѣчаніе. Потомъ онъ освѣдомился, продолжаетъ ли ея милость настаивать на отказѣ баптистамъ въ землѣ для молельни.

— Разумѣется! Пасторъ, котораго они предполагаютъ поставить, очень дурной человѣкъ. Я вовсе не желаю способствовать распространенію его вліянія.

Пэджъ согласился, хотя и былъ увѣренъ, что лучше было бы отдѣлаться небольшимъ клочкомъ земли, чтобы заставить угомониться гнѣздо шершней. Но ему никогда не приходило въ голову возражать лэди Користонъ.

— Я употребилъ всѣ усилія, чтобы предупредить безобразія, которыя происходили здѣсь въ воскресенье,—сказалъ онъ.—Но все было напрасно. За баптистами шла большая толпа народа, хотя и на нѣкоторомъ разстояніи. Настоящая политическая демонстрація!

— Безъ сомнѣнія. Но меня они этимъ не запугаютъ,—твердо сказала лэди Користонъ.

Въ глубинѣ души управляющій допустилъ нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, чтобы такое усердное вмѣшательство женщины въ политику могло повести къ чему-либо доброму. Но, конечно, онъ не рѣшился высказать своего мнѣнія.

— Мнѣ было очень досадно,—продолжалъ онъ—что лордъ Користонъ самъ говорилъ съ ними въ воскресеніе. Я осмѣ-

лился сказать ему объ этомъ сегодня, когда мы встрѣтились въ деревнѣ.

Лэди Користонъ словно застыла на мѣстѣ.

— Возражалъ онъ вамъ что-нибудь?

— Очень горячо. И мнѣ было поручено сказать вамъ, что, съ вашего позволенія, онъ будетъ у васъ сегодня по дѣлу.

— Мой домъ всегда открытъ для сына,—спокойно сказала лэди Користонъ. Но Пэджъ замѣтилъ колебаніе и борьбу, которыя она пыталась скрыть.

— Еще о кузнецѣ изъ Линга, котораго онъ поселилъ у себя въ Натчеттѣ. Этотъ человѣкъ способенъ произвести здѣсь настоящій пожаръ! Онъ разбрасываетъ по всей округѣ соціалистическія воззванія, возбуждаетъ ссоры между родителями и школьными учителями изъ-за малѣйшаго наказанія учениковъ. И дѣлаетъ все это на вполнѣ законной почвѣ, не нарушая порядка. Затѣмъ онъ вербуетъ членовъ для новой земельной лиги мистера Гленуилльяма, словомъ, подрываетъ всѣ основы здѣшняго уклада. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, лэди Користонъ. И я не ручаюсь за ближайшіе выборы, если лордъ Користонъ будетъ продолжать дѣйствовать здѣсь такимъ образомъ!

Лэди Користонъ нахмурилась. Она не привыкла къ такому пессимистическому тону со стороны управляющаго, а напоминаніе ей о ея злѣйшемъ врагѣ—Гленуилльямѣ—звучало для нея только вызовомъ. Не безъ сухости въ тонѣ, начала она совѣтовать управляющему запастись большей энергіей, быть всегда насторожѣ и, главное, не отчаиваться. Пэджъ слишкомъ хорошо зналъ лэди Користонъ, чтобы не сумѣть быстро освоиться съ положеніемъ и укрѣпить почву подъ ногами. Онъ замѣтилъ только, что, во всякомъ случаѣ, лордъ Користонъ очень затруднилъ его дѣятельность въ этой мѣстности. Затѣмъ онъ краснорѣчиво описалъ состояніе возбужденія, въ которомъ находились нѣкоторые радикалы фермеры и мелкіе собственники коттэджей. Они открыто вставали на защиту политической свободы и требовали улучшенія условій жизни рабочихъ. Все это поселилъ въ ихъ умахъ лордъ Користонъ за послѣднее время.

Лэди Користонъ смѣялась, но смѣхъ ея скорѣе былъ горькій, чѣмъ веселый. Ея гордость не могла не возмущаться поступками сына, который приравнивалъ ее къ радикальнымъ мельникамъ и лавочникамъ.

— Если на наши коттэджи готовится походъ, то они должны быть немедленно приведены въ порядокъ—съ достоинствомъ сказала она.—Вы, мистеръ Пэджъ — мои глаза и мои уши. Я привыкла довѣрять вамъ во всемъ.

Управляющій принялъ подразумѣвающійся упрекъ съ наружной покорностью, но въ душѣ рѣшилъ на будущее время нѣсколько ограничить расточительность лэди Користонъ.

Длинный разговоръ приближался къ концу и мистеръ Пэджъ замѣтилъ, вставая съ мѣста:

— Вашей милости будетъ очень непріятно узнать, что мистеръ Гленуилльямъ выступитъ въ Матоверѣ въ этомъ мѣсяцѣ и, если вѣрить слухамъ, лордъ Користонъ будетъ предсѣдательствовать на собраніи.

Мистеръ Пэджъ приберегъ на конецъ свой ударъ и, по различнымъ соображеніямъ, втайнѣ разсчитывалъ на эффектъ.

Лэди Користонъ поблѣднѣла.

— Мы устроимъ торійскій митингъ въ тотъ же день и мой сынъ Артуръ будетъ говорить,—съ живостью проговорила она.

Странныя мысли промелькнули въ головѣ мистера Пэджа, когда онъ замѣтилъ гнѣвный огонь въ глазахъ говорившей.

— Очень хорошо. Кстати, я не зналъ, что мистеръ Артуръ знакомъ съ этимъ чудакомъ Эзерстономъ,—замѣтилъ онъ полувопросительно и какъ бы между прочимъ, берясь уже за шляпу.

Лэди Користонъ была немного удивлена этимъ замѣчаніемъ.

— Мнѣ кажется, членъ парламента не долженъ стѣснять себя въ выборѣ знакомыхъ,—сказала она, улыбаясь.—Мнѣніе же Артура объ Эзерстонѣ мнѣ извѣстно.

— Конечно,—согласился Пэджъ, также улыбаясь.—Имѣю честь кланяться, лэди Користонъ. Надѣюсь, что вамъ удастся убѣдить лорда Користона нѣсколько воздержаться отъ своихъ экстравагантностей.

— Я не имѣю власти надъ нимъ,—сказала она рѣзко.

„Зачѣмъ ты выпустила изъ рукъ то, что имѣла?"—подумалъ управляющій, выходя изъ комнаты. Зная очень давно лэди Користонъ, онъ привыкъ отдавать должное ея уму и относиться къ ней съ почтеніемъ, но втайнѣ чувствовалъ къ ней презрѣніе, какъ къ женщинѣ—чувство, врожденное у большинства мужчинъ. По его мнѣнію, женщины вообще не способны „вести игру", старую игру успѣха, которой мужчины владѣютъ въ совершенствѣ. У нихъ нѣтъ для этого достаточной выдержки, нѣтъ умѣнія во время взять и отдать, нѣтъ способности къ тонкому и осторожному разсчету. Взбалмошность тамъ, гдѣ нужна осмотрительность—вотъ въ чемъ упрекалъ мистеръ Пэджъ женщинъ вообще и лэди Користонъ въ особенности.

Но все-таки, что нужно этому милому, но недалекому Артуру у Эзерстоновъ? Не пришлось ли ему—Пэджу—слу-

чайно проникнуть въ тайну—важную и трагическую? Что значила прогулка молодыхъ людей по удиненнымъ тропинкамъ лѣса и горячая, повидимому, интимная, бесѣда? Пэджъ шелъ въ это время по сосѣдней дорожкѣ и узналъ сквозь прозрачную листву деревьевъ Артура и миссъ Гленуилльямъ. Онъ нѣсколько разъ видалъ молодую лэди на эстрадѣ во время митинговъ, въ которыхъ участвовалъ ея отецъ. А частое посѣщеніе министромъ коттэджа Эзерстона было извѣстно всѣмъ по сосѣдству.

— Великій Боже! Что если эта прогулка имѣетъ извѣстное значеніе!

VI.

Въ это же майское утро Марція сидѣла съ книгой въ паркѣ, недалеко отъ тропинки, ведущей къ большой дорогѣ на границѣ Користоновскихъ владѣній. Небо было покрыто темными и свѣтлыми облаками, насыщенными грозой. На полянахъ и пригоркахъ цвѣли кусты боярышника, а рядомъ съ тропинкой струился холодный прозрачный ручей, сбѣгая внизъ по каменистому дну. Влажная земля, казалось, дышала, благоухая молодой, цвѣтущей зеленью.

Сказать правду, Марція только для виду взяла съ собой книгу. У нея были нѣкоторыя основанія предполагать, что Эдвардъ Ньюбёри будетъ сегодня къ завтраку въ Користонъ-Плацѣ. И если онъ пойдетъ пѣшкомъ изъ Ходдонъ-Грея—а онъ любитель большихъ прогулокъ,—то ему не миновать этой тропинки. Подъ вліяніемъ сильнаго, но какого-то смѣшаннаго чувства, пришла она сюда, чтобы встрѣтиться съ нимъ. Влеченіе къ нему, къ его улыбкѣ, къ его манерѣ говорить постепенно усиливалось и дѣлалось непреодолимѣе. Все чаще и чаще чувствовала она безпокойство и пустоту, когда не видѣла его около себя. Но все еще были и промежутки, въ которые она оставалась совершенно равнодушной и холодной къ нему. Въ такіе дни мысль о томъ, чтобы отдать свою жизнь въ его руки, встрѣчала вопль протеста въ ея душѣ. И ей казалось тогда, какъ она призналась Уоггинъ, что она скорѣе боится его, чѣмъ любитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Эдвардъ Ньюбёри былъ мало похожъ на другихъ молодыхъ людей его круга. Еслибы онъ жилъ въ другое время, его отнесли бы къ типу неоплатониковъ. Это типъ одухотворенныхъ мистиковъ, развившійся въ условіяхъ жизни англійской аристократіи и ими созданный. Ньюбёри выросъ въ семьѣ, горячо преданной догматамъ англійской церкви, и съ дѣтства былъ окру-

женъ глубоко религіозными людьми. Въ юношескомъ возрастѣ онъ, по убѣжденію, отказался отъ обряда исповѣди, но ежегодно уединялся на недѣлю для молитвы, подъ наблюденіемъ самаго строгаго англиканскаго епископа. И теперь это былъ истинно любящій сынъ государственной церкви, радостно вѣрующій и чуждый всякаго вліянія современности.

И въ то же время красивая наружность, живой, общительный характеръ, литературное и музыкальное образованіе дѣлали его желаннымъ гостемъ въ любомъ обществѣ. Восторженный христіанинъ легко уживался въ немъ съ вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ. Тайные изгибы его души, прекрасно извѣстные интимнымъ друзьямъ, ревниво охранялись отъ вторженія многочисленныхъ знакомыхъ, для которыхъ онъ былъ только любезнымъ молодымъ человѣкомъ и интереснымъ собесѣдникомъ. Четыре года Эдвардъ Ньюбёри былъ въ гвардіи, затѣмъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Индіи, личнымъ секретаремъ своего дяди—вице-короля. Онъ былъ прекрасный стрѣлокъ, искусный музыкантъ и страстный танцоръ. Скрытая черта непреклонной твердости въ характерѣ придавала ему особенную привлекательность въ глазахъ мужчинъ и женщинъ, когда случайно обнаруживалась. Можетъ быть, иногда надъ нимъ смѣялись, но никто никогда не презиралъ его. Только съ теченіемъ времени, когда характеръ началъ дѣлаться болѣе суровымъ, а очарованіе юности уже исчезало, природныя особенности стали выступать болѣе рѣзко и возбуждать недоброжелательство въ нѣкоторыхъ людяхъ. Такихъ людей было еще немного, и къ нимъ принадлежали Користонъ и Эзерстонъ.

Марція знала, что Ньюбёри очень разборчивъ и втайнѣ гордилась его расположеніемъ. Но, привыкнувъ къ самоанализу, какъ большинство современныхъ женщинъ, она часто задавала себѣ вопросъ: „за что онъ любитъ меня?“ И также часто съ сарказмомъ отвѣчала на него: „безъ сомнѣнія, за мою неопредѣленность и слабохарактерность, за то, что я сама не знаю, что мнѣ нужно и чѣмъ я хотѣла бы быть. Онъ думаетъ, что ему удастся придать мнѣ форму, какую ему захочется, надѣется спасти мою душу. Удастся ли ему это?“ Она обернулась на звукъ шаговъ по тропинкѣ и разсердилась на то, что щеки ея залились яркимъ румянцемъ Но шелъ не тотъ, кого она ожидала.

— Користонъ!—позвала она.

Братъ подошелъ къ ней. Онъ какъ будто декламировалъ стихи и она успѣла даже уловить нѣсколько словъ изъ поэмы Шелли, которую учила еще въ школѣ. Подойдя къ ней, онъ опустился на траву около ея скамейки.

— Ну-съ?

Братъ и сестра видѣлись только два раза съ тѣхъ поръ, какъ Користонъ поселился въ Натчеттѣ. Одинъ разъ они встрѣтились случайно въ деревнѣ, въ другой разъ Марція вторглась въ его холостое помѣщеніе съ намѣреніемъ высказать ему свой взглядъ на его поступки. Въ своихъ обвиненіяхъ она излила всю желчь и весь гнѣвъ, которые накопились въ ея душѣ противъ него за послѣднее время. Но въ результатѣ она сама себѣ напомнила борца съ быкомъ, котораго видѣла въ Санъ-Себастьянѣ. Стрѣлы отскакивали отъ толстой шкуры животнаго, а быкъ спокойно обмахивался хвостомъ. Такъ же спокойно стоялъ Користонъ, добродушно подсмѣиваясь надъ ея горячностью.

И сегодня онъ былъ, повидимому, въ хорошемъ расположеніи духа.

Марція же бросила на него взглядъ, отчасти безпокойный, отчасти враждебный.

— Корри! Мнѣ нужно было поговорить съ тобой. Ты дѣйствительно придешь сегодня къ матушкѣ?

— Разумѣется. Я встрѣтилъ Пэджа въ деревнѣ, полчаса назадъ и просилъ извѣстить о моемъ визитѣ.

— Я не буду больше говорить о всѣхъ ужасныхъ вещахъ, которыя ты дѣлаешь,—съ достоинствомъ начала она.— Знаю, что все равно не будетъ толку. Но у меня все-таки есть къ тебѣ одна просьба, Корри. Я хочу просить тебя не говорить ни слова матушкѣ объ... объ Артурѣ и Энидъ Гленуилльямъ. Я знаю, что вы оба были у Эзерстоновъ въ субботу!—Выраженіе безпокойства въ лицѣ дѣвушки смягчало его строгую красоту.

— Артуръ разсказалъ мнѣ кое-что. Онъ совсѣмъ обезумѣлъ. Ужь я съ нимъ и спорила, и ссорилась, но все безполезно. Ему ничего не нужно—ни парламента, ни матери, ни помѣстій—ничего, кромѣ этой дѣвушки. И она играетъ, а онъ приходитъ въ отчаяніе. Но я не могу безъ ужаса подумать о матушкѣ!

Корри свистнулъ.

— Дорогая моя, когда-нибудь она должна будетъ узнать. Какъ ты совершенно вѣрно замѣтила, онъ влюбленъ по уши. И безполезно стараться оторвать его отъ нея!

— Это убьетъ матушку!—страстно проговорила Марція.— Что осталось еще для нея, послѣ того, что ты сдѣлалъ!

Користонъ поднялъ брови и посмотрѣлъ на сестру долгимъ, испытующимъ взглядомъ. Затѣмъ, медленно поднявшись съ земли, онъ сѣлъ возлѣ нея.

— Послушай, Марція, неужели же ты дѣйствительно считаешь меня зачинщикомъ семейной ссоры?

— Я ничего не знаю... Не знаю, что думать!—Марція закрыла лицо руками.—Все это невыносимо,—продолжала она подавленнымъ голосомъ.—А тутъ еще откуда-то взялась эта Энидъ Гленуилльямъ! Вѣдь онъ едва зналъ ее шесть недѣль назадъ, когда говорилъ первый разъ въ палатѣ. А теперь совсѣмъ помѣшался! Корри, ты долженъ постараться убѣдить его... Ты долженъ! Убѣди его быть подальше отъ нея!— Она съ умоляющимъ видомъ положила руку на его плечо.

Користонъ молчалъ, но глаза его слегка посмѣивались.

— Я не вѣрю ей,—сказалъ онъ, наконецъ, отрывисто.— Еслибы вѣрилъ, то постарался бы помочь Артуру.

— Корри! Подумай! Ну, можетъ-ли быть Артуръ счастливъ съ нею? Развѣ возможно жить для него въ этой семьѣ, быть зятемъ *этого человѣка*? Онъ потерялъ свое положеніе здѣсь, никто никогда не подастъ за него голоса. Всѣ друзья отвернутся отъ него...

— Ну, ну, голубчикъ, дѣло еще совсѣмъ не такъ плохо!—сказалъ Користонъ съ нетерпѣніемъ. Но Марція продолжала:

— Это не значитъ, что у него есть какія-нибудь опредѣленныя убѣжденія, какъ у тебя...

— Какія тамъ убѣжденія!—весело проговорилъ Користонъ.—Но уговаривать его я не буду. Наоборотъ, содѣйствовалъ бы ему, еслибы она была не такая, какая она есть. Она уже испорчена роскошью и не можетъ обойтись безъ нея. Если ужъ ты хочешь знать, я увѣренъ, что она вышла бы за Артура только изъ-за его денегъ, а самъ по себѣ онъ для нея ничего не стоитъ. Зачѣмъ онъ ей?

— Корри!

— Онъ глупъ, дорогая моя, хотя и милый малый! А она привыкла жить не съ глупыми людьми. И сама она слишкомъ умна. Такъ-то. Однако мнѣ больше некогда разговаривать. Чего же ты, собственно, хочешь отъ меня? Повторяю, что буду сегодня днемъ у матушки.

— Постарайся, чтобы она не догадалась. Не говори ей ничего. Она безпокоится объ Артурѣ. Но намъ, можетъ быть, еще удастся не допустить его до безумныхъ поступковъ, прежде чѣмъ она узнаетъ что-нибудь. Обѣщай!

— Хорошо. На время я буду нѣмъ, какъ рыба.

— И поговори съ нимъ. Скажи ему, что она его погубитъ.

— Я не отступлюсь отъ своей точки зрѣнія, сестричка,— сказалъ Користонъ, ласково смотря на нее. Но вдругъ лицо его измѣнилось и словно потемнѣло отъ набѣжавшаго об-

лака. Онъ устремилъ на нее пристальный и холодный взглядъ.

— Мнѣ тоже хотѣлось бы кой-о-чемъ попросить тебя, — медленно произнесъ онъ.

— О чемъ? —голосъ ея слегка дрогнулъ.

— Позволь мнѣ придти и поговорить съ тобой о человѣкѣ, за котораго, говорятъ, ты собираешься выйти замужъ.

Она смотрѣла на него, испуганная въ первую минуту непріятнымъ выраженіемъ его лица и гнѣвнымъ голосомъ, затѣмъ сказала съ неудовольствіемъ:

— Что ты хочешь сказать, Корри?

— Ты обманываешься въ немъ. Ты не можешь быть его женой!—сказалъ онъ страстно.—Дай мнѣ возможность поговорить съ тобой!

Она встала и стояла передъ нимъ, заложивъ руки за спину, и ея лицо было такъ же полно энергіи и твердости, какъ и его.

— Если ты будешь говорить объ исторіи мистриссъ Беттсъ, то предупреждаю тебя, что она мнѣ извѣстна.

— Не въ такомъ видѣ, въ какомъ она есть на самомъ дѣлѣ!

— Ты можешь говорить мнѣ все, что хочешь. Но предупреждаю, что я спрошу также и его.

Корри былъ уже спокойнѣе.

— Что же, это будетъ совершенно правильно, — равнодушно сказалъ онъ.

— Тогда...—Въ это время онъ тоже замѣтилъ приближающагося человѣка.—А! Вижу! Онъ уже тутъ. Исчезаю. Такъ по рукамъ! Я не скажу ничего матушкѣ и предоставлю Артура самому себѣ. А ты все-таки поговоришь со мной, милая сестренка!

Онъ замолчалъ, смотря на нее. И въ его странномъ, проницательномъ взорѣ промелькнуло то выраженіе глубокой серьезной нѣжности, которое такъ рѣдко приходилось ей видѣть. Затѣмъ онъ повернулся, пошелъ быстрыми шагами и скоро скрылся изъ виду за большими буками на дорогѣ.

Марція осталась на мѣстѣ и старалась успокоиться до приближенія Эдварда Ньюбёри.

Онъ ускорилъ шаги, какъ только замѣтилъ ее около кустовъ боярышника, и черезъ минуту, задыхаясь отъ быстрой ходьбы, бросился на траву у ея ногъ.

— Какъ здѣсь хорошо! Какое божественное утро! И какъ это мило, что вы дали мнѣ возможность увидѣть васъ здѣсь! Я надѣялся, что лэди Користонъ дастъ мнѣ позавтракать.

Весь сіяющій, онъ смотрѣлъ на нее, облокотившись на землю. Солнечные лучи пробивались сквозь листву и цвѣты

боярышника и скользили по его бронзовому лицу, испещряя его темными и свѣтлыми пятнами.

Марція немного покраснѣла и сдѣлалась еще прелестнѣе. Въ своемъ бѣломъ платьѣ, бѣлой шляпѣ, окруженная бѣлыми цвѣтами боярышника, Марція снова возбудила въ Эдвардѣ сладостное до боли чувство любви, обостренное, можетъ быть, ея недоступностью и сомнѣніями, которыя она постоянно поддерживала въ немъ. Она могла быть такъ мила и податлива одинъ разъ и такъ замкнута и недосягаема въ другой. Нѣсколько разъ, впродолженіе послѣднихъ недѣль, готовъ онъ былъ объясниться и оставлялъ свое намѣреніе, боясь, что его рѣшительное слово вызоветъ такой же рѣшительный отвѣтъ съ ея стороны. И отвѣтъ, можетъ быть, отрицательный. Лучше, безконечно лучше эти сомнѣнія и надежды, чѣмъ извѣстность, которая можетъ разлучить его съ ней.

Но сегодня онъ снова нашелъ ее дѣвически мягкой, нѣжной и призывающей. Это облегчало его задачу. Онъ хотѣлъ говорить съ ней. Но она предупредила его.

— Я хотѣла бы поговорить съ вами о Корри, моемъ братѣ,— сказала она, наклоняясь къ нему. Въ Марціи по временамъ проглядывалъ милый ребенокъ. И теперь она обратилась къ нему съ дѣтской лаской въ глазахъ. Молодой человѣкъ, жаждущій обнять склонившуюся къ нему дѣвушку, смирился передъ довѣрчивостью ребенка. Онъ только улыбнулся ей своими большими, проникновенными глазами.

— Мнѣ тоже нужно потолковать съ вами о Користонѣ,— сказалъ онъ, кивая головой.

— Мы знаемъ, что онъ держитъ себя ужасно, возмутительно!—Марція смѣялась и вмѣстѣ съ тѣмъ хмурила брови.—Мистеръ Лестеръ говорилъ мнѣ, что вчера въ матоверской газетѣ были страшныя нападки на лорда и лэди Уилльямъ. Матушка не видала еще и я не хотѣла бы, чтобы она прочла.

— Конечно!—подтвердилъ Ньюбёри, улыбаясь.

— Матушкѣ будетъ такъ неловко и непріятно, если она узнаетъ! Мнѣ тоже. Но я должна объяснить. Мы сами страдаемъ не меньше. Онъ возбудилъ всѣхъ здѣсь противъ матушки. А теперь, когда онъ уже направилъ свою аттаку противъ васъ, я думаю, что, если мы съ вами...

— Посовѣтуемся! Великолѣпно!

— Можетъ быть, мы придумаемъ что-нибудь, чтобы воспрепятствовать этому.

— Теперь онъ возмущенъ противъ насъ гораздо больше, чѣмъ противъ вашей матушки, — сказалъ Ньюбёри серьезно.—Говорилъ онъ вамъ что-нибудь?

— Нѣтъ еще, но... собирается, — запинаясь, проговорила дѣвушка.

— Я думаю, что не будетъ несправедливо, если я предупрежу его. Вы познакомитесь съ его версіей потомъ. Я получилъ отъ него необыкновенное письмо сегодня утромъ. Странно, что онъ не видитъ, что мы тоже считаемъ справедливымъ то, что дѣлаемъ! Поступая по его совѣсти, мы поступимъ противъ своей.

Говоря это, онъ всталъ съ земли и сѣлъ на камень, недалеко отъ нея. Марція смотрѣла на него и странное чувство возникло вдругъ въ ея душѣ. Ей показалось, что передъ ней сидѣлъ теперь совсѣмъ не тотъ влюбленный въ нее человѣкъ, который только что лежалъ у ея ногъ на травѣ. *Это* былъ тотъ человѣкъ, про котораго она сказала Уоггинъ, что онъ кажется мягкимъ и уступчивымъ, а на самомъ дѣлѣ—*желѣзный*! Что-то вродѣ упорной непреклонности ожесточило вдругъ черты его лица. Но эта непреклонность—благородная и возвышенная—начинала вызывать въ ней повременамъ въ отвѣтъ покорность и смиреніе.

— Мнѣ трудно, можетъ быть, даже невозможно разсказать вамъ подробно всю исторію,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Но я постараюсь изложить ее вкратцѣ, въ общихъ чертахъ.

— Я уже слышала кое-что.

— Я такъ и думалъ. Но все-таки разскажу самъ все по порядку, насколько возможно. Рѣчь идетъ о человѣкѣ, котораго нѣсколько недѣль назадъ мы всѣ—отецъ, мать и я—считали своимъ лучшимъ другомъ. Вы, вѣроятно, слышали, что отецъ интересуется примѣненіемъ разныхъ новыхъ средствъ при обработкѣ земли и веденіи хозяйства. Устроивъ здѣсь опытную ферму десять лѣтъ назадъ, отецъ поставилъ во главѣ ея этого самаго человѣка—Джона Беттса. Онъ былъ правой рукой отца и повелъ великолѣпно дѣло, прославивъ и ферму, и себя. Намъ казалось, что онъ нашъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Онъ помолчалъ съ минуту, пристально заглянулъ въ ея лицо и продолжалъ серьезно и просто:

— Мы считали его глубоко религіознымъ человѣкомъ. Мать не могла нарадоваться на его вліяніе на жителей. Онъ устроилъ многолюдную воскресную школу, помогалъ священнику и самъ строго исполнялъ всѣ религіозные обряды. И особенно...

Онъ остановился въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ, но потомъ продолжалъ, болѣе мягко, но по прежнему серьезно.

— Онъ помогалъ намъ вліять на людей, чтобы они жили, какъ слѣдуетъ христіанамъ, а не такъ, какъ живутъ живот-

ныя. У матери очень строгіе взгляды и она не допускала никакого отступленія отъ нихъ среди жителей нашихъ хуторовъ. Я знаю, это звучитъ жестоко. На дѣлѣ же это было благодѣяніемъ. Мы застали здѣсь страшную нравственную распущенность. Я не могу, конечно, вдаваться въ подробности, но скажу только, что нашъ священникъ пришелъ въ отчаяніе и просилъ насъ помочь ему. Мы должны были принять мѣры. И отецъ съ матерью смѣло пошли на встрѣчу недоброжелательному отношенію...

Онъ съ твердостью взглянулъ на нее, но потомъ выраженіе его лица измѣнилось и внезапная краска вдругъ нахлынувшаго чувства залила его.

— Вы знаете, что насъ не любятъ?

— Да,—тихо, со свойственной ей искренностью, отвѣтила Марція.

— И этой непопулярностью мы обязаны въ большой степени,—въ его голосѣ зазвучало презрѣніе,—тому либералу-агитатору Эзерстону, который живетъ въ коттэджѣ на холмѣ. Ваша матушка много слыхала о немъ. Онъ устроилъ настоящую травлю моихъ родителей, занимаясь распространеніемъ всевозможныхъ сплетенъ, чуть не съ перваго дня, какъ мы сюда переселились. Онъ—свободомыслящій, республиканецъ, мы—тори и члены англиканской церкви. Онъ думаетъ, что каждый человѣкъ самъ себѣ законъ, какъ мужчина, такъ и женщина. Мы думаемъ... Но вѣдь вы знаете, какъ мы думаемъ!

Онъ улыбнулся ей.

— Такъ вернемся къ Беттсу. Теперь у насъ май. Въ августѣ прошлаго года онъ былъ боленъ инфлуэнцей и уѣзжалъ полѣчиться и отдохнуть на море. Въ отсутствіи онъ пробылъ дольше, чѣмъ мы ожидали, и затѣмъ написалъ отцу, что пріѣдетъ въ Ходдонъ-Грей съ женой. Онъ встрѣтился въ Кольвинъ-Беѣ съ одной госпожей, которую зналъ еще дѣвочкой. Она потеряла мужа, затѣмъ отца, съ которымъ жила, и была очень одинока и сильно нуждалась. Нечего и говорить, что мы всѣ отвѣтили ему самыми дружескими письмами. И вотъ она пріѣхала сюда съ нимъ и съ ребенкомъ. На насъ она произвела впечатлѣніе робкаго, деликатнаго существа. Матушка приняла въ ней самое горячее участіе, но была введена въ заблужденіе ея скромностью и скрытностью. Наконецъ, мало-по-малу, вслѣдствіе разныхъ случайностей и совпаденій, о которыхъ я умолчу, раскрылась истина...

Онъ съ минуту смотрѣлъ вдаль парка, очевидно, соображая, какихъ подробностей долженъ онъ избѣжать при своемъ разсказѣ.

— Я постараюсь изложить вамъ только факты,—сказалъ онъ, наконецъ.—Мистриссъ Беттсъ была разведена съ первымъ мужемъ. Она ушла отъ него съ человѣкомъ, который у него служилъ, и жила съ нимъ два года. Онъ не женился на ней и черезъ два года бросилъ ее. Она осталась съ ребенкомъ и очень бѣдствовала. Въ это время появился Беттсъ, котораго она знала уже много лѣтъ. Сначала она вызвала въ немъ чувство состраданія, а затѣмъ... Она очень привлекательна... Онъ потерялъ голову и женился. Такъ вотъ, что же мы теперь должны дѣлать?

— Но они *женаты*?—спросила Марція.

— Разумѣется. Бракъ вполнѣ законный. Но этотъ законъ не тотъ, которому подчиняемся мы!

При послѣднихъ словахъ голосъ его звучалъ громко и вызывающе.

Марція взглянула на него.

— Потому что вы считаете разводъ грѣхомъ?

— Потому что—„что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ“!

— Но вѣдь священное писаніе допускаетъ исключенія?

Марція низко наклонилась надъ пучками маргаритокъ, изъ которыхъ она медленно и лѣниво плела вѣнокъ. И краска сгустилась на ея щекахъ, напоминавшихъ персики.

— Сомнительныя толкованія! Вопросъ о бракѣ вообще остается открытымъ въ евангеліи. Но англиканская церковь безусловно запрещаетъ вторичный бракъ разведеннымъ супругамъ, особенно тому, по чьей винѣ расторгнуто супружество!

Въ мысляхъ Марціи бродили сомнѣнія. Но обаяніе человѣка, стоящаго рядомъ, близость изящнаго, классическаго лица заставляли оживать и трепетать ея чувства. Душа раскрывалась на встрѣчу одухотворенному взору проникновенныхъ глазъ. Все существо ея тянулось къ нему. Коекакія колебанія однако жили еще въ ней.

— Предположите, что она была несчастлива съ первымъ мужемъ!

— Законъ не можетъ опираться на отдѣльные, несчастные случаи. Но онъ существуетъ для помощи великому множеству страдающихъ мужчинъ и женщинъ.

Онъ помолчалъ немного и прибавилъ.

— Господь зналъ, что нужно для человѣка.

Тихій, страстный голосъ, которымъ были произнесены послѣднія слова, проникъ въ самую глубь души Марціи. Онъ не звучалъ для нея призывомъ къ религіи, потому что она не была религіозна, но онъ разоблачалъ передъ ней внутренній мистическій міръ этого близкаго ей человѣка. И

снова ея душу наполнило чувство гордаго сознанія, что онъ выбралъ ее, что онъ полюбилъ ее.

Но вспыхнувшее чувство быстро смѣнилось другимъ.

Она посмотрѣла на него съ нѣкоторой запальчивостью.

— Еслибы я была несчастлива... Еслибы я сдѣлала страшную ошибку... И потомъ сознала ее... И кто-нибудь пришелъ и предложилъ мнѣ счастье, уютъ и участіе—я не смогла бы... и не стала бы отказываться!

— Вы смогли бы,—сказалъ онъ просто, — еслибы Богъ далъ вамъ силу.

Никогда еще не говорили они такъ интимно. Наступило молчаніе. Чувствовалась старая, извѣчная связь между религіозной экзальтаціей, въ которой, дѣйствительно заключается величайшій романтизмъ, и половой страстью. Но проявлялось это въ наиболѣе поэтической формѣ. Марція содрогалась отъ ощущенія внутренней борьбы: „Учи меня, управляй мной, люби меня, будь моимъ обожаемымъ господиномъ и другомъ“! Такъ говорилъ одинъ голосъ и тотчасъ же протестовалъ другой: „Мнѣ придется быть его рабой—я не хочу этого“!

Наконецъ, она сказала:

— Вы отказали отъ мѣста мистеру Беттсу?

Онъ взглянулъ на нее.

— Онъ уѣхалъ на мѣсяцъ. Отецъ предлагалъ ему все, что могъ. Если,—онъ съ трудомъ выговорилъ слова, — если мистриссъ Беттсъ разстанется съ нимъ, мы позаботимся и о ней, и объ ея ребенкѣ. Община сестеръ возьметъ ее на свое попеченіе. Она будетъ жить по близости. И Беттсъ могъ бы видѣть ее время отъ времени.

— Они отказались?

— Рѣшительно. Беттсъ писалъ отцу жестокія письма. Онъ говорилъ, что, разъ они женаты, разъ ихъ бракъ законный и честный, значитъ, они не дѣлаютъ ничего дурного. Что же касается прошлаго мистриссъ Беттсъ, то до этого нѣтъ никому никакого дѣла. Онъ высказывалъ отцу презрѣніе за то, что тотъ удалилъ его. А между тѣмъ отецъ не могъ поступить иначе, какъ по убѣжденію. А тутъ выступилъ на сцену и вашъ братъ.

— Ну, конечно, онъ былъ въ ярости?

— А какое право имѣетъ онъ быть въ ярости?—спокойно сказалъ Ньюбѐри.—Онъ можетъ имѣть какія угодно убѣжденія. Почему же мы не можемъ? Мы живемъ въ свободной странѣ.

Высокомѣріе проступало сквозь мягкія манеры и спокойный тонъ.

Марція вспыхнула за брата.

— Мнѣ кажется, Корри можетъ сказать, что, еслибы цер-

ковъ управляла нами такъ, какъ вы хотите, Англія не была бы свободной страной.

— Такова его точка зрѣнія. Мы имѣемъ свою. Безъ сомнѣнія, въ настоящее время на его сторонѣ большинство. Но зачѣмъ же нападать на личности, называть имена? Только за то, что мы вѣруемъ?

По его тону было замѣтно, что чувства его были затронуты глубоко и больно. Марція смягчилась.

— Но вѣдь всѣмъ извѣстно,—пробормотала она,—всѣмъ извѣстно, что Корри сумасшедшій, совершенно сумасшедшій.

И, подъ вліяніемъ внезапнаго импульса, она коснулась своей рукой его руки.

— Не осуждайте насъ!

Онъ взялъ ея руку въ обѣ свои, наклонился и поцѣловалъ.

— Не позволяйте ему возстановлять васъ противъ насъ.

Она улыбнулась и покачала головой. Затѣмъ, желая стряхнуть съ себя и съ него слишкомъ сильно охватившее чувство и боясь того, что могло отсюда послѣдовать, она быстро встала на ноги.

— Однако матушка ждетъ насъ за завтракомъ.

Они пошли къ дому, продолжая обсуждать поступки Користона. Симпатія, которую проявлялъ Ньюбёри къ ея матери, была какъ бальзамъ на душу Марціи. И незамѣтнымъ образомъ она старалась награждать его милымъ, чарующимъ обращеніемъ и вниманіемъ, съ которымъ прислушивалась къ каждому его слову и какого онъ никогда еще до сихъ поръ не замѣчалъ съ ея стороны. И все шепталось и радовалось вокругъ нихъ среди майскаго свѣтлаго дня. И весенній вѣтеръ, какъ мятежная жизнь, шумѣлъ и кружился въ молодой листвѣ дубовъ и буковъ. Ясное небо какъ бы въ истомѣ склонилось къ землѣ, и какой-то странный, блуждающій свѣтъ пробѣгалъ по водѣ и травѣ, какъ будто Діонисъ или Аполлонъ невидимо шествовали по землѣ. Быстро зрѣла любовь въ молодыхъ сердцахъ. Сопротивленіе Марціи таяло въ ея душѣ, Ньюбёри наслаждался ея близостью.

Онъ рѣшилъ, въ концѣ концовъ, предоставить переговоры съ Користономъ сэру Уильфриду Бери, котораго ожидали на слѣдующій день въ Користонъ-Плацѣ. Онъ былъ старинымъ другомъ, какъ Користоновъ, такъ и Ньюбери.

— Корри его любитъ,—сказала Марція. — Онъ говорилъ обыкновенно: „дайте мнѣ вулканъ страстей... или циника“! Иного рода людей онъ не признаетъ. Можетъ быть, сэръ Уильфридъ поможетъ намъ и съ Артуромъ.—Взоръ Марціи затуманился.

— Артуръ?— спросилъ съ изумленіемъ Ньюбёри. — Что случилось съ Артуромъ?

Марція въ короткихъ словахъ разсказала ему объ увлеченіи Артура. Онъ былъ пораженъ.

— О, этого нельзя допустить! Мы должны защищать вашу матушку и убѣдить Артура. Я попробую сдѣлать все, что могу. Вѣдь мы съ нимъ старые друзья.

Марція чувствовала радость и облегченіе. Ей начало казаться, что въ Лондонѣ, среди свѣтской суеты и развлеченій, она ощущала холодъ одиночества и только здѣсь, въ этомъ сильномъ человѣкѣ нашла теплоту и поддержку.

Завтракъ прошелъ весело и лэди Користонъ не могла не замѣтить, что дѣла Марціи быстро подвигаются къ опредѣленному концу.

— Такъ мы ждемъ васъ въ воскресенье?—сказалъ Ньюбёри, прощаясь послѣ завтрака. И особенное удареніе на словахъ, и пожатіе руки, казалось, говорили лэди Користонъ о надеждѣ, таящейся въ душѣ молодого человѣка. Ну, что же! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Проводивъ гостя, Марція пошла на станцію встрѣтить сэра Уильфрида Бери, а лэди Користонъ обошла нѣсколько домовъ въ деревнѣ. На обратномъ пути она осмотрѣла роскошные сады, пестрѣвшіе весенними цвѣтами, сдѣлала распоряженіе относительно новыхъ травяныхъ бордюровъ, затѣмъ вернулась домой ждать сына.

Користонъ явился точно въ назначенное время, но въ еще болѣе ужасномъ видѣ, чѣмъ обыкновенно. Забрызганные грязью, оборванные панталоны были засунуты въ сапоги, а шапка, какъ фестонами, увѣшана нанизанными на нитку мухами. Послѣ полудня небо покрылось облаками и Користонъ занимался ловлей форелей въ пруду парка. Это былъ его любимый спортъ, единственный, который онъ позволялъ себѣ въ помѣстьѣ, и каждый разъ съ офиціальнаго разрѣшенія управляющаго.

Мать и сынъ бесѣдовали около часу. Сидящій въ сосѣдней комнатѣ не могъ бы уловить разницы въ тонѣ обоихъ говорящихъ, за исключеніемъ одного, двухъ разъ, когда голоса повышались. По окончаніи совѣщанія лэди Користонъ осталась на нѣкоторое время одна. Неподвижно сидѣла она на стулѣ у письменнаго стола. Оживленіе и легкая краска понемногу исчезали съ ея лица. И только хорошо знавшій ее человѣкъ могъ бы замѣтить необычное выраженіе, застывшее на ея лицѣ въ то время, когда вошедшая прислуга доложила о пріѣздѣ сэра Уильфрида.

Между тѣмъ Користонъ прошелъ въ библіотеку, на сѣверномъ концѣ дома, чтобы повидать Лестера. Онъ нашелъ моло-

дого библіотекаря за столомъ, съ лежащей передъ нимъ рукописью XV вѣка, которую тотъ описывалъ и заносилъ въ каталогъ. Чудесныя страницы блестѣли позолотой и яркими миніатюрами, и лицо молодого человѣка сіяло особеннымъ чувствомъ отвлеченнаго счастья, доступнаго только ученымъ и созерцателямъ. Вокругъ него, по стѣнамъ, на полкахъ и въ шкафахъ, хранились рукописи и старопечатныя книги, извѣстныя всей ученой Европѣ. Скользящій свѣтъ съ облачнаго неба за окномъ освѣщалъ поблекшія сокровища комнаты, пожелтѣвшіе пергаменты переплетовъ и старыя темныя гравюры, висѣвшія въ промежуткахъ между шкафами. Черезъ широко распахнутыя окна шаловливый вѣтеръ заносилъ по временамъ душистые лепестки цвѣтовъ въ это святилище науки. Користонъ вошелъ возбужденный и сѣлъ, положивъ руки въ карманы, на край стола, за которымъ работалъ Лестеръ.

— Какое благословенное мѣсто! — сказалъ онъ, оглядываясь кругомъ. Лестеръ взглянулъ на него и разсѣянно улыбнулся.

— Не плохое!

Оба молчали нѣкоторое время. Потомъ Користонъ заговорилъ съ внезапной горячностью:

— Не ввязывайтесь въ политику, Лестеръ!

— Не бойтесь, дружище. Но что опять произошло? У васъ порядочно взбудораженный видъ.

— Я гонялся за блуждающими огнями,—сказалъ Користонъ съ саркастической улыбкой.—И старался направить ихъ въ тотъ уголъ моей души, гдѣ тлѣютъ горячіе уголья, поджигающіе меня. Мнѣ кажется, что я поступаю правильно. Такъ ли это? Не знаю. Скажите, Лестеръ, вы суффражистъ?

— Не думалъ какъ-то объ этомъ.

— Я—въ теоріи. Но иногда мнѣ кажется, что женщины тѣшатъ дьявола, занимаясь политикой.

— Вы хотите сказать, что онѣ не умѣренны?—осторожно спросилъ Лестеръ.

Користонъ неопредѣленно мотнулъ головой, смотря въ полъ, потомъ продолжалъ.

— Нѣтъ, я только хочу сказать, Лестеръ, что, если мы не будемъ находить въ женщинѣ благородства, нѣжности, искренности, то гдѣ же, дьяволъ побери, намъ искать ихъ? А политика убиваетъ въ нихъ все это, — прибавилъ онъ, вставая.

— „Врачу, исцѣлися самъ“, — смѣясь, проговорилъ Лестеръ.

— А, такъ вѣдь это наше дѣло! — Користонъ ударилъ кулакомъ по столу.—Наша черная, проклятая работа! Наша

обязанность какъ-нибудь вгонять въ рамки человѣческихъ приличій эту звѣриную жизнь. Но женщины! Развѣ онѣ не должны оставаться въ храмѣ? Поддерживать святой огонь? Откуда будетъ исходить огонь, если сердце націи умретъ?

Сѣро-голубые глаза Лестера спокойно смотрѣли на говорившаго. Въ нихъ свѣтилось сочувствіе, но онъ молчалъ. Користонъ направился уже къ выходу изъ библіотеки, но потомъ вернулся.

— Моя мать очень хорошая женщина,—сказалъ онъ отрывисто.—Здѣсь живется людямъ не дурно, гораздо лучше, чѣмъ у большинства другихъ помѣщиковъ. Но, вслѣдствіе этой отравы политикой, ни одинъ человѣкъ не можетъ распоряжаться своей душой. Если бы она оставила ихъ въ покоѣ въ этомъ отношеніи, они обожали бы ее.

— Вездѣ дѣлается то же самое.

— Я знаю,—сказалъ Користонъ.—Свободы не существуетъ въ Англіи нигдѣ, начиная съ парламента. Да, да! До свиданія!

— Користонъ!

— Что?—спросилъ лордъ Користонъ, берясь за ручку двери.

— Не агитируйте за Гленуилльяма!

— Непремѣнно буду!—Глаза Користона загорѣлись. И онъ вышелъ, съ шумомъ захлопнувъ дверь.

Лестеръ снова принялся за работу. Но настроеніе его было уже нарушено и онъ замѣтилъ, что только зря терялъ время. Онъ подошелъ къ окну и смотрѣлъ на пестрыя цвѣточныя гряды въ саду, на фонтанъ среди нихъ, на низкіе холмы и лѣса, чернѣющіе на горизонтѣ, на деревни съ церковными шпицами, выглядывающими изъ-за деревьевъ. Все кругомъ было покрыто свѣжей майской зеленью и цвѣтами.

Вдругъ въ концѣ сада промелькнула женская фигура въ бѣломъ платьѣ. Сердце Лестера забилось сильнѣе. Это была Марція. Онъ видѣлъ ее очень рѣдко и почти всегда на разстояніи. Но иногда при встрѣчѣ она любезно справлялась о его работѣ надъ рукописями.

„Она относится ко мнѣ съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ милыя, добрыя женщины относятся къ своимъ кошкамъ или собакамъ. Онѣ заботятся объ нихъ, слегка ласкаютъ ихъ и хотятъ, чтобы тѣ любили ихъ. Такъ она навѣщаетъ меня иногда, чтобы я не чувствовалъ себя заброшеннымъ. Совѣсть напоминаетъ ей о людяхъ, которыхъ судьба не балуетъ такъ, какъ ее. Я вижу все это совершенно ясно. Но, еслибы я сказалъ ей это, она разсердилась бы“.

VII.

Лѣто только что начиналось и природа развернулась во всей своей юной и могучей красотѣ. Нежаркій іюньскій день приближался къ вечеру.

Лордъ и лэди Уилльямъ Ньюбёри гуляли по саду передъ низкимъ длиннымъ домомъ, стариннымъ и привѣтливымъ. О старыхъ, давно прошедшихъ временахъ говорила крыша дома, острая, покрытая мхомъ, съ живописными слуховыми окнами, высокимъ гребнемъ и небольшой башенкой въ куполомъ, обозначающимъ домовую церковь.

Въ домѣ было много простора, но при постройкѣ его, очевидно, преслѣдовались болѣе цѣли комфорта, чѣмъ пышности. Такъ же простъ и старомоденъ былъ обширный холмистый паркъ, вполнѣ гарманировавшій своимъ настроеніемъ съ людьми, медленно и спокойно гулявшими теперь по его, аллеямъ.

Лорду Ньюбери было шестьдесятъ пять лѣтъ, онъ былъ высокъ и очень тонокъ. Всего красивѣе въ его лицѣ были глаза—свѣтло-каріе, мечтательные и добрые. Щеки его были худощавыя и гладкія, а сѣдые волосы, развѣвавшіеся на непокрытой головѣ, обнажали нѣжный лобъ, такой же юношескій, почти дѣтскій, какъ и изящно очерченный ротъ. Сладковатость или, скорѣе, утонченность и слабость,—этими немногими словами можно было бы выразить неопредѣленное впечатлѣніе, которое производилъ лордъ Ньюбёри при первой встрѣчѣ.

Шедшая рядомъ съ нимъ жена казалась еще болѣе хрупкой и легкой, чѣмъ онъ. Это была маленькая, похожая на мышку, женщина, въ сѣромъ, совершенно просто сшитомъ платьѣ и въ шляпѣ съ большими полями. Добрые черные глаза на сморщенномъ лицѣ говорили о твердомъ характерѣ, котораго, какъ казалось всѣмъ, не хватало ея мужу. Но лэди Уилльямъ всегда знала свое мѣсто. Она была послушная жена, а это было главнымъ условіемъ для счастливой супружеской жизни съ лордомъ Уилльямомъ.

Въ настоящую минуту они горячо разговаривали о прибытіи приглашенныхъ гостей. Ожидались: лэди Користонъ и Марція, новый деканъ сосѣдней церкви, бывшій министръ и оксфордскій профессоръ. Но разговоръ все время возвращался къ Марціи, на которой сосредоточивался, очевидно, весь интересъ разговаривающихъ.

— Странно, что я ея почти не видала! — говорила лэди Уилльямъ не безъ сожалѣнія въ тонѣ.—Надѣюсь, Эдвардъ

не слишкомъ поторопился съ выборомъ. А ты, вѣроятно, и совсѣмъ не знаешь ея, Уилльямъ?

— Немного. Ея мать представила мнѣ ее въ собраніи и я обмѣнялся съ ней нѣсколькими словами. Очень красивая дѣвушка. Но, помнится, разговоръ ея былъ исключительно театральный.

— Ты хочешь сказать, что она говорила только о театрѣ?— спросила лэди Уилльямъ.—Это обычная тема у молодежи. Да и не одна молодежь, всѣ до смѣшного интересуются актерами и актрисами.

— Помню еще, она очень восторженно говорила о госпожѣ Фроментъ,—продолжалъ лордъ Уилльямъ, припоминая.—Я спросилъ ее, извѣстна ли ей репутація госпожи Фроментъ и то, что она не можетъ быть подходящей знакомой для молодой дѣвушки. Она широко открыла глаза и посмотрѣла на меня такъ, какъ будто я сказалъ что-то въ высшей степени странное. „Это никого не касается", — сказала она и сказала даже съ негодованіемъ, увѣряю тебя: „Мы можемъ судить только о ея игрѣ, а не ея частной жизни". Было и любопытно, и немножко непріятно видѣть столько рѣшительности и самоувѣренности въ такой молодой особѣ.

— Ничего, Эдвардъ можетъ все это измѣнить.—Въ голосѣ лэди Уилльямъ звучала мягкая снисходительность.—Онъ говорилъ мнѣ, что у нея и характеръ, и взгляды на жизнь прекрасные, но все это требуетъ еще нѣкотораго развитія. По его мнѣнію, она легко подчинится руководству любимаго человѣка.

— Надѣюсь, и буду радъ за Эдварда, потому что онъ сильно влюбленъ. Думаю, что онъ все-таки не позволитъ забрать себя въ руки. Въ нашей жизни такъ много зависитъ отъ брака!

Лордъ Уилльямъ слегка нахмурился, замедлилъ шаги и посмотрѣлъ на домъ. Ходдонъ-Грей былъ его собственностью всего три года, но съ нимъ были связаны у него еще съ дѣтскаго возраста самыя священныя и дорогія воспоминанія.

Сюда переѣхала на житье его овдовѣвшая мать, а послѣ ея смерти Ходдонъ-Грей перешелъ къ его брату вдовцу, который прожилъ здѣсь около четверти столѣтія, вмѣстѣ съ больнымъ сыномъ. Отецъ и сынъ принадлежали къ строжайшему толку англо-католиковъ. Ихъ нѣжная привязанность другъ къ другу скрашивала ихъ суровую и уединенную жизнь. По временамъ въ Ходдонъ-Грей собирались свѣтскіе и духовные представители „пюсеизма". Самъ Пюсей читалъ проповѣди въ здѣшней церкви. Извѣстный ораторъ и аскетъ Лиддонъ прогуливался здѣсь подъ тѣми же деревьями, гдѣ гуляли теперь лордъ и лэди Уилльямъ. Даже самъ великій

старецъ Ньюмэнъ останавливался здѣсь однажды и далъ свое кардинальское благословеніе сыну одного изъ своихъ прежнихъ товарищей по оксфордскому религіозному движенію.

Каждый камень въ домѣ, каждая аллея въ саду были священны въ глазахъ лорда Уилльяма. Большинство людей бываютъ связаны съ домомъ матеріальными интересами, фамильной гордостью или личными воспоминаніями. Для лорда Уилльяма Ньюбёри домъ въ Ходдонъ-Греѣ былъ символомъ духовной борьбы церкви съ міромъ, христіанъ съ невѣрующими, борьбы безконечной и неослабной, въ которой принимали участіе его родные, онъ самъ и его сынъ.

Жена прервала его размышленія.

— Будешь ты говорить что-нибудь относительно послѣдняго письма Користона, Уилльямъ?

Лордъ Уилльямъ вздрогнулъ.

— Его матери? Конечно, нѣтъ, Альбина, — онъ выпрямился.—Вообще, я не намѣренъ вмѣшиваться...

— Ты даже не знаешь, въ сущности, въ чемъ дѣло?— тихо спросила она.

— Кое-что, черезъ третье лицо, знаю.

— Эдвардъ находитъ, что лэди Користонъ поступила неблагоразумно...

— Конечно, неблагоразумно!—горячо воскликнулъ лордъ Уилльямъ.—Користонъ имѣетъ полное основаніе жаловаться на нее.

— Ты находишь, что она, кромѣ того, и несправедлива?

— Разумѣется. Женщина не имѣетъ права поступать такимъ образомъ! Каковъ бы ни былъ ея сынъ. Женщина, берущая на свою отвѣтственность и въ свою собственность такія помѣстья, какъ Користоновскія, переходитъ границы, поставленныя ея полу. Она проявила этимъ нѣчто, что женщина не должна проявлять, нѣчто чудовищное и противоестественное!

Изящное лицо лорда Уилльяма покраснѣло отъ волненія. Но его жена подумала въ это время: „А еслибы этотъ сынъ былъ атеистомъ?“

— А тебѣ не кажется, что ее нѣсколько оправдываетъ то, что Користонъ—крайній радикалъ и революціонеръ?— спросила она вслухъ.

— Нисколько. Это — Божья воля, крестъ, который она должна нести. Она вмѣшивается въ волю Провидѣнія, самонадѣянно споритъ съ нимъ. Творя зло, она надѣется получить изъ этого добро. Женщина должна вліять на мужчину

мягкостью, а не управлять имъ силой. Поступая такимъ образомъ, она узурпируетъ то, что никогда не будетъ ей принадлежать.

Вѣрный послѣдователь англиканской церкви исчезъ на минуту за негодующимъ защитникомъ преимуществъ пола и искони установленнаго наслѣдственнаго права. Лэди Уилльямъ слушала молча. Она тоже строго порицала дѣйствія лэди Користонъ, хотя и считала ужасными убѣжденія и поступки ея сына. Женщины должны страдать. Но не ихъ дѣло спорить со старшими сыновьями, пытаться переубѣдить ихъ, каковы бы ни были ихъ политическія убѣжденія. Она была довольна, что мужъ подтверждалъ правильность ея взгляда.

— Я увѣренъ, что лэди Користонъ сама не будетъ говорить со мной объ этомъ,—сказалъ лордъ Уилльямъ, послѣ нѣкотораго молчанія.—Я не люблю высказывать свои мнѣнія о политикѣ. И безъ сомнѣнія знаю, что Користонъ такъ же правъ, какъ и она. И сумасшедшій къ тому же. Никогда здоровый человѣкъ не могъ бы написать мнѣ такого письма, которое я получилъ на прошлой недѣлѣ.

— Какъ ты думаешь, приведетъ ли онъ въ исполненіе свои угрозы?

— Какія? Поселить по близости мистера и мистриссъ Беттсъ? Навѣрное. Мы не можемъ помѣшать этому. Мы должны только слѣдовать голосу нашей совѣсти.

Лордъ Уилльямъ былъ возбужденъ Въ эту минуту никто не подумалъ бы о „слабости“, которая обычно выражалась въ блѣдныхъ изящныхъ чертахъ его лица. Каждое слово старика звучало твердостью и опредѣленностью.

Жена шла еще нѣкоторое время рядомъ съ нимъ, потомъ повернула къ дому, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія для пріема гостей. По дорогѣ она нарвала букетъ первыхъ розъ съ клумбы возлѣ дома. Затѣмъ она медленно прошла черезъ комнаты, съ окнами въ садъ, приготовленныя для гостей, осматривая все критическимъ взглядомъ. Обстановка въ комнатахъ была простая и старая. Она едва-ли обновлялась съ 1832 года, когда овдовѣвшая мать лорда Уилльяма пріѣхала въ Ходдонъ-Грей. Но все дышало безукоризненной чистотой и было пропитано ароматомъ лаванды. Іюньскій воздухъ свободной струей вливался въ комнаты черезъ распахнутыя окна. Впечатлѣніе мирнаго уюта усиливалось отъ непрестаннаго воркованія голубей, доносившагося изъ сада и, казалось, наполнявшаго весь домъ. Лэди Уилльямъ вошла въ послѣднюю комнату, болѣе свѣжую и новую. Здѣсь было все бѣлое, слегка оттѣненное розовымъ. Бѣлыя стѣны, толстый бѣлый коверъ у камина

и бѣлая обивка туалетнаго столика весело оживали въ сосѣдствѣ съ розовыми бутонами на ситцевыхъ занавѣскахъ у оконъ и кровати и розовыми бантами, украшавшими покрывало постели.

Лэди Уилльямъ осталась здѣсь дольше, чѣмъ въ другихъ комнатахъ, и смотрѣла на все съ тайной радостью. Эта комната была отдѣлана заново изъ ея собственныхъ средствъ, на которыя она во всю жизнь не выдала ни одного чека. Здѣсь должна была помѣститься миссъ Користонъ. Подойдя къ туалетному столику, лэди Уилльямъ вынула изъ вазы азаліи, поставленныя горничной, и замѣнила ихъ розами. Ея маленькая сморщенная рука замедлилась на букетѣ, какъ будто лаская его. Она принесла цвѣты для дѣвушки, которую любилъ Эдвардъ... которая будетъ, вѣроятно, его женой. Нѣжность переполняла ея сердце.

Выйдя изъ комнаты, она быстро спустилась внизъ по лѣстницѣ и была у входа въ церковь.

Торжественная тишина, блескъ и благоуханіе святого мѣста наполняли ея душу благоговѣніемъ. Опустившись на колѣни у алтаря, украшеннаго цвѣтами, принесенными еще въ Троицу, она стала молиться передъ большимъ распятіемъ. Она молилась за сына и просила Бога сдѣлать его достойнымъ замѣстителемъ отца, просила дать ему счастье съ женой и благословить дѣтьми.

Часомъ позднѣе гостиная и лужайки Ходдонъ-Грея были оживлены собравшимися гостями. Лэди Користонъ, величественная и великолѣпная, въ длинномъ черномъ платьѣ, прогуливалась съ сэромъ Уилльямомъ.

Сэръ Уилльфридъ, отставной министръ сэръ Люисъ Фордъ, деканъ и мѣстный капелланъ болтали и курили у опустѣвшаго чайнаго стола, между тѣмъ какъ лэди Уилльямъ съ оксфордскимъ профессоромъ осматривали цвѣточныя клумбы и обмѣнивались мнѣніями относительно расцвѣтающихъ флоксовъ.

Вдали, въ липовой аллеѣ, виднѣлись двѣ молодыя фигуры, ходившія взадъ и впередъ. Это были Марція и Эдвардъ.

Сэръ Уилльфридъ откинулся къ спинкѣ кресла и оглянулся кругомъ съ видомъ полнаго удовлетворенія.

— Я всегда чувствую себя прекрасно въ Ходдонъ-Греѣ! Онъ совсѣмъ не похожъ на другіе помѣщичьи дома.

— Постарайтесь насладиться имъ вдоволь,—смѣясь, сказалъ сэръ Люисъ Фордъ.—Глэнуилльямъ стережетъ его.

— Глэнуилльямъ!—воскликнулъ деканъ.

— Я встрѣтилъ его на станціи съ его прелестной, но весьма странной дочерью. Что онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Сѣетъ зло, вмѣстѣ со своимъ политическимъ другомъ, который живетъ здѣсь,—грустно сказалъ капелланъ м-ръ Перри.

— Я видѣлъ листки, распространяемые въ Матоверѣ,—сказалъ сэръ Люисъ Фордъ, понижая голосъ и оглядываясь.—И мнѣ сообщили удивительныя вещи. Говорятъ, Користонъ—Користонъ!—будетъ предсѣдателемъ на митингѣ, на которомъ выступитъ Глэнуилльямъ.

Сэръ Уилльфридъ пожалъ плечами и предупредилъ взглядомъ о близости матери Користона.

— Лучше не говорить объ этомъ,—сказалъ онъ коротко.

Легкая улыбка пробѣгала по изогнутымъ губамъ декана. Онъ былъ здѣсь новымъ человѣкомъ и его пригласили не столько изъ желанія видѣть его, сколько изъ тактическихъ соображеній. Ньюбёри хотѣли присмотрѣться къ нему, чтобы знать, какой политики онъ будетъ держаться въ епископствѣ.

— Я не предполагалъ, — сказалъ деканъ — чтобы женщина могла имѣть такихъ враговъ въ собственныхъ владѣніяхъ.

Капелланъ нахмурился.

— Лордъ Користонъ сталъ во враждебныя отношенія со всѣми,—сказалъ онъ. — Я считаю оскорбительнымъ письмо, полученное отъ него лордомъ Уилльямомъ на прошлой недѣлѣ.

— О чемъ онъ писалъ?—спросилъ сэръ Люисъ.

— Объ одномъ разводѣ. Очень непріятная исторія. Мы должны были отнестись строго къ виновнымъ.

Говорившій былъ высокій, худощавый человѣкъ, въ очкахъ, съ сѣдѣющими волосами. Деканъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Какое же дѣло до этого лорду Користону?

— Никакого, кромѣ желанія возбудить всеобщее неудовольствіе.

— Кто такіе разведенные?

Капелланъ разсказалъ исторію Беттса и его жены.

— Они не просили кого-нибудь обвѣнчать ихъ въ церкви?—спросилъ деканъ.

— Объ этомъ я ничего не знаю.

Деканъ промолчалъ, но, когда онъ откинулся на спинку кресла, положивъ руку за голову, на его лицѣ было скорѣе выраженіе непріязни, чѣмъ сочувствія.

Между тѣмъ вечеръ золотилъ верхушки липъ и наполнялъ души Марціи и Эдварда все большимъ и большимъ блаженствомъ. Солнечные лучи насквозь пронизывали ихъ животворящимъ и радостнымъ тепломъ такъ же, какъ землю,

по которой они шли, и воздухъ, который они вдыхали. Природа, казалось, сопутствовала имъ въ ихъ счастьѣ и тайно благословляла ихъ. Оба чувствовали и скрывали волненіе вслѣдствіе приближенія великой минуты, чувствовали, какъ что-то новое и торжественное входитъ въ нихъ. Въ первый разъ воля Марціи отсутствовала. Едва-ли она была безотчетно и безгранично счастлива; гдѣ-то, въ глубинѣ сознанія, таились предчувствія отдаленныхъ бурь и грозъ на безоблачномъ горизонтѣ жизни. Но она была влюблена, она проникалась физически и духовно близостью человѣка, идущаго рядомъ съ ней. Съ полной безпомощностью признавала она въ немъ существо, болѣе сильное и благородное, чѣмъ была сама.

Смиреніе и покорность страсти возростали въ ней и разливались по всему ея существу, подобно весеннимъ сокамъ, разливающимся по растеніямъ, и заставляли ее трепетать.

Ньюбёри дѣлался блѣднѣе и молчаливѣе. Но, когда они встрѣчались взглядами, было что-то въ его глазахъ, что заставляло ее опускать свои.

— Пойдемте въ лѣсъ посмотрѣть цвѣты, — сказалъ онъ мягко, указывая ей дорогу и уводя ее съ мѣста, которое было доступно наблюденіямъ изъ сада.

Мшистая тропинка вилась среди голубого моря дикихъ гіацинтовъ и вела черезъ густой буковый лѣсъ на вершину холма. Позади нихъ замыкали ее великолѣпные буки, молодая зеленая листва которыхъ играла и переливалась въ полосахъ свѣта, проникающихъ въ лѣсъ. Воздухъ былъ напоенъ благоуханіемъ. Лѣсные голуби тихо ворковали, казалось, только для нихъ. Согласный хоръ всѣхъ живыхъ существъ на землѣ приглашалъ ихъ на свой весенній праздникъ.

Безсознательно замедлились ихъ шаги, когда они углубились въ чащу лѣса. Тихій, какъ вздохъ, голосъ произнесъ ея имя:

— Марція!

Покорно повернулась она къ нему и увидала глаза, полные нѣжнаго обожанія, и губы, серьезно улыбающіяся:

— Да!

Она взглянула на него и вся расцвѣла сіяющей красотой. Онъ обнялъ ее и снова прошепталъ ея имя:

— Марція! Хотите быть моей... Хотите быть моей женой?

Она прильнула къ нему въ порывѣ счастья, пряча свое лицо, такъ что его губы не могли еще встрѣтиться съ ея губами.

Такъ вотъ она любовь? Вотъ это высшее блаженство жизни?

Они стояли такъ нѣкоторое время молча. Затѣмъ, продолжая держать ее рукой, онъ тихо подвелъ ее къ лежащему на землѣ громадному стволу дерева. Посадивъ ее, онъ сѣлъ самъ рядомъ.

— Какое счастье, что вы любите меня... что вы позволяете мнѣ любить васъ! — со страстнымъ увлеченіемъ сказалъ онъ.—О Марція! Стою ли я этого? Сдѣлаю ли я васъ счастливой?

— Меня нужно спросить объ этомъ! — ея губы дрогнули и въ глазахъ показались слезы.—Я далеко не такая хорошая, какъ вы, Эдвардъ. Вамъ часто придется сердиться на меня.

— Сердиться! — онъ засмѣялся съ веселымъ изумленіемъ.—Желалъ бы я видѣть человѣка, который могъ бы сердиться на васъ, Марція! Милая, любимая, какъ я нуждаюсь въ твоей помощи! Будемъ помогать другъ другу жить такъ, какъ должно жить. Развѣ не велика милость Божія, развѣ не чудесна жизнь?

Она пожала его руку вмѣсто отвѣта. Но напряженіе радости, которое она прочла въ его глазахъ, на минуту, только на одну минуту, отозвалось страданіемъ въ ея душѣ. Отъ нея требовалось что-то, чего она не могла дать, чему не была въ состояніи отвѣтить полностью. Какая-то тайная сила снова запротестовала въ ней. Но это только промелькнуло и затѣмъ тотчасъ же исчезло безслѣдно. Она сняла шляпу и, молча, повернула къ нему прелестное, улыбающееся лицо. Онъ снова привлекъ ее къ себѣ и она, почувствовавъ обвившую ее руку, отдалась его ласкамъ. Вѣдь она была молода, чувствовала себя любимой и любила сама.

— Какъ отнесутся ваши родители ко мнѣ?—спросила она, освободившись, наконецъ, и поднимая руки къ горящимъ щекамъ, затѣмъ къ волосамъ, чтобы привести ихъ хотя въ какой-нибудь порядокъ.

— Пойдемъ, посмотримъ!—онъ торжествующій и радостный поднялъ ее на ноги. Она пристально посмотрѣла на него.

— Я немного боюсь ихъ, Эдвардъ. Вы должны сказать имъ, чтобы они не ожидали многаго. А я все-таки всегда буду сама собой!

— Милая! Кто же можетъ требовать чего-нибудь иного отъ васъ или отъ меня!—Голосъ его слегка дрожалъ; можетъ быть, онъ былъ нѣсколько задѣтъ ея словами.

Затѣмъ онъ прибавилъ съ внезапно выступившей краской на лицѣ.

— Безъ сомнѣнія, я знаю, что скажетъ вамъ Корнстонъ. Онъ, кажется, считаетъ насъ лицемѣрами и тиранами. Су-

дите сами. Мать и отецъ не нуждаются въ моей защитѣ. Вы сами скоро узнаете ихъ. Сами увидите ихъ жизнь.

Онъ говорилъ съ горячимъ чувствомъ:

— Вы напишете Користону? Да? Онъ всѣмъ намъ причиняетъ непріятности и все-таки...—Ея глаза наполнились слезами.

— И все-таки вы его любите? — сказалъ онъ ласково.— Этого достаточно для меня.

— Если онъ будетъ даже грубъ и золъ?

— Вы думаете, я не сумѣю сдержать свой характеръ, когда дѣло будетъ касаться вашего брата? Испытайте меня.

Онъ горячо и крѣпко сжалъ ея руку своими сильными пальцами.

Вся ея стройная фигура, въ бѣломъ платьѣ, съ массой черныхъ волосъ на головѣ, освѣщенная вечернимъ солнцемъ и легко двигающаяся среди молодой зелени, казалась ему воплощеніемъ любви и радости.

Онъ сознавалъ, что переживаетъ минуты, которыя не повторятся никогда. Это то, что бываетъ только разъ въ жизни человѣка. Ему хотѣлось удержать эти минуты, насладиться ими, пока онѣ протекали, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ терзался, какъ всѣ влюбленные, бѣдностью и неудовлетворенностью человѣческаго чувства.

Не торопясь, возвращались они домой по длинной круговой тропинкѣ. На одномъ изъ поворотовъ они подошли къ широкой прогалинѣ на холмѣ, испещренной по всѣмъ направленіямъ деревенскими домиками и фермами.

Марція остановилась посмотрѣть и обратила вниманіе на выдѣляющійся среди другихъ бѣлый коттэджъ, привѣтливо выглядывающій изъ-за зеленыхъ кустовъ и окруженный полями. Въ саду, за невысокой изгородью, виднѣлась женская фигура.

— Какое очаровательное мѣстечко! Кто тамъ живетъ?

Ньюбери взглянулъ, куда она указывала, и не сразу отвѣтилъ:

— Это опытная ферма.

— Ферма мистера Беттса?

— Да. Вы сможете подняться сюда?

Марція взобралась безъ его помощи по крутой тропинкѣ наверхъ. Мысли ея были поглощены женской фигурой, мелькавшей вдали. Безъ сомнѣнія, это мистриссъ Беттсъ, предметъ оживленныхъ толковъ въ окрестностяхъ и причина оскорбительнаго письма Корри въ лорду Уилльяму.

— Мнѣ кажется, я должна сказать вамъ,—заговорила она, смущенно запинаясь,—что Корри, навѣрное, будетъ го-

ворить со мной объ этой исторіи. Не думаю, чтобы мнѣ удалось избѣжать разговора съ нимъ.

— Не направите ли вы его ко мнѣ? Право, такія исторіи не для вашихъ ушей.

Онъ говорилъ серьезнымъ, убѣдительнымъ тономъ.

— Корри подумаетъ, что я уклоняюсь... Будетъ, пожалуй, все-таки лучше, если я поговорю съ нимъ сама. Я помню все, что слышала отъ васъ.

— Я хотѣлъ только предупредить васъ.

Вмѣстѣ съ безпокойствомъ, на его лицѣ промелькнуло выраженіе суроваго упорства, которое она тотчасъ же замѣтила.

Перемѣнивъ разговоръ, они быстро пошли по направленію къ саду.

Лэди Уилльямъ замѣтила ихъ первая и замѣтила также, что они шли рука въ руку. Она прервала свою бесѣду съ сэромъ Уилльфридомъ Бери и поспѣшила къ мужу.

Деканъ и сэръ Люисъ курили, разсуждая о женскомъ вопросѣ. Сэръ Люисъ, упорный ненавистникъ суффражистокъ, только что сдѣлалъ нѣсколько фривольныхъ замѣчаній въ отвѣтъ на доводы декана въ пользу расширенія правъ женщинъ.

— Разумѣется, должна быть проведена граница между гаремомъ и парламентомъ!

Въ это время оба обратили вниманіе на приближающихся молодыхъ людей.

Деканъ поднялъ брови. Добродушная улыбка пробѣжала по его полнымъ губамъ и круглому лицу.

— Эге, они, кажется, уже порѣшили между собой? Похоже на то!—сказалъ онъ, продолжая улыбаться.

— А что такое?—съ живѣйшимъ любопытствомъ подхватилъ любившій посплетничать сэръ Люисъ, вскидывая монокль.—Вы что-нибудь подозрѣваете?

Пять человѣкъ собрались въ библіотекѣ и Марція сидѣла рядомъ съ лэди Уилльямъ, которая держала ее за руку. Всѣ, кромѣ лэди Користонъ, были въ счастливомъ возбужденіи, хотя и старались скрыть это. Даже лордъ Уилльямъ, при всей его склонности къ сомнѣніямъ и недовѣрію, чувствовалъ себя растроганнымъ и украдкой вытеръ глаза, когда кончилъ свою привѣтственную рѣчь и благословилъ сына и его невѣсту. Только лэди Користонъ сохраняла невозмутимое хладнокровіе. Конечно, она была вполнѣ удовлетворена. Она поцѣловала дочь, дала свое согласіе безъ малѣйшаго колебанія, и намекнула лорду и лэди Уилльямъ, въ немногихъ значительныхъ словахъ, что приданое Марціи достойно той и другой семьи. Но важность событія уже

отступила на второй планъ передъ ея страстнымъ желаніемъ переговорить до обѣда съ сэромъ Люисомъ Фордомъ. Ей хотѣлось узнать отъ него позднѣйшія и наиболѣе конфиденціальныя новости относительно приближающихся общихъ выборовъ. Благополучное окончаніе дѣла Марціи очень пріятно, но потолковать обо всемъ этомъ можно будетъ и потомъ, вернувшись изъ Ходдонъ-Грея. А сэръ Люисъ былъ рѣдкой птицей, которую жаль было бы упустить.

— Дорогая моя,—сказалъ лордъ Уилльямъ на ухо женѣ—нужно извѣстить Перри. Онъ упомянетъ о событіи на вечерней службѣ.

Она согласилась. Но Эдвардъ, стоявшій рядомъ и слышавшій разговоръ, спросилъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ:

— Вы, думаете, что это нужно, батюшка?

— Конечно, милый, конечно.

Ни Марція, ни ея мать ничего не слыхали. Эдвардъ подошелъ къ невѣстѣ, но не уловилъ минуты, чтобы поговорить съ ней. Вѣсть о семейномъ торжествѣ дошла уже до гостей и скоро комната наполнилась вновь пришедшими, раздались поздравленія, шутки, смѣхъ.

Деканъ, поздравивъ Марцію, занялся книгами, но время отъ времени поглядывалъ на нее испытующимъ взоромъ.

„Въ лицѣ есть признаки сильнаго характера, который можетъ еще развиться,—думалъ онъ.—Уживется ли она съ средневѣковымъ укладомъ этого дома? И что они сдѣлаютъ изъ нея?"

Сэръ Люисъ едва успѣлъ принести свои поздравленія и лучшія пожеланія жениху и невѣстѣ, какъ лэди Користонъ завладѣла имъ рѣшительно и безповоротно. Лордъ Уилльямъ исчезъ.

Среди оживленнаго разговора и смѣха раздались вдругъ звучные удары колокола.

Лэди Уилльямъ съ живостью встала съ мѣста.

— Дорогая моя, начинается служба. Лэди Користонъ, вамъ угодно?

Мать Марціи неохотно поднялась съ застывшимъ лицомъ.

— Что это будетъ?—спросилъ деканъ Эдварда.

— У насъ бываетъ вечерняя служба въ семь часовъ,— сказалъ Ньюбёри. — Отецъ установилъ этотъ обычай уже много лѣтъ назадъ. Намъ удобнѣе собираться въ это время, чѣмъ послѣ обѣда.

Онъ говорилъ просто и спокойно. Потомъ, сіяя счастіемъ, онъ повернулся къ Марціи и снова взялъ ее за руку. Она пошла за нимъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, черезъ широкій коридоръ въ церковь.

— Безъ всякой необходимости, не правда ли? — замѣ-

тилъ сэръ Люисъ, заключавшій шествіе вмѣстѣ съ лэди Користонъ. На его лицѣ выражалось сдержанное желаніе посмѣяться. Онъ былъ убѣжденный агностикъ, но, въ противоположность своей сосѣдкѣ, интересовался съ философской точки зрѣнія всякими религіозными обрядами.

— Болѣе, чѣмъ безполезно!—послѣдовалъ рѣзкій отвѣтъ. Но дѣлать было нечего, лэди Користонъ оставалось только подчиниться.

Между тѣмъ Марція была поглощена своимъ женихомъ. Когда они вошли въ церковь, она замѣтила, какъ преобразилось его лицо. Мистическое проникновеніе всецѣло оторвало его отъ внѣшняго міра, словно невидимая преграда встала вдругъ между ними. Она почувствовала себя покинутой и отодвинулась.

Но онъ не выпускалъ ея руки и велъ ее впередъ. Подойдя къ старинному распятію итальянской работы, они встали передъ нимъ на колѣни. Сквозь сумерки майскаго вечера мерцали церковныя лампадки и со всѣхъ сторонъ слышались тихіе голоса, повторяющіе молитвы. Позади Марціи стояли служащіе въ домѣ, а неподалеку отъ себя она видѣла военную форму сэра Уилльяма, стоявшаго на колѣняхъ рядомъ съ женой. Церковь была богато украшена и освѣщена. Стѣны были покрыты живописью и мозаикой, всюду блестѣла позолота. Господствовавшія здѣсь роскошь и красота рѣзко подчеркивали простоту незатѣйливой обстановки и голыхъ стѣнъ дома.

„Какое же имѣетъ все это значеніе?—спрашивала себя Марція.—Какое значеніе имѣетъ это для *меня?* Могу ли я принимать участіе во всемъ этомъ?“

Что сдѣлалось съ тѣмъ антагонизмомъ и возмущеніемъ, о которомъ она говорила Уоггинъ? Они не защитили ее, въ концѣ концовъ, отъ возростающаго вліянія Ньюбёри. Она сама дивилась своей податливости. Въ какой короткій срокъ удалось ему изгнать изъ ея души смутный страхъ передъ его родными и домашней обстановкой!

А теперь снова заползалъ въ душу этотъ страхъ—холодный, неопредѣленный страхъ, и осиливалъ постепенно любовь и радость.

Она обратила умоляющій взглядъ на Эдварда. Но ей снова показалось, что она забыта. Его глаза были устремлены на алтарь, онъ весь былъ тамъ.

И въ эту минуту она была поражена, услышавъ свое имя. По окончаніи обычныхъ молитвъ за всѣхъ предстоящихъ, капелланъ произнесъ вдругъ громкимъ, непріятно-торжественнымъ голосомъ молитву: „За счастье обрученныхъ Эдварда Ньюбёри и Марціи Користонъ“.

Внятный гулъ и содроганіе пробѣжали подъ сводами церкви и умолкли въ безднѣ молчанія. Марція наклонила голову съ облегченіемъ. Но щеки ея горѣли—и не только отъ естественной въ такую минуту застѣнчивости. Взоры всѣхъ колѣнопреклоненныхъ людей, казалось, были обращены на нее и она сжималась подъ ними. „Надо было спросить меня",—думала она, не переставая:—„Надо было спросить меня".

Когда они выходили изъ церкви, Ньюбёри, блѣдный, улыбающійся, наклонился къ ней и спросилъ тономъ, просящимъ прощенія:

— Милая, ты не ожидала этого?

Она быстро освободила свою руку.

— Вы, кажется, обѣдаете въ половинѣ девятаго? Я должна переодѣться.

И она поспѣшно ушла, не дожидаясь, чтобы онъ проводилъ ее черезъ незнакомый домъ. Задыхаясь, вбѣжала она по лѣстницѣ и нашла свою комнату. Знакомое лицо ожидавшей ее горничной, зажженныя лампы на туалетномъ столѣ, розы и платье, разложенное на постели, тотчасъ же совершенно успокоили ее. Краска вернулась на ея щеки, она начала болтать съ дѣвушкой обо всякихъ пустякахъ, смѣясь и въ то же время чувствуя желаніе плакать. Дѣвушка одѣла ее въ блѣдно-розовое платье и сказала ей, застегивая послѣдній крючекъ, что никогда еще не видала ее такой прелестной.

— Но развѣ вы не приколете эти розы, миссъ?

Она указала на букетъ, принесенный лэди Уилльямъ.

Марція приколола его къ поясу и постояла съ минуту, смотря на свое изображеніе въ зеркалѣ. И не одно дѣвическое тщеславіе выражалось въ это время въ ея взглядѣ! Нѣчто, болѣе сильное и глубокое, зародившееся въ ея душѣ. Она какъ-будто соразмѣряла свои силы съ чьимъ-то враждебнымъ натискомъ и спрашивала себя: „Кто изъ насъ подчинится? Можетъ быть, не я!"

Какъ только Марція вошла въ гостиную, гдѣ всѣ были уже въ сборѣ, ея дурное настроеніе исчезло окончательно. Оно растворилось въ лучахъ теплоты и расположенія, потянувшихся къ ней изъ всѣхъ глазъ, устремленныхъ на нее. Исчезли злые духи сопротивленія, мучившіе ее въ церкви. Ихъ прогнали нѣжные, восхищенные взоры лорда Уилльяма, блистающаго въ своей парадной одеждѣ, и его жены, растроганной и умиленной. Лэди Уилльямъ надѣла старинныя драгоцѣнности, которыя надѣвала только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Къ обѣду Марцію повелъ лордъ Уилльямъ и обращался съ ней, какъ съ королевой. Столъ

въ длинной низкой столовой былъ украшенъ цвѣтами и великолѣпнымъ стариннымъ серебромъ, которое сѣдой буфетчикъ поспѣшилъ вынуть изъ фамильныхъ кладовыхъ. Передъ приборомъ Марціи лежалъ букетъ лилій, собранный тоже старымъ главнымъ садовникомъ, въ промежутокъ между церковной службой и обѣдомъ. А противъ нея сидѣлъ человѣкъ, который будетъ ея мужемъ. Сдержанный, веселый, онъ щадилъ застѣнчивость своей невѣсты и старательно поддерживалъ разговоръ съ деканомъ объ органѣ въ соборѣ и сэромъ Люисомъ о политикѣ. Но сквозь эту сдержанность неудержимымъ потокомъ прорывалось порой такое счастіе, что разговоръ дѣлался затруднительнымъ, а отецъ и мать невольно уходили отъ настоящаго къ прошлому и погружались въ воспоминанія молодости.

Послѣ обѣда сэръ Уильфридъ Бери нашелъ лэди Користонъ въ отдаленномъ углу, за чтеніемъ вечернихъ газетъ, только что пришедшихъ съ почты. Онъ сѣлъ рядомъ съ ней.

— Ну-съ, какъ вы себя чувствуете?

— Еслибы можно было возстановить дуэли! — сказала лэди Користонъ, смотря въ пространство горящими глазами.

— Благодарю покорно! Изъ-за чего и съ кѣмъ? Или вы хотите стрѣляться съ вашимъ будущимъ зятемъ за то, что онъ беретъ ее у васъ?

— Кого—Марцію? Пустяки!—сказала лэди Користонъ съ нетерпѣніемъ.—Я говорю о послѣдней рѣчи Глэнуиллльяма, съ такими нападками на насъ, землевладѣльцевъ. Еслибы не была упразднена дуэль, онъ не сказалъ бы ничего подобнаго или былъ бы убитъ черезъ двадцать четыре часа!

— Ну его, Глэнуиллльяма! Я хочу говорить о Марціи!

Лэди Користонъ медленно повернулась къ нему.

— Что такое съ Марціей? Я не вижу, о чемъ тутъ говорить?

— Что такое! Чудовищная вы женщина! Я хочу знать, какъ вы относитесь ко всему этому? Нравится ли вамъ молодой человѣкъ? Находите ли вы его достаточно подходящимъ для нея?

— Конечно, онъ мнѣ нравится. Прекрасный человѣкъ. Я надѣюсь, что онъ будетъ ей очень хорошимъ мужемъ. Если же вы хотите знать, что я думаю о его семьѣ,—она понизила голосъ—то могу только сказать, что, хотя у нихъ и легіоны добродѣтелей, я задыхаюсь въ ихъ домѣ. Точно проходишь черезъ чистилище. Это—атмосфера утонченной тираніи! Къ чему, скажите, на милость, таскаютъ они насъ всѣхъ въ церковь?

— Тираннія! *Вы* называете это тиранніей!—въ глазахъ сэра Уилльфрида запрыгали веселые огоньки.

— Разумѣется,—твердо сказала лэди Користонъ.—Какъ иначе назвать это? Нельзя залѣзать въ чужую душу.

Сэръ Уилльфридъ сѣлъ возлѣ нея на диванѣ и слушалъ съ удовольствіемъ, какъ она осуждала хозяевъ. Онъ съ наслажденіемъ думалъ о сатанѣ, порицающемъ грѣхъ. Зрѣлище увеселяло его еще болѣе потому, что не далѣе, какъ сегодня утромъ онъ говорилъ съ ней объ ея отношеніи къ старшему сыну и не добился никакихъ результатовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Весенній жанръ.

Едва туманами клубящаяся мгла
Съ оттаявшихъ бугровъ сползла на топь болота
И ясный вспыхнулъ день,—на землю низошла
Весенней кутерьмы спѣшащая забота.

Для всѣхъ дѣла нашлись: вонъ бабы у села
Вступили въ жаркій споръ; мальчишекъ рьяныхъ рота
Ужь строится въ полки; навозный соръ, зола—
Для пѣтуховъ и куръ давнишняя работа.

Въ ладъ топоры стучатъ. Реветъ рогатый скотъ,
Учуявъ духъ земли и сладостную нѣгу.
Весна! Свистятъ скворцы въ скворешняхъ у воротъ

И воробьи дождемъ осыпали телѣгу.
И важный и большой за тощимъ старикомъ
Міркой шагаетъ быкъ съ отвислымъ кадыкомъ.

П. Радимовъ.

ИЗЪ АНГЛІИ.

Изъ Ирландіи.

I.

На дняхъ я бродилъ по North Queen Street въ столицѣ Ольстера, въ Бельфастѣ. По случаю воскресенья все было заперто, кромѣ церквей и кабаковъ. Только суровая вѣра безъ одного луча радости можетъ создать такія тяжелыя, мрачныя, уродливыя, бездарныя церкви, съ низкими квадратными колокольнями, сложенными изъ гранита, ставшаго чернымъ отъ непогоды и отъ копоти. Отъ этихъ холодныхъ, черныхъ, неуклюжихъ зданій вѣетъ мрачнымъ фанатизмомъ, мстительностью и нетерпимостью. Изъ церквей, послѣ вечерней службы, выходятъ нарядно, неуклюже одѣтые мужчины въ черныхъ сюртукахъ и цилиндрахъ и дамы въ черныхъ платьяхъ. И мужчины, и женщины прижимаютъ къ груди громадные, толстые молитвенники съ золотыми обрѣзами. Мужчины и женщины одинаково крупны, одинаково плотны и неуклюжи. Лица у большинства—грубыя, не одухотворенныя тонкою мыслью, хотя большіе подбородки и широкія жевательныя мышцы выражаютъ силу. Изъ церквей, какъ и въ Англіи, выходятъ все люди зажиточные. У всѣхъ на лицахъ выраженіе спокойнаго довольства и сознанія увѣренности, что они только что заключили крайне выгодный для себя договоръ съ Господомъ Богомъ.

А рядомъ съ тяжелыми, холодными церквями мрачные кабаки. Безпрерывно открываются въ нихъ двери и закрываются. Я вижу тогда плохо одѣтыхъ, растрепанныхъ, широкоплечихъ, мрачныхъ и грубыхъ людей, толпящихся у стоекъ, разсказывающихъ анекдоты, ругающихся и поющихъ.

There's nothing like whisky
To make the girls frisky,
To make them good-natured,
And soften their heart,—

доносится изъ кабака. („Нѣтъ ничего лучше виски, чтобы сдѣлать дѣвушекъ шаловливыми, сдѣлать ихъ податливыми и смягчить ихъ

сердца"). Ругань и божба, долетающая изъ открытыхъ дверей, грубая, циничная, какой не слышно въ Англіи. Доносятся безстыдныя ругательства и выраженія, забытыя Англіей съ XVII вѣка. Ихъ можно встрѣтить только у Шекспира.

— To hell with the Pope! (Въ адъ папу!)—кричитъ кто-то сиплымъ, придушеннымъ отъ водки пьянымъ голосомъ.

Я иду дальше. Тянется громадный, каменный заборъ, за которымъ, повидимому, какіе-то склады. Оборванный мальчишка лѣтъ двѣнадцати, босой, безъ курточки, съ кончикомъ рубахи, выглядывающимъ сзади изъ прорванныхъ штанишекъ, выводитъ мѣломъ на стѣнѣ: „Damn the traiters! To hell with the Pope!" (Проклятіе измѣнникамъ! Въ адъ папу!). Дѣвочка лѣтъ 14, оборванная, грязная, съ распущенными волосами, покрытыми мужской шапочкой, смотритъ на полемическія упражненія мальчика.

— Биль,—говоритъ она.—Вы сдѣлали ошибку. Надо писать не „traiters", а „traitors", черезъ *o*, а не *e*.

— Ступайте въ адъ съ вашей буквой *o*! — рѣзко обрываетъ мальчикъ.

Раздается улюлюканье. Я вижу такую сцену: впереди бѣжитъ плохо одѣтый, немолодой уже, бородатый мужчина съ испуганными, широко раскрытыми глазами. За нимъ гонятся десятка три мальчишекъ и дѣвчонокъ и человѣка два-три взрослыхъ, повидимому, только что вышедшихъ изъ кабака. Мальчишка, писавшій „traitors" черезъ *e*, и дѣвчонка, поправлявшая его, бросились вдогонку за убѣгавшимъ.

— Лови паписта!—закричали они пронзительно.—Бей паписта! Въ воду паписта! У-у-у-у!

Но „папистъ", заглянувшій въ протестантскій кварталъ, скрылся.

Послышались ритмическіе шаги; показалось человѣкъ сорокъ-пятьдесятъ, съ ружьями на плечахъ, но одѣтые по-обывательски, въ пиджаки. У всѣхъ были форменные пояса съ бляхами и перевязь съ патронами черезъ плечо.

— Гипъ! гипъ! гипъ! Ура!—закричали тѣ самые, которые гнались за „папистомъ".—Ура нашимъ волонтерамъ! Ура сэру Эдуарду Карсону!

Я всматриваюсь въ лица волонтеровъ. Тутъ или испитые юноши, повидимому, клерки, или грубые, неуклюжіе, иногда не совсѣмъ трезвые чернорабочіе. Что-то въ этихъ лицахъ гармонируетъ съ холодными церквами, съ мрачными кабаками и съ грубой, циничной руганью, доносящейся оттуда. Таковы мои первыя впечатлѣнія въ столицѣ Ольстера.

II.

Мнѣ надо повидать секретаря Бельфастскаго отдѣленія „Союза Иберійцевъ". Такъ какъ это націоналистическая организація, то

помѣщается она на Falls-road, въ кварталѣ „папистовъ“. Молодой человѣкъ изъ Лондондерри, сынъ фабриканта, какъ онъ самъ сказалъ мнѣ, вызвался показать мнѣ дорогу. Моего провожатаго зовутъ Гиллеспи. Заговорилъ онъ первый со мною вчера за обѣдомъ въ гостиницѣ „Eglinton and Winton“. Мы сворачиваемъ на главную улицу Бельфаста, на Royal Avenue. Большіе дома; широкія, отлично вымощенныя улицы; электрическіе трамваи, держащіеся, какъ слѣпые за руку поводыря, длиннымъ щупальцемъ за проволоку; магазины съ витринами во всю стѣну; конторы, банки, дѣловито спѣшащая публика. Словомъ, на первый взглядъ, типичныя, интернаціональныя черты большого, торговаго города. Характерные признаки, присущіе Бельфасту, выступаютъ, когда мы присмотримся нѣсколько. Вотъ промчался кто-то на мотоциклеткѣ съ карабиномъ за плечами и съ маленькой сумкой у пояса.

— Despatch rider! (т. е. гонецъ съ депешами),—объяснилъ мнѣ мистеръ Гиллеспи. Ольстерскіе бѣлые революціонеры не довѣряютъ почтѣ и завели собственныхъ гонцовъ, мчащихся изъ одного конца провинціи въ другой. Полковники и генералы англійской службы, стоящіе теперь во главѣ ольстерской арміи, организовали эту полевую почту на военный ладъ, благо англійское правительство совершенно не вмѣшивается... Идетъ, стуча каблуками, дама въ морскомъ плащѣ съ капюшономъ, съ громадной подзорной трубой подъ мышкой и съ узломъ цвѣтныхъ флажковъ въ рукѣ. У дамы необыкновенно дѣловитый видъ. Лѣтъ ей подъ тридцать. Грубоватое лицо пышетъ здоровьемъ, такъ что румянецъ на щекахъ сизый.

— Видите: дама тоже въ корпусѣ волонтеровъ, — объясняетъ мнѣ мистеръ Гиллеспи.

Она идетъ на берегъ Belfast Lough (родъ лимана), на свой постъ, чтобы наблюдать и дѣлать сигналы.

— Что наблюдать и кому дѣлать сигналы?—спрашиваю я.

— Такъ, вообще, на всякій случай. Теперь Ольстеръ наполненъ вооруженными людьми, какъ когда-то троянскій конь. Смотрите.

Мы проходили мимо громаднаго зданія со множествомъ дверей. На одной изъ нихъ, какъ на корабельной конторѣ или надъ входомъ въ банкъ, прикрѣплена была ярко вычищенная мѣдная доска, съ поларшина въ длину, на которой красными буквами значилось: „Штабъ ольстерскихъ волонтеровъ“. Такая же доска на другой двери гласила, что тутъ канцелярія главнокомандующаго революціонной арміи. У входа стояли два волонтера, съ карабинами въ рукахъ, перевязью съ патронами черезъ плечо, въ пиджакахъ и въ обыкновенныхъ штанахъ, но съ намотанными суконными бандажами на голеняхъ, какъ носятъ англійскіе солдаты. Напротивъ революціонной штабъ-квартиры съ вывѣской— спокойно стоитъ полисменъ. Повидимому, слова „революція“, „во-

оруженное возстаніе“ и „временное правительство“ въ Ирландіи имѣютъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ.

Печать дѣловитости лежитъ на всѣхъ домахъ Royal Avenue. На каждомъ шагу магазины, конторы и банки; но странное дѣло: я не вижу книжнаго магазина. А между тѣмъ въ каждомъ новомъ городѣ именно книжная лавка даетъ мнѣ ключъ къ пониманію населенія.

— Гдѣ самый большой книжный магазинъ? — спрашиваю я у мистера Гиллеспи и узнаю, что во всемъ Бельфастѣ, насчитывающемъ 400 тысячъ населенія и имѣющемъ высшій колледжъ, *нѣтъ ни одной книжной лавки.*

— Мы, ольстерцы, дѣловые люди и не имѣемъ свободнаго времени, чтобы тратить его на чтеніе, — объяснилъ мнѣ мистеръ Гиллеспи. — Кромѣ того, наши отцы строгіе пуритане и воспрещаютъ дѣтямъ читать что бы то ни было, кромѣ Библіи. Въ Ольстерѣ власть родителей такъ сильна, что молодыхъ людей 18-19 лѣтъ сѣкутъ, если отецъ найдетъ у нихъ романъ или если они возвратятся домой позже хоть на четверть часа, чѣмъ были отпущены.

Изъ моего знакомства съ ольстерцами и изъ разсказовъ о нихъ я знаю, что эти строгіе пуритане, когда попадаютъ въ Лондонъ или въ Парижъ, сами нуждаются въ бдительномъ надзорѣ. Фрэнкфортъ Муръ, только что выпустившій большую книгу „The Truth about Ulster“, привѣтствованную всею консервативной печатью, тоже свидѣтельствуетъ, что у ольстерца пѣніе религіознаго гимна перемежается „вольными“ анекдотами и неприличной бранью, а за душеспасительнымъ наставленіемъ слѣдуютъ похожденія съ уличными феями. Кстати, приведу анекдотъ, разсказанный Муромъ и свидѣтельствующій о трогательныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми. „Я зналъ въ Ольстерѣ отца, продѣлавшаго дырочку въ стѣнѣ комнаты сына, чтобы удобнѣе слѣдить за нимъ. Отецъ былъ очень религіозный человѣкъ и желалъ, чтобы сынъ всегда шествовалъ по стезѣ добродѣтели. Сынъ скоро заподозрилъ, что за нимъ подсматриваютъ. Онъ сталъ осматривать стѣны и нашелъ искусно замаскированную дырочку. Когда наступила ночь, молодой человѣкъ зажегъ газъ и сталъ прислушиваться. Скоро за стѣной раздалось знакомое тихое и осторожное шарканье ковровыхъ туфель: отецъ подбирался къ „глазку“, чтобы заглянуть въ комнату сына. Шорохъ показалъ сыну, что отецъ поднялъ кусокъ обоевъ, замаскировавшій дырочку, и смотритъ. Тогда сынъ изъ сарбакана дунулъ каенскій перецъ въ глаза отцу. Вой и проклятье, раздавшіеся за стѣной, показали, что выстрѣлъ попалъ въ цѣль. Сынъ выбѣжалъ и прикинулся необыкновенно огорченнымъ. Онъ отлично

зналъ, что отецъ не посмѣетъ сказать, при какихъ условіяхъ приключилось съ нимъ несчастье" [1]).

Мистеру Гиллеспи, повидимому, стало нѣсколько неловко, что въ большомъ городѣ, въ нѣкоторомъ родѣ столицѣ, нѣтъ книжнаго магазина. (Кстати. Въ столицѣ націоналистовъ, т. е. въ Дублинѣ, книжныхъ магазиновъ очень много. Нигдѣ поэты и романисты не составляютъ себѣ такую быструю славу, какъ въ Дублинѣ).

— Если вамъ нужна книжка, подойдемъ къ лавочкѣ, гдѣ продаютъ газеты. Кое-что тамъ можно найти.

Кромѣ газетъ, въ лавочкѣ торговали еще игрушками, канцелярскими принадлежностями, табакомъ, галантерейными вещами и какими-то вышивками. Тутъ же на прилавкѣ лежало нѣсколько брошюрокъ и книжечекъ, посвященныхъ ольстерскому вопросу. Были еще двѣ полки, уставленныя учебниками. Повидимому, торговля книгами въ Бельфастѣ такое невыгодное дѣло, что требуется еще подсобный заработокъ въ видѣ сбыта папиросъ, перочинныхъ ножей, шитыхъ туфель и пр. Въ „книжномъ магазинѣ" висѣли портретъ сэра Эдуарда Карсона, изображеннаго съ гордо откинутой головой и съ знаменемъ въ рукахъ, какъ рисовали героевъ на Аркольскомъ мосту, да двѣ каррикатуры противъ націоналистовъ. На одной изображены были Рэдмондъ, Дэвлинъ, Свифтъ Макъ-Нейлъ, О'Коннoръ, Диллонъ и другіе гомрулеры, тузящіе другъ друга кулаками и дубинами, такъ какъ всѣмъ хочется пробраться въ запертое помѣщеніе — въ „Ирландское министерство". Другая изображала окно католическаго собора. На стеклѣ его, вмѣсто святого, видна была апокалиптическая „жена, сидящая на звѣрѣ багряномъ, преисполненномъ именами богохульными, съ семью головами и десятью рогами". „Жена" носитъ на головѣ папскую тіару съ надписью „гомруль". Въ одной рукѣ она держитъ мѣшокъ съ американскими долларами, а другой душитъ ольстерскаго протестанта. Къ мѣшку съ американскимъ золотомъ тянется Аскитъ, сидящій на колѣняхъ у „жены". Вмѣсто подписи, стихъ изъ Откровенія: „И жена облечена была въ порфиру и багряницу, украшена золотомъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, и держала золотую чашу въ рукѣ своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодѣйства ея".

На прилавкѣ лежала только что вышедшая книжка Дегласа Ньютона „The North Afire" (Сѣверъ въ огнѣ), представляющая собою предвидѣнье того, что будетъ, если правительство все-таки дастъ Ирландіи гомруль. Я развернулъ книжку наугадъ и прочелъ: „Большое сраженіе произошло въ Лондондерри. Въ Мэджи Колледжъ, въ Дерри, брошены были бомбы, причинившія громадный вредъ. Толпа пылкихъ оранжистовъ, вышедшая изъ-подъ контроля вождей, отправилась по провинціи, систематически громя

---

[1]) „The Truth about Ulster", p. 167.

всѣ фермы, принадлежавшія націоналистамъ. Оранжисты убивали скотъ, ломали земледѣльческія машины, жгли хлѣбъ и рубили фруктовыя деревья. Въ одномъ мѣстѣ группа фермеровъ и сельскихъ работниковъ, вооруженная охотничьими ружьями, пробовала защищать свое имущество; но нападающіе взяли фермы штурмомъ и повѣсили защитниковъ на вѣтвяхъ яблонь и вишневыхъ деревьевъ. Затѣмъ все было предано огню". Авторъ доказываетъ, что долженъ быть только одинъ законъ: законъ сильнѣйшаго. Когда мы вышли изъ лавочки, я сказалъ мистеру Гиллеспи про то, какое впечатлѣніе произвела на меня книжка „The North Afire".

— Мы ненавидимъ папистовъ,—вставилъ мой знакомый.—Это ненависть сильныхъ людей къ слабымъ и людей, постигшихъ свѣтъ истинной вѣры, къ идолопоклонникамъ. Посмотрите: все богатство Ольстера создано протестантами. Паписты бѣдны, неграмотны, невѣжественны, суевѣрны, не способны, какъ мы, къ прогрессу и только занимаютъ мѣсто, которое мы могли бы превратить въ золотое дно. Паписты являются для насъ нагляднымъ доказательствомъ того, чѣмъ были бы мы, не будь на нашей сторонѣ всеблагое Провидѣніе и не укажи намъ въ 1689 году путь великій государь, имя котораго для насъ, ольстерцевъ, болѣе священно, чѣмъ всѣ библейскіе цари, взятые вмѣстѣ.

Молодой человѣкъ имѣлъ въ виду короля Вильгельма III Оранскаго. Я могъ бы сдѣлать сильныя поправки къ каждому утвержденію мистера Гиллеспи. Онъ, какъ и большинство ольстерцевъ, говорилъ объ ирландцахъ-католикахъ такъ же, какъ его предки въ серединѣ XVII вѣка о населеніи графства Керри, т. е. какъ о жителяхъ Огненной Земли или Новой Гвинеи [1]). Бельфастъ, напр., центръ полотняной промышленности. Здѣсь болѣе тридцати тысячъ ткачей. Все это, большею частью, протестанты. Получаютъ они такую ничтожную заработную плату, которую въ Ланкаширѣ получали развѣ дѣды нынѣшнихъ ткачей: по 13-16 шил. въ недѣлю. Ольстерское движеніе—своего рода экономическій парадоксъ: фанатизмъ и національная нетерпимость объединили здѣсь предпринимателей и рабочихъ, интересы которыхъ прямо противоположны. Обусловливается это объединеніе поразительнымъ невѣжествомъ протестантовъ-рабочихъ.

Что касается „величайшаго короля", то историки не согласны съ оцѣнкой его характера въ Ольстерѣ. Въ глазахъ оранжистовъ

---

[1]) „Въ семнадцатомъ вѣкѣ эта часть Ирландіи (Керри) была такъ же мало извѣстна цивилизованному міру, какъ Шпицбергенъ или какъ Гренландія. Если когда-нибудь этотъ край упоминался, то только какъ страшная пустыня; какъ страна топкихъ болотъ, дремучихъ лѣсовъ и овраговъ, въ которыхъ таятся волки; какъ дебри, населенныя полунагими дикарями, не говорящими ни слова по-англійски, живущими въ берлогахъ, слѣпленныхъ изъ грязи, и питающимися кореньями да кислымъ молокомъ". (Г. В. Macaulay, „History of England", vol. II стр. 317).

Вильгельмъ III, какъ полководецъ, превосходитъ Ганнибала и Наполеона; какъ государственный дѣятель, онъ дастъ сто очковъ впередъ Карлу Великому, а, какъ мудрецъ, съ нимъ не можетъ сравниться Маркъ Аврелій. „Отъ великаго ума онъ всегда молчалъ",— такова подпись подъ висѣвшей въ моей комнатѣ въ гостиницѣ старой гравюрой съ изображеніемъ Вильгельма III на громадномъ конѣ. Маколей нѣсколько иначе объясняетъ молчаніе короля. „Онъ говорилъ по-англійски, но плохо... Запасъ словъ у него былъ очень невеликъ, достаточный развѣ для обихода. Плохимъ знаніемъ англійскаго языка, на которомъ Вильгельмъ III выражался съ трудомъ, а также сознаніемъ, что онъ дѣлаетъ грубыя и смѣшныя ошибки, объясняется его молчаніе и лаконичность отвѣтовъ. Нашей литературы онъ не понималъ. За все время царствованія онъ ни разу не былъ въ театрѣ" [1]). Онъ не любилъ англичанъ, былъ грубъ съ ними, такъ что выведенные изъ терпѣнія они нѣсколько разъ напомнили Вильгельму III судьбу Якова II. „Всѣмъ было извѣстно, что молчаливый король, обращавшійся грубо съ англичанами, могъ быть веселъ, могъ пѣть пѣсни и наполнять стаканъ даже чаще, чѣмъ нужно, когда находился въ обществѣ своихъ соотечественниковъ" (т. е. голландцевъ), — говоритъ историкъ. Интересно то, что лизоблюды-поэты XVII вѣка именно это предпочтеніе иностранцевъ ставили въ заслугу королю въ своихъ похвальныхъ одахъ (которыхъ Вильгельмъ III, вслѣдствіе плохого знанія языка, не понималъ).

We blame the King that he relies too much
On strangers, Germans, Huguenots, and Dutch,
And seldom does his great affairs of state
To English counsellors communicate.
The fact might very well be answered thus,
He has too often been betrayed by us.
He must have been a madman to rely
On english gentlemen's fidelity.
The foreigners have faithfully obeyed him,
And none but Englishmen have e'er betrayed him.

Такъ восхвалялъ короля поэтъ - лоялистъ и „патріотъ". („Мы ставимъ королю въ вину то, что онъ отдаетъ предпочтеніе иностранцамъ,—нѣмцамъ, гугенотамъ, голландцамъ,—и что онъ рѣдко сообщаетъ англійскимъ совѣтникамъ про свои государственныя дѣла. На это можно очень легко отвѣтить такъ: мы слишкомъ часто измѣняли ему. Онъ долженъ быть безумцемъ, чтобы положиться на вѣрность англійскихъ дворянъ. Иностранцы вѣрно служили королю и только англичане измѣняли ему"). О военныхъ талантахъ Вильгельма III можно судить по потерѣ Намюра въ 1692 г. и по позорному пораженію, которое король потерпѣлъ при Неервинденѣ въ 1693 г. Какъ многіе доблестные полководцы того же калибра,

---

[1]) Ib., стр. 253.

Вильгельмъ III находилъ, что гораздо легче и безопаснѣе воевать съ собственными подданными, чѣмъ съ иностранцами. Какъ и другіе усмирители, король проявлялъ невѣроятную жестокость по отношенію къ побѣжденнымъ повстанцамъ. По его приказу, напримѣръ, вырѣзанъ въ 1692 году въ Гленко весь классъ Макдональдовъ. Но въ особенности Вильгельмъ III проявилъ себя въ Ирландіи.

II.

Точно такъ, какъ Виргилій остановился когда-то у вратъ неба, заявивъ, что дальше не можетъ идти, мистеръ Гиллеспи тоже объявилъ мнѣ, что дальше ему нѣтъ хода.

— Вотъ Falls-road. Тутъ начинается кварталъ папистовъ,— сказалъ мнѣ мой проводникъ. Мы распростились.

Грязная улица, заваленная газетами, гнилыми капустными листьями и картофельной шелухой. По обѣимъ сторонамъ высокіе, многоэтажные, мрачные, грязные дома, въ каждомъ изъ которыхъ десятки квартиръ. Въ Бельфастѣ, какъ и въ Глазго, преобладаютъ громадные дома, а не коттеджи, какъ въ англійскихъ городахъ. Чуть-ли не на каждомъ поворотѣ по кабаку, изъ дверей котораго воняетъ пивомъ и перегаромъ. У дверей этихъ кабаковъ неподвижно стоятъ оборванные, распухшіе отъ пива, мрачные люди съ небритыми лицами. Они молча выслушиваютъ отчаянную брань простоволосыхъ женщинъ съ зелеными шалями на плечахъ. На тротуарѣ гомозятся босые, оборванные, чумазые ребятишки. Двѣ дѣвочки вертятъ веревку, черезъ которую прыгаетъ третья дѣвочка, твердя: „Перецъ, уксусъ, сахаръ, соль; перецъ, уксусъ, сахаръ, соль!" На мостовой мальчикъ съ завязанными глазами пробуетъ поймать пищащихъ и пляшущихъ вокругъ него ребятишекъ.

Blind man, blind man,
Sure you can't see?
Turn round thre times,
And try to catch me,—

поютъ дѣти. („Слѣпенькій, слѣпенькій, правда-ли, что ты ничего не видишь? Повернись трижды и попробуй изловить меня"). У ограды стоитъ мальчишка лѣтъ 12, оборванный и босой. Онъ выводитъ кускомъ мѣла: „To hell with King Billy!" („Въ адъ короля Билли", т. е. Вильгельма Оранскаго). Изъ одного окна въ третьемъ этажѣ высунутъ, параллельно къ мостовой, шестъ. На немъ подвѣшено чучело въ старомъ, изломанномъ цилиндрѣ. Таблица на шеѣ гласитъ, что это повѣшенъ сэръ Эдуардъ Карсонъ. Проходитъ долгополый католическій священникъ, съ грубымъ, неинтеллигентнымъ лицомъ и пытливыми, колючими, желтыми глазами. Я спрашиваю у него, гдѣ помѣщеніе Союза Иберійцевъ? Священникъ подозрительно и пытливо осматриваетъ меня съ головы до ногъ.

— У меня „открытый листъ“ ко всѣмъ „иберійцамъ“, выданный мнѣ Дэвлиномъ,—говорю я и показываю карточку со штемпелемъ „House of Commons“, подписанную знаменитымъ коммонеромъ, стоящимъ во главѣ союза, насчитывающаго, говорятъ, восемьсотъ тысячъ членовъ. Въ приложеніи къ „открытому листу“ перечислены лица, которымъ рекомендуется „русскій литераторъ N. N.“; увидя здѣсь имена епископа и настоятелей двухъ католическихъ церквей, священникъ засуетился и вызвался быть проводникомъ.

И черезъ пять минутъ отъ секретаря Союза Иберійцевъ я слышалъ такія же обвиненія протестантовъ въ слѣпотѣ, фанатизмѣ, нетерпимости и некультурности, какія слышалъ недавно отъ протестанта по адресу католиковъ. Когда колонисты-протестанты привезены были сюда Кромвелемъ, а потомъ королемъ Билли, — объяснялъ мнѣ секретарь, — имъ отданъ былъ наказъ никого не щадить, такъ какъ оставшіеся въ живыхъ навсегда останутся шипомъ въ тѣлѣ захватчиковъ. Завоеватели сдѣлали все, что могли, для истребленія цѣлаго населенія; но вырѣзать всѣхъ до послѣдняго человѣка невозможно. Къ тому же, завоевателямъ нужны были работники, рабы, и они пощадили кое-кого. Мы три вѣка были въ неволѣ. Протестанты привыкли смотрѣть на насъ, какъ на низшія существа, а на себя, какъ на небожителей. Политическое неравенство давно уже отмѣнено, но исторически сложившееся предубѣжденіе противъ католиковъ осталось. Мы болѣе культурны, чѣмъ ольстерцы. Это признаютъ даже такіе восторженные поклонники оранжистовъ, какъ Фрэнкфортъ Муръ. Неправда, будто всѣ фабриканты—протестанты. Богатство Ирландіи создано католиками, во всякомъ случаѣ, въ такой же мѣрѣ, какъ и протестантами. Если кто проявлялъ постоянно крайнюю нетерпимость, такъ это протестанты.

— Читали-ли вы сегодня „Freeman's Journal“?—спросилъ секретарь, подавая мнѣ развернутый номеръ главной націоналистической газеты. Тамъ я нашелъ воззваніе къ юніонистамъ (т. е. ольстерцамъ). Газета предлагала имъ принять гомруль, какъ неизбѣжное. „Когда билль станетъ закономъ,—говорилось дальше —Рэдмондъ и сэръ Эдуардъ Карсонъ смогутъ уладить недоразумѣнія между сѣверомъ Ирландіи и югомъ“. „Трудно даже намѣтить тѣ границы, до которыхъ дойдетъ Рэдмондъ въ своихъ уступкахъ,—читалъ я дальше въ официальномъ журналѣ.—Націоналисты хотятъ дружескаго разрѣшенія вопроса“. Дальше указывалось, что Ирландія—общая родина націоналистовъ и юніонистовъ.

— Знаете, что отвѣтили на это вечернія юніонистскія газеты?—спросилъ секретарь: — онѣ заявили, что гомрулю не бывать, такъ какъ ольстерскіе протестанты не хотятъ, чтобы въ Дублинѣ былъ отдѣльный парламентъ. Они вооружились теперь, чтобы заставить насъ, составляющихъ 75% всего населенія Ирландіи, подчиниться

желанію меньшинства! Ни одинъ націоналистъ, живущій теперь въ Ольстерѣ и знающій населеніе, не отнесется сколько-нибудь серьезно къ военнымъ приготовленіямъ сэра Эдуарда Карсона. Въ этомъ отношеніи мы спокойны. Если насъ безпокоитъ что-нибудь, такъ это не полки ольстерскихъ волонтеровъ, а совершенно непонятная робость правительства. Оно не рѣшилось тронуть ни одного изъ тѣхъ, которые ввезли оружіе черезъ Ларнъ, хотя контрабандисты, помимо всего, задержали полицію и береговую стражу, перегородили дороги, перервали телефонное и телеграфное сообщеніе и захватили желѣзнодорожную станцію въ Бельфастѣ. Все это заставляетъ насъ, націоналистовъ, послѣдовать примѣру оранжистовъ. Въ самомъ дѣлѣ. Вотъ положеніе дѣла. Всюду въ Ольстерѣ протестантамъ роздано теперь оружіе. Многіе изъ тѣхъ, которые имѣютъ маузеры, люди грубые, фанатичные, невѣжественные. За послѣдніе два года, кромѣ того, ихъ нетерпимость и фанатизмъ сильно разогрѣты проповѣдями съ платформы, съ церковнаго амвона и съ газетныхъ столбцовъ. Ораторы, священники и публицисты-оранжисты взваливаютъ на католиковъ совершенно лживыя обвиненія. Мы доподлинно знаемъ, что ольстерцы, какъ армія, никогда не будутъ воевать; но не подлежитъ также сомнѣнію, что прежде, чѣмъ оранжисты сдадутъ все оружіе, отдѣльныя шайки ихъ будутъ устраивать всюду погромы католикамъ.

(Секретарь такъ и сказалъ „pogroms". Это слово стало теперь интернаціональнымъ и вошло во всѣ языки)...

— А между тѣмъ правительство безсильно. Оно боится тронуть измѣнниковъ, потому что ихъ вожди и вдохновители являются наиболѣе желательными гостями при дворѣ, гдѣ имъ теперь высшій почетъ. И, сознавая это, мы рѣшили принять мѣры для самозащиты. Въ Ольстерѣ, повторяю, англійское правительство теперь безсильно. Вотъ почему мы, націоналисты, сами начали формировать теперь полки. Въ Дерри, въ Энтримѣ, словомъ, всюду въ Ольстерѣ націоналисты обучаются военному строю. Знаете, сколько у насъ волонтеровъ въ одномъ Лондондерри?—1,500 человѣкъ. Среди нихъ около восьмисотъ отставныхъ солдатъ и волонтеровъ. То же самое происходитъ въ графствѣ Энтримъ. Правительство, страшась могущественныхъ друзей, которыхъ ольстерцы имѣютъ въ Лондонѣ, примѣняетъ, въ одномъ и томъ же случаѣ, одинъ законъ къ намъ, а другой—къ оранжистамъ. Намъ воспрещаютъ ввозить даже охотничія ружья, тогда какъ оранжисты привезли недавно на кораблѣ „Фанни" тридцать тысячъ маузеровъ и милліонъ патроновъ. Генералы и полковники англійской службы организовали доставку этихъ ружей. Англійскіе консерваторы заплатили стоимость, потому что оранжисты прижимисты. Организація съ трудомъ можетъ выдрать у нихъ даже $2^1/_2$ шиллинга членскаго взноса. Содержаніе же „волонтеровъ" и штаба обходится въ 5 тысячъ ф. ст. въ недѣлю. Снаряженіе корабля „Фанни" стоило сто тысячъ ф. ст. Откуда идутъ эти деньги? Изъ

Англіи. Консерваторы поддерживаютъ революцію, потому что это имъ нужно для борьбы съ радикалами, а правительство боится тронуть бѣлыхъ революціонеровъ, потому что на ихъ сторонѣ корона и армія.

— We Nationalists in Ulster are quite well able to look after ourselves if the dice are not loaded against us! — закончилъ секретарь Союза Ибирійцевъ („Мы, ольстерскіе націоналисты, могли бы вполнѣ постоять за себя, еслибы наши противники не играли фальшивой костью").

III.

Надъ рѣкой Лэганомъ и надъ лиманомъ, куда она впадаетъ, виситъ бѣлая дымка тумана. У берега она кажется совсѣмъ прозрачной, а между тѣмъ противоположная полоса лимана совершенно скрыта. Въ бѣлой мглѣ отчаянно заливаются паровыя сирены, какъ будто невидимыя суда голосятъ: „Тутъ мы! Тутъ мы! Ту-у-у-утъ!"

Отъ берега идетъ довольно крутая лѣстница къ длинному, низкому, старинному зданію на холмѣ. Лѣстница эта образуетъ шесть или семь террасъ и поэтому издали холмъ и зданіе напоминаютъ нѣсколько пирамидальный вавилонскій храмъ. Зданіе это—таможня, а террасы — „steps", знаменитые въ исторіи великихъ бельфастскихъ дракъ. „Steps" въ Бельфастѣ то же, что Трафальгарская площадь въ Лондонѣ, т. е. форумъ. На Трафальгарской площади большая драка случается разъ въ 25—30 лѣтъ. На „Steps" столкновенія обязательно происходятъ, во всякомъ случаѣ, ежегодно двѣнадцатаго іюля, т. е. въ день побѣды „короля Билли" надъ прогнаннымъ Яковомъ II. Что же касается мелкихъ дракъ, то имъ счета нѣтъ. Каждый, у кого есть политическая или религіозная теорія, не прячетъ ее подъ спудомъ, а несетъ на берегъ Лэгана, на естественную каѳедру, т. е. на „steps". Въ зависимости отъ своего честолюбія и отъ силы легкихъ ораторъ становится на первую, вторую, третью и т. д. террасу, откуда принимается проповѣдывать. Религіозныя проповѣди сводятся къ обличенію папистовъ, а политическія—къ обвиненію правительства въ измѣнѣ и въ томъ, что оно подпало подъ вліяніе Рима. Этотъ городъ представляется ораторамъ не иначе, какъ въ видѣ „жены, упоенной кровію" ольстерскихъ праведниковъ, на челѣ которой значится: „Тайна, Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ". Внизу, подъ „steps", площадь вымощена отшлифованными моремъ голышами, величиною съ кулакъ. И такъ какъ съ незапамятныхъ временъ всегда существовала связь между теологіей и геологіей (вспомнимъ, напр., судьбу св. Стефана), то во многихъ мѣстахъ мостовая разобрана: голыши летятъ на „steps" въ видѣ политическаго или, что гораздо чаще, теологическаго аргумента.

Я пришелъ къ „steps", потому что вычиталъ въ „Northern Whig"

о большой манифестаціи. Главный ораторъ Джемсъ Дёффинъ, какъ было объявлено, неопровержимо докажетъ, что правительство, вводя гомруль, подчиняется Риму, а въ частности іезуитамъ. Я вижу на берегу цѣлый рядъ знаменъ и хоругвей. Впереди два дюжихъ человѣка (повидимому, мясники или зеленщики) держатъ палки, къ которымъ прикрѣплено громадное полотно съ надписью: „Ольстеръ сказалъ, что не хочетъ гомруля, и гомруля не будетъ!“ Дальше хоругвь, на которой значится гербъ Ольстера: поднятая вверхъ раскрытая, красная рука. „Мы заключили оборонительный и наступательный союзъ съ Господомъ Богомъ. Не бывать Ирландіи подъ властью Рима!“ За этой хоругвью — громадный, поясной портретъ Вильгельма III. „Поступайте, какъ при битвѣ при Бойнѣ“,—гласитъ подпись [1]). А вотъ на полотнѣ цѣлая картина. Впереди, въ видѣ блудящаго огонька, мчится Редмондъ, съ рожками, какъ у сатаны. Въ рукахъ у него фонарь съ надписью: „гомруль“. Блудящій огонекъ носится надъ трясиной съ надписями: „Гражданская война“, „Національное банкротство“, „Религіозная нетерпимость“. И за блудящимъ огонькомъ, прямо въ трясину, бѣгутъ шотландцы и англичане. Въ сторонѣ стоитъ суровый ольстерецъ, изо рта котораго тянется лента со словами пророка Исаіи на ней: „Для чего вы даете серебро за то, что не хлѣбъ, и трудовое ваше за то, что не насыщаетъ? Слушайте меня со вниманіемъ, и вкусите благо, и душа ваша будетъ наслаждаться лучшими яствами“.

На третью террасу взбирается дородный, крупный, широкоплечій, рыжій джентльменъ въ длинномъ до земли, широкомъ, клѣтчатомъ пальто съ громадными костяными пуговицами. Это и есть, какъ я узнаю, мистеръ Джемсъ Дёффинъ.

— Друзья! Сограждане и лояльные подданные!—возглашаетъ онъ.—Я вамъ напомню сперва нѣсколько пунктовъ изъ „Билля о правахъ“, добытаго нашими предками при королѣ Вильгельмѣ III. „Доктрина пресуществленія и поклоненіе Дѣвѣ—идолопоклонническіи суевѣрія,“ — крикнулъ ораторъ. — Слушайте дальше: „Всѣ, стоящіе у власти, должны объявить подъ присягой, что питаютъ отвращеніе къ доктринамъ римской церкви, ненавидятъ и гнушаются ихъ, какъ ученій нечестивыхъ, еретическихъ, ведущихъ прямо въ адъ“. И вотъ теперь, подъ вліяніемъ іезуитовъ, билль о правахъ утратилъ всякое значеніе.

— Вы—проклятый лгунъ и лицемѣръ!—крикнулъ кто-то въ толпѣ, и на террасу полетѣлъ „каменный аргументъ“, т. е. голышъ. Завязалась борьба. Кого-то тузили. Кто-то кричалъ: „bloody dogs“, т. е. „кровавыя собаки“. Черезъ минуту кого-то подняли и съ размаха бросили къ бассейнъ, а ораторъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ обличать виновниковъ смуты, т. е. іезуи-

[1]) Перваго іюля 1690 г. здѣсь протестанты разбили католиковъ.

товъ. Благодаря ихъ проискамъ, въ 1906 г. у власти стали радикалы, которые подали немедленно руку соціалистамъ. Всѣ знаютъ, что соціализмъ созданъ іезуитами. Во всѣхъ пунктахъ программа соціалистовъ совпадаетъ съ тѣмъ, чего добиваются іезуиты. Соціалисты желаютъ революціи, которая опрокинула бы тронъ, государственныя учрежденія, свергла бы богатые классы и отняла бы у нихъ капиталъ. Конфискація богатствъ—главная цѣль соціалистовъ. Подобно іезуитамъ, соціалисты взываютъ къ жадности рабочихъ классовъ, которымъ обѣщаютъ золотой вѣкъ. Подобно іезуитамъ, соціалисты сѣютъ недовольство среди массъ при помощи лжи и извращенія дѣйствительности. Мы проповѣдуемъ недовольство и хотимъ создать конфликтъ между рабочими и капиталистами,—сказалъ одинъ изъ вождей англійскихъ соціалистовъ.

„То же самое дѣлаютъ и іезуиты. Они тоже сѣютъ среди рабочихъ классовъ сѣмена ненависти. Они тоже проповѣдываютъ евангеліе ненависти. Іезуиты не имѣютъ поэтому никакого права ссылаться, какъ они дѣлаютъ, на Евангеліе любви. Іезуиты и соціалисты желаютъ создать въ Англіи революцію, а у насъ въ Ольстерѣ — гражданскую войну. Надобны ли вамъ еще доказательства, что англійскіе соціалисты и іезуиты одно и то же? Кто осыпалъ клеветой Англію во время бурской войны?—Іезуиты. Кто распространялъ эту клевету? — Англійскіе соціалисты. Іезуиты ненавидятъ Британскую имперію и сѣютъ поэтому мятежъ въ Египтѣ, революцію въ Индіи и подсказали билль о гомрулѣ нынѣшнему правительству. Въ 1882 году въ Англіи основалась *Соціалъ-Демократическая Федерація*. Знаете, гдѣ она сняла тогда помѣщеніе? Bridge Street, 6, Westminster. Въ томъ же домѣ, на той же лѣстницѣ, напротивъ, помѣщается *Союзъ Иберійцевъ*, во главѣ котораго, какъ всѣмъ вамъ извѣстно, стоятъ іезуиты. Большинство лицъ, стоящихъ и теперь во главѣ *Соціалъ-демократической федераціи*, гладко выбриты и похожи на священниковъ. Повидимому, это люди, получившіе хорошее образованіе. Одна знакомая моя, наблюдавшая *федерацію*, сказала мнѣ, что гладко выбритые, похожіе на священниковъ члены ея часто носятъ платье рабочихъ, хотя, повидимому, по происхожденію джентльмены. Такъ именно поступаютъ іезуиты. Та же дама сообщила мнѣ, что часто видѣла въ Гайдъ-Паркѣ гладко выбритыхъ, похожихъ на священниковъ ораторовъ, проповѣдывавшихъ соціализмъ и классовую ненависть. Всѣ эти факты—торжественно заключилъ ораторъ — несомнѣнно доказываютъ, что соціалистическія партіи, на которыя опирается правительство, желающее намъ теперь навязать гомруль, основаны въ Англіи и поддерживаются іезуитами. А кто стоитъ за спиной ордена іезуитовъ? Сатана. Ибо сказано, что дьяволъ, когда желаетъ повести людей по стезѣ гибели, никогда не является имъ въ своемъ настоящемъ видѣ.

„Лукавые дѣлатели принимаютъ видъ апостоловъ. И неудиви-

тельно: потому что самъ сатана принимаетъ видъ ангела свѣта. А потому не удивительно, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды". Дѣло рукъ іезуитовъ не только соціализмъ и гомруль. Тѣ же враги Великобританіи и протестантизма вызвали къ бытію суффражистское движеніе. „Всѣ данныя свидѣтельствуютъ о происхожденіи суффражизма,—продолжалъ ораторъ.—Суффражистки-милитантки пользуются такимъ же методомъ, какъ и анархисты. Въ то же время это методъ, который примѣняли когда-то феніи, чтобы добиться отъ британскаго правительства отдѣленія церкви отъ государства въ Ирландіи. Это также методъ іезуитовъ, являющихся главными анархистами Европы. Всѣмъ извѣстно, что въ орденѣ есть не только іезуиты, но и іезуитки, дающія также обѣтъ безусловнаго подчиненія приказу, какъ бы онъ ни противенъ былъ ихъ совѣсти и естественному чувству. Все это именно мы наблюдаемъ въ союзѣ милитантокъ. Онѣ тоже даютъ обѣтъ слѣпого подчиненія тайнымъ вождямъ. Союзъ милитантокъ отлично организованъ и обильно снабженъ деньгами. Почти всѣ милитантки — католички, хотя нѣкоторыя, по понятнымъ причинамъ, выдаютъ себя за протестантокъ. Надобны ли вамъ еще доказательства, что милитантокъ вдохновляютъ іезуиты? Смотрите, вотъ послѣдній нумеръ „Suffragette". Видите, чье изображеніе на первой страницѣ? Жанны д'Аркъ. Съ нею милитантки всегда себя сравниваютъ. А кто была Жанна д'Аркъ? Папистка, воевавшая съ англичанами, а потому, вѣроятно, тоже подосланная іезуитами".

Раздались бурные аплодисменты. Повидимому, никто изъ слушателей не подозрѣвалъ даже, что полтора вѣка отдѣляютъ Орлеанскую Дѣву отъ Игнатія Лойолы.

— Ритуалисты [1]) въ Англіи—іезуиты,—продолжалъ ораторъ.— А между тѣмъ священники ритуалисты, во главѣ съ епископомъ Линкольнскимъ, поддерживаютъ теперь милитантокъ. Ясно, что ихъ организація—іезуитская. Министръ внутреннихъ дѣлъ теперь Макъ-Кенна, папистъ, поэтому отдѣленіе ордена іезуитовъ, т. е. милитантки, имѣетъ въ немъ могущественнаго защитника.

— Почему же милитантки нѣсколько разъ хотѣли бить этого министра? Или онъ ихъ вѣры?—спросилъ кто-то въ толпѣ.

— Для отвода глазъ,—спокойно отвѣтилъ ораторъ.

Толстый ораторъ таялъ въ моихъ глазахъ. Я видѣлъ снова сцену, которую наблюдалъ на Рождествѣ 1901 г. въ Танжерѣ, куда къ этому времени со всѣхъ концовъ Марокко собрались члены фанатической секты „аиссуи". Изъ окна моей гостиницы, стоявшей близъ *сока* (рынка), я видѣлъ оборванныхъ, чубатыхъ сектантовъ, завывавшихъ и корчившихся подъ звуки дудокъ и барабановъ.

---

[1]) Ритуалистами называютъ тѣхъ священниковъ **англиканской** церкви, которые проповѣдуютъ возвращеніе къ ритуалу, установленному вскорѣ послѣ реформаціи.

Вотъ завертѣлся волчкомъ одинъ, потомъ другой, потомъ всѣ. Изъ стороны въ сторону метались длинные чубы. По нимъ ангелъ Азраилъ во время свѣтопреставленія узнаетъ праведниковъ-сектантовъ, вытащитъ изъ огненнаго моря и броситъ въ рай... И вотъ, когда отъ круженія лица у сектантовъ позеленѣли, а на губахъ заклубилась пѣна, кто-то бросилъ въ кругъ живую овцу. Аиссуи накинулись на нее, разорвали живую на куски и стали грызть дымящееся, трепещущее еще мясо. Позеленѣвшія лица покрылись кровью. И, когда я съ ужасомъ и отвращеніемъ отвернулся отъ окна, мой спутникъ-испанецъ, прожившій въ странѣ 15 лѣтъ, сталъ мнѣ разсказывать про еще болѣе дикую, отвратительную и совершенно несказуемую сцену, которую наблюдалъ въ Мекинесѣ, гдѣ пребываетъ другая фанатическая секта „хамбучи". И теперь, у подножья „steps" въ Бельфастѣ, я думалъ про то, что „аиссуи" и „хамбучи" въ сущности не мѣняются, даже когда носятъ вмѣсто грязной „гандуры" широкое, клѣтчатое пальто съ большими костяными пуговицами и когда живутъ не въ мазанкахъ, а въ благоустроенныхъ каменныхъ домахъ.

— Господи,—воскликнулъ ораторъ,—взываемъ къ Тебѣ, какъ Давидъ: „Обезумь совѣтъ Ахитофела! Пусть правительство упадетъ въ ту самую яму, которую вырыло для Твоихъ праведниковъ. Открой глаза народу, чтобы онъ понялъ истинный характеръ министровъ. И если наступитъ часъ испытанія, будь, о Господи, съ нами, какъ Ты былъ съ нашими предками, когда они разбили на голову папистовъ при Бойнѣ. Это событіе предсказано во второй книгѣ *Паралипоменона*: „И поразилъ Господь Кушитянъ предъ лицемъ Асы; и побѣжали Кушитяне". Рѣка Цефатъ, при которой была битва, это, конечно, Бойна. Городъ Мареша это — Дрогеда, а Аса, дѣлавшій доброе и угодное въ очахъ Господа, это нашъ великій, мудрый, доблестный и праведный король Вильгельмъ Оранскій!

IV.

У меня изъ Лондона было рекомендательное письмо отъ пріятеля консерватора къ богатому фабриканту мистеру Дэніэлю Родди. Мы обмѣнялись визитами и я получилъ приглашеніе отъ фабриканта на обѣдъ. „This is a very favourable opportunity of collecting news from all parts of the province". („Это очень удобный случай собрать вѣсти изъ разныхъ концовъ провинціи"),—соблазнялъ меня мистеръ Родди, замѣтивъ во мнѣ нѣкоторое колебаніе, принять ли приглашеніе.—Обѣдъ будетъ для васъ „hunting ground" (отъѣзжее поле), — шутилъ мой новый знакомый, сидя въ моемъ номерѣ. Опредѣленіе это показалось мнѣ очень удачнымъ и подходящимъ. Я поблагодарилъ мистера Родди и принялъ приглашеніе. Мой пріятель въ Лондонѣ сообщилъ мнѣ, что Родди selfmademan, т. е. всѣмъ обязанъ только себѣ; что онъ создалъ гро-

мадное (милліонное) дѣло, расширяющееся съ каждымъ годомъ. По характеристикѣ пріятеля выходило, что мистеръ Родди „типичный ольстерецъ". Я засталъ уже много гостей. Мужчины были въ билліардной и въ „курилкѣ", обставленной глубокими креслами, обитыми темно-синимъ сафьяномъ. Въ билліардной, какъ всюду въ англійскихъ домахъ, висѣли на стѣнѣ обычныя гравюры, изображающія скаковыхъ лошадей. Въ „курилкѣ" же значительную часть стѣны надъ громаднымъ кожанымъ турецкимъ диваномъ занимала картина, должно быть, мѣстнаго художника на ольстерскую тему. Изображенъ былъ сэръ Эдуардъ Карсонъ, принимающій отъ колѣнопреклоненнаго волонтера знамя. Тутъ же стоялъ епископъ армагскій, благословляющій это знамя.

Я вижу въ билліардной и въ курилкѣ джентльменовъ во фракахъ и въ лаковыхъ башмакахъ. И въ этомъ отношеніи обѣдъ въ Бельфастѣ ничѣмъ не отличается отъ обѣда въ Лондонѣ, но я слышу постоянныя цитаты изъ Библіи, перемѣшанныя съ слишкомъ колоритными, крѣпкими выраженіями, которыя знаю только изъ произведеній Шекспира. *Такихъ* словъ въ Лондонѣ я не слыхалъ. Вотъ джентльменъ съ густыми рыжими кустами отъ уха до носа. Онъ только что благочестиво цитировалъ псаломъ Давидовъ: „Да постыдятся и посрамятся ищущіе души моей; да будутъ отражены назадъ и да будутъ посрамлены умышляющіе мнѣ зло; да будутъ они какъ мякина предъ вѣтромъ, и Ангелъ Господень да прогоняетъ ихъ". Джентльмэнъ съ рыжими кустами доказывалъ намъ, что тутъ несомнѣнно дѣло идетъ объ Ольстерѣ и о правительственномъ „заговорѣ" противъ него.

— А, Дэвисъ, old boy (старина), какъ вы поживаете? — обратился онъ вдругъ къ входившему маленькому человѣчку, съ остренькимъ носикомъ и съ кусочками румянца на впалыхъ щечкахъ. — Когда же, наконецъ, Mrs. Дэвисъ будетъ имѣть ребенка? Вѣдь вы уже три года стараетесь! Почему это у васъ нѣтъ дѣтей? — И джентльменъ пустился въ такія догадки, о которыхъ писали только безстыдные драматурги временъ Реставраціи: Ковентри, Уичерли и Оутвэй. *Такихъ* разговоровъ въ Англіи нельзя услышать. Гости захохотали. Каждый въ свою очередь сталъ приводить догадки, одну колоритнѣе другой, почему у Mrs. Дэвисъ нѣтъ дѣтей, не смотря на три года замужества. Маленькій человѣчекъ густо покраснѣлъ; но улыбался растерянно, покуда, наконецъ, одна слишкомъ смѣлая догадка вырвала у него рѣзкій отвѣтъ.

— Man! (человѣче!).—Искренно изумился джентльмэнъ съ рыжими кустами у ушей — неужели вы обидѣлись? Простите, пожалуйста! Кто же могъ думать, что такой умный человѣкъ, какъ вы, не пойметъ дружеской шутки? Дайте руку, old boy!

Впослѣдствіи я могъ убѣдиться, что сцена, свидѣтелемъ которой я былъ, типичная: представленіе о шуткѣ въ Ольстерѣ совершенно иное, чѣмъ въ Англіи.

— Простите любознательному иностранцу его вопросъ, — обратился я къ священнику, которому меня только что представилъ хозяинъ: — я хочу только разобраться въ окружающемъ. Почему вы противъ гомруля?

— По божьему изволенію—отвѣтилъ священникъ—ольстерскіе протестанты всегда боролись впереди всѣхъ съ попытками Рима уничтожить дѣло реформаціи въ нашей странѣ. Викарный священникъ нашей церкви написалъ недавно прекрасное стихотвореніе, отлично выражающее настроеніе всего Ольстера. Я вамъ приведу нѣсколько строкъ:

Of old the Lord with gracious word
To some bequeathed His peace,
But us He honored with His sword
Whose power shall ne'er decrease.
. . . .
We envy not the sluggard's peace,
We grasp our trusty sword".

(„Изревле Господь милостиво вручилъ нѣкоторымъ охраненіе мира; но насъ Онъ почтилъ своимъ мечемъ, сила котораго никогда не ослабѣетъ. Мы не завидуемъ тому миру, который имѣютъ лежебоки. Мы беремся за нашъ вѣрный мечъ").

— Когда-то первосвященникъ Ананія и Сапфира, мыслившая обмануть апостола Петра, были образцами лжи и мошенничества. Теперь Іезавели, завладѣвшія кабинетомъ, отняли у этихъ обманщиковъ и лжецовъ пальму первенства. Они хотятъ передать дѣло управленія Ирландіей папистамъ, которые безсовѣстны, какъ мошенники, безсердечны, какъ разбойники, и фанатичны, какъ никто въ мірѣ.

— Каждый протестантъ въ Ирландіи знаетъ, что гомруль, т. е. господство папистовъ, означаетъ политическое и религіозное преслѣдованіе,—вставилъ пожилой джентльменъ, прислушавшійся къ словамъ священника.—Паписты будутъ мстить намъ за прошлое. Они постараются поэтому затоптать протестантизмъ и обратить все подростающее поколѣніе въ католиковъ. Паписты слушаются во всемъ своихъ священниковъ, слово которыхъ—законъ даже въ свѣтскихъ дѣлахъ. Образованный человѣкъ не можетъ быть папистомъ, потому что священникъ велитъ вѣрить буквѣ. Когда гомруль станетъ закономъ, католическіе священники захватятъ всѣ школы и замѣнятъ тамъ науку невѣжествомъ. Чтобы удобнѣе насадить послѣднее, католическіе священники сдѣлаютъ обязательнымъ преподаваніе на мертвомъ гэльскомъ языкѣ. Смотрите, теперь уже въ народныхъ школахъ введенъ этотъ совершенно безполезный языкъ. Мы доподлинно знаемъ, что черезъ двадцать лѣтъ въ Ирландіи не останется ни одного протестанта, если паписты возьмутъ верхъ. Вотъ почему мы, ольстерскіе протестанты, дали клятву, что никогда не подчинимся гомрулю, и мы правы.

— Паписты лѣнивы, нерачительны и не знаютъ, что такое бережливость,—прибавилъ другой джентльменъ.—Такъ какъ католикамъ нужны будутъ деньги, то про гомрулѣ ольстерскіе протестанты будутъ обложены спеціальнымъ налогомъ. Промышленность, созданная нами, будетъ разорена.

— Католическіе священники и вожди Союза Иберійцевъ убѣдили невѣжественную толпу папистовъ, что гомруль даетъ ей возможность вести сытую и праздную жизнь,—объяснилъ третій.— Политиканствующимъ націоналистамъ гомруль необходимъ для того, чтобы подѣлить между собою деньги, собранныя съ англійскихъ рабочихъ. Если намъ, протестантамъ, навяжутъ гомруль, то произойдетъ такая кровавая гражданская война, какой еще не было въ исторіи.

— Станемъ говорить безъ преувеличеній,—сказалъ подошедшій хозяинъ.—Протестантизмъ, конечно, не будетъ преслѣдуемъ при гомрулѣ. Школы наши тоже врядъ-ли могутъ быть захвачены католиками. Въ законопроектѣ о гомрулѣ у насъ есть достаточно гарантій. Кромѣ того, націоналисты отлично знаютъ, что каждый шагъ противъ насъ, какъ націи, поднялъ бы всю Британскую имперію. Я не вѣрю также, чтобы можно было обложить спеціальнымъ налогомъ насъ, ольстерскихъ протестантовъ. Это неосуществимо, конечно. Въ сущности говоря, самоуправленіе необходим намъ, дѣловымъ людямъ, больше, чѣмъ фермерамъ-католикамъ. Зачѣмъ оно имъ? Что они въ немъ смыслятъ? Все равно надъ ними власть возьмутъ попы. А между тѣмъ, такъ какъ мы составляемъ 25% населенія, а католики—75%, то въ дублинскомъ парламентѣ мы никогда не будемъ стоять у власти. Будемъ совершенно откровенны: гомруль лучше въ тысячу разъ нынѣшней бюрократической системы управленія; мы не противъ самоуправленія, а противъ равной расцѣнки всѣхъ избирателей. Мы, богатые люди, создавшіе промышленность, а не невѣжественные, бѣдные фермеры, должны стоять во главѣ дублинскаго парламента...

— Будь у власти кто-нибудь другой, а не этотъ проклятый Дикъ Тёрпинъ [1]), не этотъ маленькій валіецъ, которому уже давно уготовлено мѣсто въ аду, мы, конечно, получили бы гомруль, который далъ бы власть лучшимъ классамъ, т. е. намъ, — вздохнулъ одинъ гость. И онъ сталъ развивать мнѣ своеобразное измѣненіе старинной теоріи фонда заработной платы.

— Я—довольно состоятельный человѣкъ,—сказалъ онъ—такъ какъ имѣю въ годъ опредѣленный и постоянный доходъ въ 20 тысячъ ф. ст. Этотъ доходъ не можетъ быть увеличенъ: онъ фиксированъ. Изъ него я могу отдѣлить опредѣленную сумму на жалованье шофферамъ, садовникамъ, лакеямъ и горничнымъ. Теперь слушайте дальше. Этотъ проклятый Дикъ Тёрпинъ повышаетъ те-

---

[1]) Дикъ Тёрпинъ, знаменитый англійскій разбойникъ XVIII вѣка.

перь налогъ на такъ называемые большіе доходы и мнѣ придется платить гораздо больше, чѣмъ раньше. Что я могу сдѣлать? Такъ какъ мой доходъ фиксированъ, то мнѣ приходится сократить штатъ прислуги. Другими словами, отъ повышенія подоходнаго налога увеличивается безработица и страдаетъ рабочій классъ.

Я хотѣлъ возразить, что этотъ аргументъ можно вывернуть и такъ: „Государство, беря у васъ высокій подоходный налогъ, увеличиваетъ тотъ фондъ, который можетъ затратить, скажемъ, на сооруженіе новыхъ дрэднотовъ, т. е. даетъ заработокъ корабельнымъ плотникамъ, кузнецамъ, машинистамъ. Такимъ образомъ, если Джонъ потеряетъ у васъ мѣсто лакея, за то новую работу найдутъ на правительственныхъ верфяхъ Джимъ, Томъ, Билль и Дикъ". Но открылась дверь и громадный лакей возгласилъ: „Dinner is ready" (Обѣдъ готовъ).

V.

...Рано утромъ уходитъ мой пароходъ. Предстоящій ли отъѣздъ, масса ли новыхъ впечатлѣній или сильная усталость за дни пребыванія въ Бельфастѣ, но я не могу заснуть и прислушиваюсь къ шторму, налетѣвшему съ вечера на городъ со стороны Ирландскаго моря. По мѣрѣ того, какъ замираетъ жизнь въ городѣ, я все яснѣе слышу шумъ волнъ въ заливѣ. Стекла вздрагиваютъ. Я подхожу къ окну. Мчатся, какъ нетопыри и лѣсная погань во время „дикой охоты", тучи. Кто-то за кѣмъ-то гонится. Кто-то отъ кого-то убѣгаетъ. Кто-то реветъ вверху: „Убью-у-у-у!" Убѣгающій задыхается и визжитъ отъ страха. „На по-омощь!"—заголосилъ вѣтеръ въ трубѣ. И сейчасъ же послышался какъ бы отвѣтный визгъ: „Поздно-о-о!"

И мнѣ кажется, что кто-то, какъ въ шекспировской *Бурѣ*, протестуетъ:

Вѣдь островъ—мой—зачѣмъ же отнимаешь?
Ступайте прочь! Отъ матери моей
Я получилъ его одинъ въ наслѣдство...
. . . .
Я самъ себѣ былъ королемъ сначала;
Вы прибыли—я сдѣлался рабомъ.

И въ отвѣтъ слышится:

Ты лживый рабъ! Тебѣ нужны побои,
А милости ты ставишь ни во что!

Но націоналисты не Калибанъ, а оранжисты не Просперо. Новый владѣлецъ острова болѣе бережливъ и энергиченъ; онъ лучше умѣетъ копить деньги, чѣмъ старый; но прежній хозяинъ неизмѣримо болѣе тонкая и художественная натура; нѣженъ, остроуменъ, понимаетъ красоту, любитъ литературу. Такимъ образомъ, онъ не грубый дикарь, какъ безобразное дѣтище вѣдьмы Сикораксы. Но вражда между старымъ владѣльцемъ Ольстера и новымъ—такая

же сильная, какъ между Калибаномъ и Просперо. Эта ненависть такъ усиленно раздувается теперь *со стороны*, что обѣ стороны вотъ-вотъ готовы схватиться за оружіе. Консервативная партія, видящая, что ей не съ чѣмъ обратиться къ избирателямъ, и боящаяся надвигающейся волны неизбѣжныхъ реформъ, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы Ольстеръ началъ гражданскую войну. Вожди консервативной партіи изо дня въ день подаютъ „Просперо" совѣтъ, который можно было бы формулировать словами Шиллера:

Es ist der Krieg ein roh gewaltsam Handwerk.
Man kommt nicht aus mit sanften Mitteln, alles
Lässt sich nicht schonen.

(„Война ремесло жестокое. Средствами кротости тутъ ничего не подѣлаешь. Приходится кой-чего и не щадить").

Есть ли надежда на какой-нибудь мирный выходъ? Возможно ли вообще разрѣшеніе исторической ошибки, разъ она сдѣлана? Неужели двѣ національности, поставленныя когда-то въ отношеніи другъ другу, какъ державная народность къ подчиненной, должны пребывать до скончанія вѣковъ въ непримиримой враждѣ? Вопросы, зарождающіеся въ Ольстерѣ у русскаго наблюдателя, какъ видите, имѣютъ больше, чѣмъ академическій характеръ.

И отвѣтъ я нашелъ въ только что вышедшей книжкѣ, которая произвела на меня сильное впечатлѣніе, хотя въ литературномъ отношеніи она слаба. Называется она „An Irishman's Home". Это—„драма" на ольстерскую тему дня. Драма, какъ я сказалъ, слаба. Не въ ней и дѣло. Книжка написана двумя авторами: Редмондомъ-Говардомъ и Гарри Карсономъ. Первый изъ нихъ—довольно извѣстный литераторъ, племянникъ вождя націоналистовъ, усыновленный и воспитанный имъ. Гарри Карсонъ — офицеръ, отличившійся во время бурской войны, старшій сынъ сэра Эдуарда Карсона, т. е. вождя оранжистовъ. Родители—политическіе враги, готовые двинуть другъ противъ друга вооруженныя арміи (читатель не забылъ, вѣроятно, что націоналисты тоже вооружаются). Дѣти вождей (Редмондъ-Говардъ, какъ объясняетъ издатель, любитъ Редмонда, какъ отца) воспитывались въ одномъ университетѣ, и ихъ связываетъ самая нѣжная и тѣсная дружба. Одинъ—католикъ, другой—протестантъ; одинъ—кельтъ, другой—англосаксъ; но оба любятъ общую родину—Ирландію. Оба стоятъ за самоуправленіе ея. Въ обширномъ предисловіи, составляющемъ самую интересную часть книжки, авторы говорятъ: „Разсерженный политиканъ представляетъ такую же опасность для общества, какъ пьяный хирургъ въ операціонной комнатѣ. И еслибы часть усилій, затраченныхъ на созданіе вражды въ Ирландіи, пошла на мирное разрѣшеніе многовѣковой задачи, — на югѣ острова не бы-

ло бы феніанства, а на сѣверѣ карсонизма. Для всѣхъ трезвыхъ умовъ давно уже ясно, что юніонизмъ ни въ коемъ случаѣ не исключаетъ гомруля... Книга **An Irishman's Home** написана двумя авторами, воспитанными въ разныхъ обстановкахъ, въ разныхъ традиціяхъ, но одинаково вѣрующими въ возможность совмѣстной работы для общей родины и въ совмѣстное созданіе общей культуры" [1]). Авторы указываютъ на то, что въ Ирландіи въ жертву политическимъ страстямъ и „своеобразному культу предковъ" приносится молодое поколѣніе. „Въ самомъ зародышѣ убивается у молодежи радость жизни, энтузіазмъ, надежды, дерзанія. Все это вытравлено религіозной и національной враждой. Забудемъ про споры, которые шли между нашими предками. Давайте думать о *будущемъ*, а не о *прошломъ*. Времена битвы при Бойнѣ не могутъ возвратиться, какъ нельзя выкачать всю воду изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ. Сверхъ того, кому это нужно? Люди прежняго поколѣнія! Подайте другъ другу руки. Мы, молодое поколѣніе, уже давно страдаемъ отъ религіозной и политической распри. Мы хотимъ быть друзьями... Мы вмѣстѣ хотимъ сдѣлать Ирландію счастливой. Мы хотимъ снова шутить и смѣяться. Мы, оранжисты по происхожденію и націоналисты, вмѣстѣ будемъ работать въ дублинскомъ парламентѣ".

Симптоматическое значеніе книжки, написанной Редмондомъ-Говардомъ и Гарри Карсономъ, мнѣ кажется, не можетъ быть преувеличено. Мы видимъ, что при нормальныхъ условіяхъ, если религіозныя страсти и національная вражда не раздуваются фанатическимъ духовенствомъ и политиками, „опасными, какъ пьяный хирургъ въ операціонной комнатѣ", историческія ошибки быстро забываются. Школа (нормальная, конечно) сближаетъ потомковъ побѣдителей и побѣжденныхъ; создается *одна* народность, думающая о счастьѣ общей родины.

Какія же страсти порождаются тогда, когда „пьяные хирурги" получаютъ свободу дѣйствія? Отвѣтомъ является все то, что я видѣлъ въ Бельфастѣ и что вѣрно описано мною.

Діонео.

---

[1]) „An Irishman's Home", стр. 17-19.

Министръ на стражѣ науки.

I.

Въ ряду сюрпризовъ, которыми время отъ времени даритъ насъ режимъ неограниченныхъ возможностей, едва-ли не самымъ неожиданнымъ и не самымъ пикантнымъ является выступленіе министра внутреннихъ дѣлъ въ роли строгаго и суроваго стража научной истины, а совѣта министровъ — въ роли ученаго ареопага, своимъ высокимъ авторитетомъ ограждающаго эти истины отъ злокозненнаго посягательства на нее профановъ.

Прогрессисты внесли въ Государственную Думу законодательное предположеніе о реформѣ земства на слѣдующихъ началахъ: 1) земскія учрежденія въ кругѣ ввѣренныхъ имъ дѣлъ вполнѣ самостоятельны и независимы; 2) административная опека, какъ нарушающая основной принципъ самостоятельности и независимости земскихъ учрежденій, подлежитъ отмѣнѣ, и 3) административной власти предоставляется право надзора за законностью дѣйствій земскихъ учрежденій, но не за ихъ цѣлесообразностью. Реформа, какъ видно изъ этого, предполагается болѣе, чѣмъ скромная. Авторы законодательнаго предположенія не затрогиваютъ ни основъ земской избирательной системы, ни предѣловъ земской компетенціи, т. е. вовсе не касаются очень крупныхъ язвъ нынѣшняго земства. Они желаютъ одного лишь, чтобы хотя въ томъ узкомъ кругѣ дѣлъ, какой ввѣренъ земскимъ учрежденіямъ, имъ были предоставлены самостоятельность и независимость. И безъ поясненій ясно, что рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ о независимости не отъ законодательной власти или суда, а лишь отъ администраціи, отъ ея усмотрѣнія. Законодательное предположеніе допускаетъ даже надзоръ со стороны администраціи за законностью земскихъ дѣйствій и стремится избавить земство лишь отъ административной опеки, отъ вмѣшательства администраціи въ существо земской дѣятельности. Мотивируя свое предложеніе, авторы законопроекта сослались на такъ называемую государственную теорію самоуправленія, „на научные и литературные труды нѣкоторыхъ общепризнанныхъ авторитетовъ“.

Это-то и задѣло министра внутреннихъ дѣлъ, это-то и побудило его выступить на защиту науки. Признавая государственную теорію самоуправленія правильной, „какъ съ теоретической, такъ и практической точки зрѣнія“, онъ нашелъ, что основныя начала внесеннаго прогрессистами законопроекта идутъ прямо въ разрѣзъ съ нею. „О какой-либо независимости органовъ самоуправленія

или о подчиненіи ихъ непосредственно представительному законодательному собранію, помимо правительства,—писалъ онъ въ отзывѣ, внесенномъ въ совѣтъ министровъ,—не можетъ быть и рѣчи съ точки зрѣнія государственной теоріи самоуправленія".

„Независимости самоуправляющихся единицъ отъ государственной власти — продолжалъ министръ—авторы законодательнаго предположенія скорѣе могли бы требовать въ томъ случаѣ, еслибы они стояли на точкѣ зрѣнія общинныхъ теорій, которыя, исходя изъ политическихъ западно-европейскихъ стремленій первой половины прошлаго столѣтія, настаивали на томъ, что по происхожденію своему общины-города старѣе государства и потому въ своихъ дѣлахъ имѣютъ право на полную отъ него независимость". „При современныхъ же воззрѣніяхъ на данный предметъ, независимость земскихъ учрежденій является совершенно недопустимой и, съ точки зрѣнія государственной теоріи самоуправленія, произвольной".

Такимъ образомъ требованіе независимости для органовъ самоуправленія въ наше время является, по мнѣнію г. Маклакова, не больше, какъ анахронизмомъ. Съ точки же зрѣнія „государственной теоріи, раздѣляемой въ настоящее время большинствомъ государствовѣдовъ", такое требованіе является совершеннымъ nonsens'омъ. „По приведеннымъ соображеніямъ", т. е. по соображеніямъ, якобы, исключительно научнымъ, министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ невозможнымъ взять на себя выработку законопроекта на предложенныхъ прогрессистами началахъ, „ибо правительство не можетъ согласиться на преобразованіе, приводящее къ полному отторженію мѣстныхъ учрежденій отъ органовъ управленія государственнаго" [1]). И совѣтъ министровъ вполнѣ раздѣлилъ ученыя соображенія своего собрата.

Сразу же бросается, конечно, въ глаза, что г. Маклаковъ въ своихъ разсужденіяхъ допустилъ небольшую подтасовку: независимость органовъ самоуправленія отъ администраціи онъ подмѣнилъ независимостью ихъ отъ государства. Но мы останавливаться на этой подтасовкѣ не будемъ,—въ устахъ министра она вѣдь совершенно понятна: „государство, это—я", иначе и не можетъ думать бюрократія. Насъ больше интересуетъ другое,—ссылка на научную теорію, раздѣляемую теперь большинствомъ государствовѣдовъ. Дѣйствительно-ли, съ точки зрѣнія этой теоріи, независимость органовъ самоуправленія отъ администраціи является какимъ-то nonsens'омъ?

II.

Государственная теорія самоуправленія не изъ головы выдумана,—она пытается лишь дать раціональное и научное объясне-

---

[1]) Отзывъ министра на законодательное предположеніе 35 членовъ Думы цитируемъ по „Новому Времени" отъ 27 февраля.

ніе тому, что имѣется въ *дѣйствительности*. А въ этой дѣйствительности на первомъ планѣ стоитъ Англія, въ которой совсѣмъ почти нѣтъ бюрократическихъ органовъ внутренняго управленія, въ которой все государственное управленіе на мѣстахъ сосредоточено въ рукахъ самоуправленія, пользующагося какъ разъ наивысшею степенью самостоятельности. Правда, до сихъ поръ Англія намъ была не указъ, но теперь, когда министры начинаютъ ссылаться на научныя *теоріи*, намъ, утопистамъ и мечтателямъ, тѣмъ болѣе позволительно сослаться на англійскую *практику*, которая вѣдь и послужила первоначальнымъ фактическимъ основаніемъ для государственной теоріи самоуправленія. И этой ссылки на Англію, въ сущности, было бы, пожалуй, достаточно, чтобы свести на нѣтъ всѣ якобы научныя соображенія нашего министра внутреннихъ дѣлъ.

Можно однако сказать, что англійское самоуправленіе—анахронизмъ, что именно въ Англіи „общины“ старѣе государства и потому въ своихъ дѣлахъ сохранили до сихъ поръ независимость, которая-де въ дальнѣйшемъ уступитъ административной опекѣ. Интересно поэтому остановиться на эволюціи мѣстнаго самоуправленія въ другихъ европейскихъ странахъ и посмотрѣть, въ какомъ направленіи она все время шла и идетъ.

И первое, что мы увидимъ при этомъ, это то, что повсюду, даже въ самыхъ отсталыхъ странахъ, фактически исчезаетъ различіе между дѣлами общественными, составляющими, будто бы, естественную сферу компетенціи мѣстнаго самоуправленія, и дѣлами государственными, завѣдываніе которыми и то въ незначительной мѣрѣ можетъ быть, будто бы, только „препоручаемо“ мѣстному самоуправленію. Я говорю „фактически исчезаетъ“, такъ какъ происходитъ это, главнымъ образомъ, не въ силу иной юридической квалификаціи этихъ дѣлъ, а въ силу знаменательной эволюціи въ конструкціи и правовомъ положеніи вѣдающихъ эти дѣла мѣстныхъ органовъ.

Тѣ дѣла мѣстнаго государственнаго управленія, которыя полагалось возможнымъ „препоручать“ мѣстному самоуправленію, въ дѣйствительности поручались не самоуправленію, по крайней мѣрѣ, не тому органу его, который олицетворяетъ собою общественное начало, т. е., совѣту, а исполнительному органу, представляющему собою начало бюрократическое. И въ качествѣ вѣдающихъ „препорученныя“ дѣла эти исполнительные органы являлись не только фактически, но и юридически уполномоченными не мѣстнаго самоуправленія, а центральной правительственной власти, дѣйствовавшими исключительно согласно предначертаніямъ правительственной администраціи, подчиненными ея руководству, надзору и контролю. Словомъ, органы, которые завѣдывали „препорученными“ дѣлами и выполняли функціи государственнаго управленія на мѣстахъ, были въ дѣйствительности органами бюрократическими,

построенными на принципѣ іерархическаго подчиненія и только извѣстнымъ образомъ введенными въ составъ мѣстнаго самоуправленія.

Но въ настоящее время этотъ старый порядокъ можно считать почти уже окончательно исчезнувшимъ. Теперь едва-ли не въ одной только Голландіи мы находимъ еще въ качествѣ страннаго пережитка должность бургомистра, главы коммунальнаго самоуправленія, выполняющаго въ то же время государственныя функціи, замѣщаемую профессіональнымъ чиновникомъ по королевскому назначенію, при чемъ король не связанъ въ своемъ выборѣ ни средою мѣстныхъ выборныхъ муниципальныхъ совѣтниковъ, ни даже средою мѣстныхъ жителей. Однако бельгійскій бургомистръ, тоже выполняющій государственныя функціи, хотя и назначается королемъ, но не иначе, какъ изъ числа членовъ коммунальнаго совѣта. Затѣмъ вюртембергское законодательство дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ: вѣдающій „препорученныя“ дѣла государственнаго управленія бургомистръ и тутъ все еще назначается королемъ, но выборъ свой король можетъ остановить только на одномъ изъ трехъ предложенныхъ муниципальнымъ совѣтомъ кандидатовъ и притомъ не иначе, какъ на томъ изъ нихъ, который получилъ въ совѣтѣ не менѣе двухъ третей голосовъ. Наконецъ, рѣшительный шагъ въ пользу демократизаціи органа, выполняющаго на мѣстѣ, въ коммунѣ главнѣйшія и важнѣйшія функціи государственнаго управленія, дѣлаетъ французское законодательство: французскій мэръ является, пожалуй, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ предыдущіе, правительственнымъ агентомъ, но его должность становится уже *выборною*, онъ выходитъ уже изъ среды мѣстнаго самоуправленія, и въ качествѣ *его* ставленника. Дальнѣйшую наиболѣе важную ступень въ демократической эволюціи занимающаго насъ тутъ института представляетъ собою итальянское коммунальное законодательство. Итальянскій синдикъ—„глава коммунальной администраціи и правительственный чиновникъ“, какъ характеризуетъ его ст. 138 коммун. закона, уже не единолично вѣдаетъ возложенныя на мѣстное самоуправленіе дѣла государственнаго управленія: значительную часть правительственныхъ функцій раздѣляетъ съ нимъ добавленная къ нему и, какъ онъ, выборная коллегіальная управа (giunta municipale). А еще выше въ томъ же направленіи поднимается прусское законодательство, которое дѣлаетъ правительственнымъ агентомъ, выполняющимъ функціи государственнаго управленія на мѣстахъ, весь магистратъ in corpore, при чемъ даже распоряженія, которыя издаются бургомистромъ, какъ главою мѣстной полиціи, не могутъ получить силу безъ предварительнаго одобренія ихъ магистратомъ. Мы видимъ такимъ образомъ, какъ постепенно демократизируются, теряя свой бюрократическій, чиновничій характеръ тѣ коммунальные органы, которымъ поручено вѣдать дѣла мѣстнаго государственнаго управленія, — какъ они постепенно становятся дѣйстви-

тельно органами самоуправленія. Мы видимъ здѣсь, какъ на мѣсто единоличныхъ и чисто бюрократическихъ исполнительныхъ органовъ, навязанныхъ коммунѣ извнѣ, становятся истинно муниципальные, коллегіальные и выборные общественные органы и какъ въ силу этого государства континентальной Европы все болѣе приближаются къ англійской системѣ—къ возложенію государственныхъ функцій на мѣстное самоуправленіе, которое такимъ образомъ все болѣе энергично и болѣе прочно становится на мѣсто бюрократическаго управленія.

Наряду съ такимъ радикальнымъ измѣненіемъ характера и роли мѣстнаго самоуправленія идетъ почти тѣмъ же темпомъ усиленіе его самостоятельности. Если, напр., въ находящейся подъ клерикальнымъ игомъ Бельгіи мы находимъ еще самоуправленіе, почти совершенно подавленное системой опеки, то уже во Франціи,—хотя она и считается классической страной административной централизаціи и неизбѣжно съ такою централизацiей связаннаго бюрократическаго всевластія,—самостоятельность коммунальнаго самоуправленія весьма значительна. Правда, рядъ важныхъ постановленій муниципальнаго совѣта и въ томъ числѣ вотированный имъ бюджетъ нуждаются въ утвержденіи; правда, тутъ префектъ можетъ еще собственной властью вносить въ коммунальный бюджетъ новыя ассигновки,— но за этими предѣлами въ существо постановленій, утвержденія не требующихъ, уже никто вмѣшиваться не можетъ и префекту принадлежитъ только надзоръ за законностью ихъ. Дальнѣйшее, еще большее суженіе области опеки и расширеніе коммунальной самостоятельности мы находимъ въ итальянскомъ законодательствѣ, поднимаясь отъ котораго по ступенямъ послѣдовательно возростающей самостоятельности, мы черезъ законодательство австрійское, германское и скандинавскія придемъ къ швейцарскому и англійскому, почти ничѣмъ не ограничивающимъ силы и дѣйствительности волеизъявленій муниципальнаго совѣта, постановленія котораго, кромѣ немногихъ, нуждающихся въ утвержденіи, входятъ въ законную силу и приводятся въ исполненіе независимо отъ произвола и усмотрѣнія какого бы то ни было рода бюрократическихъ инстанцій.

Тотъ огромный путь, который продѣлало уже развитіе самостоятельности мѣстнаго самоуправленія, въ особенности же при томъ значеніи, какое для этой самостоятельности имѣетъ группа рѣшеній, нуждающихся въ утвержденіи,—путь этотъ станетъ болѣе яснымъ, если мы обратимъ вниманіе на эволюцію, одновременно продѣланную органами опеки, контроля и надзора. Мы видимъ прежде всего, напр., во Франціи, какъ право утвержденія постановленій, принадлежавшее раньше единолично префекту, переходитъ къ коллегіальному, хотя бы и бюрократическому же учрежденію (напр., въ отношеніи постановленій объ отчужденіи и покупкѣ недвижимыхъ имуществъ—къ совѣту префектуры и т. д.).

Слѣдующій шагъ—и право утвержденія постановленій, равно какъ контроль и надзоръ переходятъ къ полувыборнымъ-полубюрократическимъ коллегіальнымъ органамъ административной юстиціи, каковы, напр., постоянная депутація въ Бельгіи, провинціальная коммиссія въ Голландіи, провинціальная административная управа (giunta provinciale amministrativa) въ Италіи и т. д. Еще одинъ шагъ—и на мѣсто этихъ органовъ становятся высшія инстанціи мѣстнаго же самоуправленія, какъ областные ландтаги Австріи, окружные совѣты Пруссіи и т. д. Наконецъ, высшія стадіи, къ которымъ приводитъ эволюція опекающихъ, надзирающихъ и контролирующихъ мѣстное самоуправленіе органовъ,—это утвержденіе постановленій законодательными органами (большимъ совѣтомъ въ Швейцаріи, парламентомъ въ Англіи), народнымъ голосованіемъ (референдумъ въ Швейцаріи и въ частичномъ примѣненіи также въ Англіи, Богеміи и Италіи), наконецъ, контроль судебный (Англія).

Такова та дѣйствительность, съ которою считается государдарственная теорія самоуправленія. Понятно и естественно то, что она, объясняя дѣйствительность, утверждаетъ, равно какъ то, что изъ ея утвержденій вытекаетъ. Утверждаетъ она, что мѣстное самоуправленіе вѣдаетъ дѣла мѣстнаго *государственнаго* управленія и является по существу своихъ задачъ и цѣлей органомъ этого управленія. Утверждаетъ она далѣе, что въ качествѣ таковаго органа самоуправленіе не должно стоять въ сторонѣ и особнякомъ, а должно входить органической частью въ систему государственной администраціи. Разъ же—вытекаетъ отсюда—самоуправленіе введено въ эту систему, то исчезаетъ необходимость въ соотвѣтствующихъ бюрократическихъ органахъ; и мы видимъ въ дѣйствительности, что эти органы постепенно отмираютъ, а на ихъ мѣсто становятся органы общественные.

Но почему же эти послѣдніе, становясь на мѣсто бюрократическихъ органовъ, не только не проникаются, какъ то казалось бы естественнымъ, началомъ іерархическаго подчиненія, а наоборотъ—получаютъ все большую и большую самостоятельность? Въ той же дѣйствительности, а потому и въ объясняющей ее теоріи мы найдемъ надлежащій отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Отвѣтъ этотъ даже получится самъ собою, когда мы попробуемъ разобраться въ причинахъ и источникахъ той эволюціи, о которой только что шла рѣчь.

По мѣрѣ роста и развитія государственныхъ и мѣстныхъ потребностей задачи управленія умножаются и усложняются настолько, что удовлетворительное и цѣлесообразное разрѣшеніе ихъ въ условіяхъ централизованнаго управленія становится невозможнымъ. Потребность въ административной децентрализаціи, постепенно наростая, доходитъ до того, что получаетъ характеръ категорическаго императива, склониться передъ которымъ видитъ

себя вынужденнымъ даже государственный строй, по существу заложенныхъ въ его основаніе началъ наименѣе совмѣстимый съ децентрализаціей. Отсюда—бюрократическая децентрализація, которую мы находимъ въ абсолютныхъ монархіяхъ. Нужно ли разъяснять, что децентрализація значитъ—самостоятельность мѣстныхъ органовъ управленія, предоставленіе имъ окончательнаго рѣшенія извѣстнаго круга дѣлъ, прежде подлежавшихъ компетенціи центральной власти? Но наряду съ наростаніемъ потребности въ децентрализованномъ управленіи совершается другой процессъ: развитіе и торжество началъ народоправства и соотвѣтствующее этимъ началамъ переустройство политическаго и административнаго механизмовъ государства. О причинахъ, въ силу которыхъ эти начала торжествуютъ, равно какъ о путяхъ, которыми ихъ торжество достигается, я здѣсь не стану говорить; отмѣчу только ту роль, которую играетъ въ данномъ случаѣ бюрократическая децентрализація.

При іерархической подчиненности, составляющей основу бюрократіи, такого рода децентрализація неизбѣжно оказывается *мнимой*, маскирующей дѣйствительность, расширяющей арену бюрократическаго самовластія и произвола, увеличивающей количество мутной воды, въ которой чиновничество ловитъ питающую его рыбу... Печальные практическіе результаты бюрократической децентрализаціи особенно ощутительны для широкихъ массъ и потому наиболѣе содѣйствуютъ уразумѣнію этими массами безжизненности и вредоносности бюрократическаго начала. Продуктомъ же такого уразумѣнія является усиленіе въ массахъ тяги и стремленія къ началамъ демократическимъ, къ ихъ воплощенію въ законодательствѣ и въ администраціи.

Понятно, чѣмъ полнѣе торжество началъ народоправства, тѣмъ меньше имѣется поводовъ для коллизій между государственнымъ порядкомъ и правительственной властью, съ одной стороны, и народомъ—съ другой,—тѣмъ меньше основаній для дисгармоніи и даже антагонизма между ними, совершенно неизбѣжныхъ тамъ, гдѣ государственный порядокъ и правительственная власть получаютъ свое бытіе не въ народной волѣ, а въ иномъ, внѣ ея лежащемъ, источникѣ, съ которымъ связаны особые отъ народныхъ и частью имъ противоположные интересы, цѣли и задачи. Тамъ, гдѣ государственный порядокъ установленъ волею народа, гдѣ правительство изъ рукъ народа же получаетъ свою власть, у правительства не можетъ быть ни необходимости, ни потребности искать для себя опоры внѣ народа, въ особыхъ, отъ него независимыхъ, а только правительству іерархически подчиненныхъ органахъ управленія. Тамъ поэтому и происходитъ замѣна органовъ бюрократическихъ общественными—мѣстнымъ самоуправленіемъ, вводимымъ въ качествѣ органической части въ систему государственнаго управленія. На мѣсто децентрализаціи бюрокра-

тической становится децентрализація демократическая и смѣна эта, конечно, происходитъ тѣмъ быстрѣе и тѣмъ полнѣе, чѣмъ обширнѣе завоеванія, сдѣланныя началами народоправства.

Децентрализація же, какъ мы знаемъ, это—самостоятельность, для которой децентрализація демократическая даетъ тѣмъ болѣе широкія и прочныя основанія, что тутъ дѣло находится въ рукахъ людей мѣстныхъ, наиболѣе въ немъ компетентныхъ и непосредственно въ его правильной и цѣлесообразной постановкѣ заинтересованныхъ. Тѣ ограниченія самостоятельности, которыя въ случаѣ такой децентрализаціи допустимы, не могутъ выходить за предѣлы, безусловно необходимые въ видахъ огражденія общихъ государственныхъ интересовъ; но ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допустимы ограниченія, имѣющія исключительно въ виду огражденіе интересовъ данной правительственной власти, какъ это наблюдается при бюрократической децентрализаціи, которая чаще всего имѣетъ своей главной задачей именно охрану правительственныхъ интересовъ отъ того вреда, который они могутъ потерпѣть при столкновеніи съ интересами государственными и народными.

Такова извѣстная наукѣ государственная теорія самоуправленія; такова та живая дѣйствительность, на которой эта теорія зиждется; таковы, наконецъ, тѣ выводы, которые изъ нея вытекаютъ. Еслибы Н. А. Маклаковъ стоялъ на почвѣ этой теоріи, то онъ, конечно, не могъ бы отговориться тѣмъ, что наука не позволяетъ ему выработать законопроектъ, соотвѣтствующій законодательному предположенію 35 депутатовъ; наоборотъ, его законопроектъ долженъ былъ бы пойти несравненно дальше и затронуть такія области, о которыхъ гг. депутаты, повидимому, страшились даже помыслить. Откуда же г. министръ внутреннихъ дѣлъ взялъ свою доктрину? Не изъ науки государственнаго права, конечно, и напрасно онъ сослался на „современныя воззрѣнія". Однако эта доктрина отнюдь не является и его измышленіемъ. Доктрина, на которую оперлись Н. А. Маклаковъ и совѣтъ министровъ, дѣйствительно существуетъ, но въ наукѣ совсѣмъ другого рода, и имѣетъ уже почтенный возрастъ—въ три десятка лѣтъ. То оригинальное, что принадлежитъ въ данномъ случаѣ Н. А. Маклакову, это — не самая доктрина, а примѣненіе ея въ условіяхъ, въ которыхъ примѣнить ее, навѣрное, не рѣшились бы даже ея творцы.

III.

Условія, при которыхъ вводилась на Руси первая земская реформа, были наиболѣе благопріятны для примѣненія началъ такъ называемой общественной (или „общинной", по терминологіи г. Маклакова) теоріи самоуправленія. Соотношеніе боровшихся тогда силъ было таково, что бюрократіи приходилось стараться о томъ,

чтобы поменьше потерять, возможно больше съузивъ ту область, которую ей приходилось уступить обществу. Къ счастью бюрократіи, общество тогда еще было слишкомъ слабо, слишкомъ мало организовано для того, чтобы могло разсчитывать на завоеваніе себѣ всей той полноты самодѣятельности, какая ему была необходима. Бюрократія же, хотя и вынужденная идти на уступки, была далеко не такъ слаба, чтобы оказаться въ необходимости капитулировать или хотя бы только сдать свои главныя позиціи; наоборотъ, у нея оказалось достаточно силъ, чтобы сохранить эти позиціи за собою, поступившись только второстепенными, не имѣвшими для нея по условіямъ тогдашняго времени существеннаго значенія. При такомъ положеніи вещей для обѣихъ сторонъ представлялось одинаково выгоднымъ трактовать мѣстное—земское и городское—самоуправленіе, какъ особое общественное управленіе, существующее рядомъ съ правительственной администраціей и вѣдающее свои особыя отъ государственныхъ мѣстныя общественныя дѣла.

Для бюрократіи такая точка зрѣнія была выгодна потому, что въ извѣстной мѣрѣ гарантировала ее отъ покушеній на ея верховенство въ государственномъ управленіи, такъ какъ такимъ образомъ устанавливалось, что самоуправленіе не есть участіе общества въ государственномъ управленіи и что земская реформа отнюдь не является признаніемъ права общества на такое участіе. И общество въ свою очередь какъ будто кое-что выгадывало отъ такой точки зрѣнія: разъ оно вѣдало черезъ посредство выборныхъ учрежденій свои особыя общественныя дѣла, то могло претендовать на полную самостоятельность въ предѣлахъ своего круга вѣдомства и на невмѣшательство въ его дѣла правительственной администраціи.

Но компромиссъ, слѣдствіемъ котораго явилось принятіе обѣими сторонами общественной теоріи самоуправленія, конечно, практически могъ дать только тѣ результаты, которые предопредѣлялись фактическимъ соотношеніемъ силъ. А такъ какъ это соотношеніе все болѣе и болѣе измѣнялось въ пользу бюрократіи, то общество въ качествѣ стороны болѣе слабой скоро почувствовало всѣ невыгоды, проистекавшія для него изъ организаціи мѣстнаго самоуправленія на началахъ общественной теоріи. Естественно, что въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ наукѣ и въ литературѣ начинается походъ противъ этой теоріи, которой противопоставляется теорія государственная. Горизонты, которые послѣдняя открывала обществу, были слишкомъ соблазнительны, чтобы не обезпечить ей успѣха. Вѣдь изъ нея вытекаетъ передача всего управленія на мѣстахъ въ руки органовъ мѣстнаго самоуправленія. Но строй мѣстнаго самоуправленія необходимо долженъ соотвѣтствовать государственному строю. Значитъ, необходимой предпосылкой для переустройства мѣстной администраціи на началахъ самоуправле-

нія являлось предварительное соотвѣтствующее преобразованіе государственнаго строя, въ смыслѣ привлеченія общества къ участію не только въ администраціи, но и въ законодательствѣ.

Таковы были логическіе выводы изъ государственной теоріи, но не таковы были практическіе выводы, сдѣланные изъ нея живой дѣйствительностью того времени. То было какъ разъ время, когда Катковъ требовалъ твердой власти и призывалъ правительство „вернуться“ и когда въ соотвѣтствіи съ такой проповѣдью судьбы русской государственности и русскаго самоуправленія въ частности были переданы въ твердыя руки гр. Д. А. Толстого. Бюрократія, которой даже жалкое самоуправленіе, созданное Положеніями 1864 и 1870 гг., стало поперекъ горла, проявила достаточно догадливости, чтобы сообразить, какое употребленіе она можетъ сдѣлать изъ государственной теоріи, соотвѣтственно ее переработавъ. Въ надлежащей переработкѣ Катково-Толстовско-Побѣдоносцевской школы [1]) она и послужила основаніемъ для двухъ контръ-реформъ: земской 1890 г. и городской 1892 г. Логика этой школы была до послѣдней степени проста. „Самоуправленіе должно быть введено въ систему государственнаго управленія?“ — Превосходно, мы его вводимъ. „Но это система бюрократическая!“—Совершенно вѣрно, потому-то мы и бюрократизируемъ самоуправленіе. „Но вѣдь эта система „построена на принципѣ іерархическаго подчиненія!“—Не споримъ, потому-то мы и лишаемъ земство самостоятельности, такъ какъ иначе произошло бы „отторженіе мѣстныхъ учрежденій отъ органовъ управленія государственнаго“...

Доктрина, выдвинутая Н. А. Маклаковымъ, представляетъ собой такимъ образомъ не что иное, какъ старую доктрину государственной теоріи самоуправленія навыворотъ Катково-Толстовской школы. Что возникновеніе ея было причинно связано съ условіями катково-толстовскаго времени, что она имѣла прочные корни въ тогдашней дѣйствительности, — противъ этого немыслимо спорить. Самодержавно-бюрократическій строй стоялъ тогда незыблемой скалой, не обнаруживавшей даже отдаленныхъ признаковъ разрушенія и явно получавшей все болѣе прочныя, все болѣе солидныя основанія. Въ условіяхъ этого строя практически возможно было только одно изъ двухъ: или отвергнуть государственную

---

[1]) Видную роль въ практическомъ примѣненіи идей этой школы къ мѣстному самоуправленію сыгралъ А. Д. Пазухинъ, сотрудникъ Каткова по „Русскому Вѣстнику“, бывшій предводитель дворянства и предсѣдатель земской управы Алатырскаго уѣзда. Въ 1885 году, послѣ закрытія Кахановской коммиссіи, Толстой пригласилъ Пазухина на должность директора канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ и поручилъ ему подготовку крестьянской и земской реформъ. Истиннымъ вдохновителемъ послѣдней, поскольку дѣло касалось подчиненія земства администраціи, былъ однако Катковъ. Лично Пазухину, наряду съ елецкимъ предводителемъ дворянства Бехтеевымъ, принадлежало, какъ можно думать, внесеніе въ эту реформу „сословнаго начала“.

теорію самоуправленія цѣликомъ, или, принявъ ея основныя посылки, приспособить ее къ этимъ условіямъ, т. е., продѣлать съ нею то, что продѣлала Катково-Толстовская школа. Пока государство оставалось самодержавно-бюрократическимъ, ввести органы самоуправленія въ составъ его администраціи въ качествѣ ея органической части возможно было единственно путемъ наивысшей ихъ бюрократизаціи со всѣми вытекавшими изъ того послѣдствіями.

И было бы серьезной ошибкою думать, что у государства была въ этомъ случаѣ свобода выбора. Въ тогдашнемъ самодержавно-бюрократическомъ организмѣ общественное самоуправленіе было тѣломъ инороднымъ. Въ любомъ организмѣ нахожденіе такого тѣла предполагаетъ три возможности: или смерть организма, или изверженіе имъ инороднаго тѣла, или ассимилированіе его. Гибнуть самодержавно-бюрократическое государство, конечно, ни малѣйшей охоты не имѣло. Извергнуть, т. е., совершенно отказаться отъ органовъ самоуправленія, оно не имѣло возможности, такъ какъ рядъ для него же самого жизненныхъ задачъ не могъ быть рѣшенъ безъ общественнаго содѣйствія. Оставалось одно—ассимилировать, что оно и сдѣлало, переработавъ и использовавъ соотвѣтственно, т. е. вывернувъ на изнанку, государственную теорію самоуправленія.

Теперь условія существенно измѣнились. Та политическая предпосылка, которая необходима для переустройства всей мѣстной администраціи на началахъ самоуправленія и которая въ катково-толстовскій періодъ казалась еще недосягаемой утопіей,—эта предпосылка въ настоящее время уже является фактомъ, худо ли, хорошо ли, но безповоротно совершившимся... Нынѣ общество, наконецъ, призвано къ участію въ законодательствѣ, право на такое участіе за нимъ фактически признано и останется за нимъ независимо отъ того, какъ сложатся обстоятельства въ дальнѣйшемъ.

Прежде „общій государственный порядокъ и данная государственная власть"—если употребить формулу Градовскаго—были гармонически согласованы другъ съ другомъ: то, что укрѣпляло одну часть этой формулы, само собою служило опорой и для другой части, и потому „общій государственный порядокъ" и „данная государственная власть" были одинаково заинтересованы въ одномъ и томъ же типѣ администраціи. Призывъ общества къ участію въ законодательствѣ рѣзко нарушилъ гармонію, существовавшую между обѣими частями формулы. Въ основаніе одной изъ нихъ оказалось заложеннымъ новое начало, рѣзко антагонистичное тому старому, которое осталось въ основѣ другой. Это значитъ, что тотъ типъ администраціи, который наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ и потребностямъ „данной государственной власти", оставшейся незыблемой въ своихъ основахъ, представляет-

ся нынѣ принципіально недопустимымъ съ точки зрѣнія установившагося „общаго государственнаго порядка". Это значитъ, что теперь со строго принципіальной точки зрѣнія не самоуправленіе является инороднымъ тѣломъ въ государственномъ организмѣ, а органы бюрократическаго управленія. И еслибы вопросъ въ самомъ дѣлѣ шелъ о проведеніи въ жизнь научныхъ истинъ и о торжествѣ государственной теоріи самоуправленія, то г. министру внутреннихъ дѣлъ въ его отзывѣ на законодательное предположеніе 35 депутатовъ пришлось бы сказать слѣдующее: „Не объ одной только самостоятельности земства, да еще въ тѣхъ жалкихъ размѣрахъ, въ которыхъ вы претендуете на нее, должна теперь идти рѣчь, а о переустройствѣ всего внутренняго управленія на началахъ самоуправленія, потому что только такое переустройство явится послѣдовательнымъ развитіемъ того начала, которое заложено нынѣ въ основу нашего государственнаго строя"...

Но само собою разумѣется, что отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ всего менѣе опредѣлялся заботой о научной истинѣ и о торжествѣ какой бы то ни было теоріи. Крайне характерно, что въ засѣданіи Государственной Думы 21 апрѣля, когда законодательное предположеніе прогрессистовъ было поставлено на очередь для обсужденія его съ точки зрѣнія желательности, правительство и не пыталось уже ссылаться ни на какія научныя теоріи. Представитель министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Евтифѣевъ, просто заявилъ, что правительство отказывается взять на себя разработку законопроекта на предложенныхъ прогрессистами основаніяхъ, такъ какъ „основнымъ началомъ этого преобразованія должно быть во всякомъ случаѣ сохраненіе за правительственной властью права надзора по существу въ томъ или иномъ видѣ".

Такъ то оно проще: не въ научныхъ истинахъ дѣло, а въ „полнотѣ власти", которую отстаиваетъ для себя бюрократія и которую она будетъ, конечно, отстаивать съ одинаковымъ рвеніемъ, возникнетъ ли вопросъ о томъ, чтобы расширить рамки земской компетенціи или о томъ, чтобы обезпечить его самостоятельность „въ кругѣ ввѣренныхъ ему дѣлъ". И къ сказанному я прибавлю поэтому лишь одно замѣчаніе.

Можно спорить о томъ, своевременно ли теперь ставить на очередь земскій вопросъ и нѣтъ ли другихъ вопросовъ, имѣющихъ преимущественное право на очередь и болѣе прямымъ и близкимъ путемъ ведущихъ къ той же цѣли. Но во всякомъ случаѣ, если вопросъ этотъ ставить, то во всѣхъ смыслахъ безцѣльно суживать его такъ, какъ то сдѣлали авторы законодательнаго предположенія, по крайней мѣрѣ, безцѣльно съ точки зрѣнія интересовъ страны, а не какихъ-нибудь отдѣльныхъ общественныхъ группъ, имѣющихъ свои особые своекорыстные интересы. Существующій хотя бы несовершенный „общій государственный порядокъ" даетъ почву для постановки земскаго вопроса во всей

той полнотѣ, какая предполагается государственной теоріей самоуправленія, и въ то же время *исключаетъ возможность принципіальныхъ противъ такой постановки возраженій.*

Гр. Шрейдеръ.

Обозрѣніе иностранной жизни.

1. Мексика и ея соціально-политическій укладъ. — 2. Результаты французскихъ выборовъ.—3. Кровавый фарсъ въ Албаніи.

I.

Уже раза два-три мнѣ приходилось бесѣдовать съ читателемъ о Мексикѣ, которая послѣ почти 30-лѣтняго періода сравнительнаго спокойствія снова стала продѣлывать циклъ революцій, столь характерныхъ для латинскихъ республикъ Центральной и Южной Америки. Нынѣ приходится опять возвращаться къ этой странѣ въ виду столкновенія между Мексикой и Сѣверо-Американскими Штатами. Но передача разныхъ сенсаціонныхъ и не особенно достовѣрныхъ газетныхъ вѣстей гораздо менѣе интересна, нежели изученіе самаго смысла событій, совершающихся внутри страны и характера ея отношеній къ культурнымъ государствамъ. Кстати, въ послѣдніе годы вышло не мало книгъ, посвященныхъ изученію мексиканской экономики и политики. Нѣкоторыми изъ этихъ данныхъ, сравнительно мало извѣстныхъ въ Европѣ и выгодно отличающихся отъ бьющихъ на эффектъ газетныхъ статей, я постараюсь подѣлиться съ читателями.

Я уже раньше говорилъ о тѣхъ особенностяхъ мексиканскаго строя, которыя лишаютъ его устойчивости и, мало того, обрекаютъ на безрезультатность всѣ эти частные перевороты. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ „желѣзный президентъ", Діазъ, принужденъ былъ выпустить власть изъ своихъ рукъ и переселился въ Европу, страна переживаетъ рядъ политическихъ революцій и находится въ состояніи ожесточенной междоусобной войны. Конечно, на свѣтѣ чудесъ не бываетъ. И въ этой безпрестанной смѣнѣ переворотовъ въ Мексикѣ надо видѣть не какую-нибудь провиденціальную игру злой судьбы, а слѣдствіе извѣстныхъ соціальныхъ причинъ.

Въ числѣ ихъ надо, прежде всего, отмѣтить малую культурность населенія, которое до сихъ поръ не умѣетъ цѣлесообразно пользоваться очень демократической конституціей, являющейся сколкомъ съ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и для правильнаго функціонированія нуждающейся въ сознательной политической дѣятельности гражданъ. Въ Мексикѣ до сихъ поръ зна-

чительно преобладаютъ туземцы или метисы, тогда какъ чистыхъ европейцевъ сравнительно мало. По довольно авторитетному мнѣнію англичанина Мэкъ-Ю, такихъ врядъ-ли найдется и милліонъ, два же милліона или два милліона съ небольшимъ составляютъ люди смѣшанной крови, а остальные 13 милліоновъ—изъ 16—чистокровные индѣйцы [1]). Читатель не долженъ однако думать, что я въ данномъ случаѣ придаю особенное значеніе цвѣту кожи и вообще расѣ. Подготовленность гражданъ къ политической жизни зависитъ въ неизмѣримо большей степени отъ тѣхъ соціальныхъ и культурныхъ условій, въ которыя данный народъ поставленъ, чѣмъ отъ красящаго пигмента его тѣла. Несчастье Мексики и заключается въ томъ, что огромная часть туземнаго населенія живетъ въ чрезвычайно тяжелой обстановкѣ, мѣшающей ему пробудиться къ сознательной жизни. Зачастую европейскіе писатели, даже претендующіе на серьезность, то съ ироніей, то почти съ негодованіемъ говорятъ о малой гражданской подготовкѣ мексиканцевъ, о ничтожной пропорціи въ населеніи людей, заинтересованныхъ въ нормальномъ функціонированіи свободныхъ учрежденій, — что и должно вызывать крайнюю неустойчивость общей политики въ странѣ, гдѣ борьба партій поглощается въ сущности борьбою узкаго круга профессіональныхъ политикановъ и ихъ приверженцевъ за власть и богатство при равнодушіи всей остальной страны. Эти писатели правы, когда они отмѣчаютъ такое положеніе вещей, какъ фактъ. Но они неправы, когда обрываютъ свои разсужденія какъ разъ тамъ, гдѣ должно было бы начаться серьезное изученіе причинъ самаго факта.

Дѣло собственно не въ томъ, что громадное большинство жителей Мексиканской республики состоитъ изъ индійцевъ и метисовъ. Дѣло въ томъ, что съ давнихъ поръ испанцы въ качествѣ завоевателей Мексики подвергли туземцевъ такому политическому гнету и такой экономической эксплуатаціи, которые должны были подорвать въ мѣстномъ населеніи всякую охоту, да и всякую возможность развитія. Набросившись на Мексику „словно стая кречетовъ, вылетѣвшихъ изъ своего кроваваго гнѣзда“,—по великолѣпному выраженію французскаго поэта [2]),—конкистадоры насильственно разрушими старый политическій укладъ и прежнія экономическія отношенія страны и замѣнили ихъ тѣмъ режимомъ, который они привезли съ собою изъ далекой родины на своихъ разбойничьихъ корабляхъ. Не говоря уже о томъ, что эти пираты были охвачены всецѣло жаждою наживы и безграничной власти, они совершенно добросовѣстно впали въ коренную ошибку, когда приняли военную демократію ацтековъ за деспотическую

[1]) K. J. Mac Hugg, „Modern Mexico“, Лондонъ, 1914, стр. 109.
[2]) Начало знаменитаго сонета Эредіи (Heredia) „Les Conquérants“ Comme un vol de gerfauts hors du charnier natal и т. д

монархію во вкусѣ испанской, а общинно-родовой строй туземцевъ, во главѣ которыхъ стояли выборные старѣйшины клановъ, за цѣлую іерархію феодальныхъ помѣстій. Въ результатѣ произошло прежде всего то, что общественныя земли индѣйцевъ, такъ называемыя кальпульи (calpulli), были отобраны у нихъ и розданы огромными кусками участникамъ въ экспедиціи, которые такимъ образомъ превратились въ крѣпостныхъ сеньоровъ, чтобы не сказать рабовладѣльцевъ, побѣжденнаго населенія. Въ сѣверной Мексикѣ обезземеленные члены родовъ сошли на положеніе простыхъ пастуховъ на владѣніяхъ крупныхъ феодаловъ-скотоводовъ, или же подневольныхъ рабочихъ въ золотыхъ и особенно серебряныхъ рудникахъ. А на югѣ изъ обездоленныхъ индѣйцевъ быстро создался классъ мелкихъ зависимыхъ арендаторовъ, которые, задолжавъ своимъ господамъ на манеръ извѣстныхъ намъ изъ русской аграрной исторіи серебренниковъ, сдѣлались такъ называемыми пеонами, т. е. наслѣдственными крѣпостными своихъ господъ, получавшими отъ нихъ клочки земли и кой-какой инвентарь и за то отправлявшими изъ поколѣнія въ поколѣніе тяжелую барщину.

До какой степени колоссальны помѣстья мексиканскихъ привилегированныхъ собственниковъ, можно видѣть изъ того, что нѣсколько сотенъ лицъ владѣютъ всею земельною площадью страны, равняющейся по величинѣ почти трети Европейской Россіи. Въ особенности это кидается въ глаза на сѣверѣ Мексики, гдѣ имѣнія нѣкоторыхъ помѣщиковъ тянутся на десятки и сотни верстъ. Тамъ, напр., лишь одинъ генералъ Терраза, прославившійся при Діазѣ своею свирѣпостью въ качествѣ губернатора штата Чигуагуа, обладаетъ цѣлыми кварталами въ городахъ и пространствомъ земель въ 8.100.000 гектаровъ, т. е. половиною Англіи [1]). Причемъ наибольшее изъ его имѣній заключаетъ въ себѣ около $3^{1}/_{4}$ милліоновъ гект. и цѣлая армія въ 2000 пастуховъ приставлена къ громаднымъ стадамъ рогатаго скота, овецъ и лошадей, насчитывающимъ вмѣстѣ чуть ли не 2 милліона головъ [2]). Съ другой стороны, когда въ концѣ прошлаго вѣка правительство приступило къ кадастру земельной собственности, то изъ 34 милліоновъ гектаровъ, составлявшихъ раньше государственную собственность, оно удержало въ своихъ рукахъ лишь 10 милліоновъ, а остальные 24 милліона были почти поровну розданы имъ или проданы „кадастральнымъ компаніямъ“ (Compagnies d'arpentage) и крупнымъ частнымъ собственникамъ. Крестьяне же во время всего этого процесса расхищенія національнаго земельнаго фонда едва успѣли пріобрѣсти около 65.000 гектаровъ! [3]).

---

1) Mac Hugh, l. c., стр. 125.

2) C. Reginald Enock, „The Republics of Central and South America“ Лондонъ, 1913, стр. 418—419.

3) Elisée Reclus, „Nouvelle Géographie Universelle“, t. XVII, стр. 292.

Присоедините къ этой крайней обездоленности широкихъ массъ чрезвычайно слабое развитіе грамотности въ населеніи, среди котораго умѣющіе читать и писать составляютъ едва 20%. Кромѣ того, всемогущая католическая церковь, не смотря на отдѣленіе церкви отъ государства, проведенное въ 50-хъ—70-хъ годахъ прошлаго вѣка, держитъ населеніе во власти самыхъ грубѣйшихъ суевѣрій. И къ культу всевозможныхъ католическихъ святыхъ индѣйцы до сихъ поръ благодушно присоединяютъ лишь слегка видоизмѣненныхъ боговъ своего прежняго пантеона. До какой степени католическое духовенство пользуется вліяніемъ среди массъ видно изъ того, что рядовой мексиканецъ, не взирая на существованіе гражданскаго брака, признаетъ за настоящій только церковный. А такъ какъ духовенство требуетъ за обрядъ вѣнчанія очень высокую по мѣстнымъ условіямъ плату, то зачастую онъ вступаетъ съ женщиной въ мимолетную связь и количество незаконныхъ дѣтей достигаетъ половины всѣхъ рождающихся.

Въ результатѣ крайней бѣдности и крайняго невѣжества громаднаго большинства населенія типичный мексиканецъ низшихъ классовъ является послушною глиною въ рукахъ правительства, которое лѣпитъ изъ него все, что хочетъ, при помощи губернаторовъ штатовъ и особенно мѣстныхъ окружныхъ начальниковъ, носящихъ замысловатое названіе „политическихъ главъ" (jefe politico) и соотвѣтствующихъ приблизительно нашимъ исправникамъ (отчасти и губернаторамъ). Нечего уже говорить, напр., о томъ, что при этихъ условіяхъ выборы превращаются въ простую формальность. Кандидатъ, выдвигаемый окружнымъ начальникомъ, считается непремѣнно выбраннымъ, каково бы ни было дѣйствительное число голосовъ, поданныхъ за него, ибо „политическій глава" нисколько не считается съ протестами населенія,—которыхъ, впрочемъ, почти никогда не бываетъ—и адресуетъ самую фантастическую статистику подсчета бюллетеней для провѣрки въ парламентскую коммиссію по выборамъ. Прибавимъ, кстати, что и въ парламентѣ господствующая въ данный моментъ партія также произвольно относится къ провѣркѣ депутатскихъ полномочій, какъ мѣстныя власти къ собиранію бюллетеней. Сплошь и рядомъ коммиссія по выборамъ вмѣсто провѣрки и разсмотрѣнія избирательныхъ операцій прямо провозглашаетъ любезнаго ея сердцу депутата за выбраннаго. И недавно цѣлый пакетъ съ избирательными документами изъ города Закатекаса былъ совсѣмъ ею не вскрытъ, что обнаружилось лишь впослѣдствіи, когда коммиссія уже сосчитала недостающіе голоса въ числѣ поданныхъ за пріятнаго ей кандидата.

А что продѣлываютъ на мѣстахъ окружные начальники, то на свѣжаго читателя производитъ впечатлѣніе какой-то сказки. Я позволю себѣ привести лишь одинъ примѣръ, который долженъ поразить всякаго европейца своею неправдоподобностью. Въ по-

слѣдніе годы президентствованія Діаза, просвѣщеннымъ абсолютизмомъ котораго не могли нахвалиться публицисты культурныхъ странъ, строился мостъ въ штатѣ Гуанахуато. Подрядчикъ, производившій работы, дружилъ съ окружнымъ начальникомъ. И этотъ, узнавъ отъ своего пріятеля, что дѣло постройки плохо подвигается впередъ, потому что никто не хочетъ наниматься на эти работы, прибѣгъ прежде всего къ обычному въ такихъ случаяхъ мексиканскому пріему насильственной отдачи въ рабочіе всѣхъ арестованныхъ на улицѣ пьяницъ. А когда и эта тактика дала сравнительно незначительные результаты, то геніальный администраторъ развѣсилъ офиціальныя объявленія, въ которыхъ значилось, что парламентомъ изданъ законъ, запрещающій кому бы то ни было подъ опасеніемъ штрафа и другихъ болѣе серьезныхъ наказаній появляться въ городѣ безъ сшитыхъ на европейскій ладъ брюкъ (мексиканскіе крестьяне носятъ лишь легкіе бумажные кальсоны). И вотъ всякій поселянинъ, встрѣченный полиціею на улицахъ города въ своемъ традиціонномъ костюмѣ, немедленно арестовывался, какъ нарушитель важнаго узаконенія, и посылался въ видѣ наказанія на работы къ подрядчику. Окончаніе этой исторіи еще болѣе въ мексиканскомъ родѣ. Нашелся предпріимчивый торговецъ, который быстро нажилъ цѣлое состояніе благодаря тому, что у самаго входа въ городъ завелъ лавочку съ панталонами, которые и брались за извѣстное вознагражденіе напрокатъ бѣдными индѣйцами, старавшимися, пока они по дѣламъ въ городѣ, не нарушать грознаго предписанія республики!..

Бо́льшимъ развитіемъ и сознательностью отличаются рабочіе, особенно въ тѣхъ крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ, которыя были созданы въ послѣднее время иностранцами (ниже мы коснемся размѣровъ этого участія международнаго капитала въ экономической жизни Мексики). Та часть населенія, которая работаетъ на большихъ заводахъ и фабрикахъ, напр., на бумагопрядильняхъ, въ каменноугольныхъ копяхъ и при нефтяныхъ источникахъ, уже затронута соціальнымъ движеніемъ. И тѣ самые авторы, которые много толкуютъ объ инертности низшихъ классовъ въ Мексикѣ, не безъ раздраженія описываютъ рѣзкія выступленія мѣстныхъ рабочихъ, производящихъ демонстраціи на манеръ организованнаго пролетаріата въ давно культурныхъ странахъ.

Въ послѣдніе годы происходили очень серьезныя стачки въ хлопчатобумажной, шерстяной и джутовой промышленности. Особенно большіе размѣры принимали онѣ въ такъ называемомъ федеральномъ округѣ (включающемъ столицу и окрестности), а также въ Оризабѣ, Атлиско, Пуэблѣ, — мексиканскомъ „Манчестерѣ“,—и другихъ городахъ, гдѣ одновременно бастовало не менѣе 30.000 человѣкъ. Въ самой столицѣ неоднократно происходили большія шествія рабочихъ со знаменами, на которыхъ огромными

буквами были написаны требованія: „Короткій день", „Человѣческая плата за трудъ" и т. д. Въ цѣломъ рядѣ штатовъ не только городскіе, но и сельскіе рабочіе большихъ помѣстій устраивали манифестаціи, въ результатѣ которыхъ обыкновенно подавалась мѣстному губернатору петиція съ требованіемъ урегулировать условія труда. Въ самой столицѣ, Мексико, обитатели привилегированныхъ кварталовъ не безъ удивленія и страха наблюдали за демонстраціями рабочихъ, бастовавшихъ изъ-за того, что одинъ предприниматель совершенно произвольно разсчиталъ фабричнаго, пользовавшагося большимъ уваженіемъ среди своихъ товарищей. Въ концѣ 1912 г. устроили серьезную стачку 7.000 служащихъ на столичныхъ трамваяхъ, обратившись къ властямъ съ необычными для отсталой страны требованіями восьмичасового рабочаго дня, установленія рабочихъ пенсій и тому подобныхъ соціальныхъ законовъ и доказавъ такимъ образомъ, по словамъ Энока, что „люди, которые могутъ бастовать ради улучшенія своего положенія, какъ они въ свое время бились за національную свободу, выказали себя отнюдь не апатичными и ничуть не выродившимися" [1]).

Надо замѣтить, что до сихъ поръ въ Мексикѣ фабричное законодательство совершенно отсутствуетъ и государство остается равнодушнымъ зрителемъ самой безпощадной эксплуатаціи труда не только взрослыхъ, но и женщинъ и дѣтей. Тамъ, гдѣ возможно, мексиканскій рабочій самъ полагаетъ извѣстную границу этой эксплуатаціи, не только прибѣгая къ стачкамъ, но и пуская въ ходъ пріемы, на которые не рѣшится уже привыкшій къ движенію капиталистическаго механизма пролетарій давно культурныхъ странъ, но которые естественно подсказываются мексиканцу его до сихъ поръ первобытными инстинктами. Въ особенности это относится къ рабочимъ въ отрасляхъ труда, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ. Неоднократно слышатся жалобы владѣльцевъ банановыхъ и другихъ плантацій на то, что рабочій не хочетъ трудиться больше того количества часовъ, которое оплачиваетъ содержаніе его самого и семьи. Даже тогда, когда хозяева увеличивали цѣну каждаго рабочаго часа подъ условіемъ болѣе продолжительнаго рабочаго дня, мексиканецъ сплошь и рядомъ отказывался отъ исполненія этого договора. Если втеченіе первыхъ четырехъ дней недѣли онъ, скажемъ, получалъ заработную плату въ полтора раза большую прежней, то онъ преспокойно не являлся на плантацію въ послѣдніе два дня. Можете себѣ представить, въ какой степени эта психологія раздражаетъ современнаго предпринимателя.

Въ концѣ концовъ, если исключить втянутаго въ водоворотъ современной экономической и политической жизни рабочаго большихъ городскихъ центровъ и промышленныхъ районовъ, то большинство низшихъ классовъ Мексики живетъ въ тискахъ привыч-

---

[1]) Enock, l. c., стр. 392.

наго гнета и привычной нищеты, во власти инстинктовъ первобытнаго человѣка, которому отнюдь не хочется выходить изъ круга его ближайшихъ интересовъ и традицій. И даже допуская, что писатели культурныхъ странъ смотрятъ черезчуръ пессимистически на туземцевъ, придется сказать, что есть извѣстная доля правды въ такихъ, напр., отзывахъ:

„Въ этой удивительной странѣ люди становятся то на ту, то на другую политическую сторону по самымъ случайнымъ обстоятельствамъ и при этомъ съ чрезвычайно легкимъ сердцемъ. Значительное большинство населенія, т. е. индѣйцы и люди смѣшанной расы, неграмотно и невѣжественно до крайней степени. Они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о дѣйствительномъ значеніи представительнаго правленія или о принципахъ, на которыхъ оно основано. Они охотно подчиняются власти одного человѣка или группы людей, лишь бы за нею чувствовалась достаточная сила и лишь бы администрація не особенно стѣснялась пріемами управленія: наскоро повѣсить или разстрѣлять кого-нибудь тутъ же на мѣстѣ безъ особаго предварительнаго разслѣдованія, насколько это справедливо или нѣтъ, является методомъ управленія, который всего болѣе по душѣ среднему мексиканцу. Народъ имѣетъ малое понятіе, или совсѣмъ никакого, о правительственномъ механизмѣ и окружной начальникъ является въ его глазахъ верховнымъ властелиномъ. Если послѣднему, гдѣ-нибудь въ глубинѣ сельскаго района не удается поддержать порядокъ или онъ вынужденъ спасаться отъ населенія бѣгствомъ, то большинство обитателей этой мѣстности начинаетъ вѣрить, что они ниспровергли цѣлый строй и могутъ теперь жить на полной волѣ“ [1]).

Рядомъ съ этой психологіей индѣйца или метиса поражаетъ наблюдателя и характеръ привилегированныхъ классовъ, включая сюда представителей либеральныхъ профессій, отъ которыхъ исходитъ иниціатива политическихъ движеній и которые во время борьбы партій умѣютъ опираться на пушечное и ружейное мясо, поставляемое народомъ. Надо сказать, что промышленность и торговля вообще претятъ мексиканцу, принадлежащему къ среднимъ или высшимъ классамъ. Быть мелкимъ торговцемъ или мелкимъ ремесленникомъ значитъ въ глазахъ привилегированнаго мексиканца унижать себя недостойнымъ свободнаго человѣка занятіемъ. Надо быть крупнымъ фабрикантомъ, или банкиромъ, или первоклассным негоціантомъ, — если нельзя быть собственникомъ обширнаго помѣстья или плантаторомъ, — для того, чтобы занимать извѣстное положеніе въ обществѣ. Собственно такъ называемая интеллигенція даетъ преимущественно профессіональныхъ политикановъ. Состоятельные родители желаютъ сдѣлать изъ своего сына непремѣнно „доктора“, — доктора медицины, доктора философіи, юрис-

---

[1]) Mac Hugh, l. c., стр. 99—100.

пруденціи, словомъ, человѣка, обладающаго какой-нибудь ученой степенью, ибо это является здѣсь наилучшимъ переходомъ къ политической роли. Дѣловые американцы очень часто не безъ злого юмора описываютъ психологію такого молодого человѣка, принадлежащаго къ среднимъ и высшимъ классамъ Мексики, идеаломъ котораго является даже сравнительно плохо оплачиваемое мѣсто чиновника или служащаго въ мѣстной администраціи. Но эта „бюроманія"—общая болѣзнь всѣхъ романскихъ странъ даже на старомъ континентѣ Европы. И въ Мексикѣ и другихъ латинскихъ республикахъ Новаго Свѣта она только принимаетъ особенно острыя формы.

Какъ бы то ни было, изъ этого взаимодѣйствія между подавленнымъ нуждою народомъ, лишеннымъ образованія, утерявшимъ личную инициативу и активную энергію, съ одной стороны, и классомъ профессіональныхъ политикановъ, которые вербуются среди привилегированной интеллигенціи и успѣваютъ увлекать за собой ждущую импульса массу, съ другой,—изъ этого взаимодѣйствія и вытекаетъ въ значительной степени та неустойчивость политическаго положенія въ Мексикѣ, которая характеризуетъ исторію страны за послѣдніе годы.

Я уже имѣлъ случай года два тому назадъ обрисовать читателю желѣзный режимъ президента республики Діаза. Этотъ необыкновенно энергичный и властолюбивый человѣкъ оставался втеченіе почти тридцати лѣтъ безсмѣннымъ на своемъ посту, деспотически управляя народомъ при помощи цѣлаго штаба своихъ министровъ и губернаторовъ изъ категоріи cientificos, „научниковъ", которымъ, въ качествѣ вѣрныхъ учениковъ Конта, какъ нельзя болѣе приходилась по сердцу миссія безконтрольнаго распоряженія судьбами массъ на основахъ положительной философіи [1]). Мы знаемъ однако, что этотъ режимъ, попиравшій демократическую конституцію страны, отдавшій народъ во власть беззастѣнчивыхъ администраторовъ и усердно покровительствовавшій международному капиталу, рухнулъ подъ напоромъ широко распространившагося недовольства въ народѣ, среди котораго агитировали сторонники политическихъ и соціальныхъ реформъ, сгруппировавшіеся вокругъ новаго кандидата въ президенты, Франциско Мадеро.

Исторія короткаго торжества Мадеро, которому удалось, какъ извѣстно, низвергнуть въ маѣ 1911 г. престарѣлаго Діаза и который въ свою очередь былъ опрокинутъ генераломъ Уэртой (февраль 1913 г.), является яркой иллюстраціей мексиканскихъ поряд-

---

[1]) Въ книгѣ перуіанца Гарсіи Кальдерона, испорченной либеральнымъ аристократизмомъ автора, дается довольно мѣткая характеристика этой категоріи контистовъ-бюрократовъ, которые отбросили католическую метафизику, кажется, только за тѣмъ, чтобы замѣнить ее чисто религіозной вѣрой въ непогрѣшимость „официальной доктрины позитивизма". См. F. Garcia Calderon, „Latin America, its rise and progress"; Лондонъ, 1912, стр. 156.

ковъ. Мадеро принадлежалъ къ очень богатой и очень многочисленной семьѣ, насчитывавшей около 125 членовъ, не считая побочныхъ вѣтвей. Самъ Мадеро обладалъ обширными помѣстьями на сѣверѣ республики и занимался крупными банковскими операціями. Но, принадлежа къ самымъ верхамъ мексиканскаго общества, онъ отличался большой гуманностью и благородствомъ. Пораженный угнетеніемъ и нищетой народа, онъ выставилъ въ борьбѣ съ Діазомъ программу политическихъ и соціальныхъ реформъ, подъ знамя которыхъ быстро стеклась лучшая часть мексиканской интеллигенціи и масса сельскихъ батраковъ и пеоновъ, всколыхнутыхъ надеждою на скорое улучшеніе своей каторжной жизни. Въ политической области Мадеро обѣщалъ народу „совершенно свободное и независимое отъ администраціи голосованіе". Въ экономической же области онъ выдвигалъ „для каждаго мексиканца достаточный участокъ земли и мула".

Увы! Та обстановка, въ которой Мадеро работалъ, разбила его реформаторскія мечтанія. Онъ, дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего избранія издалъ декретъ, согласно которому національный фондъ въ десять милліоновъ гектаровъ земли долженъ быть немедленно же разверстанъ между сельскими батраками и полукрѣпостными арендаторами, не имѣющими собственности. Но когда дѣло дошло до исполненія этого плана, то оказалось, что государственныя земли принадлежали къ наименѣе плодородной категоріи и не могли удовлетворить какъ слѣдуетъ потребностей всѣхъ нуждавшихся. А когда Мадеро рѣшилъ обратиться къ чувствамъ благородства своихъ политическихъ друзей и сталъ говорить о необходимости раздробленія громадныхъ латифундій на мелкіе участки съ цѣлью передачи ихъ на извѣстныхъ условіяхъ безземельнымъ, то ряды его защитниковъ дрогнули и Мадеро скоро оказался безъ поддержки. Съ другой стороны, и его политическія реформы свелись на нѣтъ. Его друзья принялись за ту же самую тактику насильственныхъ или чисто фиктивныхъ выборовъ, которая царила при Діазѣ. Такъ, даже его торжественный выборъ въ президенты (6 ноября 1911 г.) былъ старой, но вѣчно юной въ Мексикѣ комедіей фиктивнаго избранія, ибо цѣлые пакеты бюллетеней не были и вскрыты при провѣркѣ, а прямо зачислены въ категорію голосовъ, поданныхъ за Мадеро. Кромѣ того, весь его кланъ, во главѣ съ его энергичнымъ, но совершенно беззастѣнчивымъ братомъ, Густавомъ Мадеро, сейчасъ же примостился къ общественному пирогу и разобралъ между сотней своихъ членовъ самые важные административные посты. Дальнѣйшая судьба Мадеро была нами въ свое время разсказана читателю. Въ началѣ 1913 г. онъ былъ низвергнутъ однимъ изъ своихъ же генераловъ, Викторіаномъ Уэртой, и люди новаго переворота не нашли ничего лучшаго, какъ измѣннически умертвить двухъ братьевъ Мадеро.

Уэрта, который вскорѣ былъ избранъ президентомъ на обычный въ Мексиканской республикѣ ладъ, т. е. при помощи насилія и фиктивныхъ бюллетеней, нашелъ однако ожесточенныхъ противниковъ въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ выдающихся сторонниковъ реформъ, которые дали себѣ названіе „конституціоналистовъ" и вступили въ отчаянную борьбу съ „узурпаторомъ". Наиболѣе видную роль между ними играютъ генералъ Карранза и его правая рука, генералъ Панчо Вилья. Въ международной прессѣ появилось очень много сенсаціонныхъ извѣстій объ этихъ самыхъ серьезныхъ противникахъ Уэрты. Стараясь разобраться въ этихъ свѣдѣніяхъ, невольно приходишь къ заключенію, что до сихъ поръ еще на почвѣ Мексики возможны очень своеобразныя личности, существованіе которыхъ прямо немыслимо при другихъ условіяхъ.

Напр., Карранза — это типъ политика-метафизика, который оперируетъ съ абстрактными понятіями и подчиняетъ имъ интересы живыхъ личностей. Одинъ изъ англійскихъ интервьюеровъ былъ глубоко пораженъ, когда Карранза - началъ развивать передъ нимъ взгляды совершенно въ духѣ тѣхъ, которые высказывались великими французскими террористами въ самый критическій моментъ только что основанной ими республики, передъ лицомъ коалиціи всей монархической Европы. Карранза рѣзко заявилъ своему собесѣднику, что его политическимъ идеаломъ является абсолютное равенство людей и самая широкая общественная свобода. Но еслибы осуществленіе этихъ верховныхъ принциповъ государственной жизни встрѣтило сопротивленіе въ инертности или непониманіи людей, то тѣмъ хуже для такихъ дурныхъ гражданъ: эти начала должно водворить мѣрами безпощадной строгости, не останавливаясь ни передъ какимъ количествомъ жертвъ. Люди — заключилъ Карранза—ничто передъ величіемъ принциповъ! Выходило совершенно въ духѣ Сенъ-Жюста. Пока—непрерывно работающая гильотина, а затѣмъ, когда будутъ истреблены всѣ враги республики, общественная идиллія и блаженство добрыхъ гражданъ по Тациту и Руссо въ скромной хижинѣ,—la volupté de la chaumière. Интервьюеръ не безъ драматической ноты передаетъ о томъ впечатлѣніи, какое произвели на него рѣчи этого страннаго поклонника метафизической политики.

Не менѣе любопытный типъ и своеобразное дополненіе къ принципіальному террористу представляетъ генералъ Панчо Вилья, главный помощникъ Карранзы. На Панчо Вилью особенно обрушилась большая пресса, вдохновляемая международными капиталистами: „бандитъ", „грабитель", „убійца",—таковы эпитеты, которыми крупная пресса буржуазіи осыпаетъ Вилью. Но у него много сторонниковъ не только между рабочими рудниковъ и пастухами на земляхъ магнатовъ, но и между пока еще немногочисленными мексиканскими соціалистами. Изъ корреспонденцій

этихъ лицъ въ европейскихъ органахъ соціализма вырисовывается оригинальная фигура „практическаго соціалиста", который не особенно интересуется теоріями и принципами, но среди кроваваго урагана, поднятаго возстаніемъ, проводитъ тѣ мѣры, который вынуждаются положеніемъ и представляются ему ведущими ко благу народа. Во всѣхъ его походахъ противъ войскъ Уэрты на сѣверѣ Мексики, и особенно въ штатѣ Чигуагуа, гдѣ сконцентрированы громадныя латифундіи и крупные рудники мѣстныхъ владѣльцевъ и иностранныхъ капиталистовъ, Вилья неуклонно проводитъ программу націонализаціи собственности, несправедливо, по его мнѣнію, вырванной изъ рукъ народа представителями капитала и владѣнія. Онъ конфискуетъ мѣстныя желѣзныя дороги, банки, фабрики, рудники и крупныя имѣнія и вездѣ, гдѣ только представляется случай, даетъ возможность рабочимъ и батракамъ вводить артельное производство и такимъ образомъ за болѣе короткій рабочій день получать болѣе высокую заработную плату.

Въ началѣ этого года войска конституціоналистовъ, предводимыя Карранзою и Вильею, стали наносить отрядамъ Уэрты пораженіе за пораженіемъ и двигались съ сѣвера на югъ, горя желаніемъ покончить рѣшительнымъ ударомъ съ „узурпаторомъ", какъ они называли Уэрту. Эти успѣхи революціонеровъ были по сердцу новому президенту Сѣверо-Американскихъ штатовъ, Уильсону, который, въ противоположность правительству Великобританіи и другихъ европейскихъ странъ, не призналъ Уэрту за главу Мексиканской республики. И вдругъ эта политика соблюденія нейтралитета между двумя враждующими партіями, но съ явнымъ уклономъ симпатій въ сторону конституціоналистовъ, была нарушена неожиданнымъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ самой же великой сѣверной республики. Придравшись къ такому ничтожному въ сущности случаю, какъ неуваженіе, оказанное въ городѣ Тампико солдатами Уэрты американскому флагу, пацифистъ и „идеалистъ" Уильсонъ—надъ гуманитарными идеями котораго подсмѣиваются въ Штатахъ не только ортодоксальные республиканцы, не только прогрессивные республиканцы, группирующіеся вокругъ Рузвельта, но порою и сами поддерживающіе Уильсона демократы, — отдалъ приказаніе американской флотиліи потребовать удовлетворенія у мексиканскаго правительства. И 22 апрѣля янки не безъ пролитія крови заняли Веракрузъ.

Ультиматумъ Уильсона былъ поддержанъ въ Вашингтонѣ громаднымъ большинствомъ конгресса, который даже усилилъ значеніе этого дипломатическаго акта тѣмъ, что внесъ въ него формулу, требующую удовлетворенія не отъ узурпаторскаго правительства Уэрты, а вообще отъ мексиканской націи. Этотъ ультиматумъ вызвалъ среди мексиканцевъ на первыхъ порахъ взрывъ патріотическаго негодованія, объединившаго, по свѣдѣніямъ нѣкоторыхъ, преимущественно итальянскихъ, газетъ, для борьбы

съ врагомъ, какъ Уэрту, такъ и конституціоналистовъ. Но послѣдніе скоро возобновили свои военныя дѣйствія противъ Уэрты, повидимому, находящагося наканунѣ паденія [1]). Съ другой стороны, опасность долгой и серьезной войны съ Мексикой, на которую не могутъ закрывать глаза военные совѣтники Уильсона, снова дала перевѣсъ миролюбивому настроенію у сѣверо-американскаго правительства и посредничество, предложенное враждующимъ сторонамъ тремя изъ важнѣйшихъ государствъ Южной Америки, Аргентиной, Бразиліей, Чили, устранило, по крайней мѣрѣ, на время, опасность непосредственнаго столкновенія.

Наблюдатели американской политики пока не въ состояніи дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на счетъ истинныхъ мотивовъ, побудившихъ Уильсона, до сихъ поръ столь враждебно относившагося къ имперіалистскимъ тенденціямъ янки, сдѣлать такой рѣшительный и воинственный шагъ. Высказывается предположеніе, что на президента было произведено исподволь очень значительное давленіе тѣми самыми крупными капиталистическими кругами Америки, которые были крайне недовольны утопичностью и идеализмомъ новаго жильца Бѣлаго дома. Зная энергію и общій умственный складъ Уильсона, нельзя однако думать, чтобы онъ безъ борьбы поддался этому давленію. Надо предполагать, что колоссальное вліяніе милліардеровъ на политику Сѣверо-Американскихъ Штатовъ сказалось на этотъ разъ въ томъ, что нашло краснорѣчивыхъ адвокатовъ среди ближайшаго антуража Уильсона, которому была, вѣроятно, поставлена на видъ опасность, грозящая международному и прежде всего американскому капиталу, вложенному въ различныя предпріятія Мексики. Дѣло въ томъ, что театръ военныхъ дѣйствій между войсками Уэрты и конституціоналистами переходилъ все болѣе и болѣе къ югу и на востокъ, въ сторону Мексиканскаго залива, гдѣ расположены штаты, обладающіе одними изъ богатѣйшихъ нефтяныхъ источниковъ въ мірѣ. Перспектива разрушенія этой отрасли производства — собственники боялись систематическаго поджога нефтяныхъ колодцевъ—должна была особенно испугать президента-„идеалиста".

Вотъ, кстати, нѣсколько цифръ, показывающихъ размѣръ иностраннаго и въ частности американскаго капитала въ крупныхъ мексиканскихъ предпріятіяхъ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, идущимъ изъ Вашингтона, общее количество сѣвероамериканскаго капитала, „работающаго" въ Мексикѣ, превышаетъ 1 милліардъ 57 милліоновъ долларовъ (американскій долларъ=1 р. 94 к., мексиканскій долларъ, или песо, по курсу стоитъ нынѣ не выше 97,5 коп.) и болѣе 50.000 янки являются акціонерами въ различныхъ вѣтвяхъ мексиканской промышленно-

---

[1]) Телеграммы отъ 2 Іюня сообщаютъ о предстоящихъ выборахъ временнымъ президентомъ генерала Таранты (?).

сти. Лишь въ однихъ желѣзныхъ дорогахъ вложено 644 милліона долларовъ американскихъ денегъ; въ рудникахъ и металлургической промышленности—250 милліоновъ; въ быстро растущей нефтяной промышленности и обработкѣ каучука—30 милліоновъ и т. д. Съ другой стороны, общая сумма англійскаго капитала въ различныхъ мексиканскихъ предпріятіяхъ достигаетъ 80 милліоновъ ф. ст. (фунтъ стерлинговъ=ок. 9 р. 46 коп.). Прибавьте къ этому многіе милліоны, затраченные Франціей, Германіей и Испаніей. Но это вѣдь только начало. Теперь ждутъ особенно быстраго развитія крупной промышленности подъ вліяніемъ успѣховъ, которые сдѣлала въ послѣдніе годы эксплуатація—при помощи электричества—двигательной силы многочисленныхъ горныхъ рѣкъ и громадныхъ водопадовъ (лишь шесть главнѣйшихъ гидро-электрическихъ заведеній располагаютъ 130.000 паровыхъ лошадиныхъ силъ).

По мнѣнію немалаго числа публицистовъ, именно эти быстро ростущіе интересы заставили и „утопическаго" президента обратить вниманіе на анархію, царящую въ Мексикѣ. Какъ бы то ни было, но вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ Мексиканской республики остается открытымъ. И нельзя ручаться за то, чтобы въ концѣ концовъ подъ давленіемъ владѣльцевъ этихъ милліардовъ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ не пришлось втянуться въ настоящую войну съ Мексикой для охраненія интересовъ международнаго капитала. Великая заатлантическая республика, являющаяся усердной охранительницей такъ называемой доктрины Монроэ, т. е. невмѣшательства Европы въ американскія отношенія, можетъ, по крайней мѣрѣ, претендовать на эту роль жандарма интернаціональныхъ капиталистовъ. Но было бы горькой ироніей судьбы, еслибы пацифистъ Уильсонъ далъ противъ своей воли новый толчокъ имперіалистскимъ тенденціямъ, которымъ столь покровительствовалъ, въ качествѣ „учителя національной энергіи", непосѣдливый Рузвельтъ.

II.

Въ настоящее время результаты французскихъ выборовъ 26 апрѣля и перебаллотиророкъ 10 мая уже извѣстны. То увеличеніе самой крайней лѣвой, а именно объединенныхъ соціалистовъ, которое прокинулось на выборахъ, еще съ большею рѣзкостью проявилось на перебаллотировкахъ. Слѣдующія затѣмъ вправо партіи лѣваго крыла, такъ называемые независимые и республиканскіе соціалисты и объединенные радикалы, поправили свое положеніе на перебаллотировкахъ, но въ общемъ какъ будто испытали легкій ущербъ. Большинство ихъ потерь пошло на пользу объединеннымъ соціалистамъ, т. е. той самой группы, съ которою они вступили въ соглашеніе для борьбы съ реакціей. Въ концѣ концовъ они будутъ лишь немного слабѣе представлены въ этой палатѣ

по сравненію съ прошлой. Но съ другой стороны очень опасная коалиція мнимо-республиканскихъ, скрыто-реакціонныхъ элементовъ, которую отецъ ея, Бріанъ, окрестилъ двусмысленнымъ именемъ „федераціи лѣвыхъ", потерпѣла пораженіе и самъ ея руководитель, повидимому, уже готовъ отречься отъ нея. Ибо даже тѣ органы крупной буржуазіи, которые поддерживали эту потайную организацію враговъ истинной демократіи, принуждены признать, что она не сдѣлала завоеваній,—будто бы, впрочемъ, лишь вслѣдствіе давленія радикальнаго правительства, безсовѣстно вмѣшивавшагося въ выборную кампанію. Наконецъ, крайняя правая, которая на выборахъ обнаружила кое-гдѣ успѣхи, на перебаллотировкахъ была оттиснута назадъ и въ общемъ увеличится лишь слабо. Замѣтный уронъ понесли консервативные республиканцы, довольно забавно именующіе себя еще со временъ Мелина „прогрессистами".

Пока распредѣленіе партій, согласно далеко не безусловно вѣрнымъ даннымъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Изъ общаго числа 602 депутатовъ объединенныхъ соціалистовъ въ новой палатѣ 102; соціалистовъ независимыхъ и республиканскихъ—30; радикаловъ-соціалистовъ и чистыхъ радикаловъ, которые со времени конгресса въ По назвали себя „объединенными",—136; умѣренныхъ радикаловъ и республиканцевъ, составившихъ „демократическій союзъ"—100; такъ называемыхъ независимыхъ радикаловъ и прочихъ межеумочныхъ республиканцевъ, группирующихся вокругъ Бріана—102; консервативныхъ республиканцевъ, величающихъ себя прогрессистами, и членовъ республиканской федераціи (консервативныхъ пропорціоналистовъ)—54. Дальше идутъ откровенно правыя партіи: члены либеральнаго союза—34; правая—26 и независимые—16.

Разумѣется, всѣ эти рубрики имѣютъ лишь приблизительное значеніе. Во-первыхъ, потому, что самыя цифры, приведенныя нами, принимаются далеко не всѣми: объединенные радикалы увѣряютъ, напр., что къ ихъ партіи примыкаетъ въ новой палатѣ 189 депутатовъ. А, во-вторыхъ, еще и потому, что въ политической дѣятельности палаты будутъ имѣть значеніе не ярлыки, которые могутъ временно наклеивать на себя депутаты, а ихъ вѣрность тѣмъ или другимъ пунктамъ программы. Между тѣмъ намъ пришлось уже прошлый разъ, когда не были еще извѣстны результаты перебаллотировокъ, отмѣтить тотъ фактъ, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ кандидаты въ своихъ избирательныхъ манифестахъ или дѣлали серьезныя отступленія отъ программы своей партіи, или умышленно выражались крайне неопредѣленно. Наибольшей откровенностью и прямолинейностью отличалась борьба объединенныхъ соціалистовъ, которые заявили себя рѣшительными противниками трехлѣтней службы и не менѣе рѣшительными сторонниками прогрессивнаго налога на доходъ и ка-

питалъ съ провѣркою заявленій плательщиковъ. Эта опредѣленность позиціи, повидимому, пріятно дѣйствовала на избирателей, которые не разъ и не два предпочитали соціалиста даже принципіальному радикалу.

Дѣйствительно, съ 67 число объединенныхъ соціалистовъ возросло до 102, т. е. увеличилось въ полтора раза. Ни одна партія, даже и приблизительно, не можетъ похвалиться такимъ успѣхомъ. Однако можно безъ особенной ошибки предполагать, что если политическій удѣльный вѣсъ послѣдовательныхъ соціалистовъ возростетъ во французскомъ парламентѣ, то увеличеніе ихъ силы все же будетъ не настолько значительно, чтобы рѣзко отклонить влѣво равнодѣйствующую, по какой идетъ современная Франція. Между ними и ихъ ближайшими сосѣдями направо все же есть такая разница, которая не дастъ имъ возможности всегда выступать дружной и компактной массой на почвѣ существенныхъ политическихъ и соціальныхъ реформъ. Даже допуская, что объединенные соціалисты могутъ при защитѣ своей минимальной программы привлечь на свою сторону республиканскихъ и независимыхъ соціалистовъ и объединенныхъ радикаловъ, эта коалиція соціалистической и буржуазной демократіи не составитъ въ общемъ и половины палаты: 267 депутатовъ изъ 602 (по другимъ даннымъ, однако, болѣе половины, а именно 320). А между тѣмъ еще вопросъ, до какой степени энергично именно эта минимальная программа соціалистовъ (нѣкоторые пункты которой послѣдовательный радикалъ Пелльтанъ считаетъ въ общемъ пріемлемыми и для сторонниковъ идейнаго радикализма) будетъ поддерживаться ихъ ближайшими сосѣдями направо.

Упомяну хотя бы отъ отношеніи объединенныхъ радикаловъ къ закону о трехлѣтней службѣ. Между ними лишь меньшинство кандидатовъ достаточно рѣзко и ясно высказалось на счетъ необходимости перейти возможно скорѣе къ прежнему двухлѣтнему сроку службы. Большинство же, совершенно въ духѣ декларація кабинета Думерга, говорило на выборахъ о томъ, что сразу къ двухлѣтнему закону возвращаться было бы очень опасно для національной обороны и что пока нужно только примѣнять лойяльно трехлѣтнюю службу, постепенно вырабатывая подъ защитой ея мѣры, клонящіяся къ возстановленію двухлѣтняго срока. Правда, по послѣднимъ извѣстіямъ, объединенная радикальная и радикально-соціалистическая фракція, избавившись отъ страха избирателей, заговорила рѣшительнѣе о возвратѣ къ прежнему положенію вещей. Но, пока только что начавшая (1 іюня) свои засѣданія новая палата не выяснила своей политической физіономіи на какомъ-нибудь крупномъ вотумѣ, нельзя еще съ увѣренностью говорить о рѣзкомъ поворотѣ влѣво.

Въ данный историческій моментъ во всякомъ случаѣ нечего и поднимать разговоръ о возможности для объединенныхъ соціа-

листовъ не только вступать въ радикальное министерство, но и заключить съ радикалами длящееся парламентское соглашеніе на манеръ того блока лѣвыхъ, который въ особенности замѣтно проявлялъ свою дѣятельность во время министерства Комба. На этотъ длящійся союзъ несогласны не только объединенные соціалисты, но и многіе изъ послѣдовательныхъ радикаловъ, которые, поколебавшись въ первое время послѣ выборовъ относительно желательности такого общаго соглашенія съ соціалистами, отказались отъ этого намѣренія. И, говоря такъ, я разумѣю не только Клемансо, на которомъ тяготѣетъ въ этомъ вопросѣ его ожесточенная борьба съ соціалистами въ качествѣ премьера, но и другихъ радикаловъ, болѣе его пропитанныхъ соціальнымъ міровоззрѣніемъ. И они полагаютъ, что объединенные соціалисты и объединенные радикалы могутъ лучше достигнуть своихъ общихъ цѣлей, проведенія демократическихъ и соціальныхъ реформъ, если они, не заключая длящагося союза и строго сохраняя все время свой политическій обликъ, будутъ однако поддерживать другъ друга всякій разъ, когда жизнь выдвинетъ ту или иную серьезную реформу.

Конечно, для политической работоспособности новаго парламента далеко не безразлично, какое будетъ министерство. Въ настоящее время только что собравшаяся палата очутилась передъ министерскимъ кризисомъ. Старый кабинетъ Думерга счелъ нужнымъ уйти и его долженъ замѣнить новый, который лучше отвѣчалъ бы настроенію новой палаты, на лѣвой сторонѣ несомнѣнно носящей болѣе густую красную окраску, чѣмъ прежняя. Составленіе министерства пока поручено президентомъ республики наиболѣе выдающемуся члену стараго кабинета, Рене Вивіани, удержавшемуся на позиціи такъ называемаго независимаго соціализма и не пошедшему въ сторону реакціи вслѣдъ за Мильраномъ и Бріаномъ. Но сторонники его кандидатуры прочатъ въ то же время въ члены его кабинета такихъ лицъ со связями въ шовинистскомъ лагерѣ, какъ Делькассэ, которыя могутъ въ данный критическій моментъ, переживаемый Европой, только способствовать обостренію вражды между культурными государствами и тѣмъ самымъ отодвигать на задній планъ соціальныя реформы.

Пока что, и окончательные результаты французскихъ выборовъ врядъ-ли даютъ намъ право отказаться отъ того довольно пессимистическаго прогноза, который мы сдѣлали прошлый разъ, говоря о дѣятельности новой палаты. Въ ней можно ожидать болѣе яркаго принципіальнаго подчеркиванія существенныхъ основъ соціализма и демократіи. Присутствіе многочисленныхъ соціалистовъ и объединенныхъ радикаловъ, несомнѣнно, можетъ повысить тонъ дебатовъ въ парламентѣ и сообщить имъ извѣстное идейное значеніе. Но довольно трудно и отъ новаго парламента ждать рѣшительнаго сопротивленія той то рѣзкой, то умѣренной шовинистской политикѣ, которая заразила во Франціи широкіе обществен-

ные круги. Характерно, напр., хотя бы то обстоятельство, что партія объединенныхъ радикаловъ, высказавшись наканунѣ открытія сессіи за рѣшительное проведеніе „программы По", тѣмъ не менѣе не приняла предложенной однимъ изъ ея членовъ резолюціи прямо потребовать немедленнаго возвращенія къ двухлѣтней службѣ. Съ другой стороны, рѣчи Пуанкарэ въ Бретани показываютъ, что сторонники трехлѣтняго срока увѣрены въ своемъ ближайшемъ успѣхѣ. И ихъ поддерживаютъ, повидимому, въ этой увѣренности „патріотическія" требованія державъ „соглашенія". Дѣло легко может окончиться какимъ-нибудь жалкимъ компромиссомъ. Напр., новый кабинетъ признаетъ „временную необходимость" трехлѣтней службы, а вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ ни къ чему не обязывающее обѣщаніе „облегчить военныя тяготы, лежащія на націи, какъ только позволятъ обстоятельства".

Не бо́льшимъ надеждамъ можно предаваться и въ области крупныхъ соціальныхъ реформъ. Мы полагаемъ, что столкновенія между типичной французской буржуазіей и міромъ трудящихся достигли на почвѣ третьей республики такой напряженности, что и скромная, но искренняя мѣра, идущая въ сторону соціальной справедливости, напр., при рѣшеніи податного вопроса, будетъ встрѣчена людьми капитала и владѣнія съ крайнимъ раздраженіемъ и недовѣріемъ. Самомалѣйшая реформа въ этомъ отношеніи будетъ казаться большинству французской буржуазіи посягательствомъ на вполнѣ заслуженныя, по ея мнѣнію, общественныя прерогативы того класса, который является въ своихъ собственныхъ глазахъ правомѣрнымъ ядромъ всей націи. И для измѣненія такого положенія вещей Франціи нужна сильная идейная встряска...

III.

Балканскій полуостровъ продолжаетъ дарить насъ сюрпризами Словно бьющая на эффектъ кинематографическая лента, событія на Ближнемъ Востокѣ быстро смѣняютъ одно другое и фарсъ идетъ въ переплетъ съ кровавой трагедіей. На этихъ дняхъ новому властителю Албаніи, князю Виду, или, какъ онъ сталъ себя называть по-албански, „мпрету", пришлось спасаться на итальянскомъ броненосцѣ отъ энтузіазма вѣрноподданныхъ. И такъ называемая международная контрольная комиссія и представители державъ уже, повидимому, склоняются къ той мысли, что Видъ долженъ будетъ оставить свое княжество.

Въ сущности говоря, этого можно было ожидать. Нѣкоторые разсудительные политики уже съ самаго начала указывали на чрезвычайную трудность положенія князя въ созданномъ Европою албанскомъ автономномъ государствѣ. Начать съ того, что если самая мысль о созданіи независимой Албаніи въ результатѣ крупныхъ событій, измѣнившихъ лицо Балканскаго полуострова, въ общемъ должна

быть признана вполнѣ разумной, — вѣдь нельзя же было отдать албанцевъ на потокъ и разграбленіе славянамъ и грекамъ! — то осуществленіе этой мысли было верхомъ дипломатической самонадѣянности и непониманія живыхъ человѣческихъ интересовъ. Планъ независимой Албаніи былъ выдвинутъ Австріей, а вслѣдъ за ней и Италіей не столько подъ вліяніемъ соображеній о справедливой національной группировкѣ, сколько въ пику Сербіи, чтобы только не допустить ее выйти къ морю, противъ чего особенно возставала Австрія. Поэтому при проведеніи границъ новаго государства были совершены вопіющія насилія надъ другими національностями, входящими въ составъ Албаніи. Такъ, та южная часть страны, которую составляетъ Эпиръ, населенный преимущественно греками и тяготѣющій къ своимъ соотечественникамъ, была тѣмъ не менѣе включена въ Албанское княжество. Этого этнографическаго парадокса добилась Италія, въ свою очередь боявшаяся усиленія Греціи. И въ результатѣ вотъ уже который мѣсяцъ происходятъ ожесточенныя столкновенія между эпиротами и албанцами.

Но посмотримъ, къ какимъ пріемамъ прибѣгли державы тройственнаго союза, а по соглашенію съ ними и прочія европейскія государства, для созданія изъ Албаніи жизнеспособнаго политическаго организма. Не давая возможности различнымъ албанскимъ племенамъ и родамъ столковаться между собою хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, чтобы выработать программу національнаго единства, Европа, завязшая по уши въ тинѣ традицій, прежде всего озаботилась создать для новаго государства особаго князька. Ужъ такъ повелось съ давнихъ поръ на Балканскомъ полуостровѣ. Какъ только та или другая страна начинаетъ бороться за свои національные интересы, добивается независимости, такъ сейчасъ же патронирующія Ближній Востокъ европейскія державы фабрикуютъ для нея новаго монарха, по большей части принадлежащаго къ второстепенной странѣ или къ захудалому владѣтельному роду. Такъ было сдѣлано дважды (въ 1873 г. и 1863 г.) съ Греціей. Такъ было повторено съ Румыніей (въ 1866 г.), позже съ Болгаріей (въ 1879 г. и 1887 г.). Разумѣется, и по отношенію къ Албаніи высокія дамы-патронессы не могли отказаться отъ своей привычки. Благо, есть цѣлый разсадникъ такихъ захудалыхъ нѣмецкихъ князьковъ, которые согласны всюду въ отъѣздъ, лишь бы надѣть на свою голову корону. Въ этомъ отношеніи Германія продолжаетъ сугубо ту самую роль, какую приписываетъ ей извѣстный русскій историкъ для XVIII вѣка. Тогда, по его забавному выраженію, всѣ нѣмецкіе микроскопическіе дворы были какъ бы питомникомъ, гдѣ изготовлялись на вывозъ невѣсты для коронованныхъ особъ всей Европы. Въ этомъ вѣкѣ сюда присоединился въ обширныхъ размѣрахъ экспортъ лицъ мужескаго пола на предметъ заполненія мелкихъ троновъ на Ближнемъ Востокѣ.

И на сей разъ былъ отысканъ—отысканъ, можно сказать, при помощи „Готскаго Альманаха“, — одинъ изъ такихъ князьковъ охотно согласившійся осчастливить Албанію. Онъ былъ выдвинутъ Германіей по соглашенію съ Австріей и къ этой комбинаціи присоединилась Италія, а затѣмъ и державы тройственнаго соглашенія, и, наконецъ, вся Европа. Лицомъ, желавшимъ за изрядный цивильный листъ проявить подвигъ самоотверженія по отношенію къ албанцамъ, явился князекъ изъ Рейнскаго дома Рункелей, племянникъ румынской королевы Елизаветы и капитанъ на прусской службѣ, Вильгельмъ-Фридрихъ-Генрихъ фонъ-Видъ, — мужчина еще во цвѣтѣ лѣтъ, (родился въ 1876 г.), женившійся восемь лѣтъ тому назадъ на принцессѣ Софіи Шёнбургъ-Вальденбургской и обзаведшійся уже пятилѣтнею дочкою, Маріею-Элеонорою, и годовалымъ принцемъ, Карломъ-Викторомъ, предполагаемымъ наслѣдникомъ Албаніи. Какъ и полагается, въ критическій моментъ „избранія“ у князя Вида оказалось много качествъ и достоинствъ, потребныхъ для его отвѣтственной роли. По крайней мѣрѣ, столицы тройственнаго союза и даже столицы тройственнаго соглашенія, которыя посѣтилъ передъ своимъ отправленіемъ аа новую возлюбленную родину князь Видъ, остались чрезвычайно довольны ето „дипломатическимъ искусствомъ“ и его „недюжиннымъ мужествомъ“. Какъ успѣли высокіе господа и дипломаты открыть такъ скоро эти качества у князя, не могшаго до сихъ поръ проявить ихъ въ чемъ бы то ни было, осталось, правда, для простыхъ смертныхъ покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Во всякомъ случаѣ, путешествіе въ свое княжество новый монархъ продѣлалъ достаточно пышно.

И международная контрольная комиссія, располагавшая достаточнымъ количествомъ денегъ на расходы въ ожиданіи возмѣщенія ихъ изъ суммъ займовъ, которые съ большою готовностью были устроены Виду державами тройственнаго союза, не поскупилась на приличную для новаго монарха обстановку. Ремонтировался старый, чуть не о ста комнатахъ, дворецъ пашей. Расчищался обширный паркъ. Два десятка княжескихъ жеребцовъ были размѣщены въ импровизированныхъ конюшняхъ. Благополучно прибыли и полторы сотни огромныхъ ящиковъ съ княжескою мебелью. Еще въ родовомъ замкѣ Вида, въ концѣ февраля, князя Вильгельма горячо привѣтствовала тутъ же „избравшая“ его,—надо сказать, самозванная,—депутація съ хитрымъ албанцемъ Эссадомъ-пашей во главѣ. А 7 марта князь съ супругою и дѣтьми появился въ столицѣ своего государства, Дураццо, гдѣ была поставлена столь же фиктивная сцена всенароднаго патріотическаго пріема властителя вѣрноподданными. Ибо на самомъ-то дѣлѣ никакого народнаго избранія не было и князь былъ посаженъ на тронъ Шкипетаріи (мѣстное названіе Албаніи) просто по желанію тройственнаго союза и европейскихъ державъ. Корреспонденты и газетные передовики

наперерывъ старались какъ изображать высокія достоинства новаго монарха, такъ и живописать подробности торжествъ, которыми албанцы якобы хотѣли выразить свои горячія симпатіи еще вчера совершенно незнакомому для нихъ прусскому капитану. Болѣе скептически, да пожалуй, и болѣе пророчески, изображали возникавшее взаимоотношеніе между княземъ и вѣрноподданными непочтительные карикатуристы сатирическихъ журналовъ, прочертившіе, можно сказать, заранѣе траекторію, которую должно было описать въ своемъ политическомъ шествіи новое восходившее на Балканскомъ полуостровѣ свѣтило.

Перелистывая коллекцію сатирическихъ иллюстрацій, нельзя не удивляться проницательности рисовальщиковъ. Мы въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года. Князь Видъ еще договаривается съ державами объ условіяхъ своего воцаренія, требуя прежде всего хорошихъ денегъ. Англійскій карикатуристъ рисуетъ намъ на первомъ планѣ роскошный тронъ съ княжескимъ гербомъ и подбирающагося къ нему маленькаго человѣчка въ военной формѣ съ прусской каской на головѣ. Человѣчекъ спрашиваетъ себя: „ахъ, желалъ бы я знать, чѣмъ только это набито? Упругимъ конскимъ волосомъ или бомбами?“ А въ то же самое время берлинскій „Кладдерадачъ“ ведетъ читателей въ глубину темнаго лѣса, гдѣ бравые вооруженные съ головы до ногъ албанцы вывертываютъ карманы богатому путешественнику, — повидимому, германскому канцлеру, — обращаясь къ нему со словами: „Извините, ваше высокопревосходительство, но намъ нужны деньги для цивильнаго листа нашему королю, который прибываетъ къ намъ на рождественскіе праздники“. А туринскій „Свистокъ“ (Il Fischietto) разрабатываетъ тему „албанскихъ лягушекъ, требующихъ царя“. Впереди пляшетъ маріонетка въ мундирѣ; нити дергаетъ Италія, которою въ свою очередь руководитъ австріецъ.

Февраль мѣсяцъ. Князь рѣшается благосклонно принять делегацію, избирающую его властелиномъ Албаніи. Непочтительный парижскій „Смѣхъ“ (Le Rire) соболѣзнуетъ акробату, душу котораго охватило безпокойство, сумѣетъ ли онъ продѣлать на публикѣ объявленный трудный фортель. Онъ уже удачно вертитъ на носу шпагу съ надѣтой на эфесъ короной, но со страхомъ ожидаетъ того момента, когда ему придется вскочить на громадный скользкій шаръ „Албанія“. Мартъ мѣсяцъ. Видъ ѣдетъ короноваться въ Албанію. „Кладдерадачъ“ изображаетъ его въ качествѣ „кандидата на самоубійство“: маленькій затянутый въ форму офицеръ ползетъ надъ страшной горной пропастью, въ глубинѣ которой видна улыбающаяся фигура албанца. А „Парижскій Крикъ“ (Le Cri de Paris) комментируетъ самый въѣздъ князя въ Албанію, изображая его вооруженнымъ съ головы до ногъ. Въ одной рукѣ онъ держитъ громадный револьверъ, въ другой—тяжелый чемоданъ и потихоньку пробирается черезъ границу своего княжества со сло

вами: „хоть бы никто изъ любезныхъ вѣрноподданныхъ со мною не встрѣтился". Апрѣль и май. Дѣло сдѣлано. Князь на мѣстѣ и коронованъ. „Кладдерадачъ" ставитъ передъ читателемъ роскошный тронъ, обнимающій ножками самый кратеръ вулкана, а на тронѣ князя, корчащагося отъ пламени и восклицающаго: „Ахъ, чортъ возьми, я и не думалъ, что такъ жарко будетъ".

Послѣдняя карикатура оказалась особенно пророческой. Въ половинѣ мая князь Видъ, который боялся популярности своего всемогущаго министра, Эссада-паши, арестуетъ его подъ предлогомъ раскрытаго заговора противъ монарха. Но Эссадъ спасается бѣгствомъ въ Италію. А 22 числа толпа мятежныхъ албанцевъ, преимущественно крестьянъ, собирается въ Тиранѣ и Шьякѣ и начинаетъ свое бурное шествіе на столицу съ цѣлью подать князю петицію о необходимости измѣнить политику, противорѣчащую желаніямъ албанцевъ, особенно мусульманъ. 23 числа дѣлается попытка голландскими инструкторами-офицерами, ведущими за собой часть княжеской гвардіи и сотни полторы католиковъ-малиссоровъ, отбить мятежниковъ отъ Дураццо. Нѣмецкій начальникъ баттареи такъ неудачно направляетъ артиллерійскій огонь, что задѣваетъ снарядами не инсургентовъ, а лойяльный отрядъ. Въ результатѣ замѣшательство, которымъ пользуется толпа мятежниковъ, возросшая уже до двухъ тысячъ человѣкъ. Она окружаетъ микроскопическую армію князя, беретъ весь отрядъ въ плѣнъ, оставляетъ голландскихъ офицеровъ заложниками и посылаетъ одного изъ нихъ парламентеромъ къ князю съ требованіемъ принять депутацію, несущую ультиматумъ.

Международная контрольная комиссія начинаетъ тревожиться за участь князя. Самъ князь предупреждаетъ эти опасенія и стремительно ищетъ убѣжища вмѣстѣ со своей фамиліей на итальянскомъ суднѣ. Но тутъ представители европейскихъ державъ начинаютъ находить, что Видъ уже черезчуръ охотно и поспѣшно уступаетъ мятежникамъ и тѣмъ роняетъ свой престижъ. 24 мая князь возвращается во дворецъ. Мятежники тѣмъ временемъ возростаютъ въ числѣ до 30.000 человѣкъ. Вся средняя, преимущественно мусульманская, Албанія противъ своего новаго владыки Новое министерство Турханъ-паши бомбардируетъ представителей державъ телеграммами о присылкѣ 500 человѣкъ изъ международнаго отряда въ Скутари. Мятежники требуютъ отреченія князя Великія державы переговариваются по телеграфу. На помощь Виду приходятъ нѣсколько тысячъ миридитовъ-католиковъ.

Чѣмъ все кончится, сказать трудно. Очень вѣроятно, что албанскому князю придется снова поступить на прусскую службу. Надо сказать вообще, что европейская пресса, гонящаяся за сенсаціонными извѣстіями и вздорными дипломатическими сплетнями, вродѣ встрѣчи представителей двухъ державъ въ фешенебельномъ

ресторанѣ, чрезвычайно мало вниманія удѣляла до самыхъ послѣднихъ поръ внутреннему движенію въ Албаніи. Въ точности еще неизвѣстно, что означаетъ этотъ походъ албанцевъ противъ своего князя. Причины, его, несомнѣнно, сложныя. Ибо если однѣ вѣсти говорятъ о томъ, что это—бунтъ мусульманъ противъ узко-католической политики Вида, противъ закрытія старыхъ албанскихъ школъ, за избраніе новаго, мусульманскаго главы государства, то, по другимъ извѣстіямъ, религіозное движеніе сильно усложняется движеніемъ соціальнымъ. Крестьяне-горцы, сбѣжавшіеся изо всей средней Албаніи, протестуютъ не только противъ новыхъ налоговъ, введенныхъ въ цѣляхъ европеизаціи страны, на расходы не въ мѣру пышнаго княжескаго двора и т. п., но и противъ земельной нужды и притѣсненій со стороны своихъ беговъ, захватившихъ, въ качествѣ начальниковъ клановъ, общинныя земли своихъ сородичей и превратившихъ нѣкогда свободныхъ земледѣльцевъ въ подневольныхъ половниковъ. Говорятъ также объ интригахъ властолюбиваго Эссада, желающаго играть первую роль въ странѣ, и о тайной агитаціи турокъ. Можно, наконецъ, предполагать, что въ движеніи участвуетъ интеллигенція такъ называемой „молодой Албаніи". Она подверглась вліянію идей политической свободы и автономіи еще при Абдулъ-Гамидѣ и энергично боролась какъ противъ гнета кроваваго султана, такъ и противъ централизаторскихъ попытокъ младо-турецкихъ якобинцевъ. Каждый день можетъ принести новый сюрпризъ.

Такіе сюрпризы, впрочемъ, очень естественны при современномъ состояніи дипломатіи, которая играетъ все время въ профессіональныя бирюльки и чрезвычайно мало обращаетъ вниманія на жизненные вопросы, тревожащіе въ данный моментъ какъ большія, такъ и малыя національности. Такъ будетъ и въ ближайшемъ грядущемъ, пока самимъ народамъ не удастся сдѣлаться хозяевами положенія и взять въ собственныя руки распоряженіе своими судьбами.

Н. С. Русановъ.

Хроника внутренней жизни.

1. О защитѣ Думою своихъ правъ. Передъ „борьбою на почвѣ бюджета".— 2. Думскіе дни 21 и 22 апрѣля.—3. Отклики на „грандіозный скандалъ".— 4. Дума борется.— 5. Очередные государственные труды.—6. „Отдѣлъ справокъ и аттестацій".

„Нападеніе на основное право представительнаго учрежденія не можетъ и не должно оставаться безъ отвѣта"... „Необходимо бороться". „Покушенію на права народа и народнаго представительства долженъ быть данъ энергическій отпоръ"... Такіе возникли разговоры въ отвѣтъ на извѣстіе о привлеченіи депутата Чхеидзе къ отвѣтственности по 129 ст. уголовнаго уложенія за упоминаніе въ одной изъ его, Чхеидзе, думскихъ рѣчей о существованіи республиканскаго строя. Не вся, конечно, печать заговорила о борьбѣ. Правая пресса, наоборотъ, выразила удовлетвореніе. Націоналистическія газеты, включая и „Кіевлянинъ", проявили двойственность; онѣ одобряютъ принципъ: революціонныя рѣчи не должны быть допускаемы; но ихъ смущаетъ практическая сторона дѣла. „Сегодня ты, а завтра я",—писалъ, напр., „Кіевлянинъ"; начали съ революціонеровъ, а тамъ, глядишь, доберутся и до лойяльныхъ депутатовъ; такъ нельзя,—долженъ быть положенъ предѣлъ. Аналогичное распредѣленіе произошло и въ Думѣ. Крайніе правые одобрили. Націоналисты, полуодобряя принципъ, полупризнаютъ желательность противодѣйствія. Далѣе влѣво кривая одобренія постепенно падаетъ до нуля, а жажда противодѣйствія ростетъ, достигая на лѣвомъ флангѣ наибольшей высоты.

О привлеченіи Чхеидзе стало извѣстно въ моментъ возобновленія сессіи послѣ пасхальныхъ вакацій,—съ 15 апрѣля. И съ перваго же дня въ Думѣ среди значительнаго большинства депутатовъ обнаружилось волненіе и возбужденіе,—нѣкоторый общій, трудно уловимый, но чувствуемый уклонъ къ лѣвизнѣ, къ непримиримости, по крайней мѣрѣ, словесной, къ сильной жестикуляціи и рѣшительной фразеологіи. Въ этомъ общемъ смыслѣ IV Дума несомнѣнно показала, что она не осталась равнодушна къ нападенію на права ея и страны. Но общее возбужденіе длится лишь до тѣхъ поръ, пока хватитъ нервной энергіи. Затѣмъ наступаетъ упадокъ. То, что сегодня возмущаетъ людей, черезъ недѣлю можетъ стать для нихъ привычкой. Въ борьбѣ важно не столько общее возбужденіе, сколько, хотя бы и холодное, но упорное стремленіе отстоять каждый вершокъ позиціи, которая подверглась нападенію. Съ перваго же дня послѣ пасхальныхъ вакацій нѣкоторыми группами Думы обнаружено и это стремленіе.

Соціалъ-демократы и трудовики, напр., стали довольно систематически употреблять въ своихъ рѣчахъ терминъ „республика". Прогрессисты внесли законодательное предположеніе объ иммунитетѣ думскихъ рѣчей. Оно сразу же перешло на разсмотрѣніе въ судебную коммиссію. Но уже эти первые шаги обнаружили много прискорбнаго для осажденнаго гарнизона.

Правые даже рады сдать крѣпость, Умонастроеніе націоналистовъ—и притомъ „лѣвыхъ" —довольно удачно опредѣлилъ впослѣдствіи „Кіевлянинъ": законопроектъ своевременемъ, какъ демонстрація. Только демонстрація: закономъ онъ не станетъ, ибо ни правительство не согласится, ни Государственный Совѣтъ не допуститъ. Платоническую демонстрацію, быть можетъ, не лишне устроить. По существу же націоналисты не вовсе противъ иммунитета, но и не за. Допустить законопроектъ, какъ демонстративную вылазку, — согласенъ и центръ, согласны и многіе октябристы. По существу же и центръ съ октябристами проявилъ серьезныя колебанія. Съ одной стороны, правительство, пожалуй, дѣйствуетъ неправильно, привлекая депутатовъ, а, съ другой стороны, оно какъ будто право, ибо нельзя же допустить безнаказанность; истина, быть можетъ, заключается въ томъ, чтобы депутатовъ за эксцессы слова карала сама Дума, только Дума; а если и допустимо преданіе суду, то опять-таки по думской иниціативѣ; однако, въ уваженіе претензій правительства, карательный арсеналъ Думы долженъ быть расширенъ и усиленъ... А затѣмъ,—по статьямъ о клеветѣ уступка правительству уже сдѣлана. Если правые потребуютъ такой же уступки по статьямъ о богохульствѣ или оскорбленіи величества,—отказать неудобно... Словомъ,—можетъ быть, оно и обидно, и прискорбно, но позицію, подвергнутую нападенію, приходится уступить безъ боя по существу. Какъ далеко идетъ уступчивость,—въ первое время опредѣлить было мудрено. Но общія очертанія намѣтились довольно быстро: задача—собрать въ IV Думѣ большинство для защиты свободы парламентскаго слова по существу оказывалась невозможной.

Возможно было собрать большинство лишь для демонстративной вылазки предъ капитуляціей. Но и эта задача оказалась крайне трудной. Законопроектъ прогрессистовъ тотчасъ по передачѣ его въ коммиссію стали тормозить то націоналисты, то октябристы. Между тѣмъ этотъ законопроектъ собственно повторяетъ нынѣшнія статьи закона о свободѣ мнѣній и сужденій, предоставленной членамъ Государственной Думы, и вноситъ лишь такія текстуальныя и редакціонныя измѣненія, которыми устраняется „дополнившее" законъ сенатское разъясненіе. Значитъ,—если Дума не найдетъ возможнымъ быстро, до лѣтнихъ каникулъ одобрить законопроектъ, то она косвеннымъ образомъ какъ бы подтвердитъ основательность разъясненія сената. Къ такимъ опасностямъ привела иниціатива прогрессистовъ. Попытка соціалъ-демократовъ и трудови-

ковъ отстоять право на безпрепятственное употребленіе термина „республика" послужила для президіума толчкомъ къ скорѣйшему очищенію позицій. Дѣло въ томъ, что предсѣдатель Думы, какъ только стало извѣстно о привлеченіи Чхеидзе, началъ обнаруживать особенную строгость. Посыпались въ чрезмѣрномъ изобиліи замѣчанія, предупрежденія, лишенія слова. Само собою, — объявленный криминальнымъ терминъ „республика" дѣйствовалъ на г. Родзянка съ особенною силою. Предсѣдатель Думы попытался даже пресѣкать разсужденія о всякомъ вообще государственномъ строѣ. Впослѣдствіи онъ пошелъ дальше въ этомъ направленіи, повелъ атаку противъ самаго принципа публичности думскихъ засѣданій,—началъ водворять строжайшую цензуру стенограммъ и запрещать оглашеніе въ печати того, что говорилось и происходило въ открытомъ засѣданіи Думы; началъ даже свойственную всѣмъ цензорамъ борьбу противъ общедоступности напечатаннаго,—разрѣшаетъ, напр., огласить французскій текстъ фразы, употребленной однимъ ораторомъ, но запрещаетъ ея русскій переводъ... Правые и почти весь центръ выражали явное сочувствіе ретирадѣ, начатой президіумомъ. А кадеты и прогрессисты попали въ положеніе связанныхъ. Г. Родзянко избранъ вѣдь и ихъ голосами. И они обязались поддерживать его. Теоретически острыя условія минуты давали основаніе считать обязательства нарушенными. К.-д. и прогрессисты могли вступить въ энергическую борьбу съ предсѣдателемъ. Но это значило бы сознательно идти на предсѣдательскій кризисъ. А для IV Думы онъ и въ спокойныя времена опасенъ. При нынѣшнихъ же, крайне обостренныхъ отношеніяхъ партійныхъ группъ, предсѣдательскій кризисъ могъ стать затяжнымъ, обрекая Думу предъ бюджетными преніями или въ началѣ ихъ на формальную неработоспособность.

Въ концѣ концовъ IV Дума, созданіе слишкомъ противорѣчивое и хрупкое, не выдержала повышенной температуры и рѣзкихъ движеній. И произошелъ-таки кризисъ президіума... Но это случилось впослѣдствіи. А вначалѣ, еще до бюджетныхъ преній и при обсужденіи первыхъ смѣтъ, опасность кризиса обострялась неизмѣнными слухами о роспускѣ... Позже Баянъ-Рославлевъ сообщалъ въ „Русскомъ Словѣ" (8. V), будто къ моменту обсужденія бюджета былъ даже заготовленъ указъ о роспускѣ,—находился „въ карманѣ" у министра внутреннихъ дѣлъ и могъ быть предъявленъ въ любую минуту. Быть можетъ, именно объ этой детали говорилъ издатель „Гражданина" кн. Мещерскій, выражая сотруднику „Petit Parisien" сожалѣніе, что министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣя полную возможность „кончить роспускомъ", не воспользовался ею... Правда ль, нѣтъ ли—не разберешь,—а все-таки опасно попасть подъ роспускъ за неспособность, вслѣдствіе предсѣдательскаго кризиса, обсуждать бюджетъ.

Такова вкратцѣ обстановка, при которой надо было реализовать разговоры о „противодѣйствіи нападенію на свободу парламентскаго слова", о „борьбѣ за права народа и народнаго представительства". Немудрено, что съ самаго начала стали выдвигаться крайнія мѣры. Возникала, напр., мысль о массовомъ сложеніи полномочій. И характерно,—сочувствіе этому высказывали нѣкоторые, особенно „лѣвые", октябристы. Не менѣе характерны газетныя свѣдѣнія относительно конституціоналистовъ-демократовъ. Корреспондентъ, напр., „Русскаго Слова" сообщалъ 20 апрѣля:

въ к.-д. фракціи принципіально ничего не имѣютъ противъ массоваго сложенія депутатами полномочій, однако находятъ, что такая мѣра могла бы произвести впечатлѣніе лишь въ томъ случаѣ, если изъ Думы уйдетъ не менѣе половины депутатовъ. Разсчитывать же на соглашеніе въ этомъ вопросѣ съ земцами-октябристами невозможно.

„Въ виду этого"—сообщала далѣе названная газета

к.-д. считаютъ болѣе раціональнымъ прибѣгнуть къ обструкціи при обсужденіи смѣтъ министерствъ народнаго просвѣщенія, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. По мнѣнію к.-д., депутаты должны, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, принять всѣ мѣры къ тому, чтобъ не давать говорить И. Г. Щегловитову, Н. А. Маклакову, Л. А. Кассо.

Замыселъ обструкціи противъ Маклакова и Щегловитова какъ-то отпалъ. Г. Кассо оказался счастливѣе. Устроить ему „обструкцію" собирались вплоть до обсужденія смѣты министерства народнаго просвѣщенія (въ серединѣ мая). „Принять участіе" собирались даже „отдѣльные октябристы". Но другіе также „отдѣльные" октябристы заранѣе предупредили господина министра о неизбѣжности „скандала" и упросили не жаловать въ Думу. Между прочимъ,—со временъ предварительнаго обмѣна непродуманными мыслями и пошло гулять словечко „обструкція", употребленіе котораго въ данномъ случаѣ сама „Рѣчь" признала „несоотвѣтствующимъ": предлагалась въ сущности особая форма протеста, довольно ходкая въ парламентскомъ быту, хотя и не часто примѣняемая къ представителямъ правительства. Намѣренно и въ знакъ протеста заглушать стукомъ и крикомъ рѣчи непріятнаго свойства или непріятныхъ ораторовъ,—методъ обычный. Въ IV Думѣ имъ систематически, до крайняго излишества пользуются правые. Подвергались ему—напр., въ I Думѣ—и нѣкоторые представители правительства... Но это, повторяю, между прочимъ.

Предположенія о крайнихъ мѣрахъ—сложеніи полномочій, „обструкціи"—возникали. Но мысль естественно переходила къ очереднымъ вопросамъ, къ порядку дня,—къ использованію бюджетныхъ преній. И начались сложные внутрифракціонные и межфракціонные разговоры и переговоры о „борьбѣ на почвѣ бюджета". Они довольно быстро вскрыли и еще одно осложняющее обстоятельство. Формально три фракціи—с.-д., трудовики и к.-д.—съ

самаго начала стояли за полное отклоненіе бюджета безъ перехода къ посмѣтному обсужденію. Къ этому склонились не безъ колебанія и прогрессисты. Ихъ конференція, происходившая въ серединѣ апрѣля передъ началомъ бюджетныхъ преній въ Думѣ, признавала, что

фракція прогрессистовъ не можетъ взять на себя отвѣтственность за отпускъ кредитовъ въ распоряженіе даннаго правительства, поскольку оно выступаетъ проводникомъ новаго курса въ его теперешнихъ проявленіяхъ. Бюджетная борьба должна вестись путемъ отказа въ отпускѣ кредитовъ. Нынѣшняя палата не можетъ выполнить эту задачу и потому нѣтъ необходимости беречь Думу даннаго состава и бояться ея роспуска („Русское Слово", 17. IV).

Послѣднее замѣчаніе—относительно роспуска—было не вовсе излишне. Роспускомъ, какъ мы уже знаемъ, грозили. Полное отклоненіе бюджета,—а, стало быть, и забронированной части его—заранѣе объявлялось актомъ незакономѣрнымъ, за которымъ послѣдуетъ „разгонъ". Отвѣтъ умѣренной думской группы: „не боимся", имѣетъ свое демонстративное значеніе. Но разумѣется, только демонстративное. За полное отверженіе бюджета въ концѣ концовъ оказалось лишь меньшинство: четыре фракціи лѣваго крыла. Октябристы высказались противъ. Отверженіе они находили незаконнымъ, практически безцѣльнымъ (правительство деньги получитъ), бьющимъ по культурнымъ нуждамъ страны (отвергнуть придется и кредиты, напр., на школы) и, наконецъ, не патріотичнымъ. Въ частности, октябристы всѣхъ наименованій заявляли, что обыкновенные и чрезвычайные кредиты по военному и морскому вѣдомствамъ, во всякомъ случаѣ, должны быть приняты Думою.

Такимъ образомъ намѣтилось какъ будто довольно явственное разграниченіе. Четыре фракціи, согласныя отвергнуть бюджетъ полностью, свободны избрать естественную для нихъ при данныхъ условіяхъ тактику внушительнаго—около ста голосовъ—меньшинства и вести принципіальную борьбу на почвѣ бюджета возможными для такого меньшинства средствами. А октябристы, центръ и всѣ прочіе пусть поступаютъ какъ имъ угодно... Конечно, при такомъ распредѣленіи возникали разныя опасности. Въ случаѣ разрыва съ октябристами могло затормозиться, напр., законодательное предположеніе объ иммунитетѣ. Развернувъ должнымъ образомъ тактику внушительнаго меньшинства, мудрено было не столкнуться съ очищающимъ позиціи президіумомъ,—а это могло бы привести къ предсѣдательскому кризису со всѣми его послѣдствіями. А главное,—уже предварительные переговоры обнаружили, что рѣшеніе к.-д. и прогрессистовъ отвергнуть бюджетъ имѣетъ слишкомъ формальный характеръ. И когда—уже послѣ рѣшенія—обѣ эти фракціи устроили совмѣстное совѣщаніе, то на лицо оказалось „три мнѣнія": „политическое", „обывательское" и „практическое".

За полное отверженіе были только сторонники принципіальной политической борьбы. Участники совѣщанія, стоявшіе на обывательской точкѣ зрѣнія, доказывали, что

огульное отклоненіе всего бюджета можетъ гибельно отразиться на цѣломъ рядѣ культурныхъ потребностей... Еслибы Дума стала на этотъ путь и вызвала конфликтъ съ правительствомъ, то страна не поняла бы добрыхъ намѣреній палаты.

Сторонники практическихъ соображеній высказывались вообще противъ отклоненія бюджета:

приметъ ли Дума—говорили они—бюджетъ, отвергнетъ ли его,—все равно правительство деньги получитъ. Поэтому лучше всего бороться путемъ отклоненія всѣхъ проектовъ, которые предусматриваютъ новыя ассигнованія средствъ—напр., добавочные кредиты на усиленіе полиціи, ассигновки на новые штаты,... условные кредиты („Русское Слово", 20. IV).

Другими словами,—часть такъ называемой „умѣренной оппозиціи" оказалась вполнѣ солидарна съ октябристами. Любопытно,—въ концѣ концовъ сама к.-д. „Рѣчь" одобрила прилагаемый октябристами методъ „борьбы на почвѣ бюджета" посредствомъ отклоненія „верхушекъ",—

т. е. лишнихъ сравнительно съ прошлогодними ассигнованій, которыя Дума имѣетъ право срѣзать, а Государственный Совѣтъ уже не имѣетъ права возстанавливать вновь. Октябристы правильно разсчитали, что такого рода отказы гораздо непріятнѣе вѣдомству, чѣмъ общія принципіальныя голосованія противъ цѣлыхъ смѣтъ.

Свѣжій примѣръ, подтверждающій „правильность" этого разсчета: думское большинство срѣзало ассигновку на балалаечниковъ, Государственный Совѣтъ не возстанавливалъ ее, а балалаечники тѣмъ не менѣе получили субсидію... Что ни отклоняй—вершки ли, корешки ли,—но вѣдомства при желаніи „все равно деньги получатъ"... Правильнѣе разсчитано другое преимущество, также указанное „Рѣчью": „методъ октябристовъ" „могъ быть примѣненъ безъ явнаго разрыва съ дѣловой точкой зрѣнія, отъ которой никакъ не можетъ отказаться извѣстная часть думскаго центра"... „Извѣстная часть" октябристовъ, видите ли, согласна „вести борьбу на почвѣ бюджета", голосовать за отклоненіе нѣкоторыхъ параграфовъ, но она желаетъ дѣлать это такъ, чтобы правительство не имѣло формальнаго основанія усматривать съ ея стороны политическій протестъ.

— Да, нѣкоторыя верхушки отклонены... Но сдѣлано это не въ видѣ борьбы противъ покушенія на права Думы и не въ знакъ протеста, а исключительно по „дѣловымъ соображеніямъ".

Словомъ, постепенно опредѣлилась въ общихъ чертахъ приблизительно такая картина. Нападеніемъ на важнѣйшія права Думы большинство ея весьма недовольно. Но идти на борьбу за свободу парламентскаго слова по существу способны и желаютъ лишь

фракціи лѣваго крыла, — начиная съ прогрессистовъ. На лѣвое крыло, на „оппозицію“, и приходилось бы уповать. Но двѣ крупнѣйшія фракціи этого крыла—прогрессисты и кадеты—связаны противорѣчивостью своихъ тактическихъ построеній и обнаруживаютъ склонность одновременно течь по двумъ русламъ. Съ одной стороны, „умѣренная оппозиція“ принимаетъ боевыя рѣшенія и ведетъ переговоры съ трудовиками и соціалъ-демократами, собираясь дѣйствовать въ качествѣ принципіальнаго меньшинства. Съ другой стороны, „умѣренная оппозиція“ не разрываетъ и съ сервильнымъ центромъ и собирается въ союзѣ съ нимъ дѣйствовать, какъ часть оппортунистическаго (по-октябристски!) большинства. Уклонъ въ сторону соціалъ-демократовъ и трудовиковъ былъ таковъ, что газеты втеченіе нѣсколькихъ дней называли лѣвое крыло „объединенной оппозиціей“. Но далеко шелъ уклонъ и въ сторону сервильнаго центра. „Русское Слово“ сообщало, напр. (17. IV):

> видные представители оппозиціи и, въ частности к.-д., занимающіе во фракціи руководящее положеніе, подняли вопросъ о необходимости вступить въ переговоры съ октябристами для совмѣстныхъ выступленій по бюджету. Депутаты, бывшіе раньше противниками такихъ общихъ выступленій, заявляютъ, что теперь они согласны на самыя крайнія уступки октябристамъ, лишь бы вынудить ихъ на какой-нибудь рѣшительный шагъ по отношенію къ правительству.

II.

Почти недѣля прошла въ этихъ сумбурныхъ занятіяхъ, способныхъ внушить отчаяніе своею внутренней противорѣчивостью. На 22 апрѣля было назначено начало сужденій по бюджету. Наканунѣ — 21 апрѣля — была сдѣлана попытка поставить вопросъ о „борьбѣ на почвѣ бюджета“ на иные рельсы: объединившаяся на короткое время оппозиція внесла подписанное, между прочимъ, гг. Милюковымъ, Чхеидзе и Керенскимъ „заявленіе по вопросу о повѣсткѣ“ ближайшаго засѣданія. Заявители предлагали Думѣ не приступать къ разсмотрѣнію бюджета до тѣхъ поръ, пока внесенное прогрессистами законодательное предположеніе объ иммунитетѣ парламентскаго слова станетъ закономъ. Какими мотивами руководился каждый подписавшійся подъ этимъ заявленіемъ,—въ точности неизвѣстно. Но объективный смыслъ предложенія можетъ быть формулированъ такъ. Противъ отверженія бюджета полностію выдвигались, какъ мы уже знаемъ, аргументы: юридическіе (нельзя отвергать забронированное), обывательскіе (Дума — и вдругъ отклоняетъ ассигновки на образованіе), патріотическіе (какъ можно отказать въ ассигновкахъ на оборону?) и т. д. Мы видѣли также, что, по крайней мѣрѣ, часть этихъ аргументовъ считается убѣдительной не только центромъ и правымъ крыломъ. Заявленіе 21 апрѣля переносило споръ въ другую плоскость. Аргументація

противниковъ отверженія, если не устранялась, то подрывалась. Желаетъ правительство допустить иммунитетъ въ предѣлахъ уже существующихъ законовъ, которые до сенатскаго „разъясненія“ считала обязательными для себя сама власть,—бюджетныя пренія будутъ отсрочены лишь на нѣсколько дней, ибо законопроектъ очень быстро можетъ стать закономъ. А если правительство не желаетъ допустить иммунитета, то пусть выскажется напрямки; пусть, если угодно, учиняетъ роспускъ по столь убѣдительному и для Россіи, и для Европы поводу. А такъ какъ на словахъ и октябристы, и ихъ ближайшіе сосѣди справа увѣряютъ, что они роспуска не боятся, то остается лишь подтвердить слова дѣйствіями.

Г. Милюковъ говорилъ Думѣ, что голосованіе предложенія, которое онъ подписалъ первымъ, покажетъ странѣ, кто изъ депутатовъ можетъ быть признанъ искреннимъ и послѣдовательнымъ конституціоналистомъ. Голосованіе и впрямь могло бы кое-что показать — хотя, навѣрное, и не такъ много, какъ предполагалъ въ своей рѣчи лидеръ к.-д. фракціи. Но противъ подало голосъ не только право-октябристское большинство. Сверхъ ожиданія, лишь часть „объединенной оппозиціи“, вѣроятно, по убѣжденію, а, можетъ быть, также и потому, что голосованіе, по требованію правыхъ, было поименнымъ, нашла нужнымъ продемонстрировать свою готовность къ единодушной и рѣшительной борьбѣ. Противъ боевого предложенія голосовала часть прогрессистовъ. Другая часть прогрессистовъ воздержалась отъ голосованія. Воздержалась и часть к.-д. съ г. В. Маклаковымъ во главѣ. Замѣчу: практической надобности въ такомъ голосованіи и воздержаніи не было: противъ предложенія и безъ того сложилось прочное большинство. Отклонено было правымъ большинствомъ и другое предложеніе — назначить на 23 апрѣля засѣданіе, посвященное исключительно обсужденію законопроекта объ иммунитетѣ.

„Голосованіе“ таки „показало“, хотя и не то, о чемъ говорилъ г. Милюковъ. До сихъ поръ „оппозиція“ упрекала октябристовъ въ трусости и органической неспособности къ борьбѣ. Послѣ 21 апрѣля октябристы не замедлили отплатить тою же монетою:

> Чѣмъ руководствовались воздержавшіеся отъ голосованія члены оппозиціонныхъ фракцій, мы — писалъ, напр., „Голосъ Москвы“ (23. IV) — не знаемъ. Но не будетъ грубой ошибки предположить, что опасеніе возможнаго роспуска Думы сыграло здѣсь несомнѣнную роль. Часть депутатовъ чувствуетъ паническій ужасъ передъ однимъ слухомъ о возможности роспуска.

Отъ этого порока, по мнѣнію „Голоса Москвы“, не свободенъ и такой видный представитель к.-д. фракціи, какъ Маклаковъ, „повидимому, неправильно оцѣнивающій создавшееся положеніе“.

> „Что же касается массы рядовыхъ депутатовъ—безъ различія фракцій,— то, сопоставляя ихъ слова и дѣйствія и устанавливая полное несоотвѣтствіе между ними, нельзя не придти къ выраженію прискорбнаго опасенія“...

„Мы не хотимъ и не намѣрены предъявлять огульныхъ обвиненій, но складывающіяся обстоятельства говорятъ за то, что настроеніе большинства рядовыхъ депутатовъ не даетъ надежды на сплоченныя оппозиціонныя дѣйствія. Кто знаетъ, въ какой мѣрѣ это настроеніе — разумѣется, хорошо понятное и извѣстное правительству—способствуетъ укрѣпленію новаго курса. Не всегда виновато зеркало, и состоявшееся“ 21 апрѣля голосованіе „заставляетъ обратить взоры въ другую сторону".

Словомъ, и наши не Мадзини, и ваши не Гарибальди. Что же касается очередной задачи — отпора натиску на права законодательнаго собранія,—то относительно нея находимъ, напр., въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ“ (23. IV) такой выводъ на основаніи голосованій 21 апрѣля:

не будетъ бюджетной войны, не будетъ конфликта, не будетъ роспуска, но за то, по всей вѣроятности, не будетъ и неприкосновенности депутатскаго слова.

На октябристовъ надеждъ не возникало. „Умѣренная оппозиція“ причинила разочарованіе. Оставалась еще активная оппозиція,—соціалъ-демократы и трудовики. Они еще разъ попытались проявить и по возможности сплотить то боевое настроеніе, которое, повидимому, было и въ болѣе умѣренныхъ фракціяхъ,—22 апрѣля снова внесли предложеніе отложить разсмотрѣніе бюджета до тѣхъ поръ, пока иммунитетъ парламентскихъ рѣчей будетъ гарантированъ закономъ. Передъ засѣданіемъ обѣ фракціи довели до свѣдѣнія к.-д., прогрессистовъ и президіума, что такъ какъ предложеніе будетъ, навѣрное, отвергнуто, то для принципіальной оппозиціи по острымъ условіямъ момента они, с.-д. и трудовики, считаютъ необходимымъ тактику демонстративнаго протеста; протестовать они намѣрены въ той формѣ, какая уже была обсуждаема на совѣщаніяхъ между фракціями оппозиціи,—не дадутъ говорить представителю правительства. Такой способъ протеста, какъ мы уже знаемъ, на предварительныхъ совѣщаніяхъ называли обструкціей. Эта „несоотвѣтственная“—по признанію „Рѣчи“—терминологія стала примѣняться и впослѣдствіи...

Г. Родзянко пригрозилъ репрессіями.

Часть прогрессистовъ и кадетъ отнеслись къ рѣшенію лѣвыхъ съ не скрываемой симпатіей, но вынуждены были подчиниться партійному рѣшенію, подкрѣпленному... П. Н. Милюковымъ и Н. Н. Львовымъ, не сочувствовавшими обструкціи. Прогрессисты и кадеты заявили, что они отъ обструкціонной тактики лѣвыхъ вынуждены будутъ себя отмежевать („Утро Россіи“, 23. IV).

И они себя отмежевали...

Предполагалось, что лѣвымъ придется выразить протестъ во время рѣчи г. Барка. Но первымъ изъ представителей правительства говорилъ предсѣдатель совѣта министровъ. Онъ и подвергся „обструкціи“. Въ результатѣ,—всѣ бывшіе налицо с.-д. и трудовики исключены на 15 засѣданій, троекратно вводилась воору-

женная стража и т. д. А когда „скандалистовъ" удалили, тогда все пошло по-хорошему. И. Л. Горемыкинъ сказалъ привѣтственную и чрезвычайно глубокомысленную рѣчь. Глубокомысленно ея начало: „мы собрались здѣсь сегодня только для того, чтобы слушать дѣло о государственной росписи за текущій годъ". Еще глубокомысленнѣе патетическая средина: „Господа, я долженъ вамъ заявить, что мои двери открыты для каждаго изъ васъ безъ всякихъ исключеній". А въ концѣ каждому мудро предлагалось „въ предѣлахъ начертанныхъ ему законами обязанностей" „посвятить всѣ свои силы работѣ на пользу нашей великой родины". Очень древняя истина. Быть можетъ, И. Л. Горемыкинъ о ней узналъ еще въ юности, до 19 февраля 1861 г.: тогда крѣпостнымъ крестьянамъ говорили, что они должны, не щадя силъ, работать на пользу нашей великой родины, но въ предѣлахъ обязанностей, начертанныхъ для мужиковъ закономъ... Послѣ привѣтствія предсѣдателя совѣта министровъ Дума стала „слушать дѣло о росписи" въ обычномъ порядкѣ: сначала „объясненія" министра финансовъ, потомъ, конечно, бюджетная рѣчь г. Шингарева.

На слѣдующій день—27 апрѣля—„Рѣчь" ту часть засѣданія, во время которой происходилъ протестъ лѣвыхъ, снабдила заголовкомъ: „грандіозный скандалъ", а въ передовой статьѣ постаралась мотивировать отрицательное отношеніе къ этому „скандалу". Мотивы оказались двоякаго рода. Второстепенные изложены кратко и состоятъ въ слѣдующемъ. Своимъ протестомъ крайніе лѣвые перенесли

борьбу изъ области конфликта съ правительствомъ въ сферу междудумскихъ отношеній. Вмѣшивая въ свои счеты съ правительствомъ правое думское большинство, они тѣмъ самымъ готовили тріумфъ кабинету и затемнили характеръ конфликта.

Это—не столько аргументъ, сколько рядъ фактическихъ недоразумѣній. Привлеченіе Чхеидзе произошло послѣ настоятельныхъ требованій со стороны правыхъ и части націоналистовъ принять мѣры противъ „революціонной пропаганды лѣвыхъ депутатовъ", данная мѣра вполнѣ одобряется значительной частью „праваго большинства". Другая часть большинства не одобряетъ вполнѣ, но согласна съ важнѣйшими мотивами, которые выдвинуты правительствомъ. И не „*свои* счеты" съ правительствомъ сводились соціалъ-демократами и трудовиками. Эта фраза „Рѣчи" — просто lapsus. Если крайніе лѣвые дѣйствительно показали, что данная правительственная мѣра пользуется сочувствіемъ и поддержкой значительной части Думы, то они не затемнили, а, наборотъ, вскрыли истинный характеръ конфликта...

Повторяю, эта группа мотивовъ поставлена „Рѣчью" на второмъ планѣ и изложена очень кратко. На первомъ мѣстѣ развиты соображенія другого порядка. Вообще к.-д. органъ „не рѣшился бросить

обвиненіе" соціалъ-демократамъ и трудовикамъ за ихъ организованную попытку „не допустить выступленій правительства въ бюджетныхъ преніяхъ". „Рѣчи" понятна цѣль этой попытки — „обратить вниманіе страны и всего міра на совершающееся посягательство на свободу депутатскаго слова"; газета признаетъ допустимой и данную форму борьбы. Но эта форма сопряжена съ жертвами, за нею автоматически слѣдуютъ репрессіи, примѣненныя къ тому же г. Родзянкомъ „безъ всякой сдержанности и безъ всякаго разбора". И вотъ прежде всего „эти жертвы"

> намъ, по отношенію къ задачамъ, какія преслѣдуетъ болѣе умѣренная часть оппозиціи, казались бы чрезмѣрными и несвоевременными. За исключеніемъ случаевъ крайняго напряженія, которое, конечно, не можетъ быть продолжительнымъ, орудіями парламентской борьбы должны служить слово съ думской трибуны и голосованіе. Этихъ орудій соціалъ-демократы и трудовики себя лишили на $2^1/_2$ недѣли, т. е., по крайней мѣрѣ, на половину всего періода бюджетныхъ преній.

Такая „жертва" и вообще тяжела. Тяжела она въ частности, и по слѣдующей причинѣ:

> Устраненіе двухъ десятковъ оппозиціонныхъ голосовъ, конечно, разстраиваетъ тѣ комбинаціи относительно отверженія отдѣльныхъ параграфовъ смѣты, которыя строились въ разсчетѣ на поддержку изъятыхъ теперь фракцій.

Представьте же, въ самомъ дѣлѣ, какія страшныя жертвы: на 15 засѣданій отказаться отъ участія въ бюджетныхъ преніяхъ, обречь на гибель уже приготовленныя бюджетныя рѣчи, разстроить сложнѣйшія комбинаціи и разсчеты, необходимые для отклоненія „верхушекъ" въ союзѣ съ октябристами... Конечно, въ исключительныхъ „случаяхъ крайняго напряженія", если лѣзешь въ драку, то волосъ не жалѣй. Но въ данный моментъ „умѣренная оппозиція" предпочитаетъ борьбу безъ потери волосъ.

И она вела такую борьбу, между прочимъ, въ тотъ же день 22 апрѣля. Во-первыхъ, въ засѣданіи Думы часть „умѣренной оппозиціи" шикала г. Горемыкину въ отвѣтъ на его рѣчь. Во-вторыхъ „представители фракціи народной свободы Некрасовъ, Шингаревъ, Степановъ, Добровольскій и кн. Мансыревъ" произвели внушительную демонстрацію,—подали предсѣдателю бюджетной коммиссіи слѣдующее коллективное заявленіе:

> имѣемъ честь заявить о сложеніи нами обязанностей докладчиковъ бюджетной коммиссіи въ общемъ собраніи Г. Думы по отдѣльнымъ смѣтамъ, порученнымъ намъ коммиссіей. Систематическія посягательства на права народа и народнаго представительства создаютъ для насъ необходимость голосовать противъ перехода къ постатейному чтенію законопроекта о государственной росписи. При такихъ условіяхъ мы не считаемъ возможнымъ сохранить обязанности защитниковъ ассигнованій по отдѣльнымъ частямъ росписи. Доклады, порученные намъ, давно нами составлены, приняты бюджетной коммиссіей и отпечатаны, почему ихъ изложеніе въ Г. Думѣ, мы надѣемся, не представится затруднительнымъ для новыхъ докладчиковъ.

Въ-третьихъ, г. Шингаревъ свою традиціонную бюджетную рѣчь закончилъ призывомъ къ Думѣ:

— „Скажите же имъ (нынѣшнимъ представителямъ правительства), что вы не дадите имъ средствъ измываться, разрушать и разлагать нашу родину“.

Настоящія слова,—восторженно писала „Рѣчь“—яркія и сильныя, которыя тщетно старались найти съ такимъ же успѣхомъ непосредственные участники обструкціи.

С.-д. и трудовики искали, но не нашли. Г. Шингаревъ нашелъ „настоящія слова“,—и при этомъ никакихъ жертвъ...

III.

Жертвы однако потребовались...

Быть можетъ, самъ по себѣ протестъ соціалъ-демократовъ и трудовиковъ и не привлекъ бы къ себѣ большого общественнаго вниманія. И погромче были витіи... Но предсѣдатель Думы не испортилъ своей репутаціи, пріобрѣтенной еще въ бытность предсѣдателемъ екатеринославской губернской земской управы. Онъ проявилъ строгость, до такой степени спасительную, что даже биржа переполошилась и отъ заграничныхъ биржевиковъ,—напр., изъ Парижа—полетѣли въ Петербургъ тревожные запросы:

— Что случилось? Почему изъяты сразу двѣ фракціи? Почему „солдаты“ введены въ Думу?

Тревожно заговорила о русскихъ дѣлахъ и заграничная пресса. Отозвались разныя группы европейскихъ парламентовъ. И, между прочимъ, соціалъ-демократическая фракція германскаго рейхстага не замедлила телеграммой выразить исключеннымъ депутатамъ привѣтъ и сочувствіе борьбѣ за свободу слова. Отозвалось и населеніе Россіи. По газетнымъ подсчетамъ, на имя исключенныхъ депутатовъ получено около 200 сочувственныхъ и ободряющихъ телеграммъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Изъ состава президіума во время расправы надъ соціалъ-демократами и трудовиками выдѣлился товарищъ предсѣдателя г. Коноваловъ,— повидимому, огорченный ею и не одобрявшій ея. И на имя г. Коновалова, по словамъ газетъ, получались „телеграммы изъ Москвы, Костромы, цѣлаго ряда другихъ промышленныхъ центровъ, въ которыхъ событія въ Государственной Думѣ вызвали сочувствіе къ устраненнымъ депутатамъ“. Расправа думскаго большинства надъ наиболѣе активными группами оппозиціи вызвала цѣлый рядъ рабочихъ забастовокъ протеста,—особенно значительныхъ въ петербургскомъ и московскомъ районахъ... Отозвались, словомъ, довольно значительные слои населенія,—одобряя лѣвыхъ и косвенно или прямо осуждая „умѣренную оппозицію“

Ее осудили прежде всего за то, что она уклонилась отъ проте

ста. Очень ужь „откровенныя“ разсужденія „Рѣчи“ о чрезмѣрности и несвоевременности жертвъ и вообще-то могутъ быть разсчитаны не на самыхъ чуткихъ людей. На сей разъ не удовлетворились и люди, не очень чуткіе. У органа прогрессивныхъ московскихъ промышленниковъ—„Утра Россіи“—нашлись болѣе вѣскіе аргументы. По мнѣнію этой газеты,—въ засѣданіи 22 апрѣля

и крайне-лѣвые, и предсѣдатель Думы, и И. Л. Горемыкинъ во главѣ своего кабинета выдержали свою роль до конца, осуществили то, на что шли, на что рѣшились. Но этой послѣдовательности дѣйствій, этой тактической стойкости мы не примѣтили ни въ кадетахъ, ни въ прогрессистахъ... Они не рѣшились даже покинуть залъ засѣданій передъ выступленіемъ министровъ, не смотря на то, что подобная демонстрація протеста вполнѣ соответствовала бы тому настроенію, которымъ за сутки передъ тѣмъ, казалось, была воодушевлена умѣренная часть думской оппозиціи. У умѣренной оппозиціи было мужество угрожать протестомъ, но осуществить эту угрозу — на это мужества у нея не хватило („Утро Россіи“, 24. IV).

Вотъ вѣдь какъ просто могла быть рѣшена задача, передъ которой стала втупикъ к.-д. „Рѣчь“. Соціалъ-демократы и трудовики стучали, шумѣли,—потому и наказаны. А вы бы, господа кадеты и прогрессисты, въ тотъ моментъ, когда г. Горемыкинъ началъ говорить, встали демонстративно и ушли. Протестъ былъ бы выраженъ, а жертвъ бы не потребовалось.

А затѣмъ — если ужь пошло на откровенности—чрезмѣрность жертвъ обусловлена, пожалуй, именно тѣмъ, что соціалъ-демократы и трудовики были оставлены въ одиночествѣ. Знай г. Родзянко, что протестовать будетъ вся оппозиція, едва-ли онъ рѣшился бы примѣнять огульно „высшую мѣру взысканій“. Три раза пришлось вводить вооруженную стражу для удаленія немногихъ „крайне-лѣвыхъ“ протестантовъ. Троекратную операцію гг. Горемыкинъ и Родзянко выдержали. Но, пожалуй, и у нихъ не хватило бы характера, еслибы потребовалось еще нѣсколько разъ приглашать стражу...

Еще болѣе рѣшительное осужденіе вызвала „умѣренная оппозиція“ своимъ отношеніемъ къ репрессіямъ, предложеннымъ предсѣдателемъ. Часть прогрессистовъ голосовала за исключеніе протестующихъ на 15 засѣданій. И, значитъ, наравнѣ съ правыми и октябристами подпала подъ протесты рабочихъ противъ расправы надъ соціалъ-демократами и трудовиками. Другая часть прогрессистовъ и кадеты воздержались отъ подачи голосовъ. Надо однако сказать,—даже за воздержаніе они подверглись многимъ упрекамъ со стороны октябристовъ:

— Сами подавали голоса за Родзянка при выборѣ президіума, а въ острый и отвѣтственный моментъ поддерживать не хотите...

Легко представить, сколь сложныя неудобства могли бы возникнуть, еслибы кадеты и прогрессисты рѣшились голосовать про-

тивъ предложенія „своего“ предсѣдателя... Но къ этимъ дипломатическимъ соображеніямъ на сей разъ не сочли возможнымъ отнестись уважительно даже единомышленники и друзья „умѣренной оппозиціи“. Въ видѣ примѣра, сошлюсь на отзывъ г. А. Ефимовича, виднаго на югѣ конституціонно-демократическаго дѣятеля и руководителя екатеринославской газеты „Южная Заря“. Г. Ефимовичу „принадлежность фактическая и формальная къ партіи“ не помѣшала печатно высказать, что къ „поведенію думской к.-д. фракціи въ день 22 апрѣля, пожалуй, и не приложимъ мягкій терминъ ошибка“. К.-д. фракція—пишетъ г. Ефимовичъ—не могла считать, что „обструкція“, примѣненная соціалъ-демократами и трудовиками,

заслуживаетъ свирѣпыхъ репрессій; здѣсь не было ни безцѣльнаго озорства, ни желанія мѣшать работѣ, ни даже специфическихъ партійныхъ цѣлей; здѣсь цѣлью была борьба за большую **общую** идею, безконечно близкую уму и сердцу к.-д. депутатовъ, — за свободу депутатскаго слова. Стало быть, **моральныхъ** основаній примѣнять репрессіи именно къ **этой** обструкціи к.-д. фракція не могла находить. Самое большое, фракція могла смотрѣть на нее, какъ на неразумную затѣю, и желать, чтобы она прекратилась, чтобы порядокъ въ засѣданіи возстановился и чтобы г. Горемыкинъ безпрепятственно закончилъ свою „декларацію“. Но фракція отлично видѣла, что г. Родзянко не только возстановляетъ порядокъ (для этого достаточно было исключить на одно засѣданіе), а либо наказываетъ своихъ политическихъ враговъ, либо мститъ имъ за то, что они поставили въ неловкое положеніе его, обѣщавшаго самому его высокопревосходительству безпрепятственное выступленіе. Разъ фракція к.-д. это видѣла, она должна была открыто протестовать противъ такой расправы, совершенно выходившей за цѣли порядка. Но фракція молчала...

Въ партійномъ своемъ органѣ фракція объясняетъ свое поведеніе такъ: если бы мы голосовали противъ исключенія обструкціонистовъ, это означало бы, что мы сочувствуемъ обструкціи, а это ведетъ къ дальнѣйшему выводу: мы сами должны были бы участвовать въ ней; а этого не было, мы обструкціи не желали.

Слабое и натянутое объясненіе!

К.-д. фракція могла вотировать **противъ** предложенія г. Родзянка и точно такъ же, какъ теперь, объяснить въ своемъ органѣ на другой день свое поведеніе: мы не хотѣли этой обструкціи и не поддерживали ея, мы хотѣли, чтобы порядокъ въ Думѣ не нарушался, но мы сочли себя нравственно обязанными протестовать противъ дѣйствій предсѣдателя, которыя, во всякомъ случаѣ, были не просто возстановленіемъ порядка, а знаменовали собою либо грубую расправу съ неугодными депутатами, либо несимпатичное—выражаясь мягко — усердіе... Вмѣсто этого к.-д. депутаты предпочли быть безмолвными созерцателями („Южная Заря“, 29. IV; курсивъ г. Ефимовича).

Къ этимъ соображеніямъ не лишне добавить и еще одно. Протестовать противъ предсѣдательскаго эксцесса можно было не только въ самомъ засѣданіи. Извѣстно было заранѣе, что лѣвые рѣшили устроить обструкцію и что предсѣдатель грозитъ „высшей мѣрой“. Если такъ, то еще до засѣданія въ порядкѣ обычныхъ прелиминарныхъ сношеній „умѣренная оппозиція“ могла бы за-

явить о своемъ взглядѣ на предполагаемую репрессію. Трудно допустить, чтобы г. Родзянко счелъ умѣстнымъ совершенно игнорировать своевременно заявленное мнѣніе двухъ крупныхъ фракцій, голосами которыхъ онъ избранъ. А еслибы и рѣшился игнорировать, то кадеты и прогрессисты не подлежали бы упрекамъ за отказъ предсѣдателю въ поддержкѣ. Во всякомъ случаѣ, возможны были попытки повліять на предсѣдателя еще до засѣданія. Но, сколько извѣстно, такой попытки не было сдѣлано. До засѣданія не вмѣшивались. Во время засѣданія воздерживались. И затѣмъ съ самымъ невиннымъ видомъ стали укорять своего же избранника: онъ, молъ, дѣйствовалъ безъ всякаго разбора и безъ всякой сдержанности...

Поведеніе поистинѣ странное. Оно осуждено не только широкими общественными кругами. Не только отдѣльными единомышленниками прогрессистовъ и кадетъ. Неодобрительно отозвались и к.-д. партійные комитеты. Объ этомъ впослѣдствіи съ прискорбіемъ говорилъ Думѣ г. В. Маклаковъ. По его мнѣнію, поведеніе лѣвыхъ 22 апрѣля „при нормальныхъ условіяхъ" должно бы поднять противъ нихъ „всю страну" (!). А въ дѣйствительности

как отнеслась страна? Они (лѣвые) отовсюду получали выраженія сочувствія, а я, московскій депутатъ, долженъ былъ ѣхать въ Москву давать объясненія своимъ избирателямъ, почему я не голосовалъ противъ ихъ исключенія.

К.-д. пресса слишкомъ глухо отмѣтила обстоятельство, о которомъ приведенными словами говорилъ г. Маклаковъ. По неопровергнутымъ же сообщеніямъ, напр., „Кіевской Мысли" и „Русскаго Слова", происходило слѣдующее. Московскій комитетъ к.-д. партіи пожелалъ узнать мотивы поведенія фракціи 22 апрѣля, а заодно ужь и причины, побудившія наканунѣ, 21 апрѣля, г. Маклакова и другихъ московскихъ депутатовъ голосовать противъ предложенія объ отсрочкѣ бюджедныхъ преній впредь до узаконенія иммунитета. Первоначально гг. Маклаковъ и Щепкинъ представили письменное объясненіе. Оно, повидимому, не показалось убѣдительнымъ. И комитетъ попросилъ московскихъ депутатовъ пожаловать въ Москву для личныхъ объясненій... Трое изъ нихъ— за исключеніемъ г. Челнокова—пожаловали, „претерпѣли упреки и обвиненія въ оппортунизмѣ, въ заигрываніи съ октябристами, пренебреженіи задачами оппозиціи". „Въ отвѣтъ Маклаковъ молчалъ". Остальные представили личныя объясненія. Но они были признаны неудовлетворительными. И комитетъ счелъ должнымъ опубликовать въ прессѣ—между прочимъ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (4. V)—свое мнѣніе:

Фракція к.-д. поступила бы болѣе послѣдовательно, еслибы голосовала противъ исключенія участвовавшихъ въ обструкціи депутатовъ на 15 засѣданій изъ Государственной Думы („Русскія Вѣдомости", 4. V).

Аналогичное мнѣніе высказано и кіевскимъ комитетомъ.... Въ виду всего этого центральный офиціозъ к.-д. партіи выдвинулъ новое соображеніе. Да, „умѣренная оппозиція“ не участвовала въ протестѣ 22 апрѣля; да, она воздержалась отъ голосованія. Но вѣдь она—„отвѣтственная оппозиція“.

Пояснимъ—писала „Рѣчь“ (28. IV)—этотъ терминъ, о смыслѣ котораго опять заговорили. Подъ отвѣтственной оппозиціей, въ парламентскомъ смыслѣ, мы разумѣемъ ту, которая, по характеру своихъ ближайшихъ задачъ, можетъ въ каждую минуту стать властью.

Т. е.—насмѣшливо спрашивала часть печати, примѣняя это опредѣленіе къ русскимъ условіямъ,—гг. Милюковъ и Ефремовъ надѣются получить министерскіе портфели и стать правительствомъ? „Поистинѣ,—высказывалось, напр., „Русское Слово“ — Россія—страна неограниченныхъ возможностей“.

„Отвѣтственная“ (разсчитывающая на портфели) оппозиція отказалась отъ поддержки крайнихъ лѣвыхъ, надѣясь, что часъ ея близокъ. И это называется реальной политикой!

Быть можетъ, эта „реальная политика“ состоитъ въ слѣдующемъ. Положеніе, разумѣется, создалось крайне трудное. Для прогрессистовъ и кадетъ оно осложнялось многими грѣхами прошлаго,—въ частности, сильно сказались послѣдствія компромисса, на который пошла „умѣренная оппозиція“ во время выборовъ президіума. Достойнаго выхода не нашли ни въ своихъ мысляхъ, ни въ своемъ настроеніи. А въ острую минуту и вовсе растерялись. А затѣмъ, post factum стали искать логическій фундаментъ подъ безнадежную фортецію. И говорятъ такое, что уши вянутъ.

Во всякомъ случаѣ „умѣренная оппозиція“ въ историческій день 22 апрѣля не сумѣла выразить настроенія широкихъ круговъ прогрессивнаго русскаго общества, интересы и мнѣнія которыхъ она взялась представлять. И обществу оставалось лишь выразить недовольство и заявить протестъ противъ поведенія своихъ представителей. Общественныя силы, необходимыя для отпора новѣйшимъ курбетамъ реакціи, оказались такимъ образомъ направленными на внутреннія тренія и междоусобныя пререканія... Такъ вкратцѣ можно формулировать одинъ изъ важнѣйшихъ результатовъ перваго дня борьбы „умѣренной оппозиціи“ въ Думѣ „на почвѣ бюджета“.

IV.

За началомъ „борьбы на почвѣ бюджета“ слѣдуетъ продолженіе. „Крайніе лѣвые“ изгнаны. Кадеты и прогрессисты идутъ въ принятомъ уже направленіи.

Съ одной стороны, они дѣйствуютъ въ качествѣ непримиримаго меньшинства, ведущаго принципіальную политику. Во время общихъ преній по бюджету читаются деклараціи: въ распоряженіе

нынѣшняго правительства нельзя отпускать средства, потому что оно... и т. д. „Умѣренная оппозиція“ голосуетъ за полное отверженіе бюджета безъ перехода къ посмѣтному обсужденію. И „Рѣчь“ подчеркивала видимые признаки наростающаго непримиримаго настроенія: еще въ прошломъ году за полное отверженіе бюджета высказывались только „крайніе лѣвые“; тогда даже „фракція народной свободы“ рѣшалась отвергать полностію „лишь смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ и кредитъ на центральныя учрежденія трехъ другихъ вѣдомствъ“; а теперь — к.-д. отвергаютъ, прогрессисты отвергаютъ, а кабы „крайніе лѣвые“ не были исключены, то за полное отверженіе въ нынѣшнемъ году было бы подано свыше 90 голосовъ...

Исполняя свой долгъ въ качествѣ непримиримаго меньшинства, ведущаго принципіальную политику, кадеты и прогрессисты дѣйствуютъ еще, какъ наиболѣе активное крыло компромисснаго „лѣво-центральнаго“ большинства: заботливѣе самихъ октябристовъ безпокоятся объ урѣзкѣ „верхушекъ“, съ энергіей, достойной болѣе плодотворнаго примѣненія, ведутъ „борьбу на почвѣ бюджета“ булавочными уколами въ отвѣтъ на осадную артиллерію, выдвинутую противникомъ. И „Рѣчь“, очень радуясь „побѣдамъ“, посылала упреки исключеннымъ „лѣвымъ“: вотъ еслибъ они жертвы не приносили, то верхушки, намѣченныя октябристами, удалось бы отклонить болѣе значительнымъ большинствомъ, а, можетъ быть, удалось бы отрѣзать и еще нѣсколько параграфовъ... Верхушки маленькія,—гдѣ въ сотни тысячъ, а гдѣ и въ сотни рублей. И собственно лишь умѣренная оппозиція увѣряетъ, что онѣ отрѣзаются въ знакъ протеста и что это должно понимать, какъ борьбу. Центръ говоритъ другое, — объясняетъ свое голосованіе противъ отдѣльныхъ параграфовъ по преимуществу дѣловыми соображеніями. И у самой либеральной части центра, у октябристовъ, имѣется нагляднѣйшее доказательство ихъ лойяльности и ихъ бюджетнаго довѣрія правительству. Нѣсколько верхушекъ, правда, отрѣзали. Но одновременно съ этими маленькими купюрами Дума правооктябристскимъ большинствомъ приняла увеличеніе контингента новобранцевъ, не дожидаясь разсмотрѣнія бюджетныхъ законопроектовъ, связанныхъ съ этой смѣтой. Изъ опубликованнаго указа о призывѣ 1914 г. видно, что контингентъ увеличенъ сразу на 30%, — на 130.000 человѣкъ. Стало быть, авансомъ — не ожидая бюджетнаго обсужденія—предрѣшенъ кредитъ въ сотни милліоновъ. По сравненію съ такимъ довѣріемъ правительству, что значитъ урѣзка какихъ-то верхушекъ! И притомъ немногихъ верхушекъ,—смѣты даже такихъ непопулярныхъ, раздражающихъ нынѣ вѣдомствъ, какъ святѣйшій синодъ и министерство юстиціи, приняты цѣликомъ... И пресса—въ особенности провинціальная—основательно спрашиваетъ:

— Гдѣ же пресловутая „борьба на почвѣ бюджета“?

Тѣ комментаріи, которыми снабжаетъ, напр., „Рѣчь“ отрѣзку „верхушекъ“, для большинства Думы не обязательны. Что эта отрѣзка выражаетъ,—самимъ большинствомъ не объяснено. Серьезною попыткою борьбы—хотя лишь меньшинства Думы — могли бы считаться деклараціи прогрессистовъ и кадетъ объ отверженіи бюджета. Но деклараціи нельзя только читать,—иначе легко уподобиться польскому колу. Поляки вѣдь тоже выступили, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, съ декларативнымъ заявленіемъ о необходимости отвергнуть смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ оно ведетъ въ Царствѣ Польскомъ скверную политику. И пока поляки были въ меньшинствѣ, отъ котораго не зависитъ принятіе или отверженіе, имъ ничто не мѣшало имѣть видъ непреклонныхъ, принципіальныхъ борцовъ за справедливость и права своего народа. Но при обсужденіи одного параграфа той же смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ голоса раздѣлились такъ, что принятіе или отверженіе стало зависѣть именно отъ польскаго кола. И коло моментально отступило отъ принципа—подало голосъ за принятіе... „Рѣчь“ саркастически писала по этому поводу:

— Вотъ они каковы, господа поляки.

Что и говорить,—хороши... Но странно, что „Рѣчь“ не узнаетъ знакомыхъ чертъ въ этой каррикатурѣ, созданной политиканствующимъ провинціализмомъ польскаго кола...

Когда „крайніе лѣвые“ настаиваютъ на отверженіи бюджета,—кажется, не возникаетъ предположеній, что они это дѣлаютъ „только для видимости“. Упругость данной политической группы, ея отношеніе къ оппортунизму, къ политикѣ компромиссовъ, ея готовность вскрывать противорѣчія и не уклоняться отъ конфликтовъ—достаточно извѣстны и сомнѣній не возбуждаютъ. А вотъ по адресу прогрессистовъ и кадетъ г. Родзянко въ бесѣдѣ съ представителями прессы заявилъ: „Я твердо увѣренъ, что еслибы оппозиція знала, что безъ нея въ Государственной Думѣ нѣтъ большинства за принятіе бюджета, то она не рѣшилась бы голосовать противъ бюджета“ („День“, 21. V)!.. Отзывъ жестокъ, но отчасти заслуженъ. Нельзя одновременно давать не шуточный поводъ для предположеній, что „умѣренная оппозиція“ боится роспуска, производить тактическое равненіе по октябристамъ, а въ деклараціяхъ, завѣдомо платоничныхъ, настаивать на полномъ отказѣ въ кредитахъ нынѣшнему правительству. Какую цѣну могутъ имѣть эти деклараціи? Вѣдь ихъ трудно учитывать даже какъ симптомъ, пока остается спорнымъ вопросъ, въ какой мѣрѣ онѣ серьезны.

Могла быть борьба не на почвѣ бюджета, а во время бюджетныхъ преній и по поводу ихъ. Въ числѣ возможныхъ ея формъ указывалась на предварительныхъ совѣщаніяхъ оппозиціи обструкція. Возможныя формы намѣчались и центромъ. Октябристы предлагали планъ: на почвѣ бюджета — урѣзка верхушекъ, а во время бюджета и по поводу него—„рѣшительныя

формулы перехода". К.-д. пресса высмѣивала этотъ планъ. Но онъ и легъ въ основу тактики оппозиціонно-октябристскаго большинства. Первое—въ хронологическомъ порядкѣ — „рѣшительное заявленіе" октябристы сдѣлали по обсужденіи смѣты святѣйшаго синода:

...сознавая безполезность борьбы съ равнодушіемъ руководителей вѣдомства путемъ убѣжденія и словесныхъ пожеланій и приходя къ убѣжденію о необходимости борьбы съ политикою вѣдомства путемъ отказа въ кредитахъ, фракція земцевъ-октябристовъ, тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ году не находитъ возможнымъ стать на путь ихъ сокращеній...

Это вызвало хохотъ въ Думѣ, сарказмы въ прессѣ и наложило тѣнь на дальнѣйшія выступленія... Ужь очень легко говорить боевыя слова, которымъ самъ говорящій „не находитъ возможнымъ слѣдовать „въ настоящемъ году"... Затѣмъ перешли къ смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. И тутъ поступили по примѣру прошлаго года. Какъ и въ прошломъ году, формулой перехода „категорически осудили политику министерства". Тогда, въ 1913 г., ее осудили даже націоналисты „за излишнее примѣненіе исключительныхъ положеній" и за препятствія къ переходу „въ нормальныя границы правового строя". И теперь „даже націоналисты осудили". Тогда, 21 мая 1913 г., при обсужденіи смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, ораторъ группы центра В. Н. Львовъ говорилъ, что „отказъ отъ систематическаго проведенія реформъ", соотвѣтствующихъ „разумнымъ европейскимъ началамъ правового порядка", „пагубенъ для русскаго государства и опасенъ для общественнаго спокойствія". И теперь, 3 мая 1914 г., В. Н. Львовъ отъ имени той же группы центра счелъ „вѣрноподданническимъ долгомъ" „предупредить министра внутреннихъ дѣлъ", что „путь задержанія назрѣвшихъ реформъ, неуваженія къ правамъ народнаго представительства и презрѣнія къ общественному мнѣнію есть путь опасный". Въ прошломъ году формула перехода, предложенная октябристами и принятая большинствомъ Думы, осуждала министерство внутреннихъ дѣлъ за административный произволъ, „возбуждающій въ населеніи общее недовольство и вполнѣ справедливое чувство возмущенія", за уклоненіе „отъ давно назрѣвшихъ реформъ, предуказанныхъ въ манифестѣ 17 октября", за дѣйствія надъ инородцами „разъединяющія русскихъ гражданъ и ослабляющія мощь Россіи". Въ нынѣшнемъ году формула октябристовъ, принятая большинствомъ, повторяетъ тѣ же осужденія, умалчивая лишь о политикѣ относительно инородцевъ, а, сверхъ того, признаетъ „безполезнымъ высказывать какія-либо новыя пожеланія министерству внутреннихъ дѣлъ", такъ какъ оно „не только продолжаетъ систематически пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ, но и игнорируетъ неоднократныя существеннѣйшія пожеланія законодательныхъ учрежденій"... Въ прошломъ году „осужденіе правительства въ думской формулѣ перехода" на короткое время воодушевило было прессу;

сгоряча въ этомъ увидѣли „событіе“. Но только сгоряча. Затѣмъ усомнились. Затѣмъ было время болѣе точно опредѣлить цѣну той словесности, къ какой прибѣгаютъ будирующіе третьеіюньцы. Въ нынѣшнемъ году „Рѣчь“ попыталась воодушевиться по поводу повторнаго осужденія министерства внутреннихъ дѣлъ большинствомъ IV Думы. Но не нашла поддержки.

Страна, господа, поняла,—говорилъ г. В. Маклаковъ 12 мая въ Думѣ— и она въ правѣ была понять, — что слова безсильны. Она поняла безсиліе нашихъ вотумовъ. Поняла, къ несчастью, безнадежность лойяльнаго пути, и вотъ страна инстинктивно впадаетъ въ ошибку и дѣлаетъ своими союзниками тѣхъ, кто говоритъ: бросьте легальные пути, дѣло за силой...

Г. Маклаковъ, по моему мнѣнію, въ этомъ повтореніи собственно банальныхъ истинъ допустилъ и фактическія, и принципіальныя погрѣшности. Начать хотя бы съ послѣдней фразы, выражающей прискорбіе по поводу поддержки, какую получаетъ отъ страны думское поведеніе лѣвыхъ. Факты вѣдь таковы: тѣ лѣвые, которымъ страна въ данномъ случаѣ выражаетъ сочувствіе, борются словами и пріемами, допустимыми въ парламентскомъ быту. Силу физическую, и при томъ вооруженную, примѣнили не они. Силу примѣнило къ нимъ думское большинство, которому страна прямо или косвенно выражаетъ несочувствіе. И по существу г. Маклаковъ нѣсколько исказилъ, повторяю, банальную въ сущности истину. Едва-ли какая бы то ни было страна способна повѣрить, что слова и вотумы всемогущи и вполнѣ достаточны для разрѣшенія всевозможныхъ соціально-политическихъ коллизій. При нынѣшнихъ историческихъ условіяхъ такая „вѣра“ цѣлой страны означала бы повальную глупость. Но такой же повальной глупостью было бы и противоположное мнѣніе, что слова и вотумы не имѣютъ никакой силы. Силу они имѣютъ. Но не всякія слова и не всякіе вотумы. Я отмѣтилъ выше, что с.-д. и трудовики послѣ привлеченія Чхеидзе за случайное упоминаніе о республиканскомъ строѣ начали въ своихъ думскихъ рѣчахъ довольно систематически употреблять слово республика. Это было замѣчено. Появились грозительные слухи о новыхъ привлеченіяхъ. Но лѣвые продолжаютъ упоминать о республикѣ. Дѣлаютъ они это корректно, въ формѣ вполнѣ легальной, — часто такъ, что лишь придирчивая критика могла бы предъявить обвиненіе въ нелойяльности. И самое слово, по поводу котораго неосновательно возбуждается уголовное преслѣдованіе,—всего только слово. Но его произнесеніе равносильно дѣйствію. Пусть даже оно не приведетъ къ цѣли,—къ свободѣ элементарныхъ въ политическомъ быту мнѣній и къ невозбранному употребленію необходимѣйшихъ терминовъ государственнаго права. Но, по крайней мѣрѣ, люди дѣйствительно борются во имя этой свободы. И борются, повторяю, только словами.

Но вотъ другія слова, — напр., тѣ, которыя употребляетъ въ

своихъ принципіальныхъ деклараціяхъ польское коло... Кто имъ „вѣритъ“? Вотъ еще слова—процитированное выше заявленіе земцевъ-октябристовъ при обсужденіи смѣты синода? Почему они и въ странѣ, и въ Думѣ вызвали лишь горькій смѣхъ? Страна будто бы не вѣритъ въ силу вотумовъ... Въ данномъ случаѣ — по поводу котораго и выражалось сочувствіе крайнимъ лѣвымъ—рѣчь идетъ о конкретностяхъ, о нападеніи на свободу думскихъ рѣчей.. Гдѣ же вотумы, отражающіе это нападеніе? Можетъ быть, мы и повѣрили бы имъ. Но вѣдь ихъ нѣтъ. Такимъ вотумомъ могло быть принятіе законопроекта объ иммунитетѣ. Но нѣкоторые парламентаріи 3 іюня сами объясняли публично, хотя и приватно:

— По существу мы противъ, но такъ какъ законопроектъ все равно не станетъ закономъ, то соглашаемся произвести демонстрацію.

Странѣ обѣщали учинить борьбу на почвѣ бюджета и въ связи съ бюджетомъ противъ „покушенія на права народа и народнаго представительства“. А въ дѣйствительности центръ съ самаго начала сталъ отступать, прикрывая ретираду громкими словами для публики, урѣзкой верхушекъ и формулами, осуждающими политику вообще. И этимъ подтверждены опасенія, что „Дума 3 іюня неспособна бороться даже за свое существеннѣйшее право“, а для ея центра иммунитетъ парламентскихъ рѣчей—благо умозрительное, практически мало нужное, даже вредное для узко сословныхъ интересовъ. На центръ съ самаго начала надежда была плоха. Иное дѣло прогрессисты и кадеты. Но, къ сожалѣнію, они, повидимому, запутались въ противорѣчивостяхъ общей думской конструкціи и собственныхъ тактическихъ построеній. И въ концѣ концовъ они, съ одной стороны, помогаютъ центру дѣлать то, что прикрываетъ его ретираду, а съ другой — быть можетъ, инстинктивно, для собственнаго успокоенія—прикрываютъ это, по меньшей мѣрѣ, безполезное занятіе деклараціями объ отверженіи бюджета. При такихъ условіяхъ кому нужны эти декларацiи, кромѣ ихъ авторовъ? Лишь двѣ малочисленныя группы лѣваго крыла, по крайней мѣрѣ, не обезцѣнили своихъ словъ своими же поступками. Онѣ и получили сочувствіе.

V.

Во второй половинѣ апрѣля отъ частныхъ лицъ и по частному поводу вдругъ стало вѣдомо о существованіи „приказа военнаго министра 23 января 1914 г. за № 232“. Этотъ приказъ неизвѣстно на какомъ основаніи лишаетъ цѣлыя группы населенія весьма важныхъ правъ по воинской повинности. И хоть никто не могъ указать, гдѣ „приказъ № 232“ опубликованъ, но это не помѣшало ему воспріять силу дѣйствующаго закона. Въ числѣ разныхъ группъ, лишенныхъ такимъ юридически не предуказаннымъ способомъ важныхъ публичныхъ правъ,—въ частности, права на производство въ офицерскіе чины—оказались и старообрядцы

бѣлокриницкой іерархіи. Они взволновались, забили тревогу, послали депутацію въ Петербургъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, хоть выяснить, въ чемъ дѣло. Въ качествѣ депутата поѣхалъ „самъ“ М. И. Бриллiантовъ. Его мытарства по Петербургу изо дня въ день описывались газетами. Въ Петербургѣ, какъ водится, г. Бриллiантову сообщили прежде всего „слухъ“:

Вопросъ объ ограниченіи старообрядцевъ возбужденъ салономъ графини И. по инициативѣ епископа Никона.

Но это только „слухъ“. А въ точности никто ничего не знаетъ. Не знаетъ военный министръ,—самъ удивился, когда узналъ, что „этотъ проектъ“ уже дѣйствуетъ, и распорядился о „немедленномъ производствѣ разслѣдованія“. Не знаетъ начальникъ главнаго штаба. Министерство внутреннихъ дѣлъ знаетъ лишь то, что напечатано въ газетахъ. Обратились въ морское министерство. Но и тамъ ничего не знаютъ, хотя и считаютъ этотъ проектъ вреднымъ. Всѣмъ извѣстенъ именно лишь проектъ. О немъ была или даже продолжается между разными вѣдомствами переписка. Неизвѣстно лишь, откуда „проектъ“ взялся и почему воспріялъ силу закона. А вреднымъ онъ считается, между прочимъ, уже потому, что петербургскому высшему начальству извѣстны данныя о вѣроисповѣдномъ разслоеніи, напр., казачьихъ войскъ. Извѣстно начальству, что среди казаковъ немало старообрядцевъ.

— На что, въ самомъ дѣлѣ, похоже—казаковъ вдругъ лишить правъ по воинской службѣ...

Военный министръ предложилъ выходъ—возбудить вопросъ объ учрежденіи особой междувѣдомственной коммиссіи для детальнаго обсужденія вопроса... Впрочемъ, г. Бриллiантова въ концѣ концовъ успокоили,—будутъ приняты мѣры, чтобы „проектъ“ по отношенію къ старообрядцамъ бѣлокриницкой іерархіи впредь не примѣнялся, а тѣ лица, къ которымъ онъ за время съ 23 января по апрѣль уже примѣненъ, пусть претерпятъ ради государственнаго интереса... На основаніи всего этого стали высказываться предположенія и догадки. Не случилось ли, дескать, слѣдующее. Какому-то салону захотѣлось старообрядцевъ и сектантовъ приравнять въ отношеніяхъ воинскихъ правъ къ евреямъ. Вообще начальники представляютъ, что мысль эта смѣлая, спорная и, во всякомъ случаѣ, требующая законодательнаго разсмотрѣнія. Но нашелся кто-то ревнующій и потихоньку [въ порядкѣ „приказа 23 января за № 232“ объявилъ желаніе, высказанное „въ салонѣ графини И.“, дѣйствующимъ закономъ... Извѣстнымъ фактамъ эта гипотеза не противорѣчитъ... Но, конечно, намъ извѣстны лишь немногіе факты. И гипотеза остается только гипотезой. Старообрядцы бѣлокриницкой іерархіи пока достигли временнаго освобожденія ихъ отъ „проекта“, дѣйствующаго, какъ законъ. А для прочихъ старообрядцевъ, для баптистовъ, для иныхъ религіозныхъ

группъ, называемыхъ сектантами, „приказъ за № 232", повидимому, остается въ силѣ.

Съ 1908 г. шла работа по подготовкѣ къ созыву съѣзда уполномоченныхъ мѣщанскихъ обществъ. Работа началась въ связи съ вопросомъ объ уравненіи гражданскихъ правъ городского населенія, а, стало быть, и объ упраздненіи сословныхъ разграниченій и учрежденій. Въ Петербургѣ вопросъ былъ поставленъ нѣсколько странно,—упразднить предполагалось сословную обособленность мѣщанъ и ремесленниковъ. Купеческую сословную организацію какъ будто считали нужнымъ сохранить. И въ то же время оставалось неприкосновеннымъ узко-цензовое представительство въ городскихъ общественныхъ управленіяхъ. На мѣстахъ такая постановка вызывала и волненія, и недоумѣнія. Какъ ни архаичны сословныя организаціи мѣщанъ и ремесленниковъ, но у нихъ есть капиталы, имущества, больницы, иныя полезныя и необходимыя учрежденія; при помощи своихъ сословныхъ сходовъ и управъ мѣщане и ремесленники, какъ бѣднѣйшіе слои городского населенія, оказываютъ нѣкоторое организованное вліяніе и давленіе на „богачей", засѣдающихъ въ городскихъ управахъ и думахъ. И вдругъ „купцовъ оставить", а именно „мѣщанъ и ремесленниковъ упразднить". Нѣкоторыя мѣщанскія общества (Смоленское, Екатеринодарское) тогда же, въ 1908 г., обратились съ просьбой къ московскому мѣщанству—взять на себя предварительныя работы и заботы по созыву съѣзда. Москвичи согласились. И произвели большую работу. Были опрошены мѣщане многихъ большихъ и малыхъ городовъ, посадовъ, мѣстечекъ, слободъ. Созывались предварительныя совѣщанія. Выработали положеніе о съѣздѣ и программу съѣзда. По мѣрѣ того, какъ выяснялось дѣйствительное положеніе вещей, само начальство приходило къ мысли, что съѣздъ полезенъ и нуженъ: какъ же, въ самомъ дѣлѣ, поступить, напр., съ имуществами и капиталами сословій, предназначенныхъ къ упраздненію? И въ то же время, по мѣрѣ того, какъ предварительныя работы близились къ окончанію, вопросъ о созывѣ съѣзда началъ сталкиваться съ наростающими и необъяснимыми препонами. Все-таки возбуждено было ходатайство о разрѣшеніи созвать съѣздъ въ маѣ 1914 г. Петербургъ не очень скоро, но отвѣтилъ:

— Не разрѣшается...

Какъ не разрѣшается? Почему? Зачѣмъ же почти шесть лѣтъ съ разрѣшенія начальства и на виду у него велись подготовительныя работы? Волновались мѣщане. Послали въ Петербургъ депутацію. Претерпѣла она разныя мытарства въ канцеляріяхъ. И, наконецъ, была принята министромъ. И тутъ оказалось, что Н. А. Маклаковъ

отказалъ въ созывѣ съѣзда по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вопросъ о положеніи мѣщанскаго сословія поднятъ уже министерствомъ самостоя-

тельно; во-вторыхъ, взглядъ министра на этотъ вопросъ хотя окончательно не установленъ, однако, повидимому, отнюдь не сходится со взглядами московской управы („Русское Слово“, 15. IV).

При чемъ тутъ взгляды московской управы? Работа втеченіе ряда лѣтъ велась съ цѣлью выяснить взгляды всероссійскаго съѣзда уполномоченныхъ мѣщанскихъ обществъ. И возникла она именно потому, что вопросъ поднятъ министерствомъ „самостоятельно“. Наконецъ, какимъ закономъ предоставлено право запрещать съѣзды на томъ основаніи, что окончательно не установленные взгляды одного министра, повидимому, несогласны со взглядами также одного изъ мѣстныхъ государственно-правовыхъ учрежденій? Шесть лѣтъ обѣщали цѣлому сословію, что ему дадутъ возможность высказаться, что его выслушаютъ; шесть лѣтъ сословіе готовилось, работало, чтобъ высказаться возможно болѣе сознательно и основательно. Пусть упразднили бы все это однимъ махомъ въ порядкѣ дискреціонномъ, — пусть бы не разрѣшили безъ объясненія причинъ. Но упразднять на основаніи мотивовъ, которые были бы очень остроумны въ опереткѣ,—это значитъ не только обижать цѣлое сословіе, но и разговаривать съ нимъ на языкѣ, неудобномъ при объясненіяхъ со взрослыми и серьезными людьми. Какъ ни косно наше мѣщанское сословіе, но и оно, особенно въ Москвѣ, послѣ объясненій министра, на нѣкоторое время приняло видъ встревоженнаго муравейника.

Давній и серьезный вопросъ — объ основаніяхъ и предѣлахъ землевладѣнія и землепользованія акціонерными компаніями. Онъ принялъ особенную остроту съ тѣхъ поръ, какъ появились люди, вродѣ знаменитаго полковника Вонлярлярскаго, при помощи которыхъ огромнѣйшія пространства государственныхъ и притомъ богатѣйшихъ земель могутъ безданно-безпошлинно и въ порядкѣ, законами не предусмотрѣнномъ, переходить въ распоряженіе акціонерныхъ предпріятій. Такъ утвердилась на берегахъ Берингова моря американская „восточно-сибирская компанія“; такъ при содѣйствіи государственнаго банка утвердилась „Лена“,—ставшая государствомъ въ государствѣ; такъ совсѣмъ недавно предпріимчивая группа москвичей чуть было не получила цѣлое княжество въ Закаспійскомъ краѣ. Съ возстановленіемъ боевой землеустроительной политики, быстро приведшей къ аграрной разрухѣ, вопросъ получилъ чрезвычайную остроту. Открылась возможность подъ видомъ акціонерныхъ предпріятій производить довольно бѣдственныя земельныя операціи. Слухи и сообщенія, что правительство обратило вниманіе, думаетъ, обсуждаетъ, разрабатываетъ какой-то законопроектъ, шли давно. Но тревоги они не возбуждали,—вопросъ серьезный, безспорно подлежащій законодательному, а, стало быть, и гласному обсужденію; значитъ, успѣемъ поговорить, когда взгляды правительства опредѣлятся.

Давно существуетъ и другой вопросъ—не столько серьезный,

сколько зловредный и невѣжественный,—слѣдуетъ ли допускать евреевъ въ акціонерныя компаніи? До 1904 г. онъ рѣшался при утвержденіи уставовъ акціонерныхъ предпріятій положительно; отъ акціонеровъ правительство требовало обязательства, чтобы они выбирали въ правленіе возможно меньше евреевъ, напр., не болѣе 1/3 общаго числа, чтобы управленіе земельными имуществами предпріятія отнюдь не поручалось лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія и т. д. Съ 1904 г. послѣ высочайшаго указа, воспретившаго примѣнять къ инородцамъ и иновѣрцамъ ограниченія, не основанныя на законѣ, уставы акціонерныхъ компаній стали разсматриваться безъ явныхъ и незаконныхъ юдофобскихъ тенденцій. Съ конца 1906 г. высочайшій указъ сталъ забываться. И въ практику довольно быстро вошли прежнія ограниченія, не основанныя на законѣ. Затѣмъ пошли слухи и сообщенія, что правительство находитъ ихъ недостаточными. Затѣмъ были слухи, что правительство оба вопроса—и первый, серьезный, и второй, зловредный и невѣжественный,—связываетъ вмѣстѣ. Это уже возбуждало тревогу среди промышленныхъ круговъ. Но В. Н. Коковцовъ, нынѣ графъ, успокаивалъ: пока онъ министръ финансовъ, ограниченія, способныя прекратить притокъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію, допущены не будутъ. По отставкѣ гр. Коковцова, возникъ было слухъ, что „ограниченія“ осуществитъ г. Баркъ. Со стороны министерства финансовъ послѣдовали успокоительныя завѣренія. Наконецъ, уже въ мартѣ появились тревожные слухи, что проектъ о земельныхъ и національныхъ ограниченіяхъ разработанъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Но отсюда успокоительно отвѣтили: вопроса о законодательномъ ограниченіи участія евреевъ въ акціонерныхъ предпріятіяхъ министерство внутреннихъ дѣлъ не возбуждаетъ. А 28 апрѣля газеты вдругъ „услышали“, что уже

> послѣдовало высочайшее утвержденіе мнѣнія большинства совѣта министровъ по вопросу о правѣ евреевъ состоять въ правленіяхъ акціонерныхъ обществъ, владѣющихъ недвижимостью.

Стали узнавать, правда-ль. Корреспондентамъ газетъ удалось достать подлинный текстъ. Оказалось,—утверждено и стало закономъ общее правило: акціонерныя предпріятія могутъ имѣть внѣ городовъ и мѣстечекъ не болѣе 200 десятинъ земли на каждое предпріятіе. Отступленіе отъ этого правила можетъ быть допущено лишь по особому ходатайству акціонерныхъ компаній, но лишь въ томъ случаѣ, если компаніи дадутъ обязательство: либо совершенно не допускать евреевъ въ составъ администраціи предпріятія, либо допускать ихъ къ занятію только „меньшинства должностей“ и притомъ второстепенныхъ. Первое обязательство требуется отъ предпріятій, находящихся внѣ черты еврейской осѣдлости, второе—отъ находящихся въ чертѣ. Правила эти утверждены въ видѣ руководства при разсмотрѣніи уставовъ акціонерныхъ пред-

пріятій новыхъ и только тѣхъ старыхъ, объ измѣненіи которыхъ возбуждено ходатайство. Но подлинный текстъ редактированъ такъ, что при желаніи адинистраторъ, особенно предпріимчивый, какъ г. Муратовъ или г. Маклаковъ, можетъ придать правиламъ обратную силу и распространить на всѣ вообще акціонерныя предпріятія. Въ результатѣ: на биржѣ паника, едва-ли не во всѣхъ организаціяхъ промышленности и торговли вопль, въ печати и заграничной, и русской крайнее изумленіе. Даже умѣренныя заграничныя газеты высказались въ томъ смыслѣ, что „правительство Горемыкина" этой мѣрой, безграмотность которой невѣроятна, подрубаетъ сукъ, на которомъ сидитъ.

Судьбѣ было угодно, чтобы огласка этой мѣры совпала съ открытіемъ очередного—восьмого—всероссійскаго съѣзда представителей промышленности и торговли. И „правительство Горемыкина" могло бы очень скоро освѣдомиться, въ какой степени основательно метафорическое упоминаніе о подрубленномъ сукѣ. Промышленники, возбужденные мѣрой, которая дѣйствительно таки грозитъ небывалымъ крахомъ, сразу же по открытіи съѣзда заговорили „политическимъ языкомъ". Но, къ счастью для г. Горемыкина, они оказались, разумѣется, лишь *„русскими"* промышленниками. У нихъ не хватило такта, а, можетъ быть, и желанія не было удержаться въ предѣлахъ, безспорныхъ съ общественной точки зрѣнія и способныхъ обезпечить поддержку широкихъ общественныхъ круговъ. Протестуя противъ новыхъ правилъ, они стали—заодно ужъ—протестовать противъ попытокъ обезвредить дѣятельность Продуголя; стали протестовать противъ привлеченія нѣсколькихъ десятковъ фабрикантовъ московскаго района къ судебной отвѣтственности за систематическое отравленіе рѣкъ отбросами производства; выразили и разные другіе протесты и тенденціи, которымъ общество сочувствовать не можетъ. Словомъ, къ большому государственному вопросу они примѣшали свои узкіе групповые интересы, даже интересики. И протестующіе промышленники остались, какъ и были, въ изрядномъ одиночествѣ. Далѣе,—они не сумѣли, а, можетъ быть, и не захотѣли, стать на государственную точку зрѣнія. Съѣздъ даже не коснулся вопроса о закономѣрности новыхъ ограниченій, хотя они послѣ манифеста 17 октября юридически не могли послѣдовать иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ. Закономѣрность, согласованность съ основными законами не заинтересовала съѣздъ. Хотя у промышленниковъ въ обоихъ законодательныхъ собраніяхъ имѣются довольно значительныя группы представителей, но сами эти представители не сочли нужнымъ, напр., внести запросъ о незакономѣрности ограниченій. Съѣздъ не напомнилъ объ этомъ. И всѣ его протесты свелись къ фразамъ,—правда, довольно рѣзкимъ. На съѣздѣ говорили о баскакахъ, о путешествіяхъ въ ханскую ставку; одинъ почтенный дѣятель промышленности публично увѣрялъ, что за 40 лѣтъ своей дѣятельности онъ

много видѣлъ въ Россіи всякихъ правительствъ, но хуже нынѣшняго правительства не видывалъ. Собственно это по Некрасову,—изъ „генерала Топтыгина“: „сорокъ лѣтъ я прослужилъ вѣрой, правдой, силой; много видѣлъ на тракту генераловъ строгихъ, нѣтъ ребра, зубовъ во рту не хватаетъ многихъ,—а такого не видалъ“... На съѣздѣ однако безсознательное пародированіе некрасовской шутки имѣло большой успѣхъ, было принято, какъ неоформленный „приговоръ“,—хуже нынѣшняго не видѣли. Вынесли рѣзкую резолюцію, послали лойяльно протестующую телеграмму И. Л. Горемыкину, рѣшили въ крайнемъ случаѣ просить о разрѣшеніи обратиться непосредственно къ верховной власти. Такой изолированный шумъ, не способный создать сплоченіе общественныхъ силъ, самъ по себѣ правительству не больно-то страшенъ, хотя и пріятнаго въ немъ мало.

Непріятнѣе и опаснѣе оказались разговоры съ биржей. Какъ только новыя правила стали извѣстны, „курсы“ пришли въ состояніе паническое. Министерство финансовъ, какъ водится, обратилось за помощью къ частнымъ банкамъ. Представители банковъ отвѣтили, что общая причина паники—нынѣшнее направленіе политики, а острая—новыя правила,—а поэтому частные банки сами обречены страдать и помощи правительству въ данномъ случаѣ оказать не могутъ. Газеты писали, что министръ было разгнѣвался. Но биржа стремительно падала. И оба страдальца — правительство и частные банки—пришли къ взаимному пониманію и соглашенію. Была примѣнена, во-первыхъ, мѣра матеріальнаго воздѣйствія,—государственнымъ банкомъ открытъ 100-милліонный кредитъ спеціально на поддержку курсовъ („на интервенцію“). Во-вторыхъ, допустили воздѣйствіе моральное,—въ прессѣ появился слухъ, подкрѣпляемый ссылками на „компетентные источники“, будто правительство рѣшило не примѣнять новыя ограниченія. Только топоромъ замахнулись, а рубить сукъ, на которомъ сидятъ, не будутъ. Явился на подмогу и другой слухъ, — виновникъ, дескать, Н. А. Маклаковъ. Онъ не только въ данномъ дѣлѣ виноватъ. Числятся за нимъ и другія дѣла. „По слухамъ, циркулирующимъ въ Таврическомъ дворцѣ“,

> нѣкоторые члены кабинета выражаютъ недовольство тѣмъ, что Н. А. Маклаковъ обнаружилъ большую поспѣшность съ привлеченіемъ Чхеидзе... Поспѣшность же Маклакова состоитъ въ томъ, что онъ, прежде чѣмъ переговорить съ членами кабинета и съ его предсѣдателемъ, сдѣлалъ объ этомъ докладъ въ Царскомъ Селѣ, въ совѣтѣ же министровъ, защищая свое мнѣніе по дѣлу Чхеидзе, сослался на желаніе высшихъ сферъ; между тѣмъ впослѣдствіи выяснилось, что мнѣніе, высказанное Н. А. Маклакову въ сферахъ, было не такъ категорично, какъ объ этомъ было доложено въ совѣтѣ министровъ („Русскія Вѣдомости“, 26—IV).

Въ виду всего этого—опять-таки по „слухамъ“—Н. А. Маклаковъ уже намѣченъ къ отставкѣ и отставка его должна бы послѣ-

довать въ первыхъ числахъ мая, но, видите ли, моментъ найденъ неудобнымъ, — сейчасъ удаленіе г. Маклакова походило бы на уступку общественному мнѣнію и на согласіе съ неодобрительными формулами Думы... Отставка будетъ, но какъ-нибудь послѣ, въ болѣе удобный моментъ. Въ заключеніе ужь совсѣмъ почти офиціально въ распоряженіе газетъ передали и еще слухъ: совѣту министровъ еще разъ преподано указаніе дѣйствовать успокоительно, а не раздражающе. И хоть опытомъ дознано, что у насъ скверные слухи очень часто оправдываются, а хорошіе вилами на водѣ пишутся, но биржа на нѣкоторое время занялась пищевареніемъ,— кушаетъ 100 милліоновъ государственныхъ рублей, ассигнованныхъ на интервенцію. И вдругъ телеграммы: въ Екатеринославской губерніи массовый разгромъ промышленности уже начался; въ одномъ только Бахмутскомъ уѣздѣ назначено къ закрытію мѣрами полиціи 50 шахтъ, такъ какъ ими управляютъ лица іудейскаго вѣроисповѣданія...

Послѣ нѣкотораго переполоха опубликовали опроверженіе, министерство приказало съ закрытіемъ не торопиться. Но что будетъ дальше, согласятся ли учрежденія, подобныя „салону графини И.", допустить, чтобы правительство не рубило сукъ, на которомъ оно сидитъ, — гадать не будемъ. Пока подведемъ итоги вышеописанныхъ государственныхъ трудовъ:

Привлеченіемъ Чхеидзе достигнуто еще болѣе — сравнительно съ очень недавнимъ прошлымъ—возбужденное состояніе широкихъ общественныхъ круговъ и Государственной Думы.

Дополнительно возбуждены старообрядцы и сектанты.

Дополнительно разобижено и взволновано мѣщанское сословіе.

Дополнительно потрясены и взволнованы: биржа, торговля и промышленность.

Къ этимъ подвигамъ надо прибавить ту тактику демонстративнаго вызова государственному смыслу, добрымъ правамъ и чувствамъ, которую послѣ назначенія г. Горемыкина до чрезвычайности обострила господствующая партія Государственнаго Совѣта; одинъ за другимъ погублены законопроекты: объ урегулированіи положенія торговыхъ служащихъ, о земствѣ въ Донской Области, о Городовой реформѣ въ Царствѣ Польскомъ, о волостномъ земствѣ...

Казалось бы, достаточно. Казалось бы, проявленъ исключительный талантъ вооружать противъ себя и возможно быстрѣе приводить страну въ раскаленное состояніе. Удалось однако зажечь костеръ и еще съ одной—и при томъ, на первый взглядъ, довольно неожиданной—стороны.

VI.

Повидимому, выполненъ, наконецъ, давній планъ, если не всего объединеннаго дворянства, то значительной и вліятельной его части систематизировать осуществляемый при посредствѣ союзни-

ческихъ организацій обывательскій надзоръ за правительственными лицами и учрежденіями. При „палатѣ архангела Михаила“ подъ управленіемъ причисленнаго къ министерству внутреннихъ дѣлъ чиновника IV класса г. Пуришкевича (онъ же членъ Думы) созданъ особый „отдѣлъ справокъ и аттестацій о правительственныхъ лицахъ“. Здѣсь собираются всякія вообще свѣдѣнія, а равно сообщенія случайныхъ добровольцевъ. Сверхъ того, „палата“ при посредствѣ своихъ спеціальныхъ—разъѣздныхъ и осѣдлыхъ—агентовъ предполагаетъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, періодически собирать анкетный матеріалъ. Первая анкета уже произведена и легла въ основу аттестаціоннаго списка губернаторовъ. Свѣдѣнія, вошедшія въ этотъ списокъ, г. Пуришкевичъ сообщилъ Государственной Думѣ. Самый списокъ въ отрывкахъ оглашенъ прессою. По словамъ „Гражданина“, такіе „формуляры о правительственныхъ лицахъ“ „палата архангела“ предполагаетъ составлять и печатать дважды въ годъ. Судя по первому оглашенному списку, собираются о правительственныхъ лицахъ свѣдѣнія троякаго рода: общія служебныя качества, степень политической благонадежности, частная жизнь. Во вторую рубрику входятъ отзывы агентовъ,—какъ тотъ или иной администраторъ относится къ союзникамъ, къ евреямъ, къ интеллигенціи, часто ли налагаетъ кары на печать и т. д. Рубрика о частной жизни содержитъ указанія,—предается ли спиртнымъ напиткамъ, вѣренъ ли супружескому долгу, и пр. Въ первомъ аттестаціонномъ спискѣ, довольно богатомъ скандалезными свѣдѣніями о „частной жизни“, губернаторы названы полнымъ именемъ и мѣсто ихъ служенія указано вполнѣ точно.

Имѣетъ существенное значеніе слѣдующая подробность. Г. Пуришкевичъ впервые огласилъ въ официальномъ отчетѣ о своей кощунственно называющейся „палатѣ“, что ея членомъ состоитъ министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ. Такимъ образомъ палата и учрежденный при ней „отдѣлъ справокъ“ находятся съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ отношеніяхъ личной уніи,—что не помѣшало собрать и даже опубликовать „свѣдѣнія“ и сплетни о губернаторахъ, подчиненныхъ тому же министру Маклакову. Пусть тотъ или иной губернаторъ попросту оклеветанъ въ „спискѣ“, подвергся гнуснѣйшимъ инсинуаціямъ. Но если онъ обратится къ защитѣ суда,—какъ поступитъ съ нимъ въ порядкѣ келейныхъ переговоровъ и воздѣйствій палата, столь близкая къ министру? И это еще не все. „Реформа“ не завершена. По словамъ очень дружественнаго г. Маклакову „Гражданина“, г. Пуришкевичъ отъ имени той же кощунственно называющейся палаты обратился въ совѣтъ министровъ съ предложеніемъ:

сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы прежде всякаго назначенія обращались въ палату за справками о пригодности извѣстнаго лица и чтобы назначенія дѣлались только по полученіи одобрительнаго отзыва.

„Особенно необходимо — указываетъ г. Пуришкевичъ — обращаться ко мнѣ и къ палатѣ... для полученія аттестатовъ одобренія при назначеніи того или другого министра".

Повторяю,—съ такимъ предложеніемъ къ совѣту министровъ обращается палата, состоящая въ отношеніяхъ личной уніи съ однимъ изъ важнѣйшихъ въ Россіи министерствъ. Подъ первымъ впечатлѣніемъ положительно теряешься,—во снѣ это или на яву, поступки нормальныхъ людей или паціентовъ сумасшедшаго дома. Со стороны теряешься. А что же должны почувствовать губернаторы, вице-губернаторы, всевозможные иные чины и провинціи, и Петербурга? Вѣдь „свѣдѣнія" собираются въ „отдѣлѣ справокъ" о всѣхъ,—губернаторы имѣли лишь удовольствіе первыми попасть подъ огласку.

Въ виду волненій и недоумѣній, возникшихъ среди чиновнаго люда, явились, по принятому теперь обычаю, „слухи". По однимъ слухамъ, министръ Маклаковъ вызвалъ къ себѣ г. Пуришкевича и прочиталъ ему нравоученіе. По другимъ, „списковъ" больше не будетъ,—по крайней мѣрѣ, впредь ихъ не будутъ печатать и оглашать. И, можетъ быть, слухи на сей разъ вѣрны,—печатать и оглашать больше не будутъ... Но вѣдь это отнюдь не рѣшаетъ вопроса объ особомъ „отдѣлѣ справокъ", возникшемъ при кощунственной палатѣ... Отдѣлъ-то остается. Довольно извѣстный примѣръ: нѣкій улизнувшій отъ суда фальшивомонетчикъ, промышляя доносами и кляузами, въ одной изъ южныхъ губерній четырехъ губернаторовъ съѣлъ. И столь серьезное похищеніе власти учинено при „работѣ" враздробь, безпорядочно, кустарнымъ способомъ. Что же можетъ натворить каждый такой фальшивомонетчикъ при существованіи правильной организаціи,—если онъ станетъ, напр., губернскимъ агентомъ центральнаго отдѣла справокъ и заведетъ по уѣздамъ собственную субъагентуру? Вѣдь онъ при нѣкоторой сноровкѣ сумѣетъ, пожалуй, всю губернію обложить данями. Не только губернскіе чины, но и сельскіе батюшки умолять станутъ:

— Что хочешь возьми,—только не клевещи въ своихъ бумагахъ Пуришкевичу, не позорь, не передавай сплетенъ.

Губернскій агентъ можетъ стать начальствомъ надъ мѣстными начальниками. Какіе же горизонты открываются для управляющаго „отдѣломъ справокъ и аттестацій"? Это не осада власти, о которой нѣкогда разговаривали кадеты. И не „изоляція власти"; о которой они разговариваютъ. Открыто среди бѣла дня совершается покушеніе расхитить государственную власть. Предполагаютъ ли представители этой власти охранять ввѣренное имъ достояніе?

Хуже всего, что возникшій „отдѣлъ справокъ" — учрежденіе своевременное, пожалуй, прямо-таки необходимое. И не потому

лишь необходимое, что имъ до нѣкоторой степени упорядочивается система всесторонняго шпіонажа: начальники при посредствѣ казенныхъ „агентовъ", надзираютъ за обывателями, а при посредствѣ добровольныхъ обывателей имѣютъ наблюденіе и другъ за другомъ. И, значитъ, всѣ одинаково подъ надзоромъ и возлѣ каждаго шпіонъ. Это лишь одна „потребность управленія". Есть другая.

Беру сообщеніе „Русскаго Слова" отъ 14 мая:

Вчера состоялось экстренное засѣданіе главнаго совѣта союза русскаго народа... Одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ союза сдѣлалъ слѣдующее заявленіе. По его словамъ, за нѣсколько дней до обсужденія въ Государственной Думѣ смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, когда опасались, что правительство вынуждено будетъ распустить Думу, если послѣдняя отклонитъ всю смѣту, видные дѣятели дворянства и нѣкоторые правые члены Государственнаго Совѣта на совмѣстномъ совѣщаніи послѣ продолжительныхъ дебатовъ пришли къ заключенію, что... необходимо образовать новый кабинетъ...

Далѣе докладчикъ перечислилъ фамиліи намѣченныхъ министровъ,—одни изъ нихъ „новые": Свербеевъ (нынѣ посолъ въ Берлинѣ), Голицынъ-Муравлинъ; другіе старые: Маклаковъ (предназначается на постъ предсѣдателя совѣта министровъ), Горемыкинъ, Рухловъ, Щегловитовъ...

Собраніе, выслушавъ это заявленіе, единогласно признало, что совѣтъ министровъ въ томъ составѣ, въ которомъ онъ проектировался дворянами, могъ бы успѣшно провести всѣ необходимыя мѣропріятія...

Собираются, стало быть, какіе-то „видные дѣятели дворянства" и начинаютъ разсуждать:

— А не настало ли время, господа, учредить новое правительство?

Почему не учредить? Предложеніе принято. Кого назначить предсѣдателемъ совѣта министровъ? Маклакова. Хорошо, — пусть Маклаковъ будетъ предсѣдателемъ. А кому вручить портфель министра иностранныхъ дѣлъ? Свербееву... Въ сущности,—фантасмагорія. Но вся политическая дѣятельность кучки досужихъ людей, называемыхъ „объединенными дворянами", сплетена изъ такихъ и подобныхъ фантасмагорій. И уже для однихъ этихъ дворянскихъ заботъ о составѣ новыхъ правительствъ необходимы справки о личномъ составѣ. Представьте, напр., что - кому либо изъ „видныхъ дворянскихъ дѣятелей" пригодность г. Свербеева недостаточно извѣстна. Представьте другое,—называется нѣсколько кандидатовъ на одно и то же мѣсто. Между прочимъ, такъ и случилось съ описываемымъ въ „Русскомъ Словѣ" собраніемъ, — на постъ министра народнаго просвѣщенія были выдвинуты сразу три кандидата: Голицынъ-Муравлинъ, Гурко, Георгіевскій. Откуда узнать недостаточно освѣдомленному участнику собранія самозван-

цевъ, кто изъ кандидатовъ болѣе достоинъ?.. До сихъ поръ каждый такой самозванецъ, вообразившій почему-то себя властью, предназначающей министровъ, могъ собрать свѣдѣнія лишь кружнымъ и длительнымъ путемъ. Но вотъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Пуришкевичъ организовалъ справочное бюро. И дѣло упрощается. Позвони по телефону или пошли курьера съ запиской, — и быстро получишь выписку изъ формуляровъ, составляемыхъ на основаніи обывательскихъ доносовъ и всякихъ другихъ приватныхъ и офиціальныхъ свѣдѣній.

„Составъ правительства" опредѣленъ. Надо лишь добиться осуществленія плановъ. И мы видимъ одинъ изъ ходовъ кампаніи: созывается экстренное засѣданіе главнаго совѣта этой организаціи и ему докладываютъ:

— Вотъ что рѣшили дворяне. Какъ, по вашему, господа союзники, — ладно-ль будетъ?..

Почему союзники? При чемъ они тутъ? А при томъ, что у нихъ печать, что они могутъ вести агитацію и пропаганду, что они дружатъ съ разными блаженными и юродивыми, которые пріобрѣли вліяніе, и т. д., и т. д. И не одни союзники тутъ нужны. Есть вѣдь еще политическіе салоны великосвѣтскихъ барынь, если не вліяющихъ, то желающихъ вліять на ходъ правительственной машины. Есть иные рычаги, помощью которыхъ можно воздѣйствовать на людей, стоящихъ въ центрѣ государственной власти. И сила собственно не въ самозванцахъ, распредѣляющихъ портфели, а именно въ рычагахъ, къ сожалѣнію, слишкомъ многочисленныхъ и слишкомъ дѣйствительныхъ.

Создались условія, при которыхъ любая группа чиновныхъ или родовитыхъ бездѣльниковъ въ любую минуту можетъ составить сообщество, поставившее своею цѣлью ниспровергнуть существующее правительство и учредить новое. Для этого требуется лишь собраться, составить списокъ кандидатовъ и затѣмъ во вліятельныхъ кругахъ и пунктахъ начать организованную агитацію. Быть можетъ, и даже навѣрное, завтра явится другая группа, которая предложитъ новый списокъ и начнетъ въ тѣхъ же или другихъ кругахъ свою агитацію. Ничто не мѣшаетъ возникнуть такимъ же порядкомъ и третьей, и четвертой, и пятой группѣ самозванцевъ. Какой изъ нихъ суждено одержать верхъ въ борьбѣ за карьеру и фортуну,—Богъ вѣсть. Но списки, комбинаціи, проспекты новыхъ правительствъ могутъ появиться въ чрезвычайномъ обиліи. Да и появились. То и дѣло фабрикуются предположенія о полной или частичной перетасовкѣ портфелей, то и дѣло выскакиваютъ люди, выкрикивая имена кандидатовъ на отставку или на назначеніе. Менѣе замѣтна такая же суета изъ-за второстепенныхъ постовъ, но она, безъ сомнѣнія, болѣе обычна и обширна. Ведется агитація, ведется контръ-агитація, волнуются и хлопочутъ политическія „барыни изъ свѣта", содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ оче-

редныя фаворитки судьбы, блистающія въ полусвѣтѣ... Для всѣхъ этихъ надобностей нужны фактическія данныя, свѣдѣнія, сплетни и правдоподобно состряпанныя клеветы. И все это нынѣ можно получать оптомъ и въ розницу, распивочно и на выносъ въ новоорганизованномъ „отдѣлѣ справокъ и аттестацій".

Беру другое газетное свѣдѣніе. Бесѣдуетъ „извѣстный русскій государственный дѣятель" съ корреспондентомъ берлинской газеты „Vossische Zeitung". Бесѣда ведется „для печати". И „русскій государственный дѣятель" считаетъ необходимымъ объяснить представителю иностранной прессы, что такое старецъ Григорій Распутинъ. Нашъ „государственный дѣятель" увѣряетъ Европу, будто „старецъ Григорій Ефимовичъ" имѣетъ совершенно исключительное значеніе въ судьбахъ Россійской имперіи. Въ недавнемъ прошломъ Григорій Ефимовичъ „сказалъ рѣшающее слово", опредѣлившее направленіе нашей внѣшней политики во время балканской войны. „Рѣшающія слова" онъ говоритъ и понынѣ. Напримѣръ,—

кто знаетъ, имѣли ли бы мѣсто новѣйшія перемѣны въ совѣтѣ министровъ, еслибы не Распутинъ..., о борьбѣ съ которымъ Коковцевъ ничего и слышать не хотѣлъ.

На вопросъ корреспондента „Vossische Zeitung", какъ можетъ имѣть подобное значеніе человѣкъ, съ трудомъ умѣющій подписать свое имя, государственный дѣятель отвѣтилъ, что помощью одной логики объяснить это невозможно: „наши обычныя представленія о человѣкѣ" къ Распутину „не приложимы". „То, что дѣлаетъ Распутинъ—никто другой сдѣлать не можетъ. Онъ воплощенное чудо. Съ нимъ нужно считаться, какъ съ фактомъ, который существуетъ, какъ бы онъ ни противорѣчилъ нашимъ обычнымъ представленіямъ... Я считаюсь съ его вліяніемъ, съ фактомъ, съ которымъ необходимо считаться, если хотятъ избѣжать тяжелыхъ тактическихъ ошибокъ".

Итого двѣ истины только что сообщены Европѣ отъ имени нашихъ „государственныхъ дѣятелей". Одна, преподанная въ разъясненіе слуховъ объ отставкѣ г. Маклакова, отмѣчена мною выше: никакъ нельзя удалить министра въ такой моментъ, когда это можетъ быть понято, какъ уступка общественному мнѣнію или какъ согласіе съ мнѣніемъ законодательнаго собранія. А другая истина: „кто знаетъ, имѣли ли бы мѣсто новѣйшія перемѣны въ совѣтѣ министровъ, еслибы не Распутинъ"... „Чудо-старецъ". Лично мнѣ это чудо въ рѣшетѣ представляется приблизительно такъ. Пока источники бюрократическаго вліянія эксплуатировались по преимуществу мужскимъ поломъ, во избѣжаніе „тяжелыхъ тактическихъ ошибокъ" необходимо было считаться съ исключительными вліяніями „извѣстныхъ" жрицъ Терпсихоры или даже прото Венеры. Къ самому имяреку, овладѣвшему такими или сякими источниками вліяній, не подступишься. Но еслибы обратиться къ дѣвицѣ Розаліи изъ-подъ Риги, то произойдутъ прямо-таки чудеса. Въ послѣдніе годы за эксплуатацію источниковъ усиленно принялся и женскій полъ,—въ политику пустились „дамы изъ свѣта", важныя

барыни, нерѣдко приблизившіяся къ опасному возрасту и вынесшія изъ пестраго житейскаго опыта спинно-мозговое разстройство и тяготѣніе къ ханжеству. И, какъ естественное дополненіе къ политическимъ барынямъ, выдвинулись „старцы“... Развелось ихъ, какъ саранчи въ лихую годину. Есть какой-то Миша. Есть Филя, Гриша, Елпидифоръ, Николушка, Евстратій... Одни изъ нихъ и возрастомъ стары, способны удовлетворить лишь потребности ханжества, другіе больше годятся въ жрецы Фаллуса. Повліять непосредственно на ту или иную барыню мудрено. Къ ней и ходовъ не найдешь. Но если обратиться къ „старцу“, коему она симпатизируетъ, то могутъ произойти головокружительные эффекты... Искони мужской полъ дополняется женскимъ, а женскій полъ—мужскимъ. И также искони въ борьбѣ побѣждаютъ наиболѣе приспособленные. Былъ Иліодоръ, — своего рода „чемпіонъ“ среди старцевъ. Но, сколько о немъ извѣстно, онъ удовлетворялъ лишь ханжескую склонность политическихъ барынь, экскурсію же въ сопредѣльную область отвергалъ и пресѣкалъ,—ну, и „положенъ на обѣ лопатки“. Чемпіонъ Григорій славится еще какъ дѣятель въ сопредѣльныхъ съ ханжествомъ областяхъ,—и непобѣдимъ, пока нѣтъ конкурента, который могъ бы предъявить большую правоспособность. Въ результатѣ этой „эволюціи“ получилось то, что „извѣстнымъ русскимъ государственнымъ дѣятелямъ“, „во избѣжаніе тяжелыхъ тактическихъ ошибокъ“ надо „считаться, какъ съ фактомъ“, не только съ Розаліями и Амаліями, но и съ Гришами, Митями, Филями... Розаліямъ тактика обязываетъ подносить букеты и кулоны. А Митямъ и Филямъ наиболѣе дальновидные стратеги предоставляютъ свои аппартаменты, прислугу, автомобили, полный пансіонъ и солидныя суммы на добрыя дѣла..,

„Эволюція“ пошла дальше. Прежняя дѣвица Розалія пребывала на задворкахъ,—въ „полусвѣтѣ“ или даже во тьмѣ; ея роль была по преимуществу пассивной. Нынѣшняя Розалія можетъ записаться въ „союзъ“, въ „палату“, пробить себѣ дорогу пожертвованіями на академистовъ, на патріотическую литературу, на покупку ритуальнаго автомобиля и на печатаніе разбрасываемыхъ съ него прокламацій. Въ настоящій свѣтъ, пожалуй, и нынѣшнюю Розалію не пустятъ. Но къ ея услугамъ сотрудники черносотенныхъ изданій, студенты-академисты, побѣдители надъ Герценштейномъ въ Теріокахъ. Она можетъ учредить собственный полусвѣтскій политическій салонъ; въ предѣлахъ вліянія, какимъ пользуется ея покровитель, она можетъ вести собственную активную политику. Тожъ и „старцы“. Они не только—орудіе, неотразимо, но пассивно дѣйствующее на сердца политическихъ барынь. Они также ведутъ свою политику, проводятъ или выдвигаютъ своихъ кандидатовъ въ дьячки, въ дьякона, въ околоточные надзиратели... Думскіе ораторы говорятъ, что „старцы“ имѣютъ своихъ ставленниковъ и любимцевъ даже на епископскихъ каѳедрахъ и на постахъ главноупра-

вляющихъ. Но для активной политики нужно все-таки имѣть многообразныя свѣдѣнія о наличномъ составѣ правительственныхъ лицъ. Откуда же малограмотнымъ Розаліямъ и Григоріямъ почерпнуть полезную и необходимую премудрость?.. Учрежденный подъ начальствомъ г. Пуришкевича „отдѣлъ справокъ и аттестацій“ способенъ удовлетворить и эту потребность.

Вотъ вѣдь какое полезное учрежденіе и какъ стройно имъ завершается установившійся порядокъ!

А. Петрищевъ.

Случайныя замѣтки.

1. Отрадное явленіе. У лицъ начальствующихъ—не только большихъ, но даже среднихъ и малыхъ—въ наше время замѣчается неудержимый писательскій зудъ. Родъ литературы, въ которомъ они упражняются, не вошелъ еще въ теоретическіе курсы словесности, но въ печатной практикѣ онъ занимаетъ видное мѣсто. Съ каждымъ днемъ ростетъ, ширится, развивается, совершенствуется, дробится на стили. Военный стиль—по преимуществу—энергическій, суворовскій, отличается краткостью и силой при полномъ отсутствіи аргументаціи. Гражданскія власти предпочитаютъ закругленность и плавность рѣчи. Встрѣчаются смѣшеніе стилей, оттѣнки, нюансы—по преимуществу у военныхъ лицъ на гражданскихъ позиціяхъ. Недавно, напримѣръ, образцы такого смѣшаннаго слога въ изобиліи поставлялъ въ своихъ приказахъ таганрогскій полиціймейстеръ войсковой старшина фонъ Эксе.

Лаврамъ войскового старшины позавидовалъ полковникъ, начальникъ Скобелевскаго уѣзда (Ферганской области). Онъ расклеилъ по гор. Скобелеву слѣдующее „объявленіе“:

„Предупреждаю лицъ, посѣщающихъ вопреки обязательному постановленію военнаго губернатора Ферганской области 1907 года городскія посадки на саѣ и у вокзала, что, въ виду неподчиненія ихъ обычнымъ требованіямъ пѣшихъ сторожей оставить посадки и въ виду частыхъ случаевъ ихъ поджоговъ, городскимъ управленіемъ наняты конные стражники, которые въ отношеніи неповинующихся посѣтителей посадокъ будутъ проявлять физическую силу. Гор. Скобелевъ, марта 17 дня 1914 года. Начальникъ уѣзда, полковникъ Гоштовтъ“.

То же и на сартскомъ языкѣ.

Что ни говорите, а наклонность къ литературной формѣ управленія—явленіе новое, свѣжее—есть несомнѣнный признакъ успѣха гражданственности въ нашемъ отечествѣ, усвоенія культурныхъ навыковъ. Прежде было какъ? Грубо было. „Кулакъ зубо

дробительный“ дѣйствовалъ безъ предупрежденія, безъ разговора, безъ малѣйшаго намека на литературную мотивировку: „давалъ въ зубы“—и только. И не только власть,—обыватель и тотъ былъ весь насыщенъ этимъ зудомъ—ни съ того, ни съ сего „пхнуть“ человѣка смирнаго и беззащитнаго. Помните у Гл. Успенскаго одну сценку изъ дорожныхъ очерковъ: на набережную Волги въ Царицынѣ пришелъ простоватый на видъ парень въ лаптяхъ и гречневикѣ. Пришелъ, заложилъ руку въ пазуху рванаго полушубка, зѣвнулъ во всю мочь и сталъ глядѣть на водный просторъ. Кажется, кому бы помѣшалъ? Но тутъ изъ кучки какихъ-то „пиньжаковъ“, щелкавшихъ подсолнухи, отдѣлился одинъ, подошелъ къ парню и, не говоря ни слова, „пхнулъ“ его въ грудь обѣими руками. Парень опрокинулся, задравъ ноги.

— Ты чего пхаешь?—сказалъ онъ (и не очень сердито), поднявшись и отряхая пыль съ гречневика.

— А ты чего рыло-то выперъ?—отвѣтилъ пиньжакъ.

— Да мнѣ Иванъ Митрича повидать надо! Чортъ этакой!

— Такъ ты бы и говорилъ толкомъ, а не перъ идоломъ!

— Да ты бы спросилъ, еловая голова!..

Да-а, наспрашиваешься васъ тутъ, дьяволовъ!..

Если даже обывательской натурой была усвоена тогда (давно ли это было?) такая озорная манера, то что оставалось дѣлать представителямъ власти?..

Но все это было и осталось въ прошломъ. Теперь—представительный строй, гласность, запросы. Рукоприкладство, какъ методъ быстро дѣйствующій и плодотворный, конечно, осталось (можетъ быть, технически даже усовершенствовалось), но посмотрите, какой европейскій характеръ приняли его формы и терминологія, съ нимъ связанная.

Прошлымъ лѣтомъ въ нашихъ мѣстахъ (очень глухія мѣста!) ждали архіерея. Наблюдали за порядкомъ засѣдатель (становой) и урядникъ Лихобабинъ, человѣкъ посѣдѣлый въ полицейскихъ бояхъ, „на руку скорый и сурьезный“. Толпа была какъ толпа: тѣснилась къ паперти, не наблюдала равненія, портила ранжиръ ежеминутно. А когда съ улицы случайно забѣжалъ въ ограду пестрый какой-то поросенокъ, то молодежь совсѣмъ вышла изъ порядка, легкомысленно заулюлюкала, подняла пыль и загнала перепуганнаго поросенка даже на коверъ, приготовленный для владыки.

Въ прежнее время Лихобабинъ началъ бы непремѣнно мѣсить кулакомъ для водворенія порядка, а тутъ мягко, вѣжливо, почти умоляюще лишь восклицалъ:

— Господа, предупреждаю: не лѣзьте! Честное слово, по мордѣ буду бить!..

А на это деликатное предупрежденіе изъ толпы раздался го-

лось—правда, не очень увѣренный, но съ оппозиціоннымъ душкомъ:

— Морда нынче отмѣнена, Уваръ Пахомычъ.

— А ежели вы лѣзете напорно?

Уже одно то, что Лихобабинъ вступалъ въ объясненіе, а не бралъ прямо за шиворотъ, указывало, что что-то дрогнуло въ общественномъ нашемъ укладѣ, дали несомнѣнную трещину устои. Конечно, „морда" отдавала еще до-конституціоннымъ духомъ, но „предупреждаю", „честное слово" были выраженія вполнѣ парламентскія...

Въ „объявленіи" полковника Гоштовта—тоже „морда". Но посмотрите, въ какой округленной, мягкой, европейской формѣ она преподнесена обывателю: проявленіе стражниками физической силы... А вѣдь, кажется,—Азія!..

Трогательно... И пусть желчные люди какъ угодно критикуютъ этотъ великолѣпный документъ, обязательно предупреждающій обывателей г. Скобелева, что тѣнь городскихъ посадокъ—не для нихъ,—мы считаемъ его шагомъ впередъ по пути европеизаціи отечественной власти и отмѣчаемъ, какъ отрадное явленіе...

И. Г.

---

2. **Изъ писемъ современниковъ.** Передо мною лежатъ два документа—два частныя письма—и, съ разрѣшенія тѣхъ лицъ, которымъ они были адресованы, я хотѣлъ бы познакомить читателей „Русскаго Богатства" съ содержаніемъ этихъ писемъ. Одно изъ нихъ было написано еще въ августѣ 1913 года, другое—въ декабрѣ того же 1913 года, но интересъ ихъ обоихъ, думается мнѣ, выходитъ далеко за предѣлы того хронологическаго момента, къ которому они относятся. Впрочемъ, пусть судитъ объ этомъ самъ читатель.

Первое изъ этихъ писемъ, посланное 28 августа 1913 г. изъ Киренскаго уѣзда, было написано Е. К. Брешковскою.

„Многоуважаемая NN!—пишетъ она.—Зима подошла— и лѣнь моя пропала. На дворъ не тянетъ, тамъ туманъ, холодъ, солнца не видно. Кромѣ того, забота не даетъ сидѣть праздно, надо изобрѣтать средства предотвратить надвигающееся бѣдствіе. Голодъ и холодъ неизбѣжно постигнутъ большинство ссыльныхъ въ уѣздѣ нашемъ (и повсюду мало лучше), потому что приходъ „партій" продолжается безъ перемежки, съ тою лишь разницей, что этимъ лѣтомъ идутъ все окончившіе каторгу и лишь немногіе административные проходятъ въ Якутскую область. Каторжане еще болѣе изнуренный народъ и первыя недѣли совсѣмъ не могутъ работать. Но это было бы полбѣды, еслибы работа нашлась послѣ; а ея вовсе нѣтъ, и потому, что сокращены работы на пріискахъ „Ленского", и потому, что рукъ стало чрезъ мѣру больше спроса.—

Давно я настаиваю на томъ, чтобы ссыльные обзаводились собственными мастерскими и земледѣліемъ, огородничествомъ. Но молодежь частью не умѣла, частью не хотѣла приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ, чему главной причиной была надежда (и явная, и тайная) получить возможность вернуться до дому. Теперь же, когда манифестъ оставилъ ихъ на мѣстахъ (за самыми крохотными исключеніями), многіе подумываютъ о томъ, за что приняться, чтобы возможно меньше голодать и зависѣть отъ капризныхъ, куражливыхъ работодателей. — Въ двухъ, трехъ мѣстахъ уѣзда уже начались пробы съ огородами еще въ прошломъ году и дали удачные результаты. Сбытъ овощей обезпеченъ спросомъ съ пріисковъ, но обзаведеніе огородомъ требуетъ затратъ: арендовать землю, удобрить ее и прожить двумъ человѣкамъ мѣсяцевъ 9 на готовомъ содержаніи. Дѣло начинается съ осени, ибо нужны хорошіе парники для разсадъ капусты, огурцовъ и др. Всю зиму придется вывозить удобреніе, потому нужна своя лошадь. Огородъ же, кромѣ денегъ отъ продажи, дастъ дешевый запасъ овощей на зиму кормящимся около Киренска сотнямъ поселенцевъ нашихъ. Затѣя эта дѣлается на нѣсколько лѣтъ, иначе нѣтъ разсчета, и если друзья помогутъ оттуда и отсюда—то мы справимся съ задачей, имѣя у себя спеціалистовъ огородниковъ.—И къ вамъ, добрѣйшая, просьба наша покорная: обратитесь къ тѣмъ, кто сочувствуетъ солиднымъ начинаніямъ, превращающимъ людей въ самостоятельно живущихъ и еще помогающихъ жить другимъ. Зимой овощи здѣсь дороги, и часто наживаютъ цынгу, никогда не вкушая ихъ, не говоря о томъ, что однообразіе пищи отбиваетъ охоту ѣсть людямъ, привыкшимъ къ растительной пищѣ. Всю зиму одна картошка. Со своихъ двухъ грядъ я разъ десять снабжала столовку въ сто душъ щами и борщами и еще осталось на грядахъ столько овощей, что моему хозяйству хватитъ на всю зиму. Правда, лѣто было дождливое и зелень шла чудесно.—Сѣмянъ у васъ не просимъ, намъ присылаютъ изъ Москвы болѣе подходящія къ здѣшнему климату, но денегъ очень просимъ, именно для огорода. Затѣмъ тѣ милости, что и раньше испытывали благодаря вамъ,—да останутся по возможности въ силѣ. За мужскую одежу все время молитвы шлемъ.

„Положимъ, вернуться въ безпокойный городъ и застать въ немъ, прежде всего, „просительныя письма" не богъ вѣсть какъ пріятно; потому прошу прощенья, дорогая NN, но, зная ваше долготерпѣнье, рѣшаюсь и надѣюсь. А съ міру по ниткѣ—голому рубашка. М. б., еще въ какомъ-либо городѣ или мѣстѣ живутъ добрые люди, попросите ихъ тоже.

„Окончились мои шлепанья вокругъ островка, рѣдко вижу теперь горы, воду и лѣсъ, а на улицахъ гдѣ пыль, гдѣ грязь—нѣтъ охоты смотрѣть. Скоро и пароходы застрянутъ. Почта уже однажды въ недѣлю ходитъ...

„Мнѣ всегда хочется знать о дѣтяхъ старыхъ друзей, и вы мнѣ когда-нибудь опишите вашихъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, и назовите ихъ. Особенно хорошо, когда дѣти привыкаютъ сами себя обслуживать въ своихъ личныхъ нуждахъ, не затруднять никого, умѣть самимъ все дѣлать, что имъ необходимо, помогать родителямъ въ ихъ работахъ, слѣдить за ихъ удобствами. На такомъ отношеніи въ семьѣ они привыкаютъ навсегда уважать желанія и нужды ближнихъ. Добрыя дѣти—это отрада жизни. Дѣти эгоисты—омрачаютъ жизнь. Нехорошо видѣть взрослыхъ эгоистовъ, а дѣтей эгоистовъ совсѣмъ тяжело видѣть. Первый порывъ дѣтской души долженъ быть добрый порывъ. Потомъ уже ему станетъ „жалко" и онъ губы надуетъ. Я люблю дѣтей и быстро сдружаюсь съ ними. Крѣпко цѣлую вашихъ и благословляю ихъ. Васъ обнимаю".

А вотъ отрывокъ изъ другого письма, написаннаго однимъ изъ молодыхъ товарищей Е. К. Брешковской по Киренской ссылкѣ и датированнаго 18 декабря 1913 г.:

„Е. К. бѣжала 18 ноября вечеромъ. 21 побѣгъ обнаруженъ. 23 она арестована около Иркутска. Сидитъ Е. К. въ Иркутскѣ. Держится бодро, но я знаю эту бодрость.

„Боюсь, что этотъ побѣгъ убьетъ Бабусю. Она такъ часто хворала. Ей приходилось страдать за себя и за другихъ.

„Если и будутъ ее судить, то не осудятъ. Продержатъ до лѣта да отправятъ въ Якутку, гдѣ, вѣроятно, будетъ отбывать поселеніе подобно Чернышевскому. Это окончательно подорветъ ея силы...

„Большинство ссыльныхъ чувствуетъ себя осиротѣвшими. При всей индивидуальности каждаго Бабушка для всѣхъ являлась духовной матерью, способной ободрить, подкрѣпить, утѣшить. Слабые силъ просили, сильные за совѣтомъ шли.

„И сколько спасено ею отъ моральной смерти! А такъ тяжелы у насъ условія жизни...

„Сколько силъ нужно было и терпѣнія, чтобы всѣмъ и каждому помочь. Моральной поддержки всегда надо было искать у Бабуси.

„Сколько заботъ и труда положено на однѣ только просьбы денегъ, бѣлья, инструментовъ и т. д.

„А нужда, жестокая нужда у насъ. Работы нѣтъ. Голодъ, короткая куртка вмѣсто шубы, дырявые сапоги вмѣсто валенокъ, полицейскія условія, отсутствіе работы—вотъ удѣлъ ссыльнаго. Все это видѣла Бабуся и ей страшно тяжело было. Сколько радости доставляла ей посылка. Разложитъ и запоетъ: „Ой полна, полна коробушка"... А у самой слезы радости на глазахъ. Тому дастъ бѣлья, тому фуфайку теплую, другому шерстяные чулки или теплую шапку... Ребятишкамъ пошлетъ на молоко. А молоко у насъ не дешево: 10—12 к. бутылка...

„Жила Бабушка для другихъ.

„Тяжело было смотрѣть на Бабусю въ ея потрепанномъ сит-

цевомъ синемъ платьѣ. Было у нея и другое, да то берегла. Все шло на другихъ.

„Порученъ ею огородъ съ парникомъ. Лошадь купили, но вотъ предстоитъ уплата за постройку дома да за аренду, а денегъ нѣтъ. Нужно около 120 рублей. Она просила объ этомъ сказать вамъ“...

Надо ли что-нибудь прибавлять къ этимъ письмамъ? Думается, они говорятъ сами за себя и достаточно ярко обрисовываютъ и картину тяжелыхъ лишеній, переносимыхъ ссыльными въ гиблыхъ мѣстахъ нашего отечества, и чистый образъ мужественной женщины-борца, на склонѣ лѣтъ заброшенной въ далекую ссылку и среди всѣхъ ея ужасовъ помышляющей только объ облегченіи бѣдствій товарищей.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, сообщавшимся въ печати, въ настоящее время Е. К. Брешковская уже выслана въ Якутскую область. Неужели же оправдаются и другія мрачныя предвидѣнія ея товарищей?

В. Мякотинъ.

ДВА СБОРНИКА.

I.

Сборникъ „Земля“.

М. Арцыбашевъ — Разсказъ объ одной пощечинѣ. В. Винниченко—Завѣты отцовъ. Евгеній Чириковъ—Гиблое мѣсто. А. Ѳедоровъ—Арабъ. (Сборникъ четырнадцатый. Московское книгоизд-ство. 1914. Ц. 1 р. 50 к.).

Для тѣхъ, кого не убѣдила „Ревность“, г. Арцыбашевъ приготовилъ новый аргументъ въ подкрѣпленіе истины, что женщина есть человѣческое зло, которое нельзя ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Новый аргументъ называется: „Разсказъ объ одной пощечинѣ“. Рѣчь идетъ о такомъ геніальномъ русскомъ ученомъ, что „результатовъ его работы съ интересомъ ожидалъ весь міръ“. Кротости онъ былъ тоже необычайной. Всякій, кто встрѣчался съ этимъ „высокимъ, сѣдымъ старикомъ“, сразу находился подъ вліяніемъ „чего-то обаятельнаго“.

Не подчинялась этому обаянію только... „молоденькая хорошенькая женщина“, жена ученаго. И не только не чувствовала ничего особеннаго въ своемъ мужѣ, но была сварлива и весьма прелюбодѣйна... Самъ разсказчикъ попалъ въ домъ геніальнаго ученаго молодымъ студентомъ и немедленно—исключительно по винѣ красавицы—впалъ въ прелюбодѣяніе. Но и онъ не выдержалъ

отвратительнаго нрава красавицы. Разъ она такъ возмутительно вела себя за обѣдомъ по отношенію къ геніальному мужу, что разсказчикъ, уже утомленный прелюбодѣяніемъ, вскочилъ и далъ прелюбодѣйкѣ пощечину... Разсказывается все это черезъ много лѣтъ; разсказчикъ уже старый человѣкъ, но и теперь онъ съ „жгучимъ удовольствіемъ“ вспоминаетъ, какую пощечину онъ влѣпилъ: „съ ногъ слетѣла!..“

Кто теперь— послѣ этого новаго разсказа—рѣшится утверждать. что М. Арцыбашевъ недостаточно тонкій художникъ и что его програмное женоненавистничество — грубая и отталкивающая вещь?

Чтобы исчерпать все цѣнное въ разсказѣ, отмѣтимъ еще афоризмъ: „Чѣмъ женщина красивѣе, тѣмъ она и злѣе... Добрыя женщины всегда бываютъ курносыми, рыхлыми, безцвѣтными...“

Альманахи „Земля“ становятся по-истинѣ какими-то Чебоксарами россійскихъ дерзаній. То, что было въ модѣ и давно перестало быть интереснымъ, здѣсь все еще цѣнится какъ dernier cri. Въ рецензируемомъ сборникѣ особенно чебоксарскимъ колоритомъ окрашена повѣсть г. Винниченка „Завѣты отцовъ“.

Если читатель припомнитъ, нѣсколько лѣтъ назадъ одной изъ темъ въ „изящной“ литературѣ былъ вопросъ о нормальности проституціи, какъ таковой. Утверждалось, что въ этой профессіи нѣтъ ничего тяжкаго, что это — профессія, какъ всякая другая. И если въ отношеніи къ представительницамъ этой профессіи замѣчается какой-то общественный стыдъ, испугъ и судорожное отвращеніе, то это лишь простой пережитокъ, унаслѣдованный отъ періода „морализма“, къ счастью, какъ предполагалось, покончившаго свое историческое бытіе.

Потомъ все это какъ-то затихло, но вотъ вновь воскресло въ чебоксарской „Землѣ“. Здѣсь эта тема снова увѣренно обрабатывается во имя „честности съ самимъ собой“. Высказывается твердая увѣренность, что только „завѣты отцовъ“ повинны въ отрицательномъ отношеніи общества къ институту проституціи, разъ люди не могутъ не видѣть, что проституція при данныхъ общественныхъ условіяхъ неустранима.

Было бы однако несправедливо утверждать, что въ чебоксарской „Землѣ“ дерзновенно повторяются только зады.

Нѣтъ, здѣсь умѣютъ говорить и новыя слова. Такимъ дерзновеннымъ новымъ словомъ является сифилисъ. Конечно, въ строгомъ логическомъ соотвѣтствіи съ остальнымъ, утверждается, что и въ отвращеніи къ этой болѣзни нѣтъ ничего, кромѣ предразсудка.

Все это утверждаетъ главное дѣйствующее лицо въ повѣсти и этого, конечно, нельзя было бы отнести на счетъ автора, еслибы читатель не встрѣчался съ явнымъ уклономъ авторскаго одобренія въ сторону героя... Какъ на любопытную деталь, можно указать,

что главное дѣйствующее лицо читаетъ публичную лекцію на волнующую его тему—о примиреніи съ проституціей, какъ неизбѣжнымъ фактомъ современнаго соціальнаго строя. И эта лекція-проповѣдь встрѣчаетъ жестокое противодѣйствіе со стороны печати, благодаря проходимцамъ и вымогателямъ. Другихъ противниковъ г. Винниченко не могъ придумать для своего героя.

Само собой разумѣется, что повѣсть построена такъ, что не продохнуть. Всѣ главныя дѣйствующія лица больны. Впрочемъ, самый главный герой здоровъ, но онъ, во имя честности съ самимъ собой, женится на больной.

Въ повѣсти г. Винниченка есть все: и сенсація, и экстраординарность. Нѣтъ только главнаго — той самой „честности съ самимъ собой", о которой не разъ говоритъ этотъ писатель. Всѣ трудныя, жестокія и больныя темы онъ освѣщаетъ съ необычайной поверхностностью и, по-истинѣ, съ легкомысліемъ, недостойнымъ художника.

Двѣ остальныя вещи въ „Землѣ" принадлежатъ Е. Чирикову („Гиблое мѣсто") и А. Ѳедорову („Арабъ"). Первая вещь слишкомъ тяжела по тону, сравнительно съ иронически-грустной темой о юной любви, вдругъ блеснувшей человѣку на порогѣ старости. Другой разсказъ пріятенъ въ чтеніи. Вѣроятно, онъ романтиченъ, но арабовъ не знаешь, а потому и вѣришь съ раскрытымъ сердцемъ разсказу о необычайной любви араба къ его лошади и о необычайномъ благородствѣ этого араба, когда онъ не находится при исполненіи обязанностей разбойника въ пустынѣ, согласно своему вѣковому призванію.

Во всякомъ случаѣ, послѣ гг. Арцыбашева и Винниченка, читая объ этомъ арабѣ, чувствуешь себя выпущеннымъ изъ какой-то больницы, и за это чувствуешь къ Нѣкоему въ сѣромъ, руководящему чебоксарскою „Землей", великую признательность.

II.

Первый драматическій альманахъ.

С. Юшкевичъ. Драма въ домѣ. Гр. Ал. Н. Толстой. Насильники. Николай Архиповъ. Три этажа. С. Ауслендеръ. Ставка князя Матвѣя. С. Поляковъ. Лабиринтъ. А. Вознесенскій. Цвѣты на обояхъ. Изд. „Новая Жизнь". СПБ. 1914. Цѣна 1 р. 40 к,

„Первый драматическій альманахъ" далъ въ итогѣ довольно драматическій результатъ. Казалось бы, исключительная роль театра въ современномъ искусствѣ должна была сопровождаться расцвѣтомъ драматической литературы. Но въ дѣйствительности получилось какъ разъ обратное. Всѣ жалуются на оскудѣніе именно этой отрасли художественнаго творчества. Гдѣ причина, становится

болѣе или менѣе яснымъ при чтеніи шести пьесъ, собранныхъ въ первый спеціально-драматическій альманахъ.

Говорятъ, что въ Парижѣ сейчасъ устраиваются особыя сцены для демонстрированія модныхъ новинокъ портновскаго искусства. И существуютъ особыя „актрисы“, которыя должны иллюстрировать на себѣ новоизобрѣтенные костюмы. Это все, что требуется и отъ актрисъ, и отъ представленія.

Въ модной драматической литературѣ дѣло обстоитъ немногимъ лучше. Человѣкъ исчезъ. Вмѣсто него спеціалисты демонстрируютъ всяческіе философскіе костюмы и всяческія проблемы. О томъ, чтобы человѣкъ жилъ на сценѣ полнотой своихъ чувствъ, безъ всякой кустарной философіи, обнаруживая „только“ многоцвѣтную сложность своей души,—объ этомъ зрителю-читателю не приходится даже мечтать. Передъ нимъ—въ качествѣ правила—только проблемы, одѣтыя въ мужскіе и женскіе костюмы. Взять хотя бы заглавную пьесу С. Юшкевича. Передъ нами должна быть „драма въ домѣ“, т. е. драма, разлитая всюду и вездѣ—въ самой атмосферѣ „домашней“, повседневной жизни. Но вмѣсто драмы въ домѣ немедленно оказывается драма „въ библіотекѣ“, происшедшая исключительно отъ плохо усвоенныхъ книжныхъ истинъ.

Суть этой драмы разсказываетъ сама героиня. „Меня все безпокоитъ мысль, что нѣтъ загробной жизни, что я умру, какъ комарикъ, какъ василекъ... Когда подумаешь, что возмездія нѣтъ во всей вселенной, то падаешь духомъ и ужъ не хочется вѣрить въ человѣческое, въ идеальное, въ какую-то правду“... Въ этомъ и заключается драма. Героиня не вѣритъ въ человѣческое, а только въ комариное. Ну, а такъ какъ у комариковъ супружеской вѣрности не существуетъ, то и героиня, съ сокрушеніемъ сердечнымъ, но все-таки неустанно, ежедневно и ежечасно занимается адюльтеромъ. Горюетъ, горькими слезами обливается, но занимается Ибо не знаетъ, „почему нельзя“, разъ „возмездія нѣтъ во всей вселенной“...

Героиню спрашиваетъ сестра: „Зачѣмъ же ты это сдѣлала, зачѣмъ? ты вѣдь любишь Ивана?“ Героиня отвѣчаетъ: „Люблю, безумно люблю... но именно отъ того, что люблю, и сдѣлала“.

Конечно, драма кончается очень плохо для бѣднаго комарика. Она кончаетъ самоубійствомъ, не будучи въ состояніи вынести своихъ собственныхъ измѣнъ мужу, въ котораго „безумно“ влюблена.

Такъ и кончилась библіотечная драма комарика, на свою бѣду просвѣтившагося на счетъ имморализма. Не будь этого, была бы Елена „безумно“ влюбленной, счастливой женой своего Ивана; Иванъ не осиротѣлъ бы и продолжалъ бы объясняться въ любви такъ же фальшиво, но стильно, какъ онъ это дѣлалъ въ началѣ драмы:

Я люблю тебя вечеромъ больше, чѣмъ днемъ. Ты та же и другая. Днемъ ты лилово-розовая, а вечеромъ прозрачная, какъ будто улетаешь...

Героиня не принуждена была бы коверкать русскій языкъ, заявляя, что она „не вѣритъ въ идеалы за (?) ихъ ложь". И было бы въ итогѣ перваго драматическаго альманаха не шесть пьесъ, а только пять.

Слѣдующая пьеса принадлежитъ графу А. Н. Толстому. Конечно, у него насильничаютъ. Какъ извѣстно, спеціальность этого автора—превращать правдоподобіе въ неправдоподобіе. Онъ почти всегда беретъ въ качествѣ основы „истинное происшествіе" съ изрядной дозой насилія. При этомъ истинное происшествіе обрабатывается сочной кистью, яркими красками. Въ результатѣ получается анекдотъ, въ которомъ красочныя пятна побѣждаютъ всяческую дѣйствительность и даже вѣроятіе. То же и въ пьесѣ гр. Толстого. Въ данномъ случаѣ побѣда однако не за насильникомъ, поэтому чувство не такъ рѣзко и рѣшительно возстаетъ противъ авторскихъ увлеченій сочной кистью.

Но за то какая поучительная пьеса написана г. Архиповымъ! „Три этажа"—всѣ тутъ какъ тутъ передъ глазами читателя (зритель едва-ли ихъ увидитъ) и съ очевидной наглядностью свидѣтельствуютъ, что не всегда живущимъ въ бель-этажѣ счастливо живется. Поучительность пьесы равняется ея художественной силѣ.

Въ противность произведенію г. Архипова очень недурно написана пьеса г. Ауслендера: „Ставка князя Матвѣя". Но авторъ самъ себѣ врагъ. Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы его герои дышали строгимъ стилемъ эпохи 20-хъ годовъ XIX столѣтія. И стиль получается, но герои не дышатъ. Они какіе-то черезчуръ стильные, а потому не настоящіе. Не вѣришь, что имъ больно или весело, какъ не вѣришь въ душистость цвѣтовъ, вытканныхъ на мебельной матеріи. Это—украшеніе для мебели, а тѣ герои—украшеніе для сценической забавы.

Какъ читатель видитъ, участники сборника далеко не заурядные писатели. Объ одной же пьесѣ давно извѣстно, что она увѣнчана преміей имени Островскаго (Лабиринтъ" С. Полякова).

Въ чтеніи эта пьеса производитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ на сценѣ. Можно было бы сказать, что пьеса написана хорошимъ, спокойнымъ языкомъ, еслибы въ ней не было вульгаризующей погони за „красотой". Ея тема—та же, что и въ „Дикой уткѣ" Ибсена. Есть два человѣка: одинъ можетъ жить жестокой правдой, другой—нѣтъ. И умѣющій жить правдой хочетъ принудить къ этому женщину, нуждающуюся въ охранѣ отъ правды. Все это возможно, но невозможно и непереносно слышать, какъ герой „красиво" объясняетъ свои намѣренія тѣмъ, что героиня—скрипка, сдѣланная изъ драгоцѣннаго матеріала, которая нуждается въ томъ, чтобы ее разбили для того, чтобы еще лучше звучать

послѣ склеиванія. Эту роль: разбить и потомъ склеить вновь женщину-скрипку—беретъ на себя герой и терпитъ пораженіе. Героиня предпочитаетъ на глазахъ героя выпить стаканъ съ ядомъ. При этомъ, по волѣ автора, герой, разбиватель и склеиватель скрипокъ, стоитъ и послушно ждетъ, пока героиня выпьетъ ядъ. Онъ только не можетъ видѣть, какъ это происходитъ, а потому стоитъ, закрывши глаза рукой!—Не мудрено, что актеръ, исполнявшій эту роль въ Александринскомъ театрѣ, отказался отъ нея и отъ участія въ „лабиринтѣ“ авторской идеи.

Остается упомянуть еще о „Цвѣтахъ на обояхъ“ А. Вознесенскаго. Знаете ли вы, какіе бываютъ члены Государственной Думы? Если вы думаете, что вы знаете, то ошибаетесь. Знаетъ только тотъ, кто прочиталъ „Цвѣты на обояхъ“ съ героемъ докторомъ, ассистентомъ профессора и тайнымъ ростовщикомъ! О душевныхъ качествахъ—нечего, конечно, и говорить. Докторъ не хотѣлъ знать родныхъ своей жены вслѣдствіе низкости ихъ происхожденія; довелъ свою жену до того, что она по благородству души, для поддержанія отца и матери, стала продавать себя желающимъ. И не дорого (тоже изъ благородства). Ее по телефону вызывали прямо изъ квартиры доктора, и она ѣздила, ѣздила по номерамъ гостиницъ... Потомъ все это раскрылось, но было уже поздно. Выборы состоялись и докторъ уже былъ выбранъ въ члены Государственной Думы.

Вотъ какіе цвѣты на обояхъ разрисовалъ г. Вознесенскій.

Начали—разсказомъ о пощечинѣ; кончаемъ—цвѣтами, хотя и на обояхъ. М. Арцыбашевъ увѣряетъ, въ качествѣ смертельнаго врага женщины, что хуже женщины ничего на свѣтѣ нѣтъ. А А. Вознесенскій, повидимому, другъ и рыцарь женщины, въ первомъ драматическомъ альманахѣ утверждаетъ, что женщина, наоборотъ, очень благородное созданіе, ибо она вопреки даже противодѣйствію мужа, такъ горячо любитъ папу и маму, что ради нихъ готова продаваться и продается...

Такъ и остался вопросъ открытымъ: кто правъ — „другъ“ или „врагъ“ женщины“.

А. Е. Рѣдько.

НОВЫЯ КНИГИ.

Юрій Слезкинъ. Помѣщикъ Галдинъ. Повѣсть. Изд. книжн. магаз. М. Я. Яснаго. СПБ. 1914. Стр. 186. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія проста и пріятно разсказана. Офицеръ Галдинъ, оставивъ службу, поселился въ своемъ имѣніи; онъ молодъ — ему тридцать два года,—красивъ, здоровъ, удачливъ. Имѣніе расположено въ Сѣверо-Западномъ краѣ—и молодой помѣщикъ попадаетъ въ сложныя сплетенія мѣстныхъ отношеній, бытовыхъ условій, національныхъ особенностей. Все это его мало интересуетъ — онъ живетъ своей жизнью, беззаботной, нѣсколько примитивной, пожалуй, нѣсколько звѣриной и однако по-своему одухотворенной. Въ этой жизни, физической по преимуществу, конечно, должны выдвинуться на видное мѣсто запросы пола. Сперва кажется, что это не такъ. „Онъ радъ былъ отдыху, радъ былъ волѣ, радъ былъ своему здоровью, своей близости къ землѣ... Онъ никого не любилъ, ему не встрѣчалось женщины, которая приковала бы его вниманіе. Жизнь пріучила его пользоваться доступнымъ и легко забывать доступное. Онъ относился къ женщинамъ пренебрежительно, какъ къ существамъ низшимъ, да, по правдѣ говоря, онѣ большаго не стоили—тѣ изъ нихъ, съ которыми его сталкивала судьба". Но ни теоретическихъ, ни эстетическихъ, ни общественныхъ интересовъ молодой гусаръ не имѣетъ, и любовь объемлетъ весь міръ его переживаній: отъ стихійной физіологіи до нѣжной грезы и грустной мысли о любви возвышенной, мелькнувшей и утраченной. Съ предметомъ этой былой любви онъ встрѣчается здѣсь. Выданная за грубаго дѣльца, распутника и пріобрѣтателя, нѣкогда любимая Галдинымъ дѣвушка оказывается его сосѣдкой по имѣнію. Они быстро нашли другъ друга, но истерическія радости этой судорожной связи не даютъ ему устойчиваго счастія. Изстрадавшаяся женщина, неуравновѣшенная подъ вліяніемъ патологической наслѣдственности, оказалась не только морфинисткой, но и просто пьяницей, — какъ ни грубо это слово по отношенію къ созданію столь привлекательному и даже возвышенному. Она истерзала молодого человѣка ревностью, сперва безсмысленной, потомъ основательной, и погибла отъ своего порока, — впрочемъ не безъ участія ея родовитаго мужа въ ея внезапной кончинѣ. Галдинъ въ это время уже почувствовалъ, что любитъ не ее, а молодую польку, которая, нелѣпо играя имъ, довела его до того, что онъ — по ея приказу однако — убилъ на дуэли ея жениха. Этимъ, въ сущности, кончается повѣсть; но важно то, что эти внѣшнія перипетіи не передаютъ ея содержанія. Что-то болѣе глу-

бокое, интимное, душевное бьется подъ этими событіями—и читатель не удивленъ, когда въ послѣдней главѣ подводитъ итоги пережитому вмѣстѣ съ героемъ повѣсти. Произошло роковое, произошло неизбѣжное и невозвратное, что такъ или иначе, съ трагедіей или безъ нея происходитъ во всякой ростущей жизни: „Его не томила тоска или разочарованіе — просто онъ уже былъ слишкомъ старъ для этого, душа его состарилась и не могла радоваться уже одному тому, что онъ живетъ. Онъ это созналъ тамъ, въ номерѣ гостиницы, когда сидѣлъ съ паномъ пробощемъ, онъ мгновенно почувствовалъ, что молодость его ушла... Онъ, пожалуй, теперь болѣе любилъ и понималъ людей, но они его не радовали; онъ, пожалуй, попрежнему любилъ жизнь, но онъ уже не видѣлъ въ ней свѣтлой дороги, по которой можно ступать легко, не задумываясь“.

Лирическое впечатлѣніе остается отъ повѣсти,—однако не большое: нельзя сказать, что Григорій Петровичъ Галдинъ стоитъ предъ нами какъ живой, нельзя этого сказать и о прочихъ фигурахъ, его окружающихъ. Какъ часто мы наталкиваемся на это въ современной литературѣ; какъ часто удаются писателямъ архитектура разсказа, его теченіе, его занятность, его лирика—и какъ рѣдко удаются отдѣльныя фигуры! Какъ много выдумки, ума, техники, литературы, и какъ мало стихійнаго дара лѣпки, какъ мало отчетливыхъ, живыхъ человѣческихъ образовъ. Г. Слезкинъ не изъ худшихъ представителей этой современной литературы, разсудительной и безкрылой, но ни ему, ни намъ отъ этого не легче...

А. Туркинъ. Степное. Разсказы. Издательское Т-во Писателей СПБ. 1914. 265 стр. Ц. 1 р. 25 к.

„Степное“ — собственно послѣдняя четверть книги, — этимъ заглавіемъ объединены небольшіе разсказы изъ башкирской жизни. Но мѣстный, областной колоритъ чувствуется и во всѣхъ остальныхъ очеркахъ, сюжеты которыхъ авторъ черпаетъ преимущественно изъ крестьянской жизни. Тутъ—особый крестьянскій укладъ, окраинный, степной, съ „заимками“, необозримыми полями пшеницы, „уремами“ и пр. А на фонѣ этого уклада—самая подлинная, злободневная россійская современность: земельная сумятица въ связи съ указомъ 9-го ноября, административно-ссыльные, пережившіе душевный переломъ, гимназисты-экспропріаторы, исключенные семинаристы-низвергатели устоевъ, становые и урядники, безвозбранно начальствующіе надъ деревней, совѣстливые земскіе начальники, состоящіе подъ подозрѣніемъ, и разнаго званія сонные культурные люди. Изображаетъ ихъ авторъ нѣсколько однотонно и тускло, по установленному какъ бы образцу. Читаешь и думаешь невольно: а вѣдь гдѣ-то уже встрѣ-

чалъ этого симпатичнаго героя—совѣстливаго интеллигента, предающагося тихому запою въ мрачномъ одиночествѣ. Вотъ именно такъ болѣлъ онъ сердцемъ о темнотѣ и безвыходности мужицкой, такъ же распрашивалъ ямщика о жизни и читалъ газету мужичкамъ—правда, не о Государственной Думѣ, какъ сейчасъ. Хочется вѣрить автору, что это—новые, сегодняшніе люди, но ихъ подержанный обликъ и старинная упрощенность положеній родятъ все-таки невольную улыбку недовѣрія. Вотъ передъ нами административно-ссыльный студентъ Адеркасъ, котораго мужики зовутъ Обдергаемъ. За четыре года ссылки онъ такъ сжился съ деревней что не хочетъ разстаться съ нею и послѣ полученія разрѣшенія на выѣздъ.—„Хочу остаться... жить и работать",—говоритъ онъ сестрѣ-акушеркѣ, пріѣхавшей къ нему изъ большого города.—„Это—игра въ народничество",—говоритъ сестра. Но Обдергай протестуетъ:—„Я самъ по рожденію крестьянинъ, для чего мнѣ играть въ данномъ случаѣ. Я хочу только жить и работать... Просто, стать въ ряды и жить"... Не совсѣмъ понятно, въ чемъ именно заключается для него самодовлѣющая лѣпота мужицкой жизни и работы. А ниже выступаетъ то, что именно полагалось въ доброе старое время: Обдергай нуженъ деревнѣ, мужики необыкновенно привязались къ нему, намѣрены даже дать ему надѣлъ. На сходкахъ кричатъ: „пусть Обдергай говоритъ! Послушаемъ Обдергая!" Невольно улыбается читатель: какая милая идиллія! только... чего же смотритъ стражникъ? А Обдергай, уже забывъ о своемъ крестьянскомъ происхожденіи, докладываетъ сестрѣ: „Какая здѣсь огромная школа жизни! У меня раньше, до ссылки, было убогое и жалкое представленіе о мужикѣ. Живутъ, молъ, гдѣ-то тамъ, въ глубинахъ необъятной страны, мужички—непремѣнно всѣ съ бородами и въ лаптяхъ. Ѣдятъ какое-то мѣсиво, смѣшно говорятъ, а весной, на пашнѣ, всѣ въ одинъ голосъ поютъ: Ну, тащися, сивка, пашней-десятиной!" Читаешь и не вѣришь автору, что можетъ существовать такой Обдергай,—неудачное сочиненіе... Но есть уголки жизни, въ которыхъ А. Туркинъ—у себя дома, въ своей сферѣ, и скромное, но несомнѣнное дарованіе его создаетъ яркія, законченныя, незабываемыя фигуры. Таковъ, напримѣръ, разсказъ „Исправникъ". Здѣсь каждая черта, каждый штрихъ дышетъ правдой. Трудно забыть эту великолѣпную уѣздную тюрьму, лукаво-добродушнаго хозяина ея—смотрителя Тозинова, трагикомическую фигуру уѣзднаго исправника Крысина, за растрату попавшаго въ тотъ самый острогъ куда онъ привыкъ самъ отправлять людей. Не менѣе колоритны и разсказы о башкирахъ,—можетъ быть, они—лучшее въ нашей литературѣ изъ этой забытой области наблюденія.

В. Богучарскій. Активное народничество семидесятыхъ годовъ. М. 1912. Стр. 383. Ц. 2 р.

Книга г. Богучарскаго представляетъ собою попытку идейной исторіи „активнаго народничества“ семидесятыхъ годовъ, того „активнаго народничества“, которое нашло себѣ выраженіе въ „движеніи въ народъ“, ставившемъ своею конечною цѣлью переустройство народной жизни путемъ соціальной революціи. Сообразно этой задачѣ авторъ начинаетъ свою книгу съ изображенія идеологіи народничества въ общемъ ея видѣ. Онъ даетъ краткую характеристику движенія въ народъ, отъ нея переходитъ къ опредѣленію источниковъ идей и настроеній активнаго народничества и затѣмъ говоритъ о М. А. Бакунинѣ и „бакунизмѣ“, съ одной стороны, и П. Л. Лавровѣ и „лавризмѣ“, съ другой, стараясь оцѣнить вліяніе этихъ личностей и представленныхъ ими умственныхъ теченій на молодежь семидесятыхъ годовъ. За этими четырьмя главами въ книгѣ г. Богучарскаго слѣдуютъ шесть другихъ, посвященныхъ уже фактическому изложенію революціонно-народническаго движенія. Авторъ прежде всего говоритъ здѣсь о Нечаевѣ и „нечаевщинѣ“, говоритъ, правда, лишь съ тѣмъ, чтобы отмѣтить полную исключительность этого эпизода въ революціонномъ движеніи эпохи. Въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ повѣствуетъ о „чайковцахъ“ и другихъ народническихъ кружкахъ первой половины семидесятыхъ годовъ и о политическихъ процессахъ этой эпохи, о первомъ массовомъ движеніи „въ народъ“ и его послѣдствіяхъ, о возникновеніи общества „Земля и Воля“ и о чигиринскомъ дѣлѣ. Особую главу г. Богучарскій отводитъ отношенію русскихъ соціалистовъ семидесятыхъ годовъ въ революціонному движенію среди балканскихъ славянъ и къ русско-турецкой войнѣ 1877-78 гг. Въ слѣдующей главѣ, являющейся вмѣстѣ съ тѣмъ и заключительною главою всей книги, авторъ говоритъ о процессѣ демонстрантовъ на Казанской площади, о процессахъ „пятидесяти“ и „ста девяносто трехъ“, о дѣлѣ Вѣры Засуличъ, о первыхъ нелегальныхъ журналахъ въ Россіи, о возникновеніи террористическаго направленія, наконецъ, объ идейномъ кризисѣ въ обществѣ „Земля и Воля“ и о распаденіи послѣдняго на „Черный Передѣлъ“ и „Народную Волю“.

Таковы внѣшнія рамки книги г. Богучарскаго. Что касается содержанія, вложеннаго авторомъ въ эти рамки, то оно сильно напоминаетъ по своему характеру предыдущую книгу г. Богучарскаго, которая была посвящена имъ эпохѣ „Народной Воли“ и о которой въ свое время нами данъ былъ отзывъ на страницахъ „Русскаго Богатства“. И въ настоящей книгѣ г. Богучарскаго, подобно тому, какъ это было въ предыдущей, собрано много любопытныхъ и подчасъ мало извѣстныхъ фактовъ и документовъ, благодаря чему она можетъ служить цѣннымъ матеріаломъ для лицъ, интересующихся исторіей той эпохи, къ которой она относится. Но вмѣстѣ съ

тѣмъ и настоящая книга г. Богучарскаго, подобно предыдущей, не можетъ быть признана сколько-нибудь удовлетворительнымъ историческимъ очеркомъ той эпохи, изобразить которую взялся авторъ. Начать съ того, что въ изложеніи г. Богучарскаго совершенно отсутствуетъ безусловно необходимая для выпуклаго историческаго изображенія архитектурная стройность. Авторъ то и дѣло перемежаетъ свое изложеніе отступленіями въ сторону, часто безъ нужды вводитъ въ него много мелочей и вмѣстѣ съ тѣмъ подчасъ не останавливается съ достаточнымъ вниманіемъ на очень важныхъ и серьезныхъ пунктахъ. Этотъ недостатокъ архитектурной стройности пріобрѣтаетъ особенно серьезное значеніе въ книгѣ, имѣющей своею цѣлью изложеніе не столько фактической исторіи опредѣленнаго общественнаго движенія, сколько идейнаго его развитія. Для того, чтобы точно установить отдѣльные фазисы этого развитія, нужно было бы тщательное изслѣдованіе, тонкій и осторожный анализъ историческихъ фактовъ. Но въ книгѣ г. Богучарскаго напрасно искать такого анализа. Онъ замѣняется здѣсь то нагроможденіемъ мелочей, нерѣдко весьма мало связанныхъ съ основною темой автора, то поспѣшными и рискованными утвержденіями, долженствующими служить доказательствомъ впередъ установленныхъ положеній. И это придаетъ крайне ненадежный характеръ всѣмъ выводамъ и построеніямъ г. Богучарскаго, имѣющимъ въ виду идейное развитіе русскаго народничества.

Источники идей и настроеній революціоннаго народничества семидесятыхъ годовъ г. Богучарскій безъ дальнихъ поисковъ открываетъ въ ученіи славянофиловъ и даже Чаадаева. Дѣло оказывается какъ нельзя болѣе просто: славянофилы, а въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ и Чаадаевъ, утверждали, что „путь развитія Россіи иной, нежели путь западный“, но именно „эта-то идея, въ какихъ бы различныхъ облаченіяхъ она впослѣдствіи ни являлась, и заняла одно изъ главныхъ мѣстъ въ міросозерцаніи народниковъ“. Славянофилы видѣли одно изъ главныхъ отличій Россіи отъ Запада въ ея общинномъ строѣ, народники въ свою очередь возлагали извѣстныя упованія на русскую общину,—ясно, слѣдовательно, что соціально-экономическія идеи народничества „влились въ него“ изъ славянофильства (7, 13). Для того, чтобы вывести народничество изъ славянофильства, г. Богучарскому представляется такимъ образомъ вполнѣ достаточнымъ то обстоятельство, что представители обоихъ этихъ теченій говорили объ особомъ пути развитія Россіи. Что подъ этимъ особымъ путемъ каждое изъ названныхъ теченій понимало нѣчто другое, — это въ глазахъ г. Богучарскаго уже не такъ важно и не заслуживаетъ разсмотрѣнія. И, пользуясь тѣмъ же пріемомъ сопоставленія не столько понятій, сколько словъ и терминовъ, вырванныхъ изъ того контекста, въ которомъ только они и получаютъ свою жизненность, г. Богучарскій идетъ еще дальше и выводитъ изъ сла-

вянофильства и бакунинскій анархизмъ. У Константина Аксакова г. Богучарскій нашелъ утвержденіе, что „государство, какъ государство, есть ложь“ и что „славянскіе народы представляютъ намъ иное начало, начало общины“, — и этого оказалось совершенно достаточно, чтобы заключить, что первоисточникомъ анархическихъ идей Бакунина было славянофильство: „Бакунинъ, отбросивши всѣ религіозные корни славянофильскаго анархизма, усвоилъ себѣ вполнѣ сдѣланный изъ нихъ славянофилами выводъ“ (21—23). Правда, ни Константинъ Аксаковъ, ни другіе славянофилы не думали совершенно отрицать государство, а стремились лишь ограничить его, не были, слѣдовательно, анархистами. Но этого г. Богучарскій умудрился не замѣтить—слишкомъ ужь соблазнительна была мысль вывести Бакунина, вмѣстѣ со всѣми другими народниками, прямымъ путемъ изъ славянофильства.

Столь же упрощенно изображаетъ г. Богучарскій и нѣкоторые позднѣйшіе фазисы въ развитіи народничества. Старательно подчеркивая утопическій характеръ изображаемаго движенія, онъ нерѣдко проявляетъ въ этомъ направленіи чрезмѣрное усердіе, недостаточно внимательно вглядываясь въ сложный переплетъ историческихъ фактовъ и порою спокойно отбрасывая тѣ изъ нихъ, которые не укладываются въ его упрощенное построеніе. Стоитъ отмѣтить, напримѣръ, что въ книгѣ, посвященной изложенію идей и судебъ „активнаго народничества“ семидесятыхъ годовъ, почти совершенно отсутствуютъ упоминанія о такомъ журналѣ, какъ „Отечественныя Записки“. Изъ всѣхъ писателей этого журнала авторъ сколько-нибудь подробно говоритъ лишь о Н. К. Михайловскомъ, но и на послѣднемъ онъ останавливается не столько въ видахъ изслѣдованія его взглядовъ и ихъ вліянія, сколько въ цѣляхъ полемики съ нимъ, полемики, мелочно-придирчивой по формѣ и глубоко несправедливой по существу. Благодаря такого рода пріемамъ, связаннымъ съ предвзятостью взгляда автора, внутренняя эволюція революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ разработана въ книгѣ г. Богучарскаго очень слабо и важнѣйшіе въ этомъ отношеніи моменты освѣщены далеко неудовлетворительно. Такъ, подходя къ такому факту, какъ смѣна въ концѣ семидесятыхъ годовъ первоначальнаго аполитизма движенія рѣшительнымъ увлеченіемъ политикой, г. Богучарскій находитъ возможнымъ объяснить эту смѣну лишь посторонними вліяніями и въ этихъ видахъ выдвигаетъ рядъ крайне искусственныхъ соображеній. То обстоятельство, что въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ самой соціалистической литературѣ изъ-подъ пера Н. К. Михайловскаго выходили призывы къ борьбѣ за политическую свободу, для г. Богучарскаго совершенно не представляется въ данномъ случаѣ важнымъ и, упоминая объ этихъ призывахъ, онъ видитъ въ нихъ лишь поводъ къ полемикѣ съ покойнымъ идейнымъ вождемъ русскаго соціализма. Но за то „чрезвычайно важнымъ фактомъ“ въ глазахъ

г. Богучарскаго является то, что въ 1878 г. Желябовъ жилъ одно время въ Одессѣ и что тамже жилъ тогда одинъ южный земецъ, написавшій брошюру „Ближайшія задачи земства“, въ которой выставлялось требованіе учредительнаго собранія. Правда, брошюра эта была напечатана только въ 1883 г. въ Галиціи, а былъ ли знакомъ Желябовъ съ ея авторомъ, остается неизвѣстнымъ, но это нисколько не мѣшаетъ г. Богучарскому на основаніи этого и подобныхъ ему „чрезвычайно важныхъ фактовъ“ придти къ заключенію, что политическія идеи народовольцевъ явились результатомъ проникновенія въ революціонную среду идей кіевскихъ и вообще украинскихъ земцевъ-конституціоналистовъ (324—7, 330—3). Но если въ этомъ случаѣ, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ, объясненія, даваемыя г. Богучарскимъ историческимъ фактамъ, не выдерживаютъ самой снисходительной критики, то все же его книга, повторяемъ, заслуживаетъ извѣстнаго вниманія со стороны читателей въ виду собраннаго въ ней интереснаго матеріала, болѣе удачной обработки котораго приходится ожидать уже отъ другихъ изслѣдователей, болѣе способныхъ считаться съ требованіями исторической работы.

К. Н. Михайловъ. Императоръ Александръ I — Старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ. Историческое изслѣдованіе. Съ иллюстраціями. СПБ. 1914. Стр. 295. Ц. 1 р. 50 к.

„Историческое изслѣдованіе“ г. Михайлова имѣетъ своей задачей установить тожество извѣстнаго сибирскаго „старца“ Федора Кузьмича съ имп. Александромъ I. Такая задача сама по себѣ является уже достаточно неблагодарной, но къ этому нужно еще прибавить, что работа г. Михайлова представляетъ собою „изслѣдованіе“ совершенно особаго рода. „Къ настоящему изслѣдованію,— предупреждаетъ самъ его авторъ—кромѣ историко-сравнительнаго и соціологическаго метода, въ широкой степени была примѣнена интуиція, какъ методъ психологіи. Методъ интуиціи весьма помогаетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ точныхъ и неопровержимыхъ данныхъ исторіи“ (61). Въ чемъ именно нашли себѣ примѣненіе въ книгѣ г. Михайлова „историко-сравнительный и соціологическій методъ“, мы не беремся указать, да врядъ-ли указалъ бы это и самъ авторъ книги, пристегнувшій къ ней эти „методы“, надо думать, лишь въ цѣляхъ приданія ей болѣе ученаго вида. Что касается „метода интуиціи“, долженствующаго заполнить собою недостатокъ точныхъ и неопровержимыхъ данныхъ, то этимъ методомъ авторъ пользуется, дѣйствительно, крайне широко, понимая его при этомъ весьма своеобразно. Читатель найдетъ въ книгѣ г. Михайлова, съ одной стороны, безпрерывныя увѣренія автора въ томъ, что онъ еще съ гимназическаго возраста безусловно убѣ-

жденъ въ тожествѣ Федора Кузьмича съ Александромъ I, съ другой—подробный разсказъ о такихъ сценахъ изъ жизни Александра, о какихъ не говоритъ намъ ни одинъ источникъ того времени. Если отбросить эти результаты примѣненія „метода интуиціи", то остальное содержаніе книги г. Михайлова сведется къ ряду произвольныхъ догадокъ автора и къ его попыткамъ установить существенныя противорѣчія въ показаніяхъ источниковъ объ обстоятельствахъ смерти Александра I въ Таганрогѣ. Чтобы дать читателю возможность оцѣнить достоинство этихъ догадокъ автора и характеръ практикуемой имъ критики источниковъ, достаточно привести два эпизода. При возвращеніи Александра I изъ Крыма въ Таганрогъ фельдъегерь Масковъ, только что присланный изъ Петербурга и ѣхавшій сзади государя, выпалъ изъ своего экипажа и, ударившись головой о кочку, разбился на-смерть. Этотъ случай, казалось бы, очень простой и естественный, представляется г. Михайлову чрезвычайно загадочнымъ, тѣмъ болѣе, что Масковъ былъ лицомъ немного похожъ на Александра. „Психологически возможно, — говоритъ г. Михайловъ — что кучеръ Маскова вывалилъ его и разбилъ на-смерть съ опасностью для собственной жизни *по чьему-нибудь приказу* (курсивъ автора), въ исполненіе чьего-либо неизвѣстнаго таинственнаго плана" (102). Въ дальнѣйшемъ авторъ высказываетъ предположеніе, что такой приказъ исходилъ отъ кн. П. М. Волконскаго, „усердно подготовлявшаго обстановку «смерти» Александра I" (162). Иначе говоря, авторъ предполагаетъ, что Масковъ былъ сознательно убитъ по приказу кн. Волконскаго для того, чтобы стало возможнымъ симулировать смерть Александра, намѣревавшагося такимъ путемъ уйти съ престола въ частную жизнь и въ роли бездомнаго странника искупить грѣхи свои и своего рода. И это чудовищное предположеніе г. Михайловъ совершенно серьезно считаетъ „психологически возможнымъ". Не менѣе серьезный характеръ носитъ у г. Михайлова и критика источниковъ. Такъ, напримѣръ, авторъ устанавливаетъ вопіющее противорѣчіе въ показаніяхъ лицъ, присутствовавшихъ при смерти Александра I. Въ большинствѣ этихъ показаній—отмѣчаетъ авторъ — смерть Александра относится къ утру 19 ноября, причемъ одни называютъ моментомъ смерти 10 ч. 45 м., другіе 10 ч. 50 м., третьи 11 ч. 55 м. у. „Между тѣмъ — торжествующе указываетъ г. Михайловъ — баронъ Дибичъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ императору Константину Павловичу пишетъ, что Александръ I умеръ 19-го «въ 10 часовъ и 50 пополуночи». Понималъ ли бар. Дибичъ выраженіе «пополуночи», какъ время послѣ полночи, мы не знаемъ, — глубокомысленно прибавляетъ авторъ — но должно все же сказать, что у барона своеобразная терминологія въ офиціальномъ донесеніи, наводящая на размышленіе. Возможно, что государь и не умеръ утромъ 19-го ноября 1825 г., а умеръ въ ночь на 19-е?" (151). Такое „размышленіе" возможно, конечно,

только для г. Михайлова, не вполнѣ ясно понимающаго выраженіе „пополуночи“, которое было вполнѣ понятно бар. Дибичу. Идя путемъ подобныхъ догадокъ и размышленій, можно, пожалуй, доказать себѣ все, что угодно, но именно поэтому книга г. Михайлова не доказываетъ ровно ничего и все ея значеніе сводится къ тому, что она можетъ послужить для желающихъ своего рода образцомъ, какъ не слѣдуетъ заниматься исторіей.

О. Пирлингъ. Не умеръ ли католикомъ Александръ I? Историческая загадка. К-во „Современныя Проблемы“. М. 1914. Стр. 136. Ц. 60 к.

Настоящая книжка представляетъ собою русскій переводъ работы, вышедшей изъ-подъ пера извѣстнаго изслѣдователя исторіи отношеній между папской куріей и русскимъ престоломъ, о. Пирлинга, и посвященной разбору преданія о переходѣ имп. Александра I подъ конецъ его жизни въ католичество. Основываясь частью на печатныхъ, частью на архивныхъ источникахъ, о. Пирлингъ чрезвычайно обстоятельно изложилъ въ этой работѣ таинственную исторію посылки Александромъ I въ 1825 г., передъ поѣздкой въ Таганрогъ, генерала Мишо въ Римъ съ спеціальнымъ порученіемъ къ папѣ. По разсказамъ самого Мишо, сохраненнымъ, съ одной стороны, въ средѣ его ближайшихъ родныхъ и знакомыхъ, съ другой — въ средѣ римскаго духовенства, порученіе это заключалось въ томъ, чтобы передать папѣ, что имп. Александръ помышляетъ о присоединеніи къ католичеству и проситъ прислать для переговоровъ по этому поводу довѣренное духовное лицо въ Петербургъ. Успѣху всего этого предпріятія, по мнѣнію Мишо, помѣшала лишь внезапная смерть Александра I въ Таганрогѣ. Фактъ посылки имп. Александромъ въ 1825 г. генерала Мишо въ Римъ и связь этой посылки съ какими-то религіозными вопросами послѣ всѣхъ свидѣтельствъ, собранныхъ въ работѣ Пирлинга, можно считать весьма вѣроятными. Другое дѣло однако точное опредѣленіе характера миссіи Мишо. Самъ Пирлингъ склоненъ и въ этомъ пунктѣ вполнѣ вѣрить сохранившимся разсказамъ Мишо и идетъ даже дальше послѣдняго, давая вѣру еще нѣкоторымъ другимъ свидѣтельствамъ и на основаніи ихъ предполагая, что Александръ I умеръ уже католикомъ. Думается однако, что въ данномъ случаѣ почтенный изслѣдователь слишкомъ мало принялъ во вниманіе мечтательный умъ Александра, чрезвычайно легко соединявшій самыя несовмѣстимыя, казалось бы, идеи и самыя противорѣчивыя рѣшенія, придавая лишь имъ извѣстную неопредѣленность. Врядъ-ли и миссія ген. Мишо въ дѣйствительности носила такой опредѣленный и категорическій характеръ, въ какомъ она представлялась самому ея носителю. Но, какъ бы то ни было, посвященная этой миссіи работа о. Пирлинга и приложенные къ послѣдней доку-

менты въ всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія лицъ, интересующихся личностью Александра I и его эпохой. Надо только сказать, что русскій переводъ этой работы выполненъ крайне неумѣло и далеко не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Объ этомъ тѣмъ болѣе стоитъ пожалѣть, что выпустившее этотъ переводъ книгоиздательство позаботилось запастись отъ Пирлинга исключительнымъ правомъ перевода его работы на русскій языкъ

Бондаренко. В. Н. Очерки финансовой политики кабинета министровъ Анны Іоановны. Москва. 1913. Стр. VIII + 390 + XXI. Цѣна 3 руб.

Авторъ поставилъ себѣ задачей „установить основныя черты финансовой политики кабинета министровъ... въ ихъ проявленіяхъ по наиболѣе главнымъ и крупнымъ частямъ его финансовой дѣятельности". При этомъ для уясненія финансовой политики кабинета министровъ онъ старался установить „преемственную связь ея съ оставленнымъ наслѣдіемъ и съ высшими органами, вѣдавшими финансами до кабинета", а равно опредѣлить „состояніе производительныхъ силъ страны до и при кабинетѣ и мѣры кабинета въ отношеніи ихъ подъема и развитія".

Изъ послѣдняго однако видно, что содержаніе книги шире заглавія. В. Н. Бондаренко не ограничивается выясненіемъ финансовой политики въ эпоху Анны Іоанновны, главнымъ образомъ на основаніи такъ называемыхъ бумагъ кабинета министровъ, а останавливается подробно и на экономическомъ положеніи крестьянъ, на вопросахъ промышленности и торговли, денежнаго обращенія и кредита и т. д.

Извѣстна та характеристика кабинета министровъ и царствованія Анны Іоанновны вообще, которую даетъ въ своей „Русской Исторіи" Ключевскій. „Кабинетъ—не то личная контора императрицы, не то пародія верховнаго тайнаго совѣта: онъ обсуждалъ важнѣйшія дѣла законодательства, а также выписывалъ зайцевъ для двора и пересматривалъ счета за кружева для государыни. Какъ непосредственный безотвѣтственный органъ верховной власти, лишенный всякаго юридическаго облика, кабинетъ путалъ компетенцію и дѣлопроизводство правительственныхъ учрежденій, отражая въ себѣ закулисный умъ своего творца и характеръ темнаго царствованія". Вообще Ключевскій, какъ извѣстно, называетъ царствованіе Анны Ивановны одной изъ наиболѣе мрачныхъ страницъ нашей исторіи; въ частности государственные доходы не возрастали, а скорѣе убавлялись, государственное хозяйство разстраивалось, торговля упала, дворъ же обходился впятеро-вшестеро дороже, чѣмъ при Петрѣ. „При неслыханной роскоши двора, въ казнѣ, писали послы, нѣтъ ни гроша, а потому никому ничего не платятъ".

В. Н. Бондаренко, на основаніи новыхъ изученныхъ имъ документовъ, провѣряетъ высказанный Ключевскимъ взглядъ и въ общемъ, съ частичными лишь добавленіями и поправками, приходитъ къ тому же выводу.

Въ частности онъ подробно останавливается на условіяхъ взысканія недоимокъ или доимокъ, какъ ихъ тогда называли, на той „доимочной облавѣ на народъ, на тѣхъ татарскихъ нашествіяхъ изъ отечественной столицы", которыя были устроены при Аннѣ Ивановнѣ. Авторъ признаетъ, что недоимки выколачивались при посредствѣ гвардейскихъ офицеровъ, которые, правда, не производили сами взысканій, но все же „должны были смотрѣть за сборомъ недоимокъ и понуждать губернаторовъ и воеводъ ко взысканію ихъ". В. Н. Бондаренко обращаетъ вниманіе на то, что „ни въ указахъ императрицы и кабинета гвардейскимъ офицерамъ, ни въ донесеніяхъ гвардейскихъ офицеровъ кабинету ни слова не упоминается ни объ экзекуціяхъ, ни о какихъ бы то ни было репрессивныхъ мѣрахъ со стороны гвардейскихъ офицеровъ по отношенію къ плательщикамъ". Однако, онъ же признаетъ, что „нѣкоторые изъ гвардейскихъ офицеровъ превышали свои полномочія и на практикѣ, какъ офиціально засвидѣтельствовано докладомъ Ушакова, „нашлись въ предерзостяхъ". Возможно — продолжаетъ онъ—что они совершали даже такія насилія и ужасы, которые по справедливости исторія заклеймила эпитетомъ „податного палача". На послѣднее, на обиды и взятки офицеровъ, состоящихъ при сборахъ подушныхъ денегъ, указываетъ и оберъ-прокуроръ сената Масловъ, одинъ изъ немногихъ культурныхъ людей того времени.

Если, такимъ образомъ, подтверждается утвержденіе Ключевскаго, что „любимое дѣтище Петра, цвѣтъ созданнаго имъ войска, гвардеецъ явился жандармомъ и податнымъ палачомъ", то изъ бумагъ кабинета министровъ видно также, что взысканіе недоимокъ производилось съ большой жестокостью („взыскиваютъ жестокимъ правежомъ и бьютъ на правежѣ"). Значительная же часть выколачиваемыхъ такимъ путемъ денегъ затрачивалась на личныя нужды императрицы (на пріобрѣтеніе „алмазныхъ вещей" и т. п.), тогда какъ извѣстный архитекторъ Растрелли вынужденъ былъ ждать въ теченіе 15 лѣтъ уплаты за произведенныя имъ работы, да и тогда ему еще сократили первоначально предположенное вознагражденіе (онъ самъ по своей деликатности не указалъ расцѣнки своего труда). На нужды двора были израсходованы, по мнѣнію автора, и суммы, поступившія къ генералу Волкову изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи вышморочныхъ и отписныхъ имуществъ; поэтому, очевидно, въ бумагахъ кабинета о нихъ никакихъ слѣдовъ не имѣется. Напротивъ, относительно присвоенія доимочныхъ суммъ Бирономъ г. Бондаренко никакихъ данныхъ не нашелъ и свидѣтельство Болтина о томъ, что Биронъ воспользовался большей частью взысканной доимки, онъ признаетъ неправильнымъ.

Положеніе крестьянъ въ эпоху Анны Ивановны характеризуется постояннымъ голодомъ и бѣгствомъ. Оберъ-прокуроръ сената Масловъ, который „неумолимо обличалъ недобросовѣстность и бездѣльничество сильныхъ правителей и самихъ сенаторовъ", представилъ записку, въ которой подробно описалъ бѣдствія крестьянъ и указалъ на причины этого: уплату подушныхъ денегъ за „убылыхъ", обиды и разоренія со стороны офицеровъ при сборѣ подушныхъ денегъ и, наконецъ, то обстоятельство, что „помѣщики, какъ духовные, такъ и свѣтскіе крестьянъ своихъ въ работы употребляли и оброки съ нихъ собирали, кто какъ хотѣлъ въ своей волѣ, а въ нужный случай вспоможенія имъ не чинили".

Масловъ находилъ, что „необходимая нужда требуетъ немедленно о томъ разсуждать и учрежденія во всемъ государствѣ по состоянію мѣстъ учинить, дабы крестьяне знали, гдѣ поскольку доходовъ кому платить и работъ какихъ исправлять, безъ излишняго отягощенія". Учреждено было совѣщаніе для разсмотрѣнія записки Маслова; на разрѣшеніе его было поставлено четыре вопроса, касающихся борьбы съ голодомъ, въ томъ числѣ и вопросъ „объ учрежденіи помѣщиковъ, въ какомъ бы состояніи они деревни свои содержать могли и въ нужный случай крестьянамъ всякое вспоможеніе чинили".

Однако, самъ иниціаторъ совѣщанія Масловъ былъ приглашенъ лишь въ одно засѣданіе и по основному вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ въ журналахъ совѣщанія и вообще въ „бумагахъ" кабинета нѣтъ и помину. Все ограничилось сложеніемъ подушныхъ денегъ за первую половину 1735 г., да рѣшеніемъ вывести экзекуцію. Масловъ вскорѣ умеръ, а на проектѣ его сдѣлана была характерная для насъ и до сихъ поръ помѣтка „обождать". Иначе и быть не могло.

С. М. Дубновъ. Новѣйшая исторія еврейскаго народа (1789 — 1881) Спб. 1914. Стр. 631. Цѣна 3 р. 50 коп.

Эта книга является послѣднимъ томомъ, заканчивающимъ предпринятую авторомъ „Всеобщую исторію евреевъ отъ древнихъ временъ", — первые четыре тома которой охватываютъ періодъ до 1789 года. Авторъ даетъ обширный очеркъ исторіи евреевъ въ періодъ „первой эмансипаціи" (при революціи и Наполеонѣ), затѣмъ исторію послѣдовавшей реакціи 1815—1848 г.г., ознаменовавшей почти полное уничтоженіе достигнутаго было улучшенія въ участи еврейства—въ Германіи, Австріи и т. п. Затѣмъ онъ характеризуетъ эпоху „второй"—и уже болѣе прочной для западныхъ странъ—эмансипаціи (1848—1881 г.г.). Авторъ разсматриваетъ съ интересующей его точки зрѣнія всѣ страны Зап. Европы,—и посвящаетъ особыя обширныя главы судьбамъ еврейства въ Россіи. Онъ располагаетъ большими познаніями по своей спеціальности, обладаетъ,

безспорно, систематическимъ умомъ, навыки его мысли — строго научны. Его любовь къ многострадальному народу, исторію котораго онъ пишетъ,—несомнѣнна, но она его не ослѣпляетъ и не лишаетъ первой добродѣтели историка—безпристрастія. Слогъ его, при этомъ,—весьма живой и безукоризненно литературный. Всѣ эти качества обезпечиваютъ за книгою С. М. Дубнова право на признаніе со стороны историковъ и на успѣхъ среди читателей.

Въ такомъ обширномъ по размѣрамъ и общемъ по темѣ историческомъ трудѣ не могло, разумѣется, обойтись безъ кое-какихъ недосмотровъ и погрѣшностей. Въ краткой рецензіи неумѣстно давать исчерпывающее ихъ перечисленіе. Ограничимся лишь очень немногими указаніями.

На стр. 19—20 авторъ, описывая положеніе евреевъ въ Венгріи въ концѣ XVIII в., не говоритъ ничего о такихъ существенныхъ сторонахъ дѣла, какъ воспрещеніе евреямъ заниматься торговлею нѣкоторыми товарами (селитрою и порохомъ), воспрещеніе имъ селиться и торговать въ Штиріи и Каринтіи, повышеніе на 150% налога (спеціально съ евреевъ взимавшагося, такъ наз. Toleranztaxe). На стр. 86 читаемъ: „Послѣ взятія Газы и Яффы... Бонапартъ обнародовалъ воззваніе къ азіатскимъ и африканскимъ евреямъ, въ которомъ предлагалъ имъ оказывать помощь французскому войску, обѣщая возстановить древній Іерусалимъ... Евреи не откликнулись на зовъ Наполеона и остались вѣрными турецкому правительству". Это—ошибка. Евреи откликнулись, и очень многіе изъ нихъ служили въ такъ назыв. туземныхъ баталіонахъ Бонапарта, образованныхъ имъ во время похода въ Сирію. На стр. 150—153 разсказывается объ участи евреевъ въ Вестфальскомъ королевствѣ,—но ничего не сказано о Ганноверѣ, который, какъ извѣстно, вошелъ впослѣдствіе въ составъ Вестфальскаго королевства,—и еврейскія общины Ганновера, особенно жестоко задавленныя при старомъ режимѣ, именно поэтому болѣе всѣхъ другихъ еврейскихъ общинъ почувствовали измѣненія въ своей судьбѣ. На стр. 156 оккупація французскими войсками Гамбурга отнесена къ 1810 году, тогда какъ она произошла еще въ ноябрѣ 1806 г., и уже съ 1807 г. гамбургскіе евреи фактически были совершенно эмансипированы. На стр. 292 авторъ сообщаетъ, что съ 1835 г. Гейгеръ издавалъ Wissenschaftliche Zeitschrift für jüdische Theologie; но онъ забываетъ прибавить, что журналъ прекратился на пятомъ выпускѣ въ 1844 году, и вообще имѣлъ чрезвычайно ограниченный и условный успѣхъ (только среди еврейскихъ теологовъ, но отнюдь не среди широкихъ слоевъ еврейскаго образованнаго общества въ Германіи), — а это очень слѣдовало бы отмѣтить. На стр. 323 авторъ допускаетъ совершенно неподходящее, намѣренно-унижающее Маркса сопоставленіе: „Такъ стояло еврейство предъ тремя трибуналами: его одновременно судили единомышленники врага церкви—Бауэра, церковника Шталя и соціали-

ста Маркса. Всѣ осудили его на смерть. Еврейство выслушало приговоръ—и пошло своей исторической дорогой". Изъ того, что упорно ненавидѣвшій капиталъ и капиталистовъ Марксъ, ненавидѣлъ также **и еврейскихъ** капиталистовъ, что онъ съ юношескою, двадцатитрехлѣтнею горячностью, сказалъ при этомъ нѣсколько неосторожно обобщающихъ фразъ („каковъ свѣтскій культъ еврея? торгашество"), отнюдь не слѣдуетъ, чтобы позволительно было ставить его на одну доску съ Шталемъ, прислужникомъ и наймитомъ прусской реакціи. Такіе евреи какъ Марксъ—гордость породившаго ихъ народа, а такіе какъ Шталь—позоръ его. Точно также едва-ли много читателей отнесется съ сокрушеніемъ сердечнымъ къ тому факту, что талантливый Исаакъ Дизраэли былъ „плѣнникомъ космополитизма XVIII вѣка" (стр. 452). Въ этихъ словахъ: „плѣнникъ космополитизма"—не чувствуетъ-ли почтенный авторъ нѣкоторой психологической натяжки, надуманности? „Космополитизмъ" обыкновенно бывалъ въ исторіи именно **избавленіемъ** отъ „плѣна", освобожденіемъ отъ узкихъ націоналистическихъ пристрастій.

Есть еще и еще замѣчанія, которыя дѣлаетъ на поляхъ читатель, знакомящійся съ этою хорошею книгою. Но, конечно, эти замѣчанія нисколько не могутъ поколебать общаго, въ высшей степени благопріятнаго впечатлѣнія, которое остается отъ чтенія всего труда. Намъ кажется, что извѣстное вліяніе на С. М. Дубнова (въ смыслѣ расположенія матеріала, иногда въ смыслѣ оцѣнокъ) имѣлъ трехтомный трудъ Мартина Филиппсона (Neueste Geschichte des jüdischen Volkes. Band I—1907, II—1910, III—1911), но общая самостоятельность С. М. Дубнова—несомнѣнна, и цѣлый рядъ вопросовъ онъ освѣщаетъ обстоятельнѣе и располагая большими матеріалами, нежели Филиппсонъ. (Въ приложенной къ русской книгѣ библіографіи мы не нашли упоминанія о Филиппсонѣ, — быть можетъ потому, что авторъ перечисляетъ тамъ лишь болѣе или менѣе монографическую, а не общую литературу. Во всякомъ случаѣ, нужно было сказать о немъ, хотя бы какъ о непосредственномъ предшественникѣ автора по взятой имъ общей темѣ). Вообще, можно привѣтствовать книгу С. М. Дубнова, какъ весьма добросовѣстный, въ высшей степени основательный трудъ, безъ котораго не обойдется, вѣроятно, ни одна сколько-нибудь систематически подбираемая историческая библіотека.

Соломонъ Рейнакъ. „Аполлонъ". История пластическихъ искусствъ. Переводъ съ 6-го французскаго изданія В. Елпатьевскаго и Е. Колышкевича. Изд-ство „Общественная Польза" Спб. 1913. Стр. 326. Ц. 1 руб. 25 коп.

Новый переводъ книги Рейнака даетъ намъ поводъ вернуться къ ея оцѣнкѣ, данной нами по поводу ея перевода, изданнаго „Проблемами эстетики". Она прежде всего очень содержательна.

Авторъ задался цѣлью въ краткомъ очеркѣ въ триста страницъ, испещренныхъ многочисленными иллюстраціями, дать общій очеркъ исторіи искусствъ—архитектуры, скульптуры, живописи—отъ досторическихъ временъ до импрессіонизма и современныхъ исканій. Для всякаго другого эта попытка была бы дерзостью; для Рейнака это лишь смѣлость—и блестяще удавшаяся. Очень извѣстный спеціалистъ-археологъ, Рейнакъ никогда и въ своей тѣсной области не замыкался въ сухія рамки спеціальности: у него рядъ капитальныхъ трудовъ и полныхъ блеска статей по археологіи, по античному искусству, по филологіи и по исторіи первобытныхъ и античныхъ религій; особенно его статьи по исторіи религіи (собранныя въ трехъ томахъ подъ названіемъ „Cultes, mythes et religions"), полныя проникновенной глубины и остроумія, заслуживаютъ вниманія болѣе широкаго читателя. Но кромѣ античности, Рейнакъ занимался интересующими его проблемами религіи и искусства также и въ позднѣйшія эпохи; онъ прекрасно владѣетъ своимъ предметомъ на пространствѣ многихъ вѣковъ и, подходя къ современности съ широкими горизонтами историка, онъ понимаетъ современность и ее любитъ. И привлекательность Рейнака, какъ ученаго, состоитъ еще въ томъ, что онъ цѣнитъ широкаго читателя и не отворачивается отъ него. Блестящій стилистъ, владѣющій даромъ образнаго и сжатаго языка, онъ излагаетъ свои мысли такъ, что читать его—наслажденіе. Кромѣ того, результаты своихъ ученыхъ работъ и знаній онъ суммируетъ въ небольшихъ книгахъ, доступныхъ самымъ широкимъ интеллигентнымъ слоямъ. Таковы его „Минерва"—введеніе въ изученіе классиковъ; „Евлалія" — очеркъ греческой филологіи; „Орфей"—замѣчательный очеркъ исторіи религій отъ первобытныхъ временъ до нашихъ дней, Такъ же возникъ „Аполлонъ". Значительность „Аполлона" въ томъ, что во всей книжкѣ нѣтъ ни одного банальнаго слова, ни одного плоскаго мнѣнія—а сколько ихъ можно встрѣтить среди „краткихъ" исторій искусствъ! Рейнакъ менѣе всего педантъ и не выставляетъ своей учености на показъ. Но она чувствуется въ каждой строчкѣ, въ самостоятельности выводовъ, въ смѣлости обобщеній и сближеній, въ насыщенныхъ содержаніемъ характеристикахъ. А прибавленная къ каждой главѣ богатая библіографія своимъ удивительно тактичнымъ и обдуманнымъ выборомъ самаго главнаго и самостоятельнаго изъ необозримой существующей литературы лучше всего свидѣтельствуетъ о солидности знаній автора. Точно такъ же привлекаетъ художественность гл аза автора, его тонкое чувство стиля, не надуманность, а прочувствованность его художественныхъ сужденій. Что онъ мастеръ своего дѣла въ характеристикѣ античнаго искусства—удивляться не приходится. Но нельзя не удивляться, напримѣръ, самостоятельности художественнаго вкуса автора въ его холодно-сдержанной оцѣнкѣ французскаго искусства XVII—XVIII вѣковъ: среди французскихъ цѣнителей искусства

давно, а въ наши дни и вообще по всей Европѣ разлилась волна поклоненія ему. Рейнакъ виртуозъ въ краткихъ характеристикахъ. Какъ необыкновенно хороши, напр., очерки о Веласкезѣ или Рубенсѣ на двухъ страничкахъ! А чего стоитъ его характеристика знаменитыхъ Рубенсовыхъ послѣдователей: „Іордансъ—это Рубенсъ на ярмарочномъ праздникѣ; Ванъ-Дейкъ—это Рубенсъ во время его посольскихъ путешествій"!

Въ книгѣ есть и нѣсколько недостатковъ: такъ, напр., Рейнакъ не хочетъ признать цѣнности Византійскаго искусства, и въ оцѣнкѣ роли и вліянія Византіи на европейское искусство въ средніе вѣка онъ видитъ только ея мертвящіе элементы. Большая работа византинистовъ историковъ искусства за послѣдніе годы показала односторонность и неправильность этого сужденія. Есть и нѣкоторые мелкіе промахи въ книгѣ, но ихъ такъ мало, что можно сказать, что ихъ *нѣтъ*. Боимся только, что, какъ это ни парадоксально звучитъ, *краткій* очеркъ Рейнака иногда дастъ больше спеціалисту, чѣмъ широкому читателю: два слова или три строчки, сказанные о какомъ-нибудь художникѣ или періодѣ, восхитятъ своей мѣткой справедливостью перваго, но будутъ *слишкомъ* кратки для второго.

Помогаютъ чтенію многочисленныя иллюстраціи. Въ прелестномъ французскомъ изданіи онѣ отпечатаны очень хорошо и ихъ недостатокъ только въ миніатюрности: архитектура и скульптура (послѣдняя не всегда) въ этихъ крохотныхъ автотипіяхъ переданы такъ, что получается представленіе объ оригиналахъ, но въ живописи *очень* многое не выдерживаетъ столь сильнаго уменьшенія: всѣ группы и пейзажи пропадаютъ для читателя, не говоря ужъ о монументальныхъ композиціяхъ (напр. Станцы Рафаэля!)

Новый переводъ книги Рейнака также приличенъ и литературенъ, какъ и переводъ г. Самсонова; только правописаніе именъ здѣсь страдаетъ порою (напр., стр. 192 и 325 Перуза вмѣсто Перуджія, стр. 200 Ингресъ вмѣсто Энгръ!); есть и нерусскія выраженія (стр. 231 имажьеры), также какъ и многочисленныя опечатки (стр. 254 Гопа вм. Гойя, стр. 254 Каромосъ Дюронъ вм. Каролюсъ Дюранъ). Непонятно также, почему въ изданіи „Общественной Пользы" выпущена столь цѣнная и именно для русскаго читателя столь важная часть труда Рейнака, какъ библіографія? Вѣдь эта библіографія по своему прекрасному выбору дѣлаетъ настольною даже для спеціалиста, по исторіи искусства книжечку Рейнака, который въ post-scriptum'ѣ къ предисловію—увы, зачѣмъ-то сохраненномъ въ русскомъ переводѣ—говоритъ: „Библіографія доведена до послѣдняго момента"...

Если отъ перевода обратиться къ внѣшности книги, то тутъ надо сказать опредѣленно: книга издана для уровня нынѣшней издательской техники прямо непозволительно. Фирма пользуется

тѣми же клише, что и французское изданіе, но напечатала ихъ на скверной бумагѣ и плохой краской. Другое изданіе, „Современныхъ Проблемъ“, вдвое дороже, но зато гораздо лучше перваго. Правда, и оно *значительно* хуже французскаго, и слишкомъ дешевая бумага смазываетъ очень много автотипій (живопись почти вся пропадаетъ). Но большинство воспроизведеній хоть *напоминаетъ* оригиналы, если и не даетъ настоящаго о нихъ впечатлѣнія. Здѣсь же произведенія искусства не столько воспроизведены, сколько искажены.

Д. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера. Второе, переработанное изданіе. Москва, 1914. Стр. 600. Цѣна 2 р. 75 к.

Эта книга даетъ (въ одномъ томѣ на этотъ разъ) обѣ диссертаціи Д. М. Петрушевскаго, посвященныя крестьянскому возстанію 1381 г. въ Англіи. Трудъ этотъ является обстоятельнымъ изслѣдованіемъ какъ тѣхъ соціально-экономическихъ условій, которыя толкнули часть англійскаго крестьянства на возстаніе, такъ и фактическаго хода самого возстанія. Авторъ выбралъ любопытный моментъ борьбы проникавшаго уже замѣтно въ экономическую жизнь страны денежнаго хозяйства съ отживавшимъ помѣстнымъ экономическимъ строемъ, развитія въ помѣстьѣ арендныхъ отношеній и т. д. Самое возстаніе въ значительной степени явилось реакціей противъ феодальныхъ попытокъ возстановить часто уже выкупленную барщину крѣпостныхъ, вилланов, протестомъ противъ тѣхъ или иныхъ попытокъ реставраціи крѣпостного права. При этомъ роль фактора, ускоряющаго взрывъ, принадлежала знаменитой *Черной смерти*, чумѣ, опустошившей Англію въ срединѣ XIV столѣтія и выдвинувшей съ особенной остротою вопросъ о необходимыхъ для помѣстья рабочихъ рукахъ. Попытки землевладѣльцевъ обезпечить за собою принудительный крестьянскій трудъ, между прочимъ, и вызвали рѣзкій протестъ крестьянства. Несмотря на неудачу движенія Уота Тайлера, затѣвавшаяся реставрація крѣпостныхъ отношеній въ Англіи не осуществилась, денежное хозяйство продолжало развиваться и быстро разрушать соціальные и юридическіе пережитки среднихъ вѣковъ. Всѣ эти факты и соображенія не были, правда, новостью и въ моментъ перваго появленія разбираемой книги, но авторъ самостоятельно на основаніи внимательнаго изученія источниковъ представилъ новыя иллюстраціи къ характеристикѣ изучаемаго имъ историческаго момента. Нельзя не пожалѣть, что книга эта осталась совсѣмъ неизвѣстной западно-европейскимъ ученымъ и не только не вошла въ научный оборотъ, но даже самое упоминаніе имени Д. М. Петрушевскаго не попадается въ литературѣ предмета, накопившейся за послѣднее десятилѣтіе. *Вторая* часть книги могла бы дать новымъ изслѣдователямъ нѣкоторыя любопытныя ука-

занія и цитаты. Но русскому историку, который желаетъ ознакомить западно-европейскій ученый міръ со своими трудами, приходится прежде всего думать объ ихъ переводѣ на иностранные языки.

Привѣтствуя новое изданіе этого почтеннаго труда, не можемъ не отмѣтить, что авторъ хронологически очень ужь сузилъ свой кругозоръ: вѣдь его интересуетъ возстаніе Тайлера исключительно какъ одинъ изъ симптомовъ того болѣзненнаго, очень сложнаго и многообразнаго хозяйственнаго процесса, который происходилъ въ Англіи (да иного интереса эта вспышка и имѣть не можетъ); но если такъ, то почему онъ ни единымъ словомъ даже *не упомянулъ* о другомъ, хронологически столь близкомъ крестьянскомъ движеніи, такъ называемомъ St. Giles's field rising, 1414 года, охватившемъ громадную территорію? Соціальный смыслъ этого движенія былъ не меньшимъ, нежели соціальный смыслъ движенія Уота Тайлера; а такъ какъ движеніе 1414 г. несравненно менѣе изучено, то и ученая жатва изслѣдователя была бы богаче,— и читатель гораздо яснѣе представлялъ бы себѣ отношенія, царившія въ концѣ XIV и началѣ XV вв., т. е. именно тѣ отношенія, которыя возстаніемъ Тайлера не начались и отнюдь *не кончились.* И это было тѣмъ болѣе заманчиво, что вѣдь въ значительной мѣрѣ территорія бунта 1381 г. совпадаетъ съ территоріей бунта 1414 года. Тѣ же люди, которые побывали подъ знаменемъ Тайлера, видѣли, состарившись, возстаніе 1414 г. часто въ тѣхъ же графствахъ! Съэкономить необходимое мѣсто въ изслѣдованіи было бы возможно, сильно сокративши правильныя, но слишкомъ ужъ извѣстныя разсужденія объ общемъ значеніи натуральнаго хозяйства и связи его съ феодальнымъ строемъ, о зависимости общины отъ сеньера и т. д. Мало того: авторъ ничего не говоритъ даже о тѣхъ вспышкахъ, которыя ужъ непосредственно являются отголосками, послѣдними всплесками движенія Тайлера, — мы имѣемъ въ виду бунтъ 1383 г. въ Эссексѣ (нападеніе на замокъ лорда Арунделя) и еще болѣе обширное возстаніе 1392—1393 гг. въ Чешайрѣ и Іоркшайрѣ. А сколько характернаго хотя бы въ этомъ движеніи 1383 г., съ сожженіями (опять-таки!) мэноріальныхъ документовъ, связывавшихъ крестьянъ! Очень ужь бѣгло, на 4—5 страницахъ, разсказано о парламентѣ 1381 года, столь важномъ въ исторіи ликвидаціи возстанія, причемъ допущена маленькая неточность (стр. 137): „Король даровалъ амнистію всѣмъ, принимавшимъ участіе въ возстаніи, кромѣ жителей Кентербери, Эдмондсбэри, Беверли, Скарборо, Бриджуотера и Кембриджа"... На самомъ дѣлѣ это *палата общинъ* предполагала жестоко наказать (даже поставить внѣ закона) шесть городовъ, а именно *король* избавилъ всѣ перечисленные города (кромѣ *одного* Эдмондсбэри) отъ наказанія, возложивши на нихъ лишь штрафъ. Обзоръ литературы нѣ-

сколько разбросанъ и анализъ современныхъ научныхъ взглядовъ перемѣшивается слишкомъ пестро съ приведеніемъ цитатъ изъ источниковъ; притомъ эти страницы не дополнены критикою позднѣйшихъ (вышедшихъ послѣ перваго изданія разбираемой книги) работъ. Мы не нашли, напр., критики вышедшей въ 1906 г. небольшой, но очень содержательной и вполнѣ самостоятельной книги Ч. Омана (кстати, переведенной въ 1907 г. на русскій языкъ) о „*Великомъ крестьянскомъ возстаніи въ Англіи*", есть и еще пропуски. Интересны и вполнѣ основательны указанія автора на тотъ фактъ, что рабочее законодательство XIV вѣка не было въ точномъ смыслѣ слова исторически-реакціоннымъ явленіемъ, такъ какъ темный рабочій не превращался въ виллана, государство „прикрѣпляло его не къ тому или иному землевладѣльцу, а ко всему землевладѣльческому классу", и, такимъ образомъ, вожделѣнія землевладѣльцевъ не были полностью удовлетворены. Мы бы только сказали, что авторъ нѣсколько произвольно читаетъ въ сердцѣ англійскаго правительства XIV вѣка, когда говоритъ: „воюя *во имя общественной гармоніи и соціальной справедливости* съ злою волею рабочихъ, правительство и не подозрѣвало, что оно выступаетъ противъ цѣлаго общественнаго порядка" и т. д (стр. 482). Уловить въ самомъ дѣлѣ „искренніе" помыслы англійскихъ законодателей XIV вѣка объ этихъ возвышенныхъ цѣляхъ нѣтъ ни малѣйшей возможности. И это произвольное предположеніе авторъ повторяетъ нѣсколько разъ и даже сравниваетъ англійскихъ помѣщиковъ, засѣдавшихъ въ парламентахъ XIV вѣка... съ религіозными фанатиками: „преслѣдуя высшую справедливость, законодательство это приносило ей настоящія человѣческія жертвы, въ своемъ слѣпомъ рвеніи не останавливаясь предъ лишеніемъ всѣхъ человѣческихъ правъ огромнаго большинства населенія, истинной основы того самаго общества, объ огражденіи законныхъ интересовъ всѣхъ членовъ котораго оно такъ искренно заботилось. Невольно вспоминаются костры, на которые католическая церковь массами отправляла своихъ заблудшихъ сыновъ, радѣя о высшихъ интересахъ своихъ пасомыхъ". Это сравненіе нельзя назвать удачнымъ, и гдѣ усмотрѣлъ авторъ „искреннее" радѣніе англійскаго правительства и законодательства о salut public, объ интересахъ „*всѣхъ* членовъ общества",—неизвѣстно. Нѣтъ, правители и законодатели XIV вѣка прекрасно знали, что они дѣлали, и вполнѣ откровенно заботились *исключительно* объ интересахъ землевладѣнія. А что они при этомъ старались бороться съ непреодолимымъ экономическимъ процессомъ, задержать его, повернуть теченіе въ обратную сторону,—то развѣ это одно доказываетъ ихъ искренность и нелицепріятное, но лишь ошибочно направленное стремленіе работать на благо „всего населенія"? Развѣ мало во всемірной исторіи, особенно въ исторіи соціальныхъ и политическихъ реакцій, такихъ случаевъ упорной

борьбы съ цѣлью задержать неизбѣжное? Слишкомъ довѣрчивъ авторъ, если онъ принялъ за чистую монету фразы предисловій къ статутамъ и ордоннансамъ, всѣ эти словесныя фіоритуры и завитушки (а онъ именно *только* на нихъ и основываетъ свое благодушное отношеніе къ мотивамъ творцовъ этихъ свирѣпыхъ законовъ, направленныхъ противъ рабочихъ: ср. стр. 481). Гдѣ же и когда онъ видѣлъ сколько-нибудь серьезно затрагивающій интересы большихъ слоевъ народа законодательный актъ безъ болѣе или менѣе возвышенной и благородной мотивировки, безъ краснорѣчивыхъ указаній на пользу *общую*, а отнюдь не частную? Это—единственный изъ выводовъ автора, который должно признать не отвѣчающимъ дѣйствительности и не имѣющимъ подъ собою *никакой* почвы.

Въ остальномъ—этотъ серьезный историческій трудъ отличается именно проникающей его реальностью научнаго мышленія. Вообще можно только привѣтствовать тотъ фактъ, что большая спеціальная книга по исторіи дождалась у насъ второго изданія, — фактъ рѣдкій и указывающій на количественный ростъ читателя, предъявляющаго повышенныя требованія къ историческому чтенію. Читателю, желающему обстоятельно ознакомиться съ соціально-экономическою исторіею Англіи въ переходный моментъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, въ самомъ дѣлѣ трудно порекомендовать, что либо болѣе подходящее нежели книга Д. М. Петрушевскаго.

О. Д. Хвольсонъ. Принципъ относительности. Общедоступное изложеніе. Второе, пересмотр. изданіе. Спб. 1914. Стр. 61. Ц. 50 к.

Среди многочисленныхъ попытокъ популяризировать „принципъ относительности" брошюра проф. Хвольсона является одной изъ наиболѣе удачныхъ. Конечно, чтеніе этой брошюры требуетъ значительнаго напряженія мысли, но „принципъ относительности" есть ученіе, до такой степени противорѣчащее всѣмъ нашимъ многовѣковымъ представленіямъ, что не только вполнѣ уяснить его себѣ, но даже составить себѣ какое нибудь представленіе о немъ, можно лишь путемъ серьезной умственной работы.

„*Въ настоящее время* (говоритъ проф. Хвольсонъ на стр. 6—7) *мы переживаемъ время ломки стараго научнаго зданія, но такой ломки, которой не знаетъ исторія науки*, и которая по обширности и основательности далеко оставляетъ за собою всѣ прежнія (ломки)... Эта ломка, этотъ неслыханный по своей грандіозности научный переворотъ, прежде всего, тѣмъ замѣчателенъ, что онъ почти одинаково затрагиваетъ всѣ отдѣлы физики... вся физика замѣняется новою. Но это еще не все! Разрушается не только наука, составляющая достояніе сравнительно немногихъ, но въ самомъ корнѣ переиначиваются наиболѣе основныя, элементар-

нѣйшія представленія обыденной жизни, съ которыми мы свыклись съ малолѣтства, которыя казались не подлежащими никакой критикѣ, никакому сомнѣнію. Разрушаются даже такія истины, которыя никогда и никѣмъ не высказывались, не подчеркивались, потому что казалось *самоочевидными*, и потому, что ими *безсознательно* пользовались всѣ и клали ихъ въ основу всевозможныхъ разсужденій. Мы имѣемъ, главнымъ образомъ, въ виду неслыханный, по своей смѣлости и по своей сокрушительной силѣ, взглядъ на понятіе о времени, о длинѣ и о пространствѣ".

Это новое ученіе (возникшее въ 1905 г.) явилось, главнымъ образомъ, результатомъ дѣятельности двухъ крупныхъ умовъ: Эйнштейна и Минковскаго. Минковскій далъ математическую обработку ученію и объединилъ пространство и время, разсматривая время, какъ четвертое измѣреніе пространства.

Исходнымъ пунктомъ для ученія объ относительности явился вопросъ о томъ, существуетъ ли абсолютный покой и абсолютное движеніе. При рѣшеніи этого вопроса приходится прежде всего коснуться вопроса о времени. Вѣковое, безсознательно сложившееся пониманіе времени предполагаетъ, что время всегда и вездѣ течетъ равномѣрно, и что, слѣдовательно, „нѣтъ и, повидимому, не можетъ быть двухъ временъ, которыя въ *различныхъ мѣстностяхъ вселенной* текли бы не одинаково быстро. Тѣсно связаны съ этимъ наши представленія *объ одновременности двухъ событій о „раньше“ и „позже“*, и эти три элементарнѣйшихъ представленія, доступныя ребенку, имѣютъ одинаковый смыслъ, кто и гдѣ бы ими не пользовался. Въ понятіи о времени кроется для насъ нѣчто *абсолютное*, нѣчто вполнѣ *безотносительное*" (стр. 31).

Принципъ относительности отвергаетъ этотъ абсолютный характеръ времени. По ученію Эйнштейна „*никакого абсолютнаго времени не существуетъ*. Каждая изъ двухъ движущихся другъ относительно друга системъ... фактически имѣетъ свое время, воспринимаемое и измѣряемое наблюдателемъ, который въ этой системѣ находится и съ нею движется" (стр. 33).

Такимъ образомъ, такой одновременности, которая имѣла-бы значеніе для всей вселенной не существуетъ. А изъ этого слѣдуетъ, что если два событія происходятъ *одновременно* по счету времени одной системы, то они происходятъ въ различное время по счету времени другой системы. И если по счету времени одной системы одно событіе происходитъ раньше другого, то по счету времени другой системы оно можетъ произойти и позже этого другого.

Оставаясь въ обыденныхъ понятіяхъ, представить себѣ все это необычайно трудно. „*Ни объяснить, ни расчленить* (говоритъ проф. Хвольсонъ на стр. 33) *мы тутъ ничего не можемъ*. Мы можемъ только пригласить нашихъ читателей поработать надъ собою, постараться вникнуть въ эти идеи, настойчиво въ нихъ

вдуматься и всѣми силами постараться отречься отъ обычныхъ и, какъ будто, самоочевидныхъ представленій. Слѣдуетъ, напримѣръ, спросить себя: что это значитъ, если мы утверждаемъ, что событія на землѣ и на Сиріусѣ произошли одновременно? И мы немедленно почувствуемъ, что это вовсе ужъ не такъ просто, какъ оно сперва кажется, и что формулировать эту одновременность, выяснить ея смыслъ довольно мудрено, или даже невозможно".

Даже люди, не особенно хорошо знакомые съ физикой, ясно увидятъ, что такая коренная перемѣна во взглядѣ на время (и пространство) не можетъ не отразиться на всей физикѣ. Проф. Хвольсонъ говоритъ: „Вмѣстѣ съ представленіемъ о пространствѣ и времени измѣнились и понятія о скорости, силѣ и массѣ, оказались невѣрными такія элементарныя вещи., какъ, напр., законъ параллелограмма скоростей" (стр. 8).

Послѣдовательное приложеніе принципа относительности ко всѣмъ областямъ физики и механики ведетъ къ ряду изумительныхъ выводовъ. Возьмемъ, напримѣръ, такой случай. Пароходъ плыветъ вдоль берега, а одинъ изъ пассажировъ этого парохода идетъ по его палубѣ, причемъ направленіе его движенія совпадаетъ съ направленіемъ движенія парохода; спрашивается, съ какой быстротой этотъ пассажиръ движется относительно берега? Согласно старой механикѣ на этотъ вопросъ имѣется весьма простой отвѣтъ: слѣдуетъ сложить скорость движенія парохода со скоростью движенія пассажира по палубѣ и получится скорость движенія этого пассажира относительно берега. Но принципъ относительности приводитъ къ убѣжденію, что этотъ отвѣтъ ошибоченъ! Его отвѣтъ формулируется гораздо сложнѣе.

Мы не будемъ болѣе приводить примѣровъ измѣненія общеустановившихся мнѣній подъ вліяніемъ этого новаго принципа: уже сказаннаго довольно, чтобы дать понятіе о томъ, какая чудовищная революція всего нашего міровоззрѣнія заложена въ этомъ своеобразномъ „принципѣ относительности".

Проф. У. Ф. Баррэтъ. Загадочныя явленія человѣческой психики. Пер. съ англ. М. В. Райхъ подъ ред. Н. Д. Виноградова. Москва. 1914 г., ц. 1 р. 25 к. Стр. VIII+229.

Въ 1882 г. въ Англіи образовалось „Общество Психическаго Изслѣдованія" (Society for Psychical Research"), въ составъ котораго вошло немало лицъ съ крупными научными заслугами. Цѣлью этого „общества" явилось вполнѣ научное изслѣдованіе тѣхъ разнообразныхъ событій, которыя извѣстны подъ названіемъ: „ясновидѣніе", „предчувствіе", „явленіе призраковъ и тѣней" и т. п. Вступленіе въ члены этого общества отнюдь не предполагало непремѣнно вѣры въ реальность этихъ явленій. Какъ это формулировалъ одинъ изъ президентовъ „Общества" Эндрью Лангъ, въ

своей президентской рѣчи, „у общества, какъ таковаго, нѣтъ взглядовъ, вѣрованій, гипотезъ, за исключеніемъ, быть можетъ, мнѣнія, что извѣстныя проблемы представляютъ открытое поле для изслѣдованія; что до настоящаго времени не всѣ способности и силы человѣка были изучены и объяснены, что въ жизни нервовъ и мозга осталось еще много загадочнаго“.

„Общество“ много работало: сверхъ журнала, оно издало еще 25 толстыхъ томовъ своихъ протоколовъ („Proceedings“). Затѣмъ наиболѣе дѣятельные его члены выпустили еще немало отдѣльныхъ сочиненій, изъ которыхъ двухтомная работа Гернея, Майерса и Подмора: „Phantasms of the Living“ („Призраки живыхъ“) имѣется въ сокращенномъ русскомъ переводѣ.

Разбираемая нами книга также принадлежитъ одному изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Общества, члену, бывшему даже его президентомъ.

Въ этой сравнительно небольшой книгѣ дается какъ бы резюме дѣятельности Общества, причемъ это сдѣлано настолько умѣло, что въ Англіи книга Баррэта вошла въ серію „Библіотеки домашняго университета“.

Кто, подобно пишущему эти строки, читалъ „Phantasms of the Living“ и просматривалъ многотомные „Протоколы“ Общества тотъ, думаемъ, имѣетъ право сказать, что, отдавая должное уваженіе научному духу и трудолюбію дѣятелей Общества все-таки, приходится признать, что всѣ ихъ огромныя усилія не дали никакого положительнаго результата, т. е. что они ни мало не сдѣлали болѣе вѣроятной реальность случаевъ ясновидѣнія, предчувствія, явленія тѣней умершихъ людей и т. п.

Въ шестнадцати главахъ своей книги проф. Баррэтъ разсматриваетъ всѣ вопросы, изучаемые Обществомъ: здѣсь говорится не только о „безсознательныхъ мускульныхъ дѣйствіяхъ“, о „передачѣ мыслей“, о „призракахъ живыхъ и мертвыхъ“, о „сновидѣніяхъ и ясновидѣніяхъ“, о „видѣніяхъ при созерцаніи кристалла“, о „созерцаніи безъ глазъ“, но даже и о „безпокойныхъ духахъ—домовыхъ“.

Продѣлки этихъ „домовыхъ“, конечно, поражаютъ своею вульгарностью и безцѣльностью, вродѣ, напр., слѣдующаго: „постельное бѣлье стаскивалось съ кровати, на которой спалъ парень, сама кровать очутилась вдругъ въ серединѣ комнаты, парня же какая-то сила подняла съ постели и осторожно (подозрительная осторожность!—наше замѣчаніе) опустила на полъ“ (стр. 187); или „проволоки отъ звонковъ оказались оторванными, звонки—подвѣшенными у высокаго потолка; они продолжали звонить на виду у сторожившихъ наблюдателей“ (стр. 186); или: „Невидимая сила трижды толкнула меня, одинъ разъ, напримѣръ, въ моей рабочей комнатѣ, второй разъ—на дверь комнаты, выложенной цыновками, и въ третій разъ—на раму двери моего кабинета, когда я входилъ

въ него“ (стр. 185). Самъ авторъ заявляетъ: „несомнѣнно, плутовство, неумѣнье наблюдать, ложное описаніе, заблужденіе и т. п. объясняютъ нѣкоторые случаи, но отнюдь не всѣ“ (стр. 188).

При описаніи всѣхъ подобныхъ явленій авторъ обыкновенно прибавляетъ, что наблюдатели были люди „почтенные“, что они давали показанія „подъ присягой“ и т. п.; но если даже допустить, что люди, считаемые за „почтенныхъ“, не могутъ лгать, и что „подъ присягой“ всегда говорятъ правду—то, все-таки, спрашивается, что значитъ *одна только* добросовѣстность наблюдателей въ такихъ сложныхъ вопросахъ!? Вѣдь при подобныхъ наблюденіяхъ часто достаточно упустить изъ виду самую маленькую подробность, чтобы прійти къ совершенно ложному выводу. Только экспериментъ и правильное повтореніе явленій при вполнѣ опредѣленныхъ условіяхъ могли бы дать гарантію реальности явленій. А вмѣсто этого, что же мы видимъ? Напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ жилъ нѣкій Сандерсъ, обладавшій даромъ ясновидѣнія. И вотъ каковъ одинъ изъ его подвиговъ: одинъ фермеръ потерялъ ключи отъ хлѣбнаго амбара. Фермеръ черезъ знакомаго спрашивалъ ясновидящаго о томъ, гдѣ лежатъ ключи... „Но г. Сандерсъ не обратилъ вниманія“ на этотъ вопросъ. „Однако (продолжаетъ свой разсказъ фермеръ), когда моя младшая сестра въ компаніи съ другими лицами была у него, онъ сказалъ ей, что ключи лежатъ подъ лѣстницей у западной двери моего дома“ (стр. 145). И это, дѣйствительно, оказалось вѣрнымъ.

Здѣсь (не говоря уже о сомнительной роли „младшей сестры“ фермера) насъ не можетъ не удивить то обстоятельство, что ясновидящій размѣнивается на такую мелкую монету. Неужели для его удивительнаго дара не могло бы найтись болѣе важнаго поприща, чѣмъ отыскиваніе копѣечнаго ключа отъ амбара!? И вотъ, когда мы слышимъ, что такой удивительный, чудовищный даръ находитъ лишь такое жалкое примѣненіе, то чувство комическаго является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ услышаннаго разсказа...

А. Левоневскій. Мой ребенокъ. Наблюденія надъ психическимъ развитіемъ мальчика втеченіе первыхъ четырехъ лѣтъ его жизни. Предисл. проф. А. П. Нечаева. Спб. Изд. О. Богдановой. 1914. Стр. 216. Ц. 1 р. 25 к.

Книга эта является попыткою дать описаніе первыхъ лѣтъ жизни ребенка на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ родителями въ непринужденной естественной обстановкѣ его развитія. Авторъ отказывается отъ точнаго экспериментальнаго метода классическихъ трудовъ Прейера и его послѣдователей и, слѣдуя примѣру новѣйшихъ нѣмецкихъ изслѣдователей супруговъ Штернъ, дѣлаетъ объектомъ своихъ наблюденій „повседневную жизнь ребенка...“ или, выражаясь словами Штерновъ, „всю жизнь дѣтской со всѣми ея радостями и печалями“. Къ сожалѣнію, авторъ не уяснилъ себѣ, что по-

добный объектъ наблюденія ставитъ передъ нимъ совершенно иныя задачи, нежели тѣ, которыя преслѣдовались Прейеромъ и его школой; онъ полагаетъ, что, не прибѣгая ни къ экспериментамъ, ни къ схематизаціи наблюденій, въ которыхъ „нѣтъ никакой надобности", и „которыя рѣдко достигаютъ своей цѣли", можно добиться одинаковыхъ съ ними результатовъ. Мы полагаемъ однако, что наука, которая стремится установить опредѣленные точные законы, ни въ коемъ случаѣ не можетъ обойтись безъ примѣненія методовъ, которые разлагаютъ конкретныя явленія на ихъ составные элементы и изучаютъ эти элементы въ ихъ изолированномъ видѣ. Конечно, именно въ силу этого наука не можетъ охватить всей сложной совокупности жизни, которая можетъ быть представлена намъ только въ синтетически-художественномъ изображеніи. Но, отвергая научные методы наблюденій, авторъ вовсе не попытался дать намъ это живое синтетическое изображеніе; онъ не раскрылъ намъ конкретной жизни ребенка во всей ея цѣльности, неразрывности и полнотѣ, не далъ намъ картинъ внутренняго развитія и роста дѣтской души, а разложилъ свои наблюденія по тѣмъ же самымъ формальнымъ схемамъ, отъ которыхъ онъ такъ рѣшительно отказался при производствѣ наблюденій. Подобная схематизація случайныхъ и лишь въ своей живой конкретности интересныхъ явленій могла только разбить эту ихъ живую конкретность, но не могла уничтожить ихъ случайнаго характера и привести къ какимъ бы то ни было общимъ заключеніямъ. Поэтому и всѣ практическіе результаты, на которые указываетъ педагогическій опытъ автора, имѣютъ значеніе только для даннаго конкретнаго случая, но не могутъ быть приняты за общую норму. Можетъ быть, автору и удалось ослабить въ своемъ ребенкѣ чувство страха передъ неосвѣщенной комнатой благодаря тому, что „онъ прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ... взялъ его на руки, внесъ въ комнату и твердымъ голосомъ сказалъ: „видишь, никакихъ букъ тутъ нѣтъ", но едва ли этотъ опытъ достоинъ подражанія, и во многихъ случаяхъ подобныя рѣшительныя мѣры могутъ только рѣшительно запугать болѣе впечатлительныхъ и одаренныхъ болѣе пылкою фантазіей дѣтей. Или, если авторъ думаетъ, что ему удалось создать въ своемъ ребенкѣ эстетическое настроеніе благодаря тому, что онъ обращалъ его вниманіе на то, „какъ красиво выдѣляются темнозеленыя верхушки сосенъ на глубокой синевѣ неба, какъ хорошо пахнетъ нагрѣтою солнцемъ смолою, какъ весело поютъ птички и стрекочутъ кузнечики",—то все же позволительно полагать, что всегда лучше предоставлять ребенка его собственнымъ впечатлѣніямъ и дать ему самому почувствовать красоту природы.

При всемъ томъ нельзя отказать книгѣ г. Левоневскаго въ извѣстномъ интересѣ. Если мысли, высказываемыя авторомъ по поводу тѣхъ или иныхъ затронутыхъ имъ вопросовъ, и ли-

шены оригинальности, то онѣ зато не лишены убѣдительности и, во всякомъ случаѣ, указываютъ на явленія, о которыхъ далеко не мѣшаетъ лишній разъ напомнить. Обращаемъ здѣсь особенное вниманіе родителей и педагоговъ на ту главу, въ которой авторъ, по примѣру Штерновъ, разсматриваетъ вопросъ о дѣтской лжи въ связи съ вопросомъ о воспоминаніяхъ и показаніяхъ дѣтей: она убѣдительно напоминаетъ о томъ, какой тяжкій грѣхъ противъ дѣтской природы совершается во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда дѣтей обвиняютъ во лжи тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло только съ неточностью показаній, вытекающей или изъ ошибокъ памяти или изъ своеобразнаго дѣтскаго представленія о дѣйствительности. Вообще, самый предметъ наблюденій автора самъ по себѣ слишкомъ ужъ живой и лично слишкомъ ему близокъ, и черезъ всѣ рубрики и схемы, въ которыя втиснулъ авторъ свой живой матеріалъ, порою все-таки доносится до насъ свѣжее дуновеніе подлинной дѣтской жизни. Все это позволяетъ намъ раздѣлить надежду автора, что его книга послужитъ и для другихъ родителей и „заставитъ нѣкоторыхъ родителей внимательнѣе заглянуть въ душу ихъ дѣтей“.

Мѣстами въ этой книгѣ нѣсколько непріятно поражаетъ какой-то менторскій тонъ, особенно когда авторъ начинаетъ говорить о превосходствѣ своего воспитательнаго вліянія передъ вліяніемъ бабушки, знакомыхъ и даже матери ребенка. Однако наблюденія его являются „результатомъ совмѣстной работы родителей“, которую авторъ рекомендуетъ при производствѣ подобныхъ наблюденій, причемъ, впрочемъ, мотивируетъ это слѣдующими характерными соображеніями: „съ одной стороны, кто лучше матери можетъ знать и понимать своего ребенка; съ другой стороны, *теоретическія познанія отца* помогаютъ разбираться въ затруднительныхъ случаяхъ“. Авторъ, очевидно, не допускаетъ возможности, чтобы и у матери оказались нужныя „теоретическія познанія“.

Странно также, что авторъ считаетъ допустимымъ употреблять пренебрежительныя прозвища для обозначенія народа; для культурнаго человѣка, какъ извѣстно, существуетъ финскій языкъ, но не существуетъ языка чухонскаго.

Б. Д. Бѣликовъ, фабричный инспекторъ. **Охрана дѣтскаго труда въ Германіи.** СПБ. 1913. Стр. VIII+243. Цѣна 2 руб.

За послѣднее время—говоритъ фабричный инспекторъ Б. Д. Бѣликовъ—„все ярче, все шире вырисовывается тяжелая картина эксплоатаціи дѣтей, все яснѣе становится опасность такой эксплоатаціи, недостаточность дѣйствующаго законодательства и неотложная необходимость широкой законодательной охраны дѣтскаго труда“. Въ цѣляхъ наиболѣе успѣшнаго разрѣшенія этого вопроса авторъ счелъ необходимымъ ознакомленіе съ тѣмъ, что сдѣлано въ этой области въ Германіи, гдѣ въ послѣднее время приняты весьма важныя мѣры по охранѣ дѣтскаго труда.

Зачатки законодательства о трудѣ малолѣтнихъ въ Германіи относятся къ 1839 году, когда въ Пруссіи была запрещена работа дѣтей моложе 9 лѣтъ на фабрикахъ и заводахъ, а для дѣтей моложе 16 лѣтъ былъ установленъ 10-часовой рабочій день и запрещена ночная работа. Въ 1853 г. минимальный возрастъ дѣтей, допускаемыхъ къ работѣ, былъ повышенъ съ 9 до 12 лѣтъ, а наибольшая продолжительность рабочаго времени дѣтей моложе 14 лѣтъ было сокращена съ 10 до 6 часовъ, такъ что 10-часовой день сохранился лишь для подростковъ въ возрастѣ 14—16 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вводилась „тамъ, гдѣ въ этомъ встрѣчается надобность", фабричная инспекція. Въ 1869—71 г.г. эти правила были распространены на всю имперію—они вошли въ германскій промышленный уставъ. Въ 1878 г., не смотря на сильное противодѣйствіе имперскаго правительства, фабричная инспекція была признана обязательной.

Дальнѣйшія мѣропріятія въ области регулированія дѣтскаго труда относятся къ 1890-мъ годамъ. Однако это были лишь частичныя измѣненія; сводились они главнымъ образомъ къ распространенію существовавшихъ уже ранѣе правилъ на нѣкоторыя отрасли домашней промышленности и ремесла (на мастерскія платья и бѣлья, на ремесленныя мастерскія, пользующіяся двигателями); да и вошли въ силу эти постановленія (они содержались въ новеллѣ 1891 г.) главнымъ образомъ лишь въ 1897 и 1901 г.г. Наиболѣе существенное значеніе имѣло постановленіе новеллы 1891 г., согласно которому возрастъ, начиная съ котораго допускается дѣтскій трудъ, повышенъ до 13 лѣтъ; но и дѣти старше 13 лѣтъ допускаются къ работѣ лишь въ томъ случаѣ если они уже окончили свое обученіе.

Это послѣднее постановленіе привело къ тому, что число дѣтей въ возрастѣ 13—14 лѣтъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, сократилось съ 27½ тысячъ въ 1890 г. до 4, 2 тысячъ въ 1894 г. Вообще число дѣтей моложе 14 лѣтъ, занятыхъ на фабрикахъ и въ приравненныхъ къ нимъ предпріятіяхъ, являлось къ началу XX вѣка крайне незначительнымъ, какъ въ силу того, что въ большинствѣ союзныхъ государствъ обязанность посѣщенія дѣтьми народной школы заканчивается лишь къ 14 годамъ, такъ и по той причинѣ, что обязательный для дѣтей до 14 лѣтъ 6-часовой рабочій день требовалъ установленія ради дѣтей особаго распорядка работъ во всемъ заведеніи. Напротивъ, число рабочихъ подростковъ въ возрастѣ 14—16 лѣтъ за 1892—1903 г.г. возрасло болѣе, чѣмъ въ полтора раза; установленный для нихъ 10-часовой рабочій день былъ вполнѣ удобенъ для фабрикантовъ, ибо въ общемъ соотвѣтствовалъ продолжительности рабочаго времени взрослыхъ рабочихъ. Но, несомнѣнно, для подростковъ такой рабочій день чрезмѣрно великъ; пониженіе его сразу вызвало бы сокращеніе числа подростковъ на фабрикахъ и заводахъ.

Однако и въ области труда малолѣтнихъ до 14 лѣтъ далеко не все обстояло благополучно. Уже при обсужденіи закона 1891 г. въ качествѣ аргумента противъ дальнѣйшаго ограниченія фабричнаго труда дѣтей приводилось опасеніе, что всякое ограниченіе вызоветъ переходъ дѣтей въ область ремесла и домашней промышленности. Дѣйствительно, на основаніи анкеты, произведенной въ 1898 году, выяснилось, что законодательное регулированіе труда дѣтей моложе 14 лѣтъ касалось крайне незначительной части работающихъ дѣтей, всего только $1^1/_4$ проц.; въ дѣйствительности этотъ процентъ былъ еще ниже, ибо при исчисленіи его не имѣлись въ виду дѣти, занятыя въ сельскомъ хозяйствѣ. Особенно велико число дѣтей, занятыхъ въ домашней промышленности, именно въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ а также въ древообрабатывающей промышленности и въ производствѣ бѣлья и платья. Не менѣе велико число дѣтей-разносчиковъ, разносящихъ газеты, хлѣбъ, молоко. Въ кустарной промышленности и въ торговлѣ дѣти работаютъ начиная съ 9, иногда и съ 7 лѣтъ. Они правда посѣщаютъ въ то же время и школу, но учителя жалуются на то, что они нерѣдко спятъ на урокахъ съ закрытыми или открытыми глазами, что умственное развитіе и успѣхи ихъ значительно ниже средняго.

Съ этимъ печальнымъ положеніемъ дѣтей, работающихъ внѣ фабрикъ и заводовъ, и вступилъ въ борьбу законъ 30 марта 1903 г. При этомъ выяснилось, что законъ не можетъ ограничиваться тѣми случаями, когда дѣти заняты внѣ семьи въ промышленныхъ предпріятіяхъ, въ качествѣ разносчиковъ и т. д., ибо опытъ показываетъ, что весьма многочисленны семейныя предпріятія, гдѣ работа производится исключительно силами членовъ семьи; необходимо было, слѣдовательно вмѣшательство въ сферу семьи, подчиненіе закону труда не только чужихъ, но и „собственныхъ" дѣтей.

Б. Д. Бѣликовъ подвергаетъ подробному анализу различныя постановленія закона 1903 г. Кореннымъ недостаткомъ этого закона онъ считаетъ неодинаковое отношеніе законодателя къ дѣтямъ чужимъ и собственнымъ: пользованіе трудомъ чужихъ дѣтей связано для работодателя съ гораздо большими ограниченіями. Чужихъ дѣтей онъ можетъ нанимать лишь въ возрастѣ 12 лѣтъ и продолжительность ихъ дневной работы не можетъ превышать трехъ часовъ. Собственныя же дѣти могутъ быть заняты уже съ 10 лѣтъ. Вполнѣ понятно поэтому наблюдаемое на практикѣ стремленіе работодателей переносить работу дѣтей изъ своихъ предпріятій въ мастерскія и квартиры родителей этихъ дѣтей или приравненныхъ къ нимъ лицъ. При этомъ обходъ закона весьма легокъ: достаточно, чтобы родители приняли незначительное участіе во взятой дѣтьми работѣ, какъ работа эта уже перестаетъ считаться ра-

ботой для третьихъ лицъ и открывается полная возможность эксплоатировать дѣтей уже съ десятилѣтняго возраста.

При всемъ томъ, какъ указываетъ авторъ, законъ 1903 г. постепенно обнаруживаетъ свое вліяніе: несмотря на противодѣйствіе со стороны родителей, для которыхъ онъ нерѣдко вызываетъ матеріальный ущербъ, число работающихъ дѣтей въ домашней промышленности, въ качествѣ разносчиковъ и т. д., сильно сокращается. Важную роль въ этомъ отношеніи играетъ то обстоятельство, что въ большинствѣ государствъ надзоръ за выполненіемъ закона возложенъ на учителей, которые наиболѣе близко соприкакаются съ дѣтьми школьнаго возраста. Учителя обязаны, въ случаѣ обнаруженія нарушеній закона, увѣщевать родителей или работодателей; лишь въ томъ случаѣ, если это не достигаетъ цѣли, они сообщаютъ о томъ школьному управленію, а послѣднее промышленной инспекціи.

Къ сожалѣнію, и теперь возникаетъ опасность, какъ бы введеніе законодательной регулировки труда малолѣтнихъ въ одной области не вызвало снова перехода ихъ въ другую, еще свободную отъ законодательныхъ мѣръ сферу—въ сельское хозяйство, гдѣ существуетъ сильный недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Между тѣмъ, хотя въ сельскомъ хозяйствѣ по общему правилу условія труда болѣе благопріятны въ смыслѣ гигіены и т. д. чѣмъ въ промышленности, но все же и тамъ существуютъ работы весьма тяжелыя опасныя и вредныя для здоровья, въ особенности для 8—12 лѣтнихъ дѣтей.

Во всякомъ случаѣ нѣмецкій законъ 1903 г. составляетъ весьма важный шагъ на пути развитія соціальнаго законодательства. Ограниченіе труда собственныхъ дѣтей, регулированіе дѣтскаго труда въ домашней промышленности, въ области разноски товара и т. д. имѣетъ крупное принципіальное значеніе.

Къ сожалѣнію, авторъ, разсматривая законъ 1903 г., какъ и законодательное регулированіе производства въ домашней промышленности закономъ 1911 г. и другія мѣры (промышленное ученичество) не даетъ обзора того, что въ этомъ отношеніи сдѣлано въ другихъ странахъ и какіе тамъ вопросы возникали при введеніи тѣхъ или другихъ мѣръ для защиты дѣтскаго труда. Онъ недостаточно подробно останавливается и на тѣхъ соображеніяхъ, которыя высказывались въ законопроектахъ и во время дебатовъ въ рейхстагѣ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ постановленій.

При всемъ томъ книга его заслуживаетъ безусловно вниманія и представляетъ для насъ интересъ, хотя гораздо болѣе теоретическій, чѣмъ практическій. Отношеніе Госуд. Совѣта къ законопроекту о приказчичьемъ отдыхѣ показываетъ, какъ далеко мы отстали въ этой области не только отъ Германіи съ ея новыми идеями въ сферѣ соціальнаго законодательства, но и отъ другихъ, гораздо менѣе культурныхъ странъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

К. Ѳ. Жаковъ. Какъ жить на свѣтѣ. СПБ. 914. Ц. 10 к.

Л. Д. Хавкина. Нью-Іоркская публичная библіотека. М. 914. Ц. 50 к.

Ахметъ Цаликовъ. Въ горахъ Кавказа. М. 914. Ц. 75 к.

А. А. Алексѣевъ. Финансовыя полномочія англійскаго парламента. СПБ. 914.

Влад. Розенбергъ. Лѣтопись русской печати (1907—1914). М. 914. Ц. 70 к.

Б. Ихшанянъ. Экономическія и общественныя основы армяно-грузинскаго антагонизма. Тифлисъ. 1914. Ц. 40 к.

Сергій Ефремовъ. Шевченко. Збірка. Київ. 914. Ц. 1 р.

И. И. Огіенко. Русское литературное удареніе. Изд. 2-е. Кіевъ. Ц. 50 к.

С. А. Новосельскій. Къ вопросу о пониженіи смертности и рождаемости въ Россіи. СПБ. 914.

А. Климентовъ. Романтизмъ и декадентство. Одесса. 913. Ц. 1 р. 50 к.

В. Ю. Григорьевъ. Современныя условія экономическаго развитія Сибири. Красноярскъ. 1914.

Николай Морозовъ. Пророки. М. 914. Ц. 1 р. 75 к.

Дѣтская энциклопедія. Т. VIII. М. 914.

А. Ф. Андроновъ. Живая работа. В. I. 914. Ц. 75 к.

W. D. Preyer. Die russische Agrarreform. Jena. 914. Ц. 18 марокъ.

Д-ръ Н. А. Вигдорчикъ. Дѣтская смертность среди петербургскихъ рабочихъ. М. 914. Ц. 25 к.

Ал. Лебедевъ. Къ вопросу, что есть право? М. 914. Ц. 25 к.

Ант. Гинкенъ. О чтеніи и книгахъ. В. III. СПБ. 914. Ц. 80 к.

Записка о ритуальныхъ убійствахъ и ея источники. СПБ. 914. Ц. 40 к.

В. М. Мендринъ. Исторія Сіогуната въ Японіи. Нихонъ Гайси. Соч. Рай Дзіо Сисей въ XII книгахъ. Кн. III и IV. Владивостокъ. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

Н. М. Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи. СПБ. 914. Ц. 1 р. 25 к.

Франческо Руфини. Религіозная свобода. Исторія идеи. В. I. СПБ. 914. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека Вольнаго Университета. Атомы и микроорганизмы. I. Проф. И. И. Боргманъ. Атомическія теоріи строенія тѣлъ. II. Проф. С. И. Златогоровъ. Микроорганизмы и ихъ роль въ природѣ. СПБ. 914. Ц. 75 к.

Луи Викгамъ и Поль Дегре. Радій, его примѣненія при леченіи рака. Пер. съ франц. 914. Ц. 75 к.

Н. Шевлягинъ. Вода и ея значеніе для человѣка. СПБ. 914. Ц. 20 к.

Украинскій вопросъ. Изд. ред. „Украинская Жизнь". СПБ. 914. Ц. 75 к.

П. Паскаль. Магнето-химія. Пер. Н. Колосовскій. СПБ. 914. Ц. 80 к.

Дѣло гр. Роникера. Рѣчь пр. пов. М. Л. Гольдштейна. СПБ. 914. Ц. 50 к.

П. Д. Первовъ. Очерки по методикѣ преподаванія латинскаго языка сравнительно съ русскимъ. М. 913. Ц. 3 р. 50 к.

А. Пинкевичъ. Методика начальнаго курса естествовѣдѣнія. СПБ. 914. Ц. 1 р. 25 к.

Толстовскій ежегодникъ 1913 г. СПБ. Ц. 3 р.

„Слово". Сборникъ третій. Кн-во писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Матеріалы по изслѣдованію Енисея въ рыболовномъ отношеніи. В. III. Красноярскъ. 1914.

Труды X-го санитарнаго съѣзда земскихъ врачей Спб. губерніи. 2 тома. СПБ. 913. — Отчеты санитарныхъ врачей Спб. Губ. Земства за 1911 годъ. СПБ. 913.

Подворная перепись Симбирской губ. 1910—11 гг. В. XI.

Статистическое бюро Полтавскаго Губ. Земства. — Третья подворно-хозяйственная земская перепись въ Полтавской губ. 33 выпуска. Полтава. 1913 и 1914 гг.

Кн-во б. М. В. Попова. СПБ. 914.— Дѣло присяжнаго повѣреннаго А. Д. Марголина. Ц. 80 к.—Д-ръ Otto Rank и д-ръ Hanns Sachs. Значенiе психоанализа въ наукахъ о духѣ. Пер. съ нѣмец. Ц. 1 р. 50 к.

Кн-во „Польза" В. Антикъ и Кº. М. 914.—Полина Вальми. Погоня за любовью. Пер. съ франц. Ц. 1 р.— Универсальная библiотека: К. Альмквистъ. Мельница въ Шельвурѣ Ц. 10 к. — Арн. Бенетъ. Святая любовь. Ц. 30 к.—Кнутъ Гамсунъ. Послѣдняя отрада. Ц. 30 к.—Джекъ Лондонъ. Дѣти снѣговъ. Ц. 20 к.— Его же. Красавица Ли-Ванъ. Ц. 10 к.— Е. О'Нейль. Марiя Стюартъ. Ц. 10 к.— В. Реймонтъ. Мечтатель. Ц. 30 к.— Г. Швабъ. Сказанiя о Гераклѣ. Ц. 10 к.

Изд. „Природа" М. 914. — Проф. Р. Бернштейнъ и проф. В. Маркwальцъ. Видимые и невидимые лучи. Пер. съ нѣмец. Ц. 80 к.— Д-ръ Готанъ. Ископаемыя растенiя. Пер. съ нѣм. Ц. 1 руб.

Изд. „Освобожденiе" С. И. Питтель. СПБ. М. 1914. В. В. Рахмановъ. Психологiя, какъ наука о личности. Ц. 80 к.—А. И. Купринъ. Анри Рошфоръ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Ц. 60 к.—Ю. Волинъ. Лицо человѣка. Ц. 1 р. 25 к. — Ал. Будищевъ. Охотница за скальпами. Ц. 1 р. 25 к.—Вл. Ленскiй. Собранiе сочиненiй. Т. VII. Счастье. Ц. 1 р. 25 к.

Кн-во М. и С. Сабашниковыхъ. М. 914.—Вернонъ Ли. Италiя Ц. 1 р. 25 к.—А. Морэ. Цари и боги Египта. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Т-во М. О. Вольфъ. СПБ 914.— Генрихъ Гейне. Книга пѣсенъ. Пер. П. И. Вейнберга и др. Ц. 1 р.— Левъ Радищевъ. Стихи и сказки. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Прибой". СПБ. 914.— Максимъ Горькiй. Вездѣсущiе. Ц. 3 к. Сергѣй Петровъ. Правда и ложь объ евреяхъ. Ц. 7 к.—Подъ ред. Б. Т. Данскаго. Страхованiе рабочихъ въ Россiи и на Западѣ. Т. I. В. III. Ц. 1. 50 к.

Изд. Кн. складъ „Право" СПБ. 914.— Проф. М. И. Фридманъ. Винная монополiя. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. П. И. Люблинскiй. Памяти трехъ русскихъ криминалистовъ: И. Я. Фойницкаго, Д. А. Дриля, Н. Д. Сергѣевскаго. Ц. 1 р.—Г. С. Вольтке. Новый мѣстный судъ. Ц. 1.

Изданiе В. С. Спиридонова. М. 914.— К. И. Добрынинъ. Сокращенный курсъ всеобщей исторiи въ связи съ русской. Ц. 1 р. Его же Новая исторiя. Ц 1 р. — Анат. М. Гусевъ. Сборникъ статей, стихотворенiй и художественныхъ отрывковъ съ планами. 2 Вв. Ц. 1 р. 25 к.—А. А. Морозовъ и В. А. Горбуновъ. Синтаксисъ русскаго языка. Ц. 30 к.— А. И. Никитинъ. Русское правописанiе. 4 книжки. Ц. 95 к.

Кн-во „Прометей". 914.—Иларiй Шадринъ. Сильнѣе смерти. Ц. 1 р. Альфонсъ Додэ. Приключенiя Тартарена. Ц. 50 к.—Р. Киплингъ. Смѣлые мореплаватели. Пер. съ англ. Ц. 1 р.—Л. Н. Андреевъ. Мысль. Современная трагедiя. Ц. 75 к.—Вл. Ладыженскiй. Исторiя русской литературы для школъ и народа. Изд. 3-е. Ц. 60 к. Анри Бергсонъ. Собранiе сочиненiй. Т. 2-й. Непосредственныя данныя сознанiя. Пер. Б. Бычковскаго. Ц. 1 р. 50 к.—Саади. Садъ плодовой. Разсказы и поученiя. Пер. съ персидскаго. Ц. 1 р.

Издат. „Сиринъ". СПБ. 1914.—Θеодоръ Сологубъ. Собранiе сочиненiй. XVII, XVIII и XIX томы. Ц. 5 р. 25 к.—К. Бальмонтъ. Бѣлый зодчiй. Ц. 2 р.

Изд. „Сотрудникъ Школъ". М. 1909—910.—Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Изд. 2-е п.-ред. А. Е. Грузинскаго. 3 тома. Ц. 6 р. 50 к.

Библiотека народной школы.—Ив. Жирковъ. Избранныя русскiя сказки. 5 книжекъ. Для дѣтей. М. 913. Ц. по 20 к. книжка. Θ. Θ. Тютчевъ. Одинъ день на полѣ сраженiя. Ц. 5 к.— В. В. Селивановъ. Годъ русскаго земледѣльца. Ц. 40 к.

Валентинъ Немировъ. Въ саду вечернемъ. Стихи. Парижъ. 914. Ц. 75 к.

Аркадiй Прессъ. Пѣсни. СПБ. Ц. 85 к.

Беранже. Полное собранiе пѣсенъ. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. СПБ. 1914. Ц. 3 р.

Василiй Гайдебуровъ. Красные маки. Стихи. Ц. 35 к.—Его же. Цвѣты надъ обрывомъ. Кн. стих. СПБ. 914. Ц. 1 р.

Семенъ Θоминъ. Пѣсни радости и печали. М. 914. Ц. 25 к.

Рабиндранатъ Тагоръ. Постиженiе жизни. Пер. В. Погосскаго. Ц. 1 р. Его же. Лунный серпъ. Пер.

М. Ликіардопуло. Ц. 50 к. Его же. Садовникъ. Пер. В. Тардова. Ц. 50 к.—Его же. Приношенія въ пѣсняхъ. Ц. 85 к.

Борисъ Олидортъ. Тростниковая флейта. М. 914. Ц. 25 к.

Владиміръ Моровъ. Разсказы. М. 914. Ц. 1 р.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Враги. Т. XI СПБ. 914. Ц. 1 р.

Н. А. Лаппо - Данилевская. Княжна Мара. Романъ. 914. Ц. 1 р. 25 к.

Морисъ Метерлинкъ. Смерть. Пер. съ франц. СПБ. 914. Ц. 1 р. 25 к.

Вл. Войтинскій. Внѣ жизни. СПБ. 914. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія инквизиціи. Т. 3 II. С. Г. Лозинскій. Исторія инквизиціи въ Испаніи. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. 914. Ц. 5 руб.

Дж. Холіокъ. Исторія рочдэльскихъ піонеровъ. М. 914. Ц. 1 р. 50 к.

Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. П. ред. проф. Ѳ. К. Волкова, М. Е. Грушевскаго, М. М. Ковалевскаго, А. Е. Крымскаго, М. И. Туганъ - Барановскаго, академ. Ѳ. Е. Корша и А. А. Шихматова. Т. I. СПБ. 914

С. О. Загорскій. Синдикаты и тресты. СПБ. 914. Ц. 1 р. 85 к.

Современный Римъ. Сборникъ статей. СПБ. 914. Ц. 1 р. 75 к.

Э. Мильо. Общественная экономія. Пер. съ франц. М. 914. Ц. 20 к.

А. Н. Афанасьевъ. Народныя русскія легенды. Изд. „Молодыя силы“. Казань 1914. Ц. 2 р.

Сем. Масловъ. Къ вопросу объ условіяхъ существованія общины. М. 914.

Г. Витгерсъ. Денежный рынокъ. Одесса. 914. Ц. 2 р.

А. Корниловъ. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. III. М. 914. Ц. 1 р. 50 к.

П. Кованько. Реформа 19-го февраля 1861 года и ея послѣдствія съ финансовой точки зрѣнія. Кіевъ. 914. Ц. 3 р. 50 к.

Г. И. Вѣревскій. Математическая психологія. Николаевъ. 914. Ц. 35 к.

А. Давыдовъ. Научныя доказательства нашего личнаго безсмертія. М. 914. Ц. 1 р.

А. Ю. Купаловъ. Литературные конспекты. Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Левъ Толстой. Полтава. 914. Ц. 90 к.

А. М. Евлаховъ. Гдѣ дѣйствительный субъективизмъ и дилетанство. Ц. 20 к.—Его же. Русская литература о западныхъ писателяхъ. Варшава 914. Ц. 30 к.

Е. П. Радинъ, д-ръ. Футуризмъ и безуміе. СПБ. 914. Ц. 50 к.

В. А. Гурко. Бѣлая опасность. Востокъ и Западъ. М. 914.

Т. А. Сухаревъ. Развитіе національнаго самосознанія въ древней Руси. Раненбургъ. 914. Ц. 1 р.

Гр. Ф. де-ла-Бартъ. Литературное движеніе на Западѣ въ первой трети XIX ст. М. 914. Ц. 1 р. 50 к.

Жюль Мелинъ. Народъ на землѣ. Автор. перев. М. 914. Ц. 1 р. 25 к.

А. Евдокимовъ. Возрожденіе села и кооперація. М. 914. Ц. 10 к.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала «Русское Богатство».

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу пострадавшихъ отъ урагана: отъ В. М. Мацневой—2 р.

Въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія въ Сибири: В. М. Мацневой—10 руб.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: отъ А. Н. Ш.—6 р.; отъ Г. П.—8 р.

Итого . . . 14 р.

Редакторъ А. Ѳ. Родіонова. Издатель В. Г. Короленко.

8/об

СОБСТВЕННЫЙ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАРАЖЪ.

17 Марта 1914 г.
№ 222.

г. Царское Село.

На № 475.

Анонимному О-ву Автомобилей Пежо.

Управленіе Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Гаража имѣетъ честь увѣдомить Васъ, что пріобрѣтенные, на выставкѣ въ 1913 году два автомобиля, одинъ типа 148 съ кузовомъ Лимузинъ, Кельнера и другой типа 145 Спортъ, оказались, во всѣхъ отношеніяхъ, превосходными.

За Инспектора Гаража,
ВЫСОЧАЙШАГО Двора
Гофмейстеръ [подпись]

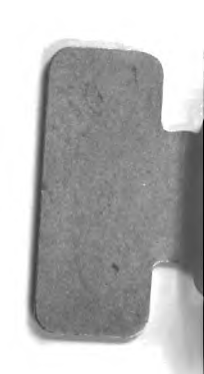
ОТЗЫВЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГАРАЖА

объ автомобиляхъ „ПЕЖО"

СКЛАДЫ:

Москва, Мясницкая 45.
Кіевъ, Крещатикъ 22.
Харьковъ, Торговая пл. 16.
Екатеринославъ, Проспектъ 116.
Ростовъ на Дону, Большая Садовая 83.
Варшава, Новый Свѣтъ 72.
Одесса, Екатеринославская, уг. Греческой.

Тип. Спб. Акц. Общ. „СЛОВО". Ул. Жуковскаго, № 21—23. соб. д.



PAGE NOT AVAILABLE